

ISSN 0370-2071

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПУШКИН

ИССЛЕДОВА-
НИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

XVIII—XIX

XVIII—
XIX

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

ТОМ
XVIII—XIX

ПУШКИН И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

МАТЕРИАЛЫ К «ПУШКИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2004

Пушкинский кабинет ИРЛИ

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2 Рос-Рус) 1
П 91

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
«ПУШКИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

М. Н. Виролайнен, О. С. Муравьева, В. Д. Рак,
Н. Н. Скотов (главный редактор), *И. С. Чистова* (зам. главного редактора)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. Д. Рак

РЕЦЕНЗЕНТ
И. С. Чистова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-04-16078д*

ТП-2004-П-201
ISBN 5-02-026977-8

© Коллектив авторов, 2004
© Российская Академия наук и издательство
«Наука», серия «Пушкин. Исследования и
материалы» (разработка, оформление),
1956 (год основания), 2004

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередном, сдвоенном (восемнадцатом-девятнадцатом), томе серийного издания «Пушкин: Исследования и материалы» публикуются статьи, подготовленные для «Пушкинской энциклопедии» по разделу «Пушкин и мировая литература».

За полтора века своего существования пушкиноведение накопило обширный материал о восприятии Пушкиным зарубежных литератур, творчества многих иностранных писателей разных эпох и народов, отдельных произведений, тем, сюжетов и образов; но в большей своей части этот богатейший фонд сведений остается несистематизированным и рассыпанным в десятках, если не сотнях всевозможных публикаций — монографий, статей, заметок. Обобщающих работ в этой отрасли пушкиноведения насчитываются лишь единицы (труды Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, М. Н. Розанова), и все они были созданы более шестидесяти, некоторые даже и семидесяти лет назад. Сложившееся положение явилось следствием в первую очередь учиненного в 1940-е годы погрома отечественной компаративистики (пора наконец лишить этот сугубо научный термин отрицательной идеологической окраски, прилепленной к нему этой разнузданной кампанией) — погрома, после которого она так и не смогла в полную силу восстановиться. Последовавшие десятилетия более спокойного, но все же очень настороженного, подозрительного к ней отношения и предвзятого ожидания от нее всяческих «антипатриотических» выводов и заявлений не могли существенно улучшить ее состояние. Старые ученые, первоклассные мастера сравнительного изучения литератур, уходили со сцены, и передать свой опыт им было почти некому: приходившее им на смену поколение не проявляло энтузиазма трудиться на этой тогда опасной и неблагодарной ниве, да в большинстве своем оно к этому и не было готово вследствие поощрявшегося в советские времена тотального незнания иностранных языков. Лишь небольшая прослойка, сконцентрированная главным образом в Пушкинском Доме, профессионально занималась изучением связей русской литературы с зарубежными — и в «ведении» этой малочисленной группы находился не только Пушкин. В настоящее время компаративистские штудии заброшены во всем мире, вытесненные исследованиями так называемой интертекстуальности. Это течение, докатившееся до нас, как всегда, с опозданием, занимается, если снять с него яркую, нарядную словесную шелуху, повторением грубых, примитивных ошибок старой компаративистики, преодоленных русскими учеными еще в 1920—1930-е гг. В этой обстановке нельзя ожидать появле-

ния фундаментальных, объективных и спокойных научных трудов по теме «Пушкин и мировая литература», оно станет возможным и, будем надеяться, осуществится, когда пройдет модное увлечение и какое-то из следующих поколений литературоведов осознает необходимость и почувствует потребность возрождения, на новой, разумеется, основе, но с освоением всех плодотворных традиций, подлинного, научного сравнительного изучения литературы.

Начиная работу над разделом «Пушкин и мировая литература» авторский коллектив поставил себе целью восполнить, насколько это возможно в специфических рамках энциклопедического издания, отсутствие современных капитальных трудов по этой теме и тем самым не только удовлетворить интересы и нужды разнородного круга читателей и специалистов, но также создать базу данных и стартовую основу для тех будущих исследователей, которые примут на себя благородную задачу написать такие фундаментальные работы. Поскольку в этом отношении возможности издания, рассчитанного на широкую аудиторию, по необходимости ограничены, особенно в части библиографии, долженствующей быть рекомендательной, редакционная коллегия «Пушкинской энциклопедии» сочла целесообразным выпустить отдельным томом расширенный вариант раздела, который дал бы более детальную картину знаний и сведений в этой сфере пушкиноведения.

В статьях, расположенных в алфавитном порядке фамилий зарубежных писателей и названий тем, собран полный свод фактов и сведений об обращении Пушкина к творчеству иностранных авторов (прямые и скрытые цитаты, упоминания, реминисценции, использование тем, образов, сюжетов, отзывы, оценки, свидетельства современников и др.), представлены наиболее взвешенные, авторитетные, устоявшиеся объяснения, интерпретации, точки зрения, притом что освещены и важнейшие, принципиальные разногласия, дискуссионные положения, не нашедшие окончательного или общепризнанного решения. По каждой статье обследован и отражен в максимально полной библиографии весь публиковавшийся материал, не исключая работ, в которых выдвигались не принятые и даже абсурдные гипотезы, предлагались несостоятельные или конъюнктурные, быстро устаревавшие положения и т. п. Тем самым обеспечивается обзор каждого вопроса в исторической перспективе от первой его постановки; но выносить в статьи полемику по каждому случаю несогласия с авторами указанных в разделе «Литература» работ редакция не считала необходимым. Учет поступающей новой литературы закончен 31 марта 2003 г.

Труды Б. В. Томашевского на тему «Пушкин и Франция» остаются до сих пор основополагающими и никем не превзойденными, они широко использованы в публикуемых здесь статьях — и его подпись значится по праву под рядом из них.

Во всех статьях, касающихся французской литературы, непосредственное авторское участие принимал редактор тома.

Редакция надеется на заинтересованное обсуждение публикуемого раздела будущей «Пушкинской энциклопедии» и будет благодарна за все дополнения, замечания, уточнения и исправления.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ

Фамилия и имя (имена) иностранного лица, которому посвящена отдельная статья или который упоминается внутри статьи, приводятся в русском написании, преимущественно в настоящее время употребляемом в авторитетных справочниках и трудах по истории зарубежных литератур. При отсутствии подобного образца транскрипция (транслитерация) основывается на принятых правилах передачи иностранных имен и названий в рус-

ском тексте.¹ В некоторых случаях допущены отступления в пользу русской литературной, в частности пушкиноведческой, традиции (Вальтер Скотт вместо Уолтер Скотт, Кольридж вместо Колридж и др.).

В заголовке статьи или при первом упоминании внутри статьи после русской формы фамилии указывается в скобках иностранная и годы жизни (в заголовке годы жизни — после имени). Имена приводятся только в русском написании.

После основной русской формы иностранной фамилии, выделяемой полиграфически, в заголовке статьи перечисляются в алфавитном порядке употреблявшиеся Пушкиным отличающиеся от нее, например: САУТИ, Сауве, Сове, Соувей, Сутей (Southey) Роберт (1774—1843).

Фамилия писателя приводится в посвященной ему статье полностью только в заголовке, а в тексте заменяется первой буквой (буквами) (Бальзак — Б., Данте — Д., Булвер-Литтон — Б.-Л., но Буало-Депрео — Б. и т. п.). Не сокращаются фамилии, начинающиеся с буквы «П», этот инициал на протяжении всего тома обозначает А. С. Пушкина.

Фамилия иностранного писателя, если ему в данном томе посвящена отдельная статья, выделяется курсивом в тексте других статей при первом упоминании; иностранная форма фамилии и годы жизни в этих случаях не указываются, имя (имена) может опускаться.

Хорошо известные в истории России, в отечественной литературе и литературоведении (в частности, в пушкиноведении) писатели, деятели культуры, театра, искусства, государственные и общественные деятели и пр., лица из пушкинского круга и его знакомые, о которых есть сведения в известном справочнике Л. А. Черейского,² упоминаются в тексте статьи, как правило, без дефиниций и без указания лет жизни, инициалы приводятся обычно только при первом упоминании фамилии в статье. О многих этих лицах предусмотрены статьи в соответствующих томах (разделах) «Пушкинской энциклопедии».

Статья, посвященная иностранному писателю, не имеет целью представить подробную энциклопедическую справку о его жизни и творчестве. Развернуто (в энциклопедическом формате) освещаются лишь те моменты, которые сыграли ту или иную роль в восприятии данного писателя в России, особенно, разумеется, Пушкиным. Все другие сведения и дефиниции (принадлежность к литературе по языковому и государственному признаку («фр. писатель», «англ. поэт» и т. п.), литературное направление, перечисляемые сочинения и др.) выполняют напоминательную функцию.

Основное содержание статьи составляет подробное, по возможности исчерпывающее освещение восприятия Пушкиным творчества и личности иностранного писателя, которому данная статья посвящена. О характере привлекаемого материала и принципах его отбора сказано в редакционном «Предисловии».

В заключающем статью библиографическом разделе «Литература» (Лит.) соблюдается хронологическая последовательность. Переиздания и перепечатки указываются в скобках после первого издания работы. Разные труды одного автора приводятся единым рядом в хронологической последовательности и с внутренней нумерацией; в общем списке этот ряд помещается по году самой ранней работы.

Внутристатейные ссылки приводятся в скобках в следующих формах:

— фамилия автора, если излагаемое мнение составляет все содержание работы, указанной в разделе «Литература»;

¹ Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985.

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / Отв. ред. В. Э. Вацура. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.

ПРЕДИСЛОВИЕ

— фамилия автора и год (или краткое название) в том же случае, когда в разделе «Литература» автор представлен несколькими работами;

— фамилия автора и страницы или фамилия автора, год (краткое название), страницы, если приводится цитата либо излагаемое мнение лишь частично отражает содержание указанной в разделе «Литература» работы;

— полная библиографическая ссылка (с использованием принятых сокращений), если приведенной цитатой или мнением исчерпывается все содержание указанной работы применительно к данной статье и она не включена в раздел «Литература».

В ссылках на «Евгения Онегина» указываются: глава римской цифрой, строфа и стих (отделенный от нее точкой) — арабскими (например: «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа 47, стих 5 — гл. VIII, 47.5).

А

АДДИСОН (Addison) Джозеф (1672—1719), англ. писатель и гос. деятель. Европ. славу А. принесли написанная в строгом соответствии правилам классицизма, исполненная героического, высокого гражданского духа трагедия «Катон» («Cato», 1713) и, еще в большей мере, издававшиеся им совместно с писателем Ричардом Стилем (Steele, 1672—1729) период. листки сатирико-нравоучит. содержания «Болтун» («The Tatler», 1709—1711), «Зритель» («The Spectator», 1711—1712, 1714), «Опекун» («The Guardian», 1713) и др., имевшие целью нравственное воспитание людей, исправление их недостатков и расширение их культурного горизонта средствами ненавязчивого, легко воспринимаемого, разнообразного в своей занимательной форме поучения, мягкой, незлобивой сатиры и юмора. На рус. яз. переводились в XVIII в. гл. обр. очерки и статьи (эссе) из период. листков, на рубеже XVIII—XIX вв. появились стихотв. и прозаич. пер. нескольких ст-ний А. и трагедии «Катон» (СПб., 1804, проза). Объем и характер непосредственного знакомства П. с творческим наследием А. не поддается установлению, но вполне вероятно, что если не почти исключительно, то в очень большой степени представление поэта об этом англ. писателе сложилось из отзывов и оценок в разл. ист.-лит. трудах. Упоминания А. у П. немногочисленны и очень общие. Антономасия «Аддисоны» (Акад. XI, 26, 281), употребленная в наброске «〈Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов〉» (1825) и в предположительно приписываемой П. заметке «Когда Макферсон...» (ЖГ. 1830. 21 янв. № 5. С. 40), опиралась на представление об А.-критике, авторе статей о «Потерянном рае» *Д. Мильтона* (The Spectator. 1712. Jan. 5, 12, 19, 26; Feb. 2, 9, 16, 23; March 1, 8, 15, 22, 29; April 5, 12, 19, 26; May 3. № 267, 273, 279, 285, 291, 297, 303, 309, 315, 321, 327, 333, 339, 345, 351, 357, 363, 369) и об «удовольствиях воображения» (The Spectator. 1712. June 2—July 3. № 411—421). В том же «〈Возражении на статью А. Бестужева...〉» и тематически с ним связанном письме П. к А. А. Бестужеву (конец мая—нач. июня 1825) А. упомянут вместе с Александром Попом (Pope, 1688—1744) как поэт, чье творчество знаменовало собою господство в англ. поэзии классицизма, представлявшего более низкую ее ступень развития по сравнению с предшествовавшим «романтизмом» *Шекспира* и *Д. Мильтона* (Акад. XI, 25; XIII, 177).

В. Д. Рак

АЛЬФЬЕРИ, Альфиери (Alfieri) Витторио, граф д'Асти (1749—1803), ит. поэт, драматург-трагик, полит. писатель. Новаторство трагедий А., построенных в соответствии с принципами фр. классицизма, заключалось в предельной концентрации драматич. действия, устранении второстепенных персонажей и эпизодов, что приводило к неизвестной ранее ит. театру крат-

кости текста пьесы. А. выработал напряженный, лаконичный, экспрессивный драматич. стих, отличающийся как от эпического, так и лирического ит. стиха обилием инверсий, переносов, ритмической затрудненностью и ораторской интонацией. Гражд. звучание и тираноборческий пафос творчества А., выраженные в его трагедиях и трактатах «О тирании» («Della tirannide», 1777), «О государе и словесности» («Del principe e delle lettere», 1784), а также в автобиографии («Vita di Vittorio Alfieri d'Asti scritta da esso», 1803) и ряде ст-ний, обусловили его популярность в среде ит. якобинцев и карбонариев. А. был любимым писателем Байрона, его драматургия оказала влияние на театр. соч. англ. поэта. Автобиография А. является одним из характерных документов эпохи, конструирующих романтический характер со свойственными ему устремлениями к личной независимости и свободе творчества.

Впервые имя А. упомянуто П. в письме к Л. С. Пушкину от 22—23 апр. 1825: «...хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону» (Акад. XIII, 163). Для А. неизменная на протяжении всей жизни страсть к верховой езде была выражением стремления к личной свободе, о чем неоднократно упоминается в его «Жизни». Интерес П. к творчеству А. возникает в связи с появившейся при работе над «Борисом Годуновым» необходимостью оценить худож. возможности разл. драматургических систем. Возражая А. А. Бестужеву на его тезис о смене первого «века творения и полноты» следующим за ним «веком посредственности, удивления и отчета» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547) как всеобщем законе ист. развития литератур, П. ставит А. в один ряд с великими ит. поэтами прошлого и настоящего (письмо к А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 177; «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“») — Акад. XI, 25). Между тем, к драматургической практике А., основанной на принципах фр. классицизма, П. относится критически. В письме к Н. Н. Раевскому-сыну от второй пол. июля 1825 он отмечает половинчатость новаторства А., к-рый, исключив широко применявшийся в ит. драматургии, но ему казавшиеся неестественными «реплики в сторону», за их счет удлинил не менее неправдоподобные, с точки зрения рус. поэта, одиночные монологи (Акад. XIII, 197, 407; повторено почти дословно в письме к нему же (?) от 30 янв. или 30 июля 1829 — Акад. XIV, 48). Критика драматургии Байрона, включенная в то же письмо, а позднее развернутая в набросках статьи «(О драмах Байрона)», 1827 (Акад. XI, 51) и «(О трагедии Олина „Корсер“»)», 1828 (Акад. XI, 64), косвенно затрагивает и А., поскольку П. называет Байрона его подражателем во всех драмах, за исключением «Манфреда». П. отмечает односторонность и однообразие характеров в драмах Байрона, напряженность и неестественный лаконизм языка. Подобные упреки были адресованы фр. критикой А. Характеристика его драматич. реформы, а также разбор его худож. просчетов содержится в хорошо известной П. книге «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829) швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842). П. отдает предпочтение драматургии Шекспира, предполагающей бóльшую художественную свободу.

В письме к А. А. Дельвигу от нач. февр. 1826 по поводу восстания декабристов П. упоминает трактат А. «О государе и словесности», где развивается мысль о том, что писатель, отстраненный от общественной деятельности, становится склонен к умозрению. В России, по мнению П., сложилась прямо противоположная ситуация и «класс писателей» оказался более склонен к действию, хотя себя самого он причислил к писателям созерцающим, а не действующим (Акад. XIII, 259). Фр. пер. трактата (Paris, 1818) имелся у П. (Библиотека П. № 532). А. изложил в нем свои воззрения на лит-ру и место писателя в об-ве. А. полагает, что изящная словесность явля-

ется высшим родом деятельности, ибо приносит наибольшую пользу об-ву, просвещая и воспитывая граждан. Для худож. творчества писателю необходима полная независимость, социальная и экономическая, дающая ему возможность воспевать гражд. добродетели без оглядки на мнения покровителей или покупателей его продукции. Поэтому писатель должен быть единственным, кто оценивает достоинство его произведений. Эти мысли входят в идеологический фон ряда произв. П.

В лит. полемике П. упоминает также факты из жизни А., с к-рыми мог быть знаком не только по его автобиографии в подлиннике или фр. пер., но и по анекдотическим пересказам в зарубеж. критике. Так в «(Опровержении на критики)» (1830), утверждая необходимость знакомства с живым яз. простонародья, он замечает: «Альфieri изучал итальянский язык на флорентинском базаре» (Акад. XI, 148—149). Пьемонтец по происхождению, А. с детства жил во фр. языковой среде и был вынужден самостоятельно изучать лит. ит. яз., основанный на тосканском наречии, для чего совершил несколько поездок во Флоренцию с намерением использовать все возможности для ознакомления с разговорным языком. Однако в качестве основных источников своих знаний в этой области он называет грамматики, чтение классических ит. авторов XIV—XVI вв. и беседы с учеными, но не флорентинские базары. Это утверждение П. восходит к фразе из романа *J. de Stael* «Коринна, или Италия»: «Alfieri disoit qu'il alloit à Florence, sur le marché public, pour apprendre le bon italien» (*Œuvres complètes de Mme la Baronne de Stael*. Paris, 1820. Т. 8. Р. 337—338; Библиотека П. № 1406; пер.: Альфieri говаривал, что посещал во Флоренции рынок, чтобы научиться чистой итальянской речи). Пассаж об А. в более ранней статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825 (Акад. XI, 34): «В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфieri, пятидесяти лет выучился древнему греческому» — имеет, по-видимому, прямой источник в «Предисловии переводчика» к фр. изд. трактата А. «О государе и словесности»: «Il apprit sa langue qu'il ne possédait point à fond, la langue latine qu'il ignorait entièrement, et a cinquante ans il étudia le grec» (*Du prince et des lettres / Trad. d'Alfieri, par M****. Paris, 1818. Р. VIII — Библиотека П. № 532; пер.: Он освоил родной язык, который знал вовсе не глубоко, латынь, которой не знал вовсе, и в пятьдесят лет стал изучать греческий).

Непосредственное соприкосновение П. с творческой манерой А. происходит в 1827, когда в Михайловском, предположительно в сент.—окт., он переводит стихи из сц. 1 из трагедии «Филипп» («Filippo», публ. 1783) — монолог Изабеллы: «Desio, timor, dubbia ed iniqua speme...» («Из Alfieri»). По мнению П. В. Анненкова, он пользовался при этом прозаическим пер. А. С. Шишкова. Однако 12-й т. «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова», куда входит перевод «Филиппа» (с. 33—121), вышел в 1828 и, следовательно, не мог быть использован П. при работе над пер. Более ранние публикации пер. Шишкова не известны. Экз. т. 12, имевшийся у П., остался неразрезанным (Библиотека П. № 430). П. имел также парижское издание (1825) избр. трагедий А. на ит. яз. в 3 т. (Там же. № 533), где в т. 1 разрезана трагедия «Филипп» и в т. 3 — трагедия «Мирра» («Mirra», 1784). Можно предположить, что именно это изд. видел А. Н. Вульф 15 сент. 1827 на рабочем столе П. в Михайловском (Л. Н. Майков). Пер. П. отличается точная передача смысла, стиля и объема подлинника (пер. длиннее оригинала на одну строку). П. воспроизводит и в нек-ром роде изобличает неестественную напряженность и риторическую холодность стиля А., так что Н. Н. Страхов усмотрел в пер. «нечто напоминающее пародию». Трагедию «Мирра» П. упоминает в статье «(Возражение критикам „Полтавы“)», 1830 (Акад. XI, 164) рядом с «Отелло» Шекспира в качестве примера любви девушки к человеку значительно старше ее, однако пример этот не вполне точен. В основе сюжета «Мирры», заимствованного из «Метаморфоз» *Ови-*

дия (кн. X), лежит кровосмесительная страсть героини к собственному отцу, о к-ром говорится, что он еще молод и помнит о любви.

Дважды П. цитировал полустилише «il gran padre Dante Alighieri» (пер.: Отец великий Данте Алигьери) из сонета А. «Quattro gran vati, ed i maggior son questi...» (1786; пер.: Четверо великих поэтов и величайшие суть...); в первый раз в черн. ред. статьи «(Письмо к издателю „Московского вестника“)», 1828 (Акад. XI, 339) и во второй — в измененном виде, в подписи к полушутливому автопортрету в лавровом венке (1835—1836) (ПД 1732, л. 59), стилизованному под Данте, в лавровом венке, с надписью: «il gran padre A. P.». Имена Данте и А. были связаны с именем П. также в комплименте, включенном ит. переводчиком С. Риччи в письмо к П. от 1 мая 1828, где упоминается анекдотический эпизод из биографии А., якобы трижды бравшегося делать выписки лучших мест из «Божественной комедии» и трижды переписывавшего ее целиком (Акад. XIV, 16).

Лит.: Анненков. Материалы. С. 341—342 (То же // Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 316—317); Страхов Н. Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев, 1897. С. 54; Майков. Пушкин. С. 176—177; Розанов М. Н. Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 337—344; Полуяхтова И. К. Альфьери и Байрон // Учен. зап. Бурятского гос. пед. ин-та. Вып. 23. Ист.-филол. сер. Улан-Удэ, 1961. С. 184—186; Picchio R. (Пиккьо Р.). 1) On Russian Romantic Poetry of Pushkin's Era // Études slaves et est-européennes. Montréal, 1971. Vol. 16. P. 16—30; 2) «Аргивяне» В. К. Кюхельбекера и Витторио Альфьери // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 270—271.

А. О. Дёмин

АНАКРЕОНТ, Анакреон (Ἀνακρέων, VI в. до н. э.), греч. лирик, уроженец ионийского г. Теоса (Малая Азия), прославившийся как жизнелюбивый (даже в глубокой старости) певец чувственной любви, пиршеств и вина, чьи ст-ния отличаются легкостью, изяществом и веселым, игровым эротизмом. А. положил начало многовековой лит. традиции, получившей название анакреонтич. поэзии, главными темами к-рой всегда были свободомыслие, беспечность, земные радости, любовь, вино. Большое влияние на европ. анакреонтич. поэзию, процветавшую в XVI—XVIII вв., оказал позднеантич. сб. «Анакреонтика» (τὰ Ἀνακρεόντεα, состоявший из ст-ний, написанных в подражание А., позднее приписанных ему и долгое время считавшихся его произв. В России анакреонтич. поэзия, воспринятая не только через греч. подлинник и лат. пер., но и через фр. и нем. поэзию, представлена в XVIII—нач. XIX в. именами А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Н. А. Львова, В. В. Капниста, И. И. Мартынова, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и др.

П. усваивал анакреонтич. поэзию через рус. и фр. (в частности, Э.-Д. де Парни) традиции. Анакреонтич. настроениями, выражаемыми посредством общих для анакреонтич. поэзии мотивов и образов (в т. ч. восходящих к произв. ее основателя и сб. «Анакреонтика» — см.: Примечания к текстам стихотворений // Акад.₂ Т. 1. С. 595, 662—663, 725), а также упоминаний (по имени и метонимически: «певец Тиисский», «Теосский мудрец») греч. поэта в качестве учителя, источника вдохновения и образца для подражания, проникнуты мн. ст-ния П. лицейских лет. См.: «Опытность» (1814), «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...») (1814), «Батюшкову» («В пещерах Геликона...») (1815), «Мое завещание. Друзьям» (1815), «Тень Фон-Визина», ст. 292 (1815), «Гроб Анакреона» (1815), «Моему Аристарху» (1815), ст. 98 и след. «К живописцу» (1815; восходит тематически к оде из сб. «Анакреонтика»), «Послание Лиде» (1816), «Фиал Анакреона» (1816). Затрагивая начатую Ломоносовым в «Разговоре с Анакреоном» (1757—1761) тему поэзии нежной и поэзии героической, П. в эти годы выбирает

путь А. («Батюшкову») — нежного поэта, «врага труда, забот, печали» («Моему Аристарху»). «Анакреонтика раннего П. была (...) чем-то большим, нежели просто жанр; она порождала и специфические для нее жанровые образования («сказка» «Амур и Гименей» или «анакреонтическая ода» типа «Гроба Анакреона»). Она наложила свой отпечаток и на дружеское послание» (В. Э. Вацуро).

В оде «Вольность» (1817) П. декларировал отказ от «изнеженной лиры», и действительно А. надолго уходит из его поэзии. Снова обратившись к греч. поэту после длительного перерыва, П. вольно перевел знаменитую оду фракийской кобылице («Кобылица молодая...»), 1828, первая публ. под загл. «Подражание Анакреону»). В черновиках П. сохранились пер. еще трех од, к-рые он все выполнил в один день (6 янв. 1835), намереваясь, видимо, вставить в «(Повесть из римской жизни)» (1833—1835; в набросках повести две из них читает главный персонаж Петроний — Акад. VIII, 388—389): «Ода LVI (Из Анакреона)» («Поредели, побелели...»), «Ода LVII» («Что же сухо в чаше дно?...»), «(Из Анакреона). Отрывок» («Узнают коней ретивых...») — ст-ние из сб. «Анакреонтика», самому А. не принадлежащее. Не зная греч. яз., П. должен был пользоваться переводами-посредниками, в том числе русскими.

В б-ке П. имелись оставленный неразрезанным том соч. А. в подлиннике (Parisii, 1822 — Библиотека П. № 538) и разрезанные частично (с. I—VIII, 96—113) «Стихотворения Анакреона Теосского, переведенные с греч. яз. И. Мартыновым» (2-е изд. СПб., 1829 — Библиотека П. № 5). На разрезанных страницах отсутствуют ст-ния А., переведенные П., но два из них («песни» LVI и LVII) находятся на стыке неразрезанных блоков и могли быть прочтены; однако поскольку третье, переведенное с ними в один день («песнь» LV), не разрезано, П. использовал, вероятно, какой-то другой перевод.

Современники употребляли применительно к П. прономинии «русский Анакреон» (Б. М. Федоров в статье «Письма в Тамбов о новостях русской словесности. Письмо I», 1824; см.: Прижизн. критика, 1820—1827. С. 227), «второй Анакреон» (А. И. Полежаев в ст-нии «Венок на гроб Пушкина», 1837). З. А. Волконская назвала А. в числе поэтов, в к-рых перевоплощался П., всегда притом оставаясь рус. поэтом (письмо к П. от 29 октября 1829 — Акад. XIII, 299, 561).

Лит.: Любомудров С. И. Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901. С. 54—59; Гельд Г. Г. Пушкин и Сафо; Пушкин и Анакреонт: Заметки на полях // Пис. Вып. 38/39. С. 203—204; Holthusen J. Puškin und Gresset: (Bemerkungen zum Problem der Selbstauffassung des Dichters) // Die Welt der Slaven. (Wiesbaden), 1966. Jg. 11. Hf. 1/2. S. 22; Суздальский Ю. П. К вопросу об источниках переводов А. С. Пушкина из Анакреонта // Герценовские чтения (Межвуз. конф.), 20-е. Филол. науки: Программа и краткое содерж. докл.: 13 апреля—27 мая 1967 г. Л., 1967. С. 59—65; Cooper B. Pushkin and the Anacreontea // SEER. 1974. Vol. 52. № 127. P. 182—187; Татионов А. В. Анакреонтика в творчестве Г. Р. Державина и А. С. Пушкина // Державинские чтения: Сб. науч. докл. СПб., 1997. Вып. 1. С. 76—84; Чернышева Л. В. Анакреонтическая поэзия А. С. Пушкина // Два века с Пушкиным: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. 17—18 февраля 1999 г. Ч. 1: Лингвистика. Литературоведение. Оренбург, 1999. С. 166—171; Вацуро В. Э. Лицейское творчество Пушкина // Акад. 2. Т. 1. С. 426—428, 433.

С. Б. Федотова

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Какие-то знания англ. яз. П. приобрел, кажется, еще в детстве, но судить о них нет оснований и возможности, т. к. свидетельства его родных и знакомых обнаруживают в этой части явные ошибки памяти и домыслы, не позволяющие оценить достоверно истинное положение вещей. С. Л. Пушкин писал, что его сын «первое воспитание получил в родительском доме, где учился языкам — русскому, французскому, немецкому и английскому» (Биографическая заметка отца поэта

С. Л. Пушкина / Публ. П. Щ[еголева] // Огонек. 1927. 13 февр. № 7 (203). С. 1) и, «вступив в Лицей, (...) уже этот язык знал, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке» (*Пушкин С. Л.* Замечания на так называемую «биографию Александра Сергеевича Пушкина», помещенную в «Портретной и биографической галлерее» // ОЗ. 1841. Т. 15. № 4. С. II (отд. паг.); Цявловский. Кн. восп. С. 376). Вряд ли эти заявления можно принять в их буквальном смысле; вероятно, С. Л. Пушкин приукрасил ради семейного престижа действительную картину. По воспоминаниям сестры П., когда у нее была гувернантка англичанка «М-ме Бели» (по предположению М. А. Цявловского, родственница Джона Бейли (Bailey), лектора англ. яз. и лит-ры в Моск. ун-те в 1784—1809 — Лет. ГЛМ. С. 460), «он учился и по-английски, но без успеха» (Анн. Т. 1. С. 13; П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 47). Этот эпизод в биографии П. относился к долицейским (1806—15 июля 1811) годам (Летопись. Т. 1. С. 16). Приобретенные в детстве знания были, вероятно, самыми начальными и непрочными, а в Лицее, где англ. яз. не преподавался и отсутствовал в общении, П. должен был их основательно забыть.

Знакомство П. с англ. лит-рой было в эти годы ограниченным и складывалось через фр. и рус. пер., упоминания англ. писателей, отзывы о них и оценки их творчества, отд. прозведений или даже фрагментов из них в лицейском курсе лит-ры, пособиях по лит-ре (прежде всего в «Лицее» *Ж.-Ф. де Лагарпа*), журналах и в произв. и статьях фр. писателей. Творческое влияние проявилось лишь эпизодически в трех ранних (1814) ст-ниях в духе *Оссиана* («Кольна», «Эвлега», «Осгар»), из к-рых первое опиралось на пер. Е. И. Кострова, бывший в это время в Лицее настольной книгой на занятиях Н. Ф. Кошанского, а два других — на «оссианическую» поэму *Э.-Д. де Парни* «Иснель и Аслега». Ироническое отношение к *Д. Мильтону* в поэме «Бова» (1814), ст. 15—19, не было самостоятельной оценкой, но восходило к суждениям *Вольтера* в «Орлеанской девственнице» (песнь XI). В ст-нии «К сестре» (1814), ст. 34, упоминаются *Д. Томсон* и *Т. Грей* как поэты, чьи стихи, посвященные описанию природы, отвечают настроениям чувствительной молодой девушки. Но там, где заходит речь о любимых авторах самого юного поэта («Городок», «Моему Аристарху», «Послание к Ю(дину)», все — 1815), не назван ни один англ. писатель, и это красноречиво говорит об отсутствии у П. в это время творческого интереса к англ. лит-ре.

П. Я. Чаадаев рассказывал, что в послелицейский период (видимо, в 1818—1819) П. для занятий англ. яз. брал у него книгу англ. критика и публициста Уильяма Хэзлитта (Hazlitt, 1778—1830) «Застольные беседы» (Бартенева. О Пушкине. С. 171). Если этот эпизод имел место на самом деле, то Чаадаев ошибся в названии книги (два тома «Table-Talk; or, Original Essays» вышли в 1821—1822, а в его б-ке имелись в парижском изд. 1825, к-рым располагал и П., — Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева / Рос. гос. б-ка; Сост. В. С. Гречанинова и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. № 331; Библиотека П. № 974) и П. брал у него, возможно, сб. того же автора «Круглый стол» («The Round Table; a Collection of Essays on Literature, Men and Manners», 1817. Vol. 1—2; в каталоге б-ки Чаадаева не значится) (Летопись. Т. 1. С. 135, 486). В ст-нии «Деревня» («Приветствую тебя, пустынный уголок...») (1819) предполагаются отзвуки поэмы Оливера Голдсмита (Goldsmith, 1730—1774) «Покинутая деревня» («The Deserted Village», 1770), известной П., возможно, по незавершенному и оставшемуся в рукописи пер. В. А. Жуковского («Опустевшая деревня», 1805), притом что нек-рые детали дают основание подозревать прямое обращение П. к отд. фрагментам подлинника; не исключено, что определенную посредническую роль между П. и этим произв. англ. поэта сыграл Н. И. Тургенев, к-рый мог акцентировать в поэме то, что допускало ее восприятие в антикрепостническом духе. Одним из источников сведений об Англии, и в т. ч. об англ. лит-ре, служили

П. слышанные лично или через посредников рассказы побывавших там рус. людей (Д. П. Северина, К. Н. Батюшкова, П. И. Полетики, Д. Н. Блудова, Н. И. Кривоцова). Несомненно, П. было известно ходившее по рукам среди его друзей рукописное «Письмо об Англии», присланное в 1819 из Лондона С. И. Тургеневым. Увлечение поэзией Байрона, начавшееся в России в 1819, породило в лит. кругах интерес к изучению англ. яз., захвативший в какой-то мере и П. В Гурзуфе (август 1820), а может быть, еще и раньше, на Кавказе, он занимался англ. яз. с Н. Н. Раевским-младшим; они читали, кажется, байроновского «Корсара», прибегая, возможно, в нек-рых затруднительных случаях к помощи Ек. Н. Раевской, о чем до нас дошли очень неопределенные сведения (Бартенев. О Пушкине. С. 150; Анненков. Пушкин. С. 151; Грот. С. 52—53; П. в восп. совр. (1985). Т. 1. С. 220; Недзельский. С. 29—30; Летопись. Т. 1. С. 197). К этому же времени относятся, вероятно, и опыты друзей в переводе отрывков из «Гяура» с англ. на фр., а с него на рус. яз. (Акад. II, 469, 990; ПД, ф. 244, оп. 3, № 38; Рукою П. С. 27—29).

На этот раз обращение П. к англ. подлинникам было недолговременным и осталось без продолжения. В течение след. восьми лет пробудившийся у него интерес к англ. лит-ре, стимулировавшийся в немалой степени растущим к ней вниманием во Франции, удовлетворялся через посредство фр. и рус. пер. и попадавших в его поле зрения на юге и в михайловской ссылке статей во фр. и отеч. периодике, посвященных текущей англ. лит-ре и отд. ее представителям. По этим источникам ему становились известны англ. слова и фразы, изредка употреблявшиеся им в соч. и письмах этих лет. Тем не менее по крайней мере в двух случаях: транскрипция фамилии англ. поэта R. Southey (*P. Сауту*) как «Саувей» с характерной для русских ошибкой в передаче изображаемого на письме сочетанием «th» англ. звука «[ð]» (письмо к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 — Акад. XIII, 40) и «брат Лайон» (письмо к П. А. Вяземскому от 8 или 10 окт. 1824 — Акад. XIII, 111) — можно подозревать воспроизведение англ. произношения; а читая *Шекспира* во фр. пер., П., как можно предположить по нек-рым признакам, держал в руках и подлинник (Пушкин. 1935. Т. 7. С. 489). Но к глубокому изучению англ. яз. он не приступал, хотя и остро чувствовал необходимость им владеть. «Мне нужен англ. (ийский) яз. (ык), — писал он П. А. Вяземскому из Михайловского во 2-й пол. ноября 1825, — и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора» (Акад. XIII, 243). Выучить англ. яз. советовал ему и А. А. Бестужев в письме от 9 марта 1825: «...я с жаждою глотаю английскую литературу, — сообщал он, — и душой благодарен английскому языку — он научил меня мыслить, он обратил меня к природе — это неистощимый источник! Я готов даже сказать: *Il n'y a point de salut hors la littérature Anglaise* (пер.: Нет спасенья вне английской литературы). Если можешь, учись ему. Ты будешь заплочен сторицею за труды» (Акад. XIII, 150).

Байрон был первым сильным и стойким, сохранявшимся всю жизнь впечатлением П. от англ. романтической поэзии, совершившим переворот в его лит. взглядах, открывшим ему «современный образец творчества» (Анн. Т. 1. С. 101), мир новых идей, образов, худож. средств, расширившим его творческие горизонты и способствовавшим преодолению одностороннего влияния фр. поэзии, окостеневавшей в своих классических формах. Следы интенсивного творческого восприятия поэзии Байрона разнообразно проявляются как в общей идейно-художественной системе, так и во множестве деталей (цитатах, реминисценциях, мотивах, параллелях и др.) произв. П., созданных в 1820—1825, гл. обр. в «южных» поэмах и первых главах «Евгения Онегина». Освоение П. творческого опыта Байрона, как он воплотился в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» и «восточных» поэмах («Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар» и др.), знаменовалось с самого начала его глубоким переосмыслением, приведшим к конечному развенчанию «байронического» героя и отказу от его изображения по модели его творца, равно

и к существенной трансформации ряда характерных, отличительных особенностей новаторской худож. формы «байронической» поэмы. Эволюции пушк. байронизма в этом направлении способствовал в немалой мере сам англ. поэт, к-рый, погрузив П. своими «восточными повестями» и «Паломничеством Чайльд-Гарольда» в самую гущу романт. понятий и представлений о поэзии, подсказал ему поэмами «Беппо» и «Дон Жуан» пути выхода из их круга. Найдя в этих произв. для себя свежий и плодотворный поэтич. образец, подтолкнувший его к созданию нового жанра — «романа в стихах», П. в его разработке опирался и на собственный опыт непринужденной «болтовни» в «Руслане и Людмиле». По мере продвижения романа влияние Байрона играло все меньшую роль, так что уже со второй главы соврем. П. критика заговорила о полной творческой независимости рус. поэта от английского. Изучение этого вопроса, проведенное пушкинистами разных поколений, привело к выводам, согласно к-рым, в обобщающих формулировках настоящего времени, «соответствия или структурные параллели „Дон Жуана” и „Евгения Онегина” носят главным образом формальный характер», так что «комически-сатирические стихотворные поэмы Байрона послужили лишь исходным пунктом для той смены жанров, которую осуществил Пушкин в „Евгении Онегине”» (*Петерс Й.-У.* Пушкин, Байрон и Фридрих Шлегель: К вопросу о жанровой традиции и поэтич. структуре «Евгения Онегина» // *Ars philologiae*: Проф. А. Б. Муратову ко дню 60-летия. СПб., 1997. С. 54—55), и «наиболее глубоким фактором взаимодействия „Дон Жуана” и „Онегина” стал отказ Пушкина от повествовательной манеры Байрона» (*Гаррард Дж.* Сравнительный анализ героинь «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина // ВЛ. 1996. № 6. Ноябрь—дек. С. 156). Как показали новейшие исследования (А. А. Долинин), эта самостоятельность в определенной мере обуславливалась незнанием англ. яз. и вынужденным поэтому восприятием англ. писателей через фр. прозаические переложения и чужие критические оценки, что позволяло П. «создавать для себя идеальные модели их творчества, абстрагированные от поэтического языка, и выделять в них те свойства, которые были созвучны его собственным художественным установкам», а тем самым получать возможность «интегрировать новые темы, структурные принципы и композиционные приемы в свою поэтическую систему, которая при этом развивалась независимо от Байрона или Шекспира». Результатом подобной встречи двух худож. систем: классической, в к-рой был воспитан и к-рой по своему складу принадлежал П., с романтической в ее опосредованном «байроническом» варианте — явился сплав, позволявший и позволяющий видеть в творце «южных» поэм и «Евгения Онегина» как самобытного поэта, кого влияние Байрона коснулось лишь мимоходом и слегка, не оставив значительного следа, так и, при желании, подражателя Байрона, обильно и разнообразно заимствовавшего у своего лит. кумира. В постоянной борьбе этих двух т. зр. развивалось представление о пушк. байронизме.

Байрон пробудил у П. живейший интерес ко всей соврем. англ. лит-ре, с к-рой рус. поэт отныне основательно знакомился и к-рую воспринимал в том же ключе, что и поэзию «певца Гяура и Жуана» («Евгений Онегин», гл. VII, 22. 5). К этому у него было немало возможностей. Соч. Байрона пестрели именами его лит. врагов и друзей, сатирич. выпадами против первых; в скупых коммент. фр. переводчиков сообщались кое-какие первичные о нек-рых из них сведения; все чаще произв. англ. писателей переводились на фр. и рус. яз., а в ж-лах, как фр., так и отеч., появлялись на них рец. и статьи об англ. лит-ре. Т. о. возникали условия для широкого ее обозрения. В период южной ссылки, в Одессе нек-рые сведения об англ. лит-ре П. мог получать от знакомых англичан, каковыми были: врач, «глухой философ» Уильям Хатчинсон (Гутчинсон; Hutchinson, 1793—1850), у к-рого он брал «уроки чистого афеизма» (письмо к П. А. Вяземскому (?) от апр.—1-й пол. мая (?) 1824 — Акад. XIII, 92); некто Слоан (Sloan, 1794—1871), воспи-

татель гр. М. Д. Бутурлина; Чарлз Эдвард Полит Томсон (Thomson, 1799—1841), в дальнейшем член парламента и лидер партии вигов, сын богатого англ. негоцианта, снабжавший, по свидетельству Ф. В. Булгарина, нек-рых будущих декабристов запрещенными либеральными газетами и брошюрами (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 203). С 1824 важным источником сведений об англ. лит-ре и ее оценок в романтическом ключе мог и должен был, по-видимому, стать для П. начавший выходить во Франции ж-л «Le Globe», уделявший ей, как и вообще полит. и обществ. жизни Англии, большое внимание; однако вопрос о том, насколько было доступно ссыльному поэту это период. изд., не подвергался обстоятельному изучению.

Гл. англ. поэты того времени были П. известны хотя бы по имени, и если нек-рых из них (напр., *У. Вордсворта* и *С. Т. Кольриджа*) он в годы ссылки еще ни разу не упомянул, то о других имел по крайней мере частичное представление и выносил самостоятельные суждения. В 1821 П. читал поэму *Т. Мура* «Лалла Рук» и составил о ней невыгодное мнение, равно как и о поэме Р. Саути «Родрик, последний из готов». Вместе с тем именно этих поэтов, а также *В. Скотта* он поставил в один ряд с Байроном как определяющих лицо соврем. англ. поэзии (письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 177; «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»), 1825 — Акад. XI, 25). 27 июня 1822 П. писал Н. И. Гнедичу: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной. Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев — с своими чувствами и мыслями, взятыми из Флориана и Легуве» (Акад. XIII, 40). Через год, убеждая П. А. Вяземского написать предисл. к 2-му изд. «Руслана и Людмилы», он советовал: «Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику — стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии...» (письмо от 19 авг. 1823 — Акад. XIII, 66).

В марте 1824 в Одессе, П. начал и в михайловской ссылке продолжил читать Шекспира во фр. переводах П. Летурнера (Letourneur, 1736—1788), переизданных (1821) с исправлениями Ф. Гизо (Guizot, 1787—1874) и А. Пишо (Pichot, 1796—1877) в составе 13-томного полн. собр. соч. англ. драматурга. Внимательно ознакомился П. и со вступ. статьей Гизо ко всему собр., и с его предисл. к отд. пьесам; суждения и оценки фр. критика сыграли важную роль в формировании его восприятия Шекспира как романт. писателя, чьими отличительными чертами он признавал «достоинства великой народности» («(О народности в литературе)», 1825—1826 — Акад. XI, 40), объективно-исторический взгляд на людей, события и эпохи, жизненную многосторонность, сложность и разнообразие характеров, их «вольное и широкое изображение» («(Наброски предисловия к „Борису Годунову“»», 1830 — Акад. XI, 140), «истину страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах» («(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»», 1830 — Акад. XI, 178), несоблюдение классицистич. «единств», точность местного колорита. На подступах к «Борису Годунову» и в период работы над ним, когда П. формулировал и воплощал в действительность собственную концепцию нац. ист. трагедии, для него приобрело актуальность сопоставление драматургической системы фр. классицизма и ее трансформации у *В. Альфьери* и Байрона с шекспировской, в к-рой он увидел действенный инструмент для осуществления представлявшейся ему настоятельно необходимой реформы нац. рус. театра. «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, — заявлял он в набросках «(Письма к издателю „Московского вестника“»» (1828), — я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира» (Акад. XI, 66). Это обращение к наследию великого англ. драматурга состояло не в

подражании ему и не в «заимствованиях» у него, но в самостоятельном применении усвоенных от него принципов для драматургического освоения избранного для своей трагедии эпизода отеч. истории. Закончив «Бориса Годунова», П. не расстался с Шекспиром, но продолжал держать его в поле своего внимания и пользоваться его худож. материалом и его «уроками» в ряде своих произв., решая разные творческие задачи. Исходный замысел поэмы «Граф Нулин», возникший по завершении «Бориса Годунова», предполагал травестирование сюжета шекспировской поэмы «Обесчещенная Лукреция» («The Rape of Lucrece»). Отзвуки и реминисценции трагедии «Отелло» присутствуют в «(Арапе Петра Великого)» и «Полтаве». В «маленьких трагедиях» нашли применение характерологические принципы и нек-рые худож. приемы Шекспира. Пушк. поэма «Анджело» представляет собою переработку пьесы «Мера за меру».

На юге состоялось и первое знакомство П. с произв. В. Скотта, в Михайловском они были для него важной частью той «пищи души», к-рой он просил брата его снабжать (письма к Л. С. Пушкину от 1-й пол. ноября 1824 и 22—23 апр. 1825 — Акад. XIII, 121, 163). «Шотландский чародей», как он позднее (1830) назвал Скотта в рец. на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (Акад. XI, 92), оставался его любимым чтением все последующие до конца жизни годы, неизменно приводя его «в восхищение» (письмо к жене от 25 сент. 1835 — Акад. XVI, 51) «современным» изображением «прошедшего времени» «домашним образом», без «надутости французских трагедий», «чопорности чувствительных романов» и «приподнятого тона» ученых ист. трудов, глубоким, основанным на тщательном изучении разнообразных источников знания «обстоятельств», как «обыденных жизненных», так и «торжественных», в к-рых действуют герои романов («(О романах Вальтера Скотта)», 1830 — Акад. XII, 195), достоверным худож. воспроизведением нравов, обычаев, обстановки, характеров давних эпох, за к-рыми не ощущается «тяжелый запас» соврем. автору «домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений» (Акад. XI, 92). Усвоенные от Скотта и творчески осмысленные, эти принципы создания худож. произв. на ист. материале разнообразно применялись П. и на содержательном, и на формальном уровнях в «Борисе Годунове», «(Арапе Петра Великого)», «Капитанской дочке». Вместе с тем и в др. пушк. соч. присутствуют реминисценции, мотивы, сюжетные положения и пр., восходящие к романам Скотта. Менее представлено у П. поэтич. творчество Скотта; самые значительные его отражения — пер. баллады «Два ворона» («Ворон к ворону летит...») (1828), использование ст-ния из романа «Письма Поля к родным» в качестве одного из лит. источников романа «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), черн. набросок свободного переложения начальных строк поэмы «Дева озера» («Шумит кустарник...») (1830).

Англ. писатели предшествующих эпох, кроме Шекспира, в годы ссылки П. занимали периферию его лит. интересов. Репертуар упоминавшихся имен был у него очень скромным, а стоявшие за ними оценки не выходили за рамки самых общих, поверхностных суждений, возможных без существенного и даже без непосредственного знакомства с творчеством этих авторов. Исключение составил лишь *Л. Стерн*, чей роман «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» П. в кишиневский период ставил много выше «Лалла Рук» (письмо к П. А. Вяземскому от 2 янв. 1822 — Акад. XIII, 34). Из поэтов XVIII в. он вспомнил однажды лишь *Д.>Addисона* и общепризнанного вершиной англ. классицизма *Александра Попа* (Pope, 1688—1744) в невыгодном для них сравнении с поэтами романтического, в его понимании, направления, в числе к-рых он назвал из писателей XVII в., вместе с Шекспиром, *Д. Мильтона* и *Э. Спенсера* (письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825; «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»)), 1825; «О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XIII, 177;

XI, 25, 37). Хотя отношение П. к Мильтону изменилось, нет никаких признаков того, что на юге или в Михайловском «Потерянный рай» находился у него в активном читательском обиходе, равно как и произв. Спенсера. Имел П. представление о сатирич. поэме Сэмюэла Батлера (Butler, 1612—1680) «Гудибрас» («Hudibras», 1663—1678), но судить о степени его с ней знакомства по единственному ее упоминанию в ряду др. подобных произв. (письмо к К. Ф. Рылееву от 25 янв. 1825 — Акад. XIII, 134) невозможно. О знаменитых романах С. Ричардсона говорится в ироническом контексте («Евгений Онегин», гл. II, 29—30; III, 9—10) как о чтении, увлекательном лишь для восторженных юных девиц. Один раз вспомнились П. «педанты и моряки в старых романах Фильдинга» (черн. письмо к Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля (после 19) 1825 — Акад. XIII, 197; подлинник по-фр.), причем на самом деле имелись в виду персонажи Тобайса Джорджа Смоллетта (Smollett, 1721—1771), но ошибка пришла извне (см. с. 339). Еще раз имя прославленного романиста мелькнуло в белой рукописи гл. V (строфа 22. 9) «Евгения Онегина» (Акад. VI, 605), но всего лишь как одного из читаемых знаменитых писателей, легко заменяемого в их ряду другим. Наконец, цитата из Э. Бёрка, предназначавшаяся эпиграфом к гл. I «Евгения Онегина» (Акад. VI, 543), стала П. известна, по всей вероятности, из вторых рук.

В 1828 П. исполнил свое давнишнее желание и в четыре месяца выучил англ. яз. настолько, что, по свидетельству его рецензента, читал «как на своем родном языке», Байрона и Шекспира (МТ. 1829. Ч. 27. № 11. С. 390). Одним из первых следов его занятий стало загл. ст-ния «To Dawe, Esq» («Зачем твой дивный карандаш...») (ок. (не ранее) 9 мая 1828). В конце окт. 1828 П. обращался к англ. тексту поэмы Байрона «Мазепа» и сделал из нее выписки для «Полтавы» (Акад. VI, 325—326), а в след. году брал с собою на Кавказ Шекспира и, переводя его с листа в компании знакомых, показал, по свидетельству З. Г. Чернышева в передаче М. В. Юзефовича, «безукоризненно» понимание языка (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 109), что было возможно лишь при накопленной практике чтения соч. англ. драматурга. Разумеется, люди, для кого англ. яз., как и для П., был не родным, но выученным, не могли быть достаточно компетентными, чтобы во всей тонкости оценить меру его владения им, и неизбежно склонялись к ее преувеличению. Скрупулезное сопоставление пушк. переводов с их англ. подлинниками выявляет немалое число «огрехов», свидетельствующих о непонимании тех или иных лексем, фразеологизмов, грамматич. форм и структур. Испытывая затруднения при встрече с нетривиальным словоупотреблением и усложненными грамматическими конструкциями, П. «предпочитал разбирать текст с помощью перевода-посредника, если таковой имелся в его распоряжении, и, как правило, следовал скорее за ним, нежели за оригиналом» (А. А. Долинин). Так или иначе он достигал глубокого в целом понимания как содержания, так и мн. худож. нюансов читаемого (переводимого) произведения. О том, что П. были желательны посредники между англ. и рус. яз., а в каких-то случаях он вообще без них обойтись не мог, свидетельствует тот факт, что из пяти имевшихся у него словарей англ. яз. три были англо-фр. с фр.-англ. и один исп.-англ. с англ.-исп. (Библиотека П. № 579, 875, 1225, 1226, 1498).

Видимо, уже после того как П. овладел англ. яз., он стал активно приобретать соч. англ. писателей в подлиннике, хотя не отказался и от фр. пер. Большинство книг на англ. яз., сохранившихся в его б-ке, издано после 1824, но и среди более ранних многие появились у него, по всей вероятности, с конца 1820-х или позднее. Из пяти словарей, о к-рых шла речь выше, четыре были изданы в 1828—1835.

Предметом целенаправленного собирания явились для П. собр. соч. поэтов, и состав этих книг обнаруживает его явное, как и прежде, равнодушие к доромантическим творениям «британской музыки» («Евгений Онегин», гл.

III, 12. 5). Из авторов XVII в. у него был лишь однотомник Шекспира (Библиотека П. № 1390; ср. письмо к П. А. Плетневу от 26 марта 1831 — Акад. XIV, 158) и три однотомника Д. Мильтона разных лет издания (Библиотека П. № 1173, 1175—1176), из к-рых один остался нетронутым, а два разрезаны частично, притом что в совокупности эти стр. содержат все поэтич. произв. Не вызвало живого интереса 12-томное собр. старинных пьес (Там же. № 1383), в к-ром из 11 сохранившихся томов дошли разрезанными предисловия редакторов (Vol. 1. P. I—LXIV, разрезаны не полностью, весь вступ. аппарат — 187 стр.), вступ. справки и начальные сцены нек-рых пьес в т. 1—4, 6, 8, 11, 12, в т. ч.: целиком открывающая собрание пьеса Джона Бейла (Bale, 1495—1563) «Обещания Господа» («A tragedye or enterlude manuyfesting the chefe promyses of God unto man», 1538) и начало следующей за ней (Vol. 1. P. 1—56); предисл. «К читателю» и «Введение» к пьесе Джона Марстона (Marston, 1575—1634) «Недовольный» («The Malcontent», 1604; разрезаны: Vol. 4. P. 1—16); редакторское справочное предисл. (разрезаны: Vol. 8. P. 1—10) к «Ранам гражданской войны» («The wounds of Civil War. Lively set forth in the true tragedies of Marius and Scilla», 1594) Томаса Лоджа (Lodge, 1558—1625?); сорок первых стр. (Vol. 11. P. 1—40) исторической «Хроники Эдуарда I» («The famous chronicle of King Edwarde, with his returne from the Holy Land, also the life of Lleuellen rebell in Wales», 1593) Джорджа Пила (Peele, 1558?—1597?). В полностью разрезанном состоянии находится в б-ке П. сб. ср.-век. англ. поэзии (Библиотека П. № 972), однако маловероятно, чтобы П. понимал язык напечатанных в нем произв., извлеченных в большей части из рукописей XV—нач. XVI в.

Поэзия XVIII в., к-рую в черн. ред. статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) П. назвал «сухой и ничтожной» (Акад. XI, 508), представлена скудно: двумя томами Роберта Бернса (Burns, 1759—1796), где разрезана лишь пол. первого (Библиотека П. № 691); поэмами Оссиана (Там же. № 1120), поставленными на полку без просмотра; «Временами года» Д. Томсона (Там же. № 1436); однотомными собр. соч. сатирика Питера Пиндара (Pindar, псевд.; наст. имя и фамилия — John Wolcott, 1738—1819) (Там же. № 1263) и А. Попа (Там же. № 1273, разрезано немного более пол.). Именно последнего собирался П. выделить как представителя «сухой и ничтожной» поэзии, следовавшей фр. образцам (зачеркнутый вариант черн. ред. статьи «О ничтожестве литературы русской» — Акад. XI, 508). Об отсутствии у П. интереса к англ. поэзии XVII—XVIII вв. говорит и то обстоятельство, что он не удосужился хотя бы бегло перелистать приобретенное собр. биографий англ. поэтов *С. Джонсона* (Библиотека П. № 1032).

Существенно полнее представлены в б-ке П. в подлиннике соврем. англ. поэты. Подборка их поэтич. соч., преимущественно в виде однотомников, включает едва ли не все значительные для того времени имена, что свидетельствует о целенаправленном приобретении; среди этих книг нет неразрезанных. Без сомнения, П. читал в подлиннике Байрона, Т. Мура и В. Скотта, проверяя, уточняя и обогащая свои прежние впечатления, составленные по фр. пер. (Библиотека П. № 693, 697, 1189, 1362—1365). В активном, многократном пользовании находилась у него «книга четырех поэтов» — получивший в пушкиноведении это название однотомник, включающий соч. *Д. Вильсона*, *Барри Корнуолла*, *У. Л. Боулза* и *Генри Гарта Мильмана* (Milton, 1791—1868) (Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. М., 1988. С. 113. № 3). Имелись у него *С. Т. Кольридж* и *Р. Саути* (Библиотека П. № 762, 1399); заказывал он и *У. Вордсворта* (письмо к П. А. Плетневу от 26 марта 1831 — Акад. XIV, 158), но если книга и поступила к нему, в его б-ке она не сохранилась. В одном томе с Кольриджем находились соч. *Перси Биши Шелли* (Shelley, 1792—1822) и *Джона Китса* (Keats, 1795—1821); но П., знававшему в то время необходимость движения к «благородной простоте» («(О поэтическом слог)», 1828 — Акад. XI, 73), их поэтич., в первую очередь стилистические, принципы должны были казаться уже устаревшими,

пройденным этапом, и поэтому, видимо, творчество этих двух крупнейших англ. романтиков, дошедшее до него слишком поздно, не вызвало у него никаких откликов. Тем не менее в дополнение к тому, что входило в одно-томник, он приобрел сб., содержащий неопубликованные при жизни произв. Шелли и воспоминания о поэте Томаса Медвина (Medwin, 1788—1869) (Библиотека П. № 1148). Последний был П. хорошо известен по его публикации записей своих бесед с Байроном (Там же. № 1149), что могло послужить немаловажным, если даже не основным стимулом для приобретения и этой книги. В др. однотомнике, а также отд. изд. были представлены еще неск. соврем. англ. поэтов: Сэмюэл Роджерс (Rogers, 1763—1855), чей сб. был П. куплен 7 марта 1836 (Акад. XVI, 97), Томас Кэмпбелл (Campbell, 1777—1844), Джеймс Монтгомери (Montgomery, 1771—1854), Чарльз Лэм (Lamb, 1775—1834), Генри Керк Уайт (White, 1785—1806), *Дж. Крабб*, Хартли Кольридж (Coleridge, 1796—1849) — старший сын С. Т. Кольриджа, Джордж Каннинг (Canning, 1770—1827) — англ. министр иностр. дел в 1822—1827 и премьер-министр в 1827 (Библиотека П. № 704, 759, 835, 1188, 1321, 1322). Известна была П. в подлиннике, судя по цитированию в «Путешествии в Арзрум» (Акад., VIII, 450), поэма Чарльза Вульфа (Wolfe, 1791—1823) «Погребение сэра Джона Мура» («The Burial of Sir John Moore», 1817), к-рую он первонач. читал в рус. пер. И. И. Козлова (СЦ 1826).

Приобретались тома издат. серий «Baudry's Collection of Ancient and Modern British Novels and Romances» (Библиотека П. № 584), «Baudry's Collection of Ancient and Modern British Authors» (Там же. № 585), «Ballantyne's Novelist's Library» (Там же. № 567, 1298, 1314, 1418), возможно «Wahlen Modern British Authors» (см.: *Рак В. Д.* Нерасшифрованное заглавие в описи библиотеки Пушкина // *Врем. ПК. Вып. 27. С. 153—154*). В сохранившейся части б-ки П. эти серии представлены в основном разрозненными комплектами, в к-рых не хватает большинства томов (какие-то были, без сомнения, утрачены последующими владельцами); тем не менее вместе и в совокупности с отд. изданиями различных произв. они образуют вполне репрезентативную подборку англ. романистов XVIII—первой трети XIX в., включающую соч. Джонатана Свифта (Swift, 1667—1745) (Библиотека П. № 1416—1418), Даниэля Дефо (Defoe, 1660 ?—1731) (Там же. № 855—857; № 856 в счете 1836 г. без даты — Лит. архив. Т. 1. С. 41), С. Ричардсона, Г. Фильдинга, Т. Смоллетта (Библиотека П. № 567. Vol. 2—3), О. Голдсмита (Там же. № 567. Vol. 5), Л. Стерна, С. Джонсона, *Г. Уолпола*, *А. Радклиф*, Мэтью Грегори Льюиса (Lewis, 1775—1818) (Там же. № 590, 1099; № 1099 — приобретена 7 марта 1836 — Акад. XVI, 97), Уильяма Годвина (Godwin, 1756—1836) (Библиотека П. № 946, 947; № 947 — приобретена 7 марта 1836 — Акад. XVI, 97), *Ч. Р. Мэтьюрина* и др. В конце 1820—1830-х этот слой англ. лит-ры был по-прежнему далек от непосредственных творческих интересов П., так что приобретение этих авторов было, вероятно, больше данью культурной традиции, нежели действительным желанием их перечитать в подлиннике. Примечательно, что ни оригинал (London, 1831), ни фр. пер. (Paris, 1836) романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» не были разрезаны, а в его же «Истории великой лондонской чумы 1665 года» (London, s. a.), считающейся одним из возможных лит. источников «Пира во время чумы» (Пушкин. 1935. Т. 7. С. 580), разрезано лишь предисл. и с. 23—36 (из общего числа 304). Обращение П. в этот период к классическому англ. роману выражалось в разрозненных цитатах и реминисценциях; лишь единожды он вышел за эти пределы, когда попробовал «вышить новые узоры» «по старой канве» романа С. Ричардсона «Кларисса», представив «в маленькой раме картинку света и людей, которых он так хорошо знает» («Роман в письмах», 1829 — Акад. VIII, 50). О силе интереса П. к соврем. ему англ. романистам (кроме В. Скотта) нельзя судить по составу его б-ки, потому что именно в этой ее части можно подозревать существенные утраты. Как бы то ни было, счета кн. магазина Ф. Беллизара за 1835—1836 пока-

зывают, что он приобретал все новинки Э. Д. Булвера-Литтона, причем роман «Риенци, последний из римских трибунов» — дважды (Арх. опеки. С. 50, 53, 55; Акад. XVI, 96), а др. явных предпочтений среди мн. книг разной тематики на англ. яз. по ним не прослеживается.

Пополнялась б-ка П. и книгами, полностью или частично посвященными англ. лит-ре и отд. писателям: *Hazzlitt W. The Spirit of the Age; or, Contemporary Portraits*. Paris, 1825 (Библиотека П. № 973); *Hunt J. H. L. Lord Byron and some of his contemporaries*. London, 1828. Vol. 1—2 (Там же. № 1013); *Villemain A.-F. Cours de littérature française: Littérature du moyen Age, en France, en Italie, en Espagne et en Angleterre*. Paris, 1830. Т. 1—2 (Там же. № 1484); *Mézières L. Histoire critique de la littérature Anglaise depuis Bacon jusqu'au commencement du dix-neuvième siècle*. Paris, 1834. Т. 1—3 (Там же. № 1160; приобретена 20 июня 1836 — Арх. опеки. С. 54; т. 3 разрезан не полностью); *Вольф Д. О. Л. Б. Чтения о новейшей изящной словесности*: Пер. с нем. М., 1835 (Библиотека П. № 78); *Planche G. Portraits littéraires*. Paris, 1836. Т. 1—2 (Там же. № 1266; статьи об англ. писателях не разрезаны); *Chateaubriand F.-R. de. Essai sur la Littérature anglaise et Considérations sur le Génie des hommes et des révolutions*. Paris, 1836. Т. 1—2 (Там же. № 732; приобретен 29 июля 1836 — Арх. опеки. С. 55).

В сер. 1820-х П. уже имел представление (по всей видимости, через какое-то посредничество) об англ. ежеквартальном ж-ле «Эдинбургское обозрение» («*Edinburgh Review*») (письмо к П. А. Вяземскому от 19 февр. 1825 — Акад. XIII, 144—145), а с конца 1820-х внимательно следил за ним и др. подобными период. изд. («*Quarterly Review*» и, может быть, «*Westminster Review*»). Он их высоко ценил, как видно из начатой заметки «[Обозрение обозрений]», 1831 (Акад. XI, 194) и упоминания в «[Путешествии из Москвы в Петербург]», 1834—1835 (Акад. XI, 248); по их образцу задумал «*Современник*» (письмо к А. Х. Бенкендорфу от 31 дек. 1835 — Акад. XVI, 69—70); приобретал для себя собр. наиболее интересных статей из них в подлиннике и пер., как-то: *Revue Britannique, ou Choix d'Articles traduits des meilleurs écrits périodiques de la Grande-Bretagne*. Bruxelles, 1830, 1831, 1833 (Библиотека П. № 1514—1516; комплекты сохранились не полностью; счет за 1830 и 1831 от 10 дек. 1832 — Лит. архив. Т. 1. С. 36); *Selections from the Edinburgh Review, comprising the best Articles in that Journal, from its commencement to the present Time*. Paris, 1835—1836. Vol. 1—6 (Библиотека П. № 585. Vol. 100—105; из них 4 т. приобретены 5 авг. 1836 — Лит. архив. Т. 1. С. 38). Предполагается, что именно рец. в англ. прессе на новое изд. (1830) аллегорического соч. Д. Беньяна «Путь паломника» с предисл. Р. Саути привлекли внимание П. к этому знаменитому произв. англ. лит-ры.

Когда знание англ. яз. дало П. доступ к непосредственному знакомству с творчеством писателей, о к-рых он ранее знал только из вторых рук, и ему раскрылись в большой полноте худож. особенности англ. подлинников, не передаваемые прозаическими фр. пер., в его ст-ниях стали появляться строфы англ. происхождения («Обвал», 1830; «Эхо», 1831; «Не дай мне бог сойти с ума...», 1833; см.: Томашевский. Строрфика П. С. 82—83). Едва ли не сразу в поле его внимания вошли поэты «озерной школы» («лейкисты»), против к-рых он встречал массу острых сатирич. выпадов у Байрона. Произв. У. Вордсворта, С. Т. Кольриджа, Р. Саути он нашел исполненными «глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдима» («[О поэтическом слог]» — Акад. XI, 73). Осуществленная ими реформа англ. поэтич. яз., состоявшая в его сближении с живой речью, подтвердила ему своими плодотворными результатами складывавшееся у него убеждение в необходимости и неотвратимости в отеч. поэзии «приблизить поэтический слог к благородной простоте» и «освободиться от условных украшений стихотворства» (Там же). Его собственное воплощение этих принципов осуществлялось после 1828 не без учета опыта «лейкистов». Изображение ими, в первую очередь Вордсвортом, простых людей

низкого состояния, сцен повседневной деревенской жизни (что до них считалось недостойным предметом для поэзии) нашло у него сочувственное понимание, отвечая его собственным поискам и движению в том же направлении. Характерно, что именно с конца 1820-х П. все свободнее допускает в свои произв. («Утопленник», 1828; «Полтава», 1828—1829; «Зима, что делать нам в деревне? Я встречаю...», 1829; «Отрывки из путешествия Онегина», 1829—1830; «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», 1830; «Домик в Коломне», 1830; «Гусар», 1833, и др.) подробности быта, всякого рода «прозаические бредни, Фламандской школы пестрый сор» («Отрывки из путешествия Онегина» — Акад. VI, 201), просторечные и «грубые» простонародные выражения, придавая им более резкую и смелую, чем ранее в подобных случаях, экспрессию, применяя более сложные приемы сочетания стилистически разнородных, семантически далеких слов и фраз (Виноградов. Язык П. С. 403—404; 2-е изд. С. 441); «к концу 20-х годов слагалась и утверждалась в языке Пушкина новая среда литературной действительности — „низкая природа“, укреплялись „низкие слова“» (Там же. С. 424; 2-е изд. С. 464). В этом пример «лейкистов» служил П. одним из худож. ориентиров, как, возможно, и при создании образов простых, обыденных людей в «Гробовщике» и «Станционном смотрителе». Примечательно и то обстоятельство, что с пристальным вниманием П. к «озерной школе» совпало появление в ЛГ статьи о ней (Современная английская литература: Школа так называемых Озерных Поэтов (Lakists). — Вордсворт, Кольридж, Сутей. I. Вордсворт / Пер. с фр. О. Сомова // ЛГ. 1830. Т. 2. № 58. 13 окт. С. 175—180; № 59. 18 окт. С. 183—185), представлявшей выдержку из 2-го тома «Исторического и литературного путешествия по Англии и Шотландии» (Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse. Paris, 1825. Т. 1—3) А. Пишо; сам П. в том же году несколько раз писал об использовании простонародного яз. (рец. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», «(О новейших блюстителях нравственности)», «Опровержение на критики» («Разговорный язык простого народа...») — Акад. XI, 93, 98—99, 148—149). В 1829—1836 П. предпринял ряд пер. и вольных переложений, оставив многие незавершенными, ст-ний, отрывков из поэм и драматических произв. Вордсворта, Кольриджа, Саути и близких к «озерной школе» поэтов Д. Вильсона и Барри Корнуолла. «Драматическая поэма» Вильсона «Город чумы» («The City of the Plague», 1816) послужила П. отправной точкой и гл. лит. источником «Пира во время чумы», а в «Драматических сценах» («Dramatic Scenes», 1819) Барри Корнуолла он нашел для себя образец жанра и формы «маленьких трагедий». Близки и созвучны оказывались П. в 1830-е не только программные творческие установки «лейкистов», но также некие их политические взгляды и жизненные принципы (эволюция от радикализма молодежи к просвещенному консерватизму зрелых лет, понятие о правах личности, идеал личной свободы в сельскому уединении, на лоне природы, в семейном кругу, в занятиях творчеством и самопознании). В судьбах гл. поэтов «озерной школы» он мог находить нечто сходное со своим положением в об-ве и отношением к себе читателей и критики.

Лит., интеллектуальная и полит. жизнь Англии была предметом постоянного внимания П. в 1830-е. На эти темы он беседовал с А. И. Тургеневым (Гиллельсон М. И. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 годов // РЛ. 1964. № 1. С. 126); они, вероятно, как-то затрагивались и при его встречах в Москве в 1831 с капитаном Чарлзом Колвиллом Фрэнклендом (Frankland, 1797—1876) и, без сомнения, во мн. др. случаях в разных компаниях. Как можно судить по посвященным Англии строкам ст-ния «К вельможе» (1830), разговору с англичанином в черн. ред. «(Путешествия из Москвы в Петербург)», 9 дек. 1833 (Акад. XI, 231), и его монологической переработке в белой ред. (1834—1835) (Акад. XI, 257—258), сложившееся у П. в юные годы представление о «свободной» Англии, отразившееся, напр., в письме к Н. И. Кривцову от 2-й пол. июля—нач. авг. 1819 (Акад. XIII, 10),

уступило в его сознании место широко распространенному в те годы в России консервативному критическому взгляду, согласно которому огромные успехи Англии в торговле, финансах и промышленности, при всей кажущейся разумности и основательности ее полит. устройства, имели своей обратной стороной глубокие общественные и социальные недуги, в результате чего даже положение рус. крепостного крестьянина оказалось предпочтительнее условий жизни и труда англ. поденщика, арендатора и фабричного пролетария.

Англ. лит.-ра находилась в сфере интересов П. до самого последнего дня его жизни. 21 янв. 1837 в беседе с А. И. Тургеневым шел разговор о соч. *Ф.-Р. де Шатобриана* «Опыт об английской литературе» и, вероятно, о бывшей у П. в работе статье «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 175). 25 янв. П. в письме А. О. Ишимовой предложил ей перевести неск. «Драматических очерков» (как он их назвал) Барри Корнуолла (Акад. XVI, 218) и, получив на след. день ее согласие (Там же. С. 221), отправил ей 27 янв., в третьем часу, незадолго до отъезда на дуэль, «книгу четырех поэтов» (Там же. С. 226—227; Летопись. Т. 4. С. 591).

Лит.: *Дружинин А. В.* А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // БдЧ. 1855. Т. 130. № 4. Отд. III. С. 73—75 (То же // Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. 7. С. 55—56; Дружинин А. В. Литературная критика. М., 1983. С. 56—57); *Каллаш В. В.* Заметки о Пушкине. IV. Пушкин и английский язык // РА. 1901. № 6. С. 248—250; *Цяловский М. А.* Пушкин и английский язык // ПиС. Вып. 17/18. С. 48—73; *Жирмунский В. М.* 1) Байрон и Пушкин. Л., 1924. С. 326—327; [2-е изд.]. Л., 1978. С. 409—412); 2) Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 73—87 (То же // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Тр. Пушк. сессии АН СССР. М.; Л., 1938. С. 147—164; Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 365—380); *Яковлев Н. В.* Из размышлений о литературных источниках в творчестве Пушкина // П. в мировой лит.-ре. С. 371—372; *Anikst A.* Pushkin studied English authors closely // Moscow Daily News. 1937. № 33. P. 2—3 (То же под загл.: English writers' influence on Pushkin // Moscow News. 1937. № 7. P. 4—5); *Simmons E. J.* La littérature anglaise et Pouchkine // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 79—107; *Stephenson R. C.* The English Sources of Pushkin's Spanish Themes // University of Texas Studies in English. 1938. Vol. 18. P. 85—111; *Козмин Н. К.* Английский пролетариат в изображении Пушкина и его современников // П. Врем. Т. 4/5. С. 257—299; *Montagu-Nathan M.* Pushkin's Debt to English Literature // Contemporary Rev. 1953. Vol. 183. May. P. 303—307; *Соколянский М. Г.* Литература английского Просвещения в оценках Пушкина // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 1 (10). С. 53—59 (То же под загл.: Литература английского Просвещения в критическом обиходе Пушкина // Соколянский М. Г. И несть ему конца: Статьи о Пушкине. Одесса, 1999. С. 18—28); *Сайтанов В. А.* Пушкин и английские поэты озерной школы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; *Алексеев М. П.* Пушкин и английские путешественники в России: 2. Англичане — знакомцы Пушкина и их рассказы о нем — Э. Уиллок, Гренвилль, Рейкс и Френкленд // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 580—590 (ЛН. Т. 91); *Костин В. М.* В. А. Жуковский и А. С. Пушкин: (Восприятие английской литературы и становление жанра русской романтической поэмы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984; *Топоров В. Н.* 1) О «скрытых» литературных связях Пушкина: П. Пушкин и Голдсмит // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 12—17; 2) Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: (К постановке вопроса). Wien, 1992; *Bush R. L.* Pushkin and the Gotho-freneticist Tradition // Canadian Slavonic Papers. 1987. Vol. 29. № 2—3. P. 165—183; *Векслер С.* Пушкин и английская литература: [Дис.]. Иерусалим: Еврейский университет, 1989; *Кулагин А. В.* «Честь имею препроводить к вам...»: Книга из библиотеки А. С. Пушкина // Альманах библиофила. М., 1990. Вып. 27. С. 172—179; *Скачкова О. Н.* А. С. Пушкин и поэты озерной школы // Методология и методика историко-литературного исследования: 3-я науч. конф. (Рига, 1—3 ноября 1990 г.): Тез. докл. / Латв. ун-т. Рига, 1990. С. 83—86; *Wolff T.* Pushkin and English Literature: A Creative Response. Belfast, 1991; *Смирнова Л. А.* Пушкин и перевод английской романтической лирики // Крымские Пушкинские чтения, 2-е (Керчь, 22—26 сент. 1992 г.). Материалы. [Симферополь, 1993]. Ч. 2. С. 42—43; *Баевский В. С.* Англия на страницах «Евгения Онегина»: [Краткое излож. докл. на II Междунар. Пушк. конф.] // РЛ. 1993. № 3.

С. 217; *Башикирцев П. В.* А. С. Пушкин — переводчик шотландской баллады «Два воро-
на» // П. и слав. мир. С. 80—81; *Буточкина Д. М.* Эссе У. Хэзлитта «О страхе смерти» и
его место в творческой истории «Египетских ночей» А. С. Пушкина: (К вопросу о взаи-
мовлиянии русского и английского романтизма) // Пушкинская конф., междунар., 1—4
окт. 1996 г. Материалы. Псков, 1996. С. 49—53; *Гуриченко А. Н.* Английские авторы в
личной библиотеке А. С. Пушкина // П. и мировая культура. С. 187—188; *Соловье-
ва Н. А.* Пушкин и английский романтизм // Там же. С. 184—185; *Сидорова О. Г.* Англо-
язычные вкрапления в текстах А. С. Пушкина // Изв. Уральского гос. ун-та. 1999. № 11.
С. 69—74; *Цоффка В. В.* Онегин как англоман // Университ. Пушк. сб. С. 464—470;
Барский О. В. 1) Пушкин и английский готический роман // Моск. пушкинист. Вып. 8.
С. 192—213; 2) К статье «Пушкин и английский готический роман» (Московский пуш-
кинист. Вып. 8) // Моск. пушкинист. Вып. 10. С. 405; *Долинин А. А.* Пушкин и Англия //
Эткиндовские чтения-1 : Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27—29
июня 2000). СПб., 2003. С. 56—86 (сокр. вар.: Всемирное слово: Междунар. журн. 2001.
№ 14. С. 44—51).

Библиогр.: *Фризман Л. Г.* Семинарий по Пушкину. Харьков, 1995. С. 268—270.

В. Д. Рак

АНСЕЛО (Ancelet; у П. — Lancelot) Жак Арсен Франсуа Поликарп (1794—1854), фр. писатель. В мае 1826 прибыл в Петербург в свите пред-
ставителя Франции на коронации Николая I. Узнав из сообщений в газетах
о приезде А. и об обеде, данном ему Ф. В. Булгариным и др. литераторами,
П. писал П. А. Вяземскому 27 мая 1826: «...овладей этим Lancelot (которого
я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесно-
сти» (Акад. XIII, 279). По возвращении во Францию А. издал книгу «Шесть
месяцев в России» (Six mois en Russie: Lettres écrites à M. X. B. Saintine, en
1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'empereur. Paris; Bruxelles, 1827;
рус. пер.: М., 2001), получившую резонанс в Европе, но запрещенную в Рос-
сии и вызвавшую в рус. лит. кругах недовольство ошибками, поверхност-
ными наблюдениями, превратными суждениями и обобщениями. В книге
содержался отзыв о П. как о «молодом и талантливом поэте», сообщалось о
его ссылке и приводился прозаич. перевод ст-ния «Кинжал», в к-ром фр. ав-
тор нашел выражение «республиканского фанатизма» и пример будоражив-
ших рус. молодежь идей, способных «привести к преступлению целое поко-
ление», если бы его не остановила «мудрость монарха». По сомнительному,
никем и ничем не подтверждаемому свидетельству Павла П. Свиньина в
письме к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 30 мая 1827, П. якобы сам
передал А. текст своего ст-ния (ЛН. Т. 58. С. 66); однако никаких сведений
о непосредственном знакомстве рус. и фр. писателей не имеется. Обеспоко-
енный, по-видимому, этой публикацией и в то же время испытывая сожаление
о подмеченной фр. писателем бедности рус. лит-ры, П. включил ирони-
ческий отзыв о его книге в «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1828),
где намекнул на то, что источником информации для А. был Булгарин
(Акад. XI, 54). В заметке-рецензии «Торжество дружбы, или Оправданный
Александр Анфимович Орлов» (1831) П. имел в виду посещение А. обеда у
Булгарина, когда писал об А. А. Орлове: «Он не задавал обедов иностран-
ным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль по-
лучить местечко в их дорожных записках» (Акад. XI, 208). Книга А. име-
лась в библиотеке П. (Библиотека П. № 539). По предположению Б. В. То-
машевского, условное название персонажа «l'homme du monde» (светский
человек) в плане (лето (?) 1828 — Акад. VIII, 554) повести «Гости съезжа-
лись на дачу...» (1828—1830), совпадающее с загл. романа А. (L'homme du
monde. Paris, 1827), указывает на сходство героя задуманного произв. П. с
героем фр. романа, изображенным светским эгоистом, готовым на все ради
удовлетворения своих интересов (Акад. в 10 т. (2). Т. 6. С. 789). В пушк.
плане отмечаются общие с этим произв. мотив супружеской неверности,
один из основных в романе А., отд. сюжетные ситуации, структуры образов
героев. Одним из стимулов к возникновению этого плана предположитель-

но могла быть представленная в июле 1828 (П. в это время находился в Петербурге) фр. труппой Каменноостровского театра пьеса «L'homme du monde», написанная А. по своему роману в соавторстве с Кс. Сентином (псевд., наст. фамилия — Boniface, 1798—1865), к-рому были адресованы письма, составившие книгу «Шесть месяцев в России».

Лит.: Ансело Ф. Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронавания его императорского величества / Вступ. ст., сост., пер. с фр. и коммент. Н. М. Сперанской. М., 2001. С. 128—129 и по указ.; Письма. Т. 2. С. 159—161; Алексеев М. П. Пушкин на Западе // П. Врем. Т. 3. С. 112—113 (То же // Алексеев П. и мировая лит-ра. С. 274—275); Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 8 (То же // Томашевский П. и Франция. С. 72—74); Фридкин В. М. Пропаший дневник Пушкина. 2-е изд., доп. М., 1991. С. 36, 41—42; Волович Н. М. Об одной французской книге из библиотеки А. С. Пушкина: («Шесть месяцев в России» Ж.-А. Ансело) // Волович Н. М. Пушкин и Москва. М., 1994. Ч. 1. С. 142—152; Вольперт Л. И. 1) Мотив адюльтера в плане Пушкина «L'Homme du monde» и роман Ансело «Светский человек» // Тез. докл. участников II Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 1994. Ч. 2. С. 28—30; 2) План Пушкина «L'Homme du monde» и роман Ж.-А. Ансело «Светский человек»: (Мотив неверной жены) // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Tartu, 1995. С. 87—103 (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. IV); 3) Пушкин и книга Жака Ансело «Шесть месяцев в России» // Тр. по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1997. Нов. Сер. Т. 2. С. 105—129; 4) Одна из запретных тем: (Мотив супружеской неверности в прозе Пушкина, Жака Ансело и Стендаля) // Вольперт Л. И. в роли Пушкина. С. 281 — 292.

Л. И. Вольперт

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА. Наследие греко-рим. античности — одно из гл. и постоянных слагаемых творчества П. Сюжеты ряда его соч. развивают темы антич. лит-ры и истории; произв. и письма пестрят именами и образами ист. деятелей, героев и богов антич. мира; большое количество стихов представляют собой переводы из древних поэтов или вариации на их темы; многочисленные отрывки и наброски, в к-рых речь идет о лит-ре и истории классической древности, как бы документируют частые раздумья поэта над ист. опытом античности и его осмыслением в культуре последующих веков.

Антич. реминисценции в соч. П. обладают нек-рыми характерными особенностями. Античность живет в его творчестве в виде единого потока ист. образов, реалий, событий, ситуаций и идей без отчетливого разграничения данных собственно худож. лит-ры, философии, истории, мифологии и т. д.; античность тем самым выступает у П. как единый и целостный ист.-культ. тип; ср.: «Послание Лиде» (1816), письма к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 («В стране, где Юлией венчаный...») и В. А. Жуковскому от 17 авг. 1825, и др. Особенность антич. материала у П. состоит и в том, что античность воспринимается чаще всего в амальгаме с культ. опытом последующих веков (в первую очередь XVIII в.) и через него (ср.: «Наследники Тибулла и Парни!» («Любовь одна — веселье жизни хладной...») (1816), ст. 20) (об устойчивом сочетании у П. имени Э.-Де Парни с именами антич. поэтов см.: Томашевский П. и Франция. С. 147); «Пусть будет Мевием в речах превознесен — Явится Депрео, исчезнет Шапелен» («К Жуковскому» («Благослови поэт!..») (1816), ст. 68)). Привлечение фактов, лиц и обстоятельств древней мифологии и истории для изображения и объяснения событий позднейшей истории, т. е. восприятие тех и других в виде единой «исторической материи», представлено не только в полушуточной анакреонтич. лирике ранних лет, но также в самых глубоких и важных произв. П., таких как «Кинжал» (1821) или «Борис Годунов» (1825), первые четыре сцены к-рого, описывающие ситуацию междуцарствия в России в 1598, во многом навеяны гл. 11—13 первой книги «Анналов» Тацита. Еще одна существенная особенность антич. реминисценций у П. связана с тем, что трактовка рим. материала в его творчестве резко отлична от трактовки греческого. Греч. антич-

ность представлена у П. гл. обр. традиционным набором мифол. имен, к-рый именно в силу своей традиционности и универсальности характеризовал не столько отношение П. к эллинской культуре или истории, сколько условный язык поэзии XVIII—нач. XIX в. Из 93 древнегреч. имен, упоминаемых в его соч., к поэтам и писателям относятся 13, к мифол. лицам — 59; реальные деятели греч. истории (их в соч. 7) обычно просто упоминаются без характеристик или анализа (см., напр., письмо к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1825 — Акад. XIII, 99). В 6-ке П. было лишь 15 книг греч. авторов, из к-рых 8 в переводах. Он не обнаруживал ни серьезного интереса к истории и культуре Греции, ни глубоких познаний в ней (см. избыточную ошибками беглую характеристику греч. лит-ры в наброске «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»)» — Акад. XI, 25). Почти все содержательные суждения об антич. культуре и истории, разборы произв. антич. лит-ры и вариации на их темы, объяснения событий рус. истории, исходя из гос.-полит. опыта античности, основываются на рим. материале. Наибольшее число цитат, ссылок, переложений или переводов древних авторов приходится на долю трех римлян — *Горация*, *Овидия* и *Тацита*, к-рые сопровождали поэта на протяжении всей его жизни. К ним П. обращался при решении годами волновавших его вопросов: право поэта на память в потомстве, поэт и властитель, мораль и гос. необходимость.

«Антич.» произв., под к-рыми понимаются тексты: 1) воспроизводящие мотивы антич. лит-ры (напр., «К Лицинию», 1815); 2) содержащие описание или оценку лиц и/или событий древней истории и/или мифологии (напр., «Прозерпина», 1824); 3) сюжетно не связанные с древними Грецией или Римом, но насыщенные антич. образами (напр., «Ф. И. Глинке» («Когда среди оргий жизни шумной...») (1822)); 4) переводы и переложения древних авторов (напр., «Мальчику», 1832), — распределяются в творчестве П. неровно. Они стягиваются в несколько достаточно отчетливых условных тематически-биографических циклов, отмеченных повышенным содержанием антич. материала. Первый цикл охватывает 1814—январь 1822. Из 284 ст-ний, созданных за эти годы, античных 33 (12%). Если не учитывать образы греч. мифологии, входившие в поэтич. канон времени, по содержанию все антич. стихи этих лет — римские. Тематическое движение в пределах этого цикла выглядит следующим образом. В 1814—1818 антич. ст-ний особенно много — каждое седьмое. За двумя лишь исключениями («К Лицинию» и «Вольность») все они могут быть названы анакреонтически-горацианскими, т. е. воспевают вино и любовь, безмятежность сельского досуга, презрение к богатству, славе и власти, свободное от принуждения поэтич. творчество. Эта античность — условная, прочитанная сквозь прежде всего фр. рокайную поэзию XVIII в. и рус. «легкую» поэзию. В двух (трех?) коротких пьесах 1818—1820: надписях к портретам А. А. Дельвига («Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил...») и П. Я. Чаадаева («Он вышней волею небес...») и эпиграммой на А. А. Аракчеева («В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...»), принадлежность к-рой П. оспаривается, — продолжается тема ст-ния «К Лицинию» и антич. строфы оды «Вольность», предваряются антич. мотивы «Кинжала». В совокупности данные пять (шесть) текстов могут рассматриваться в пределах цикла 1814—январь 1822 как небольшая, но важная самостоятельная группа: античность воспринята здесь в своем героическом тираноборческом аспекте, стихи рокайной анакреонтически-горацианской тональности полностью исчезают, речь идет о борьбе с деспотизмом и о возмездии тиранам в духе якобинской и гл. обр. декабристской революц. фразеологии. Начиная с 1819 под влиянием поэзии *А. Шенье* у П. развивается параллельное восприятие античности как источника образцов для новых стихотв. форм, отличающихся особой гармоничностью и пластичностью, что отразилось в ст-ниях, выделенных в Ст 1826 в отдел «Подражания древним», из к-рых большинство было написано в 1820—1821

(«Дорида» («В Дориде нравятся и локоны золотые...»), «Дориде» («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...»), «Нереида», «Редает облаков летучая гряда...», «Земля и море», «Дионея» и др.). В 1821—января 1822 определяется и еще одна небольшая тематическая группа — четыре связанных с Овидием текста: «Из письма к Гнедичу» («В стране, где Юлией венчаный...»), «Чедаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), «К Овидию», «Баратынскому. Из Бессарабии» («Сия пустынная страна...»), окруженных белыми упоминаниями того же имени: «Овидиева лира» («Кто видел край, где роскошью природы...»), первая белая ред. — Акад. II, 670), «Овидиева тень» («К Языкову» («Издревле сладостный союз...»)) (1824), ст. 7) и др. Настроение этих пьес двойственное: с одной стороны, П. сравнивает свою ссылку в Бессарабию с ссылкой Овидия примерно в те же места и ищет утешения в подобии своей судьбы судьбе великого древнего поэта, с другой — подчеркивает отличие свое от Овидия, к-рый много раз молил сославшего его имп. Августа о прощении и разрешении вернуться, тогда как П. никогда так не поступал: «Суровый славянин, я слез не проливал» («К Овидию», ст. 57). В особой форме здесь продолжена та же тема протеста против деспотического произвола.

Следующие 10—11 лет характеризуются отходом П. от тем и образов антич. лит-ры. В течение ряда лет — 1825—1826, 1828—1829, 1831 — не создается ни одного антич. ст-ния. В интервалах, когда они возникают, они почти неизменно варьируют условные сюжеты и образы греч. мифологии («Внемли о Гелиос, серебряным луком звенящий...», 1823; «Прозерпина»; «Чедаеву» («К чему холодные сомненья?...»), 1824; «Эпиграмма» («Лук звенит, стрела трепещет...»), 1827; «Арион», 1827; «Рифма», 1830), а в 1832 впервые появляется пока еще единичный пер. из антич. автора («Мальчику») — ст-ние *Катулла* XXVII. В целом из 374 ст-ний, написанных в 1822—1832, с античностью связаны 11 (менее 3 %). Тем не менее при общем упадке интереса П. в 1820-е к антич. лит-ре наибольшее число антич. реминисценций, представленных отдельными ст-ниями (4), написаны в 1824, а на 1824—1826 приходится второй, краткий, но очень значительный антич. цикл в творчестве П. Он связан не с худож. наследием античности, а с ее гос.-полит. опытом, осмысляемым через соч. рим. историка Тацита «Анналы». В михайловские годы в центр внимания П. выдвигаются отношения между ценностями личной свободы и историей народа, историей гос-ва, требующей от человека подчинения ее объективному ходу. Импульсы к постановке этой проблемы шли от впечатлений рус. действительности, окружавшей поэта в деревне, и от его раздумий над историей России, но позиция ее решения вызвали его интерес к истории раннесимп. Рима, и в т. ч. к деятельности имп. Тиберия. Цикл включает «Замечания на „Анналы“ Тацита» (в частности, в сопоставлении с первыми сценами «Бориса Годунова»), записку «О народном воспитании» (черн. текст в сопоставлении с беловым), письма — П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824, А. А. Дельвигу от 23 июля 1825 и П. А. Плетнева к П. от 14 апр. 1826.

Третий антич. цикл в творчестве П. занимает последние пять лет жизни поэта и отличается особой интенсивностью переживания антич. наследия. Из 87 ст-ний, написанных в 1833—1836, с античностью связаны 21 (ок. 25 %); к ним надо прибавить полностью или частично посвященные антич. темам прозаич. тексты: «Мы проводили вечер на даче...», «(Повесть из римской жизни)», «Египетские ночи» и рецензию на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова. В этом цикле впервые столь значительную роль играют переводы (10) из Горация, *Ювенала*, *Анакреонта*, из Палатинской антологии; большое место занимают вариации на антологические темы: краткие, красивые, пластические зарисовки — «Из Ксенофана Колофонского» («Чистый лоснится пол...»), «Из Анакреона : Орывок» («Узнают коней ретивых...»), «Ода LVI. Из Анакреона» («Поредели, побелели...»), «На статую играющего в свайку», «На статую играющего в бабки», «От меня вечер Леила...»

(этому ст-нию, имеющему бесспорный араб. источник, П. придал колорит, неизменно заставляющий читателей и исследователей воспринимать его как «анакреонтическое»); афоризмы застольной мудрости — «Юноша! скромно пируй...», «Вино. (Ион Хиосский)» («Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный...»); надгробные надписи — «Из Афеня» («Славная флейта, Феон, здесь лежит...»). Необычно высок удельный вес начатых и неоконченных произв. (5 из 10 пер., 3 из 4 прозаич. соч.); среди антич. авторов преобладают поздние, а среди тем, особенно римских, — мотивы завершения антич. цивилизации, катастрофы, старости и смерти.

Характер освоения П. антич. наследия своеобразен. Он помнил множество фактов, обстоятельств и деталей жизни, истории и лит-ры антич. Рима, вроде того, что *Вергилий* болел чахоткой («Давыдову» («Нельзя, мой толстый Аристип...»)) (1824), ст. 9—10) и «разводил сад на берегу моря, недалеко от города» (письмо к Л. С. Пушкину от 24 сент. 1824 — Акад. XIII, 19), а сочинения Аврелия Виктора одно время приписывались Корнелию Непоту («Мы проводили вечер на даче...», варианты автографов — Акад. VIII, 990); он проникательно, глубже нек-рых профессиональных историков понимал реальный смысл нек-рых явлений истории Рима, увидев, например, в Бруте не только революционера, но и консерватора, мстившего Цезарю за разрушение «коренных постановлений отечества» («О народном воспитании» — Акад. XI, 46); он, действительно, «читал и перечитывал» не только Вергилия («Бова», 1814, ст. 6—7), но также и др. авторов. Однако такое знание не было образованностью в современном нам смысле слова, критерии научности и академической выверенности суждений к нему мало приложимы, как то явствует из нередких в отзывах П. об античности и древнем Риме неточностей и ошибок. Они касаются языка, напр.: в «Замечаниях на „Анналы” Тацита» *remisit Caesar* переведено «Цезарь позволил» (правильно: отклонил); там же *vici Marsorum* переведено «Марсорские селения», тогда как речь идет о селениях герм. племени марсов, а слог *-or* есть лишь элемент падежной формы; написание «Калигулла» («Вольность», 1817, ст. 75) указывает на нечеткое представление о лат. суффиксации; и т. д. Есть неточности в хронологии: Лукан жил не «гораздо позже» Квинтилиана, как говорится в «(Возражении на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов”)» (Акад. XI, 25), а был старшим его современником; «без гнева и пристрастия» — знаменитое изречение Тацита, а не слова жившего веком раньше Вергилия, как значится в подписи под эпиграфом к черн. автографу «Отрывка из литературных летописей» (1829) (Акад. XI, 347); в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 (Акад. XIII, 177), насколько можно понять, искажена относительная хронология «золотого» и «серебряного» веков рим. лит-ры. При поразительном знании П. деталей рим. жизни имеются нарушения исторической достоверности и в этой области: в ст-нии «Лицинию» (ст. 1—4) «Ветулий молодой» летит в Риме сквозь толпу «на быстрой колеснице» — ситуация невозможная, т. к. пользование конными упряжками вне сакральных церемоний было в Риме категорически запрещено; и др.

Дело не в «несовершенстве» пушкинского знания античности, а в том, что то было знание принципиально иного типа, нежели научно-академическое. Если ученый-историк рассматривает свой материал объективно, отвлекаясь от личных пристрастий, и цель его работы — не самовыражение, а установление истины, то П. знал историю как содержание собственной духовной биографии, через отношение к ней выражал себя и менял это свое отношение под влиянием эволюции собственных взглядов. Наследие античности воспринималось им как часть такой переживаемой истории, оно было дано ему в виде галереи событий и лиц, в к-рых внешние, объективные, фактические характеристики неотделимы от переживания их поэтом и неотделимы от времени, как своего, так и того, сквозь к-рое П. их воспринял, живуч как самоценные его детали, anecdotes. Поэтому один из гл. героев П.,

Онегин, «хранил в памяти» всю мировую историю как «дней минувших анекдоты» (гл. I, б. 12—14); поэтому такую большую роль в восприятии П. античности играли фр. пер. XVIII в. и двуязыч., греко- или лат.-фр., изд. древних авторов, по к-рым П. чаще всего знакомился с их соч. — они были для него частью фр. лит-ры эпохи Просвещения, на к-рой он вырос; поэтому познания П. в области античности были неотделимы от его жизненного опыта, носили экзистенциальный характер и строились не столько на рациональном знании, сколько на особом, присущем ему «чувстве древности», по точному выражению акад. М. П. Алексеева.

Пушкинское «чувство древности» проявляется в нескольких формах. Во-первых, антич.-рим. «информация» живет у поэта где-то на грани ясной памяти и смутного припоминания, уходя в образно-эмоциональные глубины подсознания. Так, среди «Отрывков из Путешествия Онегина» есть и такой: «Онегин посещает потом Тавриду: Воображенью край священный: С Атридом спорил там Пилад, Там закололся Митридат, Там пел Мицкевич вдохновенный...» (Акад. VI, 199). П. помнит сообщения древних историков (или их фр. перелагателей) о том, что Митридат сначала пытался отравиться, и потому в черновиках начинает со строки «Там отравился Митридат» (Акад. VI, 487). Но припоминает он и то, что с темой смерти Митридата от яда связаны какие-то сложности: в хрестоматиях и сб-ках ист. анекдотов (в частности, в соч. позднего рим. автора Юстина (Justinus), к-рое в XVIII в. издавалось обычно под загл. «Всемирная история» и пользовалось широкой популярностью) неоднократно встречались рассказы про то, как Митридат закалял свой организм, принимая в растущих дозах разл. яды и как поэтому в решающий момент яд не подействовал. П. исправляет первонач. строку на «Там умер гордый Митридат» (там же). Однако этот слишком общий, незрительный вариант его тоже не удовлетворяет, и в памяти, по-видимому, всплывает (вероятнее всего, из примеч. к тому же весьма живописному рассказу Юстина в кн. 37, гл. 1) картина, как Митридат нанес себе удар мечом, долго не умирал и наконец расстался с жизнью; лишь тогда возникает окончательное: «Там закололся Митридат». Подобных мест у П. много.

Другая форма проявления «чувства древности» — способность П. проникать в глубину антич. эпохи, ситуации или героя через нек-рые детали, сами по себе ошибочные либо несущественные, но способные пробуждать совершенно точную образно-историческую интуицию. Так, в черн. наброске к гл. VI «Евгения Онегина» (Акад. VI, 411) читаем: «И Кесарь слезы проливал (Вариант: И Кассий слезы проливал) — [Когда он] друга [смерть узнал] (Вариант: Когда он Брута смерть узнал) И сам был ранен очень больно (Варианты: а. Так и в пылу народной брани б. Так и среди народной брани) (Не помню где, не помню как)». Кассий не мог скорбеть о смерти Брута, т. к. покончил с собой раньше него; он не был ранен ни вообще, ни тем более «очень больно», т. к. отпущенник убил его сразу; о слезах Кассия не упоминает, кажется, ни один источник. Словами «не помню где, не помню как» П. выразил действительную неопределенность своих знаний; но душевное состояние мн. римлян в эпоху гражд. войн: их слезливость, чувствительность, находившаяся одновременно и в смеси, и в контрасте со старинной рим. суровостью и обозначавшаяся словом «humanitas», постоянная нервная взвинченность, легкость самоубийства — воспринято им как бы изнутри и безошибочно.

Особенно ясно сказывается «чувство древности» П. в его пер. из антич. авторов. Так, в наброске пер. оды Горация I, 1 («Царей потомок, Меченат...»), 1833) в строках (5—6) «И заповеданной ограда Касаясь жгучим колесом» слово «ограда» может означать только длинную низкую каменную стенку, шедшую по продольной оси рим. арены, а вносящий сакральный оттенок эпитет «заповеданная» имеет единственное, кажется, объяснение в том, что под оконечностями этой стенки находились маленькие подземные святилища бога Конса, покровителя урожаев и конских ристаний. Обе дета-

ли в подлиннике отсутствуют, переводит П. явно с опорой на фр. текст, но из неустановимого источника в сознании поэта возникает отчетливая картина рим. цирка, столь верная, что, накладываясь на предельно сжатое описание Горация, она дополняет, расцветчивает и даже уточняет его. Иногда «чувство древности» обостряется до такой степени, впечатления античности укоренены в творческом подсознании П. настолько, а реалии антич. мира сливаются с его переживанием истории и культуры столь тесно, что проявляются в формах, не находящих себе однозначного рационально-логического объяснения. Мы не можем сказать, напр., как П., практически не зная греч. яз. и переводя эпитафию Гедила («Славная флейта, Феон, здесь лежит...», 1832) с фр. прозаического переложения, тем не менее точно восстанавливает метрическую структуру греч. подлинника; где проходит граница между чисто лирическим самовыражением П. и воссозданием мыслей и образов Горация в ст-нии «Из Пиндемонти»; чем объясняется почти полное совпадение стиха 9 («Слух обо мне пройдет по всей Руси великой») в ст-нии «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» со строкой Овидия из «Тристий» (IV, IX, 19: «Nostra per immensas ibunt preconia gentes»; пер. С. Ошерова: Но средь бескрайних племен разнесутся мои вещеванья), — случайностью или инерцией постоянных подспудно живущих лат. ассоциаций.

Так находит себе объяснение отмеченная выше концентрация антич. мотивов в творчестве П. последних лет жизни и их особый характер. Первая треть XIX в. в целом характеризуется изживанием антично ориентированного компонента европ. культуры и выходом на передний план более непосредственно жизненных сторон культ.-ист. процесса. В этой атмосфере наглядно сопоставлялись две системы критериев и ценностей. С антич. наследием связывалось представление о высокой гражд. норме (в виде прямой верности ей или в виде демонстративных и условных от нее отклонений), о классическом равновесии субъективного и объективного начал в жизни и искусстве, о совершенстве эстетич. формы как выраженном единстве личного таланта художника и воздействия его на об-во. Мировоззрение, шедшее на смену, строилось на понимании ценности рядового человека, важности условий его повседневной-трудовой жизни, народно-национальной субстанции его существования. Культура, выигрывая в гуманизме, теряла в ист. масштабе и чувстве своего мирового единства; искусство, выигрывая в остроте и точности передачи личного переживания, теряло в гармонизирующей силе прекрасного. Время П. знаменует момент краткого неустойчивого равновесия этих двух начал; не случайно именно оно составило содержанье величайшего произв. П., открывающего заключительный период его творчества, — «Медного всадника», и именно оно представлено в культурном контексте позднего П.

Дальнейшее ист. движение означало сдвиг от первого из этих полюсов ко второму, тем самым — нарушение их равновесия и, следовательно, исчезновение основы, на к-рой строились высшие духовные достижения эпохи, в их числе творчество П. и сама его жизнь. Особенности антич. материала в прозе и поэзии П. 1833—1836: повышенная, как бы прощальная интенсивность; ориентация на перевод, т. е. на непосредственный контакт с худож. плотью эпохи; восприятие ее в кризисных, предсмертных или посмертных, проявлениях; появление ст-ний антологического типа, где антич. мир оглядывался на себя в своем несколько безжизненно-застылом эстетич. совершенстве; обилие произв., начатых автором, тут же утративших для него интерес и потому оставленных в черновике, — указывает на владевшее П. в эти годы кризисное чувство: с одной стороны, ощущение своей неразрывной связи с антич. каноном европ. культуры и его модификациями — с XVIII в., с петровско-екатерининско-петерб. фазой рус. истории; с другой — невозможности далее мыслить и творить на их основе. Речь шла не о теорет. проблемах, а о жизненном самоощущении. Кризисное чувство, свя-

занное с судьбой антич. наследия, было органичной и важнейшей частью той духовной атмосферы расхождения с обществом и властью, с временем, к-рая окутывала последние годы жизни поэта и сыграла роковую роль в его гибели. Поэтому создавая свое поэтич. завещание — «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — и посвятив его расхождению своему с обществом и властью, с временем, П. лишь тогда переписал его набело, т. е. счел законченным и совершенным, когда открыл его переводом двух строф оды Горация III, 30 — тоже прощальной.

Лит.: Любомудров С. И. 1) Античный мир в поэзии Пушкина. М., 1899. (Отд. отт. из кн.: Календарь Лицея в память цесаревича Николая на 1899/1900 уч. год. Сер. II. Год VI. М., 1899); 2) Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901; Черняев П. 1) А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899; 2) А. С. Пушкин и античный мир // Гимназия. 1899. № 3. С. 1—16; № 6. С. 17—48; Малев А. И. Пушкин и античный мир в лицейский период // Гермес. 1912. № 17 (103). С. 437—442; № 18 (104). С. 467—471; Гельд Г. Г. Пушкин и Афиней // ПиС. Вып. 31/32. С. 15—18; Сироткин М. С. К вопросу об отношении А. С. Пушкина к античности // Изв. Азерб. ун-та им. В. И. Ленина. Обществ. науки. 1927. Т. 8—10. С. 35—39. Прилож.; Немировский М. Я. Пушкин и античная поэзия: (Из блокнота читателя-филолога) // Изв. Сев.-Кавказ. пед. ин-та. Орджоникидзе, 1937. Т. 13. С. 75—93; Дератани Н. Ф. Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит. 1938. Вып. 4. С. 5—34; Толстой И. И. Пушкин и античность // Учен. зап. ЛГПИ. 1938. Т. 14. С. 71—86; Покровский М. М. Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5. С. 27—56; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Там же. Т. 6. С. 92—159; Тимофеева Н. А. Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1954. Т. 83. Каф. классич. филологии. Вып. 4. С. 3—18; Burgi R. Puškin and the Deipnosophists // Harvard Slav. Studies. Cambridge (Mass.), 1954. P. 266—270; Дружинина Н. М. К вопросу о традициях античной драматургии в «Маленьких трагедиях» Пушкина // Учен. зап. ЛГПИ. 1957. Т. 150. Ист.-филол. ф-г. Вып. 2. С. 3—18; Алексеев М. П. 1) К источникам «Подражаний древним» Пушкина // Врем. ПК. 1962. С. 20—28 (То же // Алексеев П. Сравн.-ист. исслед. С. 393—400; [2-е изд.] С. 403—410); 2) Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967 (То же // Алексеев П. и мировая лит-ра. С. 5—265); Ванслов Вл. В. А. С. Пушкин «золотом веке» римской литературы // Учен. зап. Калинин. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина. 1963. Т. 36. С. 3—47; Costello D. P. Pushkin and Roman Literature // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 46—55; Busch W. Horaz in Russland. München, 1964. S. 154—164; Суздальский Ю. П. 1) Пушкин и некоторые вопросы классической филологии начала XIX века // Межвуз. науч. конф. литературоведов, посвящ. 50-летию Октября: Программа и краткое содерж. докл.: 15—22 ноября 1967 г. Л., 1967. С. 106—110; 2) Символика античных имен в поэзии А. С. Пушкина // Русская литература и мировой литературный процесс: Сб. науч. тр. Л., 1973. С. 5—42; 3) Античный мир в изображении А. С. Пушкина: К вопросу о традициях и новаторстве // Страницы русской литературы середины XIX века. Л., 1974. С. 3—33; Тахо-Годи А. А. 1) Эстетико-жизненный смысл античной символики Пушкина // Писатель и жизнь: Сб. историко-литературных, теоретических и критических ст. М., 1968. Вып. 5. С. 102—120; 2) Жанрово-стилевые типы пушкинской античности // Писатель и жизнь. М., 1971. Вып. 6. С. 180—200; Tschizewskij D. Morgen in der Grossstadt: Puškin und Kallimach (Lesefrüchte, III. Reihe, № 16) // Die Welt der Slaven. 1970. Bd 15. S. 288—291; Reeder R. F. The Greek anthology and its influence on Pushkin's poetic style // Canad.-Amer. Slavic. Studies. 1976. Vol. 10. P. 205—227; Бонди С. М. Пушкин и русский гекзаметр // Бонди. О Пушкине. С. 310—371 (2-е изд. С. 307—370); Мальчукова Т. Г. 1) Античное наследие и современная литература. Петрозаводск, 1988. С. 14—22; 2) Античность и мы: Кн. для учителя. Петрозаводск, 1991. С. 21—29; 3) Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1997. Кн. 1—2; Митрохина М. И. Функция античных образов в произведениях А. С. Пушкина // Актуальные проблемы исторических наук. М., 1988. С. 80—82; Albrecht M. von. Rom: Spiegel Europas. Heidelberg, 1988. S. 207—280, 433—472; Wes M. Classics in Russia, 1700—1855. Leiden e. a., 1992. P. 128—172; Таривердиева М. А. Латынь в творчестве А. С. Пушкина как отражение роли античности в светском образовании в России // П. и слав. мир. С. 94—95; Кнабе Г. С. 1) Пушкин и античность // Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 145—153 (То же // Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекционного курса. М., 2000. С. 145—153); 2) Пушкин и антич-

ность: Годы перелома // *Slavic almanach: The South African Year Book for Slavic, Central and East European Studies*. 1999. Vol. 5. № 7/8. P. 32—50; Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» (25—26 мая 1999): [Сб. ст.]. М., 1999; *Раскольников Ф.* Место античности в творчестве Пушкина // *РЛ*. 1999. № 4. С. 3—25.

Г. С. Кнабе

АПУЛЕЙ (Apuleius, род. ок. 124 до н. э.), рим. писатель, автор романа «Метаморфозы», известного также под широко употребляемым загл. «Золотой осел» («*Metamorphoses seu de Asino aureo*»).

П. упомянул А. лишь дважды, оба раза в «Евгении Онегине». В черновике предисл. к гл. I (1824), подчеркивая «наблюдение» в ней «строгой благопристойности в шуточном описании нравов» в отличие от «сатирических писателей», к-рые «далеко не редко не сохраняли должного уважения к читателям и к прекрасному полу», он назвал в числе последних и А., но затем вычеркнул — вероятно, как выходявшего своей непристойностью за допустимые границы, соблюдаемые др. перечисляемыми писателями (*Ювеналом, Петронием, Вольтером и Байроном*) (Акад. VI, 528). В гл. VIII, строфе 1 (1829), содержащей лирич. отступление о лицейских годах, П. вспоминает, что в то время «читал охотно (в черновике: украдкой) Апулея», имея в виду занимательное авантюрное содержание «Золотого осла», в первую очередь многочисленные фривольные сцены, и противопоставляя его обязательным, скучным для ученика программным серьезным лат. авторам — *Цицерону* и (в черновике) *Вергилию* (Акад. VI, 165; привлекательность для подростка эротической стороны романа оттеняется контекстом строфы в черновике. — Там же. С. 507). Вставная сказка об Амуре и Психее, известная П. также в переложении *Ж. де Лафонтена* и стихотв. его обработке И. Ф. Богдановича («Душенька», 1783), служила П. одним из лит. источников «Руслана и Людмилы», а также, по мнению Н. Д. Тмарченко, сна Татьяны в «Евгении Онегине».

Язык А., отличавшийся стилистическим разнообразием и «африканской напыщенностью» (*tumor Africus*), был труден для понимания ученику Лицея, так что П. читал «Золотого осла», вероятно, или в рус. пер. Е. И. Кострова (1780—1781), или во фр. пер.

В имевшемся у П. позднем (1835) издании соч. А. на фр. яз. разрезана частично лишь биогр. статья (Библиотека П. № 613).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Лафонтен // П. Врем. Т. 3. С. 225—238; *Тмарченко Н. Д.* Сюжет сна Татьяны и его источники // Болд. чтения, [1986]. 1987. С. 114—126; *Бетеа Д. М.* Мифо-поэтическое сознание у Пушкина: Апулей, «Купидон и Психея» и тема метаморфозы в «Евгении Онегине» // Пушкинская конф. в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 208—232.

С. Б. Федотова

АРИОН (Ἀρίων, ок. 600 до н. э.), греч. поэт и музыкант, чьи соч. не сохранились. Согласно рассказанной Геродотом (История I, 24) легенде, получившей широкое отражение в лит-ре и иск-ве, А., плывший из Италии в Коринф с накопленными богатствами, стал жертвой заговора корабельщиков, решивших его убить, чтобы завладеть сокровищами. Перед смертью они позволили ему исполнить прощальную песню в полном наряде певца. Окончив ее, А. бросился в море, но был спасен очарованным его пением дельфином, к-рый вынес его на берег.

П. обратился к этой легенде в ст-нии «Арион» (1827), в к-ром далеко от нее отступил, сохранив лишь имя поэта-певца и мотив спасения, а в остальном наполнив ст-ние деталями и содержанием, не имеющими в ней соответствия; единственный стих, с нею соотносившийся («Спасен Дельфином я пою» — Акад. III, 593, 594), фигурировал в промежуточные моменты работы над ст-нием, а в окончательный текст не вошел. В той трансформации, какую претерпел у П. антич. миф, он приобрел широкий спектр разл. воз-

можных интерпретаций. Общепринятое в сов. пушкиноведении толкование ст-ния как аллегории декабрьского восстания, судьбы его участников, друзей П., и самого поэта не может считаться единственным и окончательным (см. статью «Арион» в т. «Творчество» и лит-ру к ней).

Двойственное написание имени антич. певца в автографе (первонач. «Орион»), что совпадает с именем мифол. великана, сына Посейдона, — Акад. III, 593) не может служить основанием для предположения (С. А. Фомичев) о контаминации П. двух мифов, т. к., представляя собою очевидную (исправленную) опisku, не получило никакого отражения в основном тексте ст-ния. Вместе с тем в письме к П. А. Плетневу ок. (не позднее) 11 окт. 1835 П. предлагал обыграть созвучие этих имен в названии задумывавшегося альманаха: «Ты требуешь имени для альманаха: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему» (Акад. XVI, 56; см. коммент.: Письма посл. лет. С. 278).

Лит.: Геродот. История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратоновского. Л., 1972. С. 17—18; Глебов Г. С. Об «Арионе» // П. Врем. Т. 6. С. 296—304; Суздальский Ю. П. «Арион» Пушкина // Литература и мифология. Л., 1975. С. 3—21; Нemiровский И. В. Декабрист или сервиллист? // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 178—179; Фомичев С. А. Служенье муз: О лирике Пушкина. СПб., 2001. С. 13—19.

С. Б. Федотова

АРИОСТО, Ариост, Арьост (Ariosto) Лудовико (1474—1533), ит. поэт, комедиограф, служивший при дворах кардинала Ипполито д'Эсте и феррарского герцога Альфонса I д'Эсте. В своем гл. произв., поэме «Неистовый Роланд» (*Orlando furioso*, ок. 1502—1532, первое изд. в 40 песнях — 1516, второе — 1521, окончательный вариант в 46 песнях — 1532), А., творчески использовав образы, мотивы, сюжеты и способы организации антич. эпоса, нар. сказаний каролингского и артуровского (бретонского) циклов, ср.-век. рыцарских романов и ит. рыцарских поэм XIII—XV вв., создал оригинальное многоплановое повествование, совершенная худож. форма к-рого выразила ренессансное понимание мироздания, межчеловеческих отношений и отдельной личности как сложного динамичного и непредсказуемого взаимодействия многочисленных сил божественного промысла, природы, культуры и индивидуальных волей. Восторженно принятая современниками, выдержавшая при жизни автора 17 переизд., поэма во все последующие времена пользовалась неизменной популярностью, к-рую ей создали и сохраняли увлекательность рассказа, неистощимая фантазия, жизнерадостный юмор, тонкий поэтич. вкус и мастерство версификации. «Неистовый Роланд» неоднократно переводился на разл. ит. диалекты, латынь, фр., исп., англ., нем., рус. яз. и вызвал множество подражаний.

В России широкая известность поэмы наблюдается с середины XVIII в., ее образы, мотивы и сюжеты бытуют в рукописной традиции, используются без доп. пояснений в публицистике, и переводы отрывков из нее публикуются в ж-лах и сборниках. Первый рус. неполный (без песен 34—46) пер. поэмы (опубл. 1791—1793) был выполнен П. С. Молчановым (1770—1831) с фр. прозаич. переложения (1741) Ж.-Б. Мирабо (Mirabaud, 1675—1760) и вызвал в целом одобрительную оценку Н. М. Карамзина (Моск. журнал. 1791. Ч. 2. Июнь. С. 324). Особенно актуален становится «Неистовый Роланд» на рубеже XVIII—XIX вв. в связи с раннеромантич. оживлением интереса к европ. средневековью и разработкой жанра нац. сказочно-богатырской (волшебной-рыцарской) поэмы. В рус. критике 1810—1820-х «Неистовый Роланд» предстает образцом поэмы романтич. склада. В это время ставится, но не находит решения проблема полного пер. поэмы А. на рус. яз. октавами и размером подлинника; виднейшую роль в пропаганде творчества А. играет К. Н. Батюшков.

Знакомство П. с «Неистовым Роландом» могло состояться еще в детстве. Сведения об А. включены в лицейский курс истории словесности и эстетики. Взгляды зрелого П. на поэзию А. были основаны на подробных очерках его творчества в кн.: «Литературная история Италии» («Histoire littéraire d'Italie», 1811—1824) П.-Л. Женгене (Ginguené, 1748—1816) и «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829) швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842).

Отношение П. к поэме А. впервые косвенно выражено в ст-нии «Городок (К***)» (1815), где его любимый автор *Вольтер*, создатель «Орлеанской девственницы», назван внуком «Арьоста» (ст. 104), т. е. продолжателем его поэтич. традиции. Впоследствии в критических заметках и письмах П. упоминал А. неизменно как одного из величайших ит. поэтов. В письме к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 он досадовал на худож. пристрастия В. А. Жуковского, выражая желание, чтобы тот взялся за пер. целого большого поэтич. произв.: «...он переводит и переводит отрывками — иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура» (Акад. XIII, 40). Возражая в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 на его утверждение о том, что в лит-ре за «веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета» (*Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов* // Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547), П. включил А. в опровергающий этот тезис хронологический ряд великих ит. поэтов (Акад. XIII, 177). Та же мысль отражена в заметке «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»)», апр.—май 1825 (Акад. XI, 25). В статье «(“Бал” Баратынского)» (1828) он выступает против распространенного в текущей критике неумеренного отождествления соврем. рус. литераторов с великими писателями прошлого: «Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов...» (Акад. XI, 75, примеч.).

П. всегда причислял А. к романтич. направлению и последовательно возражал против отнесения его к писателям-классикам (письмо к П. А. Вяземскому от 25 мая и ок. сер. июня 1825 — Акад. XIII, 184; заметка «(Письмо к издателю „Московского вестника“»)», 1828 — Акад. XI, 67). Видя в А. одного из крупнейших представителей ит. лит-ры, П. включал его имя как антитезу в рассуждения о позднем развитии лит-ры Франции, ее отставании от др. европ. литератур и о неправомерности притязаний фр. классицизма на определяющую роль в соврем. лит. эстетике. А. упоминается П. в перечнях поэтов XVI—XVII вв., принесших славу своим нац. лит-рам до возникновения фр. классической лит-ры и фр. классицизма: «Англия противу имен Dante, Ариосто и Калдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира» («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 37). Еще более решительно эта мысль высказана в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834): «...у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камознсом, *rima des triolets, fit fleurir la ballade*» (Акад. XI, 269; пер.: триолеты слагал, балладу к расцвету привел).

С представлением о романтич. направлении творчества А. у П. связано представление о народности его произведений. В черн. заметке «(О народности в литературе)» (1825, после 15 мая—1826) П. приводит «Неистового Роланда» наряду с произв. *Шекспира*, *Лопе де Веги*, *Кальдерона*, *Ж. Расина* в качестве одного из примеров нар. взгляда на изображаемые события, взятые из жизни других народов: «Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую (царевну) (...) Мудрено однако же у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности» (Акад. XI, 40). В статье «О поэзии классической и романтической» (2-я пол. 1825) он отмечает, что

поэма А. продолжала уже существовавшую нац. традицию в ит. словесности: «В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной: были поэмы прежде Ариостова Орlando, были трагедии прежде созданий de Vega и Калдерона» (Акад. XI, 38). Последнее утверждение было повторено П. в статье «О ничтожестве литературы русской» без упоминания имени А. (Акад. XI, 270—271). Сочетание представлений о романтизме и народности поэта вкупе с комплиментом, включающим имя А., находится также в письме З. А. Волконской к П. от 29 октября 1826 (Акад. XIII, 299). Вместе с тем П. отмечал в творчестве А. черты сервиллизма. В письме к А. А. Бестужеву (конец мая—нач. июня 1825), в перечне примеров покровительства властителей поэтам, к-рым П. себя противопоставляет, упоминается, что «Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства» (Акад. XIII, 179).

Первая поэма П., «Руслан и Людмила» (соч. 1817—1820, изд. 1820, 2-е изд. 1828), была воспринята соврем. ему критикой как подражание А. (см.: Прижизн. критика, 1820—1827. С. 25—106), что было обусловлено ожиданием отечественной «романтической» (т. е. волшебной-рыцарской) поэмы и что позволяли в ней видеть мн. ее формальные, содержательные и стилистические особенности. Большинство из них подробно рассмотрено М. Н. Розановым в сопоставлении с «Неистовым Роландом». Исследованные Розановым элементы повествования не являются отличительной индивидуальной чертой повествовательного стиля А., но были восприняты им из предшествующей традиции и после него имели широкое хождение в европ. лит-рах, а потому невозможно в каждом конкретном случае говорить однозначно о заимствовании П. у А.; тем не менее воссозданный в «Руслане и Людмиле» образ волшебной-рыцарской поэмы-романа в шутивно-пародийном тоне с внезапными переходами между несколькими сюжетными линиями и с лирическими отступлениями был связан в пушк. эпоху и много позже именно с представлением о «Неистовом Роланде». Сам П. в «(Опровержении на критики)», 1830 (Акад. XI, 145) указал одно свое подражание А. в «Руслане и Людмиле»: песнь IV, ст. 325—328 в изд. 1828 г. и их более распространенный вариант в изд. 1820 г. (Акад. IV, 59), написанные под влиянием октав 45—50 VIII песни (в Акад. ошибочно: canto V o (tava) VIII, следует: canto V o VIII, т. е. песнь V или VIII) «Неистового Роланда» (покушение отшельника на честь Анджелики). Заметка о «Руслане и Людмиле» в «(Опровержении на критики)» тематически связана с заметкой там же о поэме «Граф Нулин»; в обеих П. отклоняет упреки в «вольности» этих произв., приводя в пример, среди прочего, «шалости» А. и других «творцов шутивных повестей» (Акад. XI, 145, 156). Письмо к К. Ф. Рылеву от 25 янв. 1825 показывает, что в работе над «Евгением Онегиным» П. в числе прочего ориентировался на стилистику «легкого и веселого» повествования в «Неистовом Роланде» (Акад. XIII, 134).

В 1-й пол. 1826 П. перевел отрывок из «Неистового Роланда» (Роланд в приюте Медора и Анджелики, XXIII, 100—112) с пропусками и изменениями, сохранив, хотя и весьма удачно (Анненков. Материалы. С. 159), лишь общий колорит повествования А. (Акад. III, 14—18, 569—575). Этот отрывок привлекал внимание переводчиков и до П.: Батюшков опубликовал его прозаич. переложение (ВЕ. 1817. Ч. 95. № 17—18. С. 17—29); П. А. Катенин перевел из него в 1822 г. стансы Медора и опубликовал их в 1832.

Касаясь в статье «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (1836) проблемы перевода идиоматических выражений, П. в подтверждение своего тезиса о заведомой неверности «подстрочного перевода» (Акад. XII, 144) указал на ошибку аноним. рецензента, упрекнувшего С. Е. Раича в том, что он в своем пер. «Неистового Роланда» (Ч. 1. М., 1832) якобы неверно передал выражение «far batteri la guancia» (песнь I, октава 6) — «наказать» и предложившего буквальный пер. «заставить выбить себя по щекам» (Телескоп. 1832. № 4. С. 603). П. по этому поводу заметил: «*Vat-*

tarsi (так у П. — А. Д.) *la guancia* значит раскаться; перевести иначе не имело бы никакого смысла». В рус. пер. этого фрагмента (К. Н. Батюшков 1817, С. Е. Раич 1832, М. Л. Гаспаров 1993) выражение «*far battersi la guancia*» неизменно передается «наказать, покарать», т. е. равнозначно ит. «за-ставить раскаться».

В 6-ке П. сохранилось подготовленное А. Буттура (Buttura, 1771—1832) парижское изд. «Неистового Роланда» (1825), из восьми томов к-рого разрезаны первый том полностью и второй частично (Библиотека П. № 552). Полный текст «Неистового Роланда» входил также в несохранившуюся антологию ит. лит-ры «*I quattro poeti italiani...*» (2 ed. 1836), изданную также А. Буттура (Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. С. 43. № 155).

Лит.: *Налимов А. П.* Отзвуки итальянской поэзии у Пушкина: (Историко-литературная заметка) // *Образование*. 1899. № 5/6. С. 57—59; *Borri V. F.* Un poemetto russo d'imitazione ariotesca: «*Ruslan e Liudmilla*» di A. Puškin. Parenzo, 1925; *Ванслов Вл. В.* Западноевропейская литература в оценках Пушкина // *А. С. Пушкин: 1837—1937*. М., 1937. С. 128; *Розанов М. Н.* Пушкин и Ариосто // *Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук*. 1937. № 2/3. С. 375—412; *Гроссман Л. П.* Стиль и жанр поэмы «*Руслан и Людмила*» // *Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина*. 1955. Т. 48. Каф. рус. лит. Вып. 5. С. 147, 160—161, 164—165; *Томашевский*. Пушкин, I. С. 75, 305, 357—365; *Lo Gatto E.* L'Ariosto nella letteratura russa // *Nuove lettere emiliane*. 1965. № 9/11. P. 5—12; *Горохова Р. М.* 1) Ариосто в России: (Материалы к истории изучения и восприятия) // *РЛ*. 1974. № 4. С. 115—126; 2) Из истории восприятия Ариосто в России // *Convegno Internazionale: Ludovico Ariosto (27 settembre—5 ottobre 1974)*. Roma, 1975. P. 537—539; 3) Ариосто и Пушкин // *Europa orientalis*. 1993. № 1. P. 235—244; 4) Ариосто в России // Ариосто Л. Неистовый Роланд / Пер. М. Л. Гаспарова; изд. подгот. М. Л. Андреев и др. М., 1993. [Т. 2]. *Песни XXVI—XLVI*. С. 468—472; *Solonovič E.* Dall'Ariosto di Puškin all'Ariosto di Mandel'stam // *Russica e Italica: Saggi sui rapporti culturali / A cura di E. Bor-ravelli*. Torino, 1994. P. 64—88.

А. О. Дёмин

АРИСТОТЕЛЬ (Ἀριστοτέλης, 384—322 до н. э.), греч. философ и ученый-энциклопедист, чье обширное наследие, значительная часть к-рого была утрачена еще в древности, включает трактаты «Риторика» (Ῥητορικὰ) и «Поэтика» (Ποιητικὰ, т. е. «Об искусстве поэзии», между 336 и 322), оказавшие громадное влияние на развитие теории красноречия и лит-ры. «Поэтика», явившаяся первым систематическим изложением этого предмета как самостоятельной дисциплины, но сохранившаяся в неполном (только кн. I) и не подготовленном автором для публикации виде, содержит общие вопросы теории искусства, учение о трагедии и эпосе. В XVI—XVII вв. этот трактат приобрел значение фундаментального, нормативного эстетич. руководства. На его основе было сформулировано правило «трех единств» для драматургии (сам А. установил определенно единство действия и частично времени), ставшее важнейшим положением лит. теории классицизма. В эпоху романтизма «единства» воспринимались как подлежащие разрушению стеснительные оковы драматургии, препятствующие сближению ее с «природой», т. е. достоверному и эстетически выразительному изображению жизни и характеров во всем их разнообразии.

Концептуальные упоминания А. у П. относятся ко времени его подступов к драматургии, оценки разных драматургических систем и активного знакомства с творчеством *Шекспира* (на фр. яз.). Говоря об отсутствии во Франции романтизма, П. противопоставлял «классиков», бьющихся «в старых сетях Аристотеля», освободившимся из них «романтикам» (см. письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 (черн.) и 5 июля 1824 — Акад. XIII, 381, 102; ср. письмо Е. А. Баратынского от 1-й пол. дек. 1825 — Акад. XIII, 253). Позднее в одном из вариантов статьи «(Письмо к издателю „Московского вестника“» (1828) П. писал о «Борисе Годунове»: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира, принеся

[ему] в жертву пред его алтарь два [Аристотелев(ы)] классические единства, и едва сохранив последнее» (Акад. XI, 338).

Отказ от соблюдения «единств» не умалял А. в глазах П. ни как великого ученого (см.: «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 268), ни как законодателя классической драматургии (признание этой его роли высказано косвенно в статье «О поэзии классической и романтической» (1825), где применительно к ср.-век. мистериям выражено сожаление по поводу того, что «в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии» — Акад. XI, 37).

Лит.: Ковальчук Л. В. Рассуждения о драме А. С. Пушкина и теории драмы Аристотеля // Крымская науч. конф. «Пушкин и Крым»: Тез. докл. 24—29 сент. 1989 г. Симферополь, 1989. С. 22—23.

С. Б. Федотова

АРИСТОФАН (Ἀριστοφάνης, ок. 445—ок. 386 до н. э.), греч. драматург, писавший блестящие острые комедии на злободневные обществ. и полит. темы.

В статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)» (1830) П. упомянул А. (в зачеркнутом варианте) в качестве создателя жанра комедии, первым овладевшего «исключительно» (т. е. полностью, совершенно) смехом как пружиной драматич. действия и т. о. придавшего сатире «форму драмы» (Акад. XI, 421).

В кругу арзамасцев насмешливое прозвище «Аристофан» закрепилось за драматургом А. А. Шаховским (впервые: [Дашков Д. В.]. Письмо к новейшему Аристофану // СО. 1815. № 13. С. 140—148), при этом подразумевались его консервативные лит. взгляды, неприятие нового, портретность его персонажей, памфлетность его пьес, выразившиеся в комедиях «Новый Стерн» (1805) и особенно «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815) и воспринимавшиеся как аналогия ориентации греч. комедиографа на минувшие времена, его патриархальных представлений и едких насмешек над Сократом и *Еврипидом* — представителями новых течений в философии и трагедии. Шаховского имел в виду зачеркнутый стих «Сиятельный Аристофан!—» в черновике пушк. ст-ния «И я слышал, что божий свет...», 1818 (ПД 829, л. 50 об.; Акад. II, 464 как самостоятельный отрывок; Акад. 2 П, кн. 1, 158). Об Аристофане-Шаховском насмешливо-poleмически говорилось в письме П. А. Вяземского к П. от 19—20 февр. 1820 (Акад. XIII, 12—13). П. А. Катенин, состоявший с Шаховским в приятельских отношениях, трижды в своих письмах к П. (24 ноября 1825, 27 марта 1828, 16 мая 1835 — Акад. XIII, 242; XIV, 8; XVI, 26) обращал его внимание на «историческую комедию в древнем роде» Шаховского «Аристофан, или Представление комедии „Всадники“» (премьера 19 ноября 1825; изд.: М., 1828), где в образ главного персонажа автор вложил много личного; никаких отзывов П. об этой пьесе неизвестно.

В 6-ке П. имелся фр. пер. комедий А. (Paris, 1762 — Библиотека П. № 553).

С. Б. Федотова

АРНО (Arnault) Антуан-Венсан (1766—1834), фр. поэт и драматург, член Французской академии. Приверженец Наполеона, лично к нему близкий и занимавший высокий административный пост в системе нар. просвещения, член Палаты представителей в период Ста дней. В начале Реставрации, в 1816, А. был выслан из Франции и получил разрешение вернуться лишь в 1819. Широкую известность в Европе получила его романтическая элегия (по авторскому определению, «басня») «Листок» («La feuille», 1815), к-рая толковалась как выражение чувств полит. изгнанника. В России ее переводили Д. В. Давыдов (1816—1818), В. Л. Пушкин (1816), П. И. Шаликов

(1817), В. А. Жуковский (1818) и др. (не менее семи переводов при жизни П.). Басни А. переводили И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский. В 1819 в кругу друзей и знакомых П. проявлялся оживленный интерес к творчеству и судьбе поэта-изгнанника, тогда же и П. перевел из «Французской антологии» («Anthologie française...», 1816) ст-ние А. «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени...»); загл. фр. подлинника в «Антологии»: «La Solitude»). Последние два стиха «Уединения» в этом своем пер. П. цитировал в письме брату ок. (не позднее) 20 дек. 1824 (Акад. XIII, 131). Известие о смерти А. (СП. 1834. 21 ноября) могло побудить П. обратиться к имевшимся у него томам его соч. (Библиотека П. № 555—556), где он наткнулся на четверостишие, с к-рым фр. поэт обратился к Давыдову, узнав о пер. «Листка», но к-рое, по-видимому, адресату оставалось неизвестным (письмо Д. В. Давыдова к П. от 10 авг. 1836 — Акад. XVI, 151); далее это ст-ние могло послужить одним из творческих стимулов к созданию послания «Д. В. Давыдову» («Тебе певцу, тебе герою!») (1836), первая строка к-рого является переводом начальной строки А. («A vous, poète, à vous, guerrier») и как бы заявляла о поэтич. состязании рус. поэта с французским. Полностью четверостишие и сопровождающий его прозаич. текст П. процитировал в статье «Французская академия», где почти целиком перевел посвященные творчеству А. речи *О.-Э. Скриба* и *А.-Ф. Вильмена* при занятии первым кресла А. в Академии. Сам П. был невысокого мнения о драматургии А. (соответствующие тома в б-ке П. в большей части не разрезаны), отдавая предпочтение его басням: «Две или три басни, остроумные и грациозные, дают покойнику Арно более права на титул поэта, нежели все его драматические творения» (Акад. XII, 46). Высказывалось предположение, что в томе поэтич. произв. А. была, возможно, взята цитата из 132-го сонета *Петрарки*, приводимая в «Метели» (Акад. VIII, 84).

Во «Французской антологии» за той же подписью (Arnault), что и «La Solitude», напечатано ст-ние «Le Fer et l'Or», переведенное П. под загл. «Золото и булат», однако сам А. опроверг приписанное ему авторство (*Arnault A.-V. Œuvres: Fables et poésies diverses*. Paris, 1825. P. 343; в экз., принадлежавшем П., эта стр. не разрезана, см.: Библиотека П. № 556).

Лит.: *Щеголев П. Е.* Пушкинское // День. 1915. 11 дек. № 341 (1141) (То же // Щеголев. Исследования. С. 531—532); *Томашевский Б. В.* Заметки о Пушкине. I. Источники стихотворений: «Все мое — сказало злато» и «Глухой глухого звал» // ПиС. Вып. 28. С. 56—58; *Оксман Ю. Г.* Сюжеты Пушкина: (Отрывочные заметки). 2. Пушкин и Арно // Там же. С. 76—87; *Козмин Н. К.* Примечания // АН 1900—1929. Т. 9. Ч. 2. С. 773—778; *Привалова М. И.* К стихотворению «Золото и булат» // Врем. ПК. 1969. С. 97—101; *Петрунина Н. Н.* «Д. В. Давыдову» («Тебе, певцу, тебе, герою!») // Ст-ния П. 1820—1830 гг. С. 365, 368—369; *Краснобородько Т. И.* Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // ПИМ. Т. 13. С. 130—131.

Л. И. Вольперт

АРНО (Arnault) Люсьен-Эмиль (1787—1863), фр. драматург, сын *А.-В. Арно*. Осуждая в статье «(Письмо к издателю „Московского вестника“» (январь—февраль 1828) «применения, намеки, allusions» в драматич. произв., П. упомянул трагедию А. «Последний день Тиберия» («Le dernier jour de Tibère», пост. 2 фев. (н. ст.) 1828) в числе господствующих на фр. сцене «ожурналн.(ых) выходовок», написанных «с Const.(itutionnel) или с Quotidi.(enne) перед глазами», чтобы высказать мнение о текущей политике (Акад. XI, 68). Похвальный отзыв об А. (Акад. XII, 51), авторе трагедии «Регул» («Regulus», 1825), содержится в речи *О.-Э. Скриба*, включенной П. полностью в статью «Французская академия» (1836).

В. Д. Рак

АРУЭ Франсуа Мари см. **ВОЛЬТЕР**

Б

БАЙРОН (Byron) Джордж Гордон (Gordon), лорд (1788—1824), англ. поэт-романтик, ставший, по выражению П. («К морю», 1824), «властителем дум» его поколения. Начало его славе и влиянию положили две песни поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage», 1812), в к-рых личные впечатления двухлетнего путешествия по югу Европы в июне 1809—июле 1811 (Португалия, Испания, Албания, Греция, Турция) представлены как наблюдения проехавшего по тому же маршруту во всем разочарованного, ко всему равнодушного молодого человека, покинувшего родину, пресытившись жизнью, посвященной «лишь развлеченьям праздным В безумной жажде радости и нег, Распутством не гнушаясь безобразным» (I, 2; пер. В. В. Левика). Тоска Чайльд-Гарольда, усталое равнодушие, с к-рым он обзревает все ему встречающееся, каким бы оно ни было живописным, экзотическим, героическим, выражали обществ. умонастроение, порожденное крушением просветительских идеалов в послереволюц. эпоху и наступлением в Европе полит. и духовной реакции. В последовавших за двумя песнями «Чайльд-Гарольда» «восточных» поэмах: «Гяур» («The Giaour: A Fragment of a Turkish Tale», 1813), «Абидосская невеста» («The Bride of Abydos: A Turkish Tale», 1813), «Корсар» («The Corsaire: A Tale», 1814), «Лара» («Lara: A Tale», 1814), «Осада Коринфа» («The Siege of Corinth: A Poem», 1816), «Паризина» («Parisina: A Poem», 1816) — трагическое мировосприятие и мятежный протест Б., усиливаемые обострившимся его конфликтом с англ. «высшим» светом, отразились в героических, «демонических» образах бунтарей, не признающих над собою законов об-ва и презирающих радости спокойной, размеренной жизни, терзаемых презрением к людям, ненавистью, жаждою мести, сильными, разрушительными страстями, приводящими их к гибели. В апр. 1816 Б., подвергавшийся ожесточенной травле, внешним поводом к-рой стал разрыв с ним жены, покинул Англию и с того времени жил сначала в Швейцарии, а с ноября 1817 в Италии, где примкнул к движению карбонариев. Произв. этого чрезвычайно плодотворного в творческом отношении периода отличаются жанровым разнообразием, богатством мысли и эмоций — от излияний раздражаемого противоречиями сердца до тираноборческого пафоса, сплетением личных переживаний с высокими гражд. мотивами, элегии с инвективой, скорби с ненавистью, — отточенным худож. мастерством. В эти годы были написаны яркие лирические ст-ния, в т. ч. знаменитое «Прости» («Fare thee well!..», 1816), три обращения к сестре Августе (1816), «Тьма» («Darkness», 1816), «Сон» («Dream», 1816), «Прометей» («Prometheus», 1816), «Ода Венеции» («Ode on Venice», 1818) и др.; третья (1816) и четвертая (1818) песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», в к-рых герой продолжал свое путешествие по Европе, следуя маршрутом Б. в изгнании; поэмы «Шильонский узник» («The Prisoner of Chillon», 1816), «Жалоба Тассо» («The Lament of Tasso»,

1817), «Пророчество Данте» («The Prophecy of Dante», 1819), «Мазепа» («Mazeppa: A Poem», 1819) и др.; филос. драмы-мистерии «Манфред» («Manfred: A Dramatic Poem», 1817) и «Каин» («Cain: A Mystery», 1821); ист. трагедии в традиции классицизма: «Марино Фальеро, венецианский дож» («Marino Faliero, Doge of Venice», 1821), «Сарданапал» («Sardanapalus», 1821), «Двое Фоскари» («The Two Foscari», 1821); язвительные полит. сатиры «Видение суда» («The Vision of Judgement», 1822), «Бронзовый век» («The Age of Bronze», 1823) и др.; шутливая поэма «Беппо» («Berpo: A Venetian story», 1817), в к-рой пародировался романт. сюжет и подчеркнуто иронически вводился бытовой фон; наконец, вершинное произв. Б. — шестнадцать песен незавершенной поэмы «Дон Жуан» («Don Juan», 1819—1824), в к-рой Б. выступает «как сатирик и лирик, трибун и философ, иронический наблюдатель и пламенный обличитель, презирающий старый мир и возвещающий новый» (Дьяконова Н. Я. Байрон в годы изгнания. Л., 1974. С. 102). При всем содержательном и худож. богатстве творчества Б. периода изгнания его современники видели в нем прежде всего и гл. обр. автора «Паломничества Чайльд-Гарольда» и «восточных» поэм; именно эти произв. вознесли его в их глазах на вершину славы, сделали его кумиром поколения, предметом жарких споров.

Сведения о Б. начали проникать в Россию вскоре после выхода I—II песней «Чайльд-Гарольда» и трех «восточных» поэм («Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар»). Уже в письме С. С. Уварова к В. А. Жуковскому от 20 дек. 1814 говорилось, что поэтов «теперь у англичан (...) только два: Walter Scott и Lord Byron» (РА. 1871. № 2. С. 0163). Первым известием в рус. печати явилась заметка в «Р. Музеуме» (1815. Ч. 1. Янв. С. 37—42), где он был назван «одним из нынешних славных поэтов английских», перечислены его знаменитые поэмы, дана краткая характеристика их худож. достоинств и приведены выдержки из «Корсара» в подлиннике с параллельным прозаич. пер. Широкое знакомство в России с поэзией Б. началось через посредство фр. пер., публиковавшихся в 1817—1819 в женевском ж-ле «Bibliothèque universelle» и перепечатанных в сб.: *Choix de poésies de Byron*, Walter Scott et Moore / Trad. libre, par l'un des Rédacteurs de la Bibliothèque universelle (Genève; Paris, 1820. Т. 1). Особо важную роль в приобщении рус. читателей к творчеству Б. играло предпринятое фр. литератором Амедем Пишо (1796—1877) многотомное собр. прозаических пер. (*Euvres de lord Byron / Trad. de l'anglais par... [A. Pichot et Eusèbe de Salle]. Paris, 1819—1821. Т. 1—10; доп.: Euvres nouvelles de lord Byron. Paris, 1824. Т. 1—10; неск. переизд. при жизни П., в т. ч.: 4e éd., entièrement rev. et corr. Paris, 1822 [1823]—1825. Т. 1—8; 5e éd. Paris, 1823—1824. Т. 1—19*). Пришли в Россию и выполняли здесь посредническую функцию между Б. и рус. читателями также и др. его фр. переводы. Немногие русские читали в то время Б. в подлиннике (В. А. Жуковский, С. С. Уваров, И. И. Козлов, А. И. Тургенев, Д. Н. Блудов, А. А. Бестужев).

Предвестником и в определенной мере первонач. толчком захлестнувшей Россию с конца 1810-х и не спадавшей на протяжении всей жизни П. мощной волны увлечения поэзией Б. и огромного интереса к его личности явился отзыв о нем в переведенной из «Bibliothèque universelle» статье «Обозрение нынешнего состояния английской литературы» (ВЕ. 1818. Ч. 99. № 9. С. 33—52). В 1819 близкие и хорошие знакомые П.: Жуковский, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, Козлов, возможно К. Н. Батюшков, — все с упоением читают Б. и обмениваются восторженными впечатлениями. С этого же времени в рус. печати начинается поток пер. из Б., суждений и отзывов иностр. и отеч. авторов о его произв. и о нем как поэте и как человеке, заметок биограф. содержания из европ. прессы. Имя Б. стало часто появляться в переписке рус. писателей; о нем говорили в дружеских кружках; внимательно и с жадностью следили за всеми касавшимися его публикациями в иностр. и рус. печати; с интересом слушали людей, с ним встречав-

шихся, расспрашивали о нем приезжавших в Россию иностранцев, беседовали и спорили о нем с его соотечественниками, и все услышанные о нем рассказы собирали, записывали и распространяли (в т. ч. друзья П. — Вяземский, А. И. Тургенев); путешествуя за границей, посещали места, с ним связанные; приобретали и держали у себя его портреты.

Умонастроение, определяемое как «русский байронизм», проявлялось во множестве вариантов и оттенков, имевших существенные различия и индивидуальные особенности. Самым поверхностным был модный тип «москвича в Гарольдовом плаще», носившего маску пресыщения жизнью и в сути своей представлявшего «Чужих причуд истолкованье, Слов модных полный лексикон» («Евгений Онегин», гл. VII, 24.11—13), подобно Алексею Берестову («Барышня-крестьянка»), явившемуся перед провинц. барышнями «мрачным и разочарованным», говорившему им «об утраченных радостях и об увядшей своей юности» и носившему «сверх того {...} черное кольцо с изображением мертвой головы» (Акад. VIII, 111). Жуковского и Козлова привлекала интимная лирика Б., ее элегические мотивы; оба видели в нем певца страдания, и первый, руководствуясь этим, выбрал для пер. «Шильонского узника», а второй читал в том же ключе и «Гяура». В кругах передовой молодежи из дворянской интеллигенции поэзия Б., воспринимаемая на фоне развивавшегося в этой среде обществ.-полит. недовольства и активизации тайных обществ, обрела эмоц., худож. и гражд. звучание. «Байрон, — писал один из рецензентов «Полтавы», — чувствуя потребность своего века, заговорил языком, близким к сердцу сынов девятнадцатого столетия и представил образцы и характеры, которых жаждала душа, принимавшая участие в ужасных переворотах, потрясших человечество в последнее время. Байрон сделался представителем духа нашего времени. Постигая совершенно потребности своих современников, он создал новый язык для выражения новых форм» ([*Булгарин Ф. В.*] Разбор поэмы «Полтава» // СО и СА. 1829. Т. 3 (СО. Ч. 125). № 15. С. 38; Прижизн. критика, 1828—1830. С. 133). «Пророк свободы смелый, Тоской измученный поэт» (Д. В. Веневитинов. «К Пушкину»), «Певец природы, И волн шумящих, и свободы» (И. И. Козлов. «К Вальтер-Скотту») будил вольнолюбивые мечтания и стремление к перемене сложившегося, косного уклада жизни. Свои мысли, чаяния и настроения рус. читатели Б. находили и в разочарованном, бежавшем от «цивилизованного» об-ва на окраины Европы Чайльд-Гарольде, и в романтическом герое-индивидуалисте («восточных» поэм, терзаемом тоскою, мизантропией и бурными, «роковыми» страстями, бунтаре и отщепенце, находящемся в конфликте с об-вом, преступнике с точки зрения господствующей морали и закона. Сочувствие и сильнейшее сопереживание, в первую очередь, естественно, у декабристов, вызвала байроновская поэтизация нац.-освобод. борьбы в Испании, Италии, Греции, его гражд. лирика, в к-рой, по выражению Вяземского, Б. «спускается на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими» (письмо к А. И. Тургеневу от 25 февр. 1821 — ОА. Т. 2. С. 170—171). Живейший отклик получала и байроновская сатира как в отд. произв. этого жанра, так и проходящая струей в «Дон Жуане» и др. соч. Восхищаясь сатирой «Бронзовый век», посвященной Веронскому конгрессу (1822) Священного союза, Вяземский, читавший ее во фр. пер., писал: «Вот хлещет всех жильцов по этажам глупости {...} до тех, которые — уж выше, кажется, нельзя» (письмо к А. И. Тургеневу 18 ноября 1823 — ОА. Т. 2. С. 367). Воздействовал Б. и личным участием в движении ит. карбонариев, а затем в нац.-освобод. борьбе Греции, где он нашел смерть, единодушно признанную героической и прославляемую во всех рус. ст-ниях, написанных на кончину поэта (В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылев, Вяземский, Козлов, Веневитинов и др.). Привлекали внимание, будоража умы и получая разл. интерпретацию, и др. моменты личной жизни Б., в т. ч. раздувавшийся европ. прессой скандал вокруг его неудачного брака,

его поступки, бросающие вызов установленным правилам приличия и обществ. поведения, в к-рых он видел отвратительное лицемерие, его полудобровольное изгнание с родины. В худож. манере Б., нарушавшей все классические каноны жанра поэмы, рус. поэты увидели путь к освобождению от приевшихся лит. шаблонов, новаторскую форму, прекрасно подходящую для выражения мыслей, чувств, мироощущения человека XIX в., к чему обветшалые старые лит. формы признавались уже неспособными.

Параллельно байронизму в России формировался и развивался сильный антибайронизм, также принимавший разл. оттенки и формы. Начало ему положил Д. П. Рунич, пославший в 1820 издателям РИ возмущенное письмо по поводу напечатанной ими переводной статьи об «английском безбожнике стихотворце», «распространителе вельзевуловой логики», чьи «поэзии (...) родят Зандов и Лувелей», «исполнены смертоносного яда, такой философии, которую изрыгает один только ад» (Д. П. Рунич и поэт Байрон: Письмо Д. П. Рунича к издателям «Русского инвалида» // РС. 1896. Т. 88. № 10. С. 135—138). Питательной средой рус. антибайронизма 1820—1830-х были круги полит. реакции и лит. консерваторы. Борьба с Б. велась и официально. Мн. его произв. подверглись ценз. запрещению, а пер. допускались к печати с большими искажениями и купюрами; ценз. гнет был причиной и недосказанности, ощущимой во мн. рус. критических статьях об англ. поэте.

П., видимо, читал в 1815 отзыв о Б. и выдержки из «Корсара» в «Р. Музеуме», т. к. в том же номере было напечатано его послание «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...»). Вероятно, мимо него не прошли в след. три года и др., пока еще нечастые, публ. в рус. печати, в к-рых говорилось о Б.; имя автора «Паломничества Чайльд-Гарольда» и «восточных» поэм и пер. его произв. могли встречаться ему во фр. ж-лах. Эти эпизодические, случайные встречи с англ. поэтом прошли для П., кажется, бесследно, не вызвав у него ни интереса, ни творческого отклика. Положение должно было измениться в 1819. Общаясь в это время тесно с Жуковским и А. И. Тургеневым, П. не мог не слышать от них о поэте, к-рым они тогда увлекались. По всей видимости, Тургенев давал П. читать полные восторгов от «Паломничества Чайльд-Гарольда» письма Вяземского, к-рый, думая о возможном переводчике этого произв. на рус. яз., первым вспомнил о П. (письмо от 11 окт. 1819 — ОА. Т. 1. С. 327). В письме от 17 окт. 1819 приводились в пер. с фр. (из «Bibliothèque universelle») восемь строф (179—180, 184, 178, 130—131, 121, 124) из IV песни «Чайльд-Гарольда» как пример новой поэзии, противопоставляемой обветшалой лит. традиции, «старой, изношенной шлохе — нашей поэзии, которая никак не идет языку нашему»: «Что за туман поэтический? Нырй в него и освежай чувства, опаленные знойной пылью земли. Что ваши торжественные оды, ваши холодные поэмы! Что весь этот язык условный, симметрия слов, выражений, понятий! Капля, которую поглощает океан лазурный, но иногда и мрачный, как лицо небес, в них отражающееся» (ОА. Т. 1. С. 327, 330—332). Из письма от 6 дек. 1819 (ОА. Т. 1. С. 367, 374) П. было известно, что присланная в нем «Португальская песня» («Когда меня прижав к груди рукою гибкой...»), напечатанная позднее в СО (1820. Ч. 60. № 12. С. 268), была переведена из Б. («From the Portuguese»). Дважды, в письмах от 25 окт. и 15 ноября 1819, цитирован фр. пер. 10-й строфы прощальной песни Чайльд-Гарольда (ОА. Т. 1. С. 338, 353), и позднее (письмо от 27 ноября 1820) Вяземский допускал, что именно он этими цитатами «наговорил» П. «байронщизну» ст. 19—20 («Но только не к брегам печальной Туманной родины моей») элегии «Погасло дневное светило...» (ОА. Т. 2. С. 107). Не невозможно, однако недоказуемо, знакомство П. с выполненным Козловым (1819) пер. на фр. яз. «Абидосской невесты». Т. о., уже осенью 1819 П. в какой-то мере познакомился с поэзией Б. Однако его мироощущение тех месяцев, находившее выражение, напр., в письме к П. Б. Мансурову от 27 окт. 1819 (Акад. XIII, 11), в ст-ниях «(Юрьеву)» («Здорово, Юрьев, именинник...»)

(20—23 сент. 1819), «Стансы Толстому» («Философ ранний, ты бежишь...») (1819, предположит дек.), «Юрьеву» («Любимец ветренных Лаис...») (вторая пол. апр.—3 мая 1820), дисгармонировало с ее духом и настроением, так что на этом фоне вряд ли могло родиться сопереживание, глубокое восприятие и творческое освоение. В письме к П. А. Вяземскому ок. (не позднее) 21 апр. 1820 две фразы («Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу». — Акад. XIII, 15) допускают интерпретацию как «чайльд-гарольдовского» настроения, но вероятнее были сообщением о грядущей ссылке, завуалированным традиционным лит. мотивом удаления из города на лоно природы. Условия для того, чтобы байроновская поэзия нашла у П. отзвук, возникли уже в ссылке, когда он, вырванный из привычного круга общения и остро переживавший «измену» якобы легко с ним расставшихся и сразу его забывших друзей, испытал разочарование в радостях и ценностях столичной жизни, а принудительный отъезд из Петербурга трансформировался в его сознании в им самим желанное добровольное изгнаничество. На этой почве актуализировались уже присутствовавшие в элегической лирике П. (1816) меланхолические мотивы и создался эмоц. настрой, отзывчивый к духовному миру байронического героя. Впечатления от живописных российских окраин (Кавказ, Крым, Молдавия) и их народов оживили для П. и приблизили к нему экзотический Восток байроновских поэм.

Степень знакомства П. с произв. Б. в первые месяцы ссылки была и остается предметом догадок и предположений. По сведениям биографов П., грешащим неточностями и, вероятно, домыслами, он, м. б., на Кавказе, а в Гурзуфе определенно учил англ. яз. с помощью владевшего им Н. Н. Раевского-сына; для занятий была выбрана книга «Сочинения Байрона», к-рую они читали в Крыму «почти ежедневно», пользуясь, возможно, при необходимости консультациями Ек. Н. Раевской (Бартенев. П. в южной России. С. 36; Бартенев. О Пушкине. С. 150; Анненков. Пушкин. С. 151; П. в восп. совр. (1985). Т. 1. С. 220). Предположительно читали они «Корсара» (Летопись. Т. 1. С. 197); А. Мицкевич, опираясь, видимо, на слышанное от самого рус. поэта, писал в его некрологе (*Le Globe*. 1837. 25 mai), что, «прочитав байроновского „Корсара“, Пушкин ощутил себя поэтом» (см.: Мицкевич. Т. 4. С. 90), а влияние этой поэмы сказалось прежде всего в «Кавказском пленнике», открывшем именно в Гурзуфе новую страницу пушкинского творчества. Поскольку в Гурзуфе интересы П. распределялись также между *Вольтером* и *А. Шенье* и др. времяпровождением (П. в восп. совр. (1985). Т. 1. С. 219—220), а знание англ. яз. у Н. Н. Раевского было вряд ли достаточным (см.: *Филипсон Г. И.* Воспоминания. М., 1885. С. 155), чтобы одолеть большую поэму в короткий промежуток между приездом (19 авг.) и началом работы над «Кавказским пленником» (ок., после, 24 авг.), то не лишено вероятности предположение, согласно к-рому читать «Корсара» друзья приступили еще на Кавказе. Впрочем, существуют выполненные П. (Акад. II, 469, 990; Рукою П. С. 27—29) и Н. Н. Раевским (ПД, ф. 244, оп. 3, № 38) черн. пер. отрывков из «Гяура», к-рые гипотетически могут быть отнесены также к гурзуфским дням. Нет достаточной ясности относительно того, в каком объеме знал П. в это время «Паломничество Чайльд-Гарольда». Мотивы разочарования, равнодушия к жизни и пресыщения ее радостями в «чайльд-гарольдовском» духе присутствуют в «Кавказском пленнике» и звучат в первой же элегии южного периода «Погасло дневное светило...», начатой сочинением в ночь с 18 на 19 авг. 1820 во время переезда морем из Феодосии в Гурзуф и завершенной в 20-х числах сент. Современники, в первую очередь друзья П., усмотрели в этом ст-нии «байронщиэну» (см. с. 41), хотя в первой публикации отсутствовало авторское указание на «подражание Байрону», появившееся лишь в огл. Ст 1826 (вероятно, как уступка стойкому убеждению читателей) и послужившее основанием считать, что элегия была написана «под живым впечатлением только что прочтенно-

го „Чайльд-Гарольда”» (Майков. Пушкин. С. 141). Однако почти все немногие более или менее убедительные текстовые параллели (ст. 4, 16—20, 40) могли быть подсказаны рус. и фр. цитациями в письмах Вяземского, а сопоставление др. мотивов не имеет достаточной доказательности, т. к. с равной, если не с большей, вероятностью они восходили к ожившему в творческом сознании П. элегическому пласту 1816, продолжением к-рого, по мнению нек-рых пушкинистов, явились гл. обр. лирика и поэмы южного периода (Томашевский. Пушкин, I. С. 121). Не нашло убедительного подтверждения предположение (П. О. Морозов; Венг. Т. 2. С. 550), согласно к-рому, в 1820 до П. дошла какими-то путями и отразилась в ст-нии «Погасло дневное светило...» элегия Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...» (пер. строф 178—179 IV песни «Паломничества Чайльд-Гарольда»); более вероятно, что П. она стала известна много позже, в 1826—1828, во время подготовки ее к печати, и тогда же он записал ее текст (Рукою П. С. 479—480). Вопрос о том, какие произв. Б. и в каком виде знал П. в первые месяцы на юге и в каком отношении к ним находились его собственные соч. тех дней, продолжает быть дискуссионным.

Дальнейшее, уже глубокое знакомство П. с произв. Б. состоялось по фр. пер. в собр. А. Пишо. Он располагал или пользовался томами разных изд., что видно из последовательности чтения им «Дон Жуана», устанавливаемой по письмам к А. А. Бестужеву от 24 марта 1825 (Акад. XIII, 155) и Вяземскому от 2-й пол. ноября 1825 («Я знаю только 5 перв. (ых) песен; прочитав первые 2, я сказал тотчас Раевскому, что это Chef-d'oeuvre Байрона...» — Акад. XIII, 243): сначала в руках П. было 1-е или 2-е изд., где были напечатаны песни I и II; в одном из след. изд., вышедших в 1822—1823, к ним добавились песни III—V, а VI и др., появившиеся во фр. пер. в 1824, дошли до него в самом конце 1825, когда А. П. Керн подарила ему «последнее издание Байрона, о котором он так давно хлопотал» (Керн. С. 38; П. в восп. совр. (1974). С. 390), за что он благодарил ее письмом от 8 дек. (Акад. XIII, 249—250).

По собственному признанию П., в период работы над «Бахчисарайским фонтаном» (весна 1821—1822, янв.—февр. и сент.—ноябрь 1823) он «с ума сходил» от Б. («Опровержение на критики»), 1830 — Акад. XI, 145). А. Н. Вульф вспоминал, что П. «в те годы, когда жил здесь, в деревне (в ссылке в Михайловском. — В. Р.), решительно был помешан на Байроне» и «его изучал самым старательным образом» (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 413). Это свидетельство подтверждается настойчивыми просьбами П. брату (письма от 1-й пол. ноября 1824, конца янв.—1-й пол. февр., 14 марта, 22 и 23 апр., 1-й пол. мая 1825) прислать ему «Conversations de Byron» («Разговоры Байрона»), продолжение «Дон Жуана» с VI песни, «Последнюю песнь Паломничества Чайльд-Гарольда» («Le dernier chant du Pèlerinage d'Harold», 1825) А. де Ламартина (Акад. XIII, 121, 142, 151, 163, 174); аналогичной просьбой к Анне Н. Вульф (письмо от 21 июля 1825) «не забыть» последнее изд. Б. (Акад. XIII, 190); живым интересом к задуманной Вяземским статье о Б. (письма от 29 ноября 1824, 25 мая и ок. сер. июня, 13 июля, 10 авг., 2-й пол. ноября 1825 — Акад. XIII, 125, 184, 187, 204, 243); панихидой по Б., заказанной в годовщину его смерти (письма 7 апр. 1825 к П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину — Акад. XIII, 160, 162).

Общее представление о «байронической» поэзии и ее творце, сформировавшееся у П. в начале и в пик увлечения ею, сохранилось и тогда, когда его собственные опыты в этом роде были уже в прошлом. О впечатлении, к-рое производил «звук лиры Байрона» при первом ее появлении, П. вспоминал много позднее в ст-нии «К вельможе» (1830) (ст. 84—85: «Звук новой, чудной лиры, Звук лиры Байрона...»), причем для передачи этого раннего восприятия он перебрал неск. вариантов, каждый из к-рых выражал к.-н. отд. нюанс («бряцанье гордой лиры Гром лиры Байрона», «звук новой гордой лиры», «внезапный голос лиры», «звук новой, дивной лиры» —

Акад. III, 818, 825). В период «южных» поэм П. конкретизирует понятие «байроническая» определениями «мрачная, богатырская, сильная» (письмо к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 — Акад. XIII, 26), а Б. для него — «поэт мучительный и милый», «страдалец вдохновенный», «волшебник» («Гречанке», 1822, ст. 14, 17, 22). Эту же лексику П. употребляет и через неск. лет, говоря о том, что в Италии «Байрон, мученик суровый, Страдал, любил и проклинал» («Кто знает край где небо блещет...», 1828, ст. 14—15; вар.: «Байрон нежный и суровый, Отвергнув *пропуск* все оковы, Страдал, любил и проклинал» — Акад. III, 647). Оценки, высказанные в набросках критич. статей 1827—1830 («(О драмах Байрона)», 1827; «(Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“», 1827; «(О трагедии Олина „Корсер“»», 1828; «(Опровержение на критики)», 1830; «(Возражение критикам „Полтавы“»», 1830), сложились, по всей видимости, уже при первом основательном знакомстве с произв. Б. В «Гяуре» его восхищало «пламенное изображение страстей», в «Осаде Коринфа» и «Шильонском узнике» — «трогательное развитие сердца человеческого» (Акад. XI, 64). По поводу последнего он писал Н. И. Гнедичу 27 сент. 1822: «Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить» (Акад. XIII, 48; ср. письма ему же от 27 июня, П. А. Вяземскому от 1 сент., Л. С. Пушкину от 4 сент. 1822 — Акад. XIII, 40, 44, 45). «Паризиана» произвела на него впечатление «трагической силой» (Акад. XIII, 64), и в полемическом задоре он утверждал, что в этом отношении Б. превзошел Ж. Расина (письмо брату от янв. (после 12)—нач. февр. 1824 — Акад. XIII, 87). В «Паломничестве Чайльд-Гарольда» он выделял III и IV песни, отмечая в них «глубокомыслие и высоту парения истинно лирического» (Акад. XI, 64), а во всей поэме — «высшую смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлет творческою мыслию» (Акад. XI, 61, 64, 333; ср. проект предисл. к гл. VIII и IX «Евгения Онегина», 1830 — Акад. VI, 542). В «Дон Жуане» он нашел «удивительное шекспировское разнообразие» (Акад. XI, 64); в поэме «Мазепа» видел «пламенное создание», «широкую, быструю кисть», нарисовавшую «ряд картин одна другой разительнее» (Акад. XI, 160, 165). В сравнении с «Жалобой Тассо» элегия Батюшкова «Умиравший Тасс» казалась ему «тощим произведением» (Акад. XII, 283). П. разделял общепринятое в его время мнение (самим англ. поэтом безуспешно оспариваемое), согласно к-рому Б. «прихотью удачной Облек в унылый романтизм И безнадежный эгоизм» («Евгений Онегин», гл. III, 12.12—14; ср. I, 56), «постиг, создал и описал единый характер (именно свой)», представил почти во всех своих произв. «призрак себя самого» в «мрачном, могущественном лице, столь таинственно пленительном», «создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то странствующим» Чайльд-Гарольдом (Акад. XI, 51, 64). Новизна поэм Б., разрушивших все каноны эпического жанра, заключалась для П., как и для его современников, не только в их герое, «мрачном, ненавистном, мучительном характере» (Акад. XI, 159, 165), но в огромной мере в их форме, прежде всего в их композиции, гл. особенность к-рой определялась, как понимал П., тем, что Б. «мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них» и «несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны (для) сей бездны мыслей, чувств и картин» (Акад. XI, 64). В творчестве Б. различал П. два периода: «Гений Байрона бледнел с его молодостию (...) Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был на выворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после IV песни Child-Harold Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом» (письмо к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 — Акад. XIII, 99). К первому, яркому, по его мнению, периоду, когда Б. явился «пламенным демоном» (там же), П. относил «восточные» поэмы, «Паломничест-

во Чайльд-Гарольда», I—II песни «Дон Жуана»; ко второму — драматич. произв., продолжение «Дон Жуана», также, вероятно, полит. сатиры, к-рые, впрочем, он ни разу не упомянул.

Сильное впечатление, полученное П. от «очаровательной, глубокой поэзии Байрона» («(О трагедии Олина „Корсер”») — Акад. XI, 65), вызванный ею переворот в его худож. представлениях и вкусах, осознание открываемых ею перспектив и новых путей подвигли П. к собственным опытам в подобном роде, к-рыми стали «южные» поэмы (1820—1824): «Кавказский пленник», набросок «Вадим», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». Разрабатывая новый для себя и рус. лит-ры жанр романтической поэмы, П. следует своему образцу в выборе эффектной фабулы и героя, сходного определенными чертами с байроническим, сосредоточивается, по примеру Б., на изображении внутреннего мира персонажей, их чувств и страстей, заимствует ряд тем и мотивов, повторяет нек-рые сюжетные коллизии, ситуативные положения, позы и жесты действующих лиц. В разной мере использованы в «южных» поэмах композиционные приемы Б.: фрагментарность повествования, образуемая выделением «вершинных», кульминационных эпизодов, моментов высшего драматического напряжения, с опущением промежуточного действия и событий; неясность, недосказанность биографии героя, необъясненность важных моментов действия, повествовательная недоговоренность и проистекающая из них таинственность. Самое широкое применение находит у П. и лирическая манера повествования, создаваемая обилием авторских вопросов, восклицаний, обращений к героям, всевозможных эмоциональных повторов (анафор, синтаксических параллелизмов и пр.), монологами и диалогами. Ориентирование на Б. не означало для П. ученичества, копирования восхищавшей его модели, но реализовывалось в творческом освоении худож. принципов, в ней воплощенных, что с первых же шагов оказалось сопряжено с их существенной трансформацией и в конечном итоге привело к преодолению байронизма как идеологическому, так и художественному. Усвоение Б. было для П. одновременно и борьбой с Б. Считая организующим началом байроновской поэмы самовыражение автора, П. задумывал первонач. по ее образцу изобразить в герое своей первой «южной» поэмы себя самого, но еще в ходе работы над нею от этого отказался, и получившийся, по его собственной оценке, неудачным характер Пленника утвердил его в мнении, что он не годится «в герои романтического стихотворения» (см.: письма к Н. И. Гнедичу от 29 апр. (черн.) и В. П. Горчакову от окт.—ноября 1822, «(Опровержение на критики») — Акад. XIII, 371, 52; XI, 145) и что, как он говорил позднее М. П. Погодину, «после Байрона нельзя описывать человека, которому надоели люди» (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 36). Извещая Дельвига (письмо от 23 марта 1821) о завершении «Кавказского пленника», П. предлагал ему использовать сюжетный мотив «Гяура» (исповедь грешника монаху), убеждая друга в том, что его «истинный удел» — «поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая» (Акад. XIII, 26). Ни единого намека на генетическую связь с этой поэзией своего нового произв. он не сделал, и, следовательно, подтекстом письма было, вероятно, признание, что ее подобная окраска не соответствует его собственному мироощущению и поэтич. натуре и что, перенимая ее новаторские особенности, ему в то же время следует держаться иной меры субъективизма и лирической тональности. Герой «Кавказского пленника», превратившись в обыкновенного «молодого человека, потерявшего чувствительность сердца», стал «приличен более роману, нежели поэме» (Акад. XIII, 371) в том смысле, что с утратой присущих героям Б. пламенного, мятежного, сильного характера, исключительности, необычности лишился и поэтичности (ср. письмо Н. Н. Раевского к П. от 10 мая 1825 — Акад. XIII, 172). Отгалкиваясь от опыта, приобретенного в работе над «Кавказским пленником», П. избрал в «Братьях разбойниках» и «Бахчисарайском фонтане» романтического героя «приличного» поэме, бо-

лее близкого к исконному байроническому, но не обладающего при этом его титанизмом и равной экзотичностью. Однако и этот своего рода «ослабленный» вариант давался П., видимо, не без внутреннего сопротивления, о чем говорит отказ от замысла поэмы «Вадим» (нач. 1822), а затем и от сюжетного мотива «Гяура» («Вечерня отошла давно...») (ноябрь 1823), уничтожение в 1822 всего написанного для поэмы о разбойниках, кроме опубликованного лишь через неск. лет отрывка о «братьях разбойниках», согласие с насмешками А. Н. Раевского над неестественной позой Гирея в бою («Опровержение на критики») — Акад. XI, 145), собственное невысокое мнение о «Бахчисарайском фонтане», сложившееся еще в процессе окончательной работы над поэмой, до отправки ее в Петербург (см. письмо к П. А. Вяземскому от 14 окт. 1823 — Акад. XIII, 70), наконец переориентировка задолго до этого на байроновского «Дон Жуана», знаменовавшего новый этап творчества англ. поэта с отходом от романтизма «восточных» поэм, а для П. открывшего путь к «Евгению Онегину» (нач. 9 мая 1823). К этому времени байронизм как умонастроение был для П. исчерпан, обнаружив свою бесперспективность. Соответственно в «Цыганах» завершилось наметившееся еще в «Кавказском пленнике» нравственное развенчание героя-индивидуалиста, «отступника света» («Кавказский пленник», ч. I, ст. 79), бегущего «неволи душных городов» («Цыганы», ст. 52) в поисках душевного покоя и свободы на лоне девственной природы среди незнакомого с цивилизацией народа. Параллельно с отчуждением от себя романтического героя и его переосмыслением П., начиная также с «Кавказского пленника», существенно преобразовал худож. структуру поэмы по сравнению с байроновским образцом. Герой у него лишается «единодержавия» (термин В. М. Жирмунского), и система используемых худож. средств перестает определяться исключительно субъективной лирической погруженностью в его мир. Собственный интерес приобретают духовный мир, поступки, судьбы др. персонажей, гл. обр. героини. Худож. самостоятельность получают описание природы и этнографические картины, игравшие у Б. лишь подчиненную композиционную роль лирического вступления. Упрощается фабула, появляются элементы связующего повествования между драматическими вершинами, ослабляются мелодраматические эффекты и мотивы. Скупее применяется аппарат эмоц. риторики; патетическая декларация, размывавшая у Б. конкретные очертания предметов и содержание слов-понятий ради эмоц. экспрессивности целого, вытесняется лаконизмом, опирающимся на традиции классической поэтики, точным, экономным выбором и соединением слов, конкретных и живописующих эпитетов и глаголов. Общий результат был таков, что, обнаруживая несомненную, ясно различимую генетическую связь с «восточными» поэмами Б., «южные» поэмы П. производили одновременно впечатление независимых от влияния англ. поэта, вполне самобытных и оригинальных произв. Это создало широкое поле для разл., в т. ч. прямо противоположных, интерпретаций.

Преодолеть байронизм помог П. в сильной мере творческий опыт самого Б., отстранившегося в «Беппо» и «Дон Жуане» от своих «восточных» поэм.

Когда рождался замысел «Евгения Онегина» и началась работа над первой гл. (9 мая 1823), П. знал только I—V песни «Дон Жуана» (письмо к П. А. Вяземскому от 2-й пол. ноября 1825 — Акад. XI, 243), но этого ему было достаточно, для того чтобы через фр. пер. уловить новую, отличную от «восточных» поэм и «Паломничества Чайльд-Гарольда», творческую манеру Б., к-рая состояла в бытовом, эмоциональном и психологическом снижении романтического сюжета и романтического героя, что достигалось изображением их обыденной, повседневной стороны, непоэтических тривиальных и комических подробностей, непринужденным, разговорным тоном повествования, сближением поэтической речи с прозаической как в лексическом, так и синтаксическом аспектах, ироническим отношением к героям и к самой теме

рассказа, обилием авторских отступлений по самым разнообразным поводам. Это худож. открытие, восприятие к-рого, несомненно, обострялось тем, что нек-рые сходные приемы П. сам уже использовал в «Руслане и Людмиле», подкреплялось знакомством с шуточной поэмой «Беппо» и аргументами Б. в споре с *У. Л. Боулзом* относительно поэтичности «природных» и «искусственных» предметов и страстей. Творческий опыт Б. помог П. найти путь к большому, свободному стихотв. повествованию на соврем. тему, к-рым и стал «Евгений Онегин». Сделанные Б. вскользь намеки о будущем развитии сюжета (напр., I, 191; во фр. пер. I, 190) и бросавшиеся в глаза иронически сниженные параллели (напр., II, 12—21) к «Паломничеству Чайльд-Гарольда» (I, 12—14) способствовали тому, что в отправляющемся путешествовать по Европе Дон Жуане П. увидел, по свидетельству Вяземского (МТ. 1827. Ч. 13. № 3. С. 111; Гиллельсон. I. С. 162—163), «изнанку Чайльд-Гарольда». Совокупное впечатление от «Беппо» и «Дон Жуана», воспринимаемого на фоне «Паломничества Чайльд-Гарольда», вернуло, по всей видимости, П. к неудачно, по его мнению, осуществленному в его первой «южной» поэме замыслу вывести своего соотечественника, современного «молодого человека, потерявшего чувствительность сердца» (черн. письмо к Н. И. Гнедичу от 29 апр. 1822 — Акад. XIII, 371), и подсказать мысль использовать разработанную Б. форму для новой попытки изобразить «антипоэтический характер (...) лица, сбивающегося на Кавказского Пленника» (предисл. к отд. изд. гл. I (1825) — Акад. VI, 638), т. е. рус. вариант Чайльд-Гарольда в его каждодневной, бытовой обстановке.

Сюжет «Евгения Онегина» несет в первых главах явную реминисценцию «Кавказского пленника» (пресыщенный светской жизнью молодой человек, удалившийся от общества, встречает в своем добровольном уединении девушку, от чьей искренней любви холодно отказывается), восходящего в свою очередь к «Корсару». Через весь роман П. настойчиво проводит сопоставление Онегина с Чайльд-Гарольдом (I, 38.9—10); в черновике первонач. значился Адольф (Акад. VI, 244, сн. 7), герой романа *Б. Констан*, замененный Чайльд-Гарольдом, видимо, потому, что байроновский герой был общепонятным символом, хорошо известной маской: IV, 44.1—2; VII, 24.11; VIII, 8.7; примеч. 5 (к I, 21); черновик предисл. к отд. изд. гл. I (Акад. VI, 527), где также первонач. вместо Чайльд-Гарольда фигурировал Адольф; проект предисл. к гл. VIII и IX (Акад. VI, 541—542). Связь Онегина с Чайльд-Гарольдом усмотрели и те, кого еще до появления гл. I из печати П. знакомил с нею в отрывках (письмо В. Ф. Вяземской к мужу от 27 июня 1824 — ОА. Т. 5. Вып. 2. С. 112—113) или кто узнал о ней по слухам, как Н. М. Языков (письмо к А. М. Языкову от 24 мая 1824 — Язык. архив. С. 136). «Изнанкой Чильд Гарольда» называет «стихи» П., т. е. «Евгения Онегина», Минский в черновике наброска «Гости съезжались на дачу...», 1829 (Акад. VIII, 552, сн. 13а).

Указания П. о связи «Евгения Онегина» с «Дон Жуаном» создают видимость смены ориентации автора по мере продвижения романа. В письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 П. сообщал, что пишет «роман в стихах (...) в роде Дон Жуана», к-рый не надеется когда-либо напечатать, имея в виду цензуру (Акад. XIII, 73, 382); в черн. письме к А. А. Бестужеву от 8 февр. 1824 говорилось, что новая «поэма» «писана строфами едва ли не вольнее Дон Жу.(ана)», и повторялись опасения о невозможности ее публикации (Акад. XIII, 388; ср. 88). Однако через год, 24 марта 1825, отводя упреки А. А. Бестужева, прочитавшего вышедшую из печати первую главу и не нашедшего в ней сатиры, равной байроновской (письмо к П. от 9 марта 1825 — Акад. XIII, 149), П. категорически отмежевался от «Дон Жуана», заявив, что «в нем ничего нет общего с Онег.(иным)», в к-ром «о ней (сатире. — В. Р.) и помину нет»; в подтверждение он предлагал Бестужеву дожидаться «других песен» (Акад. XIII, 155). Согласно традиционному объяснению, решительное нежелание П. признать в «Дон Жуане» для себя

образец диктовалось тем, что, задумав «Евгения Онегина» как сатиру и написав в этом духе первую главу, он со второй отказался от сатиры как основного элемента своего произв. и, оставив ей место лишь в виде вкраплений, перешел к эпическому повествованию (см., напр.: История русской литературы. М.; Л., 1953. Т. 6. С. 242). Эту точку зрения убедительно оспорил Б. В. Томашевский, указав, что о наличии сатиры в «Евгении Онегине» П. говорил и тогда, когда писал гл. II (напр., в письме к А. И. Тургеневу от 1 дек. 1823: «...я на досуге пишу новую поэму, (...) где захлебываюсь желчью», — Акад. XIII, 80), и когда начинал (8 февр. 1824) гл. III (в письме к Л. С. Пушкину от янв. (после 12)—нач. февр. 1824: Н. Н. Раевский-сын «ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм...» — Акад. XIII, 87), и когда подходил к ее концу, работая в то время над предисл. к отд. изд. гл. I, в к-ром назвал себя «сатирическим писателем» (Акад. VI, 528, 638). По мнению Б. В. Томашевского, возражение П. упрекавшему его Бестужеву означало не изменение замысла «Евгения Онегина», но лишь разное толкование понятия «сатирический» (Томашевский. Пушкин, I. С. 613—614). П. отрекся не от «Дон Жуана» в целом, а лишь от злой байроновской сатиры на лица и от разл. рода вольностей, к-рыми англ. поэт дерзко дразнил в романе своих лицемерных соотечественников. В предисл. к гл. I П. особо подчеркнул в «Евгении Онегине» «отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов» (Акад. VI, 638; в черновике Б. назван в числе писателей, к-рые в отношении «благопристойности» «далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу», — Акад. VI, 528). Признание влияния «Дон Жуана» в иных отношениях завуалировано указанием на то, что «Евгений Онегин» «напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона» (Акад. VI, 638), написанное в близкой к «Дон Жуану» худож. манере, но свободное от того, что П. в последнем не принял. Общность между «Евгением Онегиным» и «Дон Жуаном», обозначенная П. фразой «в роде Дон Жуана», обнаруживается гл. обр. в их лиро-эпической форме, разработанной Б., но еще до знакомства с его романом нащупывавшейся П. самостоятельно в «Руслане и Людмиле». Творческое освоение П. худож. опыта Б. проявляется в непринужденно-разговорном, зачастую шутивно-ироническом тоне повествования, в «смеси прозы и поэзии в изображаемой действительности» (Белинский. Т. 7. С. 440), в поэтич. «болтовне» с читателями, друзьями и самим собою, в частых авторских отступлениях, афористических замечаниях, рассуждениях на лит. темы, в худож. структуре образа автора, в сходстве концовок нек-рых глав («Дон Жуан», I, 222 (фр. пер. 221), V, 159.7—8; «Евгений Онегин», гл. I, 60.11—14; влияние Б. отмечено самим П. — см.: Акад. VI, 534, III, 41.10—14); в строфической организации стихотв. текста, включая обозначенные точками пропуски строф и строк, что П. специально оговорил в предисл. к отд. изд. гл. I (Акад. VI, 638), а в «(Опровержении на критики)» упомянул как перенятый у Б. прием (Акад. XI, 149); в намеках на то, что произв. может остаться незавершенным («Дон Жуан», I, 221 (фр. пер. 220); «Евгений Онегин», предисл. к отд. изд. гл. I — Акад. VI, 638); в прямых и скрытых цитатах из «Дон Жуана», аллюзиях, реминисценциях, параллелях и упоминаниях Б. (в т. ч. и в «Разговоре книгопродавца с поэтом», предпосланном отд. изд. гл. I). Не существует точек соприкосновения между «Евгением Онегиным» и «Дон Жуаном» ни в сюжете (даже если первонач. П. задумывал, по примеру Б., сатирич. обозрение нравов посредством путешествующего героя), ни в содержании, отражавшем соврем. рус. действительность, ни в характерах, имевших глубокие нац. корни и в отличие от статичного байроновского героя представленных в духовном развитии (Татьяна).

Наименьшее впечатление оказали на П. пьесы Б. Первый отзыв о них содержался в письме к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824: «В своих трагедиях, не выключая и Каина, он (Байрон. — В. Р.) уже не тот пламен-

ный демон, который создал Гяура и Чильд Гарольда» (Акад. XIII, 99). На подступах к «Борису Годунову» и в период работы над ним, когда П. формулировал и воплощал собственную концепцию нац. ист. трагедии, для него приобрело актуальность сопоставление драматургических систем Б. и Шекспира, с чьими произв. он начал знакомиться во фр. пер. на юге, в марте 1824, и продолжал в михайловской ссылке. Во 2-й пол. (после 19) июля 1825 П. писал Н. Н. Раевскому-сыну: «...до чего изумителен Шекспир! Не могу прийти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-навсего один характер (...) этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера; одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это просто смешно (...) Вспомните Озлобленного у Байрона (...) — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве все это естественно?» (Акад. XIII, 197—198; подлинник по-фр.). В набросках неосуществленных статей «(О драмах Байрона)» и «(О трагедии Олина „Корсер“»)» П. повторил это суждение почти дословно, а также заново сформулировал ранее им уже высказанную мысль о том, что, «несмотря на великие красоты поэтические», трагедии Б. «ниже его гения». В «Манфреде» и «Преображенном уроде» он видел слабое подражание «Фаусту» Гете, в других пьесах — ит. драматургу В. Альфьери (чье сильное влияние Б. на самом деле испытал), в «Каине» — «бессвяз.(ные) сцены и отвлеченные рассуждения», относящиеся не к драме, а «к роду скептической поэзии Чильд-Гарольда» (Акад. XI, 51, 64; ср.: рец. «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», 1833 и «Table-talk», 1835—1836 — Акад. XI, 220—221; XII, 163).

Важным событием для восприятия П. творчества и личности Б. явилась смерть англ. поэта. Получив о ней известие, П. сделал памятную запись в своей «Второй масонской тетради» (ПД 835; см.: Рукою П. С. 238). Друзья и знакомые П. (Вяземский, А. И. Тургенев, Д. В. Дашков), видевшие в этом событии не только скорбную утрату, но и «океан поэзии» (Вяземский), ожидали на него поэтич. отклика от П. (ОА. Т. 3. С. 48—49, 51; ЛН. Т. 58. С. 46), к-рому Вяземский в несохранившемся письме, пересланном с приехавшей 7 июня 1824 в Одессу В. Ф. Вяземской, советовал написать на этот случай V песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда». В письмах к жене в июне—июле 1824 Вяземский просил ее «заставить» П. «писать на смерть Байрона» (ОА. Т. 5. Вып. 1. С. 11, 15, 17, 26). П., однако, решительно отказался от этого предложения, объяснив, что, хотя кончина Б. и представляется ему «высоким предметом для поэзии», он не может, при всем сочувствии делу освобождения Греции, воспевать, как ему неизбежно пришлось бы, вместе с Б. и тех, ради кого велась борьба, — соврем. греков, «разбойников и лавошников», к-рых в Европе вообразили по ошибке «законнорожденными потомками» и «наследниками школьной славы» героев древности (письмо к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1825, ср. черновик письма к В. Л. Давыдову (?) от июня 1823—июля 1824 — Акад. XIII, 99, 104—105). Др. причиной его нежелания писать ст-ние на смерть Б., возможно, была, как писала В. Ф. Вяземская мужу, погруженность в работу над «Евгением Онегиным» (ОА. Т. 5. С. 112, 115). Тем не менее какую-то «целую панихиду» по англ. поэту П. «затевал», но, предвидя ценз. затруднения и не желая раскрывать свой образ мыслей, оставил это намерение и ограничился «маленьким поминаньем» (письмо к П. А. Вяземскому от 8 или 10 окт. 1824 — Акад. XIII, 111), состоявшем в десяти стихах (41—50) ст-ния «К морю» (1824). Представив «властителя дум» певцом «свободной стихии», таким же «могущим», «глубоким», «мрачным» и «неукротимым», как море в непогоду, П. сказал все самое существенное о поэте, обойдя притом цензуру и также избавив себя от необходимости воспевать тех, кого он считал этого не-

достойными. Начальные стихи элегии «Андрей Шень» (1825), особенно в черн. вар. (Акад. II, 952), полемически противопоставляют ее обильной стихотв. продукции на смерть Б., содержавшей именно тот поворот темы, от к-рого П. счел необходимым для себя воздержаться. Воскрешение на рус. почве в этом потоке ст-ний жанра оды дало повод П. написать пародийную «Оду его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825), незадачливому адресату к-рой предлагается стать «на место тени знаменитой» как «певцу бессмертному и маститому», обладающему, «мнится», сходством с усопшим поэтом.

Во 2-й пол. 1820-х непосредственное воздействие произв. Б. на П. слабеет, принимая эпизодический и частный характер. На первое место в качестве активного творческого образца выдвигается поэма «Беппо». К одному роду с ней П. отнес (письмо к П. А. Плетневу 7 (?) марта 1826 — Акад. XIII, 266) «Графа Нулина» (соч. 13—14 дек. 1825; напеч. дек. 1827). К ней же восходит по своей жанровой природе «Домик в Коломне» (соч. окт. 1830, напеч. февр. 1833), где П. опирался на байроновский опыт использования октавы в шуточной поэме, а сюжет нес в себе, видимо, реминисценцию песен V—VI «Дон Жуана», в к-рых рассказывалось о пребывании героя в гареме. В «Полтаве» (1828—1829) присутствуют рудименты худож. приемов, перенятых П. из «восточных» поэм, но главная ее связь с произв. Б. состояла в полемике с филос. концепцией его «Мазепы», согласно к-рой историей управляет игра случая; элемент полемики заключал в себе и сам характер Мазепы в изображении П. (см.: «Опровержение на критики», 1830; «Возражение критикам „Полтавы“»), 1830 — Акад. XI, 159—160, 165). Байроновскими реминисценциями («Абидосская невеста», I, 1; «Паломничество Чайльд-Гарольда», IV, 3; «Беппо», XLVI) насыщены ст. 1—15 ст-ния «Кто знает край, где небо блещет...» (1828). Стих: «Где Тасса не поет уже ночной гребей» в ст-нии «Поедем, я готов...» (1829) навеян стихами Б. («In Venice Tasso's echoes are no more, And silent rows the songless gondolier...») («Паломничество Чайльд-Гарольда», IV, 3. 1—2; пер.: В Венеции больше не слышен Тассо, И молча, без песен, плывет гондольер). Отзвук очень популярных в России «Стихов, записанных в альбом на Мальте» («Lines written in an album at Malta», соч. 1809, напеч. 1812) содержится в ст-нии «Что в имени тебе моем?..» (1830). Трагедия «Марино Фальеро» явилась одним из вероятных источников стихотв. наброска «[В голубом] небесном поле...», 1833 (Акад. XVII, 29—32; ранее печаталось: «Ночь светла; в небесном поле...» — Акад. III, 473). В «Истории Пугачева» (1833—1834) и «Капитанской дочке» (1836) образ главного бунтовщика-самозванца создавался с подразумеваемым его противопоставлением традиции романтического разбойника, к к-рой принадлежали Конрад («Корсар») и Лара, созданные «пламенной кистью Байрона» (см.: письмо И. И. Дмитриеву от 25 апр. 1835 — Акад. XVI, 21; «Об „Истории Пугачевского бунта“», 1835 — Акад. IX, 379). Отметил П. интерес Б. к России, ошибки при ее изображении в «Дон Жуане» («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 — Акад. XI, 55), неправильное понимание им стиха *Горация*, поставленного эпитафией к «Дон Жуану» («Об Альфреде Мюссе»), 1830 — Акад. XI, 176; ср. черн. вар. рец. «Путешествие В. Л. П.», 1836 — Акад. XII, 378). В соч. П. последнего десятилетия его жизни рассыпаны в разл. контекстах, серьезных и шуточных, мн. упоминания Б. и его героев, цитаты из его произв., в т. ч.: «К Баратынскому» («Стих каждый в повести твоей...») (1826); «Послание Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг...») (1827), ст. 134; рец. «(“Бал” Баратынского)», 1828 (Акад. XI, 74); «Гости съезжались на дачу...», черн. автограф, 1828 (Акад. VIII, 552); «Встань, о Греция, встань...» (1829); запись в «Кавказском дневнике» 12 июля 1829 (Акад. VIII, 1043); заметка «(О переводе романа Б. Констана „Адольф“»)» (1829); «Евгений Онегин», эпитафия к гл. VIII (1829—1830); «К вельможе» (1830), ст. 84—85 (см. с. 43); «Барышня-крестьянка», черн. вар., 1830 (Акад. VIII, 674); «(Опровержение на критики)», 1830 (Акад. XI, 145, 149, 156, 159—160, 397); «(Участь моя ре-

шена...)), 1830 (Акад. VIII, 407); «(Начало статьи о В. Гюго)», 1832 (Акад. XI, 219); рец. на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова, 1836 (Акад. XII, 82, 86, 371); и др. О Б. в противопоставлении его «поэзии фр(анцузской)» должна была идти речь в замышлявшейся статье «О новейших романах», 1832 (Акад. XII, 204). В 1836 П. сделал дословный пер. посвящения «Ианте» («То Ianthe») к «Паломничеству Чайльд-Гарольда» и оставил его, лишь слегка подвергнув лит. обработке (Рукою П. С. 98—104). В рукописях П. идентифицированы два портрета Б., нарисованные 15 мая 1829 и в сент. 1836 (Жуйкова. № 112, 113). В 1827 П. подарил соч. Б. с дружеской надписью поклоннику и подражателю англ. поэта В. Д. Соломирскому (*Семевский М. И.* К биографии Пушкина: Выдержки из записной книжки // РВ. 1869. Т. 84. Ноябрь. С. 82; Письма. Т. 2. С. 240), а в 1828 — А. Н. Вульф гравированный портрет Б. работы Ч. Турнера по оригиналу амер. худ. В. Э. Веста (Февчук. Портреты. С. 173), и позднее сам получил, вероятно от нее, др. портрет, на к-ром сделал памятную надпись «12 may 1835» (Рукою П. С. 299—300). Весною 1829 А. Мицкевич, подарил ему однотомное полн. собр. соч. Б. в подлиннике (Francfort O. M., 1826); позднее он приобрел и др. однотомник (Paris, 1835), представлявший собою перепечатку англ. изд. с коммент.; следил П. и за мемуарной лит-рой о Б. (Библиотека П. № 585. Vol. 82; № 693—697, 973, 1013, 1149 (приобретена 20 июня 1836 — Лит. архив. Т. 1. С. 38), 1218, 1260, 1351). По воспоминаниям вятского журналиста С. П. Наумова, среди принадлежавших П. книг, подаренных Н. Н. Ланской Вятской мужской гимназии и хранившихся еще в нач. XX в. в фундаментальной б-ке этого учеб. заведения, но впоследствии утраченных, находился экз. сочинений Б., испещренный пометами П. (*Петряев Е. Д.* Нити к Пушкину // Кировская правда. 1965. 15 мая).

Друзья и знакомые П., а вслед за ними и П. В. Анненков объясняли подражанием Б. нек-рые его бытовые привычки и особенности, в т. ч. эксцессы его поведения. А. И. Тургенев писал И. И. Дмитриеву 13 мая 1821, что П. «в поведении не исправился; хочет непременно не одним талантом походить на Байрона» (РА. 1867. № 4. Стб. 664; о том же в письме к П. А. Вяземскому 26 апр. 1821 — ОА. Т. 2. С. 187; ср. об этой стороне жизни П. на юге: Анненков. Пушкин. С. 170—173). Согласно воспоминаниям А. Н. Вульфа, в михайловской ссылке П. «решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона» (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 413). Жуковский просил П., чтобы он был «Бейрон на лире, а не Бейрон на деле» (письмо от 2-й пол. (не позднее 23) сент. 1825 — Акад. XIII, 230). (Ср.: воспоминания М. В. Юзефовича, Е. Ф. Розена — П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 100, 286; письмо В. К. Кюхельбекера от 20 окт. 1830 — Акад. XIV, 116). С. Л. Пушкин писал 17 окт. 1826 своему зятю М. М. Сонцову об отношении к себе сына: «Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили мне, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно о ней говорил. Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой» (цит. по: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором // *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники: Избр. тр. (1898—1928). СПб., 1999. С. 101—102; подлинник по-фр.). Сам П. однажды писал о своем «вольном подражании» Б. в виде намерения «жеребцов выезжать» (письмо брату от 22 и 23 апр. 1825 — Акад. XIII, 163); дважды в его письмах (А. Н. Раевскому от 15—22 окт. 1823, А. П. Керн от 8 дек. 1825) отразилось его восприятие характеров и поступков окружающих людей в байроновских образах (Акад. XIII, 70 и 378, 249). В 1-й пол. 1830 Вяземский читал биографию Б., написанную *Т. Муром*, и находил большое сходство с П., о чем неск. раз писал жене, к-рая в ответ сообщала ему о подобной же реакции самого П. (ЛН. Т. 16—18. С. 806—807; Звенья. Т. 6. С. 261, 297).

В письме к П. от 1-й пол. июня 1825 Рылеев, имея в виду его мнение, согласно к-рому русские писатели-дворяне не прибегают к покровительству вельмож потому, что считают себя равными с ними по происхождению, упрекал его в том, что он «сделался аристократом» и стал «чваниться пяти-сотлетним дворянством» в «маленькое подражание Байрону» (Акад. XIII, 183). Сравнение с англ. поэтом опиралось на свидетельство В. Скотта, писавшего в некрологе, что Б. «сильно чувствовал (...) отличия своего знатного рода и степени, им занимаемой, особенно уважая так называемые права дворянина», и что «всегда видели его напрягающего все силы к защищению той стороны, которой он принадлежал по званию» (Скотт В. Характер Лорда Байрона / С аглин. А. К. // МТ. 1825. Ч. 1. № 1. С. 35). Эти обвинения возродились в 1830 под пером Ф. В. Булгарина, к-рый свой пасквильный «анекдот» о предке П., негритянском принце, купленном за бутылку рома, предварил фразой: «Говорят, что лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей — Бог вещь каком, свели с ума множество поэтов и стихотворцев в разных странах и что все они заговорили о шести-сотлетнем дворянстве» (Второе письмо из Карлова на Каменный остров / Ф. Б. // СП. 1830. 7 авг. № 94; Прижизн. критика, 1828—1830. С. 280). Осенью того же года в «(Наброске предисловия к „Борису Годунову“»)» П. признавался, что из всех его «подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное», поскольку древнее рус. дворянство пришло в упадок и принадлежать к нему «не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни» (Акад. XI, 141). Однако в своих ответах на пасквиль Булгарина и в полемике о «литературной аристократии» (1830) он неоднократно апеллировал, частично вынужденно, частично с вызовом, именно к примеру Б. (см.: «Отрывок» — Акад. VIII, 410—411; «(Опровержение на критики)», «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» — Акад. XI, 161 и 406, 168; подзаголовок авторизованной копии ст-ния «Моя родословная»: «вольное подражание лорду Байрону» — Акад. III, 875; черновик 3-й ред. поэмы «Езерский», 1833 — Акад. V, 409, 417). Мотивом дворянской гордости Б. открывается и статья о нем, начатая П. 25 июля 1835 и оставшаяся неосуществленной. Источниками этого наброска служили фр. пер. жизнеописания Б., изданного Т. Муром (Библиотека П. № 696), и предварявший парижский однотомник (Там же. № 693) подробный биограф. очерк, написанный Д. Голтом (Galt, 1779—1839), а подтекстом выступала отчетливо уловимая проекция биографии англ. поэта на свою собственную, выделение параллельных и соотносящихся фактов и обстоятельств жизни. Эти сопоставления и отождествление себя с Б. рождались из чувства особой психологической, интимной и сословной близости с поэтом-изгнанником, подвергавшимся при жизни оскорблениям и травле, что у П. ассоциировалось с недоброжелательным отношением к нему самому петерб. света и с претерпеваемым им в последние годы жизни состоянием унижения и одиночества.

Вопрос о байронизме П. имеет длительную непрерывную историю. На всех ее этапах он оставался дискуссионным и злободневным, привлекая к себе внимание и настоятельно требуя ответа как составляющая более широких актуальных ист.-лит. проблем, поднимавшихся в контексте движения обществ. мысли в каждую эпоху. Он возник в кругу друзей и знакомых П. с публикацией элегии «Погасло дневное светило...» (см. с. 41, 42) и поддерживался известиями о работе П. над «Кавказским пленником» и о его поведении в Кишиневе. С появлением «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и «Цыган» сравнение их автора с Б. вышло в рецензиях на страницы журналов и стало одним из критериев оценки творчества П. Для критики 1820-х—нач. 1830-х (Вяземский, Н. А. и Кс. А. Полевые, И. В. Киреевский и др.) влияние Б. на П. было неоспоримым и в большинстве признавалось плодотворным, имевшим своим результатом освоение рус. поэтом новых худож. форм и создание в отеч. лит-ре жанра романтич. поэмы,

позволявшего выразить в полную силу настроения, мысли и худож. искания соврем. поколения. В употреблении находились антономасии (прономинации) «Русский Байрон» и «Северный Байрон» (Н. А. Полевой, С. Н. Глинка и др.). В свою очередь лит., полит. и др. оппоненты и противники П. (М. С. Воронцов, Ф. В. Булгарин, Н. И. Надеждин и др.) представляли его с целью дискредитации слабым подражателем англ. поэта, показавшим себя во всех отношениях беднее и мельче его, неспособным создать образы равной силы и величия.

Принимая байронизм П. за бесспорный факт, современники поэта уловили вместе с тем и самостоятельный характер тех его произв., где ощущалось влияние Б. Уже в 1824 критик М. М. Карниолин-Пинский в рец. на «Бахчисарайский фонтан» отмечал: «Бейрон служил образцом для нашего поэта; но Пушкин подражал, как обыкновенно подражают великие художники: его поэзия самопримерна» (Прижизн. критика, 1820—1827. С. 210). О гл. I «Евгения Онегина» Н. А. Полевой писал: «Читавшим Бейрона нечего толковать, как отдаленно сходство „Онегина“ с „Дон Жуаном“; но для людей, не знающих Бейрона (...) но которые любят повторять слышанное, скажем, что в „Онегине“ есть стихи, которыми одолжены мы, может быть, памяти поэта; но только немногими стихами и ограничивается сходство: характер героя, его положения и картины — все принадлежит Пушкину и носит явные отпечатки подлинности, не переделки» (Там же. С. 266). В письме от 12 мая 1825 Рылеев призывал П. не подражать Б.: «Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным» (Акад. XIII, 173). Вяземский не находил в «Цыганах» «подражания уловимого, подлежащего улике», оговаривая, однако, что «вероятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы „Цыганы“ в настоящем виде» (Прижизн. критика, 1820—1827. С. 318). Веневитинов отмечал, что в гл. II «Евгения Онегина» «совсем исчезли следы впечатлений, оставленных Байроном», и не соглашался со сравнением Онегина с Чайльд-Гарольдом, утверждая: «Характер Онегина принадлежит нашему поэту и развит оригинально» (МВ. 1828. Ч. 7. № 4. С. 469; Прижизн. критика, 1828—1830. С. 46—47). З. А. Волконская восхищалась способностью П. быть «то дикарем, то Шекспиром и Байроном, то Ариосто, Анакреоном, но всегда Русским» (письмо от 29 окт. 1829, подлинник по-фр. — Акад. XIII, 299). Сопоставление П. с Б., со ссылками на употреблявшиеся в России антономасии, стало с нач. 1830-х общим местом и зарубеж. известий и отзывов о П., получая также разл., как похвальные, так и недоброжелательные, умаляющие худож. оригинальность рус. поэта, интерпретации.

В 1830-е, на фоне существенных изменений в творчестве П., связанных с его отходом от романтич. поэзии, начинается переосмысление его байронизма и на первый план выдвигается представление о несходстве основного настроения поэзии П. и Б. вследствие различия их мировосприятия, обусловленного индивидуальным психическим и творческим складом каждого из них и особенностями преломления в России общеевроп. послереволюц. настроений, получивших название «мировой скорби». «Пушкин — русский Байрон по силе и полноте чувства (...) но более верящий, более примиренный с действительностью и более мудрый», — писал нем. критик в 1834 (Врем. ПК. Вып. 21. С. 75). Нем. писатель К. А. Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1785—1858), почитатель таланта П., в статье, имевшей большой резонанс в России, указывал, что, хотя в произв. П. сильно отзываются байронические мотивы, его «существенное свойство (...) состоит в том, что он живым образом слил» «преобладающие в Байроне качества» «с их решительною противоположностью, именно: с свежою духовною гармонией, которая, как яркое сияние солнца, просвечивает сквозь его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии, подает надежду и утешение» (ОЗ. 1839. Т. 3. Кн. 5. С. 11 отд. паг.). Развиваясь, эта трактовка проблемы «П. и Б.» получила обобщение и авторитетную

поддержку В. Г. Белинского, к-рый в своих статьях о П. настойчиво проводил мысль о том, что сравнение П. и Б. «более чем ложно, ибо трудно найти двух поэтов столь противоположных по своей натуре, а следовательно, и по пафосу своей поэзии». По мнению критика, опиравшегося в своем суждении на В. П. Боткина, «мнимое сходство это вышло из ошибочного понятия о личности Пушкина», чья натура «была внутренняя, созерцательная, художническая», не знавшая в отличие от Б. «мук блаженства, какие бывают следствием страстно-деятельного (а не только созерцательного) увлечения живою могучею мыслию, в жертву которой принесится и жизнь и талант» (Белинский. Т. 7. С. 338). Иное объяснение причин, по к-рым П. не выразил в своих произв., написанных под влиянием Б., равного пафоса и протеста, выдвинул А. П. Милюков, полагавший, что, принадлежа к рус. об-ву, жившему до петровских преобразований своею замкнутою жизнью и не успевшему еще со времени вхождения в Европу впитать «совершенно иные недостатки и страдания», П. «не мог понимать той ужасной болезни, какую томилось общество европейское, не мог питать к нему той неумолимой ненависти и презрения, какие кипели в душе британского певца, рожденно-го посреди самого просвещенного народа, не мог проливать тех горьких, кровавых слез, какими плакал Байрон». Это предопределенное органическое непонимание привело, по мнению Милюкова, к тому, что «чуждые нашему обществу» байроновские герои, будучи перенесены П. в его поэмы, получились «бледными копиями с недоступных для него образцов». Поворот к самобытности произошел в «Евгении Онегине», где П., «платя последнюю дань современному гению», уже не подражал Б., а лишь находился под его влиянием и где вследствие этого чайльд-гарольдовское в своей основе разочарование «имеет уже идею, хотя слабую и одностороннюю, но взятую из самой русской жизни», представ с «жалкой и печальной» своей стороны, бытовавшей в России, как «пресыщение сердца жизненными благами, апатия, рождаемая истощением сил в вихре светской жизни» (Милюков 1847. С. 160—161, 164, 165, 166). Этот взгляд на байронизм П. был емко резюмирован Н. А. Добролюбовым в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858): «Байрона (...) Пушкин не понял и не мог понять, как по основе собственного характера, так и по характеру общества, окружавшего его. Натура неглубокая, но живая, легкая, увлекающаяся, и притом, вследствие недостатка прочного образования, увлекающаяся более внешностью, Пушкин не был вовсе похож на Байрона» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 259).

Сформировавшаяся в конце 1830—1840-х трактовка проблемы «П. и Б.» надолго укоренилась в рус. критике, повторяясь в разных модификациях. По мере выдвижения П. в обществ. сознании в ранг первого нац. поэта, заключающего в себе «наше все» (А. А. Григорьев), и соответственно последовательного углубления интерпретаций его творчества корректировались и нюансы мнений о соотношении, взаимодействии и конкретных проявлениях в нем байронического и самобытного, о причинах и степени сходства и несходства двух поэтов. Представление о невозможности для П. проникнуться в полную силу байроновским пафосом сменялось взглядом на него как выразителя иной, более глубокой и человеческой идеи, прошедшего в своем творческом развитии неизбежный, плодотворный и необходимый этап байронизма, но в конечном итоге преодолевшего влияние англ. поэта и нашедшего собственный путь. Напр., Ф. М. Достоевский, полемизируя в «Дневнике писателя» (1877. Дек. Гл. II) с распристращенным в среде революц.-демокр. молодежи мнением, согласно к-рому П. и М. Ю. Лермонтов стоят по причине своего байронизма ниже Н. А. Некрасова, писал: «Всякий сильный ум и всякое великодушное сердце не могли и у нас тогда миновать байронизма. Да и не по одному лишь сочувствию к Европе и к европейскому человечеству издали, а потому что и у нас, и в России, как

раз к тому времени, обозначилось слишком много новых, неразрешенных и мучительных тоже вопросов, и слишком много старых разочарований... Но величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу...» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 114). Д. С. Мережковский («Пушкин», 1896) признавал, что Б. «увеличил силы Пушкина, но не иначе как побежденный враг увеличивает силы победителя», а именно: «Пушкин поглотил Евфориона (т. е. Б., к-рому в этом образе отдал посмертную дань Гете во второй части «Фауста». — *В. Р.*), преодолел его крайности, его разлад, претворил его в своем сердце, и устремился дальше, выше...» (Пушкин в русской философской критике. С. 148). Менее распространенной была негативная оценка влияния Б. на П., подобная высказанной Н. М. Минским, к-рый в том, «что принято называть байронизмом», видел «по традиции Пушкина и Лермонтова (...) чумное пятно», горевшее на рус. поэзии (*А. Б. [Богданович А. И.]*. Критические заметки // Мир божий. 1898. № 12. Дек. Отд. II. С. 14).

С конца 1870-х началась науч. разработка проблемы пушк. байронизма (*А. Шальгин, Н. И. Стороженко, А. И. Незеленов, В. Д. Спасович, Алексей Н. Веселовский, Н. П. Дашкевич* и др.). Сосредоточившись на связанных с нею вопросах, уже поставленных и неоднозначно решавшихся критикой в предшествующие десятилетия, ученые искали прочную фактологическую основу, к-рую в соответствии с позитивистской методологией сравнительного литературоведения того времени должны были составить разграничение и точное определение понятий «влияние» и «подражание», выявленные ист.-лит. исследованиями связи и контакты, установленные детальным анализом текстов параллели, аналогии, цитаты, реминисценции и пр. Обилие науч. публикаций по этой теме в конце XIX—нач. XX в. и ее популярных изложений в широкой печати свидетельствует о большом обществ. к ней внимании, питавшемся общим интересом к творчеству П. Тема «П. и Б.» была неременной и сквозной во всех пушкинских семинариях под руководством С. А. Венгерова в 1910—1914 (см.: *Пушкинист, I*. С. 209, 210, 215, 216; *Пушкинист, II*. С. 280, 281, 284). Оставаясь в кругу одних и тех же идей, понятий, представлений и методологических установок, эти безусловно необходимые исследования при всем обилии собранных сведений и уточненных нюансов интерпретаций не приблизили к ответу на основной вопрос, над к-рым билась критическая и науч. мысль: чем объясняется, что П. в «южных» поэмах и первых главах «Евгения Онегина» производит впечатление одновременно и последователя Б., и самостоятельного, не зависимо от влияния Б. поэта. На рубеже веков В. В. Сиповский констатировал, что рус. критика высказывалась по этому предмету «нерешительно, противоречиво»: «...в различных „историях литературы” и „учебниках словесности” мы встретимся с мнением о большом влиянии Байрона на Пушкина, хотя (...) никто из критиков, даже сближавших Пушкина с Байроном (за исключением критиков, современных Пушкину), не решался (...) резко и определенно высказаться за решение вопроса о „байронизме” Пушкина в безусловно утвердительном смысле...» (*Сиповский*. 1899. С. 14). Четверть века спустя (1924), подводя итоги трудам ученых в этой области, В. М. Жирмунский пришел к заключению (несколько утрированному в полемическом задоре, но в главном небезосновательному) о том, что «нельзя признать результаты их работ особенно плодотворными»: «Частичные сопоставления отдельных мотивов установлены достаточно прочно (...) Однако более широкие и общие выводы страдают неясностью и неопределенностью: с одной стороны, зависимость Пушкина от Байрона была признана самим поэтом и в какой-то мере является непосредственно очевидной для всякого читателя и исследователя; с другой стороны, мы так же непосредственно ощущаем гениальное своеобразие поэзии Пушкина и неохотно согла-

шаемся признать его зависимость от образцов, боясь тем самым умалить его оригинальность, а обостренное национальное сознание пытается обособить самобытность и народность русского поэта отрицанием значительности и глубины различных иноземных „влияний”» (Жирмунский. 1978. С. 20).

В. М. Жирмунским был найден новый подход к изучению проблемы «П. и Б.». Рассматривая «поэзию как искусство, а изучение поэзии — как анализ и интерпретацию художественной формы», понимаемой «как система средств, выразивших ее поэтическое содержание» (Там же. С. 9), он сосредоточил внимание исключительно на «художественном воздействии поэзии Байрона на поэзию Пушкина» (Там же. С. 21) и показал, что эффект, ставивший в тупик критиков и ученых и порождавший полярно противоположные оценки, явился результатом взаимопроникновения и взаимотрансформации двух исходно разл. худож. систем — байроновской «романтической», накладывавшейся на «классическую», к-рой по своему творческому складу принадлежал П. В 1930-е нек-рая формалистическая односторонность наблюдений В. М. Жирмунского была скорректирована рассмотрением проблемы в связи с творческим становлением П. и в контексте обществ. и лит. условий России. Послевоенные исследования проводились в обстановке жесткого парт.-гос. идеологического диктата, воспрепятствовавшего науч. объективности (борьба с космополитизмом, насаждение понятия о реализме как высшем творческом методе и др.). В этих условиях происходило вынужденное и намеренное преуменьшение влияния Б. на П. вкуже с непропорциональным выпячиванием действительных и конъюнктурных аргументов, позволявших максимально «освободить» от этого влияния те произв., в которых оно на самом деле наблюдается.

Лит.: Прижизн. критика, 1820—1827, 1828—1830, 1831—1833 (по указ.; т. за 1834—1837 готовится к печати); Пушкин в русской философской критике: Конец XIX—первая половина XX в. М., 1990; [2-е изд., доп.]. М.; СПб., 1999 (по указ.); *Varnhagen von Ense K. A. Werke von Alexander Puschkin // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*. 1838. Bd 2. № 61—64. Oct. (неск. перепечаток; рус. пер.: 1) *Фарнгаген фон Энге К. А. Сочинения Александра Пушкина // СО*. 1839. Т. 7. Отд. IV. Критика. С. 8—11, 13 (То же // Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина / Собр. В. Зелинский. М., 1897. Ч. 4. С. 109—111; 2-е изд. М., 1902; 3-е изд. М., 1913); 2) Отзыв иностранца о Пушкине / Пер. М. Н. Каткова // *ОЗ*. 1839. Т. 3. Кн. 5. Прилож. С. 10—11 (отд. паг.) (То же // М. Н. Катков о Пушкине. М., 1900. С. 6—7); *Боткин В. П. Письмо В. Г. Белинскому от 22 марта 1842 // Боткин В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма*. М., 1984. С. 244—246; *Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина*. Ст. I, V, VII, VIII, X, XI // Белинский. Т. 7 С. 103, 304, 338, 401, 409, 440—441, 524, 540; *Милюков А. П. Очерк истории русской поэзии*. СПб., 1847. С. 155—174 (2-е доп. изд. СПб., 1858. С. 147—165; 3-е доп. изд. СПб., 1864. С. 176—198); *Saint-Julien Ch. Pouchkine et le mouvement littéraire en Russie depuis quarante ans // Rev. des Deux Mondes*. 1847. An. 17. NS. T. 20. Oct. P. 51—52 (излож.: ЛН. Т. 58. С. 330); *Герцен А. И. Du développement des idées révolutionnaires en Russie* [соч. 1850, публ. 1851] // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 71—74 (рус. пер.: С. 201—204); Анн. Т. 1. С. 101—102 (То же // Анненков. Материалы. С. 96—97); *Катков М. Н. Пушкин // РВ*. 1856. Т. 2. Март. Кн. 2. С. 299—300 (То же // М. Н. Катков о Пушкине. М., 1900. С. 80—81); *Шальгин А. О байронизме Пушкина*. St. Petersburg, 1879 (отд. отт. из: *Jahresbericht der St. Annen-Schule*. St. Petersburg, 1879); *Кутенов К. А. О байронизме в произведениях Пушкина в связи с некоторыми обстоятельствами жизни поэта на юге России (1820—1824) // Рижский вестник*. 1880. 20, 21 июня. № 139, 140; *Стороженко Н. И.* 1) Отношение Пушкина к иностранной словесности // *Рус. курьер*. 1880. 8 июня. № 154 (То же // Венок на памятник Пушкину / [Сост.] Ф. Б. [Ф. И. Булгаков]. СПб., 1880. С. 219—223; Стороженко Н. И. Из области литературы. М., 1902. С. 330—333); 2) Влияние Байрона на европейские литературы // *Пантеон литературы*. 1888. Т. 1. Янв.—апр. Совр. летопись. С. 19—23 (То же // Брандес Г. Байрон и его произведения / Пер. И. Д. Городецкого. 2-е пересмотр. изд. М., 1889. С. X—XV; Стороженко Н. И. Из области литературы. М., 1902. С. 180—185); *Незеленов А. И. Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии: Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799—1826)*. СПб., 1882. С. 69—83, 99—105, 127—128,

133—140, 163—170; *Спасович В. Д.* Байронизм у Пушкина и Лермонтова: Из эпохи романтизма: 1. Байронизм Пушкина // ВЕ. 1888. Т. 2 (130). № 3. С. 50—86 (переизд.: Байронизм Пушкина // Спасович В. Д. Соч. СПб., 1889. Т. 2. С. 293—340; То же // Спасович В. Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова. Вильна, 1911. С. 1—38); *Harnack O.* Puschkin und Byron // Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte und Renaissance-Literatur. 1887/1888. NF. Bd 1. Hf. 5/6. S. 397—400 (То же // Harnack O. Essais und Studien zur Literaturgeschichte. Braunschweig, 1899. S. 314—329); *Szabó É.* Byronismus Puskinnál // Élet. 1891. № 11/12. Old. 341—363 (краткое излож.: *Зельдхеи Ж. Д.* Эндре Сабо — венгерский популяризатор русской литературы // Венгерско-русские литературные связи. М., 1964. С. 139); *Дашкевич Н. П.* 1) А. С. Пушкин в ряду великих поэтов нового времени // Университетские изв. Киев, 1899. № 5. С. 237—257 (отд. отт.: Киев, 1900. С. 153—173) (То же // Памяти П. С. 237—257; Дашкевич Н. П. Статьи по новой русской литературе. Пг., 1914. С. 307—329 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. Имп. АН. Т. 92)); 2) Отголоски увлечения Байроном: Разочарование, грезы о свободе вне цивилизованного общества и сомнения в поэзии Пушкина // Венг. Т. 2. С. 424—450 (То же // Дашкевич Н. П. Статьи по новой русской литературе. Пг., 1914. С. 330—397 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. Имп. АН. Т. 92)); *Сиповский В. В.* Пушкин, Байрон и Шатобриан: (Из литературной жизни Пушкина на юге России). СПб., 1899. С. 1—27 (То же // Сиповский В. В. Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 477—511); *Тихомиров Н.* Пушкин в его отношении к Байрону. Витебск, 1899 (Отт. из: Витеб. губ. вед. 1899. № 93, 95, 97, 100, 105, 107, 112, 114, 117, 118, 119, 120); *Tretiak J.* Mickiewicz i Puszkín jako baironisci // Ateneum (Warszawa). 1899. Т. 2 (94). Z. 2. Maj. S. 267—287; Z. 3. Czerwiec. S. 460—478 (То же // Tretiak J. Mickiewicz i Puszkín: Studya i szkize. Warszawa, 1906. S. 107—185); *Смирнов М. П.* Два Дон Жуана: Новые мотивы из истории влияния Байрона на Пушкина // Под знаменем науки: Юб. сб. в честь Н. И. Стороженка. М., 1902. С. 682—695; *Племянников Н.* Байронизм в поэмах Пушкина // Лицейский журнал. 1905. № 4. Март. С. 23—34; № 5. Апр. С. 24—27; *Веселовский Алексей Н.* Этюды о байронизме // Веселовский А. Н. Этюды и характеристики. 3-е значит. доп. изд. М., 1907. С. 395—403, 418—427, 436—439, 517—542 (То же. 4-е значит. доп. изд. М., 1912. Т. 1. С. 394—400, 415—424, 432—436, 514—539; ранее: 1) Школа Байрона: Сравнит.-ист. очерки. 1. Современники поэта // ВЕ. 1904. Т. 2 (226). № 4. С. 572—579, 596—607, 616—620; 2) Этюды о байронизме. Ч. 3: Русская литература // ВЕ. 1905. Т. 6 (236). № 11. С. 174—203; *Миндалев П. П.* К вопросу о байронизме в творчестве Пушкина // Вестн. образования и воспитания. 1914. № 12. С. 989—1006 (отд. отт.: Казань, 1915); *Маслов В. И.* Начальный период байронизма в России: (Критико-библиогр. очерк). Киев, 1915; *Жирмунский В. М.* 1) Байронизм Пушкина как историко-литературная проблема // Пушкинист, IV. С. 295—326; 2) Вокруг «Кавказского пленника»: (К столетней годовщине — августа 1822 г.) // Лит. мысль. Пг., 1923. Кн. 2. С. 110—123; 3) Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. Л., 1924 ([2-е изд., с прил. ст. «Пушкин и западные литературы»]. Л., 1978); 4) *Žirmunskij V.* Puškin und Byron // Zeitschrift für slavische Philologie. 1926. Bd 3. Hf. 3/4. S. 290—310; 1927. Bd 4. Hf. 1/2. S. 20—42; 5) Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 73—79 (То же // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Тр. Пушкинской сессии АН СССР. М.; Л., 1938. С. 147—154; Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 365—372); *Козмин Н. К.* Пушкин о Байроне // П. в мировой лит-ре. С. 99—112; *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 206—218 (То же // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 105—115; Тынянов Ю. Н. История литературы; Критика. СПб., 2001. С. 113—125); *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. IV. Привет Алеко сыну // Звенья. Т. 5. С. 58—60; *Свирин Н. Г.* 1) К вопросу о байронизме Пушкина // Лит. соврем. 1935. № 2. С. 184—210; 2) Пушкин и Восток. Статья первая: «Бахчисарайский фонтан» // Знамя. 1935. № 4. С. 204—229; *Винокур Г. О.* [Рец. на ст. Н. Г. Свирина «Пушкин и Восток»] // П. Врем. Т. 1. С. 346—348 (То же // Винокур Г. О. Собр. тр.: Статьи о Пушкине. М., 1999. С. 220—225); *Розанов М. Н.* 1) Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 337—343; 2) Пушкин, Тассо, Аретино // Там же. С. 371—372; *Якоби П.* Пушкин о Байроне и Шекспире // Якоби П. Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями. Рига, 1937. С. 22—33; *Бродский Н. Л.* Байрон в русской литературе // Лит. критик. 1938. № 4. С. 114—131; *Нусинов И. М.* Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 37—54, 201—203 (То же в кн.: Нусинов И. М. История литературного героя. М., 1958. С. 381—383, 467—483); *Городецкий Б. П.* К истории одного неосуществленного замысла Пушкина // Учен. зап. ЛГПИ. 1948. Т. 67. С. 88—95; *Штильман Л. Н.* Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгений Онегине» Пушкина // Amer. Contributions to the Fourth Intern. Congr. of Slavists, Moscow, September 1958. The Hague, 1958. P. 12—23; *Дегтеревский И. М.* О творческом методе Пушкина и Байрона («Евгений Онегин» и «Дон Жуан») // Русская классическая литерату-

ра. М., 1960. С. 43—55 (Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. И. Потемкина. Т. 107); *Vickers B. H.* 1) Параллелизм в литературном развитии Байрона и Пушкина // Amer. Contributions to the Fifth Intern. Congr. of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 371—401; 2) *Vickery W. N.* Byron's *Don Juan* and Puškin's *Evgenij Onegin*: The Question of Parallelism // Indiana Slavic Studies. 1967. Vol. 4. P. 181—191; *Благой Д. Д.* 1) «Евгений Онегин» в кругу великих созданий мировой литературы // Проблемы сравнительной филологии: Сб. ст. к 70-летию В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964. С. 317—326; 2) Пушкин в развитии мировой литературы. Статья вторая // Изв. ОЛЯ. 1974. Т. 33. № 6. С. 491—507; *Hielscher K.* Puškin und die Erzähltradition Sternes und Byrons; *Сандомирская В. Б.* «Естественный человек» и общество: «Кавказский пленник» в творчестве поэта // Звезда. 1969. № 6. С. 184—190; *Краснов А. П.* 1) Русская критика 10-х—начала 20-х годов XIX века о Байроне // Вопр. литературы. Новосибирск, 1971. С. 53—66 (Тр. Новосиб. гос. пед. ин-та. Вып. 36); 2) Байрон в России во второй половине 20-х годов XIX века // Некоторые вопросы русской и советской литературы и методики ее преподавания в школе. Барнаул, 1972. С. 95—124; *Фридлиндер Г. М.* 1) «Полтава» Пушкина и «Мазепа» Байрона: (К вопросу о филолого-исторических и этических взглядах Пушкина 20-х годов) // Philologica: Исслед. по яз. и лит. Л., 1973. С. 337—340; 2) Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе: (К характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона) // ПИМ. Т. 7. С. 100—122 (ранее сокр. вариант: Поэмы Пушкина // Петрунина Н. Н., Фридлиндер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 5—27); *Hoisington S. S.* Eugene Onegin: An Inverted Byronic Poem // CL. 1975. Vol. 27. № 2. P. 136—152; *Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы: Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 206—215 (автор — Г. П. Макогоненко); *Pálfi A.* A lírai es epikai elv összefüggése Puskin poémáinak elbessélté rendszerezében [Взаимосвязь лирических и эпических принципов в повествовательной структуре поэм А. С. Пушкина] // Filológiai közl. Budapest, 1977. Evf. 23. Sz. 2/3. Old. 266—275 (краткое излож.: *Шевяков С. П.* Пушкин в Венгрии // Новые зарубежные исследования творчества А. С. Пушкина: Сб. обзоров. М., 1986. С. 56—58); *Кулагин А. В.* 1) Эпиграф в поэме А. С. Пушкина «Полтава» // Болд. чтения, [1978]. 1979. С. 110—113; 2) Эпиграф к восьмой главе «Евгения Онегина» // Болд. чтения, [1981]. 1982. [Вып. 11]. С. 73—80; *Лотман Ю. М.* Три заметки о Пушкине: 3. «Задумчивый вампир» и «Влюбленный бес» // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 104—106 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 402—405; Лотман. Пушкин. С. 346—350); *Мясоедова Н. Е.* Об источниках статьи Пушкина о Байроне // Врем. ПК 1981. С. 184—193 (То же // Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине: (Статьи и заметки). СПб., 1997. С. 164—176); *Алексеев М. П.* Байрон и русская дипломатия // ЛН. Т. 91. С. 394—468; *Беликова А. В.* 1) «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона — «романы в стихах» // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1982. № 2. С. 71—78; 2) «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона — «романы в стихах» XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982; *Herdmann U.* Die Südllichen Poeme A. S. Puškins: Ihr Verhältnis zu Lord Byrons Oriental Tales. Hildesheim [u. a.], 1982 (Slavistische Texte und Studien. Bd 1); *Гуляев Н. А.* Концепция личности в романтическом творчестве Байрона и Пушкина // Вопросы романтического миропонимания, метода, жанра и стиля. Калинин, 1986. С. 3—19; *Ершофф Г.* Прижизненная известность Пушкина в Германии // Врем. ПК. Вып. 21. С. 74—76, 78; *Ильин-Томич А. А.* Пушкин и стихотворение Байрона «Written in an album» // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 37—41; *Лебедева О. Б.* «Разговор книгопродавца с поэтом»: План анализа // Примеры целостного анализа художественного произведения: Учеб. пособие. Томск, 1988. С. 12—14; *Мальчукова Т. Г.* Пушкин — критик Байрона // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1988. С. 10—22 (То же // Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск, 1995. С. 225—237); *Тихомиров В. Н.* 1) Русско-зарубежные литературные связи. Киев, 1988. С. 17—25; 2) Пушкин и Байрон: (Итоги и проблемы сравнительного изучения творчества) // Крымская науч. конф. «Пушкин и Крым»: Тез. докл. 24—29 сент. 1989. Симферополь, 1989. С. 37—39; *Bayley J.* Pushkin and Byron: A Complex Relationship // The Byron Journal. 1988. Vol. 16. P. 47—55 (рец.: *Соколянский М. Г.* Пушкин и Байрон: Спорный взгляд на старую проблему) // Сюжет и время: Сб. науч. тр.: К 70-летию Г. В. Краснова. Коломна, 1991. С. 93—96; То же // *Соколянский М. Г.* И несть ему конца: Ст. о Пушкине. Одесса, 1999. С. 40—46); *Мюллер-Кочеткова Т. В.* Пушкин, Байрон и Стендаль // Мюллер-Кочеткова Т. В. Стендаль: Встречи с прошлым и настоящим. Рига, 1989. С. 7—36; *Баевский В. С.* 1) Когда Пушкин познакомился с поэзией Байрона? // Miscellanea philologica. СПб., 1990; 2) Из предыстории пушкинской элегии «Погасло дневное светило...» // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1994.

- С. 78—93; 3) Присутствие Байрона в «Евгении Онегине» // Изв. РАН. 1996. Т. 55. № 6. С. 4—14; 4) Пушкин, русская литература его времени и байронизм: Из творческой истории романа в стихах // Пушкин и русская культура: Докл. на Междунар. конф. в Новгороде (26—29 мая 1996 г.). СПб.; Новгород, 1996. С. 61—64; 5) Байрон // Онегинская энциклопедия / Под общей ред. Н. И. Михайловой. М., 1999. Т. 1. С. 75—80; Кузнецова О. В. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона: (Соотношение типов лиризма) // Модификация художественных систем в историко-литературном процессе: Сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 36—47; Gelder A. Wandering in Exile: Byron and Pushkin // CL. 1990. Vol. 42. № 4. P. 319—334; Кибальник С. А. 1) Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Т. 14. С. 33—41; 2) «Граф Нулин» и «Беппо» // Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1992. С. 22—30; 3) Художественная философия Пушкина. СПб., 1998. С. 43—54, 122—126; Лашкевич А. В. Байрон и байронизм в литературном сознании России первой половины XIX в. // Великий романтик: Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 160—176; Сахаров В. И. Байрон и русские романтики // Там же. С. 143—151; Фомичев С. А. «В роде Дон Жуана...»: (О замысле романа «Евгений Онегин») // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 18—30; Балашова И. А. 1) Портрет Д. Г. Байрона в тетради А. С. Пушкина 1829 года // Северо-кавказские чтения: (Материалы школы-семинара «Лиманск-92»). Ростов н/Д., 1992. Вып. 6: Поэтика и стилистика. С. 23—26; 2) К вопросу о литературных источниках «Стихов, сочиненных во время путешествия» (1829) А. С. Пушкина // Владикавказские пушкинские чтения. Владикавказ, 1993. Вып. 1. С. 86—98 (То же // Балашова. Источники. С. 73—87); 3) О стихотворении А. С. Пушкина «Усердно помолившись богу» // Балашова. Источники. С. 10—27; Топоров В. Н. Страничка из ранней истории русского байронизма: (Жуковский и Пушкин: Первое знакомство с Байроном) // Топоров В. Н. Пушкин и Гольдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: (К постановке вопроса). Wien, 1992. С. 205—213; Kissel W. Puškin, Byron und Stendhal — zur russischen Rezeption von Stendhals Essay «Lord Byron en Italie» // Arion. Bd 2. S. 79—95; Shrayer M. D. Rethinking romantic irony: Puškin, Byron, Schlegel and «The Queen of Spades» // SEEJ. 1992. Vol. 36. P. 397—414; Вацуро В. Э. Последняя элегия Батюшкова: (К истории текста) // РР. 1993. № 2. С. 8—22 (То же // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 150—166); Герасименко Л. «Евгений Онегин» и «Паломничество Чайльд-Гарольда»: (Проблемы жанровых связей) // Пушкин и наше время: [Тез. докл.] / Сост. В. Ф. Куширенко, В. Н. Грабовская. Кишинев, 1993. С. 18—20; Greenleaf M. Pushkin's Byronic apprenticeship: A problem in cultural syncretism // Russian Rev. 1994 (July). Vol. 53. № 3. P. 382—398; Pfeifer C. Realismus und Anti-Byronismus in Puškins «Südlichen Poemen»: Magisterarbeit / Kiel. Univ. Kiel, 1994; Болгова М. В. «Дон Жуан» и «Беппо» в эволюции «онегинского» замысла // Пушкинская конф., междунар., 1—4 окт. 1996 г. Материалы. Псков, 1996. С. 54—57; Garrard Дж. Сравнительный анализ героини «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина // ВЛ. 1996. № 6. Ноябрь—дек. С. 153—177; Кулешов В. И. «Евгений Онегин» Пушкина и «Дон Жуан» Байрона // Русская словесность. 1996. № 3. С. 27—30; Потемина Е. И. «Байронизм» в «Евгении Онегине» в откликах критиков первой трети XIX века // Пушкинская конф., междунар., 1—4 окт. 1996 г. Материалы. Псков, 1996. С. 100—105; Борисов Ю. Н. «Евгений Онегин», «Горе от ума» и традиция байронической поэмы // Пушкинская конф., междунар., 4-я. [Докл. СПб., 1997]. С. 150—154; Мамаев С. Г. О некоторых источниках пушкинских вдохновений: (Еще о «байронизме» Пушкина) // Русская литература и провинция. Симферополь, 1997. С. 39—41 (Крымские Пушкинские международные чтения, 7-е. Материалы); Петерс Й.-У. Пушкин, Байрон и Фридрих Шлегель: К вопросу о жанровой традиции и поэтической структуре «Евгения Онегина» // Arg philologiae: Проф. А. Б. Муратову ко дню 60-летия. СПб., 1997. С. 48—70; Шейман Л. А. 1) К истокам замысла стихотворения Пушкина о дожде и догаресе // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Казань, 1998. С. 81—82; 2) Трагедия Байрона — в контексте живейших интересов Пушкина // Шейман Л. А., Соронкулов Г. У. Пушкин и его современники: Восток—Запад: Очерки. Бишкек, 2000. С. 275—281; Рак В. Д. 1) «Унижусь до презренной прозы...» // РР. 1999. № 5. С. 9—17; 2) Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона // РЛ. 2000. № 2. С. 3—25 (обе ст. под общим загл.: Заметки к теме «Пушкин и Байрон» // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 64—111); Эткинд Е. Г. Пушкин в споре с Ламартином // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 182—186, 191—194; Драгомирецкая Н. В. А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»: Манифест диалога-poleмики с романтизмом. М., 2000.

В. Д. Рак

БАЛЬЗАК (Balzac) Оноре де (1799—1850), фр. писатель. В России получил широкую и почти скандальную известность с нач. 1830-х как представитель фр. «неистойвой словесности». П. следил за творчеством Б., приобрел его произв. в подлиннике и одно в рус. пер. (Библиотека П. № 13, 568—572; № 570 — приобретена 25 мая, № 569 — 2 июня, № 571 — 3 авг. 1836 — Арх. опеки. С. 53, 54, 55; *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // Библиотека П.: Прилож. к репринтному изд. С. 42. № 150 — приобретена 25 мая 1836 — Лит. архив. Т. 1. С. 37), внес «Сцены частной жизни» («Scènes de la vie privée», изд. с 1830), «Шагреновую кожу» («La peau de chagrin», 1830—1831), «Озорные рассказы» («Cent contes drolatiques: Premier dixain», 1832), «Темные рассказы» («Contes bruns», 1832) в список «новых романов», о к-рых в 1832 собирался писать статью (Акад. XII, 204), читал критич. очерк *Ш.-О. Сент-Бёва* о Б. (Библиотека П. № 1346). В 1830 П. с неодобрением отозвался в ЛГ об анонсированном фр. ж-лами выходе «Записок Самсона, парижского палача» («Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française, par Sanson, exécuteur des arrêts criminels pendant la Révolution», 1829, Б. в соавт. с Л.-Ф. Леритье (L'Héritier, 1789—1852)), заявив, что издатели подобных «мемуаров», являющихся «крайним оскорблением общественного приличия» (Акад. XI, 130), апеллируют к «безнравственности нашего любопытства» (Акад. XI, 94). Посылая 12 апр. 1831 П. «Физиологию брака» («La physiologie du mariage», 1829), В. С. Голицын назвал эту книгу «развратительной» (Акад. XIV, 161); в наброске «Мы проводили вечер на даче...» (1835) она упомянута как «неблагопристойная» (Акад. VIII, 421). Воспринимая Б. как адепта «неистойвой словесности», П. в письме к Е. М. Хитрово (2-я пол. 1832) обозначил его манеру фр. словом «marivaudage» (Акад. XV, 38; дословный пер.: вычурность), имея в виду «манерность» и «близорукую мелочность в описаниях», в чем позже («„Три повести“ Н. Павлова»), 1835) упрекал фр. романистов, без точного указания, о ком идет речь (Акад. XII, 9). В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности» (1836) П. констатировал, что рус. романисты не приняли Б. за образец (Акад. XII, 71). Оценка П. в какой-то мере определялась полемическими соображениями и общим отношением к Б. фр. и рус. критики. Однако проблема «П. и Б.» не сводится к прямым упоминаниям и высказываниям, но охватывает разнообразные аспекты творческой связи и типологической общности, к-рые проявляются в антитезе «фантастичность реальности и реальность чудесного» («Шагреновая кожа» — «Пиковая дама»), в структуре образов скупца (Гобсек — барон в «Скупом рыцаре») и молодого героя, жаждущего разбогатеть (Рафаэль в «Шагреновой коже» — Германи), в разработке мотива безумия («Прощай!» («Adieu!») (1830) — «Медный всадник») и др. В «Станционном смотрителе» сравнение: «Дуня (...) сидела на ручке его кресел, как наездница в своем английском седле» (Акад. VIII, 104) — является неточной цитатой из «Физиологии брака»; в прозаич. набросках П. имеются фразеологические совпадения с Б., хотя и не позволяющие с определенностью говорить о зависимости П. от Б., но в совокупности свидетельствующие также о реминисценции. Имя героя в «Пиковой даме» могло быть подсказано фразой в «Красной гостинице» («L'auberge rouge», 1831): «Звали его Германи, как почти всех немцев, которых сочинители выводят в книгах» («Il se nommait Hermann, comme presque tous les Allemands mis en scène par les auteurs»), а нежелание графини читать романы, где герой «давит» отца и мать (Акад. VIII, 232), могло возникнуть под впечатлением от повести «Палач» («El Verdugo», 1830). В письме П. к жене от 4 мая 1836 загл. «Histoire de treize» (1834; пер.: «История тринадцати») упоминается в форме введенного П. В. Нащокиным бытового словоупотребления: «treize» (Акад. XVI, 111). В ходе полемики вокруг чрезмерного сближения реализма П. 1830-х с реализмом Б. и обозначения его термином «социологический» (Г. А. Гуковский), были отмечены не только типологическое сходство творч. принципов двух писателей, но и существенные различия.

Обстоятельства, приведшие П. к трагической дуэли, воспринимались нек-рыми его современниками как история в духе Б.

Лит.: *Веневитинов М. А.* Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г. // РС. 1900. № 1. С. 81 (Отд. изд.: СПб., 1900. С. 17); *Модзалевский Б. Л.* Из бумаг С. Л. Пушкина // ПиС. Вып. 8. С. 84; *Струве П. Б.* Пушкин о Стендале и Бальзаке // Россия (Париж). 1927. № 22. (То же // Струве. Дух и Слово. С. 104—108); *Томашевский Б. В.* 1) Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 245—249 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 397—400, 478—479); 2) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 67—69 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 165—168); *Благой Д. Д.* Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 65—67; *Рейзов Б. Г.* Несколько французских книг из библиотеки Пушкина // Учен. зап. ЛГУ. 1955. № 200. Сер. филол. наук. Вып. 25. С. 229 (То же // Рейзов Б. Г. Историко-литературные исследования. Л., 1991. С. 197—198); *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 130, 309—311, 318 и др.; *Боголюбова В. Г.* Еще раз об источниках «Анчара» // ПИМ. Т. 2. С. 321; *Эльсберг Я. Е.* Основные этапы развития русского реализма. М., 1961. С. 36—58; *Степанов Н. Л.* Проза Пушкина. М., 1962. С. 80, 146—147, 150—153, 163—164, 190, 265—267 и др.; *Петров С. М.* Реализм. М., 1964. С. 80—84, 255—257; *Лилеева И. А.* Творчество Бальзака в России и в Советском Союзе // Паевская А. В., Данченко В. Т. Оноре де Бальзак: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1830—1964. М., 1965. С. 15—17; *Gregg R. A.* Balzac and the women in *The Queen of Spades* // SEEJ. 1966. Vol. 10. № 3. P. 279—282; *Тамарченко Н. Д.* 1) «Пиковая дама» А. С. Пушкина и «неистовая» литература // Герценовские чтения (междузв. конф.) 23-е. Филол. науки: Краткое содерж. докл. Л., 1970. С. 49—52; 2) Пушкин и «неистовые романтики» // Из истории русской и зарубежной литературы XI [XIX]—XX вв. Кемерово, 1973. С. 67—71; *Петрунина Н. Н.* Литературные параллели. II. Пушкин, Бульвер-Литтон и Бальзак: (К интерпретации мотива безумия в «Медном всаднике») // Врем ПК. 1977. С. 112—115; *Nilson N. A.* Brevity in Pushkin's prose // Canadian Slavonic Papers. 1987. Vol. 29. № 2/3. P. 152—164; *Reitelmann A.* Balzac und Puschkin: Ein russisch-französischer Kulturaustausch // Arion. Bd 3. S. 224—228; *Miltchina V.* Pouchkine et Balzac: une non-rencontre? // Alexandre Pouchkine, 1799—1837: [Exposition «Pouchkine chez Balzac»]. Paris—Musées, 1997. P. 17—28; *Николаева Т. М.* О возможном влиянии одного текста О. Бальзака на судьбы русских поэтов: (Пушкин и Лермонтов) // Изв. РАН. 2000. Т. 59. № 3. С. 40—47.

Библиогр.: *Паевская А. В., Данченко В. Т.* Оноре де Бальзак: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке, 1830—1964. М., 1965 (по указ.).

Л. И. Вольперт

БЕЙЛЬ Анри см. СТЕНДАЛЬ

БЕНЬЯН (Вунуан) Джон (1628—1688), англ. проповедник-пуританин, автор книг и памфлетов религ. и религ.-публицист. содержания, в т. ч. аллегорического «видения» «Путь паломника» («The Pilgrim's Progress», 1678—1684), в котором жизнь благочестивого человека и конечное обретение им Небесного Града представлены в виде странствия Христианина в поисках земли обетованной и преодоления им опасностей и соблазнов (Тряси-на Уныния, Долина Смертной Тени, Великан Отчаяние, Ярмарка Тщеславия и т. п.), подстерегающих его на каждом шагу. Эта книга стала одной из самых распространенных в Англии, излюбленным соч. мистиков и сектантов всех стран, в России — масонов. В б-ке П. имелось 4-томное собр. «Сочинений Иоанна Бюниана» (3-е изд. М.; СПб., 1819), в к-ром «Путешествие Христианина к вечности» (Т. 1) было напечатано в пер. с фр. яз. (1-е изд.: Любопытное и достопамятное путешествие Христианина к вечности. М., 1782), исправленном во 2-м изд. (М., 1786) по нем пер. (Библиотека П. № 59). В 1835 П. вольно, с очень значительной переработкой, переложил стихами начальные стр. «Путешествия Христианина», созвучные ему в то время настроением кризиса и перелома, мотивами разрыва с об-вом и ухода из него, покаяния и очищения от прошлых грехов в предчувствии смерти (см. статью «Странник» в т. «Творчество»). Рус. пер., по которому выполнял П. свое переложение, он, вполне возможно, сверял с подлинником.

Внимание П. могло быть привлечено к этой книге, в частности, тем обстоятельством, что в англ. ж-лах 1830-х, за к-рыми он в это время постоянно следил, она была подвергнута переоценке и, считавшаяся ранее «любимцем простолюдинов», была признана достойным чтением и для «образованного меньшинства».

Лит.: *Габричевский А.* «Странник» Пушкина и его отношение к английскому подлиннику // *ПиС.* Вып. 19/20. С. 40—48; *Благой Д. Д.* Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // *ПИМ.* Т. 4. С. 50—74 (То же // *Благой Д. Д.* От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 334—365; 2-е изд. М., 1979. Т. 1. С. 319—351); *Долинин А. А.* К вопросу о «Страннике» и его источниках // *Пушкинские чтения в Тарту:* Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 34—37; *Ипатов С. А.* «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему»: Парадигмы сюжета // *Христианство и русская литература.* СПб., 2002. Сб. 4. С. 316—320.

В. Д. Рак

БЕРАНЖЕ, Беранжер (Béranger) Пьер-Жан (1780—1857), фр. поэт-песенник. Известность Б. началась в 1813 песенкой «Король Ивето» («Le roy d'Yveto»), в к-рой усматривали насмешку над режимом Наполеона. В России популярен с конца 1810-х; его творчеством интересовались и его песни перевели Л. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, В. Г. Тепляков, В. И. Туманский. Если в декабристских кругах внимание привлекали полит. песни Б., резко оппозиционные и остросатирические по отношению к Бурбонам, дворянско-католической реакции и Священному союзу, то широкой читательской аудиторией России Б. воспринимался гл. обр. как автор фривольных песенок. П. был невысокого мнения о Б.: «Béranger не поэт» (письмо к М. П. Погодину, 1-я пол. сент. 1832 — Акад. XV, 29), считал его популярность незаслуженной («Первым их (французов. — Л. В.) лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок» («Начало статьи о В. Гюго»), осень 1832 — Акад. XI, 219). Вяземский объяснял неприятие Б. со стороны П. тем, что П. «вообще (...) как-то инстинктивно не любил репутаций, слишком, по мнению его, дешево приобретенных», и «держался в литературе и в отношениях к себе какого-то местничества» под девизом «чин чина почитай» (*Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 431). В ноябре 1818 Вяземский передал П. через А. И. Тургенева предложение перевести песню Б. «Маленькая фея» («La petite fée»), к-рое не имело последствий (ОА. Т. 1. С. 149). В письмах П. к Вяземскому из Михайловского (29 ноября 1824 и нач. июля 1825) звучит ирония по поводу переводов В. Л. Пушкина из Б. (Акад. XIII, 125, 185). Вместе с тем, по свидетельству П. А. Каратыгина, позднее П. поощрял Д. Т. Ленского (Воробьева) переводить Б. (РС. 1880. Т. 29. Кн. 10. С. 309). Песню «Король Ивето» П. считал лучшей у Б., не находя, однако, в ней, вопреки общему мнению, «и тени оппозиции» («Французская академия», 1836 — Акад. XII, 56).

В ст-нии «Моя родословная» (1830) рефрен «я мещанин» (в авторизованной копии строка 16: «Я мещанин! Я мещанин!» — Акад. III, 875) — это перефразированный припев («Je suis vilain et très vilain / Je suis vilain, / Vilain, vilain, vilain») песни Б. «Простолюдин» («Le vilain»); этот же припев написан в качестве эпиграфа в первом перебеленном автографе (Акад. III, 873). В целом, близкая Б. по интонации, форме и мысли, «Моя родословная» представляет собою своеобразный «перепев» или «перевод жанра» (Е. Г. Эткинд).

Тонкой стилизацией под Б. и типизацией всей фр. демокр. песни 1820-х явилось ст-ние «Рефутация господина Беранжера» (1827), написанное в ответ на бонапартистскую песню («T'en souviens-tu, disait un capitain...») поэта П.-Э. Дебро (Debraux, 1796—1831), к-рую в России восприняли как соч. Б. Утверждаемая свидетельством Вяземского (Ст. и нов. 1904. Кн. 8. С. 33) принадлежность «Рефутации господина Беранжера» П. не может, по-види-

мому, считаться бесспорной: авторство П. не признавали П. В. Анненков (недокументированное свидетельство Н. В. Гербеля) и Н. В. Гербель (Герб. С. X), Ю. И. Данилин; колебался, возможно, одно время Б. В. Томашевский, не включивший это ст-ние в однотомник (*Пушкин А. С. Соч. / Ред., биогр. очерк, примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л., 1935; переизд.*) и в изд.: *Пушкин А. С. Стихотворения. Л., 1955. Т. 3 (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.)*, но восстановивший его в *Акад. в 10 т. (2) (Т. 3. С. 45—46)*.

Помимо указанных выше случаев, Б. упоминается в «Графе Нулине». В б-ке П. имелись два тома ст-ний Б. (Библиотека П. № 597—599); в 1836 П. читал выборочно статью *Ш.-О. Сент-Бёва* о Б. (Там же. № 1346).

Лит.: *Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине. III. Рефутация Беранжера // ПиС. Вып. 37. С. 119—122; Старицына З. А. 1) Беранже в России: XIX в. М., 1969. С. 11—12, 24—28; 2) Беранже в русской литературе. М., 1980. С. 12, 14, 18—21; Данилин Ю. И. Беранже и его песни: Критико-биогр. очерк. М., 1958. С. 216—217; 2-е изд., доп. М., 1973. С. 321—323; Эткинд Е. Г. Метапереводы Пушкина // RdES. 1987. Т. 59. Р. 51—53 (То же // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 524—527); Немировский И. В. О дубильности стихотворения «(Рефутация господина Беранжера)» // ПиС. Вып. 1 (40). С. 222—228.*

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

БЁРК (Burke) Эдмунд (1729—1797), англ. публицист, полит. деятель, эстетик. Большинство его соч. посвящено вопросам внутренней и внешней политики Великобритании. Трактат Б. «Философское исследование происхождения наших идей возвышенного и прекрасного» («*A Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and Beautiful*», 1757) оказал большое влияние на развитие европ. эстетич. мысли и сыграл важную роль в становлении эстетики романтизма. Широкий резонанс имел памфлет Б. «Размышления о французской революции» («*Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in certain Societies in London relative to that Event*», 1790), ставший манифестом европ. антиреволюц. сил. Выступая в защиту монархии, Б. доказывал необходимость сохранения существующих полит. учреждений и противопоставил революц. идеологии теорию эволюционного развития об-ва. В б-ке П. имелся фр. пер. этого памфлета, изданный в 1823 (Библиотека П. № 690).

Обдумывая в 1823 (после 22 окт.) возможность отд. изд. в Одессе первой главы «Евгения Онегина», П. изобразил проект тит. л., на к-ром в качестве эпиграфа написал цитату из соч. Б. «Мысли и подробности о скудости» («*Thoughts and Details on Scarcity, Originally Presented to the Right Honourable William Pitt in the Month of November, 1795*»), представлявшего собою записку о состоянии сельского хозяйства Великобритании, поданную Б. премьер-министру (ПД № 930, л. 2; Акад. VI, 543). Эпиграф должен был, по-видимому, служить читателю предупреждением о недопустимости отождествлять поэта с персонажем его произведения. Последующий отказ от этого эпиграфа нек-рые исследователи объясняют тем, что в процессе работы над главой мир повествователя и мир героя сблизились, отношение автора к герою изменилось и первонач. выбранная цитата не могла уже выполнять определенную ей роль; это предположение не учитывает, однако, того обстоятельства, что эпиграф был записан после того, как вся глава была написана и эволюция в ней образа героя уже совершилась. Посредствующий источник цитаты не установлен; возможно, П. он стал известен через кого-нибудь из знакомых англичан, живших в то время в Одессе (У. Хатчинсона, Ч. Э. Томсона).

Лит.: *Семенов Ю. Похвала праздности : Опыт историко-социологической интерпретации некоторых текстов Пушкина // Studia Slavica Gunnaro Gunnarson sexagenario dedicata. Uppsala, 1960. S. 106; Pushkin A. Eugene Onegin / Transl. ... with a comment. by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 8 (рус. пер.: Набоков. С. 87—88); Громбах С. М.*

Об эпитафии к «Евгению Онегину» // Изв. ОЛЯ. 1969. Т. 28. Вып. 3. С. 216—217; *Алексеев М. П.* Эпитафия из Э. Бёрка в «Евгении Онегине» // Врем. ПК 1974. С. 98—109 (То же // Алексеев. П. и мировая лит.-ра. С. 560—571); ЛН. Т. 91. С. 643.

В. Д. Рак

БИРГЕР см. БЮРГЕР

БОВЛЬ см. БОУЛЗ

БОККАЧЧО, Бокаччио, Бокачио (Vossaccio) Джованни (1313—1375), ит. гуманист, поэт и прозаик, считающийся наряду с *Данте* и *Ф. Петраркой* одним из трех «венцов» ит. классической лит.-ры. Известность в самой широкой читательской аудитории, а также активное распространение в европ. лит.-рах путем переводов, вольных переложений, пересказов и подражаний получил его «Декамерон» («Decamerone» или «Decameron», 1350—1355) — сб. из ста новелл, обрамленный повествованием о десяти молодых людях, спасающихся в течение двух недель на загородной вилле от флорентийской чумы 1348 г. и коротающих время, рассказывая друг другу разные истории. Неизменной популярности «Декамерона» в целом и отд. новелл способствовали эротический и даже фривольный характер многих новелл (однако в эпоху романтизма, особенно в Англии, актуальными становятся новеллы с трагическим содержанием), искусство повествовательной техники, раннеренессансная жизнеутверждающая тональность, образцовая чистота языка, к-рым изложены традиционные ср.-век. сюжеты.

Известность новелл «Декамерона» в России отмечается с XVII в., куда они проникали через польское и нем. посредничество, распространяясь в низовой лит.-ре фантасий и жартов. В XVIII в. наряду с прозаич. появляются стихотв. переложения ряда новелл, стоящие у истоков рус. фривольно-эротической поэзии.

Знакомство П. с творчеством Б. могло происходить разл. путями, к-рые документально не зафиксированы. Оценки и высказывания П. о нем до 1830 неизвестны. Отражения новелл Б. в пушк. произв. не отмечено.

П. дважды упомянул Б. вместе с др. знаменитыми авторами (*Ариосто*, *Ж. де Лафонтен*, *Байрон* и др.) «вольных сказок» (иначе — «шутливых повестей») в тематически и текстуально связанных между собой полемических заметках 1830: «(О новейших блюстителех нравственности)» (Акад. XI, 98) и «(Опровержение на критики)» (Акад. XI, 156) — по поводу статьи Н. И. Надеждина «Две повести в стихах: „Бал” и „Граф Нулин”», содержащей резкую критику пушк. поэмы, в частности, обвинение в непристойности (ВЕ. 1829. Ч. 163. № 2. С. 151—156; Прижизн. критика, 1828—1830. С. 112—120). В письме к Е. М. Хитрово от сер. (после 10) сент. 1831 отразилось понимание «Декамерона» как изображения «пира во время чумы», утешительного развлечения в годину бедствий: «...я знал, что вы здоровы и развлекаетесь, это, конечно, достойно „Декамерона”. Вы читали во время чумы вместо того, чтобы слушать рассказы, это тоже очень философично» (Акад. XIV, 225, 436; подлинник по-фр.).

В б-ке П. имелись два изд. «Декамерона»: гаагское 1775 на фр. яз., «в изящный слог переложенное, со вкусом сего времени сообразованное» (приобретено в 1836 — Лит. архив. Т. 1. С. 41; разрезано в неск. местах), и флорентийское 1820 на ит. яз. (Библиотека П. № 656, 657).

Лит.: *Мартынов И. Ф.* У истоков русской фривольной поэзии: «Декамерон» Дж. Боккаччо в России XVIII века // *Ricerche slavistiche*. 1982/1984. Vol. 29/31. P. 153—175.

А. О. Дёмин

БОМАРШЕ (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон де (1732—1799), фр. драматург, автор знаменитых комедий «Севильский цирюльник» («Le barbier de Séville», 1773, пост. 1775) и «Женитьба Фигаро» («Le mariage de Figaro», 1779, пост. 1784), публицист. В России известен с конца XVIII в. П. с юности хорошо знал и любил Б. Сложный комплекс его восприятия творчества Б. определяли театр. впечатления от постановок «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро», дискуссии (гл. обр. 1829) вокруг рус. переводов и сценического воплощения пьес, блистательный текст, к-рый он знал чуть ли не наизусть, музыка Д. А. Россини и В. А. Моцарта, послужившая вящей славе комедий, биогр. очерк о Б. в «Лицее» *Ж.-Ф. де Лагарпа*, рассказы (весною 1830) кн. Н. Б. Юсупова, бывшего лично знакомым с фр. писателем. С юношеских своих ст-ний «К Наталье» (1813), где две строки посвящены персонажам «Севильского цирюльника» («...седым Опекуном Легкой, миленькой Розины»), и эпиграммы «Угрюмых тройка есть певцов...» (1815), образцом для к-рой послужила эпиграмма Б., на протяжении всей жизни П. неоднократно цитировал Б., упоминал его героев, факты его биографии. В письме к А. И. Тургеневу от 9 июля 1819 упоминается дон Базиль (Акад. XIII, 10), под к-рым имеется в виду Александр I, а слова этого же персонажа: «Qui est-ce donc que l'on trompe ici?» (Акад. VIII, 421; пер.: Кого здесь обманывают?) — произносит хозяйка в наброске повести «Мы проводили вечер на даче...» (1835). В эпиграфе к ст-нию «Паж» (1830) упомянут Керубино. Шутливое негодование по адресу Е. М. Хитрово выражено в письме к П. А. Вяземскому от 14 авг. 1831 слегка неточной первой фразой монолога Фигаро («Le mariage de Figaro», V, 3): «O femme, femme! créature faible et décevante...» (Акад. XIV, 208; пер.: О женщина, женщина! создание слабое и обманчивое). В «Моцарте и Сальери» совет, полученный Сальери от Моцарта («Как мысли черные к тебе придут, Откупори шампанского бутылку, Иль перечти „Женитьбу Фигаро“» — Акад. VII, 132), является парафразой начальных абзацев предисловия к «Севильскому цирюльнику»; почти документальны в этом же смысле и другие реплики Б., приводимые Сальери. К «Севильскому цирюльнику» (д. I, явл. 4) восходит сложным путем, утратя фактически связь со своей первоосновой, эпиграф к статье «Александр Радищев» (1836). Реминисценции из Б. имеются в «Евгении Онегине» (гл. I, 12. 13—14; VIII, 35. 4). Остроты, каламбуры, сентенции Б. встречаются в письмах пушк. корреспондентов: И. И. Козлова (Акад. XIII, 177), П. А. Вяземского (Акад. XIII, 181), М. П. Розберга (Акад. XIV, 132). Б. вызывал восхищение П. не только как художник, но и как остроумец, яркий полемист, непревзойденный собеседник и полит. борец: «Бомарше влечет на сцену, раздает до нага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным. Старая монархия хохочет и рукоплещет» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 272). П. интересовала биография Б., его борьба против лит. доносчиков и ханжей; он знал клеветническую легенду об отравлении Б. двух его жен и опровержение *Вольтера* («столь смешной человек не может принадлежать к семейству Локусты») в близкой к исходной редакции Лагарпа («Этот Бомарше не отравитель: он слишком смешон») и смягченной формулировке («столь веселый человек») самого Б.; была ему известна история посвящения оперы Б. «Тарар» («Tarare», 1787) Сальери, написавшему для нее музыку. Кульминация интереса П. к Б. пришлась на 1830 — время бесед с кн. Н. Б. Юсуповым и создания под их впечатлением ст-ния «К вельможе», где Б. посвящены строки: «...Услужливый, живой, Подобный своему чудесному герою Веселый Бомарше блеснул перед тобою» (Акад. III, 218). Осенью того же года П. увековечил Б. в трагедии «Моцарт и Сальери» как гения «моцартианской» природы, ввел его в кульминационную сцену, связав с главной филос. идеей пьесы о праве гения на преступление («Он же гений, Как ты, да я. А гений и злодейство Две вещи несовместные». — Акад. VII, 132) и воплотив в поэтич. форме опровержение *Вольтера* («...он слишком

был смешон Для ремесла такого». — Там же). Образ Сальери в трагедии отразил представление о композиторе, вынесенное П. из предисл. и посвящения к «Тарару». Высказывалась гипотеза о соотношенности композиции и филос. идеи трагедии с текстом «Тарара» и муз. цитатой из него («мотивом», к-рый твердит Моцарт, когда он «счастлив». — Там же). Творческая связь П. с Б. в «Моцарте и Сальери» проявляется и в типологической общности: создании новаторской драматургической поэтики, разработке сценического психологизма. Начиная со статей, написанных болдинской осенью 1830 («Опровержение на критики»), «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»), П. учитывал опыт Б.-полемиста, пользуясь его приемами иронически-серьезного воспроизведения журн. нападок и создания комического эффекта за счет контраста между ответственностью заявления и ничтожностью его содержания.

В б-ке П. имелось 6-томное собр. соч. Б. в парижском издании 1828 (Библиотека П. № 588).

Лит.: *Алексеев М. П.* «Моцарт и Сальери»: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 535—537; *Lozinski G.* Pouchkine, lecteur de Beaumarchais // RLC. 1937. № 1. P. 233—234; *Вацууро В. Э.* Пушкин и Бомарше: (Заметки) // ПИМ. Т. 7. С. 204—214 (То же частично, под загл.: Бомарше в «Моцарте и Сальери» // Вацууро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 99—107); *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и Бомарше // Пушкинский сборник. Л., 1977. С. 99—125; 2) Бомарше в трагедии «Моцарт и Сальери» // Изв. ОЛЯ. 1977. Т. 36. № 3. С. 244—251; 3) Вольперт. П. и психол. традиция. С. 166—196; 4) Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 166—189; *Беляк Н. В., Виролайнен М. Н.* «Там есть один мотив...»: («Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина) // Врем. ПК. Вып. 23. С. 32—47; *Дмитриева Н. Л.* К истории создания стихотворения «Паж, или Пятнадцатый год»: (Пушкин—Бомарше—Мюссе) // Пушкинская конф., международная, 4-я. [Докл. СПб., 1997]. С. 64—69.

Л. И. Вольперт

БОНЖУР (Bonjour) Казимир (1795—1856), фр. комедиограф. В б-ке П. имелась комедия Б. «Муж волокита» («Le mari à bonnes fortunes», 1824 — Библиотека П. № 663), из к-рой П. вольно перевел четвертую сцену первого акта («Она меня зовет: поеду или нет...»), конец 1820-х). Этот отрывок явился частью неосуществленного замысла, к-рый реконструирован на основании карандашных отметок П. в тексте пьесы Б. и составленного им на фр. яз. плана пятиактной комедии в стихах. Сократив пьесу Б. наполовину, П. намеревался перенести ее действие в Россию. По-видимому, комедия Б. привлекла П. парадоксальностью психологической ситуации, достоинствами стиха и «водевильной» легкостью.

Лит.: *Якубович Д. П.* «Перевод из К. Бонжура»: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 677—688; *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и французская комедия XVIII в. // ПИМ. Т. 9. С. 179—180; 2) Вольперт. П. и психол. традиция. С. 146—148; 3) Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 151—153.

Л. И. Вольперт

БОНШТЕТТЕН, Бонстеттен (Bonstetten) Шарль (Карл)-Виктор, барон де (1745—1832), швейц. публицист, историк, педагог, философ, гос. деятель. Умеренный республиканец, он осудил террор Французской революции и руководствовался в политике патриотическими интересами. Б. состоял в первом швейц. объединении просветителей — Гельветическом об-ве. Писал на нем. и на фр. яз. Характерные соч. Б.: «Письма о стране швейцарских пастухов с историей этих пастушеских племен» («Briefe über ein schweizerisches Hirtenland nebst der Geschichte dieser Hirtenvölker», 1781); «Изложение причин, вызвавших революцию в Швейцарии» («L'Exposé des causes qui ont amené la révolution en Suisse», 1795); «Что такое свобода?» («Was ist Freiheit?», 1799); «Исследования природы и законов воображения» («Recherches sur la nature et les lois de l'imagination», 1807); «Мысли о раз-

личных предметах общего блага» («Pensées sur divers objets de bien public», 1815); «Очерки о человеке» («Etudes sur l'homme», 1821); и мн. др. Б. был знаком со множеством выдающихся людей своего времени, напр., со швейцарцами Ж.-Ж. Руссо, поэтом и ученым А. фон Галлером (Haller, 1708—1777), философом-естествоиспытателем Ш. Бонне (Bonnet, 1720—1793), историком Швейцарии И. Мюллером (Müller, 1752—1809), экономистом и историком Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842), писателем Г. Цшокке (Zschokke, 1771—1848), дружил с жившим в Швейцарии нем. поэтом Ф. Маттисоном (Matthisson, 1761—1831). Б. лично знал *Вольтера* и *Ж. де Сталь*, Ж. Д'Аламбера (d'Alembert, 1717—1783) и А. фон Гумбольдта (Humboldt, 1769—1859), *А. В. Шлегеля*, *Т. Грея*, *Байрона* и др. По словам его биографа, «описывать жизнь Б. это значит (...) писать историю общества его времени» (*Herking M.-L. Ch.-V. de Bonstetten: Sa vie, ses oeuvres. Lausanne, 1921. P. 11*).

Из россиян и людей, связанных с Россией, общались с Б. знакомые П. — гр. И. А. Каподистрия, гр. А. С. де Сиркур (урожд. Хлюстина), перу к-рой принадлежали «Письмо о современном состоянии русской литературы» (*Lettre sur l'état actuel de la littérature russe // Bibliothèque universelle. 1829. Ann. 14. T. 42. P. 247—264*) и ряд др. статей (см.: *Herking M.-L. Ch.-V. de Bonstetten... P. 378, 381—383*), а также друзья П. — А. И. Тургенев и В. А. Жуковский (см.: *Жуковский В. А. Отрывки из письма о Швейцарии // Соч. 8-е изд. СПб., 1885. Т. 5. С. 457*). Последний перевел на рус. яз. выдержки из писем И. Мюллера к Б., в к-рых швейц. историк излагал свои взгляды в духе *Монтескье* на «революции народов», на историю «человека и общества» (ВЕ. 1811. Ч. 55. № 6. С. 83—100; см. также: ВЕ. 1810. Ч. 51. № 16. С. 263—285). В окт. 1827 А. И. Тургенев обсуждал с Б. в Женеве вопросы рус. истории (см.: *Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 202—214*).

Эти данные убеждают, что П. знал о Б. Подход к истории как истории народа, уважение к факту («во всей его истине») («(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»», 1830 — Акад. XI, 181), неприятие домислов романтической историографии сближают взгляды П. с концепцией нац. истории Б., хотя в целом эта концепция консервативна и ограничена по сравнению с пушк. историзмом.

Лит.: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 24—25, 116—117, 140—141, 148—149.

Р. Ю. Данилевский

БОУЛЗ, Боульс, Бовль (Bowles), Уильям Лайл (1762—1850), англ. поэт, близкий по эстетич. взглядам к «озерной школе» (*У. Вордсворту*, *С. Кольриджу*, *Р. Саути*). В 1806 Б. издал 10-томное собр. соч. А. Попа (Pope, 1688—1744) с биографией поэта и критич. статьей о его творчестве («Concluding Observations on the Poetic Character of Pope»). Преследуя цель развенчать поэзию англ. классицизма в лице писателя, чьи соч. были общепризнанны одним из высших ее достижений, Б. дискредитировал Попа с нравственной стороны и представил его поэтом, чей талант состоял гл. обр. в изящном формулировании стихами дидактических максим, будучи к тому же обращен преимущ. на изображение не могущих быть объектом высокой поэзии «искусственных» нравов «века утонченности и благовоспитанности» (refined age), т. е. светского об-ва первых десятилетий XVIII в. Пренебрежительная оценка Попа как человека и поэта вызвала оживленную полемику, к-рая особенно сильно разгорелась в 1819—1821, после того как против Б. выступил поэт Т. Кэмпбелл (Campbell, 1777—1844) в изданной им 7-томной антологии англ. поэзии («Specimens of the British Poets: with Biographical and Critical Notices, and an Essay on English Poetry», 1819). Б. ответил Кэмпбеллу памфлетом «Неизменные принципы поэзии» («The Invariab-

le Principles of Poetry, in a Letter Addressed to Thomas Campbell, Esq.», 1819). В полемику включились др. писатели, в т. ч. Байрон, возражавший Б. в «Письме (Джону Меррею), эсквайру, о критических суждениях преподобного У. Л. Боулза касательно жизни и творений Попа» («Letter to **** * (John Murray), Esqre, on the Rev. W. L. Bowles's Strictures on the Life and Writings of Pope», 1821). Б. продолжил дискуссию памфлетом «Два письма достопочтенному лорду Байрону» («Two Letters to the Right Honourable Lord Byron», 1821; 3-rd ed. 1822). Основным предметом спора стали положенные Б. в основу его критич. оценки творчества Попа два тезиса, согласно к-рым творения природы более поэтичны, чем «искусственные», т. е. созданные людьми, предметы, а общечеловеческие, вечные страсти, «принадлежащие самой природе, более подобают высшим родам поэзии, чем страсти, порождаемые местными и преходящими нравами». Оппоненты Б., не соглашаясь с причислением поэтов к более высокому или низкому рангу в зависимости от тематики произведений, утверждали, что в поэзии важен не изображаемый предмет, а худож. мастерство и что «искусственные» предметы не только не уступают в поэтичности природным, но и придают ее последним, оживляя их изображение.

Полемика между Б. и Байроном была известна П. и его знакомым (А. А. Бестужеву, К. Ф. Рылееву) гл. обр., видимо, по фр. пер. письма Байрона (Lettre de Lord Byron à J. Murray, Esq. au sujet de l'essai du Rev. W. L. Bowles sur la vie et les ouvrages de Pope // Œuvres de Lord Byron / Trad. de l'anglais [par A. Pichot]. Paris, 1821. Т. 9. Р. 1—87; переизд.) и была ими воспринята в контексте обмена мнениями о первой главе «Евгения Онегина» и принадлежности поэзии картин светской жизни (письма: П. — Рылееву 25 янв. 1825; Рылеев и Бестужев — П. 12 февр. 1825; Бестужев — П. 9 марта 1825 — Акад. XIII, 134, 141, 148—149). В обоснование своей позиции П. сослался, по-видимому, на Байрона, к-рый в противоположность Б. изображение в поэзии карточной игры поставил выше описания прогулки по лесу и заявил, что «хороший поэт может придать колоде карт больше поэтичности, чем обладают ею леса Америки». Получив возражение Рылеева (письмо Рылеева 10 марта 1825 — Акад. XIII, 150), П. признался, что покривил душою, и сообщил, что у него написано «очень дельное опровержение» Б. и Байрона, к-рые «в своем споре заврались» (письмо к Бестужеву 24 марта 1825 — Акад. XIII, 155). Обещание переслать эту критич. статью Бестужеву не было выполнено (письмо Рылеева 12 мая 1825 — Там же. С. 173), и она не сохранилась. С поэтич. произв. Б. познакомился П. позднее, когда приобрел книгу «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall» (Paris, 1829; Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. С. 113). Предполагается, что ст-ние Б. «Цыганский шатер» («The Gypsy's Tent»), в к-ром бродячая жизнь цыган противопоставляется жизни поэта, отдающего предпочтение мирному домашнему очагу, где он может «читать книгу, молиться и внимать воскресному колоколу», могло подсказать по контрасту внешне похожую, но иначе решаемую антитезу в ст-нии П. «Цыганы» (1830).

Лит.: Controversy between Byron and Bowles as to the poetry and character of Pope // Byron G. The Works: Letters and Journals / Ed. by R. E. Prothero. A new, rev. and enl. ed. London, 1901. Vol. 5. P. 522—592; Rennes J. J. van. Bowles, Byron and the Pope-Controversy. Amsterdam, 1927; Яковлев Н. В. К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми берегами...») // ПиС. Вып. 36. С. 63—70; Трубе Л. «С английского»: О загадке одной пушкинской пометы // ВЛ. 1984. № 4. С. 273—275.

В. Д. Рак

БУАЛО-ДЕПРЕО (Voileau-Despréaux) Никола (1636—1711), фр. поэт, теоретик классицизма, автор поэмы «Поэтическое искусство» («L'art poétique», 1674). К концу XVIII—нач. XIX в. во Франции сложился культ Б.-эстетика, поддерживавшийся адептами классицизма, к-рые объявили Б. не-

пререкаемым авторитетом и возвели сформулированные в «Поэтическом искусстве» эстетич. принципы (в том числе правило трех «единств» в трагедии, правила фр. стихосложения) в ранг вечных, непреложных законов лит. творчества; в 1820-е в бурную полемику с классиками вступили фр. романтики, ниспровергавшие Б., доказывая несостоятельность его теоретич. положений. Споры вокруг Б. получили сильный отзвук в европ. лит-рах, включая русскую.

П. был хорошо знаком с творчеством Б. с юношеских лет. Послание «К другу стихотворцу» (1814) содержит отголоски тем и приемов Б.-сатирика; лицейская программа воспитывала уважение к Б. как реформатору фр. поэзии в век Людовика XIV и гл. авторитету в области лит. вкуса. На протяжении всей жизни П. сохранял это отношение к Б., признавая его «поэтом, одаренным мощным талантом и резким умом» («О ничтожестве литературы русской», 1833—1834 — Акад. XI, 271); для него Б. в первую очередь «великий критик» (Акад. XI, 270), «законодатель фр. (анцузской) пиитики» (««Баратынский»», 1830 — Акад. XI, 186), «французских рифмачей суровый судия» (первый стих ст-ния без загл., 1833 — Акад. III, 305), расчистивший и указавший путь фр. поэзии, к-рая далее развивалась под его влиянием: «Буало обнародовал свой Коран — и фр. (анцузская) слов. (есность) ему покорилась» («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 38); «Буало (...) обнародовал свое уложение, и словесность ему покорилась», 1834 (Акад. XI, 271). В разные периоды на первый план в сознании П. выступали разные стороны этого образа фр. поэта. В лицейские годы оценка складывалась под влиянием восприятия Б. арзамасцами, видевшими в нем образец того, как следует вести борьбу с лит. противниками. Соответственно для лицеиста П. был важен боевой дух сатир Б.: русским Б. он называет П. А. Вяземского, «грозу всех князей-стихотворцев [на] Ш.» (письмо к П. А. Вяземскому 27 марта 1816 — Акад. XIII, 2—3); дяде-арзамасцу В. Л. Пушкину высказывает пожелание: «Чтобы Шихматовых на зло Воскреснул новый Буало» (««Из письма к В. Л. Пушкину»» («Христос воскрес, питомец Феба!...»), (1816), ст. 11—12); в послании «К Жуковскому» («Благослови поэт!...В тиши Парнасской сени...») (1816) предвещает: «Явится Дебрео — исчезнет Шапелен» (ст. 68). В 1820-е П. критически оценивает положения классической поэтики в формулировках Б. и отвергает нек-рые его каноны, в т. ч. правило трех «единств». В «Поэтическом искусстве» он находит «[странную] блестящую смесь некоторых готических (устарелых. — Л. В.) понятий с [правилами] оракулами Горациевой пиитики» (черн. вар. цитированной выше фразы о «Коране» Б. — Акад. XI, 307). На сентенцию Б. «Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme» (пер.: сонет без изъяна стоит больше длинной поэмы) П. возражает: «...что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?» («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 — Акад. XI, 54). Вместе с тем общее уважительное отношение к Б. остается у П. неизменным; ожесточенную борьбу фр. романтиков с частными положениями поэтики Б. он считал мелочной, а их нововведения напоминали ему «гремушки и пеленки младенчества» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme...», 1831 — Акад. XI, 200). В период полемики вокруг «литературного аристократизма» и «торгового направления» в лит-ре актуальность вновь приобретает Б. — «поэт-законодатель, Гроза несчастных, мелких рифмачей» («Домик в Коломне», 1830, беловой автограф, строфа XI. 1—2 — Акад. V, 377). П. называет себя его «поклонником верным», просит быть «вожатаем», хочет «занять кафедру», с к-рой Б. выносил свой «верный приговор Глупцам минувших лет, вранью тогдашних пор» («Французских рифмачей суровый судия...»). Но в те же годы П. называет теорию Б. «пудреной пиитикой» («Домик в Коломне», беловой автограф, строфа IX. 4 — Акад. V, 376), говорит о нем как о «придворном поэте Людов. (ига) XIV» («О ничтожестве литературы русской», вторая черн. ред. — Акад. XI, 501), к-рый дошел «до гостиной (...)

через переднюю» (Акад. XI, 503), а в качестве историографа «воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания» (Акад. XI, 271). Этот акцент в оценке Б. подсказывался размышлениями П. о независимости рус. поэтов-аристократов («Египетские ночи», гл. I) в противопоставлении сервилizmu фр. писателей («О ничтожестве литературы русской»).

«Поэтическое искусство» было, по-видимому, для П. источником сведений о нек-рых фр. поэтах. В двух эпиграммах П. («Вот Вилла — он любовью дышет», 1814—1816, и «Не хочешь ли узнать, моя драгая», предположит. 1816) обыгрывается женоненавистничество Б. и физический недостаток, бывший, по преданию, тому причиной. набросок пер. второго фрагмента *Санфо* («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...», 1818) выполнен с фр. пер. Б. («Heureux qui près de toi pour toi seul soupire»).

Лит.: *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин и Буало // П. в мировой лит-ре. С. 13—63, 349—361; 2) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 17—20, 22—27 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 98—102, 106—111); *Лотман Ю. М.* Три заметки к проблеме «Пушкин и французская культура». 3. Пушкин и поэты французского либертинажа XVII века: (К постановке проблемы) // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 75—79 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 420—422; Лотман. Пушкин. С. 360); *Топоров В. Н.* Еще раз о связях Пушкина с французской литературой: (Лагарп—Буало—Ронсар) // RL. 1987. Vol. 22. P. 379—394, 400—404; *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 99—102.

Л. И. Вольперт

БУЛВЕР-ЛИТТОН (Bulwer-Lytton) Эдуард Джордж (1803—1873), англ. писатель и гос. деятель. Происходил из аристократической семьи. Начав свой творческий путь в 1820 как поэт-романтик, через неск. лет обратился к жанру романа («Falkland», 1827). Большой успех имел его второй роман — «Пелэм, или приключения джентльмена» («Pelham, or the Adventures of a Gentleman», 1828). Примыкая в это время к либеральной партии (вигам), к-рая вела борьбу за парламентскую реформу, Б.-Л. включился своим произв. в развернувшуюся в связи с этим движением критику аристократии, утратившей свой моральный авторитет, но державшей рычаги власти. В романе показано, что за внешним лоском и видимой благопристойностью аристократического об-ва скрываются духовная пустота, лицемерие, цинизм, низменные страсти, преступные деяния. П. прочел «Пелэма» первонач. во фр. пер. и получил от него сильное впечатление, «заинтересованный интригой, которая напомнила ему многое из того, что он сам видел на веку своем» (П. В. Анненков). По свидетельству А. П. Керн, П. «очень любил Бульвера, цитировал некоторые фразы из „Пельгама“ в то время, когда его читал» (Керн. С. 87; П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 407). «Пелэм» воспринимался им в контексте размышлений о судьбах рус. дворянства, осмысления его прошлого, наблюдений над соврем. его состоянием и связанных с ними замыслов собственного произв. из жизни «света». В набросках «(Романа в письмах)» (конец окт. 1829) упоминается «леди Пелам, приезжая англичанка» (Акад. VIII, 48), первонач., впрочем, называвшаяся «леди Грей» (Там же. С. 562). Позднее в одном из вар. плана «(Романа на Кавказских водах)» (сент.—окт. 1831) именем «Pelham» обозначен брат героини, что указывает на принадлежность этого персонажа к одному с героем романа Б.-Л. общественно-психологическому типу суетного, тщеславного молодого аристократа, у к-рого, однако, под «внешней, искусственной личиной» денди, холодного циника и прожигателя жизни «скрывается горячее и великодушное сердце, благородный и пронизательный ум» (*Бульвер-Литтон Э. Д.* Пелэм, или приключения джентльмена. М., 1958. С. 488). Одновременно помета «Pelham» подразумевала, видимо, также использованный Б.-Л. повествовательный жанр, в рамках к-рого действовало в перекрещивающихся и параллельных интригах большое число персонажей (во многих из к-рых легко унавались живые, исторически примечательные лица соврем. светского

об-ва) и соприкасались великосветский, преступный, приключенческий и др. миры, что позволяло представить жизнь во всей ее полноте и разнообразии. Не осуществив замысла «(Романа на Кавказских водах)», П. ориентировался подобным же образом на «Пелэм» и в другой задуманной им в 1835 повести, героя к-рой назвал Пелымовым, а план начал словами «Русский Пелам сын барина — воспитан французами...» (Акад. VIII, 973). Высказано предположение, согласно которому «Пелэм» мог входить в лит. контекст мотива безумия в «Медном всаднике».

Интерес П. к творчеству Б.-Л. оставался неизменно стойким. В его б-ке имелись в подлиннике романы «Пелэм» (изд. 1832), «Девере», «Отреченный», «Студент» (приобретен 1 авг. 1835); во фр. пер. очерки «Англия и англичане», романы «Последние дни Помпеи» (приобретен 22 марта 1835), «Риенци, последний из римских трибунов» (приобретен 25 мая и повторно 20 июля 1836), «Рейнские пилигримы» (Библиотека П. № 584 (Vol. 32, 33, 47), 684—687; *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. № 184; Акад. XVI, 96; Арх. опеки. С. 53, 55).

Лит.: *Анненков П. В.* Литературные проекты А. С. Пушкина: Планы социального романа и фантастической драмы // ВЕ. 1881. Т. 4. № 7. С. 29—49; *Поварнин С. И.* «Русский Пелам» А. С. Пушкина // Памяти А. С. Пушкина: Сб. ст. преподавателей и слушателей ист.-филол. ф-та Имп. С.-Петербург. ун-та. СПб., 1900. С. 329—350; *Измайлов Н. В.* «Роман на Кавказских водах»: Невыполненный замысел Пушкина // ПиС. Вып. 37. С. 92—94 (То же // *Измайлов С.* 202—203); *Переверзев В. Ф.* Пушкин в борьбе с русским плутовским романом // П. Врем. Т. 1. С. 164—188 (То же // *Переверзев В. Ф.* У истоков русского реализма. М., 1989. С. 57—88); *Алексеев М. П.* Несколько английских книг библиотеки А. С. Пушкина // Науч. бюл. ЛГУ. 1946. № 6. С. 31—32 (То же // *Алексеев П.* и мировая лит.-ра. С. 576—577); *Петрунина Н. Н.* Литературные параллели. II: Пушкин, Бульвер-Литтон и Бальзак: (К интерпретации мотива безумия в «Медном всаднике») // Врем. ПК. 1977. С. 112—115; *Kissel W.* Englischer Gentleman und russischer «Mann von Ehre» — Zu Puškins Rezeption des Gesellschaftsromans «Pelham; or the Adventures of a Gentleman» von Lord Bulwer-Lytton // Zeitschrift für slawische philologie. 1991. Bd 51. Hf. 1. S. 60—85.

В. Д. Рак

БЮРГЕР, Биргер (Bürger) Готфрид Август (1747—1794), нем. писатель периода «Бури и натиска» (см. с. 166); одним из первых обратился к жанру лит. баллады, основывающейся на фольклорном материале; входил в круг геттингенских поэтов, образовавших в 1772 дружеский «Союз рощи», к-рому было по духу близко «святое братство» лиценстов, знакомых в той или иной степени с творчеством этих поэтов, учеников и последователей *Ф. Г. Клопштока*, с чьим именем связывались представления о возрождении нем. нац. поэзии. Сведения о поэтах «Рощи» в целом и о Б. в частности исходили, очевидно, от В. К. Кюхельбекера, бывшего в лице «пропагандистом» идей Клопштока и его школы. Примечательно, что одно из первых ст-ний А. А. Дельвига «От вод холмистых, средиземных...» (1812 или 1813) представляет собою пер. начала ст-ния Б. «Песня о смелом человеке» («Das Lied vom braven Manne», 1777).

В России особой популярностью пользовалась баллада Б. «Ленора» («Lenore», 1773), вызвавшая к жизни ряд пер. и подражаний, начало к-рым положил в 1808 В. А. Жуковский балладой «Людмила» (имевшей подзаголовок: «Русская баллада. Подражание Биргеровой Леоноре»); впоследствии Жуковский еще дважды обращался к «Леноре»: тот же сюжет он использовал в своей балладе «Светлана» (соч. 1808—1812, публ. 1813). В 1831 Жуковский вернулся к тексту Б. и заново перевел его на этот раз уже довольно близко к оригиналу. В 1816 появился еще один рус. вариант «Леноры» — «Ольга» П. А. Катенина, уже использовавшего отдельные мотивы «Леноры» в своей ранней балладе «Наташа» (1814). Катенин попытался русифицировать этот жанр за счет перевода его из стилистики «высокого роман-

тизма» в духе Жуковского в стилистику «просторечья», что встретило резкое неприятие соврем. лит. критики. С полемики вокруг этих двух вариантов «Леноры» начался в рус. лит. критике спор о романтизме и народности.

Размышляя о формах романтической поэзии, П. особое внимание уделил балладе, как жанру, соединяющему в себе простоту языка и глубину поэтич. мысли, а к лучшим образцам ее относил, в частности «Ленору»; достойным продолжателем традиций Б. в рус. лит-ре он считал Катенина (см. черн. набросок ««О поэтическом слог»», 1828 — Акад. XI, 73). В рец. (1833) на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» (СПб., 1832. Ч. 1—2) он, как бы «заступаясь» за их автора, писал: «Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой „Леноры“. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем „Манфреде“ сделал из „Фауста“: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам „Ленору“ в энергической красоте ее первобытного создания: он написал „Ольгу“. Но сия простота и даже грубость выражений (...) неприятно поразили непривычных читателей» (Акад. XI, 220—221).

В «Евгении Онегине» «Ленора», с к-рой поэт сравнивает свою музу, возникает как некий обобщенный образ романтической поэзии: «Как часто, по скалам Кавказа, Она Ленорой, при луне, Со мной скакала на коне!..» (гл. VIII, 4. 6—8). Заключительные стихи из «Светланы» Жуковского поставлены эпитафией к гл. V романа. Отд. мотивы, созвучные «Леноре» Б., появляются в балладе П. «Жених» (1825), повторяющей ее стихотв. форму, а также в балладе «Бесы» (1830). В «отраженном виде» бюргеровские мотивы обнаруживаются и в прозе П.: например, в «Метели» усматривается (Н. Я. Берковский) связь, с одной стороны, со «Светланой» Жуковского (из к-рой этой повести предпослан эпитаф), с другой — с рассказом *В. Ирвинга* «Жених-призрак» («The Spectre Bridegroom», 1819—1820; фр. пер.: 1822; рус. пер.: 1825), восходящими к этой знаменитой нем. балладе.

Лит.: *Куклевич Л. М., Лотман Л. М.* Из творческой истории баллады Пушкина «Жених» // П. Врем. Т. 6. С. 72—91; *Берковский Н. Я.* О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.; Л., 1960. С. 140—155 (То же // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 289—295; То же // Берковский Н. Я. О русской литературе. М., 1985. С. 50—63); *Drews P. G. A.* Bürgers «Lenore» in der slavischen Vortomantik // *Arcadia*. 1990. Bd 25. Hf. 1. S. 10—28.

М. Ю. Коренева

В

ВАК(К)ЕНРОДЕР (Wackenroder) Вильгельм Генрих (1773—1798), нем. поэт, непосредственно подготовивший романтическое направление в культуре Германии. Сб. очерков и новелл В. «Сердечные излияния отшельника — любителя искусств» («Herzensergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders», 1797), составленный при нек-ром (незначительном) участии его друга и единомышленника *Л. Тика* и затем, после ранней смерти В., переиздававшийся Тиком с изменениями и дополнениями под загл. «Фантазии об искусстве для друзей искусства» («Phantasien über die Kunst für Freunde der Kunst», 1799) и «Фантазии об искусстве отшельника — любителя искусств» («Phantasien über die Kunst von einem kunstliebenden Klosterbruder», 1814), был посвящен ключевым проблемам эстетики и мировосприятия романтизма — взаимодействию искусств (поэзия и музыка, поэзия и изобразительные иск-ва), отношению к (идеализированному) нац. средневековью. В ярких поэтич. образах говорилось там о тайнах творчества и об одиночестве гения.

Изд. 1814 было переведено в России участниками моск. Об-ва любознания С. П. Шевыревым, В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым (Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного. М., 1826) и оказало определенное влияние на рус. лит-ру пушк. эпохи. Включенные в сб. новелла В. о гениальном музыканте Иосифе Берглингере и созданная им «легенда» о явлении Рафаэлю Девы Марии оставили заметный след в творчестве П. («Моцарт и Сальери», 1830; «Египетские ночи», 1835; также, по наблюдению А. А. Ахматовой, баллада «Жил на свете рыцарь бедный...», 1829, и сонет «Мадона», 1830). Поскольку книга В. и Тика вышла первым изд. анонимно, а затем издавалась только с указанием имени Тика как издателя, это имя стало, по крайней мере для рус. читателей книги при жизни П., своего рода псевдонимом В.

См. также статью «Тик Л.».

Лит.: *Алексеев М. П.* «Моцарт и Сальери»: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 539—543; *Герштейн Э. Г., Вацууро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК. 1970. С. 43 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 238—239).

Р. Ю. Данилевский

ВАЛЬПОЛЬ см. УОЛПОЛ

ВЕГА КАРШИО (Vega Carpio) Лопе Феликс де (1562—1635) (у П.: Лопе де Вега, Лоп де Вега, Лопец di Vega, Lopez de Vega, de Vega, Vega), исп. драматург, автор более двух тысяч пьес, поэт и прозаик, один из создателей «комедии плаща и шпаги».

П., как и многие его современники — В. К. Кюхельбекер, Н. М. Языков, П. А. Катенин, — заинтересовался исп. драматургией «золотого века», в частности творчеством Лопе де Веги, в сер. 1820-х, знакомясь с трудами

А. В. Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе» (1809—1811) и швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842) «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829). При этом маловероятно, что П. читал самого Лопе де Вегу. Как явствует из его письма от 2-й пол. (после 19) июля 1825 к Н. Н. Раевскому-сыну, в то время произведений исп. драматурга он еще не читал (Акад. XIII, 197). Он не был знаком не только с его самыми известными пьесами, но и с драмой «Великий князь Московский, или Преследуемый император» («El Gran Duque de Moscovia, у Emperador perseguido», соч. 1606, изд. 1617), где нашли своеобразное толкование те же события, к-рые легли в основу «Бориса Годунова».

П. составил представление о Лопе де Вега как о писателе романтическом (««Письмо к издателю „Московского вестника“»», 1828 — Акад. XI, 67; «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 269), реформаторе театр. иск-ва, чья драматургическая система имела общие черты с драматургией *Шекспира* (отрицание классических «единств», смешение трагического и комического и др.). К авторитету Лопе де Веги П. прибегал в своих размышлениях о народности и нац. своеобразии в лит-ре. Подчеркивая, что недостаточно выбрать предмет из отеч. истории, чтобы создать подлинно нар. произведение, он писал: «Vega и Калдерон поминутно переносят во все части света, заедают предметы своих трагедий из итальянских новелл, из франц. (узских) ле. (...)». Мудрено однако же у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности» (««О народности в литературе»», 1825—1826 — Акад. XI, 40). На Лопе де Вега и *Кальдерона* П. ссылается и в наброске статьи «О поэзии классической и романтической» (1825), раскрывая свои представления о связи лит-ры с нар. творчеством: «В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной: были поэмы прежде Ариостова Орlando, были трагедии прежде созданий de Vega и Калдерона» (Акад., XI, 38). Почти без изменения эта мысль перешла в статью «О ничтожестве литературы русской» (Акад. XI, 516, зачеркнутый вар. белой ред.).

Лит.: *Алексеев М. П.* Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западно-европейской драме // «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Сб. ст. / Под ред. К. Н. Державина. Л., 1936. С. 86—92, 118 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 367—372, 396—397); *Балашов Н. И.* 1) Пушкин и испанская драма XVII в. на славянские темы // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 27—38; 2) Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1975. С. 111—178; *Hacker G.* Rocinantes Wege nach Russland: Die Rezeption spanischer Literatur des siglo de oro durch russische Realisten des 19. Jahrhunderts in ihrem europäischen Kontext. Köln, 1995. S. 30, 149.

В. Е. Багно

ВЕЙСС (Weiss) Франсуа-Родольф де (1751—1802), швейц. философ, гос. и воен. деятель; уроженец франкоязычного кантона Во. Умеренный демократ, сторонник нек-рых идей *Ж.-Ж. Руссо*, В. с энтузиазмом встретил начало Великой фр. революции и возглавил в Швейцарии «фр. партию», но не принял якобинского террора и во время фр. вторжения в Швейцарию (1797) занял патриотическую позицию. Единственное его знаменитое соч. — «Принципы философии, политики и морали» («Principes philosophiques, politiques et moraux», 1780, 2 t.) — представляет собой собр. эссе, посвященных разл. нравственным и обществ. проблемам («О добродетели», «Об истине», «О зависти», «О женщинах»), подчас политически актуальным («О свободе», «О религии», «Гражданин» и др.). Трактат написан живо, отличается увлекательной логичностью, афористическим слогом и проникнут характерными для швейц. республиканизма гражд. идеями, но также и критич. скептицизмом по отношению к европ. об-ву.

В эпоху реформ Александра I и М. М. Сперанского книга В., в к-рой морализм сочетался со смелой полит. и религ. мыслью, приобрела известность в России. Существует два ее рус. (неполн.) пер. (СПб., 1807, пер. А. С. Струговщиков; М., 1837, пер. Г. Реслер) и много журн. публикаций отд. глав. Она долго привлекала внимание мн. рус. писателей (В. Ф. Одоевский, А. А. Бестужев, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой). Хорошо был известен трактат В. лицеистам первого выпуска. В рукописном «Словаре» В. К. Кюхельбекера — 115 выписок из В., тогда как из Руссо — 46; из Ф. Шиллера — 26. В. был также чтением участников декабристского движения.

В черн. вар. ст-ния «19 октября» (1825) П. упоминает «наш словарь», имея, очевидно, в виду «Словарь» Кюхельбекера (Акад. II, 971), и нек-рые подробности в его творческом наследии можно соотнести с мыслями В., хотя имя швейцарца у П. ни разу не названо. Среди «(Материалов к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“»)» (1827) имеется фрагмент («Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины востанут на вас единодушно — они составляют один народ, одну секту». — Акад. XI, 60), представляющий собой свободно изложенную цитату из гл. «О женщинах». Взятый без заключающего в оригинале эту мысль афоризма («львы живут порознь, а овцы стадами»), фрагмент кардинально меняет свой смысл; но само его присутствие в тексте П. дает веское основание полагать, что, несмотря на это различие мнений, указанная глава так или иначе присутствовала в размышлениях русского поэта о положении женщин в обществе, их интеллектуальных достоинствах и психологии. Непосредственно к тексту «Принципов» В. или к «Словарю» Кюхельбекера могли восходить темы споров Онегина и Ленского («Евгений Онегин», гл. II, 16), в частности «добро и зло» (о социальном зле есть выписка из В. в «Словаре»), «предрассудки вековые» (в трактате В. есть очерк «О предрассудках»), «троба тайны роковые» (ср. очерк В. «Склеп»); разговор пушк. героев о «страстях» (гл. II, 17) можно связать с одноименным очерком В., где говорилось о разной моральной оценке страстей, об «энтузиазме» сильной души, к-рая прокладывает себе новые пути. С В. могли быть связаны нек-рые сентенции в «Евгении Онегине», напр.: «Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей» (гл. I, 46. 1—2; ср.: «Жизнь большей части людей есть непрерывный обман» — в кн.: Основание, или Существенные правила философии, политики и нравственности / Творение полковника Вейсса... СПб., 1807. Ч. 1. С. 221), а также отд. заметки П. (о зависти, о существовании Бога, о стабильности общества — Акад. XII, 179, 195, 196). В нач. гл. III «Евгения Онегина» слова Ленского: «Я модный свет ваш ненавижу; Милее мне домашний круг» (строфа 2. 3—4) — отражают, возможно, выписку «Картины многих семейств большого света», сделанную Кюхельбекером из В. Пушк. и лицейское понимание светской «толпы» и «черни» могло иметь свои корни там же или в др. статье «Словаря», взятой из В., — «Аристократия». Не исключено, однако, что суждения швейц. философа сливались у П. с близкими им по духу высказываниями *Вольтера*, *Ж.-Ж. Руссо*, *Монтескье* и их предшественников *М. Монтеня*, *Б. Паскаля*.

Лит.: *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 223, 226—229; *Сакулин П. Н.* Из истории рус. идеализма: Кн. В. Ф. Одоевский, мыслитель—писатель. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 232—234; *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и Кюхельбекер // ЛН. Т. 16/18. С. 332—337 (То же // Тынянов. С. 247—253, 278—282, 285, 292); *Алексеев М. П.* Пушкин и проблема «вечного мира» // РЛ. 1958. № 3. С. 27 (То же // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 191—192); *Куприянова Е. Н.* Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л., 1966. С. 46—63; *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Лит. связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 115—116; *Вацуро В. Э.* Цитата из Вейсса у Пушкина // Театр и литература: Сб. ст. к 95-летию А. А. Гозенпуда. СПб., 2003. С. 619—627.

Р. Ю. Данилевский

ВЕРГИЛИЙ, Вергилий (полное имя — Публий Вергилий Марон, Publius Vergilius (поздняя форма Virgilius) Maro, 70—19 до н. э.), рим. поэт. Многовековую славу В. составили: сб. «Буколики» (или «Эклоги») в жанре пастушеской идиллии, родоначальником к-рой был греч. поэт Феокрит (конец IV—1-я пол. III в. до н. э.); дидактическая поэма в 4 кн. «Георгики» («О сельском хозяйстве»), написанная в традициях *Гесиода* и *Лукреция*; и главное произв. — эпическая поэма о началах рим. истории «Энеида», в к-рой разработан, с ориентированием на *Гомера*, мифол. сюжет о троянском царевиче Энее, приплывшем после падения Трои по велению богов в Италию, где его потомки основали Рим, а сын положил начало роду, давшему имп. династию. Став еще при жизни «школьным» автором, чьи произв. были признаны образцовыми, прославив уже в античности пророком и чародеем, носителем высшей мудрости, вложившим в свои соч. глубокомысленные иносказания, в частности — предсказавшим в эклоге IV пришествие Христа, В. сохранял эту репутацию в Средние века, оставаясь одним из самых читаемых древних писателей и оказав большое воздействие на ср.-век. лат. поэзию и даже эпос. Под сильным влиянием В. развивалась эпическая и «пастушеская» поэзия Возрождения и классицизма; его соч., признаваемые, как и в предыдущие эпохи, совершенными образцами, многократно издавались, толковались, комментировались, подвергались ученым анализам и лит.-критич. разборам, переводились на европ. языки и входили (в подлиннике) в школьные программы.

П. знал произв. В. с ранней юности, вероятно, по рус. и фр. пер. Аналитическое их чтение в подлиннике проводилось в Лицее только на 5-м году обучения (см.: *Селезнев И. Я.* Исторический очерк Имп. Лицея, 1811—1861. СПб., 1861. С. 87). Сохранилась книга, к-рой на этих занятиях пользовался П. и к-рая впоследствии переходила к разным лицеистам след. курсов: Publius Vergilius Maro. Bucolica, Georgica et Aeneis. Editio stereotypa. Parisiis: P. Didot et F. Didot, 1814 (ПД 694; *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // ЛН. Т. 16/18. С. 1022; То же // Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. М., 1988. С. 52). От лицейских учителей и через отзывы, разборы и оценки *Вольтера*, *Ж.-Ф. де Лагарпа*, *Ж. Деллия* и др. европ. писателей, критиков, ученых, ставивших В., согласно общепринятому в классицизме XVI—XVIII вв. мнению, в буколической поэзии выше Феокрита, а в эпосе — выше Гомера, П. воспринял представление о В. как об «одном из величайших поэтов римских в роде пастушеской, дидактической и эпической поэзии», чьим главным достоинством считался «несравненный дар присваивать себе все, что заимствовал от другого и преобразовать в мыслях своих так, что оно входит в один состав с изобретением его собственного гения» (*Ручная книга*. С. 414, 415). Этот взгляд П. сохранял в основе всю жизнь, не изменив его и под влиянием развенчания В. романтиками; вместе с тем отд. тонкие нюансы варьировались в зависимости от времени и контекста.

Декларируя в лицейских ст-ниях свои юношеские лит. пристрастия, П. поставил у себя на книжную полку, в какой-то степени реальную, но также, без сомнения, в какой-то мере и условную, сразу за *Вольтером*, рядом с *Тассо* и *Гомером* «несравненного» В., к-рого в то время «читал и перечитывал» и с к-рым любил в Царскомельском парке «Под ясным небосклоном Близ озера сидеть» («Бова», сент.—окт. 1814, ст. 6—7; «Городок (К***))», дек. 1814—март 1815, ст. 108—110, 345—347). Доступный в это время П. еще, наверное, только или гл. обр. в переводах, В. упоминается здесь без указания читательских предпочтений автора ст-ний, но вместе с тем заявлено, что при всем восхищении рим. поэтом он его себе за образец не берет и не старается «...подражать ему В нежных чувствах и гармонии» («Бова», ст. 8—9). Не принимает он и совета К. Н. Батюшкова, желавшего, чтобы он «Спешил (...) за Мароном И пел при звуках лир Войны кровавый пир»; ему была ближе поэзия *Анакреонта* и *Тибуллы* («Батюшкову», нач. апр.—май 1815).

Если внимание П.-лицеиста к В. было сначала и недолго, действительно столь сильным, как о нем говорится в двух первых из указ. трех ст-ний, и эти заявления не были в какой-то мере обязательной условностью, то чтение подлинников в рамках учебной программы, кажется, остудило начальный интерес. В черновике гл. VIII, строфы 1 «Евгения Онегина» (24 дек. 1829) П. упомянул, что в Лицее «над Вергилием зевал» (Акад. VI, 507). Неск. годами ранее (1825) это ученическое впечатление отразилось в обращенном к Мефистофелю вопросе пушк. Фауста: «Скажи, когда ты не скучал? Подумай, поищи. Тогда ли, Как над Вергилием дремал, А розги ум твой возбуждали?» («Сцена из Фауста», ст. 19—22). Вероятно, не без влияния этих воспоминаний в гл. I «Евгения Онегина», где характеризуются приобретенные героем романа знания и его лит. интересы, говорится, что он «...помнил, хоть не без греха, Из „Энеиды” два стиха» (строфа 6. 7—8) и «Бранил Вергилия, Феокрита» (строфа 7. 5, черн. и белой вар. — Акад. VI, 220, 545), т. е. был равнодушен и к эпическому творению В., и к его буколической поэзии. На той же почве родились, вероятно, иронические стихи: «Когда чахоточный отец Немного тощей „Энеиды” Пустился в море наконец...» («Давыдову», 1824; В. имел слабые легкие и большую часть жизни провел в Южной Италии). Предполагается (Путеводитель. С. 79; М. М. Покровский. С. 37—38), что эпитетом «тощая» П. выразил сравнение «Энеиды» с поэмами Гомера, к-рые т. о. поставил выше в содержательном и худож. отношениях. Однако изменение стиха «Бранил Вергилия, Феокрита» на окончательный «Бранил Гомера, Феокрита», где упоминаются оба поэта, к-рым классическая традиция предпочитала В., позволяет предположить, что это мнение было усвоено и героем, и автором романа и что, следовательно, употребленный эпитет не подразумевал сравнения с гомеровским эпосом, а лишь имел в виду небольшой объем «Энеиды».

Непосредственного творческого влияния В. на П. не оказал. Выявляемые в пушк. произв. («Тень Фон-Визина», «Вадим (Отрывок)», «Кинжал», «Клеопатра», «И дале мы пошли — и страх обнял меня...» и др.) нек-рые параллели темам, мотивам, образам кн. VI «Энеиды» (загробный мир, неустрашимость и жестокость смерти, общение с обитателями мира теней, образ Леты — см.: В. В. Рукавичникова) восходят к ней генетически через долгую и многообразную лит. традицию. Эта книга «Энеиды», представлявшая «несомненный и важнейший источник русских поэм о нисхождении в ад живых писателей и о беседах с мертвецами на литературные темы на земле и в подземном мире», входила определенно в лит. фон юношеского ст-ния «Тень Фон-Визина» (1815) как прямыми от нее впечатлениями, так и через «Видение на берегах Леты» Батюшкова и стихотв. «разговоры мертвых», сочинявшиеся лицеистами «под перекрестным воздействием „адской” VI песни „Энеиды” и восторженных отзывов о Вергилии Вольтера» (Алексеев М. П. Незамеченный фольклорный мотив. С. 49—50; Алексеев. П. и мировая лит.-ра. С. 444—445). П. был также хорошо знаком с шутивными и бурлескными поэмами, содержащими эпизоды нисхождения в ад, в том числе с travestированными «Энеидами» П. Скаррона (Scarron, 1610—1660), Н. П. Осипова (5-я и 6-я части написаны А. Котельничским), Н. В. Неведомского и др. Критич. по отношению к П. сравнение «Руслана и Людмилы» с «Энеидой» и гомеровской «Илиадой» (Воейков А. Ф. Разбор поэмы «Руслан и Людмила», сочин. Александра Пушкина // СО. 1820. Ч. 64. № 35. С. 74; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 49) вызвало несогласие и неодобрение. «Зачем, разбирая „Руслана и Людмилу”, говорить об „Илиаде” и „Энеиде”? Что есть общего между ними? — спрашивал др. рецензент. — Как писать (и, кажется, серьезно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Гомеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают» ([Зыков Д. П.]. Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» // СО. 1820. Ч. 64. № 38. С. 229; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 81). Отвечая Воейкову в предисл. ко

2-му изд. «Руслана и Людмилы», П., среди прочих, процитировал и эти вопросы Зыкова (Акад. IV, 282).

Основной массив обращений П. к В., кроме упомянутых выше, образуют или общие оценки творчества рим. поэта, или цитаты (гл. обр., крылатые фразы) и реминисценции.

Не соглашаясь с высказанной А. А. Бестужевым в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» (ПЗ на 1825) мыслью о том, что за веком гениев в лит-ре следует век посредственности, П. привел ей в опровержение примеры из античности, в частности, указав, что В. предшествовал Энний (Ennius, 239—169 до н. э.) (Акад. XI, 25), автор эпической поэмы «Анналы» («Annalium libri XVIII»), пользовавшейся большим успехом до появления «Энеиды», к-рой она была окончательно вытеснена и сохранилась, как и пр. соч. Энния, лишь в цитируемых др. писателями фрагментах. (П. были известны высокие оценки Энния рим. писателями, напр. *Горацем*, также в разл. лит. трудах и учебных пособиях. В «Ручной книге древней классической словесности» говорилось: «Он весьма отличился в римской словесности и почитается, как наш Ломоносов или Херасков, первым эпическим поэтом. Самые лучшие позднейшие писатели, особенно Цицерон и Виргилий, весьма его уважали и отдавали ему справедливость». — Т. 1. С. 404). Возражая Бестужеву по этому же предмету в письме от конца мая—нач. июня 1825, П. назвал В. в ряду «гениев» рим. лит-ры, оговорив при этом, что он принадлежал к тем из них, кто «шли столбовою дорогою подражания» (Акад. XIII, 177). Косвенное признание непреходящей ценности лит. наследия В. содержится и в наброске статьи «О поэзии классической и романтической» (1825), где тезис о невежестве, омрачившем в Средние века «окровавленную Европу», подкрепляется указанием на то, что «в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскребляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды» (Акад. XI, 36). Почти десять лет спустя, в беловой ред. (1834—1835) «Путешествия из Москвы в Петербург» П. назвал В. в числе поэтов, к-рые «читаны будут, доколе не истребится род человеческий» (Акад. XI, 262). Оказавшуюся, контекстуальную оценку нес в себе эпитет «добрый», употребленный в «Опровержении на критики» (1830) применительно и к *Ж. де Лафонтену* как автору «шутливых повестей», в к-рых он позволял себе вольности, и к В., соблюдавшему в своих эклогах благопристойность (Акад. XI, 156); одинаковый эпитет утверждал равные права обоих видов лит. произв., в том числе пушк. «Графа Нулина», подвергнутого критике со стороны ригористических моралистов, на существование и внимание читателей.

Упоминания и реминисценции произв. В. у П. разнообразны, но немногочисленны и не образуют системы. В ст-нии «К Жуковскому» (1816) употреблено в нарицательном смысле как обозначение дурного поэта имя Мевия (Mævius), лит. противника В., против к-рого допущен иронический выпад в третьей эклоге и к-рого осмелял Гораций в своем эпиде Х. Знание «Георгик», очень популярных в европ. лит-ре конца XVIII в. в связи с увлечением англ. садами, отразилось в письме к Л. С. Пушкину от 24 сент. 1820, где рассказывается о встрече в Крыму с отставным феоодосийским градоначальником С. М. Броневским, к-рый, «подобно Старика Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города» (Акад. XIII, 19; см.: «Георгики», кн. IV, 125—146). В «Евгении Онегине» рассказ Ленского о времяпровождении по вечерам у Лариных Онегин с иронической досадой называет «эклогою», а Ольгу, «Предмет и мыслей, и пера, И слез, и рифм et cetera», — Филлидою, именем девушки, о к-рой в неск. эклогах В. говорят пастухи (гл. III, 2, 5, 9—11). В. занимает место в шутливом перечне древних, новых и новейших писателей, к-рым Татьяна предпочитает *Мартына Задеку* (гл. V, 22, 12). В «Истории села Горюхина» для сатирич. характеристики культурного кругозора вымышленного автора этого соч. упоминается между прочими

относящимися к ней деталями его восхищение «стихотворениями Архипа Лысого», к-рые, по его суждению, «в нежности не уступят (...) эклогам известного Виргилия» (Акад. VIII, 136—137). Как у *Данте*, В. сопровождает по загробному миру героя пушк. травести «Ада» («И дале мы пошли — и страх обнял меня...», 1831—1832).

В цитатном арсенале П. не было к.-л. привычных или любимых фраз из произв. В., среди употребленных ни одна не повторена, и все взяты из «Энеиды». Приводя в письме к П. А. Вяземскому от 19 авг. 1823 неполный стих В. «timeo danaos» (опасаюсь данайцев; полностью: Timeo Danaos et dona ferentes, Опасаюсь данайцев даже тогда, когда они приносят дары, — «Энеида», песнь II, 49), П. имел в виду Н. И. Гнедича, к-рый, издав на невыгодных условиях «Кавказского пленника» и заплатив ему всего 500 р., соби-рался купить 2-е изд. «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» (Акад. XIII, 66). Эпиграфом к ст-нию «Поэт и толпа» (1828) П. взял слова Сивиллы при входе с Энеем в царство теней: «Procul este, profani» (Прочь, непосвященные — «Энеида», песнь VI, 258), а к «Отрывку из литературных летописей» (1829) — собственную парафразу «Tantae ne animis scholasticis irae!» (пер.: Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей! — Акад. XI, 77, 566; ср. вар. черн. автографа: Tantae ne animis — irae! (пер.: Возможен ли такой гнев в душах! — Там же. С. 347, 575)) стиха В. «Tantaene animis caelestibus irae?» (пер.: Возможен ли такой гнев в душах небожителей? — «Энеида», песнь I, 11). Через несколько лет, обсуждая в письме к Е. М. Хитрово «польский вопрос», П. заключает свое мнение о том, что спасти Польшу может только чудо, изречением «una salus nullam sperare salutem» (пер.: единственное спасение — в том, чтобы перестать надеяться на спасение, — Акад. XIV, 147, 423), опустив контекстуально слово «victis» — «побежденным» (в подлиннике: «una salus victis nullam sperare salutem» — «Энеида», песнь II, 354). Фраза «Fuit Troia, fuimus trojani» (пер.: Была некогда Троя, были мы троянцы) в «(Путешествии из Москвы в Петербург)», дек. 1833—март 1834 (Акад. XI, 240, 245, 572) является крылатым выражением, представляющим реминисценцию стиха «Fuimus Troes, fuit Ilium» (пер.: Были мы, троянцы, был Илион — «Энеида», песнь II, 325).

В 6-ке П. имелась «Энеида» на рус. яз. в пер. В. П. Петрова (Библиотека П. № 76), выполненном двустихиями шестистопного ямба; в «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (гл. «Русское стихосложение») П. заметил об этом пер., что «древний трех надет на Виргилия ломоносовским покровом» (Акад. XI, 262). В поздние годы своей жизни П. приобрел полн. собр. соч. В. в 4 т. на фр. яз. в новом пер. (Paris, 1832—1835); эта покупка была не целенаправленной, а очередной в собираемой серии «Bibliothèque Latine-Française publiée par Jules Pierrot» (Библиотека П. № 639; разрезаны только 16 начальных стр. в т. 1). Была у П. и бурлескная поэма П. Скаррона в лионском изд. 1728 (Там же. № 1354).

Лит.: Ванслов Вл. В. А. С. Пушкин о «золотом веке» римской литературы // Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина. Калинин, 1963. Т. 36. С. 8—15; *Покровский М. М.* Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5. С. 28, 30—39; *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6 (по указ.); *Алексеев М. П.* Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // ПИМ. Т. 9. С. 48—55 (То же // Алексеев. П. и мировая лит.-ра. С. 443—451); *Рукавичникова В. В.* Мотив *Аида* в поэзии А. С. Пушкина // Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте. СПб., 1999. С. 7—10.

С. Б. Федотова

ВИЙОН, Вильон (Villon) Франсуа (1431 или 1432 — после 1463), фр. поэт. В. принадлежал к парижской студенческой богеме, убил в пьяной драке священника, бежал, бродяжничал, вел разгульную жизнь, связался с воровской шайкой, несколько раз сидел в тюрьме за кражи, совершил еще одно убийство и был приговорен к смертной казни, к-рая была заменена изг-

анием. В стихах В., полных непристойных острот, каламбуров, эротических образов, отражены его бурные похождения, с откровенностью выставлены напоказ самые интимные стороны его жизни, чувства, настроения, пороки, нарисованы цинические в своей реалистичности картины быта социальных низов, воспеваются утешения плотской любви и радости пьяного угара. До 1830-х был сравнительно мало известен. Буало в «Поэтическом искусстве» и Ж.-Ф. де Лагарп в «Лицее» писали о В. без глубокого, по-видимому, знакомства с его творчеством. Представление П. о В. уже в лицейские годы было несколько шире сведений из этих источников, но также не свидетельствует о хорошем знакомстве с его произв. В. упомянут в начальных строках поэмы «Монах» (1813) как предшественник И. С. Баркова («А ты, поэт, проклятый Аполлоном, Испачкавший простенки кабаков, Под Геликон упавший в грязь с Вильоном» — ст. 17—19) и в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) для хронологически неточной характеристики примитивного, неразвитого состояния фр. поэзии доклассического периода в противоположность поэзии Германии, Италии, Португалии, Испании, Англии («...у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу, и почитался первым народным поэтом!» — Акад. XI, 269).

Лит.: Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 17—18 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 99—100).

Л. И. Вольперт

ВИЛАНД (Wieland) Кристоф Мартин (1733—1813), нем. поэт, прозаик, журналист, педагог эпохи Просвещения. Один из основоположников нем. классической лит-ры, блестящий стилист, заложивший основы нем. лит. языка XIX в., В. наряду с Г. Э. Лессингом и Ф. Г. Клопштоком подготовил появление своих младших великих современников — Гете и Ф. Шиллера. С 1772 В. поселяется в Веймаре, заняв должность воспитателя сыновей правящей герцогини Анны Амалии и способствуя — вместе с Гете (в Веймаре с 1777) и Шиллером (с 1789 профессор в Йене, втором городе герцогства) — превращению маленькой столицы незначительного Саксен-Веймар-Эйзенахского герцогства в один из центров нем. и европ. культуры. Произв. В. издаются с 1750-х. Начав как религиозно-назидательный автор, он под влиянием фр. (Вольтер) и англ. (Л. Стерн) лит-ры и философии (в особенности англ. сенсуализма и учения А. Э. К. Шефтсбери (Shaftesbury, 1671—1713) о единстве этики и эстетики) формирует эстетику и стиль нем. поэзии рококо, постепенно обогащая скептический гедонизм «легкой» поэзии чертами сентиментализма и едкостью проsvетит. сатиры.

В России начали переводить соч. В. и подражать его чувствительного-насмешливому слогу с 1770. Наибольшей известности среди рус. читателей В. достиг в 1780—1790-х, когда были переведены его нравственно-сатирические романы «Золотое зеркало» («Der goldene Spiegel», 1772; рус. пер. 1781) и «Дон Сильвио де Розальва» («Der Sieg der Natur über die Schwärmerei, oder die Abenteuer des Don Sylvio von Rosalva», 1764; рус. пер. под загл. «Новый Дон-Кихот», 1782), первый нем. воспитательный роман «История Агатона» («Geschichte des Agathon», 1766—1767; рус. пер. 1783) и одно из самых популярных его произв. — навесная Шекспиром и Ариосто поэма-сказка «Оберон» («Oberon», 1780; рус. прозаич. пер. 1787). В 1792 издан рус. пер. социально-критич., сатирического романа В. «История абдеритов» («Geschichte der Abderiten», 1781), в 1802 — полный пер. филос.-сатирического цикла В. «Разговоры Диогена Синопского» («Gespräche des Diogenes von Sinope», 1770), главы которого широко печатались в рус. ж-лах последней трети XVIII в., привлекая сатирич. тоном и морализмом рус. просветителей и масонов и нередко вызывая ценз. запреты как в последний период правления Екатерины II, прежде почтавшей В., так и при Павле I.

Внимание юного П. к В. могло возникнуть под влиянием его популярности у рус. читателей первого 20-летия XIX в. Большим почитателем В. был Н. М. Карамзин, к-рый беседовал с ним в Веймаре в июле 1789 и подробно описал эту встречу в «Письмах русского путешественника», публиковавшихся на страницах «Московского журнала» (1791—1792), где печатались пер. из нем. писателя и статьи о нем. В. увлекались В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков, назвавший его «остроумным поэтом и зжидителем нового языка в своем отечестве» (статья «Ариост и Тасс», 1815). Прозв. В. переводил В. К. Кюхельбекер, в частности в 1819 — «Послание к молодому поэту» («Sendschreiben an einen jungen Dichter», 1782), где защищалось достоинство литератора и его профессии.

П. мог познакомиться с соч. В. не только по рус., но и по многочисленным фр. пер. (напр.: «Разговоры Диогена», 1798; «Оберон», 1800; «История Агатона», 1802; и др.). Имя В. часто встречалось в рус. лит. критике первой четверти XIX в., в обзорах культурной жизни Германии тех лет: в *Соврем.* — в связи с обсуждавшимися тогда проблемами романтизма, в *ВЕ*, *СО*, *МТ* — в ходе обсуждения комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», в к-рой усматривали связь с «Историей абдеритов». У поэтов пушк. круга В. не пользовался большой популярностью, отношение к нему было скорее критическим, близким к тому, к-рое продемонстрировала *Ж. де Сталь* в книге «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), повлиявшей на представления современников о нем. культуре. Там о В. говорилось: «В нем видны германский поэт и французский философ, которые взаимно друг на друга сердятся».

П. воспринимал В. в духе уже сложившейся рус. традиции прежде всего как автора юмористических стихотв. сказок, очень его привлекавших. Позже, отвечая в «⟨Опровержении на критики⟩» (1830) на обвинения в непристойности поэмы «Граф Нулин», он назвал В. в ряду имен «авторов шуточных повестей» — Ариосто, *Д. Боккаччо*, *Ж. де Лафонтена*, *Дж. Кастли*, *Дж. Чосера*, *Байрона*, а также И. Ф. Богдановича и И. И. Дмитриева. Лукавая и жизнерадостная поэзия рококо, к-рая охотно обращалась к образам и сюжетам лит. и нар. сказки, с молодости будила пушк. фантазию: «Тогда толпой с лазурной высоты На ложе роз крылатые мечты, Волшебники, волшебницы слетали, Обманами мой сон обворожали {...} И в вымыслах носился юный ум» (отрывок «Сон», 1816, ст. 190—193, 197).

Впервые имя В. появляется у П. в «Послании к Ю⟨дину⟩» (1815) — рядом с именем Вольтера (ст. 9). В 1818 П. пишет ст-ние «Дубравы, где в тиши свободы...», к-рому предпосылает эпиграф — строку в оригинале из малоизвестной поэмы В. «Первая любовь» («Die erste Liebe», 1774). Это уже было время работы над поэмой «Руслан и Людмила» (изд. 1820), в к-рой современники (И. В. Киреевский, А. Ф. Воейков) уловили связь с поэтикой «Оберона». С известной долей осторожности отмечают (Н. И. Черняев) нек-рое сходство отд. эпизодов (напр., похищение чародем невесты с брачного ложа) и общность стилистической направленности обеих поэм. Совпадение мотивов обнаруживается при сопоставлении сказок П. с поэмой-сказкой В. «Первонте, или Желания» («Pervonte, oder die Wünsche», 1778), напр., в «Сказке о царе Салтане» (1833) изгнание оклеветанной жены, плавание в бочке по морю, появление волшебного города на острове. Но это сходство может объясняться также и общими источниками, как фольклорными, так и книжными. В. почерпнул сюжет «Первонте» из сб. неаполитанских сказок «Пентамерон» («Il Pentamerone», 1634—1636) Дж. Базиле (Basile, 1575—1632), пер. к-рых вошел во фр. «Всеобщую библиотеку романов» («Bibliothèque universelle des romans», 1777), известную П. с детских лет (экз. сохранился — Библиотека П. № 642). Отмечено также сходство сюжетов «Графа Нулина» с комической поэмой В. «Водяная купель» («Die Wasserkufe», 1765). Типологически соотносятся между собой по жанру и стилю (пародийная сатира. хроника) «История села Горюхина» (1830) П. и «История абдеритов».

В 1835 П. берет на себя издание рус. стихотв. пер. «Первонте», выполненного бывшим чиновником Царскосельского Лицея Е. П. Люценко; книга вышла в свет в Петербурге в 1836 под названием «Вастола» без указания имени переводчика, но с обозначением на тит. л. П. как издателя (подносной экз. — Библиотека П. № 74), что дало повод к насмешкам со стороны лит. противников П., поспешивших приписать ему не во всем удачный, местами тяжеловесный пер. Люценко (единственный рус. пер. и вообще единственный пер. этого произв. на иностр. яз.) — по этому поводу «глумливая информация» О. И. Сенковского (БдЧ. 1836. № 1, 2) и ответ П. (Совр. 1836. Кн. 1. С. 303—304, без подписи — Акад. XII, 26), переписка П. с С. С. Хлюстиным 4 февр. 1836 (Акад. XVI, 79—82). В поддержку П. выступил молодой В. Г. Белинский, вообще тогда не жаловавший В., к-рого считал подражателем французов XVIII в., «усвоившим себе, может быть, пустоту и ничтожность своих образцов». «Мы скорей поверим, — писал Белинский, — что какой-нибудь витязь толкучего рынка написал (...) драму, которая выше „Гамлета” и „Отелло”, чем тому, чтоб Пушкин был переводчиком „Вастолы”. Пушкин может быть ниже себя, но никогда ниже Сумарокова» (Молва. 1836. Ч. 11. № 2; Белинский. Т. 2. С. 73, 72). Лишь после смерти П. под влиянием переведенной М. Н. Катковым статьи нем. дипломата и писателя, первого нем. исследователя пушк. творчества К. А. Фарнгагена фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1785—1858) «Отзыв иностранца о Пушкине» (ОЗ. 1839. Т. 3. Кн. 5) Белинский изменил свою точку зрения и назвал В. среди имен достойных предшественников П. (Русские журналы // МН, 1839. Т. 2. № 4. Отд. IV. Литературная хроника. С. 123; Белинский. Т. 3. С. 183).

Лит.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и Ефим Петрович Люценко: Ист.-лит. заметка. СПб., 1898; *Черняев Н. И.* О «Руслане и Людмиле» // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 592—625; *Слонимский А. Л.* Первая поэма Пушкина // П. Врем. Т. 3. С. 182—202; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 420—426; *Günther K. Wieland und Rußland // Zfs. 1968. Bd 13. Hf. 4. S. 496—511; Hf. 5. S. 695—712; Warning G.* Die Funktion des Erzählers in Wielands *Oberon* und Puškins *Ruslan* und *Ljudmila*: Studien zur Literatur der Aufklärung: Phil. Diss. Basel, 1975 (Maschinenschrift); *Данилевский Р. Ю.* Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории междунар. связей русской литературы. Л., 1977. С. 362—370.

М. Ю. Коренева, Р. Ю. Данилевский

ВИЛЬМЕН (Villemain) Абель-Франсуа (1790—1870), фр. историк и критик, с 1821 член Французской академии, с 1823 ее непреременный секретарь. По лит. позиции был близок к романтикам. Из многочисленных историко-лит. работ В. наибольшей известностью пользовался прочитанный им в Сорбонне (1828—1829) и многократно издававшийся «Курс французской литературы» («Cours de littérature française»). П. внимательно прочел имевшиеся у него тома, содержавшие «Картину XVIII века» («Tableau de dix-huitième siècle») и сделал в них отметки; меньший интерес проявил он к предыдущим томам, посвященным лит-ре Средних веков во Франции, Италии, Испании, Англии (Библиотека П. № 1484—1485). Из шестой лекции второй части «Картины XVIII века» (Cours de littérature française: Tableau du dix-huitième siècle. Paris, 1828. Pt. 2. VIe leçon du 20 mai 1828. P. 8—10; в сохранившемся экз. этого изд. из 6-ки П. эта часть отсутствует, см.: Библиотека П. № 1485) заимствовано содержание атрибутируемой П. предположительно заметки «Когда Макферсон издал *Стихотворения Оссиана...*» (ЛГ. 1830. 21 янв. № 5 — Акад. XI, 281). Примеч. П. к статье «Российская академия» (1836) о «Словаре Французской академии» (Акад. XII, 41) представляет собою переведенную на рус. яз. выписку из предисл. В. к 6-му изд. (1835) этого словаря. В статье «Французская академия» (1836) переведена полностью ответная речь В. при приеме в Академию О.-Э. Скриба (Акад. XII, 56—63), к-рую П. назвал блистательной (Акад. XII, 47). В 6-ке П. имелось брюссель-

ское переизд. (1831) «Истории Кромвеля» («Histoire de Cromwell, d'après les Mémoires du Temps et les Recueils parlementaires», 1819), в к-рой В. выступил самым ранним представителем фр. романт. историографии (из двух томов разрезан первый — Библиотека П. № 1486). В. был автором предисл. еще в двух имевшихся у П. книгах (Там же. № 607, 1247). В 1836 П. читал статью Ш.-О. Сент-Бёва о В. (Там же. № 1346).

В. Д. Рак

ВИЛЬСОН см. ВИЙОН

ВИЛЬСОН (Wilson) Джон (1785—1854; псевд. — Кристофер Норт (Christopher North)), англ. (шотл.) писатель, юрист, профессор этики в Эдинбургском ун-те. Автор поэтич. сб-ков «Остров пальм и другие стихотворения» («The Isle of Palms, and other poems», 1812) и «Город чумы и другие стихотворения» («The City of the Plague, and other poems», 1816; 2nd ed., 1817), в к-рых проявилось сильное влияние У. Вордсворта и общая близость к «озерной школе». Сотрудничал в авторитетном ж-ле «The Blackwood's Edinburgh Magazine», выступая в качестве одного из редакторов, лит. критика, публициста, соавтора многолетней популярной серии эссе «Амброзианские ночи» («Noctes ambrosianae», 1822—1835) в форме дружеской застольной беседы на злободневные темы текущей жизни. Перу В. принадлежало также неск. романов. Хотя В. занимал видное место в лит. жизни Англии в 1810—1830-е, в России он был известен мало и гл. обр., по-видимому, не самими соч., а по упоминаниям и отзывам в иностр. ж-лах, в предисл. к ист. трагедии Байрона «Марино Фальеро», по сведениям в соч. А. Пишо «Историческое и литературное путешествие по Англии и Шотландии» (Pichot A. Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse. Paris, 1825. Т. 1—3) и пер. из нее в ЛГ (Современная английская литература: Школа так называемых Озерных поэтов (Lakists) // ЛГ.1830. Т. 2. 13 окт. № 58. С. 177). Краткий очерк творчества В. и четыре его произв. содержала анонсированная в МВ (1827. Ч. 6. № 23. С. 345) антология А. Пишо «The Living Poets of England» (Paris, 1827. Т. 2. Р. 85—132). П., вероятно, читал эту библиогр. заметку, содержащую перечень фамилий представленных в антологии поэтов, и в частности примеч. к фамилии В., в к-ром сообщалось, что этот автор — «профессор философии в Эдинбурге и автор „Isle of Palms” (остров пальм) и „City of the Plague” (город язвы)» (в том же номере МВ (с. 255—256) напечатано пушк. ст-ние «Поэт»).

П. познакомился с поэтич. творчеством В. по однотомному собр. соч. четырех англ. поэтов (The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall. Paris, 1829 — Библиотека П.: Прилож. к репринт. изд. С. 113). Эта книга находилась у П. в Болдине осенью 1830. Среди различных обстоятельств, в силу к-рых внимание П. привлекла «драматич. поэма» В. «Город чумы», был, возможно, похвальный отзыв о ней Байрона в предисл. к «Марино Фальеро» и, без сомнения, обстановка и настроения, вызванные свирепствовавшей эпидемией холеры, к-рую П. отождествлял с чумою. Пушк. «Пир во время чумы» (1830) является близким к подлиннику пер. 4-й сц. 1-го акта пьесы В., однако допущенные отклонения и переработка (тонкие стилистические изменения текста, устранение многословия и деталей, характеризирующих ист. и местный колорит, свободное пересоздание двух вставных песен и др.) сообщают отрывку «из Вильсоновой трагедии» характер самостоятельного, законченного произв. П., что подтверждается наличием его англ., фр. и нем. переводов. Позднее П. читал отзыв о «Городе чумы» в книге О. Л. Б. Вольфа «Чтения о новейшей изящной словесности» (М., 1835. С. 217; Библиотека П. № 78); разрезана статья о Вильсоне в томе избр. статей из «Эдинбургского обозрения» (Библиотека П. № 585. Vol. 101); фамилия В. значилась на тит. л. однотомного полн. собр. соч. Байрона (Paris, 1835) в качестве одного из авторов примечаний (Библиотека П. № 693).

Лит.: Яковлев Н. В. 1) Об источниках «Пира во время чумы»: (Материалы и наблюдения) // Пушкинист, IV. С. 93—170; 2) «Пир во время чумы»: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 579—609; Фридман Н. В. 1) Гимн смелости: Пушкин и Вильсон // Учен. зап. / Кафедра рус. яз. и лит-ры Загорского учит. ин-та. 1940. Вып. 1. С. 6—29; 2) Песня Мери // Изв. ОЛЯ. 1974. Т. 33. № 3. С. 242—253; Gifford H. Pushkin's «Feast in the Time of Plague» and its original // Amer. Slav. and East European Rev. 1949. Vol. 8. P. 37—46; Благой Д. Д. Мастерство Пушкина. М., 1955. С. 166—177; Алексеев М. П. Джон Вильсон и его «Город чумы» // Алексеев М. П. Из истории английской литературы: Этюды, очерки, исследования. М.; Л., 1960. С. 390—418 (То же // Алексеев М. П. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991. С. 337—357); Terras V. Puškin's «Feast during the Plague» and its original: A structural confrontation // Alexander Puškin: A symposium on the 175th anniversary of his birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976. P. 206—220.

В. Д. Рак

ВИНЬИ (Vigny) Альфред-Виктор де (1797—1863), фр. писатель. Роман В. «Сен-Мар, или Заговор в царствование Людовика XIII» («Cinq-Mars, ou une conjuration sous Louis XIII», 1826), один из ранних ист. романов, написанных во Франции в подражание В. Скотту, имел большой успех, в т. ч. в России (рус. пер. 1829—1830; 2-е изд. 1835). Об общем увлечении «Сен-Маром» П. упоминает в ст-нии «Калмычке» (1829), однако сам его не разделял. В рец. (1830) на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» он подразумевал принадлежность В. к «толпе подражателей» В. Скотта, к-рые все очень «далеки от шотландского чародея», и сочувственно процитировал (не включив, однако, в печатный текст) сравнение «Сен-Мара» с «бледной дурной литографией» (Акад. XI, 92, 364). В 1832 П. собирался писать о В. в статье «О новейших романах», упомянув его в одной строке с В. Гюго (Акад. XII, 204) и тем самым предполагая, возможно, их сопоставление. Тогда же в наброске ««Начало статьи о В. Гюго» «Сен-Мар» назван «посредственным романом» (Акад. XI, 219), его автор «глупым» (Акад. XI, 454, вычеркнутый вар.), а в письме к М. П. Погодину от 2-й пол. сент. 1832 «романы А. Vigny» признаются «хуже романов Загоскина» (Акад. XV, 29). Сопоставление «удивительных вымыслов В. Юго и графа де Виньи» (Акад. XII, 143) применительно к изображению в их произв. Д. Мильтона П. осуществил в статье ««О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”»» (1836), где повторил свои нелестные оценки и упрекнул рус. журналистов в том, что они «поспешили повторить со всевозможным отвержением» похвалы фр. критиков «чопорному, манерному гр. Виньи», к-рого те «без церемонии поставили на одной доске с В. Ск. (оттом.)» за «облизанный», «жалкий» роман (Акад. XII, 138, 141, 380). Высказывалось предположение, что характеристика Робеспьера как «сентиментального тигра» (Акад. XII, 34) в статье «Александр Радищев» (1836) взята из романа В. «Стелло» («Stello», 1832), где в главах, посвященных Робеспьеру, раскрывался контраст между его сентиментальными стихами и полит. практикой. Отмечены тематические параллели и концептуальное сходство между ст-нием П. «Герой» (1830) и напеч. в качестве предисл. к «Сен-Мару» статьей «Рассуждения об истине в искусстве» («Réflexions sur la vérité dans l'art», 1827). В 6-ке П. сохранился 1-й том 2-го изд. рус. пер. «Сен-Мара» (Библиотека П. № 75); в принадлежавшем ему экз. собрания критич. статей Ш.-О. Сент-Бёва разрезан очерк о В. (Там же. № 1346).

В., со своей стороны, имел уже в 1840-е нек-рое представление о П., составившееся по фр. переводам соч. П., отзывам о нем в печати и, м. б., из общения со своими немалочисленными рус. знакомыми, а также отразившее впечатление от описаний России фр. путешественниками. «Мне нравилось в Пушкине, — писал он А. И. Коссаковской 24 авг. 1847, — нечто дикое, дыхание Севера, которое у него ощущалось повсюду среди еще заметных следов манеры европейских поэтов».

Лит.: Никольский А. Д. А. де Виньи об А. С. Пушкине // Врем. ПК. 1971. С. 90—94; Мильчина В. А. Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Изв.

ОЛЯ. 1987. Т. 46. № 3. С. 244; *Unguriani D.* Концепция двух правд у Пушкина и Виньи: Еще раз к вопросу об источниках стихотворения *Герой* // *RdES.* 1998. Т. 70. № 4. P. 815—824.

Л. И. Вольперт

ВИРГИЛИЙ см. ВЕРГИЛИЙ

ВОЛЬТЕР (Voltaire — псевд.; наст. фамилия и имя — Аруэ, Аруэт (Arouet) Франсуа Мари, 1694—1778), фр. писатель, философ, историк, публицист, один из главных идеологов и виднейших представителей фр. Просвещения, оказавший мощное и глубокое влияние на лит-ру и обществ. мысль XVIII—нач. XIX в. П. «встретил» В. «еще в ребячестве» (отрывок «Еще в ребячестве, бессмысленный и злой...», предположит. 1835—1836 — Акад. III, 472; XVII, 29; по мнению Б. В. Томашевского, принятое отождествление персонажа этого отрывка с В. «нельзя считать достаточно очевидным» — Акад. в 10 т. (2). Т. 3. С. 531). Обильно был представлен В. в учебной программе Лицея. С тех ранних лет В. был в оценках и восприятии П. «муж единственный» («Бова», 1814, ст. 30), «единственный старик», «поэт в поэтах первый», к-рый «Всех больше перечитан, Всех менее томит» («Городок», 1815, ст. 107, 96, 100—101), «умов и моды вождь» («К вельможе», 1830, ст. 16), «великан сей эпохи», т. е. XVIII в. («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 271), «великий писатель» («Вольтер», 1836 — Акад. XII, 75). Вместе с тем отношение П. к В. непрерывно эволюционировало.

«В бурной юности (...) Очарованный Вольтером» (вар. «Послания к Л. Пушкину», 1824 — Акад. II, 906), П. зачитывался его стихами, романами, трагедиями, особенно поэмой «Орлеанская девственница» («*La Pucelle*», опубл. 1755), в к-рой видел «книжку славную, Золотую, незабвенную, Катехизис остроумия» («Бова», ст. 24—26), «Святую Библию Харит» («Когда сожмешь ты снова руку...») (1818), ст. 4. Свою приверженность В., с разрывной силой его характеристикой, юный П. декларировал в ст-нии «Городок» (ст. 94—107), выделив в качестве гл. особенности творчества фр. писателя его универсальность: у В. находит П. соединение едкой насмешки и остроумия с мудростью мыслителя («Сын Мома и Минервы»), он ценит его как автора превосходных трагедий («Соперник Эврипида»), блестящей легкой поэзии («седой шалун», «Эраты нежный друг»), бурлескной «Орлеанской девственницы» и эпической поэмы «Генриада» («Арьоста, Тасса внук»), остроумных филос. повестей («отец Кандида»). Тем не менее в этот период П. вряд ли сознавал во всей полноте идеологическое содержание жадно им читаемых произв. В., тем более что позднее «вольтерьянство», развитое в светском об-ве, особенно в старшем поколении, не могло уже поражать П. ни оригинальностью, ни новизною. Поэтич. сторона произв. В. казалась ему неизмеримо выше заключающихся в них идей, его привлекали занимательность, остроумие, эффектность положений и ирония всех произв. В., исключительная простота и ясность повествования, особенно в прозе, «благоразумный слог» («*О прозе*»), 1822 — Акад. XI, 18), отличающийся насыщенностью мысли при точности и лаконизме ее выражения. На творчество П. в его молодые годы самое сильное влияние из всех соч. В. оказала «Орлеанская девственница», оно отразилось в ранних поэмах «Монах» (1813) и «Бова», затем в «Руслане и Людмиле» (соч. 1817—1820, публ. 1820) и позднее в «Гавриилиаде» (1821). Увлечение «развратной прозою» В. («К другу стихотворцу», первая ред., 1814 — Акад. I, 341), в первую очередь «Кандидом», проявилось, по-видимому, в несохранившемся романе П. «Фатам, или Разум человеческий» (1815); с вольтеровской традицией была, вероятно, связана и его уничтоженная недописанной стихотв. комедия «Философ» (1816). Переводы П. из В. в лицейские и первые послелицейские годы (как, впрочем, и впоследствии) немногочисленны: восьмистишие «Лаиса Венере,

посвящая ей свое зеркало» («Вот зеркало мое — прими его, Киприда!...») (1814); фр. подлинник: «Sur Laïs qui remit son miroir dans le Temple de Vénus»), «Стансы» («Ты мне велишь пылать душою...») (1817); фр. подлинник: «A Madame du Châtelet»), «Сновидение» («Недавно, обольщен прелестным сновиденьем...») (1817); фр. подлинник: «A Madame la Princesse Ulrique de Prusse»). Триолет В. «Dérêchez-vous, Monsieur Titon...» (пер.: Поспешите, господин Титон) послужил, возможно, своей традиционной и популярной во фр. поэзии композицией эпиграммы одним из образцов эпиграммы П. «Угрюмых тройка есть певцов...» (1815), а стансы «Королю прусскому» («Au Roi de Prusse», 1775) — образцом для ст-ния «Ты и я» («Ты богат, я очень беден...») (1817—1820); цитатой из сатиры В. «Бедняга» («Le pauvre diable», 1758) в пер. И. И. Дмитриева («Ответ» («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») (1806)) завершается эпиграмма «На Каченовского» («Бессмертною рукою раздавленный Зоил...») (1818), а строки 51—54 ст-ния «Деревня» (1819) являются реминисценцией из послания В. писателю Ж.-Ф. Сен-Ламберу (1716—1803) («A M. de Saint-Lambert», 1769). К В. восходило лицейское прозвище П. «смесь обезьяны с тигром».

Во время южной ссылки кратковременное увлечение руссоизмом, вызванное влиянием идей тайного об-ва, противопоставлявших положительную проповедь Ж.-Ж. Руссо скептицизму В., определило нек-рое охлаждение П. к «Фернейскому злему крикуну» («Городок», ст. 95; «Руслан и Людмила», песнь IV, ст. 9 в 1-м изд. 1820 — Акад. IV, 279) и положило начало дальнейшей непрерывно развивавшейся в соответствии с эволюцией обществ. и эстетич. взглядов П. переоценке разных аспектов творчества фр. писателя. Важную роль в этом процессе сыграл отказ П. от классицизма, представителем к-рого был В. К сер. 1820-х драматургия В. утратила в большой мере для П. прежнее свое значение. Отмечая в черновике письма (П. А. Вяземскому ?) от 5 июля 1824, что «век романтизма не настал еще для Франции», он привел в качестве примера опутанного «старыми сетями Аристотеля» поэта К. Делавиня, к-рый в них оказался, будучи «учеником трагика Вольтера, а не природы» (Акад. XIII, 102). То обстоятельство, что В. как трагик почитается французами равным Расину, представлялось П. в 1832 («Начало статьи о В. Гюго») убедительным подтверждением «ничтожности или несправедливости» их «литературных аксиом». Там же В. упоминается в числе тех «лучших писателей», «славнейших представителей» Франции, к-рые «доказали, сколь чувство изящного было для них (французов. — Л. В.) чуждо и непонятно» (Акад. XI, 219), а в одном из вариантов эта мысль пояснялась указанием, что «Вольтер, кроме Расина и Горация, кажется, не понял ни одного поэта, судил о художествах как дитя» (Акад. XI, 453). Не принимал теперь П. и публицист. манеры В., вследствие к-рой его произв. становились лишь средством проведения его идей и теряли свой интерес при изменении вызвавших их обстоятельств. В творческом наследии В. особую ценность приобретают для П. те произв., к-рые «носят на себе (...) клеймо» романтич. поэзии. Находя его в стихотв. сказках и «Орлеанской девственнице» («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 38), он в 1825 пробовал переводить «лучшую», как он тогда продолжал считать (письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 179), поэму В. («Начало I песни „Девственницы“») и стихотв. новеллу «Что нравится дамам» («Ce qui plaît au dames», 1763), являющуюся вольным переложением рассказа Д. Чосера («Короче дни, а ночи доле...»); по каким-то причинам в обоих случаях наброски были оставлены на первых строках.

Трагедия декабристов, новое понимание ист. процесса, роли дворянства, этических ценностей привели П. в нач. 1830-х к критич. переоценке разрушительного вольнодумства XVIII в., в частности, к неприятию цинизма «Орлеанской девственницы». Суммарная характеристика худож. творчества В., как она сложилась в восприятии П. к этому времени, во многом полемика по отношению к аналогичной характеристике 20-летней давности в

«Городке», хотя, по-видимому, вынужденно заостренная в сторону осуждения в предвидении ценз. затруднений, дана в статье «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833 — март 1834 (Акад. XI, 271—272). Она, однако, корректируется в написанной около того же времени (1834—1835) белой ред. «Путешествия из Москвы в Петербург» упоминанием В. среди тех писателей, к-рые доказывают, что «истинная красота не поблекнет никогда», и «читаны будут, доколе не истребится род человеческий» (Акад. XI, 262).

Какие бы ни происходили повороты в отношении П. к В., его интерес и уважение к «великому писателю» («Вольтер», 1836 — Акад. XII, 75) оставались неизменными. Рассыпанные обильно в произв. и письмах П. вольтеровские цитаты и реминисценции свидетельствуют о том, что весь комплекс соч. В. находился все время в поле его самого близкого внимания и в активном использовании. Многие произв. «оракула Франции» («Бова», ст. 255) П. знал чуть ли не наизусть и во всяком случае в мельчайших подробностях, так что, когда в 1828 Вяземский попросил его указать источник одной цитаты, он его немедленно назвал (письмо к П. А. Вяземскому от 26 июля 1828 и ответное письмо П. от 1 сент. 1828 — Акад. XIV, 23, 26). В. он вспоминал и к нему обращался по самым разным поводам: о филос. и лит. спорах XVIII в., в к-рых участвовал В., ему напоминает «авторская спесь, (...) литературные сплетни и интриги» П. А. Катенина (письмо к П. А. Вяземскому ок. (не позднее) 21 апр. 1820 — Акад. XIII, 15); тоска в Михайловском по «шуму и толпе» приводит на ум высказывание В. о деревне («(Из автобиографических записок)», 19 ноября 1824 — Акад. XII, 304); размышляя о царствовании Екатерины II, он оспаривает мнение о ней В. и признает его ответственным за сложившееся в Европе ошибочное с его т. зр. представление о ее деятельности и личности («(Заметки по русской истории XVIII века)», 1822 — Акад. XI, 16—17); с В. он полемизирует относительно причины ссылки *Овидия* (беловой автограф ст-ния «К Овидию», 1821 — Акад. II, 728; примеч. к отд. изд. гл. I «Евгения Онегина», 1825 — Акад. VI, 653); сравнивая в «Графе Нулине» (1825) крадущегося к спальне хозяйки героя с котом, подстерегающим мышь и на нее кидающимся (ст. 250—257), следует наряду с основным своим источником — *Шекспиром* (см. с. 380) также и В., употребившему подобное сравнение в «Орлеанской девственнице» (песнь XII) применительно к Монрозу; цитатой из той же поэмы характеризует в «Арапе Петра Великого» (1827) фр. об-во (Акад. VIII, 4); в шутовом стихотв. письме к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 переименовывает фамилию тверского содержателя гостиницы Гальяни, употребляя нескромное ит. слово «Кольони», взятое из XI гл. «Кандида» (Акад. XIII, 302; III, 34); и мн. др. Если в 1822 сам П. ощущал себя «крестником Вольтера» («Мой друг, уже три дня...», первонач. наброски — Акад. II, 744), то в 1830 В. Л. Пушкин, прочтя ст-ние «К вельможе», почувствовал, что автором «не забыт (...) затейливый Вольтер» и что он имеет его «остроумие и вкус» (письмо к А. С. Пушкину от середины июня — 1-й пол. июля 1830 — Акад. XIV, 101).

Важное место в круге чтения П. занимали ист. труды В., чью выдающуюся, новаторскую роль в развитии европ. историографии П. отметил в письме (П. А. Вяземскому ?) от 5 июля 1824: «Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории» (Акад. XIII, 102). «История Карла XII» («Histoire de Charles XII», 1731) и «История Российской империи при Петре Великом» («Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», 1759—1763) служили П. одним из основных источников «Полтавы»: к ним в той или иной степени восходят характеристики Петра I и Карла XII, принцип освещения событий посредством сопоставления их участников-антиподов, ист. оценка Полтавского сражения в предисл. Задумав очерк о Французской революции (1831), П. составил для предполагавшегося вступ. обзора истории Франции со времени завоевания франками

Галлии краткий конспект «Опыта о нравах» («Essai sur les moeurs et l'esprit des nations», 1756) («О Французской революции»), выписки — Акад. XI, 442—444). На труды В. он опирался в «Истории Пугачева» и особенно в «Истории Петра»; для изучения материалов, к-рыми располагал В., работая над соч. о Карле XII и истории России, он получил в февр. 1832 разрешение Николая I «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера» (Акад. XV, 15).

В 1830-е размышления П. о месте поэта в об-ве и взаимоотношениях с «толпою», о собственном положении при дворе, воспоминания о вынужденном отказе в 1828 от авторства «Гавриилиады» и ретроспективная оценка этого поступка, подобного отречению фр. писателя от «Орлеанской девственницы», вызвали обостренный интерес к личным свойствам и житейскому поведению В. Одной из причин, почему именно В. привлекал в этом смысле внимание П., было, видимо, и то обстоятельство, что с ним его неоднократно сравнивали друзья и знакомые (П. А. Катенин, М. Ф. Орлов, П. Л. Яковлев, В. И. Туманский, Н. М. Языков), предрекавшие ему сыграть в России ту же роль (см., напр., письмо Туманского от 12 апр. 1827 — Акад. XIII, 327). Резкое неодобрение вызывали у П. отношения великого просветителя с монархами, особенно с Фридрихом II, его готовность выносить от них унижения, его трусость. Комплекс этич. вопросов в связи с оценкой В. был затронут П. наряду с другими в рец. («Вольтер», 1836) на книгу «Неизданная переписка Вольтера с Фридрихом II, президентом де Броссом и другими лицами» (Correspondance inédite de Voltaire avec Frédéric II, le Président de Brosses et autres personnages. Paris, 1836 — Библиотека П. № 1490) и в пастише «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (1837). «Вольтер, во все течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства», его «лавы (...) были обрызганы грязью. (...) Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. (...) Зачем ему было променять свою независимость на своенравные милости государя, ему чуждого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..» — писал П. в рец. (Акад. XII, 80). Представление П. о личности В., его зависти к удачливым соперникам, наложило, возможно, отпечаток на характер Сальери в «Моцарте и Сальери». Высказано предположение, согласно к-рому произнесенные якобы П. на смертном одре для передачи царю слова: «Жаль, что умираю, весь его бы был» — являются реминисценцией строки («J'aurai vécu pour lui; je lui mourrai fidèle») из стансов В. «Королю прусскому».

Лит.: Кадлубовский А. П. К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // ПиС. Вып. 5. С. 1—29; Лернер Н. О. Из заметок о Пушкине // Жизнь искусства. 1923. № 41. С. 13—14 (То же // Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 211—212); Томашевский Б. В. 1) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 38—42 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 122—132); 2) Пушкин и история Французской революции // Томашевский. П. и Франция. С. 201—203; Bizilli P. Quelques échos étrangers chez Puškin // RdES. 1937. Т. 17. Fasc. 3/4. P. 253; Ясинский Я. И. Работа Пушкина над историей французской революции // П. Врем. Т. 4/5. С. 359—385; Вацуро В. Э. 1) Из разысканий о Пушкине: 2. «Побежденная трудность» // Врем. ПК. 1972. С. 104—105; 2) Пушкин и Бомарше: (Заметки) // ПИМ. Т. 7. С. 211—213; 3) «К вельможе» // Ст-ния П. 1820—1830 гг. С. 199—202; 4) Vatsouro V. Un épisode «voltairien» dans la biographie de Pouchkine // Universalité de P. P. 44—48; Заборов П. П. Пушкин и Вольтер // ПИМ. Т. 7. С. 86—99, в подстроч. примеч. подробная библиогр. вопроса (То же // Заборов. С. 174—189); Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Врем. ПК. 1976. С. 110—112 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 391—393; Лотман. Пушкин. С. 329—322); Вершинина Н. Л. К вопросу об источниках поэмы «Граф Нулин» // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1981. С. 96—101; Сайтанов В. Прощание с царем // Врем. ПК. Вып. 20. С. 36—47; Севастьянов А. Вольтер глазами Пушкина // ВЛ. 1987. № 2. С. 146—167; Строганов М. В. «Кандид» Вольтера в «Руслане и Людмиле» Пушкина // Художественное восприятие: Проблемы теории и истории. Калинин, 1988. С. 62—72; Shlapentokh D. Pushkin and Voltaire: The Writer as Existential Model // New Zealand Slavonic Journ. 1989/1990. P. 97—

107; *Нагорная Н. М.* Традиции вольтеровского повествования в прозе А. С. Пушкина // П. и слав. мир. С. 89—90; *Непомнячичи В.* Pouchkine et la France: Brouille et réconciliation // *Universalité de P. P.* 19—25.

Библиогр.: Вольтер в России: Библиогр. указ., 1735—1995; Русские писатели о Вольтере (Стихотворения, статьи, письма, воспоминания). М., 1995 (по указ.).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ВОЛЬТЕРА БИБЛИОТЕКА (ок. 6800 т. книг и рукописей) куплена Екатериной II после смерти В. у его племянницы, перевезена в 1779 в Петербург и размещена в Эрмитаже. Николай I приказал держать ее закрытой и допускать к ней только с его собственного дозволения. П., начав работу над «Историей Петра Великого», обратился 24 февр. 1832 к А. Х. Бенкендорфу с просьбой и получил разрешение царя «рассмотреть» б-ку для ознакомления с «разными редкими книгами и рукописями, доставленными (Вольтеру гр. И. И.) Шуваловым для составления его Истории Петра Великого» (Акад. XV, 14). П. побывал в б-ке В., по-видимому, неск. раз (первые 10 марта 1832). Сохранились след. мат-лы его работы: очевидно, на память о посещении он списал в тетрадь (ПД 840) первую страницу каталога, содержащую заглавия пяти книг, и сделал зарисовку статуи В., ивзванной Ж.-А. Гудоном (Houdon, 1741—1828) и находившейся в Эрмитаже, как и б-ка, под запретом; сделал список «Хронологического перечня главных событий царствования Петра I» (Рукою П. С. 505—507; Акад. X, 443—455, пер.: 492—502).

Лит.: *Якубович Д. П.* Пушкин в библиотеке Вольтера // ЛН. Т. 16/18. С. 906—922; *Фейнберг. С.* 150—162; *Алексеев М. П.* Библиотека Вольтера в России // Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.; Л., 1961. С. 41—52 (То же // *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 306—313).

Л. И. Вольперт

ВОРДСВОРТ (Wordsworth) Уильям (1770—1850), англ. поэт «озерной школы» (Lake School, Lakists), осуществивший вместе с собратьями по перу сближение языка поэзии с живой речью и его прозаизацию в соответствии с принципом «поэзия для всех и язык, доступный всякому» (цит. по: *Клименко Е. И.* Проблемы стиля в английской литературе первой трети XIX века. Л., 1959. С. 16), пригодный для обыденной тематики, изображения повседневной деревенской жизни и красоты простой сельской природы. Демокр. тенденции в области поэтики сочетались у В. с переходом от революц. настроений молодости к стойким консервативным, антипросветит. взглядам.

Первонач. П. узнал имя В., вероятно, по сатир. выпадам *Байрона*, в частности в «Дон Жуане» (песни I, III). В примеч. к песни I, 90 во фр. пер., по к-рому П. ознакомился с этой поэмой, о В. и *С. Т. Кольридже* говорилось, что они «не лишены ни воображения, ни поэтического таланта, но временами отличаются смешной глупостью» (*Byron G. Œuvres complètes / Trad. de l'anglais par A.-E. Chastopalli [A. Pichot et E. de Salle]. 2^d éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. Т. 2. P. 170*). В. был упомянут и в напечатанной в МВ (1827. Ч. 6. № 23. С. 345; в этом же номере (с. 255—256) — ст-ние П. «Поэт») заметке, состоявшей в перечне имен авторов, представленных в изданной А. Пишо (1796—1877) антологии «The Living Poets of England» (Paris, 1827. Т. 1—2). Обязательный очерк поэтического творчества В. содержался в соч. Пишо «Историческое и литературное путешествие по Англии и Шотландии» (*Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse. Paris, 1825. Т. 2; рус. пер.: Современная английская литература: Школа так называемых Озерных поэтов (Lakists). — Вордсворт, Кольридж, Сутей. I. Вордсворт (Wordsworth) // ЛГ. 1830. Т. 2. 13 окт. № 58. С. 175—180; 18 окт. № 59. С. 183—185*). Здесь излагались лит.-худож. взгляды В., подробно пересказывалось содержание его поэмы «Странствование» («The Excursion», 1814), характеризованной как «красноречивое выражение

философии, достойной Платона христианского», говорилось о его лирических балладах, для к-рых он «старался (...) выбирать события и положения из жизни простонародной и рассказывать и описывать их простодушно, не отказываясь, однако ж, наводить их некоторою краскою в таком случае, когда предмет отливался в его уме необыкновенною формою»; три ст-ния В. были представлены в прозаич. пер.: «Жалобы индианки» («The Complaint of a forsaken Indian woman», 1798), «Раздумья бедной Сусанны» («The Reverie of poor Susan», соч. 1797, публ. 1800) и «Конец Венецианской республики» («On the Extinction of the Venetian Republic», соч. 1802, публ. 1807).

Основательно познакомился П. с поэзией В. уже, видимо, после того как овладел англ. яз., т. е. не ранее 1828: в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 В. еще не упоминается среди лучших, по мнению П., соврем. англ. поэтов (Акад. XIII, 177), а, по свидетельству С. П. Шевырева, П. «по-английски выучился (...) гораздо позже» времени создания «Бориса Годунова», «в С.-Петербурге, и читал Вордсворта» (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 40). По недокументированному, но вполне правдоподобному указанию (Сурат И. З. Три заметки : 3. «Сонет» // Моск. пушкинист. Вып. 5. С. 215, примеч. 1), он пользовался изд.: *The Poetical Works of William Wordsworth*. Paris, 1828.

Эстетич. принципы В., формировавшиеся на почве неприятия гл. обр. поэзии эпигонов классицизма 2-й пол. XVIII в., были близки П. в свете его собственных исканий конца 1820—1830-х, и знакомство с их худож. воплощением помогало ему определить задачи, к-рые предстояло решать отеч. лит-ре, и направление ее развития. В наброске «(О поэтическом слог)», написанном в ноябре 1828, когда представление П. о В. опиралось, наверное, в немалой степени еще на вторичные источники, В. и Кольридж упомянуты как поэты, чьи произв. «исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдима», и констатируется неготовность рус. писателей «приблизить поэтический слог к благородной простоте», непонимание «поэзии (...) освобожденной от условных украшений стихотворства» (Акад. XI, 73). В 1829—1830 интерес П. к В. стимулировали переводы сонетов англ. поэта в поэтич. сб-ках *III.-О. Сент-Бёва*, под этим впечатлением П. создает в янв.—апр. и июле 1830 три своих ст-ния в этом жанре. Первое из них «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...») (янв.—15 апр. 1830), в к-ром декларируется правомерность существования жанра и беглым обзором важнейших моментов его истории демонстрируются его широкие худож. потенции, является свободным переложением сонета В. «Scorn not the Sonnet...» («Не презирай сонета...», опубл. 1827) с большой опорой на фр. пер. Сент-Бёва («Ne ris point des sonnets, ô critique moqueur!...»). Ст-ние «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») (7 июля 1830) находится в отдаленной связи с сонетом В. «There is a pleasure in poetic pains...» («Есть удовольствие в поэтических муках...», опубл. 1827), опосредованной также через пер. Сент-Бёва, послуживший П. прямым творческим импульсом. К лит. фону ст-ния «Цыганы» («Над лесистыми берегами...») (1830) принадлежало, возможно, одноименное ст-ние В. («Gipsies», 1807). В письме к П. А. Плетневу от 26 марта 1831 П. просил заказать ему у книготорговца Ф. М. Беллизара соч. «Wodsworth» (Акад. XIV, 158), а 7 дек. того же года при участии П. или, во всяком случае, в его присутствии шла беседа о В. между А. И. Тургеневым и С. С. Мецкерской (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 167). В 1833 П. переводил прозой начало поэмы В. «Прогулка» («The Excursion») с целью, вероятно, лишь упражнения в англ. яз. (Рукою П. С. 90—93). В ст-нии «Вновь я посетил...» (1835) ошутимо влияние ст-ния В. «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном посещении берегов реки Уай» («Lines composed a few miles above Tintern Abbey, on revisiting the banks of the Wye during a tour. July 13, 1798»).

На основании приписки («Образ, промелькнувший перед нами, который мы видели и который не увидим больше никогда!...» — Акад. XIII, 352; под-

линник по-фр.), сделанной П., по свидетельству А. П. Керн, в письме к ней Анны Н. Вульф от 2-й пол. авг.—нач. дек. 1824 (Керн. С. 30), Н. Ф. Сумцов предположил, что первая строфа ст-ния «К***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825) восходит к начальным четырем стихам В. «She was a Phantom of delight...» («Она была призраком блаженства...»), 1804); эта гипотеза не получила подтверждения и не нашла признания.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Этюды об А. С. Пушкине // Рус. Филол. вестн. 1894. Т. 31. № 1/2. С. 270—278; VII. Сонет (Отт.: Варшава, 1894. Вып. 2. С. 3—11, 86—88); 1895. Т. 34. № 3. С. 130—132; [Гипотеза о ст-нии «К***» в статье «XXI. К А. П. Керн»] (Отт.: Варшава, 1895. Вып. 3. С. 30—32) (Переизд.: Сумцов Н. Ф. Исследования о поэзии А. С. Пушкина // Харьковский унив. сб. в память А. С. Пушкина. Харьков, 1900. С. 90—98, 231—233; Сумцов Н. Ф. А. С. Пушкин. Харьков, 1900. С. 90—98, 231—233); Яковлев Н. В. 1) К вопросу об английских источниках стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми берегами») // ПиС. Вып. 36. С. 63—70; 2) Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина: I. Сонеты Пушкина в сравнительно-историческом освещении. II. Перевод Пушкина из поэмы Вордсворта «Экзурсия» // П. в мировой лит-ре. С. 122—129, 132—137; Morgulis G. Autour d'un sonnet de Sainte-Beuve // RLC. 1934. Ап. 14. № 3. Р. 480—490; Якубович Д. П. «Из Wordsworth»: [Комментарий] // Рукописи А. С. Пушкина: Фототипическое изд.: Альбом 1833—1835 гг.: Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Комментарий / Под ред. С. М. Бонди. М., 1939. С. 64—65; Белецкий А. И. Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина: Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» // Наукові зап. / Київський держ. ун-т ім. Т. Г. Шевченка. 1953. Т. 12. Вып. 5. Филол. сб. № 5. С. 91 (То же // Белецкий А. И. Избр. тр. по теории литературы. М., 1964. С. 396—397; То же под загл.: К анализу лирического произведения) (Из наблюдений над стихотворением А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье») // Русская литература в школе. Киев, 1954. С. 50—51); Гиголоу Г. О сонете А. С. Пушкина «Суровый Дант» // Тр. Тбилис. гос ун-та им. Сталина. 1956. Т. 61. С. 233—246; Благой. II. С. 438—442; Vickery W. N. «Ja vas ljubil...»: A literary source // Intern. Journ. of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. Vol. 15. P. 164—166; Сайтанов В. А. Пушкин и английские поэты Озерной школы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 8—9, 13—16; Radha Balasubramanian. Wordsworth's «Phantom of Delight» transits into Russian Poetry // Russian Philology: Occasional Papers. Hyderabad, 1994. Apr. № 13. P. 49—63; Пирог Д. Природа и пейзаж памяти у Пушкина и Вордсворта // Символизм и русская литература XIX века: (Памяти А. С. Пушкина и А. Блока): [Междунар. науч. конф.], 06. 02—10. 02. 2001 [Пушкинские Горы]; Пушкин и Шекспир, 24. 09.—30. 09. 2001 [Пушкинские Горы]. Материалы / Отв. ред. В. М. Маркович. СПб., 2002. С. 5—19 (первонач. вариант на англ. яз. в кн.: Festschrift for Vadim Liapunov. Bloomington, 2001).

В. Д. Рак

ВУАЗЕНОН (Voisenon) Клод-Анри де Фюзе, аббат де (1708—1775), фр. писатель из лит. окружения энциклопедистов. Выведен К. Н. Батюшковым одним из персонажей «Вечера у Кантемира» (1816). Среди соч. В. были произв. нескромного, эротического содержания, из к-рых «восточная» сказка «Султан Мизапуф и принцесса Гриземина» («Le Sultan Misapouf et la Princesse Grisemine ou les Métamorphoses», 1746) стала, возможно, одним из источников поэмы П. «Царь Никита и сорок его дочерей». Это предположение нек-рыми исследователями оспаривается.

Лит.: Tomaševskij B. [Рец. на кн.:] Puškin A. S. Car Nikita, pohadka. Praha, 1928 // Slavische Rundschau. 1929. Jg. 1. № 6. S. 477—478; Cross A. Pushkin's Bawdy; or Notes from the Literary Underground // Russian Literature Triquarterly. 1974. № 10. P. 227; Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» // ЛО. 1991. № 11. С. 28—29.

В. Д. Рак

Г

ГАЛЬЯНИ (Galiani) Фердинандо (1728—1787), аббат, ит. экономист, историк и философ, мастер эпистолярного жанра, друг *Д. Дидро*. Письма Г., изд. в 1818, пользовались популярностью в России, их цитировали Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, А. И. Тургенев. Хорошо их знал и П., имевший это изд. (Библиотека П. № 931). В письме от 10 июля 1826, советуя Вяземскому написать «жизнь» Карамзина, П. сослался на Г.: «Но скажи *всё*; для этого должно тебе иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре» (Акад. XIII, 286 — имеется в виду письмо Г. к г-же д'Эпине (d'Épinau L.-F.-P., 1726—1783) от 24 сент. 1774, где говорится: «Знаете ли вы мое определение того, что такое *высшее ораторское искусство*? Это — искусство сказать всё и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить всё»). В письме к жене ок. 26 июля 1834 П. дважды процитировал на яз. подлинника печатавшийся в качестве прилож. к переписке Г. его «Диалог о женщинах», в к-ром один из собеседников называет женщину «животным по природе своей слабым и болезненным» (Акад. XV, 182). По предположению Ю. М. Лотмана, одним из источников записки П. «О народном воспитании» (1826) было письмо Г. к г-же д'Эпине от 4 авг. 1770, где, полемизируя с *Ж.-Ж. Руссо*, Г. выступил против «частного воспитания». В ст-нии «К вельможе» (1830) Г. упомянут как входивший в «энциклопедии скептической причот» (ст. 74).

Лит.: ОА. Т. 1. С. 517—518; Письма. Т. 2. С. 169—170; *Лотман Ю. М.* Три заметки к проблеме: «Пушкин и французская культура». 2. К проблеме: Пушкин и переписка аббата Гальяни // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 71—75 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 425—427; Лотман. Пушкин. С. 354—357).

Л. И. Вольперт

ГАМИЛЬТОН (Hamilton) Антуан (1646—1720), фр. писатель, англичанин, натурализовавшийся во Франции, куда он последовал за бежавшим из Англии королем Яковом II Стюартом (1688). Главное произв. Г. — «Записки графа Грамона» («*Mémoires de la vie du comte de Gramont*», 1713), веселое и остроумное жизнеописание мужа сестры автора. С происшествиями, о к-рых рассказывается в 3-й главе 1-й части (продиктованной, возможно, самим Грамоном) этой книги, сходно в «Капитанской дочке» приключение Гринева в симбирской гостинице. Эти «Записки» имел в виду П., говоря о «прелести Гамильтона» в предисл. к «Запискам бригадира Моро-де-Бразе», 1835 (Акад. X, 295). Г. написал также несколько сказок в восточном вкусе в подражание «Тысячи и одной ночи», к-рые, по недостаточной обоснованному предположению Л. И. Поливанова и З. А. Венгеровой, восходящему к неточно истолкованным сопоставлениям *П. Мериме*, могли явиться одним из творческих стимулов к замыслу «Руслана и Людмилы». Эпитет «резвый Г.» в послании «К сестре» («Ты хочешь, друг бесценный...») (1814), ст. 31,

соответствует эпитету «vif Hamilton» у *Вольтера* в его «Храме вкуса» («Le Temple de Goût», 1733).

Лит.: *Merimée P.* Alexandre Pouchkine // *Moniteur universel*. 1868. 20—21 jan. (То же // *Merimée P.* Portraits historiques et littéraires. 2-е éd. Paris, 1874. P. 309—310; переизд.; рус. пер.: *Мериме П.* Александр Пушкин // *Собр. соч.*: В 6 т. М., 1963. Т. 5. С. 250); *Поливанов Л. И.* «Руслан и Людмила»: [Комментарий] // *Пол.* Т. 2. С. 5—6; *Венгерова З. А.* Антоний Гамильтон // *Венг.* Т. 1. С. 76—80; *Lannes F.* Les «Mémoires» d'A. Hamilton et la «Fille du capitaine» de Pouchkine // *RLC*. 1924. An. 4. Oct.—déc. P. 670—673; *Белецкий А. И.* К истории создания «Капитанской дочки» // *ПиС.* Вып. 38/39. С. 194—198; *Розанов М. Н.* Пушкин и Ариосто // *Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук.* 1937. № 2/3. С. 405; *Лукьянец И. В.* «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и традиция французского мемуарного романа XVII—XVIII веков // *РЛ.* 1997. № 1. С. 106—112.

В. Д. Рак

ГАНКА (Hanka) Вацлав (1791—1861), чеш. поэт, филолог, деятель нац. возрождения.

Г. первым из чехов стал обладателем поэм «Руслан и Людмила» (СПб., 1820) и «Кавказский пленник» (СПб., 1822), к-рые в 1823 ему подарил находившийся в Праге проездом Г. А. Римский-Корсаков. С этого момента П. вызывает у Г. постоянный живой интерес и пользуется его пристальным вниманием. Г. следит, насколько в то время это было возможно в Чехии, за его творчеством, узнает о нем от своих знакомых из России, старается завязать с ним личные контакты. В окт. 1828 Я. И. Сабуров записал в альбом Г. пушк. ст-ние «Ангел» («В дверях Эдема ангел нежный...») (1827) с изменением первой строки («У врат Эдема ангел нежный...»). В письме к чеш. поэту Яну Коллару (Kollár, 1793—1852) от 11 июля 1832 Г. поставил П. первым в ряду перечисленных им «ярких людей (vzácných osob), (...) которые как первые звезды сияют на небе славянской поэзии»; за П. в этом списке следовали А. Мицкевич, А. А. Дельвиг, польские поэты Ю. Б. Залеский (Zaleski, 1802—1886), К. Бродзинский (Brodziński, 1791—1835), Ю. Словацкий (etc. etc.). Позднее Г. прислал П. две книги с дарственными надписями: соч. Ф. Богеницкого «Защита Журнала для католического духовенства» (*Bogennicki F.* Obrana Časopisu pro Katolické duchovenstvo. Praha, 1825), в к-ром, как обращал Г. внимание П., «много сказано о смутном и угнетенном состоянии чешского языка, чтоб инде сказать не возможно бы было», и собственную «Чешскую грамматику» (*Prawopis Česky*. 4 wyd. Praha, 1835) (Библиотека П. № 659, 970). У П. также имелось два экз. изданного Г. латиницей «Слова о полку Игореве» с рус., чеш. и нем. пер. (Praha, 1821); один из них 15 дек. 1836 он отдал «с надписью» А. И. Тургеневу для посылки в Париж брату последнего Николаю Ивановичу, к-рый должен был вручить его фр. филологу Ф.-Г. Эйхгофу (Eichhoff, 1799—1875), готовившемуся читать в Сорбонне курс лекций по лит-ре (Там же. № 969, на чистых листах, проложенных между страницами пер., нет никаких заметок; Щеголев. Дуэль и смерть П. С. 237—238; Цявловский. С. 224; Летопись. Т. 4. С. 548—549).

В письме к П. П. Дубровскому (1812—1882) от 3 июля 1842 Г. сожалел, что «смерть застала знаменитого Пушкина почти в то самое время, когда он принимался переводить „Краледворскую рукопись“» (Извлечение из письма В. В. Ганки к редактору «Денницы» // *Денница*: Лит. газета. Варшава, 1842. № 15. Авг. С. 196) — знаменитую подделку Г. (якобы найдена в 1817, изд. — 1819, первый рус. пер. — 1820), признававшуюся в пушк. время подлинным памятником старочеш. поэзии и окончательно разоблаченную как подлог лишь в 1880-х. Об этом намерении рус. поэта Г. писал и в предисл. к 4-му изд. «Краледворской рукописи» (1843). Эти заявления Г. не могут быть игнорированы; но, учитывая его склонность к мистификации, не заслуживают и полного доверия, т. к. нельзя исключить вероятность того, что он рассчитывал т. о. придать своей подделке бóльшую значимость как па-

мятнику, высоко оцененному самим П. Имевшееся у П. в ч. 6 «Собрания сочинений и переводов адмирала [А. С.] Шишкова» (Библиотека П. № 430) изд. «Краледворской рукописи» в оригинале с параллельным рус. пер. осталось неразрезанным.

Г. сохранял интерес и пиетет к П. до конца жизни. От своих рус. знакомых он получал новые издания соч. столь дорогого ему поэта. Пушкиниана в б-ке Г. была одной из самых представительных в Праге и вообще у зарубежных славян.

Лит.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 278, 402, 444, 613, 643; *Procházková H. Po stopách Puškinových do let šedesátých // Puškin u nás. Praha, 1949. S. 163—165; Кишкин Л. С. 1) Пушкин и чешская культура // Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983. С. 163—164; 2) Ошибка или вариант? // Лит. Россия. 1984. 1 июня. С. 18.*

В. Д. Рак

ГАФИЗ см. ХАФИЗ

ГЕБЕЛЬ (Hebel) Иоганн Петер (1760—1826), нем.-швейц. поэт и прозаик, основоположник областнической лит-ры на алеманском диалекте. Черты творчества Г. — крестьянский здравый смысл, простодушие, мягкий юмор, религ. назидательность, жанровое разнообразие (ст-ния, стихотв. повести-баллады и сцены, произв. «малой прозы» — рассказы, анекдоты). Популярны «Алеманские стихотворения» («Alemannische Gedichte», 1803) Г. высоко ценил *Гете*.

П. обратил внимание на Г. благодаря переводам В. А. Жуковского (1816—1818), среди к-рых — ставшая позднее в России хрестоматийной стихотв. идиллия «Овсяный кисель» (пер. 1816, публ. 1817; оригинал — «Der Habertruss», соч. 1800—1801, публ. 1803). П. могли заинтересовать в этих произв. повествовательные возможности стиха, а также изображение нар. характеров и деталей нар. быта. Возможно, П. подкупила гл. особенность творчества Г. — естественная простота образов и стилистики. Чтение Жуковским «Овсяного киселя» на заседании «Арзамаса» он считал ярким моментом, о к-ром упомянул в ст-нии «Венец желаниям! Итак, я вижу вас...» (1817): «Где славил наш Тиртей кисель...». Вместе с тем в эпиграмме-пародии «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» (1818) П. иронизировал по поводу нерифмованного бесцезурного ямба, примененного Жуковским в пер. сцены Г. «Тленность» (пер. 1816, публ. 1818; оригинал — «Die Vergänglichkeit», соч. 1800—1801, публ. 1803). Позднее, осознавая необходимость обновления стиховых форм и поэтич. яз., он в наброске статьи «(О поэтическом слоге)» (1828) отметил (имея в виду, очевидно, и себя самого), что «мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов (Жуковского) из Гебеля...» (Акад. XI, 73), а вскоре сам начал экспериментировать с бесцезурным нерифмованным ямбом в пер. из *P. Saute* («Медок»). В 1831 П. был свидетелем работы Жуковского над переводами для изданного в том же году его двухтомного сб. «Баллады и повести» (СПб., 1831) и, сообщая о ней П. А. Вяземскому в письме от 11 июня, упоминал в т. ч. новые и старые пер. из Г.: «Теперь пишет сказку гекзаметрами, вроде своего „Красного карбункула“, и те же лица на сцене, Дедушка, Луиза, трубка и проч.» (Акад. XIV, 175). П. имел в виду цикл баллад-повестей «Дедушкины рассказы», включавший переведенную стихами (1816) прозаич. «сказку» «Красный карбункул» («Der Karfunkel», 1803) и своеобразное жанровое образование «Две были и еще одна», составленное из пер. двух баллад *P. Saute* и переложенного гекзаметром прозаич. рассказа Г. «Каннитферштан» («Kannitverstan», 1811). По замечанию исследователя, у Жуковского гебелевская «фигура рассказчика-дедушки (...) напоминает мистифицированных рассказчиков Пушкина и Гоголя» (*Янушкевич А. С. Путь Жуков-*

ского к эпосу // Жуковский и русская культура: Сб. науч. тр. Л., 1987. С. 175).

Присутствие мотива, воспринятого П. из поэзии Г. через пер. Жуковского, можно предположить в «Пиковой даме» (1834): подстроенное чертом сочетание игральных карт предвещает смерть беспутному игроку («Красный карбункул»). Пушк. набросок «Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы...», 1831 (Акад. III, 467) стилистически близок к первому стиху ст-ния Г. «Тленность» в пер. Жуковского.

Лит.: *Иезутова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 96, 118, 221.

Р. Ю. Данилевский, М. Ю. Коренева

ГЕЙНЕ (Heine) Генрих (1797—1856), нем. поэт и публицист. Первые рус. пер. стихотворений Г. появляются в печати с 1827, отд. фрагменты публицист. прозы — с 1830 (*Левинтон А. Г.* Генрих Гейне: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. М., 1958. С. 527—528). Знакомство с соч. Г. было затруднено в России этих лет ценз. запретом, наложенным на «Путевые картины» («Reisebilder», 1826—1831), а также на фр. изд. соч. Г. «De l'Allemagne» (1835), куда вошли «Романтическая школа» («Die Romantische Schule», 1833), «К истории религии и философии в Германии» («Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland», 1834) и ряд др. отдельных статей и рец. Тем не менее книги Г. попадали в Россию, и в окружении П. их с интересом читали, о чем свидетельствует, напр., письмо А. О. Смирновой к П. А. Вяземскому от 25 дек. 1835, в к-ром она называет Г. «сушим дьяволом» и просит передать это ее впечатление П. (ЛН. Т. 58. С. 118); тогда же с полит. публицистикой Г. познакомился и П. Я. Чаадаев, сравнивший Г. с Джузеппе Фиески (Fieschi, 1790—1836), организатором и гл. исполнителем покушения 28 июля 1835 на фр. короля Луи Филиппа (*Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. писем. М., 1991. Т. 2. С. 94); с пристальным вниманием соч. Г. читал В. Ф. Одоевский, давший официальный отзыв от Комитета иностр. цензуры, в к-ром «Путевые картины» были названы им «неприличными» (ЛН. Т. 22/24. С. 643); какие-то сведения о Г. мог П. сообщить и П. Б. Козловский, к-рый был близко знаком с нем. писателем. Отд. главы фр. издания П. мог знать по их публикациям в ж-лах «L'Europe littéraire» (1833) и «Revue des Deux Mondes» (1834). В 6-ке П. сохранилось неск. томов соч. Г. на фр. яз., в частности из собр. соч. (1834—1835) т. 2 и 3, включающие в себя «Путевые картины», а также т. 5 и 6, содержащие книгу «De l'Allemagne» (Библиотека П. № 976, 977). «Путевые картины» П. получил 27 апр. 1835 от австр. посланника гр. Ш.-Л. Фикельмона, к-рый в сопроводительном письме назвал их «контрабандой» (Акад. XVI, 22; подлинник по-фр.), а «De l'Allemagne» — от секретаря шведско-норвежского посольства Г. Нордина, к к-рому П. сам обратился в конце апр. 1835 с просьбой достать «книгу о Германии этого негодника Гейне» (Акад. XVII, 72; подлинник по-фр.). Внимание П. особо привлекли у Г. темы революции и ист. судеб дворянства. Об этом свидетельствует сделанная им запись предположит. в конце апр. 1835 «Освобождение Европы придет из России...» (Акад. XII, 207; подлинник по-фр.: «La libération de l'Europe viendra de la Russie...»), представляющая собою отзыв мысли Г. из гл. 30 очерка «Путешествие из Мюнхена в Геную» («Reise von München nach Genua»), входящего в состав «Путевых картин». Автор возлагает в этой главе надежды на Россию как на гос-во, способное избавить Европу от деспотизма и от власти аристократии. Г. вызывающе провозглашает Николая I «знаменосцем свободы». Эта глава, однако, отсутствует во фр. изд. «Путевых картин», что дало повод нек-рым исследователям считать, что темы данной гл. были предметом частных бесед П. и Ш.-Л. Фикельмона, после к-рых и появилась запись П. (Н. М. Романов); др. исследователи полагают, что П., заинтересовавшись критическим

отношением Г. к дворянству и к аристократии, к их роли в об-ве, обратился непосредственно к нем. оригиналу (Е. Рубинова). При несомненном интересе П. к полит. взглядам Г., он иначе — не как публицист, а как историк — оценивал роль дворянства в России, видя в нем сословие, к-рое еще не исчерпало всех своих созидательных возможностей (заметки «(О дворянстве)», 1830 — Акад. XII, 205).

Лит.: *Муравьева М. Г., Цяловский М. А.* [Комментарий к заметке «La libération de l'Europe viendra de la Russie...»] // Рукою П. (1935). С. 211—213; *Найдич Э. Э.* Письмо Пушкина к Густаву Нордину // ПИМ. Т. 2. С. 217—223 (ср.: Он же. Неизвестное письмо Пушкина // Огонек. 1956. № 43. С. 17); *Рубинова Е.* Запись А. С. Пушкина при чтении «Путевых картин» Г. Гейне // Тр. Казахского гос. ун-та. Каф. рус. и зарубеж. литератур. Алма-Ата, 1961. Вып. 3. С. 3—8; *Zissermann N.* Heinrich Heine and Pushkin: Random Notes on Heine and Pushkin // New Zealand Slavonic Journ. 1972. Vol. 9. P. 71—100; *Романов Н. М.* Пушкинская заметка при чтении «Путевых картин» Гейне // ПИМ. Т. 10. С. 319—325; *Азадовский К. М., Основат А. Л.* Из дневников А. И. Тургенева: (Уточнения к публикациям) // Врем. ПК. Вып. 21. С. 135—137.

М. Ю. Коренева

ГЕРДЕР (Herder), Иоганн Готфрид (1744—1803), нем. мыслитель, заложивший основы соврем. лит. науки, лингвистики, славистики, публицист, поэт, переводчик, теоретик, подготовивший преромантическое направление в нем. лит-ре 1770—1780-х, получившее название «Буря и натиск» («Sturm und Drang»; см. с. 166), друг *Geme*, оказавший большое влияние на него и на всю европ. культуру последней трети XVIII в. и последующего времени. Г. привил нем. мысли идею истории как закономерного процесса, единого для природы и общества («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» («Идеи к философии истории человечества», 1784—1791) и утвердил в европ. культуре понятие «гуманности» как одного из ее основных качеств («Briefe zu Beförderung der Humanität» («Письма для поощрения гуманности»), 1794—1797). Заслугой Г. перед мировой культурой явилось открытие обществ.-ист., нац., эстетич. значения нар. поэзии; сб. его пер. поэзии разных народов (1778—1779), получивший во 2-м изд. (1807) заглавие «Stimmen der Völker in Liedern» («Голоса народов в песнях») лег в основание науч. фольклористики и способствовал пробуждению нац. культурного самосознания народов.

Г. был знаком рус. современникам П. с 1790-х; им интересовались литераторы разных поколений — Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, В. К. Кюхельбекер, С. П. Шевырев, Н. А. Полевой, М. П. Погодин и др. В связи с рус. пер. пяти книг «Идей» Г. (1829) велась полемика между МТ и СО. Влияние Г. проявилось и в частных областях поэтики — в изменении взгляда на элегию, к-рую стали воспринимать не как жанр, а как выражение определенных мотивов в поэзии (см.: *Вацууро В. Э.* Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 17—18).

Самая ранняя встреча П. с творчеством Г. отразилась, как предполагают, в его лицейском ст-нии «Роза» (1815), где розе противопоставляется лилия (лилея) как символ бессмертия красоты. П. мог найти этот образ в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина (впервые опубл. 1791—1792), где в письме, помеченном «Веймар, Июля 20 (1789)», автор, рассказывая о своем посещении Г., приводит из его соч. «Бог: Несколько диалогов» («Gott: Einige Gespräche», 1787) странный отрывок о лилии, к-рая отцветает, но в своих корнях сохраняет силу жизни, являясь т. о. свидетелем того, что «нет смерти в творении» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. Л. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 72). И хотя в том месте нем. оригинала, к-рое пересказывает Карамзин, названа не лилия, а просто цветок (Blume), лилия фигурирует в том же смысле в др. произв. Г.: притче «Лилия и роза» («Die Lilie und die Rose») в сб. прозаич. притчей «Парамифии» («Paramythi-

еп», 1785), в одноименном ст-нии 1787. Впрочем, как установлено М. П. Алексеевым, если П. и запомнил образ лилии, встреченный им у Карамзина, этот образ безусловно был воспринят поэтом на густом фоне традиционной «цветочной» тематики рус. и зарубеж. поэзии барокко и рококо.

П. называет имя Г. в списке мыслителей, составлявших чтение образованного дворянина 1810-х («Евгений Онегин», гл. VIII, 35. 3; 1830). Оно присутствует также в белом автографе статьи П. «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», 1836 (Акад. XII, 360). В обоих случаях Г. рассматривается как философ истории. Но П. должен был знать его и как поэта: соч. Г. имелись в лицейской б-ке (см.: *Головин В. В.* Круг чтения лицеистов пушкинского времени // *История русского читателя.* Л., 1982. С. 32). Тяготение П. к нар. поэзии — сказкам, песням — объяснимо в русле общеевроп. интереса к нац. нар. старине, выразившегося наиболее адекватно в гердеровском фольклоризме и романтич. понимании народности. Пушк. историзм — его нац. аспект, неразрывно сочетающийся с идеей общечеловеческой истории, признание непреложности и объективности ист. закономерностей — сходен с концепцией истории Г. Но П. смотрит на ист. процесс более рационалистически и более трезво, воспринимая историю скорее в трагическом, чем в гердеровском просветит. оптимистическом ключе и не полагаясь на теодицею и телеологию, к к-рым, несмотря на все оговорки, был склонен пастор Г.

Лит.: *Оксман Ю. Г.* Сюжеты Пушкина: (отрывочные замечания) // *Пушкинист*, IV. С. 25—27; *Викери У.* К вопросу о замысле «Розы» Пушкина // *РЛ.* 1968. № 3. С. 82—90; *Алексеев М. П.* Еще раз о стихотворении «Роза» // *РЛ.* 1968. № 3. С. 92—115 (То же с доп.: Споры о стихотворении «Роза» // *Алексеев П.* Сравн.-ист. исслед. (1984). С. 337—387); *Данилевский Р. Ю.* И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // *Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы:* Сб. ст. Л., 1980. С. 201, 203.

М. Ю. Коренева, Р. Ю. Данилевский

ГЕСИОД, Гезиод (Ἡσίοδος, ок. 700 до н. э.), первый греч. поэт, о к-ром имеются реальные биогр. сведения, автор дидактических поэм «Труды и дни» (Ἔργα καὶ ἡμέραι) и «Теогония» (Θεογονία), изложивший систематизированно во второй из них мифы о происхождении мира и родословную богов.

Представление П. о Г. формировалось на основе учебной и др. лит-ры, в т. ч. переводной элегии К. Н. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники» (соч. 1816—нач. 1817; напеч. 1817), к-рую он, в частности, перечитывал в нач. 1820-х и на полях книги написал замечания и свою высокую оценку этого произв. (см. «{Заметки на полях 2-й части „Опытов в стихах и прозе Батюшкова“}» — Акад. XII, 266—267; о датировке см.: *Сандомирская В. Б.* К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // *Врем. ПК.* 1972. С. 16—35). Оба поэта упомянуты в ст-нии «Рифма, звучная подруга...» (1828) как певцы-сказители древних мифов.

Лит.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // *П. Врем.* Т. 6. С. 106, 107.

С. Б. Федотова

ГЕСНЕР (Gessner, Gessner) Саломон (1730—1788), швейц. поэт, гравер, живописец, издатель. Во взглядах на иск-во Г. следовал принципам швейц. просветителей И. Г. Зульцера (Sulzer, 1720—1779) и И. Я. Бодмера (Bodmer, 1698—1783), «размывавших» эстетику классицизма сентименталистскими тенденциями. Как поэт Г. формировался под влиянием нем. певца природы Б. Г. Брокеса (Brockes, 1680—1747), др. поэтов раннего нем. Просвещения, как-то: Ф. фон Хагедорна (Hagedorn, 1708—1754), Э. фон Клейста; а также автора поэмы «Времена года» *Дж. Томсона* и живописи фр. рококо. Значительным было воздействие на него антич. пасторальной темы (*Гомер*, *Феок-*

рит, Лонг, *Вергилий*). Вкладом Г. в европ. лит-ру стала прозаич. идиллия, в к-рой отразился в идеализированном виде нац. швейц. пейзаж и нек-рые черты жизни швейц. крестьянства. Идиллии Г. способствовали появлению и развитию деревенской темы в лит-рах Европы. Одним из первых он раскрыл выразительные возможности ритмической прозы и этим способствовал развитию в прозе Германии, Франции, России и др. стран различных видов лиризма (ст-ния в прозе). Г. утвердил в лит-ре лирический пейзаж. К наиболее ярким произв. Г. относятся идиллии «Ночь» («Die Nacht», 1753), «Дафнис» («Daphnis», 1754), идиллии первого сб., принесшего Г. европ. известность, и двух следующих («Idyllen», 1756, 1762, 1772), напр.: «Разбитый кувшин» («Der zerbrochene Krug»); «Весна» («Der Frühling»), «Мир травы» («Die Gegend im Graß»), «Осеннее утро» («Der Herbstmorgen»), «Деревянная нога» («Das hölzerne Bein»), поэмы «Смерть Авеля» («Der Tod Abels», 1758) и «Первый мореплаватель» («Der erste Schiffer», 1762), написанные также ритмической прозой.

Рус. пер. из Г. стали появляться с 1772 (в ж-ле М. М. Хераскова «Вечера» и в др. период. изд.); пер. идиллии «Деревянная нога» был первой печатной работой Н. М. Карамзина (1783); отдельными изд. вышли: «Идиллии и пастушьи поэмы» (М., 1787, пер. В. А. Левшина), Полн. собр. соч. в 4 т. (М., 1802—1803; пер. И. Ф. Тимковского). Идиллии «альпийского Теокрита» (Карамзин) переводили и перерабатывали также А. Х. Востоков, А. А. Дельвиг, Г. Р. Державин, Г. П. Каменев, Я. Б. Княжнин, М. Н. Муравьев, Д. И. Фонвизин, А. С. Шишков и др. Раннее ст-ние Г. «Песнь швейцарца к своей вооруженной девушке» («Lied eines Schweizers an sein bewaffnetes Mädchen», 1751) пользовалось большим вниманием рус. переводчиков конца XVIII и первого 20-летия XIX в. из-за своей патриотической тематики (4 пер. в рус. ж-лах 1793—1819). Для поколения В. А. Жуковского и братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, так же как и для след. поколения — А. И. Герцена и его сверстников — соч. Г. стали детским чтением.

Для П., в чьи задачи входило преобразование сельской темы в рус. поэзии, геснер. идиллия и вообще идиллия как лит. жанр нового времени была пройденным этапом (контраст между условной, искусственной и реальной картинами сельской жизни — в ст-нии «Деревня», 1819). Упоминания имени швейц. поэта носят у П. либо характер историко-культурных реалий (в варианте V строфы гл. I «Евгения Онегина», 1823 — Акад. VI, 545, сн. 46; в черновиках «Истории села Горюхина», 1830 — Акад. VIII, 710), либо недвусмысленно свидетельствуют о неприятии эстетики Г. Так, в эпиграмме «Русскому Геснеру» (1820—1827) П. охарактеризовал слог рус. идиллика В. И. Панаева как холодный и сухой, отождествив запоздалое подражание со швейц. оригиналом. Мнение П. о Г. оставалось неизменным. В рец. 1833 на соч. и переводы П. А. Катенина, «чопорному и манерному» пейзажу идиллий Г. противопоставлена «простая, широкая, свободная» «буколическая природа», какой ее изображала антич. поэзия (Акад. XI, 221). В 1836 в споре с А. С. Шишковым о «Слове о полку Игореве» П. назвал геснер. поэму «Смерть Авеля» «манерной прозой», «тощей, пр(озаической) книжкой», «тощей поэмой» (Акад. XII, 150, 391). Вместе с тем идиллические сельские мотивы, распространившиеся в европ. лит-рах рубежа XVIII и XIX вв. в значительной мере благодаря Г., пополнили запас худож. средств П. (пейзажи в «Евгении Онегине», мотивы «жизни полевой», связанные с образами Ольги и Татьяны, наивность и «прелесть важной простоты» в поэзии Ленского, пародийные идиллические черты в «Повестях Белкина», трагедия разрушенной идиллии в «Медном всаднике»).

Лит.: Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2. С. 482—490; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 59—78, 151—154.

Р. Ю. Данилевский

ГЕТЕ (Goethe) Иоганн Вольфганг фон (1749—1832), нем. поэт, прозаик, мыслитель, ученый и гос. деятель. П., младший его современник, соотносил свое творчество с достижениями Г., из его произв. черпал идеи, темы, мотивы, получал стимулы для создания ряда образов и характеров. Ист. миссия П. в рус. нац. лит-ре и культуре в целом, состоявшая в качественном их преобразовании и придании им всемирного значения, аналогична миссии Г. в культуре стран нем. языка. Рус. современники отдавали себе отчет в этом функциональном сходстве двух гениев (см., напр., ст-ние Д. В. Веневитинова «К Пушкину», 1826; позже — пятую статью В. Г. Белинского о «Сочинениях Александра Пушкина», 1844). Стремление сблизить П. с Г. породило сначала слух (о нем — в письме польской пианистки М. Шимановской к другу Г., веймарскому канцлеру Фридриху фон Мюллеру 16—18 июня 1828), а затем легенду о том, что в 1827, во время встречи в Веймаре с В. А. Жуковским, Г. передал через него перо, к-рым писал, для П. с посвятельным четверостишием «Перо Гете к ***» («Goethes Feder an***»). В этом ст-нии имя адресата не указано, поэтому оно не может служить аргументом в пользу реальности легенды. Г. мог, однако, слышать о П. при дворе наследной герцогини Веймарской, рус. вел. кн. Марии Павловны (1786—1859), сестры имп. Александра I и Николая I, а также от своих посетителей, среди к-рых были люди, близко знавшие П. (В. К. Кюхельбекер, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. Б. Козловский, З. А. Волконская, О. А. Кипренский, М. Ю. Виельгорский и др.). У невестки Г. — Оттилии — имелся экз. «Кавказского пленника» в пер. А. Вульфберта (1823). В 1830 Г. брал из герцогской б-ки в Веймаре экз. только что изданной фр. брошюры кн. Э. П. Мещерского «О русской литературе» (см. с. 275), где говорилось о П. (в дневнике Г. чтение брошюры отмечено 3 сент.), так что имя П. в печати (если иметь в виду также и периодику) Г., несомненно, встречал, хотя ни письменные, ни устные отклики его на это не засвидетельствованы. Не наша прямого подтверждения и гипотеза фр. слависта А. Менье о возможном влиянии «Сцены из Фауста» (1825) П. на сцену «Дворец» («Palast») в конце второй части трагедии Г. (появление корабля с колониальными товарами). Вполне достоверно, однако, что тема борьбы с морской стихией и строительства города на болотистом взморье в последних сценах «Фауста» была отчасти подсказана Г., как считали Б. Я. Гейман и М. П. Алексеев, известиями о Петербурге, о Петре Великом, о памятнике ему, созданном Э.-М. Фальконе, и о страшном наводнении 1824 в рос. столице.

Первое знакомство П. с творчеством Г. произошло в Лицее с помощью друга и соученика — Кюхельбекера, а также благодаря пер. Жуковского и, возможно, беседам с П. Я. Чадаевым. Имя Г. не раз появляется затем в соч. П. в связи с мотивами и образами, навеянными нем. поэтом. Но иногда «схождение» с Г. носит типологический характер. Если не принимать ст-ние «Романс» (1814) за прямой отклик на историю Маргариты из первой части трагедии Г. «Фауст» («Faust», опубл. 1808), поскольку возможно также, что П. знал балладу Шиллера «Детоубийца» («Die Kindesmörderin», 1781), то самое раннее появление гетевского или аналогичного ему сюжета в поэзии П. — это ст-ние «Гроб Анакреона» (1815), тема к-рого либо заимствована непосредственно из одноименного ст-ния Г. («Anakreons Grab», 1785), либо восходит к некоему общему антич. источнику. Ст-ние П. «Русалка» (1819) могло возникнуть под влиянием баллады Г. «Рыбак» («Der Fischer», 1779), переведенной Жуковским в 1818. Один из эпиграфов в черновике поэмы «Кавказский пленник» (1820—1821) взят из «Пролога на театре» («Vorspiel auf dem Theater») к «Фаусту» (Акад. IV, 286), а элегический мотив, очень близкий к мотиву из «Посвящения» («Zueignung») к «Фаусту» присутствует в эпилоге поэмы «Цыганы» (1824). С нач. 1820-х в лирике П. появляется мотив юга как идеальной страны иск-ва и свободы с характерным вопросительным зачином — тема песенки ит. девочки Миньон из романа Г. «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre»,

1796): «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821), «Таврида» (1822, с повторением эпиграфа из «Пролога на театре»), «Кто знает край, где небо блещет...» (1828, с эпиграфом из «Миньон»); отголоски темы — в ст-нии «К вельможе» (1830), «Когда порой воспоминанье...» (1830), в словах Лауры («Каменный гость», 1830, сц. 2). Промежуточным звеном на пути этого мотива от Г. к П. могло служить вступление к «Абидосской невесте» Байрона, зависевшее от ст-ния Г. Близок к ранней оде Г. «Куму Кроносу» («An den Schwager Chronos», 1774) сюжет ст-ния П. «Телега жизни» (1823), но у обоих поэтов имелся общий источник — басня Ж.-П. Клари де Флориана «Путешествие» («Le Voyage»). Мысль, положенная в основу драмы Г. «Ифигения в Тавриде» («Iphigenie auf Tauris», 1786) — победа человечности над варварством и «святое дружбы торжество», прослеживается в ст-нии П. «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья?...») (1824). Формой полемики и основной темой «Пролога на театре» (противопоставление возвышенного мира поэзии практицизму лит. рынка) воспользовался П. при создании своего «Разговора книгопродавца с поэтом» (1824). После П. этот сюжет получил распространение в рус. лит-ре (М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и др.). Если связь с «Фаустом» набросков т. н. «Адской поэмы» («Наброски к замыслу о Фаусте»), 1822 ?—1825) сомнительна, а позднейший замысел на сюжет о «папессе Иоанне» (1834—1835) может быть сопоставлен с ним лишь по отдаленному сходству («...она слишком будет напоминать „Фауста“»), — заметил П. при составлении плана драмы или поэмы на этот сюжет — Акад. VII, 256; подлинник по-фр.), то пушк. «Сцена из Фауста» имеет непосредственное отношение к трагедии Г. и к дальнейшему восприятию Г. и образа Фауста рус. культурой. В «Сцене» варьируются мотивы сцены «Лес и пещера» («Wald und Höhle») из первой части «Фауста», но настроения фаустовской мизантропии и тоски (скуки) значительно усилены — под влиянием подавленного состояния рус. об-ва конца царствования Александра I, а также байронизма и, возможно, интерпретации, которую получила эта гетевская сцена, переведенная в книге Ж. де Сталь «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), вообще заметно повлиявшей на восприятие нем. культуры в 1810—1820-х в Европе, и в частности в России. Но фабула «Сцены из Фауста» не сводится к тексту книги Сталь: так, лат. реплика Мефистофеля могла быть прямо подсказана стилистикой «Пролога на небесах» («Prolog im Himmel») к «Фаусту» Г. В «Сценах из рыцарских времен» (1835) должен был фигурировать Фауст, но не «по» Ж. де Сталь и не «по» Г., а как изобретатель печатного станка. В пушк. «Сцене из Фауста» отразилось также и собственное критич. отношение П. к соврем. европ. цивилизации, сходное с отношением к ней Г., Байрона и Сталь. Оно отразилось в ст-нии «Демон» (1823), где почти цитируется моралистическая (осуждающая) характеристика, к-рую дает Мефистофелю Сталь в своей книге. Параллели к судьбе гетевского Фауста угадываются в судьбе гл. героя романа в стихах «Евгений Онегин» (1823—1830): после убийства Ленского он гоним тоской, нечистой совестью и «охотой к перемене мест». Сама форма «свободного романа» (гл. VIII, 50.12) близка к открытой форме трагедии Г., вобравшей в себя черты разных жанров, включая эпос. В «Евгении Онегине» есть ситуация, сходная с сюжетом романа Г. «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werther», 1774): трагическая любовь героя к замужней женщине. Вертер (как характер, интересовавший А. Н. Радищева) упомянут в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834—1835; гл. «Слепой» — Акад. XI, 258). Почти дословная цитата («...если я люблю, какое тебе дело?» — Акад. VIII, 424) из «Годов учения Вильгельма Мейстера» (кн. 4, гл. 9) имеется в набросках повести, начинающейся фразой «Мы проводили вечер на даче...» (1835), в одном из вар. — прямая отсылка к имени Г. (Акад. VIII, 987). Более частные случаи типологических сходжений мотивов П. и Г.: ст-ние П. «Приметь» (1829) и ст-ние Г. «Свидание и разлука» («Willkommen und Abschied», 1771), упоминание в рец. П. (1830) на роман

М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» об «ученике Агриппы», не сумевшем справиться с «демоном», к-рого сам же он и вызвал своим колдовством (Акад. XI, 92), — сюжет одной из баллад *P. Саутти*, а также баллады Г. «Ученик чародея» («*Der Zauberlehrling*», 1797), сцена похорон в повести «Дубровский» (1832—1833) и в финале романа о Вертере, где сходство ситуации дополняется сходством слога, простого и лаконичного.

В пушк. письмах имя Г. появляется во время южной ссылки (письмо к брату из Кишинева 4 сент. 1822, содержащее ироническое сравнение П. А. Плетнева с Г., — Акад. XIII, 46). В частично сохранившемся тексте перлюстрированного письма, адресованного П. А. Вяземскому из Одессы (апр. — 1-я пол. мая 1824), П. противопоставил Библии Г. и *Шекспира* и сообщил, что берет уроки «чистого афеизма» (Акад. XIII, 92), что послужило одним из поводов ссылки поэта в Михайловское. Сочетание имени Г. с именем Шекспира и с понятием атеизма позволяет предположить, что П. читает в это время именно первую часть «Фауста» Г., где вольное обращение с миром Библии вызывающе демонстративно. О том, что П. хорошо знал «Фауста», свидетельствует также его (возможно, более позднее, сообщенное М. П. Погодиным) замечание о том, что «после Гете нельзя описывать человека, которому надоели книги» (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 36) — намек на известный «обзор наук» в монологе героя в первой сцене трагедии Г. В заметке ««О драмах Байрона»» (1827) П. ставит «Фауста» вровень с «Илиадой» и выше «Манфреда», указывая на гетевские «простонародные сцены и субботы» (Акад. XI, 51), т. е. на связь трагедии Г. с нац. фольклором (имеются в виду темы нар. праздника, колдовства и шабаша в Вальпургиеву ночь). В одной из записей 1827 П. относит Г. к гениям, обладающим «высшей смелостью: смелостью изобретения, создания», подобно Шекспиру, Данте, Д. Мильтону и Мольеру (««Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям”»» — Акад. XI, 61). В рец. (1830) на «Историю русского народа» Н. А. Полевого, Г. снова поставлен рядом с Шекспиром как создатель «исторической драмы» (Акад. XI, 121), — определенно П. имеет в виду раннюю драму Г. «Гец фон Берлихинген с железной рукой» («*Götz von Berlichingen mit der eisernen Hand*», 1773) (также: ««О романах Вальтера Скотта»», 1830 — Акад. XII, 195; ««О народной драме и драме „Марфа Посадница”»», 1830 — Акад. XI, 179). Ст-ние Жуковского «Надпись к Гете», где нем. поэт был поставлен почти вровень с Богом, П. высоко оценил (в письме к Жуковскому не позднее 24 апр. 1825 — Акад. XIII, 167). Определяя оригинальный и подражательный элегизм, П. отметил у Г. преобразование древнего стихотв. жанра в соврем. лирику (в наброске рец. на «Стихотворения Евгения Баратынского», 1827 — Акад. XI, 50), возможно имея в виду его «Римские элегии» («*Römische Elegien*», 1790). П. ищет в Г. (и в Шекспире) опору, создавая новые принципы *аналитического* изображения человека и истории в лит-ре. Культ Г., охвативший рус. романтиков, прежде всего моск. «немецкую школу», представленную Об-вом Любомудрия и МВ, вызывал несколько скептическое отношение П. (критически о «немецкой метафизике» и о МВ — в письме П. к А. А. Дельвигу 2 марта 1827 — Акад. XIII, 320). Представление Любомудров о Г. нуждалось, по мнению П., в коррективах: он отчетливо видел несовпадение лит. взглядов Г. с поэтикой рус. романтиков-гетеанцев. К рус. романтикам этой «школы» относятся, по-видимому, слова П. в его письме к М. П. Погодину 1 июля 1828: «...я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гете» (Акад. XIV, 21). Тем не менее он с одобрением встретил публ. в МВ письма Г., адресованного переводчику Н. Й. Борхардту, переславшему Г. статью С. П. Шевырева, содержащую сугубо романтическое истолкование (разумеется, не в духе Г. — в этом П. был прав) опубликованного в 1827 фрагмента «Елена» из второй части «Фауста». П. пишет издателю ж-ла Погодину: «Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского

патриарха» (Там же). Г. был для П. создателем *подлинного* — не шеллингианского и не байронического — романтизма. «Шекспир понял страсти, Гете — нравы...», — перифразируя Ж. де Сталь, писал он Н. Н. Раевскому-сыну во 2-й пол. июня 1825 (Акад. XIII, 407, вычеркнутый вар.; подлинник по-фр.) и имел при этом в виду несомненно историзм Г.-драматурга. В «Table-talk» (1835—1836) Г. назван «Великаном романтической поэзии» (Акад. XII, 163) именно в этом смысле. Не прошло мимо внимания П., почти уже накануне его трагической гибели, сделанное А. И. Тургеневым описание дома Г. (Щеголев. Дуэль и смерть П. С. 246).

Итак, П. несомненно читал во фр. и, возможно, в рус. пер. М. П. Погодина (1828), если не в оригинале, драму «Гец фон Берлихинген с железной рукой», знал первую часть трагедии «Фауст», роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» и трагедию «Эгмонт» («Egmont»), 1788; нем. цитата из нее — в письме к П. А. Осиповой 26 окт. 1835 — Акад. XVI, 58). В 1825 в СО появился отрывок из издававшихся постепенно мемуаров Г. «Поэзия и правда» («Dichtung und Wahrheit», 1810—1831); в 1829 публиковались отрывки из «Ифигении» в пер. М. Н. Лихонина. Лирика Г. была доступна П. не только в пер. Жуковского, Дельвига, П. А. Катенина и др., но, м. б., и в подлинниках. В пользу последнего предположения говорит замечание в наброске «Путешествие В. Л. П.» (1836): «Благоговею пред созданием „Фауста“, но люблю и эпиграммы etc.» (Акад. XII, 93). Не цикл ли эпиграмм Г. и Ф. Шиллера «Ксении» («Xenien», 1796) имеется здесь в виду? С нек-рой долей уверенности можно предположить знакомство П. с «Римскими элегиями».

В составе сохранившейся б-ки П. — не много лит-ры, имеющей отношение к Германии вообще и к Г. в частности, причем нек-рые изд. этого рода остались непрочитанными (стр. не разрезаны), как напр., трехтомное компилятивное (гл. обр. по нем. источникам) соч. о Г. (1833) англ. писательницы Сары Остин (Библиотека П. № 560). Из того, что П. действительно читал: «Неизд. соч.» *Д. Дидро* с предисл. Г. (*Diderot D. Œuvres inédites*. Paris, 1821. — Библиотека П. № 882), франкфуртское изд. соч. Байрона (1826), в к-рое включена (S. XIV—XVI) аноним. статья на нем. яз. «Гете и Байрон» («Goethe und Byron») об истории заочного знакомства двух великих поэтов (Там же. № 697), труд А.-Ф. Тери «О духе и о литературной критике у древних и современных народов» (1832), где разрезаны во 2-м томе стр., посвященные Г. и др. нем. поэтам (Там же. № 1430). В новейшем изд. (1834) «Лицея» Ж.-Ф. де Лагарпа разрезаны во 2-м томе стр., на к-рых находится заметка о фр. пер. «Страданий молодого Вертера» (Там же. № 1063). В полностью разрезанных «Этюдах о Гете» Кс. Мармье (1835) ногтем отмечено упоминание о работах Г., посвященных вост. поэзии (Там же. № 1135).

П. старался поощрять интерес рус. литераторов и читателей к творчеству Г. В 1836 он опекал молодого литератора, рос. немца Э. И. Губера, к-рый перевел первую часть «Фауста», но уничтожил пер., узнав о том, что он запрещен цензурой; П. настоял на возобновлении работы над пер. (издан в 1838 с посвящением П.). В 1833 П. составил для вдовы переводчика А. А. Шишкова записку на имя нового министра нар. просвещения С. С. Уварова, считавшего себя другом Г., с просьбой пропустить в печать задержанный цензурой пер. «Эгмонта», сделанный покойным (не был напечатан).

П. сходен с Г. в главных чертах мировоззрения и в нек-рых основных творческих принципах. Оба отстаивали духовную независимость человека и поэта, его «самостоянье» («Два чувства дивно близки нам...», 1830, черн. вар. — Акад. III, 849), мечтая также и о достойном положении литератора в об-ве и о свободе творчества, к-рое считали явлением самоценным, как это видно, напр., из таких произв. Г., как баллада «Певец» («Der Sänger», 1783), «Посвящение» к «Фаусту», драма «Торквато Тассо» («Torquato Tasso», 1789), а у П.: «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Моцарт и Сальери»

(1830), наброски к поэме «Езерский» (1832—1833), «Египетские ночи» (1835), замечания против принципа «пользы» в искусстве в статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)» (Акад. XI, 177). Обоим свойствен неустанный поиск смысла отношений между Личностью и Бытием (Богом), получивший отражение, в частности, в «Стихах, сочиненных ночью, во время бессонницы» (1830) П. и таких стихах Г., как «Горные вершины» (точнее: «Ночная песня путника» — «Wandrer's Nachtlied», 1783) или «К месяцу» («An den Mond», 1789). У обоих поэтов человек предстает в борьбе «двух душ» (как говорит о себе гетевский Фауст) — доброго и злого начал, но этот шекспировский по происхождению человек не утрачивает тяготения к внутренней цельности. Рок и Судьба как «демонические» силы угрожают человеку, к-рый не может победить их, но все же способен трагически им противостоять: не случайно и Г., и П. интересуются библ. Книгой Иова. Отношение обоих поэтов к религии эволюционирует от пантеизма (у Г.) и просветит. рационализма (у П.) к признанию за христианством высшей философско-нравственной ценности. В творчестве П. и Г. немало сходных тем, что объясняется общим культурным наследием и сходством задач, стоявших перед нем. и рус. нац. лит-рами. Г. и П. объединял интерес к антич. поэзии (ср. раздел в собр. соч. Г. «Сближаясь с античной формой» («Antiker Form sich nähernd») и пушк. антологические и анакреонтич. стихи) и к вост. поэзии (пушк. «Подражания Корану», 1824; гетевский «Западно-восточный диван» — «West-östlicher Divan», 1814—1815). Мысль Г. о всемирной лит-ре как о высшем этапе развития нац. литератур, высказывавшаяся им неоднократно, в частности, в набросках предисл. (1830) к нем. пер. книги англ. писателя Т. Карлейля (Carlyle, 1785—1881) о Шиллере, близка к представлению П. о «европейской системе», объединяющей нац. культуры на христианской основе, не лишая их при этом самобытности (в заметках о 2-м томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого, 1830 — Акад. XI, 127). Но между П. и Г. существовали и различия, — напр., в понимании человека: для Г. он — прежде всего часть Природы, а затем уже член об-ва; с точки зрения П., характер человека определяется в первую очередь духом, нравственным уровнем, но важна также ист. и нац. принадлежность, не столь существенная для гетевского гуманизма. Индивид, по Г., меньше обязан высшей нравственной инстанции (к-рую, разумеется, он признает), а больше — себе самому и своим природным задаткам; для П. такие понятия, как Судьба, Бог представляют собой независимую от воли человека категорию Бытия, силу, управляющую историей и формирующую нравственные основы личности.

Немаловажны различия и в области творческого метода, или индивидуального стиля П. и Г. На протяжении всего своего 60-летнего писательского пути Г. двигался от выразительной конкретности изображения сиюминутных впечатлений к *поэтизации* действительности (эстетич. принцип «веймарской классики»), к рациональному «просеиванию» фактов, чтобы отобрать из них наиболее значимые по содержанию, типичные, близкие к аллегории и символу. П., напротив, шел от лит. условности и стилизации к «суровой прозе» («Евгений Онегин», гл. VI, 43. 5), к-рая создает впечатление точно воспроизводимой действительности, со всей возможной конкретной достоверностью (Е. Г. Эткинд считал именно это качество пушк. словесного искусства гениальной стилизацией); авторское «я» кажется у П. почти исчезающим, растворившимся в повествовании, в образе повествователя, в речах персонажей («Повести Белкина», «Капитанская дочка»). Поэтому зрелая проза П. ближе к ранней гетевской стилистике «Страданий молодого Вертера», чем к уравновешенному слогу гетевских романов или поздней «Новеллы» («Novelle», 1826). Вместе с тем в лирике оба, П. и Г., приходят к высокой «поэзии мысли», к филос.-религ. освещению внутренней жизни личности как части Бытия; ср. цикл стихов Г. «Бог и мир» («Gott und Welt»), «Пролог к открытию Веймарского театра» («Vorspiel zu Eröf-

fnung des Weimarischen Theaters», 1807) и такие ст-ния П., как «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), или «Странник» (1835), или «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

Лит.: *Розов В. А.* Пушкин и Гете. Киев, 1908; *Струве П. Б.* Гете и Пушкин // Россия. (Париж), 1932. № 204 (То же // Струве. Дух и Слово. С. 136—147); *Дурылин С. Н.* Русские писатели у Гете в Веймаре // ЛН. Т. 4/6. С. 350—352; *Вейнберг А. Л.* Перо Гете у Пушкина // Звенья. Т. 2. С. 67—71; *Бем А. Л.* «Фауст» в творчестве Пушкина // Slavia. Прага, 1934/1935. Roč. 13. Seš. 2/3. S. 378—399 (То же // Бем А. Л. Исследования; Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочаров, И. З. Сурат. М., 2001. С. 179—208; ранее частично (первая глава) под загл.: «Сцена из Фауста» // ВЛ. 1991. № 6. С. 93—103); *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1937. С. 132—141 (2-е изд. Л., 1981. С. 105—113); *Legras J.* Pouchkine et Goethe: «La Scène tirée de Faust» // RLC. 1937. Т. 17. № 1. P. 117—128; *Keefer L. B.* Pushkin and Goethe // Modern Language Notes. 1941. Vol. 56. № 1. P. 24—34; *Frank J. G.* Pushkin and Goethe // SEER. 1947. Vol. 26. № 66. P. 146—151; *Гейман Б. Я.* Петербург в «Фаусте» Гете // Докл. и сообщ. Филол. ин-та ЛГУ. Л., 1950. Вып. 2. С. 64—96; *Propper M. von.* Goethe und Puschkin — Wahrheit und Legende // Goethe. N. F. des Jahrbuchs der Goethe-Gesellschaft. 1950. Bd 12. S. 218—259; *Gronicka A. von.* Alexander Pushkin's View of Goethe // CL. 1960. Vol. 12. № 3. P. 243—255; *Брагинский И. С.* Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина // Народы Азии и Африки. 1965. № 4. С. 117—126; 1966. № 4. С. 139—146; *Berkov P. N.* «Werther»-Motive in Puškins «Eugen Onegin» // Berkov P. N. Wechselbeziehungen zwischen Russland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 172—176; *Мейниех А. Руэл* et la conclusion du Second Faust // Communications de la Délégation française et de la Délégation suisse (VIe Congrès Intern. des slavistes, Prague, 7—13 août 1968). Paris, 1968. P. 95—107; *Peer L. H.* Pushkin and Goethe again: Lensky's character // Papers on Language and Literature. Edwardsville (Ill.), 1969. Vol. 5. P. 267—272; *Благой Д. Д.* Читал ли Пушкин «Фауста» Гете? // Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти Н. И. Конрада. М., 1974. С. 104—112; *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Гете: (К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста») // Русская литература XVIII в. и ее международные связи. Л., 1975. С. 284—291 (XVIII век. Сб. 10); *Алексеев М. П.* К «Сцене из Фауста» Пушкина // Врем. ПК. 1976. С. 80—97 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 469—488); *Roehling H.* Puškin, Goethe und ein guter Jahrgang // Dona Bibliothecaria: Festschrift Krallert. München, 1979. S. 95—106; *Энштейн М. Н.* 1) Фауст на берегу моря: (Типологический анализ параллельных мотивов у Пушкина и Гете) // ВЛ. 1981. № 6. С. 89—110; 2) Фауст и Петр: (Типологический анализ параллельных мотивов у Гете и Пушкина) // Гетев. чтения, 1984. М., 1986. С. 184—202; *Wegner M.* Puškin und Goethe — Über den Rang klassischer Dichter // Wegner M. Erbe und Verpflichtung. Jena, 1985. S. 40—55; *Фридкин В. М.* Книга Пушкина в библиотеке Гете // Фридкин В. М. Пропаший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М., 1987. С. 164—176 (2-е изд., доп. М., 1991. С. 186—200); *Friedländer G. M.* Puškin und Goethe // ZfS. 1987. Bd 32. Hf. 1. S. 10—13; *Engelhard M.* Goethe und Puschkin — ein Bildvergleich // Zeitschrift für Kulturaustausch. 1987. Jg. 37. Hf. 1. S. 60—70; *Gerhardt D.* Faust-Reflexe bei Puschkin // Ibid. S. 35—53; *Keil R.-D.* 1) Faust und Onegin // Ibid. S. 55—59; 2) Puschkin und Goethe // Jahressgabe: Goethe-Gesellschaft, Ortsvereinigung Bonn, 1996. S. 19—31; 3) Puschkin und Goethe oder «Was ist Wahrheit»? // Alexander Puschkin / Hrsg. U. Lange-Brachmann. Baden-Baden, 1998. S. 22—33 (Baden-Badener Beiträge zur russischen Literatur. Bd 4); *Аветисян В. А. (Avetisjan V. A.).* 1) Гете и Пушкин: (Об одном дискуссионном аспекте проблемы) // Изв. ОЛЯ. 1990. Т. 49. № 4. С. 353—360; 2) Goethes und Puškins Konzeption der Weltliteratur // A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. Frankfurt a/M.; etc., 2001. S. 227—248; *Dudek G.* Metamorphosen von Mephistopheles und Faust bei Puschkin. Berlin, 1991 (Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philolog.-hist. Klasse. Bd 131. Hf. 6); *Щенцов К. П.* Русские и немцы в первой половине XIX века: Гете и Пушкин // Щенцов К. П. Немцы — глазами русских. М., 1995. С. 106—117; *Бароти Т.* «Сцена из Фауста» Пушкина и ее гетевский подтекст // Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 65—81; *Потапова Г. Е.* 1) Литературный образец и «литературный быт» в «Разговоре книгопродавца с поэтом» // Там же. С. 48—64; 2) Об одной модификации «фаустовского» сюжета у Пушкина // Изв. РАН. 1996. Т. 55. № 6. С. 36—40; 3) Пушкин, Гете и Николай Полевой // РЛ. 1998. № 4. С. 71—86; 4) Образ Пушкина и образ Гете в русской критике 1820—1830-х годов // П. и мировая культура. С. 166—167; *Эткинд Е. Г.* 1) Магия музыкального слова: (О балладе «Рыбак», поэтическом манифесте Гете—Жуковского) // Россия, Запад, Восток: Встречные течения: К 100-летию ... М. П. Алексеева. СПб., 1996. С. 417—428; 2) «Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust...» (Goethe, «Fa-

ust») // Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопозитики русской литературы XVIII—XIX в. М., 1999. С. 76—78; *Данилевский Р. Ю.* Пушкин и Гете: Сравн. исслед. СПб., 1999; *Аверинцев С. С.* Гете и Пушкин (1749—1799—1999) // Гетев. чтения, 1999. М., 1999. С. 7—16; *Клузе Р. Д. (Kluge R.-D.)*. 1) Aleksandr Puškin und Goethes «Faust» // Alexander Puschkin / Hrsg. U. Lange-Brachmann. Baden-Baden, 1998. S. 45—62; 2) Александр Пушкин и «Фауст» Гете: (К 250-летию со дня рождения Гете и к 200-летию со дня рождения Пушкина) // Университ. Пушк. сб. С. 416—424; 3) Pouchkin et le Faust de Goethe: À l'occasion du 250e anniversaire de Goethe et du bicentenaire de Pouchkine // Universalité de P. P. 26—33; 3) Puškins Weg zu Goethes Faust // A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. S. 249—264; *Романова А. Н.* Тема Фауста в художественном мире А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 1999; *Тиме Г. А.* Гете, Пушкин и русская мысль: Амбивалентность фаустовского импульса в русской литературе // A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. S. 265—273. *Федоров Ф. П.* Смена культурных кодов, или Гете в сознании Пушкина // П. и мировая культура. С. 164—165; *Федоровская Л. А.* Пушкин и Гете: (Отклик Пушкина на стихотворение Гете) // Там же. С. 165—166; *Reitelmann A.* Goethe und Puschkin als Kriegsberichterstatter in Frankreich bzw. im Kaukasus und Türkei // Arion. Bd 4. S. 166—174.

Р. Ю. Данилевский

ГИФФОРД (Gifford) Уильям (1756—1826), англ. публицист и лит. критик. С 1809 издавал ж-л торийской ориентации «Ежеквартальное обозрение» («Quarterly Review»), к-рый был основан как антагонист отражавшего позицию вигов «Эдинбургского обозрения» («Edinburgh Review») и стал наравне с последним ведущим англ. лит.-обществ. период. изданием, пользовавшимся общеевроп. авторитетом. Консервативные полит. взгляды сочетались у Г. с приверженностью традициям классицизма, неприятием свежих начинаний и новых явлений в лит-ре и противобольшевым им критикой, хотя, с др. стороны, он рано оценил *Байрона*, активно содействовал возрождению интереса к творчеству писателей шекспировской эпохи и нашел остроумное, принятое позднее мн. историками англ. лит-ры решение спора между приверженцами классиков XVIII в. и поклонниками «старых» авторов, объявив родоначальником англ. классицизма современника *Шекспира*, драматурга Бена Джонсона (Jonson, 1572—1637). П. упомянул Г. единожды в наброске заметки «[Обозрение обозрений]» (1831). Не признавая за рус. период. изданиями, в частности за болгаринской СП и газ. «Сев. Меркурий», права «управлять общим мнением русской публики» и отказывая им в уважении, каким пользовалось «Эдинбургское обозрение», П. назвал Г. в паре с его противником, издателем «Эдинбургского обозрения» *Ф. Джеффри* как пример зап.-европ. журналистов, «известных сведениями и талантами, имеющих свое полит.(ическое) направление — свое влияние на порядок вещей», к-рые, «собираясь овладеть общим мнением, (...) страшатся уничтожить себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью» (Акад. XI, 194). Основанием для подобного сочетания имен двух полит. и лит. соперников с одинаковой уважительной оценкой их профессиональных качеств служило П., видимо, то обстоятельство, что при постоянных полемических стычках по частным вопросам оба ж-ла были солидарны в нек-рых общих, коренных вопросах лит. политики, а разница во взглядах, несмотря на ожесточенный тон дискуссий, не выходила за пределы различий, возможных между партиями, к-рым эти ж-лы служили.

В. Д. Рак

ГОМЕР, Омер, Омилр ("Ὀμηροφ, ок. VIII в. до н. э.), легендарный древнегреч. поэт, к-рый считается автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». Уже в древности о Г. не знали ничего достоверного. Его изображали нищим, слепым старцем, бродившим из города в город и зарабатывавшим на пропитание декламацией своих поэм. Проблема авторства Г. стала одной из центральных в классической филологии. Спор о том, написал ли Г. сам

«Илиаду» и «Одиссею», или его имя стало собирательным для многих поэтов, продолжался и в пушк. время.

Из воспоминаний сестры поэта О. С. Павлицевой известно, что П. «уже девяти лет любил читать Плутарха или „Илиаду” и „Одиссею” в переводе Битобе» (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 45). Пушк. ранняя поэма «Бова» (1814) начиналась признанием автора в том, что он «часто, часто (...) беседовал» с Г. в поисках образца для воспевания «героев Севера» (ст. 1—5). В Лицее на книжной полке юного поэта стояли «за Вольтером Виргилий, Тасс с Гомером» («Городок (К***)», 1814—1815, ст. 108—109). Если можно предположить, что последовательность названных томов здесь не случайная, но выстроена по иерархии читательских предпочтений автора стихотворения, то место в ней Г. определилось, видимо, под влиянием лицейских преподавателей, к-рые, руководствуясь сложившейся в классицизме предпочтительной ориентацией на рим. лит-ру, ставили, в частности, Г. ниже *Вергилия*. Подобное же представление о греч. поэтах вынес из своего курса обучения и Евгений Онегин, к-рый «Бранил Гомера, Феокрита» (гл. I, 7. 5; ср., с. 77). Авторитетные отзывы и лит.-критич. разборы фр. писателей — Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.-Ф. де Лазарна, Ж. Делля и др., отражавшие сложившееся в «споре древних и новых» полемическое отношение к Г., в чьих творениях последние указывали мн. погрешностей и недостатков (нравы героев, аморализм богов, описательность, обилие отступлений, пространные речи, произносимые в разгар боя, подробные родословные, длинные сравнения и пр.), способствовали формированию у П. критич. и даже неск. иронического взгляда на «Илиаду», «Одиссею» и создавшего их поэта. В «Бове» Г. назван «болтуном страны Эллинския» (ст. 2), что повторяет его характеристику в «Орлеанской девственнице» (песнь X, ст. 201) Вольтера: «се bavard d'Homère» («этот болтун Гомер» — *фр.*). Предметом неоднократной насмешки служили П. частые, как ему казалось, описания пиршеств у Г. (на самом деле, им посвящены из 16 000 стихов «Илиады» лишь около 50, в «Одиссее» — неск. больше; см.: А. Н. Егунов. С. 88). В том, что именно эти эпизоды гомеровских поэм воспринимались им в ироническом ключе, сыграли определенную роль пассаж в «Душеньке» И. Ф. Богдановича о героях Г., «которые, забывая месть, Любили часто пить и есть» (кн. I, ст. 150—161), а также породившая шутки забавная ошибка П. А. Вяземского в пер. с фр. яз. слов *Эхила*, назвавшего свои трагедии «des reliefs des festins étalés dans l'Iliade et l'Odissée» (остатки от пиров, раскинутых в «Илиаде» и «Одиссее»; пер. П. А. Вяземского: «„барельеф” пиршеств Гомера»; острота П.: «испращение пиров гомеровых»; см. письма: П. А. Вяземского к П. 19—20 февр. и П. к П. А. Вяземскому ок. (не позднее) 21 апр. 1820 — Акад. XIII, 12, 14). В «Руслане и Людмиле» пушк. ирония выразилась в декларированном отказе от этой принадлежащей якобы исключительно высокому героическому эпосу темы и предпочтении ей изображения эротических сцен: «Я не Омер: в стихах высоких Он может воспевать один Обеды греческих дружин И звон и пену чаш глубоких. Милее, по следам Парни, Мне славить лирою небрежной И наготу в ночной тени, И поцелуй любви нежной!» (песнь IV, ст. 142—149). В «Евгении Онегине» с легкой насмешкой П. объявляет себя, напротив, столь же приверженным теме «пиров», как и Г.: «И к state я замечу в скобках, Что речь веду в моих строфах Я столь же часто о пирах, О разных кушаньях и пробках, Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир!» (гл. V, 36. 9—14). В беловой автографе и первом изд. гл. V шутливое сравнение «романа в стихах» с гомеровским эпосом было продолжено еще в двух строфах. Объявив себя достойным соперником Г. в изображении пиров («В пирах готов я непослушно С твоим бороться божеством») и обещая дальнейшее соперничество с «Илиадой» в сцене дуэли («Что ж до сражений, то немного Я попрошу вас подождать (...) Сраженья будет»), П. вместе с тем признает «великодушно», что «свирепые герои», «неправильные боги» и боги («Твоя Киприда, твой Зевес») греч. поэта

«большой имеют перевес Перед Онегиным холодным, Пред сонной скукою полей, Перед И(стоминой) моей, Пред нашим воспитаньем модным», но Татьяна ему «милей Елены пакостной» (Акад. VI, 608—609, 650). О «пированиях Илиады» говорится и в «Путешествии в Арзрум», где «воспоминанию» о них и цитируемому к месту стиху из этой поэмы в пер. Е. И. Кострова («И в козиих мехах вино, отраду нашу!» — песнь III, ст. 315) придает ироническую окраску то обстоятельство, что бурдюк, из к-рого автор и его собеседник, подобно гомеровским героям, пили вино, был «вонючим» (Акад. VIII, 451; в первонач. тексте т. н. «Путевых записок 1829 г.»), или «Кавказского дневника»), эпитет «вонючий» отсутствовал. — Там же. С. 1040). В «Гавриилиаде» (1821) бурлескное сравнение Бога-отца с «древним богом Гомера» (ст. 472—477) служит вольнодумному юмористическому истолкованию житийного сюжета и библ. преданий. По всей видимости, к Г., в частности, относились не вошедшие в печатный текст «Графа Нулина» и оставшиеся в автографе (1825) ироничные стихи: «...сравнений под рукой у нас довольно — но сравнений Не любит мой степенный гений, Живей без них рассказ простой» (Акад. V, 170).

Сложившееся у П. в юные годы, не столько, вероятно, по собственным читательским впечатлениям, сколько под влиянием чужих оценок, насмешливо-скептическое мнение о нек-рых особенностях гомеровских поэм держалось в его сознании какое-то время на первом плане, оттесняя представление об «Илиаде» и «Одиссее» как о величайших поэтич. творениях античности. Этот аспект восприятия Г., всегда, несомненно, у П. наличествовавший, стал набирать силу и проявляться отчетливо позднее под воздействием разл. факторов. Однако стойкого, последовательного интереса, равно как и ассоциаций с собственной поэтич. судьбой ни образ, ни творения древнего поэта у него не вызывали.

Оживлению интереса П. к Г. способствовало, по-видимому, его общение с кружком А. Н. Оленина, с к-рым он сблизился в послелицейское время. Крупнейший знаток античности и греч. яз., Оленин принимал деятельное участие в труде Н. И. Гнедича по пер. «Илиады»; в доме Олениных обязательно читалась и обсуждалась каждая переведенная песнь поэмы (Якубович. С. 128—129; Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983. С. 106—108).

Греч. восстание актуализировало Г. как певца воинской доблести греков и как символ былого и вновь возрождающегося величия их страны. 2 апр. 1821 П. записал в дневнике: «Я твердо уверен, что Греция восторжествует, и 25,000,000 турков оставят цветущую страну Еллады законным наследником Гомера и Фемистокла» (Акад. XII, 302). По его убеждению, В. К. Кюхельбекеру не следовало «воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышет мифологией и героизмом, — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия»; подобающей для данного предмета он считал поэтику Г. и *Пиндара* (письмо к Л. С. Пушкину от 4 сент. 1822 — Акад. XIII, 45). С наступившим через нек-рое время разочарованием в ходе событий и состоянии духа «наследников школьной славы» Фемистокла и Перикла (письмо к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 — Акад. XIII, 99) П. более не вспоминал об этой ипостаси Г. Выбирая в качестве первого своего пер. из ст-ний *А. Шенье* идиллию «Слепец» («L'Aveugle»), в к-рой изображен величавый в своей нищете и дряхлости слепой Г., сохранивший при физической беспомощности священный дар божественного песнопения, П. не столько руководствовался впечатлением от этого образа (основная в этом плане часть идиллии осталась непереуслышанной), сколько ставил главной своей задачей опыт передачи фр. александрийского стиха рус. гекзаметром и изучение свойств последнего («Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...», 1823).

С сер. 1820-х в пушк. замечаниях и отзывах о Г. и его поэмах начинают преобладать уважительные оценки. Это смещение акцентов произошло под

влиянием пересмотра отношения к Г., начатого еще в конце XVIII в. нем. преромантиками, проявлявшими особый интерес к нар. поэзии, образцами к-рой они признали «Илиаду» и «Одиссею»; заверченный европ. романтической критикой, этот поворот мнений имел сильный отзвук и в России. П. называет «Илиаду» «памятником классической древн(ости)» («(О драмах Байрона)», 1827 — Акад. XI, 51), а лиру Г. — «божественной» («Рифма, звучная подруга...», 1828, ст. 31). Он цитирует А. Н. Радищева, к-рый, утверждая, что «все модное мгновенно; а особливо в стихотворстве», и что «блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда», ставил «Омира» первым в ряду тех, кто «читаны будут, доколе не истребится род человеческий» («(Путешествие из Москвы в Петербург)», 1834—1835 — Акад. XI, 262). Полемизируя с шестым «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева, где предсказывалось, что «своего рода бесчестие будет связано с великим именем Гомера», и древнегреч. поэт был представлен «развратителем людей», «преступным обольстителем, который ужасным образом способствовал унижению человеческой природы», наполнив сердца людей «нечистью» (Чаадаев. Т. 1. С. 162, 397; подлинник по-фр.), П. пишет: «Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в „Илиаде“ не встречается также и в Библии?» (письмо к П. Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 — Акад. XIV, 188, 431, подлинник по-фр.; в черн. наброске рец. «(„Путешествие к св. местам“ А. Н. Муравьева)» (1832) мифологии Библии и «Одиссеи» названы «противуположными» — Акад. XI, 217). Суждения о Г. фр. писателей и критиков XVIII в., ранее для П. в высшей степени авторитетные, если не непререкаемые, подвергаются им критич. пересмотру. В насмешке Монтескье над Гомером усматривает он теперь подтверждение того, что «французы народ самый анти-поэтический» и что «чувство изящного (...) чуждо и непонятно» их лучшим писателям («(Начало статьи о В. Гюго)», 1832 — Акад. XI, 219, 453). В оценке старых «исправительных» фр. переводов XVIII в., исключавших все, что могло бы «оскорбить образованный вкус французского читателя», он принимает сторону тех, кто «пожелали видеть Гомера, Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде — предпочли видеть их природные недостатки, нежели украшения усердных переводчиков» («(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“)», 1836 — Акад. XII, 137, 380; при правке Г. был вычеркнут из перечня авторов, вероятно, из-за отсутствия удовлетворявших этому требованию фр. пер. его поэм). Считая важным достоинством худож. произв. «единый план», П. в отличие от критиков-классицистов был склонен признать его в «Илиаде», однако испытывал, кажется, сомнения, т. к., написав первонач.: «единый план Илиады [Осво(божденного Иерусалима)] или Ада есть уже [прекрасный] плод гения», — затем «Илиаду» вычеркнул; вместе с тем он признавал в этом отношении Г. «неизмеримо выше» *Пиндара* («(Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“)», 1825—1826 — Акад. XI, 42, 310). Известны были ему различные «неувязки» в «Илиаде», и, осведомленный в какой-то мере о «гомеровском вопросе», он соглашался с объяснением, согласно к-рому они явились следствием того, что поэма сложилась из песен разных древних поэтов и ее текст подвергался в устном бытовании всевозможным изменениям: «Гомер, — если и существовал, искажен рапсодами» («(Песнь о полку Игореве)», 1836 — Акад. XII, 148).

На корректировку отношения П. к Г. не мог, видимо, не повлиять пер. «Илиады», выполненный Н. И. Гнедичем (опубл. 1829). П. следил за работой Гнедича на протяжении неск. лет. В стихотв. послании из Кишинева он обращался к нему со словами: «О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый, Гомера Музу нам явил И смелую певицу славы От звонких уз освободил —» (письмо к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 — Акад. XIII, 27;

отдельно: «(Из письма к Гнедичу)» — Акад. II, 170). Интересуясь продвижением работы в письмах след. лет (Гнедичу от 13 мая 1823, П. А. Плетневу от 3 марта 1826, А. А. Дельвигу от 26 ноября 1828 — Акад. XIII, 63, 264; XIV, 36), он назвал этот труд «первым классическим европейским подвигом в нашем отечестве» (письмо к Н. И. Гнедичу от 23 февр. 1825 — Акад. XIII, 145; ср. письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 178) и позднее варьировал это определение («единый, высокий подвиг») в краткой заметке, к-рой откликнулся на выход в свет «нетерпеливо ожидаемого перевода „Илиады“», предсказав ему «важное влияние на отечественную словесность» («Илиада Гомерова», напеч. 6 янв. 1830 — Акад. XI, 88). Незнание греч. яз. не позволило П. выступить с обстоятельным разбором пер., нужным, по его мнению, не «для славы» самого Гнедича, а «для России» (письмо к Н. И. Гнедичу от 6 янв. 1830 — Акад. XIV, 56); но на протяжении 1830 он еще дважды — в рец. на альманах «Денница» (напеч. 5 февр.) и в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» (сент.—окт.) — назвал этот пер. предметом гордости рус. лит-ры (Акад. XI, 105, 167) и завершил свои комплиментарные отзывы написанным в Болдине 8 ноября двустихий «На перевод Илиады»: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; Старца великого тень чую смущенной душой» (напеч. 1832). Вся эта серия оценок и особенно последнее стихотворение (тем более с учетом его черн. вариантов: «Чужд мне был Гомеров язык сладкозвучный как Леты журчанье» и др. — Акад. III, 866—867) не оставляют, казалось бы, сомнения в том, что в «Илиаде» Гнедича П. нашел Г. в его «собственном виде» и его «народной одежде». Однако неожиданный диссонанс вносит написанная также в Болдине, между 1 и 10 окт., почти, м. б., одновременно с «Опытом отражения...» и за месяц до стихотворения «На перевод Илиады», эпиграмма: «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера, Боком одним с образцом схож и его перевод». М. М. Покровский объяснил этот резкий выпад тем, что «в глубине души» П. не считал перевод Гнедича совершенным, полагая, что обилие славянизмов помешало адекватной передаче тона гомеровской поэмы (Покровский. С. 54). Нек-рую опору это предположение находит в приписываемой П. заметке «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...» (напеч. 21 янв. 1830), где мельком затрагивалась проблема выбора языковых средств для пер. гомеровского эпоса и попытка Д. Макферсона пользоваться для этой цели «оссиановым слогом» (чему могли восприниматься параллелью славянизмы Гнедича) признавалась «весьма неудачной» (Акад. XI, 281). Принадлежность этой заметки П. не доказана окончательно, в автографе текст эпиграммы тщательно зачеркнут, а в более позднем стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один...» многолетний труд Гнедича уподоблен общению с Богом на Синае пророка Моисея, вынесшего оттуда скрижали с начертанием десяти заповедей. Эти факты дают основание считать, что решающее толкование эпиграммы еще не найдено и что предложенное объяснение, вполне правдоподобное в своей сути, может оказаться лишь частичным ответом на вызываемые ею вопросы.

В поле зрения П. находились переводная элегия К. Н. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники» (1816—1817) (см. «Заметки на полях 2-й части „Опытов в стихах и прозе“ К. Н. Батюшкова») — Акад. XII, 266—267), поэма Гнедича «Рождение Гомера» (СПб., 1817), отрывки из «Илиады» в пер. В. А. Жуковского, опубликованные в СЦ 1829 и вызвавшие охлаждение между Дельвигом и Гнедичем (письмо к П. А. Вяземскому ок. 25 янв. 1829 — Акад. XIV, 38; рец. на альманах «Денница» — Акад. XI, 105). В произв. и письмах П. неоднократно упоминал гомеровских персонажей (Одиссей—Улисс, Ментор, Цирцея, Телемак, Автомедон, Агамемнон, Аякс, Ахиллес, Нестор) в нарицательном смысле, в том числе применительно к самому себе.

В 1830-е П., по-видимому, намеревался изучать греч. яз. В своем рабочем альбоме он записал заглавие и шесть начальных стихов первой песни

«Одиссеи» (ПД 845, л. 2; воспроизведено: Раб. тетр. Т. 5), к-рые пытался перевести на рус. яз. (см.: Рукою П. С. 89—90). Возможно, П. переписывал эти строки из имевшегося у него изд. «Одиссеи» (Glasgae, 1819) на яз. подлинника (Библиотека П. № 1000). Он также приобрел новое (Paris, 1829) 4-томное полн. собр. соч. Г. на фр. яз. в пер. П.-Ж. Битобе (Bitaubé, 1732—1808), а Гнедич подарил ему экз. своего перевода (Там же. № 999, 95).

После выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» нек-рые критики сравнивали ее с гомеровскими произв., что вызвало немедленные возражения. Когда аноним. автор, выступая в защиту пушк. поэмы, заметил, что она написана в духе «Одиссеи» (СО. 1820. Ч. 63. № 31. С. 231; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 29), А. Г. Глаголев назвал это «шуткой» (ВЕ. 1820. Ч. 112. № 16. С. 294—295; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 35). Упоминание А. Ф. Воейковым «Илиады» Г. и «Энеиды» Вергилия в разборе «Руслана и Людмилы» (СО. 1820. Ч. 64. № 35. С. 74; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 49) также было принято неодобрительно. «Зачем, разбирая „Руслана и Людмилу“, говорить об „Илиаде“ и „Энеиде“? Что есть общего между ними? Как писать (и, кажется, серьезно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Гомеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают», — недоумевал оппонент ([Зыков Д. П.]. Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» // СО. 1820. Ч. 64. № 38. С. 229; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 81). Отвечая Воейкову в предисл. ко 2-му изд. «Руслана и Людмилы» П. сочувственно процитировал эти вопросы Зыкова, назвав его антикритику «остроумной и забавной» (Акад. IV, 282).

Лит.: Дертани Н. Ф. Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит.-ры. 1938. Вып. 4: Пушкин и западно-европейская литература. С. 25—28; Покровский М. М. Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5 (по указ.); Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6 (по указ.); Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 88, 242, 253, 256, 282—289 (М., 2001. С. 80, 217, 226—227, 229, 251—257); Суздальский Ю. П. А. С. Пушкин и некоторые вопросы классической филологии начала XIX века // Межвуз. науч. конф. литературоведов, посв. 50-летию Октября. Программа и краткое содерж. докл., 15—22 ноября 1967 г. Л., 1967. С. 109—110; Сандомирская В. Б. Первый перевод Пушкина из Андрея Шенье // ПИМ. Т. 7. С. 167—184; Лотман Ю. М. О «воскреснувшей эллинской речи» // ВЛ. 1977. № 4. С. 215—217 (То же // Лотман. Пушкин. С. 373—375); Кедров К. А. Человек и природа в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Писатель и жизнь: Сб. историко-лит., теорет. и критич. ст. М., 1978. С. 146—149; Мальчукова Т. Г. 1) Оценка Гомера у Пушкина // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина: Тез. докл. и сообщ. межвуз. науч. конф., 23—25 апр. 1992 г. Одесса, 1992. С. 36—37; 2) Об отражении «негасимого смеха» гомеровских богов в поэзии А. С. Пушкина // Крымские Пушкинские чтения, 2-е (Керчь, 22—26 сент. 1992 г.). Материалы. Симферополь, 1993. Ч. 2: А. С. Пушкин и русская литература XX века. С. 31—32; 3) Пушкин и Гомер: (К постановке проблемы) // Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск, 1995. С. 85—89; 4) Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1997. Кн. 1. С. 125—126, 184; Ботвинник Н. М. Гомеровский мотив в стихотворении А. С. Пушкина «Прозерпина» // П. и слав. мир. С. 82—83; Бройтман С. Н., Тамарченко Н. Д. «Гомеровское» в «Евгении Онегине» // Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» (25—26 мая 1999). М., 1999. С. 61—75.

С. Б. Федотова

ГОНЗАГА (Gonzaga; у П. — Gonzago) Томас Антонио (правильнее: Томаш Антониу) (1744—1810), бразильский поэт-классицист. Родился в Португалии, детские и отроческие годы провел в Бразилии. Учился на юридическом ф-те Коимбрского ун-та (Португалия), по окончании к-рого занимал в метрополии разл. судебские должности. Вернувшись в Бразилию (1782), был назначен на пост прокурора в г. Вила-Рика. Принял участие в антиколониальном заговоре (т. н. заговор инконфидентов), в 1789 был арестован, приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Мозамбик (португаль-

скую колонию в Африке), где умер психически больным. Г. — автор стихотв. сб. «Дирсеева Марилия» («*Marília de Dirceu*», ч. I — 1792, соч. до ареста; ч. II — 1799, написана в тюрьме; ч. III — опубли. 1811), посвященного его возлюбленной — Марии Доротеи де Сейшас (*Seixas*). Стихи написаны в характерном для испано- и португальскоязычной поэзии жанре «лиры», т. е. пятистишиями из пятислоговых строк с рифмующимися третьим и пятым женскими стихами. В 1-й пол. 1820-х в Бразилии, провозглашенной в 1822 независимой, и в Португалии, где Г. причисляют к португальским поэтам, вышло неск. изд. его ст-ний; тогда же появились пер. на фр. яз. Предполагается, что в поле зрения П. мог попасть фр. пер., снабженный биограф. очерком: *Marilie, chants élegiaques de Gonzaga / Trad. du portugais par E. de Monglave et P. Chalas. Paris, 1825*. Внимание П. привлекла, видимо, не только поэзия Г., но и его судьба: участие в заговоре, ссылка, Африка — то, что могло вызвать у него аналогии с собою. П. вольно перевел под загл. «С португальского» («Там звезда зари взошла...», соч. не ранее 1825, опубли. 1855 — Акад. II, 449—450) 9-ю лиру II части «Дирсеевой Марилии» (в подлиннике без загл., первая строка: «*A estas heras...*»; в нек-рых изд. публикуется под назв. «*Recordações*» — «Воспоминания»), передав 17 пятистиший оригинала 11 четверостишиями четырехстопного хорея, изменив рифмовку, но при этом не утратив ничего существенного из его содержания и образной системы. Вопрос, почему П. дал ст-нию назв. «С португальского», остается открытым (об изучении П. португ. яз. сведений не имеется).

Высказанное М. А. Цявловским предположение, согласно к-рому в рабочей тетради ПД 833, л. 88 после даты «14 Juillet 1826» написана фамилия «Gonzago» (Рукою П. (1935). С. 307), не нашло подтверждения и сменилось др. чтениями.

Лит.: *Лернер Н. О. Пушкин и португальский поэт // РБ. 1916. № 4. С. 75—77; Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // П. Врем. Т. 4/5. С. 318, 326; Алексеев М. П. Пушкин и бразильский поэт // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 549—559 (ранее: 1) Пушкин и бразильский поэт // Науч. бюл. ЛГУ. 1947. № 14/15. С. 54—61; 2) «С португальского» // Врем. ПК. 1965. С. 82—83; Владимиров В. В. С португальского // Неделя. 1961. № 9. С. 18—19 (То же // Владимиров В. В. Путешествие в далекое и близкое. М., 1963. С. 36—41); *Schneiderman B. Pushkin, tradutor de Gonzaga // O Estado de São Paulo. 1962. 16 jun.; Тынянова И. Ю. Звезда зари // Гонзага Т. А. Лиры; Чилийские письма. М., 1964. С. 17—24.**

В. Н. Андреев

ГОРАЦИЙ (полное имя — Квинт Гораций Флакк, *Quintus Horatius Flaccus*, 65—8 до н. э.), рим. поэт, автор сб. эподов (*epodos*), двух сб-ков сатиры (*satura*), четырех книг од (*carmina*), юбилейного гимна в честь Рима (*Carmen Saeculare*) и двух книг посланий (*epistula*).

Поэзия Г. имеет непреходящее мировое значение. В Средние века особенно ценились сатиры и послания Г., Возрождение оценило его лирику. В эпоху классицизма наряду со славой великого поэта Г. приобрел авторитет фундаментального теоретика; его «Наука поэзии» («*Ad Pisones*» или «*De arte poetica*») послужила основой для «Поэтического искусства» (1674) *Н. Буало*. В России Г. получил широкое признание в XVIII в.; Г. переводили А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. В. Капнист, Г. Р. Державин и др. В пушк. поэзии, прозе, публицистике и переписке Г. предстает как проповедник философии «золотой середины», оригинальный поэт (лирик и сатирик), теоретик «искусства поэзии»; своеобразно интерпретацию получили в творчестве П. личность Г. и его взаимоотношения с Августом и Мecenатом.

П. читал Г. в Лицее в оригинале. Проф. Н. Ф. Кошанский, ставивший Г. наряду с *Вергилием* и *Тибуллом* выше всех поэтов, уделял его изучению значительную часть учебного времени; юношеский интерес П. к Г. мог быть стимулирован и увлечением А. А. Дельвига, чьими «первыми (...) опытами

в стихотворстве», как вспоминал П. («Дельвиг», 1834), «были подражания Горацию» (Акад. XI, 274). В числе любимых авторов П. имя Г. настойчиво повторяется в лицейских ст-ниях 1815 («Городок», «К Пушкину (4 мая)», «Послание к Г(алич)у», «Послание к Ю(дину)»). Произв. 1810-х определяют собой первый период пушк. восприятия Г., когда рим. классик предстает под его пером «чувствительным» и изящным наперсником беспечного досуга, «Тибурским мудрецом» («Послание к Г(алич)у», ст. 121), а «Златой Горациев фиал» («Стансы Толстому», 1819, ст. 8) служит символом гедонистического мироощущения. В эти годы П. смотрит на рим. поэта и его творчество сквозь призму образов фр. «*poésie fugitive*» («легкой поэзии»), что накладывает на его восприятие нек-рый отпечаток лит. условности. Знак приближения П. к лат. первоисточнику можно усмотреть лишь в цитате из него (единственной за весь этот период) — стихе «Не весь я предан тленью» («Городок», ст. 272), заимствованном из оды Г. «К Мельпомене» («*Ad Melpomētem*»; *Сарм.* III, 30, 6). Однако и эта цитата не выходит из круга «крылатых слов» Г., знакомство П. с к-рыми могло состояться и при посредничестве рус. или фр. поэтов.

Второй период (1820—1832), напротив, характеризуется обилием кратких цитат и реминисценций из поэзии Г. в стихотв. и прозаич. произв. П., в его публицистике и письмах (это продолжается и позднее, но частота существенно снижается). П. обращается к Г. как яркому и общепризнанному явлению мировой культуры.

Чаще всего в своих произв. и письмах П. цитировал оды, в большинстве случаев на яз. оригинала; половина лат. цитат из Г. воспроизводит начальный стих подлинника. В статье «Мои замечания об русском театре» (1820) приводится измененная цитата из *Сарм.* I, 16: «*Filiae pulchrae mater pulchrior*» (Акад. XI, 11; пер.: Прелестной дочери прелестнейшая мать); в письме к П. А. Катенину в сент. (не позднее 14) 1825 (Акад. XIII, 225) и в гл. III «Путешествия в Арзрум» (Акад. VIII, 466) П. цитирует (в первом случае с ошибкой) оду «К Постуму» (*Сарм.* II, 14): «*Neu fugaces, Posthume, Posthume, labuntur anni*» (пер.: Увы, Постум, Постум, уносятся быстролетные годы...); в той же гл. (Акад. VIII, 467) приведена выдержка из *Сарм.* II, 9: «*...nes Armeniis in oris, Amice Valgi, stat glacies iners Menses per omnes...*» (пер.: И армянская земля, друг Вальгий, Не круглый год покрыта неподвижным льдом...). Лат. эпиграфы предпосланы: первонач. беловой ред. ст-ния «19 октября» (1825) — из *Сарм.* I, 37: «*Nunc est bibendum Hor.(atius)*» (Акад. II, 968; пер.: Теперь надлежит выпить, Гор(аций)); беловому автографу послания «К вельможе» (1830) — из *Сарм.* I, 11: «*Carpe diem!*» (Акад. III, 823; пер.: Лови мгновение!).

В рус. пер. цитаты из од Г. вместе с упомянутой цитатой из оды «К Мельпомене» встречаются у П. лишь трижды. В письме к П. А. Вяземскому от 5 ноября 1830 П. перефразировал стих из *Сарм.* I, 3: «твердую дубовую корой, тройным булатом грудь ее вооружена» (Акад. XIV, 122). Наконец, в «(Повести из римской жизни)» (1835) ее герой Петроний ссылается на «восклицание» Г. «Красно и сладостно паденье за отчизну» (Акад. VIII, 390) из *Сарм.* III, 2. Кроме того, в послании «Давыдову» («Нельзя, мой толстый Аристип...») (1824), ст. 9—15, упомянута «торжественная ода» — ода Г. «К кораблю, везущему в Афины Вергилия» (*Сарм.* I, 3). Образы и реминисценции од Г. являются важными худож. и смысловыми опорными элементами ст-ния «Арион» (1827).

В черн. наброске «Путешествие В. Л. П.» (1836), возражая поклонникам поэзии «страстной или выпренней», П. замечает: «...есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?) Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин» (Акад. XII, 93).

О традиционном для европ. эстетики XVIII—нач. XIX в. понимании сатиры Г. свидетельствуют высказывания П. в письме к П. А. Вяземскому от

1 сент. 1822 («Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал» — Акад. XIII, 43) и в статье «О поэзии классической и романтической» (1825) («сатира Ювенала (отличается) от сатиры Горация» — Акад. XI, 36). Непосредственно в творчестве П. отразилась лишь одна из 18 сатир Г. — Sat. II, 6: в построенном на игре омофонов эпитафии к гл. II «Евгения Онегина», где П. сопровождает Горациево восклицание: «O rus!» (пер.: О деревня!) каламбурным пер.: «О Русь!». Подобное каламбурное употребление этой цитаты из Г. получило широкое распространение во Франции с конца XVIII в., и П. его перенял из вторых рук.

П. коснулся лишь двух посланий Г. из 23. Заметку «(О трагедии Олина „Корсер“» (1828) он завершил иронично-негодующим «O miratores!» (Акад. XI, 65; пер.: О поклонники!), перефразировав Горациево «o imitatores!» (пер.: о подражатели!) из Epist. I, 19. «Науку поэзии» П. цитировал в письме к П. А. Катенину от 19 июля 1822: «...знаю, что долг платежом красен, но non erat hic locus...» (Акад. XIII, 41; пер.: здесь не место для этого). В черновиках к статье «О поэзии классической и романтической» в полемическом выпаде против Буало как автора «Поэтического искусства» иронически упоминаются и «оракулы Горациевой пиитики» (Акад. XI, 307). Позднее в заметке «(Об Альфреде Мюссе)» (1830) П. прокомментировал стих Г. из «Науки поэзии»: «Difficile est proprie communia dicere» («Ad Pisones», 128; пер.: Трудно хорошо выразить общие вещи), пояснив, что «дело идет о предметах трагических, всем известных, в противоположность предметам вымышленным» (Акад. XI, 176), и отметив иное его понимание *Байроном*, взявшим его эпитафией к «Дон Жуану». Этот афоризм, в истолковании к-рого существуют традиционные разногласия, привлек внимание П. в связи с его работой над «маленькими трагедиями»: в «Скупом рыцаре» и «Каменном госте» ему пришлось преодолевать именно ту «трудность», о к-рой говорил Г.

К эпохам П. обратился лишь однажды, процитировав нач. второго в письме к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821: «Beatus qui procul» (Акад. XIII, 29; пер.: Блажен, кто вдали...). Персонаж трех эподов (Epod. 3, 5, 7) и трех сатир (Sat. I, 8; II, 1, 8) Г., колдунья, «отвратительная Канидия» (Акад. XI, 157), упоминается П. в «(Опровержениях на критики)» (1830).

В конце 1820—нач. 1830-х внимание П. к Г. обострилось в связи с нападками Н. И. Надеждина. Культ Г., исповедуемый Надеждиным, его апелляции к авторитету рим. классика в борьбе с П. и подчеркнутое почтение к покровителям, сблизившее Надеждина с его кумиром, вызвали эпиграмму П. «Мальчишка Фебу гимн поднес...» (1829), в к-рой имя Г. метонимически перенесено на «болвана семинариста». (Подобную прономинацию — «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций» — П. использует в том же году в эпиграмматическом выпаде против поэта-сатирика и азартного игрока И. Е. Великопольского).

Последний период в пушк. постижении Г. (1833—1836) отмечен особой глубиной: П. переводит оду к Меценату («Царей потомок Меценат...», 1833) и оду к Помпею («Кто из богов мне возвратил...», 1835), работает над «(Повестью из римской жизни)». В текст последней он намеревался включить пер. оды к Помпею, долженствовавший аргументировать суждение пушк. Петрония: «Хитрый стихотворец хотел рассмешить Августа и Мецената своею трусостью, чтоб не напомнить им о сподвижнике Кассия и Брута» (Акад. VIII, 390). Все эти произв. не могут быть оценены в полной мере вне лит.-биогр. контекста 1830-х, когда П. был поставлен в условия, схожие с обстоятельствами жизни Г. Однако Николай I и Бенкендорф не нашли в П. верноподданнической лояльности и дипломатической гибкости, обеспечивших Г. привилегированное положение при Августе и Меценате.

Видя в «самостоянье человека залог величия его» («Два чувства дивно близки нам...»; черн., 1830 — Акад. III, 849), П. был убежденным противни-

ком покровительства во всех его проявлениях: принимаемое из честолюбия или из нужды, оно порабощает и унижает, бесчестит и позорит — таково резюме его многочисленных высказываний. Меценатство вызывало у П. особое неприятие со времен службы в канцелярии М. С. Воронцова, притязавшего, по мнению П., на роль его покровителя. Вот почему еще в послании «Давыдову» («Нельзя, мой толстый Аристип...»), ст. 12—16, П. противопоставил себя «умному льстецу» и «Августову певцу» Г., заявив: «Но льстивых од я не пишу». Признак преимущества рус. лит-ры перед др. лит-рами мира П. видел в отсутствии в России меценатства — на этом он настаивал в письмах к П. А. Вяземскому (7 июня 1824 — Акад. XIII, 96), А. А. Бестужеву (конец мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 179) и К. Ф. Рылееву (2-я пол. июня—авг. 1825, черн. — Акад. XIII, 218—219); повторяется эта мысль и в «(Путешествии из Москвы в Петербург)», дек. 1833—1835 (Акад. XI, 228—229, 254—255). Наконец, в повести «Египетские ночи» (1835) Пушкин заявляет устами Чарского: «Звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чорт их побери!) этого не знают, то тем хуже для них» (Акад. VIII, 266).

Все это придает характеристикам Г. как «Августова певца», «придворного философа» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834, черн. вар. — Акад. XI, 501) и «хитрого стихотворца» явный презрительно-пренебрежительный оттенок, как и самая догадка о том, что Г. «хотел рассмешить Августа и Мецената своею трусостью», — шутовство в глазах П. было низостью. Готовность к добровольному шутовству, подмеченная Петронием в «(Повести из римской жизни)», ставит пушкинского Г. на один полюс с пушкинским *Вольтером*, как он изображен в одноименной рец. («Вольтер», 1836 — Акад. XII, 80—81), никогда не умевшим «сохранить своего собственного достоинства» и «напрашивавшимся» на «шутовской кафтан» — мундир камергера, ассоциирующийся у П. с навязанным ему мундиром камер-юнкера. Скрытое противопоставление между пушк. идеалом независимости и жизненной позицией Г. содержится и в ст-нии «Из Пиндемонти» (1836), перекликающемся в композиции и образном строе с одой Г. к Меценату (Сатм. I, 1): недаром П. вновь презрительно поминает здесь придворный мундир («ливрею»).

Набросок «Царей потомок Меценат...» (Акад. III, 299) представляет собою пер. этой посвятителной оды, предпосланной Г. изданию трех книг его од; для отношений рим. поэта с его патроном она эмблематична. Возможно, пер. оды «К Меценату» был изначально связан с замыслом «(Повести из римской жизни)», к осуществлению к-рого П. приступил неск. позднее. Пер. отличается текстуальной близостью к оригиналу, но размер подлинника П. не передал: он избрал обычный для рус. пер. из Г. XVIII—нач. XIX в. четырехстопный ямб (этим же размером переведена и ода к Помпею). Набросок П. обнаруживает нек-рые лексические совпадения с пер. М. Н. Муравьева (опубл. 1775), И. Чернявского (опубл. 1809), С. А. Тучкова (опубл. 1816) и особенно В. В. Капниста (опубл. 1819); однако они свидетельствуют не столько о прямом заимствовании или влиянии, сколько о лит. контексте и традиции. При переводе П. опирался на прозаич. фр. пер. Р. Бине (Binet, 1729—1812; см.: Библиотека П. № 1002), но пер. П. гораздо лаконичнее и образнее, чем рус. и фр. пер. его предшественников.

Переведенную П. оду Г. «К Помпею» (Сатм. II, 7) датируют обычно 29 до н. э., когда Император Цезарь, как официально именовали в это время Октавиана, амнистировал уцелевших после сражений и проскрипций сподвижников Брута. В их числе в Рим вернулся друг и соратник Г., Помпей Вар, к-рого поэт встретил этой одой. При ее переложении П. вновь воспользовался фр. прозаич. пер. Р. Бине, не оставившим, однако, заметного отпечатка на его произв. Несомненное влияние — концептуальное и лексическое — на ст-ние П. оказал пер. С. А. Тучкова (1816), с автором к-рого в

дек. 1821 в Измаиле поэт провел вечер в беседе об антич. классиках. Ему П., очевидно, обязан и трактовкой признания Г. в малодушии, проявленном им в решающей битве при Филиппах в 42 до н. э., когда республиканцы были наголову разгромлены Октавианом: догадка о том, что Г. «хотел рассмешить Августа и Мецената своею трусостью», явно перекликается с аналогичным примеч. Тучкова («Здесь Гораций смеется над своею трусостью»).

В пер. «Кто из богов мне возвратил» очевидны существенные отличия от лат. оригинала: в стихах «Когда за призраком свободы Нас Брут отчаянный водил» слова «призрак свободы» и «отчаянный» не находят параллелей у Г.

В отличие от множества предшественников и последователей П. не считал ключевым в оценке личности Г. пресловутый вопрос о его трусости в битве при Филиппах — П. в трусость Г. не верил, зная, что робость поэта в бою была традиционным мотивом в лирике Алкея, *Анакреонта*, Архилоха и др. Как человек Г. определялся для него ампула, избранным рим. поэтом для себя при дворе Августа и во дворце Мецената. Это объясняет мотивы, руководствуясь к-рыми П. привнес в оду Г. свои изменения и дополнения. Отход П. от оригинала был обусловлен его стремлением указать на стоящее за спиной Вара гл. адресата оды Г. — Октавиана. Вопрос пушкинского Г. о том, «кто из богов» возвратил ему друга (в оригинале «Кто возвратил тебя...»), комплиментарен: Помпея возвратил ему Август («Божественный», «Священный»). Утрируя трусость Г. в его рассказе о бегстве с поля боя, П. акцентирует ту шутовскую роль, к-рую, по его мнению и мнению его Петрония, Г. добровольно разыгрывал перед Августом и Меценатом. Введение П. в перевод слов «призрак свободы» и «отчаянный» обусловлено стремлением пушкинского Г. изобразить дело защиты респ. идеалов полит. авантюрой, а участие в нем самого Г. — заблуждением молодости. Изменения в передаче бытовых и мифол. деталей оды к Помпею Вару менее значимы: здесь П. следовал не столько оригиналу и пер. предшественников, сколько сложившимся у него с лицейских лет приемам изображения антич. реалий.

Ст-ние «Кто из богов мне возвратил...» было создано в 1835, через десять лет после посещения И. И. Пушиным опального поэта в Михайловском; возможно, одним из поводов для обращения П. к оде Г. послужили воспоминания об этой встрече.

Своеобразным итогом более чем 20-летнего творческого освоения П. поэтич. наследия Г. и этич. спора с ним стало ст-ние «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). Являясь вполне оригинальным произв., «Памятник» не м. б. причислен ни к пер., ни к вольным подражаниям: сохранив структуру оды Г. «К Мельпомене» (*Carmin III, 30*), П. каждую строфу наполнил новым содержанием (см. статью «Памятник» в т. «Творчество»).

Лит.: *Покровский М. М.* 1) Пушкин и Гораций // Пушкин. М., 1924. Сб. 1. С. 310; 2) Пушкин и Гораций // Докл. АН СССР. 1930. № 12. Сер. В. С. 233—238; 3) Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5. С. 48—50; *Grégoire H.* Horace et Pouchkine // *Les études classiques.* 1937. Т. 6. № 4. P. 525—535; *Варнеке Б. В.* Пушкин о Горации // Наук. зап. Одесского держ. пед. ин-ту. 1939. Т. 1. С. 7—16; *Ванслов Вл. В. А. С.* Пушкин о «золотом веке» римской литературы // Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та. 1963. Т. 36. С. 18—22; *Busch W.* 1) Die Varusode des Horaz und ihre russische Übersetzer // *Die Welt der Slaven.* 1964. Hf. 4. S. 366—368; 2) Horaz in Russland. München, 1964. S. 154—164; *Costello D. P.* Pushkin and Roman Literature // *Oxford Slavonic Papers.* 1964. Vol. 11. P. 55; *Радциг С. И.* О некоторых античных мотивах в поэзии А. С. Пушкина // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 373—378; *Суздальский Ю. П.* 1) Пушкин и Гораций // *Иноземная филология.* Львів, 1966. Вип. 9. № 5. С. 145—146; 2) «Арион» Пушкина // Литература и мифология: сб. науч. тр. Л., 1975. С. 16; *Алексеев М. П.* 1) Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» Л., 1967. (То же // Алексеев. Пушкин и мировая лит.-ра. С. 5—265); 2) Заметки на полях // Врем. ПК. 1974. С. 107—108 [об источнике каламбурного эпиграфа «O gus!» к второй гл. «Евгения Онегина»]; *Смирин В. М.* К пушкинскому наброску перевода оды Горация к Меценату // *Вестн. древней*

истории. 1969. № 4. С. 129—135; *Vickery W.* «Arion»: An example of post-decembrist semantics // Alexander Puškin: A Symposium on the 175th Anniversary of His Birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976. P. 71—84; *Альбрехт М. Г.* К стихотворению Пушкина «Кто из богов мне возвратил...» // Врем. ПК. 1977. С. 58—68; *Степанов Л. А.* Пушкин, Гораций, Ювенал // ПИМ. Т. 8. С. 70—82; *Кибальник С. А.* О стихотворении «Из Пиндемонти» (Пушкин и Гораций) // Врем. ПК. 1979. С. 147—156; *Мальчукова Т. Г.* 1) Жанр послания в лирике А. С. Пушкина: Учеб. пособие. Петрозаводск, 1987. С. 42—46; 2) О горацянских реминисценциях в стихотворении А. С. Пушкина «Арион» // *Horatiana*: Межвуз. сб. СПб., 1992. С. 198—210 (*Philologia classica*. Вып. 4); 3) Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1998. Кн. 2. С. 145—186; 4) Пушкин и Гораций: (Некоторые итоги и перспективы изучения) // П. и мировая культура. С. 160—161; 5) Пушкин и Гораций: (Итоги и перспективы изучения) // Русь — Россия и Великая степь: 8-е Крымские Пушкинские чтения. Материалы. Симферополь, 1999. С. 19; 6) О стихотворении «19 октября» 1825 г. в контексте античных и христианских традиций // Христианство и русская литература. СПб., 2002. Сб. 4. С. 149—165; *Лукьянова Л. М.* Пушкинский вариант оды Горация «К Помпею Вару» // Крымская науч. конф. «Пушкин и Крым»: Тез. докл. 24—29 сент. 1989 г. Симферополь, 1989. С. 27; *Файбисович В. М.* 1) «Мальчишка Фебу гимн поднес» // Врем. ПК. Вып. 23. С. 105—109; 2) Стихотворение Пушкина «Кто из богов мне возвратил»: (К пушкинской концепции Горация) // ПИМ. Т. 15. С. 184—195; *Сурат И. З.* «Кто из богов мне возвратил»: Пушкин, Пушкин и Гораций // НМ. 1994. № 9. С. 209—226 (То же // Сурат И. З. Жизнь и лира: О Пушкине. М., 1995. С. 116—149; То же // Моск. пушкинист. Вып. 2. С. 94—127); *Ларионова Е. О.* История одного примечания // РР. 1995. № 6. С. 21—24; *Keil R.-D.* Uvida vestimenta poetae: Eine Horaz-Reminiscenz in ovidischer Umgebung: (Zu Puškins Gedicht «Arion») // Zeitschrift für slavische Philologie. 1997. Bd 56. Hf. 1. S. 31—36; *Лейтон Л. Г.* 1) Пушкин и Гораций: «Арион» // Изв. РАН. 1998. Т. 57. № 3. С. 30—38; 2) Пушкин и Гораций // РЛ. 1999. № 2. С. 71—85; *Тенерик Т. Ф.* О пушкинском переводе стихотворения Горация «На возвращение Помпея Вара...» // Университ. Пушк. сб. С. 347—359 (То же под загл.: О пушкинской поэтике перевода на материале стихотворения Горация «На возвращение Помпея Вара» // Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» (25—26 мая 1999). М., 1999. С. 40—54); *Рабинович Е. Г.* Еще раз о Пушкине и Горации // Рабинович Е. Г. Риторика повседневности: Филол. очерки. СПб., 2000. С. 141—155.

В. М. Файбисович

ГОТШЕД, Готтшед (Gottsched) Иоганн Кристоф (1700—1766), теоретик лит-ры, драматург и критик раннего нем. Просвещения; усовершенствовал лит. язык и реформировал нем. театр в духе фр. классицизма. В 1740-х Г. утратил свой прежде непререкаемый авторитет в нем. лит-ре и театре, в к-рых возобладали сентименталистские тенденции.

П рассматривал наследие Г. как пример подражательного классицизма, мешавшего развитию как нем., так и рус. лит-ры. В частности, П. отрицательно оценивал влияние фр. и нем. классицизма на М. В. Ломоносова (план статьи «О французской словесности», 1822 — Акад. XII, 191). Во 2-й черн. ред. статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) П. осуждающе писал о том, что «сын холмогорского рыбака скитался по германским университетам, вслушиваясь в уроки Готтштеда» (Акад. XI, 501). Набросок статьи ««О народной драме и драме „Марфа Посадница“»» (1830) П. начал фразой: «Между тем как эфетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжел.(ого) педанта Готтштеда; мы все еще повторяем, что прекрасное есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть польза» (Акад. XI, 177). Тем самым П. солидаризировался с мнением нем. романтиков, как его выразила *Ж. де Сталь* в своей хорошо известной П. и его современникам книге «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), где (ч. 2, гл. 3) Г. был назван «ученым без вкуса и без таланта».

Р. Ю. Данилевский

ГОФМАН (Hoffmann) Эрнст Теодор Амадей (1776—1822), нем. писатель-романтик, известный в России с нач. 1820-х. К этому времени относится, вероятно, и первое знакомство П. с творчеством Г., в частности, возмож-

но, с переведенной одной из первых на рус. яз. (БдЧ. 1823. Кн. 12. С. 49—138) новеллой «Дождь и догаресса» («Doge und Dogarresse», 1817), к-рая позднее стала одним из лит. источников наброска «[В голубом] небесном поле...» («Ночь светла, в небесном поле...»), предположит. 1833). В 6-ке П. имелись произв. Г. во фр. пер.: роман «Эликсиры сатаны» («Die Elixiere des Teufels», 1815—1816) в изд. 1829 («L'Elixir du Diable»), где авторство приписано нем. писателю Карлу Шпиндлеру (Spindler, 1796—1855); полн. собр. соч. в 20 т. (1830—1833; приобретено 26 мая и 11 авг. 1836 — Арх. опеки. С. 53, 55; т. 20 утрачен) и 2-томный сб. рассказов (1834); а также биография Г., составленная Ф.-А. Лёве-Веймаром (Loeve-Weimars, 1801—1854), лично знакомым с П. писателем-дипломатом, переводчиком Г. на фр. яз. (Библиотека П. № 996—998, 1404; все изд. разрезаны). П. несомненно знал очерк молодого А. И. Герцена «Гофман», напечатанный за подписью Искандер в «Телескопе» (1834. Кн. 10. С. 139—168). Помимо этого, сведения о Г. могли быть получены П. из лит. бесед с почитателями таланта нем. романтика, такими как В. Ф. Одоевский, А. Погорельский (А. А. Перовский), а также с литераторами, близкими к редакции МВ, охотно помещавшей в своем ж-ле переводы из Г. Об увлечении творчеством Г. в лит. кругах 1820—1830-х свидетельствуют воспоминания современников П. о вечерах, на к-рых обсуждались произв. Г. или рассказывались фантастические «истории в духе Г.», как это было на одном из вечеров у Карамзиных, когда П. рассказал сказку о черте, ездившем на извозчике по Васильевскому острову (об устной «гофманиане» см.: Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. № 4. С. 440—442; Дельвиг А. И. Т. 1. С. 85—86, 106, 170). Сюжет этого устного рассказа П., отразившего замысел повести «(Влюбленный бес)», план к-рой был составлен еще в 1821—1823 (Акад. VIII, 429, 1062), имеет нек-рое сходство с новеллой Г. «Магнетизер» («Der Magnetiseur», 1814); но поскольку ее рус. пер. под загл. «Что пена в вине, то сны в голове» появился лишь неск. годами позднее (МВ. 1827. Ч. 5. № 19), связь между этими произв. была не генетической, а типологической, притом что появление пер. новеллы могло актуализировать в сознании П. его старый замысел. С согласия П. его рассказ был положен В. П. Титовым в основу повести «Уединенный домик на Васильевском» (СЦ 1829; подпись: Тит Космократов) (см.: Дельвиг А. И. Т. 1. С. 85—86). Подарив Титову этот сюжет, П. в «Домике в Коломне» (1830) дал антигофмановскую, намеренно сниженно-бытовую трактовку истории коварного соблазителя, проникающего в семью девушки.

К числу произв. П., в к-рых может быть обнаружена связь с Г., относятся «Гробовщик» (1830), «Каменный гость» (1830) и «Пиковая дама» (1834).

Современники вообще улавливали в «Повестях Белкина» сходство с соч. Г. (см. письмо В. К. Кюхельбекера к Наталье, Александре и Юстине Глинкам от 18—19 февр. 1832, опубл.: Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 89—90). В повести «Гробовщик» сходство с гофмановским миром проявляется в общем колорите, в ключевых мотивах (смерть, соседствующая с обыденностью; являющиеся во сне восставшие из гроба мертвецы; «адское» новоселье), в характере персонажей (показательно обращение к филистерскому миру немцев-ремесленников с их ограниченностью и будничностью, что в общем необычно для П.). При всей внешней романтической атрибутике «Гробовщик», однако, представляет собою скорее пародию на романтическую повесть гофмановского типа, чем подражание ей, т. к. П., иронически переосмысливая романтические ситуации и сюжетные ходы, переводит повествование из плана романтической фантастики в план реальной действительности — в мир профессионально-бытовых сценок, будничных интересов гробовщика и его заказчиков. Столь же проблематична связь пушк. «Каменного гостя» с новеллой Г. «Дон Жуан» («Don Juan», 1813—1814). Отсутствуют убедительные доказательства того, что П. знал эту новеллу в момент написания «Каменного гостя»; кроме того, герой П. существ-

венно отличается от гофмановского Дон Жуана: если последний представлен демонической личностью, восставшей против мира «маленьких людей», то пушк. Дон Гуан скорее приближается к Дон Жуану Моцарта, к-рый стремился показать трагедию человека, обреченного безнадежно искать «идеал любви».

Отчетливее прослеживается связь с гофмановским миром в «Пиковой даме». Здесь могут быть выявлены параллели с «Эликсирами сатаны» как в обрисовке главных персонажей (Германн—Медард, Лизавета Ивановна—Аврели), так и в совпадении отд. важных мотивов, в их разработке (напр., эпизод, в к-ром карта принимает женский облик: у П. — в момент проигрыша, у Г. — в момент выигрыша). Нек-рые эпизоды и детали «Пиковой дамы» сопоставимы с др. произв. Г. — новеллой «Счастье игрока» («Spielerglück», 1819—1820) (портреты гл. персонажей, сцена игры у Чекалинского в «Пиковой даме» — и сцена игры Менара с Вертуа у Г.), новеллой «Майорат» («Das Majorat», 1817) (описание внешности старых баронесс у Г. — и описание старухи-графини у П.). Ночное видение Германна напоминает явление умершей тетушки в «Эпизоде из жизни трех друзей» Г. («Ein Fragment aus dem Leben dreier Freunde», 1816). При всех совпадениях поэтика «Пиковой дамы», скорее, противоположна гофмановской, т. к. в ней отсутствует характерное для Г. «раздвоение» действительности — мир П. един, все «чудесное», сверхъестественное включено в жизнь, фантастика воспринимается как объективное свойство действительности. П. не пользуется здесь единой повествовательной перспективой, присущей Г., для к-рого существует только авторский взгляд на повествование. Осваивая элементы романтической эстетики, П. не принимает, однако, романтической картины мира в целом, в том виде как она представлена в творчестве Г. Именно несовпадение мироощущения и определяет дискретный характер связи П. и Г., проявляющейся лишь в сходстве отд. деталей, таких, напр., как: венчание в деревенской церкви в таинственной обстановке в новелле Г. «Автоматы» («Die Automate», 1814/1819) — и в «Метели» П., превращение учителя Тинте в злую змею в новелле Г. «Неизвестное дитя» («Das fremde Kind», 1817) — и превращение князя Гвидона в комара, затем в муху и в шмеля в «Сказке о царе Салтане» (1831), внезапное появление возлюбленной в «Эпизоде из жизни трех друзей» Г. — и последняя встреча Алексея с Лизой в «Барышне-крестьянке» (1830), загадочный мавзолей в «Каменном сердце» Г. («Das steinerne Herz», 1816) — и памятник с таинственной надписью в пушк. «Дубровском»; одинаковая кличка Сбогар собаки в «Эликсирах сатаны» и собаки Алексея в «Барышне-крестьянке» (здесь могла сыграть роль европ. мода на собачьи клички) и пр. Созвучны отдельные мотивы у Г. и П.: мотив предчувствия и сна, мотив безумия, мотив двойника и его своеобразное преломление в мотиве самозванства у П. и др. Наблюдается общность некоторых тем и близость лит. пристрастий — при полном несовпадении доминантных линий в творчестве обоих писателей.

Лит.: *Лернер Н. О.* Стихи Пушкина о Марино Фальери // РБ. 1913. № 2. С. 25—31 (То же // Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 73—81); *Оксман Ю. Г.* К вопросу о дате стихов Пушкина о старом дожде и догарессе молодой // РБ. 1915. № 3. С. 90—94; *Штейн С.* Пушкин и Гофман: Сравн. ист.-лит. исслед. Дерпт, 1927 (Acta et commentarii. В. Humaniora, XIII, 2. Tartu, 1928); *Gorlin M.* Hoffmann en Russie // RLC. 1935. Т. 15. № 1. Р. 66—71 (То же // Gorlin M., Bloch-Gorlina R. Études littéraires et historiques. Paris, 1957. Р. 195—200 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Т. 30)); *Жирмунский В. М.* Пушкин и западные литературы // П. Врем. Вып. 3. С. 97 (То же // Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 389—390); *Лежнев А. З.* Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. М., 1937. С. 234—239 (2-е изд. М., 1966. С. 151—154); *Corbet Ch.* L'originalité du Convive de pierre de Pouchkine // RLC. 1955. Ann. 29. № 1. Р. 65—66; *Нусинов И. М.* История образа Дон Жуана // Нусинов И. М. История литературного героя. М., 1958. С. 272—380; *Gibelli V.* Puskin e Hoffmann // Gibelli V. Fortuna di un poeta tedesco in terra di Russia. Milano, 1964. Р. 65—72; *Ботникова А. Б.* 1) Пушкин и Гофман: (К вопросу о формах литературных

взаимосвязей) // Пушкин и его современники. Псков, 1970. С. 148—160; 2) Э. Т. А. Гофман и русская литература. Воронеж, 1977. С. 89—106; *Ingman N. W.* E. Th. A. Hoffmann's Reception in Russia. Würzburg, 1974. P. 118—140; *Reeder R. F.* The Queen of Spades: A Parody of the Hoffmann Tales // *New Perspectives on Nineteenth-Century Russian Prose*. Columbus (Ohio), 1982. P. 73—98; *Karpiak R.* The Crisis of Idealism: E. T. A. Hoffmann and the Russian Tradition of Don Juan // *Crisis and Commitment: Studies in German and Russian Literature in honour of J. W. Dyck* / Ed. J. Whiton, H. Loewen. Waterloo, 1983. P. 127—139; *Кичатов Ф. З.* Версия одной фантастической повести А. С. Пушкина // «Внимая звуку струн твоих...»: Сб. ст. / Сост. В. И. Грешных. Калининград, 1992. С. 34—36; *Потанова Г. Е.* «Пиковая дама» А. С. Пушкина и некоторые принципы изображения человека в жанре фантастической повести // Там же. С. 68; *Clayton J. D.* «Povesti Belkina» and the Commedia dell'Arte: Callot, Hoffmann, and Puškin // *Russian Literature*. 1996. Vol. 40. № 3. P. 277—292; *Маркова Т. В.* О некоторых общих тенденциях в использовании речевых средств в творчестве Пушкина и Гофмана // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина / Казан. гос. ун-т; Отв. ред. В. Н. Коновалов. Казань, 1998. С. 119—120; *Коровин В. И.* «Какое обещалось тут новое сокровище?» // Моск. пушкинист. Вып. 8. С. 276—282.

М. Ю. Коренева

ГРЕЙ (Gray) Томас (1716—1771), англ. поэт, родоначальник «кладбищенской лирики» в литературе сентиментализма. Всеевроп. славу ему принесла «Элегия, написанная на сельском кладбище» («*Elegy Wrote in a Country Churchyard*», соч. 1742—1750, опубл. 1751). В России Г. привлек внимание с сер. 1780-х (10 пер. «Элегии» в 1784—1803, 6 пер. «Гимна Несчастью» («*Hymn to Adversity*», 1742) в 1792—1806) и в пушк. время был известен гл. обр. через знаменитый пер. под загл. «Сельское кладбище» (1802) В. А. Жуковского. П. знал «Элегию», вероятно, в разных рус. и фр. пер., напр., П. Б. Козловского (1799, проза), П. И. Голенищева-Кутузова (1803), *Ф.-Р. де Шатобриана* (*Les tombeaux champêtres, élogie imitée de Gray, [1796]* // *Chateaubriand F.-R. de. Œuvres complètes*. Bruxelles, 1828. T. 22. P. 317—320 (разрезано); см.: Библиотека П. № 731), *М.-Ж. де Шенье* (*Le cimetière de campagne: Traduction de l'anglais de Gray, 1805* // *Collection des poètes français modernes: Andrieux.—Millevoeye.—André Chenier.—M.-J. Chenier.—Lamartine*. Bruxelles, 1829. P. 117—118 отд. паг., разрезано; см.: Библиотека П. № 810). Вместе с тем упоминание в ст-нии «К сестре» (1814) Г. наравне с *Д. Томсоном* как поэта природы дает основание предположить более широкое, не ограниченное лишь «Элегией», представление П. о его творчестве. Однако в эпиграмме «Штабс-капитану, Гете, Грею...» (1817—1820) антономасия «Грей» в ряду других (Гете, Томсон, Шиллер) имеет в виду Жуковского-переводчика и соответственно Г. — автора переведенной им «Элегии». В лирике П. 1830-х связь с «Элегией» прослеживается в «кладбищенских» стихотв. набросках «Стою печален на кладбище...» (сер. сент.—сер. окт. 1834) и «Когда за городом задумчив я брожу...» (14 авг. 1836), что явствует из упоминания англ. поэта в записи «Prologue», 1835—1836 (Акад. III, 477), представляющей собою план ненаписанного ст-ния, для к-рого, возможно, писался и второй из указанных выше набросков.

Лит.: *Алексеев М. П.* 1) Алексеев. С. 152—156 (то же в кн.: Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 147—151); 2) Английская поэзия и русская литература // Английская поэзия в русских переводах XIV—XIX века / Сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. М., 1981. С. 541—552; *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 181—183, 208—210.

В. Д. Рак

ГРЕКУР (Grécourt) Жан-Батист-Жозеф Виллар де (1683—1743), фр. аббат и поэт, в чьих стихах религ. свободомыслие сочеталось с фривольностью, нередко в самых крайних ее формах. Упомянут П. в ст-нии «Городок» (1815) в числе любимых «парнасских жрецов» как автор эротических ска-

зок, подражатель в этом отношении *Ж. де Лафонтена*. В поэме «Царь Никита и сорок его дочерей» отмечены сюжетные параллели сказке Г. «Коноплянка Иоанна ХХП» («*La linotte de Jean XXII*»), восходящей к вставному рассказу в кн. III, гл. 34 «Гаргантюа и Пантагрюэль» *Ф. Рабле* на фольклорный сюжет «птица в ларце». У П. имелось собр. соч. Г. (Библиотека П. № 954).

Лит.: *Tomáševskij B.* [Рец. на кн.:] *Puškin Alex. Serg. Car Nikita, pohadka.* Praha, 1928 // *Slavische Rundschau.* 1929. Jg. 1. № 6. S. 478; *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 49—50 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 145); *Cross A.* *Pushkin's Bawdy; or, Notes from the Literary Underground* // *Russian Literature Triquarterly.* 1974. № 10. P. 227; *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г.* «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // ЛО. 1991. № 11. С. 29, 31.

В. Д. Рак

ГРЕССЕ, Гресет (*Gresset*) Жан-Батист-Луи (1709—1777), фр. поэт, автор од, посланий, эклог, многих произв. в жанрах «легкой поэзии», комических поэм и стихотв. новелл о нравах священнослужителей и монастырской жизни. В творчестве Г. проявились антипросветит., чувствительные, предромантич. тенденции. Наибольшую популярность имела шутивная поэма «Вер-Вер» («*Vert-Vert*», 1734) о попугае из женского монастыря, набравшемся во время короткой поездки в «низкой» компании дурных манер и площадных выражений, и программное стихотв. послание «Обитель» («*La Chartreuse*», 1735), в к-ром поэт описывает свое скромное и убогое жилище на чердаке школьного здания. «Обитель» оказала сильное влияние на жанр «дружеского» послания в рус. поэзии 1810-х (К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский и др.). Г. был популярен в кругу «арзамасцев», взявших своим девизом насмешливую сентенцию главного персонажа его комедии «Злой» («*Le Méchant*», пост. 1745, изд. 1747; рус. пер.: Н. Свечина, 1817; П. А. Катенина под загл. «Сплетни», пост. 31 дек. 1820, изд. 1821) Клеона: «Дураки существуют для наших маленьких удовольствий» (подлинник по-фр.).

В лицейском творчестве П. соединились непосредственное, прямое влияние Г. с опосредствованным через ст-ние Батюшкова «Мои пенаты» (соч. 1811—1812, напеч. 1814). Следы воздействия тематики, композиции, фразеологии и лексики посланий Г., гл. обр. «Обители», заметны особенно в ст-ниях «Городок» (1814—1815) и «Моему Аристарху» (1815) (здесь прямо упомянут Г. как «певец прелестный», автор «Вер-Вера» и «Обители»), также «К Б(атюшк)ову» («Философ резвый и пиит...») (1814), «К Г(аличу)у» («Пускай угрюмый рифмотвор...») (1815), «Послание к Г(аличу)у» («Где ты, ленивец мой?») (1815), «К Д(ельвигу)» («Послушай, муз невинных...») (1815), «Послание к Ю(дину)» («Ты хочешь, милый друг, узнать...») (1815) и др. К Г. восходило культивируемое юным П. и прослеживаемое далее до «Евгения Онегина» (в частности, гл. VI, 43—45) представление о поэте как своего рода «философе», к-рому сопутствуют постоянные определения «ленивый» («ленивец»), «небрежный», «шалить» («шалунья рифма») и т. п. Реминисценции из Г. обнаруживаются, напр., в выражениях «Геосской мудрец» («Гроб Анакреона», ред. 1815; поздняя ред.: «Сладострастия мудрец»; у Г.: «*ce tendre sage*»), «балованный дитя свободы» («Всеволожскому», 1819; у Г.: «*l'enfant de la Liberté*»), в ст-нии «К***» («Зачем безвременную скуку...») (1821), ст. 6—8, 10—12. П. сохранял высокое мнение о Г. на протяжении всей жизни, высказав его в письме к К. Ф. Рылееву от 25 янв. 1825 (Акад. XIII, 134) и много позднее в заметке «Путешествие В. Л. П.», 1836 (Акад. XII, 93). Постановка на сцене «прекрасного», по оценке П., катенинского пер. «непереводимой», как до этого считал П., комедии Г. породила слухи о сходстве главного персонажа Зельского (русифицированный Клеон) с П., что вызвало объяснения между писателями (см. письма к П. А. Катенину от 19 июля 1822 и Л. С. Пушкину от 21 июля 1822 — Акад. XIII, 41—42).

В письме к П. А. Вяземскому от 28 янв. 1825 П. цитировал слова Репетилова из «Горя от ума» (д. IV, явл. 4), являющиеся перефразированной сентенцией Клеона (Акад. XIII, 137), а в письме к А. А. Бестужеву от конца янв. 1825 противопоставил Чацкому, «мечущему бисер перед Репетиловыми», Клеона, к-рый «не умничает с Жеронтом, ни с Хлоей» (Акад. XIII, 138). В наброске «Брадатый староста Авдей...» (1829) использован, возможно, сюжет «Вер-Вера» применительно к рус. быту. Сравнение в гл. 5 «Дубровского» жизни человека с уносимыми ручьем листьями (Акад. VIII, 179) взято из «Обители». В рец. на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова (1836) П. оспорил строгое суждение Г. о «Скорбных элегиях» *Овидия* (Акад. XII, 84). Отмечено сходство с Клеоном Швабрина («Капитанская дочка») в эпизодах, где последний характеризует Марью Миронову «совершенную дурочкою» и нестрогого поведения.

П. имел 3-томное полн. собр. соч. Г. (Paris, 1823), причем в т. 2 не разрезана комедия «Le Méchant» (Библиотека П. № 955).

Лит.: *Попов А. А.* Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века // Пушкинист, II. С. 239—245; *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 47, 49 (То же с сокр. // Томашевский. П. и Франция. С. 142, 144—145); *Вольперт Л. И.* Пушкин и французская комедия XVII в. // ПИМ. Т. 9. С. 177 (То же // Вольперт. П. и психол. традиция. С. 145—146; Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 150—151); *Holthusen J.* Puškin und Gresset: (Bemerkungen zum Problem der Selbstauffassung des Dichters) // Die Welt der Slaven. (Wiesbaden), 1966. Jg. 11. Hf. 1/2. S. 17—31.

Ю. Г. Оксман, Л. И. Вольперт

ГЮГО, Юго (Hugo) Виктор-Мари (1802—1885), фр. писатель, поэт, драматург, романист, с конца 1820-х глава фр. романтиков. Раннее творчество Г., характеризовавшееся влиянием *Ф.-Р. де Шатобриана* и окрашенное в роялистские и католические тона, прошло в России почти незамеченным. Пристальное внимание и многочисленные отклики как в печати, так и в частных обменах мнениями Г. получил с конца 1820-х; живой интерес вызвали его поэтич. сб-ки «Восточные мотивы» («Les Orientales», 1829) и «Осенние листья» («Les feuilles d'automne», 1831), романтические драмы «Кромвель» («Cromwell», 1827), «Эрнани» («Hernani», 1830) и «Марион Делорм» («Marion Delorme», соч. 1829, пост. 1831), романы «Последний день приговоренного к смерти» («Le dernier jour d'un condamné», 1829) и «Собор Парижской Богоматери» («Notre Dame de Paris», 1831); последний имел особенно громкий успех в России. Все эти произв. П. читал; он приобрел мн. отдельные соч. Г., вышедшие в 1827—1835 (Библиотека П. № 1003—1012, 1179, почти все полностью разрезаны, а «Les Orientales» имеют пометы; № 1003 — приобретена 10 авг. 1835 — Лит. архив. Т. 1. С. 37); знакомился он и со статьями о Г. в имевшихся у него книгах (Там же. № 78, 1266, 1346, 1430).

П. признавал у Г. «истинное дарование» («Начало статьи о В. Гюго»), 1832 — Акад. XI, 219), видел в нем человека, «одаренного талантом» («(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»), 1836 — Акад. XII, 138), считал его и *Ш.-О. Сент-Бёва* (отдавая, впрочем, предпочтение последнему) «бесспорно единственными французскими поэтами» своего времени (письмо к Е. М. Хитрово от 19—24 мая 1830 — Акад. XIV, 93—94; подлинник по-фр.). Вместе с тем именно во многом по произв. Г. у П. сложилось неблагоприятное суждение о фр. «нейстойкой словесности» и мнение о том, что фр. писатели «так называемой романтической школы (...) полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных оборотов и т. п.» и что «всё это (...) слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества» (рец. на сб-ки Сент-Бёва, 1831 — Акад. XI, 200). Соответственно найдя в «Последнем дне приговоренного к смерти» много таланта (письмо к В. Ф. Вяземской от конца (не позднее 28) апреля 1830 — Акад. XIV, 81), он тем не менее считал

этот роман «исполненным огня и грязи» (черн. вар.: «красот и грязи»), для к-рого Г. «не постыдился искать вдохновений» (черн. вар.: «смрадных вдохновений») в записках сыщика Э.-Ф. Видока, одного из «людей темных», явившихся во фр. лит-ре «с позорными своими сказаниями» («О записках Самсона»), 1830 — Акад. XI, 94). «Восточные стихотворения» («Les Orientales») П. назвал «блестящими, хотя и натянутыми» («Об Альфреде Мюссе»), 1830 — Акад. XI, 175), а драмы «неровного, грубого Викт. Юго» «уродливыми» («О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“») — Акад. XII, 141). Отметив, что драма «Кромвель» «была первым опытом романтизма на сцене Парижского театра» и что в ней Г. «почел нужным уничтожить все законы, все предания французской драмы, царствовавшие из-за классических кулис», П. не увидел в ней «никакого действия, и того менее занимательности» («О Мильтоне...», черн. вар. — Акад. XII, 381), а изображение в ней *Д. Мильтона* «жалким безумцем» и «ничтожным пустомелей» признал «удивительными вымыслами» «человека, который, вероятно сам не ведал, что творил, оскорбляя великую тень» (Акад. XII, 140, 143). Если, по мнению П., драма «Кромвель» была «одним из самых нелепых произведений» (Акад. XII, 138) Г., то «Лукреция Борджа» («Lucrèce Borgia», 1833) — «гнуснейшей из драм, омерзительнейшим хаосом ненавистного бесстыдства и кровосмешения» («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной»), 1836 — Акад. XII, 68), и только «Эрнани» (соч. 1829, пост. февр. 1830, изд. 1830) он «прочел с наибольшим удовольствием» из других «современных произведений» (письмо к Е. М. Хитрово от 19—24 мая 1830 — Акад. XIV, 93; подлинник по-фр.). Вышедшую в свет 9 марта (25 февр.) 1830, П. читал эту пьесу уже в апреле (П. А. Вяземский писал жене 30 апр.: «Спроси у П. новую трагедию Hugo, *Hernani*. Он ее получил от Элизы». — Звенья. Т. 6. С. 245—246). В период споров и читательского ажиотажа в России вокруг романа «Собор Парижской Богоматери» (изд. март 1831) П. с нетерпением ожидал своей очереди его прочесть (письмо к Е. М. Хитрово от 2-й пол. (18—25) мая 1831 — Акад. XIV, 166; подлинник по-фр.), а познакомившись с ним и обнаружив «во всем этом вымысле очень много изящества», имел к нему какие-то существенные возражения, к-рые, однако, не высказал (письмо к ней же от 9 (?) июня 1831 — Акад. XIV, 172; подлинник по-фр.). Имя Г. значится в плане статьи «О новейших романах» (1832, предположит. лето—осень — Акад. XII, 204), и, по всей видимости, суждение предполагалось суровым, т. к. в 1-й пол. сент. того же года П. писал М. П. Погодину о своем намерении «показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы» и «сказать единожды в слух (...), что V. Hugo не имеет жизни, т. е. истины» (Акад. XV, 29).

Мотив отложенной мести в «Выстреле» имеет, по-видимому, одним из своих лит. источников «Эрнани». В сцене Германна и графини («Пиковая дама», гл. III) присутствуют соответствия, в т. ч. текстуальные, с гл. 32 и 42 «Последнего дня приговоренного к смерти», и высказывалась гипотеза о типологической общности этих произв. Как один из разрушителей александрийского стиха Г. упоминается в строфах IX—X белого автографа поэмы «Домик в Коломне», 1830 (Акад. V, 376—377) и как один из писателей на вершине Парнаса — в черновиках третьей ред. поэмы «Езерский», 1833 (Акад. V, 417) в связи с темой гордости дворянским происхождением. В дневниковой записи от 22 дек. 1834 идет речь о шумной истории с пер. М. Д. Деларю ст-ния Г. «Красавице». В переписке П. с П. А. Вяземским в авг.—ноябре 1831 именем героини драмы «Эрнани» («*Dona Sol*») называлась А. О. Россет (Акад. XIV, 214, 221, 240). В 1836 фр. писатель А. Тардиф де Мелло (Tardif de Mello), обратившийся к П. с просьбой написать для него «обстоятельный очерк современной русской литературы, главным образом поэзии», сравнил его место в рус. поэзии с тем, к-рое занимает Г. во французской.

Сообщая обстоятельства, приведшие П. к дуэли, петерб. корреспондент нем. «Всеобщей газеты» писал, что «безымянные пасквилы (...) привели дело к развязке во вкусе произведений Виктора Гюго или Бальзака» (*Allgemeine Zeitung*. 1837. 15. März. № 74. Прилож.; рус. пер.: *Веневитинов М. А.* Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г. // РС. 1900. № 1. С. 81 (Отд. изд. СПб., 1900. С. 17); То же в газ.: *Allgemeine Preußische Staats-Zeitung*. 1837. 20. März. № 79; рус. пер.: *Модзалевский Б. Л.* Из бумаг С. Л. Пушкина // ПиС. Вып. 8. С. 84).

В 1880 Г. прислал на имя И. С. Тургенева телеграмму по случаю открытия в Москве памятника П., однако это был лишь жест, вызванный исключительно склонностью Г. к международному представительству.

Лит.: *Бобров Е. А.* 1) М. Д. Делярю и его перевод из Гюго // Рус. филол. вестн. 1905. № 2. С. 188—189; 2) Пушкиниана (I—X). Ростов н/Д., 1919. С. 15—16; IX. Загадочный перевод из В. Гюго; *Козмин Н. К.* Пушкин и Виктор Гюго об Андрее Шенье // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1/2. С. 351—360; *Томашевский Б. В.* 1) Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 205—214, 222—223 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 360—368, 375—376); 2) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 62—64 (То же с измен. // Томашевский. П. и Франция. С. 162—163); *Штейн С.* Пушкин и Гофман: Сравн. ист.-лит. исслед. Дерпт, 1927. С. 217—221 (*Acta et commentarii. V. Humaniora*, XIII, 2. Tartu, 1928); *Белецкий А. И.* К истории создания «Капитанской дочки» // ПиС. Вып. 38/39. С. 199—201; *Якубович Д. П.* Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтер Скотта // Язык и литература. Л., 1930. Т. 5. С. 152—153; *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. IX. К генезису «Выстрела»; X. Пушкин и Виктор Гюго // Звенья. Т. 5. С. 133—136; *Жирмунский В. М.* Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 90—91 (То же // Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 383—385); *Алексеев М. П.* Виктор Гюго и его русские знакомства // ЛН. Т. 31/32. С. 784—785, 789 (То же // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 379—384, 387—388, 474, 488—489); *Загорский М.* Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 252—256; *Берковский Н. Я.* О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.; Л., 1960. С. 133—134 (То же // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 281—283; Берковский Н. Я. О русской литературе. М., 1985. С. 42—44); *Тамарченко Н. Д.* 1) «Пиковая дама» А. С. Пушкина и «неистовая литература» // Герценовские чтения, 23-е: (Межвуз. конф.). Филол. науки. Краткое содерж. докл. Л., 1970. С. 49—52; 2) Пушкин и «неистовые романтики» // Из истории русской и зарубежной литературы XI [XIX]—XX вв. Кемерово, 1973. С. 72—77; 3) Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского // Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов: Сб. науч. тр. Л., 1974. С. 23—32; *Луков В. А.* Пушкин и Гюго: Два взгляда на историю драмы // Литературная теория и художественное творчество: Сб. науч. тр. М., 1979. С. 82—92; *Маркович В. М.* «Повести Белкина» и литературный контекст // ПИМ. Т. 13. С. 67—69; *Achinger G.* Victor Hugo in der Literatur der Puškinzeit (1823—1840): Die Aufnahme seiner Werke und seine Darstellung in der zeitgenössischen Literaturkritik. Köln; Wien, 1991. S. 102—153 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd 37); *Gregg R. A.* Puškin, Victor Hugo, the perilous ordeal, and the true-blue hero // SEEJ. 1994. Vol. 38. № 3. P. 438—445; *Shengold D.* Adding to the «Guest» List: Hugo's Hernani and Pushkin's Don Juan // Slavic Rev. Vol. 58. № 2. P. 329—336.

В. Д. Рак

Д

ДАНЖО (Dangeau) Филипп де Курсильон маркиз де (1638—1720), адъютант и приближенный фр. короля Людовика XIV, мемуарист, в чьем дневнике отражена в повседневных подробностях личная жизнь монарха и придворный быт. Высоко ценимый П. историк П.-Э. Лемонте привлек внимание к тому обстоятельству, что из мелких фактов, сообщенных Д., складывается картина абсолютистского произвола и дневник-хроника становится материалом для полит. обобщений; под этим углом зрения Д. воспринимался современниками П. как писатель-обличитель. В этом контексте получает объяснение единственное упоминание Д. в дневниковой записи П. от 1 янв. 1834: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Н. (аталья) Н. (иколаевна) танцевала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau» (Акад. XII, 318). Называя себя «русским Данжо», П. намеревался сознательно исполнить то, что у Д. вышло непредумышленно.

У П. имелись вышедшие при его жизни первые четыре тома начатого полн. изд. дневника Д. (Paris, 1830) (разрезаны частично — Библиотека П. № 846); ему был известен и нелицеприятный отзыв о Д. как о пустом фате фр. мемуариста Л. де Сен-Симона (Saint-Simon, 1675—1755) (в имевшемся у П. экз. его мемуаров на этих страницах сохранилась закладка — Там же. № 1345; этот отзыв приведен и в биогр. очерке, предпосланном полн. изд. дневника Д., см.: Т. 1. С. 26—28). В поле внимания П. могла попасть статья: *Musset P. Le journal de Dangeau // Rev. de Paris. 1836. N. S. T. 31. Juil. P. 176—186.*

Лит.: Дн. Модз. С. IV; Дн. Сав. С. 20, 30; *Якубович Д. П. «Дневник» Пушкина // Пушкин: 1834 год. Л., 1934. С. 31—35; Томашевский Б. В. Пушкин и история Французской революции // Томашевский. П. и Франция. С. 206; Крестова Л. В. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? // ПИМ. Т. 4. С. 267—276; Левкович Я. Л. 1) Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 185; 2) Комментарии // Пушкин А. С. Дневники; Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 226.*

Л. И. Вольперт

ДАНТЕ, Дант (Dante) Алигьери (1265—1321), ит. поэт, гуманист, полит. деятель. Европ. известность принесла ему поэма «Комедия» («Commedia», соч. 1300—1318, первые печатные изд. восходят к 1472) в 3 ч. («Ад», «Чистилище», «Рай»), описывающая путешествие автора по загробному миру. На протяжении XIV—XVI вв. «Комедия» пользовалась большой популярностью в Италии, ее читали и комментировали наравне со Священным Писанием; с венецианского изд. 1555 в ее загл. появился и утвердился в дальнейшей традиции эпитет «Божественная» («La Divina Commedia»). В XVII—XVIII вв. ситуация постепенно меняется вплоть до полного охлаждения к «Комедии» и пренебрежительно-критических ее оценок, отраженных,

например, в «Вергилиевых письмах» («Lettere Virgiliane», 1757) С. Беттинелли (Bettinelli, 1718—1800) и в «Опыте о нравах» («Essai sur les mœurs et l'esprit des nations», 1756), «Письме о Данте» («Lettre sur le Dante», 1765) и «Китайских письмах» («Lettres chinoises, indiennes et tartares, à monsieur Paw, par un bénédictin», 1776) *Вольтера*. Возрождение интереса творчеству Д., обусловленное в немалой степени просветит. полемикой о худож. ценности его творчества, наблюдается в Европе и в России на рубеже XVIII—XIX вв. в рамках кризиса просветит. идеологии и эстетики и зарождения романтич. направления в искусстве.

Первые представления о творчестве Д., полученные П. в юношеские годы, опирались — и прямо, и косвенно — на суждения *Вольтера*, чьи лит. мнения были в это время для него во многом определяющими. В «Лицее» *Ж.-Ф. де Лагарпа* Д. характеризовался вслед за *Вольтером* как автор «уродливого сочинения», лишь изредка соблюдавший в нем правила иск-ва. В лекциях П. Е. Георгиевского упоминалась «адская пирушка Уголино» («Ад», XXXIII) в качестве примера ужасного возвышенного, переходящего в отвратительное (Лицейские лекции. С. 196).

Перечисляя в ст-нии «Городок (К***)» (1815) своих любимых поэтов, П. не назвал в их числе Д. Вплоть до нач. 1820-х не известно ни одного его отзыва о творце «Божественной комедии» и ни одного свидетельства об отношении к оценкам *Вольтера*. Между тем в ближайшем лит. окружении П. укрепляется весьма уважительное отношение к Д. К числу ценителей ит. поэта принадлежали В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев. В 1816—1817 К. Н. Батюшков изучает Д., готовясь писать его биографию и переводить отрывки из «Ада». П. А. Катенин, с к-рым П. познакомился и сблизился вскоре после окончания Лицея, опубликовал в 1817 свой пер. сцены с Уголино и был одним из самых убежденных адептов Д. Можно предположить, что в новой иерархии лит. ценностей, формировавшейся у П. уже в 1817—1820, Д. принадлежало одно из существенных мест. Более углубленное знакомство с его творчеством начинается в южной ссылке.

В 1821—1825 в рукописях П. появляются ит. цитаты из «Ада». Первая: «Ed ella a me: nessun maggior dolore Che ricordarsi del tempo felice Nella miseria» («Ад», V, 121—123; с ошибкой или опiskeй в слове «maggior»; пер.: И мне она: тот страждет высшей мукой, Кто радостные помнит времена В несчастьи...) — записана не позднее нач. февраля 1821 (Рукою П. С. 455—456). Вторая: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate» («Ад», III, 9; пер.: Входящие, оставьте упованья) — была широко распространена в пушк. эпоху, как правило, в шуточном контексте и таким же образом перефразирована в «Евгении Онегине» (гл. III, 22. 10) в 1-й пол. 1824. Впоследствии она возникает в измененном виде по-фр. в письме к Е. М. Хитрово от 20 марта 1831 (Акад. XIV, 157) для характеристики Москвы, куда не доходят сведения о польском восстании: «Laissez toute intelligence, ô vous qui entrez» (пер.: Входящие, оставьте всякое разумение). Она включается в широкую традицию 1830—1840-х сравнения реакционной России с Дантовым Адом. Третья: «Ma dimmi: nel tempo di dolci sospiri A che e come concedette [a conoscer] amore Che conoscete I dubiosi desiri? Dan(te)» («Ад», V, 118—120; пер.: Но Расскажи: меж вздохов нежных дней, Что было вам любовною наукой, Раскрывшей духу тайный зов страстей?) — предполагалась в качестве эпиграфа к гл. III или IV «Евгения Онегина», 1824 (Акад. VI, 573, 591). Первые две фразы неоднократно повторяются в современной П. литературе (Виноградов. Стиль П. С. 385—388; [2-е изд.]. С. 441—444). Все три сосредоточены во фрагментах из «Божественной комедии», приведенных в подлиннике в «Литературной истории Италии» («Histoire littéraire d'Italie», 1811—1824) П.-Л. Женгене (Ginguené, 1748—1816), где разбору «Божественной комедии» посвящен целый том. Первая и третья непосредственно соседствуют (в обратной последовательности) в эпизоде Паоло и Франчески, процитированном Женгене в оригинале и в собственном прозаич. пер. на фр. яз. В тот

же период наряду с указанными цитатами в стихах П.: «И за здоровье *тех* и *той* До дна, до капли выпивали! («(В. Л. Давыдову)» («Меж тем как генерал Орлов...»)) (1—10 апр. 1821)) — отразилось в качестве элементов конспиративного языка южных декабристов употребление относительных местоимений в дантовской строке: «La quale e' l quale, a voler dir lo vero, Fu stabiliti per lo loco santo U' siede il successor del maggior Pietro» («Ад», II, 22—24; пер.: А тот и та, когда пришла пора, Святой престол воздвигли в мире этом Преемнику верховного Петра).

Книга Женгене наряду с др. классическим исследованием романских литератур «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829) швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842) дала П. богатый материал для осмысления и историко-литературного обоснования набиравшего силу романтичес. движения, в к-ром имя Д. явилось одним из определяющих. В критич. и теоретич. выступлениях П. 1820-х Д. упоминается в ряду поэтов прошлого, причисленных Женгене и Сисмонди к романтичес. традиции (*Шекспир, Д. Мильтон, Кальдерон, Камюэнс, Лопе де Вега, Сервантес, Ариосто, Т. Тассо* и др.). Д. для П. — образец могучего самобытного, нецивилизovanного гения, к к-рому применим эпитет «дикий», присутствующий в черн. вариантах статьи «О поэзии классической и романтической», 1825 (Акад. XI, 306). Вслед за Женгене и Сисмонди П. в своих суждениях о творчестве Д. выдвигает на первое место общий замысел и архитектонику поэмы, к-рые для него представляют большую ценность, нежели отдельные стилистические находки и нововведения: «Единый план Ада есть уже плод высокого гения», — наметил он пункт в набросках «(Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“»», 1825—1826 (Акад. XI, 42). Одна из важнейших эстетич. деклараций П. этих лет: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» (письмо к А. А. Бестужеву от конца янв. 1825 — Акад. XIII, 138), — является парафразой итоговой характеристики Д. у Сисмонди: «...le Dante ne pouvait être jugé que par les lois qu'il s'était données» (De la littérature du Midi de l'Europe. 2e éd. Paris, 1829. Т. 1. P. 390; пер.: ...Данта судить можно лишь по законам, им самим себе данным). В статьях «О поэзии классической и романтической», «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834), «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (1836) П. характеризует XVIII в. как время упадка поэзии и вместе с ним ослабления интереса к Д., в то время как «зрелая словесность», отмеченная стремлением к нар. началам, побудит обществ. вкус обратиться к Д. наряду с *Гомером, Шекспиром, Сервантесом* и др. гениями романтичес. направления (Акад. XI, 37, 269, 272; XII, 137).

Попав в поле теоретич. размышлений П., оставил Д. след и в его худож. сознании. В 1824 в одном из набросков поэмы «Цыганы» П. перефразирует дантовские строки из пророчества Каччагвиды: «Tu proverai sì come sa di sale Lo pane altrui, e com'è duro calle Lo scendere, e'l salir per d'altrui scale» («Рай», XVII, 58—60; пер.: Ты будешь знать, как горестен устам Чужой лопоть, как трудно на чужбине Сходить и восходить по ступеням): «[Не испытает] м(альчик) мой Сколь <пропуск> [жестоки пени] Сколь черств и горек хлеб чужой — Сколь тяжко <медленной> [ногой] Всходить на чуждые ступени» (Акад. IV, 446). Рус. пер. этих строк был впервые опубликован А. С. Норовым в майском номере «Литературных листков» за 1824 г. (Элегия «Пророчества Данте». С. 175). Впоследствии эти строки будут использованы в гл. 2 «Пиковой дамы» (1833): «Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца...» (Акад. VIII, 233). В первой строфе элегии «Андрей Шень» (1825) тень *Байрона* внимает «хору европейских лир» из загробного мира, где она находится «близ Данте»» (ст. 3—4), и эта встреча двух поэтов подчеркивает сходство их судьбы (оба изгнанники), одновременно напоминая, что свой гражданский пафос Байрон выразил в поэме «Пророчество Данте» («The Prophecy of Dante», 1819), представив в ней

творца «Божественной комедии» суровым пророком и витией. Эпитеты «важный и мрачный», «суровый» в отношении Д. должны были врезаться П. в память еще при чтении статей К. Н. Батюшкова «Петрарка» (1815, опубл. 1816) и «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» (1816); они нашли отражение в автографе ст-ния «Кто знает край...» (1828), где появилось, но не получило развития новое сопоставление на этой основе Данте с Байроном: намеренные стихи «Где Dante мрачный и сур(овый) (?) Свой Ад *(пропуск)* создавал», «Где Dante темный и суровый» и др. имели вар. «Где Байрон нежный и суровый Отвергнув *(пропуск)* все оковы Страдал любил и проклинал» (Акад. III, 647). Далее эти эпитеты были употреблены в ст-нии «Зорю бьют...» (1829): «Чу! зорю бьют... из рук моих Мой ветхий Данте выпадает И недочитан мрачный стих» (Акад. III, 743), также в первой строке «Сонета» (1830): «Суровый Дант не презирал сонета». В черн. вариантах повести «Гробовщик» (1830) процитирована заключительная фраза V песни «Ада» «E caddi come corpo morto cade» («Ад», V, 142; пер.: И я упал, как падает мертвец): Адриан Прохоров, созвавший в гости своих клиентов-мертвецов, лишился чувств и «упал come corpo morto cade» (Акад. VIII, 636), что, по мнению Ю. М. Лотмана, вскрывает травестийный характер эпизода по отношению к «Божественной комедии». В ином семантическом и стилистическом регистре парафраз этой строки употреблен в «Полтаве» (1829): Мария при вести об осуждении отца на казнь «...падает на ложе, Как хладный падает мертвец» (песнь II, ст. 383—384). Красоте этой строки и трудности ее перевода на фр. яз. Женгене в своем труде посвятил обширное примеч. В «Моцарте и Сальери» (1830) эпизод со слепым скрипачом, по-видимому, восходит к фрагменту из «Литературной истории Италии» Женгене, в к-ром приведены сюжеты двух новелл Франко Саккетти (Sacchetti, ок. 1330—1400): Д. разбрасывает инструменты кузнеца за то, что тот пел стихи из «Божественной комедии», как площадную песню, и избивает погонщика ослов за то, что тот к ним добавлял простонародный припев (*Ginguené P. L. Histoire littéraire d'Italie. Paris, 1811. T. 1. P. 482—483*). В поэме «Анджело» (1833) в монологе Клавдио (ст. 179—189) описание загробных мучений хотя и является переводом из комедии Шекспира «Мера за меру», но скорректировано в соответствии с дантовским изображением ряда адских мук (Ю. Д. Левин). Строки из «Медного всадника»: «Нева металась, как больной В своей постеле беспокойной» (ч. 1, ст. 5—6) — восходят к дантовскому обращению к Флоренции, терзаемой гражданскими войнами: «E se ben ti ricordi e vedi lume Vedrai te simigliante a quella inferma Che non può trovar posa in su le piume Ma con dar volta suo dolore scherma» («Чистилище», VI, 148—151; пер.: Опомнившись, хотя б на миг один, Поймешь сама, что ты — как та больная, Которая не спит среди перин, Ворочаясь и отдыха не зная). В «Божественной комедии» есть также образ вздыбленной лошади, примененный к стране под властью императора: «Che val perché ti rassicinasse il freno Giustiniano se la sella è vota?» («Чистилище», VI, 88—89; пер.: Зачем тебе подправил повода Юстиниан, когда седло пустоет?); по предположению Ю. М. Лотмана, он, возможно, объясняет и смысл рисунка П. (ПД 842, л. 6; воспроизведение: Раб. тетр. Т. 7), изображающего Фальконе-това коня без седока (конец 1829—нач. 1830).

С конца 1820-х П. следит за появляющимися пер. из Д. как рус. А. С. Норова (отзыв в заметке «(Об альманахе „Северная лира“»), 1827 — Акад. XI, 48), С. П. Шевырева, П. А. Катенина (отзыв в рец. «(Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина)», 1833 — Акад. XI, 221), так и новыми фр. Арто де Монтора (Artaud de Montor, 1772—1849; см.: Библиотека П. № 847—849, тома разрезаны частично) и А. Дешана (Deschamps de Saint-Amand, 1800—1869; см.: Библиотека П. № 851). Их анализ и оценка отражаются в его собственном творчестве. Он осваивает стихотв. формы сонета, октавы и терцин, воскрешает темы и жанры, свойственные «смирному началу романтической поэзии» («О поэзии классической и романтической

ской» — Акад. XI, 37). В 1830—1832 П. пишет три ст-ния, прямо ориентированные на дантовскую поэму («В начале жизни школу помню я...», «И дале мы пошли, и страх объял меня...», «Тогда я демонов увидел черный рой...»), не напечатанные при жизни и вошедшие в Посм. под редакторским названием «Подражания Данту». Ст-ния имеют длительную историю критич. и исследовательских интерпретаций, к-рая в общих чертах сводится к утверждению о худож. освоении в них поэтики Д. Они были попыткой П. расширить строфический, мелодический, стилистический репертуар рус. поэзии и возможности современного ему поэтич. яз. Дантовские терцины оказались пригодны для торжественного символического повествования, для травестии или пародии с элементами гротеска, для имитации нарративного, эпического в своем существе стиля «Божественной комедии».

Помимо явных упоминаний и цитат из Д. исследователями указаны в произв. П. без достаточных обоснований якобы дантовские скрытые реминисценции, параллели, сквозные темы; эти сопоставления проведены гл. обр. по признаку нек-рого отдаленного сходства (Благой 1964; Благой 1967. С. 239—241; Picchio. P. 42—50; Гаспаров).

Указанные В. В. Виноградовым как принадлежащие Д. (Виноградов. Стиль П. С. 388; [2-е изд.]. С. 444) стихи «*Oggi le poppe Mordono ingrati della lor nudrice*» (пер.: Ныне неблагодарные кусают перси кормилицы своей), перифразированные П. в письме к К. Ф. Рылееву (25 янв. 1825) применительно к критике на В. А. Жуковского: «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались?» (Акад. XIII, 135) — в «Божественной комедии» отсутствуют.

В б-ке П. имелся, кроме новейших, также старый (Paris, 1596) фр. пер. «Божественной комедии» (Библиотека П. № 850). В рукописях П. содержатся набросок портрета Д. (между 6 февр. и 13 июня 1823) в тетр. ПД 834, л. 3 (воспроизведено: Раб. тетр. Т. 4) и сомнительно определяемый как Д. портрет (1833) в тетр. ПД 842, л. 75 об. (воспроизведено: Раб. тетр. Т. 7); существует шуточный, шаржированный набросок автопортрета П. (1835—1836) (ПД 1732, л. 59), стилизованный под Д., в лавровом венке, с надписью: «*il gran padre A. P.*» — перифразировкой именованья Д., данного ему *Альфьери* и Байроном (Жуйкова. № 95, 339, 340). Ранее формула «*il gran padre*» была употреблена П. в черн. ред. статьи «(Письмо к издателю „Московского вестника“», 1828 (Акад. XI, 339), а первую пробу подобного автопортрета П. сделал почти одновременно с рисунком Фальконетова коня без всадника (ПД 842, л. 8; Раб. тетр. Т. 7). Возможно, начальную мысль о таком автошарже П. подсказал комплимент ит. переводчика С. Риччи, сравнившего в письме от 1 мая 1828 соч. П. с «Комедией» Д. (Акад. XIV, 16); позднее П. Я. Чаадаев, восторженно отозвавшись на ст-ние «Клеветникам России» (1831), назвал поэта «русским Данте» (письмо от 18 сент. 1831 — Акад. XIV, 228).

Лит.: Розанов М. Н. 1) Заметка о «Скупом рыцаре» // Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского Л., 1928. С. 253—256; 2) Пушкин и Данте // ПиС. Вып. 37. С. 11—41; *Biolato Mioni A. Puškin e Italia* // Alessandro Puškin: Nel primo centenario della morte / A cura di E. Lo Gatto. Roma, 1937. P. 271—272; *Цяловская Т. Г.* Западные писатели в рисунках Пушкина // Культура и жизнь. 1959. № 2. С. 56—57; Благой Д. Д. 1) «Евгений Онегин» в кругу великих созданий мировой литературы // Проблемы сравнительной филологии: Сб. ст. к 70-летию В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964. С. 331—333; 2) Данте в сознании и творчестве Пушкина // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967. С. 237—246; 3) *Il gran'padre: Пушкин и Данте* // Благой Д. Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. М., 1977. С. 104—162 (2-е изд., доп. М., 1979. С. 113—172); *Левин Ю. Д.* Об источниках поэмы Пушкина «Анжели» // Изв. ОЛЯ. 1968. Т. 27. № 3. С. 255—258; *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 456—460; *Picchio R.* Dante and J. Malfilâtre as Literary Sources of Tat'jana's Erotic Dream // Alexander Pushkin: A Symposium on the 175-th Anniversary of His Birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovskiy. New York, 1976. P. 42—55; *Лотман Ю. М.* К проблеме «Данте и Пушкин» //

Врем. ПК. 1977. С. 88—91 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 409—411; Лотман. Пушкин. С. 332—335); *Бэлза И. Ф.* Дантовские отзвуки «Медного всадника» // Дантовские чтения, 1982. М., 1982. С. 170—182; *Гаспаров Б. М.* Функции реминисценций из Данте в поэзии Пушкина // *RL*. 1983. Vol. 14. № 4. Р. 317—349; *Долнин А. А.* К вопросу о «Страннике» и его источниках // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. / Тартус. гос. ун-т; Каф. рус. лит. Таллин, 1987. С. 35—36; *Асолян А. А.* 1) Данте и русская литература. Свердловск, 1989; 2) «Почтите высочайшего поэта...»: Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990. С. 47—73: Гл. III. «Il gran padre А. Р.»: (Данте и Пушкин); *Мальчукова Т. Г.* К вопросу об истоках и источниках западно-восточного синтеза в поэзии А. С. Пушкина: (Об интерпретации стихотворения «Напрасно я бегу к Сионским высотам...») // Русская культура и Восток. Симферополь, 1993. С. 8 (Крымские Пушкинские чтения, 3-и (13—19 сент. 1993 г.). [Материалы]); *Вацуро В. Э.* Пушкин и Данте // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1. С. 375—391 (То же // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 235—253); *Федотов О. И.* Пушкин как инициатор русской терцинной традиции // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 1998. Т. 136: А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). С. 12—31; *Гардзонио С.* Пушкин и Данте: Общие элементы культурного сопоставления // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 426—437.

А. О. Дёмин

ДЕЛАВИНЬ, де ля Винь, Лавинь, la Vigne (Delavigne) Казимир Жан Франсуа (1793—1843), фр. поэт и драматург. Известность Д. принесли вызвавшие во Франции сильный обществ. резонанс гражд.-патриотич. элегии «Битва при Ватерлоо» («La Bataille de Waterloo»), «Разграбление Музея и памятников» («La Devastation du Musée et des Monuments»), «О необходимости объединиться после ухода иностранцев» («Du besoin de s'unir après le départ des étrangers»), объединенные в сб. «Мессеньеры» («Trois Messéniennes», 1818); сочувственно были приняты трагедии «Сицилийская вечерня» («Les vèpres siciliennes», 1819) и «Пария» («Le paria», 1821), волновавшие зрительный зал своей либеральной проблематикой и злободневными полит. намеками; триумфальный успех имела комедия «Школа стариков» («L'école des vieillards», 1823).

В России хорошо знали Д. В июле 1823 Н. Н. Раевский-младший переслал П. новейший сб. фр. поэта («Nouvelles Messéniennes», 1822, или «Poésies diverses», 1823; см.: Летопись. Т. 1. С. 333); а в письме к П. А. Вяземскому от 5 июля 1824 П. высказал свое мнение о трагедиях Д. (сформулированное им еще ранее в черновике письма ему же от 4 ноября 1823): «Век романтизма не настал еще для Франции — Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля — он ученик трагика Вольтера, а не природы» (Акад. XIII, 102; ср. с. 381). В 1825 какой-то томик соч. Д. переслал в Михайловское Вяземский, и после прочтения мнение П. осталось невысоким: «Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но все не Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла!» (письмо к П. А. Вяземскому от 25 мая и около сер. июня 1825 — Акад. XIII, 184). В след. годы П., несомненно, продолжал следить за творчеством Д.; в частности, он внимательно читал имевшийся у него сб. «Sept Messéniennes nouvelles» (2e éd. Paris, 1827), делая на нем пометы (см.: Библиотека П. № 861); однако ни трагедия «Марино Фальери» («Marino Falieri», 1829), в к-рой декларировалось примирение классицизма и романтизма и практически было осуществлено эклектическое сочетание худож. приемов обеих драматургических систем, ни вошедшие на долгие годы в репертуар многих европ. театров знаменитые трагедии «Людовик XI» («Louis XI», 1832) и «Дети Эдуарда» («Les enfants d'Edouard», 1833) не вызвали со стороны П. никакого отклика, кроме упоминания в дневнике 29 ноября 1833 о представлении последней в петерб. Михайловском театре и слухах (не оправдавшихся) об ожидаемом ее запрещении за полит. «применения» (Акад. XII, 315). 13 ноября 1834 П. был в театре на представлении этой пьесы (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 170; Летопись. Т. 4. С. 248—249). Раздражение вызвали у П. полит. ст-ния Д. периода Июльской революции

1830, не принятой рус. поэтом. О ст-нии «Парижанка» («La Parisienne»), ставшем гимном освобожденной Франции, он писал Е. М. Хитрово 21 авг. 1830: ««Парижанка» не стоит „Марсельезы”» (Акад. XIV, 108; подлинник по-фр.), а четверостишие в честь жертв Июльской революции, за перепечатку к-рого А. Х. Бенкендорф сделал грубый выговор А. А. Дельвигу и была запрещена ЛГ, он назвал пренебрежительно «конфетным билетцем этого несносного Лавинья» (письма к П. А. Плетневу от 9 дек. 1830 и Е. М. Хитрово 11 дек. 1830 — Акад. XIV, 133, 134—135).

В имевшемся у П. сб. статей (1836) фр. критика Г. Планша (Planche, 1808—1857) разрезана статья о Д. (Библиотека П. № 1266).

Лит.: *Томашевский Б. В.* 1) Французские дела 1830—1831 г. // Письма к Хитрово. С. 320—324; 2) Пушкин и французская революционная ода (Экушар Лебрен) // Изв. ОЛЯ. 1940. № 2. С. 53—55 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 356—359); *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. V. Заметки на полях «Евгения Онегина». 11. Могила Ленского // *Звенья*. Т. 5. С. 78—80; *Pushkin A. S. Eugene Onegin... / Transl. ... with a comment.* by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 3. P. 326—327 (рус. пер.: Набоков. С. 648).

В. Д. Рак

ДЕЛИЛЬ (Delille) Жак (1738—1813), фр. поэт, автор описательных и научно-дидактических поэм «Сады» («Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages», 1782), «Сельский житель, или Французские георгики» («L'homme des champs, ou les Géorgiques françaises», 1800), «Воображение» («L'imagination», 1806), «Три царства природы» («Les trois règnes de la nature», 1808) и др., переводчик «Георгик» (1770) и «Энеиды» (1804) *Вергилия*, «Потерянного рая» (1805) *Д. Мильтона*. Признанный при жизни первым фр. поэтом своего времени, Д. был хорошо известен в России. «Сельский житель» был переиздан в Петербурге в 1801 и переведен на рус. яз. в 1804, «Сады» переводились фрагментами (в т. ч. в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина) и трижды полностью (П. М. Карabanов, 1801; А. А. Палицын, 1814; А. Ф. Воейков, 1816). В Лицее, во время пребывания там П., соч. Д. изучались как образцовые. На фоне развивавшейся романтической лит-ры слава классика Д. быстро померкла. Отношение П. к Д. было очень критическим, проистекая из неприятия мелочных стилистических ухищрений фр. поэта и его сложных метонимических перифраз. В письме к брату ок. (не позднее) 20 дек. 1824 П. пародировал перифрастический слог Д. (Акад. XIII, 130). Гордость Д. своими смелыми новациями, состоявшими в употреблении обычных слов (в частности, *vache* — корова; см.: *Discours préliminaire aux Géorgiques de Virgile // Delille J. Œuvres complètes*. Paris, 1855. P. 306), вызвала насмешливое замечание П.: «Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике. — Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!» («Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям”»), 1827 — Акад. XI, 61). В строфе XI второго слоя белого автографа «Домика в Коломне» (1830) Д. назван иронически за свою творческую неутомимость и плодовитость «парнасским муравьем» (Акад. V, 377). В пер. «Потерянного рая» Д., по мнению П., «ужасно поправил (...) грубые недостатки и украсил (...) без милосердия» Мильтона («(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”»), 1836 — Акад. XII, 138), сгладив то, что в подлиннике не соответствовало правилам и нормам поэтики фр. классицизма.

«Воспоминания в Царском Селе» (1814), поэма «Кавказ» (1820) и замысел поэмы «Таврида» (1822) содержат скрытую полемику с пер. «Садов» А. Ф. Воейкова, ориентированным на измельчавшую традицию фр. классицистской поэзии XVIII в. По наблюдению Ю. Г. Оксмана, не получившему развития в пушкиноведении, с одним местом из третьей песни поэмы Д.

«Воображение» связана песнь председателя в «Пире во время чумы» («Есть упоение в бою...») (Путеводитель. С. 121).

Имевшееся у П. 6-томное полн. собр. соч. Д. (Bruxelles, 1817—1818) осталось неразрезанным (Библиотека П. № 863).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 54 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 150—151); *Лотман Ю. М.* «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады / Изд. подгот. Н. А. Жирмунская и др. Л., 1987. С. 204—209 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 2. С. 277—281).

В. Д. Рак

ДЖЕФФРИ (Jeffrey) Фрэнсис (1773—1850), англ. (шотл. происхождения) публицист и лит. критик, один из основателей и редактор (1802—1829) ж-ла «Эдинбургское обозрение» («Edinburgh Review»), за к-рым следил П., имевший в своей б-ке 6 томов избранных статей из этого период. изд. (Библиотека П. № 585. Vol. 100—105). П. упомянул Д. в наброске заметки «[Обозрение обозрений]» (1831) в паре с его антагонистом, редактором ж-ла «Ежеквартальное обозрение» («Quarterly Review») *У. Гиффордом* и в том же контексте.

В. Д. Рак

ДЖОНСОН (Johnson) Сэмюэл (1709—1784), англ. писатель, критик, лексикограф, редактор собр. соч. *Шекспира*. В России были известны в XVIII—нач. XIX в. почти исключительно его нравоучительные эссе и рассказы из издававшихся им период. листов морально-дидактического содержания «Бродяга» («The Rambler», 1750—1752) и «Досужий» («The Idler», 1758—1760), а также филос. повесть «Расселас, принц Абиссинский» («Rasselas, the Prince of Abyssinia», 1759). Во 2-й пол. 1820-х, когда в связи со смертью Н. М. Карамзина (1826) стала ощущаться необходимость написания его биографии и биографий др. отеч. писателей, внимание привлекла в качестве образца жанра обстоятельная 2-томная «Жизнь Сэмюэла Джонсона» («The Life of Samuel Johnson, LL.D», 1791), принадлежавшая перу Джеймса Босвелла (Boswell, 1740—1795). П. имел нек-рое представление о личности и лит. деятельности Д., по крайней мере как критика, о чем свидетельствует его помета (1832) на полях рукописи П. А. Вяземского о Фонвизине, называвшая (ошибочно) «славного Dr Johnson» лицом, с к-рым случился пересказанный Вяземским анекдот. В статье «[Песнь о полку Игоре-ве]» (1836) П. подкрепил упоминанием Д., к-рый «тотчас уличил Макферсона» (см. статью «*Оссиан*»), свою мысль о том, что «счастливая подделка (...) не может укрыться от взоров истинного знатока» (Акад. XII, 147). Начатой и вычеркнутой в рукописи фразой: «...в самое время его (Макферсона. — *В. Р.*) славы писал ему грубое (письмо)» (Акад. XII, 388) — эта статья перекликается с предположит. атрибутируемой П. заметкой «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана...”» (ЛГ. 1830. 21 янв. № 5), где приводился текст письма «как поучительный пример для наших журнальных критиков», подобных в своих писаниях Д., «человеку отменно грубому» (Акад., XI, 281). Характеристика Д. и его письмо заимствованы из книги *А.-Ф. Вильмена* «Cours de littérature françoise: Tableau du dix-huitième siècle» (Paris, 1828. Pt 2. VIe leçon du 20 mai 1828. P. 8—10). В б-ке П. имелись на англ. яз. «Расселас» (London, 1823), «Жизнеописания английских поэтов» (London, 1826) (не разрезаны), однотомник Шекспира (Leipsic, 1824), на тит. л. к-рого значится Д. среди фамилий редакторов, чьи издания послужили источниками текстов (Библиотека П. № 567. Vol. 5; № 1032; 1390).

Лит.: *Симмонс Д.-С.-Г.* Сэмюэль Джонсон «на берегах Волги» // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 170—171; Новонайденный автограф. С. 37, 74—75, 122—123.

В. Д. Рак

ДИДРО, Дидерот, Дидрот (Diderot) Дени (1713—1784), фр. писатель, философ-просветитель, организатор, идейный руководитель и редактор «Энциклопедии» (««Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers», 1751—1780). Худож. творчество Д. никак не отразилось в оценках и суждениях П. В сказке П. «Царь Никита и сорок его дочерей» (1822) имеются параллели роману «Нескромные сокровища» («Les bijoux indiscrets», 1748) на уровне мотивов, словесных и фразовых совпадений, что дает нек-рые основания включить это произв. в ее лит. фон. П. видел в «пылком», по его определению («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 272), Д. гл. обр., если не исключительно, представителя фр. философии XVIII в., входившего в «энциклопедии скептический причот» («К вельможе», 1830, ст. 73—74), единомышленника *Вольтера* и «самого ревностного из его апостолов» (Акад. XI, 272). Ст. 30 ст-ния «К вельможе» («То читатель Промысла, то скептик, то безбожник») содержит точную характеристику эволюции взглядов Д. от «Философских мыслей» («Pensées philosophiques», 1746) и «Прогулки скептика» («La Promenade du sceptique», 1747) к позднему атеизму. В статье «Александр Радищев» (1836) упоминается «политический цинизм» (черн. вар.: «фанатизм») Д. (Акад. XII, 36, 355). Согласно одному из планов «Капитанской дочки», П. предполагал вывести Д. при дворе Екатерины II, сделал его участником развязки («Отец едет просить. Орлов. Екатер(ина). Дидерот. Казнь Пугачева». — Акад. VIII, 929); это намерение было оставлено, возможно, в частности потому, что, согласно хронологии романа, развязка происходила много позже пребывания в Петербурге Д. (8 окт. 1773—5 марта 1774), приезжавшего в Россию по приглашению императрицы. На полях принадлежавшей П. А. Вяземскому копии «Записок» Е. Р. Дашковой, где много и восторженно говорилось о встречах с Д., против слов, непредумышленно отразивших сословные предрассудки мемуаристики, П. сделал помету, изобличающую ее в искусственном пафосе: «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не выразился» (Гиллельсон. III. С. 109; подлинник по-фр.).

В б-ке П. имелось 20-томное собр. соч. Д. (Paris, 1821) и сопутствующие ему издания (Библиотека П. № 881—882, 1208), 4 тома мемуаров, переписки и неизд. соч. Д. (Там же. № 883), к-рые П. читал в 1832 (письмо к жене 27 сент. 1832 — Акад. XV, 32), и переписка Д. с бароном Ф.-М. де Гриммом (Grimm, 1723—1807) (Там же. № 831—832), читавшаяся П. в 1834 (письмо к жене 17 апр. 1834 — Акад. XV, 128). По разрезанным и неразрезанным страницам нельзя с достоверностью судить о том, какие произв. Д. интересовали П., т. к. нек-рыми томами пользовался П. А. Вяземский (ему принадлежат и отчеркивания на полях). Почти без внимания были оставлены драмы (разрезаны лишь первые акты), и лишь частично читались «Салоны». Разрезана изданная отд. томом, относящимся к указанному собр. соч., биография Д. с очерком его творчества, написанная литератором из круга энциклопедистов Ж.-А. Нежоном (Naigeon, 1738—1810) (Библиотека П. № 1208).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 46 (То же // *Томашевский П. и Франция.* С. 142); *Вацуро В. Э.* «К вельможе» // Стих. П. 1820—1830 гг. С. 197, 206; *Гиллельсон М. И.* 1) Пушкин и «Записки» Е. Р. Дашковой // Прометей. Вып. 10. С. 143—144; 2) Гиллельсон. III. С. 108—113; *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г.* «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей» // ЛО. 1991. № 11. С. 29.

Л. И. Вольперт

ДОН ЖУАН (Don Juan) — один из мировых образов, не перестающий на протяжении почти четырех столетий волновать писателей, философов, художников, музыкантов.

Первым классическим лит. произв. о Дон Жуане, давшим толчок развитию мифа, явилась пьеса «Севильский озорник, или Каменный гость» («*Burlador de Sevilla y Convidado de Piedra*», соч. в 1-й пол. 1620-х ?, изд. между 1627—1629) исп. монаха Габриэля Тельеса (Téllez, 1571 или ок. 1583 ?—1648), публиковавшего свои соч. под псевд. Тирсо де Молина (Tirso de Molina). Гл. герой пьесы, Дон Хуан Тенорьо, «подобно многим другим великим литературным типам, развился из первоосновы, представленной в традиционном фольклоре и оплодотворенной творческой фантазией поэта, который ею воспользовался» (Менендес Пидаль Р. Об источниках «Каменного гостя» // Менендес Пидаль Р. Избр. произв. М., 1961. С. 762). Миф о Дон Жуане возник на пересечении легенды о повесе, пригласившем на ужин череп или каменное изваяние, и преданий о севильском обольстителе. Эта встреча Святотатца и Обольстителя имела решающее значение для формирования мифа о Насмешнике, истоки к-рого находятся в глубокой древности.

С антич. времен существовали легенды об оживших статуях, упомянутые в соч. *Аристотеля*, Плутарха, Диона Хризостома; множество таких преданий рождалось в Малой Азии в эпоху борьбы ранних христиан с языческим идолопоклонством. Во II в. н. э. возник т. н. Книдский миф — легенда о статуе Афродиты (Венеры) работы др.-греч. скульптора Праксителя (IV в. до н. э.) в храме богини на п-ове Книд, мстящей своему осквернителю, к-рого постигает безумие и гибель (рассказы Лукиана из Самосаты «Панфея, или Статуи» и «Две любви»). В процессе эволюции этого мифа и образования множества его разновидностей в Европе получила с XI—XII вв. распространение легенда о статуе Венеры (в более поздних вар. — Девы Марии), не позволившей снять у себя с пальца надетое на него юношей (рыцарем) кольцо, а позднее явившейся разъединить молодоженов, требуя соблюдения данного таким образом брачного обещания. След. звеном в многовековом генезисе мифа о Дон Жуане был имевший хождение в фольклоре разных европ. народов, в т. ч. и на Пиренейском п-ове, и в разл. вар. сюжет о шутнике, пнувшем ногою валяющийся у него на пути череп и пригласившем его к себе на ужин (пир, свадьбу); мертвец в виде скелета является в назначенное время, приглашает хозяина к себе и приводит его к разверстой могиле, но к.-н. благочестивый поступок (произнесенная молитва, подаяние милостыни, участие в крестинах, посещение исповеди) спасает насмешника на ее краю. С XIV в. существовал иберийский вар. этого сюжета, в к-ром шутник оскорблял не череп, а каменное надгробие в церкви, трепля его за бороду. Именно этот вар. использовал в своей пьесе Тирсо де Молина. Т. о., по убедительной гипотезе Р. Шульца, легенда о Дон Жуане является ренессансным отголоском «традиции изображения оживающих мстящих статуй, возникшей в результате столкновения эпохи античного язычества и новой христианской религии, то есть эпохи возникновения Книдского мифа. Косные истуканы, принадлежащие к погибнувшей религии, временами, казалось, оживали: в первых веках нашей эры, особенно при Юлиане Отступнике, наблюдался рецидив язычества, а с ним как бы оживали и прежние кумиры. В иберийском ответвлении наблюдается то же столкновение двух исторических эпох, что и в Книдском мифе. Ожившая статуя или мертвец приходят из прошлого и мстят тем, кто не почитает память умерших» (Шульц. С. 79).

Др. составляющей генезиса Дон Жуана предполагается не сохранившееся предание севильского происхождения о распутном гранде, представлявшем собою, наверно, вар. фигурировавшего в ср.-век. песнях, фавлио, духовных драмах, фарсах типа рыцаря-женолюбца, обольщающего всех встреченных женщин и щеголяющего своими над ними победами. Возможно, уже в этом предании его герои носили имена дона Хуана Тенорьо и командора Гонсало де Ульоа, к-рыми назвал и Тирсо де Молина своих персонажей.

Подобно своим прототипам из легенд и преданий, «озорник всея Испании», как он назван в пьесе Тирсо де Молины (акт II, сц. 5), овладевает с помощью бесстыдных уловок и проделок, в к-рых сам видит лишь забавные шутки, женщинами без разбору, невзирая на их общественное положение и не отличая одну от другой. В числе его жертв — герцогиня, рыбацка, пастушка, в т. ч. и невеста его друга. Убив ее отца, а позднее увидя в церкви его надгробную статую, он дергает ее за бороду и приглашает к себе на ужин. Приняв ответное приглашение явившегося к нему «каменного гостя», он идет в церковь, где статуя исполняет приговор, вынесенный Богом грешнику, чья мера преступлений перешла допустимые границы: Дон Хуан умирает от огненного рукопожатия изваяния и проваливается с ним в преисподнюю. В трактовке Тирсо де Молины Дон Хуан — не вольнодумец и не безбожник, но лишь аморальный и безрассудный упрямец, к-рый знает, что за его грехи неотвратимо последует расплата, но не останавливается в своих распутных похождениях и не приносит в них должного раскаяния, думая, что на это у него еще достаточно времени.

Образ, созданный на основе нар. легенд фантазией Тирсо де Молины, оказался в дальнейшем чрезвычайно притягательным для писателей разных эпох и народов по причине своей податливости самым различным интерпретациям и переосмыслениям.

В XVII—XVIII вв. появилось множество переработок пьесы Тирсо де Молины и самостоятельных драматич. произв. на сюжет о Дон Жуане. Гл. характеристикой героя в этот период оставалось его распутство, представленное в разнообразных интригах. Именно универсальность донжуанства как бытового явления позволила мифу, сформировавшемуся на исп. почве на пересечении двух старых легенд, быстро стать явлением мирового, интернационального значения. В Испании за «Севильским озорником» последовали комедия Алонсо де Кордоба-и-Мальдонадо (Córdoba y Maldonado) «Мщение из гроба» («La venganza en el sepulcro», 2-я пол. XVII в.), пьеса Антонио де Саморы (Zamora, ок. 1664—ок. 1740) «Нет срока, который не наступил бы, нет долга, который бы не оплатился, или Каменный гость» («No hay plazo que no se cumpla ni deuda que no se pague y convidado de piedra», 1714, изд. 1744) и еще две в конце XVIII в. Бродячие исп. труппы принесли с собою Дон Жуана в Неаполь и своими представлениями дали толчок возникновению ит. версий, из к-рых первыми были «Каменный гость» («Il convitato di pietra», 1640-е, изд. 1671) Джачинто Андреа Чиконьини (Cicognini, 1606—1660) и не сохранившаяся пьеса с таким же названием (1652) Онофрио Джильберто (Giliberto). До конца XVII в. появились еще две ит. пьесы на тот же сюжет, и они носили то же название. Став достойным ит. «комедии дель арте» (commedia dell'arte), сюжет и его гл. персонаж трансформировались в буффонаду и фарс, утрачивая свое первонач. религиозно-поучительное содержание. Французов познакомили с похождениями Дон Жуана представления ит. артистов в 1650-х, и немедленно сюжет был подхвачен актерами Доримоном (Dorimond, сц. псевд.; наст. имя и фамилия — Nicholas Drouin, ок. 1626—неск. ранее 16 янв. 1664 или ок. 1670) и Клодом Дешаном де Вилье (Villiers, 1600—1681), написавшими трагикомедии под одним назв. «Каменный пир, или Преступный сын» («Le Festin de Pierre, ou le Fils criminel»), соответственно в 1658 и 1659, изд. соответственно в 1659 и 1660) За ними явилась знаменитая комедия *Мольера* «Дон Жуан, или Каменный пир» («Don Juan, ou le Festin de Pierre», 1665), в к-рой не только получили углубление аморализм и порочность аристократа-распутника, но и появилось отсутствовавшее у него ранее сознательное, циничное безбожие. Вызванная раздражение церкви ярким показом этой черты и снятая со сцены после пятнадцатого представления, комедия отсутствовала на ней до 1841, а печаталась со значительными авторскими и ценз. купюрами; ее место в театре прочно занимала переделка «Le Festin de Pierre» (1677) Тома Корнеля (Cormeille, 1625—1709), переложившего комедию Мольера сти-

хами и сгладившего все «острые» места. Во фр. ярмарочном театре XVIII в. Дон Жуан превратился в галантного соблазнителя, чей аморализм достиг предельной изощренности. Ит. драматург Карло Гольдони (Goldoni, 1707—1793) в своей ранней имевшей автобиографический подтекст комедии «Дон Джованни Тенорьо, или Распутник» («Don Giovanni Tenorio, ossia il Dissoluto», 1736) представил в Дон Жуане реальное лицо (актера, уведшего у него возлюбленную), показав его мелким, обыденным распутником и отказавшись от неправдоподобного, по его мнению, финала с ожившей статуей, исполняющей вышнюю кару (в его пьесе статуя присутствует как безжизненное изваяние). Своих Дон Жуанов имели в XVII—XVIII вв. англ. (Shadwell T. (1642 ?—1692) «The Libertine», 1676), гол. (6 пьес в 1699—1721) и нем. (5 пьес в XVIII в. и фрагмент баллады «Don Juan» Ф. Шиллера) лит-ры и театр. В Испании, Италии, Франции, Англии, Германии, Австрии ставились оперы, муз. драмы и фарсы, балеты на сюжет о Дон Жуане. Тема продолжала активно разрабатываться в Европе, особенно в Германии, и в первые десятилетия XIX в.

На рубеже XVIII—XIX вв. происходит перелом в отношении к герою и самой легенде: обличение уступает место восхищению жизнелюбием и гордым бунтом героя, сознательно и неуклонно идущего к трагическому финалу; совершается романтическая реабилитация героя-бунтаря, демонической личности. Мощный импульс новому отношению к герою мифа дала гениальная опера В. А. Моцарта (Mozart, 1756—1791) «Дон Жуан» (полное назв.: «Наказанный распутник, или Дон Джованни» — «Il Dissoluto punito, ossia Il Don Giovanni», 1787) на либретто Лоренцо Да Понте (Da Ponte, 1749—1838), где гл. персонаж стал эпикурейцем, движимым во всех своих поступках неумемной жадой чувственного наслаждения и стремлением к победе, торжеству своей воли, выражающим бунт «против человеческой ограниченности, против рабской покорности общепринятому», «против физического аскетизма» (Нусинов 1958. С. 370, 371). В корне изменилось отношение к образу начиная с новеллы Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан» («Don Juan», соч. 1812, опубл. 1813), написанной в форме письма к другу, с к-рым автор, влюбленный в музыку энтузиаст и мечтатель, делится своими впечатлениями от оперы Моцарта. Для нем. романтика Дон Жуан — мятущийся герой, трагически переживающий разлад между идеалом и действительностью. Разрушая «камерное» счастье ближнего, довольствующегося мещанскими добродетелями, он в неутоленной тоске безуспешно стремится через наслаждение женщиной достичь в земной грешной жизни того, что «живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства».

Романтич. интерпретация образа Дон Жуана поставила его в один ряд и свела в одном сюжете с другим «вековым» образом — Фаустом. Эта встреча Дон Жуана и Фауста — вторая по значимости для развития мифа после пересечения, контаминации двух легенд в пьесе Тирсо де Молины. Фауст и Дон Жуан оказались символами двух путей — интеллектуального и эротического, на к-рых европеец мог реализовать себя (Madariaga. P. 10). Первым произв., в к-ром эти образы вступили в соприкосновение и даже слились в один, была незаконченная пьеса нем. писателя Николауса Фогта (Vogt, 1756—1836) «Красильня, или Типография в Майнце» («Der Färberhof, oder Die Buchdruckerei in Mainz», 1809): в Германии Фаустом, наделенным от природы обаянием Дон Жуана, владеет жажда знания; попав с Вагнером в Кастилию, он предается чувственным наслаждениям под именем Дон Жуана (Вагнер становится Лепорелло), в чем ему продолжает служить Мефистофель, пока не наступает трагический финал. В трагедии Христиана Дитриха Граббе (Grabbe, 1801—1836) «Дон Жуан и Фауст» («Don Juan und Faust», соч. 1828, изд. 1829) они выступали соперниками, помогающимися любви донны Анны, и носителями противоположных начал — чувственной природы и ненасытного стремления к познанию, оба погибали как трагические герои, проваливаясь в преисподнюю на последнем пиру Дон Жуана в Риме.

Др. линию интерпретации образа Дон Жуана проложил *Байрон* в незавершенной одноименной поэме («Don Juan», соч. 1818—1823, изд. песнями 1819, 1821, 1823). Похождения ветреника и победителя женских сердец, превратившегося из соблазнителя в соблазняемого, служат поэту сюжетным стержнем, объединяющим разнородные картины соврем. обществ. и полит. жизни, рисуемые в разных тонах — от сатирических и гневно-обличительных до лирических.

В Россию Дон Жуан пришел в пер. пьесы Вилье («Дон Педро, почитанный шляхта, и Амариллис, дочь его», др. назв. — «Комедия о дон-Яне и дон-Педре»), ставившейся в Москве в нач. 1700-х. В 1783 в Петербурге был представлен балет «Дон Жуан» («Don Giovanni») на музыку М. Медведова, в 1790 — одноименный пантомимный балет в 5 действиях Джузеппе Канциани (Canziani) на музыку Карло Каноббио (Canobbio, 1741—1822) и Кристофа Виллибальда Глюка (Gluck, 1714—1787); этот балет неоднократно исполнялся до конца века и возобновлялся И. И. Вальберхом в 1818 и 1822. В 1816 в Петербурге состоялось одно представление мольеровской комедии в пер. И. И. Вальберха («Дон Жуан, или Каменный гость»), в Москве она была показана дважды в 1818. Опера Моцарта была представлена на рус. сцене впервые 21 апр. 1828 и вошла в репертуар; до этого и позже она неоднократно исполнялась ит. труппой, а также на нем. яз. Тем примечательнее на этом небогатом фоне было появление пушк. «Каменного гостя» (1830) — одной из самых ярких в мировой лит-ре интерпретаций мифа о Дон Жуане.

Пушк. Дон Жуан — не привычный искатель приключений, но человек в высшей степени обаятельный, одаренный не только талантом любви, но и творчески одаренный. П., по мнению И. А. Бунина, своим «Каменным гостем» хотел сказать, что вполне возможны люди, смысл жизни и счастье к-рых заключены в любви и только в любви, однако вовсе не в «возвышенной» любви и, уж конечно, не в любви к ближнему. Этот тип был настолько близок П., считает Бунин, что ему не нужно было даже, подобно *A. de Мюссе*, признаваться в любви к своему Дон Жуану (Бунин. С. 191).

В пушк. версии мифа о Дон Жуане очевидна переключка с двумя крупнейшими произв.: комедией Мольера и оперой Моцарта. О пьесе Тирсо де Молины П. бесспорно знал по коммент. к Мольеру и пересказам *Вольтера*, *Ж.-Ф. де Лагарпа* и *А. В. Шлегеля*, но само произв. не читал. Основные фабульные ходы пьесы Мольера у П. отсутствуют, однако совпадает с ней ряд деталей. Взяв эпиграф к «Каменному гостю» из либретто оперы Моцарта, П. тем самым указал на нее как на несомненный источник своей «маленькой трагедии». Среди пушк. заимствований из оперы Моцарта — имя Лепорелло, возможно, имя Доны Анны, устранение «двойного приглашения» (как у Да Понте, Дон Гуан гибнет при первом посещении статуи).

При всем своеобразии пушк. трактовки она восстанавливает нек-рые детали как пьесы Тирсо де Молины (несмотря на то что П. она была неизвестна) — загл. и выходящий на первый план мотив расплаты, так и Книдского мифа о мстящей статуе. То, что нередко воспринималось как особая дерзость и рискованность пушк. замысла, свидетельство особой извращенности его героя, — приглашение Дон Гуаном Командора, превращенного П. из отца в мужа Доны Анны, позволило ввести в пьесу мотив мести из ревности, коль скоро статуя разъединяет влюбленных. Мотив мстящей статуи, разлучающей влюбленных в «Каменном госте», оказывается особенно рельефным в связи с тем, что при расплате присутствует именно Дона Анна, а не Лепорелло (как у Моцарта) или Сганарель (как у Мольера).

П. писал, что, когда он работал над «Борисом Годуновым», его «прелюдия», но не была осуществлена «мысль о трагедии без любовной интриги» (письмо к Н. Н. Раевскому-сыну (?) от 30 янв. или 30 июня 1829 — Акад. XIV, 46, 395; подлинник по-фр.). В сущности, как это ни парадоксально, не любовная интрига лежит в основе и «Каменного гостя», обогащенного фаустовской темой. В судьбу Дон Гуана вторгается Рок именно в ту минуту,

когда он наконец-то обретает гармонию и полноту счастья, но изменяет донжуановскому принципу, суть которого — вечное движение.

Коль скоро Командор у Пушкина становится мужем Доны Анны, «Каменный гость» входит в круг разработок мирового сюжета «Муж на свадьбе своей жены». В известной мере об этом свидетельствует уже назв., в к-ром акцент сделан на идее расплаты, на муже, хотя и являющемся с того света, однако заявляющем о своих правах. В отличие от пушк. «Каменного гостя», в большинстве интерпретаций мифа после пьесы Тирсо де Молины, имевшей двойное загл., в названиях сохраняется «Дон Жуан», а «Каменный гость» опускается (исключение — комедия Мольера) и тем самым как бы приглушается мотив расплаты.

К числу мировых сюжетов с многовековой историей относится легенда, впервые получившая законченную форму во вставной новелле «Сатирикона» *Петрония*. История о целомудренной матроне из Эфеса как источник мотива перерождения добродетельной вдовы, готовой изменить с новым поклонником памяти своего горячо любимого мужа прямо на его могиле, отмечалась неоднократно. Дона Анна с той же решительностью, что и эфесская матрона, настаивает на своей верности покойному супругу, однако с легкостью, поразившей даже Дон Гуана, назначает на могиле свидание и приглашает нового поклонника к себе домой, т. е. в дом покойного мужа.

Общепризнан автобиогр. элемент в «Каменном госте». При этом, согласно гипотезе, подробно разработанной А. А. Ахматовой, дело не только в том, что, создавая образ Дон Жуана накануне своей женитьбы, П. проецировал на него поступки и чувства своей холостой молодости, но и в том, что автобиогр. черты присущи также и Командору. Тем самым П., согласно Ахматовой, как бы делит себя между Командором и Гуаном.

Пушк. «Каменный гость» был ярким, но не последним эпизодом в разработке мифа об озорнике и обольстителе, святотатце и богохульнике. После П. свою лепту в нее внесли *П. Мериме*, *A. de Мюссе* и *Н. Ленау* (Lepau, псевд., 1802—1850), *Ш. Бодлер* (Baudelaire, 1821—1867) и *С.-О. Кьеркегор* (Kierkegaard, 1813—1855), *А. К. Толстой* и *Х. Соррилья-и-Мораль* (Zorrilla y Moral, 1817—1893), *Дж. Б. Шоу* (Shaw, 1856—1950) и *К. Чапек* (Čapek, 1890—1938), и мн. др.

Лит.: **Общая история мифа:** *Deschanel E. Corneille, Rotrou, Molière: Les don Juan de toutes les littératures.* Paris, 1891; *Gendarme de Bévoitte G. La legende de Don Juan.* Paris, 1911. Т. 1—2; *Marañón G. Don Juan: Ensayos sobre el origen de la legenda.* Buenos Aires, 1940 (Madrid, 1942, 1976); *Madariaga S. de. Don Juan as a European Figure.* Nottingham, 1946; *Нусинов И. М. История образа Дон-Жуана // Нусинов И. М. История литературного героя.* М., 1958. С. 325—441; *Weinstein L. The Metamorphoses of Don Juan.* Stanford, Cal., 1959; *Smeed J. W. Faust in Literature.* London a. o., 1975. P. 161—196: Ch. 8. Faust and Don Juan; *Багно В. Е. Порок и смерть язвят единым жалом... // Ежеквартальник русской филологии и культуры = Russian Studies.* 1996. Т. 2. № 3. С. 131—147; *Бабанов И. Е. Апология Дон Жуана // Звезда.* 1996. № 10. С. 162—178.

Библиогр.: *Hesse E. W. Catálogo bibliográfico de Tirso de Molina (1648—1948), incluyendo una sección sobre la influencia del tema de Don Juan // Estudios.* (Madrid), 1949. Vol. 5. S. 781—889; *Singer A. E. A Bibliography of the Don Juan Theme: Versions and Criticism.* Morgantown, W. Va., 1954 (West Virginia Univ. Bulletin. Ser. 54. № 10—1. April. 1954); *Weinstein L. The Metamorphoses of Don Juan.* P. 177—214; *Smeed J. W. Faust in Literature.* P. 273—284.

Пушк. версия мифа: *Котляревский Н. А. «Каменный гость» // Венг. Т. 3. С. 138—144; Чистяков В. Тип Дон-Жуана у Байрона, Мольера, гр. А. Толстого и Пушкина // Филол. зап. 1915. Вып. 2. С. 187—204; Томашевский Б. В. [Коммент. к «Каменному гостю»] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 547—578; Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 147—261; *Corbet C. L'originalité du Convive de pierre de Pouchkine // RLC.* 1955. Ann. 29. № 1. P. 48—71; *Ахматова А. А. 1) «Каменный гость» Пушкина // ПИМ. Т. 2. С. 171—186; 2) Неизданные заметки о Пушкине: I. К статье «„Каменный гость» Пушкина»: (Дополнения 1958—1959 годов) / Публ., вступ. заметка, примеч. Э. Г. Герштейн // ВЛ. 1970. № 1. С. 160—166 (То же, с доп. заметками // Ахматова. О Пушкине.**

С. 90—110, 165—175); *Кржевский Б. А.* Об образе Дон-Жуана у Пушкина, Мольера и Тирсо де Молины // Кржевский Б. А. Статьи о зарубежной литературе. М.; Л., 1960. С. 208—215; *Алексеев М. П.* Из истории испано-русских литературных отношений XVI—начала XIX в. // Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 159—160 (То же // Алексеев М. П. Русская литература и романский мир. Л., 1985. С. 158—159); *Gómez Crespo F.* Contribución al estudio de temas españoles en la obra de Puškin: Trabajo presentado como Tesis doctoral. Universidad de Madrid, 1971. P. 330—519 (машинопись; Пушк. кабинет ИРЛИ); *Чумаков Ю. Н.* Дон Жуан Пушкина // Проблемы пушкиноведения. Л., 1975. С. 3—27; *Шульц Р.* Пушкин и Книдский миф. München, 1985; *Якобсон Р.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина: [Пер. с англ.] // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 145—180 (ранее: *Socha v symbolice Puškinove // Slovo a slovesnost.* 1937. № 3. S. 2—24; *Jakobson R.* Puškin and His Sculptural Myth. The Hague; Paris, 1975; *The Statue in Puškin's Poetic Mythology // Jakobson R. Selected Writings, V: (On Verse, its Masters and Explorers).* The Hague a. o., 1979. P. 237—280); *Степанов Л. А.* 1) Опера Моцарта «Дон Жуан» и трагедия Пушкина «Каменный гость» // Пушкин: Проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калинин, 1989. С. 60—73; 2) Поэзия любви: О «Каменном госте» А. С. Пушкина: [Ст. 1] // Кубань: Альм. 1989. № 7. С. 87—96; То же. Ст. 2 // Там же. 1990. № 1. С. 79—82; *Бунин И. А.* Русский Дон-Жуан / Публ. М. Н. Алексеевой; Вступ. ст. и примеч. В. Е. Багно // РЛ. 1991. № 4. С. 184—192; *Багно В. Е.* «Каменный гость» как перекресток древнейших легенд и мифов // *Studia Russica Budapestinensia: Материалы III и IV Пушкино-логического коллоквиума в Будапеште 1991, 1993.* Budapest, 1995. Т. 2/3. С. 55—60; *Осват Л. С.* «Каменный гость» как опыт диалогизации творческого сознания // ПИМ. Т. 15. С. 25—59.

В. Е. Багно

ДЮ БЕЛЛЕ, Дюбелле (Du Bellay) Жоашен (Иоахим) (1522—1560), фр. поэт, член лит. кружка «Плеяда», образовавшего ядро новой нац. поэтич. школы, один из ее вождей и автор ставшего ее манифестом трактата «Защита и прославление французского языка» («*Défense et illustration de la langue française*», 1549). Программа «Плеяды», намечавшая обогащение и облагораживание фр. яз. посредством, в частности, заимствования из древних яз. слов и речевых оборотов, и ее воплощение в поэзии были восприняты П. в свете пренебрежительной оценки творчества *П. де Ронсара* в «Поэтическом искусстве» *Н. Буало*. В контексте отеч. лит. полемики муза Ронсара и др. поэтов («Плеяды», «говорившая по-французски греческими и латинскими словами») («en français parlant grec et latin» — *Boileau N. L'Art poétique*, ch. I, l. 126), ассоциировалась с «Беседой любителей русского слова» и др. «архаистами». Не представлявший, т. о., для П. интереса Д. упомянут им лишь единожды в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) наряду с Ронсаром и драматургом «Плеяды» Этьеном Жоделем (*Jodelle*, 1532—1573) как представитель школы, чьи старания «пересоздать» фр. яз. «по образцу древнего греческого» «остались тщетными», т. к. «язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогой» (Акад. XI, 270). В б-ке П. сочинения Д. отсутствуют.

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 19—20 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 101—102).

В. Д. Рак

ДЮДЕВАН Аврора см. САНД Жорж

ДЮКЛО (Duclos) Шарль Пино (1704—1772), фр. писатель и историк, член Французской академии (1747), королевский историограф (1750), друг *Ж.-Ж. Руссо*, автор нашумевшего романа «Исповедь графа де...» («*Les confessions du comte de...*», 1742) и др. произв., в к-рых ярко и откровенно изображено разложение нравов во Франции в сер. XVIII в. Большой известностью пользовались написанные в популярном жанре «мыслей», максим и афоризмов «Размышления о нравах сего века» («*Considérations sur les moeurs de ce siècle*», 1750; рус. пер. 1813). У П. имелось 3-томное собр. соч. Д.

(Paris, 1820—1821) (Библиотека П. № 888). Выходец из третьего сословия (его родители занимались торговлей) Д. упоминался в полемике пушк. круга с Ф. В. Булгариным, Н. А. Полевым и др. о «литературной аристократии»; он подразумевался в заметке «Новые выходки...» (ЛГ. 1830. 9 авг. № 45) и назван в «Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) в числе фр. «демократических писателей XVII-го столетия», к-рые были «столь же умные, как честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом» (Акад. XI, 171), чьи «эпиграммы (...) приутоновили крики: *Аристократов к фонарю* и ничуть не забавные куплеты с припевом: *Повесим их, повесим*» (Там же. С. 282). Пушкинская формула «прямодушный Дюкло» (Там же. С. 171) восходит, очевидно, к характеристике Д. в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо (кн. 11): «*homme droit et adroit*» («человек правдивый, но осмотрительный» — пер. Д. А. Горбова). Ист. соч. Д. «Секретные мемуары о царствовании Людовика XIV, Регентстве и царствовании Людовика XV» («*Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la Régence et le règne de Louis XV*», изд. посм. 1791) служило П. одним из источников сведений о пребывании Петра I во Франции в 1717 (Акад. X, 233). В имевшемся у П. собр. соч. Ж.-Ф. де Лагарпа разрезана частично поэма «Тень Дюкло» («*L'Ombre de Duclos*», 1773) (Библиотека П. № 1065).

В. Д. Рак

Е

ЕВРИПИД, Эврипид (Εὐριπίδης, 484/485 или 480—406 до н. э.), греч. драматург, один из трех великих афинских трагиков, младший современник Эсхила и Софокла (ок. 496—406 до н. э.).

П. упомянул Е. лишь один раз в лицейском ст-нии «Городок» (1815), назвав *Вольтера* его «соперником» (ст. 102). Сопоставление основывалось, вероятно, на усвоенном из «Лицея» *Ж.-Ф. де Лагарпа* и подкрепленном оценками и разборами в др. лит. источниках представлении о «трогательной патетике» трагедий Е., присутствовавшей и в соч. этого жанра у фр. писателя, а также о «совершенном гении», к-рый находил в пьесах Е. сам Вольтер (Томашевский. Пушкин, I. С. 75).

Во время поездки по Крыму 5—8 сент. 1820 П. осматривал в окрестностях Георгиевского монастыря «баснословные развалины храма Дианы (Артемиды)» (письмо к А. А. Дельвигу от сер. дек. 1824 — 1-й пол. дек. 1825 — Акад. XIII, 252), с к-рыми связан миф, взятый Е. сюжетом трагедии «Ифигения в Тавриде» (ок. 414 до н. э.). Впечатления от знакомства с этими руинами, отразившиеся в ст-нии «Чедаеву» («К чему холодные сомненья...») (1824), контаминировали, возможно, и сам миф, и реминисценции трагедии Е., к-рую П. мог читать во фр. пер.

Лит.: *Скрижинская М. В.* Отражение одного образа у Пушкина, Овидия и Еврипида // Крымская науч. конф. «Пушкин и Крым»: Тез. докл. (24—29 сент. 1989 г.). Симферополь, 1989. С. 34—35; *Агранович С. З., Рассовская Л. П.* Миф, фольклор, история в трагедии «Борис Годунов» и в прозе А. С. Пушкина. Самара, 1992. С. 195—198, 201—203; *Забудская Я. Л.* Драматургия Пушкина и античные традиции // Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» (25—26 мая 1999 г.). М., 1999. С. 76, 81, 83—84.

С. Б. Федотова

Ж

ЖАН ПОЛЬ (Jean Paul — псевд.; наст. фамилия и имя — Рихтер (Richter) Иоганн Пауль Фридрих, 1763—1825), нем. писатель, автор многочисленных романов и повестей в духе сентиментализма. Пользовавшийся при жизни славой блестящего сатирика и тонкого знатока «человеческого сердца», оказавший влияние на нем. романтич. школу, Жан Поль был хорошо известен в России 1-й пол. XIX в.: его соч. широко переводились, его имя встречается в одном ряду с *Гете* и *Ф. Шиллером* почти во всех обзорах иностр. лит-ры, появлявшихся на стр. рус. печати в 1820—1840-е, при этом особое внимание уделяется затрагиваемым в его соч. нравственно-филос. проблемам. Круг жан-полевских тем, вызывавших устойчивый интерес в лит. среде 1-й пол. XIX в., составляли нравственное самовоспитание, формирование самобытной личности, бессмертие души, любовь, дружба, «наслаждение печалью», культ героического, культ «высоких людей». Среди переводивших Жан Поля были, в частности, Н. И. Греч (Отрывок из Жан Поля. Воскресение // Лицей. 1806. Ч. 3. Кн. 3. С. 91—96), В. А. Жуковский, лично знакомый с писателем (На кончину*** // МТ. 1827. Ч. 15. № 11. С. 105—106), В. К. Кюхельбекер, поместивший в «Мнемозине» (1824. Ч. 1. С. 182—184) пер. «Полиметров» (прозаич. отрывков) под русифицированным загл. «Многомеры», и др. В числе современников П., писавших о Жан Поле, были В. П. Титов (О романе // МВ. 1828. Т. 7. С. 182—183), Н. И. Надеждин (О высоком // ВЕ. 1829. № 3. С. 210), С. П. Шевырев (История поэзии. М., 1835. Т. 1. С. 88—91), Н. А. Полевой (Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 150), Ф. Ф. Корф (Жан Поль // Совр. 1839. Т. 14. С. 15—76). К сер. 1820-х сложился устойчивый образ «русского» Жан Поля — поэта-философа, поэта-моралиста. Представление П. о Жан Поле не выходило за рамки этого образа, поддерживаемого и мнением *Ж. де Сталь*, сравнившей Жан Поля в своей книге «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), хорошо известной П., с *М. Монтенем* (ч. 2, гл. 28). В 6-ке П. сохранился экз. фр. антологии афоризмов и отд. высказываний Жан Поля (Pensées de Jean-Paul, extraites de tous ses ouvrages. Paris, 1829 — Библиотека П. № 1031), подаренной Пушкину Ю. Н. Бартевым 31 авг. 1830. О том, что П. читал эту книгу в Болдине, свидетельствует пассаж в «Барышне-крестьянке», к-рая была закончена там 20 сент. того же года: «...шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их (барышень) существенных достоинств, из коих главное, *особенность характера, самобытность (individualité)*, без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия» (Акад. VIII, 111, 666). Этой фр. антологией П., вероятно, пользовался и при написании статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834), в к-рой он, говоря о *Вольтере* и его поэме «Орлеанская девственница», отчасти повторяет одно из высказываний Жан Поля: «...наконец, и он (Вольтер) однажды в своей жизни становится поэтом, когда весь его разрушительный

гений (...) излился в цинической поэме» (Акад. XI, 272; ср.: *Pensées de Jean-Paul...* P. 74—75). Эту же мысль П. вкладывает в уста мнимого англ. журналиста в заметке «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (1836—1837): «Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение!» (Акад. XII, 155).

В Тригорской б-ке имелось нем. изд. избранных фрагментов Жан Поля (*Jean Pauls Geist, oder Chrestomatie der vorzüglichsten, kräftigsten und gelungensten Stellen aus seinen sämtlichen Werken.* Weimar, 1801. Bd 2; см.: *Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки села Тригорского // *ПиС.* Вып. 1. С. 31. № 140).

Лит.: *Троцкая [Тронская] М. Л.* Жан Поль Рихтер в России // *Западный сборник.* М.; Л. 1937. [Вып.] 1. С. 257—290; *Краснов Г. В.* 1) Пушкин и Жан-Поль: (Комментарии к «Барышне-крестьянке» // *Болд. чтения,* [1994]. 1995. С. 12—16; 2) Пушкинский диалог с Жан-Полем // *Культура и мир: Восток—Запад: Тез. докл. участников Междунар. науч. конф.* (19—22 сент. 1995 г.). Н. Новгород, 1995. С. 87.

М. Ю. Коренева

ЖАНЕН (Janin) Жюль Габриель (1804—1874), фр. писатель, критик, журналист. Один из родоначальников и главных представителей фр. «неистойовой словесности» 1830-х. В России приобрел широкую известность уже первым своим романом «Мертвый осел и обезглавленная женщина» («*L'âne mort et la femme guillotinée*», 1829; рус. пер. 1831); рус. ж-лы и газ. внимательно следили за его лит. творчеством, критич. и публицист. статьями в прессе. В б-ке П. имелись пять книг Ж., и все они разрезаны (Библиотека П. № 1026—1030; № 1030 — приобретена 18 июня 1836 — Арх. опеки. С. 54). В письме к В. Ф. Вяземской от конца (не позднее 28) апр. 1830 П. назвал «Мертвого осла...» «одним из самых замечательных сочинений настоящего времени» (Акад. XIV, 81; подлинник по-фр.). Начальные строки этого произв. получили, возможно, отзвук в строфе XXXIX «Домика в Коломне» (1830); а в «Пиковой даме» (1833) графиня, прося прислать ей «какой-нибудь новый роман, (...) где бы не было утопленных тел» (Акад. VIII, 232), имеет в виду главу «Выставка мертвых тел», содержащую подробное описание утопленника. Вольное стихотв. переложение эпизода из гл. IV романа Ж. «Исповедь» («*La Confession*», 1830) представляет собою набросок П. «Одна (в Акад.: Одни) стихи ему читала...» (1830). Главы XLII—XLIII «Исповеди» подсказали В. Ф. Одоевскому и Н. В. Гоголю замысел коллективного произв. под загл. «Тройчатка, или Альманах в три этажа», посв. изображению столичного дома в разных его этажах, и П. был приглашен Одоевским «взять на свою ответственность — *погреб*» (письмо от 28 сент. 1833 — Акад. XIV, 84), но от участия отказался (ответное письмо 30 окт. 1833 — Акад. XIV, 90). Роман «Барнаве» («*Bar nave*», 1831), содержащий ряд близких П. мыслей, тем и сюжетных линий (социально-полит. концепция революц. движения, структура образа рассказчика и др.), упомянут в письме к Е. М. Хитрово (2-я пол. окт.—ноябрь 1831 — Акад. XIV, 204) в неясном, допускающем разные интерпретации контексте и открывает список произв., о к-рых П. намеревался говорить в задуманной им статье «О новейших романах» (1832); за «Барнавом» в первой строке этого плана следуют «Исповедь» и «Обезглавленная женщина» (Акад. XII, 204; подлинник по-фр.). С одной из реплик Мирабо в «Барнаве» (Bruxelles, 1831. P. 261) перекликаются строки П. «Зависеть от царя, зависеть от народа — / Не все ли нам равно?» (««Из Пиндемонта»», 1836). Выказывалось предположение о связи «Египетских ночей» с эпизодом в «Барнаве», посвященным Клеопатре, однако установлено лишь типологическое сходство, сводящееся почти исключительно к присутствию в обоих произв. образа Клеопатры. При всем интересе к творчеству Ж. отношение к нему П. было критическим: именно Ж. он упомянул в черн. ред. ««Путешествия из Москвы в Петербург»» (дек. 1833—март 1834), говоря о соврем. фр. писателях, к-рые «бесстыдно полза-

ют (<...> перед господствующими модами» и запачкали себя «грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови» (Акад. XI, 229). В одном из вар. наброска «Мы проводили вечер на даче...» (1835) назван как «неблагоприятное» соч. наряду с «Физиологией брака» *О. де Бальзака* и «Барнав» (Акад. VIII, 979). Не был согласен П. с резко отрицательной рец. Ж. на книгу П.-Э.-Л. Дюмона (Dumont, 1759—1829) «Воспоминания о Мирабо» («Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières Assemblées législatives», 1832) (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 181, 438).

Лит.: *Виноградов В. В.* Романтический натурализм: Жюль Жанен и Гоголь // Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский. Л., 1929. С. 158—159 (То же // Виноградов В. В. Избр. труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 78—79); *Томашевский Б. В.* Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 224—227, 240—244 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 375—380, 392—396); *Gorlin M.* Noce egipskie: (Kompozycja i geneza) // Puszkin: 1839—1939. Kraków, 1939. Т. 1. С. 142—144 (То же // Gorlin M., Bloch-Gorlina R. Etudes littéraires et historiques. Paris, 1957. P. 153—155 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Т. 30)); *Тойбин И. М.* «Египетские ночи» и некоторые вопросы творчества Пушкина 1830-х годов // Вопросы истории литературы и фольклора. Орел, 1966. С. 120—125 (Учен. зап. Орлов. гос. пед. ин-та. Т. 30); *Тамарченко Н. Д.* 1) «Пиковая дама» А. С. Пушкина и «неистовая литература» // Герценовские чтения, 23-и. Филол. науки: Краткое содерж. докл. Л., 1970. С. 49—52; 2) Пушкин и «неистовые» романтики // Из истории русской и зарубежной литературы XI [XIX]—XX вв. Кемерово, 1973. С. 58—77; *Williams G.* Pushkin and Jules Janin: A Contribution to the Literary Background of the «Queen of Spades» // Quinquere (Bath, England). 1981. Vol. 4. № 2. С. 206—224; *Мильчина В. А.* Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Изв. ОЛЯ. 1987. Т. 46. № 3. С. 245—251; *Турьян М. А.* Странная моя судьба: О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 234—236; *Дмитриева Е. Е.* Незавершенный отрывок Пушкина «Одни стихи ему читала...»: (К проблеме Пушкин и Жюль Жанен) // Незавершенные произведения А. С. Пушкина: Материалы науч. конф. М., 1993. С. 55—70; *Астафьева О. В.* Пушкин и Жанен: К проблеме реконструкции замысла повести «Мы проводили вечер на даче...» // ПисС. Вып. 2 (41). С. 239—246.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ЖАНЛИС (Genlis) Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен (Ducrest de Saint-Aubin), гр. де (1746—1830), фр. писательница, автор многих произв. для детей и юношества («Théâtre à l'usage des jeunes personnes, ou Théâtre d'éducation», 1779—1780; «Adèle et Theodore, ou Lettres sur l'éducation», 1782; «Les veillées du château, ou Cours de morale à l'usage des enfants», 1784; и др.), сентиментальных романов из светской жизни на ист. сюжеты («Mademoiselle de Clermont», 1802; «La Duchesse de La Vallière», 1804; «Madame de Maintenon», 1806; и др.), многотомных мемуаров («Mémoires inédits sur le XVIII-e siècle et sur la Révolution française, depuis 1756 jusqu'à nos jours», 1825), вызвавших при своем появлении скандальный шум, др. разнообразных соч. Ж. была воспитательницей детей герцога Орлеанского, в т. ч. будущего короля Франции Луи-Филиппа, пришедшего к власти в результате Июльской революции 1830. Произв. Ж. были хорошо известны в России в подлиннике и многочисленных рус. пер., пользовались большой популярностью и авторитетом, имели широкий круг читателей. Легко и занимательно написанные, но характеризующиеся отчетливо выраженной чопорной нравоучительностью и водянистой пышностью слога, они остались чужды П., назвавшему Ж. в черновиках статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) среди «бездарных пигмеев», к-рые в XVIII в. «овладевают русск. (ой) сл. (овесностью)» (Акад. XI, 496). В качестве обычного чтения молодых девушек Ж. упомянута в юношеском ст-нии «К сестре» (1814), ст. 31, а много позднее в «(Романе в письмах)» (1829) ее романы фигурируют как старинные книжки, на к-рых воспитываются провинц. барышни (Акад. VIII, 565, сн. 6в — зачеркнутый вар.). По свидетельству И. П. Липранди, П. называл «скудной мадам Жанлис» Т. А. Катакази, сестру бессарабского гражд. губернатора (Черейский. С. 186; ср.: П. в восп.

совр. (1974). Т. 1. С. 290); это прозвище, получившее хождение в Кишиневе, отразилось и в ст-нии «Раззевавшись от обедни...» (1821), ст. 42. В ироническом контексте, как воспитательница Луи-Филиппа, упомянута Ж. в письме П. к Е. М. Хитрово от 21 авг. 1830, где П. дал свою оценку Июльской революции и последовавших за ней событий (Акад. XIV, 108). Мемуары Ж. вызвали у П., как и все соч. этого жанра, появившиеся во Франции в те годы, большой интерес; узнав об их выходе, он сразу же попросил брата прислать «последнюю Genlis» (письмо от 1-й пол. мая 1825 — Акад. XIII, 174). Возможно, к.-н. рассказы о фр. писательнице П. слышал от В. Л. Пушкина, к-рый с нею познакомился в Париже в 1803.

Лит.: Письма к Хитрово. С. 312, 327; Письма. Т. 1. С. 425.

В. Д. Рак

ЖУИ (Jouy — псевд.; наст. фамилия и имя — Этьен (Etienne) Виктор-Жозеф, 1764—1846), фр. писатель. Автор имевших шумный успех аллюзорных бонапартистских трагедий, наполненных злободневными полит. намеками и восторженно принятых оппозиционным к Бурбонам зрительным залом («Bélisaire», 1818; «Sylla», 1821), признанный либреттист, сотрудничавший с видными композиторами своего времени, плодовитый мастер нравоописательных очерков («L'hermite de la Chaussée d'Antin, ou Observations sur les moeurs et les usages parisiens au commencement du XIX siècle», 1812—1814, 5 vol.; «L'hermite de la Guiane», 1816, 3 vol.; «L'hermite en Province», 1818—1824, 14 vol.; и др.), влиятельный журналист и один из вождей европ. либерализма, Ж. был хорошо известен в России, где внимательно следили за его лит. и обществ. деятельностью. Очерки Ж. переводились на рус. яз. (напр.: Антенский пустынный, или Изображение парижских нравов и обычаев в начале XIX столетия. СПб., 1826; библиогр. переводов в ж-лах см.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). СПб., 1997—2000. Т. 1—2, по указ.), оживленно обсуждались в печати и оказали влияние на Ф. В. Булгарина и др. бытописателей. В декабристских кругах внимание привлек прочитанный Ж. в 1821 курс лекций «Мораль в ее приложении к политике» («La morale appliquée à la politique», 1822). Среди рус. знакомых Ж. были В. К. Кюхельбекер и В. И. Туманский, общавшиеся с ним в Париже в 1821. Хотя П. упомянул Ж. только один раз, а книги фр. писателя в его б-ке отсутствуют, он, без сомнения, имел о нем полное и четкое представление, составившееся как непосредственно по соч., так и по отзывам в иностр. и рус. ж-лах и газ. Писателем «вроде Жуи» признавался близкий знакомый Пушкина П. Л. Яковлев (*Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // ПЗ. 1823. С. 40; То же // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 538; ср.: *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // ПИМ. Т. 8. С. 158). Знакомые П. пользовались псевдонимами «в духе Жуи» (Анненков. Материалы. С. 100—101, примеч. 2): «Житель Тентелевой деревни» (Н. И. Гнедич), «Житель Галерной гавани» (О. М. Сомов), «Лужницкий старец» (М. Т. Каченовский, М. П. Погодин, П. Л. Яковлев) и др. В письме к П. от марта—апр. 1829 П. Я. Чаадаев назвал Ж. как хорошо им обоим известного писателя (Акад. XIV, 44). В статье ««Письмо к издателю „Московского вестника“»» (1828) трагедия «Сулла» (у П.: Сцилла) приведена как образец господствующих на фр. сцене «журнальн. (ых) выходок», авторов к-рых П. осуждал за неумение «совершенно отказаться от своего образа мысли, дабы совершенно переселиться» в изображаемый век (Акад. XI, 68), что сам он ставил себе задачей в «Борисе Годунове». С нравоописательными очерками Ж., печатавшимися в свое время в ж-ле «Французская Минерва» («Minerve française», 1818—1820), соотносил, возможно, П. в «Опровержении на критики» (1830)

памфлет Н. А. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» (1830), к-рым тот откликнулся на пушк. ст-ние «Послание к вельможе» (Акад. в 10 т. (2). Т. 7. С. 182, 686; *Вацуро В. Э.* Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // ПИМ. Т. 6. С. 158).

Лит.: *Тынянов Ю. Н.* Французские отношения Кюхельбекера // ЛН. Т. 33/34. С. 344, 349—350, 353 и др. (То же // Тынянов, по указ.); *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе: (Русский физиологический очерк). М., 1965. С. 35—36, 49, 72—73 и др.

В. Д. Рак

3

ЗАДЕК (Zadeck) Мартин, Задека Мартын. Под этим именем (вероятно, псевд., образованным предположит. от др.-еврейск. «праведный» или от имени каббалиста Zedechias (VIII в.)) в 1770 в Базеле (Швейцария) вышла книга предсказаний («Wunderbare und merkwürdige Prophezeyung des berühmten Martin Zadecks, eines Schweitzers bey Solothurn der im 106ten Jahr seines Alters, vor seinem Tode den 20. Dezember, und nach seinem Tode den 22ten Dez. 1769. in Gegenwart seiner Freunde prophezeyet hat, auf gegenwärtige und zukünftige Zeiten»). Согласно приводимым в ней сведениям, З. родился в 1664 в швейц. г. Золотурне, в 1739 удалился в Альпы и 30 лет вел жизнь отшельника, умер 20 дек. 1769. Предрекавшее, в частности, близкое падение Османской империи, это соч. немедленно было замечено и переведено в России, находившейся в состоянии войны с Турцией (Примечания достойное предсказание славного Мартына Задека, которое он на сто шестом году от рождения, в Швейцарии при Золотурне, приятелям своим открыл 20 декабря 1769 года. СПб., 1770). Позднее в России этим псевд. воспользовался моск. купец С. И. Комисаров, поставив его на тит. лист изданной им гадательной книги (Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека... М., 1800; 3-е изд. М., 1821), в к-рой одним из разделов был сонник («Мартин Задек толкует сновидения»), заимствованный в основе своей из более ранней гадательной книги Льва Прохорова (Волшебное зеркало, открывающее секреты великого Алберта, и других знаменитых египетских мудрецов и астрономов... М., 1794; 4-е изд. М., 1814). Однако нет уверенности, что в «Евгении Онегине» (гл. V, 22—24) П. имел в виду сб. С. И. Комисарова, поскольку в нем отсутствует краткое оглавление, по к-рому Татьяна Ларина ищет толкование своего сна. В дальнейшем псевд. Мартын Задека пользовались А. Ф. Вельтман («МММСДХLVIII год: Рукопись Мартына-Задека». М., 1833. Кн. 1—3), В. С. Курочкин, Н. Ф. Щербина и др. писатели.

Лит.: Масапов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 387; Т. 2. С. 180; Pushkin A. S. Eugene Onegin: A novel in verse / Transl. ... with a comment. by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 514—516 (рус. пер.: Набоков. С. 411—412); Искрин М. Г. 1) Кто такой Мартын Задека? // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2. С. 169—176; 2) «...Гадатель, толкователь снов» // РР. 1989. № 3. С. 140—144; Лотман. Комментарий. С. 276—277 (Лотман. Пушкин. С. 660); The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. London e. a., 1987. Vol. 358. P. 350; Wiggzell F. Who Dreamt up Martyn Zadeka? // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1995. Nov. № 23. P. 6—7.

В. Д. Рак

ЗАНД Жорж см. **САНД** Жорж

ЗЕЛИНСКИЙ (Zieliński) Густав (1809—1881), польский поэт. За участие в польском нац.-освобод. движении был сослан в Сибирь, в Тобольск и Ишим (1834—1842), где познакомился с рус. лит-рой, в том числе с соч. П. В романт. поэме З. «Киргиз» («Kirgiz», 1842) усматривают влияние «южных» поэм П. В 1870-х З. написал на основе повести П. пьесу «Барышня-крестьянка» («Panna-włościanka»). Действие комедии перенесено в Польшу 1860—1870-х, она насыщена польским бытом и польскими реалиями. Комедия не издана (автограф — Библиотека им. Зелинских в г. Плоцк, Польша; копия — РО ИРЛИ).

Лит.: *Odrowąż-Pieniążek J.* 1) Gustaw Zieliński — piewca wolności i syberyjskich stepów // *Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego.* 1955. № 3. S. 126; 2) *Nieznane puszkiniatum polskie* // *Pamiętnik teatralny.* 1955. № 2. S. 168—178; 3) *Одровонж-Пенёнжеск Я.* Пушкин и польский романтик Густав Зелинский // ПИМ. Т. 2. С. 362—368.

С. И. Николаев

И

ИРВИНГ (Irving) Вашингтон (1783—1859), амер. писатель, родоначальник романтизма и жанра новеллы в лит-ре США. В России стал известен в 1822—1823, а с 1825 началась в ж-лах и продолжалась в течение всех 1830-х волна переводов (преимущ. с фр. яз.) рассказов и очерков из его книг «Книга эскизов» («The Sketch-Book», 1819—1820), «Брейсбридж-холл» («Bracebridge Hall; or, the Humorist», 1822), «Рассказы путешественника» («Tales of a Traveller», 1824), «Альгамбра» («The Alhambra», 1832) и др., рец. на его произв. и отзывов о них. В этот период И. был одним из самых популярных в России зарубеж. прозаиков. В б-ке П. имелись семь книг И., две в подлиннике, остальные во фр. пер. (Библиотека П. № 1016—1021, 1047; № 1016 — приобретена 1 авг. 1835 — Акад. XVI, 96); частые упоминания И. встречались П. в иностр. ж-лах, находившихся в его поле зрения. Возможно, от П. услышал О. М. Сомов приведенную им в примеч. к пер. рассказа «Вороны» (СП. 1828. 10 мая. № 56) со ссылкой на «одного из лучших наших поэтов» характеристику И. как «отличного мастера разболтаться». В «Каменном госте» (сд. III, 14—22) содержится реминисценция рассказа «Происшествие с моим дядюшкой» («The Adventure of My Uncle») из сб. «Рассказы путешественника». Точки соприкосновения П. и И. наблюдаются в «Повестях Белкина» (приемы мистификации, обыгрывание лит. штампов в сюжетах, образах и пр., полемич. переключки сюжетов «Метели» и новеллы «Жених-призрак» («The Spectre Bridegroom») и др.), что уловили современники, видевшие в «Повестях Белкина» подражание И. (напр.: МТ. 1831. Ч. 42. № 22. С. 255—256; возможный автор рец. — Н. А. Полевой). По предположению М. П. Алексеева, ирвинговская «История Нью-Йорка» («A History of New York from the Beginning of the World to the End of the Dutch Dynasty», 1809), пародировавшая «ученый» стиль хроникеров, могла послужить толчком к оформлению исходного замысла «Истории села Горюхина», написанной затем совершенно самостоятельно и на собственном материале, но с применением типологически сходных пародических приемов. Поддержанная отеч. исследователями творчества И., эта гипотеза была принята в пушкиноведении скептически (за исключением Д. П. Якубовича, ее поддержавшего), и сам автор к ней более не возвращался, в т. ч. в статье «История села Горюхина» в Путеводителе. Новелла «Легенда об арабском звездочете» («Legend of the Arabian Astrologer») из «Альгамбры» подсказала П. черн. поэтич. набросок «Царь увидел пред собой...» (1833) и, по предположению А. А. Ахматовой, вызвавшее дискуссии, но в общем, с существенными уточнениями и оговорками, нашедшему признание в пушкиноведении, явилась одним из лит. источников «Сказки о золотом петушке». Цитата из седьмой главы «Поездки по прерии» («A Tour on the Prairies», 1835), приведенная в статье «Джон Теннер» (1836), взята П. из предисл. Э. Блосвила (Blosseville, 1799—1886) к фр. пер. «Записок» Дж. Теннера (Библиотека П. № 1423).

Лит.: *Алексеев М. П.* 1) К «Истории села Горюхина» // Пушкин. Одесса. Вып. 2. С. 70—87; 2) Заметки на полях. 6. Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе» // Врем. ПК. 1979. С. 59—68 (обзор дискуссии вокруг гипотезы А. А. Ахматовой), 82—83 (То же // Алексеев. П. и мировая лит.-ра. С. 502—513, 528); *Ахматова А. А.* 1) Последняя сказка Пушкина // Звезда. 1933. № 1. С. 161—176 (То же с изменениями // Ахматова. О Пушкине. С. 10—40); 2) «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой...»: Комментарий // Рукописи А. С. Пушкина: Фототип. изд.: Альбом 1833—1835 гг. / Под ред. С. Бонди. М., 1939. С. 23—26 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 41—50); *Якубович Д. П.* Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. // П. Врем. Т. 1. С. 308; *Mazon A.* Le conte du Coq d'or: Pouchkine, Klingner et Irving // Mélanges en l'honneur de Jules Legras. Paris, 1939. P. 207—214 (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves. Т. 17); *Fiske J. C.* The Soviet Controversy over Pushkin and Washington Irving // CL. 1955. Vol. 7. № 1. P. 25—31; *Преображенский Н. Ф.* Волшебные солдатики: (Пушкин и Вашингтон Ирвинг) // Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15—21. IX. 1955). Beograd, 1957. S. 645; *Берковский Н. Я.* О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М.; Л., 1960. С. 140—153 (То же // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 289—303; Берковский Н. Я. О русской литературе. М., 1985. С. 50—63); *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960. С. 197—204, 214—218; *Марьянов Б. М.* Об одном примечании к статье А. С. Пушкина «Джон Теннер» // РЛ. 1962. № 1. С. 64—67; П. Итоги и проблемы. С. 440—441 (дискуссии вокруг гипотезы А. А. Ахматовой); *Николюкин А. Н.* 1) «История Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга // Ирвинг В. История Нью-Йорка / Изд. подгот. А. А. Елистратова, А. Н. Николюкин, В. И. Ровинский. М., 1968. С. 315—316; 2) Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М., 1981. С. 180—199, 211—218, 232—233, 237—245; *Proffer C. R.* Washington Irving in Russia: Pushkin, Gogol, Marlinsky // CL. 1968. Vol. 20. № 4. P. 329—342; *Ingram F. L.* Pushkin's «Skazka o zolotom petuške» and Washington Irving's «The Legend of the Arabian Astrologer» // Russian Language Journ. 1969. Vol. 84. P. 3—18; *Гукасова А. Г.* Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина: Кн. для учителя. М., 1973. С. 223; *Бойко К. А.* 1) Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Врем. ПК. 1976. С. 113—120; 2) Восточные корни мотива о золотом петушке в сказке А. С. Пушкина // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1978. С. 14—20; 3) Древнеегипетские истоки одного из мотивов «Сказки о золотом петушке» // Врем. ПК. 1979. С. 131—136; *Красухин Г.* Взыскательная любовь: К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина: Размышления о «Медном всаднике» // Москва. 1984. № 6. С. 185—186; *Рак В. Д.* Ирвинговская реминисценция в «Каменном госте» // Врем. ПК. Вып. 20. С. 163—169 (То же с доп. // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 330—342); *Katz M. R.* Pushkin's Creative Assimilation of Zhukovsky and Irving // The Old and the New World Romanticism of Washington Irving / Ed. by S. Brodwin. Westport (Conn.), 1986. P. 81—89; *Снисаренко А.* Приключения одной легенды // Байкал. 1987. № 3. С. 141—143; *Шмид В.* Невезучий жених и ветреные суженые: Подтексты и развертывающиеся речевые клише в «Метели» // Шмид В. Проза как поэзия: Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. С. 67—71, 77—79, 88 (То же // Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996. С. 206—211, 216—218); *Балашова И. А.* Об американском источнике поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» // Изв. высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 1997. № 1. С. 46—51; *Nepomnyashchy C. T.* Pushkin's *The Bronze Horseman* and Irving's «The Legend of Sleepy Hollow»: A Curious Case of Cultural Cross-Fertilization? // Slavic Rev. 1999. Vol. 58. № 2. P. 329—351.

В. Д. Рак

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Интерес П. к Испании и исп. культуре возник на фоне европ. и неск. отличного от него, имевшего свои особые причины рус. испанофильства первой трети XIX столетия. Первая волна обостренного внимания рус. об-ва к Испании связана с Отечественной войной 1812, живо напомнившей русским борьбу Испании с Наполеоном. Вторая волна интереса к исп. делам, а конкретнее, к исп. революции 1820, ее вождям, Рафаэлю Риго (Riego y Nuñez, 1785—1823) и Антонио Кирого (Quiroga, 1784—1841), нарастала в России в среде будущих декабристов и в сочувствовавших им кругах. П. разделял со своими современниками и друзьями-декабристами восторг перед испанцами, первыми изгнавшими напо-

леоновские войска, преклонение перед Риго — символом революц. духа и свободолюбия.

Осведомленность П. в исп. лит-ре была весьма обширной. Большое число произведений исп. авторов в полных пер. или в извлечениях и пересказах находилось в б-ке П. в составе комплекта (1775—1779) фр. ж-ла «Bibliothèque universelle des romans» (Библиотека П. № 640—654), в т. ч., напр., знаменитый каталанский рыцарский роман «Тирант Белый» («Tirant lo Blanc», XV в.), произв. Хуана Мануэля (Juan Manuel, 1282—1348), Хинеса Переса де Иты (Pérez de Hita, ок. 1544—ок. 1619), первый исп. плутовской роман «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения» («La vida del Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades», 1554), «Критикон» («El críticón», 1651—1657) Бальтасара Грасиана (Gracián y Morales, 1601—1658) и др. Вместе с изданиями в подлиннике «Романсеро» (Библиотека П. № 758), 4-томного собр. соч. Кальдерона (Там же. № 700), «Дон Кихота» и «Назидательных новелл» Сервантеса (Там же. № 720—722), англ., нем. и фр. пер., а также многочисленными книгами об Испании и на исп. тему они составляют представительную б-ку. Среди книг, из к-рых П. мог почерпнуть сведения об Испании и ее культуре, — и труды А. В. Шлегеля, и швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842), по к-рым вся Европа получала первое представление об исп. лит-ре (Библиотека П. № 1356, 1391), и ист. труды П.-С. Бриана (Briand, 1763—1850), Л.-А. Дюмениля (Dumesnil, 1783—1858) и У. Робертсона (Robertson, 1721—1793) (Библиотека П. № 674, 894, 1319), и нек-рые худож. произв. на исп. темы, такие как «Испанские и итальянские повести» А. де Мюссе, «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого или «Альгамбра» В. Ирвинга.

Среди пушк. книг не случайно были издания на исп. яз., словари Дж. Баретти (Baretti, 1716—1789), Б. Кормона (Cormon), К.-М. Гаттеля (Gattel, 1743—1812), справочник по исп. яз. аббата А.-Л. Жосса (Josse) (Библиотека П. № 579, 827, 936—937, 1036): в нач. 1830-х П., несомненно, изучал язык Сервантеса и Кальдерона, к-рый он в результате этих занятий понимал настолько, что мог в учебных целях сделать пер. как с исп., так и на исп. По свидетельству С. Л. Пушкина, его сын «выучился в зрелом возрасте по-испански» (Цявловский. Кн. восп. С. 376). Если же верить П. А. Плетневу, П. еще на юге «нашел время выучиться (...) итальянскому и отчасти испанскому» (Плетнев. Т. 1. С. 370). Вероятнее же всего, П. занимался исп. яз. в Царском Селе в 1831, а к апр. 1832 относится выполненный им пер. отрывка новеллы Сервантеса «Цыганочка» (Рукою П. С. 82—86). Этот живой интерес не мог не затронуть и творческий планов поэта. «Сумев откликнуться на все основные жанры классической испанской литературы XVI—XVII вв., Пушкин угадал их национальные особенности и как бы завещал последующей русской литературе их дальнейшее истолкование и раскрытие на подлинной языковой основе», — так определил заслугу П. как перед исп., так и перед рус. культурой акад. М. П. Алексеев (Алексеев. 1985. С. 163).

Интерес П. к Испании и ее культуре нашел отражение в «Каменном госте» (1830) и таких ст-ниях, как «Ночной зефир...» (1824), «Пред испанкой благородной...» (1830), «Я здесь, Инезилья...» (1830), «Альфонс садится на коня...» (1835—1836), «На Испанию родную...» и «Чудный сон мне Бог послал...» (1835); исп. тема и исп. мотивы явственны в нек-рых др. ст-ниях поэта. Размышляя о народности в иск-ве, о драме, о «Борисе Годунове», П. ссылался в своих статьях и письмах на авторитет *Lone de Vega* и Кальдерона. Испано-арабские мотивы в «Альгамбре» В. Ирвинга сыграли не последнюю роль в замысле «Сказки о золотом петушке» (1834). «Благословенный край, пленительный предел», где «ночь лимоном и лавром пахнет», где «жены вечером выходят на балкон» и «умеют с любовью набожность умильно сочетать» — вот тот образ Испании, к-рый именно исп. ст-ния П. утвердили в рус. лит-ре и к-рый по сей день наследуется рус. культурой.

Лит.: *Державин К. Н.* 1) Занятия Пушкина испанским языком // *Slavia*. 1934. Роѡ. 13. Seѡ. 1. S. 114—120; 2) Пушкин и испанская культура // *Литературный Ленинград*. 1937. 11 янв. № 2; *Владимирский Г. Д.* Пушкинская Испания // *Рефес*. 1937. № 5. С. 13—15; *Bieghler E. W.* Early Spanish Translations of Pushkin // *Hispanic Rev.* 1938. Vol. 6. P. 348—349; *Stephenson R. C.* The English Sources of Pushkin's Spanish themes // *Studies in English*. University of Texas Publications. 1938. Vol. 18. P. 85—111; *Buketoff-Turkevich L.* Cervantes in Russia. Princeton, 1950. P. 34—45; *Кржевский Б. А.* Из темы «Пушкин и испанская литература» // *Кржевский Б. А.* Статьи о зарубежной литературе. М.; Л., 1960. С. 306—308; *Алексеев М. П.* Из истории испано-русских литературных отношений XVI—начала XIX в. // *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 149—152, 159—164 (То же // *Алексеев М. П.* Русская литература и романский мир. Л., 1985. С. 148—151, 158—163); *Gómez Crespo F.* Contribución al estudio de temas espaѡoles en la obra de Puѡkin: Trabajo presentado como Tesis doctoral. Universidad de Madrid, 1971 (машинопись; Пушк. кабинет ИРЛИ); *Косачевская Е. М.* Он воспевал мечту прекрасную свободы... : (А. С. Пушкин по неопубликованным запискам Н. А. Маркевича) // *Радуга*. 1974. № 6. С. 154—155; *Багно В. Е.* 1) К теме «Пушкин и Испания»: (Новые материалы) // *Врем. ПК*. 1980. С. 163—168; 2) «Каменный гость» как перекресток древнейших легенд и мифов // *Studia Russica Budapestinensia: Материалы III и IV Пушкинологического коллоквиума в Будапеште* 1991, 1993. Budapest, 1995. Т. 2/3. С. 55—60; 3) «Родрик» и «Легенда» Пушкина в контексте испанского романсеро // *Actas de las II Jornadas Internacionales de Rusística*. Valencia, 1998. P. 231—240; *Додолев М. А.* Россия и Испания, 1808—1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984 (по указ.); *Фернандес Санчес Х.* Испанский знакомый Пушкина // *Врем. ПК*. Вып. 24. С. 128—129; *Sanchez-Puig M.* Espaѡa en la obra de Pushkin // *Historia y vida*. 1988. Vol. 21. № 248. P. 59—66; *Weiner J.* Mantillas in Moscovia: El teatro del siglo de Oro espaѡol en la Rusia de los zares (1672—1917). Barcelona, 1988. P. 69—71; *Hacker G.* Rocinantes Wege nach Russland: Die Rezeption spanischer Literatur durch russische Realisten des 19. Jahrhunderts in ihrem europaischen Kontext. Kѡln, 1995. S. 17, 24—25, 33—34; *Роговер Е. С.* Пушкин и испанская культура // *Пушкинские чтения-97: Тез. межвуз. конф. 6 июня 1997 / Ленингр. гос. обл. ун-т. СПб.*, 1997. С. 26—30.

В. Е. Багно

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Знакомство Пушкина с произведениями ит. лит-ры на начальном этапе происходило через рус. и фр. переводы, ит. муз. театр, лицейские курсы истории, эстетики и словесности. В домашней б-ке Пушкиных были представлены *Ариосто*, *Т. Тассо*, *Данте*. В кругу семьи П. мог получать наряду с фр. яз. начатки итальянского, к-рым владели С. Л. и В. Л. Пушкины. Последний не только переводил с ит., но и писал стихи на этом языке. Овладел П. ит. яз., по свидетельству П. А. Плетнева (Плетнев. Т. 1. С. 370), во время южной ссылки.

Интерес П. к ит. лит-ре формировался также и под влиянием возвышенного общевроп. внимания к ит. культуре на рубеже XVIII—XIX вв., к-рое было вызвано наполеоновскими завоеваниями, преобразованием формы правления и начинающимся движением за объединение страны (Рисорджименто), определившим подъем ит. нац. культуры в XIX в. Отеч. периодика 1800—1810-х помещала многочисленные материалы о полит. и культурной жизни ит. государств, пер. произведений ит. писателей и пер. сочинений европ. авторов об Италии. В частности, в 1809—1810 в Москве был издан первый рус. пер. романа *Ж. де Сталь* «Коринна, или Италия», дававший широкую картину культурной жизни этой страны. Изучением ит. словесности и переводами в это время занимаются лит. деятели старшего поколения (Г. Р. Державин, А. С. Шишков) и представители лит. молодежи, близкие по духу П. (К. Н. Батюшков, П. А. Катенин, П. А. Вяземский). Однако до 1820-х П. не проявляет очевидного глубокого внимания к ит. культуре.

Юношеская поэма П. «Монах» (1813), свидетельствует о его знакомстве с ит. живописью (песнь III, ст. 12). В ст-нии «Городок (К***))» (1815) *Вольтер*, любимый в то время автор П., назван «внуком» великих ит. поэтов Тассо и Ариосто, т. е. продолжателем их поэтич. традиций (ст. 104, 108—109). В 1800—1810-е юный П. ознакомился с поэмой Тассо «Освобожденный

Иерусалим» как с образцом классической эпопеи и был свидетелем возникновения и развития рус. варианта сентиментально-романтического культа Тассо. К этому явлению он относился без энтузиазма на протяжении всей жизни. На рубеже XVIII—XIX вв. в России актуализируется поэма Ариосто «Неистовый Роланд» в связи с раннеромантическим оживлением интереса к европ. Средневековью и разработкой жанра нац. волшебного-рыцарской поэмы. В рус. критике 1810—1820-х «Неистовый Роланд» предстает образцом поэмы романт. склада (причем это определение не имело еще того смысла, к-рое оно приобрело после знакомства с «восточными» повестями Байрона и появления пушк. «южных» поэм). П. также интересуется волшебного-рыцарскими поэмами, среди к-рых не только «Неистовый Роланд», но и пародирующая этот жанр ирон-комическая поэма «Ричардетто» («Ricciardetto», опубл. 1738) ит. поэта Никколо Фортегуэрри (Forteguerri, 1674—1735). Поэма «Руслан и Людмила» (соч. 1817—1820, изд. 1820, 2-е изд. 1828) была воспринята соврем. П. критикой как подражание Ариосто (см.: Прижизн. критика, 1820—1827. С. 25—106). Лит. окружение П. 2-й пол. 1810-х формирует его интерес и уважение к творчеству Данте.

Пребывание в Кишиневе и Одессе во время южной ссылки 1821—1824 дает П. возможность общения с носителями живого разговорного ит. яз. Там же он узнает о Неаполитанской (1820) и Пьемонтской (1821) революциях, движении карбонариев. В Одессе П. посещает ит. оперу, где звучит популярная в то время музыка Дж. Россини (Rossini, 1792—1868). Для этого периода ознакомления П. с живым ит. яз. и культурой особенно примечательны дружба с И. С. Ризничем, сербом по национальности, итальянцем по рождению (г. Триест), высокообразованным человеком, и влюбленность в его супругу Амалию, а также приятельские отношения с М. Д. Бутурлиным, прибывшим в Одессу из Флоренции, и с бывшим шкипером коммерческого судна мавром Али, свободно говорившим по-итальянски. Особенности пушк. орфографии ит. вкраплений (цитаты, отд. выражения и пр.) в его текстах этих лет и впоследствии показывают, что поэт воспринимал живую ит. речь в ее венецианском диалектном варианте, а использование ряда ит. фразеологизмов и их толкования в худож. произв., статьях и письмах указывают на то, что П. тонко чувствовал особенности их семантики. Свидетельством изучения П. ит. яз. является наличие у него итальянско-французского словаря (Nuovo Dizionario portatile... . Parigi, 1797) Дж. Мартинелли (Martinelli) и ит. грамматики (Grammaire italienne, simplifiée et réduite à vingt-quatre leçons... . Moscou, 1822) Ф. Валерио (Valerio) (Библиотека П. № 1143, 1472).

Широкую историко-филос. картину полит. и культурной жизни Италии находит П. в произв. Байрона — четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», поэмах «Пророчество Данте», «Жалоба Тассо», «Беппо». Позднее он читает ряд книг, посвященных пребыванию Байрона в Италии (Библиотека П. № 1013, 1149, 1351). Интерес П. к ит. культуре удовлетворяло и поддерживало также чтение книг из библиотек И. П. Липранди и М. С. Воронцова. Возможно, к этому времени он уже знаком с двумя основополагающими для его эпохи исследованиями по истории ит. лит.-ры: опубликованным к тому времени (1811) первым томом «Литературной истории Италии» («Histoire littéraire d'Italie», 1811—1824) П.-Л. Женгене (Ginguené, 1748—1816) и книгой «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813) швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842). Вероятно, ему известны полемика П. А. Катенина и О. М. Сомова на стр. СО в 1822 о способах перевода ит. стихотв. эпоса и др. ит. материалы в рус. периодике. В 1820—1821 П. работает над октавами «Кто видел край, где роскошью природы», первым образцом в его творчестве этой типичной для ит. стихотв. эпоса формы, и над поэмой «Кавказский пленник», помещая в начальных беловиках эпиграф из стихотворения И. Пиндемонта «I viaggi», а также пишет гл. I «Евгения Онегина» (май—окт. 1823), в к-рую вводит мотив «тоски по чужбине»,

желания посетить Италию, и в частности Венецию (строфа XLVIII), и мотив «торкватовых октав» (строфа XLIX), впоследствии имевший широкое распространение в рус. лит-ре. Описание рассеянной жизни Онегина соотносится с поэмой Джузеппе Парини (Parini, 1729—1799) «День» («Il Giorno», публ. частями 1763—1801), что впервые было отмечено Н. А. Полевым в рец. (МТ. 1825. Ч. 2. № 5. С. 50; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 266). В Одессе же (февр.—июнь 1824) пишется часть гл. III «Евгения Онегина», содержащая шуточные реминисценции из Данте и *Петрарки*. Реминисценции из «Божественной комедии» находятся также в черн. вар. поэмы «Цыганы», работа над к-рой начинается в Одессе и продолжается в Михайловском.

Пребывание в Михайловском и посещения Тригорского были наполнены воспоминаниями об Одессе. П. слушает модные ит. романсы в исполнении девиц Вульф-Осиповых, изучает с ними ит. яз., знакомится с ит. книгами из богатой б-ки Тригорского. Планы заграничного путешествия, которые он вынашивает в это время, часто связываются с Италией. В Михайловском в нач. 1825 П. сочиняет часть «Путешествия Онегина» с описанием одесской оперы, переводит отрывок из «Неистового Роланда» (««Из Ариостова „Orlando Furioso”») («Пред рыцарем блестит водами...»), 1826), читает соч. *В. Альфьери* «О государе и словесности». Создаваемая это время трагедия «Борис Годунов» отражает знакомство П. с доктриной макиавеллизма. Работая над «Борисом Годуновым», П. размышляет о различных системах драматургической техники и отмечает половинчатость новаторства Альфьери в трагедии (черн. письма к Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля (после 19) 1825 и 30 янв. или 30 июня 1829 — Акад. XIII, 197, 407, XIV, 48). Возможно, его внимание обращают на себя также новаторские рассуждения *А. Мандзони* о единстве места в трагедии, изложенные в статье-письме к Ж.-Ж.-В. Шове (Chauvet, 1788—после 1834) и напечатанные в 1823 в издании фр. пер. его трагедий. В «Борисе Годунове» в сцене с приставами П. использует мелодраматическую ситуацию из оперы Россини «Сорока-воровка» («Gazza ladra», 1817).

Возвратившись в Москву, а затем в Петербург, П. вновь слушает в театре ит. оперы, посещает салон З. А. Волконской, где знакомится с гр. М. Риччи (Ricci, ок. 1800—ок. 1860), талантливым музыкантом и литератором-дилетантом, осуществившим первые пер. ст-ний П. на ит. яз., одобренные самим поэтом (см. с. 263).

В 1829 начинаются близкие приятельские отношения П. с Е. М. Хитрово, долгое время жившей в Италии и любившей эту страну, а также с ее дочерью Д. Ф. Фикельмон, женой австр. посланника в Петербурге гр. Ш.-Л. Фикельмона (Fiquelmont, 1777—1857), к-рый служил во Флоренции и Неаполе с 1821 по 1828. В салонах Волконской, Хитрово и Фикельмон обсуждалась ит. культурная жизнь, новинки ит. лит-ры. В Болдинскую осень (1830) П. заканчивает «маленькие трагедии» «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость», задуманные еще в 1826 в Михайловском. В первой из них содержатся упоминания ит. опер В. А. Моцарта (Mozart, 1756—1791) «Женитьба Фигаро» («Nozze di Figaro», 1786) и «Дон Жуан, или Наказанный распутник» («Don Giovanni, ossia il Dissoluto punito», 1787) на либретто Лоренцо Да Понте (Da Ponte, 1749—1838). Эпизод со слепым скрипачом в «Моцарте и Сальери», по-видимому, восходит к фрагменту из «Литературной истории Италии» Женгене, в к-ром приведены сюжеты двух новелл Франко Саккетти (Sacchetti, ок. 1330—1400) о Данте (см. с. 127). В финале «Моцарта и Сальери» упоминается анекдот о Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti, 1475—1564), якобы убившем натурщика для более правдоподобного изображения мук распятого Христа. Эпиграф к «Каменному гостю» взят из второго действия «Дон Жуана» Моцарта (сцена приглашения статуи), сюжет оперы может рассматриваться как один из источников этой трагедии П. В «Скупом рыцаре» монолог барона Филиппа обнаруживает сходные черты (сравнение страсти к золоту с любовной лихорадкой,

воспоминание о человеческих несчастьях при виде той или иной монеты) с монологом скупца Оттавио из третьего действия комедии Карло Гольдони (Goldoni, 1707—1793) «Истинный друг» («Vero amico», 1750), с к-рой П. мог познакомиться в Михайловском.

Контакты П. с ит. культурой выражались также в отзывах на произв. ит. словесности либо об Италии, а также в создании ит. колорита в ряде собственных произв. На материал истории ит. лит-ры опирается П. в своих критич. статьях, в частности рассуждая о бедности лит-ры фр. классицизма («(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»), 1825; «О поэзии классической и романтической», 1825; «(Материалы к „Отрывкам, мыслям и замечаниям“»), 1827; «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 25—26, 36—38, 61, 268—272). Начитанность в источниках по ит. истории и культуре позволила П. дать самостоятельную высокую оценку местного и ист. колорита в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» («(О „Ромео и Джульете“ Шекспира»», 1829 — Акад. XI, 83). П. экспериментирует с ит. поэтическими формами: терцинами, прочно ассоциированными с «Божественной комедией» Данте («В начале жизни школу помню я...», окт. 1830; «И дале мы пошли...», июнь 1831—нач. 1832), октавами, вызывающими в памяти эпические поэмы Тассо и Ариосто («Дюмик в Коломне», 1830; «Осень», 1833), и сонетом, доведенным до худож. совершенства Петраркой («Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»), «Поэту», «Мадона» — все 1830). Выразительным ит. колоритом, воспринятым в данном случае через пьесу Шекспира «Мера за меру», проникнута стихотв. повесть «Андже-ло» (1833), реминисценции из «Божественной комедии» наполняют «Медный всадник» (1833), где образ Петербурга — окна в Европу заимствован из «Писем о России» (оригинальное назв. «Viaggi di Russia», 1740) ит. писателя-просветителя Франческо Альгаротти (Algarotti, 1712—1764): «Je vais enfin vous parler de cette nouvelle ville, de cette grande fenêtre, ouverte récemment dans le Nord, par où la Russie regarde en Europe» (Lettres du Comte Algarotti sur la Russie... traduites de l'Italien. Londres, 1769. P. 64; пер.: Наконец я расскажу Вам об этом новом городе, об этом большом окне, недавно распахнутом на Севере, через которое Россия смотрит в Европу). С ит. лит-рой связаны два ст-ния «Каменноостровского цикла» (1836): «Подражание итальянскому» и «Из Пиндемонти». Первое является вольным пер. ст-ния поэта и импровизатора Франческо Джанни (Gianni, 1760—1822) «На Иуду» («Sonetto sopra Giuda»), загл. второго представляет собой мистификацию (см. с. 243). В повести «Египетские ночи» (1835) П. создал выразительный образ ит. импровизатора, парадоксально соединившего в себе черты гл. героини романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» и низкопробного импровизатора-поденщика, выведенного там же в кн. 19, гл. 6.

В 1828 П. читает роман А. Мандзони «Обрученные» и дает ему высокую оценку. Знакомится он и с книгой бывшего карбонария С. Пеллико «Мои темницы» и пишет похвальную рец. на рус. пер. его трактата «Об обязанностях человека», также читает мемуары Дж. Казановы, фр. пер. автобиографии известного скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини (Cellini, 1500—1571), заметки леди Сидни Морган (Morgan, 1786—1859) о художнике Сальваторе Роза (Rosa, 1615—1673) и его эпохе (Библиотека П. № 706, 718, 1193, 1250, 1251, 1252). Особенно ценил П. «Исторические и критические письма об Италии» («Lettres historiques et critiques sur l'Italie» — Библиотека П. № 675) президента дижонского парламента Шарля де Бросса (Brosses, 1709—1777), представившего яркую картину нравов, культуры и иск-ва этой страны. Восторженную характеристику этой книги П. дал в рец. (1836) на переписку Вольтера с де Броссом (Акад. XII, 75).

В б-ке П. имелись также др. книги на ит. яз. и фр. переводы ит. писателей, а также соч. об Италии, к-рые не отразились непосредственно в творчестве поэта, но привлекали его внимание и, вероятно, входили в круг чтения.

Это — соч. Дж. Кастри, Ф. Гальяни, поэта Винченцо да Филика (Filicaja, 1642—1707), философа, поэта и теоретика лит-ры Джамбатиста Вико (Vico, 1668—1744) и др. (Библиотека П. № 34, 100, 110, 115, 257, 708—711, 713, 874, 931, 944, 1147, 1204, 1393, 1479; Прилож. к репринт. изд. С. 36, 44. № 115, 159). В последний год жизни П. приобрел большую антологию «I quattro poeti italiani...» (2 ed. Parigi, 1836), изданную А. Буттурой (Buttura, 1771—1832) (Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. С. 43. № 155), в к-рую входили «Божественная комедия» Данте, «Книга песен» Петрарки, «Неистовый Роланд» Ариосто, «Освобожденный Иерусалим» Тассо и множество ст-ний ит. поэтов XII—XIX вв.

Интерес П. к ит. лит-ре находился в русле общеевроп. интересов к ней и моды 1-й пол. XIX на ит. искусство, познания его в этой области не отличались ни глубиной, ни обширностью. Систематическим изучением ит. яз. он не занимался и переводил ит. авторов эпизодически, также эпизодически обращаясь к формам ит. поэзии в своем оригинальном творчестве. Все переведенные им фрагменты могли быть известны ему во фр. или рус. переложениях. Помимо рец. на рус. пер. книги Пеллико «Об обязанностях человека» П. не дает развернутых характеристик ит. писателей, ни их произведений, об его отношении к ним можно судить лишь по косвенным данным, часто с большой приблизительностью. Выбор имен, связанных с творчеством П., либо хрестоматиен, либо обусловлен сиюминутной лит. или муз. популярностью. Между тем в отеч. и зарубеж. пушкиноведении XX в. сложился устойчивый комплекс представлений об особенной любви П. к ит. лит-ре и углубленном знакомстве с нею. Творческое и личностное прикосновение поэта к ит. теме, давшее ряд ярких образов, оказало и продолжает оказывать воздействие на исследователей его творчества, которые зачастую необоснованно переносят собственную осведомленность в тех или иных вопросах истории ит. иск-ва, общества и словесности на самого П.

Лит.: *Налимов А. П.* Отзвуки итальянской поэзии у Пушкина: (Историко-литературная заметка) // *Образование*. 1899. № 5/6. С. 54—60; *Корш Ф. Е.* Мелочи: Знал ли Пушкин по-итальянски? // *ПиС*. Вып. 7. С. 54—56; *Брюсов В. Я.* Знал ли Пушкин по-итальянски? // *РА*. 1908. Кн. 3. № 12. С. 583—591; *Верховский Ю. Н.* Пушкин и итальянский язык: (По поводу заметки Ф. Е. Корша) // *ПиС*. Вып. 11. С. 101—106; *Certo V.* Puškin e la lingua italiana // *Rivista di litterature slave*. 1926. Т. 1. Р. 257—265; *Алексеев М. П.* 1) Пушкин и библиотека Воронцова // *Пушкин*. Одесса. Вып. 2. С. 97; 2) [Рец. на изд.: Письма. Т. 1.] // *Изв. по русскому языку и словесности*. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 322; *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин и итальянская опера // *ПиС*. Вып. 31/32. С. 49—60; 2) Мелочи о Пушкине: Источник стихотворения «Как с древа сорвался предатель ученик...» // *ПиС*. Вып. 38/39. С. 81; *Frisco S.* Una fonte italiana nell'Eugenio Onegin di Puškin // *Rassegna nazionale*. Ser. 3. 1930. Vol. 9. Febbraio. P. 123—131 (Рус. пер.: *Фриско Дж. С.* Итальянский источник в «Евгении Онегине» // *Моск. пушкинист*. Вып. 6. С. 394—404); *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды: Пушкин и Аретино // *Звенья*. Т. 5. С. 122—125; *Эйгес И. Р.* Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937. С. 165—214; *Pizzigalli A. M.* Puškin e l'Italia // *Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di Scienze e Lettere*. 1935. Vol. 68. Fasc. 16/18; *Biolato Mioni A.* Puškin e l'Italia // *Alessandro Puškin*. Nel primo centenario della morte / A cura di E. Lo Gatto. Roma, 1937. P. 249—297; *Bizilli P.* Puškin e l'Italia // *Meridiano* di Roma. 1937. 21 febbraio. № 8; *Luporini M. B.* Un paesaggio italiano dell'«Eugenij Onegin», Charles Nodier e «la superba lira d'Albione» // *Studi in onore di E. Lo Gatto e G. Maver*. Roma, 1962. P. 417—441; *Берков П. Н.* Пушкин и итальянская культура // *Annali dell'Istituto universitario orientale*. Sezione slava. Napoli, 1970. Т. 13. Р. 1—46 (То же, с уточнениями // *Берков П. Н.* Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 327—368); *Хлодовский Р. И.* 1) Пушкинская концепция классического национального стиля и его исторического развития // *Типология стиливого развития нового времени: Классический стиль: Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле*: Сб. ст. М., 1976. С. 175—213; 2) Пушкин и Италия золотая // *Puškin poeta e la sua arte: Colloquio italo-sovietico*. Roma, 3—4 giugno. 1977. Roma, 1978. P. 133—150; 3) Италия Розанова и Пушкина // *Российский литературоведческий журнал*. 1994. № 3. С. 81—89; 4) *Chlodowski R.* Goldoni, Diderot e Puškin // *Esperienze letterarie*. 1995. Т. 20. № 1. Р. 9—20; 5) *Chlodovskij R.* Puškin e l'Italia: umanesimo e umanità di Puškin // *P. europeo*. P. 275—285; *Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.* Язык лирики XIX в.:

Пушкин, Некрасов. М., 1981. С. 185—194; *Кац Б. А.* «Звуки италианские!» // Врем. ПК. 1981. С. 168—173; *Ильин И. П.* Пушкин в современной итальянской критике // Новые зарубежные исследования творчества А. С. Пушкина: Сб. обзоров. М., 1986. С. 161—172; *Букалов А. М.* 1) «Язык Петрарки и любви»: (Из наблюдений над итальянскими записями А. С. Пушкина) // Болд. чтения, [1987]. 1988. С. 107—118; 2) *Vukalov A. M.* «La lingua dell'Italia aurea»: L'Italiano di Puškin // P. europeo. P. 287—297; *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991 (ранее отд. частями: 1) Венецианская пушкиниана: Док. повесть. М., 1982; 2) Бутурлины — друзья Пушкиных: Из итальянских разысканий. М., 1988); *Густова Л. И.* 1) «Язык Италии золотой»: Итальянские мотивы в творчестве Пушкина // Пушкинская конф., междунар., 1—4 окт. 1996 г. Материалы. Псков, 1996. С. 33—38; 2) «Язык Италии золотой»: Итальянские мотивы в творчестве А. С. Пушкина // Михайловская пушкиниана: Сб. ст. науч. сотр. муз.-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». М., 1999. Вып. 4. С. 79—99; *Константинова С. Л.* К проблеме: Италия и эстетический идеал в поэзии А. С. Пушкина // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1996. С. 80—88; *Clayton J. D.* «Povesti Belkina» and the Commedia dell'Arte: Callot, Hoffmann, and Puškin // Russian Literature. 1996. Vol. 40. № 3. P. 277—292; *Неклюдова М. С., Основат А. Л.* Окно в Европу: Источниковедческий этюд к «Медному всаднику»: [Цитата из Ф. Альгаротти] // Лотмановский сб. / Сост. Е. В. Пермяков. М., 1997. Т. 2. С. 255—272; *Талалай М. Г.* [Предисл. к публ. : Альгаротти Ф. Русские путешествия / Пер. с ит., предисл., примеч. М. Г. Талалай] // Невский архив : Ист.-краевед. сб. СПб., 1997. [Вып. 3]. С. 235—236; *Гарзонио С.* 1) Итальянское пушкиноведение: (Краткая характеристика) // РЛ. 1999. № 2. С. 239—246; 2) Италия в восприятии пушкинского лирического героя: (Несколько предварительных штрихов к теме «двух родин») // После юбилея. Jerusalem, 2000. С. 85—94; 3) Русская и зарубежная пушкинистика в Италии // Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000. С. 282; 4) *Garzonio S.* L'Italia di Puškin e Mandel'stam: Due paradigmi poetici a conforto // Puškin, la sua epoca e l'Italia: Atti del Covegno Iternazionale di studi. Roma, 21—23 ottobre 1999 / A cura di P. Buoncristiano. Roma, 2001. P. 225—244; 5) *Garzonio S.* Breve rassegna degli studi puškiniane in Italia // P. europeo. P. 305—317; *Иезуитова Р. В.* Образ Италии в лирической интерпретации Пушкина // П. и мировая культура. С. 193—195; *Чернецкая Т. С.* Пушкин и итальянское Возрождение // Царско-сельские чтения: Науч.-практич. конф. 26—27 апр. 1999. СПб., 1999. Т. 2. С. 182—184; *Giuliani R.* «Conosci il paese dove fioriscono i limoni?»: Le risposte di Puškin e di Viazemskij // Puškin, la sua epoca e l'Italia: Atti del Covegno Iternazionale di studi. Roma, 21—23 ottobre 1999 / A cura di P. Buoncristiano. Roma, 2001. P. 25—47; *De Michelis C. G.* «Papessa Giovanna» di A. Puškin // Ibid. P. 141—150; *Udolf L.* Puškin e Ševyrëv // Ibid. P. 245—251.

А. О. Дёмин

К

КАЗАНОВА (Casanova) Джованни Джакомо (1725—1798), ит. авантюрист, писатель, мемуарист. Пользовался фиктивным дворянским титулом кавалера Сенгальта (chevalier de Seingalt). Громкую скандальную известность получили его воспоминания «История моей жизни до 1797 года» («Histoire de ma vie jusqu'à l'an 1797», 1789—1798), представляющие широкую картину европ. нравов и быта 2-й пол. XVIII в. Подробное и откровенное описание К. своих любовных походов препятствовало публикации полного и аутентичного текста (впервые издан в 1960—1962).

В 1821 рукопись воспоминаний К. была приобретена у его наследников нем. книгоиздателем Ф. А. Брокгаузом (Brockhaus, 1772—1823). Первые отрывки появились в нем. пер. в альманахе Брокгауза «Урания» («Urania») на 1822, 1823 и 1824. В 1822—1828 вышло 1-е изд. на нем. яз. в пер. и переработке В. фон Шютца (Schütz, 1776—1847). За ним последовало 1-е фр. (пиратское) изд. в обратном пер. с нем. яз. (1825—1829). В ответ на него Брокгауз предпринял изд. на фр. яз. (1826—1838) под ред. проф. Дрезденской Академии наук Ж. Лафорга (Laforgue, 1782—1852), ставшее основой для дальнейших перепечаток и контрафакций, среди к-рых — купленное П. в 1833 в книжной лавке Ф. М. Беллизара брюссельское (1833) изд. в 10 т., представляющее собой перепечатку с парижского изд. с идентичным назв. (Библиотека П. № 706).

Рус. печать регулярно откликалась на очередные публикации мемуаров К. за рубежом (напр.: ВЕ. 1822. № 15. С. 199—215; № 16. С. 266—295; БдЧ. 1823. Кн. 9. С. 124—128; СО. 1823. Т. 86. № 25. С. 212—217; № 26. С. 263—272; Т. 87. № 27. С. 19—31; ДЖ. 1827. Ч. 19. № 17. С. 182—186; СО. 1827. Т. 113. № 12. С. 303—341). Это соч. популярного авантюриста было, несомненно, хорошо известно в пушк. кругу, где было принято читать знаменитых мемуаристов и обмениваться о них мнениями.

П. четырежды упомянул воспоминания К., не давая им развернутой характеристики. В заметке «(О записках Самсона)» (1830) они названы в ряду «бесстыдных записок» — произведений коммерческой лит-ры, угрожающей низменному обывательскому любопытству (Акад. XI, 94). В заметке «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года)» (1835) отмечена «оригинальность Казановы» (Акад. X, 295). На рукописи П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» к словам: «Нет сомнения, что Сен-Жермен был шарлатан», — П. дописал: «И шпион. См. Casanova» (Новонайденный автограф. С. 41). Таким же образом Сен-Жермен характеризуется и в «Пиковой даме» (1833): «...Казанова в своих записках говорит, что он был шпион» (Акад. VIII, 228). Упоминание о шпионской деятельности Сен-Жермена содержится в имевшемся у П. брюссельском изд. мемуаров К. (Mémoires de J. Casanova de Seingalt, écrits par lui-même. Éd. originale, la seule complète.

Bruxelles, 1833. Т. 9. Ch. VIII. P. 243). Однако этот факт был известен П. еще ранее приобретения этого изд., т. к. помета на рукописи Вяземского была сделана до 18 окт. 1832.

Лит.: Новонайденный автограф С. 4, 41; *Рейсер С. А.* Пушкин и мемуары Казановы // *Врем. ПК.* 1976. С. 125—130; *Шмид В.* Сен-Жермен, Казанова, Томский, Пушкин — маги рассказывания // *Arts philologiae:* Проф. А. Б. Муратову ко дню шестидесятилетия. СПб., 1997. С. 37—47.

А. О. Дёмин

КАЗОТ (Cazotte) Жак (1719—1792), фр. писатель, роялист, мистик-иллюминат, погибший на гильотине.

В б-ке П. имелись рус. пер. романа «Влюбленный дьявол» («Le Diable amoureux», 1772), самого известного произв. К., и полн. 4-томное собр. соч. К. на фр. яз. (Paris, 1816—1817) (Библиотека П. № 367, 716). П., несомненно, знал опубликованный в посмертном собр. соч. *Ж.-Ф. де Лагарпа* (*Laharpe J.-F. de. Œuvres choisies et posthumes.* Paris, 1806. Т. 1. P. LXII—LXVIII), немедленно растиражированный период, изданиями и быстро переведенный на рус. яз. (*Лагарп Ж.-Ф.* Казотова предсказание / *Из Франц. журн.* // *ВЕ.* 1806. Ч. 29. № 19. С. 201—209; перепечатка в кн.: Повести, анекдоты и смесь, изд. М. Каченовским. М., 1819. Ч. 3. С. 270—280) очерк о «Казотовом предсказании» революц. террора. Приведенное в этом очерке двустишие «Et des bouaux du dernier prêtre Serrez le cou du dernier roi» (пер.: И кипками последнего попа Сдавите шею последнего короля), выдаваемое за «философские стихи Дидро», было одним из предполагаемых лит. источников приписываемого П. четверостишия «Мы добрых граждан позабавим...» (конец 1810-х, возможно 1819—нач. 1820-х).

П. ни разу не упомянул К. Существует гипотеза об использовании П. в его устном рассказе у Карамзиных, известном по плану «(Влюбленный бес)», 1821—1823 (Акад. VIII, 429) и, по-видимому, авторизованной записи В. П. Титова (Уединенный домик на Васильевском / Тит Космократов // *СЦ* 1829. С. 147—217; Акад. в 10 т. (2). Т. 9. С. 507—540), мотива любви беса к смертной женщине из «Влюбленного дьявола» К.

Лит.: *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // *ПИМ.* Т. 3. С. 111; *Осват Л. С.* «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821—1831 гг. // *ПИМ.* Т. 12. С. 182; *Шульц Р. 1)* Пушкин и Казот. Вашингтон, 1987; 2) О внутренней связи двух «Домиков» Пушкина: (К теме «Пушкин и Казот») // *Записки Рус. акад. группы в США.* 1987. Т. 20. С. 115—139; *Поддубная Р. Н.* «Пиковая дама» в контексте европейской литературно-философской традиции (мотив и игры) // *Русская филология: Укр. вестн.: Респ. науч.-метод. журн.* Харьков, 1994. № 4. С. 17—21.

Л. И. Вольперт

КАЛЬДЕРОН де ла БАРКА, Калдерон (Calderón de la Barca) Педро (1600—1681), исп. драматург, крупнейший представитель эпохи барокко, в к-ром европ., прежде всего нем., романтики видели одного из своих предшественников. В 1820-е рассуждения о К. занимали важное место в спорах о сущности романтической эстетики.

В России одним из первых на появление нового авторитета в области лит-ры откликнулся Ф. В. Булгарин. Глубокий след драматургия К. оставила в творчестве В. К. Кюхельбекера, к-рый в эти годы первым взял на себя труд перенести одну из его пьес на рус. почву, переделав драму «Любовь после смерти» («Amar después de la muerte», соч. предположит. 1633, опубл. 1677) в либретто оперы на музыку А. Н. Верстовского «Любовь до гроба, или Гренадские мавры» (1824). Исп. писателя держал в своем поле зрения К. Ф. Рылеев; восторженно отозвался о его произв. Н. И. Надеждин; его переводил П. В. Киреевский; последовательно пропагандировал его творчество в романтической ключе МВ. Пьесы К. штудировал П. А. Катенин и подробно

писал о них в статье «О поэзии испанской и португальской» (1830). Естественно предположить, что в это же время, т. е. в сер. 1820-х, возник интерес к К. и общего знакомого Кюхельбекера и Катенина — В. А. Каратыгина, к-рый несколькими годами позже перевел драму «Сам у себя под стражей» («El alcaide de sí mismo», соч. ок. 1636, опубл. 1651), поставленную под названием «Кровавая рука» в его бенефис в 1831. Страстным почитателем таланта Кальдерона стал в эти годы Н. М. Языков.

П., как и мн. его современники, в т. ч. его друзья и знакомые — Кюхельбекер, Языков, Катенин, заинтересовался творчеством К. тоже в сер. 1820-х, знакомясь с трудами А. В. Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе» (1809—1811) и швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Simondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842) «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829). Пушк. восприятие драматургии К., кое в чем соприкасаясь со взглядами зап.-европ. и рус. почитателей таланта исп. драматурга, представляется оригинальным и в отд. аспектах более прозорливым и глубоким. П. заинтересовали совсем не те особенности творчества К., к-рые акцентировались нем. романтиками. Упоминания К. у П. связаны с пережитым им в 1824—1825 внутренним периодом, к-рый сопровождался отказом от предпочтения фр. культуры; тогда «в эстетических размышлениях П. появилось новое и устойчиво употреблявшееся созвездие: Данте, Шекспир, Кальдерон» (Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. 2-е изд. С. 258).

Отзывы П. об исп. драматурге были неизменно уважительными. Характерным является его мнение, высказанное в статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)» (1830): «...Кальдерон, Шексп.(ир) и Расин стоят на высоте недостижимой — и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов» (Акад. XI, 177). П. ссылаясь на опыт и авторитет исп. драматурга в своих размышлениях о народности, нац. своеобразии в лит-ре. Полемицируя в наброске статьи «(О народности в литературе)» (1825—1826) с точкой зрения, согласно к-рой «народность состоит в выборе предметов из Отчужденной истории», он писал: «Vega и Калдерон поминутно переносят во все части света, заемлют предметы своих трагедий из италия(нских) новелл, из франц(узских) ле (...). Мудрено однако же у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности» (Акад. XI, 40). С др. стороны, «народность в писателе, — по мнению П., — есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует или даже может показаться пороком». Здесь же содержится полемический выпад против Шлегеля и Сисмонди: «Ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Калдероне Кориола(на), вызывающего на дуэль своего противника. Все это носит однако ж печать народности» (Там же; Кориолан — персонаж пьесы «Оружие красоты» («Las armas de la hermosura»), соч. 1652, опубл. 1679). Последний пример был использован П. также в борьбе со скывавшими развитие лит-ры канонами классицизма: «Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места, — утверждал он в статье «(О народной драме...)», — то и тут мы увидим, что величайшие драм.(атические) пис.(атели) не повиновались сему правилу. У Калдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку» (Акад. XI, 177).

П. ссылаясь на исп. драматургию, прежде всего на К., раскрывая свои представления о связи лит-ры с нар. творчеством. В «(Возражении на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»)» (1825) он отмечал, что «тайнства, ле, фавлио предшествовали созданиям Ариосто, Кальдерона, Dante, Шекспира» (Акад. XI, 25). То же соображение он высказал в заметке «О поэзии классической и романтической» (1825): «В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной: были

поэмы прежде Ариостова Орландо, были трагедии прежде созданий de Vega и Калдерона» (Акад. XI, 38). Почти без изменения эта мысль перешла в статью «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834; зачеркнутый вар. белой ред. — Акад. XI, 516) и в набросок «(Плана истории русской литературы)» (1834). Пункт этого плана, касающийся К.: «Народность сказок (пересказать по-своему — Калдерон)» (Акад. XII, 208), — находится, возможно, в связи с мыслью Шлегеля о том, что «чудесное» (le merveilleux) рыцарских романов, перенесенное драматургами на сцену, дало прекрасные результаты и что особое очарование придает фантастическое пьесам К., не являющимся комедиями в обычном смысле этого слова (см.: Schlegel A. W. Cours de littérature dramatique. Paris, 1814. T. 3. P. 261—262 — Библиотека П. № 1356).

Единственная приведенная П. по неустановленному источнику цитата из исп. писателя: «Калдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле», — связана с его рассуждениями об образной, метафорической стороне стиха. Прочитав К., П. добавляет: «Мы находим эти выражения сильными, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические» («Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“») — Акад. XI, 61).

Вопрос, читал ли П., рекомендовавший изучать К., сам его произв., или же ему к-л. иным путем удалось получить о них достаточно определенное представление, остается открытым. Как известно из его письма от 2-й пол. (после 19) июля 1825 к Н. Н. Раевскому-сыну, в то время К. он еще не читал (Акад. XIII, 197). Однако знакомство, причем в подлиннике, с драмами исп. писателя могло состояться в самом начале 1830-х, когда исп. тема начинает звучать в его творчестве особенно отчетливо. К этому времени в пушк. б-ке уже имелось 4-томное нем. изд. К. на исп. яз. (1827—1830), и в нем разрезаны страницы в драме «Маг-чудодей» (Библиотека П. № 700).

П. были известны по крайней мере три знаменитые драмы К.: «Жизнь есть сон» («La vida es sueño», соч. между 1632—1635, опубл. 1636), «Поклонение кресту» («La devoción de la cruz», соч. 1630—1632 ?, опубл. 1636) и «Маг-чудодей» («El Mágico prodigioso», соч. 1637, опубл. 1663). С пьесой «Маг-чудодей» П., по-видимому, в какой-то мере познакомился из вторых рук до 1825 и позднее решил прочесть ее в подлиннике именно потому, что знал ее уже раньше. Эта драма, в основе к-рой лежат раннехристианские легенды о человеке, продавшем душу дьяволу, привлекла к себе внимание во всей Европе в эпоху романтизма в связи с гетевским «Фаустом». В частности, пер. ее трех сцен, выполненный П. Б. Шелли (Shelley, 1792—1822), называвшим К. своим «божеством», был опубликован в посмертном изд. (1824) соч. англ. поэта. П. в то время на англ. яз. еще не читал, но вполне возможно, что эти сцены стали ему известны опосредованно перед написанием «Сцены из Фауста» (1825) и одна из них, в к-рой действие происходит на берегу моря и начинается картиной тонущего пиратского (по словам дьявола) корабля, могла послужить толчком к возникновению пушк. замысла — и не более, т. к., кроме этих деталей, никаких др. параллелей между двумя произв. не существует.

Пьеса К. «Жизнь есть сон» могла быть известна П., во всяком случае, во фр. переделке («La vie est un songe: Comédie (d'après Calderon)», 1732) известного в свое время и переведившегося в России драматурга 1-й пол. XVIII в. Луи де Буасси (Boissy, 1694—1758); присутствующая в ней линия «Сехизмундо—Софрони (у К. — Росаура)» могла подсказать рус. поэту собственное решение отношений между Самозванцем и Мариной Мнишек и в т. ч. нек-рые черты образа Марины.

Роман «Дубровский» позволяет осторожно предположить, что П. была известна в какой-то мере и драма «Поклонение кресту», интересная как возможный отдаленный лит. источник тем, что в ней в едином сюжете присутствуют сразу несколько мотивов, к-рые были до сих пор выявлены по

отдельности и признаны значимыми для замысла романа рядами лит. традиции.

Лит.: *Державин К. Н.* Занятия Пушкина испанским языком // *Slavia*. 1934. Roč. 13. Seš. 1. S. 115; *Buketoff-Turkevich L.* Calderón en Rusia // *Rev. de Filología Hispánica*. 1939. Vol. 1. P. 139—158; *Алексеев М. П.* Из истории испано-русских литературных отношений XVI—начала XIX в. // Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964. С. 143—152 (То же // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 142—151); *Азбелев С. Н.* Пушкин и «Побоище Мамаево» // *Врем. ПК*. 1974. С. 128; *Багно В. Е.* 1) К литературной истории «Дубровского»: (Драма Кальдерона «Поклонение кресту») // *Врем. ПК*. 1979. С. 124—131; 2) Драматургия Кальдерона в творческом восприятии Пушкина // *Iberica: Кальдерон и мировая культура*. Л., 1986. С. 97—110; 3) *Bagno V.* Pushkin y Calderón // *Archivum Calderonianum*. Bd 7: Hacia Calderón: Décimo Coloquio Anglo-germano, Passau, 1993. Stuttgart, 1994. P. 111—118; *Иванов Вяч. Вс.* Заметки на полях текстов Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987. Таллин, 1987. С. 31; *Weiner J.* Mantillas in Moscovia: El teatro del siglo de Oro español en la Rusia de los zares (1672—1917). Barcelona, 1988. P. 69—71; *Hacker G.* Rocinantes Wege nach Russland: Die Rezeption spanischer Literatur des siglo de oro durch russische Realisten des 19. Jahrhunderts in ihrem europäischen Kontext. Köln, 1995. S. 25, 30, 149.

В. Е. Багно

КАМОЭНС, Камоенс (Camões) Луис де (правильнее: Камоинш Луиш ди; дек. 1524 или янв. 1525—1580), португ. поэт, автор эпической поэмы «Лузиады» («Os Lusíadas», опубли. 1572), многих сонетов и др. стихотв. произв. в ит. ренессансной (петраркистской) манере. Выходец из старинного дворянского рода, получивший прекрасное гуманистическое образование и с юношеских лет допущенный ко двору, К. в результате интриг родителей дамы, в к-рую он влюбился, был выслан из Лиссабона и отправлен солдатом в Марокко (1549—1551), где в сражении лишился глаза. По возвращении дрался на поединке с одним придворным, за убийство был приговорен к смертной казни, помилован и сослан в Индию, где пробыл 17 лет (1553—1570) и также подвергался гонениям и тюремному заключению за обличительные злоупотреблений губернатора. Участвовал в воен. экспедициях и занимался торговлей, принесшей ему богатство, к-рое потерял в кораблекрушении. Вернулся К. на родину в 1570, имея лишь почти завершенную рукопись «Лузиад». После издания поэмы он получил от короля мизерную пенсию и умер в нищете и одиночестве.

Еще при жизни К. «Лузиады» получили известность не только в Португалии, но и в Испании, Франции, Италии. В XVII—XVIII вв. поэма была переведена на мн. европ. яз. (рус. прозаич. пер. А. И. Дмитриева (1788) с фр. пер. *Ж.-Ф. де Лагарпа*) и принесла ее автору славу великого эпического поэта, «португальского Вергилия». Биография К., полная драматических событий и поворотов, его лирика, гл. мотивом к-рой была несчастная любовь, и его знаменитая поэма, занявшая место среди самых выдающихся произв. этого жанра, стали основой сложившегося устойчивого представления о нем как о преследуемом судьбою и людьми гении, умирающем всеми забытым на убогой койке в больнице для бедняков.

Источниками сведений о К. юному П. могли служить журн. публ. на рус. и фр. яз., труды *Вольтера* об эпической поэзии, поэма *Э.-Д. де Парни* «Потерянный рай», книга *Ж.-Б.-М. Бена графа де Сен-Виктора* (Saint-Victor J.-B.-M. Bins de, 1772—1858) «Великие поэты-несчастливцы» (Les grands poètes malheureux, 1802), соч. *Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди* (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842) «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829), и др. Упоминание К. в ст-нии «К другу стихотворцу» (1814): «Камоэнс с нищими постелю разделяет...» — отражает восприятие личности и судьбы португ. поэта через призму популярной в рус. лит-ре и журналистике темы «нищеты поэтов» (см.: *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 217—218). По-

священные К. иронические стихи в поэме «Бова» (1814): «За Мильтоном и Камознсом Опасался я без крыл парить (...) Не дерзал (...) святую Богородицу Вместе славить с Афродитою» (ст. 15—16, 20—21) — отзываются знакомством с вольтеровским «Опытом об эпической поэзии», гл. 6 (см.: Цявловский. С. 95—96). В 1820—1830-е в поле зрения П. попадали новые рус. и, вероятно, фр. изд. о К.; под влиянием «венских лекций» А. В. Шлегеля у него сформировалось представление о К. как о романтическом поэте. В ст-нии «Сорган» (1830) строка 4, посвященная сонетам К., сочетает в себе мысль, выражающуюся в сонете У. Вордсворта, с ее модификацией во фр. пер. Ш.-О. Сент-Илера. В статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) П., следуя А. В. Шлегелю, упомянул К. в числе романтических поэтов в одном ряду с Данте, Лопе де Вегой, Кальдероном, М. де Сервантесом, Шекспиром, Ариосто, Т. Тассо (Акад. XI, 269). Использование здесь загл. поэмы в ед. ч. («Лузиаду»; в набросках к статье правильно: «Лузиады» — Акад. XI, 509, 510) отражает традицию фр. переводов, оказавшую влияние и на русскую.

В предисл. к 2-му изд. «Руслана и Людмилы» П. цитирует отрывок из статьи А. Г. Глаголева «Еще критика: (Письмо к редактору)» (ВЕ. 1820. Ч. 111. № 11. С. 213—220; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 25—27), в к-ром упоминается К. (Акад. IV, 282).

Имевшийся у П. фр. пер. поэмы К. (Библиотека П. № 1064, т. 8, изд. 1820, приобретен 2 июля 1836 — Арх. опеки. С. 54) остался неразрезанным; в 3-м изд. труда Сисмонди с. 323—349 в т. 4, посвященные К., также не разрезаны (Библиотека П. № 1391). Фронтиспис в кн. Ш. Кокереля «Опыт общей истории христианства» (Там же. № 824) изображает умирающего К., но на разрезанных стр. о нем речь не идет. На немногих разрезанных стр. «Энциклопедии светских людей» (Там же. № 903, т. 4, ч. 2) находится и статья о К., но нет никаких признаков того, что именно она привлекла внимание П.

Появившийся в 1825 слух о намерении П. написать поэму о Ермаке вызвал у А. А. Бестужева ассоциации между этим замыслом и «Лузиадами»: «Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истинно поэтический, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнасса, и Камознс вытаращил глаза», — писал он П. 5—20 янв. 1826 (Акад. XIII, 254).

Лит.: Цейтц Н. В. К истории неосуществленного замысла Пушкина об «Ермаке» // П. Врем. Т. 4/5. С. 392; Kandel B. L. Camões dans la littérature russe // RLC. 1970. Т. 44. № 4. Oct.—déc. P. 511—512; Хохлова И. А. 1) Khokhlova I. A. Camões na literatura russa // Os Lusíadas: Estudos sobre a projecção de Camões em culturas e literaturas estrangeiras. Lisboa, 1984. Vol. 3. P. 530—532; 2) Камознс в русской литературе первой половины XIX века // Сервантесовские чтения. Л., 1985. С. 63—65; Овчаренко О. А. Камознс в критике А. С. Пушкина и писателей пушкинской поры // Крымские Пушкинские чтения, 2-е (Керчь, 22—26 сент. 1992). Материалы. Симферополь, 1993. Ч. 2. С. 35—37; Альциуллер М. Г. А. Пушкин: замысел поэмы о Ермаке // Новый журнал. 2001. Кн. 224. С. 172—174.

В. Н. Андреев

КАСТИ (Casti) Джамбаттиста (1724—1803), аббат, ит. поэт. Об интересе П. к творчеству К. свидетельствуют сохранившиеся в его б-ке почти все основные соч. К. на ит. яз.: «Татарская поэма» («Il poema tartaro», 1778; у П. — изд. 1803) — сатира на двор Екатерины II, при к-ром К. был принят во время пребывания в Петербурге (1778); «Галантные новеллы в октавах» («Novelle galanti in ottava rime», 1790, полн. изд. 1804; у П. — изд. 1821 и б. г.) фривольного содержания; «Говорящие животные» («Gli animali parlanti», 1802; у П. — изд. 1820) — сатирич. поэма в 26 песнях, высмеивающая придворные нравы (Библиотека П. № 708—711). Внимательно читал П. вольные пер. («подражания») К. Н. Батюшкова из цикла «Анакреонтических стихотворений» К. и делал в книге заметки (Акад. XII, 278—279). В наброс-

ках критических статей («(О новейших блюстителях нравственности)», 1830; «(Опровержение на критики)», 1830) П. упоминал К. в контексте защиты от обвинений в безнравственности поэмы «Граф Нулин» только как автора «вольных сказок» (Акад. XI, 98), «творца шутивных повестей» (Акад. XI, 156) в одном ряду с *Д. Боккаччо*, *Д. Чосером*, *Ариосто*, *Ж. де Лафонтеном* и др. В дорожном альбоме кн. Н. Б. Юсупова П. должен был видеть автограф К., а в ст-нии «К вельможе» (1830), опираясь, видимо, на рассказы Юсупова, назвал «безносого К.» (ст. 75; в вариантах: «твой аббат безносый» — Акад. III, 816, 817) в числе иностр. знакомых своего собеседника и адресата послания. Эпитет «безносый», получивший различные неубедительные толкования, содержит на самом деле намек на сифилис, к-рым болел К. Вероятно, соч. К. послужили одним из образцов для «Домика в Коломне», наряду с поэмой *Байрона* «Беппо», написанной в свою очередь под впечатлением «Галантных новелл». П., несомненно, заметил и заимствование Байроном из «Татарской поэмы» сюжета похождения Дон Жуана при дворе Екатерины.

Лит.: *Розанов М. Н.* Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 348—351; *Biolato-Mioni A.* Puškin e l'Italia // *Alessandro Puškin: Nel primo centenario della morte.* Roma, 1937. P. 274, 285; *Алексеев М. П.* Заметки о «Гавриилиаде» // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 293 (2-е изд. С. 305); *Вацуро В. Э.* «К вельможе» // Ст-ния. П. 1820—1830 гг. С. 194—195; *Гардонио С.* «...и твой безносый Касти»: Некоторые комментарии к пушкинскому посланию «К вельможе» // Пушкинские чтения в Тарту, 2-е. Материалы Междунар. науч. конф. 18—20 сент. 1998 г. Тарту, 2000. С. 137—145.

Р. М. Горохова

КАТУЛЛ Гай Валерий (Catullus, 87—ок. 54 до н. э.), рим. поэт, автор сб. из 116 стихотв. произв. (carmina) — неск. поэм (эпиллиев), двух свадебных песен (эпиталимиев), лирических ст-ний и эпиграмм. К. явился начинателем реформы языка, стиля и стихосложения, завершенной *Горацем*. Наследие К. — выдающееся явление не только рим., но и мировой лирики.

В Европе К. получил известность в XIV в., когда в Вероне был обнаружен сб. его произв. В России с поэзией К. познакомилась в XVIII в., но здесь он не приобрел той популярности, к-рой пользовались поэты эпохи Августа — *Вергилий* и *Гораций*. Немногочисленные рус. подражания К. XVIII—нач. XIX в., проникнутые духом «poésie fugitive» («легкой поэзии»), интересны более фр., а не рим. традицией в рус. лит-ре. Исключение составляет талантливое подражание А. Х. Востокова ст-нию К. о воробье Лесбии (*Востоков А. Х.* Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах. СПб., 1806. Ч. 2. С. 62, ст-ние XXIV).

В годы царскосельского учения знакомство П. с лат. лириком состоялось на уроках П. Е. Георгиевского и Н. Ф. Кошанского. Лекция Георгиевского «История оды» содержит панегирическую характеристику рим. поэта, в к-рой легко угадывается сокр. перевод очерка о К. из «Лицея, или Курса древней и новой литературы» *Ж.-Ф. де Лагарпа*: лектор умалчивает о суровом приговоре, который Лагарп вынес «непристойным» эпиграммам поэта, пренебрегавшего, по мнению критика, требованиями «хорошего вкуса». П. хорошо знал труд Лагарпа; подобные суждения он слышал и от Кошанского, находившего в творениях К. «следы испорченного вкуса: ибо часто в стихах своих он оскорбляет благоприличие и скромность» (Ручная книга. С. 411). Эти оценки не прошли мимо внимания П.: не без юмора констатируя «наблюдение строгой благопристойности» в гл. I «Евгения Онегина», П. назвал К. в числе авторов, которые «далеко не редко не сохраняли должного уважения к читателям и к прекрасному полу» (Акад. VI, 528, зачеркнутый вар.). К творчеству К. обратились три поэта, вышедшие из стен Лицея: А. Д. Илличевский, к-рому принадлежит ст-ние «Катулл своей любезной», написанное, возможно, еще в лицейские годы (см.: *Илличевский А. Д.*

Опыты в антологическом роде. СПб, 1827. С. 113; Лирика лицейцев / Вступ. ст., сост. и примеч. А. Утренева. М., 1991. С. 150—151), А. А. Дельвиг, чье ст-ние «На смерть собачки Амики» (1821) подражает стихам К. о воровье Лесбии (см.: *Дельвиг А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 155), и П., хорошо знавший и высоко ценивший К.

Первое творческое обращение П. к К. относится к 1818: «Торжество Ваха» обнаруживает связь с эпиллием К. «Свадьба Пелея и Фетиды» (Сарм. LXIV, 251—264). Следующим был набросок «Оставь, о Лезбия, лампаду...» (1819; Акад. II, 466): упоминание Лесбии, возлюбленной К., при всей краткости этого отрывка, позволяет предположить в нем подражание любовным стихам рим. лирика. В 1823 имя К. встречается в черновиках гл. I «Евгения Онегина»: в одном из черн. вар. строфы VI, характеризуя познания Онегина в латыни, автор замечает, что его герой помнил «из Катул-ла 3 стиха» (Акад. VI, 219).

В 1825 в наброске статьи ««Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов”» П., полемизируя с тезисом Бестужева, согласно к-рому «всякая словесность имеет свое постепенное развитие и упадок» и «(за веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета)», упомянул в цепи опровергающих примеров, что «Катулл (предшествовал) Овидию» (зачеркнутый вар.: «Катулл (предшествовал) Горацию» — Акад. XI, 25, 298; ср.: *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547). К след. году относится пушкинская цитата из К.: 20 февр. 1826 в письме к А. А. Дельвигу П. привел с шутивным «переводом» рефрен брачной песни (Сарм. LXI) К.: «Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Гименеем

Io hymen Hymenaeae io,
Io hymen Hymenaeae!

т. е. чорт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чорт побери» (Акад. XIII, 262; пер.: Ио (ура!), Гимен Гименей, ио, Ио, Гимен Гименей!).

1830 год был ознаменован углубленным интересом П. к антич. лит-ре, и в частности к К. Ст-ние «Труд», созданное в последних числах сент. 1830 и связанное с окончанием многолетней работы П. над романом «Евгений Онегин», перекликается со ст-нием К. «О „Смирне” поэта Цинны» («De Zmupna Cinnae poetae»; Сарм. XCV), посвященным завершению Цинной, другом К., поэмы «Смирна», над к-рой он трудился девять лет. Произведения П. и К. объединяет не только близость мотивов, но и тождество размеров; в одном изд. К. в 6-ке П. между ст-ниями «De Zmupna Cinnae poetae» и «In Mentulam» (Сарм. CV) сохранилась закладка (Библиотека П. № 713). Имя Ментулы у П. не упоминается; свидетельство обращения П. к этому ст-нию нет, но интерес П. к этой эпиграмме также не исключен. Той же «Болдинской осенью» в примеч. к статье ««Баратынский»» П. отметил жанровое своеобразие эпиграмм К., указав на несоответствие их (наряду с эпиграммами *Ж.-Б. Руссо* и *Е. А. Баратынского*) жесткому определению *Н. Буало* («Словцо, украшенное двумя рифмами»): «Напротив эпиграмма Катуллова (...) в раме более пространной, где может развиваться драматическое» (Акад. XI, 430).

В 1832 П. перевел ст-ние К. «Minister vetuli puer Falerni...» (Сарм. XXVII) под загл. «Мальчику: (Из Катуллы)»; в автографе поставлена дата «18 февр. (аля)» (Акад. III, 882), совпадающая с первой годовщиной свадьбы П. Возможно, вакхическая песнь рим. поэта оказалась созвучной воспоминаниям П. о последнем «мальчишнике», устроенном у него накануне свадьбы, 17 февр. 1831.

Последнее пушк. упоминание К. относится к 1836. Обращаясь в «Путешествии В. Л. П.» к тем, «которые любят Катуллу, Гресета и Вольтера», П. ищет единомышленников в тех, «которые любят поэзию (...) и [в] игриво-

сти шутки, и в забавах ума, вдохновенных ясною веселостию», для кого «искренность драгоценна в поэте» (Акад. XII, 93).

Среди пер. П. из рим. поэтов ст-ние «Мальчику: (Из Катуллы)» выделяется своей законченностью и близостью к оригиналу. При пер. П. воспользовался комментированным изд. с параллельными лат. и фр. текстами: *Traduction complète des Poésies de Catulle... / Par François Noël. Paris, 1806. Т. 1—2* (Библиотека П. № 713). Фр. пер. Ф. Ноэля наложил свой отпечаток на ст-ние П.: кроме нек-рых лексических совпадений, пер. П. и Ноэля объединяет весьма знаменательная особенность — они не передают четвертой строки оригинала. Истолкование этого стиха К.: «*Ebriosa acina ebriosisio-gis*» — представляет известные трудности, вызывающие разногласия у комментаторов-латинистов. Изд. Ноэля не разрешает затруднений в понимании «одного из замечательнейших стихов по смелости, сжатости и образности сравнения», о пропуске к-рого в пушк. пер. впоследствии сожалел А. А. Фет, передавший выпущенный П. стих словами «Пьянее ягоды налившись виноградной» (Стихотворения Катуллы: В пер. и с объяснениями А. Фета. 2-е изд. СПб., 1899. С. 50). Несмотря на этот пропуск, ст-ние «Мальчику: (Из Катуллы)» исследователи единодушно относят к числу точных пер. Пушк. ст-ние отличается и замечательный лаконизм: прозревая лапидарную латинскую основу сквозь многословный фр. пер. Ф. Ноэля, П. всемою четырехстопными хорейскими стихами передал шесть соответствующих стихов катулловского одиннадцатисложника. Рим. классик предстает в этом пер. в неподдельной непосредственности, к-рая отличает К. от поэтов эпохи принципата.

Пушк. пер. сыграл в рус. культуре особую и значительную роль: в сущности П. «открыл» им К. для рус. читателя. Опубликованное в Посм., ст-ние «Мальчику» вызвало широкий интерес к поэзии прославленного рим. лирика и обусловило многочисленные пер. из К. (Л. А. Мея, А. А. Фета, А. И. Пиотровского, И. Л. Сельвинского, Ф. А. Петровского и др.), сделавшие его известным в России.

Лит.: Любомудров С. И. Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901. С. 59; Лернер Н. О. Новооткрытые рукописи Пушкина // РБ. 1913. № 2. С. 20—24; Шервинский С. В. «*In mortem passeris, Lesbiae*» и «На смерть собачки Амики» // РА. 1915. Кн. 3. № 11/12. С. 308; М-н А. [Малеин А. И.]. Мелкие заметки к Пушкину: III. О стихотворении «Мальчику» // ПиС. Вып. 28. С. 101—102; Ванслов Вл. В. Западноевропейская литература в оценках Пушкина // А. С. Пушкин: 1837—1937. М., 1937. С. 127—128; Немировский М. Я. Пушкин и античная поэзия // Изв. Сев.-Кавказского пед. ин-та. Орджоникидзе, 1937. Т. 13. С. 85—88; Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // П. Врем. Т. 4/5. С. 312, 318, 322; Покровский М. М. Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5. С. 39—40; Файбисович В. М. К источнику перевода Пушкина «Из Катуллы» // Врем. ПК. 1977. С. 69—75; Кибальник С. А. Катулл в русской поэзии XVIII—первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 65—67; Чубукова Е. В. Жанр послания в творчестве Пушкина-лицеиста // РЛ. 1984. № 1. С. 206; Сайтанов В. А. Неточные переводы: 2. Эпиграф из Катуллы к стихотворению «Мальчику» // Врем. ПК. Вып. 24. С. 178—180; Степанов В. Г. 1) А. С. Пушкин как переводчик и интерпретатор («античная» альбомная лирика) // Крымские Пушкинские чтения, 2-е (Керчь, 22—26 сент. 1992). Материалы. [Симферополь, 1993]. Ч. 2. С. 41—42; 2) Пушкин как интерпретатор Катуллы: (Несколько замечаний по поводу альбомной лирики) // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1996. С. 23—30; Завьялова В. П. К переводу А. С. Пушкина из Катуллы // Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» (25—26 мая 1999). М., 1999. С. 23—30.

В. М. Файбисович

КЛЕЙСТ (Kleist) Эвальд Кристиан фон (1715—1759), нем. поэт-идиллик, пользовавшийся в России наравне с англ. поэтами Э. Юнгом и Дж. Томсоном необычайной популярностью и широко переводившийся в конце XVIII—нач. XIX в. Особый интерес вызывала его гекзаметрическая поэма «Весна» («*Der Frühling*», 1749). Творчество К. высоко ценил Н. М. Карамзин, к-рый в «Письмах русского путешественника» писал, что

для него «весна не была бы (...) так прекрасна, если бы Томсон и Клейст не описали (...) всех красот ее» (*Карамзин Н. М.* Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 128). Среди неосуществленных замыслов В. А. Жуковского сохранился план поэмы «Весна» по образцу Томсона и К. (*Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2. С. 498). Хорошо известен был К. и в кругу лицеистов, а также их сверстникам вне его; для них привлекательным оказался сам образ поэта, участвовавшего в походах Фридриха II и павшего в сражении при Кунерсдорфе (1759). Гибель К. описана в «Элегии на поле битвы при Кунерсдорфе» («Elegie auf dem Schlachtfelde bei Kunersdorf») К. А. Тидге (Tiedge, 1752—1841), говорится о ней и в идиллии Л. К. Г. Гёльти (Höltz, 1748—1776) «Костер в лесу» («Das Feuer im Walde», 1774); первую взял образцом В. И. Туманский для своего стихотворения «Поле Бородинского сражения» (1817), сюжетной схемой второй воспользовался А. А. Дельвиг в идиллии «Отставной солдат» (соч. конец 1820-х, не позднее 1829; опублик. 1830). Интерес лицеистов вызывала и сама поэзия К. Она получила многообразное отражение в творчестве Дельвига как в лицейские годы, так и позднее; А. Д. Илличевский перевел идиллии «Ирин» («Irin», 1758) и «Цефиз» («Cephis», 1760; переведена также Дельвигом между 1814 и 1817). Внимание привлекали не только идиллии К., но и его анакреонтика. Не случайно в лицейской поэме Пушкина «Тень Фон-Визина» (1815) имя К. появляется рядом с именем самого Анакреонта (ст. 292). Это упоминание нем. поэта у П. единственное.

Лит.: *Körner R.* Die russische Rezeption von Ewald Christian von Kleists Fabel «Der gelähmte Kranich» // Festschrift für A. Rammelmeyer: Beiträge zur slavischen Philologie. München, 1975. S. 111—122; *Вацууро В. Э.* Дельвиг и немецкие поэты // Вацууро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 207—210 (ранее: ZfS. 1987. Bd 32. Hf. 1).

М. Ю. Коренева

КЛИНГЕР (Klinger) Фридрих Максимилиан (Федор Иванович) (1752—1831), нем. писатель, драматург и автор сатирико-философ. повестей и романов, рус. воен. педагог. Друг юности *Гете*, он был автором драмы об амер. войне за независимость — «Буря и натиск» («Sturm und Drang», 1776), загл. к-рой дало имя сентименталистско-преромантическому течению «бурных гениев» (Kraftgenien) во главе с Гете в нем. лит-ре 1770—1780-х. Подобно многим неимущим нем. литераторам недворянского происхождения, К. легче было сделать карьеру за границей, чем на родине, и он отправился в 1780 в Россию, где и провел затем всю жизнь. К. становится ординарцем цесаревича Павла и чтецом при его жене Марии Федоровне, т. е. он приближен к «малому двору» в Павловске и Гатчине. К. сопровождал «графа и графиню Северных» (наследную чету) в их путешествии по Европе в 1781—1782, во время к-рого возобновил и завел много лит. знакомств (*Д. Дидро, Бомарше* и др.). Затем К. находился в рус. армии на Западном Буге, готовившейся действовать против турок. С 1785 К. начал педагогическую деятельность в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, к-рый он фактически возглавил в 1797. С 1803 он руководил также и Пажеским корпусом. В 1803—1817 К. — попечитель Дерптского учебного округа и куратор Дерптского ун-та; состоял также членом советов Мин-ва нар. просвещения и СПб. женского уч-ща св. Екатерины. Не согласившись с возобладавшим в рус. педагогике религиозно-мистическим направлением, К. вышел в отставку в 1820 в чине генерал-лейтенанта.

Среди знакомых К. в России — Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер, возможно, П. Я. Чаадаев и др. Вообще же в «свете» К. пользовался репутацией сухого педанта и безбожника. Близость К. к Павлу I и к Александру I позволила ему увидеть вблизи нравы рос. двора и заставила пережить трагедию царевичества, к-рая так его потрясла, что он замкнулся в «духовном одиночестве» (*Весе-*

ловский Александр Н. В. А. Жуковский и А. И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826—1827 гг.): Заметки к дневнику А. И. Тургенева // Веселовский А. Н. Избр. тр. и письма. СПб., 1999. С. 177).

Расцвет творчества К.-прозаика приходится на годы, проведенные в России, причем писатель долго скрывал свое авторство из опасения повредить карьере: поздняя драматургия и проза К. носят резко сатирич., просветительно-антицерковный характер и нередко в иносказательной форме касаются событий рос. истории и современности (напр., в трагедии «Ориент» («Orientes», 1790) затронута тема суда Петра I над царевичем Алексеем). Произв. К. «русского» периода — романы «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» («Fausts Leben, Taten und Höllenfahrt», 1791), «Фауст стран Востока» («Faust der Morgenländer», 1797), «История немца новейшего времени» («Geschichte eines Teutschen der neuesten Zeit», 1798), сб. «Наблюдения и мысли, относящиеся к различным предметам мира и литературы» («Betrachtungen und Gedanken über verschiedene Gegenstände der Welt und der Literatur», 1803—1805). Мировоззрение и лит. взгляды К. испытали на себе влияние Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Гете.

Имея общих знакомых, П. мог встречаться с К. в Петербурге и несомненно знал о его творчестве. В пушк. кругу ценили «Фауста» К., и мотив, имеющийся в этом романе, — полет Фауста на хвосте дьявола — появляется у П. в набросках т. н. «Адской поэмы» («Наброски к замыслу о Фаусте»), 1825). Предполагается без уверенных доказательств, что романом К. навеяны нек-рые рисунки П. Но самое примечательное из соч. К., с т. зр. пушк. творчества, — это анонимно изданный в Базеле смелый филос.-сатирич. антирелиг. роман (повесть) «История о Золотом петухе: Добавление к истории церкви» («Die Geschichte vom goldnen Hahn: Ein Beitrag zur Kirchen-Historie», 1785). Осужденный нем. критикой, роман был переведен и хорошо принят во Франции в годы Революции («Le Coq d'or, fragment historique pour servir de supplément à l'histoire ecclésiastique», 1789). Этот аноним. фр. пер., полностью передающий содержание оригинала, был известен в России, и П. мог познакомиться с ним в годы южной ссылки (узнав о нем от А. Н. Раевского), если не ранее. О вероятности такого знакомства говорит сатирич. травестирование евангельского сказания о Благовещении в «Гавриилиаде» (1821), близкое по авторской позиции к той части романа К., где рассказывается, как «принц рогоносцев» (в нем. подлиннике не сохраненная во фр. пер. игра слов: Hahn — петух и Hahnrei — рогоносец, обманутый супруг), превращенный впоследствии в золотого петуха, выступил в роли архангела Гавриила (издавая роман в своем собр. соч., в 1810-х, К. основательно переделал его и вовсе убрал «соблазнительную» историю принца).

Образ зловещей волшебной птицы из романа К. мог врезаться в память П. и отразиться в ряде произв. поэта: возможно, в сне Татьяны, в гл. V «Евгения Онегина» (1826), а также в черновиках «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833) («Строфилус-птица», сидящая «на спице». — Акад. III, 1088). В «Сказке о золотом петушке» (1834) этот образ оказался в центре сюжета, соединившись с мотивом охраняющего город или страну от врагов волшебного истукана-талисмана, пришедшим к П. предположит. из ср.-век. легенды, переработанной В. Ирвингом. Вполне вероятно, что П. зорко разглядел в петухе К. глубоко скрытую автором пародию на геральдическую птицу — рос. орла. Во всяком случае, пушк. сказку и роман К. объединяет «намеком» («Добрый молодцам урок») на актуальную опасность нравственной слабости самодержавия власти в России.

Лит.: Сиповский В. В. Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 354; Mazon A. La conte du Coq d'or: Pouchkine, Klinger et Irving // Mélanges en l'honneur de J. Legras. Paris, 1939. P. 207—214 (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves. T. 17); Загорский М. Б. Пушкин и театр. М.: Л., 1940. С. 328—329; Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес»: (Неосуществленный замысел Пушкина) // ПИМ. Т. 3. С. 105—107 (То же // Пушкин А. С. Рисунки. М.: Воскресенье, 1996. С. 605—608 (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 19 т.].

Т. 18)); *Алексеев М. П.* Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом Петухе» // *Врем. ПК.* 1979. С. 59—95 (То же // *Алексеев. П.* и мировая лит.-ра. С. 502—541); *Астафьева О. В.* Пушкин и Клингер // *ПиС.* СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 208—212.

М. Ю. Коренева, Р. Ю. Данилевский

КЛОПШТОК (Klopstock) Фридрих Готтлиб (1724—1803), поэт нем. Просвещения, преимущ. лирик, новатор в области нем. стихотв. метрики, обогативший ее заимствованиями из антич. стихосложения. Наряду с *Г. Э. Лессингом* и *К. М. Виландом* К. — прямой предшественник гетевского периода нем. лит.-ры. Наиболее известен лирический религ. эпос К. «Мессиада» («Messias», 1748—1773). К. был также автором лирических од, стихотв. драм, статей о лит.-ре.

П. узнал поэзию К. на занятиях лит.-рой в Лицее и, по-видимому, не с лучшей стороны. Из-за своеобразной лексики (неологизмы) и искусственно усложненного синтаксиса стих К., особенно в громоздкой «Мессиаде», воспринимался с трудом. Для поэзии К. характерна также эмфатическая «взвинченность» слога, что было органически чуждо пушк. таланту: «Разбирал я немца Клопштока И не мог понять премудрого! Не хотел я воспевать, как он; Я хочу, чтоб меня поняли Все от мала до великого» («Бова», 1814, ст. 10—14). В зрелые годы П. стал относиться к творчеству К. как к неотъемлемой части истории нем. лит.-ры: в биогр. наброске «Дельвитг» (1834) П. вспоминал, что в Лицее А. А. Дельвитг и В. К. Кюхельбекер прочли «Клопштока, Шиллера и Гельти», побужденные искренней «любовью к поэзии» (Акад. XI, 273, 518).

М. Ю. Коренева

КОЛЬРИДЖ (Coleridge) Сэмюэл Тейлор (1772—1834), англ. поэт-романтик, принадлежавший к «озерной школе» (Lake School), лит. критик, философ. Совместно с *У. Вордсвортом* он сыграл важнейшую роль в реформе англ. поэтич. языка на основе сближения его с живой речью. В их совместном программном сб. «Лирические баллады» («Lyrical Ballads», 1798; 2-е изд. с предисл., 1800) Вордсворт «поставил целью придать прелесть новизны повседневному», изображая «события и персонажи, какие можно было бы обнаружить в любой деревне и ее окрестностях, где только отыщется чувствительный и склонный к размышлениям ум, готовый их отыскать или заметить их появление»; К. «должен был направить (...) усилия на лица и характеры сверхъестественные или по крайней мере романтические», надеясь «эти призраки воображения человекоподобием и убедительностью, чтобы вызвать у читателей ту готовность к временному отказу от недоверия, которая и составляет поэтическую веру» (*Кольридж С. Т.* Избр. тр. / Сост. В. М. Герман; Вступ. ст. Н. Я. Дьяконовой, Г. В. Яковлевой. М., 1987. С. 98). К. отличали богатая поэтич. фантазия и совершенная техника стиха (разнообразии размеров, звукопись и др.).

Ко времени михайловской ссылки П. уже, видимо, знал о К. понаслышке, например из замечаний и сатирич. выпадов *Байрона*, в частности в «Дон Жуане» (песни I, III). В примеч. к песни I, 90 во фр. пер., по к-рому П.знакомился с этой поэмой, о Вордсворте и К. говорилось, что они «не лишены ни воображения, ни поэтического таланта, но временами отличаются смешной глупостью» (*Byron G. Oeuvres complètes / Trad. de l'anglais par A.-E. Chastopalli [A. Pichot et E. de Salle]. 2^d éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes.* Paris, 1820. Т. 2. P. 170). В письме к П. от 10 мая 1825 Н. Н. Раевский-сын упомянул англ. поэта как хорошо им обоим известное имя («Должно быть, он (И. И. Козлов) знает английский язык и изучал Кольриджа» — Акад. XIII, 173; подлинник по-фр.). Однако в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 П. не назвал К. (равно как и Вордсворта) в числе выдающихся соврем. англ. поэтов (Акад. XIII, 177). Рисуя в 1826 на книжной обложке в Тригорском мужские и женские головы

(ПД 798), он, возможно, видел составленный там же Анной Н. Вульф список англ. поэтов, открывавшийся записью: «Christobe poeme par Colerige» (Рук. ПД, 1937. С. 283). О К. говорилось в соч. А. Пишо (1796—1877) «Историческое и литературное путешествие по Англии и Шотландии» (*Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse*. Paris, 1825. 3 т.; рус. пер. извлечения из т. 2: Современная английская литература: Школа так называемых Озерных поэтов (Lakists). — Вордсворт, Кольридж, Сутей. I. Вордсворт (Wordsworth) // ЛГ. 1830. Т. 2. 13 окт. № 58. С. 175—180; 18 окт. № 59. С. 183—185). Упомянут был К. и в напечатанной в МВ (1827. Ч. 6. № 23. С. 345; в этом же номере (с. 255—256) — ст-ние П. «Поэт») заметке, состоявшей в перечне имен авторов, представленных в изданной А. Пишо антологии «The Living Poets of England» (Paris, 1827. Т. 1—2). Имя К. встречалось П. в книгах и статьях о Байроне и соврем. англ. лит-ре.

Непосредственное знакомство П. с поэзией К. состоялось, когда он овладел англ. яз. На втором автографе ст-ния «Анчар», помеченном 9 ноября 1828, П. выписал в качестве предполагавшегося на этой стадии эпиграфа строки из трагедии К. «Раскаяние» («Remorse», act I, sc. 1, l. 23—24; пост. и публ. 1813; соч. 1797 под загл. «Osorio»): «It is a poison-tree, that pierced to the inmost / Weeps only tears of poison» (Акад. III, 699; пер.: Это — ядовитое дерево, которое, будучи проколото до сердцевины, плачет лишь ядовитыми слезами). Приблизительно в то же время он упомянул К. в наброске «(О поэтическом слоге)» в том же контексте и с той же оценкой, что и Вордсворта (см. с. 90). В болдинскую осень 1830 П., по его собственному свидетельству в «Заметке о холере», перечитывал К. (Акад. XII, 310), возможно, по сохранившемуся в его б-ке одномомнику трех англ. поэтов (*The Poetical Works of Coleridge, Shelley and Keats. Complete in one volume*. Paris, 1829. — Библиотека П. № 762). Вероятный след этого чтения обнаруживается в «Скупом рыцаре», где фраза «...совесть, Когтистый зверь, скребущий сердце...» (сц. II, ст. 105—106) представляет собою реминисценцию стилизации «под Шекспира» в трагедии К. «Раскаяние» («Remorse might fasten on their hearts, / And cling with poisonous tooth, inextricable / As gored lion's bite...» — act I, sc. 2, l. 310—312; пер.: Раскаяние могло бы завладеть их сердцами И пронзить их ядовитым зубом, неустрашимым, Подобно хватке смертельно раненного льва). Большое внимание П. проявлял к К. в 1835. 17 июля он приобрел только что вышедшие «Застольные разговоры» К. (*Specimens of the Table Talk of the late Samuel Coleridge*. London, 1835. 2 vols; Библиотека П. № 760), и, возможно, этим изд. было ему подсказано загл. «Table-talk» для собрания разнородных заметок. Среди ст-ний, напечатанных в конце 2-го тома, П. выделил и в сент.—окт. начинал, но бросил переводить («Как редко плату получает...» — Акад. III, 470, 1065) созвучную его содержанию духа эпиграмму «Жалоба» («The Complaint»; ранее — без загл.: «How seldom, friend!...»); первую строку этого ст-ния он записал 2 окт. (вероятно, по памяти, о чем свидетельствует замена одного слова) в альбом Анны Н. Вульф с пометой «etc.», к-рая говорит о том, что владелице альбома ст-ние было хорошо известно (ПД 211; Акад. VI, 612). Обдумывая замысел «Папесса Иоанна» (1834—1835), П. держал в голове возможность «сделать из этого поэму в стиле Кристабель» (Акад. VII, 256; подлинник по-фр.), имея в виду поэму К. («Christabel», соч. 1797, опубл. 1816) на ср.-век. сюжет, с элементами сверхъестественного, написанную особым размером (четыре неперенных ударных слога в каждой строке при варьирующем — от 7 до 12 — общем числе слогов в стихе). Неубедительно предположение Н. В. Яковлева о возможной творческой связи «Египетских ночей» (сент.—окт. 1835) с «диалогом» К. «Импровизатор» («The Improvisatore», 1828), к-рый мог подсказать П. гл. композиционный прием (прозаич. текст как введение, приступ к стихотворному). Рассказ о трагической судьбе мнимой детоубийцы, напечатанный в ж-ле К. «Друг» («The Friend», 1809) послужил, возможно, основой фр. очерка, на к-рый опирался П. в конспекте и

наброске «(Марья Шонинг)» (предположит. 1835). Маловероятно, чтобы П. читал рассказ К. и даже знал о его существовании, хотя этот вопрос окончательно не решен. По-видимому, П. были известны к.-н. статьи К., печатавшиеся в англ. ж-лах. В 1836 он приобрел и выборочно просмотрел 2-томное изд. «Писем, бесед и воспоминаний» К. (Letters, Conversations and Recollections of S. T. Coleridge. London, 1836), за к-рое счет книгопродавца пришел уже после его смерти (Библиотека П. № 761; Арх. опеки. С. 85). В 6-ке П. имелся также 1-й том ст-ний сына К. (Библиотека П. № 759), приобретенный либо из интереса, либо по ошибке.

Лит.: Майков. Пушкин. С. 142—151; Штейн С. В. Пушкин и Кольридж: (К вопросу о происхождении стихотворения «Анчар») // Звено. (Париж), 1926. 10 окт. № 193; Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. III. Пушкин и Кольридж // П. в мировой лит.-ре. С. 137—145; Якубович Д. П. Заметка об «Анчаре» // ЛН. Т. 16/18. С. 869; Рукою П. (1935). С. 664—666; Glasberg V. Marginalia Pushkiniana. I. Pushkin as a reader of S. T. Coleridge // Slavonic Rev. 1936. Vol. 14. № 41. Jan. P. 432—434; Сайтанов В. А. 1) Пушкин и Кольридж, 1835 // Изв. ОЛЯ. 1977. Т. 36. № 2. С. 153—164; 2) Пушкин и английские поэты Озерной школы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 16—19; 3) Неизвестный цикл Пушкина // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М., 1986. Сб. 19. С. 361—395; 4) Неточные переводы // Врем. ПК. Вып. 24. С. 177—178; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 801 (ЛН. Т. 91); Sandler S. Speaking Volumes: Pushkin, Coleridge and «Table Talk» // CL. 1991. Vol. 43. № 3. P. 230—245; Medzhibovskaya I. Hamlet's Jokes: Pushkin on «Vulgar Eloquence» // SEEJ. 1997. Vol. 41. № 4. P. 564—566; Долинин А. А. Из разысканий вокруг «Анчара»: Источники, параллели, истолкования // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 34—35.

В. Д. Рак

КОНСТАН де Ребек (Constant de Rebecque) Бенжамен (1767—1830), фр. писатель, полит. деятель, автор психол. романа «Адольф» («Adolphe, anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu», соч. 1807, изд. 1816), принадлежавшего, согласно определению П. в заметке (1829) о пер. П. А. Вяземского, «к числу двух или трех романов, в которых отразился век, и современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой Себялюбивой и сухой, Мечтаньям преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом» (Акад. XI, 87; ср.: «Евгений Онегин», гл. VII, 22). Поразивший читателей верностью и глубиной психол. анализа, «Адольф» немедленно привлек к себе внимание и в России (пер.: «Адольф и Елеонора, или Опасности любовных связей, истинное происшествие», 1818). П. прочел его, по-видимому, еще в Петербурге, возможно, по совету Вяземского, к-рый познакомился с этим произв. не позднее окт. 1816. Интерес П. к роману К. был, как и в кругу его знакомых, стойким и долговременным. По свидетельству Вяземского, они с П. «часто говорили (...) о превосходстве творения сего» (Констан Б. Адольф. СПб., 1831. С. V). Обращаясь в письме от 2 февр. 1830 к К. А. Собаньской по имени героини «Адольфа» Эллелены, П. признался, что оно напоминает ему «жгучие чтения (...) юных (?) лет, и нежный призрак, прельщавший (его) тогда, и (...) собственное существование (Собаньской), такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть» (Акад. XIV, 64; подлинник по-фр.). Возможно, П. перечитывал роман К. на юге вместе с Собаньской (предположение Т. Г. Зенгер-Цявловской, см.: Рукою П. (1935). С. 200) и в какой-то мере по нему, в его понятиях, образах и ситуациях, осмыслял и моделировал свои любовные отношения (ср. письмо к Неизвестной от июня—июля 1823 — Акад. XIII, 65—66). Вместе с тем он многократно обращался к нему, решая разные лит. задачи. В черновиках гл. I «Евгения Онегина» (1823) К. («Benjamin», «Бенжамен» — Акад. VI, 217) упоминается среди предметов «ученого разговора» и «мужественного спора» Онегина, к-рый сам появлялся в гостиных, «как Адольф, угрюмый, томный» (Акад.

VI, 244). Однако, воспринимая Адольфа предтечей и светской модификацией байронического героя («Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона». — Акад. XI, 87), П. на этом этапе заменил оба упоминания соответственно «Бейроном» и «Child Harold'ом» (то же в наброске предисл. к гл. I — Акад. VI, 527). В дальнейшем ориентирование на «Адольфа» служило П. для создания деформализованной, небайронической, реалистической характеристики «современного человека», для психологизации своих произв. и придания им правдоподобия, к-рое находили в романе К., также для разработки «метафизического языка» прозы, способного передавать тонкие оттенки мыслей и чувств. «Адольф Констана» упоминается в черновике (Акад. VI, 438) и подразумевается в основном тексте (гл. VII, 22) в числе книг, к-рые читал Онегин. Воздействие «Адольфа» предполагается в первых двух («парижских») главах «(Арапа Петра Великого)». Особенно активно оно проявилось в 1829—1830, будучи стимулировано ожиданием пер. Вяземского, к-рый П. анонсировал в ЛГ (1830. 1 янв. № 1). В незавершенном «(Романе в письмах)» (1829), вышивая «по старой канве» *С. Ричардсона* «новые узоры» (Акад. VIII, 50), П. намеревался, по-видимому, представить соврем. светского Ловласа как вариацию Адольфа, о чем предупреждает сопоставление этих героев в третьем письме (Акад. VIII, 47—48). Сюжетная схема «Адольфа» и ряд психол. мотивировок использованы в набросках повести «На углу маленькой площади...» (1829—1831), в к-рой герой типа Адольфа был бы интерпретирован в ироническом плане и тем самым снижен и разоблачен. Текстуальные, ситуативные и др. параллели «Адольфу» многочисленны в гл. VIII «Евгения Онегина» (1830); в «Каменном госте» (1830) реминисценции и прямая цитата (ср. III, ст. 94—97) придают ист. персонажу облик соврем. светского соблазнителя. В принадлежавшем П. экз. романа (3-е éd. Paris, 1824) сделано много помет (Библиотека П. № 813). Предисл. Вяземского к его пер. «Адольфа», предварительно посланное им П. для ознакомления и замечаний (см. письмо П. А. Вяземского от 17 янв. и ответ П. от 19 янв. 1831. — Акад. XIV, 146), отражает, видимо, и мысли, высказывавшиеся П. в их беседах об этом произв.

В пушк. кругу были хорошо известны полит. соч. К. (с ними П. познакомился, возможно, раньше, чем с романом) и пользовались популярностью его умеренно-либер. взгляды, сложившиеся под сильным влиянием англ. конституционных принципов. Идеи К., отводившего важную роль в гос. устройстве полит. представительству несменяемых наследственных аристократов, отразились в размышлениях и высказываниях П. о рус. аристократии (ср. его выписку из К. — Акад. XI, 445). В «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (черн. ред. дек. 1833—март 1834, беловая ред. 1834—1835) пересказаны рассуждения К. о цензуре (Акад. XI, 236, 264), к-рые ранее отразились в первом «Послании цензору» (1822). Собственные экземпляры полит. соч. К., все приобретенные 18 июля 1836, остались у П. неразрезанными (Библиотека П. № 814—816; Арх. опеки. С. 55).

В имевшемся у П. соч. фр. критика Гюстава Планша (Planche, 1808—1857) «Литературные портреты» («Portraits littéraires», 1836) разрезан очерк о К. (Библиотека П. № 1266).

Лит.: *Дашкевич Н. П.* А. С. Пушкин в ряду великих поэтов нового времени // Памяти П. С. 184—195. (Отд. изд.: Киев, 1900. С. 100—111); *Лернер Н. О.* [Рец. на кн.: Констан Б. Адольф: Повесть / Пер. с фр. Е. Андреевой. М., 1915] // Речь. 1915. 12 янв. № 11 (3034). Нов. кн. С. 4; *Виноградов Н. Н.* К вопросу о литературных вкусах Пушкина // Пис. Вып. 29/30. С. 9—17; *Томашевский Б. В.* 1) Французские дела 1830—1831 гг. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 339, 351—352, 356 (переизд.: Пушкин и Июльская революция 1830—1831 гг. // Томашевский. Пушкин, П. С. 324, 335—336, 339—340); 2) Из пушкинских рукописей // ЛН. Т. 16/18. С. 284, 286, 288; 3) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 58—59 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 157—158); 4) Пушкин и история Французской революции // Томашев-

ский. П. и Франция. С. 208; 5) «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // Там же. С. 306; *Ахматова А. А.* 1) «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 1. С. 91—114 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 51—89); 2) Неизданные заметки о Пушкине. II. Болдинская осень (VIII-я глава «Онегина») / Публ., вступ. заметка и примеч. Э. Г. Герштейн // ВЛ. 1970. № 1. С. 167—168, 172 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 180—181, 184—185, 192); *Лифшиц М. А.* Пушкинский временник: Обзор ст. // Лит. критик. 1936. № 12. С. 248—252; Благой. II. С. 254—258; *Kappler R. G.* Pushkin and Benjamin Constant // Pacific northwest Conference on Foreign Languages. 18th Annual Meeting. Proceedings. Victoria, B.C.: Univ. of Victoria, 1967. Vol. 16. P. 138—148; *Яшин М.* «Итак я жил тогда в Одессе...»: К истории создания элегии Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...» // Нева. 1977. № 2. С. 107—112; *Hoisington S. S.* Eugene Onegin: Product of or challenge to *Adolphe*? // Comparative Literature Studies. 1977. Sept. Vol. 14. № 3. P. 205—213; *Вольперт Л. И.* 1) Вольперт. П. и психол. традиция. С. 102—124; 2) Творческая игра и французская литература: К проблеме становления психологизма Пушкина // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1991. Avril—Juin. Vol. 32. № 2. P. 206—207; 3) Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 117—134; *Калинникова Н. Г.* Восприятие творчества Бенжамена Констана в России первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. С. 13—14.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

КОРНЕЛЬ (Corneille) Пьер (1606—1684), фр. драматург. Хорошо известный в России с XVIII в. как великий трагический писатель и наряду с *Ж. Расином* основоположник фр. классической трагедии, К. оставался в пушк. время авторитетом и образцом для приверженцев классицизма, а также привлек интерес близких к преддекабристским кругам литераторов и театр. деятелей, к-рые нашли у него примеры героической добродетели, подвигов и жертв во имя высоких гражд. побуждений, обостренного сознания долга и чувства человеческого достоинства, эмоц. возвышенной риторики. В 1817 была поставлена знаменитая трагедия «Гораций» («*Ногасе*», 1640) в пер. четырех писателей, в т. ч. П. А. Катенина (9 представлений в Петербурге в 1817—1823 и 2 на моск. сцене в дек. 1820). В 1818 Катенин напечатал пер. отрывка из трагедии «Цинна, или Милосердие Августа» («*Cinna, ou la Clémence d'Auguste*», 1640), а в 1822 перевел великую трагедию «Сид» («*Cid*», 1636), к-рая была представлена 3 раза в 1822—1823. Этот пер. имел в виду П., сказав в «Евгении Онегине» (гл. I, 18. 8—9), что «Катенин воскресил Корнеля гений величавый».

П. знал К. с лицейских лет. Получив воспитание в духе классицизма XVIII в., он усвоил и всю жизнь разделял преобладавшее в ту эпоху и освященное, в частности, авторитетом *Вольтера* мнение о превосходстве Расина над К. Он не упомянул К. в отличие от его соперника в ст-нии «Городок» (1815) среди своих любимых авторов, к к-рым обращался постоянно. П., вероятно, присутствовал в 1817 на премьере (29 окт.) и втором представлении (15 ноября) «Горация» (Летопись. Т. 1. С. 124, 126), но в зрительный зал его привели более театр. интересы, нежели автор (отзыв об игре И. П. Борецкого см. в статье «Мои замечания о русском театре», 1820 — Акад. XI, 13). В статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)» (1830), назвав *Шекспира*, *Кальдерона*, Расина и К. «величайшими драм.(атическими) пис.(ателями)», к-рые «не повиновались (...) правилу» «полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места», П. в след. предложении знаменательно исключил автора «Сиды» из этого ряда: «Со всем тем, Кальдерон, Шексп.(ир) и Расин стоят на высоте недосягаемой — и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов» (Акад. XI, 177). В «(Начале статьи о В. Гюго)» (1832) П. писал о «несправедливости» принятой фр. критикой «литературной аксиомы», согласно к-рой «Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются равными Расину» (Акад. XI, 219). Это замечание полемически направлено не только против классиков, державшихся подобной т. зр. (напр., *Ж.-Ф. де Лагарпа*), но и фр. романтиков (напр., *В. Гюго*), к-рые отдали преимущество К., сами обращаясь, подобно ему, к исп. тематике и предпочитая его героический стиль лю-

бовным излияниям женщин в трагедиях Расина. Несколько позднее, приобретя 2-томное собр. соч. К. (Paris, 1834), П. перечитал (или по крайней мере просмотрел) ранние пьесы и трагедии «первой манеры», дойдя до комедии «Лгун» («Le menteur», 1642); из всего дальнейшего разрезаны частично лишь ст-ния («Poésies diverses») (Библиотека П. № 828). Приблизительно, по-видимому, в то же время П. также перечитывал (или просматривал) разбор «Сида» и «Горация» в новейшем (Paris, 1834) переизд. «Лицея» Ж.-Ф. де Лагарпа (Библиотека П. № 1063). Вольтеровские «Комментарии к Корнелю» («Commentaires sur Corneille», 1764) разрезаны лишь в очень малой своей части (Библиотека П. № 1491. Т. 30).

Трагедию (по авт. определению в подзаголовке, трагикомедию) «Сид», в к-рой нарушен ряд правил классицизма и к-рая более всего отличается от классических трагедий на темы из рим. и греч. истории, П. считал лучшей у К. (письмо к П. А. Катенину от 19 июля 1822 — Акад. XIII, 41) и как ее автора имел его в виду, записав одним из пунктов плана статьи «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)» (1830): «Корнель, поэт испанский» (Акад. XI, 419). Именно «Сид» послужил П. основанием заметить в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834), что в то время как «у французов возвышенные умы 17-го столетия застали народную поэзию в пеленках, презрели ее бессилие и обратились к образцам классической древности», «старый Корнель один остался представителем романтической трагедии» (Акад. XI, 217), т. е. более связанным с традицией старой нац. лит-ры. В «Сиде» П. восхищало смелое решение проблемы единства времени и правдоподобия: «Истинные гении трагедии никогда не заботились о каком-либо другом правдоподобии, кроме правдоподобия характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в „Сиде“: „А, вам угодно соблюдать правило о 24 часах? Извольте“. И тут же нагромождает событий на 4 месяца» (письмо к Н. Н. Раевскому-сыну (?) 30 янв. или 30 июня 1829; ранее то же в письме ему же от 2-й пол. июля (после 19) 1825 — Акад. XIV, 48; XIII, 197; ср. замеч. о правдоподобии в статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)»: «Римляне Корнеля суть или исп. (анские) рыцари или гаск. (онские) бароны» — Акад. XI, 177). К «Сиду», м. б., восходит определение «трагикомедия» в подзаголовке «Скупого рыцаря».

В позднем творчестве К., приходящемся на расцвет царствования Людовика XIV, П. находил черты придворного сервиллизма, характерного, по его мнению, для всей фр. лит-ры этой эпохи: «Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825 — Акад. XI, 33); «Корнель (и) Расин тешили короля заказными трагедиями» («О ничтожестве литературы русской» — Акад. XI, 504). Вместе с тем он заблуждался, утверждая, что в трагедиях К. не было «применений», т. е. злободневных намеков и аллюзий («(Письмо к издателю „Московского вестника“»)», 1828 — Акад. XI, 68), но к «Сиду» и «Горацию» это утверждение полностью применимо.

В свете общего отношения П. к творчеству К. выглядит неубедительной гипотеза, согласно к-рой в разговоре Николая I с П. 8 сент. 1826 был обоими собеседниками сознательно разыгран сюжет «Цинны» и под знаком театр. эстетики и полит. философии К. рисуется один из основных определяющих мотивов полит. биографии и философии П. конца 1820—1830-х (Г. М. Фридендер).

12-томное собр. соч. К., значащееся в счете, предъявленном П. 10 дек. 1832 (Лит. архив. Т. 1. С. 36), в его б-ке не сохранилось и в ее описи не числилось.

Лит.: Томашевский Б. В. 1) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 27—30 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 111—115); 2) «Маленькие траге-

дии» Пушкина и Мольер // П. Врем. Т. 1. С. 125 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 463); Фридендер Г. М. Пушкин и Корнель // Изв. ОЛЯ. 1992. Т. 51. № 5. С. 3—8 (То же // Фридендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»: [Сб. ст.]. СПб., 1995. С. 196—203).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

КОРНУОЛЛ Барри (Barry Cornwall — псевд., наст. фамилия и имя — Проктер (Procter) Брайан Уоллер, 1787—1874), англ. поэт и драматург. П. познакомился с произв. этого известного в свое время писателя по кн.: *The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall*. Paris: A. and W. Galignani, 1829 (Библиотека П.: Прилож. к репринт. изд. С. 113); однако его фамилию и оценки его творчества мог встретить и ранее в англ. и фр. ж-лах, напр. в «*Revue encyclopédique*» (1820. Т. 7. Р. 569), где К. был отнесен к числу «любимых поэтов». Строфа ст-ния «Обвал» (1830), ранее П. не употреблявшаяся (см.: Томашевский. Строфика П. II, № 53), совпадает со строфой ст-ния К. «Прибрежное эхо» («*A Sea-shore Echo*»). Это дает основание предполагать, что указ. собр. соч. четырех поэтов было П. приобретено до начала работы над «Обвалом». Периодом наиболее активного обращения П. к К. была «болдинская осень» 1830. Вольными творческими переложениями ст-ний К. являются или содержат текстуальные совпадения и реминисценции написанные в Болдине «Я здесь Инезилья...» (ср.: «*Inesilla! I am here...*»), «Заклинание» (ср.: «*An Invocation*»), «Из Barry Cornwall» («Пью за здравие Мери...») (ср.: «*Song*» («*Here's a health to thee, Mary...*»)), предположит. черн. набросок «Тому [одно, одно] мгновенье...» (ср.: «*On a Rose*»). «Драматические сцены» («*Dramatic Scenes*») К. подсказали П. жанр и форму «маленьких трагедий», один из вариантов загл. к-рых («Драматические Сцены» — Рукою П. С. 284) был точным соответствием англ. загл.; в них находил он и созвучные ему мысли, настроения и мотивы; написанные октавами поэмы К., из к-рых две начинались рассуждением об этой строфе, могли, видимо, послужить стимулом для обращения к ней П. в Болдине и для его размышлений о ней и стихотв. размерах («Домик в Коломне»), напомнив, в частности, об ее использовании *Байроном* («Беппо», «Дон Жуан»). К «болдинской осени», возможно, относятся и наброски перевода из поэмы К. «Марциан Колонна» («*Marcian Colonna*») (Неизданный Пушкин. Пб., 1922. С. 141—144), хотя не исключается датировка их 1835 (Рукою П. С. 97). Интерес П. к творчеству К. сохранялся и в следующие годы. Ст-ние «Эхо» (1831) перекликается с «Прибрежным эхом» и написано той же строфой. В 1835 П. начал переводить «драматическую сцену» К. «Сокол» («*The Falcon*») («О бедность! затвердил я наконец...»). В приобретенном П. томе избр. статей из ж-ла «Эдинбургское обозрение» (*Selections from the Edinburgh Review*. Paris, 1835. Vol. 2) разрезана статья о К. (Библиотека П. № 585. Vol. 101). 25 янв. 1837 П. сообщил писательнице А. О. Ишимовой о своем намерении «познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall» и пригласил ее «перевести несколько из его *Драматических очерков*» (Акад. XVI, 218—219). Получив от нее согласие (Акад. XVI, 221), утром 27 янв., перед дуэлью, послал ей книгу, отметив в оглавлении пьесы, к-рые хотел иметь переведенными. Пер. Ишимовой были напечатаны в посмертном томе «Современника» (1837. Т. 8), где К. был назван «последним литературным собеседником Пушкина».

Лит.: Анн. Т. 1. С. 311—313; Анненков. Материалы. С. 301—303; Михайлов М. Л. *Драматические сцены Барри Корнуоля* // Рус. слово. 1860. № 3. С. 211—230; Лернер Н. О. Заметки о Пушкине: XVI. Из отношений Пушкина к Барри Корнуоллю // ПиС. Вып. 16. С. 73—75; Яковлев Н. В. «Последний литературный собеседник Пушкина» (Бари Корнуоль) // ПиС. Вып. 28. С. 5—28, 117; *Благой Д. Д.* 1) Пушкин на рубеже тридцатых годов: (Болдинская осень 1830 г.) // Литература и марксизм. 1929. № 3. С. 72—74 (То же в др. ред.: Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина: Этюды. М., 1929. С. 167—174; 2-е изд., доп. М., 1931. С. 176—181); 2) Благой II, по указ.; *Якубович Д. П.* Книга из библиотеки Пушкина // Изв. ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. 12 окт.; Пуш-

кин. 1935. Т. 7. С. 380—382; *Бонди С. М.* Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX века // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. науч.-исслед. работ / Под ред. Д. Д. Благого, В. Я. Кирпотина. М.; Л., 1941. С. 401—402 (То же // Бонди. О Пушкине. С. 223—226; 2-е изд. С. 220—222); *Луков В., Луков Вл.* «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина и «Dramatic Scenes» Бари Корнуолла // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1969. № 324. С. 212—216; *Соловьев В.* «Опыт драматических изучений»: (К истории литературной эволюции Пушкина) // ВЛ. 1974. № 5. С. 136—144; *Аринштейн Л. М.* Пушкин и Шенстон: (К интерпретации подзаголовка «Скупого рыцаря») // Болд. чтения, [1979]. 1980. С. 92; *Довгий О. Л., Кулагин А. В.* 1) Пушкинское стихотворение «Из Warrу Cornwall» и его английский источник // Болд. чтения, [1984]. 1985. С. 144—154; 2) «Тому [одно, одно] мгновенье...» // Врем. ПК. Вып. 21. С. 83—85; *Квасов Д. Д.* Письма Пушкина к А. О. Ишимовой // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1986. С. 80—85; *Филин М. Д.* Последнее письмо // Лит. Россия. 1986. 7 февр. С. 17; *Кулагин А. В.* «Честь имею препроводить к Вам...»: Книга из библиотеки А. С. Пушкина // Альманах библиофила. М., 1990. Вып. 27. С. 172—179; *Довгий О. Л.* [Кулагина О. Л.] 1) Пушкин и Барри Корнуолл: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990 (с. 21—22: библиогр. статей автора по теме дис.); 2) «Евгений Онегин» и поэзия Барри Корнуолла // Романтизм: Вопросы эстетики и художественной практики. Тверь, 1992. С. 35—42; 3) Еще раз о времени создания стихотворения «Не дай мне бог сойти с ума...» // Владикавказские Пушкинские чтения. Владикавказ, 1993. Вып. 1. С. 118—124; *Бельский А. В.* Пушкин и Барри Корнуолл (рукопись, 178 с.) (РГАЛИ, ф. 2558 (архив М. А. Цявловского), оп. 2, № 1716).

В. Д. Рак

КОТТЕН (Cottin) Мари Софи Ристо (Risteau) (1770—1807), фр. писательница, автор sentimentальных романов «Мальвина» («Malvina», 1801), «Матильда, или Крестовые походы» («Mathilde, ou Mémoires tirés de l'histoire des Croisades», 1805), «Елизавета, или Сибирские изгнанники» («Elisabeth, ou les Exilés de Sibérie», 1806) и др. Романтические герои, правдивое и тонкое изображение любви, встречающей и преодолевающей разнообразные внешние и внутренние препятствия, увлекательная интрига, насыщенная множеством поворотов, принесли романам К. огромный и долговременный успех. Колоссальную популярность приобрел герой романа «Матильда» благородный турок Малек-Адель, умирающий вследствие предательства на руках у любимой им и отвечающей ему взаимностью пленницы-христианки Матильды, принимая ее веру и устраняя тем самым раздвинувшую их преграду. В России все романы К. получили, как в подлиннике, так и в пер., широкую читательскую аудиторию; по свидетельству М. Н. Загоскина, «русские дамы бредили Малек-Аделем, искали его везде и, находя что-то сходное с своим идеалом в лице задумчивого незнакомца, глядели на него с приметным участием» (*Загоскин М. Н.* Рославлев, или Русские в 1812 году (1831). Ч. 1. Гл. 1; подборку др. примеров популярности см.: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина. 4-е изд. М., 1957. С. 184—185; Лотман. Комментарий. С. 211; Лотман. Пушкин. С. 612—613). Отношение П. к произв. К. было иронично-критическим как к чтению провинц. барышень. В «Евгении Онегине» Татьяна покупает «у кочующего купца» гадательную книгу Мартына *Задеки* («с разрозненной Мальвиной») (гл. V, 23. 5; черн. вар.: «с изодранной Мальвиной», «с русской Мальвиной», «с извест(ною) Мальвиной» — Акад. VI, 107, 394), а Онегин, в ее воображении, вбирает в себя образ Малек-Аделя (гл. III, 9. 8 — Акад. VI, 55, 292).

В «(Романе в письмах)» (1829) говорилось о «девушках, выросших под яблонями и между скирдами, воспитанных нянюшк(ами) и романами Mde Cottin» (Акад. VI, 565; зачеркнутый вар.). В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836) П. писал о «жеманной напыщенности», смешной и приторной «чопорности и торжественности романов (...) г-жи Котен» (Акад. XII, 70); в примеч. 18 к «Евгению Онегину» Малек-Адель назван «героем посредственного романа M-me Cottin» (Акад. VI, 193).

В. Д. Рак

КОЦЕБУ (Kotzebue) Август фон (1761—1819), нем. писатель — драматург и романист, пользовавшийся широкой популярностью в Европе, включая Россию, в конце XVIII—первой четверти XIX в. (см.: *Giesemann G. Kotzebue in Rußland: (Materialien einer Wirkungsgeschichte).* Frankfurt a/M., 1971). Его романы, повести, пьесы в сентиментально-дидактическом духе, не отличающиеся глубиной разработки характеров, но привлекавшие занимательностью интриги, охотно переводили рус. переводчики: в «Росписи российским книгам для чтения» А. Ф. Смирдина (1828) указано более 130 произведений К. В числе переводивших был, напр., Н. М. Карамзин, к-рый в молодости (1791) перевел его повесть «Мария Сальмон, или Торжество добродетели» («Marie Salmon, oder der Triumph der Tugend», 1780-e). О популярности К. свидетельствует, в частности, упоминание его имени в приписываемом П. сатирич. ст-нии «Исповедь бедного стихотворца» (1814; ст. 53).

П., как и все его читающие современники, был знаком с творчеством К. На занятиях в Лицее проф. А. И. Галич читал с воспитанниками многотомное изд. «Театр Коцебу» (Гаевский. П. в Лицее. С. 349). В б-ке П. сохранились две книги этого автора: «Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда, описанное им самим» (М., 1816; оригинал: «Der merkwürdige Jahr meines Lebens», 1801; соч. представляет собою записки о краткой ссылке писателя в Сибирь в павловское время) и «Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской» (СПб., 1835; оригинал: «Switrigail, ein Beitrag zu den Geschichten von Litthauen, Russland, Polen und Preussen», 1820); вторая книга осталась неразрезанной (Библиотека П. № 195, 196). Нек-рые пьесы К.: «Сын любви» («Das Kind der Liebe», 1791), «Сила клятвы» (вероятно, пер. драмы «Самопожертвование» — «Der Opfertod», 1798) — были известны П. по театр. постановкам (Летопись. Т. 1. С. 114, 119). П. считал произв. К. образцом дурного слога и вкуса, именуемого им насмешливо «коцебятиной» (письмо к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 — Акад. XIII, 245; ср. набросок рец. «(О трагедии Олина „Корсер“»», 1828 — Акад. XI, 65); очевидно, именно стиль К. имел в виду П., дружески критикуя первонач. загл. мемуаров «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой («Записки амазонки»), к-рое, с его т. зр., «как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы» (письмо к Дуровой от 10 июня 1836 — Акад. XVI, 126). Сама личность этого нем. писателя, состоявшего на службе у рус. пр-ва и убитого из патриотических побуждений в 1819 бывшим нем. студентом Карлом Зандом (Sand, 1795—1820), вызывала у П. резкую и неизменную антипатию, что нашло отражение в эпиграмме «(На Стурдзу)» («Холоп венчанного солдата...») (1819), в ст-нии «Кинжал» (1821), также в приписываемой П. эпиграмме «На Аракчеева» («В столице он — капрал...») (1819), в пушк. рисунках (ПД 831, л. 46 (воспроизведено: Раб. тетр. Т. 3); Летопись. Т. 1. С. 256, 288, 321, 328; Жуйкова. № 372).

М. Ю. Коренева

КРАББ, Кребб (Crabbe) Джордж (1754—1832), англ. поэт, священник. Прозванный современниками «поэтом бедных», К. в своих произв., жанр к-рых эволюционировал от дидактико-описательной поэмы к стихотв. расказу, изображал повседневную жизнь сельских приходов и провинц. местечек. Сделав героями поэм простых заурядных людей, К. раскрыл трагизм их обыденного существования и т. о. явился предшественником англ. писателей-реалистов XIX в.

Рисуя в 1826 на книжной обложке в Тригорском мужские и женские головы (ПД 798), П. мог видеть имя К. в написанном там же Анной Н. Вульф списке англ. поэтов (Рук. ПД, 1937. С. 283), если эта запись не более позднего происхождения. О К. шла речь в соч. А. Пишо (1796—1877) «Историческое и литературное путешествие по Англии и Шотландии» (*Pichot A.*

Voyage historique et littéraire en Angleterre et en Ecosse. Paris, 1825. 3 t.; рус. пер. извлечения из т. 2: Современная английская литература: Школа так называемых Озерных поэтов (Lakists). — Вордсворт, Кольридж, Сутей. I. Вордсворт (Wordsworth) // ЛГ. 1830. Т. 2. 13 окт. № 58. С. 175—180; 18 окт. № 59. С. 183—185); его имя было упомянуто в напечатанной в МВ (1827. Ч. 6. № 23. С. 345; в этом же номере (с. 255—256) — ст-ние П. «Поэт») заметке, состоявшей в перечне имен авторов, представленных в изданной А. Пишо антологии «The Living Poets of England» (Paris, 1827. Т. 1—2). Овладев англ. яз., П. заинтересовался в нач. 1830-х поэзией К. В письме к П. А. Плетневу 26 марта 1831 он просил заказать ему у петерб. книгопродавца Ф. М. Беллизара книги англ. поэтов, в т. ч. К. (Акад. XIV, 158), и в его б-ке сохранились «The Poetical Works of George Crabbe complete in one volume» (Paris, 1829; Библиотека П. № 835). Чувствительный к писательской этике и осуждавший сервиллизм фр. писателей (в XVII—XVIII вв. перед двором, в XIX в. перед читательской массой), П. обратил особое внимание на противоречивое сочетание содержания поэм К. и предпосланных им почтительных посвящений англ. вельможам. Отмечая в черн. ред. ««Путешествия из Москвы в Петербург»» (дек. 1833—март 1834) присущий англ. лит-ре «*Patronage*» (покровительство), П. приводил пример: «Кребб, один из самых почт. (енных) людей, (...) поднес все свои поэмы to his grace the Duke или the Du(chess) etc. В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и о высоком покровительстве, коих он удостоился. Со всем тем Кребб был человек нравственный, независимый и благородный». И ниже, возмущаясь тем, что соврем. фр. писатели пачкают себя «грязью и кровью в угоду толпы», П. добавлял: «Можно ли J. Janin (Ж. Жанена) сравнить с Креббом» (Акад. XI, 228—229). В белой ред. (1834—1835), где суждение о К. было изложено более сжато, П. назвал его поэмы «прекрасными» и далее утверждал: «Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения...» (Акад. XI, 255). В те же годы поэзией К. заинтересовался В. К. Кюхельбекер, получив 20 июля 1832 в Свеаборгской крепости, где он находился в заключении, посланный ему родственниками том его соч.; поэмы К. оказали влияние на творчество поэта-декабриста.

Лит.: Левин Ю. Д. 1) Некрасов и англ. поэт Крабб // Некрасовский сборник. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 473; 2) Levin Yu. D. Kyukhel'beker and Crabbe // Oxford Slavonic Papers. 1965. Vol. 12. P. 105.

Ю. Д. Левин

КРЕБИЙОН, Кребилийон (Crébillon) (младший) Клод-Проспер Жюлио де (1707—1777), фр. писатель, автор фривольных романов, новелл и «восточных» сказок, отражавших распущенные нравы и соответствовавших гривуазным настроениям высшего фр. об-ва XVIII в. Большинство произв. К. полны намеков на реальные лица и события придворной жизни, изобилуя при том эротическими подробностями, к-рым придан внешне благопристойный, изящный вид. У П. имелось собр. соч. К. в 14 т. (Библиотека П. № 838). Упомянул он К. единственный раз в «Рославлеве» (1831, напеч. 1836) для характеристики безнадзорного и беспорядочного чтения героини, к-рой предоставлена полная свобода выбора (Акад. VIII, 150). В лит. фон поэмы П. «Царь Никита и сорок его дочерей» (1822) входит, по всей вероятности, роман К. «Танзаï и Неадарне» («Tanzaï et Néadarné», 1734), к-рому в поэме есть параллели на уровне мотивов, в т. ч. главного сюжетного мотива. Отмечено сходство нек-рых фрагментов «Истории села Горюхина» (1830) и аллюзионного романа К. «Любовные похождения Зеокинизюля, короля кофиранов» («Les amours de Zéokinizul, roi de kofirans», 1740), однако никаких свидетельств знакомства П. с этим произв. не найдено (в принадлежавшее П. собр. соч. К. оно не вошло).

Лит.: *Cross A. Pushkin's Bawdy or Notes from a Literary Underground // Russian Literature Triquarterly*. 1974. № 10. P. 227; *Разумовская М. В.* К вопросу о литературных аналогиях «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина // РЛ. 1981. № 1. С. 167—169; *Левинтон Г. А., Охотин Н. Г.* «Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // ЛО. 1991. № 11. С. 29.

Л. И. Вольперт

КРЕБИЙОН (Crébillon) (старший) Проспер Жолио де (1674—1762), фр. драматург, чье творчество знаменовало собою кризис классицизма, развившийся в утрате трагедией гражд. тематики, высоких этич. идеалов, строгой рационально-осмысленной формы и подмене их при соблюдении внешней благопристойности изображения патологическими характерами, нагромождением «ужасов» (убийств, кровосмесительных связей и пр.), усложненной интригой, сценическими эффектами. В пушк. время на петерб. сцене ставились две трагедии К.: «Радомист и Зенобия» («Rhadamiste et Zénobie», 1711) в пер. С. И. Висковатова (14 представлений с дек. 1809 по авг. 1828), «Атрей и Фиест» («Atrée et Thyeste», 1707) в пер. С. П. Жихарева (2 представления в дек. 1811—январь 1812) и М. П. Сорокина (2 представления в ноябре—декабрь 1831). Неумеренные «ужасы» К. должны были уравновесить однообразие классического репертуара. По-видимому, в театр. кругах велись разговоры о гипертрофическом трагизме К. Вероятно, отголосками этих разговоров являются упоминание в письме к П. А. Катенину от 19 июля 1822 одной из «ужасных» сцен трагедии «Атрей и Фиест» (Акад. XIII, 41) и каламбурное цитирование в письме к В. К. Кюхельбекеру от 1—6 дек. 1825 фразы из той же пьесы (Акад. XIII, 247). Оба этих обращения к «Атрею и Фиесту» свидетельствуют об ироническом отношении П. к сценическим эффектам трагедий К.

Имевшееся у П. 2-томное собр. соч. К. (Paris, 1821) осталось неразрезанным (Библиотека П. № 837).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 30—31 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 116—117).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

КУПЕР (Cooper) Джеймс Фенимор (1789—1851), амер. писатель, родоначальник жанров ист. и морского романов в лит-ре США, публицист. Славу на родине и в Европе принес ему ист. роман «Шпион» («The Spy», 1821); с тех пор все его новые произв. немедленно вслед за выходом на англ. яз. переводились на фр. яз. и через это посредство становились известны в России, где пользовались большой популярностью. В нач. 1825 появился первый рус. пер. («Шпион», ценз. разреш. 3 июля 1824) и первый отзыв о К. в рус. печати. П. читал романы К. во фр. пер., разделяя со своими современниками увлечение ими, что нашло отражение в наброске «Участь моя решена. Я женюсь...», 1830 (Акад. VIII, 407). Он приобрел на фр. яз. 15-томное собр. соч. К. (Paris, 1830—1835; остался неразрезанным лишь т. 14: «Les Monikins», 1835) и роман «Гейденмаур, или Бенедиктинцы» (Paris, 1832; не разрезан т. 3, последний), в подлиннике — роман «Палач, или Аббатство виноградарей» (Paris, 1833; разрезан до с. 51) (Библиотека П. № 584. Vol. 50; № 822—823). В согласии с преобладавшим в Европе и России мнением, утвердившимся и в оценках критики, П. видел в К. последователя *В. Скотта*, выделяя его из бесцветной «толпы подражателей», к-рые «все далеко отстали от шотландского чародея» (рец. на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский», 1830, черн. автограф — Акад. XI, 514). Вместе с тем он отмечал, что в романах о Кожаном чулке: «Пионеры, или Истоки Сускеванны» («The Pioneers, or the Sources of Susquehanna», 1823), «Последний из могикан» («The Last of the Mohicans», 1826), «Прерии» («The Prairie»,

1827) — К. представил «индийцев с поэтической их стороны», закрасив «истину красками своего воображения» («Джон Теннер», 1836 — Акад. XII, 105). Как на многих современников (В. Скотт, П. А. Вяземский, В. К. Кюхельбекер и др.), на П. произвело большое впечатление худож. изображение виртуозной техники кораблевождения героя романа «Лоцман» («The Pilot», 1824), и, наблюдая в пути на Кавказ в 1829 маневры ямщиков с вязнувшим в грязи экипажем, он «со скуки пародировал американца Купера в его описаниях морских эволюций» (автограф отрывка «Военная грузинская дорога», 1830 — Акад. VIII, 1002—1003, 1027). В авг. 1828 А. А. Оленина прозвала П. «Red Rover» («Красный корсар»), усмотрев, видимо, нек-рое сходство поэта с героем вышедшего ранее в том же году романа К. под этим заглавием (Оленина. С. 23).

Высказано не вполне убедительное предположение, согласно к-рому строки «Им занимается Москва, Его шпионом именует» в черновиках «Путешествия Онегина» (Акад. VI, 497, 479) содержат пародийный намек на роман К. «Шпион» («The Spy: A Tale of Neutral Ground», 1821). В «Капитанской дочке» отмечено сходство отд. повествовательных приемов, более или менее близкое совпадение нек-рых образных деталей, сюжетных положений и ходов со «Шпионом», в «Дубровском» — с «Красным корсаром», в «Метели» — с романом «Лайонел Линкольн, или Осада Бостона» («Lionel Lincoln; or, the Leaguer of Boston», 1825). Эти параллели и предполагаемые реминисценции сами по себе вряд ли достаточны, чтобы признать указ. соч. амер. писателя непосредственными лит. источниками пушк. произведений.

Лит.: Цявловская Т. Г. Дневник А. А. Олениной // ПИМ. Т. 2. С. 267—268; Николюкин А. Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М., 1981. С. 236—237, 256—289; Клейман Н. «О кашах пренья...»: (Опыт текстологического анализа) // Болд. чтения, [11-е. 1981]. 1982. С. 99—101; Есинов В. М. Пушкин и Купер: (Семейные истории Гриневых и Уартонов) // ФН. 1995. № 1. С. 23—34 (То же с незнач. изменениями: Два этюда о пушкинской прозе. 2. Семейные истории Гриневых и Уартонов // Моск. пушкинист. Вып. 3. С. 180—192); Балашова И. А. Традиции Дж. Ф. Купера в творчестве А. С. Пушкина // Балашова. Источники. С. 44—72.

В. Д. Рак

Л

ЛАБРЮЙЕР, Лабрюер (La Bruyère, Labruyère) Жан де (1645—1696), фр. писатель, сатирик, моралист, автор книги «Характеры, или Нравы нынешнего века» («Les caractères ou les mœurs de ce siècle», 1688). П. должен был хорошо знать «Характеры» как по непосредственному их чтению, так и из вторичных источников (упоминания в школьных риториках, в «Лицее» Ж.-Ф. де Лагарпа, ссылки при анализе сатир А. Д. Кантемира, комических характеров Д. И. Фонвизина, психол. этюдов Н. М. Карамзина; и пр.). Два издания соч. Л. попали в б-ку П. в поздние годы: одно — вышедшее в 1826, другое (1820) — подаренное Т. Киртоном после 1828 и оставшееся неразрезанным (Библиотека П. № 1056—1057). П. упомянул Л. трижды в 1829—1834 в контексте своих размышлений о дворянстве и в связи с полемикой вокруг лит. аристократизма. Л. привлекает его внимание не как создатель целостной поэтики характеров, автор хрестоматийной книги, канонизированный стилист, а как «вышедший в дворянство» разночинец, писатель «с дарованием, образованностию и добросовестностию» (Акад. XI, 214), стойко защищавший свою внутреннюю свободу, не искавший покровительства, наград и почестей. Первое упоминание содержится в «(Романе в письмах)» (1829), где Л. приписана сентенция на фр. яз., представляющая собою лжецитату (Акад. VIII, 53), о чем свидетельствуют черновики, отражающие работу П. над имитацией стиля Л. (Акад. VIII, 572—574); второе — в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», 1831 (Акад. XI, 213—214). В «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (1834—1835) процитированы из «Характеров» строки о тяжелом положении фр. крестьянства (Акад. XI, 257).

Лит.: *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и Лабрюйер // Вопросы методики и истории литературы. Псков, 1971. С. 100—118 (Учен. зап. ЛГПИ. Т. 503); 2) У истоков пушкинского психологизма: (Начало пути: игра лицеиста по *Характерам* Лабрюйера) // Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 19—32; *Пернер М. И.* Англичанин книготорговец, еще один знакомый Пушкина // Врем. ПК. 1979. С. 142—146.

Л. И. Вольперт

ЛАГАРП (Laharpe, La Harpe, наст. фамилия — Delharpe) Жан-Франсуа де (1739—1803), фр. драматург «школы Вольтера» и теоретик лит-ры, отличавшийся ригористической приверженностью фр. классицизму XVII—XVIII вв. и стремлением канонизировать его эстетич. нормы и традиции. Единомышленник и сторонник энциклопедистов, он восторженно встретил революцию, но затем резко изменил образ мыслей, став монархистом, рьяным католиком и противником просветителей. В России был известен гл. обр. его труд «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799—1805. Т. 1—16; рус. пер. 1810—1814. Ч. 1—5), представлявший собою лекции, читанные автором

в парижском лицее Сент-Оноре в 1786—1798. Этот курс, изложенный с точки зрения строгого классицизма, охватывает антич. и фр. XVII—XVIII вв. лит-ры. Труд Л. долгое время был единственным по полноте курсом и применялся в качестве обязательного пособия при изучении лит-ры; в Царскосельском Лицее он служил основным пособием по фр. лит-ре. В среде ревнителем классицизма Л. считался почти непогрешимым судьей, и этот взгляд первонач. усвоил юный П.; однако уже в ст-нии «Городок» (1815) декларируется пересмотр отношения к Л. при сохранении уважения к его авторитету: «Хоть страшно стихоткачу Лагарпа видеть вкус, Но часто, признаюсь, Над ним я время трачу» (ст. 148—151). Вскоре, познакомившись с работами *Ж. де Сталь*, *А. В. Шлегеля* и др., П. убедился в том, насколько узок и односторонен Л. в своем изложении и насколько он пристрастен в оценках произв. не классической школы (*Шекспир* и др.). В 1830-е, говоря о состоянии отеч. критики, П. трижды повторил фразу, в к-рой автор «Лицея» упомянут неск. снисходительно и пренебрежительно: «Мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях ни даже в Лагарпах» («Опровержение на критики»), 1830; «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830; «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», 1833 — Акад. XI, 143, 166, 220). Тогда же Л. был назван П. в числе лучших фр. писателей, «славнейших представителей сего остроумного и положительного народа», к-рые «доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно» («Начало статьи о В. Гюго»), 1832 — Акад. XI, 219). Вместе с тем П. не переставал пользоваться курсом Л. как справочным пособием, доверяясь иногда даже тем содержащимся в «Лицее» сведениям, к-рые были ошибочными (напр., в оценках фр. лит-ры до XVII в.). В основном он, вероятно, держал их в голове, т. к. в приобретенном 2 июля 1836 (Арх. опеки. С. 54) позднем издании «Лицея» (Paris, 1834) разрезал (притом не полностью) лишь разделы, посвященные фр. трагедии (гл. обр. *П. Корнелью* и предшествовавшим ему драматургам), «Генриаде» *Вольтера*, и не входящие в основной текст курса мелкие заметки о разных фр. и иностр. писателях, в т. ч. о *Д. Мильтоне*, *Гете* (Библиотека П. № 1063). Исследователями выявлены бесспорно или указаны гипотетически многочисленные отзвуки «Лицея» и следы обращения к этому труду в произв. П. и его суждениях о лит-ре и писателях. В 1814, когда И. И. Пущин перевел для ВЕ главу из «Лицея» («Об эпиграмме и надписи древних»), П. перевел по его просьбе одну из включенных в нее эпиграмм («Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»). В письме к Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля (после 19) 1825 приведена неточно цитата из трагедии Л. «Филоктет» («*Philoctète*», изд. 1781) в качестве примера обычного для классиков условного неправдоподобия в языке (Акад. XIII, 197; повторено в письме к нему же от 30 янв. или 30 июня 1829 — Акад. XIV, 48; оба по-фр.). П., как явствует из письма к нему П. А. Вяземского от 22 ноября 1827, знал и рус. пер. этой пьесы (С. Т. Аксаков; М., 1816), разделяя, видимо, невысокое о нем мнение своего друга (Акад. XIII, 348). Др. произв. Л. не привлекали внимания П. В имевшихся у него 16 томах собр. соч. Л. (Paris, 1820—1826), приобретенных в один день с «Лицеем», 2 июля 1836 (Арх. опеки. С. 54), разрезаны лишь две поэмы («*Tangu et Felime*», «*Les talents des femmes*»), не полностью ст-ния («*Poésies diverses*»), фр. прозаический пер. оды М. В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве», одно письмо Вольтера к Л. (Библиотека П. № 1064—1065).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 17, 21, 39, 45—46, 70 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 89, 98—99, 104, 126, 140—141, 170); *Вацуро В. Э.* Пушкин и Бомарше: (Заметки) // ПИМ. Т. 7. С. 211—213; *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и Лашоссе: (О сюжетном мотиве «Метели») // Врем. ПК. 1975. С. 120—121; 2) Пушкин и французская комедия XVIII в. // ПИМ. Т. 9. С. 170—173, 175—177, 183 (То же в кн.: *Вольперт. П. и психол. традиция.* С. 133—135, 138, 140, 144—145, 154; *Вольперт. П. в роли Пушкина.* С. 141—150, 157); *Петруни-*

на Н. Н. Литературные параллели. I. К творческой истории элегии «Сожженное письмо» // Врем. ПК. 1977. С. 109—110; *Топоров В. Н.* Еще раз о связях Пушкина с французской литературой: (Лагарп—Буало—Ронсар) // RL. 1987. Vol. 22. P. 394—402; *Аксенова Г. В.* Русские переводы сочинений Жана Франсуа Лагарпа // Книга: Исслед. и материалы. М., 1992. Сб. 64. С. 73—74.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ЛАКЛО (Laclos) Пьер-Амбуаз-Франсуа Шодерло (Choderlos) де (1741—1803), фр. писатель и полит. деятель, автор эпистолярного романа «Опасные связи» («Les liaisons dangereuses», 1782), в к-ром нарисована яркая, откровенная картина разложения нравов фр. аристократии в предреволюц. эпоху (жестокый развратный виконт де Вальмон и циничная маркиза де Мартейль по сговору губят доверчивую женщину). Новаторский для своего времени по мастерству глубокого и тонкого психол. анализа, роман имел шумный успех, вызвав множество разноречивых оценок и подражания.

В России «Опасные связи» широко читались в подлиннике (рус. пер.: «Вредные знакомства, или Письма, собранные одним обществом для предостережения других», 1804—1805) и были хорошо известны если не по прямому знакомству с ними, то по отзывам в иностр. печати или по крайней мере по слухам, отражавшим их репутацию как скандального, безнравственного произв. (напр., М. В. Юзефович, знакомый П., знал о существовании этой книги, но путал ее с романом Д.-А.-Ф. де Сада (Sade, 1740—1814) «Жюстина, или Злоключения добродетели» («Justine, ou les malheurs de la vertu», 1791), к-рый также не читал, — см.: *Юзефович М. В.* Памяти Пушкина // П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 103). Ценители «Опасных связей» были среди знакомых П. Напр., Д. Н. Бологовский, с к-рым поэт сблизился в Кишиневе, ставил их выше романов *В. Скотта* (см. письмо П. А. Вяземского к П. от 15—25 янв. 1830 — Акад. XIV, 60), а П. А. Вяземский писал: «Где искать любви после романов Кребийлона-сына, Лакло, Луве и Жоржа Занда <...>?» (*Вяземский П. А.* Новая поэма Э. Кине // Совр. 1836. Т. 2. С. 269; *Вяземский. Т. 2. С. 243*).

П. прочел «Опасные связи», вероятнее всего, еще в лицейские годы. Предположительно (*Губер П. К.* Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. Пб., 1923. С. 39) это произв. наряду с др., считавшимися непристойными, подразумевалось в черн. строках строфы 9 гл. I «Евгения Онегина»: «Любви нас не природа учит, А первый пакостный роман» (Акад. VI, 226). В дальнейшем, при обращении поэта к прозе, психол. и худож. опыт Л. мог приобрести для П. новый интерес и актуальность в связи с поисками создания образа соврем. молодого волокиты и обольстителя. В наброске «Гости съезжались на дачу...» (1829) «Опасные связи» упоминаются как произв., из к-рого почерпнул свой ум человек, отличающийся «тяжелой (вар.: вялой, приторной) безнравственностью» (Акад. VIII, 40, 552). Роман Л. служил моделью игрового эпистолярного поведения П. и его окружения в Михайловском—Тригорском и Малинниках. Напр., письмо из Малинников А. Н. Вульффу от 27 окт. 1828 начиналось шутливым обращением: «Тверской Ловелас С. Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает» (Акад. XIV, 33). Не только сопоставление имен Вальмона и Ловласа, но и весь характер письма, его стиль, шутливо-эротическая направленность, имитация откровенного разговора двух Дон Жуанов напоминают «Опасные связи»; сам характер обращения и оппозиция провинциальный—столичный соблазнитель близки манере Л.

Из сатиры Л. «Послание к Марго» («Épître à Margot», 1774) П. заимствовал два стиха в качестве эпитафии к ст-нию «К Наталье» (1813).

Лит.: *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и Шодерло де Лакло: (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник. Псков, 1972. С. 84—114; 2) Вольперт. П. и психол. традиция. С. 7—41; 3) Творческая игра и французская литература: К проблеме становления

психологизма Пушкина // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1991. Vol. 32. № 2. P. 200—203; 4) «Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает»: (*Опасные связи Шодерло де Лакло*) // Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 33—59.

Л. И. Вольперт

ЛАМАРТИН (Lamartine) Альфонс-Мари-Луи де (1790—1869), фр. поэт-романтик. Громкую славу и немедленную всеевроп. известность принесли Л. его первые сб-ки «Поэтические раздумья» («*Méditations poétiques*», 1820) и «Новые поэтические раздумья» («*Nouvelles méditations poétiques*», 1823); составлявшие их элегии, все проникнутые сугубо личными настроениями, переживаниями, чувствами и в совокупности образовавшие своеобразный дневник внутренней, духовной жизни поэта, явили собою резкий контраст рассудочной поэзии классицизма XVIII—нач. XIX в. при сохранении, однако, нек-рых ее формальных канонов и клише. В России поэзия Л. пользовалась огромным успехом и вызвала поток пер. в 1820—1830-х; уже к сер. 1820-х складывается восприятие Л. как поэта гл. обр. дамского, альбомного, салонного, поэта-элегика.

П. высоко оценил оба сб-ка. «Первые думы» (т. е. «*Méditations poétiques*») он считал «в св. (оём) роде едва ли не лучше Дум Рыл(еева)», а прочитав «последние» (т. е. «*Nouvelles méditations poétiques*»), пребывал под сильным впечатлением от того, что их автор «так (...) вдруг вырос» (черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 — Акад. XIII, 381). В это время он находил у Л. «какую-то новую гармонию», особо выделяя ст-ния «Наполеон» («*Napoléon*») и «Умиравший поэт» («*Le poète mourant*») (письмо к П. А. Вяземскому (?) от 5 июля 1824 — Акад. XIII, 102); элегию «Умиравший поэт» он цитировал в письме к брату Льву Сергеевичу от янв. (после 12)—нач. февр. 1824 (Акад. XIII, 86), а «Послание к лорду Байрону» («*Epître à lord Byron*») в письме к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 (Акад. XIII, 187). Вместе с тем уже в этот период П. отказывался признать наличие в поэзии Л. «истинного романтизма», считая ошибкой то, что «под романтизмом у нас разумеют Ламартина» (письмо к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 — Акад. XIII, 245) и что «наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Данте и Ламартина» («(Письмо к издателю „Московского вестника“»», 1828 — Акад. XI, 67). Претензию Л. закончить «Паломничество Чайльд-Гарольда» *Байрона* пятой песнею («*Le dernier chant du Pélerinage d'Harold*», 1826), изображающей благочестивое обращение мятежного поэта, П., еще не читая этого произв., отвел пренебрежительным замечанием: «то-то чепуха должна быть» (письмо к Л. С. Пушкину от 1-й пол. мая 1825 — Акад. XIII, 174; ср. письмо И. И. Козлова к П. от 31 мая 1825 — Там же. С. 177). Во 2-й пол. 1820-х П. упоминает Л. как модного поэта («Граф Нулин», 1825, ст. 154—155; черн. ред. ст-ния «Калмычке», 1829 — Акад. III, 726), причем в «(Романе в письмах)» (1829) содержится намек на то, что даже среди барышень не все его восторженные почитательницы («Уединение мне нравится на самом деле как в элегиях твоего Ламартина» — Акад. VIII, 46). После выхода третьего сб-ка Л. «Поэтические и религиозные гармонии» («*Harmonies poétiques et religieuses*», 1830) П. называет автора «сладкозвучным, но однообразным» («(Об Альфреде Мюссе)», 1830 — Акад. XI, 175), пишет о его «тощем и вялом однообразии» («(Начало статьи о Викторе Гюго)», 1832 — Акад. XI, 219), намеревается «сказать единожды в слух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины» (письмо к М. П. Погодину от 1-й пол. сент. 1832 — Акад. XV, 29), а в черн. вставке (1832 ?), предполагавшейся для соч. «Отрывок» («Не смотря на великие преимущества...», 1830), иронически упоминает «стихи на брак достойные пера Ив.(ана) Сем.(еновича) Баркова, начитавшегося Ламартина» (Акад. VIII, 961).

В «Евгении Онегине» присутствует вероятная реминисценция или даже скрытая цитата («Созданье ада иль небес Сей ангел, сей надменный бес» —

гл. VII, 24. 7—8) характеристики *Байрона* из посвященного ему ст-ния Л. «Человек» («L'Homme»), соч. 1819, публ. 1820): «Esprit mystérieux, mortel, ange, ou démon» (ст. 2; пер.: Таинственный дух, смертный, ангел или демон).

Имевшееся у П. издание поэтич. произв. Л. (1830) осталось неразрезанным; выборочно разрезаны приобретенные П. новые поэтич. и прозаич. соч. Л., вышедшие в 1835—1836 (Библиотека П. № 810, 1066—1067; № 1066 приобретена 25 мая 1836 — Арх. опеки. С. 53); в это же время П. читал посвященные Л. стр. в книге Д. О. Л. Б. Вольфа «Чтения о новейшей изящной словесности» (1835) (Библиотека П. № 78). В сб. критич. очерков Г. Планша «Литературные портреты» (1836) П. начинал читать статью о Л., но оставил на первых же стр. (Библиотека П. № 1266; разрезаны с. 151—153, 156—161).

Какие-то сведения о П. доходили до Л., к-рый проявил интерес к рус. поэту и 28 февр. 1836 просил у А. И. Тургенева «стихов Пушкина в прозе», а в 1849 заявил, что читал П.

Лит.: *Сурина Н.* Русский Ламартин // Русская поэзия XIX века: Сб. ст. / Под ред. и с предисл. Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Л., 1929. С. 299—335; *Guillemin H.* Lamartine en Russie // RLC. 1934. Ann. 14. № 4. P. 646—660; *Жирмунский В. М.* Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 90 (То же // Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 382); *Алексеев М. П.* Пушкин на Западе // П. Врем. Т. 3. С. 120—121, 139—140 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 283, 301—302); *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 61—62 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 161—162); *Мерлин В. В.* Об одном из источников стихотворения «Я возмужал среди печальных бурь...» // Врем. ПК. Вып. 20. С. 174—177; *Markowicz A.* Puškin et deux romantiques français: Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: Problèmes de citations // RdES. 1987. Т. 59. № 1/2. P. 30; *Эткинд Е. Г.* 1) Пушкин и Ламартин // РЛ. 1999. № 2. С. 43—70; 2) Пушкин в споре с Ламартином // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 165—200.

Л. И. Вольперт

ЛАФОНТЕН (Lafontaine) Август Генрих Юлиус (1758—1831), нем. беллетрист, автор многочисленных чувствительных семейных романов и повестей, пользовавшихся большой популярностью в Германии и в России в конце XVIII—первой трети XIX в., особенно у литераторов-сентименталистов и у их читателей.

П. относился к творчеству Л. отрицательно. В письме к Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля (после 19) 1825 он обронил замечание о неестественности слога Л. (Акад. XIII, 407), а в черн. ред. «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» (1827) писал о заурядных светских читательницах: «Рожденные с чувствительностью самой раздражительной, они холодно читают красноречивые трагедии Расина и плачут над посред. (ственными) ром. (анами) Авг. (уста) Лаф. (онтена), но поэзия скользит по слуху их, не достигая души» (Акад. XI, 324). Роман «во вкусе» Л. упоминается в «Евгении Онегине» (гл. IV, 50. 12) как своеобразный лит. символ скуки и непритязательности помещичьей семейной жизни.

В Тригорской б-ке сохранился роман Л. «Семейство фон Гальден» («Die Familie von Halden», 1797) во фр. пер. (La famille de Halden. Paris, 1803; см.: *Модзалевский Б. Л.* Каталог библиотеки села Тригорского // ПИС. Вып. 1. С. 27. № 81).

Р. Ю. Данилевский

ЛАФОНТЕН (La Fontaine) Жан де (1621—1695), фр. поэт. Происходил из провинц. буржуазной семьи, притязавшей по древности своего рода и по богатству на дворянский титул. Вращавшийся постоянно в высшем свете и в дворянских салонах Л. также не был чужд этим претензиям; традиционно перед его фамилией ставится частица «де», создающая ложное впечатление о его принадлежности к дворянству.

Л. пользовался непреходящей прижизненной и посмертной славой величайшего баснописца нового времени, к-рую ему принесли и утвердили его «Басни» в двенадцати книгах («Fables», 1668—1694). Сюжеты Л. заимствовал гл. обр. у древних авторов, но использованием вольных стихов и перенесением центра тяжести с поучения на самый рассказ, имевший целью живо, свежо, весело и оригинально передать старое содержание, создал новую форму басни и положил начало громадной популярности этого жанра в XVIII—нач. XIX в. Худож. опыт Л. служил образцом и отправной точкой собственных творческих поисков позднейших баснописцев во Франции и др. странах, включая Россию.

Басни Л. входили в круг обязательного чтения детей и юношества; П. знал их с раннего возраста и в подражание им ребенком сочинял басни (Анн. Т. 1. С. 14), из к-рых до нас ни одна не дошла. При отъезде в Лицей в 1811 сестра подарила ему принадлежавшую ей книгу басен Л., но он ее забыл в Москве (Библиотека П. № 1060). Лицейская программа включала басни Л. В ст-нии «Городок» (1815) двум русским баснописцам, И. И. Дмитриеву и И. А. Крылову, предшествует на книжной полке «певец любезный Поэзией прелестной Сердца увлечший в плен (...) лентяй беспечный, Мудрец простосердечный, Ванюша Лафонтен» (ст. 118—123). Характеристика Л. как «лентяя беспечного» восходит к его «Эпитафии одному лентяю, или эпитафии Лафонтену, сочиненной им самим» («Épitaphe d'un paresseux, ou épitaphe de La Fontaine, faite par lui-même», 1659), в к-рой говорилось, что он «разделил свое время на две части, из которых одну проспал, а другую провел в бездельи» («Deux parts en fit, dont il souloit passer L'une à dormir, et l'autre à ne rien faire»). Эпитеты «простосердечный» и далее (ст. 130) «добрый» передают ставшее к тому времени традиционным представление о наивности и добродушии басен Л. как отражении отличительных черт фр. нац. характера. В лицейском увлечении П. баснями отразился интерес к этому жанру в кружке «карамзинистов», к-рые его разрабатывали в противовес торжественной поэзии старой школы. Тем не менее сами басни Л. не оставили в творчестве П. сколь-либо заметного следа ни в тот период, ни позднее. Известное П. из произв. разных фр. поэтов (*Н. Буало, Вольтер* и др.) и обыгрываемое им в ст-ниях «Твой и мой» («Бог весть за что философы, пьюты...») (1814—1816) и «Tien et mien, — dit Lafontaine...» (1819) выражение приведено им со ссылкой на Л. и в том самом виде, в каком оно употреблено в басне последнего «Раздор» («La Discorde»). В сказке «Амур и Гименей» («Сегодня, добрые мужья...») (1816) развивается в качестве самостоятельного продолжения сюжет басни «Любовь и безрассудство» («L'Amour et la Folie»). Отголоском элегических мотивов басни Л. «Le Songe d'un Habitant du Mogol» под влиянием пер. В. А. Жуковского («Сон Могольца», 1806) и К. Н. Батюшкова («Сон Могольца», 1808) являются ст. 59—61 «Послания к Ю(дину)» (1815): «Вот здесь под дубом наклоненным, С Горацием и Лафонтеном В приятных погружен мечтах». В 1824—1825 П. размышлял о баснях Л. в связи с полемикой вокруг предисл. П. А. Вяземского к соч. И. И. Дмитриева, где последний был поставлен выше Крылова. Отзвуком этих раздумий и спора с Вяземским явилось замечание в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825): «...ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоплеменцев. (...) Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов» (Акад. XI, 34). В письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 П. безоговорочно отдал предпочтение Крылову перед Л. (Акад. XIII, 178). В остальном П. лишь изредка цитировал отд. стихи и выражения из неск. басен Л.: «Старик и трое молодых» («Le Vieillard et les trois jeunes Hommes») в письме к сестре от 4 дек. 1824 (Акад. XIII, 127) и в статье «Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 (Акад. XI, 55); «Обезьяна и кот» («Le Singe et le Chat») в письме Н. Н. Раевскому-сыну (?) от

30 янв. или 30 июня 1829 (Акад. XIV, 47); «Лягушки, просящие царя» («Les Grenouilles qui demandent un Roi») в письме к Е. М. Хитрово от 11 дек. 1830 (Акад. XIV, 134).

Большое внимание П. уделил галантной повести Л. «Любовь Психеи и Купидона» («Les Amours de Psyché et de Cupidon», 1669) как в подлиннике, так и в стихотв. переложении И. Ф. Богдановича «Душенька». В «Городке» (ст. 130—133) П. повторил мнение Н. М. Карамзина о превосходстве «Душеньки» над фр. подлинником («О добрый Лафонтен, (...) Коль можешь ты дивиться, Дивись, ты побежден»), однако уже в «Руслане и Людмиле» эпизод перенесения героини в замок Черномора, во многом совпадающий с аналогичными эпизодами в повести Л. и в «Душеньке», ближе к первой из них. Изменившееся отношение ко второй сформулировано в наброске статьи «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» (1824): «Согласен, (...) что в „Душеньке“ Богдановича встречаются стихи и целые страницы достойные Лафонтена» (Акад. XI, 21). Примененное в «Любви Психеи и Купидона» обычное для галантных произв. XVII в. перемежение прозаич. повествования и стихов, к к-рому Л. нередко прибегал и в переписке, использовано П. в шуточных письмах лицейского периода к П. А. Вяземскому от 27 марта и В. Л. Пушкину от 22 (28?) дек. 1816 (Акад. XIII, 2—6), позднее — в «Послании Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...») (1827). С предисл. Л. к его повести перекликаются в набросках «(Письма к издателю „Московского вестника“»)» (1828) признание в стремлении «угождать» читателям и «следовать духу времени», а также мысль о «единстве слога» как «4-м необходимом условии фр. (анцузской) трагедии» (Акад. XI, 66—67).

Очень высоко ценил П. шуточные, фривольные стихотв. сказки (новеллы) Л. на сюжеты, заимствованные гл. обр. у писателей эпохи Возрождения (Д. Боккаччо, Ариосто, Н. Макиавелли, Ф. Рабле, Маргариты Наваррской и др.) и из фавлю. Сказками Л. и его последователей в этом жанре (Ж.-Б. Ж. Виллара де Грекура, Ж. Вержье (Vergier, 1655—1720), А. Бодерона де Сенесе (Vauderon de Sénecé, 1643—1737), Вольтера и др.) П. зачитывался еще в Лицее. Он относил их к «чистой романтической поэзии» («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 38), усматривая преемственность от Л. комической повести в стихах поэтов XIX в., напр. Байрона («(Опровержение на критики)», 1830 — Акад. XI, 156), и тем самым признавая в жанре сказки, не связанной строгими правилами классицизма, способность к непрерывной эволюции, а отсюда и лит. актуальность для своего времени. Это явилось одним из факторов, способствовавших возникновению комических поэм П. «Граф Нулин» (1825) и «Домик в Коломне» (1830), в к-рых традиции сказок Л. проявляется в небрежном тоне повествования с постоянными лиро-дидактическими, шуточными отступлениями и замечаниями автора, также в выборе сюжета, основанного на нескромном любовном приключении. В частности, сюжет «Домика в Коломне» представляет параллель эпизоду сказки Л. «Спор трех кумушек» («La Gageure des trois commères»), где любовника вводят в дом под видом служанки.

В 1830-е, когда П. много размышлял о дворянстве и отношениях писателя с властью, он вспомнил Л., противопоставив его независимое поведение сервиллизму др. фр. писателей, угождавших Людовику XIV: «Были исключения: бедный дворянин (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях (...) Зато Лаф. (онтен) умер без пенсии» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 271). Ошибочно считая Л. дворянином, П. был, очевидно, введен в заблуждение частицей «де» (см. с. 184) и близостью Л. к оппозиционным аристократическим кругам, а о бедности его судил по тому факту, что Л. последние годы жил в домах своих лит. покровительниц.

Кроме томика «Басен», подаренного П. сестрою, у него имелось одно-томное полн. собр. соч. Л. (Paris, 1826; разрезано не полностью) и приобре-

тенное 24 янв. 1836 (Акад. XVI, 97) собр. соч. в 6 т. (Paris, 1826—1827; разрезано частично) (Библиотека П. № 1061—1062).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Лафонтен // П. Врем. Т. 3. С. 215—254 (То же // *Томашевский П. и Франция.* С. 219—261); *Скакун А. А.* Пушкин как читатель и интерпретатор произведений Лафонтена // Университ. Пушк. сб. С. 375—382.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ЛЕБРЕН (Lebrun) Понс-Дени Экушар- (Escouchard-) (1729—1807), фр. поэт, известный одописец, прозванный в этом качестве «Лебрен-Пиндар», плодовитый автор острых эпиграмм, элегий и пр. Пользовавшийся до революции репутацией свободолюбивого поэта, Л. стал ее певцом, выступая с «Республиканскими одами французскому народу» («Odes républicaines au peuple français», изд. 1793), но не примыкая к ее крайнему левому крылу, организовавшему террор, а прославляя, в соответствии с учением *Ш. Монтескье*, вольность, ограниченную законом как основным условием гражд. общежития. В России Л. был хорошо известен и его много переводили (А. В. Храповицкий, В. В. Попугаев, И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. Е. Измайлов, А. Д. Илличевский, Д. И. Хвостов и др.), так что уже в юные годы П. вряд ли мог пройти мимо его поэзии, хотя никаких прямых упоминаний не сделал до начала михайловской ссылки, когда в письме к брату от 1—10 ноября 1824 попросил прислать ему собр. соч. Л. (Акад. XIII, 118). В юношеских ст-ниях П. отмечены параллели нек-рым произв. Л.: «Рассудок и любовь» («Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...») (1814) и ода «Спор любви и рассудка» («Débat de l'Amour et de la Raison»); «Истина» («Издавна мудрые искали...») (1816) и ода «Моим друзьям на пиру» («A mes amis dans un festin»); «Осеннее утро» («Поднялся шум; свирелью полевой...») (1816), ст. 13—16, и элегия VIII кн. II; «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...») (1817), ст. 11—12, и элегия VIII кн. IV. Однако эти совпадения представляют собою, вероятнее всего, не более чем «тематические встречи», общие, традиционные формулы и мотивы элегической и анакреонтич. лирики. С достаточной степенью уверенности можно говорить лишь о реминисценции эпиграммы Л. «Новый Парнас» («Le nouveau Parnasse»; кн. I, эпигр. LXXXIV) в стихе 210 ст-ния «Сон» («Пускай поэт с камильницей наемной...») (1816): «Ни старый двор каких-то старых муз» (ср.: «Parnasse est vieux; ses neuf vieilles pucelles...»); позднее эта эпиграмма отразилась в «Домике в Коломне» (1830), строфа VIII, ст. 58—62 (Акад. V, 85). Согласно гипотезе Б. В. Томашевского, не получившей в пушкиноведении единодушного признания и оспоренной рядом ученых, в ст. 9—12 оды «Вольность» под «возвышенным галлом» имелся в виду Л. Эпиграмма Л. на провал трагедии *Ж.-Ф. Мармонтеля* «Клеопатра» («L'Aspic»; др. загл.: «Sur la tragédie de Cléopâtre où paraissait un aspic de Vaucanson», 1750) была, по-видимому, одним из источников сведений П. об этом скандальном событии в истории фр. сцены, к-рое он упомянул в «Евгении Онегине» (гл. I, 17. 12) в качестве одного из примеров «вольности» партера. Читая вторую часть «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова, П. в эпиграмме «Всегдашний гость, мучитель мой...» легко узнал эпиграмму Л. «О, проклятая компания...» («O, la maudite compagnie...») и сделал на полях соответствующую помету, написав, однако, рус. пер. ошибочно Д. Н. Блудову (Акад. XII, 279). Эту же эпиграмму Л. он цитировал по-фр. в письме к Е. М. Хитрово от 21 янв. 1830 (Акад. XIV, 147). Вероятна зависимость пушкинской эпиграммы «Журналами обиженный жестоко...» (1829) от ст-ния Л. «Послание о доброй и злой насмешке» («Épître sur la bonne et mauvaise plaisanterie», 1779); но с фр. пер. Л. оды Горация «Ehægi monumentum...» никак не связано ст-ние П. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», в данном случае имело место лишь соприкосновение тем. В имевшемся у П. экз. «Лицея» *Ж.-Ф. де Лагарпа* (Paris, 1834; Библиотека П. № 1063) разреза-

на посвященная Л. заметка, в к-рой, в частности, идет речь о знаменитой «Оде Бюффону» («Ode à Monsieur de Buffon», 1779) и «Послании о доброй и злой насмешке».

Лит.: *Щеголев П. Е.* Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пис. Вып. 14. С. 99—100 (То же // Щеголев. П. Очерки (1912). С. 84—86; Щеголев. П. Исследования. С. 182—183); *Томашевский Б. В.* 1) Заметки о Пушкине. 4. О «Возвышенном Галле» // Пис. Вып. 28. С. 70—72; 2) Пушкин и французская революционная ода (Экушар Лебрен) // Изв. ОЛЯ. 1940. № 2. С. 25—55 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 315—359); 3) «Вольность» Пушкина // Лит. в шк. 1947. № 1. С. 9—21; *Слонимский А. Л.* О каком «возвышенном галле» говорится в оде Пушкина «Вольность»? // ПИМ. Т. 4. С. 327—335; *Калашникова Н., Найдич Э. Э.* Новые материалы о вольнолюбивой лирике Пушкина // ВЛ. 1963. № 4. С. 141; *Алексеев. С.* 97 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 95); *Герштейн Э. Г., Вацууро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК. 1970. С. 33 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 248—249); *Koehler L.* The Identity of Pushkin's «Sublime Gaul» // Slavic and East European Rev. 1971. Vol. 49. № 117. Oct. P. 487—489; *Рак В. Д.* «Обшикать Федру, Клеопатру...» // РЛ. 2000. № 4. С. 101—102 (То же // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 259—260); *Акад. 2 Т. 2, кн. 1.* С. 489—493.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ЛЕМОНТЕ (Lemontey) Пьер-Эдуард (1762—1826), фр. историк. В трудах Л. «Обозрение царствования Людовика XIV» («Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV», 1818) и «История Регентства и несовершеннолетия Людовика XV до министерства кардинала де Флери» («Histoire de la Régence et de la minorité de Louis XV jusqu'au ministère du cardinal de Fleury», изд. посмертно в 1832) прослежена история полит. «упадка» Франции, начавшегося после «Великого века», еще при жизни Людовика XIV; в установившемся при этом монархе абсолютизме Л. видел полит. систему, неизбежно ведущую к революции. Сатирич. остроумие, проникнутое обличительным пафосом, живописность изложения, обилие почерпнутых у мемуаристов и из др. источников анекдотических подробностей, касающихся двора и личностей, обеспечили большой успех «Обозрению царствования Людовика XIV», хотя в методологическом отношении оно не обладало никакой новизной. Обличительную и живописную черты Л. высоко ценит П., назвав его в письме к П. А. Вяземскому (?) от 5 июля 1824 «гением 19-го столетия» и поставив выше знаменитых историков XVIII в. Д. Юма (Hume, 1711—1776) и У. Робертсона (Robertson, 1721—1793) (Акад. XIII, 102). В предисл. к опубликованным в этой книге выдержкам из дневника маркиза де Данжо П. нашел объяснение значения этих записок как ист. документа. По-видимому, впечатление от труда Л. было одной из причин того, что П. откликнулся в МТ (1825. Ч. 5. № 17) рецензией на рус. пер. (СО. 1825. Ч. 102. № 13—14) предисл. Л. к изданному в Париже (1825) гр. Г. В. Орловым сб. басен И. А. Крылова с фр. и ит. пер. (см.: «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» — Акад. XI, 31—34; ср. отзыв о предисл. в письме к П. А. Вяземскому от 2-й пол. ноября 1825 — Акад. XIII, 243). «История Регентства и несовершеннолетия Людовика XV» входила в круг ист. соч., к-рыми пользовался П., собирая материалы для «Истории Петра» (Акад. X, 228, 230). Оба соч. имелись в б-ке П. (Библиотека П. № 1088—1089).

Лит.: *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956. С. 24—27; *Томашевский Б. В.* Пушкин и история Французской революции // Томашевский. П. и Франция. С. 205—206; *Крестова Л. В.* Почему Пушкин называл себя «русским Данжо» // ПИМ. Т. 4. С. 270—273.

Л. И. Вольперт

ЛЕСАЖ (Le Sage, Lesage) Ален-Рене (1668—1747), фр. писатель. Романы Л., построенные по схеме исп. «плутовского» жанра: оригинальный и самый знаменитый — «История Жиль Бласа из Сантьяны» («Histoire de

Gil Blas de Santillane», 1715—1735; упомянут П. в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», 1836 — Акад. XII, 69), переводные и компилятивные по исп. произв. — «История Гусмана де Альфараче» («Histoire de Guzman d'Alfarache», 1732; упомянут П. там же), «История Эстебанила Гонсалеса» («Histoire d'Estévanille Gonzales», 1734), «Саламанкский бакалавр» («Le bachelier de Salamanque», 1736) и др. — пользовались огромной популярностью на протяжении всего XVIII в. и далее, были хорошо известны в России в подлиннике и пер. и оказали влияние на развитие рус. нравственно-сатирич. романа В. Т. Нарезного («Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», 1814), Ф. В. Булгарина («Иван Выжигин», 1829). Именно «Ивана Выжигина» и подражания ему имел в виду П., заметив в статье «Мнение М. Е. Лобанова...», что Л. служил образцом оригинальным рус. нравоописательным романам (Акад. XII, 71). В противовес «российским жильбазам» булгаринского толка П. предпринимал поиски создания нравоописательного романа на иной идейно-худож. основе («Роман на Кавказских водах», 1831; «(Русский Пелам)», 1834—1835). Сюжетная схема комедии Л. «Криспен, соперник своего господина» («Crispin, rival de son maître», 1707; рус. пер. 1769, изд. 1779; 22 представления на петерб. сцене в 1811—1828, 9 на моск. — в 1822—1825) послужила, видимо, отправным моментом замысла П. «Криспин приезжает в губернию...», 1833—1834 (Акад. VIII, 431), к-рый был отдан Н. В. Гоголю и лег в основу сюжета «Ревизора». По предположению Б. В. Томашевского, замена в «Руслане и Людмиле» прекрасного Купидона, похищающего Психею, уродливым Черномором несет след иронии Л., представившего в романе «Хромой бес» («Le diable boiteux», 1707) Купидона в безобразном облике беса Асмодея.

Лит.: *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 47 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 142—143); 2) Пушкин и Лафонтен // П. Врем. Т. 3. С. 237 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 458); *Переверзев В. Ф.* Пушкин в борьбе с русским плутовским романом // П. Врем. Т. 1. С. 171—173 (То же // Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма. М., 1989. С. 65—68).

Л. И. Вольперт

ЛЕССИНГ (Lessing) Готхольд Эфраим (1729—1781), нем. драматург, поэт, публицист, мыслитель, эстетик эпохи Просвещения. В России известен с 1760-х, сначала как драматург и баснописец, позднее как лит. критик, автор работ по эстетике и теории лит-ры. В нач. XIX в. имя Л. связывалось в сознании рус. читателя с новыми течениями нем. лит-ры, к-рая развивалась в борьбе против влияния фр. лит-ры и в первую очередь фр. классицизма.

Прямых сведений о непосредственном знакомстве П. с творчеством Л. нет, хотя по единственному упоминанию Л. в наброске статьи «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“» (1830) можно судить о том, что у П. было вполне сложившееся представление о реформаторских идеях Л., к-рые П. противопоставил устаревшим взглядам классициста и лит. «педанта» *И. К. Готшеда* (Акад. XI, 177). Имеются и нек-рые типологические параллели в борьбе Л. и П. за духовную и социальную независимость поэта и поэзии — ср. раннюю басню Л. «Солнце» («Die Sonne», 1750-e), где автор предлагает поэтам «самих себя ценить», и, напр., пушк. ст-ние «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») (1830). Но, вероятно, Л. был интересен П. прежде всего как критик и теоретик лит-ры. П. мог знать его лит.-театр. ж-л «Гамбургская драматургия» («Hamburgische Dramaturgie», 1767—1769) по фр. пер. («Dramaturgie de Hambourg», 1785); фрагменты из знаменитого эстетич. трактата Л. «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» («Laokoon, oder Über die Grenzen der Malerei und Poesie», 1766) появились в рус. пер. в петерб. «Журнале изящных искусств» (1823. Ч. 1. № 5, 6) (см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Лессинг и Винкельман в «Журнале изящных

искусств» В. И. Григоровича // РЛ. 2001. № 2. С. 105—116), а об эстетич. взглядах Л. стали писать в России еще с конца 1810-х, напр.: О трагедии: (Сокращенно из Лессинга) // ВЕ. 1816. Ч. 86. № 5. С. 34—40; Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. С. 111 и след.; Кронеберг И. Я. Исторический взгляд на эстетику // Брошюрки. 1830. № 1; и др. (см.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. М., 1974. Т. 2. С. 302—304). П. мог почерпнуть сведения о Л. также из книг Ж. де Сталь «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» («De la littérature, considérée dans ses rapports avec les institutions sociales», 1800) и «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), откуда отрывок «Лессинг и Винкельман» был переведен в «Трудах Вольного об-ва любителей рос. словесности» (1820. Ч. 11. Кн. 9). У П. имелось соч. фр. литератора и педагога О.-Ф. Тери (1796—1878) «О духе литературы и о литературной критике древних и современных народов» (*Théry A.-F. De l'esprit et de la critique littéraires chez les peuples anciens et modernes*. Paris, 1832; стр., посвященные разбору идей Л., разрезаны; Библиотека П. № 1430). Л. мог быть предметом лит. бесед в кругу Н. М. Карамзина, к-рый еще в 1788 опубликовал свой пер. трагедии Л. «Эмилия Галотти» («*Emilia Galotti*», 1772), а неск. позже дал ее развернутую характеристику в «Московском журнале» (1791. Ч. 1. Янв. С. 62—79). В нач. 1790-х на стр. ж-лов возник спор «о суждении книг» (т. е. о задачах зарождавшейся рус. лит. критики), в к-рый включился и Карамзин, ратовавший за нелицеприятную критику в духе Л. и его соратника и друга философа М. Мендельсона (*Mendelssohn*, 1729—1786). «Неужели вы хотите, чтобы совсем не было критики? — возражал он своим оппонентам Ф. О. Туманскому и В. С. Подшивалову. — Что была немецкая литература за тридцать лет перед сим и что она теперь? И не строгая ли критика произвела отчасти то, что немцы начали так хорошо писать? (...) Лессинг, Мендельзон судили книги; (...) можно ли их назвать мелкими умами?» (Московский журнал. 1792. Ч. 5. Февр. С. 278, 281). Почти четверть века спустя П. в письме к А. А. Бестужеву (конец мая—нач. июня 1825) повторил мысль Карамзина: «У одного только народа критика предшествовала литературе — у германцев» (Акад. XIII, 178).

О том, что П. имел не только общее представление об эстетич. воззрениях Л., но и, по-видимому, читал его труды по эстетике, свидетельствуют отд. его замечания о драме, явно соотносящиеся с суждениями Л. Так, высказывание П. по поводу пощечины в «Сиде» П. Корнеля (письмо к П. А. Катенину от 9 июля 1822 — Акад. XIII, 41), о «неуместности» к-рой писал *Вольтер* в своих коммент. к этой трагедии, близко по смыслу к суждению Л. по этому же поводу в «Гамбургской драматургии» (ст. LV). Когда П., в вышеупомянутой статье о драме М. П. Погодина «Марфа Посадница», противопоставляет фр. классицистской трагедии трагедию древних греков, напоминая, что они не стеснялись показывать чувства своих героев, их слабости и даже физические страдания, и при этом приводит в пример Филоктета Софокла (Акад. XI, 178), он, по сути дела, повторяет мысль Л., ссылавшегося в «Лаокооне» (гл. II) на того же героя. Очевидно, в момент написания статьи Л. находился в поле зрения П. Косвенным подтверждением этого может служить помета П. на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, сделанная в 1-й пол. 1820-х: «Это покровенная глава Агамемнона в картине» (Акад. XII, 284). Именно «покровенная глава Агамемнона» (по описаниям, деталь картины древнегреч. живописца Тиманта, который изобразил скорбь Агамемнона, закрыв его лицо покрывалом) была предметом спора, к-рый возник между Л. и блестящим исследователем антич. иск-ва И. И. Винкельманом (*Winckelmann*, 1717—1768), когда Л. работал над трактатом «Лаокоон». Критика состояния соврем. Л. нем. театра, находившегося под влиянием фр. классицизма, призыв Л. к созданию нем. нац. драмы, его борьба против догмы «трех единств», против напыщенности, жеманности, неестественности языка драматургии, искусств-

венности характеров и положений, схематичности в изображении страстей, обращение к *Шекспиру* как к образцу для подражания, требование «натуральности» в драме, к-рая должна основываться не на плоско понятом «подражании природе» в духе эстетики классицизма, но на правдоподобию положений и естественности диалога, особый подход к ист. трагедии, допускающий поэтич. интерпретацию фактов, — все это было созвучно представлениям П. о театре и драме. П., считавший, что в России еще нет своего театра и своей нац. драмы (письмо к П. А. Вяземскому от 6 февр. 1823 — Акад. XIII, 57), много размышлял — особенно в период работы над «Борисом Годуновым» и над предисл. к нему — о сущности драмы, ист. трагедии и в своих рассуждениях приближался к понятию «натуральности», к-рое являлось для Л. ключевым. Именно во имя достижения естественности, полностью утраченной, по мнению П., фр. трагиками, поэт считал допустимым смешение драматич. жанров и стилей (для П. «Борис Годунов» одновременно трагедия характеров и трагедия нравов). Этим же продиктовано требование П. избавиться от «холопского пристрастия к королям и героям» («О романах Вальтера Скотта»), 1830 — Акад. XII, 195), расширив тем самым круг характеров за счет введения негероических персонажей. Л. в «Гамбургской драматургии» (статья XIV) говорит о «мещанской трагедии» как жанре, в к-ром действуют обыкновенные люди: «Имена принцев и героев могут придать пьесе пышность и величие, но нисколько не способствуют ее трогательности» (*Лессинг Г. Э. Избр. произв. М., 1953. С. 520*). Стремление к естественности обуславливало новый подход к изображению драматич. коллизий, смысл к-рых не должен был сводиться лишь к противостоянию одного лица другому. «Противуположность характеров, вовсе не искусство — но пошлая пружина фр(анцузских) трагедий», — написал замечание П. на полях статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», 1826 (Акад. XII, 232). Это было дальнейшим развитием мысли Л., высказанной, в частности, в «Гамбургской драматургии» (статья XXIV) об «индивидуализации» лит. и театр. характеров соответственно правде жизни. В П. можно видеть, т. о., в значительной степени единомышленника Л., поскольку П. выполнял в рус. лит-ре, в ее теории и критике, в рус. драматургии те же задачи их глубокого обновления, к-рые Л. решал в нем. культуре XVIII в.

Лит.: *Фридлиндер Г. М. Лессинг: Очерк творчества. М., 1957. С. 232; Бабанов И. Е. «Покровенная глава Агамемнона» // РЛ. 1979. № 4. С. 169—172; Lauer R. Skizze der Lessing-Rezeption in Russland // Nation und Gelehrtenrepublik: Lessing im europäischen Zusammenhang: Sonderband zum Lessing-Yearbook. München, 1984. S. 331—333; Данилевский Р. Ю. Русская литературная мысль и наследие Г. Э. Лессинга // РЛ. 2001. № 4. С. 94—96.*

М. Ю. Коренева, Р. Ю. Данилевский

ЛОПЕ де ВЕГА см. ВЕГА КАРПИО

ЛУКРЕЦИЙ (полное имя — Тит Лукреций Кар, Titus Lucretius Carus, ок. 96—55 до н. э.), рим. поэт-философ, последователь греч. философа Эпикура (341—270 до н. э.), чье материалистическое учение, гл. обр. физику и попутно связанные с нею и вытекающие из ее положений вопросы теории познания и этики, изложил в поэме «О природе вещей» («De rerum natura»).

В письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 П. назвал Л. в числе «гениев» рим. лит-ры в одном ряду с *Вергилием*, *Горацием*, *Тибуллом* и *Овидием*, отметив, что он и Овидий в отличие от трех других не шли «столобовою дорогою подражания» (Акад. XIII, 177). Этот же смысл имеет упоминание Л. в хронологически близкой статье «О поэзии классической и романтической» (2-я пол. 1825), где проявлением невежества, «омрачившего» ср.-век. Европу, признается то, что «в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Вергилия и вместо

их писали на нем свои хроники и легенды» (Акад. XI, 36). Л. входил в круг чтения Онегина, обозначенный в первом черн. вар. строфы 22 гл. VII романа, где он находился в преимущественном окружении философов-просветителей XVIII в. («Юм, Робертсон, Руссо, Мабли, / Бар(он) д'Ольбах, Вольтер, Гельвеций, / Лок, Фонтенель, Дидрот / *пропуск* Ламот / Гораций, Кикерон, Лукреций» — Акад. VI, 438). Этот список авторов, отражавший склонность Онегина к серьезному чтению и его вольнодумство, был еще в черновике заменен уточнявшим характеристику героя перечислением новейших романов, «В которых отразился век [И] современный человек Изображен довольно верно С своей безнравственной душой» (Там же. С. 438—439; ср. окончательный текст: Там же. С. 148).

В произв. П. нет прямых или скрытых цитат из поэмы Л., ее реминисценций, отсылок к ней и т. п.; однако к ней уходят своими глубокими, первоисточниками корни нек-рые темы и мотивы (скука жизни, «охота к перемене мест», влюбленность в чахнущую, умирающую красоту, описание времен года, тема смерти, раздумья о преемственности поколений и др.), дошедшие до рус. поэта от своих лукрецианских истоков опосредствованными разнообразными традициями европ. лит-ры и ставшими типологическими.

В б-ке П. имелся фр. пер. поэмы Л. (из двух томов разрезан первый) и выборка из нее, составленная Ж.-Ж. Руссо (Библиотека П. № 619, 1332).

Лит.: Мальчукова Т. Г. 1) О традиции Лукреция в поэзии Пушкина // От сюжета к мотиву: Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Новосибирск, 1996. С. 116—136; 2) Лукрецианские мотивы, темы, идеи // Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1998. Кн. 2. С. 125—145.

С. Б. Федотова

М

МАКИАВЕЛЛИ, Макиавель, Макиявель, Махиавель (Machiavelli) Никколо (1469—1527), ит. полит. мыслитель и деятель, писатель, историк, воен. теоретик, первый в истории христианской Европы рассматривавший полит. деятельность вне зависимости от метафизических предпосылок и целей и в ее автономии от других форм человеческой деятельности, прежде всего от морали. В получившем европ. известность трактате «Государь» («Il Principe», 1513) успешными способами захвата и удержания власти признавались наравне с др. насилие, убийство, обман и предательство. В XVII в. сформировалось понятие макиавеллизма как политики, пренебрегающей законами морали; одновременно развивалось мнение о сатирич. направленности «Государя», снимавшее с М. обвинение в пропаганде политики вероломства. В XVIII в. осуждение макиавеллизма становится общим местом полит. и моралистической лит-ры; но во 2-й пол. XVIII в. у прогрессивно настроенных мыслителей начинает доминировать положительная оценка наследия М. и его идеи оказывают значительное влияние на полит. концепции нем. философов и фр. вольнодумцев. В Италии на рубеже XVIII—XIX вв. М. как поборника респ. свободы, нац. единства и величия родной страны воспринимают якобинцы, *В. Альфьери*, поэт Уго Фосколо (Foscolo, 1778—1827).

Сведений об отношении П. к творчеству М. до 1830-х не сохранилось, его имени П. не упоминает, произведений не цитирует. В лицейском курсе истории лит-ры М. назван П. Е. Георгиевским как «образователь лучшей их (итальянцев. — *А. Д.*) исторической прозы, к сожалению распространивший самые вредные правила политики в государствах» (*Георгиевский П. Е. Руководство к изучению русской словесности...* СПб., 1836. Ч. 4. С. 78). В отеч. периодике 1810-х отражена как просветит. оценка М., так и раннеромантическая переориентация отношения к нему. Соч. М. пользовались большой популярностью среди декабристов. Н. М. Карамзин упомянул «глубокомыслие Макиавелево» среди достоинств историка (*Карамзин Н. М. История Государства Российского*. М., 1989. Т. 1. С. 19). В мартовских номерах МТ за 1828 (№ 5. С. 50—76; № 6. С. 172—203) была напечатана рец. на полн. собр. соч. М. (Paris, 1823—1826), подготовленное переводчиком Ж.-В. Перьесом (Périerès, 1785—1829). Ее автор Т. Б. Маколей (Macaulay, 1800—1859) на широком историко-культурном материале показывал, что особенности восприятия соч. М. обусловлены отличием этических представлений итальянцев XVI в. от соврем. европейских. С. Е. Раич дважды напечатал в разных вар. (Мнемозина. 1824. Ч. 3. С. 62—74; Галатея. 1830. № 20. С. 145—157) свой пер. новеллы М. «Бельфагор» («Belfagor Archidia-volo», др. назв. «La novella del diavolo che prese moglie», впервые опубли. под именем автора в 1549). Все перечисленные публ. могли входить в круг чтения П.

В «Литературной истории Италии» (1811—1824) П.-Л. Женгене (1748—1816), служившей П. одним из гл. источников сведений об истории ит. лит-ры, имелся подробный обзор жизни, творчества и истории восприятия творчества М., разбор его комедии «Мандрагора» («*La Mandragola*», ок. 1520), оцененной весьма высоко, и характеристика др. комедии — «Клиция» («*Clizia*», 1525) (*Ginguené P.-L. Histoire littéraire d'Italie. 2-de éd. Paris, 1824. Т. 6. P. 221—240*). В труде швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (1773—1842) «О литературе Южной Европы» (1813—1829) подчеркивалось глубокое знание человеческой природы, приобретенное М. на дип. и гос. службе, к-рое стало причиной его глубокого презрения к человечеству, и высказывалась мысль о том, что «адская политика, которую М. возвел в принцип, была в шестнадцатом веке свойственна всем государствам» (*Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de. De la littérature du Midi de l'Europe. 2-de éd. Paris, 1829. Т. 1. P. 223*). Имевшееся у П. полн. собр. соч. М. в пер. Ж.-В. Перьеса (Библиотека П. № 1118) содержало обширный справочный аппарат в виде предисловий переводчика, обстоятельной «Истории Макиавеля» (*Histoire de Machiavel // Т. 1. P. 1—288*) и доп. материалов, составивших т. 12 (разрезан частично).

Согласно записи П. на внутренней стороне обложки т. 1, полн. собр. соч. М. было им «куплено в публичной распродаже с глупыми примечаниями карандашом» (подлинник по-фр.), к-рые были написаны, видимо, на отд. листке или листках и не сохранились. Предположение о том, что листок с коммент. был П. вырван (Эйдельман. С. 249, примеч. 1), не подтверждается состоянием экземпляра. Поскольку П. не был первым его владельцем и стр. в нем были разрезаны не только им, невозможно установить, какие именно соч. М. и в каком объеме привлекли внимание поэта. Трудно также сделать к.-л. определенные выводы о принадлежности и назначении закладки в т. 3 между с. 28 и 29. В то же время нек-рые фрагменты соч. М. отразились прямо либо косвенно в произв. П.

Обращение П. к творчеству М. отмечено в III—V фрагментах из «*Table-talk*» (1835—1836). Фрагмент III отражает просветит. и романтич. понимание макиавеллизма как распространенного полит. явления вне зависимости от идей М. Мысль фрагмента IV заимствована из предисл. Перьеса к собр. соч. М. (Т. 1. P. XIV—XV). В отрывке упоминается соч. известного политика, дипломата и писателя иезуита Антонио Поссевино (*Possevino, 1533 или 1534—1611*) «Суждение о четырех писателях» (*Iudicium de quatuor scriptoribus. Roma, 1592*), в к-ром содержится критика М. и макиавеллизма, не основанная на его соч. В V фрагменте П. цитирует первый абзац труда М. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» («*Discorsi sopra la prima decada di Tito Livio*», 1513—1519; цит. отрывок: *Œuvres complètes... Т. 1. P. 305*). Все три фрагмента так или иначе связаны с темой оценки и критики произв. словесности, весьма важной для П. и ключевой для истории восприятия наследия М. Здесь он назван «бессмертным флорентинцем» и «великим знатоком природы человеческой»; кроме того, П. старается противопоставить М. и макиавеллизм, что не выходит за рамки суждений о М. в соврем. ему просветит. и романтич. лит-ре.

На разрезанных в т. 11, содержащем «Историю Флоренции» («*Istorie Fiorentine*», 1521—1527), с. 93—125 находится описание моровой язвы 1527, за к-рым следует устав увеселительного об-ва, существовавшего некогда в этом городе. Соседство этих двух отрывков, замеченное П., могло привлечь его внимание при создании «Пира во время чумы». П. В. Анненков полагал, что П. подражал М. в «Замечаниях на *Анналы Тацита*» (Анненков. Материалы. С. 161). М. Н. Розанов нашел черты макиавеллического тирана в образе пушк. Анджело («*Анджело*»).

В исслед. последних лет делаются попытки анализировать трагедию П. «Борис Годунов» (1825) в свете идей, изложенных в трактате «Государь». Это соч., безусловно, входило в круг учитываемых П. ист. памятников, од-

нако невозможно говорить о целенаправленном непосредственном его приращении при создании текста трагедии.

Находящееся в б-ке П. 2-томное фр. собр., содержащее избр. отрывки из соч. М. и полностью «Государя» (Библиотека П. № 1119), осталось неразрезанным.

Лит.: *Розанов М. Н.* Итальянский колорит в «Анжелло» Пушкина // Сб. ст. к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 377—389; *Маларчик Я.* Политическое учение Макиавелли в России в русской дореволюционной и советской историографии // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska. Sectio G. Lublin*, 1960. Vol. 6. P. 1—20; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества, 1826—1837. М., 1987. С. 247—254; *Парсамов В. С.* О восприятии П. И. Пестеля современниками: (Пестель и Макиавелли) // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1989. Вып. 13: Царизм, освободительное движение и культура России. 1825—1895 гг. С. 22—33; *Лотман Л. М.* Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов: Трагедия. СПб., 1996. С. 150—159, 336, 340, 348; *Юсим М. А.* Макиавелли в России: Мораль и политика на протяжении пяти столетий. М., 1998. С. 142—146; *Хализев В. Е.* «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Веяния итальянского Ренессанса и отечественная традиция // Пушкин и русская драматургия. М., 2000. С. 3—19.

А. О. Дёмин

МАКФЕРСОН (Macpherson) Джеймс (1736—1796), шотл. поэт, издавший «поэмы *Оссиана*». Как изобличенный мистификатор он упомянут в заметке П. «(Песнь о полку Игореве)», конец 1836 (Акад. XII, 147), и аноним. заметке «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...» (ЛГ. 1830. 21 янв. № 5), авторство к-рой окончательно не установлено (Акад. XI, 281).

В. Д. Рак

МАЛЕРЬ, Малгерб, Мальгерб (Malherbe) Франсуа (1555—1628), фр. поэт, основоположник классицизма во фр. поэзии. Наибольшей известностью пользовалось его ст-ние «Утешение Дюперье по поводу смерти его дочери» («*Consolation à M. du Périer sur la mort de sa fille*», 1598—1599), четвертая строфа к-рого постоянно цитировалась. Хрестоматийными были строки из первой песни «Поэтического искусства» (1674) *Н. Буало*, посвященные М. как основателю новой школы фр. поэзии, реформатору фр. языка и стиха; первое полустихие этого фрагмента («*Enfin Malherbe vint...*») стало крылатой фразой.

П. был с лицейской скамьи хорошо знаком с творчеством М. и относился к нему критически, держась мнения, что «Малерб держится 4 стр.(оками) оды к Дюперье и стихами Буало» (Акад. XII, 191). Эту мысль, сформулированную в черн. плане «О французской словесности» (1822 ?), П. уточнил много лет спустя в наброске статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834). Прочитовав строки из «Поэтического искусства» Буало, в к-рых М. был оценен «великим критиком» с «яркой точностью» и «строгой справедливостью», П. отметил, что М., «истощивший силы свои в усовершенствовании стиха», «ныне забыт», разделив обычную участь «писателей, [которые пекутся более о наружных формах слова], нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!» (Акад. XI, 270). Те же строки Буало процитированы в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825 (Акад. XI, 33). Строфика од и рифмовка сонетов М. оказала воздействие на форму сонетов П.

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 20 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 102); Томашевский. Строфика П. С. 75, 80, 84, 96.

Л. И. Вольперт

МАНДЗОНИ, Манзони, Манцони (Manzoni) Алессандро (1785—1873), ит. писатель, крупнейший представитель ит. романтизма и его теоретик, поэт, драматург, романист. В своих ист. трагедиях «Граф Карманьола» («П

Conte di Carmagnola», 1820) и «Адельгиз» («L'Adelchi», 1822) М. отказался от правил («единств») классицизма, оспорив их и в предисл. к первой пьесе. Его драматургические принципы, воплощенные в «Графе Карманьоле», вызвали резкие возражения фр. поэта и критика Ж.-Ж.-В. Шове (Chauvet, 1788—после 1834), к-рому М. ответил «Письмом о единстве времени и места в трагедии» («Lettre à M. Chauvet sur l'unité de temps et de lieu dans la tragédie»), напечатанным в издании фр. пер. трагедий (1823), а позднее — с фр. пер. романа «Обрученные». По-видимому, этот эпизод спора классиков и романтиков во Франции не прошел мимо внимания П., когда в период работы над «Борисом Годуновым» и предисл. к нему (1825, 1829—1830) он обращался к проблемам драматургии, проявляя, несомненно, интерес к тому, что о них говорилось во Франции. С романом «Обрученные» («I promessi sposi», 1825—1827) П. ознакомился во фр. пер. вскоре по его выходе (1828) и, по свидетельству А. П. Керн, сказал, что «никогда не читал ничего более прелестного» (Керн. С. 87; П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 407; подлинник по-фр.). Высокая оценка П. романа подтверждается и свидетельством С. А. Соболевского, согласно к-рому «Пушкин, хотя и весьма уважал Вальтер Скотта, но ставил Promessi sposi выше всех его произведений» (Рассказы о П. С. 35, 98). В черновике рец. (1830) на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) П. отделил от «толпы подражателей» В. Скотта, отставших далеко от «шотландского чародея», М. и Ф. Купера, к-рые, «удаляясь от форм, принятых им, всех более приблизились к его духу» (Акад. XI, 363; зачеркнутый вар.). О внимании П. к «Обрученным» говорит и то обстоятельство, что «Манзони» входил в круг чтения Онегина «без разбора» в ожидании ответа Татьяны на его письмо (гл. VIII, 35. 3). Во 2-й пол. окт.—ноябре 1831 П. вернул через Е. М. Хитрово взятое у секретаря австр. посольства гр. М.-Л. Литта какое-то соч. М. (Акад. XIV, 244); предполагается, что это был ит. оригинал романа, с к-рым П. пожелал ознакомиться. Творчеством М. интересовались в кругу близких и знакомых П. С ит. подлинника переводил «Обрученных» зять поэта Н. И. Павлищев (см.: Павлищева О. С. Письма... к мужу и к отцу, 1831—1837 / Пер. и подгот. текста А. Андрес и Н. Сперанской. СПб., 1994. С. 15, 18, 22, 25, 28, 32), однако напечатано было только введение к роману (ЛГ. 1831. 10 февр. № 9); позже в ЛГ (1831. 20 февр. № 11) был напечатан в пер. И. И. Козлова отрывок из трагедии «Адельгиз».

У П. имелось соч. М. «Замечания о католической морали» (Sulla morale Cattolica osservazioni di Alessandro Manzoni. Parigi, 1834), из гл. XVI к-рого он выписал цитату (Рукоу П. С. 526—528; Библиотека П. № 1130). Сопоставление ст-ния П. «Наполеон» (первая ред.: сент.—ноябрь 1821; окончательная ред.: окт. 1824) с одой М. «Пятое мая» («Il cinque Maggio», соч. май 1821, напеч. 1822) обнаруживает при существенных различиях трактовки личности и деятельности Наполеона известную близость их содержания, к-рая не может быть с к.-л. уверенностью объяснена связью между ними, т. к. не имеется никаких свидетельств о знакомстве П. с этим знаменитым произв.

Имя П. было известно М., к-рый назвал его в беседе с С. П. Шевыревым (Соболевский друг Пушкина. СПб., 1922. С. 39; Алексеев М. П. Пушкин на Западе // П. Врем. Т. 3. С. 120; То же под загл.: Пушкин и Запад // Алексеев. П. и мировая лит.-ра. С. 282—283).

Лит.: Carlandi P. Il 5 maggio di A. Manzoni ed il Napoleon di A. Puškin // Gazzetta letteraria. 1894. 30 giugno. № 26; Петров Д. К. А. А. Мандзони и романтизм в Италии // История западной литературы : (1800—1910 гг.) / Под ред. Ф. Д. Батюшкова. М., 1914. Т. 3. С. 209—211; Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 250—251 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 401—402. Атрибуция П. рец. на «Обрученных» не принята в пушкиноведении); Александров В. Б. «Обрученные» // ЛО. 1937. № 10. С. 31—32; Розанов М. Н. Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук.

1937. № 2/3. С. 354—367; *Ivanov A.* 1) Nota su Puškin lettore dei «Promessi sposi» // Studi in onore di A. Cronia. Padova, 1967; 2) Puškin e Manzoni: musiche diverse // Alessandro Puškin nel 150° anniversario della morte. Milano, 1989. P. 121—128; *Ласорца К.* К истории изучения Пушкина в Италии: Карло Тенка // ПИМ. Т. 7. С. 139; *Vitale S.* Manzoni in Russia // Manzoni Europeo. Milano, 1984; *Marcialis N.* Addio monti... Tat'jana, Lucia e le loro sorelle: (A proposito di un'osservazione di Ettore Lo Gatto // Europa Orientalis. 1993. Vol. 12. № 2. P. 21—28; *Прокопкин Н. П.* Пушкин и Манзони // Моск. пушкинист. Вып. 7. С. 359—375.

Р. М. Горохова

МАРИВО (Marivaux) Пьер Карле де Шамблен де (1688—1763), фр. драматург и романист. П. должен был знать по крайней мере гл. произведения этого широко популярного в Европе, в т. ч. хорошо известного в России, писателя как непосредственно, так и по разл. отзывам, оценкам, упоминаниям и пр. Одна из самых знаменитых комедий М. «Игра любви и случая» («Le jeu de l'amour et du hazard», 1730) шла в петерб. Малом театре неск. раз в 1815—1818 (в пер. П. А. Корсакова) и 24 июля 1830 (в пер. Д. Н. Баркова под загл. «Любовь и случай»), но сведений о посещении П. к.-л. из этих спектаклей не имеется. 17 июня 1827 П. присутствовал на представлении комедии М. «Ложные признания» («Les fausses confidences», 1737) в пер. П. А. Катенина под загл. «Обман в пользу любви». Изданный в том же году, этот пер. был приобретен П. (Библиотека П. № 230). Использованный в повести «Барышня-крестьянка» сюжетный мотив двойного переодевания (барышни в служанку и молодого дворянина в слугу) имеет близкую параллель в «Игре любви и случая», отмеченную П. А. Катениным; предположит. в повести отразились и нек-рые черты психол. рисунка этой комедии. Словом «мариводаж» (marivaudage), употребляемым для обозначения претенциозного стиля и происходящим от своеобразного стиля М., отличающегося изяществом, изысканным остроумием, неологизмами, усложненными метафорами, тонкой передачей психол. состояний, П. в письме к Е. М. Хитрово от авг.—первой пол. сент. или конца окт.—дек. 1832 характеризовал слог *O. de Бальзака* (Акад. XV, 38). М. дважды упомянут в переведенных с фр. яз. речах, цитируемых П. в статье «Французская академия», 1836 (Акад. XII, 53, 59).

Лит.: *Катенин П. А.* Воспоминания о Пушкине // П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 194; *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и Мариво: (К проблеме пушкинского психологизма) // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 263—269; 2) Пушкин и французская комедия XVIII в. // ПИМ. Т. 9. С. 183—187; 3) Вольперт. П. и психол. традиция. С. 155—164; 4) Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 158—165 и по указ.

Л. И. Вольперт

МАРМОНТЕЛЬ (Marmontel) Жан-Франсуа (1723—1799), фр. писатель, прозаик, драматург, участник «Энциклопедии» Ж.-Л. Д'Аламбера (D'Alambert, 1717—1783) и *Д. Дидро*. В России пользовались широкой известностью в 1760-е—нач. XIX в. его «Нравоучительные повести» («Contes moraux», 1755—1761, 1789—1792) и филос. роман «Велизарий» («Belisaire», 1767), осужденный Сорбонной за содержащуюся в нем проповедь веротерпимости и переведенный на рус. яз. Екатериной II и ее придворными, чтобы представить императрицу просвещенной государыней, исповедующей принципы героя этого произв. В б-ке П. имелось собр. соч. М. в 18 т. (Paris, 1818—1819), из к-рых разрезаны лишь неск. и притом выборочно — гл. обр. разные статьи, входящие в «Основы литературы» («Éléments de littérature», 1787) (Библиотека П. № 1136—1137). В плане статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) П. упомянул М. в числе «бездарных пигмеев, грибов, выросших у корн(я) дубов», и выразил сожаление, что подобные писатели, а не *Вольтер* и ему равные «овладели русской словесностью» (Акад. XI, 495—496). В черн. рукописи «Евгения

Онегина» (Акад. VI, 217) и поправках белой рукописи (Акад. VI, 545) имя М. неск. раз названо в перечислении тем споров Онегина (гл. I, 5), где оно подчеркивает, видимо, их беспорядочный и поверхностный характер. Говоря в гл. I, 17 о «вольности» партера, П. в качестве одного из типичных ее проявлений вспоминает громкий и скандальный провал трагедии М. «Клеопатра» («Cléopâtre», премьера 20 мая 1750). Татьяна отдает «Мармонтеля третий том» (гл. V, 23. 10) вкупе с др. ненужными книгами за гадательную книгу Мартына *Задеки* с «разрозненной „Мальвиной“»; сохранить только один том у Лариных мог, в частности, потому, что др. были зачитаны, т. е. ранее входили в круг любимого чтения провинц. дворянских семейств. Выявленные исследователями в «Нравоучительных повестях» отд. мотивы, сюжетные положения и особенности структуры характеров, имеющие параллели в «Евгении Онегине», «Станционном смотрителе», «Пиковой даме», не выходят за рамки типологического сходства и не дают оснований говорить о к.-л. влиянии М. на П.

Лит.: Шарыткин Д. М. 1) Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля // ПИМ. Т. 8. С. 107—136; 2) «Пиковая дама» и повесть Мармонтеля «Окно» // Врем. ПК. 1974. С. 139—142; *Левашов Е. А.* Словарная справка Пушкина: (Комментарий к комментарию) // Врем. ПК. 1975. С. 112—113; *Рак В. Д.* «Обширать Федру, Клеопатру...» // РЛ. 2000. № 4. С. 94—104 (То же // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 246—264).

Л. И. Вольперт

МАРО, Марот (Marot) Клеман (1496—1544), фр. поэт раннего Ренессанса, мастер малых форм (эпиграмма, сатирич. послание, баллада, рондо, песня и др.) и легкой, изящной шутки. Отгесненный с конца XVI в. на задний план фр. лит-ры, он снова приобрел популярность, после того как *Н. Буало* упомянул его с похвалой в «Поэтическом искусстве» (1674). В XVIII в. эпиграммы М. вызвали много подражаний и сформировался «маротический стиль», отличавшийся намеренной архаизацией языка, нарочитой «наивностью», непринужденностью, изяществом и ясностью. Этот стиль и с ним имя М. оставались популярными в нач. XIX в., так что М. был хорошо известен П., хотя углубленного внимания не привлек. В лицейские годы (1814—не позднее апр. 1815) П. перевел под загл. «Старик» эпиграмму М. «О себе самом» («De soy mesme», 1537). В 1825 он упомянул М. в набросках («Возражения на статью А. Бестужева...») и «О поэзии классической и романтической», указав, что в эпоху, когда фр. поэзия «все еще младенчествовала», этот «лучший стихотворец времени [Франциска I]» писал поэтич. безделушки. Эта мысль выражена неточной (по памяти) цитатой строки о М. из «Поэтического искусства» Буало: «*gima des triolets, fit fleurir la ballade*» (Акад. XI, 37; пер.: рифмовал триолеты и заставил цвести балладу) и в той же форме повторена через 9 лет в наброске статьи «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 (Акад. XI, 269), где М. противопоставлен *Ариосто* и *Камознсу* как поэтам высокого эпического жанра, а в вычеркнутом вар. назван «ничтожным» (Акад. XI, 515; ср. отзыв о «произведениях французской поэзии в теч. (ение) XVI столетия» — Акад. XI, 502—503). Вместе с тем, XIV элегия М., внимание П. к к-рой мог привлечь подробный ее анализ в «Лицее» *Ж.-Ф. де Лагарпа*, занимает, вполне вероятно, определенное место в творческой истории элегии «Сожженное письмо» (конец 1824—нач. 1825), и тогда же (ок. 1825) П. изменил свою эпиграмматическую манеру, ориентируясь на «маротическую» эпиграмму, в к-рой, по его определению, «сжимается живой рассказ» («Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“»), 1827 — Акад. XI, 61; ср. в статье «(Баратынский)», 1830 — Акад. XI, 186). В черновиках статей «О ничтожестве литературы русской» и «(Путешествия из Москвы в Петербург)» (дек. 1833—март 1834) М. фигурирует в связи с актуальными для П. в те годы рассуждениями о независимости рус. писателей-дворян в противопоставле-

нии сервиллизму фр. и англ. писателей и общему придворному характеру фр. лит-ры XVI—XVIII вв. (Акад. XI, 462, 503).

В 6-ке П. имелось 3-томное полн. собр. соч. М. (Paris, 1824), разрезанное выборочно (Библиотека П. № 1138).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 18—19 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 99—101); *Петрунина Н. Н.* Литературные параллели. I. К творческой истории элегии «Сожженное письмо» // Врем. ПК. 1977. С. 108—112; *Ермоленко Г. Н.* 1) А. С. Пушкин и К. Маро : К проблеме гипертекстуальности в лирике Пушкина // Пока в России Пушкин длится, Метелям не задуть свечу : Тр. семинара «Творчество А. С. Пушкина в историко-литературном контексте» (Смоленск, 10—12 февр. 1998 г.) / Сост., ред. В. С. Баевский, Н. В. Кузина. Смоленск, 1998. С. 11—18; 2) Пушкин и поэты французского Ренессанса // Университ. Пушк. сб. С. 367—371.

Л. И. Вольперт

МАТЮРИН см. МЭТЬЮРИН

МЕРИМЕ (Mérimée) Проспер (1803—1870), фр. писатель. Перечисление его соч. в предисл. к «Песням западных славян» свидетельствует о том, что П. внимательно следил за его творчеством, начиная с первого его выступления в печати — сб. пьес «Театр Клары Гасуль» («Théâtre de Clara Gazul», 1825), приписанного вымышленной исп. комедиантке. Др. лит. мистификация М., сб. якобы переводов далмацких нар. песен «Гюзла, или избранные произведения иллирийской поэзии, собранные в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцоговине» («La Guzla, ou choix de poésies illiriques, recueillis dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine», 1827), привлекла к себе внимание и вызвала интерес в России. П. познакомился с «Гюзлой», вероятно, уже в начале 1828 и, возможно, в том же году приступил к работе над «Песнями западных славян» (изд. 1835), для к-рых этот сб. стал основой. Поскольку в европ. и вслед за нею в рус. печати высказывались сомнения в подлинности «Гюзлы», а С. А. Соболевский, знакомый с М., сообщил П. о ее подложности, П. запросил через него М. о происхождении песен и получил в ответ авторское признание в мистификации. Соответствующая выдержка из письма М. к Соболевскому от 18 (6) янв. 1835 включена в предисл. к «Песням западных славян». Ист. драма М. «Жакерия, сцены феодальных времен» («La Jacquerie, scènes féodales», 1828) о крестьянском восстании XIV в. во Франции послужила одним из источников «(Сцен из рыцарских времен)» (1835), где П. использовал, переработав в соответствии со своим творческими задачами, нек-рые сюжетные положения и детали (до уровня отдельных реплик) фр. пьесы. Упомянув в предисл. к «Песням западных славян» также ист. роман «Хроника времен Карла IX» («Chronique du règne de Charles IX», 1829) и новеллу «Двойная ошибка» («La double méprise», 1833), П. характеризовал М. как «острого и оригинального писателя», автора «произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы» (Акад. III, 334). Динамичная, экономная, опирающаяся на стилистические традиции фр. классицизма XVII—XVIII вв. проза М., полемичная по отношению к избыточной внешними эффектами романтич. прозе, привлекала П. типологически родственной ему самому повествовательной манерой, отличавшейся строгой объективностью, сюжетной четкостью, изящной простотой, лаконизмом, спокойным, суховатым изложением при внутренней эмоц. напряженности, тонким использованием средств живого разговорного языка. В свою очередь М., выучивший рус. яз., обнаружил подобные же достоинства в пушк. произв. и, найдя, т. о., в П. союзника, стал на долгие годы его «верным вассалом» («Chevalier servant de Pouchkine» — Н. Mongault), пропагандируя его своими переводами, отзывами в письмах и беседах с фр. писателями, статьей «Александр Пушкин» («Alexandre Pouchkine», 1868). В новелле «Кармен»

(«Сарпен», 1845) он воспользовался сюжетом «Цыган», а позднее (1852) и перевел эту особо высоко им ценимую поэму П. Большой резонанс имел его пер. «Пиковой дамы» (1849), принятый многими за его очередную лит. мистификацию. Также М. перевел «Выстрел» (1856), ст-ния «Гусар», «Будрыс и его сыновья», «Пророк», «Анчар», «Какая ночь! Мороз трескучий...». Характеристика П. в посвященной ему статье выражала по сути дела лит. программу самого М. и была его своеобразным автопортретом.

М. представлен в б-ке П. четырьмя кн.: «Гюзлой», «Театром Клары Гасуль» (изд. 1833), сб. «Мозаика» и «Заметками о путешествии по югу Франции» (последняя приобретена 8 ноября 1835 — Акад. XVI, 96) (Библиотека П. № 1154—1157). В имевшемся у П. сб. критич. очерков Г. Планша (Planche, 1808—1857) разрезано начало (с. 213—224) статьи о М. (Библиотека П. № 1266).

Лит.: Pr. Mérimée — А. С. Пушкин: [Сб.] / Сост. З. И. Кирнозе. М., 1987.

Пушкин и Мериме: Демидов Н. О «Сценах из рыцарских времен» А. С. Пушкина // Изв. ОРЯС. 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 631—640; Бонди С. М. [Комментарий к «Сценам из рыцарских времен»] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 652—657; Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 72, 93—94, 102 (переизд.: Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 365, 386—387, 394; То же в нек-ром сокращении // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Тр. Пушкинской сессии АН СССР, 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 147, 167; Загорский М. Б. Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 198—203; Чичерин А. В. Пушкин, Мериме, Стендаль: (О стилистических соответствиях) // ПИМ. Т. 7. С. 142—147; Колосова Н. А. Антиромантические тенденции в «светских» повестях и новеллах Пушкина и Мериме // Живые традиции: Из истории и теории литературы. Саратов, 1978. С. 42—53; Barsch K.-H. Pushkin and Mérimée as short story writers: Two different approaches to description and detail. Ann Arbor, 1983; Фридендер Г. М. Два этюда о прозе Пушкина: [2]. «Капитанская дочка» Пушкина в контексте мировой литературы // Изв. РАН. 1995. Т. 54. № 6. С. 7—12.

См. библиогр. к статье *Песни западных славян* в т. «Творчество».

Мериме и Пушкин: *Mérimée P. Études de littérature russe.* Paris, 1931. Т. 1. Pouchkine — Lermontof / Texte établi et annoté avec une introd. par H. Mongault. (Œuvres complètes du Prosper Mérimée); *Мериме П.* Александр Пушкин / Пер. Е. Козловой // Собр. соч.: В 6 т. М., 1963. Т. 5. С. 243—267; Толстой Л. Н. [Запись в дневнике 20 сент. 1865 об «умственной связи» М. и П.] // Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 62; Чебышев А. А. Проспер Мериме: К его знакомству с Пушкиным и русской литературой // ПиС. Вып. 23/24. С. 281—300; Mongault H. Mérimée et Pouchkine // Le Monde Slave. 1930. N. S. Т. 4. № 1. Oct. P. 25—45; № 2. Nov. P. 201—226; Алексеев М. П. Пушкин на Западе // П. Врем. Т. 3. С. 139—144 (То же под загл.: Пушкин и Запад // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 301—306; То же в нек-ром сокращении, под загл.: Пушкин в мировой литературе // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Тр. Пушкинской сессии АН СССР, 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 194—196); Козан Л. Е. Пушкин в переводах Мериме: («Пиковая дама») // П. Врем. Т. 4/5. С. 331—356; Шрейдер Н. С. Новеллы Мериме: Новеллы с экзотической тематикой: (Глава из диссертации) // Учен. зап. Первого Ленингр. гос. пед. ин-та иностр. яз. 1940. Т. 1. С. 271—274; Тимофеева О. В. Мериме — переводчик Пушкина // Учен. зап. Львов. гос. ун-та. 1953. Т. 24. Вып. 2. С. 121—132; Богинская А. Д. Русская тема в творчестве Мериме // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1955. Т. 34. Вып. 2. С. 143—144, 150; Боброва Е. И. Перевод П. Мериме «Пиковой дамы»: (Автографическая рукопись) // ПИМ. Т. 2. С. 354—361; Henry H. Notes sur les traductions en français de *La dame de piques* // RdES. 1987. Т. 59. Fasc. 1/2. P. 278—281; Боярская Т. Ю. Мериме — критик Пушкина: (Статья-очерк «Александр Пушкин») // Проблема традиций и новаторства русской и советской прозы. Н. Новгород, 1990. С. 105—111.

Библиогр.: Паевская А. В., Данченко В. Т. Проспер Мериме: Библиогр. рус. пер. и критич. лит. на рус. яз., 1828—1967. М., 1968 (по указ.).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

МЕСТР, Мейстер, Мейстр (Maistre) Жозеф-Мари де (1753—1821), фр. публицист и философ, идеолог феодально-монархической контрреволюции и ультрамонтанства (крайнего направления в католицизме, добивающегося неограниченной верховной власти папы в церкви и его права вмешиваться в светские дела любого гос-ва), противник лит-ры и философии Просвещения.

Назначенный послом Сардинии в России, он с 1803 жил в Петербурге и в 1811—1812 пользовался значительным влиянием при дворе; завязав широкие связи и знакомства среди аристократии и дворянской интеллигенции, М. вел активную пропаганду католицизма в салоне кн. А. Г. Белосельской-Белозерской и др. кругах столичного об-ва, чем вызвал недовольство Александра I, а с изгнанием иезуитов был вынужден в мае 1817 покинуть Россию. В петерб. период М. написал важнейшие свои публицист. произв., в т. ч. изданную посмертно книгу «Петербургские вечера, или Беседы о светской власти Провидения» («Les soirées de Saint-Petersbourg, ou Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence», 1821), 2-е изд. к-рой (Lyon, 1831) имелось у П. (Библиотека П. № 1123). Идеи М. оказали влияние на нек-рых философов и социологов из круга знакомых П. (М. С. Лунина, П. Я. Чаадаева и др.). Не исключена вероятность того, что о М. заходила речь в кишиневских беседах (1821) П. с М. Ф. Орловым, лично знакомым с фр. писателем и состоявшим с ним в переписке, и что седьмой диалог «Петербургских вечеров», содержащий фаталистическое оправдание войны, стал одним из поводов ноябрьского спора «о вечном мире». В статье «(О записках Самсона)» (1830) П. вспомнил «поэтическую» и «страшную страницу» М. (Акад. XI, 94), имея в виду апологию палача в «Петербургских вечерах»; вступительное описание в той же книге летней ночи на Неве и открывающегося оттуда вида северной столицы, в частности — памятника Петру I, отразилось, возможно, в нек-рых деталях гл. I «Евгения Онегина», в наброске «Гости съезжались на дачу...» (1828—1830) и в «Медном всаднике». Имя М. всплыло и в философско-исторических спорах с Чаадаевым: в письме к П. от 14—15 июля 1831 А. И. Тургенев назвал М. в числе «предтечей» Чаадаева (Акад. XIV, 191), и П. с этим согласился, о чем свидетельствует фраза в его письме к П. А. Вяземскому от 3 авг. 1831 о нападках «Чадаева с братией» на реформацию (Акад. XIV, 205). По-видимому, около того же времени П. приобрел «Петербургские вечера», а позднее «новое изд.» (Lyon, 1834) «Рассуждений о Франции» («Considérations sur la France») — раннего (1796) сочинения М. о «преступлениях» Французской революции против религии и монархии (разрезаны только самое начало и самый конец; см.: Библиотека П. № 1122). В письме от 1-й пол. (не позднее 11) дек. 1834 П. просил А. И. Тургенева прислать «разве Папу Мейстера» («Du Pape», 1819 — Акад. XV, 202).

Лит.: Степанов М. [Шебунин А. Н.]. Жозеф де Местр в России // ЛН. Т. 29/30. С. 576—625; Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира» // РЛ. 1958. № 3. С. 35—39 (То же // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 203—207; [2-е изд.]. С. 216—220); Нольман М. Л. Poleмическое начало в поэме «Медный всадник»: (Пушкин—Жозеф де Местр—Мицкевич) // Учен. зап. Костромск. гос. пед. ин-та им. Н. А. Некрасова. 1966. Вып. 13. С. 3—18; Письма посл. лет. С. 427—428; Боров Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981. С. 187—189; Ларионова Е. О. К изучению исторического контекста «Записки о древней и новой России» Карамзина // Николай Михайлович Карамзин: Юбилей 1991 г.: Сб. науч. тр. М., 1992. С. 4—12.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

МЕТАСТАЗИО (Metastasio, пер. на греч. яз. наст. фамилии — Trapassi) Пьетро (1698—1782), ит. поэт и драматург, приобретший беспримерную в XVIII в. славу гл. обр. как автор 27 «драм для музыки» (drammi per musica), т. е. оперных либретто, на ист. и мифол. сюжеты. Лирические трагедии М. (нередко игравшиеся и без музыки) и его героические оперы-серия отличались тонкой передачей разнообразных оттенков чувств, искусным построением интриги, чистотой и мелодичностью языка, классицистической строгостью, размеренностью и гармоничностью. Оперы на либретто М. писали мн. композиторы, причем нек-рые его трагедии воплощались в музыку многократно, в т. ч. «Покинутая Дидона» («Didone abbandonata», 1724) — ок. 40 опер, «Олимпиада» («Olimpiade», 1732) — 32 оперы. В России произв. М.

(включая ст-ния) были хорошо известны и на европ. языках, и в многочисленных рус. пер., издавались наряду с пер. также на ит. и фр. яз., оперы ставились в театрах.

П. упомянул М. лишь дважды. В ст-нии «Калмычке» (1829) приведены слова из монолога Дидоны в третьем действии как модной арии: «Не распевашь: Ma dov'è» (Акад. III, 159). В статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834), говоря о «подобострастном внимании» в XVIII в. Европы к фр. писателям, П. заметил: «Италия отрекается от гения Dante, Метастазιο подражает Расину» (Акад. XI, 272). Сравнение М. с Ж. Расином было традиционным и широко распространенным. В частности, П. его встречал у *Вольтера* в «Рассуждении о древней и новой трагедии» («Dissertation sur la tragédie ancienne et moderne», 1748) и в «Курсе драматической литературы» («Cours de littérature dramatique, trad. de l'allemand», 1814) *А. В. Шлегеля*.

Лит.: *Розанов М. Н.* Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 351—352.

Р. М. Горохова

МЕТЬЮРИН см. МЭТЬЮРИН

МИЛЬВУА (Millevoye) Шарль-Юбер (1782—1816), фр. поэт. Первый рус. пер. («Стихотворная речь о независимости ученого мужа» В. В. Измайлова; загл. подлинника: «L'Indépendance de l'homme de lettres») появился в 1806; в дальнейшем ст-ния М. переводили мн. рус. поэты, чаще других Д. П. Глебов, А. И. Писарев, И. Е. Великопольский, А. А. Крылов, В. И. Туманский, Е. А. Баратынский. Популярность в России приобрели гл. обр. «унылые» элегии М., к к-рым обратились рус. элегичи, отвернувшиеся от Э.-Д. де Парни. Всплеск интереса пришелся на 1810—1820-е; особенным вниманием пользовалась общепризнанная шедевром поэта элегия «Падение листьев» («La Chute des feuilles»), ее переводили М. В. Милонов (1812), К. Н. Батюшков («Последняя весна», 1816), В. Н. Григорьев («Романс», 1820), В. И. Туманский (1823), Е. А. Баратынский (1823), Степан Степанов (1825).

П. был в целом невысокого мнения о поэзии М., выделяя притом его элегии: «Millevoye ни то ни се, но хорош только в мелочах элегиче(ских)» (черновик письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 — Акад. XIII, 381). В бумагах П. имеется переписанный его рукою текст элегии М. «Беспокойство» («L'Inquiétude») (Рукою П. С. 473—475), мотивы к-рой переработаны, при гипотетическом посредстве пер. А. А. Крылова («Беспокойство», 1821), в ст-нии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» (1823). Предполагается, что опосредствованные ассоциации элегий М. «Состязание Гомера и Гесиода» («Combat d'Homère et Hésiode»; рус. пер. К. Н. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники», 1816—1817) и «Странствующий Гомер» («Homère mendiant») могли служить одним из импульсов создания наброска «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (1823). «Падение листьев» в пер. Милонова входит в лит. фон элегии Ленского и описания его могилы как один из источников цитации общеэлегических мотивов («Евгений Онегин», гл. VI, 21. 4 и гл. VII, 7. 10—14), а на шуточном рисунке, изображающем могилу якобы умершего после неудачного сватовства А. Лаптева, своего моск. знакомого, П. написал цитату из этой элегии в подлиннике (Рукою П. (1935). С. 674, 677). В строфах «Евгения Онегина» (гл. VII, 17—19), посвященных посещению Татьяной дома Онегина, угадываются элегические мотивы ст-ния М. «Покинутое жилище» («La Demeure abandonnée»), а в ст-нии П. «Цветок засохший, безуханный...» (сент.—ноябрь 1828) слышны отзвуки «романса» В. А. Жуковского «Цветок» (соч. 1811, опубли. 1815), являющегося пер. элегии М. «La Fleur». П., несомненно, знал ст-ние М. о «древе яда»

(«Le Mancenillier») в подлиннике и в пер. А. Ф. Раевского («Древо смерти», 1821) и В. И. Туманского («Манценил», 1825), но к.-л. прямой связи с ними пушк. «Анчара» (1828) не прослеживается. Дважды упоминается М. в заметках П. на полях второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова (Акад. XI, 263, 265). У П. имелось полн. собр. соч. М. (Bruxelles, 1823. Т. 1—4) (Библиотека П. № 1171).

Лит.: Клебанская Е. Пушкин и Мильвуа // РС. 1902. Т. 112. № 12. С. 603—604; Савченко С. В. Элегия Ленского и французская элегия // П. в мировой лит.-ре. С. 74—77; Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 51 (То же перераб. // Томашевский. П. и Франция. С. 90—91, 147); Благой Д. Д. «Анчар» Пушкина // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. ст. М., 1956. С. 101—102 (То же под загл. «Анчар, древо яда» // Благой Д. Д. Литература и действительность: Вопросы теории и истории литературы. М., 1959. С. 346); Вацууро В. Э. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» // Врем. ПК. 1978. С. 14—21; Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. Л., 1983. С. 110, 117, 118, 121; Ларионова М. Ч. Три стихотворения на одну тему: О русских источниках стихотворения Пушкина «Анчар». Л., 1987 (Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 30455 от 23. 07. 87); Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацууро. М., 1989. С. 33—36, 640—641; Михайлова Н. И. Из комментария к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: (Читатель; Татьяна в кабинете Онегина) // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1994. С. 143—147.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

МИЛЬТОН (Milton) Джон (1608—1674), англ. поэт. Главное произв. М., эпическая поэма «Потерянный рай» («Paradise Lost», 1667) на библич. сюжете грехопадения человека и его изгнания из рая, было известно в России уже во 2-й четверти XVIII в. (В. К. Тредиаковский упомянул его в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов», 1735). С фр. прозаич. пер. («Le paradis perdu», 1729) Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора (Dupré de Saint-Maur, ок. 1695—1774) был осуществлен в 1745 и распространен в списке первый рус. пер. Начиная с 1777 выходили печатные пер., полные и частичные, гл. обр. с фр. яз., но также и с подлинника. Интерес к М., в т. ч. к его публицистике периода англ. революции XVII в., проявляли А. Н. Радищев, А. Ф. Мерзляков, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, В. К. Кюхельбекер и др.

П. упомянул М. (с фр. ударением на последнем слоге) и «Потерянный рай» впервые в стихах 15—19 поэмы «Бова» (1814); сам «Потерянный рай» он к этому времени вряд ли читал, а составил о нем неск. скептическое, ироническое представление («...в стихах бессмысленных Херувимов жарить пушками») из оценок *Вольтера* в примеч. к песням IV, XI «Орлеанской девственницы» и в гл. XI «Опыта об эпической поэзии» («Essai sur la poésie épique», 1726), а также, возможно, по ссылкам в поэме Э.-Д. де Парни «Потерянный рай» («Le paradis perdu», 1805). Уже после того как П. оставил свою поэму незаконченной, он слушал лекции по эстетике П. Е. Георгиевского, приводившего М. в пример «высокого» в «изображениях неба и ада». «Потерянный рай» П. прочел и в прозаич. фр. пер., и в стихотв. аббата Ж. Делиля («Le paradis perdu», 1805), к-рые впоследствии в статье «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» (1836) признал неудовлетворительными («Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он (Мильтон) был безвинно (?) оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия...» — Акад. XII, 137—138). По наблюдению Б. В. Томашевского, «сквозь изощренный язык» Делиля М. «преломляется» в «Гавриилиаде» в сцене грехопадения прародителей (ст. 273—287). В статьях 1820—1830-х П. неизменно называл М. в ряду величайших поэтов («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 37; «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 272; «(Путешеств-

вие из Москвы в Петербург)», беловая ред., 1834—1835 — Акад. XI, 262). Овладев англ. яз., он приобрел собр. соч. М. в подлиннике (см.: Библиотека П. № 1173, 1175—1176; № 1176 — приобретена 23 июня 1836 (Лит. архив. Т. 1. С. 38), не разрезана) и читал поэтич. произв., оставив неразрезанными публицистические. Скорректированное на этой основе мнение П. о М. сохраняло тем не менее элементы представления о нем лицейского периода, включая употребленный в «Бове» эпитет «бессмысленный». В статье «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»)» англ. поэт характеризуется как «всё вместе и изысканный и простодушный, темный, запутанный, выразительный, своенравный, и смелый даже до бессмыслия» (Акад. XII, 144). Как пример «смелого» выражения у М. из числа тех, к-рые «сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические», П. приводил («(Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“»)», 1827 — Акад. XI, 61) знаменитый оксюморон «darkness visible» («Paradise Lost», Book I, line 63; пер.: видимая тьма).

Не оказав на творчество П. заметного непосредственного влияния, М. играл важную роль в формировании взгляда П. на место и роль поэта в об-ве и его с ним взаимоотношениях. М. служил П. нравственным образцом поэта, независимого в своем творчестве и суждениях от диктата «публики», не угождавшего ее вкусам и не искавшего ее внимания и одобрения. В заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1827) было впервые проведено, а во второй черн. ред. статьи «О ничтожестве литературы русской» повторено противопоставление М., писавшего «не для *благосклонной улыбки прекрасного пола*» и отрешившегося «от современной славы», фр. поэтам XVII—XVIII вв., для к-рых «публика» в лице придворных Людовика XIV и хозяек светских салонов XVIII в., «очень милых и образованных женщин», «была единствен(ною) руководительницею и образовательницею» (Акад. XI, 33, 503). В заметке 1830 П. цитировал слова М.: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня» (Акад. XII, 178; источник (установлен А. А. Долининым) — часто цитировавшийся в пушк. время стих: «...fit audience find, though few» — «Paradise lost», Book I, line 31; пер.: Найди понимающих читателей, хотя и немногих).

Высокое мнение П. о М.-поэте дополнялось представлением о нем как о «друге и сподвижнике» одного из гл. деятелей англ. революции, лорда-протектора Оливера Кромвеля (Cromwell, 1599—1658), «суровом фанатике», «строгом творце» книг «Иконоборец» («Εικονοκλάστης», 1649; у П.: Иконокласт) и «Защита английского народа» («Pro populo anglicano defensio», 1650—1654), обосновывавших правомерность революции и казни короля, авторе обращенного к Кромвелю «славного пророческого сонета» («Cromwell, our chief of men...», 1652; пер.: Кромвель, наш вождь...) в защиту свободы совести, человеку огромной нравственной стойкости, к-рый «в злые дни, жертва злых языков, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный рай» («(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»)» — Акад. XII, 140—141). Формированию этого представления способствовали, по-видимому, и соч. по истории англ. революции, к-рые П. или читал (напр.: *Villemain A.-F. Histoire de Cromwell, d'après les Mémoires du Temps et les Recueils parlementaires. Bruxelles, 1831. 2 t.* — Библиотека П. № 1486, разрезан т. 1), или знал по отзывам в период. печати. Исходя из общей сложившейся у него оценки личности и творчества англ. поэта, П. не принял его изображение в драме *В. Гюго* «Кромвель» («Cromwell», 1827), в к-рой, по его мнению, М. был выведен «жалким безумцем», «ничтожным пустомелей» (Акад. XII, 140), и в романе *А. де Виньи* «Сен-Мар» («Cinq-Mars», 1826), где он был представлен «заезжим фигляром» в Париже, забавляющим «в доме непотребной женщины (...) общество чтением стихов, писанных на языке неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то *закрывая глаза*, то *воз-*

вода их в потолок) (Акад. XII, 143). «Вымыслам» фр. писателей П. противопоставил сцену в романе, как ему ошибочно запомнилось, *В. Скотта* «Вудсток» (предположит. речь идет о романе англ. писателя Горация Смита «Брэмблтай-хаус, или Кавалеры и круглоголовые» (Smith H., 1779—1849; «Brambletye House, or Cavaliers and Roundheads», 1826; фр. пер. 1826)).

В скептической оценке выполненного *Ф.-Р. де Шатобрианом* фр. пер. «Потерянного рая» («Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона слово в слово, Шатобриан однако не мог sobлюсти в своем предложении верности смысла и выражения» — Акад. XII, 144) П. опирался на содержавшую его критич. разбор статью *Д. Нузара*, а приобретенный им экз. этого пер. (*Le Paradis Perdu de Milton / Trad. nouvelle, par M. de Chateaubriand. Paris, 1836*) остался неразрезанным (Библиотека П. № 1174). Вместе с тем он прочел все посвященные М. разделы в сопровождавшем этот пер. «Опыте об английской литературе» Шатобриана («*Essai sur la littérature anglaise*», 1836 — Библиотека П. № 732). Заметка о «Потерянном рае» разрезана и в имевшемся у П. позднем (*Paris, 1834*) изд. «Лицея» *Ж.-Ф. де Лагарпа*, приобретенном 2 июля 1836 (Арх. опеки. С. 54; пер. Шатобриана и его «Опыт» куплены 29 июля 1836 — Там же. С. 55).

Лит.: *Алексеев М. П.* «Гавриилиада» Пушкина: (По поводу издания В. Брюсова) // Родная земля. (Киев), 1919. Ноябрь. № 2. Отд. II. С. 7—8 (То же // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 309; [2-е изд.] С. 320); *Томашевский Б. В.* [«Гавриилиада»] // Пушкин А. С. Гавриилиада / Ред., примеч. и коммент. Б. Томашевского. Пб., 1922. С. 59, 73—74; Лицейские лекции. С. 192—198; *Грушкин А. И.* Пушкин 30-х годов о творческой независимости писателя: (Вольтер, Мильтон, Шатобриан) // Звезда. 1939. № 9. С. 156—159; *Самарин Р. И.* Творчество Джона Мильтона в оценке Пушкина // Докл. и сообщ. филол. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. М., 1948. Вып. 6. С. 62—70; *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 434—436; *Серман И. З.* Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // ПИМ. Т. 6. С. 146—147; *Jackson R. L.* Miltonic imagery and design in Puškin's *Mozart and Salieri: The Russian Satan* // Amer. contributions to the Seventh Intern. Congr. of Slavists. Warsaw, Aug. 21—27, 1973. Vol. 2: Literature and Folklore / Ed. by V. Terras. The Hague; Paris, 1973. P. 261—270; *Гиллельсон М. И.* Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”» // ПИМ. Т. 9. С. 235—237; *Соколянский М. Г.* К проблеме «Пушкин и Мильтон» // Врем. ПК. Вып. 23. С. 130—139 (То же под загл. «Пушкин и Мильтон» // Соколянский М. Г. И несть ему конца: Ст. о Пушкине. Одесса, 1999. С. 5—18); *Долинин А. А.* О пропущенной цитате в статье Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”» // Врем. ПК. Вып. 25. С. 147—154.

В. Д. Рак

МИЦКЕВИЧ (Mickiewicz) Адам (1798—1855), польский поэт, публицист, полит. деятель. После окончания в 1819 Виленского ун-та работал школьным учителем в Ковно. В 1823 был арестован по делу о тайных польских молодежных организациях в Литве, в 1824 отправлен в Петербург в М-во нар. просвещения для определения на службу в «дальние губернии». В Петербург М. прибыл 8 ноября 1824 (на след. день после наводнения) и вскоре получил место преподавателя в Одессе, где провел март—ноябрь 1825, но не служил (ссыльных поляков не допустили к преподаванию). Осенью 1825 М. побывал в Крыму, с дек. 1825 по апр. 1828 жил в Москве (зиму 1827 / 28 провел в Петербурге), формально числясь при канцелярии ген.-губернатора, затем переехал в Петербург. 14 мая 1829 М. покинул Россию и уехал в Европу.

В Россию М. приехал уже признанным на родине поэтом, главой польского романтизма, автором имевших огромный успех баллад и ист. поэм «Гражина» («*Grażyna*», 1823) и «Дзяды» («*Dziady*», 1823). В Петербурге он быстро вошел в круг живших здесь поляков (художники Юзеф Олешкевич (*Oleszkiewicz*, 1777—1830) и Александр Орловский (*Orłowski*, 1777—1832), пианистка Мария Шимановская (*Szymanowska*, 1789—1831) и др.) и рус. литераторов, особенно близко он сошелся с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бесту-

жевым. В Москве М. также познакомился с ближайшим пушк. окружением: П. А. Вяземским, С. А. Соболевским, З. А. Волконской, Е. А. Баратынским, И. В. и П. В. Киреевскими, М. П. Погодиным, Н. А. и К. А. Полевыми и др.

В сер. окт. 1826 в Москве М. познакомился с П., и между ними быстро завязались дружеские доверительные отношения (напр., П. пересказал М. свою беседу с Николаем II, состоявшуюся 8 сент. 1826). На протяжении трех лет М. и П. многократно встречались в Москве и Петербурге в салонах, навещали друг друга, совершали совместные прогулки, в апр. 1827 вместе провожали гроб Д. В. Веневитинова и т. д. (сводка сведений: Ивинский 1999. С. 26—61), а также делились творческими планами и знакомились с неизд. еще сочинениями друг друга. Большой интерес вызывал у П. дар импровизации М., производивший на него огромное впечатление (отсюда постоянный эпитет М. «вдохновенный» у П. и его окружения).

Многочисленные свидетельства современников (как русских, так и поляков) говорят о взаимном признании и восхищении поэтов талантом друг друга. Помимо несомненно приятных личных отношений М. и П. на такое восприятие не могло не повлиять романтич. представление о единодушии национальных гениев, в данном случае осложненное ист. контекстом позднейшей идеи славян. единства. Особую роль для П. играло и то обстоятельство, что М. оказался единственным иностр. поэтом европ. масштаба, с к-рым П. был лично знаком.

Отношения М. и П. сразу приобрели не только личный, но и творческий характер. В дек. 1826 в Москве вышли «Сонеты» («Sonety») М. на польском яз., особый раздел к-рых составили «Крымские сонеты» («Sonety krzymskie»). В примеч. к сонету «Гробница Потоцкой» («Grób Potockiej») М. отметил: «На основе народного предания о бахчисарайской могиле русский поэт Александр Пушкин с присущим ему талантом написал поэму „Бахчисарайский фонтан“» (Мицкевич А. Сонеты. Л., 1976. С. 97). В след. году в аноним. рец. «О польских переводах из Дмитриева и Пушкина» (МТ. 1827. Ч. 14. № 8. С. 317—321) М. писал: «Произведение Пушклина — одно из прекраснейших в новой русской литературе». В марте 1827 М. сообщал своему другу поэту Антонию Эдварду Одынку (Odyńiec, 1804—1885) о П.: «Я знаком с ним и мы часто встречаемся. Пушкин почти одного со мной возраста (...), в разговоре очень остроумен и увлекателен; он много и хорошо читал, знает новейшую литературу; его понятия о поэзии чисты и возвышенны. Написал теперь трагедию „Борис Годунов“; я знаю из нее несколько сцен в историческом жанре, они хорошо задуманы, полны прекрасных деталей» (Мицкевич. Т. 5. С. 380). В том же году М. подарил П. сочинения Байрона в одном томе (Francfort O. M., 1826) с надписью «Bajrona Puszkiniowi poświęca wielbiciel obywatel. A. Mickiewicz» (пер.: Байрона Пушкину посвящает поклонник обоих. А. Мицкевич) (Библиотека П. № 697).

1827—1828 были периодом наиболее тесного общения М. и П. В 1827 П. переводит по подстрочному пер. А. А. Скальковского 38 стихов («Сто лет минуло как тевтон...») из «Вступления» к неизданной еще поэме М. «Конрад Валленрод» («Konrad Wallenrod», 1828) и показывает пер. автору, а в окт. 1828 пишет посвященное М. ст-ние «В прохладе сладостной фонтанов...», в к-ром изобразил М. как вдохновенного («прозорливый» и «крылатый») поэта. В 1828 П. делился с М. планом поэмы «Полтава», сюжетом ст-ния об Агасфере, а в 1828—1829 неск. раз в присутствии М. читал сцены из «Бориса Годунова». После одного из чтений (февр. или нач. марта 1829) П. по совету М. и А. А. Дельвига исключил из основного текста сцену «Ограда монастырская». Относящиеся к П. слова «Et tu Shakespeare eris, si fata sinant» (пер.: И ты будешь Шекспиром, если судьба позволит; использованы ст. VI, 883 и I, 18 из «Энеиды» Вергилия) в статье М. «Пушкин и литературное движение в России» (1837) дали повод нек-рым исследователям предположить, что М. произнес эту фразу непосредственно после одного из чтений автором «Бориса Годунова», но документальных подтверждений этому нет. Во 2-й

пол. 1828 М. перевел на польский яз. только что написанное П. ст-ние «Воспоминание» («Przypomnienie», изд. 1829). П. старался принять и личное участие в судьбе М., для чего 7 янв. 1828 подал управляющему III Отделением М. Я. фон Фоку записку с просьбой разрешить М. выехать в Польшу.

После отъезда М. из России оба поэта продолжали следить друг за другом, несмотря на их противоположные взгляды на судьбу Польши во время польского восстания 1830—1831 и после него. 21 янв. 1831 П. писал Е. М. Хитрово: «Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества» (Акад. XIV, 148; подлинник на фр. яз.). На вышедшую в сент. 1831 брошюру В. А. Жуковского и П. «На взятие Варшавы» (СПб., 1831), куда вошли ст-ния П. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», М., к-рый первоначально познакомился с брошюрой, вероятно, по нем. пер. (см. с. 259), в ответ написал ст-ние «Do przyjaściół Moskali» («Русским друзьям»), первые две строфы были, возможно, начаты еще при отъезде из России в 1829), в к-ром резко обвинял недавних друзей в верноподданничестве и отречении от свободолюбивых идеалов. Это ст-ние вместе с посвященным России циклом («Отрывок») («Ustęp») III части «Дзядов» вошло в состав т. 4 сочинений М. (Pozycja. Paryż, 1832. Т. 4), поступившего в Париже в продажу в янв. 1833. С. А. Соболевский привез это изд. в Россию в июле 1833 и подарил П. с шуточной надписью. П. в авг. 1833 взял в поездку по Оренбургской губ. этот том и переписал по-польски три ст-ния: «Олешкевич» («Oleszkiewicz»), «Русским друзьям» и 31 стих начала «Памятника Петру Великому» («Pomnik Piotra Wielkiego») (Рукою П. С. 508—523); в третьем М. вспоминал, как, «укрывшись одним плащом», он стоял у Медного всадника с рус. поэтом, «вольности певцом», в котором исследователи предполагают П. (по другой версии, менее вероятной, — К. Ф. Рылеева). П. был, очевидно, задет ст-нием М. «Русским друзьям», хотя по имени он в нем не был назван, и решил ответить ст-нием «Он между нами жил...», черн. наброски к-рого относятся к окт. 1833 (завершено в авг. 1834, напеч. 1841; М. получил список ст-ния в Париже от А. И. Тургенева только в февр. 1842). Затем замысел П. изменился: он решил ответить на весь «Отрывок» М. и памфлетно изложенную в нем концепцию рус. самодержавия как тиранической и грубой силы, а также исторически губительной роли Петра I и основанного им Петербурга. Этот замысел отразился в «Медном всаднике», где последовательно проведена полемика с «Отрывком». В одном из примеч. П. сослался на ст-ние М. «Олешкевич», назвав его одним из лучших у М. Желая, возможно, подчеркнуть независимость историософской полемики о судьбах России и Польши от личных и творческих связей, П. в том же 1833 перевел на рус. яз. две баллады М. — «Czaty» и «Trzech Budrysów» (у П. — «Воевода» и «Будрыс и его сыновья»). М. в свою очередь в 1833 парафразировал на польском яз. эпиграмму П. «Полу-милорд, полу-купец» (у М. — «Wpół jest Żydem, wpół Polakiem»), с к-рой он мог познакомиться во время своего пребывания в Одессе. В 1835 П. писал в предисл. к «Песням западных славян»: «Поэт Мицкевич, критик зоркий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен» (Акад. III, 334). Оба поэта перевели из сборника П. Мериме «La Guzla» (Paris, 1827) одну и ту же песню «Le Morlaque à Venise»: «Morlach u Wenecji» (1828, изд. 1829) у М. и «Влах в Венеции» у П.

Имя М. упоминается в ст-ниях П. «Сонет» (1830) и «Не то беда, что ты поляк...» (1830), в «Отрывках из Путешествия Онегина» (1830), героиня поэмы «Конрад Валленрод» — в «Дубровском» (1833), а в образе итальянца-импровизатора из «Египетских ночей» (1835) нашли отражение впечатления П. от импровизаций М. В черновиках П. имеются сделанные им портреты М. (Жуйкова. № 487—494).

После гибели П. на дуэли М. посвятил ему некрологическую статью «Пушкин и литературное движение в России» (опубликована на фр. яз. в

ж-ле «Le Globe», 1837, 25 мая; подпись: «Un ami de Pouchkine»), основные положения к-рой повторил в лекциях о славян. лит.-рах (1842). М. всегда отзывался о П. только с восхищением и ни разу в печати не попрекнул его за полит. взгляды. После гибели П. в рус. об-ве проскользнул слух о том, что М. якобы собирался вызвать на дуэль Дантеса и даже поместил в газетах объявление.

Соч.: *Мицкевич А.* Биографическое и литературное известие о Пушкине // РА. 1873. № 6. С. 1062—1070; *Мицкевич о Пушкине* // Интернац. лит. 1937. № 2. С. 153—157; *Мицкевич*. Т. 3. С. 253—286; Т. 4. С. 49, 89—97, 381—391 и по указ.; *Пушкин и Мицкевич*: Клонясь к вершине дружеской вершиной: Переводы. Статьи / Сост. Я. Леоновой. Калининград, 1980; *Mickiewicz i Puszkini: Materiały źródłowe i bibliograficzne: Antologia*. Poznań, 1991. Т. 1: *Mickiewicz o Puszkiniu* / Zebra i oprac. J. Świdziński.

Лит.: Дельвиг А. И. Т. 1. С. 106—107; Вяземский. Т. 7. С. 256—257; Керн (по указ.); *Tretiak J.* Mickiewicz i Puszkini: Studia i szkice. Warszawa, 1905; *Модзалевский Б. Л.* Пушкин — ходатай за Мицкевича // Пис. Вып. 36. С. 26—33; *Lednicki W.* 1) О Puszkiniu i Mickiewiczzu słów kilka. Kraków, 1924; 2) Aleksander Puszkini: Studia. Kraków, 1926. S. 162—225; 3) Pouchkine et Mickiewicz // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 129—144; 4) Ex oriente lux: (Mickiewicz and Pushkin) // Semitic and Oriental Studies. Berkeley; Los Angeles, 1951. Vol. 11. P. 243—261; 5) Mickiewicz's Stay in Russia and His Friendship with Pushkin // Adam Mickiewicz in World Literature: A Symposium / Ed. by W. Lednicki. Berkeley; Los Angeles, 1956. P. 13—104; *Krzyżanowski J.* Mickiewicz and Pushkin // Slavonic Rev. 1927—1928. Vol. 6. P. 635—645; *Чернобаев В. Г.* К вопросу о литературных связях Пушкина и Мицкевича: Пушкин и поэма Мицкевича «Конрад Валленрод» // Учен. зап. ЛГПИ. 1938. Т. 14. Каф. рус. лит. С. 87—109; *Struve G.* Mickiewicz in Russia // SEER. 1947. Vol. 26. № 66. P. 126—145; *Jakóbiec M.* 1) Nad autografem mickiewiczowskiego wspomnienia o Puszkiniu // Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Wrocław, 1948. Т. 3. S. 29—55; 2) The Origin of Pushkin's Poem about Mickiewicz: New hypothesis // Adam Mickiewicz: Poet of Poland: A Symposium / Ed. by M. Kridl. New York, 1951. P. 159—169; *Fiszman S.* 1) Mickiewicz w Rosji: Z archiwów, muzeów, bibliotek Moskwy i Leningradu. Warszawa, 1949; 2) Z problematyki pobytu Mickiewicza w Rosji. Warszawa, 1956. S. 36—39; 3) Mickiewicz i Puszkini // Ze studiów nad literaturą rosyjską i polską. Poznań, 1999. S. 71—82; *Gomolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji, 1824—1829. Warszawa, 1949 (по указ.); *Измайлов Н. В.* Мицкевич в стихах Пушкина: (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Учен. зап. Чкалов. гос. пед. ин-та им. В. П. Чкалова. 1952. Вып. 6. С. 171—214 (То же // Измайлов. С. 125—173); *Беккер И. И.* Мицкевич в Петербурге. Л., 1955. С. 89—123; *Боровой С. Л.* Мицкевич накануне восстания декабристов // ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 411—474; *Batowski H.* Morlach w Wenecji: (Przyczynek do zagadnienia: Mickiewicz i Puszkini) // Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1956. № 1. S. 246—254; *Горлин М.* 1) Неразгаданные стихи Пушкина о Мицкевиче // Gorlin M., Bloch-Gorlina R. Études littéraires et historiques. Paris, 1957. P. 157—161. (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Т. 30); 2) Les ballades d'Adam Mickiewicz et Puškin // Ibid. P. 62—77; *Ланда С. С.* Мицкевич в воспоминаниях А. А. Скальковского // П. и его время. С. 274—280 (То же // Ланда С. С. «Я вижу некий свет...». СПб., 1999. С. 134—142); *Цявловский М. А.* Пушкин и Мицкевич // Цявловский. С. 157—206; *Edgerton W. B.* Puškin, Mickiewicz and a Migratory Epigram // SEEL. 1966. Vol. 10. № 1. P. 1—8; *Благой Д. Д.* Мицкевич и Пушкин // Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней. М., 1972. Т. 1. С. 304—333 (2-е изд. М., 1979. Т. 1. С. 289—318); *Левкович Я. Л.* 1) Переводы Пушкина из Мицкевича // ПИМ. Т. 7. С. 151—166 (в подстрочных примеч. — библиогр. вопроса); 2) К датировке перевода Пушкина из «Конрада Валленрода» Мицкевича // Врем. ПК. 1980. С. 118—122; *Кушаков А. В.* Пушкин и Мицкевич // Кушаков А. В. Пушкин и Польша. Тула, 1978. С. 67—99 (2-е испр. и доп. изд. Тула, 1990. С. 90—123); *Степанов Л. А.* Об источниках образа импровизатора в «Египетских ночах» // ПИМ. Т. 10. С. 168—171, 173—176; *Dworski A.* Puszkini w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983 (по указ.; рус. пер. *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб., 1999); *Гордин М.* Величие «ничтожного героя» // ВЛ. 1984. № 1. С. 158—161; *Шварцбанд С. А.* Мицкевич и А. Пушкин: 1830—1833 гг.: К творческой истории создания «Медного всадника» // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. Vol. 26. № 3/4. P. 395—412; Цявловская. Рисунки П. С. 209—213; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: Из биографии и творчества, 1826—1837. М., 1987. С. 260—284 и по указ.; *Galster B.* Wokół sądów Mickiewicza o Puszkiniu // Galster B. Paralele romantyczne: Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa, 1987. S. 191—208; *Бэлза И. Ф.* Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры. М., 1988; *Cadot M.* Exil et poésie: La Crimée de Puškin et de Mickiewicz // RdES. 1987. Т. 59. № 1/2. P. 141—155; *Вацуро В. Э.* Мицкевич и русская литера-

турная среда 1820-х гг. // Лит. связи славян. народов: Исслед.; Публ.; Библиогр. Л., 1988. С. 37—42; *Wesling M.* Pushkin, Mickiewicz and the South // *Slavia Orientalis*. 1992. Vol. 41. № 3. P. 3—10; *Ивинский Д. П.* 1) Александр Пушкин и Адам Мицкевич в кругу русско-польских литературных и политических отношений. Vilnius, 1993; 2) Пушкин и Мицкевич: Материалы к истории литературных отношений, 1826—1829. М., 1999; П. и слав. мир; *Lipatow A. W.* 1) Mickiewicz i Puszkini: portret na tle historiografii i historiozofii // *Teksty Drugie*. 1998. № 5. S. 211—219; 2) Mickiewicz i Puszkini: przyjaźń osobista czy wzajemne uznanie daru poetyckiego // *Lipatow A. W.* Słowiańszczyzna—Polska—Rosja: Studia o literaturze i kulturze. Warszawa, 1999. S. 215—230; *Zielińska M.* Puszkini i Mickiewicz wobec wolnościowych zrywów swoich rówieśników // *Teksty Drugie*. 1998. № 5. S. 41—51; *Радецкая М. М.* Некоторые параллели к теме «Пушкин и Мицкевич» // А. С. Пушкин: Творчество и традиции: [Сб. ст.]. Луганск, 1999. С. 18—32; *Słowo—Tekst—Czas: Materiały III Międzynar. konf. naukowej poświęconej 200-leciu urodzin Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina.* Szczecin, 1999; А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000; *Rymkiewicz J. M., Siwicka D., Witkowska A., Zielińska M.* Mickiewicz: Encyklopedia. Warszawa, 2001. S. 445—447.

Библиогр.: *Toporowski M.* Puszkini w Polsce: Zarys bibliograficzno-literacki. Warszawa, 1950 (по указ.); Адам Мицкевич в русской печати, 1825—1955: Библиогр. материалы. М.; Л., 1957 (по указ.); *Polska literatura piękna od XVI w. do początku XX w.* w wydawnictwach rosyjskich i radzieckich. Wrocław, 1982. Т. 1. S. 72—81; Т. 3: Adam Mickiewicz: Bibliografia przekładów oraz literatury krytycznej w języku rosyjskim wydanych w latach 1825—1981. Wrocław, 1988 (по указ.).

С. И. Николаев

МОЛЬЕР, Молиер (Molière — псевд.; наст. фамилия и имя — Поклен (Poquelin) Жан-Батист, 1622—1673), фр. драматург, актер, театр. деятель, создатель жанра «высокой комедии», к-рая, по определению П., «не основана единственно на смехе, но на развитии характеров» и «нередко близко подходит к трагедии» («(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»), 1830 — Акад. XI, 178). В России известен с 1700-х; в течение XVIII в. мн. его пьесы были переведены на рус. яз. и неоднократно ставились на рус. сцене и иностр. труппами.

Знакомство П. с творчеством М. относится к раннему детству. По воспоминаниям сестры поэта, О. С. Павлицевой, их отец, С. Л. Пушкин, любил декламировать пьесы М. и привил любовь к ним сыну, к-рый им подражал в своих первых опытах на фр. яз. Если воспоминания точны, одним из этих детских соч. была комедия «L'Escamoteur» («Похититель»), к-рая, по самопризнанию малолетнего автора в эпиграмме «Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur...» (Акад. I, 333), не имела успеха у единственной зрительницы, сестры, потому что он ее «escamota de Molière» (похитил у Мольера) (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 45, 47). Назв. комедии говорит о том, что она восходила к фарсам М. Этот эпизод не имел развития в творчестве П., и драматургические замыслы лицейских лет следовали, судя по назв. комедии «Философ», традиции XVIII в. Вместе с тем М. оставался для П. «исполином»: так он упомянут в ст-нии «Городок» (1815) в одном ряду с Д. И. Фонвизиным и Я. Б. Княжнинным. Это отношение к М. поддерживалось тем обстоятельством, что пьесы М. входили в репертуар того времени. П. видел постановку комедии «Мизантроп» («Le Misanthrope», 1666) с актрисой М. И. Вальберховой (Летопись. Т. 1. С. 121, 484) и упомянул о ней в «Моих замечаниях о русском театре», 1820 (Акад. XI, 11). Хорошее, активное знание соч. М. явствует из большого числа цитат, приводимых, вероятно, гл. обр. по памяти, и аллюзий в произв., статьях и письмах П. на протяжении 1820-х и 1830-х. В этом качестве у П. фигурируют комедии: «Школа жен» («L'Ecole des femmes», 1662) — в ст-нии «Кокетке», ст. 2 (1821); «Амфитрион» («Amphitryon», 1668) — в набросках гипотетического послания к «Зеленой лампе», 1822 (Акад. II, 769, 770, 775) и письме к И. И. Дмитриеву от 14 июня 1836 (Акад. XVI, 126); «Сганарель, или Мнимый рогоносец» («Sganarelle, ou le Cocu imaginaire», 1660) — в письме к брату от янв. (после 12)—нач. февр. 1824 (Акад. XIII, 86); «Мещанин во дворянстве» («Le Bourgeois gentilhomme», 1670) — в «Моей родословной», ст. 82 (1830), в письмах к А. Х. Бен-

кендорфу от 24 ноября 1831 (Акад. XIV, 242) и к жене от 17 апр. 1834 (Акад. XV, 128); «Мизантроп» — в «(Опровержении на критики)» и «(Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений)», 1830 (Акад. XI, 144, 167); «Смешные жеманницы» («Les Précieuses ridicules», 1659) — в «(Письме к издателю „Литературных прибавлений к Русскому инвалиду“», 1831 (Акад. XI, 216); «Плутни Скапена» («Les Forberies de Scapin», 1671) — в статье «Вольтер», 1836 (Акад. XII, 78). В 1836, подбирая, видимо, цитату для статьи, П. на память записал несколько стихов из комедии «Ученые женщины» («Les Femmes savantes», 1672) в пер. И. И. Дмитриева (Рукою П. С. 569—570). В «Кавказском дневнике» (1829) перефразировано приписываемое М. изречение «Je prends mon bien où je le trouve» (пер.: Я беру свое добро там, где нахожу его) (Акад. VIII, 1036); а крылатое выражение «Tu l'as voulu, George Dandin» (пер.: Ты этого хотел, Жорж Данден) из комедии «Жорж Данден, или Одураченный муж» («George Dandin, ou le Mari confondu», 1668) П. употребил, по свидетельству П. А. Вяземского, в ответ на поздравления по поводу свадьбы Ж. Дантеса и Е. Н. Гончаровой (Щеголев. Дуэль и смерть П. С. 224). Свою записку на фр. яз. к В. Ф. Вяземской (янв. 1825) П. шутливо стилизовал под обращения к любимой даме, предлагаемые учителем философии Журдену («Мещанин во дворянстве», д. II, явл. 6). Лучшим произв. М., к-рое являет собою «плод самого сильного напряжения комического гения» (письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 179) и к-рое отличает «высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию» («(Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“»», 1827 — Акад. XI, 61), П. считал «бессмертного „Тартюфа“» (Акад. XIII, 179; загл. оригинала: «Le Tartufe, ou l'Imposteur», 1664). Эту пьесу и ее гл. персонажа П. вспоминал чаще других: в «(Заметках по русской истории XVIII века)» (1822), где «Тартюфом в юбке и короне» названа Екатерина II (Акад. XI, 17); в «(Опровержении на критики)» (1830), отвечая на обвинения в непростойности «Графа Нулина» (Акад. XI, 156), и в наброске статьи «(Об Альфреде Мюссе)» (1830), говоря о «сладолюбивых картинах» этого поэта (Акад. XI, 175); в плане «(Русского Пелама)», 1834—1835 (Акад. VIII, 974).

В комедии М. видел П. высшие формы драматургической разработки характеров; но, познакомившись с произв. *Шекспира*, он предпочел всестороннее изображение в них характеров мольеровскому приему выделения к.-н. одного свойства. Свою точку зрения, сложившуюся не без влияния суждений фр. историка Ф. Гизо (Guizot, 1787—1874), П. изложил в поздней заметке, посвященной сравнению сходных характеров у М. и у Шекспира (скупой — Гарпагон и Шейлок; лицемер — Тартюф и Анджело): «Лица, созданные Шекспиром не суть, как у Мольера, лица такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры» (и далее сопоставление) («Table-talk», 1835—1836 — Акад. XII, 159—160). Эта заметка не имела целью собственно критику изображения характеров у М., а была более самопризнанием, раскрытием собственного понимания трактовки характеров, примененного П. ранее в «маленьких трагедиях», из к-рых две («Скупой рыцарь» и «Каменный гость») совпадают по теме и в ряде сюжетных и текстовых деталей с комедиями М. («Скупой» («L'Avare», 1668) и «Дон Жуан, или Каменный пир» («Don Juan, ou le Festin de pierre», 1665). Представляя в своей разработке характеры М. и решая задачу преодоления классической схемы характеров, П. сделал давно трактованные сюжеты предметом новых, совершенно оригинальных произв. Вместе с тем П. сохранял восхищение комедиями М. По рассказу Н. В. Гоголя в передаче П. В. Анненкова, познакомившись со статьей Гоголя «Петербургская сцена в 1835—36 г.», в к-рой утверждалось, что «Мольер на сцене теперь длинен, со сцены сучен», «его план об-

думан искусно, но он обдуман по законам старым» (Гоголь. Т. 8. С. 554), П. дал автору «порядочный выговор и крепко побранил за Мольера», объяснив, что «писатель, как Мольер, надобности не имеет в пружинах и интригах, что в великих писателях нечего смотреть на форму и что куда бы он ни положил добро свое — бери его, а не ломайся» (Анненков. Материалы. С. 331—332). Внесенные Гоголем изменения в статью «Петербургские записки 1836 года» («О, Мольер, великий Мольер! ты, который так обширно и в такой полноте развивал свои характеры, так глубоко следил все тени их...») — Гоголь. Т. 8. С. 182) говорят о том, что П. указал ему на М. как на лучшую школу комического автора и при этом указал на разработку характеров как на главное достоинство мольеровской комедии.

М. упоминается в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) в связи с придворным характером и сервиллизмом фр. лит-ры эпохи Людовика XIV (Акад. XI, 271), однако П. ошибался, называя его «камердинером» короля (ранее та же ошибка в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 179).

Лит.: *Томашевский Б. В.* 1) Попытка Пушкина переводить Мольера // Жизнь искусства. 1924. 8 янв. № 2 (296). С. 18 (исправление в кн.: Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1928. С. 181); 2) [Комментарий к «Каменному гостю»] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 553—564; 3) «Маленькие трагедии» Пушкина и Мольер // П. Врем. Т. 1. С. 115—133 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 262—314); 4) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 31—34 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 117—121); *Ratouillet J. Pouchkine et Molière* // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 64—78; *Цявловская Т. Г.* Записка к В. Ф. Вяземской // Прометей. Вып. 10. С. 160—165; *Макогоненко Г. П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985. С. 271—277; *Филин М. Д.* Мгновенье торжества // В мире книг. 1987. № 1. С. 24—25; *Тихомиров В. Н.* Русско-зарубежные литературные связи. Киев, 1988. С. 14—17.

См. в т. «Творчество» библиогр. к статьям «Каменный гость», «Скупой рыцарь».

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

МОНТЕНЬ, Монтань (Montaigne) Мишель Эйкем де (1533—1592), фр. писатель, философ-скептик, автор книги «Опыты» («Essais», 1580; доп. изд. 1588) — собрания размышлений, самопризнаний и наблюдений, анекдотов, примеров, комментированных выписок из древних и новых авторов о человеческих свойствах, отношениях между людьми, личной и социальной этике, объединенных тематически, часто без видимой связи, во внешне беспорядочном сочетании, по главам, расположенным в случайной последовательности. «Опыты» характеризуются скептическим отношением к любому догматизму, верой в положительные черты человеческой природы, предельной искренностью в обрисовке самого себя, своего внутреннего мира.

П. читал М., несомненно, еще в юности, однако его первое упоминание о фр. писателе относится к 1825, а «Опыты» имелись у него в издании 1828 (Библиотека П. № 1185), к-рое он в письме от 21 сент. 1835 просил жену прислать ему в Михайловское (Акад. XVI, 49). П. был знаком и с дневником путешествия М. по Италии, упоминание о к-ром содержится в зачеркнутой фразе «(Начала статьи о В. Гюго)», 1832 (Акад. XI, 453). Видя в М. писателя, стоявшего у истоков фр. прозы, опережавшей в то время развитие фр. поэзии (в статье «О поэзии классической и романтической», 1825: «Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота» — Акад. XI, 38, 306; ср. варианты этой фразы в статье «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Там же. С. 270, 511), П. назвал его вместе с тем в числе тех «лучших писателей, славнейших представителей» фр. народа, к-рые «доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно» («(Начало статьи о В. Гюго)» — Акад. XI, 219). Жанр свободных размышлений М. наряду с максимами Ф. де Ларошфуко (La Rochefoucauld, 1613—1680) и подобными сочинениями др. фр. писателей-моралистов XVII—XVIII вв. определили модный в пушк. эпоху афористический жанр «мыслей», к-рому отдал дань и П. Объясняя возник-

новение фрагментов «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827), он сослался на совет В. Л. Пушкину некоего приятеля: «Пиши все, что ни попало (...), мысли, замечания литературные и полемические, сатирические портреты и т. под. Это очень легко: так писывал Сенека и Монтань» (Акад. XI, 59). Отзвуки гл. XX первой книги «Опытов» («О том, что философствовать — значит учиться умирать») присутствуют в ст-нии «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829). Цитата из М. приведена в «Набросках предисловия к „Борису Годунову“» (Акад. XI, 140) и в письме к А. Х. Бенкендорфу от 16 апр. 1830 (Акад. XIV, 78) по поводу «Бориса Годунова».

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 21 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 103—104); *Бутакова В. И.* Пушкин и Монтань // П. Врем. Т. 3. С. 203—214; *Артамонов С. Д.* Монтень, Шекспир, Пушкин: Филиация идей // Писатель и жизнь. М., 1968. Вып. 5. С. 142—155.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

МОНТЕСКЬЁ, Монтеские (Montesquieu) Шарль Луи де Секонда (Secondat), барон де Ла Бред (La Brède) и де (1689—1755), фр. философ, писатель. Гл. труд М. «О духе законов» («De l'esprit des lois», 1748) оказал громадное влияние на развитие полит. и филос. мысли эпохи Просвещения; общевроп. славой пользовался роман «Персидские письма» («Lettres persanes», 1721). В России М. был хорошо известен с XVIII в. всеми своими основными соч., в пушк. эпоху его идеи способствовали формированию полит. взглядов декабристов.

П. читал М. уже в Лицее, но насколько широко и глубоко был знаком с его соч. — не ясно. На его восприятие М. наложилось, видимо, впечатление от очерка «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова (соч. 1816, напеч. 1817). М. был для П. прежде всего полит. мыслителем («Монтеские, обдумывая *Дух Законов*, отдыхал на *Перс. (идских) Письмах...*» — «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 517, зачеркнутый вар.). Под влиянием М., опосредствованном частично, по-видимому, полит. лирикой *П.-Д. Экушар Лебрена*, сложилась у П. концепция свободы, проповедуемая им в оде «Вольность» (1817). К М. восходит мысль об определяющем воздействии климата на духовную «физиономию» народа («О народности в литературе»), 1825—1826 — Акад. XI, 40), но она была общим местом, что лишает смысла вопрос о непосредственном ее источнике у П. Согласно записи 16 сент. 1827 в дневнике А. Н. Вульфа, посетившего накануне П. в Михайловском, на столе поэта среди др. книг лежал «Montesquieu» (Вульф. С. 136; П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 415). В 1-й гл. романа «Арап Петра Великого», над к-рым П. в то время работал, упоминается присутствие героя при «разговорах Монтеские» (Акад. VIII, 4); возможно, П. обращался к соч. фр. просветителя, чтобы оживить эту и др. черты парижского обществ. быта нач. XVIII в., но у него могли быть и др., более глубокие интересы, связанные с осмыслением актуальных для него в тот момент вопросов (напр., о «милости государя»). Неизвестно, видел ли Вульф однотомное полн. собр. соч. М. (Paris, 1827), сохранившееся в б-ке П. (Библиотека П. С. 293. № 1187), или к.-н. др. издание. Мнения М. отразились прямо или через посредство др. историков, его последователей, в набросках «(О французской революции)» (1831). В «(Начале статьи о В. Гюго)» (1832) М. упомянут в числе «лучших писателей» Франции, к-рые своим примером доказали, что «французы народ самый анти-поэтический» и «сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно» (Акад. XI, 40).

Лит.: *Бродский Н. Л.* Пушкин: Биография. М., 1937. С. 517—518; *Ясинский Я. И.* Работа Пушкина над историей Французской революции // П. Врем. Вып. 4/5. С. 368—372, 375, 382—383; *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин и французская революционная ода: (Экушар Лебрен) // Изв. ОЛЯ. 1940. № 2. С. 49—50 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 350—351); 2) Пушкин и история Французской революции // *Томашевский. П. и Франция.* С. 203—204; *Белкин Д. И.* 1) «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Пер-

сидские письма» Монтескьё // Литературные связи и традиции. Горький, 1973. С. 122—123 (Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. Вып. 160); 2) О российских источниках «Арапа Петра Великого» // Болд. чтения, [1986]. 1987. С. 230—238; 3) «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова и «Арап Петра Великого» Пушкина // Врем. ПК. Вып. 22. С. 124—130; *Эткинд Е. Г.* «Союз ума и фурий»: (Пушкинские мятежники) // Россия = Russia. (Venezia), 1987. № 5. С. 60—63.

В. Д. Рак

МУР (Moore) Томас (1779—1852), англ. поэт ирл. происхождения, друг В. Скотта и Байрона. Известность М. в России проложила поэма «Пери и ангел» (1821) В. А. Жуковского, являющаяся вольным пер. стихотв. повести «Paradise and the Peri» («Рай и пери»), второй из четырех, к-рые в «восточном романе» М. «Лалла Рук» («Lalla Rookh: an Oriental Romance», 1817) рассказывает поэт Фераморс индийской принцессе Лалле Рук во время ее путешествия из Дели в Кашмир, где она должна встретиться со своим женихом, принцем бухарским Аларисом, на самом деле сопровождающим ее под личиной Фераморса. За поэмой Жуковского последовали многочисленные пер. этой же и трех остальных стихотв. частей «Лаллы Рук», а также др. произв. М., в т. ч. ст-ний из поэтич. циклов «Ирландские мелодии» («Irish Melodies», 1807—1834) и «Песни народов» («National Airs», 1818—1827). Среди переводчиков М. были И. И. Козлов, П. А. Вяземский, Д. П. Ознобишин, А. И. Одоевский, М. П. Вронченко и др. Ст-ние М. «Those evening bells» (1818) из цикла «National Airs» в пер. И. И. Козлова («Вечерний звон», соч. 1827, опубл. 1828), положенное на музыку А. А. Алябьевым, стало популярной рус. песней. Мемуарные и дневниковые свидетельства, упоминания в печати говорят о том, что в России внимательно следили и за публицистической М., в прозе и стихах; актуальное обществ.-полит. звучание приобретали поэтич. произв. М. в восприятии и интерпретации декабристов.

К моменту появления «Пери и ангела» Жуковского П., видимо, был уже знаком с «Лаллой Рук» по фр. пер. Амедея Пишо (Lalla Rookh, ou la Princesse mogole: Histoire orientale par Thomas Moore / Par le traducteur des œuvres de Lord Byron [A. Pichot, 1796—1877]. Ponthieu, 1820. 2 t.) и составил о М. впечатление как о «чопорном подражателе безобразному восточному воображению» (письмо к П. А. Вяземскому от 2 янв. 1822 — Акад. XIII, 34). Заявив в полемическом запале, что «вся Лалла-рук не стоит десяти строчек Тристрама Шенди» Л. Стерна, он выразил недовольство тем, что Жуковский предпринял из нее пер. (Акад. XIII, 34). «Уродливым повестям Мура» он противопоставлял поэму Байрона «Шильонский узник»: «...это не чета Пери и достойно такого переводчика» (письмо к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 — Акад. XIII, 40). Вопреки большому числу известных ему похвальных отзывов о поэзии М., и в частности о «Лалле Рук», в европ. и рус. печати, П., оставаясь при своем мнении почти в одиночестве, не менял своей оценки и мотивировал ее в письме к П. А. Вяземскому от конца марта—нач. апр. 1825: «...знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской невесте и проч.» (Акад. XIII, 160). Стойкое неприятие «Лаллы Рук» не мешало П., однако, почти в те же самые дни 1825, когда он писал Вяземскому, упомянуть М. в одном ряду с Байроном, Скоттом и Р. Саути как одного из поэтов, чье творчество знаменовало собою соврем. период подъема англ. поэзии («Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“»), апр.—май 1825 — Акад. XI, 25; письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 — Акад. XIII, 177). В рец. на альманах «Денница» (1830), отмечая вслед за И. В. Киреевским что М. входит в число шести иностр. поэтов (др. пять: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мицкевич), к-рые

«разделяют преимущественно любовь наших литераторов» (Акад. XI, 108—109), П. оставил без внимания замечание Киреевского («любовь к Муру принадлежит к (...) странностям нашего литературного вкуса»), дававшее ему повод высказать свое мнение об англ. поэте.

Во фр. пер. «Лаллы Рук» П. прочел понравившееся ему изречение *Saadi*, к-рое поставил эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану», а затем использовал в первой черн. ред. («Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...») ст-ния «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» и в последней строфе гл. VIII «Евгения Онегина». В строфе, к-рая, согласно белой рукописи гл. VIII, должна была следовать за строфой XXX, но не вошла в печатный текст, Татьяна затмевает, в глазах Евгения Онегина, Лаллу Рук, подобную «лилии крылатой» и привлекающую при своем появлении все взоры (Акад. VI, 637). Во 2-й гл. «Путешествия в Арзрум» цитатой из «Светоча гарема» («*The Light of the Harem*»), четвертой поэмы в составе «Лаллы Рук», характеризуется красота молодых грузинок (Акад. VIII, 456). В ст-нии «К**» («Ты богоматерь, нет сомненья...») (1826) М. назван в ряду поэтов (Э. де Парни, Тибулл), вдохновляемых богом любви Амуром, к-рому «послушна красота». М.-сатирик упомянут в черн. вар. предисл. к гл. I «Евгения Онегина» среди писателей, к-рые «далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу» в отношении «наблюдения строгой благопристойности в шуточном описании нравов» (Акад. VI, 528). Одним из источников начатой П. в 1835, но не законченной статьи о Байроне служили вызвавшие в России огромный интерес и приобретшие широкую известность «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни» (*Letters and Journals of Lord Byron; with Notices of His Life*. London, 1830. 2 vols.; фр. пер. того же года, см.: Библиотека П. № 696), изданные М. на основе переданных ему Байроном и им уничтоженных автобиогр. записок. Откликаясь в письме к П. А. Вяземскому от 2-й пол. ноября 1825 на сообщение о сожжении записок Байрона, П. назвал «по поступку Мура лучше его Лалла-Рук (в его поэтическом отношении)», поскольку он навеки лишил любопытствующую толпу возможности видеть гения «на судне» (Акад. XIII, 243). В б-ке П. имелось однотомное полн. собр. поэтич. соч. М. на англ. яз. (London, 1829) и фр. пер. «Путешествия ирландского дворянина в поисках религии» (Paris, 1833) (Библиотека П. № 1189—1190). Неразрезанными сохранились неск. соч. М. на англ. яз. (Paris, 1835), в т. ч. 2-й т. «*Letters and Journals of Lord Byron*» (Там же. № 585. Vol. 79—80, 82—83).

Лит.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 690—691, 729 (ЛН. Т. 91); Мясогедова Н. К. [!Е.]. Об источниках статьи Пушкина о Байроне // Врем. ПК. 1981. С. 184—193.

В. Д. Рак

МЭТЬЮРИН, Матюрин, Метьюрин (*Maturin*) Чарлз Роберт (1780—1824), англ. писатель. Наибольшую известность и влияние приобрел его «готический» роман «Мельмот Скиталец» («*Melmoth the Wanderer*», 1820), одно из последних произв. этого жанра, завершавшее его развитие и превосходившее др. его образцы серьезной филос. мыслью, облеченной в самые неожиданные и фантастические образы и формы. Герой романа, продавший душу дьяволу за долголетие и ставший в расплату вынужденным орудием inferнальных сил, обречен до смерти скитаться и творить зло, если только не найдет кого-н., кто примет на себя его сделку; однако все, кому он это предлагал, отвечали отказом даже в самые страшные, безвыходные, роковые моменты их жизни. В ряду «готических» романов «Мельмот Скиталец» выделяется разоблачительной характеристикой цивилизации устами главного персонажа в его беседах с людьми, ее обществ. установлений и этич. норм, человеческих слабостей и пороков, религ. фанатизма всех толков, и в этом плане ««мельмотизм» (...) воспринимался читателями

20-х гг. прошлого века прежде всего как насмешливое, едкое, подчас издевательское осуждение человеческих поступков и чувств, основанных на той нравственной системе, которая считает себя непогрешимой и самой справедливой, но на деле являющейся самообманом, питающимся несостоятельными иллюзиями, которыми тешат себя люди разных возрастов, исторических эпох или стран» (М. П. Алексеев).

П. впервые прочел «Мельмота Скитальца» во фр. пер. не позднее 1823 в Одессе и остался от него под сильным впечатлением. В письме к А. Н. Раевскому от 15—22 окт. 1823 он упомянул о «мельмотическом» характере своего адресата (Акад. XIII, 71), за к-рым эта лит. романтич. маска прочно закрепилась в кругу друзей и знакомых П. (ср. письмо к П. от С. Г. Волконского от 18 окт. 1824 — Акад. XIII, 112). Эту же маску, близкую, в представлении П., к «байроническому» типу, от к-рого она отличалась вследствие «демонизма» более ясной мотивировкой разочарованности, озлобленности и скептицизма, примерял и носил наряду с др. Евгений Онегин (гл. VIII, 8. 5; а также черновики предполагавшейся гл. VIII, 5 — Акад. VI, 168, 475, 495), возивший, согласно черн. вар. (гл. VII, 22), «Мельмота» с собою «по привычке» в числе «любимых нескольких творений», включавших романы, «В которых отразился век И современный человек Изображен довольно верно» (Акад. VI, 438). «Мельмот, бродяга мрачный» (гл. III, 12. 9), был одним из кумиров «отроковиц», чей сон тревожили «британской музы небылицы», и в примеч. к этому месту П. пояснил, что речь идет о «гениальном произведении Матюрина» (Акад. VI, 193). Отмечено сходство начальных ситуаций романа М. и «Евгения Онегина»: племянник и единственный наследник богатого дяди, получив известие о его близкой кончине, спешит к нему в почтовой карете. Отзвуки «Мельмота Скитальца» предполагаются в ст-нии «Демон» (1823), «Братьях разбойниках» (1821—1822) (ст. 119—133; ср. «Мельмот Скиталец», кн. II, гл. 9), «Цыганах» (1824) (ст. 150—163; ср. кн. III, гл. 16—17), «Скупом рыцаре» (1830) (образ скупца). В 6-ке П. сохранилось первое англ. изд. «Мельмота Скитальца» и трагедия М. «Бертрам» («Bertram»), 1813, пост. и изд. 1816) в изд. 1828 (Библиотека П. № 1145—1146). П. должен был знать и др. произв. М., как и отзывы о них в иностр. и рус. печати. Подлинным автором имевшейся у него книги «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум / Соч. Матюрина, Автора Мельмота» (СПб., 1834; см.: Библиотека П. № 232) был англ. писатель Т. Де Квинси (De Quincey, 1785—1859) («Confessions of an English Opium Eater», 1822).

Лит.: *Альтман М. С.* Литературные параллели. I. Параллели к текстам Пушкина // Страницы истории русской литературы: К 80-летию чл.-кор. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. М., 1971. С. 42; *Алексеев М. П.* Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» // Метьюрин Ч. Р. Мельмот Скиталец / Изд. подгот. М. П. Алексеев, А. М. Шадрин. М., 1976. С. 656—661; 2-е изд. М., 1983. С. 621—626 (То же под загл.: Чарлз Роберт Метьюрин и русская литература // От романтизма к реализму: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1978. С. 18—28; То же // Алексеев М. П. Английская литература: Очерки и исследования. Л., 1991. С. 302—311); *Грекова Е. В.* Роль мотива «Мельмота скитальца» Ч. Метьюрина в организации пространства пушкинской «Сцены из Фауста» // Университ. Пушк. сб. С. 460—464.

В. Д. Рак

МЮССЕ (Musset) Альфред де (1810—1857), фр. писатель. Первый поэтич. сб. М. «Испанские и итальянские повести» («Contes d'Espagne et d'Italie», 1830) обратил на себя внимание П., к-рый в начале им наброске рец. на эту кн. («Об Альфреде Мюссее», 24 окт. 1830) отличил ее автора среди фр. поэтов-романтиков, противопоставив его «живость» «однообразному» *А. де Ламартину*, «важному» *В. Гюго*, «бедному скептику» *Ш.-О. Сент-Бёву* (Акад. XI, 175). По словам П. А. Вяземского в письме к А. И. Тургеневу от 25 янв. 1836, они «с Пушкиным угадали (в М.) великого поэта, когда он еще шалил и faisait ses farces dans „Les contes espagnoles” (проказничал в „Испанских повестях”)» (ОА. Т. 3. С. 289). Рец. несла ярко выраженный

полемический смысл, переключаясь с теми разделами писавшейся приблизительно в то же время статьи «(Опровержение на критики)» (сент.—окт. 1830), где П. резко выступил против чопорности, лицемерия, «стыдливости» в оценке лит. произв. и решительно отверг выдвинутые «щекотливыми насчет благопристойности» критиками обвинения «Руслана и Людмилы» и «Графа Нулина» в безнравственности (Акад. XI, 144—145, 154—157). Соответственно в «Испанских и итальянских повестях» П. видел «откровенную шалость любезного повесы», простительную двадцатилетнему поэту, к-рый «о нравственности (...) и не думает, над нравоучением издевается и к несчастью чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость» (Акад. XI, 175). Впечатление от входящей в сб. поэмы «Мардош» («Mardoche»), в к-рой, по мнению П., «Musset первый из фр. (анцузских) поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях» (Акад. XI, 176), могло сыграть роль одного из стимулов в творческой истории «Домика в Коломне». В. Я. Брюсов ошибочно считал, что одним из «образцов» для «Домика в Коломне» служила др. шутливая поэма М. «Намуна» («Namouna») (Венг. Т. 3. С. 88; Брюсов. Мой Пушкин. С. 56); общность между двумя произв. типологической, т. к. «Намуна» была написана в дек. 1832 («Домик в Коломне» — в окт. 1830) и увидела свет в 1833. «Испанские» повести, входившие в сб., сыграли существенную роль в формировании пушк. восприятия исп. местного колорита, как он отразился в «Каменном госте» и др. произв.

У П. имелось неск. книг М., вышедших в 1830—1836 (Библиотека П. № 1203—1207; № 1203 — приобретена 25 мая, № 1205 — 10 июня 1836 — Арх. опеки. С. 53, 54), что говорит о его внимании к творчеству фр. писателя. По воспоминаниям С. П. Шевырева (Майков. Пушкин. С. 352), П. нравился второй сб. М. «Спектакль в кресле» («Le Spectacle dans un fauteuil», 1833), включавший наряду с др. произв. «Намуну» и драматич. поэму «Чаша и уста» («La Coupe et les lèvres»). В посвящении, предпосланном «Чаше и устам», М. прокламировал свой полит. и обществ. индифферентизм, с к-рым созвучны основные мотивы пушк. ст-ния «Из Пиндемонта» («Не дорого ценю я громкие права...») (1836), имевшего предшествующее загл. «Из Alfred Musset» (Акад. III, 1032). Переключка настроений и нек-рые текстуальные детали позволяют заключить, что эта первонач. ссылка на М. не была фикцией, но отражала реальную связь, хотя ст-ние П. и является оригинальным. Предполагается также связь между романсом М. «Андалузка» («L'Andalouse») и ст-нием П. «Паж, или Пятнадцатый год» (7 окт. 1830).

Лит.: Анн. Т. 1. С. 296—297, 307 (То же // Анненков. Материалы. С. 287—288, 298); *Розанов М. Н.* Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонта» // Пушкин. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 115—126; *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 64 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 163—164); *Ахматова А. А.* Неизданные заметки о Пушкине: П. Болдинская осень: (VIII-я глава «Онегина») / Публ., вступ. заметка, примеч. Э. Герштейн // ВЛ. 1970. № 1. С. 169 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 186); *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и Альфред де Мюссе: (О пародийности «Домика в Коломне») // Болд. чтения. 1976. С. 126—135; 2) Атмосфера иронии в поэмах «Намуна» А. де Мюссе и «Домик в Коломне» А. С. Пушкина: (Интерпретация мотива «Дон-Жуанизма») // Проблемы фона и атмосферы в зарубежной литературе. Tartu, 1989. С. 29—37 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 871); 3) Хронотоп шуточных поэм Пушкина и Альфреда де Мюссе: («Граф Нулин», «Мардош», «Домик в Коломне», «Намуна») // Пространство и время в литературе и искусстве: Метод. материалы по теории литературы. Даугавпилс, 1990. С. 35—36; *Гончар Н. И.* А. С. Пушкин об Альфреде Мюссе: (К вопросу о поэтике позднего романтизма) // Владикавказские Пушкинские чтения. Владикавказ, 1993. Вып. 1. С. 132—135; *Дмитриева Н. Л.* К истории создания стихотворения «Паж, или Пятнадцатый год»: (Пушкин—Бомарше—Мюссе) // Пушкинская конф., междунар., 4-я. [Доклады. СПб., 1997]. С. 64—69; *Backès J.-L.* Pouchkine, Musset et l'impertinence de Byron // Universalité de P. P. 60—67.

В. Д. Рак

Н

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Время жизни П. совпало с эпохой расцвета нем. культуры, ее «золотым веком», воплотившимся в творчестве *И. Г. Гердера*, *И. И. Винкельмана*, *К. М. Виланда*, *Гете*, *Ф. Шиллера*, романтиков — *Л. Тика*, *Э. Т. А. Гофмана* и др., *Г. Гейне*, классиков философии — *И. Канта* (Kant, 1724—1804), *Ф. В. И. Шеллинга* (Schelling, 1775—1854), *Г. В. Ф. Гегеля* (Hegel, 1770—1831). Не питая особых пристрастий к «Германии туманной» («Евгений Онегин», гл. II, б. 9), поскольку был воспитан в духе просветит. рационализма и фр. классицизма, П. тем не менее не мог не откликнуться в своем творчестве и в своей мысли на такое яркое общеевроп. явление, как культура Германии. Прямых свидетельств интереса П. к нем. классической философии нет, за исключением двух сб. трудов (во фр. пер.) одного из родоначальников философии Нового времени *Г. В. Лейбница* (Leibniz, 1646—1716), сохранившихся в его б-ке (Библиотека П. № 1086—1087). Между тем П. всегда глубоко волновали такие вопросы мировоззрения, как Бог и Судьба (в частности, наблюдения П. в заметке о поэме «Граф Нулин» (1830) над действием случая в истории близки к мысли Лейбница в статье «О роке» («Von dem Verhängnisse») о возможном влиянии на ход истории какой-нибудь мухи, обеспокоившей монарха), такие проблемы, как свобода человека и художника, способность к творчеству, одаренность и нравственность («Моцарт и Сальери», «Пиковая дама»). Нем. классическая философия, в центре внимания к-рой находилось человеческое «я», в нек-рых своих основах соответствовала пушк. миропониманию. Семейные корни П. уходили в нем.-швед. среду Ревеля: его прабабка по материнской линии звалась Христина Регина фон Шеберх (см.: «Начало автобиографии», 1834 — Акад. XII, 313; *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал: Биогр. исслед. Таллин, 1984. С. 80, 91—93); но в семье Пушкиных, ориентированной на фр. культуру классицизма и Просвещения, эти связи уже не играли роли.

Лицейское отрочество поэта не отмечено интересом к Германии, хотя рядом с ним находились такой поклонник нем. поэзии, как *В. К. Кюхельбекер*, и не чуждавшийся ее *А. А. Дельвиг*, в круг его друзей и знакомых входили люди, знавшие нем. лит-ру и философию: *Н. М. Карамзин*, *В. А. Жуковский*, *П. Я. Чаадаев*. Вспоминая о Кюхельбекере в мемуарной заметке «Дельвиг» (1834), П. назвал имена занимавших его юного друга нем. поэтов *Ф. Г. Клопштока* и *Л. Г. К/Гельти* (Hölty, 1748—1776), подготовивших Геттевскую эпоху, *Ф. Шиллера* (Акад. XI, 273). Образы немцев в пушк. поэзии ранних лет — это, как правило, комические стереотипы, порожденные, скорее всего, театр. впечатлениями, маски с устойчивыми атрибутами (колпак, табак, пиво) («К Наталье», 1813, ст. 90—93; «Бова», 1814, ст. 119—123, 141—142), или это тип «ученого дурака» («Пирующие студенты», «Красавице, которая нюхала табак», 1814). Этот шуточный стереотип сохранился у П. надолго (в письме к жене 11 июля 1834 он сравнивает себя с «нем. про-

фессором» на светском рауте — Акад. XV, 178). Юный П. знает «Мессиаду» Клопштока («Бова», ст. 10—11); в сочиненных при его участии куплетах, записанных им в лицейском дневнике (1815), с насмешкой упоминается «профессор Бутервек» (Акад. XII, 298), т. к. «Эстетику» Фр. Бутервека (Butterwek, 1766—1828), в значительной мере обусловленную кантианством, изучали в Лицее. На навязчивость понятий нем. школьной эстетики (Бутервека?) «высокое и прекрасное» П. жалуется в письме к П. А. Вяземскому 27 марта 1816 (Акад. XIII, 3). В ст-нии «Тень Фонвизина» (1815) назван популярный поэт-идиллик Э. фон Клейст. Близок к распространенному в нем. поэзии XVIII в. жанру застольных песен стиль ст-ния П. «Заздравный кубок» (1816), в к-ром воспроизводится основная тема и — главное — метр ст-ния Шиллера «Пуншевая песня» («Punschlied», 1804). Гедонистические и антикизирующие мотивы пушк. лирики объединяют ее вообще с зап.-европ. (включая немцев) и рус. анакреонтикой, антологической и «легкой» поэзией XVIII в.

В годы после окончания Лицея и в период южной ссылки отношение П. к нем. авторам постепенно меняется, становясь более дифференцированным. Если нем. и швейц. идиллики больше не привлекают его (эпиграмма «Русскому Геснеру», 1820—1827), то восходящая к итало-фр. комической поэзии поэма-сказка Виланда «Оберон» («Oberon», 1780), по-видимому, знакомая П. еще по чтению лицейских лет, помогла созданию своеобразного лирико-юмористического стиля поэмы «Руслан и Людмила» (1820). Образ Германии в эпоху Реставрации во Франции, после Венского конгресса (1814—1815), окрашен у П. настроениями разочарования и скептицизма, как и весь образ «Европы обветшалай» и ее народов (и немцев в их числе), уподобившихся покорному стаду (ст-ния «Завидую тебе, питомец моря смелый...», «Кто, волны, вас остановил...», «Свободы сеятель пустынный...»), все 1823; позднейшие отголоски темы: «Клеветника России», 1831; «Была пора: наш праздник молодой...», 1836). Отрицательная оценка полит. положения Германии подкреплялась неприятием завоевавшей популярность на Западе и в России нравоучительно-слезливой развлекательной мещанской лит-ры, наиболее известными представителями к-рой были писатель-романист А. Лафонтен и плодовитый драматург и беллетрист А. фон Коцебу. Об этих авторах П. неизменно отзывался с насмешкой и принял убийство Коцебу в 1819 молодым нем. националистом К. Зандом (Sand, 1795—1820) как возмездие за ретроградство этого литератора, поддержавшего «жандармскую» политику Александра I по отношению к нем. об-ву; П. упоминал об убийстве Коцебу в эпиграмме «На Стурдзу» («Холоп венчанного солдата...») (1819) и ст-нии «Кинжал» (1821), «кинжал Зандов» фигурирует в приписываемой ему эпиграмме «На Аракчеева» («В столице он капрал...») (1819).

П., участвуя в лит. спорах 1-й пол. 1820-х об «истинном» романтизме (письмо к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 в связи с трагедией «Борис Годунов», статья «О поэзии классической и романтической» того же времени), о балладном жанре (письмо к Н. И. Гнедичу 27 июня 1822), об элегической поэзии (неоконч. статья «(О прозе)», 1822; ст-ние «Соловей и кукушка», 1825; и др.), почти не упоминает нем. авторов. «Брось ты этих немцев», — полусерьезно советует он А. А. Бестужеву в письме конца мая—нач. июня 1825 (Акад. XIII, 280), имея в виду, конечно, мещанскую беллетристику. Даже критика фр. поэзию, «робкую и жеманную», П. противопоставляет ей поэзию англ., а не нем. (в указ. выше письме к Гнедичу — Акад. XIII, 40).

Но П. знал о нем. лит-ре больше, чем можно заключить по его упоминаниям о ней. Косвенное свидетельство этого — проспект статьи «О французской словесности» (1822), из к-рого видно, что П. интересовали источники (значит, в т. ч. и нем.) поэзии М. В. Ломоносова. Из статьи «О поэзии классической и романтической» видно, что П. был знаком с нем. сатирой

XVII—XVIII вв. В письме к П. А. Вяземскому 25 мая и ок. сер. июня 1825 П. сравнивает переводческий гений Жуковского с заслугами *И. Г. Фосса* (Акад. XIII, 183), выдающегося нем. переводчика *Гомера*, *Вергилия*, *Шекспира*. Во время работы в Михайловском над «Борисом Годуновым» П. просит брата прислать ему «Драматические сочинения» Ф. Шиллера и «Драматургию» (т. е. венские лекции «О драматическом искусстве и литературе») *А. В. Шлегеля* во фр. пер. (письма 14 марта, 22 и 23 апр. 1825 — Акад. XIII, 151, 163). П. не раз упоминал имя Шлегеля и, по-видимому, серьезно изучал работы этого критика. Соответственно должен был он коснуться *Г. Э. Лессинга* как основоположника нем. лит. критики (и новой драматургии). «У одного только народа критика предшествовала литературе — у германцев», — пишет он *А. А. Бестужеву* в конце мая—нач. июня 1825, точно указывая, хотя и без имени, ист. заслугу Лессинга (Акад. XIII, 178). Реформы Лессинга в нем. драматургии и в характерологии драматич. персонажей объективно наряду с Шекспиром проложили путь драматургии П. Интерес П. к античности вел к знакомству с «Историей искусства древности» («Geschichte der Kunst des Altertums», 1764) гениального нем. самородка *И. И. Винкельмана* (Winckelmann, 1717—1768), открывшего на нее новый взгляд. Фр. пер. этого труда имелся в б-ке П. (Библиотека П. № 1502). Это соч. он цитировал в наброске заметки «(О критике)» (предположит. 1830), как цитировал и оригинального грустного юмориста, исследователя человеческих душ *Жан-Поля (Рихтера)* в повести «Барышня-крестьянка» (1830). Как драматургу, П. был интересен опыт Гете — создателя первой нем. ист. драмы «Гец фон Берлихинген с железной рукой» («Goetz von Berlichingen mit der eisernen Hand», 1773), и Шиллера, особенно как автора драматич. трилогии «Валленштейн» («Wallenstein», 1798—1800). В этих произв. творчески перерабатывались традиции Шекспира. Самый стих «Бориса Годунова» П. построил по образцу англ. по происхождению, усовершенствованного Шекспиром белого стиха (нерифмованный 5-стопный ямба), перенесенного в нем. поэзию и драматургию последователями Шекспира (Лессинг, Виланд, Гете, Шиллер). В одном из набросков (1830) предисл. к трагедии П. назвал англичан и немцев своими предшественниками (Акад. XI, 141).

Явления нем. культуры упоминаются в пушк. публицистике всегда в связи с проблемами культуры отечественной: в статье «О поэзии классической и романтической» отмечено присутствие сатиры у начал новой нем. лит-ры; в набросках статьи «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»)» (1830) отмечается, со ссылкой на Лессинга и Канта, устаревшее представление о прекрасном как подражании природе и о пользе как цели искусства, в неоконченной рец. (1836) на «Историю поэзии» С. П. Шевырева П. напоминает о «стремлении к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению» как об исторически обусловленной черте нем. мысли (Акад. XIII, 65); характерным для нем., как и для рус. лит. жизни, П. считает униженное положение литератора-недворянина, к-рому приходится «преодолеть столько горя, дабы добиться славы и куска хлеба» (письмо к П. В. Нащокину, от сер. марта 1834 — Акад. XV, 117).

В описаниях чтения пушк. героев число нем. книг вообще невелико. В поэме «Граф Нулин» (1825) названы только фр. авторы и *В. Скотт*. Воспроизводя в «Рославле» (1831) круг чтения дворянской девушки 1810-х, П. не увидел там ни одной нем. книги. В «Евгении Онегине», где лит. фон событий чрезвычайно богат, складывается общее представление о нем. лит-ре, какое мог иметь рус. читатель 1810—1820-х. В «библиотечном каталоге» Татьяны Лариной, среди книг и персонажей фр. и англ. авторов назван из немцев только герой «Страданий молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werther», 1774) Гете, если не считать де Линара — создания лифляндской писательницы и известной приверженки мистицизма баронессы Барбары Юлии Крюденер (Krüdener, 1764—1825), писавшей по-фр. (гл. III, 9. 8). В руках главного героя — Гердер (правда, «глаза его читали, Но мысли

были далеко») (гл. VIII, 35. 3 и 36. 1—2). В связи с возможным будущим Ленского упомянут «роман во вкусе» А. Лафонтена (гл. IV, 50. 12). В качестве деталей культурной жизни эпохи упоминаются ария из популярной оперы на сюжет венского драматурга и актера Карла Фридриха Генслера (Hensler, 1761—1825) «Дева Дуная» («Das Donauweibchen»), переделанной в России в «Днепровскую русалку» (гл. II, 12. 14), и фортепьянные переложения для «робких учениц» фрагментов романтической оперы Карла Марии Вебера (Weber, 1786—1826) «Волшебный стрелок» («Freischütz», 1821; у П. — «Фрейшиц») (гл. III, 31. 13—14). И все же нем. лит-ра в романе присутствует, хотя и подспудно; нем. «аура» сосредоточена вокруг фигуры Ленского, выученика Геттингенского ун-та; Ленский и странствовал «под небом Шиллера и Гете» (гл. II, 9. 6), как полагалось нем. студенту романтической эпохи. Вместе с тем Ленский — это рус. начинающий стихотворец, чья «лира» вторит не столько нем. корифеям, сколько рус. элегикам 1810-х во главе с Жуковским. Перед роковой дуэлью он открывает том Шиллера, однако его элегия «Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни?» (гл. VI, 21—22) может рассматриваться как тончайшая и, разумеется, не злая, пушк. пародия (м. б., даже автопародия) на клише рус. «элегических ку-ку» («Соловей и кукушка», ст. 10). Отчасти они восходят к «Идеалам» («Die Ideale», 1795) Шиллера (и к фр. элегии). П. и сам отдал дань подобной элегической риторике (ст-ния «Жуковскому», 1819; «Андрей Шенье», 1825). Сквозь облик «юного поэта» видится тень «мученика мятежного» (гл. III, 9. 9) — гетевского юного Вертера: подобно этому нем. лит. герою, Ленский «забавлял мечтою сладкой Сомненья сердца своего» (гл. II, 7. 9—10) и, как мир отторгнул Вертера, так не принял он и Ленского — наивного «сердцем невежды» (гл. II, 7. 5), мечтавшего подчинить его своим идеалам. Сцена, в к-рой Ленский читает и мечтает перед смертью, повторяет в общих чертах концовку романа Гете. В вертеровскую ситуацию попадает затем и Евгений Онегин, влюбившись в замужнюю Татьяну (гл. VIII). В своем путешествии по России этот герой может быть сопоставлен с гетевским Фаустом: обоих гонит по свету не только любопытство и «охота к перемене мест» (гл. VIII, 13. 2), но и скука, тоска и беспокойная совесть.

Мотив тоски в «Евгении Онегине» отразил реальную психол. обстановку в рус. об-ве после трагедии 14 дек. 1825. Но он уже наличествовал в европ. лит-ре эпохи Реставрации в виде «мировой скорби» (байронизм, нем. романтизм). В «Фаусте» Гете открыла это настроение Ж. де Сталь, чья книга «О Германии» («De l'Allemagne», 1810) оказала заметное воздействие на восприятие нем. лит-ры и философии в Европе и в особенности в России пушк. времени (о главном герое своего романа в стихах П. сказал в черновике гл. I, 6: «Он знал немецкую словесность По книге госпожи де Сталь» — Акад. VI, 219).

В «Сцене из Фауста» (1825) вольно варьируется тема фаустовского неустанного стремления, к-рая превращается у П. в тему тоскливого скитания. Аллюзии мыслей де Сталь, примененных к рос. обстоятельствам, присутствуют в ст-нии П. «Демон» (1823) и в автокомментарии к нему (««О стихотворении „Демон“»), 1825). Творчество Гете, прежде всего «Фауст» («Faust», 1773—1832), но также и драматургия, и лирика, и проза — оставило в произв. П. немало и др. следов. П. назвал Гете «Великаном романтической поэзии» («Table-talk», 1835—1836, заметка «Гете имел большое влияние на Байрона...» — Акад. XII, 163), из чего следует, что в нем он видел образец того нового стиля, к-рый считал истинным романтизмом, освободившимся, следуя за Шекспиром, от «всяких правил» (««О трагедии»), 1825 — Акад. XI, 39). С точки зрения П., «Фауст» «служит представителем новейшей поэзии» (черн. заметка ««О драмах Байрона»), 1827 — Акад. XI, 51).

Шиллера П. вспоминает реже, чем Гете, и не всякое сходство тем и мотивов у П. и Шиллера следует объяснять влиянием последнего. Таковы мотивы радости и торжества разума, элегический мотив расставания с мечтой:

ода Шиллера «К Радости» («An die Freude», 1785) и его ст-ние «Идеалы» — и пушк. «Элегия» (1817) и «Вакхическая песня» (1825). Близость метров, к-рыми пользуется П. в своих балладах «Сраженный рыцарь» (1814), «Песнь о вещем Олеге» (1822), к балладной строфике Шиллера и Гете (3- и 4-стопный амфибрахий), вероятнее всего, объясняется посредничеством переложений Жуковского, за к-рыми П. следил с интересом (см. его письмо к П. А. Вяземскому 1 июня 1831 — Акад. XIV, 170). Поэзия и сам образ Шиллера связывались в представлении П. с пафосом гражд. славы и идеальной любви — под воздействием кн. Ж. де Сталь и интерпретаций Кюхельбекера еще лицейских лет: именно с ним соединено имя Шиллера в стих. П. «19 октября» (1825). Иным П. виделся Шиллер-драматург, чье умение создавать нар. сцены было, очевидно, принято во внимание автором «Бориса Годунова». «Орлеанскую деву» П. мог знать не только по пер. Жуковского (1817—1821), но также и по ит. либретто З. А. Волконской, сделавшей из трагедии Шиллера муз. драму и приславшей текст П. в 1826. Сюжет шиллеровского «Дон Карлоса» П. знал еще и по ит. трагедии В. Альфьери «Филипп», из к-рой он перевел монолог Изабеллы («Из Alfieri», 1827). В письме к В. А. Перовскому в марте—апр. 1835 упоминается австр. полководец А. Валленштейн, герой драматич. трилогии Шиллера (Акад. XVI, 22), а присутствие одной из ведущих тем первой части этой трилогии — «Лагерь Валленштейна» («Wallensteins Lager», 1797) усматривают в раннем ст-нии П. «Мне бой знаком — люблю я звук мечей...» (1820). Характерные сюжетные коллизии, к-рые встречаются у П. и Шиллера, — изображение больших страстей «маленького» человека, напр., в «Коварстве и любви» («Kabale und Liebe», 1783) Шиллера и в «Станционном смотрителе» П. (1830), а также мотив осуждающего молчания народа в финале «Бориса Годунова» или в поэме «Полтава» (1828) и в новелле Шиллера «Игра судьбы» («Spiel des Schicksals», 1789), встречающийся, впрочем, и у Шекспира, и у Н. М. Карамзина, и в др. источниках.

В стихотв. сказки П. «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне и о семи богатырях» (обе 1833) вошли нек-рые мотивы из нем. сказочного фольклора, ставшего достоянием лит-ры именно в эпоху расцвета романтизма в Германии, благодаря известному собр. нар. «Детских и семейных сказок» («Kinder- und Hausmärchen», 1812—1815) Вильгельма и Якоба Гриммов (W. Grimm, 1786—1859; J. Grimm, 1785—1863), чьи портреты (предположит.) П. тогда же набросал пером (Жуйкова. № 307). П. удалось накрепко спаять нем. заимствования с «русским духом» отеч. фольклора, подобно тому как и в др. случаях — в «Руслане и Людмиле», в балладе «Жених» (1827), в к-рой видят связь с сюжетом нем. сказки «Жених-разбойник» («Der Räuberbräutigam»), в ст-нии «Бесы» (1830) — он улавливал в рус. нар. поэзии ее генетическую межнац. общую почву. Наблюдаются параллели между сюжетными ходами «Сказки о царе Салтане» и поэмой-сказкой Виланда «Первонте, или Желания» («Pervonte, oder die Wünsche», 1778), в конечном счете также восходящей к «бродячим» фольклорным сюжетам. Рашенный стих (фразовик), к-рым написана «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), может быть сопоставлен с близким ему по структуре ср.-век. нем. акцентным стихом — «книттельферзом» (Knittelvers), возрожденным Гете в ст-нии «Пояснение к старинной гравюре на дереве, представляющей поэтическое призвание Ганса Сакса» («Erklärung eines alten Holzschnittes, vorstellend Hans Sachsens poetische Sendung», 1776), а также примененным Шиллером в «Лагере Валленштейна».

Нем. лит-ра дала обильный материал для формирования взглядов П. на сущность и задачи романтизма. Развивая мысли Гердера, братьев Шлегелей и Ж. де Сталь, он подлинно романтической считал поэзию, не только избавившуюся от жесткой нормативности жанров, набора характеров и сюжетных положений, но и отражающую ист., нац. и нар. черты личности и об-ва. В этом отношении «романтической» была для П. нем. эпическая поэма не-

установленного автора «Песня о Нибелунгах» («*Nibelungenlied*», XII в.), поставленная им рядом с произв. *Камознса*, *Сервантеса* и Шекспира («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 269). Современ. романтизм П. называет (в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», 1836 — Акад. XII, 70) «словесностью отчаяния», заимствовав это определение из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» («*Wilhelm Meisters Lehrjahre*», 1796). Но он высоко ценит тех нем. романтиков, чье творчество отвечает его пониманию романтизма: Л. Тика, Э. Т. А. Гофмана, Г. Гейне (их книги сохранились в б-ке П.), а также преромантика Г. А. Бюргера, чья баллада «Ленора» («*Lenore*») сильно подействовала не только на нем. и англ., но и на рус. поэзию (см. рец. на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», 1833 — Акад. XI, 220—221). Правильнее говорить не о влиянии нем. романтизма на П., а об использовании им тематических, характерологических, стилистических находок нем. романтиков. Концентрацией нем. мотивов стала повесть П. «Пиковая дама» (1833). Подобно Ленскому, Германн, герой повести, окружен нем. «аурой», перемещенной в рос., петерб. действительность. Он изрекает банальные сентенции в духе нем. назидательной беллетристики («Кто не умеет беречь отцовское наследство, тот все-таки умрет в нищете...», и др.) и «слово в слово» списывает любовное письмо из «немецкого романа» (гл. 3). В черновиках повести (Акад. VIII, 835) осталась чувствительная история влюбленности юного Германна в петерб. немочку Шарлотту (имя героини гетевского романа о Вертере). История трех карт, призрак — элементы стилистики готического и романт. романа. Однако их функция у П. изменена: вскрыт их психол., человеческий смысл, т. к. автора занимает не романт. идея двоемирия и не лит. бунт романтиков против косного мира, а ист. человек в его внутренних трагических противоречиях. И в этом отношении эстетич. роль фантастического элемента всегда привлекала П., о чем говорят намеченный сюжет о «влюбленном бесе» (1821—1822), наброски т. н. «Адской поэмы» (««Наброски к замыслу о Фаусте»», 1825), заинтересованный отзыв о «Лафертовской маковнице» А. Погорельского в письме к брату 27 марта 1825 (Акад. XIII, 157), устная повесть П. (1829) в духе «гофманианы», записанная В. П. Титовым («Уединенный домик на Васильевском»), сон Татьяны в гл. V «Евгения Онегина», внимание к выполненному А. А. Шишковым в 1832 пер. пьесы-сказки Л. Тика «Фортунат» («*Fortunatus*», 1816; письмо к М. П. Погодину 11 июля 1832 — Акад. XV, 28), фантастика «Пиковой дамы» и повести «Гробовщик» (1830). Такие характерные черты нем. и рус. романт. лирики, как устремленность «вдаль» или тема «небесного виденья», заимствованная Жуковским от нем. романт. культа Рафаэля Санги и его картины «Сикстинская мадонна» и из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» («*Lalla Rook*», 1817), также приобрели под пером П. новую функцию — худож. иносказания, эстетич. образа, выражающего состояние души: «К***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825), «Ее глаза» (1828), сонет «Мадона» (1830), набросок «Ну, послушайте, дети...» (1831), неск. стихотв. вариаций на тему песенки Миньон «Кто знает край...» из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера». Образцом историко-психол. переосмысления романт. темы рыцарства может служить баллада П. «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), с нем. Средневековьем может быть отчасти связано упоминание «стальных рыцарей» в выпущенной строфе ст-ния «Осень» (1833) (Акад. III, 916). 31 июля 1827 П. пишет к Дельвигу в «рыцарский Ревель» (Акад. XIII, 334), нем. наемник появляется в сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» трагедии «Борис Годунов». Кроме рыцарей из шиллеровского «Валленштейна» лит. предшественником этих образов может считаться гетевский рыцарь Гец фон Берлихинген с железной рукой. Тевтонский рыцарь присутствует в переводном отрывке 1828 из «Конрада Валленрода» А. Мицкевича («Сто лет минуло, как тевтон...», 1828), и «тевтоном» назван в шутку неск. раньше Кюхельбекер (в письме П.

к А. А. Дельвигу 20 февр. 1826 — Акад. XIII, 262). В Германию ведет тема студенческих корпораций и вольной университетской жизни — в стихотв. посланиях Дельвигу и Н. М. Языкову 1827—1828; образ дерптского студента (А. Н. Вульфа) сохранился в воспоминаниях П. («Заметка о холере»), 1831 — Акад. XII, 308) и затем его вар. попал на страницы начатого романа «Русский Пелам» (1834—1835). Нем. тема связана у П. главным образом с историей нац. нравов: процесс над молодой женщиной, якобы совершившей детоубийство, в Нюрнберге, и личностные и обществ. предпосылки этих трагических событий — в повести «Марья Шонинг» (1835), контаминация мотивов нем. истории, а также драматургии Гете и Шиллера — в «Сценах из рыцарских времен» (1835), включая появление среди предполагавшихся персонажей Фауста (как изобретателя печатного станка) и его зловещего спутника. Похоже на сюжет такого рода и содержание драматич. (предположит.) отрывка «И ты тут был?..» (сер. 1830-х). Нем.-лифляндские и рус. мотивы соединены в др. повествовательном отрывке «В 179* году возвращался я...». Детали нем. интерьера и жизни разбросаны по мн. соч. П. — реальное подтверждение присутствия их в быту разных слоев рус. об-ва пушк. времени. Это, напр., нем. лубок на тему о Блудном сыне — в повести «Станционный смотритель». На рос. почтовой станции можно было найти пер. популярного авантюрного романа Шиллера «Духовидец» («Der Geisterseher», 1789), как это видно из воспоминаний П. о встрече с арестованным Кюхельбекером 15 окт. 1827 (Акад. XII, 307). Нем. и др. иностр. словами щеголяют рус. солдаты, возвращающиеся из европ. похода («Метель»). Модные перчатки с портретом известной в Пб. нем. певицы Генриетты Зонтаг (Sontag, 1805—1854) упомянуты в отрывке «Участь моя решена...» (1830). Нем. колония в Закавказье описана в «Путешествии в Арзрум» (1830—1835). С юмором разрушая стереотип, автор замечает по поводу М. В. Ломоносова (в «Путешествии из Москвы в Петербург»), дек. 1833—1835), что жена его, «кажется, хоть была немка, но мало смыслила в хозяйстве» (Акад. XI, 226, 253). Нем. персонажи появляются во многих др. произв. П.: петерб. «хлебник, немец аккуратный» — в «Евгении Онегине» (гл. I, 35. 12—14), землемер Шмит («в усах и шпорах») — лит. родственник дерптских студентов — в повести «Метель» (1830), генерал Андрей Карлович Р* — в «Капитанской дочке» (1836), моск. сапожник Готтлиб Шульц с семейством — в «Гробовщике» (1830) и др. Немало нем. имен в ист. работах П. — сама история России свидетельствовала о тесных связях с нем. землями (начатый роман «Арап Петра Великого»), 1827; подготовительные материалы к «Истории Петра», 1835). Немцы фигурируют в «Истории Пугачева» и материалах к ней (1833—1834), причем П. делает различие между честными немцами, находившимися на рос. воен. службе («в средних чинах»), и немцами («в бригадирских и генеральских», действовавшими против пугачевцев «слабо, робко и без усердия») («Замечания о бунте», 1834 — Акад. IX, 375). Особым случаем превращения реального нем. прототипа в сугубо рус. лит. героя стала история Швабрина в «Капитанской дочке». Этот несчастный злодей унаследовал нек-рые черты судьбы перешедшего на службу к Пугачеву поручика М. А. Шванвича, к-рый приходился внуком переводчику петровского времени немцу М. И. Шваневитцу (ум. 1740), сотруднику Ломоносова; история семьи Шваневитцов-Шванвичей заинтересовала его (см. черновики «Замечаний о бунте» — Акад. IX, 478—480). Из нем., лишь отчасти обрусевшей фамилии П. сделал «говорящую» рус. фамилию. Еще одна категория немцев в пушк. наследии — портреты современников поэта. Это — казанский проф. К. Ф. Фукс (1776—1846), супруг поэтессы А. А. Фукс (ок. 1805—1853), «умный и ученый немец», пребывающий «в изумлении от ее гения» (письмо к жене 12 сент. 1833 — Акад. XV, 80), комическая пара, состоящая из рижского купца и «мемельского жида», спутников П. по поездке в Москву (письмо к ней же 8 дек. 1831 — Акад. XIV, 245). В другой поездке спутницами П. по дилижансу оказались нем. актрисы («в желтых кацавейках и черных вуалях. Каково?») (письмо к ней же 22 сент. 1832 — Акад. XV, 30). Как можно заметить, большинство упоминаний немцев в письмах и произв. П.

окрашено тонкой и добродушной иронией, высвечивающей ряд характерных особенностей поведения, речи и облика людей разных сословий — военного, ученого, купеческого, мещанского. П. превращает их почти в лит. (и театр.) комические типажи, демонстрируя тем самым, что нац. черты персонажей — это только их внешняя характеристика; внутренняя значительность, высота души не нуждается в нац. окраске. Напр., для образа итальянца-импровизатора в «Египетских ночах» (1835) несущественна его национальность (одним из его прототипов мог быть нем. артист Кизеветтер (Kiesewetter), гастролировавший в Пб. зимой и весной 1833/1834), но важен его лит. талант: П. в этой повести заставляет иностранца, не знающего рус. языка, импровизировать по-русски, вложив в уста лит. персонажа свои стихи.

Не имея лично для П. первостепенного значения, нем. лит-ра и культура в целом занимали в мышлении и творчестве поэта важное место, к-рое соответствовало их роли в рус. культурном сознании пушк. эпохи.

Лит.: *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина // П. Врем. Т. 1. С. 134—149; *Luther A.* Puškin und die deutsche Sprache und Dichtung // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 108—116; *Striedter J.* Zur Entstehungsgeschichte von Puškins «Ženich» // *Lingua viget. Commentationes slavicae in honorem V. Kiparsky*, 1964. P. 132—141; *Алексеев М. П.* 1) Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // РЛ. 1967. № 2. С. 36—58 (То же, с поправками и доп. // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 208—239; [2-е изд.]. С. 221—252); 2) Пушкин и повесть Ф. М. Клингера «История о Золотом петухе» // Врем. ПК. 1979. С. 59—95 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 502—541); *Berkov P. N.* 1) «Werther»-Motive in Puškins «Eugen Onegin» // *Berkov P. N.* Literarische Wechselbeziehungen zwischen Rußland und Westeuropa im 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. S. 172—176; 2) Puškins «Сказка о царе Салтане» und die «Erzählung von der Tochter des russischen Königs» in der «Weltchronik» Jans Enikels (1277) // *Slavisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur*. Berlin, 1969. S. 303—309; *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur, 1800—1842. Berlin, 1970. S. 163—203; *Данилевский Р. Ю.* 1) Пушкин и Кизеветтер // Врем. ПК. 1970. С. 45—50; 2) Пушкинский образ Германии: (Страна, люди, книги) // *The Pushkin Journal = Пушкинский журнал*. 1993. Т. 1. № 2. С. 185—195 (То же с изм.: Пушкинский образ Германии — «туманной» и «свободной» // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 117—122); 3) Подobie и родство: (Из истории литературных мотивов) // *Россия, Запад, Восток: Встречные течения*. СПб., 1996. С. 108—109 (о ст-нии «Бесь»); *Заборов П. Р.* Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // *Ранние романтические веяния: Из истории междунар. связей рус. лит.* Л., 1972. С. 180—196; *Теребенина Р. Е.* Пушкин и З. А. Волконская // РЛ. 1975. № 2. С. 138—141; *Листрова Ю. Т.* Художественные функции немецких вкраплений в произведениях А. С. Пушкина // *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Воронеж, 1976. С. 78—84; *Dudek G.* Puschkin und die deutsche Literatur // *Geschichte der russischen Literatur von den Anfängen bis 1917* / Red. H. Grasshoff. Berlin; Weimar, 1986. Bd 1. S. 354—356; *Вебер М.* Восприятие творчества А. С. Пушкина в Германии (до 1945 года) и в Германской Демократической Республике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 7—10; *Овчинников Р. В.* Записи Пушкина о Шванвичих // ПИМ. Т. 14. С. 235—257; *Хомякова О. Р.* «Немецкое влияние» на формирование реалистического сознания А. С. Пушкина: (К постановке проблемы) // *Научно-теоретические и методические аспекты изучения литературы: Сб. науч. тр.* Минск, 1991. С. 18—39; *Карташова И. В.* 1) Пушкин и Вакенродер: («Моцарт и Сальери» Пушкина и «Фантазии об искусстве» Вакенродера) // *Гетевские чтения*, 1993. М., 1994. С. 135—144; 2) Тема искусства в творчестве Пушкина 30-х гг. и немецкий романтизм // *Университ. Пушк. сб.* С. 432—437; *Кичатов Ф. З.* 1) Пушкин и культура Восточной Пруссии // *Пушкинское эхо: [Сб. ст.] / Сост. и авт. предисл. Т. Буруковская.* Калининград, 1994. С. 32—34; 2) «Философ резвый и пит-...»: (К вопросу о влиянии кантианства на формирование философских взглядов А. С. Пушкина) // *Кантовский сб.* Калининград, 1994. Вып. 18. С. 37—44; *Строганов М. В.* Национальные характеры народов Европы и Азии в творческом сознании Пушкина // *Филология = Philologica*. Краснодар, 1996. № 9. С. 15; *Листов В. С.* Немецкие сказки Музеуса и творчество А. С. Пушкина // *Пушкин и другие: Сб. ст.* Новгород, 1997. С. 67—72; *Mann J.* Aleksandr Puškin über die «göttingensche Seele» // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht, 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende zu den Reformen Alexanders II* / Hrsg. D. Herrmann und A. L. Ospovat. München, 1998. S. 377—410 (West-östliche Spiegelungen. Bd 3); *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб., 1998. С. 69—79, 84—86, 94—103; *Асоян А. А.* Пушкин и немецкие романтики // *Пушкинский альманах: Юбил. вып. / Под ред. А. А. Асояна.* Омск, 1999. С. 39—41; *Лагутина И. Н.* Образ Германии в «Евгении Онегине» // П. и мировая культура. С. 170—171; *Мурьянов М. Ф.* Пушкин и Гер-

мания. М., 1999; *Чавчанидзе Д. Л.* Силуэт Германии на страницах Пушкина // Университ. Пушк. сб. С. 424—431; *Шмид В.* Немцы в прозе Пушкина // Болд. чтения: [Юбил. сб.], 1999. С. 103—115 (То же // Пушкин и культура русского зарубежья: Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения, 1—3 июля 1999. М., 2000. С. 96—108); *Korovin V. I.* Pushkin and Kant: A Preliminary Investigation // Russian Language Journal. 1999. Vol. 53. № 174/176. P. 215—237; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* (*Lappo-Danilevskij K. J.*) 1) Eine Erwähnung Winckelmann durch Puškin // ZfS. 1999. Bd 44. Hf. 1. S. 88—92; 2) Об источнике одной «цитаты»: (Пушкин и Винкельман) // ПиС. 2000. Вып. 2 (41). С. 247—252; *Лебедева О. Б., Янушкевич А. С.* Германия в зеркале русской словесной культуры XIX—начала XX века. Köln; etc., 2000. S. 57—73 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. N. F. Reiche A: Slavistische Forschungen. Bd 30); *Wedel E.* Puschkin und die westeuropäische Literatur // «Von Pol zu Pol Gesänge sich erneun...»: Das Europa Goethes und seine Nationalautoren / Hrsg. J. Golz, W. Müller. Weimar, 2001. S. 155—178; *Строганов М. В.* Немец // Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии: В 2 ч. / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2002. Ч. 2. С. 69—72.

Р. Ю. Данилевский

НИЗАР (Nisard) Жан-Мари Наполеон Дезире (1806—1888), фр. критик и историк лит-ры, сотрудник ряда период. изд. («Journal des Débats», «Le National», «Revue des Deux Mondes», «Revue de Paris» и др.), где П. мог читать его статьи. В 1820-е республиканец, участник Июльской революции 1830, перешедший в 1832 в лагерь либералов (впоследствии полит. ориентация Н. изменилась), Н. был последовательным защитником и пропагандистом традиций классицизма, резким противником романтиков. Полемичной по отношению к романтич. школе явилась имевшаяся у П. и разрезанная, т. е., видимо, им прочитанная, первая книга Н., посвященная лат. поэтам («Études des mœurs et de critique sur les poètes latins de la Décadence», 1834; см.: Библиотека П. № 1216), в характеристиках к-рых легко узнавались современники (*А. де Ламартин*, *В. Гюго*, Огюст-Марсель Бартелеми (Barthélemy, 1796—1867) и др.). Возможно, П. читал в БдЧ (1834. Т. 5) переводную рецензию «Латинские литераторы в первом веке по Р. Х.» и статью О. И. Сенковского «Эпохи упадка словесности». В незавершенной статье «(О Мильтоне и Шатобрианом переводе „Потерянного рая“»)» (1836) обнаруживается знакомство П. с рец. Н. (Un dernier ouvrage de M. de Chateaubriand // Revue de Paris. 1836. N. S. T. 34. Oct. P. 153—178), с к-рым П. соглашается в мнении о принципиальной невозможности адекватного подлиннику пер. «слово в слово», разделяя в то же время его высокую с нравственной точки зрения оценку «торговой спекуляции» великого писателя, предпринявшего этот пер. «для куска хлеба» и оставшегося в «честной бедности» и «с неподкупной совестью», хотя, «поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством» (Акад. XII, 144—145). Как и фр. критик, П. нашел лучшими в предварявшем пер. 2-томном «Опыте об английской литературе» («Essai sur la littérature anglaise et considérations sur le génie des hommes, des temps et des révolutions», 1836) те «вдохновенные страницы», где автор, отвлекаясь от «критических изысканий» касательно англ. лит-ры, «на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель» (Акад. XII, 145).

В. Д. Рак

НОДЬЕ (Nodier) Шарль (1780—1844), фр. писатель. Автор разнообразных худож. произв. и трудов по энтомологии, лингвистике, библиофилии, Н. в первый период своего творчества выступил как сентименталист, преромантик, находясь под особенно сильным влиянием «Страданий молодого Вертера» *Гете* и ориентируясь также на др. иностр. образцы (*Шекспир*, *Ф. Шиллер* и др.); затем он стоял у истоков фр. романтизма, сыграв значительную идеологическую и организационную роль в его становлении и оформлении его эстетич. принципов, но с конца 1820-х от него дистанцировался, не приняв многое у «неистойой» школы. Н. ввел во фр. лит-ру тему траги-

ческого разлада между личностью и обществом, предвосхитил в герое своего романа «Жан Сбогар» («Jean Sbogar», соч. 1812, изд. 1818), благородном разбойнике-изгое, тип «байронического» героя, задолго до *П. Мериме* переводил произв. иллирийского фольклора, первым из фр. писателей XIX в. стал разрабатывать романт. жанр фантастической сказки.

Видный участник лит. процесса во Франции в 1810—1830-е, Н. был хорошо известен П., о чем свидетельствует наличие у него худож., критич. и лингвистических соч. Н. (Библиотека П. № 1217—1221; № 1220а значится в счете от 10 дек. 1832 — Лит. архив. Т. 1. С. 36), преимущ. в изд. 1829—1834. Однако прямые упоминания произв. Н. и аллюзии у П. редки. «Таинственный Сбогар» («Евгений Онегин», гл. III, 12. 11) включен в круг чтения Татьяны, и в ее «сне» (Там же, гл. V) находятся образные и композиционные параллели гл. 15 этого произв.; в «Барышне-крестьянке» кличку «Сбогар» носит пес героя, рядящегося «мрачным и разочарованным» романтическим молодым человеком (Акад. VIII, 114, 116). Этот роман Н. входил в лит. фон «Дубровского», где, как и у Н., присутствуют мотивы «двойной жизни», музыка как сближающего начала и пр. Возможные реминисценции ранней повести Н. «Живописец из Зальцбурга» («Le Peintre de Salzburg», 1803) отмечены в «⟨Арапе Петра Великого⟩» и «Метели». В письме П. Мериме, цитируемом в предисл. к «Песням западных славян», упоминается переведенное Н. под загл. «Жена Асана» («La Femme d'Asan») и напечатанное вместе с его фантастической сказкой «Смарра» («Smarra, ou les Démons de la nuit», 1821) «иллирийское» ст-ние «Хасанагиница» (Акад. III, 336). Возражая в 1830 фр. критикам, считавшим *А. Шенье* романтическим поэтом («Заметки и афоризмы разных годов») — Акад. XII, 179), П. имел в виду Н., высказавшего это мнение в статье о собр. соч. Ш.-Ю. Мильвуа (*Oeuvres complètes et inédites de Millevoye // Annales de la littérature et des arts. 1822. Т. 10. P. 321*).

В имевшемся у П. сб. критич. очерков Г. Планша (*Planche, 1808—1857*) оказались попутно разрезанными неск. стр. в конце ст. о Н. (р. 145—149), находящихся в одном блоке с первыми стр. статьи о *А. де Ламартине*, к-рую П. начинал читать (Библиотека П. № 1266).

Н. О. Лернер ошибочно приписал П. напечатанную в ЛГ (1830. 28 сент. № 55. С. 153—155) и принадлежащую предположит. О. М. Сомову рец. (в большей своей части переводную) «Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux (История о Богемском короле и о семи его замках. Соч. Карла Нодье)».

Лит.: *Лернер Н. О.* 1) Из литературного наследия Пушкина: Новооткрытая статья // РС. 1913. Т. 156. № 12. С. 534—542 (То же // Венг. Т. 6. С. 205—208); 2) Пушкин и футуризм: (Из новооткрытой статьи Пушкина) // Сев. зап. 1914. № 1. С. 96—103 (То же // Лернер. Рассказы. С. 180—189); *Козмин Н. К.* Пушкин и Виктор Гюго об Андрее Шенье // Язык и литература. Л., 1926. Т. 1. Вып. 2. С. 355; *Струве П. Б.* Шарль Нодье и Пушкин // Россия. (Париж). 1927. № 5 (То же // Струве. Дух и Слово. С. 80—90); *Томашевский Б. В.* «Дубровский» и социальный роман Жорж Санд // Томашевский. П. и Франция. С. 410, 415—417; *Luporini M. B.* 1) Un paesaggio italiano dell'«Eugenij Onegin», Charles Nodier e «la superba lira d'Albione» // Studi in onore di E. Lo Gatto e G. Maver. Roma, 1962. P. 417—441; 2) *Puškin e Nodier // Le romantisme russe et les littératures néo-latines. Firenze, 1987. P. 61—70; Петрунина Н. Н.* Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // ПИМ. Т. 9. С. 157—159 (То же // Петрунина. С. 184—186); *Недзвецкий В. А.* Татьяна Ларина и «таинственный Сбогар»: (К вопросу об источниках «сна» Татьяны) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 15—26.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

НОРТ (NORTH) Кристофер (псевд.) см. ВИЛЬСОН Джон

О

ОВИДИЙ (Публий Овидий Назон — Publius Ovidius Naso, 43 до н. э.—17 н. э.), поэт «золотого века» рим. лит-ры («века Августа»). П. познакомился с произв. О. еще в Лицее, и на протяжении всей его жизни О. оставался одним из его любимых поэтов; но в разные годы и в разных обстоятельствах на первый план в восприятии П. выступали разные соч. и темы антич. писателя. С лицейских лет П. неизменно ценил в О. любовного поэта и изящного мифологиста, автора сб. любовных элегий («Amores»); поэтич. посланий «Героиды» («Heroides») от мифол. героинь покинувшим их мужьям и возлюбленным; поэмы «Наука любви» («Ars amatoria»), изобилующей красочными картинками вольного содержания и советами, как завоевать и сохранить любовь; поэмы в 15 книгах «Метаморфозы» («Metamorphoses»), в к-рой рассказывались мифы о превращениях людей в животных, цветы, растения, источники, камни. Как автор любовных элегий О. упоминается мимоходом в ст-ниях «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...») (1814) и «Сон» (1816). В «Торжестве Вакха» (1818) описание шествия бога напоминает нек-рые места «Науки любви», а в оде «Александру» (1815) говорится о старце, к-рый, вспоминая былые сражения, подобно Одиссею на острове у Калипсо в изображении О. (Ars amat., II, 131—140; Heroides, I, 31—36), «ветхим костылем И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом На прахе начертит...». В гл. I «Евгения Онегина» П. вспоминает об О. — певце «науки страсти нежной» (строфа 8), и описание искусства героя в завоевании женских сердец (строфы 10—12) имеет ряд более или менее близких соответствий в поэме О. (Ars amat., I, 579—585, 611—616, 661—662, 759—765), равно как и перечень изощренных ухищрений кокетки в противопоставлении искренней любви Татьяны (гл. III, 25; Ars amat., III, 473—497). В «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824) П. вспоминает героиню О. — Коринну («Любовные элегии»). «Метаморфозы» П. считал лучшим произв. О., о чем свидетельствует замечание о них (Акад. XII, 84) в рец. на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова (1836). Многие мифол. реминисценции, рассыпанные в стихах П., так или иначе восходят к «Метаморфозам». Эпизодом из «Метаморфоз», где рассказывается миф о Актеоне и Диане, навеян гекзаметрический фрагмент «В роце карийской...» (1827); пейзаж в отрывке напоминает излюбленные О. идиллические картинки. Возможно, этот набросок был развитием замысла поэмы «Актеон», возникшего у П. зимой 1821—1822 (Акад. V, 154). С опорой на «Метаморфозы» создавался образ Марии в «Полтаве». Полемизируя с критиками, считавшими неправдоподобной страсть юной девушки к седовласому Мазепе, П. указал на «своенравность» любви, сославшись в подтверждение на «предания мифологические, Превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Олимпию, Пигмалиона» («Опровержение на критики»), 1830 — Акад. XI, 158; ср. «Возражение критикам „Полтавы“», 1830 — Акад. XI, 164). Усеченная

строка из «Метаморфоз» (Met., IV, 482) стояла эпитафией в белом автографе «Домика в Коломне» (Акад. V, 373); этот же эпитаф предпослан во 2-м томе «Современника» (1836) пушк. предисл. к Запискам Н. А. Дуровой (Акад. XII, 64). Др. цитата из «Метаморфоз» (Met., I, 90) употреблена в 3-м томе «Современника» (1836) в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...» (Акад. XII, 68). Картина всемирного потопа у О. (Met., I, 98 и след.) входит в лит. фон описания наводнения в «Медном всаднике».

Особенно близок П. стал рим. поэт во время южной ссылки. В судьбе О., высланного по невыясненной причине (формальным предлогом была «Наука любви») Августом к устью Дуная в греч. городок Томи (ныне Констанца), рус. изгнанник видел много общего со своей. В среде декабристов Южного об-ва, с к-рыми общался П., О. считали первой жертвой монархического режима, благородным страдальцем. В Кишиневе была создана масонская ложа «Овидий» (№ 25), в к-рую П. был принят 4 мая 1821. Соч. О. были первой книгой, взятой П. у И. П. Липранди и остававшейся у него все время пребывания в Кишиневе (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 303). Он внимательно читал написанные О. в ссылке «Тристии» («Tristia», «Скорбные элегии») и стихотв. послания друзьям и врагам «Письма с Понта» («Epistulae ex Ponto»), сравнивая фр. текст с лат. подлинником, и это чтение отразилось в ряде его ст-ний, особенно в 1821—1822. Впервые П. сопоставил себя с О. в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821, начинавшемся ст-нием «В стране, где Юлией венчанный...», в к-ром О. назван так согласно с мнением *Вольтера*, считавшего, что О. был сослан за связь с внучкой Августа Юлией («Dictionnaire philosophique», 1764, ст. «Ovide»). Цитатой из «Тристий» начиналось и письмо к Н. И. Гнедичу от 29 марта 1822, а письмо к нему же от 27 июня 1822 составлено в выражениях, близких к жалобам О. В послании «Чедаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»), (апр. 1821) П. вспоминает О. во втором стихе: «Где прах Овидиев пустынный мой сосед». В зачеркнутой черн. строфе ст-ния «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821) П. выражал желание, чтобы «Овидиева лира, Счастливая певича красоты, Певича нег, изгнанья и разлуки» нашла в его поэзии «вновь свои живые звуки» (Акад. II, 667). После поездки с И. П. Липранди в дек. 1821 в Измаил и Аккерман П. написал 26 дек. послание «К Овидию», опираясь на «Тристии» и «Послания с Понта», к-рые называет совокупно «безотрадным плачем» (ст. 4). Слова «Еще твоей молвой наполнен сей предел» (ст. 6) подразумевают предания об О., слышанные, возможно, П. в Бессарабии, куда якобы, как в них говорилось, был сослан рим. поэт. Стихи «Я вспомнил опыты несмелые твои ~ Шаги свои волнам, окованным зимой» (ст. 78—81) имеют в виду элегию из «Тристий» (III, 10), где рассказывается об удивлении, к-рое вызывает у «роскошного гражданина златой Италии» вид скованного льдом моря. Послание «К Овидию» отличается глубокое проникновение рус. поэта в индивидуальное своеобразие римлянина. П. понимает, что отнюдь не «слезливостью» (распространенное тогда мнение о «Тристиях») объясняется линия поведения О. в изгнании. О. добивается прощения и стремится завоевать симпатии рим. читателей мягкостью, кротостью, обаянием своей личности, а не бурными протестами и возмущением. Слезы считались в античности одним из благородных проявлений человеческой природы, и само равнодушие Августа к слезам О. уже характеризует его как деспота. То, что П. понял это в суровом к О. XIX в., в то время как сам он вел себя в изгнании гордо и независимо, увлекался *Байроном*, жаждал участвовать в греч. восстании, ставит его в исключительное положение среди великих писателей прошлого. Тем не менее для себя он принял иную линию поведения: «суровый славынин», он «слез не проливал» («К Овидию») и в отличие от римлянина, к-рый «малодушно» посвящал свою лиру в изгнании «глухому кумиру», не ходил «с поклоном (...) к невежде», не пел «Октавию — в слепой надежде — молебнов лести» и презирал своих врагов («В стране, где Юлией венчанный...»). Первонач. П. предполагал сопроводить послание «К Овидию»

примечанием, в к-ром возражал, не называя имени, П. П. Свиныну, предположившему в статье «Воспоминания в степях Бессарабии» (ОЗ. 1821. Ч. 5. № 9. С. 7—10), что О. был сослан в Аккерман (город на правом берегу Днестровского лимана); здесь же П. опровергал ранее им разделявшееся и повторенное им в 1825 в «Замечаниях на „Анналы“ Тацита» (Акад. XII, 194) мнение Вольтера о причине ссылки О. (Акад. II, 728). Позднее, в 1825, П. напечатал это примеч. в 1-м изд. гл. I «Евгения Онегина» в качестве пояснения к строфе VIII (Акад. VI, 653), хотя сообщаемые в нем сведения о месте ссылки О. не были согласны со строкой «В Молдавии, в глуши степей...», в к-рой отразилась восходящая к XVI в. и изложенная, в частности, в «Описании Молдавии» Дмитрия Кантемира (рус. пер.: М., 1789) легенда о гробнице О. В ст-нии «Баратынскому. Из Бессарабии» (нач. янв. 1822) опять говорится о тени Назона.

Тема О. была продолжена в «Цыганах». Источником рассказа старого цыгана о жившем «на брегах Дуная» сосланном «полудня жителе» (ст. 181—216) служило П., возможно слышанное им, а также прочитанное в пересказе П. П. Свинына по книге фр. литератора Ж.-Л. Карра (1742—1793) «История Молдавии и Валахии» (*Carra J.-L. Histoire de la Moldavie et de la Valachie*. Paris, 1777 и др.; рус. пер. без указ. автора: СПб., 1791) молдав. предание о «притекшем» из Рима беспомощном и кротком, как ребенок, изгнаннике. Вместе с тем П. опирался на сведения, сообщаемые самим О., в частности на послание Грекину (*Ex Ponto*, IV, 9, 95—105), где рим. поэт писал, что «ни один мужчина, ни одна женщина и ни один ребенок» не могли пожаловаться на него в ссылке, он был освобожден от налогов и увенчан венком за победу в поэтич. состязании; в «Цыганах» говорится о том, что изгнанник был «летами стар, Но млад и жив душой незлобной» и сумел завоевать любовь варваров: «И полюбили все его, И жил он на брегах Дуная, Не обижая никого, Людей рассказами пленяя». О. в «Цыганах» — идеал человека далекой древности, подающий пример поведения жестокому и эгоистичному Алеко, а также служащий предупреждением о том, что «не всегда мила свобода Тому, кто к неге приучен».

В михайловской ссылке П. клянется «Овидиевой тенью» в послании «К Языкову» («Издrevле сладостный союз...») (20 сент. 1824).

Свою оценку «Тристий» П. подытожил в рец. на «Фракийские элегии» В. Г. Теплякова. Защищая «Тристии» от уничижительной критики фр. поэта Ж.-Б.-Л. Грессе, он находит в них проявление искренних чувств и живой поэтичности: «Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!» (Акад. XII, 84). Поблагодарив Теплякова «за то, что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступает за него», П. вместе с тем упрекает его в недостаточном внимании к «индивидуальности» О., к его доброте, невоинственности и кротости. Проникнуть в тайны личности гениального римлянина — эта задача представлялась П. важнейшей.

В б-ке П. имелось неск. изд. О. на лат. и фр. яз. (Библиотека П. № 621, 1231—1233). В принадлежавшей П. фр. книге «*Bibliothèque universelle des romans*» (Paris, 1776. Т. 5. Pt I) отмечены закладками страницы, посвященные изгнанию О. (Библиотека П. № 641).

Лит.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 306—307; Яцимирский А. И. Румынские параллели и отрывки в некоторых произведениях А. С. Пушкина // Рус. филол. вестн. 1901. Т. 45. С. 205—213; Малеин А. И. Пушкин и Овидий: (Отрывочные замечания) // ПиС. Вып. 23/24. С. 45—66; Якубович Д. П. 1) К стихотворению «Таится пещера»: (Пушкин и Овидий) // Пушкинист, IV. С. 282—294; 2) Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 138—139; Жирицкий Л. В. Пушкин и Овидий // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 90—99; Лернер Н. О. Пушкинологические этюды. 16. Овидий в «Онегине» // Звенья. Т. 5. С. 90—99; Дератани Н. Ф. Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит. 1938. Вып. 4.

Пушкин и западноевроп. лит. С. 23—25; Толстой И. И. Пушкин и античность // Учен. зап. ЛГПИ. 1938. Т. 14. С. 75—78; Покровский М. М. Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5. С. 35, 40—44; Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII в. // Там же. С. 103—104; Бориневич-Бабайцева З. А. Овидиев цикл в творчестве Пушкина // Пушкин на юге: Тр. Пушкинских конф. Кишинева и Одессы. Кишинев, 1958. [Вып. 1]. С. 164—178; Черфас Л. М. «Tristia» Овидия о причинах и первых годах его ссылки (в связи с 2000-летием со дня рождения Овидия) // Учен. зап. Латв. ун-та. 1959. Т. 29: Вопросы истории лит. Вып. 3 Б. С. 250—252; Вулик Н. В. 1) Послание Пушкина «К Овидию» и «Печальные элегии» Овидия // Вестн. ЛГУ. 1960. № 20. Сер. истории, яз. и лит. Вып. 4. С. 88—99; 2) *Voulikh N. Pouchkine et Ovide* // RLC. 1967. Ann. 41. № 1. P. 24—36; 3) Образ Овидия в творчестве Пушкина // Врем. ПК. 1972. С. 66—76; 4) Овидий, открытый Пушкиным // Аврора. 1987. № 6. С. 122—129; 5) Овидий — человек и поэт в интерпретации Пушкина // ПИМ. Т. 15. С. 161—167; Лурье С. Я. Пушкин и русские революционные демократы у Вергилии и Овидии // Публ. Овидий Назон. Львів, 1960. С. 89—92; Богач Г. Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963. С. 78—99; Ванслов Вл. В. А. С. Пушкин о «золотом веке» римской литературы // Учен. зап. Калинин. пед. ин-та им. М. И. Калинина. 1963. Т. 36. С. 28—47; Costello D. P. Pushkin and Roman Literature // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 48—55; Двойченко-Маркова Е. М. 1) Источники легенды об Овидии в «Цыганах» А. С. Пушкина // Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966. С. 321—329; 2) Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 112—119; Йыэсте М. Заметки к теме «Пушкин и Овидий» // Русская филология: Сб. студ. науч. работ. Тарту, 1967. Вып. 2. С. 171—190; Stroh W. Ovid im Urteil der Nachwelt (eine Testimoniensammlung). Darmstadt, 1969. S. 104—109; Albrecht M. 1) Der verbannte Ovid und die Einsamkeit des Dichters im frühen XIX. Jahrhundert: Zum Selbstverständnis Franz Grillparzers und Alexandr Puškins // Arcadia. 1971. Bd 6. Hf. 1. S. 16—43; 2) Rom: Spiegel Europas. Heidelberg, 1988. S. 505—520; Боровский Я. М. Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Врем. ПК. 1972. С. 117—118; Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 41—57; Кибальник С. А. 1) Антологические эпиграммы Пушкина // ПИМ. Т. 12. С. 159—160; 2) Тема изгнания в поэзии Пушкина // ПИМ. Т. 14. С. 41—48; Иванов Вяч. Вс. Заметки на полях текстов Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987. Таллин, 1987. С. 31; Козлов С. Л. Из комментариев к «Медному всаднику»: (Античная и европейская традиция) // Лит. процесс и проблемы лит. культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 3—4; Sandler S. Distant pleasures: Alexander Pushkin and the writing of exile. Stanford, 1989. P. 39—56 (рус. пер.: Сандлер С. Далекие радости: Александр Пушкин и творчество изгнания. СПб., 1999. С. 40—54); Шапир М. И. 1) Пушкин и Овидий: Дополнение к комментарию («Евгений Онегин», 7, ЛП, 1—2) // Изв. РАН. 1997. Т. 56. № 3. С. 37—39; 2) Пушкин и Овидий: (Новые материалы): (Из комментариев к «Евгению Онегину») // П. и мировая культура. С. 49—51; Панасенко Ю. А. Мотив «тумана» в поэзии Пушкина и Овидия // Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» (25—26 мая 1999). М., 1999. С. 54—61; Busch W. Puschkin und Ovid // Arion. Bd 4. S. 60—67.

Н. В. Вулик

ОЛИЗАР (Olizar) Густав (в рус. традиции: Густав Филиппович; 1798—1865), гр., польский поэт, публицист. Встречался с П. в Киеве (сер. мая 1820, конец янв.—нач. февр. 1821), Кишиневе (июнь 1821) и Одессе (июнь 1824). В 1823 О. просил руки М. Н. Раевской, но получил отказ от ее отца, к-рый считал этот брак невозможным по причинам религиозным и национальным. Летом 1824 (предлагавшиеся датировки конец 1821—нач. 1822 и 1822—1823 менее убедительны) О. написал стихотв. послание «К Пушкину» («Do Puszkina», опубл. 1938), в к-ром пророчил «певцу мощного Севера» громкую славу и призывал его обратиться к поэзии гражд. звучания. П. ознакомился со ст-нием, вероятно, по приложенному к автографу О. прозаич. пер. на фр. яз. (не руки П. или О.), а в окт. 1824 написал стихотв. ответ «Графу Олизару». Осведомленный о неудачном сватовстве О., П. рассматривал его личную драму в контексте польско-русского ист. конфликта, в возможном разрешении к-рого П. видел ист. миссию поэзии («Но глас поэзии чудесной Сердца враждебные дружит»). Резкое по тону послание осталось незавершенным, хотя П. предполагал позднее вернуться к нему; некоторые идеи и формулы вошли позднее в ст-ние «Клеветникам России» (1831).

Лит.: [Олизар Г. Do Puszkina / Ст. и публ. В. Г. Чернобаева] // Лит. архив. Т. 1. С. 143—148; *Namysłowska M.* Jeszcze o polonicach Puszkiniowskich // Puszkini: 1837—1937. Kraków, 1939. Т. 2. С. 60—63; *Toporowski M.* Puszkini w Polsce. Warszawa, 1950. С. 139—141; *Ланда С. С.* 1) А. С. Пушкин в печати Польской народной республики в 1949—1954 годах // ПИМ. Т. 1. С. 435—436; 2) Мицкевич накануне восстания декабристов // Литература славянских народов. М., 1959. Вып. 4. С. 101—105, 168—169; 3) Пушкин и Густав Олизар: (Из истории русско-польских литературных и общественных отношений) // Ланда С. С. «Я вижу некий свет...». СПб., 1999. С. 35—50; *Dworski A.* 1) «Do Hr. Olizara» Aleksandra Puszkina: Próba interpretacji // Acta Universitatis Wratislaviensis. Wrocław, 1971. № 129. Slavica wratislaviensis. Zesz. 2. S. 29—60; 2) Puszkini w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983. С. 57—92 (рус. пер.: *Дворский А.* Пушкин и польская культура / Пер. с польск. СПб., 1999. С. 57—90); *Mucha B.* Z dziejów «poetyckiej przyjaźni» Gustawa Olizara i Aleksandra Puszkina // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1984. Т. 679. Prace historycznoliterackie. № 50. S. 229—235; *Ивинский П.* К истории русско-польских литературных связей эпохи романтизма: А. С. Пушкин и Г. Олизар // Борсукевич Ю., Ивинский П. История русской литературы первой половины XIX в.: Литературные направления; Компаративистика. Люблин, 1989. С. 59—104; *Кушаков А. В.* Пушкин и Польша. 2-е испр. и доп. изд. Тула, 1990. С. 20—59.

С. И. Николаев

ОМЕР, ОМИР см. ГОМЕР

ОССИАН (Ossian) легендарный гэльский (кельтский) воин и бард III в. н. э., сын вождя Фингала, деяния, подвиги и любовь к-рого, а также его дружинников он воспевал. Приписываемые ему сказания бытовали в Ирландии и Шотландии в устной традиции. Шотл. учитель *Джеймс Макферсон* при поддержке шотл. литераторов публиковал в 1760-е англ. сб-ки, к-рые выдавал за прозаич. пер. собранных им поэм О., и затем объединил их в итоговом изд. «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (*The Works of Ossian, the Son of Fingal*. London, 1765. 2 vols). В действительности «поэмы О.» являлись собственными произв. Макферсона, использовавшего с разной степенью близости сюжеты и мотивы гэльского фольклора, к-рые он досочинял и обрабатывал в преромантическом духе. Созданные им «поэмы О.» героико-элегического содержания, проникнутые меланхолическим лиризмом, имели всеевроп. успех, были восприняты как воплощение «северного» нар. духа и вызвали множество подражаний и пер., среди к-рых особую популярность имел фр. пер. Пьера Летурнера (*Le Tourneur*, 1736—1788) «Оссиан, сын Фингала, бард третьего века: Гальские стихотворения» (*Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle: Poésies galliques*. Paris, 1777. 2 t. и переизд.). П. приобрел изд. 1799 (см.: Библиотека П. № 1230). Сразу после первых публикаций «поэм О.», изд. Макферсоном, в Англии возникли сомнения в их подлинности, Макферсона обвиняли в мистификации, на чем особенно настаивал критик *С. Джонсон*.

В России интерес к О. проявился с конца 1780-х в связи с утверждением преромантических и сентименталистских идей. Одним из первых переводчиков был Н. М. Карамзин, возгласивший в программном ст-нии «Поэзия» (1787): «Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!». Решающее значение имел полный пер. Е. И. Кострова, выполненный по пер. Летурнера: «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские стихотворения» (М., 1792. 2 ч.; 2-е изд. СПб., 1818), после чего поэмы О. стали перелагать стихами разные рус. поэты, в т. ч. В. Л. Пушкин, В. В. Капнист, Н. И. Гнедич и др., и появились оригинальные произв. на оссиановские темы, из к-рых самым выдающимся была трагедия В. А. Озерова «Фингал» (1805). Особое значение образность поэм О. с их героико-патриотическим пафосом приобрела в годы Отечественной войны, что проявилось в поэзии В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, К. Ф. Рыльева и др. В то же время увлечение оссианизмом рус. поэты нач. XIX в. переживали, как правило, в молодые годы, в процессе овладения романтической поэтикой.

П. первонач. ознакомился с поэмами О. по пер. Кострова, к-рый Н. Ф. Кошанский сделал настольной книгой лицестов. По Кострову было создано раннее ст-ние «Кольна» (1814) — переложение «Кольна-донь» («Colna-dona»), единственной поэмы О. с благополучным финалом и предвидением счастливого будущего. При этом П. опустил описание охоты и усилил любовную тему в духе поэзии Э.-Д. де Парни. Ст-ние «Эвлега» (1814) — вольный пер. отрывка из поэмы Парни на скандинавский сюжет «Иснель и Аслега» («Isnel et Asléga») — проникнуто оссианической образностью, присущей и оригиналу (оссианизм и скандинавизм переплетались в европ. лит-рах). В балладе «Осгар» (1814) П., воспользовавшись сюжетом отрывка из «Иснеля и Аслеги», изложил его в стиле О., дал героям оссиановские имена, ввел образ рассказчика-барда и в конце даже упомянул Фингала. Влияние О. в рус. поэзии, связанное с Отечественной войной, воспринятое через Батюшкова, проявилось в ст-нии «Воспоминания в Царском Селе» (1814), где воен. тема трактуется в системе оссианических образов. В целом же поэмы О. способствовали формированию в поэзии П.-лицеиста лиро-эпического повествования.

В дальнейшем П. утратил интерес к поэмам О., поняв, что они устарели, и это отразилось в «Руслане и Людмиле», где обрамлением послужил пер. первой фразы поэмы О. «Картон» («Carton») в форме двустишия: «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой» (Акад. IV, 7, 86). Имена Финна и Наины во вставной повести о герое, к-рый безуспешно пытался завоевать сердце красавицы, пока она не превратилась в дряхлую старушонку, ассоциировались в сознании современников с Фингалом и Мойной, героями трагедии Озерова «Фингал», и осмыслялись как пародия. Пародийным был и поединок Руслана с головой, где оссианическая образность стилистически снижается просторечием и комизмом ситуации. Примерно в 1825, читая статью П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», П. на полях отметил «однообразие Оссиановских поэм» (Акад. XII, 231). Имевшееся у П. англ. изд. «The Poems of Ossian, translated by J. Macpherson, Esq» (London, 1825) осталось неразрезанным (Библиотека П. № 1120).

В ЛГ (1830. 21 янв. № 5. С. 40) была напечатана аноним. заметка «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...», в к-рой сообщалось о полемике по поводу подлинности поэм О. и говорилось: «Известный критик доктор Джонсон, человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов». Далее приводился пер. резкого ответного письма Джонсона Макферсону «как поучительный пример для наших критиков» (Акад. XI, 281). Принадлежность заметки П. не доказана, однако несомненно, что он знал о ней и, видимо, одобрял ее.

Лит.: Гаевский. П. в Лицее. С. 164—165; Венгеров С. А. «Оссиановские» стихотворения Пушкина // Венг. Т. 1. С. 88—97; Балобанова Е. В., Пиксанов Н. К. Пушкин и Оссиан // Там же. С. 98—114; Томашевский. Пушкин, I. С. 87—90 (2-е изд. Т. 1. С. 80—83); Городецкий. Лирика П. С. 99—102, 105; Иезутова Р. В. Поэзия русского оссианизма // РЛ. 1965. № 3. С. 69—73; Suchanek L. Rosyjska ballada romantyczna. Wrocław, etc., 1974. S. 59—65; Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII—первая треть XIX в. Л., 1980. С. 96—99, 134—136; Костин В. М. А. С. Пушкин и «Поэмы Оссиана» Д. Макферсона // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 10. С. 99—111; Никифорова А. П. Традиции русской поэзии XVIII в. в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Традиции литературной преемственности в свете марксистско-ленинского сравнительного литературоведения. Фрунзе, 1987. С. 18—21; Пономарева Л. В. Художественный мир Оссиана в лицейской лирике Пушкина // Проблемы романтизма в русской и зарубежной литературе. Тверь, 1996. С. 38—42.

Ю. Д. Левин

П

ПАРНИ (Parny) Эварист-Дезире де Форж (de Forges), граф де (1753—1814), фр. поэт. В России известен с конца XVIII в. Первонач. внимание рус. переводчиков (П. Ю. Львов, П. А. Пельский) привлекли его «Мадагаскарские песни» («Chansons Madécasses», 1787), представлявшие собою дань руссоистскому экзотизму; с самых первых лет XIX в. оно переключилось на его широко известный и популярный сб. «Эротические стихотворения» («Poésies érotiques», 1778), включавший 47 элегий, разделенных на 4 книги и развивающих единый сюжет, образуя своего рода лирический роман, автобиогр. основой к-рого была история любви автора к своей ученице. Отличавшиеся на фоне рассудочной поэзии XVIII в. искренностью и непосредственностью чувства, элегии Парни воспринимались в контексте сентименталистских настроений и прокладывали путь романтическому мировосприятию. Отдельные ст-ния из этого сб. переводили И. И. Дмитриев, А. Ф. Мерзляков, В. А. Жуковский, В. В. Измайлов, В. Л. Пушкин и др., систематически — К. Н. Батюшков.

П. познакомился с поэзией Парни, вероятно, в Лицее, а может быть, и раньше. В ранний период своего творчества (нач. 1814), увлекаясь *Оссианом*, он перевел из оссианической поэмы Парни «Иснель и Аслега, подражание скандинавскому» («Isnel et Asléga, poème en quatre chants, imité du Scandinave», 1802, расширена 1808) два отрывка: «Эвлега» (песнь IV, ст. 30—80) и шестая строфа ст-ния «Осгар» (вольный и сжатый пер. ст. 173—196 песни I); позднее «Иснель и Аслега» послужила одним из лит. источников исповеди Финна в «Руслане и Людмиле». Первонач. интерес к этой поэме стимулировался, возможно, пер. из нее Батюшкова («Сон ратников», 1811). Элегическая сторона творчества Парни раскрылась П. ближе к сер. 1814 также под влиянием Батюшкова. В ст-нии «Красавице, которая нюхала табак» (предположит. 2-я пол. апр. 1814) имеются лексические соприкосновения с элегией Батюшкова «Привидение. Из Парни» (1810); в послании «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит...», июль—окт. 1814) П. именовал перифрастически адресата «российским Парни» (ст. 17); сравнение Батюшкова с Парни присутствует и в «Тени Фон-Визина», ст. 291 (1815). В 1815—1817 отчасти в связи с усиленным вниманием, уделявшимся поэзии Парни вскоре после его смерти (дек. 1814), и гл. обр. вследствие проникновения любовных мотивов в собственное творчество П. проявлял большой интерес к элегиям Парни, к-рый в этот период становится его любимым поэтом, открывшим ему совершенно новый источник лирических тем. В это же время, как можно судить по упоминанию Парни в ст-нии «Городок» (1815) среди любимых писателей и в одном ряду с авторами эротических «сказок» (Ж. Вержье (Vergier, 1655—1720), Ж.-Б.-Ж. Виллар де Грекур), П. читал его исполненные вольномыслия и эротизма антирелиг. ироикомиические поэмы «Война древних и новых богов» («La Guerre des Dieux anciens et modernes»,

1799), «Утраченный рай» («Le Paradis perdu») и «Галантная Библия» («Les Galanteries de la Bible») (последние две изд. в 1805 в сб. «Port-Feuille volé»). В ст-ниях П. последних лицейских и первых послелицейских лет («Моему Аристарху», «Любовь одна — веселье жизни хладной...», «К Шишкову»), в «Руслане и Людмиле» (IV, ст. 146) Парни упоминается как певец любви и образцовый элегик в сочетании с Анакреоном, Тибуллом и фр. поэтом анакреонтич. и эпикурейского толка Г. Амфри де Шолье (Chaulieu, 1639—1720); нередко цитаты, парафразы, реминисценции стихов Парни («К Н. Г. Л(омонос)ову», «К живописцу», «Письмо к Лиде», «Князю А. М. Горчакову» («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...»), «Деревня», «Торжество Вакха», «Мечтателю» и др.; «Руслан и Людмила», I, ст. 110); два ст-ния: «Coup d'oeil sur Cythère» (Взгляд на Цитеру, 1787) и элегия «A mes amis» из кн. П «Эротических стихотворений» — были П. вольно переведены («Платонизм», 1819 и «Добрый совет», 1817—1820). Парни был для П. своего рода моделью новейшей любовной элегии, худож. арсеналом для создания своего элегического языка; поэт. форма Парни соединилась у П. с унылым настроением позднейшей фр. элегии (Ш.-Ю. Мильвуа и др.). Параллели между ними, служившие основанием видеть в ряде ст-ний П. прямые пер. или вольные подражания Парни, представлены гл. обр. общими, типовыми, традиционными элегическими мотивами, темами, ситуациями, фразеологическими совпадениями («Измены», «К сну», «Элегия» («Я видел смерть; она в молчаньи села...»), «Осеннее утро», «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья...»), «К молодой вдове» и др.). По образцу Парни в лицейских сб. объединялись в цикл, видимо по авторской воле, элегии П., адресованные Е. П. Бакуниной.

Элегия Парни воспринималась П. на фоне позднего классицизма, к-рому принадлежал Батюшков и к-рый явился школой для него самого (в черновике письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 Парни отнесен к «древним» — Акад. XIII, 381). Она подготовила П. к увлечению *А. Шенье*, определившему в сочетании с романтич. веяниями отход от Парни, к-рый тем не менее и далее оставался для П. своеобразным мерилom элегической поэзии. Говоря в «Евгении Онегине» о Парни как поэте устарелом, вышедшем из моды (гл. III, 29. 13—14) и предмете беспорядочного чтения Онегина (гл. III, 5. 10—14, вар. рукописи; VIII, 35, то же — Акад. VI, 217, 545, 632), П. называет его «волшебным», «прелестным», «милым» (все вар. рукописи — Акад. VI, 584—585, ср. 311, 312; в печатном тексте «нежный» — Акад. VI, 64). В авг. 1824 он вольно переводит («Прозерпина») 27-ю картину из «Превращений Венеры» («Les Déguisements de Vénus», 1805); в письме к Л. С. Пушкину от 14 марта 1825 напоминает об обещании прислать ему в Михайловское Парни (Акад. XIII, 152); неоднократно упоминает Парни в сопоставительном плане на полях второй части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова (Акад. XII, 260—261, 265—267, 277). О влиянии Парни на Батюшкова и Е. А. Баратынского П. предполагал говорить в неосуществленной статье «О французской словесности», 1822 (Акад. XIII, 191; см. также сравнение Баратынского с Парни в письме к П. А. Вяземскому от 2 янв. 1822 — Акад. XIII, 34); этот пункт сохранился и был дополнен именами «Вяз. (емского), Давыдова, Пушк(ина)» в плане статьи «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 (Акад. XI, 496). В ст-нии «К**» («Ты богоматерь, нет сомненья...») (1826) предполагается отсылка ст-нии Парни «Dieu vous benisse...» (пер.: Благослови вас Господь). С «обнаженными описаниями покойного Парни» сравниваются «сладострастные картины» *А. де Мюссе* в наброске статьи о последнем (1830) (Акад. XI, 175).

Влияние ироикомиических поэм Парни («Война богов» и др.) ощутимо в «Гавриилиаде», но источником ее сюжета они не были. Обращалось внимание (П. О. Морозов, Я. Платек) на совпадение принятой Дубровским фамилии (Дефорж) с фамилией Парни (де Форж) и сходство эпизода из биографии Парни, когда он был учителем музыки и полюбил свою ученицу, с си-

туацией в романе П. К.-л. выводы из этого наблюдения вряд ли возможны, т. к. фамилия не является редкой, а мотив музыки как сближающего начала был общим местом беллетристики (Томашевский. П. и Франция. С. 414—415).

В 6-ке П. сохранились сб. «Porte-Feuille Volé» и неск. книг Парни, изд. 1827—1829 (Библиотека П. № 1274, 1241—1246; возможно, № 1241 представлен в счете от 10 дек. 1836 записью «P. Oeuvtes» — Лит. архив. Т. 1. С. 36). Они остались неразрезанными, что свидетельствует об отсутствии у П. в эти и след. годы потребности перечитывать фр. поэта; вместе с тем факт их приобретения говорит о том, что Парни оставался в поле его внимания.

Лит.: Гаевский. П. в Лицее. С. 170—175; *Краснов П. Н.* Один из образцов Пушкина // Книжки «Недели». 1899. № 9. С. 157—169; АН 1899 (по указ.); АН 1900—1929. Т. 1—3 (по указ.); *Морозов П. О.* Пушкин и Парни // Венг. Т. 1. С. 380—392; *Щеголев П. Е.* Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // ПиС. Вып. 14. С. 98—101 (То же // Щеголев. П. Исследования. С. 182—184); *Алексеев М. П.* «Гавриилиада» Пушкина: (По поводу издания В. Брюсова) // Родная земля. (Киев). 1919. № 2. Отд. II. С. 2, 7—11 (То же // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 299—300, 309—312; [2-е изд.]. С. 311—312, 320—323); *Томашевский Б. В.* 1) [Комментарий] // Пушкин А. С. Гавриилиада / Ред., примеч., коммент. Б. Томашевского. Пб., 1922. С. 55—74; 2) Заметки о Пушкине. I. К пушкинским сюжетам // ПиС. Вып. 36. С. 80—81; 3) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 14, 49—52 (То же, с доп. // Томашевский. П. и Франция. С. 82—84, 95, 145—149); 4) Томашевский. Строфика П. С. 81 (То же // Томашевский Б. В. Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 249—250; Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 323—325); *Савченко С. В.* Элегия Ленского и французская элегия // П. в мировой лит.-ре. С. 67—68; [Аноним]. Заметки на полях // ПиС. Вып. 31/32. С. 67—70; *Федоров А. В.* Приемы и задачи художественного перевода // Чуковский К. И., Федоров А. В. Искусство перевода. Л., 1930. С. 167—169 (То же, с доп. // Федоров А. В. О художественном переводе. Л., 1941. С. 115—117); *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 145—148; *Вольперт Л. И.* О литературных истоках «Гавриилиады» // РЛ. 1966. № 3. С. 95—103; *Keil R.-D.* Parny-Anklänge im «Evgenij Onegin» // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag / Hrsg. P. Brang. Heidelberg, 1967. S. 121—133; *Викери У.* К вопросу о замысле «Розы» Пушкина // РЛ. 1968. № 3. С. 84, 86—89; *Алексеев М. П.* Еще раз о стихотворении Пушкина «Роза» // РЛ. 1968. № 3. С. 110—112 (То же под загл.: Споры о стихотворении «Роза» // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 369—371; [2-е изд.]. С. 379—381); *Шарыпкин Д. М.* Исповедь Финна в поэме «Руслан и Людмила» // Врем. ПК. 1970. С. 79—91; *Платек Я.* Музыкальные заметки на пушкинских полях // Музыкальная жизнь. 1987. № 2. С. 17; Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуро; Вступ. ст., коммент. В. Э. Вацуро, В. А. Мильчиной. М., 1989. С. 27—34, 609—623; *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994 (по указ.); *Соколова Т. В.* Переводы Пушкина из французской поэзии (Э. Парни) // Университ. Пушк. сб. С. 382—388; *Эткинд Е. Г.* Французская поэзия в творчестве Пушкина: Эварист Парни // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 123—156.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ПАСКАЛЬ (Pascal) Блез (1623—1662), фр. математик, физик, философ, писатель. Широкой общеевроп. известностью пользовались его «Письма к провинциалу» («Lettres écrites à un Provincial», 1656—1657), содержавшие резкую критику иезуитов, и «Мысли» («Pensées», изд. 1669; полное загл.: «Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets» («Мысли о религии и некоторых других предметах»)) — собр. фрагментарных и афористических суждений, размышлений, заметок по различным вопросам религии, морали, этики, права, политики и пр. Яркие силой мысли и логикой аргументации, глубоким, тонким психол. анализом, блестящей лит. формой, отточенным языком, эти соч. Паскаля сыграли огромную роль в истории фр. лит.-ры, оказав большое влияние на мн. писателей (*Ж. Расин, Мольер, М. де Севинье* и др.). П. относил Паскаля к числу фр. «истинно-великих писателей, покрывших (...) блеском конец XVII века» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 270; ср. отзыв в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной»,

1836 — Акад. XII, 69). При несомненном знакомстве П. с обоими знаменитыми соч. Паскаля он лишь один раз его процитировал («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 — Акад. XI, 54). Не имеют достаточной убедительности предположения, согласно к-рым в ст-нии «Твой и мой» (1814—1816) под «философами» (ст. 1) имелся в виду, в частности, Паскаль, а в ст-нии «Дар напрасный, дар случайный...» (1828) два стиха (5—6) являются парфразой его изречения. В б-ке П. сохранились оба произв. Паскаля в изд. 1829 (Библиотека П. № 1247—1248); книги разрезаны выборочно.

Лит.: АН 1900—1929. Т. 1. С. 292; *Иванов Вяч. Вс.* Заметки на полях текстов Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 31.

В. Д. Рак

ПЕЛЛИКО (Pellico) Сильвио (1789—1854), ит. поэт, драматург, публицист, член тайного общества карбонариев, ред. (1818—1819) ж-ла «Кончилияторе» («Il Conciliatore»), в к-ром проводились идеи нац.-освобод. борьбы и печатались первые манифесты миланской романтической школы. В 1820 был арестован австр. пр-вом и приговорен к смертной казни, замененной впоследствии тюремным заключением на 15 лет в крепости Шпильберг в Моравии. Выпущенный на свободу через 9 лет, П. опубликовал свои тюремные размышления в книге «Мои темницы» («Le mie prigioni», 1832), к-рая была переведена на мн. европ. языки, сделала Пеллико знаменитым и затмила его поэтич. произв.

В России соч. Пеллико были широко известны в подлиннике и фр. пер., его творчеством интересовались люди, близкие П., — П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, С. П. Шевырев, М. П. Погодин. Среди знакомых Пеллико были рус. литераторы (первым, и ближе всех, с ним познакомился в 1835 Вяземский во время путешествия по Италии). В 1835 был опубликован рус. пер. трактата Пеллико «Об обязанностях человека» («*Dei doveri degli uomini*», 1834), в 1836 — «Моих темниц». П. читал эти соч. во фр. пер., к-рые сохранились в его б-ке (Библиотека П. № 1250, 1251); позднее он приобрел 2-томное полн. собр. соч. (Parigi, 1835) Пеллико на ит. яз. (Там же. № 1252; не разрезано). В 1836 в связи с изд. нового пер. трактата П. написал рец. «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» (Совр. 1836. Т. 3; Акад. XII, 99—100), в к-рой сравнил эту книгу с Евангелием и отнес Пеллико к немногим «избранным», кто «в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя». Если, по словам П., в тюремных записках Пеллико «умилительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства», казались «искусством», то «книга „*Dei doveri*” устыдила нас, и разрешила тайну прекрасной души, тайну человека-христианина». Эта оценка не означала полного согласия П. с ит. писателем, о чем писал П. А. Вяземский, к-рый хорошо знал своего друга: «Посмотрите, с каким глубоким уважением Пушкин упоминает о книге Сильвио Пеллико, как верно и умирительно характеризует он ее в нескольких строках. Между тем взгляд Пушкина на жизнь — не взгляд Сильвио Пеллико. По-видимому, в них мало духовных соотношений и родства. Но Пушкин, как всякий избранный, питал сочувствие ко всему прекрасному, искреннему, возвышенному. Он в данное время постигал его даже и тут, где не был единомышленником» (Вяземский. Т. 2. С. 327). Рец. Пушкина была перепечатана как предисл. к рус. изд. трактата 1836. Пеллико был знаком с оценкой П. через Вяземского.

Предложенная в «Египетских ночах» для импровизации тема «*La prima verna veduta da una prigione*» («Весна, увиденная из темницы» — Акад. VIII, 272) является, возможно, реминисценцией «Моих темниц», где неоднократно описан вид на природу из разных тюрем, в том числе и весенней порой

(см. гл. 34, 61, 71, 79); в частности, по предположению Б. В. Томашевского, поводом для этой темы был эпизод в гл. 78, где рассказывается, как товарищ Пеллико по заключению импровизировал стихи, приведенные в примеч. к книге (Акад. в 10 т. (2). Т. 6. С. 778).

Лит.: *Розанов М. Н.* Пушкин и итальянские писатели XVIII и начала XIX века // Изв. АН СССР. Отд.-ние обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 352—356; *Нечаева В. С.* П. А. Вяземский как пропагандист творчества Пушкина во Франции // ЛН. Т. 58. С. 316—318; *Kauchtschischwili N.* Silvio Pellico e la Russia: Un capitolo sui rapporti culturali russo-italiani. Milano, 1963; *Бурсов Б. И.* Национальное своеобразие русской литературы. М.; Л., 1964. С. 90—91; *Фомичев. С.* 273—275; *Мухед П. В. А. С.* Пушкин и Сильвио Пеллико: (Из опыта интерпретации) // Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина: Тез. докл. и сообщ. межвуз. науч. конф. 22—24 ноября 1994 г. / Одес. гос. ун-т. Филол. фак. Каф. рус. лит. Одесса, 1994. С. 54—56.

Р. М. Горохова

ПЕРСИЙ (полное имя — Авл Персий Флакк, Aulus Persius Flaccus, 34—62), рим. поэт-сатирик. Этич. сатиры П. представляют собою философско-моралистические рассуждения, перемежаемые разнообразными зарисовками, характеристиками, описаниями, диалогами.

П. упомянул Персия единственный раз в «Послании к Великопольскому, сочинителю „Сатиры на игроков”» (1828), где назвал адресата «Персиевым наследником», имея в виду нравоучительный характер этого соч. («Так элегическую лиру Ты променял, наш моралист, На благочинную сатиру?»), в к-ром один из эпизодов отражал их с автором игру в карты (ср. кондовку пушкинского «Послания»: «Я с ним готов всю ночь не спать И до полднего сиянья Читать моральные посланья И проигрыш его писать»).

Ст-ния П. «К Лицинию (С латинского)» (1815) и «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому» (1835) примыкают к традиции псевдоперсиевой сатиры, начатой М. В. Милоновым («К Рубеллию. Сатира Персиева», 1810) и позднее продолженной К. Ф. Рылевым («К временщику. (Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)», 1820).

Лит.: *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 124.

С. Б. Федотова

ПЕТРАРКА (Petrarca) Франческо (1304—1374) ит. гуманист, писатель, полит. и культурный деятель. Основной областью своего творчества Петрарка считал ученые, полемические и поэтич. соч. на лат. яз., однако славу великого поэта ему принесла «Книга песен» («Canzoniere», 1330—1374, печ. изд. 1470) — сб. ст-ний на ит. яз., состоящий из 367 произв. разных жанров, среди к-рых наиболее многочисленны (317) сонеты, и названный автором в окончательной ред., положенной в основу критич. изд. (Cod. Vat. Lat. 3195): «Отрывки сочинений простонародных» («*Rezum vulgatum fragmenta*»). Сб. разделен на 4 части, из к-рых 1-я «На жизнь мадонны Лауры», 2-я «На смерть мадонны Лауры» и 4-я «Триумфы» (малая поэма в терцинах «*I Trionfi*») изображают любовное чувство Петрарки к замужней женщине, к-рую поэт встретил в 1327 и к-рой продолжал посвящать любовные стихи после ее смерти (1348). Опираясь на традицию поэтов «нового сладостного стиля» («*dolce stil nuovo*») выражать любые формы личного опыта через описания любви к женщине, Петрарка первым в европ. поэзии представил лирического героя, погруженного в непрерывный напряженный самоанализ и стремящегося через выражение любовной грусти раскрыть тайну вечно изменчивого образа собственной неповторимой личности. Также он внес конкретные черты в изображение возлюбленной, довел до классического совершенства форму сонета и выработал изощренные приемы стихотв. лирической риторики на нар. ит. яз.

Худож. открытия Петрарки в области любовной поэзии оказали сильнейшее воздействие на развитие европ. лирики Нового времени. В XVI в. в

Италии возникает движение петраркизма, к-рое распространяется во всех странах Европы. Используя стихотв. формы и фразеологию своего великого предшественника, поэты-петраркисты разрабатывают новые формы поэтич. самовыражения, видоизменяющиеся в соответствии с требованиями времени (маньеристская, барочная, сентиментальная и романтическая любовная лирика). В России первые стихи о Петрарке и пер. его стихов появляются в 1760-е; на рубеже XVIII—XIX вв. его творчество воспринимается в сентиментально-романтическом ключе, а биография становится образцом «вздыхательной» платонической любви.

Сведения о Петрарке и оценки его творчества П. получал из разнообразных лит. и др. источников, в т. ч. из лицейского курса словесности, а также в личном общении с ровесниками и литераторами старшего поколения. Пушк. восприятие Петрарки определялось двумя противоположными мнениями его старших современников и друзей — К. Н. Батюшкова и П. А. Катенина. Опираясь на суждения П.-Л. Женгена (Ginguené, 1748—1816) в его «Литературной истории Италии» («Histoire littéraire d'Italie», 1811—1824) и собственные впечатления, Батюшков видел в Петрарке одного из величайших поэтов Нового времени, преобразователя ит. лит. яз. Катенин ориентировался на критич. высказывания швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842), к-рый в своей кн. «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829) оценил творчество Петрарки как образец ложной аффектации и вычурности. От Батюшкова П. наследовал уважительное признание заслуг Петрарки по преобразованию ит. лит. яз., от Сисмонди и Катенина — иронически-отстраненное отношение к его личности и творчеству. Все цитаты П. из стихов Петрарки взяты им либо из книги Сисмонди, либо из статей Батюшкова, о чем свидетельствует не только их выбор, но и особенности ошибочных написаний. Все цитаты из сонетов Петрарки у П. приводятся в контексте ситуаций притворного или полупритворного любовного чувства, к-рое поддается изящному, обдуманному стихотв. описанию и потому вызывает сомнение в искренности. В этом выразился скептический взгляд П. на жанр сонета, к-рый с лицейских лет он считал поэтич. формой, требующей тщательной отделки, а не вдохновения, и его мнение не изменилось с годами, несмотря на знакомство с сонетами романтиков (А. А. Дельвига, А. Мицкевича, Ш.-О. Сент-Бёва и У. Вордсворта) и собственные опыты в этом жанре.

Свое отношение к лирике Петрарки и нашедшему в ней отражение гл. поэтич. моменту его биографии П. высказывает с нач. 1820-х в шуточных упоминаниях платонического чувства поэта к возлюбленной, к-рое для себя считает неприемлемым. В ст-нии «Приятелю» («Не притворяйся, милый друг...») (1821) поэт уверял своего адресата (Н. С. Алексеева), имея в виду его возлюбленную (М. Е. Эйхфельдт): «Она прелестная Лаура, Да я в Петрарки не гожусь». Влюбленность, вдохновлявшая П. при создании «Бахчисарайского фонтана», была им впоследствии осмыслена как неуместный «петраркизм», о чем он 25 авг. 1823 писал Л. С. Пушкину: «...я прочел ему (В. И. Туманскому. — А. Д.) отрывки из „Бахчисарайского фонтана“ (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру» (Акад. XIII, 67). Мысль о несовместимости бурных личных переживаний с обдуманным поэтич. творчеством П. развивает в создававшейся в это же время (9 мая—22 окт. 1823) гл. I «Евгения Онегина», где в строфах 58—59 творчество по примеру Петрарки описано как расчетливо используемое средство, не только спасающее от любовного недуга, но и способствующее приобретению славы, что неприемлемо для лирического героя пушк. романа. Строка «Язык Петрарки и любви» (гл. I, 49. 14) возникает в результате переработки вар.: «Язык изнеженной любви» и «Слова изнеженной любви» (Акад. VI, 250), к-рые можно рассматривать как косвенную пушк. характеристику

творческой манеры ит. поэта. В белой рукописи гл. III (8 февр.—2 окт. 1824) строфа 23, где говорится о показной благосклонности нарочито непреклонных кокеток, имела примеч., в к-ром цитировался сонет XC («Egano i carei d'oro a l'aura sparsi...»), пер.: Кудри златые ветерком развеваемы были; № по Cod. Vat. Lat. 3195): «E' l viso di pietosi color farsi Non so se vero o falso mi parea» (Акад. VI, 581; пер.: И лицо, мнилось мне, краскою сострада-ния покрылось, воистину или же притворно, не ведаю). В «Метели» (1830) поведение героини, сочетающее истинное чувство с искусным кокетством, характеризуется неточно и не полностью цитируемой («Se amor non è, che dunque?...»; пер.: Ежели сие не любовь, то что же?...; варианты цитаты: Акад. VIII, 618) первой строкой сонета CXXXII («S'Amor non è, che dunque quel ch'i'sento?»; № по Cod. Vat. Lat. 3195).

Упоминания Петрарки и цитаты из его ст-ний по др. поводам у П. относительно немногочисленны и не выходят за рамки самых общих оценок. С Петраркой он сопоставлял К. Н. Батюшкова («Причинами, замедлившими ход нашей словесности...»), 1824 — Акад. XI, 21) и М. В. Ломоносова («Об альманахе „Северная лира“»), 1827 — Акад. XII, 48, 319) как преобразователей лит. яз., деятелей, оказавших решающее влияние на развитие отеч. лит-ры и просвещения. Петрарка назван в ряду др. великих ит. поэтов, приведенном П. в письме к А. А. Бестужеву конца мая—нач. июня 1825 (Акад. XIII, 177) в опровержение суждения о том, что в лит-ре за «веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета» (*Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547*). Два стиха (с пропуском промежуточного между ними) из канцоны I к Джакомо Колонне поставлены эпиграфом к гл. VI «Евгения Онегина» (1826); их выбор мог быть обусловлен тем, что Сисмонди ставил эту канцону выше всех остальных ст-ний Петрарки (*De la littérature du Midi de L'Europe. 3-e éd. Paris, 1829. P. 422*). «Величавый» Петрарка упоминался в начальных вар. ст-ния «Кто знает край, где небо блещет...» (1828) (Акад. III, 646), но индивидуальной оценки поэта этот эпитет в себе не нес, т. к. в дальнейшем вар. он же сопровождает имя *T. Tasso*. В ст-нии «Сонет» (1830) развертывающаяся панорама этого жанра, долженствующая показать его богатые и разнообразные возможности, закономерно содержит строку: «В нем жар любви Петрарка изливал».

Нек-рые современники П. проводили параллели между ним и Петраркой. В. В. Измайлов писал ему 29 сент. 1826: «Пушкин достоин триумфов Петрарки и Тасса, но москвитяне не римляне, и Кремль не Капитолий» (Акад. XIII, 297). Е. Ф. Розен сообщал А. И. Подолинскому 24 ноября 1830, что П. «пишет вроде Петрарки: „Ты моя Мадонна! чистейшей прелести чистейший образец!“» (ЛН. Т. 58. С. 100; имеется в виду пушк. сонет «Мадонна»).

У П. имелся полный текст «Книги песен» в составе несохранившейся антологии ит. лит-ры («I quattro poeti italiani...») (2 ed. Parigi, 1836), изданной А. Буттура (Buttura, 1771—1832) (Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. С. 43. № 155).

Лит.: *Налимов А. П.* Отзвуки итальянской поэзии у Пушкина: (Историко-литературная заметка) // *Образование*. 1899. № 5/6. С. 56—57; *Щеголев П. Е.* Неизданная статья Пушкина об альманахе «Северная лира» // *ПиС*. Вып. 23/24. С. 1—8; *Яковлев Н. В.* Сонеты Пушкина в сравнительно-историческом освещении // П. в мировой лит-ре. С. 130—132; *Розанов М. Н.* Пушкин и Петрарка // *Моск. пушкинист*. Т. 2. С. 116—154; *Реморова Н. Б.* Вопросы западноевропейской культуры средних веков и Возрождения в статьях и заметках А. С. Пушкина // *Сб. тр. молодых ученых*. Томск, 1971. С. 102, 104—106; *Хлодовский Р. И.* 1) Пушкинская концепция классического национального стиля и его исторического развития // *Типология стиливого развития Нового времени: Классический стиль: Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле*. М., 1976. С. 195, 204, 205; 2) Пушкин и Петрарка : Гуманизм и гуманность Пушкина // *Вестн. РГНФ*. 2001. № 1. С. 308—316; *Солонович Е. М.* Петрарка в России: История вопроса и некоторые проблемы перевода // *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lin-*

gue romanze in russo. Milano, 1979. P. 315—327; *Полухтлова И. К.* Эпиграф к шестой главе «Евгения Онегина»: (Из истории русского Петрарки) // Проблема традиций и взаимовлияния в литературах стран Западной Европы и Америки XIX—XX вв. Горький, 1987. С. 71—78; *Shapiro Mich., Shapiro Mar.* Pushkin and Petrarch // Amer. Contributions to the 11 Intern. Congr. of Slavists. Bratislava, Aug.—Sept. 1993: Literature. Linguistics. Poetics / Ed. by R. A. Maguire, A. Timberlake. Columbus (Ohio), 1993. P. 154—169; *Пильщиков И. А.* 1) Из истории русско-итальянских литературных связей: (Батюшков, Петрарка, Данте) // Дантовские чтения, 1998. М., 2000. С. 16—18; 2) Пушкин и Петрарка: (Из комментариев к «Евгению Онегину») // Philologica. (Moscow; London), 2001. Т. 6. № 14/16. С. 7—40; 3) Мотивы Петрарки у Батюшкова и Пушкина (1815—1817 и 1821—1831) // Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003. С. 141—157; *Кошценко И. В.* Эпиграф из Петрарки в «Евгении Онегине» // Врем. ПК. Вып. 28. С. 144—150.

Библиогр.: Франческо Петрарка: Библиогр. указ. рус. пер. и критической лит. на рус. яз. / Сост. В. Т. Данченко. М., 1986 (по указ.).

А. О. Дёмин

ПЕТРОНИЙ, Петрон, по прозвищу Арбитр (Petronius Arbitr, ум. 66) Гай (у Плиния — Тит), предполагаемый автор сатирич. нравоописательного романа «Сатирикон» («Satyricon» или «Saturnae»), сохранившегося лишь во фрагментах отдельных составлявших его книг, точное число к-рых неизвестно. Приближенный рим. императора Нерона и распорядитель его развлечений, он, согласно рассказу *Тацита* в «Анналах» (Annales, XVI, 18—19; пер.: *Тацит К.* Соч.: В 2 т. / Изд. подгот. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Л., 1969. Т. 1. С. 319—320), был признан в тесном придворном кругу «законодателем изящного вкуса» (arbiter elegantiae) «в науке наслаждений». Обвиненный в участии в заговоре, он «не стал длить часы страха или надежды», совершив самоубийство. «Вместе с тем, расставаясь с жизнью, он не торопился ее оборвать и, вскрыв себе вены, то, сообразно своему желанию, перевязывал их, то снимал повязки; разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов и избегал всего, чем мог бы способствовать прославлению непоколебимости своего духа. И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души и мнений философов, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи (...) Затем он пообедал и погрузился в сон, дабы его конец, будучи вынужденным, уподобился естественной смерти» (Там же).

Неизвестно, читал ли П. в Лицее «Сатирикон» во фр. пер., но представление об этом произв. и его авторе он имел, получив его, по всей вероятности, из фр. трудов по истории лит-ры, в первую очередь «Лицея» *Ж.-Ф. де Лагарпа*, и лекций Н. Ф. Кошанского (о Петронии говорится в пособии: Ручная книга. С. 475—476). Это знакомство с романом, изображающим с натуралистической откровенностью падение нравов своего времени, отразилось в сатире П. «К Лицинию» (1815), воображаемый автор к-рой зовет адресата послания удалиться с ним в деревню, где собирается исполнить свое намерение: «Вспомнив старину за дедовским фиялом, Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом, В гремющей сатире порок изображу И нравы сих веков потомству обнажу» (ст. 61—64, имя рим. сатирика приведено здесь во фр. огласовке). В черн. наброске предисл. к гл. I «Евгения Онегина» (1824) «Петрон» упомянут, опять вместе с *Ювеналом*, в ряду «сатирических писателей», к-рые «далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу» в отношении «наблюдения строгой благопристойности в шуточном описании нравов» (Акад. VI, 528). В 1825 П. читал в Михайловском «Анналы» Тацита в полном, наверное, объеме, а в «Северной лире на 1827 год» — ст-ние С. Е. Рачи «Петроний к друзьям: (Из собрания стихотворений под названием „Эротическая лира древних“»)», лейтмотивом к-рого был призыв стоящего на пороге добровольной смерти лирического героя отдать последнюю в его жизни ночь наслаждению. П. начинал писать рец. на этот альманах («Об альманахе „Северная

лира”»), 1827), и ему же атрибутируется напечатанная в ЛГ (1830. 2 марта. № 13) заметка «Г. Раич счел за нужное ответить критикам...» (Акад. XI, 128), в к-рой между прочими упоминалось и это ст-ние.

Основательное знакомство П. с «Сатириконом» и сведениями о его предполагаемом авторе относится ко времени возникновения и разработки замысла «(Повести из римской жизни)» (1833—1835). В нач. этого периода он брал какое-то изд. «Сатирикона» у А. С. Норова (письмо П. от 10—15 ноября 1833 — Акад. XV, 94). У него самого имелось кельнское 2-томное переизд. (Cologne, 1694; лат.-фр. билингва) текста, напечатанного (Coloniae Agripinae, 1691; Rotterdam, 1693; Paris, 1693) якобы по найденной «полной» рукописи фр. офицером Франсуа Нодо (Nodot, ок. 1650—ок. 1710), дописавшим начало, конец и фрагменты-вставки для заполнения лакун (Библиотека П. № 1258). Приобрел он и новейший фр. пер. «Сатирикона» со «скептическими разысканиями» (les recherches sceptiques) касательно этого произв. и его автора (Т. 1—2. Paris, 1834—1835; текст с доп. Ф. Нодо; полностью разрезан т. 1 — Библиотека П. № 623); но выбор этого изд. не был, вероятно, целенаправленным, оно входило в собираемую П. серию «Латино-французской библиотеки» (Bibliothèque Latine—Française publiée par J. Pierrot).

В «(Повести)» П. опирался на сведения о Петронии, сообщенные не только Тацитом, но и Плинием (последние стали ему известны, возможно, через вторичные источники). Образ гл. персонажа, Петрония (называемого уже рус. соответствием лат. формы имени), основывался, по-видимому, на характеристике Тацита, к-рый писал, что, хотя этого человека вознесла к славе праздность, «его не считали распутником или расточителем, (...) но видели в нем знатока роскоши», воспринимая благосклонно «его слова и поступки (...) как свидетельство присущего ему простодушия» (*Тацит К.* Соч. Т. 1. С. 319). В беседах и развлечениях последних часов жизни героя должна была выступить, по-видимому, не чувственная сторона его натуры, как напр. в ст-нии Раича, но его интеллектуальная утонченность. Судя по написанному наброскам и составленному плану (Акад. VIII, 387—389, 931—936), в повести предполагалось использовать по образцу «Сатирикона» жанровую форму «менипповой сатуры (сатиры)», особенность к-рой состоит в смешении прозы и стихов и включении вставных эпизодов-новелл. Язык повести П. сознательно приближал к речевому стилю антич. повествования, для к-рого характерны изящество словесного выражения, точность, лаконичность, плавность течения и прозрачное построение фразы.

Лит.: Любомудров С. И. Античный мир в поэзии Пушкина. М., 1899. С. 57—60 (переизд.: Античные мотивы в поэзии Пушкина. 2-е изд. СПб., 1901. С. 62—64); Толстой И. И. Пушкин и античность // Учен. зап. ЛГПИ. 1938. Т. 14. С. 80—82; Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Врем. ПК. 1979. С. 15—27 (То же // Лотман. Пушкин. С. 281—292); Основат Л. С. «Каменный гость» как опыт диалогизации творческого сознания // ПИМ. Т. 15. С. 31—33.

В. Д. Рак, С. Б. Федотова

ПИНДАР (Πίνδαρος, 522/518—после 446 или 438 до н. э.), греч. поэт, классик торжественной хоровой лирики, сочинявший песнопения для исполнения на празднествах. Внешние признаки од Пиндара были усвоены европ. классицизмом XVII—XVIII вв. в жанре «высокой» панегирической оды. В рус. лит-ре блестящие образцы этого жанра представлены в творчестве М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина; по отношению к обоим поэтам широко употреблялась прономинация «Пиндар» (см.: *Свиясов Е. В.* Пронминация как вид метонимии: (На материале античных антропонимов) // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. СПб., 1996. С. 119—127).

П. познакомился с творчеством Пиндара в Лицее. Непосредственного отклика в его поэзии оно не получило (Д. П. Якубович даже предполагал, не вполне, м. б., справедливо, что П. едва ли хорошо знал сами оды греч. поэта; ранее переводчик «Евгения Онегина» на ит. яз. находил возможные их

реминисценции в 52 строфе VII гл. романа). «Лебедь стран Еллины», как назван Пиндар в поднесенном Державину автографе «Воспоминаний в Царском Селе» (1814) (Акад. I, 356), оставался для П. гл. обр. славным именем, символизирующим мощную лит. традицию, к-рую в рус. лит-ре он связывал прежде всего с Ломоносовым, называя его «Пиндаром Холмогора» («Тень Фон-Визина», 1815, ст. 259), «нашим Пиндаром» и «Росским Пиндаром» (черн. и беловая ред. статьи «(Путешествие из Москвы в Петербург)», дек. 1833—1835 — Акад. XI, 225, 248) и признав, что А. П. Сумароков «с большою точностью определил в одном полустии истинное достоинство Ломоносова-поэта: „Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен!“» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825 — Акад. XI, 33). Равнодушный с юных лет к жанру торжественной оды, хотя и отдавший ей определенную дань, П. относил оды Пиндара «к роду классическому» («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 36), т. е. для лит-ры архаическому, на смену к-рому пришла романтическая поэзия (ср. о Ломоносове: «...странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтоб человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики» — «О предисловии г-на Лемонте...» — Акад. XI, 33). Как синоним прилагательного «пиндарический» П. употреблял эпитет «высокопарный», придавая ему иронический оттенок: «...пиндарических похвал Высокопарные страницы» («Примите новую тетрадь...», 1821), «Нам наскучило слышать [пиндар(ические)] высокопарные прозвища, приклеенные к именам Ломоносова, Державина, Фон-Визина» (черн. ред. статьи «(О журнальной критике)», 1830 — Акад. XI, 360). В полемике об оде, развернувшейся в сер. 1820-х, возражая ее защитнику В. К. Кюхельбекеру, выступившему на страницах «Мнемозины» против «элегического» направления в рус. поэзии, П. обосновал свое холодное отношение к этому жанру, отметив его слабые в поэтич. отношении стороны: «...восторг исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следств.(енно) не в силе произвести истинное великое совершенство — (без которого нет лирич.(еской) поэзии). Гомер неизмеримо выше Пиндара — ода, не говоря уже об элегии, стоит на низших степенях поэм (...) [плана нет в оде] и не может быть (...) Какой план в Олимпийских одах Пиндара (...) ? Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого» («Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“», 1825—1826 — Акад. XI, 41—42). Упоминание Пиндара в паре с Гомером Д. П. Якубович считал «традиционной калькой» (ср. в письме к Л. С. Пушкину от 4 сент. 1822 — Акад. XIII, 45).

В 6-ке П. имелось изд.: «Пиндар, переведенный с греч. яз. И. Мартыновым» (СПб., 1827. Т. 1—2, разрезаны частично — Библиотека П. № 286).

Лит.: *Racconti poetici di Alessandro Puschin poeta russo, tradotti da Luigi Delâtre*. Firenze, 1856. P. 182; *Дергатуни Н. Ф.* Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит. М., 1938. Вып. 4: Пушкин и западно-европ. лит. С. 29, 30—31; *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 102, 104, 106—109, 118, 144, 158; *Garzonio S.* Sappho and Pindare in the critical commentary of Louis Delâtre to «Evgenii Onegin» // Пушкинский юбилейный. Иерусалим, 1999. С. 87—88.

С. Б. Федотова

ПИНДЕМОНТЕ, Пиндемонта (Pindemonte) Ипполито (1753—1828), ит. поэт. П. составил основное представление о творчестве Пиндемонте по очерку о нем в книге швейц. историка Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842) «О литературе Южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813—1829), откуда выписал на яз. подлинника пять строк из ст-ния «O felice chi mai non pose il piede Fuori della patria sua dolce terra...» (Акад. IV, 353; пер.: Счастлив тот, кто никогда не по-

кидал своей сладостной родной земли), намереваясь первонач. поставить их эпиграфом к «Кавказскому пленнику». К Сисмонди восходит и написание фамилии ит. поэта с конечным «и», употребленное П. дважды: под указ. выше эпиграфом и в загл. ст-ния «Из Пиндемонта» (1836). Известны были П. высказывания, отзывы и упоминания о Пиндемонте Ж. де Сталь («Коринна, или Италия», кн. 18, гл. 5), Байрона (предисл. к четвертой песни «Паломничества Чайльда Гарольда»; сатира «Бронзовый век», строфа IX; посвящение-предисл. к поэме «Пророчество Данте»; письмо к Дж. Меррею от 4 июня 1817) и др. Прямых доказательств или свидетельств непосредственного знакомства П. с произв. Пиндемонта не обнаружено. Несколько ст-ний Пиндемонта входили в имевшуюся у П. позднюю (Parigi, 1836) антологию ит. поэтов (Библиотека П.: Прилож. к репринт. изд. С. 43. № 155); читал ли их П., неизвестно, т. к. экз. не сохранился, во всяком случае среди них нет тех, к-рые исследователи соотносят со ст-ниями П.

Загл. «Из Пиндемонта» представляет собой мистификацию, однако выбор для ст-ния этого имени был, по-видимому, не случаен, имея опору в общем представлении П. о творчестве ит. поэта. По предположению М. Н. Розанова, не получившему в пушкиноведении единодушного признания, приписывая Пиндемонте свое ст-ние, П. ориентировался на его ст-ние «Политические мнения» («Le opinioni politiche») из сб. «Sermoni» (1808); близкая параллель пушк. стиху «Иная, лучшая потребна мне свобода» отмечена в ст-нии Пиндемонта «Удар в колокол св. Марка в Венеции» («Il Colpo di Martello nel campanile di San Marco in Venezia», 1820). Отмечено сходство мотивов ст-ний П. «К Овидию» (1821), «Андрей Шенье» (1825), «Когда за городом задумчив я брожу...» (1836), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) и ряда ст-ний и поэм Пиндемонта, в т. ч. «Кладбища» («I Cimiteri», 1806), «Гробницы» («I Sepolcri», 1808), «Истинная заслуга» («Il merito vero»), «Женевское озеро» («Lago di Ginevra»), однако совпадения не выходят за рамки общих мотивов европ. романтической поэзии, «самостоятельно зародившихся в душе Пушкина и встреченных затем у других поэтов» (М. Н. Розанов).

Лит.: Розанов М. Н. 1) Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонта» // Пушкин / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 111—142; 2) Элегия Пушкина «Андрей Шенье» и стихотворения Пиндемонта из эпохи революции // Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931. С. 250—255; Томашевский Б. В. Из пушкинских рукописей // ЛН. Т. 16/18. С. 317—318 (То же // Томашевский. Пушкин, II. С. 265); Алексеев. С. 155—156 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 150—152); Хлюдовский Р. Пушкин и Италия золотая // Puškin poeta e la sua arte: Colloquio italo-sovietico (Roma, 3—4 giugno, 1977). Roma, 1978. P. 141—142, 148; Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1993. С. 180—183.

Р. М. Горохова

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. П. выучил польский яз., по свидетельству О. И. Сенковского, уже в зрелом возрасте, «и то в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы» (Портретная и биографическая галерея словесности, наук, художеств и искусств в России. СПб., 1841. Вып. 1. С. 2). Сенковскому не вполне убедительно возражал С. Л. Пушкин: «Еще ошибка, будто А. С. Пушкин после учился по-польски. Он не учился этому языку, а мог его понимать столько, сколько все русские понимают другие славянские наречия» (Цявловский. Кн. восп. С. 376). Еще в 1824 П. ознакомился со ст-нием на польском яз. Г. Олизара «К Пушкину» по приложенному к автографу прозаич. пер. на фр. яз. Интерес к польскому яз. у П., вызванный, возможно, знакомством с А. Мицкевичем, подтверждается наличием в его б-ке грамматик польского яз. на нем. и польском яз. (Библиотека П. № 951, 1270) и словарей: 3-томного польско-немецко-французского (Там же. № 1451—1453) и словаря польского яз. С. Б. Линде (Там же. № 1105), в к-ром приведены

церковнослав. и рус. параллели. Однако твердо польский яз. П. не знал: в его копиях нач. 1830-х трех ст-ний Мицкевича много описок (Рукою П. С. 508—523).

Польская лит-ра в худож. сознании П. не занимала большого места. Несмотря на обширные знакомства с деятелями польской худож. культуры и пристальное внимание к польской древнейшей и соврем. истории, П. проявлял интерес только к творчеству Мицкевича. Кроме неск. томов ст-ний Мицкевича (Библиотека П. № 1166—1167) польская лит-ра представлена в б-ке П. анонимно изданной драмой Ю. Словацкого «Кордиан» (Там же. № 1049; возможно, что П. считал ее автором Мицкевича), а также романами на фр. яз. А. и Я. Потоцких.

Лит.: *Francew W.* Puszkina uczy się po polsku // *Wiadomości Literackie*. 1936. R. 13. № 18 (650). S. 3; *Бэла И. Ф.* Пушкин и польская культура // *Польско-русские литературные связи*. М., 1970. С. 156—174; *Mailak-Piwowska D.* Rosyjska poezja romantyczna w polskim życiu literackim lat 1822—1863. Wrocław, 1977. S. 25—76; *Кушаков А. В.* Пушкин и Польша. Тула, 1978 (2-е испр. и доп. изд. Тула, 1990); *Dworski A.* Puszkina w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983 (рус. пер.: *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб., 1999).

С. И. Николаев

ПОТОЦКИЙ (Potocki) Артур (1787—1832), гр., сын Я. Потоцкого. Польский меценат, офицер (был адъютантом командующего польскими войсками кн. Ю. Понятовского, а затем Александра I). Единственное произв. Потоцкого — ист. роман «Марина Мнишек, или Фрагменты из истории Польши» (*Marina Mniszek, ou Fragments de l'histoire de Pologne*. Paris, 1830; рус. пер.: Дмитрий Самозванец Второй или Тушинский: Исторический роман из летописей польских из XVI и XVII веков. М., 1833. Ч. 1—3); парижское изд. было у П. (Библиотека П. № 1276). Чтение романа связано с интересом П. к рус. истории нач. XVII в. и, возможно, с возникшим в 1826—1828 гг., но не осуществленным замыслом драматич. соч. «Димитрий и Марина». В письме к П. А. Плетневу от 11 апр. 1831 П. привел одну острогу Потоцкого (Акад. XIV, 161), возможно, со слов Е. К. Воронцовой (свояченицы Потоцкого), т. к. сведений о знакомстве П. с Потоцким нет.

Лит.: *Dworski A.* Puszkina w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983. S. 204—205 (рус. пер.: *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб., 1999. С. 197—198).

С. И. Николаев

ПОТОЦКИЙ (Potocki) Ян (в рус. традиции: Иван Осипович; 1761—1815), гр. Польский ученый, путешественник, писатель (писал только на фр. яз.). Почетный член Имп. Академии наук (1806), последние годы жизни провел в России, где были изданы и получили признание мн. его соч. Изданное посмертно описание путешествия Потоцкого на Кавказ в 1797—1798 (*Yoyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase*. Paris, 1829) было известно П. (Библиотека П. № 1279), к-рый использовал его при написании «Путешествия в Арзрум», где, заключая описание Дарьяльского ущелья (гл. 1), заметил: «Смотрите путешествие графа И. Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы» (Акад. VIII, 452). Под «испанскими романами» имеются в виду фрагменты романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» (*Manuscrit trouvé à Saragosse*. Saint-Petersbourg, 1804—1805), парижские изд. к-рых были у Пушкина (*Avedoro, histoire espagnole*. Paris, 1813; *Dix journées de la vie d'Alphonse Van-Worden*. Paris, 1814. — Библиотека П. № 1277, 1278). Хотя книги вышли анонимно, П. было известно авторство Потоцкого; в 1833 он даже предпринимал безуспешные попытки через Е. К. Воронцову (близкую с семейством Потоцких) разыскать рукопись полного текста романа, о существовании к-рой ходили слухи. Интерес П. к роману подтверждает и свидетельство П. А. Вяземского:

«Пушкин высоко ценил этот роман, в котором яркими и верными красками выдаются своенравные вымыслы арабской поэзии и не менее своенравные нравы и быт испанские» (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 153). По мотивам романа П. написал ст-ние «Альфонс садится на коня...» (2-я пол. 1835—1836), к-рое при первой публ. (1841) было означено как «начало поэмы», и нек-рые исследователи считают его незаконченным произв. Высыказывались также предположения (не вполне убедительные), что отдельные мотивы романа П. присутствуют в др. произв. Пушкина («Дубровский», «Каменный гость», «Влюбленный бес», «В евр(ейской) хижине лампада...»).

Лит.: *Krzyżanowski J.* Na manowcach «Drogi do Rosji»: Filozofow versus Kleiner // *Ruch Literacki.* 1934. № 3. S. 65—73; *Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзум» // *П. Врем.* Т. 2. С. 69—70 (То же // *Тынянов. С. 205*); *Чернобаев В. Г.* К истории наброска «Альфонс садится на коня» // *П. Врем.* Т. 4/5. С. 405—416; *Бэлла И. Ф.* 1) Пушкин и польская культура // *Польско-русские литературные связи.* М., 1970. С. 156—158; 2) Пушкин и Ян Потоцкий // *Искусство слова.* М., 1973. С. 125—134; 3) *Potocki i Puszkina // Belza I. Portrety romantyków.* Warszawa, 1974. S. 131—141; *Ланда С. С.* 1) Ян Потоцкий и его роман «Рукопись, найденная в Сарагосе» // *Потоцкий Я. Рукопись, найденная в Сарагосе.* М., 1971. С. 31—32; 2) «Повешенные» Яна Потоцкого в литературных интересах Пушкина // *Ланда С. С.* «Я вижу некий свет...». СПб., 1999. С. 175—182; *Dworski A.* 1) *Puszkina i Jan Potocki // O poetyce Aleksandra Puszkina.* Poznań, 1975. S. 177—188; 2) *Puszkina w kręgu kultury polskiej.* Wrocław, 1983. S. 204—234 (рус. пер.: *Дворский А.* Пушкин и польская культура. СПб., 1999. С. 197—226).

С. И. Николаев

ПРАДОН (Pradon) Никола (1632—1698; по др. сведениям наст. имя — Жак, род. 1644), фр. драматург. В 1677 вступил в соперничество с *Ж. Расином*, написав трагедию «Федра и Ипполит» («Phèdre et Hippolite»). Недоброжелатели Расина создали закулисной интригой видимость провала его «Федры» и успеха пьесы Прадона, на к-рого после этого из лагеря сторонников Расина, возглавлявшегося *Н. Буало*, обрушился поток язвительных насмешек, эпиграмм, анекдотов. Имя Прадона приобрело нарицательное значение бездарного и честолюбивого поэта. В этом смысле Прадон упомянут П. в послании «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...») (1815). Из всего наследия Прадона известностью пользовался лишь один его мадригал, признававшийся образцовым и в этом качестве фигурировавший в лекциях *Н. Ф. Кошанского*. Прозаич. пер. этого четверостишия П. вписал (ноябрь 1811—1812 ?) в альбом своего лицейского товарища кн. *А. М. Горчакова* (Рукою П. С. 227).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ПРИЖИЗНЕННАЯ ИЗВЕСТНОСТЬ ПУШКИНА ЗА РУБЕЖОМ

АНГЛИЯ (Великобритания). Источником первого в англ. прессе упоминания о П. стала аноним. заметка во фр. ж-ле «*Revue encyclopédique*» (1821. Т. 9. Liv. 26. P. 382); в том же году она была сокращенно переведена в отделе «Летопись» («*Historical Register. Foreign Varieties. Russia*») декабрьского номера ж-ла «*The New Monthly Magazine and Literary Journal*» (1821. Vol. 3. P. 621). «Внимание друзей литературы, — говорилось в сообщении, — привлечено к только что опубликованной романтической поэме „Руслан и Людмила“, автор которой господин Пушкин, бывший воспитанник Царскосельского лицея, ныне состоит при генерал-губернаторе Бессарабии; ему не более 22 лет». Через три года в том же ж-ле и в том же отделе появилась заметка «Русская поэзия» (*Russian Poetry // The New Monthly Magazine and Literary Journal.* 1824. Vol. 12. P. 545—546), целиком посвященная П. и восходящая к статье *Е. А. Энгельгардта* в нем. период. изд. «*Literatur-Blatt*» (1824. 13. Aug. № 65. S. 259—260; см. с. 257—258), возможно, через ее фр. пер. в ж-ле «*Le Globe*» (1824. № 1. 15 Sept. P. 3; см. с. 269). П. был представлен англ. читателям как «литературный феномен, одаренный

природою всеми качествами превосходного поэта». В заметке говорилось, что «свой творческий путь (his career) он начал так, как многие свой были бы счастливы завершить», но при этом обращалось внимание и на обратную сторону этого раннего успеха, состоявшую в том, что ст-ние «“Воспоминание о Царском Селе” (так в ж-ле! — В. Р.) получило, может быть, слишком громкое и общее одобрение» и «с тех пор юноша помышлял только о лаврах (the Muses' wreath), пренебрегая более серьезными занятиями, столь необходимыми поэту». О произв. П. сообщалось, что «тем не менее» он написал «ряд прелестных небольших стихотворений» и три поэмы: «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», к-рые «служат подлинным украшением русского Парнаса и в наше время увлечения переводами обладают особым достоинством — они полностью самобытны (original)». Все три поэмы получили в заметке похвальные оценки, причем «Бахчисарайский фонтан» был назван «новейшим сочинением, которое, хотя и небольшое, превосходит, по единодушному мнению критиков, все написанное им (Пушкиным. — В. Р.) до этого». Отмечен был и большой авт. гонорар за эту поэму, сильно впечатлявший тех в лит. кругах Западной Европы, кому доводилось о нем узнать. Неск. след. лет эта заметка оставалась самым подробным известием о П. в англ. печати; др. были менее информативными, сообщавшими скудные и нередко искаженные сведения.

В 1824 в самом первом номере новоучрежденного ж-ла «Westminster Review» была напечатана статья «Политика и литература в России», представлявшая в своей лит. части изложение (по нем. пер. в ж-ле «St. Petersburgische Zeitschrift») статьи А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России»; автором был предположительно сам ред. ж-ла Джон Бауринг (Bowring, 1792—1872), побывавший в 1819 в Петербурге, составивший там знакомства с рус. литераторами, выучивший в какой-то степени рус. яз. и по возвращении на родину издавший 2-томную антологию рус. поэзии (1821—1823). Пространный восторженный отзыв А. А. Бестужева о П. он сильно сократил, выбрав лишь фразы о том, что П. оригинален и что его поэмы «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник» «исполнены превосходных картин» (Politics and Literature of Russia // Westminster Review. 1824. Vol. 1. № 1. Jan. P. 98). По всей вероятности, Баурингу принадлежала и рец. на фр. и ит. пер. басен И. А. Крылова, где, рассуждая об удобстве этого жанра для обличения злоупотреблений при деспотическом режиме и об опасности прямых выступлений, он привел в качестве примера судьбу П., к-рый «рискунул усомниться в мудрости некоторых указов Русского Самодержца и был сослан набираться опыта в снегах Сибири» (I. A. Krilov's Russian Fables // Westminster Review. 1825. Vol. 4. July. P. 178). В аноним. рец. на 2-й том изданной К. Ф. фон дер Боргом (Borg, 1794—1848) в 1820—1823 нем. антологии рус. поэзии (см. с. 256—257) П. был упомянут в ряду «более или менее достойных» рус. поэтов, к-рый включал М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова (в рец.: Сумаров), Г. Р. Державина и Диницева (И. И. Дмитриев ?); о П. сообщалось, что он «родился в Петербурге в 1799 году и написал несколько хороших романтических вещей» (The Universal Review or Chronicle of the Literature of all Nations. (London), 1825. Vol. 2. № 6. P. 692). Источником этой заметки могла быть рец. на антологию фон дер Борга в «Revue encyclopédique» (1824. T. 24. Cah. 71. Nov. P. 391—394; ср. с. 269). Ж-л «The Literary Chronicle», уделивший на своих стр. неск. строк рус. лит-ре, выражал удовлетворение тем, что появилась возможность «составить некоторое понятие о литературном таланте русских» по пер. их произв. на зап.-европ. яз. В их числе фигурирует и фр. пер. «Бахчисарайского фонтана», а об авторе поэмы сказано, что, «несмотря на свою молодость, (он) один из самых известных (the most popular) из живущих русских поэтов и уже приобрел немаловажную славу» (The Literary Chronicle and Weekly Review. 1826. 29 July. № 376. P. 476). Впрочем, больший, кажется, инте-

рес вызвал у англ. журналиста И. И. Козлов сходством своей судьбы с судьбою *Гомера, Д. Мильтона* и *Ж. Делюля*, а также в качестве «жаркого обожателя Байрона». Пассаж из «The Literary Chronicle» о рус. лит-ре был целиком переведен в МТ (1827. Ч. 13. № 3. С. 257—258), причем вследствие неточного понимания слов «the most popular» П. был объявлен «одним из самых народных» поэтов.

В дальнейшем отзывы о П. становятся более развернутыми и содержательными, оценки — глубже, касаясь разных сторон его творчества, хотя по-прежнему мн. суждения основываются не на прямом знакомстве с его произв., а на информации, полученной из вторых рук, в т. ч. из рус. источников. Запоздалая рец. в ж-ле «Foreign Quarterly Review» (1827. Vol. 1. № 2. Nov. P. 595—631; о П.: P. 624—625) на изданную в 1823 Э. Дюпре де Сен Мором (Dupré de Saint-Maur, 1772—1854) фр. антологию рус. поэзии (см. с. 268), написанная редактором этого ежеквартальника Джоном Джорджем Кокрином (Cochrane, 1781—1852) при возможном участии секретаря рус. посольства И. Я. Смирнова (ум. 1842), опиралась частично на фр. статью Н. И. Бахтина «Взгляд на историю славянского языка и на движение цивилизации и литературы в России» (см. с. 270—271). Фрагмент о П. заимствован из нее слово в слово; от себя англ. автор добавил в скобках лишь одну фразу, содержащую грубую ошибку непонятого происхождения: по его словам, молодой поэт «начал свой путь в литературе с перевода шекспировского „Короля Лира“». П. представал в рец., как и вся рус. лит-ра, в специфическом, беспристрастном освещении рус. «младоархаиста», что не могли, разумеется, в полной мере уловить ни англ. журналист, ни, вероятно, его возможный соавтор, родившийся в Англии и не имевший прочных связей в России, ни читатели, ничего не знавшие о борьбе в России лит. направлений и групп и о полемике между ними. Отмечалось, что П., «очень молодой лирический поэт», «уже приобрел славу, затмевающую многих других», и что он явился начинателем в России быстро приобретающего там огромную популярность жанра романт. поэмы в манере Байрона. Достоинствами его соч. в этом роде, из к-рых был назван по загл. только «Кавказский пленник», признавались «легкий, гармонический и сладкозвучный стих, естественные и поэтичные описания»; недостатками — «отсутствие плана и цельности (ensemble), однообразие чувств и повторение некоторых излюбленных выражений». Лучшим его произв. объявлялась поэма «Руслан и Людмила», и выражалось сожаление по поводу того, что П. не продолжил писать «в этом истинно национальном роде» и не домогался стать «русским Ариосто».

Др. источником оценок рус. поэтов явилась для англичан статья П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (СЦ 1825. С. 3—80, о П.: С. 42—45; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 246—247), изложение к-рой, включенное в обзорную статью «Литературные известия с континента» («Continental literary intelligence») ж-ла «Foreign Review, and Continental Miscellany» (1828. Vol. 1. № 2. P. 662—664; о П.: P. 663), содержало и неск. строк о П. «Письмо» Плетнева могло стать известно сотруднику англ. ж-ла через посредство статьи Адольфа Мюллнера (Müllner, 1774—1829) в нем. период. изд. «Mitternachtblatt» (1827. № 202; ср. с. 258). Кто-то из русских, находившихся в Лондоне в 1828, был, по всей вероятности, причастен к напечатанной в том же ж-ле большой рец. на книгу Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822); в этой статье обзор творчества П., занимающий неск. страниц, отличается подробностью и обстоятельностью (Foreign Review. 1828. Vol. 2. № 4. P. 279—309; о П.: P. 295—300), впервые включая пер. на англ. яз. отрывков из «Руслана и Людмилы» (описание долины смерти из песни III и песня девы из песни IV), «Кавказского пленника» (ч. I, ст. 1—13) и «Братьев разбойников» (ст. 1—18). Подойдя по ходу ист. очерка рус. лит-ры к П., автор рецензии начинает разговор о нем с «восхитительной поэмы» «Руслан и Людмила», в к-рой от-

мечает мастерство описаний, живость и легкость повествования (powers of description, and a rapidity and brilliance of narrative), принесшие молодому поэту имя «северного Ариосто». Содержание этого «рыцарского романа» (romance) рассказано, по его мнению, с изяществом (with a grace and felicity), «которое сделало бы честь и автору „Женитьбы Трирмана”» (из поэм Вальтера Скотта взята для сравнения именно эта, вероятно, потому, что в ней есть общие с «Русланом и Людмилой» сюжетные мотивы, имеющие, впрочем, долгую и разнообразную лит. историю и к Пушкину пришедшие иными путями: рыцарь, предающийся неге в замке волшебницы; погруженная волшебником в сон красавица, пробуждаемая поцелуем рыцаря). В «Кавказском пленнике» рецензент находит «еще большую силу» и «энергию», к-рые «часто напоминают (...) о Байроне в его „Корсаре”». Это был второй случай сопоставления П. с Байроном в англ. печати, и отныне оно станет надолго в ней общим местом. Родственность Байрону видит рецензент и в «Бахчисарайском фонтане», к-рый он ценит выше предшествующих поэм по глубине чувства и поэтич. красноречию. Первым в англ. печати говорит он о «Евгении Онегине», напоминающем ему своей сатирой на светское об-во поэму Байрона «Беппо», а способом издания отдельными главами — «Дон Жуана». Отказываясь судить о достоинствах этого произв. по причине его незавершенности, он ограничивается замечанием о том, что оно «любопытно изображением нравов высшего общества в России, но также привлекает взлетами высокой поэзии, а временами глубиной проявляемого чувства». Мельком упоминаются в рец. «Цыганы» (к этой поэме автор статьи относится весьма прохладно, хотя и отмечает, что в ней «сцены набросаны с талантом, а порою нарисованы с подлинной силой»), «Братья разбойники» (они представляются критику лишь простой зарисовкой разбойничьего быта и не нравятся своей бессюжетностью, хотя исполнены «большого поэтического чувства») и «Вадим». Заклучая, рецензент выражает сожаление по поводу «плодовитости» П., предпочитая, чтобы он «приложил свои способности к созданию произведения, которое возбуждало бы разнообразный и неослабный интерес, было бы достойно его дара (powers) и оправдало бы обещания совершенства, заявленные в его „Руслане и Людмиле”». В одном номере с рец. на книгу Н. И. Греча было напечатано сообщение из Петербурга о том, что в печати находится «“Борис Годунов”, трагедия Александра Пушкина, которая, как ожидается, откроет новую эпоху в анналах русской драматической литературы» (Ibid. P. 548).

Продолжал следить за публикациями и успехом соч. П. и ж-л «Foreign Quarterly Review», где о них сообщалось в библиогр. отделе («Miscellaneous literary notices»), к-рый вел книгопродавец и библиотекарь Джон Макрей (Macrey, 1796—1878): о портрете П. в СЦ; о выходе «Цыган» и «Братьев разбойников», пяти глав «Евгения Онегина», второго изд. «Руслана и Людмилы», нем. пер. «Бахчисарайского фонтана» с очередным упоминанием гонорара, полученного П. за эту поэму (1828. Vol. 3. № 5. Sept. P. 340—341); об огромном успехе «Цыган» и «Братьев разбойников» (1829. Vol. 4. № 7. Apr. P. 256); упоминание «Полтавы» (1830. Vol. 6. № 12. Oct. P. 543); о выходе «Бориса Годунова», к-рый «красотою языка и поэтическим богатством превосходит все предыдущие творения» П. (1831. Vol. 8. № 15. July. P. 256); о выходе новой гл. «Евгения Онегина», «слишком повторяющей своим тоном предыдущие, но содержащей много прекрасных мест и много проявлений истинной поэзии» (1831. Vol. 8. № 16. Oct. P. 519); о выходе «Повестей Белкина», отличающихся «не только естественной легкостью и простотою стиля, но также интересным повествованием и мастерством держать в напряжении чувства и любопытство читателя» (1832. Vol. 10. № 19. Aug. P. 274). Извещая в очередной раз о «Евгении Онегине» (видимо, в связи с выходом гл. VI), «Foreign Quarterly Review» (1829. Vol. 3. № 6. Jan.) сообщал, что «молодой русский учитель, живущий уже некоторое время в Лондоне, намерен, если встретит одобрение и поддержку, опубликовать том

избранных произведений лучших (русских) прозаиков и поэтов с верными английскими переводами» (*Brewster D. West-East Passage: A Study in Literary Relationships. London, 1954. P. 53; ЛН. Т. 91. С. 246*). Наряду с похвалами П. ж-л обращал внимание и на его слабые стороны. Высказанные в аноним. статье о рус. романистах замечания о бедности худож. лит-ры в России включали осуждение «отрывочного и эскизного» (*scrappy and sketchy*) характера творчества П., к-рый «предпочитает выставлять свою многосторонность и леность», вместо того чтобы обратить свой талант на создание большого по объему произв. (*Russian Novels and Novelists: Bulgarin // Foreign Quarterly Review. 1831. Vol. 8. № 15. July. P. 117—119; Brewster D. West-East Passage. P. 54*). Автором этой и ряда др. ст. о рус. лит-ре в «*Foreign Quarterly Review*» был Уильям Генри Лидс (*Leeds, 1786—1866*), к-рый, должно быть, основательно владел рус. яз. (но нет никаких сведений о том, где и зачем он так его выгучил) и хорошо знал в подлиннике соч. не только П., но и др. рус. писателей.

С того же времени имя П. начинает встречаться в письмах и мемуарах англичан, побывавших в России. Врач Огастус Бошци Гренвил (1783—1872), посетивший Петербург в 1828, с П. не встречался и отведенные ему строки в изданном тогда же описании своей поездки (*Granville A. B. St. Petersburg: A Journal of Travels to and from that Capital. London, 1828. Vol. 2. P. 244—246*) скомпилировал из сообщений, ранее появлявшихся в англ. прессе («*The New Monthly Magazine*», «*Foreign Quarterly Review*»), повторив и ошибку относительно пер. «Короля Лира». Вместе с тем он первым из англичан употребил применительно к П. антонимию «русский Байрон» (возможно, отголосок слышанного в России) и назвал «Оду свободе» («*Ode to Liberty*») причиной неудовольствия властей поэтом в предыдущее царствование, о чем на Западе ходили неясные слухи. Др. англ. врач Эдвард Мортон писал, что за эту оду П. был сослан в Сибирь (*Morton E. Travels in Russia and a Residence at St. Petersburg and Odessa in the Years 1827—1829. London, 1830. P. 68—69*). В отличие от этих медиков их соотечественник Томас Рейкс (1777—1848), приехавший в Петербург в конце 1829, познакомился с П. и в письме от 24 дек. 1829, к-рое он включил в свою книгу, изданную уже после смерти П. (*Raikes T. A Visit to St. Petersburg in the Winter of 1829—30. London, 1838. P. 84—88, 193; перепеч. и рус. пер.: Глинка. С. 105—110*), рассказал о впечатлении, произведенном на него «русским Байроном», «знаменитым и вместе с тем единственным поэтом в России», а в дневнике записал 1 марта 1830 беседу с ним (*Raikes T. A Portion of the Journal kept ... from 1831 to 1847... London, 1857. Vol. 3. P. 129—130*). Высокомерный, пустой англ. денди, путешествовавший из праздности и не приобретший за свое кратковременное пребывание в России сколь-либо четких знаний о рус. лит-ре, не понял П. как человека, чьими самыми примечательными чертами ему показались пристрастие к картам и неопрятность, и не узнал его как поэта, довольствовавшись предположением о том, что «при такой скудости литературы и литературного вкуса (...) сочинения его могут быть переоценены его читателями, и так как его гений не возбуждается соревнованием, они, вероятно, не очень объемисты, частью потому, что он, будучи доволен своею славою, редко обращается к своей музе, кроме тех случаев, когда его денежные средства приходят в упадок». В этой характеристике П. слышны отзвуки салонных разговоров и сплетен. Называя П. «либералом», Рейкс пишет о его тайной причастности к «последнему заговору» и приводит полностью «Кинжал» во фр. прозаич. пер. Ж. Ансело, замечая при этом, что «при таком неограниченном правительстве» не знает, «чему больше удивляться: смелости ли поэта, который написал такое дерзкое и преступное стихотворение, или же великодушию государя, который отнесся к нему снисходительно»; ст-ние несет, по его мнению, «отпечаток гения». Общался с П. во время своей остановки в рус. столице (янв.—февр. 1830) и англ. офицер Джеймс Эдвард Александер (1803—1885); в книге о

своей поездке он бегло коснулся рус. лит-ры, дав краткие характеристики ряда писателей, в т. ч. сказав о П., что он «столь же успешно», как Жуковский-переводчик *Т. Грея*, *Т. Мура* и *Ф. Шиллера*, «владеет могучей лирой Байрона» и что «многие из его оригинальных произведений имеют сатирический оттенок» (*Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829*. London, 1830. Vol. 2. P. 250). Капитан Чарлз Колвилл Фрэнкленд (1797—1876) опубликовал в составе своего дневника пребывания в России записи о трех встречах в мае 1831 с П. (*Frankland C. C. Narrative of a Visit to the Courts of Russia and Sweden, in the Years 1830 and 1831*. London, 1832. Vol. 2. P. 227, 232, 235—246, 249—250, 269—270; рус. пер.: Казанский 1. С. 308—314), к-рого, следуя уже сложившей традиции, тоже называет «русским Байроном». В П. он нашел умного и здравомыслящего собеседника, «основательно знакомого с политической, гражданской и литературной историей своей страны, а также вполне осведомленного о погрешностях и пороках русского управления». Разговор между ними шел о реформе полит. системы России, сосредоточившись гл. обр. на вопросе об освобождении крестьян, в связи с чем П. изложил свою т. зр. на положение крепостных, в основе к-рой лежало убеждение, что рус. крестьянин «огнюдь не несчастен, не бедствует и не недоволен своей участью», а свободу, составляющую для «культурного человека» бесценное благо, «некультурный человек» не может «оценить (...), получить от нее пользу, сохранить ее». Беседа показала Фрэнкленду, что П. придерживается «того мнения (как все разумные и хорошие люди), что никакая большая и существенная перемена не может иметь места в политическом и общественном строе этой обширной и разнородной империи иначе, как постепенными и осторожными шагами, каждый из которых должен быть поставлен на твердую основу культурного подъема, или, другими словами, на просветлении человеческих взглядов и на расширении разумений».

Между тем не оставляя П. своим вниманием англ. период. печать. Малоизвестный еженедельник «*Foreign Literary Gazette, and Weekly Epitome of Continental Literature, Sciences, Arts, etc.*» (1830. Febr. 3. № 5. P. 68—69) поместил рец. на шесть глав «Евгения Онегина», опирающуюся, по всей вероятности, на какой-то рус. источник (это предположение подсказывает фраза: «...the Russian periodicals have since indulged us with fragments of a continuation of this poem...»; пер.: после этого русские журналы доставляли нам удовольствие, печатая отрывки продолжения этой поэмы (т.е. «Евгения Онегина»; курсив мой. — *B. P.*), но, возможно, через посредство нем. публикации. Вместе с тем статья содержит грубые фактические ошибки, к-рые не мог допустить рус. человек и далеко не все из к-рых могут быть объяснены погрешностями перевода: П. возведен в графское («Count») достоинство; начало его творческого пути отнесено к 1772; «Воспоминания в Царском Селе» названы «Восстанием в Царском Селе» («The Revolt of Zarskoje-Selo»); об «Оде свободе» говорится, что она навлекла на П. гнев и он «был выслан из Петербурга, но одновременно ему была оказана честь управлять южными провинциями (at the same time honoured with a governorship in the southern provinces)»; в числе публикуемых в ж-лах отрывков продолжения «Евгения Онегина» выделен «Приезд Онегина (!) в Москву» (т. е. гл. VII, 36—38). По мнению автора статьи, П. отличают «большие творческие способности, живой талант к сатире, изящный (cultivated) стиль и свобода мысли»; за последнюю он поплатился ссылкой, имевшей и свою положительную сторону в том смысле, что климат и природа юга оказали благотворное влияние на его вкус и воображение (fancy). Получив от нового «самодержца» (Autocrat) разрешение вернуться в столицу, он там закончил свое «замечательное творение» (singular performance), за к-рое гонорар превысил даже впечатляющую сумму, принесенную ему «Бахчисарайским фонтаном». Обойдя «Руслана и Людмилу» молчанием, рецензент, со ссылкой на рус. критиков, отмечает влияние Байрона в «Кавказском пленнике» и

«Бахчисарайском фонтане», от себя добавляя, что «Дон Жуан» стал «родителем» (parent) «Евгения Онегина». В основной своей части рец. содержит пересказ содержания пушк. романа, иллюстрируемый тремя цитатами (характеристика Ленского при его первом появлении; разговор Онегина с Ленским о Татьяне и Ольге; заключительные строки сцены дуэли) — первыми из него переводяму на англ. яз.

Восторженную характеристику П. содержали «Русские анекдоты», написанные офицером британского военного флота капитаном Фредериком Чемьером (1796—1870) по впечатлениям от пребывания в России в 1827—1828 ([*Chamier F.*] *Anecdotes of Russia // The New Monthly Magazine.* 1830. Vol. 29. P. 73—81; о П.: P. 73—75, 79, 80). Мнение Чемьера о П. сложилось, по всей видимости, из слышанного о нем от П. А. Вяземского, И. И. Козлова и, м. б., др. рус. знакомых. «Пушкин стоит выше всяческих похвал, — говорится в статье, — он обладает живостью, воображением и оригинальностью в равной мере с некоторыми величайшими поэтами; в России его называют русским Байроном и считают величайшим из поэтов всех времен. (...) Приходится сильно жалеть, что ни один английский писатель не перевел его произведений». В частичное восполнение этого пробела Чемьер приводит отрывок из «Бахчисарайского фонтана» (ст. 135—154) в англ. пер. И. И. Козлова, к-рый, по его словам, перевел в свое время на англ. яз. всю поэму и даже посылал свой труд самому Байрону. В отличие от своих предшественников, писавших о возвращении П. из ссылки как о благодеянии вступившего на престол нового монарха, Чемьер показывает, как стесняет поэта установленная царем личная цензура его произведений: «Пушкину много досталось от этой добродушной цензуры, и ему стало невозможно писать стихи в положении, близком к положению Дамокла; волос может порваться и меч упасть, одно истолкованное в дурном смысле выражение может отправить его под надзор губернатора Сибири. По этой причине мы в последнее время мало слышали о новых сочинениях северного Байрона». Рассказав далее о широком распространении в России пушк. «Кинжала» в прозаич. фр. пер. *Ж. Ансело*, автор «Анекдотов» предупреждает, что, находясь в Петербурге под наблюдением полиции, П. «вряд ли сможет позволить своей музе подобные взлеты мести или такую неумеренную похвалу кинжалу». Тем не менее статья кончается пассажем, в к-ром звучит уверенность в том, что Россия неуклонно движется по пути к свободе (чему важным признаком служит восстание декабристов) и «тогда, можно ожидать, расцветет гений, столь заметный и сейчас, в своем зародыше, хотя поврежденный и задержанный в своем развитии».

Ж-л «Foreign Quarterly Review», регулярно, с первого же года своего существования, информировавший англичан о П. (см. с. 247, 248), представил самый глубокий на то время в Англии критический анализ его творчества в статье У. Г. Лидса «Пушкин и Рылеев» (*Russian Poetry: Pushkin and Rilae- ev // 1832. Vol. 9. № 18. May. P. 398—418; сокр. рус. пер.: Казанский 2. С. 118—122*), написанной в связи с «Полтавой». Констатировав малую известность П. в Европе, но признавая вместе с тем за ним право на «европейское имя в качестве представителя и вождя современной поэтической литературы своей страны в глазах европейской критики», Лидс начинает свой разбор с подробного рассмотрения вопроса о том, в какой мере поэзия Пушкина находится под влиянием Байрона. По его мнению, бытующее в России название «русский Байрон» несет двойственную коннотацию, будучи «слишком лестным, если хотят этим внушить, что его (Пушкина. — *В. Р.*) поэтические силы равны мощи английского певца, и нелестным, если говорят только о внешнем сходстве манеры». Второе для него бесспорно: П., пишет он, «взял Байрона за образец и выработал на нем свой стиль и способ трактовки сюжета, не говоря уже о том, что он следовал его жанру». Развивая это утверждение, рецензент поясняет каждый его пункт. «Байроническим» признает он пушкинский стиль, реализующийся в повествовании,

«одновременно красочном и лирическом, то быстром и сжатом, более намекающем на события и обстоятельства, чем их излагающем, то снова задерживающемся на частностях, представляя их поэтически выразительно и рельефно». К Байрону возводит он и фрагментарную композицию поэм П., складывающихся из отрывочных эпизодов, сцен и положений, к-рые спасает от того, чтобы быть скучными и бледными (insipidity), одушевляющее их мастерство исполнения, придающее им живость и способность впечатлять. Попутно Лидс высказывает сожаление по поводу того, что П. тратит свое дарование на малые эскизы (brief sketches), вместо того чтобы посвятить его предмету, который вывел бы его на большие просторы. Подобно «Гяуру», «Осаде Коринфа», «Мазепе» и др. соч. Байрона в этом роде, поэмы П. не принадлежат, как считает Лидс, ни к эпосу, ни к балладам, ни к др. существующим стихотв. жанрам, а близки к драматическим произв. обильным использованием монологов и диалогов, в то время как авторское повествование проникнуто сильным лиризмом, отличаясь быстрыми переходами, свободным, увлекающим движением, живостью мысли и энергичным слогом. Примеру Байрона, продолжается в рец. сопоставление двух поэтов, следовал побуждаемый чувством соревнования П. и тогда, когда обратился к сатирич. повествованию в «Евгении Онегине», оказавшемся «много ниже» своих образцов — «Беппо» и «Дон Жуана». П. «лучше удастся то, что требует стиля красочного, романтического и проникнутого чувством, нежели то, что зависит от легкой шутки или беспощадной, едкой язвительности». В «Онегине» отсутствует и байроновская резкая колкость, и необычные, причудливые каламбурные рифмы (compound rhymes), усиливающие шутливость и придающие ей дополнительную пикантность; его более отличает спокойная легкость, чем живость повествования, нет в нем и остроумия на случай, столь характерного для раздраженной музыки Байрона. Закljučая вступительный раздел своей статьи, Лидс отмечает новаторскую роль П. в рус. лит-ре, проявившуюся в том, что он отвлек ее от устаревших фр. образцов, обновил творческую и критич. мысль рус. литераторов и выступил основателем новой, ближе стоящей к соврем. европ. уровню школы, к-рая, «освободившись от установленного парнасского этикета, заявляет, что руководствуется порывом, а не правилами». От этих общих положений Лидс переходит к разбору произв. П., при к-ром неоднократно возвращается к ранее высказанным мыслям, развивая их и конкретизируя. В пушк. лирике он находит поэтич. воображение, чувство и темперамент, но в высоких жанрах (напр., в оде «Наполеон») П., по его мнению, едва поднимается над средним уровнем, оказываясь ниже М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина. Впрочем, об этой стороне творчества П. говорится в статье очень бегло, и самые поздние из названных в ней ст-ний относятся к 1821. Эти временные рамки и отсутствие интереса к более поздней лирике определялись, видимо, убеждением Лидса в том, что для П. она была не более чем начальным, подготовительным этапом, а его поэтич. путь отсчитывается с принесшей ему славу поэмы «Руслан и Людмила», отличающейся «изящной простотой и равномерностью стиля, искусством повествования и несколько игривой, но впрочем сдержанной шутливостью многих эпизодов», «живыми характерами» (many touches of real nature) и «примесью тонкого здравого смысла». Признавая сюжет этой поэмы, сказочный, наивный и местами гротескный, малоинтересным для зап.-европ. читателя, Лидс полагает, что П. поступил верно, не прельщаясь славой «русского Ариосто», отказавшись, вопреки желанию многих читателей, продолжать писать в «старомодном» жанре и решив «вместо того, чтобы забавлять нас игривыми и сказочными образами, (...) заинтересовать одним лишь действием чувств и движениями человеческого сердца». «Южные» поэмы характеризуются как представляющие фрагментарные эпизоды, без общего плана и с едва намеченными контурами двух-трех характеров, главное в них — богатство воображения, пылкость и мастерство поэта; для создания подобных произв. требуется очень

малый исходный (raw) материал и по этой именно причине столь многие соотечественники П. пошли по его стопам, сумев, однако, перенять у него лишь форму. Остановившись на каждой из этих поэм в отдельности (не забыв упомянуть о гонораре за «Бахчисарайский фонтан») и отказавшись говорить подробно о «Евгении Онегине» по причине его незавершенности, Лидс далее переходит к «Полтаве», к-рая ему представляется лучшим созданием П. «и по общему замыслу, и по исполнению». Суждения о поэмах сопровождаются пространными цитатами в англ. пер. из «Бахчисарайского фонтана» (33 стиха из монолога Заремы) и «Полтавы» (нач. первой песни — о Кочубее; большой отрывок из второй; встреча Мазепы с Марией — из третьей). При всем общем благожелательном отношении к творчеству П. и похвальной в целом оценке каждого из рассмотренных его произв. Лидс видит в них, прибегая к метафоре из военной лексики, не более чем «одиночные поэтические схватки» (*desultory poetical skirmishes*) и заканчивает свой разговор о них многозначительным предупреждением: П. «испытал свое оружие (*has «fleshed» his weapons*), пришло время употребить его по-настоящему; он достаточно сделал для приобретения популярности, и ему подобает сделать что-нибудь для вечной славы, ибо если он не сможет создать что-нибудь более значительное, чем написанное до сих пор, то останется примером рано обещавшего, но ничего великого не сотворившего; и хотя сейчас его положение выдающееся, потому что так мало других трудятся на этом поле, ему в конце концов придется довольствоваться местом среди *poetae minores* (пер.: малых поэтов) своей страны». Поэтом, к-рый, если бы не погиб, мог бы соперничать с П. и вплотную к нему приблизиться, Лидс называет К. Ф. Рыльева, чьей поэме «Войнаровский» в сопоставлении с «Полтавой» и посвящает конец своей статьи.

После этой рец. имя П. лишь единожды мелькнуло в англ. прессе при его жизни, когда все в том же ж-ле на последней стр. очередного библиогр. обзора Д. Макрей кратко сообщил о том, что «в своей стихотворной повести „Домик в Коломне“ («*The House on the Kolomna*») он «попробовал силы в иностранной поэтической форме — *ottava rima* (пер.: октаве)» (*Foreign Quarterly Review*. 1833. Vol. 12. № 24. July. P. 527). Между тем находившийся в Петербурге по делам Библиейского об-ва англ. писатель, переводчик-полиглот Джордж Борро (*Wortow*, 1803—1881), выучивший среди мн. прочих и рус. яз., издал здесь в апр. 1835 сб. на англ. яз. под загл. «*Targum, or Metrical Translations from Thirty Languages and Dialects*» (*St. Petersburg*, 1835; пер.: «Таргум, или Стихотворные переводы с тридцати языков и наречий»), включавший пер. «Черной шали» и песни Земфиры из «Цыган». В авг. того же года вышел др. его сб. «*The Talisman: From the Russian of Alexander Pushkin: With other Pieces*» (*St. Petersburg*, 1835; пер.: «Талисман: Перевод с русского языка стихотворения Александра Пушкина: С прибавлением других стихотворений»), содержащий кроме ст-ния, указанного на тит. л., также пер. баллады «Русалка». Пер. были несовершенны и грешили существенными неточностями. Напечатанные мизерным тиражом (100 экз.), оба сб. остались незамеченными ни в России, ни тем более в Англии, несмотря на старания петерб. хорошего знакомого Борро, учителя англ. яз. Джона (Иоганна-Петерсена) Гасфелда (*Hasfeldt*, 1800—1894) привлечь к ним внимание, для чего в своей корреспонденции для влиятельного англ. ж-ла он упомянул «Таргум» в лестных тонах и привел полностью пер. ст-ния «Талисман» (*H[asfeldt] J. P. Foreign Correspondence // Athenaeum*. 1836. March 5. № 436. P. 177—178). Через Гасфелда Борро подарил свои сб. П. (Библиотека П. С. 174. № 666; не учтен приплетенный «*The Talisman*»), к-рый ответил ему благодарственной запиской (Акад. XVI, 431).

Сообщения от 11 февр. 1837 о дуэли и смерти П. появились 1 марта в газ. «*Times*» и «*Morning Chronicle*» (рус. пер.: Щеголев. Дуэль и смерть П. С. 348—349).

Т.о., имя П. было известно в Англии по сравнительно частым небольшим заметкам и двум-трем пространным обзорам творчества рус. поэта. Сколь-либо пристального внимания оно к себе не привлекло и не вызвало живого, широкого интереса, будучи воспринимаемо не более как объект информации о зарождающейся, как представлялось англичанам, лит. жизни в России. Сведения о жизни и личности П. были очень скудными, изобилуя грубыми ошибками, переводы немногочисленны и все (за исключением двух не дошедших до Англии ст-ний в передаче Д. Борро) представляли отрывки из поэм. Именно на поэмах сосредоточилось почти исключительно внимание англ. критики, акцентировавшей гл.обр. их зависимость от «восточных» поэм Байрона. Отход П. от байронизма не был ею уловлен; не могла она понять вследствие обязательного сопоставления с Байроном новаторского характера и глубокой оригинальности «Евгения Онегина», к-рого ставила ниже «Беппо» и «Дон Жуана». Лирика П. была известна лишь несколькими названиями; «Борис Годунов» и прозаич. соч. промелькнули только в информационных заметках. Параллельно с признанием выдающегося таланта и поэтич. мастерства П. формировалась и становилась лейтмотивом точка зрения, согласно к-рой он разменивал их на мелочи, так и не создав еще ничего значительного по меркам европ. лит-ры, а первое место в рус. лит-ре занял только на фоне общей ее скудости.

Лит.: Глинка С. Ф. Англичанин о Пушкине зимою 1829—1830 г. // ПиС. Вып. 31/32. С. 105—110; Казанский Б. В. 1) Разговор с англичанином // П. Врем. Т. 2. С. 302—314; 2) Западно-европейская критика о Пушкине // Лит. критик. 1937. № 4. С. 114—122; Cross S. H. Pouchkine en Angleterre // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 163—181; Struve G. Puškin in early English criticism: (1821—1838) // The Amer. Slavic and East European Rev. 1949. Vol. 8. P. 296—314; Альтшуллер М. Г. Упоминание о Пушкине в английском журнале // Вестн. ЛГУ. 1963. № 2. Сер. истории, яз. и лит. Вып. 1. С. 133—135; Curran E. M. «The Foreign Quarterly Review» on Russian and Polish Literature // SEER. 1961. Vol. 40. № 94; Арунштейн Л. М. Английский путешественник о встрече с Пушкиным // Врем. ПК. 1976. С. 139—144; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 219—229, 580—590, 606—614, 762—764 (ЛН. Т. 91); Попелюхер И. Первое упоминание о Пушкине в английской печати // Врем. ПК. Вып. 26. С. 210—211.

Библиогр.: Pushkin in English: A List of Works by and about Pushkin / Comp. by the Slavonic Division [of the New York Public Library]; Ed., Introd. A. Jarmolinsky. New York, 1937 (Reprint. from the Bul. of the New York Public Library. 1937. Vol. 41. July. P. 530—559).

В. Д. Рак

ВЕНГРИЯ. Первые сведения о рус. лит-ре, заимствованные из зап.-европ. прессы, сообщал венг. читателям ж-л «Хаснош мулатшагок» («Полезные забавы») (Hasznos Mulatságok. 1819. I f. é. № 44. P. 337—339; 1822. I f. é. № 13. P. 8, 99—100, под загл. «Orosz literatura» (Русская литература); 1824. II f. é. № 12. P. 89—91). Имя П. в этих заметках еще не упоминалось. Между тем уже в 1824 венг. подданный, серб Гергей Надълаки-Якшич (Jaksics, 1778—1824; фамилия по рождению: Konstantinovic, Конштантинович), находившийся в России, перевел на венг. яз. «Кавказского пленника» под заглавием «Кавказский горный раб» («A Kaukázusi hegyi rab»). Согласно авт. помете на рукописи, пер. был выполнен или по крайней мере завершен в Петербурге («Orosz St. Petervar, 1824»). Имя П. на тит. л. рукописи отсутствует, что в сочетании с подзаголовком («...orosz versben csinálta, és azután orosz nyelvből fordította (...) Jaksics Gergely...»); пер.: в русском стихосложении сделал, а потом с русского перевел Гергей Якшич) может быть истолковано как намерение Якшича выдать поэму за свое соч.; но на с. 3 в дословном пер. приведено пушк. загл. («A Kaukázusi Rab»), и на полях написаны инициалы «A. S.», совпадающие с именем и отчеством П., хотя такой способ указания рус. автора, если на самом деле это имел в виду Якшич (предположение М. Р. Корзенского), непонятен. В венг. тексте допущены,

частично намеренно, а частично вследствие переводческих ошибок, отступления от рус. подлинника как в содержании (некоторые фрагменты и стихи изменены или опущены, др. — добавлены), так и в поэтич. форме (дробление текста на четверостишия с перекрестной рифмовкой); вместе с тем полностью переданы общее содержание, характер героя, ландшафтные описания Кавказа и динамизм пушк. поэмы, что дает полное основание считать поэму Якшича переводной. В посвящении Якшич писал о своем намерении издать «Кавказского горного раба» на родине, но неожиданная смерть помешала осуществлению этого желания. Пер. остался в рукописи, к-рая вместе с другими вещами покойного была переправлена из Одессы, где скончался Якшич, в Вену, откуда каким-то неустановленным путем попала в библиотеку монастыря Бенедиктинского ордена в Паннонхальме (Венгрия), где была обнаружена лишь в 1966 (хотя о ее существовании сообщалось еще в 1841: *Athenaeum*. 1841. 5 évf. II f. é. № 22. Sz. 349 hasáb). Не исключена вероятность того, что, когда Якшич находился в России, ему доводилось встречаться с П., с к-рым он оказывался неск. раз в одних местах, причем общаясь с людьми из круга хороших знакомых рус. поэта: в Петербурге (1817—1819) — с А. Н. Олениным и А. И. Тургеневым, в Кишиневе (1821) — с И. П. Липранди, в Одессе (1823) — с австр. ген. консулом фон Томом.

В Венгрии П. был впервые упомянут в ж-ле «Хаснош мулатшагок» в 1825 (II f. é. № 2. P. 77) как автор «прекрасных романов „Руслан и Людмила” и „Военный пленник на Кавказе”». Источником в данном случае была статья в англ. ж-ле «Вестминстерское обозрение» («*Westminster Review*»), включавшая изложение статьи А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», где приводился и отзыв о двух названных произв. П. (см. с. 246). Тремя годами позже венг. литератор, критик и историк Ференц Тольди (*Toldy*, псевд.; наст. фамилия — *Schedel*, 1805—1875) в статье «Русская поэзия», напечатанной в ж-ле «Тудоманьёш Дьюйтемень» («Научный сборник»), писал, опираясь на статью П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (СЦ 1825. С. 3—80, о П.: С. 42—45; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 246—247) через посредство статьи нем. писателя Адольфа Мюллнера (*Müllner*, 1774—1829) в газ. «*Mitternachtblatt*» (1827. № 202; см. с. 258), что «за последние четыре года, в 1821—1825, Пушкин выдал в свет три поэмы, ставшие известными и за границей: „Руслан и Людмила”, „Пленник” и „Бахчисарайский фонтан”» (*Orosz poézis // Tudományos Gyűjtemény*. 1828. № 10. P. 110). О П. говорилось и в др., более поздней его статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (*Toldy F. A moszka literátúra jelen állapotja // Tudománytár*. 1834. 4. köt. P. 70), написанной по материалам обзора соврем. рус. лит-ры А. С. Хлюстиной в швейц. ж-ле «Всеобщая библиотека наук, изящной словесности и искусств» (см. с. 274—275). Здесь он первым упомянул в венг. печати «Евгения Онегина». В сб. «Кёзхасну эшмеретек тара» («Сборник общепользных сведений») была напечатана переведенная из нем. энциклопедии «*Conversations-Lexicon*» статья «Пушкин» (*Puskin // Közhasznú esmeretek tára*. Pest, 1833. 9. köt. P. 553; 2. kiad. Pest, 1839). Газ. «*Hazai s Külföldi Tudósítások*» («Отечественные и иностранные сообщения») известила венг. читателей о дуэли и смерти «самого великого поэта России» (1837. 8 марта. № 20. С. 157; 29 марта. № 26. С. 207; 17 мая. № 40. С. 319). Писала об этом печальном событии и др. влиятельная венг. газ. того времени (*Jelenkor*. 1837. 18 марта. № 22. С. 88; 26 апр. № 33. С. 132). На смерть П. откликнулся Ф. Тольди подробным обзором его творчества в статье «Взгляд на русскую литературу в 1837-м году» (*Pillantás az orosz literatúrára 1837-ben // Tudománytár*. 1838. № 2).

Пер. произв. П. появились в Венгрии уже после смерти рус. поэта.

Лит.: Хаунт Г. Пушкин и венгерская литература XIX века: Историко-литературные заметки // Вестн. ЛГУ. 1949. № 6. С. 105; Бор К. *Orosz tudományos és irodalmi vonatkozások a magyar nyelvű hirlapirodalomban (1780—1824) // Tanulmányok a magyar-orosz irodal-*

mi kapcsolatok köréből. Budapest, 1961. P. 111—113; Radó G. Puskin magyar vonatkozásai 1848-ig // Ibid. P. 148; Radó G., Tardy L. 1) Puskin első magyar fordítója // Látóhatár. 1967. № 9/10. P. 927—936; 2) Pado D., Tardu L. Первый венгерский переводчик Пушкина в Грузии // Литературные взаимосвязи. Тбилиси, 1972. Сб. 3. С. 18—26; Корзенски М. Р. Первый венгерский перевод поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». / Ун-т ЭЛТЕ. Будапешт, 1969 (дипл. работа, машинопись); Tardy L. Puskin magyar kapcsolatai // Tardy L. Régi hírünk a világban. Budapest, 1979. P. 187—190; Мадачи П. Изменение рецепции творчества Пушкина в венгерских журналах XIX века // Пушкинские чтения: Материалы науч.-метод. конф. русистов ВНР, посв. 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Будапешт, 1987. С. 44—53.

М. Хорват-Габорне

ГЕРМАНИЯ (включая публ. на нем. яз. в др. странах, в т. ч. в России). Прижизненная известность П. в землях, где говорили по-нем., была невелика; неск. лучше он был знаком образованным немцам в Рос. империи — в обеих столицах и в Остзейских губерниях, но лишь по имени и по неск. несовершенным пер. Все же в ранней истории знакомства нем. читателей с пушк. творчеством имеется ряд примечательных эпизодов, определивших пути дальнейшего освоения в Германии наследия рус. поэта.

Первым упоминанием имени П. в немецкоязычной печати стало, по-видимому, сообщение из Петербурга в «Венском журнале» («Wiener Zeitschrift») за 26 июня 1819 (№ 77): «Утверждают также, что молодой и одаренный многими талантами г-н фон Пушкин окончил уже четвертую песнь своей поэмы, написанной во вкусе „Оберона”» (речь шла о «Руслане и Людмиле» в сопоставлении с поэмою К. М. Виланда). Затем в 1820-х периодика Австрии и др. стран нем. языка уже время от времени упоминает П. и его произведения. Первыми распространителями сведений о нем в Германии были его ближайшие друзья В. К. Кюхельбекер и В. А. Жуковский, также врач и переводчик А. Дитрих (Dietrich), встречавшийся с П. и хорошо знавший людей из его круга, а равно и мн. деятелей нем. лит-ры, включая Гете. В ноябре 1820, проезжая через Дрезден, Кюхельбекер виделся с престарелым сентиментально-романтическим поэтом Кристофом Августом Тидге (Tiedge, 1752—1841), говорил с ним о П. и о рус. поэзии и оставил ему свои подстрочные нем. пер. из П. (см.: Кюхельбекер В. К. Отрывок из путешествия // Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 57—58; Кюхельбекер. Путешествие. С. 13). В нач. 1820-х в Дрездене побывал Жуковский и также беседовал с Тидге. Этот популярный поэт, интересовавшийся творчеством славян, стал первым нем. переводчиком П.: в лейпцигском альм. «Муза» (Die Muse. 1821. Bd 2. № 1) появилось в его пер. пушк. ст-ние «Роза». Оба, и Кюхельбекер, и Жуковский, посетили Гете соответственно в ноябре 1821 и сент. 1827 и едва ли могли умолчать о П. В числе рус. посетителей Веймара в эпоху Гете — знакомые и друзья П.: А. И. Тургенев, З. А. Волконская, С. П. Шевырев, М. Ю. Виельгорский и др. Гете читал в 1830 фр. брошюру кн. Э. П. Мещерского «О русской литературе» (см. с. 275), где говорилось о П. У Оттилии, невестки Гете, имелся экз. поэмы П. «Кавказский пленник» в нем. пер. 1823.

В 1828 в Петербурге возник слух о том, что Гете якобы через Жуковского переслал в дар П. свое писчее перо. Имя П. в бумагах Гете не встречается и не упоминается в записях бесед Гете, что вызывает сомнение в достоверности легенды о пере; у Гете не было надежной опоры на лит. текст, чтобы заинтересоваться творчеством П. Тем не менее уже в 1821 (т. 1) и в 1823 (т. 2) в Дерпте появилась первая антология рус. поэзии на нем. яз. — «Поэтические произведения русских» («Poetische Erzeugnisse der Russen») в пер. местного литератора Карла Фридриха фон дер Борга (von der Borg, 1794—1848). Во 2-м т. этого изд. были помещены переводы отрывка из первой песни «Руслана и Людмилы» и (без указания авторства) ст-ния П. «История стихотворца». Борг перевел еще «Черную шаль», нем. текст к-рой в печати не появился и считается утраченным. Тексты оригиналов Борг получил от

своего знакомого Н. М. Языкова. Переводчик сопровождал публ. краткими справками об авторах, поставив молодого П. «в ряд крупнейших русских поэтов» и упомянув также о его новой поэме «Кавказский пленник». Эту характеристику П. просил брата прислать ему в Михайловское (письмо первой пол. ноября 1824 — Акад. XIII, 120). Антология Борга была замечена нем. прессой. Положительно, хотя и свысока, отзывался о ней в своем «Литературном листке» (*Literatur-Blatt*. 1825. 29. Juli. № 60. S. 237—239) самый влиятельный тогда нем. лит. критик Вольфганг Менцель (Menzel, 1798—1873). На эту рец. в свою очередь критически отреагировал Кюхельбекер (Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений // *Сын отечества*. 1825. Ч. 103. № 17. С. 68—83; Кюхельбекер. Путешествие. С. 492—497). В 1823 в Петербурге был издан «Кавказский пленник» с параллельными рус. текстом и нем. пер. уроженца Выборга Александра Вульфферта (Wulfert, 1790—1855) («*Der Berggefangene*»). SPb., 1823; переизд. 1824). Именно это изд. имелось в семье Гете, и оно же вызвало протест П., т. к. издатель и цензор Е. И. Ольдекоп напечатал его без ведома автора (письмо П. к П. А. Вяземскому 15 июля 1824 — Акад. XIII, 104). Будучи редактором нем. «Санкт-Петербургской газеты» («*St. Petersburger Zeitung*»), Вульфферт поместил там в 1824 свой пер. отрывка из «Руслана и Людмилы».

Появление «Бахчисарайского фонтана» дало повод Е. А. Энгельгардту, отставному директору Лицея, написать для «Литературного листка» краткий обзор творчества П. (*Literatur-Blatt*. 1824. 13. Aug. № 65. S. 259—260), где говорилось: «Гениальный юный поэт Пушкин одарил нас новым произведением своей Музы, которое, будучи не очень значительным по своей величине, превосходит, однако, по единодушному признанию критики, все прежние его сочинения. Оно озаглавлено „Бахчисарайский фонтан“, и московский книготорговец Пономарев заплатил ему за него 3000 рублей. Это — гонорар, в России неслыханный; вся поэма содержит около 600 стихов; за каждый стих заплачено по 5 рублей! — Пушкин — это явление в литературе; одаренный от природы всеми достоинствами превосходного поэта, он начал свой путь так, как иной был бы счастлив его окончить. На тринадцатом году жизни, когда он был еще школяром (он воспитывался в Лицее в Царском Селе), он сочинил первое свое примечательное стихотворение „Воспоминание в Царском Селе“; оно было принято тогда, пожалуй, со слишком громким всеобщим восторгом; мальчик стал думать об одном лишь венце поэта, забросив из-за того более серьезные занятия, всякому поэту столь необходимые. Несмотря на это, он создал к настоящему времени, едва достигнув 25-летнего возраста, кроме множества превосходных мелких вещей, принятых с величайшим одобрением во всех наших литературных листках, три значительные поэмы, подлинное украшение российского Парнаса и, что является особенной заслугой в наши времена увлечения переводами, совершенно оригинальные. Первая из них — „Руслан и Людмила“, погружающая нас в мир рыцарей и фей древней Руси (...). План поэмы превосходен, воплощение его мастерское; несмотря на множество действующих лиц, эпизодов и событий, переплетающихся между собою, ход повествования стремителен, характеры выдержаны, описания живы, язык и поэтическая форма великолепны. — За „Русланом“ последовал вскоре „Кавказский пленник“ (*Kaw-kaskoj Plennik*), хотя и небольшая, однако не менее замечательная поэма, в которой с удивительной живостью изображаются дикие нравы разбойничьих орд Кавказа, образ их жизни и оригинальные черты страны и ее обитателей. Эта поэма известна немецкой публике благодаря мастерскому переводу г-на Вульфферта (...). Теперь Пушкин выступил с „Бахчисарайским фонтаном“, который во многих отношениях стоит выше прежних его работ. (...) План поэмы прост, ход событий естествен, характеры мастерски намечены одной-двумя чертами, язык благороден и в высшей степени поэтичен. — Может быть, стоило бы упрекнуть поэта в том, что превосходнейший его талант к описаниям и изображениям заставляет его

порой слишком подробно задерживаться на отдельных чертах, прерывая тем самым быстрое течение повествования. Было бы прекрасно, если бы господин Вульферт сообщил немецкой публике также и это новое замечательное произведение Пушкина! Было бы прекрасно, если бы и сам Пушкин обратил свой поистине редкостный поэтический талант преимущественно на более важный и более серьезный предмет; если бы он уделил несколько лет созданию большой эпической поэмы как долговечного памятника своему отечеству». В этом обзоре Энгельгардт отразил полемику русской печати по вопросу о гонораре за «Бахчисарайский фонтан», в частности заметку П. А. Вяземского «О „Бахчисарайском фонтане” не в литературном отношении» (НЛ. 1824. Ч. 8. № 13. С. 10—12; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 189—190), а заключительный совет молодому поэту заимствовал из рец. А. Ф. Воейкова «О поэмах А. С. Пушкина и в особенности о „Бахчисарайском фонтане”» (НЛ. 1824. Ч. 7. № 12. С. 189; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 226). В сокращенном виде Энгельгардт напечатал свою статью в «Газете для образованных сословий» (*Der russische Dichter Puschkin // Zeitung für die elegante Welt*. 1824. 26. Nov. № 233. S. 1869—1870) и еще раз в полном, со стилистической правкой — в лейпцигском «Листке для литературных бесед» (*Russische Poesie // Literarisches Conversations-Blatt*. 1824. Bd 2. 16. Dec. № 289. S. 1156). В дальнейшем сведения и оценки, приведенные Энгельгардтом в этих нем. период. изданиях, стали источником ряда публикаций о П. в англ. (см. с. 245), польской (см. с. 265), серб. (см. с. 284), фр. (см. с. 269) и чешской прессе (см. с. 280). Вульферт откликнулся на призыв и через два года напечатал отдельно в своем пер. «Бахчисарайский фонтан» (*Der Trauerquell*. SPb., 1826; рец.: Кс. А. Полевой в МТ. 1827. Ч. 13. № 3; СП. 1827. № 27).

В «Новой бреславльской газете» (*Neue Breslauer Zeitung*. 1825. № 231—240) профессор в Эрлангене, переводчик рус. поэзии Фридрих Отто (Otto) опубликовал свой пер. «Черкесской песни» из «Кавказского пленника» и пересказал «Бахчисарайский фонтан». В отклике на альм. «Полярная звезда на 1825 год» нем. ж-л «Листок литературных бесед» (*Literarisches Conversationsblatt*) поместил в пер. отрывки из «Цыган» (1826. 2. Febr. № 27), а вскоре там было пересказано содержание «Бахчисарайского фонтана» (1826. 20. März. № 67). В «Утреннем листке для образованных сословий» (*Morgenblatt für gebildete Stände*. 1826. 15. Mai. № 115), в «Литературном листке» (*Literaturblatt*. 1826. 7, 11. Juli. № 54, 55) с сообщениями о рус. лит-ре, и в частности о П., выступает остзейский литератор Леонгард фон Будберг (Budberg, 1785—1848, криптоним В-г), к-рый знает уже и об издании в 1826 первого сб. пушк. ст-ний. В том же «Утреннем листке для образованных сословий» появились затем пер. ст-ний «Золото и булат» и «Буря» (1827. 29. März. № 76), сделанные моск. немцем, чиновником Мин-ва нар. просв., близким к Об-ву Любомудрия Николаем Ивановичем Борхардтом; он же писал о поэме «Цыганы» в «Листках литературного досуга» (*Blätter für literarische Unterhaltung*. 1828. 2. Mai. № 126). В издававшейся Адольфом Мюллером (Müllner, 1774—1829), беллетристом, драматургом и журналистом, газ. «Полночный листок для образованных сословий» (*Mitternachtsblatt für gebildete Stände*. 1827. № 202) излагалось «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» П. А. Плетнева, содержавшее характеристику П. (СП. 1825. С. 3—80, о П.: С. 42—45; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 246—247). В ж-ле «Заграница» была помещена аноним. статья «Взгляд на русскую литературную прозу и на поэзию», где рассказывалось о романе в стихах «Евгений Онегин» (*Blicke auf die rissische Literatur und Poesie // Das Ausland*. 1828. № 347—360). Статьи о «Евгении Онегине» появились также в «Листках литературного досуга» (1828. 6. Aug. № 180; 1829. 15. Okt. № 238). В первой из них сообщалось, между прочим, что П. «пользуется покровительством нынешнего царя», к-рый сам взялся быть его доброжелательным цензором. Признавая достоинства этого произв., нем. критики неизменно отмечали в нем влияние Байрона. В обоих указ. изд. впоследствии говорились и о поэ-

ме «Полтава» (Blätter... 1829. № 264; Das Ausland. 1830. 31. Dez. № 365). В «Листках» были напечатаны также пер. таких ст-ний П., как «Черная шаль», «Телега жизни» и «К А. Б***» (1830. 15. Nov. № 19), а также «Два ворона» и «Город пышный, город бедный...» (1830. № 59). Оба последних ст-ния были взяты из СЦ 1829, причем второе вызвало у неизвестного публикатора ассоциации с поэзией Г. Гейне. В 1828 проф. нем. яз. Моск. ун-та Эрхард Геринг (Göring) переводит «Руслана и Людмилу» и публикует сначала отрывок (рассказ Финна из песни I, ст. 407—454) в МВ (1828. Ч. 11. № 18. С. 193—194), а затем две первые песни в сб. своих пер. (Metrische Uebersetzungen aus dem Russischen. М., 1833; рец.: Молва. 1833. Ч. 5. № 43). В ревельской газ. «Esthona» (1829. № 13, 17) выступил с пер. из П. рус.-нем. литератор барон Е. Ф. Розен, знакомый поэта: он перевел ст-ния «Пророк» и «Буря» вскоре после их появления в МВ.

Об уровне сведений о П. в нем. печати можно судить по первым обобщающим статьям о нем во «Всеобщей немецкой реальной энциклопедии» Г. Брокгауза (Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie. 1830. Bd 8), где названия были еще полностью не опубликованный «Борис Годунов» и даже ода «Вольность», и в лейпцигской газ. «Современные листки» (Blätter aus der Gegenwart. 1831. № 71), поместившей пер. статьи из фр. ж-ла «Revue littéraire». Однако миссия П. в рус. культуре не могла еще быть понятой в Германии: слишком сильным было влияние, к-рое оказывала на нем. печать офиц. идеология николаевского царствования.

Противоборство мнений о П. началось после 1830, когда в нем. землях усилилось социальное брожение и образ Рос. империи стал вызывать как у нем. демократов, так и у националистов еще более активную неприязнь, чем десятилетием ранее. При этом рос. и нем. официозные органы печати предпринимали попытки воспользоваться поэзией П. в полит. целях. В Петербурге в 1831 переводятся (по всей вероятности, А. Вульффертом) для распространения в Германии ст-ния П. «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», напечатанные в брошюре «На взятие Варшавы : Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831; нем. пер.: Der Polen Aufstand und Warschau's Fall, 1831 : In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Shukowski und Chomijakow. SPb., 1831); еще два нем. пер. первого из этих ст-ний: А. фон Кенигк (Königk) и некоего А. von Н-н — публикует ж-л «Российский Меркурий» (Der russische Merkur. 1831. Bd 4. № 22—23, 44). Др. пер. той же брошюры принадлежал берлинскому театр. деятелю и публицисту, переводчику «Горя от ума» А. С. Грибоедова, Людвигу Шнайдеру (Schneider, 1805—1878). Ст-ние «Клеветникам России» перевел в «Листках для знакомства с иностранной литературой» (Blätter zur Kunde der Literatur des Auslandes. 1836. № 66) писатель Фридрих Тиц (Tietz, 1803—1879), поклонник европ. политики Николая I. Там же он поместил в 1836—1839 ок. десятка пушк. ст-ний в своем пер. («Певец», «Талисман», «Наполеон», «Я пережил свои желанья...» и др.). Он был также автором очерка о беседе с П. в Петербурге на Крестовском о-ве в июле 1833 (опубл. сначала в ж-ле «Заграница» (Das Ausland. 1837. № 89, 90) и позже в ч. 1 путевых очерков Тица, 1838). Одним из ответов на ст-ние «Клеветникам России», понятое как восхваление междунар. жандармских претензий Рос. империи, стало полонифильское нем. ст-ние Арнольда Штейнмана (Steinmann, 1801—1875), в то время приятеля Гейне, «Апологетам России» («An Rußlands Apologeten», 1832), к-рое могло быть известно П.

Розен собирался перевести полностью «Бориса Годунова», но его намерение не осуществилось, несмотря на то что П. поощрял эту работу (см. письмо П. к Розену от окт.—первой пол. ноября 1831 — Акад. XIV, 240, а также: ЛГ. 1831. № 30). В «Дерптских ежегодниках» (Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russland. 1833. Bd 1. № 1) был опубликован в качестве прилож. к ст. Розена о П. выполненный по рукописи пер. сцены «Ограда монастырская», не включенной автором в печатный

текст. Первый полный нем. пер. трагедии был осуществлен ревельцем Карлом Кноррингом (Knorring, 1773—1841) в 1831 и помещен во 2 вып. его альм. «Русская библиотека для немцев» («Russische Bibliothek für Deutsche») с большим предисл. переводчика. Еще тогда не опубликованная в оригинале, трагедия стала обсуждаться в нем. печати: критич. отклик на нее был напечатан в «Утреннем листке для образованных сословий» (1833. № 208), а в «Листках литературного досуга», вообще пытавшихся следить за лит. успехами П., она получила очень высокую оценку (1833. 12. Febr. № 43). Соглашаясь с мнением переводчика, рецензент «Листков» писал, что «Борисом Годуновым» Пушкин «завоевал себе право на самобытность».

Неск. раз писала о П. нем. период. печать в 1832. «Журнал иностранной литературы» (Magazin für die Literatur des Auslandes, 1832. 6. Juli. № 69) поместил на своих страницах пер. англ. статьи У. Г. Лидса (Leeds, 1786—1866) о П. (из ж-ла: Foreign Quarterly Review. 1832. Vol. 9. № 18; см. с. 251—253). «Прусская государственная газета» высказала мнение, согласно к-рому П. «не достигал в целом уровня Ломоносова и Державина» (Allgemeine Preußische Staats-Zeitung. 1832. № 69. S. 214). В ж-ле «Заграница» было подвергнуто критике его «произвольное обращение с правилами художественного творчества», проистекавшее, по мнению рецензента, из того, что «его сила воображения (...) мешала ему строить правильные художественные системы» (Das Ausland. 1832. № 266/267. S. 120). «Франкфуртский журнал» (Journal de Francfort. 1834. № 101), полемизируя с польским историком и публицистом И. Лелевелем, назвавшим П. вождем рус. свободолюбивой молодежи, обращал внимание на изменение полит. взглядов поэта по сравнению с его юношескими стихотворениями (см. с. 266).

Не оставили нем. период. изд. без внимания пушк. прозу. В «Журнале иностранной литературы» печатается пер. очерка «Кирджали» (1835. 23. Jan. № 10). Читатели газеты «Прусский друг народа» (Preußischer Volksfreund. 1835. № 142, 143) получили возможность познакомиться с повестью «Выстрел» в пер. Бруно Кюна (Kühn). Заметным эпизодом прижизненной нем. пушкинианы явилось выступление молодой переводчицы Каролины Яниш (Jänisch, в замужестве К. К. Павлова, 1807—1893), в будущем крупной рус. поэтессы. Она переводила П. на нем. и фр. яз. В первом сб. своих пер. — «Северное сияние» (Das Nordlicht: Proben der neuen russischen Literatur. Dresden; Leipzig, 1833) — она поместила отрывки из «Цыган», ст-ния «Пророк», «Ты и вы», «K***» («Я помню чудное мгновенье...»), «Эхо», «Черкесскую песню», сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова» и повесть «Метель». В рец. на это изд. «Листики литературного досуга» (1834. 27. Febr. № 58) вновь назвали П. «русским Байроном» и даже «русским Шиллером», имея, впрочем, в виду не подражательность, а высокую степень оценки поэта, «гордости и надежды русской Музы». Др. отклики на пер. К. Яниш: в Германии — в «Журнале иностранной литературы» (1834. № 32), в России — в «Молве» (1834. № 15) и ОЗ (1839. Т. 3; М. Н. Катков).

Гибель П. сделала его имя широко известным за рубежом. «Это происшествие произвело здесь сильное впечатление, и в течение 2-х или 3-х недель все газеты, немецкие и французские, были им полны», — писал Н. А. Мельгунов С. П. Шевыреву из Франкфурта-на-Майне 4 марта (20 февр.) 1837 (РС. 1898. Т. 96. С. 321). Первый отклик на это трагическое событие появился в нем. печати через двенадцать дней после него — 23 (11) февр. 1837 — в «Берлинской газете» («Berlinische Zeitung»). На следующий день (24 февр.) «Франкфуртский ежедневник» (Frankfurter Journal. № 55) и «Ведомости Франкфуртского Главного почтамта» (Frankfurter-Ober-Postamts-Zeitung. № 56. Прилож.) поместили сообщение из Петербурга от 11 февр. о том, что «русская литература понесла чувствительную утрату в лице пользовавшегося известностью и за границей поэта Александра Пушкина, вчера, после кратковременной болезни, скончавшегося на 38 году своей жизни». Опирав-

шаяся на первые известия петерб. прессы о смерти П., в к-рых еще не упоминалось о дуэли, эта корреспонденция стала источником начальных сведений для ряда европ. газ., в т. ч. «Пражской газеты» от 26 февр. (см. с. 282), «Новине сербске» от 5 марта (см. с. 285), венской «Всеобщей театральной газеты» от 6 марта (*Allgemeine Theater-Zeitung*. № 96). В дальнейшем поступили уточнения, освещались обстоятельства, приведшие П. к роковой дуэли, его последние часы на смертном одре, отношение императора к умирающему поэту и его убийце, похороны и др. В публикациях были ошибки и нелепости (напр., поэта упорно называли графом Мусиным-Пушкиным). В числе нем. некрологов, корреспонденций, заметок и статей: «Всеобщая газета» («*Allgemeine Zeitung*») от 5 (прилож.), 7 (прилож. № 105), 12 (прилож. № 113 и 114, частичная передача некролога Ф.-А. Лёве-Веймара из «*Journal des Débats*» от 2 марта — см. с. 278), 15 (прилож.) марта; «Прусская государственная газета» (*Allgemeine Preußische Staats-Zeitung*. 20. März. № 79; то же, что во «Всеобщей газете» от 12 марта; рус. пер.: *Модзалевский Б. Л.* Из бумаг С. Л. Пушкина // Пис. Вып. 8. С. 84—85), «Франкфуртский ежедневник» от 9 и 15 марта (№ 68, 74), «Ведомости Франкфуртского Главного почтамта» от 7 и 9 марта (№ 67, 69), «Газета для образованного мира» (№ 214, где было заявлено, что «смерть Пушкина — это социальное событие, которое лишь объясняется варварскими условиями в России»), «Заграница» (№ 281—284), «Журнал иностранной литературы» (№ 30). В последнем (№ 61) — сокр. пер. статьи Н. А. Полевого «Пушкин» из БдЧ (1837. Т. 21. № 4. С. 181—198), выполненный Н. И. Гречем, полный ее пер. — в пражском ж-ле «Восток и Запад» (*Ost und West*. № 16—19). Статьи в «Листках литературного досуга» (№ 92) и период. изд. «Дидаскалия» (*Didaskalia*. 16. März. № 75) опирались на воспоминания о П. некоего фр. путешественника, напечатанные во фр. газ. «*Le Temps*» 5 марта (см. с. 278). Одно сообщение из франкоязычного изд. «Франкфуртского ежедневника» («*Journal de Francfort*») было переписано для себя отцом поэта (см.: *Модзалевский Б. Л.* Из бумаг С. Л. Пушкина. С. 83).

Отзывы о П. в нем. печати при жизни поэта и после дуэли на Черной речке заложили зерна пушкиноведения в странах нем. языка. Самыми первыми их всходами стали книга писателя и публициста демокр. взглядов Генриха Кёнига (Koenig, 1790—1860) «Литературные картины России» (*Literarische Bilder aus Rußland*. Stuttgart, 1837) с главой о П. (S. 135—153) и статья о П. берлинского дипломата и писателя-мемуариста Карла Августа Фарнгагена фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1785—1858) в гегельянских «Ежегодниках научной критики» (*Puschkin und die Russische Literatur // Jahrbücher der wissenschaftlichen Kritik*. 1838. № 61—64).

Кёниг был знаком с проф. Моск. ун-та Н. А. Мельгуновым, к-рый стал фактическим соавтором книги; отрывки из нее публиковались сначала в «Листках для знакомства с иностранной литературой» (1837. № 74, 75, 78—83), о П. — в ж-ле «Европа» (Еуропа. 1837. Bd 2). В гл., посвященной П. и снабженной гравированным портретом поэта (кажется, первым в нем. изданиях), подчеркивалась новизна пушк. худож. метода: «Он — первый, кто, подобно Гете в Германии, — хотя мы не беремся сравнивать их друг с другом, — создает из прошлого и современности объективно-достоверные, а не субъективно-произвольные фигуры, опираясь на прочную поэтическую почву» (S. 136). Книга Кёнига—Мельгунова, вскоре переведенная на фр. и др. яз., вызвала полемику в нем. прессе 1838: «Листки литературного досуга» (№ 38); «Газета для образованного мира» (№ 214—215, 124); ж-л «Открытая гавань» («*Frei-hafen*», № 2); «Телеграф для Германии» («*Telegraph für Deutschland*», № 17). Состоялся обмен полемическими брошюрами между Кёнигом и Гречем. Нем. критиков, даже тех, кто с интересом относился к рус. лит-ре, еще смущали ее высокие оценки, содержащиеся в книге. Рассказывая об обстоятельствах, при к-рых она создавалась, Мельгунов писал: «Смерть Пушкина, случившаяся в то время, сильно настроила внимание

немцев на литературу русскую (<...> В Германии, как и в остальной Европе, русская литература — сушая terra incognita...» (*Мельгунов Н. А.* История одной книги. М., 1839. С. 6). Отзывы рус. ж-лов: *Совр.* 1837. Т. 8; *ЖМНП.* 1838. № 7; *СП.* 1839. № 35, 232; *СО.* 1839. № 1; *ОЗ.* 1839. Т. 3. Общее внимание к рус. лит-ре, вызванное книгой Кёнига—Мельгунова, усилило интерес немцев к П.: поэты А. фон Шамиссо (*Chamisso*, 1781—1838) и А. Г. Гофман фон Фаллерслебен (*Hoffmann von Fallersleben*, 1798—1874) соревнуются в пер. баллады «Два ворона», появляется статья Фарнгагена фон Энзе в виде рец. на первые три тома посмертных «Сочинений Александра Пушкина». Автор был знаком с Мельгуновым и с участниками моск. кружка Н. В. Станкевича, учившимися в Берлине (Т. Н. Грановским, Я. М. Неверовым, И. С. Тургеневым, М. А. Бакуниным и др.). Неверов занимался с Фарнгагеном рус. яз. и читал с ним «Евгения Онегина». Поклонник Гете, знавший его лично, Фарнгаген был покорен поэзией П. и стал первым ее нем. исследователем. В своей статье он впервые определил пушк. роман в стихах как «верное зеркало русской жизни», а П.-драматурга поставил вровень с Шекспиром и Гете, что означало для гетеанца Фарнгагена высочайшую оценку П. как нац. гения. Т. зр. Фарнгагена на творчество П. оказалась определенное воздействие на отношение В. Г. Белинского к П. Молодой рус. критик вольно цитировал Фарнгагена, развивая его мысль, в обзоре рус. ж-лов: «Он (П.) мог заимствовать внешние формы и идти по стезям, до него бывшим, но жизнь, вызванная им, — жизнь совершенно новая. Если он часто напоминает Байрона, Шиллера, даже Виланда, даже Шекспира и Ариоста, то это указывает только, с кем можно его сравнивать, а не от кого должно его производить» (*МН.* 1839. Ч. 2. № 4; *Белинский.* Т. 3. С. 183).

Споры о П. в нем. печати, книга Кёнига и статья Фарнгагена привели к появлению в 1840: в Лейпциге — первого нем. изд. соч. П., двухтомника («*Dichtungen*») в пер. Роберта Липперта (*Lippert*), в Берлине — сб. ст-ний («*Gedichte*») в пер. прусского офицера Эдуарда фон Ольберга (*Olberg*), в Штутгарте — «Истории Пугачева» («*Geschichte des Pugaschew-Aufstandes*») в пер. Г. Брандейса (*Brandeis*), в Иене — первого томика пушк. прозы («*Novellen*») в пер. Христиана Готлоба Требста (*Tröbst*, 1812—1888) и священника придворной православной церкви в Веймаре, ученого филолога Стефана Карповича Сабинина (1789—1863).

Лит.: *Веневитинов М. А.* Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г. // *РС.* 1900. Кн. 1. С. 67—95 (отд. изд.: СПб., 1900); *Алексеев М. П.* 1) Пушкин на Западе // *П. Врем.* Т. 3. С. 108—109, 116, 118—120, 125—137 (То же под загл.: Пушкин и Запад // *Алексеев. П.* и мировая лит-ра. С. 270—271, 281—282, 287—299); 2) Еще раз о стихотворении «Роза» // *РЛ.* 1968. № 3. С. 92—115 (То же под загл.: Споры о стихотворении «Роза» // *Алексеев. П.* Сравн.-ист. исслед. С. 326—377; [2-е изд.]. С. 337—387); *Luther A.* Puškin in Deutschland // *RLC.* 1937. Ann. 17. № 1. P. 182—190; *Десницкий В. А.* Западноевропейские антологии и обозрения русской литературы в первые десятилетия XIX века // *Учен. зап. ЛГПИ.* 1955. Т. 107. С. 283—286 (То же // *Десницкий В. А.* Избр. ст. по русской литературе XVIII—XIX вв. М.; Л., 1958. С. 198—200); *Ziegengeist G.* 1) N. I. Borchardt und Varnhagen von Ense // *ZfS.* 1963. Bd 8. Hf. 1. S. 13—16; 2) Varnhagen von Ense als Vermittler russischer Literatur im Vormärz: [Folge I] // *ZfS.* 1984. Bd 29. Hf. 6. S. 929—942; Folge II // *Ibid.* 1985. Bd 30. 119—128; Folge III: Varnhagens Puškin-Aufsatz im zeitgenössischen Urteil: Unbekannte Briefe aus den Jahren 1838—1839 // *Ibid.* 1987. Bd 32. Hf. 1. S. 109—123; Folge IV: Varnhagen und die «Отечественные записки»: Ungedruckte Briefe von A. A. Kraevskij, N. A. Mel'gunov, H. Solmar und Varnhagen aus dem Jahre 1839 // *Ibid.* Hf. 2. S. 165—186; Folge VI: Varnhagen—Mel'gunov—Neve-rov: eine deutsch-russische Freundschaft: Ungedruckte Quellen (Juni 1836—Juni 1838) // *Ibid.* Bd 33. Hf. 4. S. 473—506; Folge VII: Neue Zeugnisse zur Entwicklungsgeschichte von Varnhagens Puškin-Aufsatz // *Ibid.* 1989. Bd 34. S. 637—674; 3) *Georg Engelhardt* — «Schulmeister zu Zarendorf» (1816—1817) und Mittler Puškins in der deutsche Presse (1824): Neue Quellen // *ZfS.* 1987. Bd 32. Hf. 1. S. 86—108; *Raab H.* Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820—1870). Berlin, 1964; *Gerhardt D.* Die erste deutsche Übersetzung eines Puškin-Gedichts // *Die Welt der Slaven.* 1966. Jg. 11. Hf. 1/2. S. 1—16; *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur, 1800—1842. Berlin, 1970. S. 163—203; *Ериофф Г.* При-

жизненная известность Пушкина в Германии // Врем. ПК. Вып. 21. С. 68—78; *Carli G.* 1) Varnhagen von Enses Puškin-Interpretation: Prämissen, Positionen und Wirkungsgeschichte einer Mittlerleistung aus dem deutschen Vormärz: Dissertation A / Humboldt-Universität. Berlin, 1987 (Autorreferat // Referatdienst zur Literaturwissenschaft. 1988. Bd 20. S. 97—98); 2) Zur Wirkungsgeschichte der Puškin-Interpretation Varnhagen von Enses in Russland (1839—1916) // ZfS. 1987. Bd 32. Hf. 1. S. 124—130; 3) «Puschkin verschönert mir den Sommer!...»: (Zu einigen Spezifika des Mittlers K. A. Varnhagen von Ense) // Alexander Puschkin in unserer Zeit: Beiträge der Wissenschaftlichen Arbeitstagung «Puschkin und wir» anlässlich des 150. Todestages des russischen Nationaldichters am 12. Mai 1987 in Leipzig / Wissenschaftliche Redaktion: G. Dudek. Leipzig, 1988. S. 155—164; 4) Zu Varnhagen von Enses Puškin-Interpretation // ZfS. 1988. Bd 33. Hf. 1. S. 42—48; *Васильчикова Т. Н.* А. С. Пушкин и немецкая культура: (К проблеме взаимовлияний) // Крымская науч. конф. «Пушкин и Крым»: Тез. докл. 24—29 сент. 1989 г. Симферополь, 1989. С. 18; *Юсупова Л. А.* К замыслу Пушкина о Фаусте // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991. С. 76—79; *Korn K.-H.* Russische Literatur in Deutschland // Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 19. Jahrhundert: Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800—1871) / Hrg. M. Keller. München, 1992. S. 247—286 (West-östliche Spiegelungen: Wuppertaler Projekt unter der Leitung von Lew Kopelew. Reihe A. Bd 3); *Кайль Р.-Д.* Пушкин в Германии // Диапазон. М., 1995. № 1. С. 6—12; *Фролов Г. А.* Первые немецкие переводы А. С. Пушкина // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина. Казань, 1998. С. 73—74; *Роговер Е.* Пушкин в Германии // Нева. 1999. № 6. С. 199—201.

Р. Ю. Данилевский

ИТАЛИЯ (включая публ. на ит. яз. в России). При жизни П. его творчество оставалось неизвестным широкому кругу ит. читателей; немногочисленные попытки познакомить с ним предпринимались людьми, так или иначе связанными с рус. средой, и за ее пределами живого интереса не вызывали. Первые пер. его произв. на ит. яз. (ст-ния «Демон» и «Пророк»), выполненные в России гр. Миниото Риччи (Ricci, ок. 1800—ок. 1860), талантливый литератором-дилетантом, женатым на Е. П. Луниной (1787—1886), знакомым П. по салону З. А. Волконской в 1826—1828, были впервые опубликованы в СССР в 1934 (ЛН. Т. 16/18. С. 564, 567). Из них особенно удачен пер. «Пророка», в к-ром Риччи передал как художественное своеобразие подлинника, так и его стилистику. Риччи ознакомил П. со своими пер., отправив ему два письма, одно в марте—1-й пол. апр., др. 1 мая 1828 (Акад. XIV, 9—10, 16—19). Ответы П. и его оценка этих переводов неизвестны, но с похвалой о них отозвался С. П. Шевырев (МВ. 1828. Ч. 10. № 13. С. 6, примеч.). 26 февр. 1828 Риччи обратился к ред. флорентийского ж-ла «Антология» («Antologia») Дж. П. Вьёссэ (Vieuusseux, 1779—1863) с просьбой напечатать его заметки о рус. лит-ре и переводы из рус. поэтов, в том числе «Демона» и «Пророка». Публ. не состоялась, но в дек. номере «Антологии» за 1828 в статье-письме к ит. поэту словенского происхождения Н. Гьязичу (ок. 1762—1841), написанной выдающимся ит. писателем, филологом, пропагандистом нац. независимости, одним из лидеров романт. движения Никколо Томмазо (1802—1874), появились строки: «Если пример А. Пушкина, поэта нации, любимца молодого императора, найдет последователей более смелых, если, перестав заимствовать чужие нравы и вкусы, величайшие умы посвятят себя тому, чтобы совершенствовать нравы и вкусы, свойственные их собственному образу правления, климату, их собственным обычаям и нуждам; тогда изо дня в день возрастающее сияние, которое до нас доходит из тех морозных областей, будет не пустым блеском, но жизненным и плодотворным лучом» (Lettera di Niccolò Tommaseo al signor Giachich sulla letteratura russa // Antologia. 1828. Vol. 32. P. 114—115). Это было первое известное упоминание П. в ит. печати.

В 1834 в Неаполе был опубликован пер. «Кавказского пленника», выполненный Антонио Роккиджани (Rocchigiani) с фр. подстрочника, сделанного В. Кайсаровой-Ланской. Стилистика этого перевода тяготела к ит. опе-

ре XVIII в. и не давала адекватного представления о худож. своеобразии романтич. поэмы П. Экз. имелся у П. (Библиотека П. № 1282).

Второй пер. «Кавказского пленника», выполненный в 1835 уже с рус. яз., вышел в 1837 в Одессе. Переводчик подписался криптонимом «D. F. G. toscano» («Д. Ф. Г. (или: Дж. ?) тосканец»), донине не раскрытым. Он снабдил свою работу многочисленными примеч., призванными продемонстрировать его глубокое знание Кавказа, приобретенное личным опытом, а также вставил в пер. собственные пространные добавления. Пер. «тосканца», несмотря на отд. удачные находки, был скорее лит. курьезом, чем худож. свершением. Подвергнутый критике в ж-ле «Одесский вестник» (1837. № 64. С. 775—783), он так и остался событием местного значения.

Неизвестны отклики ит. печати на гибель П. Однако вскоре после его смерти в парке римской виллы З. А. Волконской была установлена бело-мраморная стела с высеченной надписью «А. Пушкин», ставшая первым в мире памятником поэту.

Освоение итальянцами творческого наследия П. началось уже после смерти поэта. Соч. П. ввиду своей нац. самобытности оказались созвучны идеологии и эстетике ит. романтизма. Пер. 1830—1850-х выполнялись с фр. изданий, а статьи о П. страдали фактическими неточностями.

Лит.: Письма. Т. 2. С. 329—330; Пушкин и граф Риччи / Материалы П. Е. Щеголева; Доп. коммент. и вводная заметка Ю. Оксмана // ЛН. Т. 16/18. С. 562—568; *Damiani E.* Quel che c'è di Puškin e su Puškin in italiano // *Alessandro Puškin: Nel primo centenario della morte / A cura di E. Lo Gatto.* Roma, 1937. P. 333—347; *Lo Gatto E.* Puškin in Italia // *RLC.* 1937. An. 17. № 1. P. 191—197; *Базанкур О. Г.* Переводчик Пушкина — Риччи // П. Врем. Т. 6. С. 424—429; *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia: Bilancio storico bibliografico di un millenio. Padova, 1958 (по указ.); *Renton B.* La letteratura russa in Italia nel secolo XIX // *Rassegna Sovietica.* Roma, 1961. № 1. P. 72—80; *Ласорса К.* Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828—1856) // РЛ. 1970. № 4. С. 95—105; *Barrat G. R.* Pushkin and Count Miniato Ricci // *RLC.* 1973. An. 47. № 4. P. 506—522; *Spendel G.* Un pioniere delle traduzioni puškiniane in Italia // *Studi in onore di E. Lo Gatto.* Roma, 1980. P. 293—299; *Гдалин А. Д., Попелюхер И. Л.* От Рима до Гаваны: (Новые сведения о памятниках Пушкину за рубежом) // Врем. ПК. Вып. 22. С. 177—178; *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П.* Итальянская пушкиниана. М., 1991; *Гардзонио С.* 1) Итальянское пушкиноведение: (Краткая характеристика) // РЛ. 1999. № 2. С. 239—246; 2) Русская и зарубежная пушкинистика в Италии // Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000. С. 282; 3) *Garzonio S.* Sappho and Pindare in the Critical Commentary of Louis Delâtre to «Evgenii Onegin» // Пушкинский юбилейный. Иерусалим, 1999. С. 83, 88; *Böhmg M.* Die Puškin-Rezeption in Italien // *Agion.* 1999. Bd 4. S. 29—31.

Библиогр.: *Карданова Н. Б.* Библиография переводов произведений А. С. Пушкина на итальянский язык // Моск. пушкинист. Вып. 6. С. 405—421.

А. О. Дёмин

ПОЛЬША (включая публ. на польском яз. в России). Из всех зарубеж. литератур именно в польской лит-ре П. получил самую раннюю известность и единодушное прижизненное признание. Уже в нач. 1820-х и в частной переписке поляков (письмо 1820 из Петербурга Винцентия Пелчинского (Pelczyński, ум. 1855 или 1856), знакомого А. Мицкевича по Виленскому университету, Юзефу Ежовскому (Jeżowski, ок. 1793—1855)), и в польских ж-лах (*Rozmaitości.* 1821. № 32) встречаются упоминания о новом ярком таланте, появившемся в рус. лит-ре, а Г. Олизар в 1821 пишет ст-ние «К Пушкину», в к-ром предсказывает его будущую славу.

Первый пер. произв. П.: ст-ние «К портрету Жуковского» («Его стихов пленительная сладость...») (1818) — был опубл. в 1823 в составе переведенной известным филологом Самуэлем Богумилом Линде (Linde, 1771—1847) книги Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822), куда вошла и характеристика П., извлеченная из статьи А. А. Бестужева-Марлинского «Взгляд на старую и новую словесность в России» (ПЗ 1823) (см.: *Grecz M.* Rys literatury rosyjskiej. Warszawa, 1823).

В след. году во львовском ж-ле появилась переведенная с нем. яз. поэтом и журналистом Станиславом Яшовским (Jaszowski, 1803—1847) статья Е. А. Энгельгардта о П. (см. с. 257—258), в к-рой речь шла уже о «молодом и гениальном поэте» и был дан обзор его творчества, причем особенно был выделен «Бахчисарайский фонтан» (*Jaszowski S. Puszkini // Rozmaitości*. 1824. № 49. 10 grudnia). В том же году в ж-ле «Dziennik Wileński» был напечатан пер. Модеста Станевича (Staniewicz) ст-ния «Нереида» (1824. № 11), а «Черкесская песня» из «Кавказского пленника» была переведена дважды: М. Станевичем и Адамом Словиновским (Słowikowski) (Там же. 1824. № 11, 12). След. публикацией о П. была перепечатка в львовском немецкоязычном ж-ле «Mnemozina» той же заметки Энгельгардта из «Literarisches Conversations-Blatt» (*Russische Poesie // Mnemosyne*. 1825. 2. Aug. № 61). В 1827 Александр Рыпинский (ок. 1811—ок. 1886) перевел пушк. балладу «Русалка», но издал этот свой юношеский пер. много позднее (*Rypiński A. Poezje*. London, 1853. S. 15—18). Особый успех выпал на долю «южных» поэм П., поскольку именно в них, по мнению польской критики, наиболее ярко проявился байронический характер романтич. поэзии П. В 1826—1828 вышли два пер. поэмы П. «Бахчисарайский фонтан»: Адама Рогальского (Rogalski, 1800—1843) (*Fontanna w Baczyszeraju*. Wilno, 1826) и Наполеона Феликса Жабы (*Żaba*, 1806—1885) (*Fontanna Baczyszerajska*. Warszawa, 1828; тут же его пер. «Братьев разбойников» — «Dwaj bracia rozbójnicy»). Рогальский предпослал своему пер. обширное предисл., в к-ром дал не только восторженную оценку «чарующей лютни» П., но и обзор его творчества, включая незадолго до того появившиеся первые гл. «Евгения Онегина». Правда, эти пер., особенно Линде и Жабы (он перевел также «Кавказского пленника» — *Jeniec Kaukazu*. Warszawa, 1828), были слабые, а пер. Рогальского А. Мицкевич оценил весьма критически (МТ. 1827. Ч. 14. № 8. С. 320—321). Мицкевичу же принадлежит первое упоминание в польской печати о «Борисе Годунове» (*Kurjer Warszawski*. 1827. № 108), ряд положительных отзывов о П. в печати и в частной переписке, также и самый совершенный в худож. отношении прижизненный пер. произв. П. на польский яз. — «Воспоминание» («Przypomnienie», 1829). Отзывы Мицкевича и дружба П. с ним, а также романтич. идея слав. единства способствовали формированию в польском обществ. мнении представления о П. как общеслав. поэтич. гении европ. масштаба.

В 1829—1830 увидели свет аноним. прозаический пер. «Цыган» (*Dziennik Warszawski*. 1829. Т. 17), «Черкесская песня» в пер. Александра Ходзько (1804—1891) (*Chodźko A. Poezje*. SPb., 1829) и неоднократно впоследствии переизд. пер. Антония Эдварда Одыньца (*Odyniec*, 1804—1885) ст-ния «Черная шаль» (в альм.: *Melitele*. Warszawa, 1830).

Большую роль в ознакомлении польских читателей с творчеством П. сыграли польские писатели, жившие в Петербурге и здесь издававшие свои пер. (мн. из них ранее были участниками молодежных кружков в Вильно). В 1830 вышел сб. оригинальных и переводных ст-ний Игнация Деспота Зеновича (ок. 1796—после 1866) «Альбом» (*Z[enowicz] I. G. D. Imionnik*. SPb., 1830), в к-рый вошло 11 ст-ний П. 1819—1825, переведенных Зеновичем на польский (и еще одно ст-ние — на фр.) яз. К П. переводчик относился с величайшим почтением, называя его «бессмертным гением». Книга была благожелательно встречена критикой, как рус., так и польской. Зенович, по общему мнению, стал первым (за исключением Мицкевича) переводчиком П. в настоящем значении этого слова, его пер. были признаны «весьма верными» и близкими к подлиннику. В том же 1830 Зенович предпринял попытку издать альм. «Тополек» («Торолка»), объявление о к-ром поместил ряд столичных газет. В альм. Зенович предполагал опубликовать и несколько новых пер. из П., в т. ч. отрывки из «Евгения Онегина»; однако это изд. не было осуществлено.

В 1-й пол. 1830-х, несмотря на охлаждение части польского об-ва к П., вызванное его ст-нием «Клеветникам России», появляются новые пер.

Вскоре после подавления восстания 1831 г. Францишек Ковальский (1799—1862) перевел заключительную строфу еще неизд. ст-ния П. «Свободы сеятель пустынный...» (*Kowalski F. Do narodów: (Myśl z Aleksandra Puszkina) // Wspomnienia roku 1830—1831 / Zebrał i wydał J. Horoszkiewicz. Lipsk, 1880. Z. 1. S. 105*). Адольф Витковский (*Witkowski*) осуществил третий пер. «Бахчисарайского фонтана» (*Fontanna w Bakczyseraju. Warszawa, 1834*); Людвик Адам Юцевич (1810—1846) в 1832 перевел элегию «Я пережил свои желанья...» (альм.: *Linksmine. Prace literackie. Wilno, 1841. S. 225*), а затем прозой перевел «Полтаву» (*Jucewicz L. A. Pisma. Wilno, 1834. S. 1—56*); Юзеф Эмануэль Пшещлавский (1799—1879), близкий знакомый Мицкевича по Петербургу, напечатал в редактируемом им ж-ле свой пер. «Пиковой дамы» (*Prz[eclawski] J. Dama Pikowa // Tygodnik Petersburski. 1834. № 3, 25, 27*). В пер. Пшещлавского имя П. не названо и лишь отмечено, что «общее мнение приписывает это анонимное произведение одному из самых известных русских писателей». В 1836 пер. был перепечатан во львовском ж-ле «*Lwówianin*» (Т. 3—4) и авторство «Пиковой дамы» приписано в оглавлении Ф. В. Булгарину. В 1835 вышел аноним. пер. «Кирджали» («*Kirdżali*» // *Światowid. Warszawa. 1835. T. 1*).

25 янв. 1834 польский историк и публицист Иоахим Лелевель (*Lelewel, 1786—1861*) произнес в Брюсселе речь в память восстания декабристов, в к-рой назвал П. вождем свободолюбивой рус. молодежи и автором двух басен, направленных против самодержавия (атрибуция Лелевеля ошибочна). В опровержение во «Франкфуртском журнале» (*Journal de Francfort. 1834. № 101*) была помещена аноним. заметка, автор к-рой утверждал, что П. раскаялся в своих ранних опытах. Эту статью в апр. 1834 П. получил от Г. А. Строганова, к-рому в ответ писал: «Мне приходится очень печально расплачиваться за химеры своей юности. Объятия Лелевеля кажутся мне тяжелее ссылки в Сибирь» (Акад. XIV, 126; подлинник на фр. яз.).

В 1837 гг. польские газ. и ж-лы поместили некрологи по случаю смерти П., были перепечатаны нек-рые прежние пер. В этом же году Якуб Юркевич (*Jurkiewicz, 1808—1875*) перевел гл. I «Евгения Онегина» (изд. 1844) — первый и лучший в XIX в. опыт пер. романа на польский яз.

Лит.: *Лернер Н.* Пушкин и Лелевель // Ист. вестн. 1905. № 8. С. 620—623; Дн. Модз. С. 51—52, 402—404; *Jakóbiec M.* Puszkina w Polsce // *Puszkine: 1837—1937. Kraków, 1939. T. 2. S. 98—126*; *Toporowski M.* 1) *Puszkina w polskiej krytyce i przekładach: Zarys bibliograficzno-literacki // Puszkine: 1837—1937. Kraków, 1939. T. 2. S. 236—240, 273—280*; 2) *O nieznanym tłumaczu Puszkina. Wrocław, 1949*; 3) *Puszkina w Polsce: Zarys bibliograficzno-literacki. Warszawa, 1950. S. 35—44, 57—58, 139—160*; *Ланда С. С.* Пушкин в печати Польской Народной Республики в 1949—1954 годах // ПИМ. Т. 1. С. 424—425, 439—440; *Бэлза И. Ф.* Пушкин в польских источниках 20-х гг. XIX в. // Литература славянских народов. М., 1962. Вып. 7. С. 184—189; *Стефанович В. Н.* Польский переводчик А. С. Пушкина // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 175—198; *Волков-Нахшин А. В.* Ошибка или плагиат? // Прометей. Т. 10. С. 421—422; *Łuźny R., Matlak-Piwowska D.* Aleksander Puszkina // *Pisarze i krytycy: Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce. Wrocław, 1975. S. 39—41, 45—48, 53—55*; *Matlak-Piwowska D.* 1) *Z doświadczeń warsztatowych pierwszych polskich tłumaczy Aleksandra Puszkina: (Polskie przekłady poematów Puszkina do roku 1830) // O poetyce Aleksandra Puszkina. Poznań, 1975. S. 165—177*; 2) *Rosyjska poezja romantyczna w polskim życiu literackim lat 1822—1863. Wrocław, 1977. S. 25—45*; *Godowicz-Liszkowa A.* «Borys Godunow» Aleksandra Puszkina w polskich przekładach i krytyce literackiej w latach 1827—1917 // *Ruscystyczne studia literaturoznawcze. Katowice, 1977. T. 1. S. 23—31*; *Zwierciadło prasy: Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej. Wrocław, 1978. S. 11—16, 21—22, 27*; *Zbyrowski Z.* Polska recepcja poematów Aleksandra Puszkina // *Aleksandr Puszkina a Słowiańszczyzna: W 160 rocznicę śmierci poety (10 II 1837—10 II 1997). Olsztyn, 1998. S. 263—267* (*Acta Polono-Ruthenica, III*); *Труханенко А.* Эпизод из истории упоминаний об А. С. Пушкине во львовских «*Rozmaitości*» // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко. М., 2002. С. 568—576.

С. И. Николаев

ФРАНЦИЯ (включая публ. на фр. яз. в др. странах, в т. ч. в России). Прижизненные публ. о П. в фр. печати принадлежали в основном его рус. друзьям и почитателям, старавшимся популяризировать его имя в Европе, а также фр. литераторам, так или иначе связанным с Россией. Систематически материалы о П. печатались в ж-ле «Энциклопедическое обозрение» («*Revue encyclopédique*»), 1819—1833), издававшемся с целью «точно и верно показать ход и последовательность успехов человеческого знания в их соотношении с общественным устройством и его совершенствованием», «охватить всю систему человеческих знаний и способствовать обороту интеллектуальных и духовных богатств». Уделяя в рамках этой программы внимание и России, редакция привлекала для информации о состоянии там науки, лит-ры и культуры рус. корреспондентов; писал на эти темы, в т. ч. о П., и постоянный сотрудник ж-ла, секретарь редакции (1824—1825) Эдм Эро (*Héreau*, 1791—1836), прошедший в России десять лет (1809—1819), из них большую часть (с 1812) — в сибирской ссылке, и хорошо знавший рус. яз. В 1820-е РЕ напечатало в общей сложности 22 сообщения о П. и отзывы о его соч., из них 7 принадлежали Эро.

Первое упоминание о П. в РЕ (оно же первое во Франции, как и вообще в Зап. Европе) появилось в февр. 1821: в отделе науч. и лит. новостей из России сообщалось о выходе «романтической» поэмы «Руслан и Людмила» в 10 («*dix*» (!); видимо, опечатка вместо «*six*» — 6) песнях. Об авторе было сказано, что «г. Пушкину, бывшему воспитаннику Царскосельского Лицея, ныне состоящему на службе при генерал-губернаторе Бессарабии, всего 22 года». Отзыв аноним. корреспондента был очень доброжелательным: «Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна первостепенных красот; язык ее, то энергический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора» (РЕ. 1821. Т. 9. Cah. 26. Févr. P. 382). Польщенный П. сделал выписку из статьи, подчеркнув допущенную в ней ошибку, касающуюся числа песен (Рукою П. С. 457—458).

След. известие о П., появившееся более чем полтора года спустя в обзоре ж-ла «Сын отечества» за 1812—1822 (*Le Fils de la Patrie, journal historique, politique et littéraire, rédigé par N. Gretch* // РЕ. 1822. Т. 16. Cah. 46. Oct. P. 119—120), сообщало о ссылке «молодого ученика Аполлона», автора упоминавшейся в ж-ле ранее поэмы «Руслан и Людмила», в Бессарабию, причиной чему назывались «остающиеся неизданными» «Ода на Свободу» («*L'Ode sur la Liberté*»), «полная одушевления, поэзии и высоких идей», и ст-ние «Деревня» («*La Campagne*»), в к-ром «после прелестной и верной картины красот природы и сельских удовольствий, он (поэт) плачется о печальных действиях рабства и дикости, выражая в стихах, полных силы и энергии, сладостную надежду на светлую зарю свободы для своей родины». Заметка в отличие от предыдущей анонимной подписана криптонимом «S. P-у», к-рым в «Энциклопедическом обозрении» пользовался его рус. корреспондент С. Д. Полторацкий. Несмотря на это прямое указание авторства, оно по недоразумению приписывалось нек-рыми учеными, не обратившими внимания на подпись или пользовавшимися вторичными источниками, где отсутствовало указание о ее наличии, др. лицам: В. К. Кюхельбекеру (Алексеев 1987. С. 269) и Н. А. Мельгунову (Казанский. С. 124). По вопросу об авторстве первой заметки мнения исследователей разделились. Одни рассматривали вторую корреспонденцию как продолжение и развитие первой, соответственно атрибутируя обе одному лицу — Полторацкому (Прийма. С. 298, 300) или (ошибочно) Мельгунову (Казанский. С. 124); другие высказали предположение о том, что авторами двух первых сообщений о П. в «Энциклопедическом обозрении» были разные люди, поскольку второе, в к-ром говорилось более о политическом поэте, в нек-ром смысле как бы опровергало первое, где речь шла об авторе «романтической поэмы» (Алексеев 1987. С. 268).

Заметка Полторацкого привлекла внимание рус. властей и, вызвав их неудовольствие, стала причиной вынужденной его отставки и высылки в деревню, так что в своих след. корреспонденциях он соблюдал осторожность и не касался более полит. содержания лирики П. В очередном информационном обзоре, посвященном газ. «Рецензент», он подробно изложил доброжелательную статью ее редактора В. Н. Олина («Мои мысли о романтической поэме г. Пушкина „Руслан и Людмила“») («Рецензент. 1821. 2 февр. № 5. С. 17—18), сообщив при этом о выходе «прелестной повести в стихах „Кавказский пленник“») и обещав поговорить о ней в будущем (*Le Censeur, gazette critique et littéraire, publiée pendant la première moitié de 1821 par V. Olin // RE. 1823. T. 18. Cah. 52. Avril. P. 121*).

Первый фр. пер. из П. появился в составе изданной литератором Э. Дюпре де Сен-Мором (1772—1854) «Русской антологии» (*Anthologie russe suivie de poésies originales, dédiées à S. M. l'Empereur de toutes les Russies par P. J. Emile Dupré de Saint-Maur. Paris, 1823*). Это были отрывок из песни I (ст. 295—529) «Руслана и Людмилы» и краткое изложение содержания всего произв., предваряемые биогр. справкой и теплым отзывом о напечатанных стихах молодого поэта и его двух поэмах. О «Руслане и Людмиле» говорилось, что «это произведение отличается воображением столь же блестящим, сколь и богатым, пикантными ситуациями, счастливым сочетанием безрассудства с разумом, веселости с чувством и, прежде всего, поэтическими красками и правильностью стиля, поистине необыкновенной для столь молодой музыки»; о «Кавказском пленнике» было замечено, что «новая поэма (...) делает не меньше чести дарованию этого поэта, чем его первое произведение, хотя она имеет меньшие размеры». Одобрительные слова о П. сохранились и в общем предисл. к антологии, где он был поставлен наравне с В. А. Жуковским: «Произведения этих двух писателей увенчались самым блистательным успехом; это образцы грации, гармонии и изящества стиля». Проживший неск. лет в России Дюпре де Сен-Мор не овладел рус. яз. В отборе имен и произв., а также в оценках он руководствовался мнениями своих рус. знакомых, а пер. выполнял по представленным ему ими, в т. ч. самими авторами, подстрочникам; точный прозаич. пер. рассказа Финна для него сделал отец поэта С. Л. Пушкин. Переводил Дюпре де Сен-Мор, «как было принято в то время: складным десятисложником, перенасыщенным, однако, неоклассической фразеологией, а главное — лишенным афористической лаконичности оригинала. Там, где Пушкин пишет: „Но горе на земле не вечно“ (ст. 529), — Дюпре перефразирует: „Et, si j'en crois un instinct qui m'éclaire, Le ciel pour toi désarme sa colère, Et te prépare un avenir plus doux“ (Если верить тому, что подкачивает мне инстинкт, Небо смягчает свой гнев в отношении тебя, И готовит тебе более спокойное будущее)» (Н. Henry).

В марте—апр. 1824 Полторацкий послал Эро в Париж только что вышедший «Бахчисарайский фонтан» (Летопись. Т. 1. С. 377), а 21 мая П. А. Вяземский отправил это же изд. редактору ж-ла М.-А. Жюльену де Пари (*Jullien de Paris, 1775—1848*) (Летопись. Т. 1. С. 399). Позднее, в июле—авг., от Полторацкого ушел в Париж «Кавказский пленник» в изд. Е. И. Ольдекопа с параллельным нем. пер. А. Е. Вульфберта (СПб., 1824), и Жюльен, к-рому была адресована эта книга, передал ее Эро (Летопись. Т. 1. С. 426—427). Продолжали поступать в «Энциклопедическое обозрение» и печатались в нем информационно-обзорные корреспонденции Полторацкого, в к-рых он не переставал по всяким удобным поводам привлекать внимание к П. Так, в заметке об альм. «Новые Аониды» (М., 1823) он упомянул о том, что П. предоставил для этого сб. отрывок из «Кавказского пленника» (*Nouvelles Aonides, recueil de vers pour l'année de 1823. Moscou // RE. 1824. T. 22. Cah. 64. Avril. P. 136—137*), в дальнейшем отметил элегию «Увы! зачем она блистает...» (*Ibid. Cah. 65. Mai. P. 385*) и «прелестное стихотворение (...) на выпуск на волю птички» («Птичка») (*Ibid. Cah. 66. Juin. P. 651*). Затем последовало в библиогр. отделе ж-ла сообщение о «Бахчиса-

райском фонтане». Аноним. рецензент кратко пересказал два особенно ему понравившиеся описания: Гирея в окружении придворных (ст. 1—11) и евнуха в гареме (ст. 59—101). Последнее он считал «одним из лучших мест поэмы, написанной с большим изяществом и благозвучием», а П. представил фр. читателям как «молодого поэта», к-рый «уже занимает одно из первых мест на русском Парнасе» (*Le Jet d'eau de Bakhtchi-Saraï, poëme par A. Pouchkine // RE. 1824. T. 23. Cah. 69. Sept. P. 643; рус. пер.: Прижизн. критика, 1820—1827. С. 452; атрибутировано предположит. Эро (Garber. P. 241), но см. с. 270*). Завершило «Энциклопедическое обозрение» в 1824 пушк. тему в рец. на нем. хрестоматию К. Ф. фон дер Борга (см. с. 256—257) упоминанием в перечне представленных в ней авторов и П., чьему «перу принадлежат две романтические поэмы, очень высоко ценимые: „Руслан и Людмила” и „Кавказский пленник”» (*Poetische Erzeugnisse der Russen (Productions poétiques des Russes). Essai de Ch.-Fred. von der Borg. Riga et Dorpat, 1823. Bd 2 // RE. 1824. T. 24. Cah. 71. Nov. P. 393; подпись: J. H. S[chnitzler ?, 1802—1871]*).

Ж-л «*Le Globe*» (1824. № 1. 15 sept. P. 3) напечатал неск. сокращенный пер. статьи Е. А. Энгельгардта из нем. «Литературного листка» (*Literatur-Blatt. 1824. 13. Aug. № 65. S. 259—260; см. с. 257—258*), где о П. говорилось как о «поистине чудесном явлении в современной литературе», поэте, написавшем тринадцати лет свое первое произв. «Прощание с Царским Селом», едва не погубившем свой талант пренебрежением к серьезному труду под воздействием сыпавшихся на него похвал, но к 25 годам создавшем «множество легких стихотворений» и «три сравнительно большие поэмы, ставшие подлинным украшением русского Парнаса и выделяющиеся в первую очередь своей оригинальностью, достоинством весьма редким для этой по преимуществу подражательной литературы». В статье излагалось содержание всех трех поэм, а начиналась она сообщением о полученном П. за «Бахчисарайский фонтан» гонораре, размер к-рого сильно впечатлил европ. лит. круги (полный пер. статьи: Заборов 1966. С. 56—57).

В 1825 «Энциклопедическое обозрение» приобрело нового рус. сотрудника в лице хорошего знакомого П. — Я. Н. Толстого, уехавшего за границу и проживавшего в Париже. Свою «пушкиниану» в ж-ле он начал в библиогр. отделе информацией о выходе гл. I «Евгения Онегина». «Эта вещица, — сообщал он, — написанная с грацией и легкостью, составляет только первую главу романа, который автор намеревается продолжать. Рассеянный и легкомысленный образ жизни героя романа описан чрезвычайно жизненно. Удивительно правдиво изображены все петербургские развлечения. Описание петербургского театра показалось нам особенно заслуживающим внимания». В разделах заметки, где шла речь о ПЗ 1825 и СЦ 1825, были названы помещенные в этих альм. ст-ния П. и отрывок из «Цыган» (*RE. 1825. T. 26. Cah. 77. Mai. P. 455—456*). Для раздела «Россия» («*Russie*») след. номера того же тома Толстой предоставил пространное «Обозрение главнейших литературных произведений, напечатанных в последнее время в этой стране» (*Revue des principales productions littéraires publiées depuis peu dans ce pays / T. // Ibid. Cah. 78. Juin. P. 897—900*). Здесь были отмечены «Бахчисарайский фонтан», снова гл. I «Евгения Онегина» и поэма «под заглавием „Цыганы”», с которой можно пока ознакомиться только в рукописи» и которая «уже возбуждает восторг любителей русской литературы, единодушно признающих в ней исключительное изящество и считающих, что она выше всего, что создала до сих пор блестящая муза этого поэта». В промежутке между этими двумя публ. о той же поэме известил и «*Le Globe*» (1825. 14 juin. P. 605), сотрудник к-рого, узнав о ней из МТ ([*Полевой Н. А.*]. Полярная звезда, карманная книжка на 1825 год...: [Рец.] / А. // МТ. 1825. Ч. 2. № 8. Апр. С. 329, 331—332; Литературные известия // Там же. Ч. 3. № 11. Прибавление. С. 182—183) и, возможно, из какого-то нем. или русско-нем. ж-ла, выразил пожелание, чтобы французы получили возможность

сами судить о том, действительно ли в России появился талантливый и самобытный поэт.

На самом исходе 1825 вышли «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1826), и Полторацкий немедленно, в янв.—февр. 1826, послал их Эро (Летопись. Т. 2. С. 120), а в своей очередной корреспонденции для RE, рец. на «Журнал изящных искусств», не преминул назвать П. в числе выдающихся рус. поэтов, стоящих как уроженцы Севера в одном ряду с Байроном, Т. Муром и датским скульптором А. Б. Торвальдсеном (1770—1844) (Journal isiatchnikh iskoustv etc. / R. E. // RE. 1826. Т. 30. Cah. 89. Mai. P. 426—428). Между тем наконец пришло время французам прочесть на своем яз. одно из больших произв. столь настойчиво им рекомендуемого рус. поэта. Литератор Ж.-М. Шопен (ок. 1795—1870), живший неск. лет в России, секретарь рус. посла во Франции кн. А. Б. Куракина, издал свой «вольный» пер. «Бахчисарайского фонтана» под загл. «Фонтан слез» и с приложением нот «Татарской песни», положенной на музыку его женой (La Fontaine des pleurs, poème de M. Alexandre Pouschkin, traduit librement du russe par J. M. Chopin, orné de trois figures lithographiées; Chant tatar. Musique de Madame Chopin. Paris, 1826). В предисл., сославшись на «благоприятные суждения нескольких отличных критиков», Шопен дал и свою краткую оценку таланта поэта, обратив внимание на его «чистоту», «прелесть воображения», «молодость», «независимый характер» и «своеобразие». Изменение названия переводчик объяснил стремлением «не оскорбить французских привычек к благозвучию использованием татарского имени», к тому же, подчеркнул он, загл. взято из текста оригинала. Быстро последовала рец. Эро (RE. 1826. Т. 30. Cah. 90. Juin. P. 819—821; рус. пер.: Французский перевод «Бахчисарайского фонтана» // МТ. 1826. Ч. 11. № 17. Сент. С. 74—78; перепеч.: СП. 1826. 21 дек. № 152; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 302—304). «Юный лирический поэт» представлен в ней «драгоценнейшей надеждой Российского Парнаса» и достойным «с гордостью» быть противопоставленным соотечественниками «отличнейшим новым поэтам других европейских народов». Бегло сообщив сведения о его творчестве с краткими оценками «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника» (все заимствовано из антологии Дюпре де Сен-Мора), Эро напомнил о том, что RE уже писало о «Бахчисарайском фонтане», но его мнение о поэме существенно отличалось от высказанного в более ранней заметке (см. с. 269). Прочитанная в подлиннике, она его не удовлетворила как принадлежащая к «романтическим» произв., к-рые «запечатлены большою вольностью в слоге или в которых мысли и изображения оставляют в уме читателя неопределенность и темноту», создаваемые в ней полным отсутствием «переходов». Тем не менее поэма содержит много «прелестных подробностей», к-рые собственно и побудили Шопена ее перевести; он сумел «с верностию» передать все «красоты» подлинника, и более того — автор «еще одолжен ему многими, которые немало способствовали прикрыть длинноты, а иногда и возвысить несколько простонародные украшения его рассказа». В подтверждение достоинств пер. Эро цитировал фрагмент, соответствующий ст. 43—54 («Для них унылой чередой ~ Заводят игры, разговоры...»), признав, что в этом месте и «сам русский автор возвысился до величия необыкновенного».

Критич. замечания относительно романтич. поэм П. высказал в том же году Н. И. Бахтин в напечатанной анонимно статье «Взгляд на историю славянского языка и на движение цивилизации и литературы в России» (Coup d'œil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie // Balbi A. Atlas ethnographique du Globe... Paris, 1826. Т. 1. P. 321—357 (о П.: p. 351—352); рус. пер.: Взгляд на историю славянского языка и на постепенность успехов просвещения и словесности в России / С фр. Д. К...въ // СО. 1828. Ч. 119. № 9. С. 64—80; № 10. С. 175—190; № 11. С. 263—278; № 12. С. 360—375 (о П.: с. 364—367; см. также: Прижизн. критика, 1820—1827. С. 335); Казанский. С. 128). Оцени-

вая их с позиции «младоархаиста», противника карамзинистов, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и «новой школы» поэтов-романтиков, он видел в этих произв. П. подражание Байрону и во всех находил одинаковые «красоты» и погрешности, считая первыми «легкое, гармоническое, исполненное неги» стихосложение, «верные и поэтические описания», а вторыми — «однообразие чувств» и «повторение нескольких любимых выражений». Лучшим пушк. произв. Бахтин назвал «Руслана и Людмилу» и сожалел о том, что поэт не стал развивать далее этот подлинно народный жанр и «не польстился приобретением имени российского Ариоста».

«Стихотворения Александра Пушкина» удостоились в РЕ двух заметок. В первой, сугубо информативной, сообщалось о «самом лестном приеме», оказанном «всеми, кто интересуется российской словесностью», этой книге поэта, «пользующегося на родине широкой известностью и отличающегося как образованием и умом, так и пышностью и блеском воображения». Содержание сб. характеризовалось арифметически: «17 элегий, 21 эпиграмма и эпитафия, 12 подражаний древним поэтам, 16 посланий разным русским писателям и некоторым дамам, 9 подражаний Корану и 24 других стихотворения, жанр которых нельзя определить точно» (RE. 1826. Т. 31. Cah. 92. Août. P. 406; подпись: S-r; атрибутировано Полторацкому: Garber. P. 244). Вторая заметка обнаруживала хорошее знакомство ее автора с пушк. ст-ниями, распространявшимися в списках, и с отношением к поэту цензуры. Рецензент воспринимал П. в первую очередь как оппозиционного поэта, певца вольности, и с сожалением констатировал отсутствие в сб. «самых замечательных произведений г. Пушкина, в которых выразились его подлинные и искренние чувства»: «Оды к Свободе» («Ode à la Liberté»), к-рая испугала бы цензуру даже одним своим заглавием, «Деревни» («La Campagne») и нек-рых посланий. В напечатанных ст-ниях он выделял вольнолюбивые мотивы, указывая, что «педантичная цензура» могла бы признать «возмутительным» (séditieux) и стих «Свободой Рим возрос — а рабством погублен» («К Лицинию», 1815), равно как и ст-ние «Птичка», вторая строфа к-рого есть «очевидный намек на освобождение рабов», и элегию «Андрей Шенье», где автор «вкладывает в уста Андре Шенье мужественные и сильные слова против деспотизма», вследствие чего, хотя эти речи обличают «режим террора» времен Французской революции, их «применение легко понять». Среди ст-ний, лишенных полит. «применений», сб. содержал, по мнению рецензента, «другие „превосходные“ отрывки» (RE. 1827. Т. 34. Cah. 100. Avril. P. 149—150; подпись: V.).

Тема пушк. вольнолюбия и отношений поэта с пр-вом, особенно с новым царем — Николаем I, стала нередкой с этого времени в сообщениях и отзывах фр. печати, получая разные оценки и толкования. В рец. на сб. К. Ф. Рыльева «Думы» (М., 1825) Эро, видя в П. единомышленника казненного декабриста, писал о том, что ему предстоит оправдать надежды, возлагавшиеся Отечеством на поэта, чьему таланту было не суждено развиваться (RE. 1827. Т. 36. Liv. 107. Nov. P. 386—389; о П.: P. 388—389). С другой стороны, Ж.-А.-Ф. Ансело, напечатавший в своей книге «Шесть месяцев в России» (1827) прозаич. пер. ст-ния «Кинжал», понимал его как выражение идей респ. фанатизма, способного привести к преступлению целое поколение. Я. Н. Толстой, извещая о выходе IV и V гл. «Евгения Онегина» (RE. 1828. Т. 38. Cah. 112. Avril. P. 126), рассказал о замене для П. общей цензуры личным надзором императора, к-рому «для поощрения столь выдающегося таланта нравится самому читать в рукописи сочинения этого молодого поэта, а иногда даже он оказывает ему честь, сообщая свои замечания». По мысли Толстого, это «почетное» исключение, сделанное властью для П., может превратиться в личную привилегию и даже несправедливость, если не станет первым шагом к освобождению от цензуры всех рус. писателей и ее замене ответственностью перед законом, если в их произв. будет присутствовать «что-либо достойное наказания».

Впрочем, в очерке Шарля Эжена де Герля «Взгляд на русскую литературу» («*Coup d'œil sur la littérature russe*»), открывавшем изданную им под загл. «Русские вечера» небольшую хрестоматию пер. из рус. поэтов (*Les Veillées russes / Par Héguin de Guerle. Paris, 1827; 2 éd. 1830*), о полит. стороне жизни и творчества П. не было сказано ни слова, хотя этот учитель парижского Лицея Людовика Великого был очень хорошо осведомлен о состоянии дел в рус. лит-ре и упомянул об участии Рылеева и двух братьев Бестужевых «в обширном заговоре, едва не поколебавшем недавно трон царей». П. представлен в очерке «счастливым продолжателем Ариосто», автором «ироикомической поэмы „Руслан и Людмила“, отличающейся блестящими вымыслами богатого и смеющегося воображения, которыми она часто равняется с „Неистовым Роландом“», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и «первой песни поэмы под заглавием „Онегин“, которая внушает читателям желание увидеть это произведение законченным». Пассаж, посвященный П., заключался словами: «Когда подумаешь, что автору стольких прелестных произведений еще нет 27 лет, каких надежд не возложишь на музу, еще столь молодую и уже вызывающую внимание к ее многочисленным произведениям благодаря силе замысла, правильности стиля и зрелости вкуса — качествам, которых люди наиболее счастливо одаренные поэтически обычно приобретают только в гораздо более старшем возрасте» (*Ibid.* P. 32—34). Несмотря на такую высокую оценку таланта П., ни одно его произв. не было включено в хрестоматию, куда из соч. молодых поэтов вошло лишь одно стихотворение А. С. Хомякова, а все другие относились к XVIII—первым двум десятилетиям XIX в. (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, И. И. Хемницер, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий), что отражало, по-видимому, вкусы кого-то из тех русских, в т. ч. салона княгини Е. П. Багратион, от кого приобретал свои обширные познания в рус. лит-ре никогда не бывавший в России Герль.

Вслед за «Бахчисарайским фонтаном» стали предприниматься пер. и др. соч. П. В 1827 Александр де Рутье (*Rouguier*), сын француза, женившегося в эмиграции на русской, прочел в Академии Нанси свой прозаич. пер. «Кавказского пленника». В отчете о заседании достоинствами этой «интересной» повести были названы «простой, изящный и трогательный» сюжет, «чистый, красноречивый и живой» стиль, описания местности, нравов и обычаев черкесов (*Le Précis des travaux de société de Nancy de 1824 à 1828. Nancy, 1829. P. 219*). В след. году пер. был напечатан в ж-ле «Французский Меркурий» (*Mercur de France. 1828. T. 20. P. 15—21, 70—75*). Согласно информации, опубликованной Полторацким, Ж.-М. Шопен завершал в конце 1827 пер. «Цыган» и намеревался приступить к «Кавказскому пленнику» (*МТ. 1828. Ч. 19. № 2. Янв. С. 279—280; ср.: Bulletin du Nord. 1828. T. 1. № 2. P. 188—189; СП. 1828. 16 февр. № 20, здесь говорилось также о намерении перевести «Евгения Онегина»*), а между тем напечатал обстоятельную рец. на 2-е изд. «Цыган» (*Tsigani — Les Bohémiens, poème composé en 1824. Moscou. 1827 / J. M. C. P. // RE. 1828. T. 37. Liv. 109. Jan. P. 130—132*), причем цитаты дал в прозаич. переложении. В сноске, подписанной инициалами Эро («Е. Н.»), говорилось, что отсутствие места не позволило сохранить все приведенные рецензентом цитаты, но что он намеревается вскоре осуществить стихотв. пер. и тогда читатели смогут ознакомиться с произв. «одного из самых самобытных и видных современных поэтов России». Шопен упомянул о ссылке П. и «монаршьей милости», отметил, что его гений возрастает от встреченных препятствий, разобрал достоинства рецензируемого произв., выделив, в частности, рассказ старого цыгана об Овидии как «исполненный поэзии отрывок», и остановился на недостатках, к-рые он находил теми же, что и Эро в рец. на пер. «Бахчисарайского фонтана»: «Даже и недостатки этого молодого поэта не лишены изящества, он словно пренебрегает ходом и последовательностью событий; он стремится к патетике и,

едва наметив значительное положение, увлекается им без всякого перехода, подобно Байрону, хотя и с менее богатыми возможностями. Он большой мастер описаний; но часто повторяется, небрежность, весьма заметная при узких рамках его поэм, и он нередко ослабляет впечатление, отказываясь принести незначительные жертвы». Главную мысль поэмы Шопен видел в противопоставлении «свободных нравов кочевого народа и нравов цивилизованных народов» при отдаваемом предпочтении первым, хотя развязка драматич. событий говорит не в их пользу. «Если выбирать цивилизацию с ее преимуществами, то необходимо смириться с ее цепями, а если стремиться их избежать, быть готовым к разочарованиям», — заключал Шопен.

Ни «Цыганы», ни «Кавказский пленник» в пер. Шопена не увидели свет, хотя существовал проект издания последнего. Тем временем в моск. франкояз. ж-ле «Северный бюллетень» («Bulletin du Nord, journal scientifique et littéraire publié à Moscou par G. le Coïnte de Laveau»), предназначавшемся быть посредником между рус. и зап.-европ. культурами, были напечатаны в 1828—1829 один за другим пер. «Черной шали» (1828. Т. 1. № 1. Р. 58—59; пер. В. Л. Пушкина), «Цыган» (1828. Т. 3. № 10. Р. 157—166; № 11. Р. 262—269; проза, песня Земфиры «Старый муж, грозный муж...» — стихи), «Графа Нулина» (1829. Т. 1. № 2. Р. 166—182; вольный стихотв. пер. де Лаво), «Полтавы» (1829. Т. 2. № 5. Р. 40—56; № 6. Р. 125—140; № 7. Р. 217—231; проза), «Кавказского пленника» (1829. Т. 2. № 8. Р. 301—310; Т. 3. № 9. Р. 36—46; проза); «Братьев разбойников» (1829. Т. 3. № 10. Р. 119—125; проза). Имя П. нередко упоминалось в ж-ле по разным поводам, помещались сообщения о его соч. То же имело место в конце 1829—нач. 1831 на страницах издававшейся в Петербурге франкояз. газ. «Ле фюре» («Le Furet», пер.: «Проньера»). В 1830 в Москве был издан пер. «Бахчисарайского фонтана», выполненный неким Л. Репе (Repey). Резонанса во Франции эти рус. изд. не имели, популяризатором П. и источником сведений о нем оставалось там «Энциклопедическое обозрение».

Очередной статьей Эро стала прохладная рец. на польский пер. «Бахчисарайского фонтана», не удовлетворивший его неточностью и ошибками стихосложения (RE. 1828. Т. 38. Cah. 111. Mars. P. 716—717). Затем он сообщил о том, что «от поэта Александра Пушкина, хорошо известного читателям журнала, ожидается трагедия „Борис Годунов“, которая, как говорят, должна составить эпоху в истории русского драматического искусства» (Ibid. Т. 39. Cah. 116. Août. P. 500). В рец. на гл. 1 «романа в стихах» М. И. Воскресенского «Евгений Вельской» (М., 1828) и аноним. поэму «Любовь в тюрьме» (СПб., 1828) он характеризовал эти произв., ему известные только по отзывам в рус. ж-лах, как соответственно пародию на «Евгения Онегина» и неудачное подражание «Бахчисарайскому фонтану» (RE. 1829. Т. 41. Cah. [1]. Jan. P. 179—181). Следующей была статья о «Братьях разбойниках», написанная Шопеном, к-рый подробно изложил содержание поэмы, отметил, что в ней авторская «фантазия (...) вырывается на волю», а «безнравственность» сюжета оправдал любовью поэта к свободе и независимости (RE. 1830. Т. 45. Cah. [2]. Févr. P. 658—660). Последней публикацией RE о П. явилась информация о брошюре «Der Polen Aufstand und Warschau's Fall: In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Shukowski und Chomjakow» (SPb., 1831; пер.: Польское восстание и падение Варшавы: Три стихотворения А. Пушкина, В. Жуковского и Хомякова). Отдавая свои симпатии безраздельно «польскому делу, самому большому несчастью нашего времени», аноним. автор писал, что «единственным источником вдохновения трех московских поэтов было национальное чувство; их сочинения, особенно сочинения самого знаменитого из них, г. Пушкина, дышат ненавистью к загранице» (RE. 1832. Т. 53. Liv. 159. Mars. P. 625).

Помимо статей и заметок в RE, посвященных специально П., его имя неск. раз промелькнуло там в др. материалах, касавшихся России. Эро упомянул в обзоре МТ напечатанные в этом ж-ле «Стихи в альбом» («Если

жизнь тебя обманет...» // МТ. 1825. Ч. 5. № 17. С. 37) и пересказал (без упоминания автора) последнее предложение первого абзаца содержащейся там же (с. 40—46) статьи «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» (RE. 1826. Т. 32. Cah. 94. Oct. P. 120; рус. пер.: Журналистика и суждение о «Телеграфе», помещенное в «Revue Encyclopédique» / Э. Геро // МТ. 1827. Ч. 13. № 4. Отд. 2. С. 152). В рец. на хрестоматию Дюпре де Сен-Мора он сочувственно процитировал строки о П. из письма своего рус. знакомого, назвавшего поэта «новым Протеєм», к-рый «умеет облекаться во все образы», и сообщившего, что его лучшие ст-ния «хранятся еще в его портфеле, хотя копии с оных быстро размножаются и украдкою обращаются в наших обществах» (RE. 1826. Т. 32. Cah. 95. Nov. P. 377—386; Cah. 96. Déc. P. 637—648; ср.: *Héreau E.-J.* Examen de l'Anthologie russe de M. Dupré de Saint-Maur. Paris, 1827; рус. пер.: Критическое обозрение русской литературы, помещенное в «Revue encyclopédique» // МТ. 1827. Ч. 17. № 19. Отд. 1. С. 182—197; о П.: с. 189, 195; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 338). Говоря об авторском праве в России, Эро вспомнил о гонораре, выплаченном П. за «Бахчисарайский фонтан» (RE. 1827. Т. 34. Cah. 100. Avril. P. 535); описавшись в этом случае он, вероятно, на статью П. А. Вяземского «О „Бахчисарайском фонтане“ не в литературном отношении» (НЛ. 1824. Ч. 8. № 13. С. 10—12; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 189—190). Наконец, в статье о цензуре в России Эро сообщил о том, что все соч. П. император будет цензурировать лично, в чем, по оценке фр. журналиста, он «последовал благородному примеру издания „Истории государства Российского“ с особого дозволения (autorisation spéciale, что соответствует рус. формулировке „по Высочайшему повелению“»)» (RE. 1829. Т. 44. Cah. [11]. Nov. P. 509, сн.).

Публ., в к-рых упоминался П. или целиком ему посвященные, появлялись в 1820-е, кроме RE и «Le Globe», эпизодически и в нек-рых др. фр. периодических изд. Неск. раз писал о нем «Всеобщий журнал иностранной литературы». Он известил о выходе «Кавказского пленника», написанного в Крыму, куда был сослан впавший в немилость автор, известный уже романтической поэмой «Руслан и Людмила» (*Journal général de la littérature étrangère*. 1823. № 3. P. 84). Через два года П. был упомянут в аннотации к объявлению о ПЗ среди авторов, чьи соч. редакция выделила в этом альм. (*Ibid.* 1825. № 3. P. 87). Еще через год была объявлена ПЗ 1825, представленная как «сборник сказок, стихотворений и т. д.», среди к-рых были отмечены без указания имени автора отрывок из «Цыган» и «описательная» поэма «Разбойники» (*Ibid.* 1826. № 3. P. 86; м. б., имеются в виду не пушк. «Братья разбойники», а «отрывок» Н. М. Языкова под загл. «Разбойники»). В том же году неск. позже в аноним. заметке «О новой русской литературе» было сказано, что П. «обладает удивительным и плодовитым воображением», а также сообщено о его гонораре за «Бахчисарайский фонтан» (*Sur la nouvelle littérature russe // Ibid.* № 5. P. 153). Заходила речь о П. и в рецензиях на антологию Дюпре де Сен-Мора ([Бахтин Н. И.]. *Quelques notes d'un russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de M-r Dupré de Saint-Maure / L. N. // Mercure du XIX siècle*. 1824. Т. 6. № 77. P. 505 etc.; *Tolstoy J. de [Толстой Я. Н.]. Quelques pages sur l'Anthologie russe, pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le Journal de Paris, du 2 janvier 1824*. Paris, 1824. P. 17). Благожелательный отзыв о «Руслане и Людмиле» и «Кавказском пленнике» содержался в статье «Взгляд на Россию и ее литературу» (*Coup d'œil sur la Russie et sur sa littérature // Revue Britannique*. 1825. Vol. 2. Oct. P. 241—271), представлявшей собою пер. из «Вестминстерского обозрения» (*Westminster Review*. 1824. Vol. 1. № 1) статьи Дж. Бауринга «Политика и литература в России» («*Politics and Literature of Russia*»; см. с. 246). «Нашим Тиртеєм, одаренным творческим гением», представила П. читателям женевского ж-ла «Всеобщая библиотека наук, изящной словесности и искусств» А. С. Хлюстина (в замужестве (1830) гр. де Сиркур) в своем обзоре соврем. рус. лит-ры. В юности, по ее словам, поэт злоупотреблял своим

талантом, к-рый, однако, стал мудрее после ссылки «в горы Кавказа». Николай I, рассказывала она далес, призвал П. и сказал ему: «Пишите, я сам буду вашим цензором». Никому, по мнению Хлюстиной, не подражающий, П., считала она, нередко достигает высот Байрона. Свою оценку она иллюстрировала прозаическим пер. эпизода из «Кавказского пленника», в к-ром черкешенка приходит напоить пленника кумысом (Lettre sur l'état actuel de la littérature russe, par une demoiselle // Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts. 1829. Ann. 14. T. 42. P. 247—264; о П.: p. 256—257).

В 1830 активную пропаганду рус. лит-ры, и в частности П., начал во Франции кн. Э. П. Мещерский (1808—1844). В речи, произнесенной 26 июня 1830 на заседании Марсельского научного об-ва и тогда же изданной (De la littérature russe: Discours prononcé à l'Athénée de Marseille. Marseille, 1830), он говорил о П. как «о самом удивительном гении, когда-либо появлявшемся в России», завершившем начатую В. А. Жуковским «романтическую реформу» в рус. лит-ре и достигнувшем в свои 30 лет «не только бессмертной славы, но также признания своего рода непогрешимости, права верховного решения, столь же необходимого в литературе, как и в политике, для окончательного установления нового порядка вещей» (P. 27, 44). Значительное место было отведено П. и в изданной анонимно книге Мещерского «Письма русского к господам редакторам „Европейского обозрения“» (Lettres d'un russe adressées à M.M. rédacteurs de la Revue Européenne, ci-devant du Correspondant. Nice, 1832). Отвечая во втором письме на публ. в «Европейском обозрении» от 15 окт. 1831, Мещерский защищал рус. лит-ру, и в т. ч. П., от представлявшейся ему несправедливой критики. Применительно к П. он указал на ошибку, допущенную в заглавии упомянутой во фр. статье поэмы («Руслан и Светлана»), и дал подробную характеристику «Бориса Годунова», «одного из первых опытов в жанре современной трагедии, осуществленных в России», отметив наличие в пьесе «бурлескной» сцены, в к-рой собеседники изыскиваются по-французски и по-русски (Ibid. P. 26—27). Не согласный с заявлениями о подражательстве П., он признавал его сходство с Байроном сходством «двух братьев» (Ibid. P. 38). Позднее, уже после смерти поэта, Мещерский перевел на фр. яз. неск. его ст-ний.

В один год с «Письмами русского» в Женеве появилась статья гр. де Сиркур «Александр Пушкин» (Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts. 1832. Ann. 17. T. 49. Avril. P. 429—435). О П. в ней говорилось как о поэте, открывшем новую школу, к-рый, испытывая различные влияния, продолжает оставаться самим собой (Ibid. P. 431); разбирались «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Цыганы», «Евгений Онегин» и последние произв. поэта — «Полтава» и «Борис Годунов», названный «оазисом в царстве Мельпомены, превратившемся у нас в пустыню» (Ibid. P. 433). Говоря о двух томах ст-ний, де Сиркур отметила, что Пушкин пробует себя во всех жанрах, а закончила статью утверждением, что именно П. предназначено вернуть рус. поэтич. языку утраченную силу (Ibid. P. 435). По уверению фр. биографа А. С. де Сиркур, ее статьи обратили на себя внимание многих фр. ж-лов (Алексеев 1987. С. 280), однако никаких откликов на них фр. прессы в научный оборот не введено.

Сами французы писали о П. очень мало. Статья о нем печаталась в ж-ле «Литературное обозрение» («Revue littéraire») и была оттуда переведена на нем. яз. (см. с. 259). Ж-л «Парижское обозрение» употребил по отношению к нему со ссылкой на соотечественников поэта ставшую уже привычной в зап.-европ. печати антономасию «русский Байрон» и под этим углом зрения дал краткую характеристику его творчества: П. «схож с английским поэтом формой, а иногда даже мыслью своих сочинений», «напечатал поэмы в жанре „Лары” и „Беппо”», писал оды на Наполеона, описывал и воспевал Восток, наконец, «выбрал героем одного из своих сочинений того Мазепу, чья ужасная история была воспета Байроном». В очередной раз сообщалось

о полученном за «Бахчисарайский фонтан» гонораре, к-рый дал аноним. автору повод закончить рассказ о П. иронической фразой: «Вот что может заставить мечтать о Сибири не одного французского поэта» (*Revue de Paris*. 1832. Août 5). Заметка была перепечатана через неделю ж-лом «Маленький дамский вестник» (*Petit courrier des dames*. 1832. 13 Août), а из него в России «Дамским журналом» (1832. Ч. 40. № 44. 22 окт. С. 73—74; ср. пересказа: Молва. 1832. 26 авг. № 69. С. 275—276), увидевшим в ней «лестное патриотизму нашему свидетельство повсеместной славы, озаряющей нашего поэта». Неблагожелательно был упомянут П. в книге фр. дипломатического агента В. Фонтанье (1796—1857) «Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства» (*Fontanier V. Voyages en Orient, entrepris par l'ordre du Gouvernement Français, de 1830 à 1833: Deuxième Voyage en Anatolie*. Paris, 1834. P. 241, 252; Библиотека П. № 920). Назвав П. в числе лиц, составлявших окружение командующего рус. армией И. Ф. Паскевича, и заметив при этом, что «у турок не было бардов в свите», Фонтанье писал, что «замечательный своим воображением» поэт, «покинувший столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников», нашел «в стольких славных деяниях, свидетелем которых он был, сюжет не для поэмы, но для сатиры». Задетый этим утверждением «купеческого консула» П. отвечал на него в предисл. к «Путешествию в Арзрум» и публикацией этого произв., содержащего «всё», что им «было написано о походе 1829 года» (Акад. VIII, 443—444).

Три произв. П. удостоились пер. во Франции в 1830-е при жизни писателя. Два из них познакомили французов с пушк. прозой: отрывком из «Арапа Петра Великого», напечатанным в СЦ 1829 под загл. «IV Глава из исторического романа» (*Un dîner russe au temps de Pierre le Grand // Les contes russes ou nouvelles, contes et traditions russes, par M. M. Boulgarine, Karazine, Narejni, Pogodine, Orlof, Pogorelski, Panaief, Fedorof, Aladine, A. Pouchkine, Batiouchkof, Bestoujef etc. etc.* / Trad. du russe par M. Ferry de Pigny, traducteur du Gil-Blas russe etc., etc. et M. J. Haquin, avec une préf. et des notes par M. E. H[éreau]. Paris, 1833. T. 2. P. 309—318), и повестью «Выстрел» (*Le coup de pistolet: Nouvelle russe / Trad. d'Alexandre Pouchkin par M-me Caroline d'Oleskewicz // Le Panorama littéraire de l'Europe*. 1834. T. 1. Août. P. 346—360). Кроме того, парижская газ. «Le Temps» напечатала в 1833 (10 mars. № 1239) прозаич. перевод-изложение «Цыган» («Les bohémiens, poème d'Alexandre Pouchkine»), в сопроводительной статье к к-рому говорилось о неблестящем состоянии рус. лит-ры, объясняемом особенностями нац. истории, назывались вместе с тем имена писателей, составляющих гордость России (Г. Р. Державин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский), и самым плодотворным и талантливым объявлялся П., чья поэзия «дышит любовью к свободе». Стихи о страстях, играющих душу, Алеко (140—145), становятся поводом к рассуждению о том, что в них поэт отождествляет себя со своим героем: его свободная, гордая и талантливая натура подавлена законами неволи. Незадолго до смерти П. в ж-ле «Обозрение Северных государств» был напечатан еще один прозаич. пер. «Цыган», выполненный некоей Софией Конрад (*Les bohémiens, poème traduit du russe de Pouschkine / L. C. D. L. // Revue des États du Nord*. 1837. Ann. 3. T. 5. № 1. Jan. P. 42—58; см. также: Сто лет смерти Пушкина. С. 61), позднее переведшей роман Н. И. Греча «Черная женщина».

По-прежнему переводом на фр. яз. поэтич. произв. П. занимались в России. Имеются сведения о том, что неск. глав «Евгения Онегина» перевела кн. П. А. Голицына и что П. высоко ценил ее труд (Иллюстрация. 1846. Т. 2. № 4. С. 57—58). Третье было переведено при жизни П. ст-ние «Клеветникам России». Уже в сент. 1831 это сделал С. С. Уваров; свое «свободное подражание» он послал 8 окт. П., к-рый ему ответил 20 окт. иронически комплиментарным письмом (Акад. XIV, 232—233, 236). Разрешения опубликовать свой пер. Уваров от Бенкендорфа не получил, ему было позволено

распространять его только в частном кругу (*Щеголев П. Е.* Два перевода «Клеветникам России» // *Щеголев. Исследования.* С. 352—357). В дек. 1834—январь 1835 то же стихотворение перевел пушк. знакомый бар. П. А. Вревский, работавший тогда же и над «Полтавой», но не доведший этого своего лит. предприятия до конца (*Гофман М. Л.* Из Вревского архива // *ПиС.* Вып. 21/22. С. 373—388). В третий раз «Клеветникам России» было переведено на фр. кн. Н. Б. Голицыным, за что П. благодарил его в письме от 10 ноября 1836 (*Акад. XVI, 184; изд.: Aux détracteurs de la Russie / Trad. par le traducteur du Чернец. Moscou, 1839*); в то время Голицын трудился над пер. «Бахчисарайского фонтана» (изд. 1838). В 1836 проф. Казанского ун-та А.-Ж.-Б. Жобар (*Jobard, 1792—1861*) перевел на фр. яз. стихотворение «На выздоровление Лукулла» (1835) с целью использовать его в своей борьбе с министром просвещения С. С. Уваровым, против которого была направлена сатира и пушк. подлинника (см. письма Жобара к П. от 16 марта и 17 апреля, ответное письмо П. от 24 марта — *Акад. XVI, 92, 94—95, 106*).

В целом при жизни поэта французы узнавали о нем гл. обр. из расточавшихся ему в прессе похвал, подкрепляемых лишь очень краткими изложениями тем и сюжетов его произв., из которых они могли прочесть в пер. только неск. отрывков из поэм и две целиком, переданные на фр. яз. неадекватно. Из пушк. лирики в печати промелькнули за все годы лишь неск. названий и один прозаич. пер. вольнолюбивых стихотворений, распространявшихся в списках. Первая представительная подборка из 11 пушк. стихотворений, переведенных прозою: «Les lutins» («Бесы»), «La roussalka», «Le talisman», «Le châle noir» («Черная шаль»), «Au lutin de ma maison» («Домовому»), «Les remarques» («Приметь»), «Légende du fameux Oleg», «Le noyé» («Утопленник»), «Le festin de Pierre I» («Пир Петра Первого»), «L'hiver» («Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»), «La jeune fille» («Ты вынешь и молчишь; печаль тебя снедает...») — появилась в год смерти поэта в сб. «Балалайка» — антологии рус. нар. и других поэтич. произв., составленной гр. де Жюльвекуром, французом, женатым на русской и умершим в Москве (*La Balalayka, chants populaires russes et autres morceaux de poésie / Trad. en vers et en prose, par Paul de Julvécourt. Paris, 1837*). Во Франции антология вызвала осуждение, поскольку переводчик демонстрировал симпатии самодержавию и идеям славянофильства.

Трагическая гибель П. вызвала непродолжительную вспышку интереса во Франции к этому событию. В фев.—марте ему уделили внимание многие фр. газеты, но преимущ. в виде сообщений, помещавшихся в отделах хроники. Первое известие появилось 28 февр. (н. ст.) в газ. «Journal des Débats» и «Courrier Français», в след. дни оно же было перепечатано в «Gazette de France» (1 mars), «Courrier des Théâtres» (2 mars), «Revue du XIX siècle» (5 mars). Затем последовали различные уточнения и дополнения: «Gazette de France» (5, 6, 11 mars), «Journal des Débats» (2, 4, 5, 17 mars; корреспонденции от 28 февр., 4 и 5 марта перепеч.: *Щеголев.* Дуэль и смерть П. С. 343—344), «La Presse» (4 mars), «Le Siècle» (4, 6 mars), «La France» (4 mars), «Le National» (4 mars), «Journal de Commerce» (4 mars), «Chronique de Paris» (Т. 4. 5 mars. № 10. P. 159), «Courrier des Théâtres» (12 mars), «Voleur» (20 mars). С большой задержкой появилось сообщение в парижском официозе «Le Moniteur Universel» (14, 17 mars). В Германии откликнулся франкояз. «Journal de Francfort» (см. с. 261). При всем большом количестве публ. они были однообразными по содержанию, имея одни и те же источники, многие повторяли одна другую, содержали неточности (отречение П. на смертном одре по настоянию императора от атеизма) и нелепости (присутствие Николая I на дуэли), обращали внимание не на личность поэта и его творчество, но гл. обр. на обстоятельства его дуэли и смерти, придавая трагическому событию окраску скандальной сенсации в жизни рус. большого света. Коллективно парижские газ. создавали малопривлекательный для фр. обывателя того времени образ «самого выдающегося поэта России» (*Journal*

des Débats. 1837. 28 févr.), упорствовавшего всю жизнь в крайнем республиканизме и атеизме, но перед смертью раскаявшегося в своих заблуждениях и тем заслужившего монаршью милость для оставляемой им нищей семьи. Показателен в этом отношении некролог в газ. «Le Temps» (5 mars), подписанный криптонимом «G. Lam...». Со слов некоего путешественника, знакомого П. по Кишиневу, автор статьи рисовал поэта человеком необузданного темперамента и невыносимого характера, высокомерным и резким, не терпевшим ни малейшего возражения, прикидывавшимся дерзким циником, выставлявшим напоказ свой атеизм, картежником и бретером (рус. пер.: Из воспоминаний о Пушкине в Кишиневе. С. 294—296). Эта статья, полная грубых ошибок (П. учился в Петерб. ун-те; прекрасно говорил по-немецки; его первыми лит. опытами были басни; и пр.), но вместе с тем отразившая и реальные черты П. в кишиневский период его жизни, стала источником двух статей о П. в нем. прессе (*Веневитинов М. А.* Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 г. // РС. 1900. Кн. 1. С. 84—93; Отд. изд. С. 20—29; ср. с. 261). С др. стороны, во фр. прессе появилось неск. статей, проникнутых симпатией к покойному рус. поэту и горечью его утраты. Первым в этом роде был написанный по самым свежим следам известия о гибели поэта и сочувственно встреченный его друзьями-соотечественниками обстоятельный фельетон литератора, историка и дипломата Ф.-А. Лёве-Веймара, познакомившегося в июне—июле 1836 с П. в Петербурге (Pouschkine / Par L. V. // Journal des Débats. 1837. 2 mars; перепеч. в сокр. в ж-ле «Revue du XIX siècle»; рус. пер. с опущением фактических ошибок, допущенных фр. автором: Щеголев. Дуэль и смерть П. С. 346—348). Здесь французы получили более глубокие и содержательные обзор творчества П. и характеристику его личности, чем что-л. печатавшееся у них о П. ранее. Статья Лёве-Веймара была использована др. газ.: «La France» (4 mars); «Presse» (4 mars); «Gazette de France» (11 mars), взявшими, однако, из нее только нек-рые фактические сведения, но игнорировавшими все похвальное, сказанное в ней о П. Сочувственным некрологом отозвалось «Обозрение Северных государств» (Revue des Etats du Nord. 1837. Т. 5. Mars. P. 512). Посмертное осмысление места и роли П. в рус. и общеевроп. лит-рах продолжили вслед за фельетоном Лёве-Веймара некролог, написанный *А. Мицкевичем* (Le Globe. 1837. 25 mai. № 1; рус. пер.: Мицкевич. Т. 4. С. 89—97), статья Ш. Бодье (Baudier) «Пушкин» (Poètes et romanciers du Nord: II. Pouchkin // Revue de Deux Mondes. 1837. Т. 11. 1 août. P. 345—372; То же // Revue universelle. 1837. Т. 6. 15 août; частичный пер. и изложение: Казанский. С. 133—139; Сто лет смерти Пушкина. С. 66—78), статья о «Борисе Годунове» гр. де Сиркура, в к-рой содержание трагедии было передано местами переводом — а местами изложением трагедии (*Circourt A.-M. P. de. Boris Godunoff, drame historique par Alexandre Pouchkine // Revue française et étrangère. 1837. Т. 2. Juin. P. 352—393*). Утверждая за П. право на самое высокое место в иерархии соврем. европ. поэтов (Мицкевич) и предсказывая его стихам бессмертие (Бодье), эти статьи одновременно содействовали укреплению надолго представления о нем как о подражателе Байрона.

Лит.: Летопись. Т. 1—4 (по указ. период. изд.); *Никольский В. В.* Жобар и Пушкин: 1837 г. // РС. 1880. Т. 28. № 7. С. 555—564 (То же // Никольский В. В. Идеалы Пушкина. 3-е изд. СПб., 1899. С. 95—119; 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1899. С. 99—123); *Шульц В. К. А. С.* Пушкин в переводе французских писателей // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 17. № 5. С. 17—36; № 6. С. 305—330; № 7. С. 477—496; Т. 18. № 12. С. 766—819 (Отд. оттиск: СПб., 1880); *Haumont E.* Pouchkine. Paris, 1911. P. 219—227; *Алексеев М. П.* Пушкин на Западе // П. Врем. Т. 3. С. 105—123 (То же под загл.: Пушкин и Запад // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 267—286); *Казанский Б. В.* Западно-европейская критика о Пушкине // Лит. критик. 1937. № 4. С. 122—142; Сто лет смерти Пушкина: Парижские отклики в 1837 году / Собр. Л. Львов. Париж, 1937; *Mongault H.* Pouchkine en France // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 145—162; *Baldensperger F.* Un des premiers traducteurs de Pouchkine en France: Alexandre de Rouguier // Ibid. P. 227—231;

Прийма Ф. Я. С. Д. Полторацкий как пропагандист творчества Пушкина во Франции // ЛН. Т. 58. С. 298—307; *Десницкий В. А.* Западноевропейские антологии и обозрения русской литературы в первые десятилетия XIX века // Учен. зап. ЛГПИ. 1955. Т. 105. С. 290—308 (То же // Десницкий В. А. Избр. ст. по русской литературе XVIII—XIX вв. М.; Л., 1958. С. 206—225); *Черейский Л. А.* Пушкин и С. Д. Полторацкий: (История одной публикации) // РЛ. 1965. № 1. С. 190—191; *Заборов П. Р.* 1) Пушкин во французском журнале 1820-х годов // Врем. ПК. 1966. С. 56—58; 2) Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г. // Врем. ПК. 1975. С. 136—137; *Corbet C.* A l'ère des nationalistes: L'opinion française face à l'inconnue russe (1799—1894). Paris, 1967 (по указ.); *Краммер В. В.* Из истории ранних французских переводов Пушкина // Врем. ПК. 1972. С. 115—117; Из воспоминаний о Пушкине в Кишиневе / Публ. Т. Г. Цявловской // Прометей. Вып. 10. С. 293—301; *Henry H.* Pouchkine en Français // Alexandre Pouchkine, 1799—1837: [Exposition «Pouchkine chez Balzac»]. Paris—Musées, 1997. P. 78—82; *Garber E.* Aperçu des publications de la «Revue encyclopédique» // Ibid. P. 235—247; *Мультатули В. М.* Пушкин во французских переводах: Соотношение ритмических форм русского и французского стихосложений. СПб., 1998; *Эткинд Е. Г.* Поэзия Пушкина во французских переводах // Пушкин А. С. Избр. поэзия в переводах на французский язык (с параллельным русским текстом) / Сост. Е. Г. Эткинда. М., 1999. С. 6—12 (То же // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 541—546); *Теплова Н. Е.* «Revue encyclopédique» и проблемы передачи пушкинских текстов во Франции // Болд. чтения, [1999]. 2000. С. 115—120.

Н. Л. Дмитриева

ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ. Первым из чехов познакомился с творчеством П. филолог, поэт, библиотекарь Чешского музея *В. Ганка*, к-рому осенью 1823 проезжавший через Прагу Г. А. Римский-Корсаков подарил поэмы «Руслан и Людмила» (СПб., 1820) и «Кавказский пленник» (СПб., 1822). От Ганки эти произв. стали известны и были приняты с большим интересом в кругу пражских «будителей» — писателей и ученых, просветителей, деятелей набравшего силу нац. и лит. возрождения Чехии. Одним из тех, кто тогда же прочел обе поэмы и стал почитателем открытого им для себя нового рус. поэта, был филолог, поэт *Йосеф Юнгман* (Jungmann, 1773—1847), чьи первые впечатления отразил его сын *Йосеф Йосефович Юнгман* (1801—1833) в письмах к поэту *Антонину Мареку* (Marek, 1785—1877), к-рому он сообщал: «В. Ганка получил в дар стихи Пушкина, прекрасно изданные, они всем очень нравятся», и (в другой раз) «У В. Ганки есть замечательное стихотворение некоего Алекс. Пушкина» (в последней фразе речь шла об изд. с портретом автора, т. е. о «Кавказском пленнике»). В своей статье «О классицизме в литературе вообще и в частности в чешской» («O klasičnisti v literatuře vůbec a zvlášte v české», 1827) Юнгман-старший поставил имя П. рядом с именами М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина. Внимательно и заинтересованно следили за творчеством П., насколько то было возможно в тогдашних условиях, поэты: *Ф. Л. Челаковский*, сыгравший важную роль в ознакомлении своих соотечественников с его стихами; *Антонин Марек*, намеревавшийся позднее, в 1842, перевести на чеш. яз. «Историю пугачевского бунта»; *Йосеф Властимил Камарит* (Kamarýt, 1797—1833); *Ян Коллар* (Kollár, 1793—1852), воспевший память П. в сонете, где обращался к ушедшему из жизни поэту: «О Пушкин, восклицаю я в печали, Блеск славы на тебе, язык русский Потерял в тебе творца новой эпохи» (пер. Л. С. Кишкина); *Карел Гинек Маха* (Mácha, 1810—1836), чья прозаич. повесть «Цыгане» («Cikáni», 1835) находится в генетической связи с пушк. «Цыганями», будучи притом совершенно самостоятельным произв.; *Ян Православ Коубек* (Koubek, 1805—1854), восхищавшийся языком П., струящимся, по его красочному сравнению, подобно сыплющемуся жемчугу.

Знакомство с самими произв. П. было для чехов и словаков затруднено тем обстоятельством, что пр-во Австро-Венгрии препятствовало проникновению в славян. земли империи печатных изд. на рус. яз., а выписываемые тем не менее через книгопродавцев приходили очень медленно и стоили дорого. В этих условиях важными, часто преимущественными источниками

сведений становились сообщения о П. в европ., гл. обр. нем., и рус. печати, посвященные ему строки в «Опыте краткой истории русской литературы» (СПб., 1822. С. 328) Н. И. Греча, известной не только в оригинале, но и в польском пер. (1823), рассказы проезжавших через Прагу рус. людей и письма рус. знакомых. В первом у чехов печатном сообщении о П., включенном П. Й. Шафариком в его «Историю славянского языка и литературы во всех наречиях» («Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», 1826), были названы лишь имя, отчество и фамилия рус. поэта, год его рождения, чин в гос. службе и четыре «принятые со всеобщим одобрением романтические поэмы» (с указанием места и года изд.): «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Евгений Онегин» (гл. I); этих произв. Шафарик сам еще не читал. Через семь лет Маха черпал сведения о П. из лейпцигской газеты «Blätter für literarische Unterhaltung», где, согласно его дневниковой записи от 2 янв. 1833, нашел упоминания о «Евгении Онегине», «Руслане и Людмиле», «Кавказском пленнике», «о самой новой его поэме „Полтава“», «о некоторых небольших стихотворениях» и «Бахчисарае» (с указанием полученного П. гонорара, впечатлившего в свое время европ. лит. круги и вспоминавшегося в печати долгие годы, — см. с. 258—259).

Естественно, что представление о П., его творчестве и судьбе складывалось неполное, одностороннее и неточное. Долгое время в Чехии ничего не знали о шестилетней ссылке П., а с другой стороны, были взволнованы (Челаковский, Юнгман-сын) проскользнувшим в печати известием о его участии в декабрьских событиях на Сенатской площади. Глухое, предвзятое и неточное упоминание о ссылке проскочило единственный раз и, кажется, не привлекло внимания в перепечатанной из женеvского ж-ла «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts» за ноябрь 1829 статье А. С. Хлюстиной (в замужестве гр. де Сиркур) «Письмо о современном состоянии русской литературы» (Lettre sur l'état actuel de la littérature russe par une demoiselle // Almanach de Carlsbad. Praha, 1831. P. 168—172; см. с. 274—275), где, в частности, говорилось: «Сызмальства он злоупотреблял всеми способностями своего ума. Раздумья во время ссылки на Кавказе сделали его талант более зрелым. Император Николай вызвал его и сказал: „Пишите — я лично буду вашим цензором“». Челаковский, выслушав от проезжавшего через Прагу в 1828 стат-секретаря М. А. Балугьянского (1769—1847) рассказ о пушк. новинке — поэме «Граф Нулин», составил впечатление, что П. стал писать ради денег («à la Виланд»). Через неск. лет он же напечатал в редактируемой им «Чешской пчеле», составлявшей лит. прилож. к «Пражской газете» («Pražské poviny»), изложение статьи Н. И. Греча о новейшей рус. лит-ре (Греч Н. И. Письмо в Париж, к Якову Николаевичу Толстому // БдЧ. 1834. Т. 1. Отд. I. С. 159—180), включавшее след. отзыв о П.: «Пушкин, этот Протей в нашей словесности, своенравный, полный очарования, как сама поэзия, — играл в эти последние годы только прелюдии и капризы. Мы ожидали от него увертюры, ожидали нечто более значительное, важное, но напрасно... но мы и тут повторяли: и то хорошо! и то прекрасно! {...} Относительно его со временем будут иметь силу следующие слова: Пришел в мир и мир его не познал» (Греч Н. И. О nejnovější literatuře ruské // Česká včela. 1835. S. 208; ср. рус. подлинник, с. 164).

Нек-рые пушк. ст-ния попали в Чехию в списках. Так, Я. И. Сабуров записал в 1828 в альбом Ганки ст-ние «Ангел». Предположит. между 1830 и 1833 Юнгману-сыну стала известна — возможно, через одесских поляков — ода «Вольность», к-рую он записал в свою тетрадь, содержащую его любимые ст-ния патриотического содержания; внимание к этому ст-нию возникло на волне распространения среди чехов антирус. настроений, вызванных польскими событиями.

Чеш. будители, одушевлявшиеся идеями «славянской взаимности» и народности, многие и русофильством, увидели в П. при первом знакомстве с

ним прежде всего *русского* писателя, связанного с нар. корнями и проникнутого, как и они сами, романтич. настроениями, поэта, чьи творения свидетельствовали об успехах рус., а с нею и общей славян. лит-ры и культуры. Это сознание помогало им в их борьбе за свою самобытную культуру, и в такой ипостаси они хотели видеть П., оставаясь равнодушными к др. сторонам его творчества, в частности общечеловеческим и гражданским, находившимся вне этих рамок. Вместе с тем нек-рые не обнаруживали у П. ими желаемой славян. самобытности в должной, по их пониманию, мере. Шафарик назвал произв. П. «роскошными плодами», выросшими, однако, в «не славянском» саду. Коллар в нем. версии своей статьи «О литературной взаимности между славянскими племенами и наречиями» (*Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation*. Pešt, 1837) сожалел, что «три самых замечательных славянских поэта, именно — русский Пушкин, сербский Милутинович и польский Мицкевич, не воодушевились духом этой взаимности так, чтобы вся нация могла бы видеть их стоящими ногами на русской, сербской и польской землях, а головами парящими в славянском эфире». Однако в более ранних версиях: напечатанной в «Сербском народном листе» (до дек. 1835), в двух изд. на чеш. яз. (1836), в рукописных польской и русской — П. в этом контексте не упоминался. Оценки Шафарика и Коллара были вызваны их приверженностью к эстетич. нормам классицизма и непризнанием романтизма.

На протяжении 1820-х пушк. произв. были доступны лишь тем чехам и словакам, кто знал рус. яз. и мог их прочесть в подлиннике. В 1831 в ж-ле «Чехослав» («*Čechoslav*», č. 8—9) был напечатан прозаич. пер. «Цыган» («*Sikáni*»), выполненный поэтом Яном Славомиром Томичком (Tomíček, 1806—1866). Тогда же Челаковский задумывал перевести «Бахчисарайский фонтан», оставляя своему другу Камариту «Руслана и Людмилу». Этим намерениям не было суждено исполниться, но в 1833 и 1837 Челаковский перевел и напечатал в «Журнале Чешского музея» («*Časopis Musea království Českého*») пять ст-ний П., отобрав те, в к-рых увидел наиболее сильную связь с нар. поэзией и проявление романтич. настроений. Кроме того, в «Чешской пчеле» он поместил в 1835 выдержку из «Отрывка из литературных летописей» (1829) и двустилишие неясного происхождения. В том же году в ж-ле «Кветы» («*Čvety*») Томичек опубликовал свой второй пер. из Пушкина — отрывки из «Бориса Годунова», переданные местами пересказом (*Výňatky z básně «Boris Godunov» // Květy. 1835. Rok 2. S. 89—91, 109—110, 129, 130*). Этот пер. стал известен в России; в письме от 21 февр. 1837 М. П. Погодин, извещающая Шафарика о смерти П., просил чеш. ученого позаботиться о том, чтобы выбранная Томичком из трагедии сцена была переведена полностью по журн. публ. (Ночь. Келья в Чудовом монастыре // *MV. 1827. № 1. С. 3—10*) «на все славянские наречия», предполагая эти пер. напечатать «для сравнения наречий сих и доказательства их родственности». Выдержку из этого письма Шафарик предал гласности (*Výjimek ze psaní p. M. P. P. z Moskvy dne 21. února 1837 // Časopis Musea království Českého. 1837. Rok 11. S. 235—237*; ср.: Центральная Европа. (Прага), 1937. № 2. Март—апр. С. 101). Существенно расширился репертуар чеш. переводов пушк. ст-ний за счет пространных цитат в статье Н. А. Полевого «Пушкин», к-рой критик откликнулся на смерть поэта (БдЧ. 1837. Т. 21. № 4. С. 181—198; нем. пер. этой же статьи — в пражском ж-ле: *Ost und West. 1837. № 16—19*) и к-рая в пер. Антонина Хансгирга (Hansgirk, 1806—1877) была напечатана в «Журнале Чешского музея» (*Puškin // Časopis Musea království Českého. 1837. Rok 11. S. 460—472*). В ней чеш. читатели нашли в полном виде и в отрывках ст-ния «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») (1828), «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...») (1830), «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...») (1825), «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829),

строфы из гл. II, VI, VII, VIII «Евгения Онегина». Подбор определялся здесь главной темой статьи, написанной, как значилось в подзаголовке рус. оригинала, «через две недели после смерти» П. Большие трудности для пер. пушк. поэзии в этот период создавала недостаточная разработанность чеш. поэтич. яз., что, видимо, побудило Томичка переложить «Цыган» прозой и было одной из важных причин общей малочисленности пер.

Смерть П. вызвала в чеш. печати волну откликов. В первом сообщении, появившемся в «Пражской газете» 26 февр., потеря рус. лит-ры в лице «прославленного, известного и в чужих краях поэта, Александра Пушкина» называлась «страшной», а причиной его смерти объявлялась «краткая болезнь»; то же написал о ней и ж-л «Кветы». Источником этих сообщений были, видимо, нем. газеты (ср. с. 260—261). В дальнейших корреспонденциях оба период. изд. уточнили обстоятельства смерти. В номере от 30 апр. «Пражская газета» подробно рассказала, что ей было известно о причине дуэли, ходе поединка и обществ. резонансе, вызванном гибелью поэта. В заключение она приводила мнение иностр. газет, писавших о том, «что классические произведения, которыми ему обязана русская литература, относятся к самой ранней эпохе его жизни и что за последнее десятилетие из-под пера его не вышло ни одного замечательного поэтического произведения». В противовес этой оценке творчества поэта газета напомнила о «драматической поэме „Борис Годунов“, которую следует причислить к лучшим его произведениям», и сообщила о занятиях П. в последние годы «проектом истории Петра Великого». Извещала «Пражская газета» также о действиях рус. пр-ва по отношению к Дантесу-Геккерну.

9 марта 1837 вышли «Кветы» с пространной заметкой Вацлава Сватоплука Штульца (V. Sv. St. [Štulc, 1814—1887]. Alexander Segrejevič [!] Puškin // Květy (Příloha). 1837. Rok 4. S. 17—18), в к-рой с опорой на суждения и оценки Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина и А. А. Бестужева П. характеризовался как «выдающийся, большой (...) поэт, хотя и не создатель и творец, однако, без сомнения, один из первейших певцов новой романтической школы русской, которая, вдохновившись духом английского лорда Байрона, сбросила постыдные узы подражания так называемым французским классикам и стремится приблизиться более к природе; хотя ей, по мнению знатоков, отнюдь не посчастливилось избежать той несчастной односторонности, каковую дозволил себе, как говорят, славный ее английский корифей». В другом месте заметки говорилось: «Восхваляемый соотечественниками, уважаемый и почитаемый иностранцами, он украшал и обогащал, разумеется не так обильно, как того требовали его почитатели, чудный сад славянской литературы до последних дней жизни своей. (...) Горестный и плачевный удар, нанесенный его смертию не только русским, но и всему Славянству, пробуждает в сердце славянском скорбную мысль, что „мы, Славяне, — как сказал один чувствительный сын земли моравской, говоря о смерти нашего Махи в письме своем, — еще недостойны таких гениев“». Биогр. сведения о П., к-рыми располагал Штулец и к-рые сообщил в своей заметке, были расплывчатыми и неточными. Ему было известно, что по окончании Лицея П. «посвятил себя государственной службе в департаменте иностранных дел», а в 1820 «перешел в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова, наместника Бессарабии». О дальнейших событиях в жизни поэта, «общественной его жизни и государственной службе» Штулец по его признанию, не мог «рассказать ничего определенного» («по недостатку данных»). О михайловской ссылке и возвращении из нее он не знал и, передавая дошедшие до него слухи, писал, что «в последние годы певец этот был произведен в чин царского историографа». Рассыпаясь в восторгах по поводу «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» (не преминув отметить и гонорар за эту поэму), Штулец, кроме них, назвал три части «Стихотворений Александра Пушкина» и «Бориса Годунова», а также упомянул о существовании «некоторых других, большею

частью по содержанию своему взятых из русской истории романтических поэм, как-то „Битва у Полтавы”», ему известных «лишь по слухам о них со-общенных». В этих слухах не фигурировали, по-видимому, ни «Евгений Онегин», ни пушк. проза.

Существенные лакуны и неточности в биогр. и библиогр. частях заметки Штульца и очень далекие от полноты одностороннее представление о творчестве П. преимуществ. как романт. автора «Руслана и Людмилы» и двух первых «южных» поэм отражали общий уровень знаний о П. и его восприятия у чехов и словаков. Несколько расширила и углубила их переводная статья Полевого (см. с. 281—282), но, став на долгое время одним из важных источников на чеш. яз. сведений о П., она закрепляла в сознании чехов и словаков тот его личностный и творческий облик, в к-ром его видел находившийся с поэтом в разногласиях автор, писавший о том, что «увлеченный мечтами юного и пламенного воображения» П., чье «земное странствование» было «бурно, огненно, неровно», «истратил первый цвет жизни на эти безрассудные мечты», а возвращенный (причина удаления не называлась) «священному служению Музы» «в самом разгаре жизни, в пылу своего блестящего дарования» стал вскоре ощущать пустоту своего сердца и праздность своего ума, задумываясь о грядущей кончине (т. е. речь шла об истощении таланта). «Пушкин не принадлежал к тем вековым гениям, которых появление в мире становится все реже и реже», — заявил Полевой и отнес его к «частным гениям, проявлениям одной какой-нибудь стороны человеческого духа и одного народа», назвав «великим лирическим поэтом и полным представителем своего отечества». Редакция не согласилась с подобным ограничением значения П. и сопроводила статью своим замечанием: «Великие поэты принадлежат всему человечеству, поэтому нас никто не упрекнет, что мы этому сообщению дали место в нашем журнале».

Глубоко эмоциональным откликом на гибель П. явилось ст-ние «Плач над Пушкиным» (žel nad Puškinem // Květy (Příloha), 1837. Rok 4. Č. 11. 1 serwna. S. 41) словацкого поэта Людовита Штуры (Štúr, 1815—1856).

Лит.: Францев В. А. А. С. Пушкин в чешской литературе: Библиогр. материалы. СПб., 1898 (отд. отд. из: Сб. Отделения рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. 1900. Т. 66. № 4 (1898)); Brián R. Puškin v slovenskej literatúre. Turčiansky Sv. Martin, 1947. S. 9—12; Procházková H. Po stopách puškinových do let šedesátých // Puškin u nás, 1799—1949. Praha, 1949. S. 152—177; Bečka J., Kosterka H., Procházková H. Puškin v české literatuře: (Bibliografie) // Ibid. S. 384, 401; Доланский Ю. Пушкин в истории чешской культуры // ПИМ. Т. 2. С. 419—424; Panovova E. Puškin v slovenskom klasicizme a preromantizme // Panovova E. Puškin v slovenskej poézii do roku 1918. S. 13—15 (рус. пер.: Панова Э. Поэзия Пушкина в словацком классицизме и преромантизме // Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М., 1971. С. 29—31); Кишкин Л. С. 1) Статья о русской литературе в «Карлсбадском альманахе» за 1831 год // Советское славяноведение. 1969. № 3. С. 60—65; 2) Пушкин и чешская культура (1820—1850 гг.) // Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983. С. 140—142, 150—155, 160—174; 3) О восприятии пушкинского наследия в Чехии // Врем. ПК. Вып. 27. С. 86—93; 4) Пушкин и словацкая литература // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000. С. 17—19; Лилич Г. А. Из истории чешско-русских литературных связей начала XIX века // Вестн. ЛГУ. 1974. № 14: История, язык, литература. Вып. 3. С. 155; Červeňák A. A. S. Puškin človek a básnik. Martin, 1989. S. 128—129, 132—135.

В. Д. Рак

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ. В печати южных славян известия о П. стали появляться с основанием в 1824 ж-ла «Сербские летописи», выходившего в Будапеште. Редактор Джёрдже Магарашевич (1793—1830) определил своему период. изд. одной из важных задач информировать читателей о состоянии лит-ры у всех славян. народов, обитающих «от Адриатического моря

до Северного Ледовитого океана и от Балтийского моря до Черного», и регулярно печатал соответствующие материалы, включая большое число казавшихся России, а среди них — пять заметок и сообщений о П. Источниками сведений ему служила гл. обр. нем. периодика, грешившая ошибками и неточностями; менее доступны были ему рус. издания.

Первой была краткая биогр. справка, помещенная в ряду заметок такого же рода о рус. писателях XVIII—нач. XIX в.: «Александр Сергеевич Пушкин (р. 1799), кол. секретарь, написал много лирических сочинений. „Руслан и Людмила“, СП. 1820» (Знатный писатель руски, нарочно у изящной литературы // Сербске лѣтописи. 1825. Ч. 1. С. 155; подпись: У[чредник], т. е. редактор — Магарашевич; номер вышел в конце 1824). Эти сведения были взяты из «Опыта краткой истории русской литературы» (СПб., 1822) Н. И. Греча, но не непосредственно, а из рукописи «Истории славянского языка и литературы во всех наречиях» («Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten») П. И. Шафарика, над к-рой автор в то время работал. В след. году Магарашевич напечатал статью «О русском поэте Пушкине» ([Магарашевиѣ Ж.]. О поети руском Пушкину // Сербске лѣтописи. 1826. Г. 2. Ч. 4 (1). С. 143—145), представлявшую собою точный пер. заметки «Русская поэзия», опубликованной в львовском немецкояз. ж-ле «Мнемозина» (Russische Poesie // Mnemosyne. 1825. 2. Aug. № 61) и восходящей к корреспонденции Е. А. Энгельгардта в нем. «Листке для литературных бесед» (Russische Poesie // Literarisches Conversations-Blatt. 1824. Bd 2. Dec. 16. № 289. S. 1156; см. с. 258, 265). Как и все публ., ведущие начало от заметки Энгельгардта, статья начиналась сообщением о большом гонораре, выплаченном П. за его последнюю поэму «Бахчисарайский фонтан», к-рая, «по единогласному мнению критики, превосходит все его предыдущие произведения». После этого вступления говорилось, что П. «свой поэтический путь начал таким образом, каким многие хотели бы его завершить», и в связи с этим назывались «Воспоминания в Царском Селе» («Опоминанія о Царскомъ селѣ»), к-рые «принесли ему большую славу, но сделали его нерадивым к другим наукам». Далее следовало краткое содержание каждой из трех поэм — «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» («Кавкаскій Гленникъ» — sic! опечатка в нем. оригинале) и «Бахчисарайского фонтана» («Источникъ Бакчисарая»). О первой было еще сказано, что «план этого сочинения хорошо расположен, отделка искусная, а изложение живое и приятное»; о второй — лишь то, что она «описывает обычаи и образ жизни разбойника на Кавказе»; сюжет третьей был рассказан подробнее двух других, и героиня в соответствии с опечаткой в нем. тексте была названа «Фаремой». Единственным отступлением от нем. текста было указание точной даты рождения П., взятой из «Опыта» Н. И. Греча (на этот раз из рус. изд.).

Третья заметка (без загл.) начиналась утверждением, что в лице «графа (!) Александра Пушкина» русские имеют такого поэта, «кого и по оригинальности, и по силе, и по живости, да и по безнравственности справедливо сравнивают с лордом Байроном». Затем сообщалось, что П. «в наказание за свои дерзости был царем Александром сослан в Тавриду», откуда в самом начале своего царствования Николай его возвратил, сказав ему на аудиенции: «Вы обладаете великим дарованием. Следуйте вашему гению, и если вам будет препятствовать цензура, обращайтесь ко мне». По мнению автора заметки, «если этот анекдот истинный, то он больше императору, нежели поэту делает чести», показывая образ мысли монарха, полагающего, что «только свободой облагораживается сила». В заключение выражалась надежда, что «от этого поэт станет сдержаннее и будет писать приличнее и благороднее, чем если бы и теперь под цензурою был оставлен» (Сербске лѣтописи. 1828. Г. 3. Ч. 14 (3). С. 160).

В реферате статьи П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (СЦ 1825. С. 3—80, о П.: с. 42—45; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 246—247), к-рое могло стать известным из нем. периодики (см. с. 258),

П. упоминался как «один из самых крупных и оригинальных лириков русских», чьи «„Людмила“, „Бачкисарай“ и проч. и в других странах вызывают удивление» (Сербские летописи. 1829. Г. 5. Ч. 17 (2). С. 129). Наконец, среди библиогр. известий о вышедших и ожидаемых выходом рус. книг было сообщено о трагедии «Борис Годунов» «знаменитого поэта Пушкина» (Там же. 1829. Г. 5. Ч. 18 (3). С. 177—178). Это произв. вызывало у Магарашиевича большой интерес и ожидания, о чем свидетельствует и его написанное после смерти П. письмо поэту Лукиану Мушицкому (1777—1837), в котором он рассказал о том, что А. Мицкевич, слушая в 1826 «с величайшим удовольствием» авторское чтение трагедии в дружеском кругу, «воскликнул воодушевленно»: „Tu Shakespeare eris, si fata sinant“» (пер.: Ты будешь Шекспиром, если позволит судьба — лат.; см. с. 206).

Затем последовали неск. лет молчания о П., к-рое было прервано появлением аноним. прозаич. пер. «Полтавы» (Забава за разум и срце. Будим, 1836. Књ. 4). Однако и в промежутке, когда в серб. печати не появлялось никаких известий о П., серб. образованная публика, в значительной своей части сильно тогда ориентированная на лит. единение с Россией и сохранение общности лит. языка, получала о поэте сведения из рус. и европ. (гл. обр. нем. и славян.) печати, а его произв. читала в подлиннике, свободно их понимая вследствие близости в то время языков. Ряд пушк. ст-ний был напечатан в серб. период. изданиях в оригинале, в т. ч. «Муза» (1821) и «Дочери Карагеоргия» (1820) (Новый сербский летопис. 1837. Г. 11. Ч. 40 (1). С. 59—60), «Гречанке» (1822) и «Погасло дневное светило...» (1820) (Там же. 1838. Ч. 43. С. 74) и др. Черногорский поэт Петр Петрович Негош (Ньегош, 1813—1851), имевший тесные связи с Россией и дважды (в 1833 и 1837) ее посещавший, побывал во вторую поездку на могиле П., что говорит о его хорошем уже в то время знакомстве с творчеством рус. поэта, к-рого позднее в посвященном ему ст-нии он назвал «счастливым певцом великого народа».

О смерти П. сообщила газ. «Новине сербске» 5 марта 1837 (бр. 9). Объявлялось, что «русская литература понесла огромную потерю со случившейся смертью стихотворца Александра Пушкина, который и в других странах пользуется славой и который 10 февраля после недолгой телесной болезни преставился на 38-м году своей жизни». Текст корреспонденции восходил либо непосредственно к нем. прессе (см. с. 261), либо к перепечатавшей, видимо, из нее это сообщение «Пражской газете» от 26 февр. (см. с. 282). Через две недели газ. уточнила, что «знаменитый в новой русской литературе стихотворец Александр Пушкин умер в неполные 37 лет после несчастного и проклятого поединка» (Новине сербске. 20 марта. Бр. 11). Исправив главную ошибку, автор заметки допустил неточность, касающуюся возраста П.

Обстоятельную статью о П., написанную, вероятно, по нем. источникам, опубликовал журналист Теодор Павлович (1804—1854), редактор «Новине сербске» и ж-ла «Сербский народный лист» (Павлович Т. Пушкин рускиј стихотворац // Сербский народный лист. 1837. 30 май. № 22. С. 170—172). Начав ее рассуждением о народности убитого на дуэли поэта и сравнив его в этом отношении с серб. просветителем Досифеем Обрадовичем (ок. 1742—1811), что было высшей мерой признания, он определил ее словами, близкими к знаменитой 3-й строфе тогда еще не опубликованного ст-ния «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836): «Пушкин, который недавно погиб на поединке, нимало как человек этого не заслуживая, был у русских таким народным человеком, как у нас Досифей. Все, что он говорил, все, что он бы ни сделал, сразу по всей России, даже до Сибири и за Кавказом, становилось известно. Своими свойствами и своими сочинениями он давно стал европейцем, а к нам, славянам, был еще ближе». (Ср. начало статьи в нем. ж-ле «Еигора»; цит.: Врем. ПК. Вып. 21. С. 77). Видя в П. последователя В. А. Жуковского «по езикоизображенію», Павлович вместе с тем называет его «русским Гете» и сопоставляет с Байроном, П. Мериме и

Г. Гейне. Взгляд на П. не только как на великого рус. поэта, но и как на одного из выдающихся представителей общеевроп. лит. движения стал характерной чертой восприятия его творчества сербами, знакомившимися первонач. через его произв., в частности, с байронизмом. Сообщив затем сведения о семье П., полученном им домашнем образовании, влиянии на него дяди-поэта и учебе в «Петроградском (!) лицее», Павлович переходит к характеристике начального периода творчества П., когда своим поэтич. талантом он играл, «как дитя с ножом», и «в своих стихотворениях (...) начал говорить наглые слова». Произв. этого времени: «„Свобода“, „Нож“ („Кинжал“), „Руслан и Людмила“ (!?)» — выделены как «робеспьерско-республиканские стихи, которые в самых республиканских государствах не позволено распространять среди простого народа», но за к-рые юный автор был «царем Александром наказан довольно мягко». Далее в статье идет речь о пребывании П. в южной ссылке и написанных в те годы поэмах «Кавказский сужань», к-рая признается близкой по духу творениям Байрона, и «Изворь Бакчи-Сорай», в изложении содержания к-рой повторяется ошибка (героиня названа «Фаремой»), присутствовавшая в нем. заметке в «Мнемозине» и отсюда перешедшая в «Сербские летописи». В поэме «Цигани», отнесенной к «псковскому» периоду, Павлович находит «нечто английское байроновское», подчеркивая в то же время поэтическо-национальную самостоятельность П., к-рый, по его мнению, «здесь свободен от всякого влияния какого-либо иностранного сочинения»; в этом произв. «все изображено очень живо, и притом появляются некоторые черты драмы». «Евгений Онегин», по оценке сербского журналиста, примечателен изображением городского и сельского быта и своей автобиографичностью, а «Борис Годунов» представляет собою малосценичную трагедию, написанную «по Карамзинову описанию». Обзорение периода после возвращения П. из ссылки начинается раскаузом о его аудитории у Николая I и освобождении его от общей цензуры. Из произв. тех лет отмечены «Пророк», «самое возвышенное» пушк. соч., и «Полтава», в к-рой поэт «достиг высшей степени историческо-поэтического выражения» (впрочем, самой поэмы Павлович, м. б., не читал, т. к. Мазепу он называет «освободителем Малой Азии»); сообщается о переводах с англ. яз., издании ж-ла «Современицы» (!), «Капитанской дочке». Одушевлявшийся нац.-патриотической идеей, побуждавшей видеть в России, ее народе и царе, покровителя и защитника сербов, а потому относиться неодобрительно к действиям против рус. пр-ва (напр., восстанию декабристов), Павлович под таким углом зрения оценивает все творчество П. и особенно положительно период после ссылки, когда, по его словам, поэт «всецело полюбил свою верховную власть, свой народ, свое отечество». Завершаемая сведениями о дуэли и смерти поэта и действиях императора по отношению к его семье и к его убийце, статья кончается заявлением о том, что П. имеет право занять «первое место как народный поэт».

У хорватов при жизни П. не появилось о нем ни одного печатного сообщения или упоминания, но его имя и соч. им были известны. В 1830-е познакомился с творчеством П. и увлекся им поэт и критик Станко Враз (Vraz, 1810—1851), испытывавший его сильное влияние и позднее активно переводивший его соч. на хорв. яз. Читала П. наряду с Байроном, В. Гюго, Ф. Шиллером и Гете хорв. университетская молодежь в Вене, группировавшаяся вокруг поэта Людевита Гая (Gaj, 1809—1872), вождя «иллиризма» — движения за нац. возрождение и объединение южных славян. В числе этих «иллиров» был и поэт Димитрие Деметер (Demeter, 1811—1872), также впоследствии много переводивший пушк. стихи и прозу. Предполагается, что Вразу или Деметру принадлежала первая на хорв. яз. статья о П., увидевшая свет четыре мес. спустя после смерти рус. поэта (Puškin // Danica Ilirska. 1837. 3. Lipnja. Broj. 22). Это был обстоятельный очерк, написанный по какому-то неустановленному нем. источнику, откуда, вероятно, в него попали и нек-рые ошибки и неточности.

В словенской печати первой (посмертной) пушк. публикацией явился нем. пер. ст-ния «Делибаш» (Deli-Bascha // Illyrisches Blatt. 1838. № 43). Неск. позже в том же изд. было сообщено о выходе трех из намеченных семи (?!) томов полн. собр. соч. П., последний том к-рого будет содержать портрет автора и его биографию (Ibid. № 51).

Т. о., 1820-е и 1830-е были у южных славян десятилетиями лишь подступа к освоению пушк. творчества. Доходившие до них сведения о рус. поэте были полны ошибок и неточностей, а их отзывы о его произв. передавали во многих случаях не собственное впечатление от прямого с ними знакомства, но мнения, заимствованные из вторых рук (гл. обр. нем. источников). Эти отзывы сводились по преимуществу к указанию даты выхода в свет, краткому изложению содержания и столь же краткой оценке, выраженной в самых общих словах. Глубокое восприятие П. и его сильное влияние на лит-ру этих народов началось с 1840-х.

Лит.: *Заболотский П. А.* Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. [Т.] 1. [Кн.] 1: Русская струя в литературе сербского возрождения. Варшава, 1908. С. 203, 207—208, 226—228, 388—391 и по указ.; *Митропан П.* Пушкинова смрт у Југословенској штампи онога доба // Руски архив. 1933. № 22/23. С. 121—131; *Badalić J.* [Бадалич Й.]. 1) Puškin kod Jugoslovenâ // Nova Evropa. (Zagreb), 1937. Knj. 30. Br. 2/3. S. 88—91 (фр. вариант: Pouchkine en Yougoslavie // RLC. 1937. Ann. 17. № 1. P. 198—202); 2) Puškin u hrvatskoj književnosti. Zagreb, 1937. S. 7—9, 12—13, 16 (рус. пер.: Пушкин в хорватской литературе // Славянская филология: Сб. ст. М., 1958. [Т.] 2. С. 321, 323, 327, 332—333 (IV Международный съезд славистов)); *Бадалич Й.* Русские писатели в Югославии: Из истории русско-югославских литературных связей. М., 1966. С. 68, 71, 75, 80; *Петар М.* Пушкин код Срба. Скопље, 1937. *Живановић Ђ.* Ђорђе Магарашевић о Пушкину // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. 1938. Књ. 18. Св. 1/2. С. 105—111; *Магарашевић Ђ.* Прве вести у Летопису о Пушкину // Летопис Матице српске. 1937. Г. 111. Књ. 347. Св. 1. Јан.-фебр. С. 15—18; *Лалич Р.* Александр Пушкин в сербской литературе // Русско-европейские литературные связи: Сб. ст. к 70-летию со дня рожд. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 205—206.

В. Д. Рак

ПРОКТЕР (Procter) Брайан Уоллер см. КОРНУОЛЛ Барри

Р

РАБЛЕ (Rabelais) Франсуа (1494?—1553), фр. писатель, автор знаменитого сатир. романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» («Gargantua et Pantagruel», 1532—1552), в к-ром отразилось новое гуманистическое, жизнеутверждающее мирозерцание, резко противоположное ср.-век. аскетизму, блестящее весельем, насмешкой, частыми непристойными шутками. У П. имелось 3-томное собр. соч. Р. (Paris, 1823) (Библиотека П. № 1296); но в какой мере он интересовался творчеством Р. и насколько был знаком с его произв., сведений нет. Отмечая в наброске статьи «О поэзии классической и романтической» (1825), что в XVI в. во Франции «проза уже имела сильный перевес» над поэзией, П. назвал *М. Монтеня* и Р. (Акад. XI, 38). Этот подбор имен опирался на суждение *Ж.-Ф. де Лагарпа* в «Лицее». Создававшийся фр. романтиками культ Р. не повлиял, видимо, на П. В статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) он почти дословно повторил свою формулировку, добавив к фамилии Р. определение «циник» (Акад. XI, 270; вар.: «Циник Рабле и скептик Монтань уже философствовали каждый по-своему». — Там же. С. 510, 511). В письме П. А. Осиповой от 5(?) ноября 1830 П. привел крылатую фразу, приписываемую Р. широко распространенным анекдотом о его смерти: «Но счастье... это — великое *может быть*, как говорил Рабле о рас или о вечности» (Акад. XIV, 123; подлинник по-фр.). Цитата из «Гаргантюа и Пантагрюэля» (кн. II, гл. XVI) содержится в письме *П. Мериме* к С. А. Соболевскому, напечатанном П. в предисл. к «Песням западных славян».

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 21—22 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 103—105).

Л. И. Вольперт

РАДКЛИФ (Radcliffe) Анна (1764—1823), англ. писательница, автор «готических» романов «Сицилийский роман» («A Sicilian Romance», 1790), «Роман в лесу» («The Romance of the Forest», 1791), «Удольфские тайны» («The Mysteries of Udolpho», 1794), «Итальянец» («The Italian, or The Confessional of the Black Penitents», 1797). Действие романов Р. происходит в искусно создаваемой и нагнетаемой атмосфере таинственного и ужасного, имеющих видимость сверхъестественных явлений, получающих, однако, в конце концов реальное, земное, часто обыденное объяснение. Сюжет разворачивается в преступлениях, похищениях, заточениях, побегах, погонях и т. п. во исполнение коварных замыслов героя-злодея с сильной волей и безудержными страстями, скрываемыми под благородной личиной; место действия — старинные замки (или руины) с их подвалами, тайниками, переходами, лестницами, башнями, монастыри, гробницы, подземные ходы, уединенные лачуги, лесная чаща, дикая горная местность и пр.; непременно

ные персонажи — чувствительная молодая девушка, подвергающаяся гонениям и домогательствам, ее благородный отважный возлюбленный, наемные убийцы, разбойники и др.; непрменная концовка — наказание порока и торжество добродетели. Произв. Р., к-рыми зачитывались в Европе в первой трети XIX в., считались самыми выдающимися образцами жанра «тайн и ужасов» и вызвали мощный поток подражаний (многие под ее именем) в разных лит-рах.

У П. имелось однотомное собр. романов Р. (London, 1824) на англ. яз. с биографией писательницы, написанной В. Скоттом (Библиотека П. № 1298; рус. пер. биографии — СО. 1826. Ч. 105—106. № 2, 4, 5, 7). Судя по единственному прямому упоминанию Р. (при отсутствии каких-л. скрытых реминисценций, отзвуков, следов влияния), П. видел в ее произв. лишь излюбленное чтение молодых романтически настроенных провинц. барышень, накладывавшее сильный отпечаток на их мировосприятие: Марья Кирилловна Троекурова («Дубровский», гл. 9), «пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклиф», слушая рассказ о посещении их соседки, вдовы Глотовой, неким генералом и его справедливой расправе с плутом-приказчиком, «доброжелательствует», равно как и др. девушки, загадочному благородному незнакомцу, в к-ром подозревают разбойника Дубровского. Предполагается, что «вечный жид», названный среди лит. «кумиров» отроковицы, чей сон тревожат «британской музы небылицы» («Евгений Онегин», гл. III, 12. 5—6, 10), подразумевает «готический» роман англ. писателя Мэтью Грегори Льюиса (Lewis, 1775—1818) «Монах» («The Monk», 1796), приписанный Р. в рус. пер. «для большего расходу» (Монах, или Пагубные следствия пылких страстей. СПб., 1802—1803; 2-е изд. под загл.: Монах францисканской, или Пагубные следствия пылких страстей. СПб., 1805).

Лит.: Лернер Н. О. Пушкинологические этюды // Звенья. Т. 5. С. 72—73.

В. Д. Рак

РАСИН (Racine) Жан-Батист (1639—1699), фр. драматург. Творчество Р. знаменовало собою след. после П. Корнеля этап развития фр. классической трагедии. Противопоставив суровой героике и величавой риторике Корнеля изображение внутренней жизни человека в разнообразных проявлениях и следствиях любовной страсти, Р. создал психол. трагедию, отличающуюся простотой фабулы, гармонией композиционного построения, строгой логикой развития действия при почти полном отсутствии сценических событий (важные внешние события совершаются за сценой, и о них узнают из рассказов действующих лиц), точным соблюдением всех классических правил, лирическим тоном длинных монологов, строгой стихотв. формой, лаконизмом выразительных средств, ритмической стройностью и певучестью поэтич. языка. До нач. XIX в. во Франции и странах, испытывавших влияние фр. культуры, трагедии Р. считались высшим достижением драматич. иск-ва и ценились более трагедий Корнеля. В нач. XIX в., когда фр. влиянию стали противопоставлять нац. формы в иск-ве, трагедии Р. утратили авторитет непреложного мирового совершенства и были провозглашены высшими достижениями лишь в пределах фр. нац. театра. В дальнейшем романтики стали Р. предпочитать Корнеля, а затем борьба с классицизмом выразилась в отрицании форм расиновских трагедий, к-рым противопоставляли трагедии Шекспира.

П. с ранних лет хорошо знал Р. и в ст-нии «Городок» (1815) назвал его среди любимых авторов (ст. 140). Почитателем Р. был В. Л. Пушкин (см. о нем в связи с этим в «Материалах к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“»), 1827 — Акад. XI, 59), к-рый любил его декламировать; преклонение перед Р. культивировал «Арзамас»; на петерб. сцене в 1810—1820 шли на рус. яз. «Андромаха» («Andromaque», пост. 1667, изд. 1668), «Брита-

ник» («Britannicus», пост. 1669, изд. 1670), «Гофолия» («Athalie», пост. 1690, изд. 1691), «Ифигения в Авлиде» («Iphigénie en Aulide», пост. 1674, изд. 1675), «Эсфирь» («Esther», 1689). П. бывал на представлениях двух последних (Летопись. Т. 1. С. 121, 128, 147, 484); его впечатления от игры А. М. Колосовой и Е. С. Семеновой отразились в эпиграмме «Все пленяет нас в Эсфири...» (1819) и наброске «Мои замечания об русском театре» (1820). В Петербурге Н. И. Гнедич читал П. свой пер. «Андромахи» (см. письмо П. к нему от 4 дек. 1820 — Акад. XIII, 21), а на юге П. слушал чтение молд. пер. самой знаменитой трагедии Р. «Федра» («Phèdre», 1677) (*Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний // П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 346—348).

С юных лет П. усвоил представление о Р. как о непогрешимом трагике, и еще осенью 1821 он начинал писать пьесу «Вадим» по всем правилам классической драматургии. Однако его мнение существенно менялось под влиянием критики трагической системы Р. в работах *Ж. де Сталь* и *А. В. Шлегеля*, а также знакомства с трагедиями Шекспира и произв. *Байрона*. В период пристального интереса П. к проблемам драматургии в связи с работой над «Борисом Годуновым» и предисл. к нему мимо его внимания вряд ли мог пройти трактат *Стендаля* «Расин и Шекспир» («Racine et Shakespeare», 1823—1825). Резкий отзыв о Р., отразивший романтич. увлечения П., а также вызванный ими и подогревавшийся плохим, с его точки зрения, переводом полемический задор, содержался в письме к брату от янв. (после 12)—нач. февр. 1824 по поводу пер. «Федры» М. Е. Лобанова. П. утверждал, что «план и характеры „Федры“ верх глупости и ничтожества в изобретении» и что Р. «понятия не имел об создании трагического лица», а «держится» только «стихами, полными смысла, точности и гармонии» (Акад. XIII, 86—87). Гл. слабостью Р., порождающей все недостатки его трагедий, П. считал угождение вкусу двора Людовика XIV: «Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина (...)»? Придворные Людовика XIV» («О предисловии г. Лемонтену к переводу басен И. А. Крылова», 1825 — Акад. XI, 33). Эту мысль П. повторял в статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“», 1830 (Акад. XI, 178—179) и «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 (Акад. XI, 271; ср. вторую ред. — там же, с. 503—504). В «Борисе Годунове» совершился решительный переход П. на сторону шекспировского метода в драматургии, что позднее в набросках предисл. к этому произв. (1830) П. объяснил своей твердой уверенностью в том, что «нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина» (Акад. XI, 141). Вместе с тем в своих оценках фр. драматурга П. более ни разу не впадал в крайность, отличавшую упомянутое выше письмо к брату, хотя, напр., в беловом автографе «Домика в Коломне» он позволил себе нек-рую долю иронии («И ты, Расин, бессмертный подражатель, Певец влюбленных женщин и царей» — Акад. V, 377). Р. неизменно оставался для П. писателем «на высоте недосыгаемой», чьи произв., в одном ряду с произв. *Кальдерона* и Шекспира, «составляют вечный предмет наших изучений и восторгов» (Акад. XI, 177). П. продолжал отдавать ему преимущество перед др. великими фр. трагиками, считая несправедливой «литературную аксиому» французов, согласно к-рой «Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину» («(Начало статьи о Викторе Гюго)», 1832 — Акад. XI, 219). В планах статьи «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“» намечался пункт: «Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей траг(едии)» (Акад. XI, 419). Уступки Р. «поток», выразившиеся в том, что у него «полу-скиф Иполит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза», а «Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия», П. относил к «примесям», от к-рых «суд потомства отделит золото» («(Наброски предисловия к „Борису Годунову“» и «(О народной драме и драме

„Марфа Посадница”)» — Акад. XI, 142, 177). К примеру Р. он апеллировал, полемизируя с т. зр., согласно к-рой «народность состоит в выборе предметов из отечественной истории» («О народности в литературе»), 1825—1826 — Акад. XI, 40); настаивая на отсутствии в «Борисе Годунове» «применений», т. е. злободневных намеков и аллюзий («Письмо к издателю „Московского вестника”»), 1828 — Акад. XI, 68—69); говоря о неправомерности «полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места» (Акад. XI, 177). Возможно, в «Борисе Годунове» учитывался опыт Р. в создании трагедии о нар. возмущении и без любовной интриги («Гофолия»).

Лит.: Батюшков Ф. Д. Пушкин и Расин: «Борис Годунов» и «Athalie» // Памяти А. С. Пушкина. СПб., 1900. С. 1—34 (Зап. ист.-филол. ф-та СПб. ун-та. Ч. 57) (Отд. отт.: СПб., 1900; То же // Батюшков Ф. Д. Критические очерки и заметки о современниках. СПб., 1902. Ч. 2. С. 72—115); Томашевский Б. В. 1) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 27—29 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 111—114); 2) Пушкин и народность // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 79—90 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 31—48; Томашевский. Пушкин, П. С. 124—136; Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 96—111); Финкельштейн И. Л. Творчество Жана Расина в оценке передовой русской критики первой половины XIX века // Учен. зап. Горьковского гос. пед. ин-та иностр. яз. 1955. Вып. 1. С. 142—148; Мультатули В. М. Расин в России. СПб., 2000. С. 11—15, 29—30, 70, 119—120.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

РИХТЕР Иоганн Пауль Фридрих см. ЖАН-ПОЛЬ

РИЧАРДСОН (Richardson) Сэмюэл (1689—1761), англ. писатель, создатель семейно-бытового психол. романа в письмах. Р. написал три много-томных произв. этого жанра: «Памела, или Вознагражденная добродетель» («Pamela; or, Virtue Rewarded», 1740, Vol. 1—2; продолжение: 1741, Vol. 3—4); «Кларисса, или История молодой леди, заключающая в себе важнейшие вопросы частной жизни и показывающая, в особенности, бедствия, которые могут явиться следствием неправильного поведения как родителей, так и детей в отношении к браку» («Clarissa; or, the History of a Young Lady: comprehending the most important concerns of private life; and particularly shewing the distresses that may attend the misconduct both of parents and children, in relation to marriage», 1747—1748, 7 vols); «История сэра Чарльза Грандисона» («The History of Sir Charles Grandison», 1754, 7 vols). Сюжет «Памелы» составляет стойкое сопротивление девушки-служанки из семьи бедных селян бесчестным домогательствам ее молодого хозяина. В письмах героини из города в деревню к родителям рассказывается по самым свежим следам событий, в мельчайших подробностях, момент за моментом об уловках, соблазнах, преследовании, актах насилия, к-рым она подвергается со стороны беспутного дворянина, разворачивается картина психол. борьбы между ними и детально описываются переживания Памелы; одержав своей добродетелью и стойкостью нравственную победу над хозяином, вызвав переворот в его душе и выйдя за него замуж, она столь же подробно рисует свою семейную жизнь в двух томах, написанных Р. в ответ на бурный читательский успех романа. Шедевром Р. явился его второй роман, героиня к-рого, Кларисса Гарлоу, дочь сельских дворян, обладающая всеми природными и приобретенными через воспитание достоинствами, украшающими женский пол, становится объектом настойчивых ухаживаний молодого, привлекательного в своей дерзостной безнравственности Ловласа, развратника и циника. Понуждаемая жестокой, грубой, эгоистической родней, преследующей каждый свои корыстные материальные интересы, к ненавистному браку с соседом, уродом и злобным скрягой, девушка бежит из дома, доверившись Ловласу, к к-рому питает чувство, подавлявшееся ею по настоянию семьи. Получив Клариссу в свою власть, Ловлас прибегает к все-

возможным ухищрениям, чтобы осуществить свои сластолюбивые цели, и бóльшая часть романа протекает в борьбе соблазнителя с своей жертвой. Натолкнувшись на стойкое сопротивление, Ловлас овладевает девушкой обманом, опоив ее наркотическим зельем. Обесчещенная Кларисса, воспринимая свой позор как наказание за дочернее послушание, отказывается выйти замуж за раскаявшегося Ловласа и умирает, а Ловласа убивает на дуэли ее двоюродный брат. Вопреки нравоучительным намерениям Р., мн. читатели отдали свои симпатии живо изображенному Ловласу, в то время как негибкая добродетель героини принесла ей упреки в чопорности, излишней щепетильности, высокомерии, холодности. Исправляя это впечатление и отвечая на обвинения в том, что в его романах выведены только отрицательные типы мужчин, Р. написал третий роман, в к-ром представил антитезу Ловласа, образец совершенного мужчины, своего рода апофеоз «благоразумной» добродетели.

Поразившие современников жизненным правдоподобием и тонким изображением движений души, приобретшие всеевроп. славу и оказавшие большое влияние на развитие жанра эпистолярного романа (включая «Новую Элоизу» Ж.-Ж. Руссо и «Дельфину» Ж. де Сталь), произв. Р. со временем, на фоне лит-ры сентиментализма и романтизма, утратили свою свежесть и стали восприниматься как старомодные, пухлые соч., полные скучного, надоедливого морализирования и неестественности, порождаемой условностями эпистолярной формы.

В России «Памела» стала известна вскоре после выхода фр. пер., и уже в 1740-е был сделан ее рус. пер., долгое время распространявшийся в списках. Пик интереса к Р. пришелся на конец XVIII—нач. XIX в. и, в частности, выразился в появлении печатных пер. всех трех романов («Памела» — 1787; «Кларисса» — 1791—1792; «Грандисон» — 1793—1794) и подражаний, как переводных ([*Кимбер Э.*] Новая Памела, или Справедливое описание жизни Марии... М., 1788. Ч. 1—2), так и отеч. (*Львов П. Ю.* Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки. СПб., 1789. Ч. 1—2; СПб., 1794. Ч. 1—2). В 1820-е произв. Р. еще входили в круг чтения провинц. дворянских барышень, в то время как их столичных сверстниц волновали уже новейшие «британской музы небылицы». Это явление отразил П. в «Евгении Онегине»: Татьяна, влюбленная в «обманы Ричардсона» (гл. II, 29), к-рый, согласно черн. вар. этих строк, был ее «любимую игрушкой» (Акад. VI, 292), погружается в своих любовных переживаниях в мир ричардсоновских ассоциаций, «воображая» Онегина Грандисоном, а себя — Клариссой (гл. III, 9—12), но, попав в кабинет Онегина, открывает для себя современную лит-ру, резко отличную от всего, что ей доводилось до этого читать (гл. VII, 21—22). Отношение самого П. к соч. англ. писателя было критическим в высокой степени. Строки в «Евгении Онегине» об увлечении Р. матери Татьяны проникнуты иронией (гл. II, 29—30; ср. гл. VII, 41). Составленное П. критич. мнение о романах Р. высказано от лица автора и главного его персонажа в начальных строфах гл. III, написанных в 1824 в Одессе: «бесподобный Грандисон, который нам наводит сон» (строфа 2); «Поверь — невинность это вздор А приторной Памелы взор Мне надоел и в Ричардсоне» (строфа 5, вар. белой рукописи — Акад. VI, 575). Осенью того же года в Михайловском П. читал «Клариссу» во фр. пер. аббата А.-Ф. Прево д'Экзиля (Prévost d'Exiles, 1697—1763) по имевшемуся в Тригорском изд. (Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlowe. Nouv. ed. Paris, 1777. 14 t. в 7 переплетах) и в письме к брату от нач. 20-х чисел ноября назвал героиню романа «скучною дурую» (Акад. XIII, 123). Это же определение («скучно, мочи нет») повторяет и героиня «(Романа в письмах)» (1829) Лиза, рассказывая о своем впечатлении от «хваленой Клариссы» (Акад. VIII, 47). Вместе с тем П. отводил Р. важное место в лит-ре XVIII в. как писателю, к-рый наряду с *Г. Фильдингом* и *Л. Стерном* поддерживал «славу прозаич.(еского) романа» («О ничтожестве литературы русской»,

дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 272). В беловой ред. «(Путешествия из Москвы в Петербург)» (1834—1835) П. писал: «Многие читатели согласятся со мною, что Клариса очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство» (Акад. XI, 244). Опираясь на эту свою оценку в сочетании с впечатлением о том, что, читая романы XVIII в., «из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые креслы, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» (Акад. VIII, 50), П. задумал «(Роман в письмах)» как первый опыт применения к роману Р. сформулированной в пятом письме (там же) и позднее реализованной в «Повестях Белкина», «Маленьких трагедиях» и др. программы создания новых произв. на основе старых лит. моделей. Завязка «(Романа в письмах)» ставит скучающую над «Клариссою» Лизу в положение, напоминающее то, в к-ром находилась в начале героиня романа Р.; в Владимире угадываются черты Ловласа, опосредствованные героем фривольно-авантюрного романа фр. писателя Ж.-Б. Луве де Кувре (Louvet de Couvray, 1760—1797) «Любовные похождения кавалера де Фобласа» («Les amours et les galanteries du chevalier de Faublas», 1787—1790, 13 т.).

В худож. произв. и гл. обр. в письмах П. имя «Ловлас» многократно употреблено в нарицательном смысле (Акад. III, 720; VI, 75, 337; XIII, 71; XIV, 33, 49, 50; XVI, 104). В б-ке П. сохранилось собр. романов Р. на англ. яз. в трех томах, изд. 1824 (Библиотека П. № 1314).

Лит.: *Батюшков Ф. Д.* Ричардсон, Пушкин и Лев Толстой: (К эволюции семейного романа: от «Клариссы Харлоу» к «Анне Карениной») // ЖМНП. 1917. Ч. 71. № 9. Отд. 3. С. 1—17; *Соколянский М. Г.* Литература английского Просвещения в оценках Пушкина // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 1 (10). С. 55—56 (То же под загл.: Литература английского Просвещения в критическом обиходе Пушкина // Соколянский М. Г. И несть ему конца: Ст. о Пушкине. Одесса, 1999. С. 21—23); *Лотман Ю. М.* Три заметки к пушкинским текстам // Врем. ПК. 1974. С. 88—89 (То же // Лотман. Пушкин. С. 335—337).

В. Д. Рак

РОНСАР (Ronsard) Пьер де (1524—1585), фр. поэт, глава лит. кружка «Плеяда», осуществлявшего жанровое и языковое обновление отеч. поэзии в соответствии с принципами, декларированными в трактате *Ж. Дю Белле* «Защита и прославление французского языка» (1549). «Плеяда» составила ядро новой нац. поэтич. школы; творчество Р., выходявшее своим богатством и разнообразием за рамки ее манифеста, определяло во 2-й пол. XVI в. все развитие фр. поэзии, однако с реформой *Ф. Малерба*, знаменовавшей наступление классицизма, утратило свое влияние и, вытесненное на периферию, было в XVII—XVIII вв. основательно забыто. Славу Р. возродили романтики, чему начало положил *Ш.-О. Сент-Бёв* своим «Историческим и критическим очерком французской поэзии и театра в XVI в.» (Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au seizième siècle. Paris, 1828) и критическим изд. соч. Р. (Œuvres choisies de Pierre de Ronsard, avec notice, notes et comment., par C.-A. Sainte-Beuve. Paris, 1828).

Обе книги имелись у П. и были разрезаны, т. е. прочитаны или по крайней мере просмотрены (Библиотека П. № 1326, 1347; см. упоминание: Акад. XI, 200), но не изменили ранее сложившегося у него, в частности под влиянием отзыва о Р. в «Поэтическом искусстве» *Н. Буало*, неблагоприятного мнения о поэзии Р. В рец. (1831) на поэтич. сб-ки Сент-Бёва П. писал о его безвкусных подражаниях «давно осмеянной поэзии старого Ронсара» (Акад. XI, 197), а в статье «Вольтер» (1836) отметил, что в «длинных французских стихотворениях, писанных в нынешнем вкусе, (...) мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара...» (Акад. XII, 79). Признавая, что Р. принес «неоспоримую пользу

отечественному языку» (Акад. XI, 510; зачеркнутый вар.), П. видел в нем талант, «истощивший силы свои в усовершенствовании стиха» (вар.: «в борьбе с механизмом стихосложе(ния) и в утверждении языка еще зыбкого») и потому обреченный на забвение, подобно всем писателям, «[которые пекутся более о наружных формах слова], нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Акад. XI, 270, 510). Старания Р. и др. поэтов «Плеяды» «пересоздать» фр. яз. «по образцу древнего греческого» (т. е. обновить его заимствованиями из древних яз.) «остались тщетными», констатировал П., «язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогой» (Там же. С. 270).

Отсутствие к.-л. свидетельств того, что в юношеские годы П. мог проявлять интерес к поэзии Р., ставит под сильное сомнение гипотезу, согласно которой в ст-нии П. «Stances» («Avez-vous vu la tendre rose...») (1814) усматривалось воздействие оды Р. «К возлюбленной» («A sa maitresse» («Mignonne, allons voir si la rose...») (1553); с 1560 — № 17 в «Первой книге од»); сходство между двумя ст-ниями, вероятнее всего, типологическое, а их тема — общее место поэзии.

Лит.: *Дашкевич Н. П.* Пушкин в ряду великих поэтов // Памяти П. С. 146 (То же // Университетские изв. 1899. Г. 39. № 5. С. 146; Отд. изд.: Киев, 1900. С. 62); *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 19—20 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 101—102); *Ореховацкий Ю. И.* Пушкинское подражание Ронсару: (К вопросу о французских стихах А. С. Пушкина) // Пушкинский сборник. Л., 1977. С. 134—138; *Топоров В. Н.* Еще раз о связях Пушкина с французской литературой: (Лагарп—Буало—Ронсар) // RL. 1987. Vol. 22. P. 402—421; *Ермоленко Г. Н.* Пушкин и поэты французского Ренессанса // Университ. Пушк. сб. С. 372—373.

Л. И. Вольперт

РУССО (Rousseau) Жан-Батист (1670 или 1671—1741), фр. поэт. Высоко ценимый современниками гл. обр. за его оды, отличавшиеся тематическим разнообразием и богатством характерных для этого жанра худож. средств (аллегории, мифол. реминисценции, перифразы, лирический беспорядок и др.), Р. пользовался славой великого поэта на протяжении XVIII в., но затем под влиянием резкой критики романтиков она сменилась представлением о нем как эпигопе великой классической школы, чье творчество консервировало ее каноны, препятствуя всякому лит. обновлению. П. изучал Р. в Лицее как образцового поэта и нек-рое время его таковым и воспринимал. В 1814 он вольно перевел («Супругою твоей я так пленился...») эпиграмму Р. «J'ai depuis peu vu ta femme nouvelle...» (Epigrammes, liv. II, 8); тогда же по образцу признанных классическими кантат Р. он написал кантату «Леда» («Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...»); к «Оде II господину аббату Куртэну» («Ode II. à M. l'abbé Courtin» — Odes, liv. II) восходят тема ст-ния П. «Послание Лиде» («Тебе, наперсница Венеры...») (1816) и ряд подробностей ее разработки; в ст-нии «К другу стихотворцу» (1814) Р. упоминается в связи с темой «нищеты поэтов» (ст. 56: «Родился наг и наг ступает в гроб Руссо»), причем одним из источников биограф. сведений о нем могла в этом случае служить П. книга Ж.-Б.-М. Бена графа де Сен-Виктора (Saint-Victor J.-V.-M. Vins de, 1772—1858) «Великие поэты-несчастливыцы» («Les grands poètes malheureux», 1802; рус. пер. в ж-ле: Минерва. 1807. Ч. 5—6). К нач. 1820-х П. освободился от традиционного взгляда на Р., о чем свидетельствует пункт плана статьи «О французской словесности» (1822?): «Руссо в одах дурен — Державин» (Акад. XII, 192). Предполагавшееся здесь сопоставление поэтов конкретизировано в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825: «Держ.(авин) выше Ж. Б. Руссо» (Акад. XIII, 178). В «(Начале статьи о В. Гюго)» (1832) мысль о «ничтожности и несправедливости» принятых у французов «литературных аксиом» обосновывается, в частности, тем, что «Ж. Б. Руссо доньне

сохранил прозвище *великого*» (Акад. XI, 219). Вместе с тем Р. неизменно оставался для П. образцом в жанре «сказки эпиграмматической», и его «похабные эпиграммы» (т. е. составившие отд. книгу эпиграммы на основе скабрёзных анекдотов о монахах) П. ценил «стократ выше од и гимнов» (письмо к П. А. Вяземскому от 25 янв. 1825 — Акад. XIII, 135); из всех эпиграмм, напечатанных в имевшемся у П. собр. соч. Р. (Библиотека П. № 1331), разрезан именно этот раздел (Epigrammes. Livre quatrième // *Rousseau J.-B. Œuvres*. Nouv. éd. Paris, 1820. Т. 2. Р. 376—402). По образцу Р. и, видимо, не без примера Вяземского, к-рый в своих переводах его эпиграмм (1821—1825) старался передать их наивно-иронический, создаваемый нарочитым использованием архаизмов «маротический» стиль, П. написал в 1825 ст-ния «Движение», «Дружба», «Соловей и кукушка», «Совет». Отличительное преимущество эпиграммы Р. перед классической эпиграммой, «определённой законодателем фр. (ангузской) пиитики», т. е. *Н. Буало*, П. видел в «раме более пространной, где может развиться драматическое» (набросок статьи «(Баратынский)», осень 1830 — Акад. XI, 186, 430 черн. вар., переработанный затем применительно к эпиграммам Е. А. Баратынского). В рец. на т. I «Истории русского народа» Н. А. Полевого (янв.—февр. 1830) цитируется эпиграмма Р. (Epigrammes, liv. II, 14) на его лит. противника Антуана Удара де Ла Мота (Houdar de La Motte, 1672—1731); несколько позднее он упоминается в «(Альманашнике)» (май 1830) (Акад. XI, 133).

Лит. *Попов А. А.* Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века // Пушкинист, II. С. 208—211, 217—239; *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 18—19, 48—49 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 100—101, 144).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

РУССО (Rousseau) Жан-Жак (1712—1778), фр. писатель, философ. Европ. слава Р. как яркого и глубокого мыслителя, одного из властителей умов эпохи быстро дошла до России, где популярности его знаменитого эпистолярного романа «Юлия, или Новая Элоиза» («*Julie, ou la Nouvelle Héloïse*», 1761) не только не уступал, но даже над нею преобладал интерес к его социально-полит. соч., таким как «Рассуждение ... способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов» («*Discours ... sur cette question ... Si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les mœurs*», 1750), «Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми» («*Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*», 1755), «Общественный договор» («*Du contrat social*», 1762) и др. Поставленные Р. и вызвавшие в Европе бурную полемику проблемы отношения к просвещению и науке, природной доброты человека, взаимоотношений народа и власти и др. стали надолго и в России предметами оживленного обсуждения и споров.

П. читал Р. в Лицее. Упоминание его имени в ст-нии «Городок» (1815) рядом с Н. М. Карамзиным (ст. 141), после В. А. Озерова и *Ж. Расина*, без к.-л. характеристики, свидетельствует о том, что для П.-лицейста Р. был прежде всего писателем-сентименталистом, гл. обр. автором «Новой Элоизы», к-рая в это время входила и в круг любимых произв. его сестры (см.: «К сестре», 1814, ст. 29). Вместе с тем П. имел представление и о др. соч. Р. В частности, «Общественный договор» служил одним из основных теорет. источников курсов А. П. Куницына «Изображение политических наук» и «Право государственное». Если справедливо предположение, согласно к-рому в ст-нии «Твой и мой» (1813—1817) одним из не названных поименно «философов», «сердитых» на «твой» и «мой», имелся в виду Р. (АН 1900—1929. Т. 1. Примеч. С. 292), то П. было известно по крайней мере одно из основных положений «Рассуждения о начале и основаниях неравенства между людьми». Интерес к социальным идеям Р. проявился у П. в кишиневский период (сент. 1820—июнь 1823) в обстановке тесного общения с

членами Южного об-ва (особенно с В. Ф. Раевским), в чьей среде радикальные воззрения Р. как предтечи Французской революции пользовались большим авторитетом. Пробуждению внимания П. к этой стороне наследия Р. способствовали также в сильной мере подъем революц. движения в Зап. Европе, увлечение поэта героями Байрона, к-рые несли на себе печать руссоизма, выражавшегося в отрицании европ. культуры и цивилизации. Уже в «Кавказском пленнике» (1820—1822) намечено невыгодное для выходца из «цивилизованного» мира противопоставление его человеку «естественному», живущему на лоне природы по патриархальным обычаям. Наиболее полно эта руссоистская мысль отразилась в «Цыганах» (1824), особенно в не вошедшем в основной текст монологе Алеко к сыну (соч. янв. 1825) (Акад. IV, 445—447), где обнаруживаются следы внимательного чтения П. «Исповеди» («Les Confessions», 1766—1769, изд. 1782—1789) Р. Тот же мотив звучит и в посвященных Байрону строках («Судьба людей повсюду та же: Где благо, там уже на страже Иль просвещение, иль тиран») ст-ния «К морю» (1824).

В 1821 П. был увлечен проектом вечного мира Ш.-И. Кастела аббата де Сен-Пьера (Saint-Pierre, 1658—1743; «Projet de paix perpétuelle», 1713—1716. Т. 1—3), с к-рым познакомился по соч. Р. «Суждение о проекте вечного мира» («Jugement sur la paix perpétuelle», соч. 1760) и, м. б., по его же краткому изложению оригинального трактата («Extrait du Projet de paix perpétuelle, de M. L'abbé de Saint-Pierre», 1761). По вопросам, связанным с этим проектом, П. вел горячие споры с М. Ф. Орловым и сделал набросок на фр. яз. своих мыслей («О вечном мире») — Акад. XII, 189—190). В Кишиневе, возможно, читал П. и пьесу Р. «Пигмалион» («Pygmalion», пост. 1770, изд. 1771), к-рую упомянул в черновике письма к Н. И. Гнедичу от 29 апр. 1822 (Акад. XIII, 372). Предполагается (без достаточно убедительной аргументации), что из кн. IV филос.-педагогического романа-трактата «Эмиль, или О воспитании» («Emile, ou de l'éducation», 1762) П. впервые узнал легенду о Клеопатре, давшую ему сюжет, к к-рому он впоследствии обращался неоднократно (ст-ние «Клеопатра», 1824—1830, и др.).

При всем внимании к Р. в кишиневский период адептом руссоизма П. не стал, а с 1823, когда неудачи европ. революций и разгром кишиневской организации декабристов породили у него кризисные настроения и заставили подвергнуть сомнению просветит. основания, на к-рых зиждилась вера в социальные преобразования, характерным для него становится недоверчивое, ироническое отношение к взглядам «защитника вольности и прав» («Евгений Онегин», гл. I, 24. 13). Само это определение употреблено в ироническом контексте, и тут же, параллельно Р. назван «красноречивым сумасбродом». Не согласный с его мнением о том, что поэзия — «самое подлое ремесло» (подлинник по-фр.), П. употребляет фразу: «Руссо не впервой соврал» (письмо к П. А. Вяземскому, март 1823 — Акад. XIII, 59). Уже в «Кавказском пленнике» присутствуют зачатки «антируссоизма» — мысль о невозможности для соврем. человека из «цивилизованного» об-ва освободиться от его законов и обычаев, о бессмысленности бегства от этого об-ва и поисков свободы вне его. В спор с руссоистской концепцией выливаются в конечном итоге «Цыганы». До конца жизни П. сохранял убеждение в том, что фр. философия XVIII в., включая и учение Р., представляла собою явление преходящее, «мысли детские» и «мечты несбыточные» («Александр Радищев», 1836 — Акад. XII, 31). Насмешливо-критическим устойчиво оставалось отношение П. к «соблазнительной» (т. е. развращающей) «Исповеди» (см.: письмо к П. А. Вяземскому от 2-й пол. 1825 — Акад. XIII, 243; «О записках Самсона», 1830 — Акад. XI, 94). В то же время «задумчивый» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—дек. 1834 — Акад. XI, 272) Р., без сомнения, имелся в виду в ст-нии «Андрей Шень» (1825) среди «святых изгнанников», чьи «славны тени» вошли в учрежденный во время Французской революции «бессмертный Пантеон» (ст. 38—39). Про-

фильм Р. (предположительно) был дважды нарисован П. в 1826 на полях черновика «Евгения Онегина», гл. V, 5—6 и 22 (ПД 835, л. 80 об.; ПД 836, л. 49) в окружении (П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, *Вольтер*, Мирабо, Робеспьер, автопортрет в образе деятеля Французской революции), отражавшем, видимо, размышления о событиях 14 дек. 1825 в контексте европ. истории (Жуйкова. № 731, 732).

В характеристику женских образов своих произв. П. систематически вводит мотив увлечения «Новой Элоизой» (Татьяна Ларина — «Евгений Онегин», гл. II, 29. 3—4; ср. гл. III, 9. 7; Марья Гавриловна из «Метели» — Акад. VIII, 85; Полина из «Рославлева» — Акад. VIII, 150). Письмо Татьяны к Онегину и его к ней несут отзвуки эпистолярных излияний героев этого романа. Выказана гипотеза о существовании связи между «Новой Элоизой» и «Дубровским». Опубликованы якобы сделанные П. выписки из письма Сен-Пре к Юлии (ч. I, письмо 8), к-рые, по предположению А. А. Ахматовой, представляли собою подготовительный материал для письма, личного или в худож. произв. (Весы. 1908. № 1. С. 4, 70; Рукою П. (1935). С. 881—886). Однако сам автограф никто из авторитетных пушкинистов не видел, его подлинность ставилась под сомнение, а суждения в ее пользу, основывающиеся исключительно на косвенных признаках по фототипической публ., не могут считаться убедительными.

Лит.: *Винокур Г. О.* Монолог Алеко // Лит. критик. 1937. № 1. С. 220—228; Лицейские лекции. С. 80—82; *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 42—44 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 132—140); *Алексеев М. П.* Пушкин и проблема «вечного мира» // РЛ. 1958. № 3. С. 3—39 (То же, с испр. и доп. // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 160—207; 2-е изд. С. 174—220); *Лотман Ю. М.* 1) Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1962. Т. 5. С. 7—16 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 119) (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 50—56); 2) Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Изд. подгот. В. С. Алексеев-Попов и др. М., 1969. С. 590—598; 3) Несколько заметок к проблеме «Пушкин и французская литература»: [1]. У истока сюжета о Клеопатре // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 378—380 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 412—414; Лотман. Пушкин. С. 362—364); *Сандомирская В. Б.* «Естественный человек» и общество: «Кавказский пленник» в творчестве поэта // Звезда. 1969. № 6. С. 187—189; *Розова З. Г.* «Дубровский» Пушкина и «Новая Элоиза» Руссо // Вопросы русской литературы. Львов, 1971. Вып. 3 (18). С. 64—69; *Петрунина Н. Н.* 1) Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // ПИМ. Т. 9. С. 160—161 (То же, с доп. // Петрунина. С. 187—191); 2) Из комментариев к пушкинским текстам: 2. Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор // Врем. ПК. Вып. 22. С. 93—97; *Жуйкова Р. Г.* Загадки пушкинских рисунков // Ленингр. панорама. 1988. № 1. С. 22—25; *Лузянина Л. Н.* Своеобразие реализма А. С. Пушкина 1830-х годов. М., 1988. С. 55—69; *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД 836: (История заполнения) // ПИМ. Т. 14. С. 138; *Немировский И. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Свободы сеятель пустынный...» в контексте общественного движения начала 20-х гг. XIX в. // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.) / Отв. ред. Ю. В. Стенник. СПб., 1992. С. 78—88; *Шмид В.* Невезучий жених и ветреные суженые: Подтексты и разветвляющиеся речевые клише в «Метели» // Шмид В. Проза как поэзия: Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. С. 85—86 (То же // Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб., 1996. С. 223—225); *Фатеев С. П.* О руссоизме в творчестве А. С. Пушкина // Материалы Пушкинской науч. конф. 1—2 марта 1995 года: (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Киев, 1995. С. 56—57; *Гозун Л. А.* 1) О руссоизме в зрелом творчестве Пушкина // Моск. пушкинист. Вып. 9. С. 193—213; 2) К проблеме «Пушкин и Ж.-Ж. Руссо»: (Руссо и пародирование истории в «Графе Нулине») // ПиС. Вып. 3 (42). С. 336—347.

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

С

СААДИ, Сади (псевд.; наст. имя — Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин, между 1203 и 1210—1292), перс. писатель. Дидактическое соч. С. «Гулистан» («Розовый сад», 1258), написанное ритмизированной прозой и стихами, состоящее из нравоучительных рассказов-притчей, рассуждений, афоризмов и ст-ний, было известно в России в лат. и нем. пер. с конца XVII в., тогда же появились первые из него пер. на рус. яз. В XVIII—нач. XIX в. посредниками в знакомстве с этим произв. выступали и фр. пер. Полные пер. «Гулистана», оставшиеся неизд., были осуществлены: с нем. яз. ок. 1704 неизвестным лицом и с лат. яз. в 1734—1735 И. И. Ильинским (ум. 1737). Большое число рассказов и афоризмов С. переводилось в XVIII в., часто без указания автора, из различных зап.-европ. антологий вост. лит-ры, сб-ков изречений и т. п. изд., они печатались в ж-лах, лит. сб-ках, хрестоматиях и др. В последней трети XVIII—нач. XIX в. популярностью в России пользовались и активно переводились вольные переложения фр. писателя Ж.-Ф. Сен-Ламбера (Saint-Lambert, 1716—1803; «Fables orientales», 1769), среди к-рых многие не имели соответствий у С., будучи сочинены самим фр. автором. В пушк. время пер. из С. и сведения о нем печатались в ж-лах «Азиатский вестник» (1825. Кн. 5, 8; 1826. Кн. 9), «Вестник Европы», «Молва» и др.

Степень, характер и источники знакомства П. с соч. С. не выяснены. Среди его книг имелся и разрезан фр. пер. (1828) нравоучительной поэмы «Пенднаме» («Книга советов») и номера ж-ла «Сев. Минерва» (1832. № 5, 7), содержавшие пер. из «Гулистана» (Библиотека П. № 521, 1181).

В творчестве П. имя С. связано с эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану» («Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. *Сади*»), к-рый, во всяком случае в первой своей части, восходит к стихам из поэмы С. «Бустан» («Плодовый сад», 1257): «Я услышал, что благородный Джемшид над некоторым источником написал на одном камне: „Над этим источником отдыхало много людей подобных нам. Ушли, как будто мигнули очами, т. е. в мгновение ока”» (гл. I. О справедливости, мудрости и рассудительности; букв. пер. К. И. Чайкина; ср. переводы: неизв. лица в кн.: Томашевский. Пушкин, I. С. 506, сн. 151; В. В. Державина в кн.: *Саади*. Бустан; Лирика / Пер. с перс. В. Державина, А. Старостина; Сост., предисл. и примеч. Р. Алиева. М., 1962. С. 80—81; Розенфельд 1976 С. 145—146). Непосредственным источником П. послужил фр. пер. «восточного романа» *Т. Мура* «Лалла Рук», где в прозаич. части, предварающей поэму «Рай и Пери» («Paradise and the Peri»), цитируется С.: «Many, like me, have viewed this fountain, but they are gone and their eyes are closed for ever!» (букв. пер.: Многие, как и я, видели этот источник, но они ушли и глаза их закрылись навеки; фр.: «Plusieurs ont vu, comme moi, cette fontaine: mais ils sont loin et leurs yeux sont fermés à jamais», пер.: Многие,

как и я, видели этот источник, но они далеко и глаза их закрылись навеки). Вторая часть эпиграфа, для к-рой в поэме Мура есть лишь частичное соответствие только во фр. пер., имеет точное соответствие в поэме Байрона «Осада Коринфа» («The Siege of Corinth», 1816): «But some are dead, and some are gone, / (...) / And some are in a far countree...» (пер.: Но одни умерли, другие в разлуке / (...) / А иные в далеких краях; фр. пер. А. Пишо, в к-ром П. читал поэму: «Mais les uns sont morts, les autres sont loin, d'autres sont dispersés et isolés...»). Отдаленные параллели найдены в письмах Цицерона («Ноч vere tempore, quum alii interierint, alii absint, alii mutati voluntate sint...», пер.: Но при нынешних обстоятельствах, когда одни погибли, другие далеко, а третьи изменили своим убеждениям... — Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 380) и в вольном пер. В. А. Жуковского во вступлении к «Громобою» («Прекрасный сон их жизни улетел. / Других умчал могущий Дух разлуки...») последнего стиха третьей строфы посвящения к «Фаусту» *Geme* («Wenn es noch lebt, irrt in der Welt zerstreuet»); очень близкая параллель содержится в ст-нии В. С. Филимонова «К друзьям отдаленным» (1815): «Друзей — иных уж нет, другие — в отдалении». Это ставит вопрос о вероятной контаминации в эпиграфе к «Бахчисарайскому фонтану» цитаты из «Лаллы Руку» с др. лит. реминисценциями. Заключительную фразу эпиграфа П. перефразировал в ст-нии «19 октября» (ст. 138—139: «Увы наш круг час от часу редее; Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет...»), повторил без указания авторства в первой черн. ред. ст-ния «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» («Иные далеко, иных уж в мире нет...» — Акад. III, 723), а затем в последней строфе «Евгения Онегина» («Иных уж нет, а те далече, Как Сади некогда сказал» — гл. VIII, 51. 3—4), где она приобрела смысл аллюзии на декабристов и сознательно была рассчитана на то, чтобы дразнить А. Х. Бенкендорфа, усмотревшего подобный намек в этих словах, когда их процитировал П. А. Вяземский в своей вставке в статье Н. А. Полевого «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг.: (Письмо в Нью-Йорк к С. Д. П.)» (МТ. 1827. Ч. 13. № 1. Отд. I. С. 9). Выражение стало крылатым, особенно в афористической форме, приданной ему в «Евгении Онегине»; его цитировали и перефразировали Е. А. Баратынский (стансы «Судьбой наложенные цепи...», 1828), В. Г. Тепляков («Письмо III из Турции // СЦ. 1831. С. 194»), А. А. Бестужев-Марлинский («Фрегат „Надежда“», 1833; см.: *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.*: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 116), В. Г. Белинский («Литературные мечтания», 1834; см.: Белинский. Т. 1. С. 74), И. И. Панаев («Родственники», 1847; см.: *Панаев И. И. Соч.* Л., 1987. С. 455), П. Я. Чаадаев (письмо к В. А. Жуковскому от 27 мая 1851; см.: Чаадаев. Т. 2. С. 253), И. С. Тургенев («Два помещика», 1852), Н. С. Лесков («На два года», ч. I, гл. 3; 1871); И. А. Гончаров («Фрегат „Паллада“», гл. «Через двадцать лет», VII (1874; см.: *Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем*: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 738); «Слуги старого века. III. Степан с семьей», 1888), М. Горький («Жизнь Клима Самгина», ч. III, гл. 4, 1927; см.: *Горький М. Полн. собр. соч.*: Худож. произв.: В 25 т. М., 1974. Т. 21. С. 331) и др.

Предполагается, что заключительные строки («Мы точь-в-точь двойной орешек Под единой скорлупой») ст-ния «Подражание арабскому» («Отрок милый, отрок нежный...») (1835) восходят к фразе из «Гулистана» (гл. V. О любви и молодости. Рассказ [8]): «Помню я, в минувшие дни я и друг мой жили, словно два миндальных ядра в одной скорлупе» (*Ca'di*. Гулистан / Критич. текст, пер., предисл., примеч. Р. М. Алиева. М., 1959. С. 154). В пушкиноведении не получила признания выдвинутая в 1948 иранско-таджикским поэтом и переводчиком Абольгасемом Лахути (1887—1957) и поддержанная нек-рыми учеными (М. Л. Нольман), в т. ч. востоковедами (А. З. Розенфельд), гипотеза, согласно к-рой в последней строфе ст-ния «В прохладе сладостной фонтанов...» (1828) под «прозорливым и крылатым поэтом» имелся в виду не *А. Мицкевич*, как считают пушкинисты, а С., чьи «сыны» упоминаются в строке 9 того же ст-ния. Отмечено сходство второй строфы этого ст-ния с фразой из заключительных строк «Гулистана» (гл. VIII. О правилах общения): «...на нит-

ку изящного слога нанизан жемчуг целебных увещаний, а медом шутовности приправлено горькое снадобье наставлений» (*Ca'di*. Гулистан. С. 215); однако непосредственная связь в данном случае не доказана.

Лит.: *Богданович М.* Две заметки о стихотворениях Пушкина // ПиС. Вып. 28. С. 108—109; *Лернер Н. О.* 1) Привет Пушкина декабристам // КиС. 1932. № 4. С. 102—105; 2) Пушкинологические этюды. V. Заметки на полях «Евгения Онегина». 22. Последний привет Пушкина декабристам // Звенья. Кн. 5. С. 109—111; *Бонди С. М.* Отчет о работе над IV томом [Акад.] // П. Врем. Т. 2. С. 468 (сообщ. об установлении К. И. Чайкиным источника эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану»); *Розенфельд А. З.* 1) А. С. Пушкин в персидских переводах // Вестн. ЛГУ. 1949. № 6. С. 97—100; 2) Об одном крылатом выражении у А. С. Пушкина // Народы Азии и Африки. 1976. № 6. С. 145—150; *Томашевский. Пушкин, I.* С. 505—507; *Pushkin A. S.* Eugene Onegin: A Novel in Verse / Transl. from the Russian, with a comment. V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 3. P. 245—250 (рус. пер.: *Набоков. С.* 596—599); *Нольман М. Л.* 1) Пушкин и Саади: (К истолкованию стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // РЛ. 1965. № 1. С. 123—134; 2) Гипотеза Лахути: Современные выводы из давней дискуссии // Памир. 1979. № 4. С. 51—57; 3) Неоправданная замена: Саади или Цицерон // Памир. 1989. № 1. С. 160—167; 4) Саади или Цицерон? Об одной необоснованной замене // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991. С. 219—228; *Брагинский И. С.* Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина, II // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 139—146 (То же под загл.: Проблема западно-восточного литературного синтеза. Пушкин. Стихотворение «Виноград» // *Брагинский И. С.* Проблемы востоковедения: Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974. С. 323—332); *Лобикова Н.* «Памятник» Пушкина и «Завещание» Саади // Азия и Африка сегодня. 1972. № 10. С. 42—43; *Ливийский Б.* Саади в творчестве Пушкина // Простор. 1975. № 6. С. 118—121; *Измайлов Н. В.* Мицкевич в стихах Пушкина: (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Измайлов. С. 160—173; *Зубков Н. Н.* О возможных источниках эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» // Врем. ПК. 1978. С. 109—112; *Лотман. Комментарий. С.* 372—373; *Ветловская В. Е.* «Иных уж нет, а те далече...» // ПИМ. Т. 12. С. 104—123; *Коваленко С. А.* Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. М., 1983. С. 230—232; *Баевский В. С.* Присутствие Байрона в «Евгении Онегине» // Изв. РАН. 1996. Т. 55. № 6. С. 11; *Хаджибаева Б., Мирзоюнус М.* Пушкин и Восток. Ходжанд, 1999. С. 62—79, 107—123; *Шейман Л. А., Соронкулов Г. У.* Пушкин и его современники: Восток — Запад: Очерки. Бишкек, 2000. С. 219—229.

В. Д. Рак

САНД, Занд (Sand) Жорж (псевд.; наст. имя и фамилия — Аврора Дюпен (Dupin), по мужу Дюдеван (Dudevant); 1804—1876), фр. писательница, страстная поборница эмансипации женщин. В России стала известна немедленно первыми своими романами «Индиана» («Indiana», 1832), «Валентина» («Valentine», 1832), «Лелиа» («Lelia», 1833) и др., проникнутыми идеями женского равноправия и создавшими ей репутацию безнравственности. Скандальную славу Ж. С. принесли также сообщения в газ. и ж-лах о ее вызывающем свободном поведении. П. не проявил интереса к творчеству Ж. С., он не включил ее произв. в список новейших фр. романов (предположит. лето—осень 1832), о к-рых собирался писать статью. Упоминание Ж. С. в наброске «Мы проводили вечер на даче...» (1835) как «бесстыдницы», подобной Клеопатре и способной переделать «египетский анекдот (...) на нынешние нравы» (Акад. VIII, 423), выразив в Клеопатре самое себя (Акад. VIII, 985), отражает, видимо, не столько собственную оценку П., сколько светские разговоры и общепринятое мнение о нравственном облике писательницы. Эту же основу имело сравнение в письме к жене от 29 сент. 1835 А. П. Керн с Ж. С. («она сама верный список с Md Sand» — Акад. XVI, 51), рассчитанное на воздействие этой характеристики на Н. Н. Пушкину и свидетельствующее о сложившемся в ее сознании представлении о фр. писательнице. Отмечена типологическая общность «Валентины» и «Дубровского», но конкретные сопоставления, интерпретируемые как реминисценции в «Дубровском» романа Ж. С., не могут считаться бесспорными.

В сб. критических очерков Г. Планша (Planche, 1808—1857) разрезано неск. стр. (с. 321—336) в середине статьи о Ж. С. (Библиотека П. № 1266).

Лит.: *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 69 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 168); 2) «Дубровский» и социальный роман Жорж Санд // Томашевский. П. и Франция. С. 404—422; *Розова З. Г.* «Дубровский» Пушкина и «Новая Элоиза» Руссо // Вопросы русской литературы: Межвед. респ. науч. сб. Львов, 1971. Вып. 3. С. 64—65; *Петрунина Н. Н.* 1) К творческой истории романа «Дубровский» // Врем. ПК. 1976. С. 20—23; 2) Петрунина. С. 188—190.

Л. И. Вольперт

САПФО, Сафо (Σαφώ, VII—VI в. до н. э.), греч. поэтесса, уроженка о. Лесбос, где возглавляла одно из женских (девичьих) «содружеств», интересами к-рого определялась тематика ее мелической (музыкально-песенной) лирики (общение между подругами, их красота, любовь, взаимные влечения, ревность, соперничество, разлука, свадьбы, напутствия невесте). В России с сер. XVIII в. и включая пушк. время многократно переводились отд. ст-ния С., а на рубеже XVIII—XIX вв. трижды собр. ее ст-ний; самой популярной у рус. поэтов была вторая ода (Φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεοῖσιν...), получившая широкую известность в пер. *Н. Буало* («Heureux qui près de toi pour toi seule soupire...»); большой поэтич. массив составили различного рода подражания и псевдопер. с греч. яз. («псевдо-Сафо») (см.: *Свиасов Е. В.* Античная поэзия в русских переводах XVIII—XIX вв.: Библиогр. указ. СПб., 1998. № 1843—1845, 1849—1863 и мн. др.).

По мотивам первой строфы второй оды П. написал ст-ние «К***» («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...») (1818), первый стих к-рого довольно точно соответствует пер. Буало, а содержание трех других самостоятельное; в отличие от греч. подлинника и фр. пер., где в любовном томлении обращается женщина к женщине, лирическим героем пушк. четверостишия выступает, как часто переосмысливалось это ст-ние в рус. переложениях, юноша, признающийся в своем чувстве, к-рое у П. имело в этом случае, как предполагается, реальный объект.

Ст-ние «Сафо» («Счастливый юноша, ты всем меня пленил...») (1825; первая публ. в Ст 1826 в отделе «Подражания древним» под загл. «Юноше. Сафо») не имеет источника или соответствия среди произв. греч. поэтессы. Вероятно, оно навеяно известным П. еще с лицейских лет, давшим сюжет ряду ст-ний рус. поэтов мифу о безнадежной любви С. к любимцу Афродиты, холодному красавцу Фаону и ее самоубийстве (согласно легенде, она бросилась со скалы в море). Сохраняя в этом трехстишии «эротический колорит аналогичных обращений мелики С., П. тонко переводит их в план более возвышенный, говоря не только о физических, но и о душевных качествах» (Д. П. Якубович).

Следы «сафической традиции» усматривают в строфе 16 гл. III «Евгения Онегина» (С. Гардзонио) и в «Письме Онегина к Татьяне» (гл. VIII; А. А. Ахматова).

П. высоко ценил «Сафические строфы» А. Н. Радищева, видя в них одну из плодотворных попыток «переменить русское стихосложение» на основе «древнего лирического размера» («Путешествие из Москвы в Петербург»), 1834—1835 — Акад. XI, 262).

В бумагах П. сохранился написанный его рукой прозаич. пер. с греч. яз. двух од С.: «Песенка Афродите» (т. е. «Гимн Афродите») и «Дионизии» (т. е. 2-я ода). Исполняя, по всей видимости, просьбу П. А. Катенина прислать ему подстрочный пер. этих двух ст-ний (письма к П. от 1 июня и 7 июля 1835 — Акад. XVI, 32, 39), П., не знавший греч. яз., или записал под диктовку, или скопировал чьи-то выполненные для него пер. Неверное загл. «Дионизии» как-то, возможно, связано с именем Дионисий предполагаемого автора (им ошибочно считался ритор Кассий Лонгин (Longinus, 210—273)) трактата «О возвышенном» (Περὶ ὑψοῦς), в составе к-рого (гл. 10. 2) сохранился текст оды С.

В имевшейся у П. книге «Стихотворения Анакреона Теосского, переведенные с греч. яз. И. Мартыновым» (СПб., 1829; Библиотека П. № 5) разрезаны стр., на к-рых находятся ст-ния С.

Лит.: *Томашевский Б. В.* Заметки о Пушкине. I. К Пушкинским сюжетам // ПиС. Вып. 36. С. 78—79; *Гельд Г. Г.* Пушкин и Сафо; Пушкин и Анакреонт: Заметки на полях // ПиС. Вып. 38/39. С. 202—203; *Рукою П.* С. 529—533; *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 136—137; *Ахматова А. А.* Неизданные заметки о Пушкине: II. Болдинская осень: (VIII-я глава «Онегина») / Публ., вступ. заметка и примеч. Э. Г. Герштейн // ВЛ. 1970. № 1. С. 168, 174 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 184, 300); *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990. С. 194—195; *Степанов В. Г.* Пушкин как интерпретатор Катулла: (Несколько замечаний по поводу альбомной лирики) // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1996. С. 84—94; *Garzonio S.* Sappho and Pindare in the critical commentary of Louis Delâtre to «Evgenii Onegin» // Пушкинский юбилейный. Иерусалим, 1999. С. 84—87; *Свясов Е. В.* 1) Сафо и «безыменная любовь» А. С. Пушкина // Res tradutorica: Перевод и сравнительное изучение литератур. СПб., 2000. С. 114—119; 2) Сафо и русская любовная поэзия XVIII—начала XIX веков. СПб., 2003. С. 188—201.

С. Б. Федотова

САУТИ, Сауве, Саувей, Сове, Соувей, Сутей (Southey) Роберт (1774—1843), англ. поэт-романтик, принадлежавший к «озерной школе» (Lake School); подобно двум другим ее главным представителям, *У. Вордсворту* и *С. Т. Кольриджу*, прошел эволюцию от бунтарских настроений молодости к консервативным взглядам, за к-рые служил объектом резких нападок *Байрона*. В 1813 получил звание придворного поэта (Poet Laureate — поэт-лауреат).

До 2-й пол. 1820-х П. имел представление о творчестве С. гл. обр. по пер. В. А. Жуковского, через посредство к-рых познакомился с тремя балладами англ. поэта: «Адельстан» («Rudiger», 1796; пер. 1813), «Старушка» («A Ballad shewing how an old Woman rode double, and who rode before her», 1798; пер. 1814, опубл. 1831 под загл. «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди»), «Варвик» («Lord William», 1798; пер. 1814, опубл. 1815). Вероятно, в одну из встреч 1819—1820 Жуковский говорил П. о поэме С. «Родрик, последний из готов» («Roderick, the last of the Goths», 1814) и о своем намерении ее переводить (Акад. XIII, 40); П. читал ее в фр. прозаич. пер. (Paris, 1820; см.: Библиотека П. № 1400) и составил по нему неблагоприятное мнение об этом произв., к-рое в те годы было ему чуждо, вероятно выраженной в нем морально-религ. дидактической концепцией, провиденциалистской идеей. В письме к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 он передал Жуковскому просьбу оставить поэму «в покое» (Акад. XIII, 40). Наверное, П. попались также и др. пер. отдельных соч. С., отзывы о его поэзии, оценки и упоминания (в т. ч. полемика между С. и Байроном). Фамилию поэта П. знал в англ. произношении, о чем говорит употребленное им при первом упоминании в письме к Н. И. Гнедичу написание «Саувей», отражающее характерную для русских фонетическую ошибку — восприятие обозначаемого буквенным сочетанием «th» звонкого согласного [ð] как звука, подобного русскому согласному [в]. В наброске полемического ответа на статью А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» и в письме к нему же от конца мая—начала июня 1825 П. назвал С. в числе выдающихся соврем. англ. поэтов вместе с Байроном, *В. Скоттом* и *Т. Муром* (Акад. XI, 25; XIII, 177), имея, наверное, в виду его по-прежнему лишь как автора баллад. Первое концептуальное упоминание С., опирающееся, как можно предположить, уже и на непосредственное знакомство с его произв. в подлиннике, относится ко времени, когда П. овладел англ. яз. и у него сложилось представление о реформе поэтич. яз., осуществленной поэтами-«лейкистами». Отмечая в черн. наброске «(О поэтическом слоге)» (ноябрь 1828) неготовность рус. поэтов в отличие от англ. выражать поэтич.

мысли «языком честного простолюди́ма», а читателей — их в этом виде воспринимать, П. поставил непонятый, по его мнению, опыт П. А. Катенина в подобном роде, балладу «Убийца», в один ряд «с лучшими произведениями Бюргера и Саувея» (Акад. XI, 73). Убежденный в необходимости в будущем аналогичной реформы и в рус. поэзии, П. в качестве экспериментов на этом пути предпринимал в конце 1829—нач. 1830 пер. из поэмы С. «Мёдок» («Madoc», 1805) и ст-ния «Гимн пенатам» («Hymn to the Penates», 1796; пер. П.: «Еще одной высокой, важной песни...»). В белом стихе англ. поэта П. нашел искомое им разнообразие; пер. начальных 25 строк «Медока» стал его первым опытом в нерифмованном бесцезурном пятистопном ямбе, обращение к к-рому было вызвано борьбой с шаблонами плавного ритма, стремлением к ослаблению стихотв. организации текста и к прозаизации стиха. В содержательном плане выбранные произв. С. перекликались с душевным состоянием П. в 1829—1830 мотивами обретения самоуважения и личной свободы в уединении от толпы, тяги к домашнему очагу и покою, возвращения из далекого путешествия. Неск. след. лет П. не делал др. попыток переводить из С., но поэт тем не менее оставался в его поле зрения: в рецензии на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» (январь 1830) содержится реминисценция «Баллады о юноше, который хотел прочесть незаконные книги, и о том, как он был наказан» («A Ballad of a young Man that would read unlawful Books, and how he was punished», 1798); о С. шла речь в двух заметках, к-рые П. читал в ЛГ (1830. 26 апр. № 24; 18 сент. № 53); «Опыту отражения некоторых нелитературных обвинений» (сент.—окт. 1830) П. предпослал эпиграф (взятый из аноним. биогр. очерка в имевшемся у П. собр. поэтических соч. С.) из полемиического, против Байрона, письма С. к редактору газеты «Курьер» («The Courier») в 1822 (Акад. XI, 166); 26 марта 1831 он заказал через П. А. Плетнева у книгопродавца Ф. М. Беллизара соч. С. (Акад. XIV, 158), а в др. время приобрел два тома его публицистики и написанную им биографию англ. адмирала Нельсона (Библиотека П. № 1398—1399, 1401); предполагается, что он был знаком с отзывами англ. печати на изд. «Пути паломника» Дж. Беньяна со вступ. очерком С. (1830); летом 1831 П. с интересом следил за работой Жуковского над пер. еще четырех баллад С. (письма к П. А. Вяземскому от 1 и 11 июня, сер. (ок. 15) окт. — Акад. XIV, 170, 175, 233). Весной 1835 П. свободно, без сколь-либо существенной лексической или синтаксической опоры на англ. подлинник, пересказал сюжет двух первых глав поэмы «Родрик». Обратившись к этому произв., к-рое в молодые годы было им сочтено не заслуживающим перевода, он уложил 552 строки подлинника в 112 за счет устранения всего, что замедляет повествование (подробности, распространенные предложения, разрешенные сравнения, тропы, экспрессивная лексика и др.), и заменил нерифмованный пятистопный ямб подлинника четырехстопным белым хореем, создав тем самым имитацию исп. ист. романа в соответствии с рус. поэтич. традицией передачи этого жанра («На Испанию родную...»). По ходу своего изложения он отошел от собственно текста поэмы, обратившись к христианской легенде о кающемся короле-грешнике Родрике, к-рую С. привел в примеч. к поэме. Эта легенда стала источником и чернового стихотв. отрывка «Чудный сон мне бог послал...», являющегося, видимо, наброском параллельной обработки того же сюжета в ином (м. б., драматич.) жанре. В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836) П. применил к фр. «неистойой» лит-ре определение «сатаническая» (Акад. XII, 70), к-рое С. употребил в предисл. к поэме «Видение суда» («A Vision of Judgement», 1821), говоря о Байроне и его подражателях; эту формулу П. мог прочесть не только в самом предисл.: о ней напоминала приписываемая Вяземскому заметка в ЛГ («Горестно видеть, что некоторые критики...») — ЛГ. 1830. Т. 2. 18 сент. № 53. С. 139). В публицист. целях П. обратился к С. в своем последнем произв. — пастеше «Последний из свойственников Жанны

д'Арк» (1837): автор вымышленной корреспонденции в англ. газете, обличая французов в забвении подвига и поругании памяти их нац. героини (подобно тому как сам П. неоднократно бросал аналогичный упрек соотечественникам), противопоставляет «Орлеанской девственнице» *Вольтера* поэму С. «Жанна д'Арк» («Joan of Arc», 1796) и называет ее «подвигом честного человека», отметив при этом, что она была написана в годы «еще не купленного вдохновения» (Акад. XII, 155). Упоминание о продажности С., повторяющее обвинения Байрона и др. идеологич. и полит. противников поэта-лауреата, служило П., возможно, лишь средством придать убедительность образу фиктивного англ. журналиста.

П., вероятно, читал статьи: *Forgues E. D. Poètes de l'Angleterre: Robert Southey // Revue de Paris. 1836. N. S. T. 34. Oct. P. 297—320* (в этом томе содержится статья *Д. Низара* о Шатобриане, к-рую П. упомянул в статье «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»)»).

Лит.: *Яковлев Н. В.* Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. IV. Пушкин и Саути // П. в мировой лит-ре. С. 145—159; *Якубович Д. П.* Из заметок о Пушкине и Вальтер-Скотте. II. Из комментариев к заметке Пушкина об «Юрии Милославском» 1830 года // ПиС. Вып. 38/39. С. 134—137; *Костин В. М.* Жуковский и Пушкин: (Проблема восприятия поэмы Р. Саути «Родрик, последний из готов») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1979. Вып. 6. С. 123—139; *Сайтанов В. А.* 1) Пушкин и английские поэты Озерной школы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 19—21; 2) Третий перевод из Саути // ПИМ. Т. 14. С. 97—120; *Долинин А. А.* 1) К вопросу о «Страннике» и его источниках // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 34—35; 2) Испанская историческая легенда в переложении Пушкина («На Испанию родную...») и «Чудный сон мне бог послал...») : Опыт реконструкции замысла // История и историософия в литературном преломлении. Тарту, 2002. С. 69—101 (*Studia russica Helsingiensia et Tartuensia. [Т.] 8*); *Векслер С. 1*) О «Медоке» А. С. Пушкина // *Russian Literature and History: In Honour of Prof. I. Serman. Jerusalem, 1989. P. 41—48*; 2) Воссоздание испанского романа // *Russian Philology and History: In Honour of Prof. Victor Levin. Jerusalem, 1992. P. 234—247*; 3) Саути, собеседник Пушкина // Пушкинский юбилейный. Иерусалим, 1999. С. 129—134; *Гиривенко А. Н.* Поэзия Роберта Саути в интерпретации Пушкина: Спорные вопросы рецепции // Университ. Пушк. сб. С. 454—460.

В. Д. Рак

САФО см. САПФО

СЕВИНЬЕ (Sévigné) Мари де Рабютен-Шанталь (Rabutin-Chantal), маркиза де (1626—1696), фр. писательница, известная своими письмами к дочери, в к-рых на протяжении 25 лет сообщала текущие новости столичной, придворной, полит., культурной и др. областей жизни Франции. Отличающиеся блестящим стилистическим мастерством, письма С. были признаны образцом фр. прозы классицизма. П. упомянул С. единожды в «(Путешествии из Москвы в Петербург)» (1834—1835), сославшись на ее рассказ о положении фр. крестьян для подтверждения мысли Д. И. Фонвизина о предпочтительной перед ними участи рус. крестьян (Акад. XI, 257).

Л. И. Вольперт

СЕНТ-БЁВ (Sainte-Beuve) Шарль-Огюстен (1804—1869), фр. поэт-романтик и лит. критик. Свой первый сб. ст-ний «Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme», 1829) С.-Б. издал под вымышленным именем с приложением биографии якобы покойного молодого поэта, умершего от чахотки в нищете и безвестности. Познакомившись с этим сб., П. писал Е. М. Хитрово 19—24 мая 1830, что «Гюго и Сент-Бёв — бесспорно единственные французские поэты нашего времени, в особенности Сент-Бёв» (Акад. XIV, 93—94; подлинник по-фр.). В одном из вар. белового автографа с поправками «Домика в Коломне» эти же поэты названы «друзьями природы», к-рые александрийский стих «гулять

пустили без цезуры» (Акад. V, 376). К этому времени (окт. 1830) П. знал и второй сб. ст-ний С.-Б. «Утешения» («Les consolations», 1830) и в наброске «(Об Альфреде Мюссе)» (24 окт. 1830) отметил эволюцию фр. поэта: «...бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неопита...» (Акад. XI, 175). Развернутую оценку обоих сб-ков, с учетом, по-видимому, отзывов о них во фр. прессе (в частности, рец. в ж-ле: *Le Globe*. 1829. 26 mars, 11 avr.), П. дал в рец., напечатанной в ЛГ (1831. № 32). На фоне фр. романтической поэзии, к-рая отпугивала и раздражала П., он отметил в стихах С.-Б. такие отвечавшие его собственным эстетич. устремлениям тех лет особенности, как «сухая точность» (Акад. XI, 195), «свежесть и чистота» (там же, 197). Признавая у С.-Б. «необыкновенный талант» (Там же, 195), П. считал, что он «слишком много придает важности нововведениям так называемой романтической школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п.» (Там же, 200). Во втором сб., где «Делорм является исправленным советами (...) людей степенных и нравственных», а «слог его (...) перебежился», С.-Б. утратил, по мнению П., отличавшую его первонач. «искренность вдохновения» — свойство, «без которого нет истинной поэзии», но к-рого недостает «почти всем французским поэтам новейшего поколения» (там же, 201). Сходные с поэзией С.-Б. образы, мотивы, темы, настроения обнаруживаются в ст-ниях П. «Поэт» («Пока не требует поэта...») (1827), «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...») (1828), «Рифма, звучная подруга...» (1828), «Я вас любил...» (1829), «Воспоминания в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный...») (1829), «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») (1830), «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (1830-е), «Осень» (1833), «Я думал, сердце позабыло...» (1835) и др., в «Каменном госте». В то время как ряд созвучий возник исключительно на почве типологической общности, нек-рые отражают действительные впечатления П. от стихов С.-Б. и, в трактовке А. Марковича, являются особым видом «лирической цитации». Важными точками соприкосновения П. и С.-Б. были намерения ввести в отеч. лит-ру новые поэтич. формы, отказ от стилистических и тематических шаблонов, схем, поэтич. условностей, приближение поэзии к повседневной жизни. Сонет С.-Б. «*Ne ris point des sonnets, ô critique moqueur!*», представляющий собою подражание сонету У. Вордсворта «*Scorn not the Sonnet...*», явился одновременно с англ. оригиналом источником ст-ния «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...») (1830). Фрагмент «Люди верят только славе...» из «Путешествия в Арзрум» (Акад. VIII, 461) перекликается темой «неиспользованных возможностей» с мыслями романа С.-Б. «Сладострастие» («*Volupté*», 1834). П. читал и критич. соч. С.-Б., как статьи в ж-лах, так и книги, в т. ч. определенно имевшиеся у него, наряду с двумя изданиями первого сб. (Библиотека П. № 864—865) и двумя экз. второго (Там же. № 812), «Исторический и критический обзор французской поэзии и театра XVI века» («*Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au XVI siècle*», 1828), «Критические очерки и литературные портреты» («*Critiques et portraits littéraires*», 1836; приобретены 3 авг. 1836 — Арх. опеки. С. 55), подготовленное С.-Б. «ученое издание» соч. П. Ронсара (Библиотека П. № 1346—1347, 1326). Начиная П. читать очерк о С.-Б. в сб. статей фр. критика Г. Планша (Planche, 1808—1857; Библиотека П. № 1266).

Лит.: Лернер Н. О. 1) Новооткрытые страницы Пушкина // ПиС. Вып. 12. С. 143—158; 2) Заметки на полях журнала // РБ. 1815. Кн. 8. Дек. С. 91; Морозов П. О. Пушкин и Сент-Бев // РБ. 1915. Кн. 7. Ноябрь С. 82—89; Яковлев Н. В. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина. I. Сонеты Пушкина в сравнительно-историческом освещении // П. в мировой лит-ре. С. 122—129; Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 205—208 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 360—363); Письма. Т. 3. С. 292;

Morgulis G. Autour d'un sonnet de Sainte-Beuve // RLC. 1934. An. 14. № 3. P. 480—490; *Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК. 1970. С. 41 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 236—237); *Vickery W. N.* «Ja vas ljubil...»: A literary source // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1972. Vol. 15. P. 160—167; *Заборов П. Р.* Французская литературная критика в России (Сент-Бёв) // От романтизма к реализму: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1978. С. 281—282; *Мильчина В. А.* Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Изв. ОЛЯ. 1987. Т. 46. № 3. С. 251—253; *Markowicz A.* Puškin et deux romantiques français: Sainte-Beuve et Antoni Deschamps: Problèmes de citations // RdES. 1987. T. 59. Fasc. 1/2. P. 21—44; *Муравьева О. С.* Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // Врем. ПК. Вып. 24. С. 22—23; *Кибальник С. А.* Художественная философия Пушкина. СПб., 1993. С. 85—92 (СПб., 1998. С. 89—93); *Топоров В. Н.* Еще раз о связях Пушкина с французской литературой: (Лагарп—Буало—Ронсар) // RL. 1987. Vol. 22. P. 403—407; *Ахингер Г. 1)* Пушкин и Сент-Бёв // Романтизм в литературном движении: Сб. науч. тр. Тверь, 1997. С. 81—103; *2)* Пушкин и Сент-Бёв: Лирика Сент-Бёва в оценке Пушкина // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. Янв.-февр. С. 23—38 (То же // Пушкин: Сб. ст. / Ред. кол.: М. Л. Ремнёва и др. М., 1999. С. 212—225); *3)* Лирика Сент-Бёва как фактор порождения лирического текста у Пушкина // Университ. Пушк. сб. С. 395—415; *4)* Achinger G. Die Lyrik Sainte-Beuves als Faktor der lyrischen Textgenese bei Puškin // Argadia: Zeitschrift für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft. 2000. Bd 35. Hf. 1. S. 45—65.

Л. И. Вольперт

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. В лицейские и петерб. послелицейские годы П. мог слышать и читать о борьбе сербов за независимость и о выдающихся серб. деятелях: руководителе Первого восстания (1804—1813) Георгии Петровиче по прозвищу Черный (Карагеоргий, Карађорђе, 1768—1817) и ученом-филологе Вуке Стефановиче Караджиче (Караџић, 1787—1864), приезжавших в Россию соответственно в 1816 и 1819 (напр.: [Антоновский М. И.]. Песна о избавлению Сербие. СПб., 1806 (на серб. и рус. яз.); Георгий Петрович Черный, предводитель сербов: (Из немецкого журнала) // ВЕ. 1808. Ч. 37. № 2. С. 164—167; *Бантыш-Каменский Д. Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810; *Свиньин П. П.* Письмо к брату — из Хотина // СО. 1816. Ч. 31. № 30. С. 140—149 (То же с доп. // ОЗ. 1818. Ч. 1. С. 45—58); Георг Петрович Черный: (Краткая биография): [Пер. с нем.] // ВЕ. 1817. Ч. 95. № 20. С. 287—298; То же в др. пер.: Георг Черный // Дух журналов. 1817. Ч. 24. Кн. 48. С. 957—972). Однако в этот период он был к славян. темам равнодушен, тем более что они являлись областью внимания, изучения и личных контактов преимущ. круга адмирала А. С. Шишкова и «Беседы любителей русского слова». Интерес к серб. истории, культуре и текущей жизни пробудился у П. в южной ссылке, где среди его знакомых оказалось много сербов-эмигрантов, проживавших в Кишиневе и Одессе. От них, по воспоминаниям И. П. Липранди, «он собирал песни и часто (...) спрашивал о значении тех или других слов для перевода»; «какую-то славянскую песню», содержащую ему не известные «слова иллирийского наречия», он записал в Измаиле от свояченицы негоцианта, у которого они с Липранди остановились (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 306, 310). Среди эмигрантов были и сподвижники Карагеоргия, чьи рассказы могли существенно расширить представление П. о герое серб. нац. движения и его предательском убийстве. Первые впечатления П. от общения с этой средой были, вероятно, сильными, так что уже 5 окт. 1820, через полмесяца после приезда в Кишинев, он пишет ст-ние «Дочери Карагеоргия» (первонач. загл.: «Дочери Черного Георга»; ср. именование «Черный Георг» в кн.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Путешествие в Молдавию... С. 99, 119—128) в форме лирического монолога, обращенного, м. б., к младшей дочери «свободы воина», «чудесного отца, преступника и героя», с к-рой, впрочем, по свидетельству Липранди, поэт никогда не встречался (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 305; возражение и указание неточностей: Соловьев. С. 49—50; *Прийма Ф. Я.* Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пуш-

кина // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 101), или же к мыслимому имперсонифицированно адресату, названному в заглавии. В этом ст-нии Карагеоргий представлен в романтическом истолковании «благородного разбойника», подобного герою романа *Ш. Нодье* «Жан Сбогар». В Кишиневе П. общался с А. И. Стойковичем (1773—1832), членом Комитета попечительства о колониях, ранее проф. физики и ректором Харьковского ун-та; 7 апр. 1822, согласно записи в дневнике П. И. Долгорукова, между ними произошел «диспут (...) насчет грамматических несогласий в русском языке» и «о несовершенствах нашего правописания» (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 358—359). Позднее П. приобрел Новый завет на серб. яз., изданный Российским библейским об-вом с указанием переводчиком Стойковича, к-рый присвоил себе труд Караджича (Библиотека П. № 253). Во время пребывания П. в Кишиневе там жил и серб. поэт Сима Милутинович (1791—1847), но, по-видимому, они знакомы не были (в пушкиноведении существует и противоположное мнение) и нет свидетельств того, что впоследствии П. читал его поэму «Сербиянка» (1826), посвященную восстанию 1804—1813.

Ст-ние «Дочери Карагеоргия» долгие годы оставалось единственным произв. П. на серб. тематику, источником к-рого были слышанные рассказы и нар. песни. Вместе с тем обращение П. в михайловской ссылке к рус. нар. творчеству должно было, по всей очевидности, привлекать его внимание к отзывам в рус. (и, наверное, также в иностр.) печати об изданиях (особенно втором) собрания серб. нар. песен и др. трудах Караджича ([*Каченовский М. Т.*]. О сербских народных песнях // ВЕ. 1820. № 14. С. 112—129; № 15. С. 208—216; *Макаров М. Н.* Славянские [черногорские] песни // ВЕ. 1823. Ч. Май—июнь. № 9. С. 24—29; [*Греч Н. И.*]. Славянская литература: Известие о новой книге // СО. 1824. Ч. 94. № 26. С. 241—249; *Цертелев Н. А.* Славянские песни различных наречий // Сев. архив. 1824. Ч. 9. № 2. С. 108—109; *Бродзинский К.* О народных песнях славян: (Из письма г-на Бродзинского к редактору «Варшавского журнала»): [Пер. с польского] // ВЕ. 1826. Ч. Июль—авг. № 13. С. 43—44, 51—52; Критика: [Из Галльских учен. вед.]: [Пер. с нем.] // МТ. 1826. Ч. 7. № 4. С. 362—365; [*Половой Н. А.*]. Народне Српске пјесме, и проч. ... У Липиесцы (Лейпциг), 1823 [и др. изд. В. С. Караджича: Рец.] / Н. П. // МТ. 1827. Ч. 13. № 2. С. 145—147) и к выполненным А. Х. Востоковым пер. песен, печатавшимся в «Трудах Вольного об-ва любителей российской словесности» (1825. Ч. 30. Соревн. № 5. С. 169—176) и СЦ 1825 (С. 331—337), 1826 (Поэзия. С. 43—52) и 1827 (С. 269—281). Интерес к серб. песням проявлялся и в окружении П. (Н. И. Гнедич; А. А. Дельвиг, по чьей просьбе Востоков переводил их для СЦ). Сильным стимулом к оживлению и дальнейшему развитию интереса к серб. фольклору стал сб. *П. Мериме* «Гюзла, или избранные произведения иллирийской поэзии, собранные в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» («La Guzla, ou choix de poésies illiriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine», 1827), с к-рым П. познакомился, вероятно, уже в нач. 1828. Работа на его основе над «Песнями западных славян» (см. статью «*Песни западных славян*» в т. «Творчество») и высказывавшиеся в печати сомнения относительно происхождения этого сб., подтвержденные самим автором С. А. Соболевскому, побуждали П. обратиться непосредственно к подлинным образцам серб. песен. Собрание Караджича представлено в его 6-ке тремя (из четырех) книгами 2-го изд., а также фр. и нем. пер. (Библиотека П. № 1042, 1410, 1422). Нек-рые текстологические наблюдения послужили основой для предположения (Кулаковский. С. 7—8; Чернышев. С. 159—160), согласно к-рому П. пользовался и первым изд. этого сб. (Мала престо народна Славено-Сербска Песнарица издана Вуком Стефановичем. У Виени, 1814). Видимо, для чтения оригиналов потребовался П. и сербско-нем. словарь того же Караджича (Библиотека П. № 1409). Приобрел он также изданный в Петербурге в 1827 сб. серб. нар. песен в нем. пере-

воде чиновника Мин. финансов, будущего почетного члена Рос. Академии и своего знакомого П. П. фон Гетца (Goetze P. O. von, 1793—1880), учившего серб. яз. у Караджича (Там же. № 941). Имевшийся у П. фр. пер. «Путешествия по Далмации» («Viaggio in Dalmazia», 1774) ит. аббата Дж. Б. Фортиса (Fortis, 1741—1803) содержал в подлиннике и во фр. пер. нар. балладу «Хасанагиница» (Xalostna pjesanza plemenite Asan-Aghinize; Chanson sur la mort de l'illustre épouse d'Asan-Aga // Voyage en Dalmatie / Par M. l'abbé Fortis. Trad. de l'Italien. Berne, 1778. Т. 1. Р. 142—149; Библиотека П. № 925), к-рая входила и в первое изд. Караджича (Жалостна песна племените Асан-агинице // Мала престо народња Славено-Сербска Песнарица. С. 113—116; в записи Фортиса), и в «Гюзлу» («Triste ballade de la noble épouse d'Asan-Aga»). Это произв. серб. фольклора П. знал также в пер. Востокова (Жалобная песня благородной Асан-Агиницы // СЦ 1827. С. 277—281) и, вероятно, во фр. пер. *Ш. Нодье* («La Femme d'Asan», 1813, 1821; рус. пер. А. С. Шишкова: Асанова супруга: Песнь, переведенная с морлахского на французский язык // Сев. Минерва. 1832. Ч. 2. № 10. Май. С. 241—250), а также, возможно, в каких-то др. пер. (см.: *Павловић М. Б.* Словенска антитеза у француским преводима «Хасанагинице» // Научни састанак слависта у Вукове дане, 4. Реферати и саопштења. Београд, 1974. Св. 1. С. 474—475). По-видимому, не проходили мимо его внимания и какие-то из публ. в рус. ж-лах конца 1820—1830-х о новых изд. Караджича (в т. ч. о 4-м т. собр. серб. песен) и о серб. нар. творчестве ([*Полевой Н. А.* Обзор иностранных альманахов] // МТ. 1829. Ч. 25. № 1. С. 93; *Нодье Ш.* Пение морлаков / С фр. В. Романович // ЛГ. 1830. Т. 1. № 30. 26 мая. С. 241—242; Сербская словесность // Телескоп. 1832. Ч. 9. № 12. С. 499—525 (в экз. П. разрезаны с. 495—510; Библиотека П. № 525); *Венелин Ю. И.* О характере народных песен у славян задунайских // Телескоп. 1835. Ч. 27. № 9. С. 1—33; № 10. С. 149—183; № 11. С. 275—326 (Отд. изд.: М., 1835); *Белинский В. Г.* [Рец. на отд. изд.] // Молва. 1836. Ч. 11. № 1. С. 31—37; *Белинский.* Т. 2. С. 64—68), рус. переложения и стилизации серб. и хорв. песен (перечень см.: *Гусев.* С. 35—36).

Существует предположение (не доказанное окончательно), согласно к-рому написанное П. в 1825—1828 двустихие «Разсходились по поганскому граду Разломали тёмную темницу» (Рукою П. С. 264), «оставаясь по стилю пушкинским и будучи выдержано в ключе русской народно-песенной поэтики, в то же время по изображенной в нем ситуации напоминает сербскую песню о восстании Карагеоргия («Почиток буне против дахийа» «Начало восстания против дахий»)) из «Песнарицы» Караджича и находится с нею «в определенной связи» (Медриш 1987. С. 28), представляя собою, м. б., «даже перевод строк» из нее либо «перевод общего места сербских народных песен» (Медриш 1990. С. 233).

В «Песни западных славян», основу к-рых составили пер. из «Гюзлы», П. включил две переведенные им из собр. Караджича: № 10 «Соловей» («Три највеће туге», пер.: Три большие печали («Славуј птица мала сваком покој дала...»); см.: Народне Српске пјесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић... У Липисци, 1824. Књ. 1. С. 192—193. № 283; предполагается в данном случае использование «Песнарицы» — см. с. 307) и № 14 «Сестра и братья» («Бог ником дужан не остаје») (см.: Там же. С. 305—309. № 405). В черн. рукописях остались незавершенными пер. еще двух песен: «Что белеется на горе зеленой?..» («Хасанагиница»), «Не видала ль, девица, Коня моего?..» («Коњ се срди на господара» («Ој девојко, душо моја! Јеси л' вид'ла коња мога?..»)) (см.: Там же. С. 107. № 163). Подлинники серб. тексты П. подвергал такой же переработке, что и фр. из «Гузлы», внося и в те и в др. лексику и стилистические обороты рус. песенного фольклора и существенно отступая от оригиналов в нек-рых деталях. Придавая своим пер. черты некоей общеславян. народности, он создал тем не менее произв., к-рые оставляли полное впечатление серб. нац. колорита и воспринимались

как точное соответствие их серб. оригиналам. Такой же характер носят и собственные ст-ния П.: № 11 «Песня о Георгии Черном» (ее важным источником было указ. соч. Д. Н. Бантыша-Каменского), № 12 «Воевода Милош» (одним из источников к-рого могла быть кн. Караджича «Жизнь и подвиги Князя Милоша Обреновича, Верховного Вождя и Предводителя Народа Сербского» (СПб., 1825); Библиотека П. № 143) и незавершенный набросок «Менко Вуич грамоту пишет...». Наличие у этих произв. печатных источников сочталось, по всей вероятности, с использованием материалов, собранных П. в Кишиневе и Одессе (Томашевский. Пушкин, П. С. 278; Гусев. С. 40); «Песня о Георгии Черном» сопоставляется с черногорским вариантом песни о начале восстания против дахий, опубликованной Караджичем в 1862 (Медриш). Источники ст-ния № 15 «Яньш королевич» нельзя считать установленными полностью и окончательно, а один из них, упоминаемый П. в примеч. к «Песням западных славян» как якобы использованный им подлинник, мог, по предположению нек-рых ученых, иметь чешское происхождение (см. с. 368). Стилизацией под серб. нар. произв. П. мыслил на стадии черновика (1833) «Сказку о рыбаке и рыбке», предполагая включить ее в «Песни западных славян» под № 18, о чем говорит помета в рукописи (Акад. III, 1089).

При работе со «Словом о полку Игореве» П. обращался к серб. яз. для установления лексических параллелей, помогающих толковать отд. слова и выражения этого памятника («Песнь о полку Игореве»), 1836 — Акад. XII, 148, 152).

Кроме перечисленных выше кн., отражавших интерес П. к серб. тематике, у него имелось на нем. яз. описание путешествия по Сербии в 1829 лейтенанта прусской королевской гвардии О. Пирха (Библиотека П. № 1264).

Лит.: Кулаковский П. А. Славянские мотивы в творчестве Пушкина // Рус. филол. вестн. 1899. Т. 42. № 3/4. С. 1—22; Šrepol M. Puškin i hrvatska književnost // Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za god. 1898. Zagreb, 1899. Sv. 13. S. 118—131; Лавров П. А. Пушкин и славяне // Пушкинские дни в Одессе 26—27 мая 1899 г.: Сб. Имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1900. С. 95—113; А. Г. [Гаврилович А.]. Српство у поезији А. Пушкина: Књижевна цртица // Бранково коло. 1912. Г. 18. № 10. С. 289—290; Трубицын Н. Н. Два сербских юнака в изображении Пушкина // ПиС. Вып. 28. С. 29—55; Пушкин о Карађорђу // Југословенски гласник. 1931. Г. 2. № 160. С. 9; Штејн С. Пушкин и српство // Време. 1931. № 3373. С. 4; Беркопец О. Пушкинские переводы сербохорватских песен // Slavia. 1937. Роџ. 14. Сеџ. 3. S. 416—440; Митропан П. 1) Пријатељство из дана патњи: Пушкин и Карађорђе // Правда. 1937. № 11594. С. 5; 2) Пушкиново интересовање за српство // Српски књижевни гласник. 1937. Н. С. № 40/42. С. 167—177; Соловьев А. В. Югославянские темы в произведениях Пушкина // Белградский Пушкинский сборник. Белград, 1937. С. 45—71; Двойченко-Маркова Е. М. 1) Dvoitchenko E. Thèmes yougoslaves dans les œuvres de Pouchkine // Balcania. 1938. Vol. 1. P. 269—272; 2) Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 67—75; Томашевский Б. В. 1) Пушкин и южные славяне // Науч. бюл. ЛГУ. 1946. № 11/12. С. 44—46 (краткий вариант ст.); 2) Пушкин и южные славяне // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1946. Т. 7. Каф. рус. лит. Вып. 1. С. 41—50 (То же // Томашевский. Пушкин, II. С. 269—281); Чернышев В. И. А. С. Пушкин и сербские и русские народные песни // Изв. ОЛЯ. 1948. Т. 7. Вып. 2. С. 159—164; Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1949. С. 36—37 (6-е изд., перераб. и доп. Кишинев, 1990. С. 176—179); Павић М. Пушкинови стихови о нашој земљи и људима // Сусрети. 2 (1954). С. 134—141; Johnson D. S. L. Pushkin and Serbian tradition // SEER. 1956. Vol. 34. № 83. P. 388—407; Органџиева Цв. О преводима српских епских песама у руској литератури за Вукова живота // Анали филолошког факултета / Београдски унив. Београд, 1964 [1965]. Књ. 4. Вуков зборник. 1. С. 322—325; Шекара Л. Из историје руско-сербских литературних веза: («Хасанагиница» в русских переводах // РЛ. 1973. № 1. С. 79—84; Пенчић С. 1) «Хасанагиница» у пушкиновом прпевању // Научни састанак слависта у Вукове дане, 4. Реферати и саопштења. Београд, 1974. Св. 1. С. 531—541; 2) А. С. Пушкин и српско народно стваралаштво // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза: Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980. С. 40—56 (То же // Пенчић С. Словенске компаративне теме. Ниш, 1998. С. 9—26); Благый Д. Д. Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном // Славяне и Запад: Сб. ст. к 70-летию И. Ф. Бэлзы. М., 1975. С. 17—31; Медриш Д. Н. 1) На стыке двух культур:

(К творческой истории «Песен западных славян» А. С. Пушкина): [О двустии «Разсходились по поганскому граду...»] // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.: Тез. науч. конф. / Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1985. С. 45—46; 2) К творческой истории «Песни о Георгии Черном» из цикла «Песни западных славян» А. С. Пушкина // Фольклорная традиция в русской литературе: Сб. науч. тр. Волгоград, 1986. С. 24—32 (То же в др. вариантах: Фольклоризм Пушкина: Вопросы поэтики: Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград, 1987. С. 23—34; После выстрела: Пушкин: «Песня о Георгии Черном» // ИМ. 1990. № 6. С. 231—236; «Песня о Георгии Черном» и фольклорная традиция // Моск. пушкинист. Вып. 5. С. 32—48); Гусев В. Е. Пушкин и Вук Караджич // Врем. ПК. Вып. 24. С. 29—41; Пушкин и српска култура: Поводом 200-годишњице Пушкиновог рођења: [Каталог изложбе] / Народна библиотека Србије. Београд, 1999.

См. также литературу к статье «*Песни западных славян*» в т. «Творчество».

В. Д. Рак

СЕРВАНТЕС СААВЕДРА (Cervantes Saavedra) Мигель де (1547—1616), исп. писатель, драматург и поэт, крупнейший представитель исп. лит-ры «золотого века». Рус. литераторы пушк. поры отразили в своих критич. статьях и худож. произв. разногласию истолкований творчества С., прежде всего его гл. произв., принесшего ему славу, романа «Дон Кихот» («*El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha*», 1605—1615), разл. точки зрения, одни из к-рых доживали свой век, а другие с трудом прокладывали себе дорогу. Для одних сервантесовский герой оставался сумасбродом, тратящим силы на ложные цели (А. А. Орлов), другие уже либо превозносили С. за его умение схватить черты народности (А. А. Бестужев), либо опирались на «Дон Кихота» в развенчании «романтической мечтательности» (О. М. Сомов, К. П. Масальский). «Высокая линия» в понимании Дон Кихота, приверженцы к-рой связывали с донкихотством идеалы благородства и самопожертвования, нашла отражение в монологе героя-идеалиста филос.-фантастической повести В. Ф. Одоевского «Сегелиэль, или Дон-Кихот XIX столетия» (1832).

П. видел в С. представителя «романтической поэзии» («〈Письмо к издателю „Московского вестника“〉», 1828 — Акад. XI, 67; «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 — Там же. С. 269), прежде всего и преимущ. — автора «Дон Кихота». Советуя Н. В. Гоголю приняться за большое соч. и подарив ему сюжет «Мертвых душ», он привел ему «в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принял за Донкишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями...» (Гоголь. Т. 8. С. 439—440). П. не был согласен с трактовкой «Дон Кихота» как романа, к-рый «искоренил в Европе странствующих рыцарей», и заочно (письмо к П. А. Вяземскому от 25 мая и ок. сер. июня 1825 — Акад. XIII, 184) полемизировал с Н. А. Полевым, высказавшим эту традиционную и широко распространенную т. зр. в «Разговоре двух приятелей» (МТ. 1825. Ч. 2. № 5. Прибавление). Не оставшись безучастным к спору о сервантесовском герое, П. был, по всей видимости, склонен отметить в нем скорее серьезную, а не комическую грань. Основание для этого предположения дает черн. вар. в статье «Александр Радищев» (1836), где автор «Путешествия из Петербурга в Москву», признаваемый «преступником» и человеком заблуждающимся, сопоставлен именно с Рыцарем Печального Образа и тем самым выделен в особый разряд преступников: «Не можем в нем не признать преступника необыкновенного, политического Дон Кихота, заблуждающегося, конечно, но действующего с энергией удивительной и с рыцарскою совестью» (Акад. XII, 353). В гл., не включенной в окончательную ред. «Капитанской дочки», но сохранившейся в черн. рукописи, Гринев в один из самых драматич. моментов повествования назван в злобе Швабриным «Дон Кишотом Белогорским», под донкихотством понимается здесь благородство помыс-

лов, рыцарское служение даме (Швабрин, намеревавшийся поджечь своих пленников, добавляет: «До свидания, Марья Ивановна не извиняюсь перед вами: вам, вероятно, не скучно в потемках с вашим рыцарем». — Акад. VIII, 379). Форма «Дон Кишот», взятая из старых пер. романа, выполненных с фр. яз., употреблена П. как одна из деталей ист. колорита описываемой им эпохи; сам он неизменно писал «Дон Кихот».

В 6-ке П. были фр. изд. «Дон Кихота» и «Назидательных новелл» («Novelas ejemplares», 1613) на исп. яз. (Библиотека П. № 720, 722), оба вышедшие в 1835 и оба оставшиеся неразрезанными. В др., более раннем изд. «Назидательных новелл» (Pegriñan, 1816. Т. 1—4; Библиотека П. № 721) разрезаны лишь начальные 32 стр. 1-го тома. По этому изд. П. перевел в учебных, по всей вероятности, целях, проверяя себя, с исп. на фр. и затем с собственного фр. пер. обратно на исп. яз. два отрывка новеллы «Цыганочка» («La gitanilla»), находящиеся как раз на разрезанных стр. (Рукою П. С. 82—86).

Лит.: *Державин К. Н.* 1) Занятия Пушкина испанским языком // *Slavia*. 1934. Roč. 13. Seš. 1. S. 115—118; 2) Сервантес. М., 1958. С. 609, 611; *Buketoff-Turkevich L.* Cervantes in Russia. Princeton, 1950. P. 34—45; *Malkiel Y.* Cervantes in nineteenth-century Russia // *CL*. 1951. Vol. 3. № 4. P. 317—320; *Плавский З. И.* Сервантес в России // *Мигель де Сервантес Сааведра: Библиогр. рус. пер. и критич. лит. на рус. яз / Сост. А. Д. Умирян. М., 1959. С. 12—13; Weiner J., Meyerson E. F.* 1) «La Gitanilla» de Cervantes y «Tsigane» de Pushkin // *Nueva Revista de Filología Hispánica*. 1963—1964. Vol. 17. P. 82—87; 2) Cervantes' «Gypsy Maid» and Pushkin's «The Gypsies» // *Indiana Slavic Studies*. 1967. Vol. 4. P. 209—214; *Альтман М. С.* 1) Литературные параллели. I. Параллели к текстам Пушкина // *Страницы истории русской литературы: К 80-летию чл.-корр. АН СССР Н. Ф. Бельчикова. М., 1971. С. 40—41; 2) Читая Пушкина // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 121—122; *Айхенвальд Ю. А.* Дон Кихот на русской почве. New York, 1982. Т. 1. С. 37—53; *Багно В. Е.* Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 321—322; *Пискунова С. И.* «Дон Кихот» и «Евгений Онегин»: (Опыт типологического сопоставления) // *Университ. Пушк. сб. С. 470—483 (То же // Моск. пушкинист. Вып. 7. С. 346—358).**

В. Е. Багно

СКОТТ (Scott) Вальтер (1771—1832), англ. (шотл. по происхождению) романист, поэт, историк, критик. Создатель господствовавшего в 1820—1830-е жанра ист. романа. Первые сведения о С. появились в рус. печати в 1810-е; к нач. 1820-х в России развилось общее увлечение его романами, но пер. на рус. яз. стали играть серьезную роль в ознакомлении с ними лишь с 1823. В 1820—1830-е на рус. яз. были переведены все его романы, мн. стихотворные и др. соч.

Уже на юге П. был знаком с творчеством С. Закончив «Кавказского пленника», он опасался, что «читателям, избалованным поэтическими панорамами Байр.〈она〉 и Валь〈тера〉 Ск.〈отта〉», не понравятся «местные краски» его поэмы, и боялся напомнить «своими бледными рисунками» о «волшебных картинах» англ. поэтов (письмо к Н. И. Гнедичу от 29 апр. 1822 — Акад. XIII, 372). К нач. 1824 он имел представление и о романах С., о чем свидетельствует обращение к А. А. Бестужеву «милый Walter» (письмо от 12 янв. 1824 — Акад. XIII, 85), подразумевая его «рыцарскую повесть» «Замок Нейгаузен». В Михайловской ссылке произв. С. были для П. «пищей души» (письмо Л. С. Пушкину от первой пол. ноября 1824 — Акад. XIII, 121), и он просил брата присылать ему «новое Wal.〈ter〉 Scott» (письмо к нему же от 22—23 апр. 1825 — Акад. XIII, 163). В «Евгении Онегине» (IV, 43. 10; написано в Михайловском 2 янв. 1826) «W. Scott» назван автором, подходящим для чтения в сельском уединении, и впоследствии, попадая в деревню, П. снова и снова обращался к соч. С., читая и перечитывая их на англ. и фр. яз. и оставаясь от них «в восхищении». Так было, напр., в Болдине осенью 1834 (письмо к Н. Н. Пушкиной от 20-х чисел сент. 1834 — Акад. XV, 193) и на след. год в Михайловском (письма к ней же от 14 и 25 сент. 1835 —

Акад. XVI, 49, 51). В 1836 П. читал замечания о С. в кн.: *Coleridge S. T. Letters, Conversations and Recollections*. London, 1836. Vol. 1—2 (Библиотека П. № 761; напр.: Vol. 1. P. 48—54, 94, 148—149 и др.). В б-ке П. имелись мн. произв. С. в подлиннике и фр. пер. (Библиотека П., по указ.); многое он мог найти в б-ке с. Тригорского (см. письмо к Н. Н. Пушкиной от 14 сент. 1835 — Акад. XVI, 49), у П. А. Вяземского — большого знатока творчества С., у В. А. Жуковского. Источниками сведений о С. служили П., кроме самих соч., статьи и заметки в рус. и иностр. периодике, а также имевшиеся у него книги, содержавшие разнообразную биограф. информацию (Библиотека П. № 78, 585 (Vol. 50), 843, 973).

«Шотландский чародей» (рец. «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», 1830 — Акад. XI, 92) все время находился в памяти и поле внимания П., напоминая о себе в разных обстоятельствах и по разным поводам. П. интересуется жизнью С., внимательно следя за появляющимися в печати о нем сообщениями («Англия есть отечество карикатуры...», 1830 — Акад. XI, 118) и расспрашивая общих с ним знакомых — Д. В. Давыдова (см. его письмо П. от конца сент.—1-й пол. окт. 1827 — Акад. XIII, 345) и А. И. Тургенева; радуется, что его мнение о первых песнях «Дон Жуана» Байрона совпадает с мнением С. (письмо к П. А. Вяземскому от 2-й пол. ноября 1825 — Акад. XIII, 243). Одну из причин непонятого для него читательского успеха «Бориса Годунова» он склонен видеть в знакомстве публики с романами С. (письмо к П. А. Плетневу от 7 янв. 1831 — Акад. XIV, 142). «В пользу будущего Вальтер-Скотта» описывает П. в своем дневнике 18 дек. 1834 бал в Аничковом дворце (Акад. XII, 333); начало повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» кажется ему «достойно Вальтер-Скотта» (рец. «Вечера на хуторе близ Диканьки», 1836 — Акад. XII, 27); жена англ. дипломата Грейс Элизабет Кэмпбелл, с к-рой он познакомился в мае 1828, напоминает ему Клару Моубрей — героиню романа С. «Сент-Ронанские воды» (ЛН. Т. 58. С. 80; ср. о романах С. в наброске «〈Участь моя решена, я женюсь...〉», 1830 — Акад. VIII, 407), а Ж. Моро-де-Бразе — «храброго капитана Dalgetty (Дальгетти)» из «Легенды о Монтрозе», в лице к-рого С. «гениально изобразил» наводнявших Европу «наемных храбрецов» («Записки бригадира Моро-де-Бразе», 1835 — Акад. X, 295, 339). Ситуация в семье приводит П. на ум выражение из «Антиквария» (письмо к А. А. Бобринскому от 6 янв. 1835 — Акад. XVI, 2); в примеч. к «Песням западных славян» он воспроизводит цитату П. Мериме из «Айвенго» (Акад. III, 364); а составляя ответ П. Я. Чаадаеву (19 окт. 1836) по поводу «Первого философического письма», выписывает рус. эквивалент шотл. пословицы, цитируемой в предисл. к роману «Вудсток» (Рукою П. С. 305).

Ок. 1830 П. пытался суммировать свои суждения о творчестве С. в оставшейся неосуществленной статье или заметке, для к-рой подготовил набросок «〈О романах Вальтера Скотта〉»; нек-рые мысли он высказал в рецензиях (1830) на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» и 1-й том «Истории русского народа» Н. А. Полевого. Роман «вальтер-скоттовского» типа он определил как «историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании» (Акад. XI, 92), к-рое знакомит «с прошедшим временем (...) современно» и «домашним образом» (Акад. XII, 195), т. е. через исторически верное, опирающееся на разнообразные источники, дистанцированное от текущей жизни и злобы дня изображение событий, людей и нравов прошлого без «напыщенности» фр. трагедии, «чпорности» чувствительных романов или «серьезности» (подлинник по-фр.: *dignité*) ист. сочинений. Подобное изображение отличает то, что герои «не походят (как герои фр. (анцузские)) на холопей, передразнивающих *la dignité et la noblesse* (достоинство и благородство)», а «держатся просто в обычных жизненных обстоятельствах» и «в их речах нет ничего искусственного, театрального даже в торжественных обстоятельствах» (Там же; подлинник по-фр.). В полемике с ревнителями пристойности в лит-ре, П. опирался на «грубого

В. Скотта», указывая, что ни его обильное использование просторечия, ни «описания Шотландских кабаков» не выходят за рамки допустимого в худож. произв., не нарушают приличий и не оскорбляют «тонкое чувство модной дамы»: «Как будто женщина какое-то идеальное существо и должно ужасаться простых прозаических подробностей жизни!» («Опровержение на критики»), 1830 — Акад. XI, 155; «Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 — Акад. XI, 325). Ставя С. в один ряд с *Шекспиром* и *Гете*, П. отмечал, что шотл. романист пошел дальше их, указав образовавшейся под его влиянием новой школе фр. историков «источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы», созданной его великими предшественниками (Акад. XI, 121). Вместе с тем даже в самом разгаре увлечения С. в России П. трезво оценивал растянутость его романов как существенный их недостаток («...я и в В. (альтер) Ск. (отте) нахожу лишние страницы», — заявляет один из персонажей «(Романа в письмах)» (1829) — Акад. VIII, 49). Констатируя «ошутительное действие» С. «во всех отраслях ему современной словесности» (Акад. XI, 121), в том числе на рус. ист. романистов, к-рым его произв. служили образцом («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», 1836 — Акад. XII, 71), П. выделял в «толпе подражателей» лишь *Ф. Купера* и *А. Мандзони* как наиболее приблизившихся к самому С., а всех других считал далеко от него отставшими (Акад. XI, 92, 363) и, противопоставляя, в частности, «удивительным вымыслам» *В. Гюго* и *А. де Виньи* «картину, просто набросанную (...) в „Вудстоке“» («О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»), 1836 — Акад. XII, 143; об ошибке П. см.: Долинин 2), полемизировал с теми, кто равнял «посредственный роман» Виньи с «великими созданиями» С. («Начало статьи о Викторе Гюго»), 1832 — Акад. XI, 219).

С. вместе с *Шекспиром* явился ближайшим учителем П.; он способствовал органическому пути П. к худож. реализму, побуждал его к освоению новых и переосмыслению традиционных тем, сюжетов, мотивов и худож. приемов в историко-социальном романе.

В 1828 П. вольно перевел балладу «Два ворона» («The Twa Corbies») по незадолго до того приобретенному им фр. пер. (Paris, 1826; см.: Библиотека П. № 1367) изданного С. собрания «Песни шотландской границы» («Minstrelsy of the Scottish Border», 1802—1803, 3 vols), способствовавшего наряду с другими публицист. и науч. трудами С. возникновению интереса романтической школы к «народности». Переводное ст-ние С. «Романс Дюнуа» («Romance of Dunois»), к-рое входило в имевшиеся у П. его «Письма Поля к родным» («Paul's Letters to His Kinsfolk», 1816; см.: Библиотека П. № 1369. Vol. 5 (London, 1827), соотв. стр. разрезаны), было одним из текстовых источников романа «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), а угаданный П. общий колорит эпохи крестовых походов сложился не без впечатления от романов С., посвященных этим временам. Роман «Валентинов день, или Пертская красавица» («Saint Valentine's Day, or the Fair Maid of Perth», 1828) мог явиться одним из творческих стимулов к замыслу неоконченной поэмы «Тазит» (конец 1829-го—нач. 1830-х), а при работе над «Скупым рыцарем» П. мог учитывать и нарисованный С. в том же романе образ скупого на рубеже XVII—XVIII столетий. В черн. наброске «Шумит кустарник...» (1830) усматривается вероятная вариация начальных строк поэмы «Дева озера» («The Lady of the Lake», 1810).

Творческое усвоение и переработка худож. принципов С. прослеживается уже в системе приемов изображения старины в «Борисе Годунове», а в дальнейшем П. использовал опыт С. во всех главнейших линиях своей прозы. В «(Арапе Петра Великого)» П. представил «домашним образом» Петровскую эпоху, опираясь, подобно С., на тщательное штудирование источников и применяя многие элементы поэтики «вальтер-скоттовского» повествования. Как рассказы «простых людей» о прошлом с чисто «валь-

тер-скоттовскими» мистификациями и аппаратом худож. оформления строятся «Повести Белкина», что было замечено современниками П., напр. В. К. Кюхельбекером, увидевшим в них «подражание введениям и предисловиям (...) Вальтер Скотта» (письмо Н. А. и Ю. Глинкам 18—19 февр. 1832 — Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 89). В идиллию «Барышни-крестьянки» входят трансформировавшиеся и принявшие комически-бытовой, пародийный оттенок реминисценции из «Ламмермурской невесты» («The Bride of Lammermoor», 1819), в «Метель» — из «Сент-Ронанских вод» («Saint Ronan's Well», 1823); в «Гробовщике» своеобразно, полемически используется ряд худож. приемов С. и один из его реалистических типов — могильщик. В «Истории села Горюхина» манера скоттовских провинц. летописцев сплетается с манерой героев В. Ирвинга и пародированием рус. источников. В «Сент-Ронанских водах» П. увидел плодотворный образец многопланового реалистического романа, с авантюрным сюжетом, из жизни соврем. об-ва; по схожему плану, предполагавшему борьбу двух героев («злодея» и «любовника») из-за героини в окружении пестрой толпы участников и свидетелей событий, задуман «(Роман на Кавказских водах)» (1831). Идя от «Дубровского», где использован ряд сюжетных положений из романов С., концентрируя их, сокращая длинноты аналогичных мест, переводя их в рус. колорит, П. приходит к «Капитанской дочке», являющейся между прочим и синтезом его изучения романов С. Широко взятая переходная эпоха нар. волнений, начало романа, напоминающее «Узверли» («Waverley, or 'Tis sixty years since», 1814), герой между двух вражеских лагерей и целый ряд других важных ситуаций совпадают с сюжетными положениями «Роб Роя» («Rob Roy», 1817), «Эдинбургской темницы» («The Heart of Midlothian», 1818), «Ламмермурской невесты», «Пуритан» («Old Mortality», 1816) и др. К этому присоединяются внешние приемы письма, напоминающие поэтику С. (эпиграфы из фольклора и старых писателей, приписывание собственных эпиграфов др. авторам, заголовки глав, оформление романа и проч.). Пользуясь формой ист. романа С., П. раскрывает тему о Пугачеве и «пугачевщине» и создает этим новый тип мирового романа.

Творческий опыт «шотландского чародея» П. осмысливал критически и с первых своих шагов в прозе («Арап Петра Великого») определил свой собственный путь, выступив не подражателем, а продолжателем и новатором. Он отказался от свойственных С. длиннот описаний (напр., в «Гробовщике»: «Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами» — Акад. VIII, 91), обильного использования антикварного материала, сложной, запутанной интриги, элементов авантюристичности, многопланового сюжета и пр. Именно в самостоятельном развитии воспринятых у С. принципов и методов худож. воспроизведения ист. событий, лиц, обстановки, а не в частных заимствованиях состояла учеба П. у С. Тем не менее немалочисленные в произв. П. повторения и реминисценции отдельных сюжетных положений, мотивов, характеристических черт и т. п. из романов С. были одной из существенных форм воздействия С. на П., и потому неправомерно умаление или отрицание их роли. Подобная тенденция определялась во многих случаях не науч. соображениями, а задачами злободневной идеологической полемики.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Совр. 1855. № 12. Отд. 3. С. 38 (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 19); Страхов Н. Н. 1) «Война и мир». Сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. Издание второе. Москва, 1868: Статья вторая и последняя // Заря. 1869. № 2. С. 207; 2) Заметки о Пушкине // Складчина. СПб., 1874. С. 562 (обе статьи многократно переизд., в т. ч.: Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 292, 142); Галахов А. Д. 1) История русской словесности: (Учебник для средне-учебных заведений). СПб., 1879. С. 218—219 (21-е изд. М., Пг., 1915); 2) О подражательности наших первоклассных поэтов: Заметки // РС. 1888. № 1. С. 26—30; Черняев Н. И. «Капитанская доч-

ка» Пушкина: Историко-критический этюд. М., 1897 (отд. отт. из ж-ла «Русское обозрение» (1896. № 2—4, 8—12)). С. 43—47; *Гофман М. Л.* Капитанская дочка // Венг. Т. 4. С. 355—357, 369—370; *Лапчинский А.* Заметка о «Скупом рыцаре» Пушкина. М., 1924. С. 10—11; *Якубович Д. П.* 1) Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта // П. в мировой лит-ре. С. 160—187; 2) Реминисценции из Вальтер Скотта в «Повестях Белкина» // ПиС. Вып. 37. С. 100—118; 3) Из заметок о Пушкине и Вальтер Скотте // ПиС. Вып. 38/39. С. 122—140; 4) Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтера Скотта // Язык и литература. Л., 1930. Т. 5. С. 137—184; 5) Трагедия В. Скотта «Дом Аспенов» и пушкинский романс о рыцаре бедном // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 449—458; 6) Скупой рыцарь: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 513—517; 7) Пушкинская «легенда» о рыцаре бедном // Зап. сб. М.; Л., 1937. [Вып.] 1. С. 227—256; 8) «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта // П. Врем. Т. 4/5. С. 165—197; 9) «Арап Петра Великого» / Публ. Л. С. Сидякова // ПИМ. Т. 9. С. 261—293; 10) Пушкин и Вальтер Скотт [Докт. дис.; машинопись. 2 т. (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 31, № 73)]; *Измайлов Н. В.* 1) Роман на Кавказских водах: Невыполненный замысел Пушкина // ПиС. Вып. 37. С. 96—97 (То же // Измайлов. С. 205—209); 2) «Капитанская дочка» // История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 184—185; *Нейман Б. В.* 1) «Капитанская дочка» Пушкина и романы Вальтер Скотта // Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 440—443 (ср.: *Якубович Д. П.* Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г. // П. Врем. Т. 1. С. 311—312); 2) *Couleur locale* в «Капитанской дочке»: (К вопросу о влиянии Вальтер-Скотта) // Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931. С. 147—155; *Вальбе Б.* Пушкин — исторический романист: «Капитанская дочка» // Лит. учеба. 1935. № 2/3. С. 38—41; *Винокур Г. О.* «Борис Годунов» Пушкина // Лит. современник. 1935. № 6. С. 213—214; *Жирмунский В. М.* Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 83—87 (То же // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина: Тр. Пушкинской сессии АН СССР: 1837—1937. М.; Л., 1938. С. 159—164; *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 376—380); *Лукач Г.* Пушкин и Вальтер Скотт / Пер. с нем. Н. Волькенау // Лит. критик. 1937. № 4. С. 106—111; *Петров С. М.* Исторический роман А. С. Пушкина. М., 1953. С. 37—47 (ранее в кн.: Историко-литературный сборник / Под ред. С. П. Бычкова и др. М., 1947. С. 75—86); *Шкловский В. Б.* Заметки о прозе русских классиков. М., 1953. С. 47—49, 76—77 (То же. 2-е изд., испр. и доп. М., 1955. С. 47—49, 85—86); *Орлов С. А.* Исторический роман Вальтера Скотта. Горький, 1960. С. 13—29; *Davie D.* 1) The Heyday of Sir Walter Scott. London, 1961; 2) Pushkin, Walter Scott and Mickiewicz // *Davie D. Slavonic Excursions: Essays on Russian and Polish Literature.* Chicago, 1990. P. 98—138); *Schamschula W.* Der Russische historische Roman vom Klassicismus bis zur Romantik. Meisenheim am Glan, 1961. S. 129—143; *Степанов Н. Л.* Проза Пушкина. М., 1962. С. 97—107, 129—131, 219; *Greene M.* Pushkin and Sir Walter Scott // Forum for Modern Language Studies. 1965. Vol. 1. № 3. P. 207—215; П. Итоги и проблемы. С. 480; *Дайчик А. Б.* А. Пушкин и В. Скотт как исторические романисты. Статья 1: (К постановке проблемы в советском литературоведении) // Проблемы метода и стиля: (Русская литература). Днепропетровск, 1969. С. 133—138; *Зборовец И. В.* «Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта // Врем. ПК. 1974. С. 131—136; *Левин Ю. Д.* Прижизненная слава Вальтера Скотта в России // Эпоха романтизма: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1975. С. 5—67; *Тойбин И. М.* Пушкин: Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976. С. 267—274; *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). 2-е изд., испр. и доп. М., 1977. С. 152—157; *Макогоненко Г. П.* «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л., 1977. С. 25—28 (То же // Макогоненко Г. П. Избр. работы. Л., 1987. С. 457—459); *Лотман Л. М.* «И я бы мог, как шут...» // Врем. ПК. 1978. С. 50—51; *Аринштейн Л. М.* Знакомство Пушкина с «сестрой игрока des eaux de Ronan» // Врем. ПК. 1979. С. 109—120; *Hoisington S. S.* Pushkin's Belkin and the mystifications of Sir Walter Scott // CL. 1981. Vol. 33. № 4. P. 342—357; *Raleigh J. H.* Scott and Pushkin // From Smollett to James / Ed. S. I. Mintz a. oth. Charlottesville (Virginia), 1981. P. 48—83; *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи: (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 268, 271, 286—288, 322, 347—348 (ЛН. Т. 91); *Жилыкова Э. М.* 1) О новеллистической природе «Повестей Белкина»: (Пушкин и В. Скотт) // Проблемы литературных жанров: Материалы 4-й науч. межвуз. конф., 28 сент.—1 окт. 1982. Томск, 1983. С. 36—37; 2) К проблеме «Пушкин и Вальтер Скотт» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1985. Вып. 11. С. 115—135; *Кибальник С. А.* XXVIII Пушкинская конференция // РЛ. 1985. № 4. С. 246 (ср.: *Фридлендер Г. М.* Пушкин в нашей жизни // РЛ. 1987. № 1. С. 13—14); *Мошлевская И. М.* К вопросу об особенностях историзма А. С. Пушкина в 1830-е годы: (Пушкин и В. Скотт). М., 1985 (Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 20735 от 15.05.85); *Петрунина. С.* 37, 77—79, 176—198 и по указ. (ранее: *Петруни-*

на Н. Н. 1) Первая повесть Пушкина («Гробовщик») // РЛ. 1983. № 2. С. 71—73, 80, 84; 2) Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // ПИМ. Т. 9. С. 150—156, 160, 161, 165; *Долнин А. А.* 1) История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 97—101, 228—235 и др.; 2) О пропущенной цитате в статье Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”» // Врем. ПК. Вып. 25. С. 147—154; 3) *Dolnin A.* Swerving from Walter Scott: *The Captain's Daughter* as a Metahistorical Novel // *Elementa*. 2000. Vol. 4. P. 313—329; *Тихомиров В. Н.* Русско-зарубежные литературные связи: Учеб. пособие. Киев, 1988. С. 25—30; *Альтшуллер М. Г.* (*Altshuller M.*) 1) Motifs in Sir Walter Scott's «The Fair Maid of Perth» in Aleksandr Puškin's «Tazib» // *SEEJ*. 1988. Vol. 32. № 1. P. 41—54; 2) «Роб Рой» Вальтера Скотта и «Капитанская дочка» А. Пушкина // *Russian Language Journal*. 1990. Vol. 44. № 147/149. P. 91—108; 3) *Рославлев:* Роман и попытка романа: М. Загоскин, А. Пушкин и сэр Вальтер Скотт // *Canadian-American Slavic Studies*. 1995. Vol. 29. № 3/4. С. 285—299; 4) Эпоха Вальтера Скотта в России: Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996. С. 206—257; *Илюшин А. А.* Сим обязаны В. Скотту // *РР*. 1994. № 5. С. 4; *Фридлендер Г. М.* Два этюда о прозе Пушкина: [2]. «Капитанская дочка» Пушкина в контексте мировой литературы // *Изв. РАН*. 1995. Т. 54. № 6. С. 7—12; *Балашова И. А.* О роли литературных традиций в повести А. С. Пушкина «Гробовщик» // *Балашова. Источники*. С. 32—34; *Захарова Н. Н.* «Уэверли» В. Скотта и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина // *Res philologica: «Пушкин — наше все»* / Отв. ред. Э. Я. Фесенко. Архангельск, 1999. С. 56—61 (Учен. зап. Поморского гос. ун-та. Северодвинский филиал. Вып. 1); *Филошкина С. Н.* Автор и рассказчик в «Роб Рое» В. Скотта и «Капитанской дочке» Пушкина: (Опыт сопоставления) // *Филологические зап.* (Воронеж), 1999. Вып. 12. С. 81—92.

Д. П. Якубович, В. Д. Рак

СКРИБ (Scribe) Огюстен-Эжен (1791—1861), фр. драматург, автор и соавтор многих популярнейших в свое время комедий и водевилей из бурж. быта и на ист. сюжеты. При жизни П., с конца 1810-х, на рус. сцене ставилось более 40 пьес С. (в пер. и вольных переделках). П. не выказывал резко отрицательного отношения к творчеству С., но, видимо, имел в виду засыле в репертуаре театров обеих столиц легкой, развлекательной фр. драматургии, когда в письме к М. П. Погодину от 11 июля 1832 предсказывал его трагедиям «такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилей {...}, и представить себе не можем» (Акад. XV, 27). В дневнике П. за 1835 имеется запись (Акад. XII, 336) о запрещении по просьбе датского посла к постановке в Петербурге имевшей шумный успех в Париже ист. комедии С. «Бертран и Ратон, или Искусство плести заговор» («*Bertrand et Raton, ou l'Art de conspirer*», 1833), в к-рой эпизод из датской истории был насыщен острыми злободневными намеками на соврем. деятелей и события Июльской революции. Во 2-м томе «Современника» П. напечатал пер. речи С., произнесенной при вступлении во Французскую академию (Акад. XII, 47—56), предваряя, возможно, этой публ. отчасти полемику с М. Е. Лобановым о соврем. фр. лит-ре. Статья о С. в имевшемся у П. 2-томном сб. «Литературные портреты» (Библиотека П. № 1266) фр. критика Г. Планша (*Planche*, 1808—1857) разрезана лишь частично и, вероятно, наугад.

С. написал либретто оперы Ж.-Ф. Галеви (*Halévy*, 1799—1862) «Пиковая дама» («*La dame de pique*», 1850), в к-рой из сюжета пушк. повести остался лишь мотив трех карт.

Лит.: Французская академия. Ст. А. С. Пушкина / С послесл. Н. О. Лернера // *РС*. 1911. Т. 148. № 10. С. 28—33 (отд. отт.: СПб., 1911); *Peregrinus Thyss* [*Левинсон А. Я.*]. Из театральной старины: «Пиковая дама» до Чайковского // *Муз. современник*. 1912. Кн. 2. Окт. С. 72—74; *Алексеев М. П.* Пушкин на Западе // *П. Врем.* Т. 3. С. 140—141 (То же под загл.: Пушкин и Запад // *Алексеев. П. и мировая лит-ра*. С. 302—303).

В. Д. Рак

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА см. ЧЕШСКАЯ и СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЛОВАЦКИЙ (Słowacki) Юлиуш (1809—1849), польский поэт-романтик. В 6-ке П. был разрезанный экз. первого изд. его драмы «Кордиан» («Kordian», март 1834; Библиотека П. № 1049), посвященной конспиративной борьбе в Польше перед восстанием 1830 и осмыслению его поражения. Поскольку первое изд. вышло в Париже анонимно, то в кругах польских читателей, в т. ч. близких С., ее вначале приписывали А. Мицкевичу. Это обстоятельство дало основание М. Якубцу выдвинуть гипотезу, согласно к-рой в обращенном к Мицкевичу полемическом ст-нии «Он между нами жил...» (10 авг. 1834) П. имел в виду «Кордиана», когда писал о напоенных ядом стихах «злобного поэта». В 7-й песни (не окончена) поэмы «Бенёвский» («Bieńowski», 1841) С. посвятил неск. строф трагическим судьбам рус. поэтов и назвал язык П. «прекрасным, полным бриллиантов». В набросках к этой песни С. пересказал эпиграмму «Когда б вместо фонаря (...) Повесить нового царя», считая ее автором П. (автор неизвестен, в XIX в. приписывалась также А. И. Полежаеву). В 1843 С. писал польскому поэту З. Красиньскому (Kraśiński, 1812—1859), что славян. поэзия должна стремиться к той силе выражения, какой достигли Мицкевич в балладе «Czaty» («Воевода» в пер. П.) и П. в ст-нии «Черная шаль».

Лит.: *Słowacki J. Dzieła*. Wrocław, 1949. Т. 3. С. 248, 357; *Jakóbiec M.* 1) Słowacki w kręgu poetyckim Puszkina: Na tropach rozwiązania jednej zagadki // *Zeszyty Wrocławskie*. 1949. № 1/2. С. 1—10; 2) The origin of Pushkin's poem about Mickiewicz: New hypothesis // *Adam Mickiewicz: Poet of Poland*. New York, 1951. P. 159—169; *Toporowski M.* Puszkina w Polsce. Warszawa, 1950. С. 163—164; *Fizman S.* 1) Z problematyki pobytu Mickiewicza w Rosji. Warszawa, 1956. С. 72—73; 2) Rosja w twórczości Juliusza Słowackiego // *Slavia Orientalis*. 1960. № 2. С. 276—277; *Ланда С. С. А. С.* Пушкин в печати Польши в 1949—1954 гг. // ПИМ. Т. 1. С. 442—443.

С. И. Николаев

СОВЕ, СОВЕЙ см. САУТИ

СПЕНСЕР (Spenser) Эдмунд (1552?—1599), англ. поэт эпохи Возрождения; к его гл. произв. относятся: пасторальная поэма из 12 эклог «Календарь пастуха» («The Shepherdes Calender conteyning twelve aeglogues proportionable to the twelve monthes», 1579), сочетающая аллегорию с тонкими и свежими для своего времени описаниями природы в разные месяцы года; цикл сонетов «Аморетти» («Amoretti», опубл. 1595), развивавший традиции англ. петраркизма; аллегорическая поэма «Королева фей» («The Faerie Queene», нач. ок. 1578, напеч. 1590—1596), задуманная как нац. эпопея в традициях антич. эпоса (*Гомер*), поэм *Ариосто* и *Т. Тассо*, в 12 кн. по 12 песен в каждой (написаны 6 кн.), по мотивам легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. С. ввел в поэзию особый вид строфы, получившей название по его имени. Поэзия С., отличавшаяся богатством фантазии, виртуозным изобразительным мастерством, звучностью и мелодичностью стиха, обширностью и гибкостью словаря, в к-ром соврем. для С. лексика умело сочеталась с архаизмами, высоко ценилась англ. романтиками XIX в. и оказала большое влияние на их творчество; усвоена была ими «спенсеровая строфа», к-рой, в частности, написана поэма *Байрона* «Паломничество Чайльд-Гарольда». Представление П. о творчестве С. сложилось, видимо, из суждений, оценок и сведений, содержащихся в известных ему историях и обзорах англ. лит-ры, текущих рецензиях и отзывах и др. вторичных источниках. В статье «О поэзии классической и романтической» (1825) и первонач. ред. статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) он упомянул С. как представителя романтической поэзии в одном ряду с *Данте*, *Ариосто*, *Д. Мильтоном*, *Шекспиром*, *Камоэнсом* и др., назвав из его произв. «Царицу волшебниц» (Акад. XI, 37, 509, 511, 515). Отводя в «(Опровержении на критики)» (1830) обвинение в безнравственности «Графа Нулина»

ссылкой на «творцов шуточных повестей», П. включил в их число, вместе с *Д. Боккаччо*, *Ариосто*, *Ж. де Лафонтеном*, *Д. Чосером*, Байроном и др., также и С., имея, возможно, в виду его сатир. притчу «Сказка матушки Губерд» («*Mother Hubberd's Tale*», опубл. 1590) и др. сатир. произв.

Лит.: *Алексеев М. П.* Пушкин и Чосер // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 382—383 (2-е изд. С. 392—393).

В. Д. Рак

СТАЛЬ (Staël) Анна Луиза Жермена де (1766—1817), фр. писательница. В России приобрела известность уже своими ранними повестями («*Zulma*», рус. пер. Н. М. Карамзина под загл. «Мелина» — 1796, 3-е изд. — 1802; и др.), а затем романами «Дельфина» («*Delphine*», 1802; рус. пер. 1803—1804) и «Коринна, или Италия» («*Corinne, ou l'Italie*», 1807; рус. пер. 1809—1810).

П. познакомился с романами С., вероятно, еще в Лицее. Предполагается, что впечатление от них отразилось ретроспективно в строках белой рукописи (не вошедших в печатный текст) «Евгения Онегина»: «Нас пыл сердечный рано мучит. Очаровательный обман, Любви нас не природа учит, А Сталь или Шатобриан» (гл. I, 9. 1—4 — Акад. VI, 546). Вероятно, сам П. испытал подобное же действие романов С. Позднее, как видно из черновика ст-ния «Я не люблю твоей Кори(ны)» (1821), особенно из зачеркнутых вар. (Акад. II, 176, 650), П. находил «в блестящем вымысле Кори(ны)» не только «верные картины», волновавшие, видимо, его в Лицее, но также «фразы» и «жеманство». Вместе с тем героини С., ищущие пламенной страсти и сильных движений души, отстаивающие свое право на свободу чувств и мнений в конфликте с условностями аристократического об-ва, неизменно оставались для П. типом женщины, достойной восхищения и уважения. Реминисценции этого романа (импровизаций самой Коринны и жалкого импровизатора-римлянина), возможно, несет в себе образ импровизатора в «Египетских ночах».

Большое влияние оказала на П. книга С. «О Германии» («*De l'Allemagne*», 1810), ставшая для него важным источником знакомства с философией, лит-рой и культурой Германии. Характеристика Онегина в черновике строфы 6 гл. I («Он знал немецкую словесность По книге госпожи де Сталь» — Акад., VI, 219) была личным признанием автора. Поставив себе цель ознакомить своих соотечественников с чуждой им культурой и преодолеть укorenившееся в их сознании представление, согласно к-рому Франция опередила другие народы во всех отношениях, С. резко критиковала классиков с их приверженностью к старым традициям и предлагала учиться у нем. романтиков в их стремлении к новым лит. формам. Запрещенная Наполеоном, усмотревшим в этом соч. скрытую оппозицию его режиму и порожденному им духовному застою, книга «О Германии» была переиздана в Англии и сразу после этого привлекла большое внимание в России, где с 1814 и до сер. 1820-х печатались в ж-лах пер. отрывков из нее, критич. оценки и полемические выступления. Знакомство П. с нею в полном виде состоялось, вероятно, в 1817—1819, когда перед ним встали вопросы о необходимости преодоления классической традиции. Здесь (ч. 2, гл. 11 «*De la poésie classique et de la poésie romantique*») он нашел определение «истинного романтизма», к-рое долго было для него мерилом лит. оценок; здесь же он встретил и тезис о равенстве между романтизмом и народностью в лит-ре, к-рый должен был привлечь его внимание к проблеме народности. Интерес П. к этой гл. и ее значение для формирования его собственных взглядов подтверждается тем фактом, что ее заглавием он воспользовался в 1825 в качестве названия задуманной и начатой им статьи («О поэзии классической и романтической»). На интерпретацию Мефистофеля в гл. 23 опирался П. в ст-нии «Демон» (1823).

Глубокий интерес в России, особенно в среде будущих декабристов, вызвал посмертно изданный труд С. «Взгляд на главнейшие события Французской революции» («*Considérations sur les principaux événements de la Révolution française*», 1818), содержащий ист. обоснование неизбежности, закономерности Французской революции и полит. программу либерализма, к-рая состояла в окончательном уничтожении следов феодально-аристократического строя с заменой старой полит. системы конституцией по образцу английской. В ближайшем окружении П. эту книгу вскоре по ее выходе читали П. А. Вяземский, Н. И. и А. И. Тургеневы, И. И. Пущин, Н. М. Карамзин (единственный, кто отнесся к ней скептически). В петерб. период ознакомился с нею и П.; в мае 1819 она упоминалась в его беседе с И. И. Пущиным (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 100). Для П. это соч. С. было в то время, вероятно, авторитетнейшим ист.-публицист. трудом, способствовавшим выработке его полит. либерализма. Взгляды П. на конституционную полит. систему, на роль аристократии и др. совпадают со взглядами С., и его позднейшие высказывания о С. (в т. ч. в письме к П. А. Вяземскому от 13 и 15 сент. 1825: «M^d Staël наша — не тронь ее» — Акад. XIII, 227) не оставляют сомнения в его симпатии к ее полит. программе. Непосредственные ссылки на «*Considérations...*» у П. немногочисленны: эпиграф (из ч. 2, гл. 20) к гл. IV «Евгения Онегина» и цитата (из ч. 1, гл. 2) в рец. (1830) на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (Акад. XI, 92). Читая в 1832 рукопись П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» П. исправил допущенную Вяземским ошибку при цитировании по «*Considérations...*» высказывания Мирабо (Новонайденный автограф. С. 30, 121).

Высоко ценил П. изданные также посмертно мемуары С. «Десятилетнее изгнание» («*Dix années d'exil*», 1821), к-рые он впервые прочел в южной ссылке и впоследствии неоднократно вспоминал по разным поводам. К ним восходит, в частности, приведенная в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) «славная шутка г-жи де Сталь»: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой» (Акад. XI, 17). Однако в том виде, в каком слова С. приведены П. (неся к тому же след перефразировки изречения Н. Шамфора), они в «Десятилетнем изгнании» отсутствуют; вероятно, П. перефразировал одну из двух указываемых пушкинистами в этом соч. фраз. (Вместе с тем существуют предположения, согласно к-рым П. сам сочинил эту «шутку» в духе С. либо опирался на устно переданное ему устное же высказывание С.). Замечания С. о воспитании рус. дворян отразились в записке «О народном воспитании» (1826). Цитируется «Десятилетнее изгнание» в примеч. к строфе 42 гл. I «Евгения Онегина» (Акад. VI, 191), в письме к П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 (Акад. XIII, 280), в черн. и белой ред. статьи «Путешествие из Москвы в Петербург», дек. 1833—1835 (Акад. XI, 228, 246, 255; то же в письме к А. Г. Баранту от 16 дек. 1836 — Акад. XVI, 199), в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) (Акад. XI, 271). Несомненный интерес должны были представлять для П. мысли С. о фр. худож. системе трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской», постановку к-рой С. видела в Петербурге в 1812. Когда в СО (1825. № 10) появилась статья А. А. Муханова, резко критиковавшего записки С. о ее проезде по Финляндии, П. выступил в защиту фр. писательницы, опубликовав в МТ (1825. № 12) заметку «О г-же де Сталь и о г. А. М-ве»; он отметил у С. «взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине» и подчеркнул то обстоятельство, что эта «красноречивая, благородная чужеземка» «первая отдала справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных» (Акад. XI, 27). Описанные в «Десятилетнем изгнании» впечатления о поездке через Россию в 1812 явились одним из важных источников эпизода в «Рославле», в к-ром рассказывается о пребывании С. в Москве. Этот источник был, однако, не единственным. П. опирался также

на печатные и, видимо, устные воспоминания о С.; возможно, он видел у кн. З. А. Волконской подлинную записку С. и по ее образцу имитировал эпистолярный стиль фр. писательницы в вымышленной ее записке к героине «Рославлева» Полине.

Среди чтения Онегина «без разбора» в ожидании ответа на свое письмо к Татьяне была «Madame de Staël» (гл. VIII, 35. 4). Анекдот о С. и Наполеоне упоминается в наброске «Мы проводили вечер на даче...», 1835 (Акад. VIII, 420). 18 июля 1835 П. приобрел полн. собр. соч. С. в 17 т. (Библиотека П. № 1406; Арх. опеки. С. 55).

Лит.: *Ржигза В. Ф.* Пушкин и мемуары m-me de Staël о России // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 2. С. 47—67; *Томашевский Б. В.* 1) Заметки о Пушкине. II. «Кинжал» и m-me de Staël // ПиС. Вып. 36. С. 82—95; 2) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 55—56 и passim (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 152—154 и по указ.); 3) Пушкин и народность // Пушкин — родоначальник. С. 72, 80, 93—94 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 19—20, 32—33, 53—54; Томашевский. Пушкин, П. С. 113—114, 125—126, 143—145; Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 85—86, 97—98, 115); 4) Пушкин и история Французской революции // Томашевский. П. и Франция. С. 178—179, 193—195, 198, 208; *Казанович Е. П.* К источникам «Египетских ночей» // Звенья. Т. 3/4. С. 190—191; *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // ЛН. Т. 33/34. С. 306—320; *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин после восстания декабристов и книга мадам де Сталь о Французской революции // Пушкинский сборник. Псков, 1968. С. 114—131; 2) А. С. Пушкин и госпожа де Сталь: К вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 г. // Французский ежегодник, 1972. М., 1974. С. 286—303; 3) Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Врем. ПК. 1973. С. 125—126; 4) «...Бессмысленный и беспощадный»: (Пушкин и Жермена де Сталь о фанатизме) // История и историософия в литературном преломлении. Тарту, 2002. С. 37—56 (*Studia russica Helsingiensia et Tartuensia*. [Т.] 8); *Эдельштейн Б.* Жермена Сталь в прочтении Пушкина и пушкинских героев // Тр. Горийского гос. пед. ин-та. 1968. Т. 12. С. 133—139; *Лотман Ю. М.* 1) Три заметки к пушкинским текстам. 3. [Об источнике «славной шутки»] // Врем. ПК. 1974. С. 91 (То же // Лотман. Пушкин. С. 338—339); 2) Несколько заметок к проблеме «Пушкин и французская литература»: Еще о «славной шутке» мадам де Сталь // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 380—381 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 414—415; Лотман. Пушкин. С. 364—366); *Теребенина Р. Е.* Пушкин и З. А. Волконская // РЛ. 1975. № 2. С. 143—144; *Вацуро В. Э.* К генезису пушкинского «Демона» // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 253—259; *Шарынкин Д. М.* Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля // ПИМ. Т. 8. С. 124—125; *Аникин А. В.* Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М., 1989. С. 127—138; *Кибальник С. А.* Независимость и цели поэзии в эстетике Пушкина // Изв. ОЛЯ. 1992. Т. 51. № 5. С. 10—13 (То же // Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1993. С. 62—70; СПб., 1998. С. 72—80); *Гляссе А.* «Соблазнительные открытия»: (Пушкин и французская мемуарная литература) // ВЛ. 1993. № 4. С. 65—66; *Дмитриева Н. Л.* «Отрывок из неизданных записок дамы» // Незавершенные произведения А. С. Пушкина: Материалы науч. конф. М., 1993. С. 50—54; *Бокадорова Н. Ю.* А. С. Пушкин и Жермена де Сталь как реформаторы литературной культуры // ФН. 1999. № 6. С. 28—36; *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании / Пер. с фр., статьи, коммент. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2003 (о П. — по указ.).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

СТЕНДАЛЬ (Stendhal — псевд.; наст. фамилия и имя Бейль (Beyle) Анри, 1783—1842), фр. писатель. В 1820-е, когда С. выступал гл. обр. с аноним. статьями в ж-лах, книгами об иск-ве, жизнеописаниями композиторов и путевыми записками, его статьи, имя и цитаты из его соч. должны были встречаться П. в иностр. и рус. периодике и в нек-рых читавшихся им книгах, в т. ч. сохранившихся в его б-ке. В разных известных П. и имевшихся у него изд., касающихся *Байрона*, было напечатано письмо англ. поэта к С. из Генуи 29 мая 1823. В период пристального интереса П. к проблемам драматургии в связи с работой над «Борисом Годуновым» и предисл. к этой трагедии мимо его внимания вряд ли мог пройти трактат С. «Расин и Шекспир» («Racine et Shakspeare», 1823—1825). Читал П., несомненно, фрагмен-

ты из книги С. «Прогулки по Риму» («Promenades dans Rome», 1829), печатавшиеся в 1830 в ЛГ. Попадали, конечно, в его поле зрения и др. пер. из соч. С., появлявшиеся в 1829—1830 и позднее в рус. ж-лах. Из разных источников (в т. ч., вероятно, по пер.: Письмо Бейля к г-же Беллок о лорде Байроне / Пер. М. Р. // ВЕ. 1829. Янв.—февр. № 1. С. 65—75; Лорд Байрон в Италии: Рассказ очевидца: Сокр. пер. // СО. 1830. Т. 11. № 19. С. 379—394; Т. 12. № 20. С. 3—13) ему были известны воспоминания С. об англ. поэте; им находятся соответствия в нек-рых суждениях П. о Байроне. Близки по содержанию и отдельным формулировкам вычеркнутое в рукописи «Станционного смотрителя» перечисление «родов любовей» (Акад. VIII, 644—645) и сходная классификация в трактате С. «О любви» («De l'amour», 1822; см.: Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 4. С. 363—364), однако иными свидетельствами знакомство П. с этим произв. не подтверждается и совпадение могло быть случайным. По-видимому, начинал П. читать статью С. «Рим и папа в 1832 году» (Телескоп. 1832. Ч. 8. № 7. С. 281—321; Библиотека П. № 525).

Прочитав в мае 1831 первый том романа С. «Красное и черное» («Le Rouge et le Noir», 1830), П. был «от него в восторге» («enchanté») и просил Е. М. Хитрово незамедлительно прислать ему второй (Акад. XIV, 166), к-рый укрепил его в мнении, что «“Красное и черное” хороший роман, несмотря на фальшивую риторику в некоторых местах и на несколько замечаний дурного вкуса» (письмо Е. М. Хитрово от 9(?) июня 1831; подлинник по-фр. — Акад. XIV, 172). Кроме этого романа (Библиотека П. № 1408), в б-ке П. имелась новелла С. «Любовный напиток» («Le Philtre») в составе сб. «Додекатон» (Dodecaton, ou le Livre de douze. Paris, 1837; сб. вышел в сент. 1836; Библиотека П. № 886). Отзыв П. о романе «Пармская обитель» («La Chartreuse de Parme»), приведенный в «Записках» А. О. Смирновой-Россет (СПб., 1895. Ч. 1. С. 322—323), фальсифицирован: роман вышел в свет в 1839.

В творчестве П. и творчестве С. обнаруживается много общего (игровое творческое поведение, понятие «истинного романтизма», разработка и трактовка тем любви, войны, судьбы, безумия и пр., создание собственного «наполеоновского мифа», решение вопросов языка и стиля и др.), но эта близость была не генетической, а типологической, порожденной параллельными творческими поисками. Вместе с тем высказывались предположения о воздействии «Красного и черного» на образную структуру «Пиковой дамы» (название, символика, колористика, образ главного героя).

Лит.: Струве П. Б. Пушкин о Стендале и Бальзаке // Россия. (Париж), 1927. № 22 (То же // Струве П. Б. Дух и Слово: Ст. о русской и западно-европейской литературе. Париж, 1981. С. 104—108); Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 217—220 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 371—374); Vinogradoff A. Trois rencontres russes de Stendhal // Mercure de France. 1928. Т. 203. № 717. 1 mai. P. 605—607; Шкловский В. Б. Заметки о прозе Пушкина. М., 1937. С. 69—70; Gibian G. Love by the book: Pushkin, Stendhal, Flaubert // CL. 1956. Vol. 8. № 2. P. 97—105; Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962. С. 76, 78—80, 147, 153, 163, 164, 169, 190, 258; Кочеткова Т. В. 1) Стендаль в личной библиотеке Пушкина // Пушкинский сб. Рига, 1968. С. 114—123 (Учен. зап. Латв. гос. ун-та. Т. 106); 2) Пушкин, Байрон и Стендаль // Мюллер-Кочеткова Т. В. Стендаль: Встречи с прошлым и настоящим. Рига, 1989. С. 7—36; Михайлов А. Д. Пушкин и Стендаль // Искусство слова. М., 1973. С. 121—124; Чичерин А. В. Пушкин, Мериме, Стендаль: (О стилистических соответствиях) // ПИМ. Т. 7. С. 142—150; Купрянова Е. Н. Просветительские традиции русского и французского реализма: «Евгений Онегин» Пушкина, «Красное и черное» Стендаля // Купрянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 267—272; Вольперт Л. И. 1) Пушкин и Стендаль: (К проблеме творческого поведения писателя) // Болд. чтения, [1978]. 1979. С. 114—129; 2) Вольперт. П. и психол. традиция. Гл. 7; 3) Понятие «истинного романтизма» у Пушкина и Стендаля // Болд. чтения, [1981]. 1982. С. 147—155; 4) «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля: («Арап Петра Великого» и «Арманс») // Болд. чтения, [1982]. 1983. С. 56—66; 5) Психологизм ранней прозы Стендаля и Пушкина: «Арманс»

и «Арап Петра Великого» // Теоретические и практические вопросы взаимодействия литератур. Тарту, 1983. С. 32—41 (Учен. зап. Тартус. ун-та. Вып. 646); 6) Тема безумия в прозе Пушкина и Стендаля: «Дубровский» и «Красное и черное» // Болд. чтения, [1984]. 1985. С. 134—143; 7) Эстетические взгляды Стендаля и Пушкина: (К проблеме языка и стиля) // Взаимосвязи и взаимодействие литератур. Тарту, 1985. С. 37—43 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 698); 8) Пушкин и Стендаль: (К проблеме типологической общности) // ПИМ. Т. 12. С. 200—223; 9) Тема безумия в прозе Пушкина и Стендаля: («Пиковая дама» и «Красное и черное») // Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 46—58; 10) Тема игры с судьбой в творчестве Пушкина и Стендаля: «Красное и черное» и «Пиковая дама» // Болд. чтения, [1985]. 1986. С. 105—114; 11) Историзм «истинного романтизма» ранней прозы Стендаля и Пушкина: («Арманс» и «Роман в письмах») // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. 1988. Вып. 792. С. 157—166; 12) Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения: Сб. ст. Таллин, 1990. С. 88—107; 13) Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 201—320; 14) *Volpert L. L'ironie romantique dans Eugène Onéguine et le Rouge et le Noir // Universalité de P. P. 49—59; Дебрецени П. 1) Символика «Пиковой дамы» // Studia slavica. (Budapest). 1981. Т. 21. F. 1/4. P. 141—158; 2) Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1995. С. 218, 239—242 (ранее на англ. яз.: *Debrecezeny P. The Other Pushkin: A Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction. Chapel Hill, 1983*); *Kissel W. Puškin, Byron und Stendhal — zur russischen Rezeption von Stendhals Essay «Lord Byron en Italie» // Arion. Bd 2. S. 79—95.**

Л. И. Вольперт

СТЕРН (Sterne) Лоренс (1713—1768), англ. писатель, чье творчество стало кульминационным явлением англ. сентиментализма и вместе с тем выразило его кризис. В романе С. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» («*The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*», 1760—1767, vols 1—9) и в «Сентиментальном путешествии по Франции и Италии» («*A Sentimental Journey through France and Italy*», 1768, vols 1—2) чувствительность, эмоции подвергаются испытанию юмором, окрашенным сплошь и рядом сильным оттенком скептицизма; в равной степени берется под сомнение и рационализм. С. разрушал и пародировал просветит. реалистический роман, создав худож. повествовательные формы, открывавшие простор для психол. анализа и высказывания разл. парадоксальных суждений от лица автора и персонажей. Получив европ. славу, особенно в Германии, С. стал известен в России с 1770-х (первый рус. пер. 1779) и оказал сильное влияние на А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина и его окружение; пользовались вниманием и были популярны произв. С. среди декабристов, многих знакомых П. (А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев-Марлинский, Н. А. Бестужев, М. И. Муравьев-Апостол и др.). В восприятии С. в России на первый план выступали его гуманное настроение и чувствительность, а юмор, скептицизм и пародия оставались в тени.

П. читал произв. С. не позднее 1821 во фр. пер., а в дальнейшем — в подлиннике. Однако даже если до 1821 он не обращался непосредственно к соч. С., то стернианство как значительное лит. и обществ.-культурное явление было ему хорошо знакомо, в частности по творчеству рус. писателей-сентименталистов и полемике, вызванной комедией А. А. Шаховского «Новый Стерн» (пост. 1805, изд. 1807), к-рая долгие годы держалась на сцене, игралась в Лицее воспитанниками (Рассказы о П. С. 26) и была названа П. в разделе «Мои мысли о Шаховском» дневника 1815 «холодным пасквилом на Карамзина» (Акад. XII, 302). Под впечатлением от романа С. во фр. пер. П. писал П. А. Вяземскому 2 янв. 1822, что «вся» поэма Т. Мура «Лалла Рук» «не стоит десяти строчек Тристрама Шенди» (Акад. XIII, 34). Ссылкой на С. в примеч. к строфе 37 гл. II «Евгения Онегина» (Акад. VI, 192) подчеркивается ирон. отношение к Ленскому, отождествлявшему себя над могилой бригадира Ларина с Гамлетом, а покойного — с шутком Йориком (ср. «Гамлет», д. V, сц. 1), к к-рому восходит один из персонажей «Тристрама Шенди», носящий то же имя, взятое и самим С. псевдонимом в «Сентиментальном путешествии». Обращение «Мой бедный Ленский!» в строфах 10 и 11 гл. VII содержит, по-видимому, иронический отзвук пародийной эпита-

фии «*Alas, poor Yorick*» (пер.: «Увы, бедный Йорик!») в «Тристраме Шенди» (кн. I, гл. 12), повторяющей слова Гамлета над черепом шута, к-рые произносит и Ленский в эпизоде на могиле. Нек-рые худож. особенности «Евгения Онегина» имеют сходство с приемами стернианской поэтики: лирические отступления (прием, усвоенный через посредство Байрона), задержанная экспозиция (начало повествования с момента, когда события находятся уже в развитии), временные перестановки в повествовании, пропущенные строфы, пародийный элементы.

Высоко оценивая С. как писателя, поддерживавшего в XVIII в. вместе с С. Ричардсоном и Г. Фильдингом «славу прозаич.(еского) романа», П. находил ограниченным его влияние на рус. лит-ру («*Sterne* нам чужд — за исключ.(ением) (?) Карамзина»), к-рой, по его мнению, «овладевают» в XVIII в. не «великаны (...), но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корн(я) дубов» («О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834, и план этой неоконченной статьи — Акад. XI, 272, 495—496). Неприятие П., выразившего свое мнение в заметке, входящей в «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827), вызвал откровенный физиологизм замечания С. в конце главки «Паспорт. Версаль» («*The Passport. Versailles*») «Сентиментального путешествия» о том, что (в передаче П.) «живейшее из наших наслаждений кончается содроганием почти болезненным» (Акад. XI, 52; в подлиннике: «...some of the gravest of our divines have carried it so far as to affirm, that enjoyment itself was attended even with a sigh, and that the greatest they *knew* of terminated in a general way, in little better than a convulsion»). Тем не менее через несколько лет эта мысль С., кажется, отразилась реминисценцией в фразе «миг последних содроганий» ст-ния «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (нач. 1830-х). В «Заметке „О графе Нулине“» (1830) фраза: «Бывают странные сближения» (Акад. XI, 188) восходит предположит. к ответному письму С. негру Игнасу Санчо от 27 июля 1766, возможно, через посредство записи в «Разрозненных мыслях» («*Detached Thoughts*») Байрона от 5 ноября 1821, приведенной в первом изд. писем и дневников англ. поэта (*Byron G. Letters and Journals* / Ed. by Th. Moore. London, 1830. Vol. 2).

В 6-ке П. сохранилось двуязычное (англ. текст с парал. фр. пер.) изд. «Сентиментального путешествия» (Paris, 1799), 6-томное полн. собр. соч. С. во фр. пер. (Paris, 1818), в к-ром разрезан только т. 1 до с. 21, и оба гл. произв. С. на англ. яз. в составе однотомного собр. романов (London, 1823) нескольких авторов (Библиотека П. № 567, vol. 5; № 1411—1412). «Свидетельства» А. О. Смирновой-Россет о том, что П. убеждал ее перевести «Сентиментальное путешествие», а о Гоголе сказал, что «он будет русским Стерном», приведены в апокрифических «Записках А. О. Смирновой» (СПб., 1895. Ч. 1. С. 43) и, вероятнее всего, фальсифицированы.

Лит.: Шкловский В. Б. 1) «Евгений Онегин»: (Пушкин и Стерн) // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 206—220; 2) Художественная проза: Размышления и разборы. М., 1959. С. 287 (М., 1961. С. 306); Маслов В. И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII-го и нач. XIX вв. // Историко-литературный сборник: Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 339—376; Модзалевский Б. Л. Пушкин и Стерн: Незданные строки // Рус. современник. 1924. № 2. С. 192—193 (То же // Модзалевский. Пушкин. С. 411—413; Модзалевский Б. Л. Пушкин: Воспоминания; Письма; Дневники... М., 1999. С. 331—333); Азадовский М. К. Стерн в воспоминаниях декабристов // Бунт декабристов: Юбил. сб. (1825—1925) / Под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л., 1926. С. 383—392; Hielscher K. A. S. Puškins Verseepik: Autoren-Ich und Erzählstruktur. München, 1966. S. 23—29. Kap. 3: Puškin und die Erzähltradition Sternes and Byrons; Соколянский М. Г. Литература английского Просвещения в оценках Пушкина // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 1 (10). С. 57—58 (То же под загл.: Литература английского Просвещения в критическом обиходе Пушкина // Соколянский М. Г. И несть ему конца: Ст. о Пушкине. Одесса, 1999. С. 25—26); Лотман Ю. М. Три заметки к пушкинским текстам // Врем. ПК. 1974. С. 89—90 (То же // Лотман. Пушкин. С. 337—338).

В. Д. Рак

СУТЕЙ см. САУТИ

СЮ (Sue) Эжен (псевд.; наст. имя — Мари-Жозеф; 1804—1857), фр. писатель. В 1830-е стал известен как представитель новой фр. «неистой словесности», автор «морских» романов и повестей, наполненных пиратами, демоническими мстителями, похищениями, убийствами и т. п. Прочитав первый роман С. «Плик и Плок» («Plick et Plock: Scènes maritimes», 1831), П., не принявший «неистой словесности», осудил его как «дрянь (...) нагромождение нелепостей и чепухи, не имеющее даже достоинства оригинальности» (письмо к Е. М. Хитрово от 2-й пол. (18—25) мая 1831; подлинник по-фр. — Акад. XIV, 166). Эту оценку творчества С. он, видимо, предполагал дать в задуманной им статье «О новейших романах» (1832), в плане к-рой значился пункт «Eugène Sue» (Акад. XII, 204). С. упомянут в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836) в связи с отрицательной оценкой М. Е. Лобановым «состояния французской словесности» (Акад. XII, 68).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 221—222 (То же // *Томашевский. П. и Франция.* С. 374—375).

Л. И. Вольперт

Т

ТАССО, Тасс (Tasso) Торквато (1544—1595), ит. поэт, автор принесшей ему мировую известность героической поэмы «Освобожденный Иерусалим» («Gerusalemme liberata»), над к-рой он трудился 30 лет (1562—1592; осн. ред.: 1574—1575, ее полный исправный текст опублик. в 1581). Ориентируясь на «Илиаду» Гомера и поэтику Аристотеля, Т. соединил в ней черты антич. эпоса с ит. рыцарской эпопеей Возрождения, создав новый тип эпоса, изображающего славные события христианской истории (в данном случае — первого крестового похода) и включающего эпизоды чудесного, почерпнутые из христианских источников. Теоретическому обоснованию подобного рода эпопеи посвящен трактат Т. «Рассуждения о поэтическом искусстве» («Discorsi dell'arte poetica», 1565—1566, изд. 1587; вторая ред. — «Discorsi del poema eroico», 1594). Кроме того, Т. написал драматич. пастораль «Аминта» («Aminta», 1573, изд. 1580), трагедию «Король Торс-мунд» («Il Re Torrismondo», 1587), множество лирических стихов, критич. статей, аллегорических, генеалого-геральдических поэм и др. соч.

Особенности поэтики «Освобожденного Иерусалима» (единство и стройность плана, развитое лирическое начало, сложные психол. характеристики персонажей, яркое изображение драматич. любовных коллизий) обусловили широкое влияние поэмы на европ. иск-во (лит-ру, живопись, музыку, театр). Она считалась общепризнанным образцом эпопеи и вызвала множество подражаний. Многие стихи из нее стали нар. ит. песнями. Это явление приобрело широкую известность в Европе и отразилось в мемуарной и худож. лит-ре.

На рубеже XVIII—XIX вв. возникает сентиментально-романтический культ Т., связанный с нек-рыми чертами его жизни: полумифической безнадежной любовью к сестре феррарского герцога Альфонса II д'Эсте, при дворе к-рого он находился, помешательством и принудительным пребыванием в госпитале св. Анны (1579—1586), травлей со стороны критиков и придворных, бесприютными скитаниями по Италии в последние годы жизни, смертью накануне триумфа на Капитолии, известностью «Освобожденного Иерусалима» среди простого люда (пастухов, разбойников, венецианских гондольеров); на этой основе вокруг поэта создавался ореол страждущего непризнанного при жизни гения, моделировался биогр. тип, актуальный для культуры романтизма.

В России «Освобожденный Иерусалим» был известен со 2-й пол. XVII в. сначала через польское, затем во 2-й пол. XVIII в. через фр. посредство. С XVII в. сведения об «Освобожденном Иерусалиме» включались в рус. школьные поэтики и курсы теории и истории лит-ры, становились неотъемлемой частью размышлений литераторов о рус. нац. эпопее, оказывали влияние на авторов, создававших произв. в этом роде. Первые рус. пер. Т. с ит. языка появляются в нач. XIX в. В это же время получает распро-

странение и романтический культ Т., наиболее деятельным adeptом к-рого был К. Н. Батюшков.

Помимо лицейского курса, П. мог получить сведения о Т. из разнообразных иностр. и рус. источников. Факты биографии Т. и образы его произв. были в ту эпоху достоянием массовой дворянской культуры, и беглые, нечастые упоминания его имени у П., без развернутых оценок и характеристик, предполагали каждый раз актуализацию в сознании читателя общераспространенного представления о творце «Освобожденного Иерусалима». Впервые Т. был упомянут им в ст-нии «Городок (К***)» (1815), где *Вольтер*, автор «Орлеанской девственницы» и «Генриады», назван внуком «Арьоста, Тасса» (ст. 104), т. е. продолжателем их поэтич. традиций; на книжной полке П. помещает Т. рядом с Гомером и *Вергилием*, но «за Вольтером» (ст. 108—109), отражая, м. б., тем самым свои худож. предпочтения. В письме к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 он досадовал на худож. пристрастия В. А. Жуковского, выражая желание, чтобы тот взялся за пер. целого большого поэтич. произв.: «...он переводит и переводит отрывками — иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура» (Акад. XIII, 40). Возражая в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 на его утверждение о том, что в лит-ре за «веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета» (*Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов* // Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 547), П. включил Т. в опровергающий этот тезис хронологический ряд великих ит. поэтов (Акад. XIII, 177). В статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) имя Т. названо, чтобы противопоставить высший расцвет романтич. поэзии в Италии ничтожеству соврем. ему фр. поэзии и преобладанию прозы во фр. лит-ре 2-й пол. XVI в.: «Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу» (Акад. XI, 270, 515). В беловой ред. статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834—1835) П. сочувственно процитировал пассаж из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, где Т. назван среди великих поэтов, к-рые «читаны будут, доколе не истребится род человеческий» (Акад. XI, 262).

К худож. оценке «Освобожденного Иерусалима» подводили П. его полемические размышления о поэзии лирической и эпической, классической и романтической. Среди вар. «(Возражения на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“» (1825—1826) поэма Т. фигурировала наряду с «Адом» *Данте* и «Илиадой» Гомера как образец единства плана, достигнутого «высоким гением», но была из этого ряда вычеркнута (Акад. XI, 310). Форма «Освобожденного Иерусалима» была отнесена П. к классическим, т. е. доставшимся новой европ. лит-ре в наследство от античности, о чем он писал в статье «О поэзии классической и романтической», 1825 (Акад. XI, 36).

Образы и сюжеты «Освобожденного Иерусалима» редко служили П. источниками вдохновения. В юношеских ст-ниях «Кольна» (1814) и «Выздоровление» (1818) он использовал широко распространенный в ит. рыцарском эпосе образ переодетой в одежду воина девы, перешедший к нему от К. Н. Батюшкова, в свою очередь им восхищавшегося именно у Т. Неоднократно пользовался П. именем одной из героинь «Освобожденного Иерусалима» чародейки Армиды в ставшем стертой метафорой значении «обольстительной и коварной красавицы» и просто «красивой женщины». В поэме «Руслан и Людмила» (1817—1820) сад Черномора уже традиционнно «прекраснее садов Армиды» (песнь II, ст. 298). Армидой названа героиня в плане поэмы «(Мстислав)», 1822 (Акад. V, 504). Отражением сюжетной ситуации поэмы Т. — пребывания Ринальда в садах Армиды на островах блаженных — видимо, должен был стать эпизод, обозначенный: «Мстислав на острове наслаждений» (Акад. V, 157). В ст-нии «Е. Н. Ушаковой» («Вы избалованы природой...») (1828—1829) это имя входит в перечень поэтич. штампов образа светской красавицы: «Что нежным взором вы Армида». На-

зывая в ст-нии «К вельможе» (1830) Армидой фр. королеву Марию-Антуанетту, П. дает яркий образ роскошного царствования накануне революц. урагана, отсылая не только к содержанию поэмы Т., но и к ее восприятию во Франции XVIII в. Катание в санях с «Армидами младыми», упоминаемое в ст-нии «Осень» (1833), в сочетании с формой октав, традиционной для ит. эпоса, бросает характерный поэтич. ответ на картину рус. зимы.

П. сторонился романтич. культа Т. В нач. 1820-х в «(Заметках на полях 2-й части „Опытов в стихах и прозе“ К. Н. Батюшкова)» (о датировке см.: *Сандомирская В. Б.* К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // *Врем. ПК.* 1972. С. 16—35) он критически отозвался об элегии «Умиравший Тасс», к-рая имела значительный успех и была самым высокохудож. рус. соч., отразившим это явление (Акад. XII, 283—284); его вывод состоял в том, что Батюшков не справился с худож. задачей изображения великого поэта на пороге смерти. При этом он отметил подражание Батюшкова в ст-нии «К другу» строкам из финального хора трагедии Т. «Король Торсмунд». Дважды он с неодобрением говорил о герцогском покровительстве Т. К строке из «Умиравшего Тасса»: «Ни под защитою Альфонсова дворца» — он приписал: «Добродушие историческое, но вовсе не поэтическое», т. е. лишнее поэзии и не достойное истинного поэта. В письме к А. А. Бестужеву (конец мая—нач. июня 1825), в перечне примеров покровительства властителей поэтам, к-рым П. себя противопоставляет, упоминается, что «Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства» (Акад. XIII, 179). Не откликнулся он на многочисленные обращения рус. писателей к образу и биографии Т. Нашумевшая «драматическая фантазия» Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (1833) не вызвала у него интереса, он отнесся к ней и к ее автору пренебрежительно, что отразила его дневниковая запись от 2 апр. 1834 (Акад. XII, 323, 438; см.: *Дн. Модз.* С. 116—118). В повести «Египетские ночи» (1835) сентиментально-романтич. культ Т. представлен в виде заданной импровизатору избитой темы «Il trionfo di Tasso» (Акад. VIII, 272, 852), служившей развлечению светского об-ва. Единственным случаем серьезного творческого обращения П. к романтич. моментам биографии Т. было предположит. ст-ние «Не дай мне Бог сойти с ума...» (1833), где мотивы безумия и связанного с ним лишения свободы несут, возможно, опосредованные ассоциации с соответствующим периодом жизни творца «Освобожденного Иерусалима». Между тем иногда современники П. льстили ему сравнением с Т. Напр., В. В. Измайлов писал ему 29 сент. 1826: «Пушкин достоин триумфов Петрарки и Тасса, но москвитяне не римляне, и Кремль не Капитолий» (Акад. XIII, 297); ср. письма к П. от М. Риччи 1 мая 1828 (Акад. XIV, 16) и А. Лестрелена в сент. 1828 (Там же. С. 30).

Живой поэтич. отклик П. вызвал лишь факт известности «Освобожденного Иерусалима» среди простого народа. Он ввел в рус. поэзию тему «торкватовых октав», впоследствии имевшую широкое распространение. Впервые этот образ появляется в строфе 48 гл. I «Евгения Онегина» (1823), где служит связкой между противопоставленными описаниями Петербурга и Венеции. В ст-нии «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (17 сент. 1827), представляющем собою пер. элегии *A. Шенье* «Près des bords où Venise est reine de la mer...», бескорыстное и свободное пение гондольера, исполняющего отрывки из «Освобожденного Иерусалима», уподоблено творчеству поэта. Через неск. месяцев в ст-нии «Кто знает край, где небо блещет...» (февр.—март 1828) звуки октав Т., повторенные уже не гондольерами, но самими волнами Адриатики, становятся характерной чертой пейзажа Италии — страны, где природа сливается с искусством. Варианты ст-ния показывают, что этот фрагмент (ст. 7—10) потребовал упорной работы, среди них присутствует и мотив пения гондольеров (Акад. III, 645—647). В ст-нии «Поедем, я готов...» (1829) Италия названа перифрастически страной, «где Тасса не поет уже ночной гребец». Среди пушк. упоминаний «торкватовых

октав» эту строку можно считать написанной под влиянием стихов *Байрона* из третьей строфы четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда»: «In Venice Tasso's echoes are no more And silent rows the songless gondolier» (пер.: В Венеции нет больше отзвуков Тассо, И молча, без песен гребет гондольер), остальные следует рассматривать как следствие чтения П. обширной мемуарной и худож. лит.-ры, где упоминается пение стихов Т. гондольерами. Используя материал ст-нии «Кто знает край, где небо блещет...» в работе над ст-нием «Когда порой воспоминашь...» (1830), П. включил в него мотив «торкватовых октав». Ст-ние развивает введенную впервые таким же способом в «Евгении Онегине» тему сопоставления—противопоставления России и Италии.

Прохладное отношение П. к поэме Т., засвидетельствованное М. П. Погодиным в письме (11 мая 1831) к С. П. Шевыреву («Пушкин (...) решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данте» — РА. 1882. Кн. 3. № 6. С. 185), объясняется, в частности, тем, что в основном соврем. ему переводы поэмы: А. С. Шишкова (1818—1819), А. Ф. Мерзлякова (1828), С. Е. Раича (1828) — исходили из литературно и политически чуждых ему кругов. Не приемлема была ему и возникшая в обстановке русско-иранской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн актуализация «Освобожденного Иерусалима» в официозном духе религ. миссии России на Ближнем Востоке. В ст-нии «Ответ Катенину» («Напрасно, пламенный поэт...») (10 ноября 1828) П. шутивно отказался от лавров Т. Однако интерпретация «Домика в Коломне» как скрытой пародии на «Освобожденный Иерусалим» в ответ на упреки по поводу нежелания воспевать победы рус. оружия (С. А. Фомичев) не может быть признана обоснованной достаточно убедительно, а связанная с нею атрибуция одного пушк. портретного рисунка как изображения Т. (Жуйкова. № 786) предложена без доказательств.

В пушк. б-ке находились два изд. (1828 и 1836) поэмы Тассо на ит. яз., в настоящее время отсутствующие (Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. С. 46, 43. № 171, 155). Остался неразрезанным пер. *Ж.-Ф. де Лагарпа* в т. 8 его собр. соч., приобретенном 2 июля 1836 (Библиотека П. № 1064; Арх. опеки. С. 64).

Лит.: *Розанов М. Н.* Пушкин, Тассо, Аретино // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1937. № 2/3. С. 369—374; *Горохова Р. М.* 1) Торквато Тассо в России XVIII века: (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 105—163; 2) Пушкин, Батюшков, Тассо: (К истории одного образа) // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 248—252; 3) Образ Тассо в русской романтической литературе // От романтизма к реализму: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1978. С. 117—188; 4) Тассо в России конца XVIII в.: (Материалы к истории восприятия) // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 127—161; 5) «Напев Торкватовых октав»: (Об одной итальянской теме в русской поэзии первой половины XIX века) // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исслед. и материалов. Л., 1986. С. 82—123; *Фомичев С. А.* 1) Пародийный план поэмы «Домик в Коломне» // Болд. чтения, [1979]. 1980. С. 74—80; 2) Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 203, 213—216; *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 98—101; *Пильщиков И. А.* Пушкин и Тассо: (Несколько замечаний) // Страницы истории русской литературы: Сб. ст.: К 70-летию проф. В. И. Корovina. М., 2002. С. 133—141.

А. О. Дёмин

ТАЦИТ Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus, ок. 58—после 117), рим. историк, чьи два больших соч.: «Анналы» («Ab excessu divi Augusti Libri», 111?—117; в рус. пер. 1800-х: «Летописи», «Летопись») и «История» («Historiae», оконч. ок. 109), в к-рых описана эпоха первых рим. императоров (от 14 до 96), представляют собой не только фундаментальный ист. источник, но и один из важнейших документов антич. обществ.-филос. мысли.

Т. входил в число антич. авторов, к чьим соч. П. обращался и к-рых вспоминал на протяжении всей жизни: от лицейского ст-ния «Пирующие студенты» (1814) до поздних незавершенных произв. «(Повесть из римской жизни)» (1833—1835) и «Мы проводили вечер на даче...» (1835). В «Пирующих студентах», ст. 6—7, эпиграмме «(На Каченовского)» («Бессмертной рукой раздавленный Зоил...») (1818), ст. 4, и черн. вариантах строфы 6 гл. I (1823) «Евгения Онегина» (Акад. VI, 219) упоминания Т. выступают более или менее случайными обозначениями, не несущими специальной смысловой нагрузки и не свидетельствующими о сколь-либо глубоком и подробном знакомстве с его трудами. Начиная с михайловской ссылки П. читает Т. внимательно и вдумчиво, ссылается на его суждения, их оценивает, излагает или критикует. «Анналы» он, видимо, знал в полном объеме: знание кн. I, XI, XV обнаруживается в «Замечаниях на „Анналы” Тацита» (1825, 1827), кн. IV — в письме к А. А. Дельвигу от 23 июля 1825, кн. XVI — в «(Повести из римской жизни)», где использован рассказ Т. о смерти консула Петрония в 65 г. Не исключено знакомство П. с «Диалогом об ораторах» («Dialogus de oratoribus», между 102 и 105): на него мог бы указывать эпиграф к статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831), в к-рый введен оборот из гл. 22 этого соч. «Историю» и др. «малые» соч., по-видимому, П. не читал.

Основная идея, пронизывающая все творчество Т., выражена особенно ясно в произв., определенно или предположит. известных П., — в «Диалоге об ораторах» и в «Анналах». Она состояла в том, что в деятельности правителей следование гос. необходимости находится в определенном противоречии с верностью нравственному долгу. Эта идея имела у Т. конкретное ист. основание: нравственный кодекс Рима строился на верности нормам и ценностям древней гражд. общины, прежде всего в ее республ. форме, а ист. смысл империи I в. состоял в создании единого централизованного гос-ва, следовательно, в подчинении гражд. общины Рима общеимперским задачам и, значит, в разрушении ее традиционных моральных ценностей. Обе системы были исторически обоснованы и необходимы, и нравственно достойного выхода из этого положения не было, что и делало описанную Т. ситуацию единой в своей противоречивости, а его взгляд на эту ситуацию глубоко трагическим. П. воспринимал Т. через европ. культурную традицию, в к-рой обе стороны мировоззрения Т. представляли не в их неразрывной трагической диалектике, а в виде двух противоположных и несовместимых кодексов ист. поведения: государствоведы и теоретики абсолютных монархий XVI—XVIII вв., начиная с *Макиавелли*, славили Т. как «наставника государей», не замечая нравственного возмущения, с к-рым он описывал аморализм и жестокости императоров; для революционеров, вплоть до якобинцев и декабристов, существовала лишь эта последняя сторона творчества рим. историка — для них он был «бич тиранов». В такой ее альтернативной форме «проблема Тацита» и была воспринята П., к-рый сосредоточивается на ней в соч., созданных в 1824—1826 в Михайловском: «Замечаниях на „Анналы” Тацита», «Борисе Годунове», записке «О народном воспитании».

По всему судя, П. начал перечитывать «Анналы» в последние недели своего пребывания в Одессе (откуда он уехал 1 авг. 1824) и продолжал размышлять над ними в годы михайловской ссылки. Александр I, прежде вызывавший у него не лишние иронии ассоциации с имп. Августом (письмо к Л. С. Пушкину от окт. 1822 — Акад. XIII, 51), в письме к П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 впервые именуется Тиверием, а М. С. Воронцов — графом Сеяном (Акад. XIII, 98).

В михайловские годы П. все яснее видит в народе движущую силу истории, а в истории закономерный и объективно обусловленный процесс, определяющий формы гос-ва и логику поведения его правителей. Сведение истории к столкновениям злой воли тиранов и благородства борцов, им

противостоящих, а ист. оценок к моральным представляется ему поверхностным и ложным. Соответственно «Замечания на „Анналы”» направлены против Т., каким его видели просветители, якобинцы и декабристы — «обличителя римской тирании» (Г. Мабли (Mably, G. Bonnot de), 1709—1785), от одного имени к-рого «бледность покрывает лица тиранов» (М.-Ж. Шенье (Chénier), 1764—1811) и чьего приговора «заслуживают деяния века нашего» (П. Г. Каховский). В риторически-морализаторском восприятии воплощением всех пороков тирании становился имп. Тиберий, подробно описанный в I—VI кн. «Анналов». Исходя в своей оценке из понятия гос. необходимости, П., напротив, ставит Тиберия очень высоко, полагая, что его действия, даже могущие быть расцененными как аморальные и преступные, были продиктованы этой необходимостью и соответствовали ей: «Первое злодеяние его (замечает Т. (ацит)) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августа. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью — то Тиберий прав» (Акад. XII, 192). Все др. положительные отзывы П. о Т. связаны с этой же мыслью и развивают ее (ср., в частности, письмо к А. А. Дельвигу от 23 июля 1825 — Акад. XIII, 192).

В столь отчетливой форме подобное отношение к самодержавной власти П. больше не формулировал, следы его, однако, обнаруживаются в ряде позднейших произв. — «Стансах» (1826), «Полтаве», «Медном всаднике», «Table-talk». Рассматриваемая не в выборочном, а в общем контексте творчества П., «тацитовская тема» выступает прежде всего в связи с «Борисом Годуновым», к-рый создавался одновременно с «Замечаниями». Доказательством связи служат обильные совпадения в первых четырех сценах «Бориса Годунова» с гл. 11—13 первой кн. «Анналов» (сводку см.: Врем. ПК. Вып. 20. С. 62—63). В трагедии тема убийства, к-рое «может быть извинено государственной необходимостью», существенно преобразуется: преступление — тем более убийство невиновного, ребенка, — даже и совершаемое в интересах гос-ва, не перестает от этого быть для П. преступлением, ибо в основе его лежит утверждение эгоистической воли правителя, волюнтаристское решение, и служение интересам гос-ва неприметно становится служением собственному честолюбию, собственной гипертрофированной личности. Высокая оценка Тиберия и резкая критика Т., характерные для «Замечаний на „Анналы”», особенно для первых из них, перестают в ходе работы над трагедией быть для П. столь безусловными и внутренне убедительными. В параллель к поведению Бориса при избрании его на престол он ставит поведение Тиберия в аналогичных обстоятельствах, но использует для этого то место в «Анналах», где Т. изображает императора в самом отрицательном свете, даже с элементами насмешки и карикатуры. Девятое «Замечание» на «Анналы», на к-ром П. завершил для себя раздумья этих лет над образом Т., значительно отличается от первых: П. говорит здесь об осуждении рим. историка Наполеоном, но теперь отказывается поддержать такого рода критику. В апр. 1826 П. А. Плетнев советовал П. опубликовать «Замечания», намекая, что выраженная в них тенденция вызовет одобрение пр-ва и улучшит отношение его к П. (Акад. XIII, 272); П. этому совету не последовал. В ноябре 1826 в черновике записки «О народном воспитании» он повторил свою прежнюю оценку Т. как «опасного декламатора, (...) исполненного политических предрассудков» (Акад. XI, 316). В работе, выполняемой по прямому указанию царя, подобная оценка, действительно, могла быть воспринята властями как свидетельство идейной благонамеренности, но в окончательном тексте П. эту фразу вычеркнул. Дальнейшие обращения его к Т., в частности в 1833 и 1835, не продолжают тему гос. необходимости и связаны с рим. историком не столько как с полит. мыслителем, сколько, скорее, как с великим антич. писателем.

П. читал Т. в двуязычных лат.-фр. изд. Одно имелось в б-ке Царскосельского Лицея, два др. (Paris, 1817—1818. 6 т.; Paris, 1830—1835. 6 т.) — в лич-

ной 6-ке поэта (Библиотека П. № 635, 1420). Анализ разрезанных стр. в раннем изд. позволяет заключить, что в Михайловском П. этим экз. не пользовался.

Лит.: *Покровский М. М.* Пушкин и римские историки // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 478—486; *Гельд Г. Г.* По поводу замечаний Пушкина на «Анналы» Тацита // ПиС. Вып. 36. С. 59—62; *Малеин А. И.* Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит // П. в мировой лит.-ре. С. 11—12; *Амусин И. Д.* Пушкин и Тацит // П. Врем. Т. 6. С. 160—180; *Гиппиус В. В.* Александр I в пушкинских «Замечаниях на „Анналы“ Тацита» // Там же. С. 181—182; *Реизов Б. Г.* Пушкин, Тацит и «Борис Годунов» // РЛ. 1969. № 4. С. 75—88 (То же // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 66—82); *Боровский Я. М.* Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Врем. ПК. 1972. С. 117; *Кнабе Г. С.* Тацит и Пушкин // Врем. ПК. Вып. 20. С. 48—64; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 50—92; *Busch W.* Puškin und Tacitus // Zeitschrift für Kulturaustausch. 1987. Jg. 37. Hf. 1. S. 131—139.

Г. С. Кнабе

ТИБУЛЛ (Tibullus) Альбий (50—19 до н. э.), рим. поэт, автор двух книг элегий, гл. темами к-рых были любовь, тихая, далекая от суеты, бездеятельная сельская жизнь, безразличие к славе и богатству, довольство малым.

Представление П. о Т. сложилось в лицейские годы на основе встречавшихся ему печатных отзывов и разборов, а также оценок в учебных курсах, отразивших многовековую лит. традицию, утвердившую за рим. поэтом славу мастера любовной лирики, чьи элегии представляют совершенные образцы этого жанра. Лицейский преподаватель П. Е. Георгиевский говорил в своих лекциях по эстетике, что Т. «из всех древних поэтов есть единственный, коего образ чувствования так сопряжен с романическим, что мог бы легко почесться поэтом новейших времен. Его поэзия имеет нечто мечтательное и сантиментальное, чего тщетно кто б стал искать у других поэтов древности. Его мечтательное чувство любви паразитично, все предметы отделаны им с мечтательною тонкостью (...). Его наречие дышит удивительною нежностью и приятностию. Словом, у Тибулла только научиться элегии любви» (Лицейские лекции. С. 160). Совпадала с этим суждением и оценка Т. в «Ручной книге древней классической словесности, собранной Эшенбургом, умноженной Крамером и дополненной Н. Кошанским», к-рую изучали лицеисты: «Он умел соединить нежность чувствований с самым благородным и истинным образом выражений; в нем найти можно прелестное разнообразие мыслей, картин и чувствований, без всякого принуждения, без всяких затейливых украшений» (СПб., 1816. Т. 1. С. 412). Здесь также сообщалось, что рим. теоретик красноречия Квинтилиан (ок. 35—ок. 96), чьи суждения признавались авторитетными в Новое время, отводил Т. первое место среди рим. элегиков.

Интерес П. к Т., к-рого он в письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 назвал в числе «гениев» рим. лит.-ры, считая его вместе с тем шедшим «столбовою дорогою подражания» (Акад. XIII, 177), обусловливался его вниманием к жанру любовной элегии; созвучные ему, особенно в юности, мотивы поэзии Т. он воспринимал гл. обр. опосредованно — через творчество *Э.-Д. де Парни* и *К. Н. Батюшкова*. Упомянутый в пушк. ст-ниях в сочетании с этими и др. именами того же ряда, Т. выступает символом поэта нежного любовного чувства. Обращаясь в лицейском послании к «русскому Тибуллу», как часто называли Батюшкова (см.: *Свясов Е. В.* Пронимания как вид метонимии : (На материале античных антропонимов) // Россия, Запад, Восток: Встречные течения. СПб., 1996. С. 116—117), П. себя также относит к числу крестников рим. элегика: «В пещерах Геликона Я некогда рожден; Во имя Аполлона Тибуллом окрещен» («Батюшкову», 1815). «Наследниками Тибулла и Парни» называет он «певцов любви», «знающих бесценной жизни сладость» («Любовь одна — веселье жизни хладной...») (1816). В поздней ред. ст-ния «Ш(ишко)ву»

(1826) упоминаются в одном ряду «Тибулл, Мелецкий и Парни», нежившие «в поместье мирном меж Пиндом и Цитерой» у «шалуна, увенчанного Эратой и Венерой», т. е. А. А. Шишкова; в ранней ред. (1816) вместо Т. был назван фр. поэт Г. Амфри де Шолье (Chaulieu, 1639—1720); оба вар. представляют «традиционный набор эмблематических имен, обозначающих гедонистическую и эротическую поэзию» (см.: Акад.₂. Т. 1. С. 727). В ст-нии «К**» («Ты богоматерь, нет сомненья...») (1826) П. признается, что находится во власти Амура — бога «Парни, Тибулла, Мура». Тибулловские мотивы усматриваются (Н. Ф. Дератани) в пушк. ст-нии «Мечтатель» (1815). Характерный элегический мотив, восходящий в своем истоке к Т. (кн. I, 6, ст. 11—12), распространенный во фр. элегической традиции и воспринятый рус. поэтами, присутствует в ст. 7—8 («Кому тихонько верный ключ Отворит дверь его прекрасной!») лицейской «Элегии» («Счастлив, кто в страсти сам себе...») (1816) (см.: Акад.₂. Т. 1. С. 712). В лицейских ст-ниях «Делия» («Ты ль передо мною...») (1814—1816) и «К Делии» («О Делия драгая!...») (1815—1816) использовано условное имя лирической героини первой книги элегий Т. (возлюбленную поэта звали Плания), широко употребившаяся в фр. лирике XVII—нач. XIX в.; к П. оно пришло, видимо, не без посредства, в частности, ст-нии Батюшкова «Тибуллова элегия III. Из III книги» (1809; автор — рим. поэт Лигдам (псевд.?), подражатель Тибулла), где рус. переводчик заменил употребленное в подлиннике имя Неэра на тибулловскую Делию. Один из черн. вар. стиха «Бранил Гомера, Феокрита», характеризующего интересы Евгения Онегина (гл. I, 7. 5), содержал в паре с Феокритом имя Т. (Акад. VI, 220, сн. 6б), к-рый в этом контексте противопоставлялся, отражая мнения героя романа, предпочитаемому им модному серьезному автору («Зато читал Адама Смита»). Замечания П. (предположит. 1821—1824) на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова касательно перевода трех элегий Т. (Акад. XII, 258, 261, 262) относились не к собственно соч. рим. поэта, а к их переводу.

В одном из находившихся в 6-ке П. томов «Всеобщей библиотеки романов» (Bibliothèque universelle des romans. Paris, 1776. Т. 7. Pt 1) между с. 144—145, где напечатана четвертая элегия Т. из I книги («Élégie quatrième du premier Livre: Sic umbrosa tibi»), вложена бумажная закладка (Библиотека П. № 641), но ее принадлежность самому П. неочевидна. У П. имелся также однотомник соч. *Катулла*, Т. и Проперция в подлиннике (Lipsiae, 1812), полученный им от А. И. Тургенева в юные, судя по дарственной надписи («Поэту Пушкину»), годы (Там же. № 714).

Лит.: Дератани Н. Ф. Пушкин и античность // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Каф. истории всеобщей лит. 1938. Вып. 4: Пушкин и западно-европейская литература. С. 18, 19—21, 29; Покровский М. М. Пушкин и античность // П. Врем. Т. 4/5. С. 28, 35, 37—39, 43; Владимирский Г. Д. Пушкин-переводчик // Там же. С. 302—303, 320, 328; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6 (по указ.).

С. Б. Федотова

ТИК (Tieck) Людвиг (1773—1853), нем. прозаик, драматург, поэт, один из основоположников и ведущих авторов нем. романтизма. Вместе с В. Г. Вакенродером Т. был автором «Сердечных излиятий отшельника—любителя искусств» («Herzenergießungen eines kunstliebenden Klosterbruders», 1797) — сб. очерков и новелл об иск-ве, ставшего эстетическим манифестом раннего нем. («иенского») романтизма. Перу Т. принадлежали популярный в свое время роман о судьбе художника — «Странствия Франца Штернвальда» («Franz Sternbalds Wanderungen», 1798), лит. сказки и новеллы, в к-рых писатель показал себя мастером прозы (объединены в сб. «Фантазус» («Phantasmus»), 1812—1816), новаторская по драматургии комедия-сказка «Кот в сапогах» («Der gestiefelte Kater», 1797). В 1820—1840-е в романах и новеллах Т. проступают черты лит. реализма в духе *Гете* (новел-

ла «Жизнь льется через край» («Des Lebens Überfluss»), 1839; и др.). Т. одним из первых стал публично выступать с чтением своих и чужих лит. произведений, относясь к этому как к особому виду сценического иск-ва.

Сведения о Т. проникли в Россию, по-видимому, не ранее 1810-х, когда в рус. лит-ре возник интерес к нем. романтизму. *Ж. де Сталь* во 2-й ч. (гл. 25, 26, 28) своей известной тогда в России книги «О Германии» («De l'Allemagne», 1810) посвятила Т. неск. стр. В. А. Жуковский собирался в 1817 перевести новеллы Т. (см.: *Веселовский Ал-др Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения»*. Пг., 1918. С. 21). Первым из рус. литераторов лично познакомился с Т. — «главою немецких романтиков» В. К. Кюхельбекер, проезжая в 1820 через Дрезден, где Т. тогда жил (см.: *Кюхельбекер В. К. Отрывки из путешествия // Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 56; Кюхельбекер. Путешествие. С. 13*). С Т. встречались там впоследствии А. и С. И. Тургеневы, Жуковский. За творчеством Т. следили в Лифляндии, где жила его сестра, писательница С. Бернгарди, и где (в Дерптском ун-те в 1820-х) учились рус. студенты, напр., Н. М. Языков. Общался с Т. рус.-нем. литератор, врач А. Дитрих, лечивший К. Н. Батюшкова. Члены моск. Об-ва любомудрия С. П. Шевырев, В. П. Титов и Н. А. Мельгунов перевели 3-ю ред. «Сердечных излиятий», подготовленную Т. после ранней смерти Вакенродера, — «Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком» (М., 1826; оригинал: *Phantasia über die Kunst von einem kunstliebenden Kloster-bruder / Hrsg. L. Tieck. Berlin, 1814; отрывок пер.: МТ. 1826. Ч. 9. № 9; рец. на кн: СП. 1826. № 95. 10 авг.; МТ. 1826. Ч. 10. № 14. [Отд.] III. Библиография. С. 163—167*). Во 2-й пол. 1820-х и в 1830-е переводы соч. Т. широко публиковались в МВ, МН, СО, «Атенее», «Галатее» и др. рус. ж-лах. Увлеченность прозой Т. часто сопровождалась критич. отношением к фантастическому ее элементу, к-рый казался надуманным. Т. «всегда летит в виду земли, кокетничает с фантазией, рассказывает сказки и не забывает, что он немец и советник Тик», — писал Н. А. Полевой в рец. на фр. изд. соч. Т. (МТ. 1832. Ч. 47. № 17. С. 106). Тем не менее своеобразная мода на Т. могла повлиять на складывающийся жанр рус. лит. сказки (А. Погорельский, В. Ф. Одоевский, ранний Н. В. Гоголь).

Современники и друзья П. хорошо знали, т. о., творчество Т. Несомненной была и общность проблем, занимавших П. и Т., — положение художника в антиэстетическом об-ве, взаимодействие лит-ры и изобразительных искусств, тайны творчества, проблема зависти в иск-ве. Этот круг тем был выдвинут на передний план и воплощен в ярких образах и сюжетах в книгах Вакенродера и Т. По мнению М. П. Алексеева, П., дружески общавшийся с моск. «любомудрами» и ценивший, хотя и не разделявший полностью, их искреннюю увлеченность нем. лит-рой (см. рец. П. на альманах «Денница» — Акад. XI, 103), «несомненно знал книгу Вакенродера» (Пушкин. 1935. Т. 7. С. 540). Нек-рые подробности включенной в книгу повести Вакенродера о гениальном музыканте Иосифе Берглингере были, как считал ученый, использованы П. в истории творческого развития Сальери («Моцарт и Сальери» (1830), ст. 4—31, 49—54). Тот же исследователь отметил определенное сходство проблематики повести о Берглингере и пушк. трагедии о Моцарте, а именно противопоставление гениальной одаренности прилежанию художника, творчества гения — рационалистическому подходу к иск-ву, а также проблему зависти к гению. Пушк. тема свободы творчества («Египетские ночи», 1835) вполне могла быть подкреплена знакомством П. с «Фантазиями об искусстве». Косвенно это подтверждается тем, что поднятая Вакенродером и Т. тема вдохновения очень занимала рус. литераторов пушк. эпохи. Вакенродер в своей книге сочинил «легенду» о явлении Рафаэлю девы Марии, после чего тот якобы и написал знаменитый алтарный образ, известный потом как «Сикстинская мадонна». Сюжет «легенды» был вдохновенно пересказан Жуковским в статье «Рафаэлева Мадонна» (ПЗ

1824. С. 243—244), и цитированная им в этой связи из еще не опубликованных своих ст-ний «Лалла Рук» (1821) и «Я Музу юную бывало...» (1823) поэтическая формула «гений чистой красоты» вошла вместе с мотивом явления прекрасной женщины в рус. поэзию, включая пушк. лирику: «К ***» («Я помню чудное мгновенье...») (1825), «Ее глаза» (1828), «Мадона» (1830).

П. не оставил без внимания шекспиризм Т. и его умение эффектно использовать в лит-ре ист. материал. В б-ке П. сохранились 4 тома фр. полн. собр. соч. писателя с повестью «Шекспир и его современники» (*Œuvres complètes de L. Tieck. Contes d'Artiste. Première livraison. Shakespeare et ses contemporains. Paris, 1832*; загл. в подлиннике: «Dichterleben» («Жизнь поэта», 1826), а также фр. пер. ист. повести Т. «Шабаш ведьм» (*Le sabbat de sorcières. Paris, 1833*; оригинал: «Hexensabbat», 1832) (Библиотека П. № 1437, 1438). Все книги разрезаны, но заметок нет.

Имя Т. упоминается в дневниковой записи П. под датой 14 дек. 1833, когда поэт присутствовал в квартире Жуковского на публичном выступлении нем. декламатора Карла (?) Кизеветтера, заявлявшего в Петербурге, что он «ученик Тиков». Аффектированная манера исполнения (Кизеветтер читал «Фауста» Гете), в сопровождении музыки, не понравилась П. (Акад. XII, 317). Еще одним соприкосновением П. с творчеством Т. стало его знакомство со сб. поэта и переводчика А. А. Шишкова «Избранный немецкий театр» (М., 1831). П. получил от Шишкова в подарок сначала два первых тома этого изд. (письмо Шишкова от 6 окт. 1831 — Акад. XIV, 231), а потом, видимо, два следующих (Библиотека П. № 427) и в третьем обратил внимание на пер. пьесы-сказки Т. «Фортунат» («Fortunatus», 1816), написанной на основе нем. нар. книги. «Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обнимите его за меня. Дай Бог ему здоровье за Фортуната!» (М. П. Погодину, 11 июля 1832 — Акад. XV, 28). Выраженная Шишковым в предисл. к пер. этого произв. надежда на то, что рус. поэзия будет черпать сюжеты из нар. творчества, как делает это «настоящий романтик» Т., не могла не вызвать у П. сочувствия. Впоследствии все пер., сделанные Шишковым из Т., вошли в ч. 4 посмертного изд. «Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова» (СПб., 1834), вышедшего в свет при содействии П. Фольклорный по происхождению сюжет (появление мертвого жениха на свадьбе невесты) был положен в основу новеллы Т. «Незнакомец» («Der Fremde», 1796), пер. к-рой был напечатан в ЛГ (1830. Т. 2. № 47, 19 авг. С. 81—85). Неизвестный переводчик неск. приглушил черты «страшной» фантастики, сделал слог чуть проще и жизненные детали чуть реальнее, но сохранил выразительность и психол. убедительность оригинала. Такая переработка текста приблизила рус. пер. новеллы Т. к принципам пушк. прозы, показав, какие именно черты стиля Т. могли быть интересны П. и читателям из его окружения.

Лит.: *Алексеев М. П.* 1) Бетховен в русской литературе // Русская книга о Бетховене. М., 1927. С. 158—184; 2) «Моцарт и Сальери»: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 523—543; 3) Пушкин и Шекспир // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 265—266.; 2-е изд. С. 278—279; *Данилевский Р. Ю.* 1) Пушкин и Кизеветтер // Врем. ПК. 1970. С. 45—50; 2) Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1975. С. 88—89, 95—97; 3) Заметки о темах западноевропейской живописи в русской литературе // Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исслед. и материалов. Л., 1986. С. 281—291; *Зусман В. Г., Сапожков С. В.* Драматическая сказка Л. Тика «Фортунат» в оценке Пушкина // Изв. ОЛЯ. 1989. Т. 48. № 3. С. 276—282.

М. Ю. Коренева, Р. Ю. Данилевский

ТОМСОН (Thomson) Джеймс (1700—1748), англ. поэт, приобретший европ. славу написанной белым стихом описательно-дидактической поэмой «Времена года» («The Seasons», 1726—1730), отличительной особенностью к-рой и гл. достоинством были обилие, новизна и свежесть описаний приро-

ды в разнообразных ее состояниях на протяжении года. В России стал известен к нач. 1780-х гг. обр. через посредство фр. пер., служивших источниками многих рус. пер. в 1781—1811. Рус. читателей и переводчиков привлекали во «Временах года» почти исключительно описательные элементы в ущерб науч.-дидактическим. Поэма Т. способствовала развитию чувства природы у писателей, проникнутых идеями и настроениями сентиментализма, в т. ч. у Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, к-рые сами из нее переводили. После 1808, когда появился пер. Жуковского, популярность Т. в России пошла на убыль, и он был заслонен фр. поэтами, писавшими по его стопам в том же жанре. П. упомянул Т. лишь дважды, в ранних стихах и с ударением на последнем слоге, что свидетельствует о фр. произношении фамилии. В послании «К сестре» (1814) Т. назван вместе с *Т. Греем* как певец природы, с к-рым читатель «проносится» «мечтой В поля, где от дубравы В дол веет ветерок, И шепчет лес кудрявый, И мчится величавый С вершины гор поток...» (ст. 33—39); в «Записке к Жуковскому» («Штабс-капитану, Гете, Грею...», 1817—1820) антономасия «Томсон» подразумевает Жуковского — переводчика Т. Отмечено тематическое и лексическое сходство прозаич. записи плана продолжения ст-ния «Пора, мой друг, пора! [Покоя] сердце просит...» (1834): «О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню...» (Акад. III, 941) — со стихами 1161—1164 заключительной части томсоновской «Весны». В б-ке П. сохранился экз. «Времен года» на англ. яз. в изд. 1820 (Библиотека П. № 1436).

Лит.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исслед. и материалы. Л., 1990. С. 168—181, 218—220; Струве М., Струве Н. Из русско-английских литературных связей: Пушкин и Томсон // Моск. пушкинист. Вып. 10. С. 120—123.

В. Д. Рак

У

УОЛПОЛ, Вальполь (Walpole) Гораций (1717—1797), англ. писатель, историк, теоретик лит-ры и иск-ва. В б-ке П. имелось два изд. в подлиннике «готического» романа У. «Замок Отранто» («The Castle of Otranto», 1765), из к-рых первое было приобретено, видимо, не ранее конца 1820-х (Библиотека П. № 567 (Vol. 5), 590); это произв., положившее начало популярному в конце XVIII—первых десятилетиях XIX в. жанру «романа тайн и ужасов» («черному роману»), прошло, однако, мимо внимания П., как и вообще рус. об-ва. У. интересовал П. и был ему известен как лит. деятель эпохи англ. преромантизма, знаток древностей, арбитр лит. вкуса. Источниками сведений об У. служили П. переписка *Вольтера*, какие-то, возможно, печатные материалы в б-ке Воронцова, позднее — вступ. статьи (в т. ч. *В. Скотта*) к «Замку Отранто», два тома собр. писем, мелких произв. У. и биогр. мат-лов о нем «Walpoliana» (Библиотека П. № 1499—1500) и др. Полемика между У. и Вольтером о *Шекспире* (авторское предисл. ко 2-му изд. «Замка Отранто», письмо Вольтера к У. от 15 июня 1768) учитывалась П. в 1825 и позднее при выработке теории «истинно романтической» драматургии; в частности, ею подсказано замечание в «⟨Письме к издателю „Московского вестника“⟩» (1828) в контексте противопоставления полной злободневных аллюзий соврем. фр. драматургии и лишенной их «трагедии истинной», примером к-рой П. называет «Британника», где *Расин* «изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах, как Юм или Walpole (не помню кто) замечают о Шекспире в подобном случае» (Акад. XI, 69). В статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) П. упомянул У. в числе «возвышенных умов» Англии, приветствовавших Энциклопедию (Акад. XI, 272). Вместе с тем ему было известно критич. отношение У. к *Ж.-Ж. Руссо* и *Д'Аламберу* (D'Alambert, 1717—1783) и его роль зачинщика «спора философов», обострившего разногласия между участниками Энциклопедии; отголоски этого спора с позиции У. звучат в полемике о французах между П. и П. А. Вяземским на стр. рукописи последнего «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» (1832). В 1836, указывая, в опровержение мнения о поддельности «Слова о полку Игореве», что пастиши легко распознаются знатоками, П. сослался на У., к-рый «не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха ⟨Rowley⟩» (Акад. XII, 147; ср. там же, с. 388).

Лит.: Ваууро В. Э. Уолпол и Пушкин // Врем. ПК. 1967/1968. С. 47—57 (То же, с изменениями // Ваууро В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 36—51).

В. Д. Рак

Ф

ФАЗИЛ-ХАН ШАЙДА (псевд.; Фазил-хан — образованный, ученый; Шайда — безумно влюбленный; наст. фамилия — Мохамедхан; имя в молодости — Мулла Фатхалла; 1783 или 1784—1852), перс. поэт. Присутствовал на подписании Туркманчайского договора в 1828, когда, вероятно, познакомился с участвовавшим в процедуре А. С. Грибоедовым. В качестве воспитателя принца Хосров-мирзы сопровождал его «искупительную миссию», посланную шахом в Петербург для принесения извинений рус. пр-ву в связи с гибелью Грибоедова. 24 мая 1829 на Военно-Грузинской дороге около селения Казбек с миссией встретился ехавший в действующую армию П. Между ним и Ф. состоялась через переводчика беседа, о к-рой рассказано в гл. I «Путешествия в Арзрум» (Акад. VIII, 452—453). Главным оставшимся от нее у П. впечатлением было то, что на «высокопарное восточное приветствие», начатое им в «важно-шутливом» тоне, Ф. отвечал с «простою, умной учтивостию порядочного (т. е. принадлежащего к „хорошему обществу“, благовоспитанного) человека». Убедившись в своем ошибочном представлении о культуре общения на Востоке, П. вынес для себя урок не «судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям». Из беседы П. также понял, что Ф. было известно его имя.

Под впечатлением от встречи П. начал писать, но оставил в виде неск. недоработанных строк незавершенного черновика посвященное Ф. ст-ние «Благословен твой подвиг новый...» (пометы в автографах: «25 мая Коби» и «Душет 27 мая»), выразив в нем надежду на то, что, прибыв в Петербург, перс. поэт «на северных снегах» рассыплет «цветы фантазии восточной». От своих собеседников в действующей армии П. мог узнать какие-то сведения о Ф., с к-рым ему более не случилось встретиться, т. к. в Петербург он вернулся (9—10 ноября 1829) уже после того, как миссия отправилась в обратный путь (17 или 18 окт.). Единственным произв. Ф., к-рое, м. б., читал П., был пер. его касыды в честь Николая I (Перевод оды, сочиненной в Ст.-Петербурге Фазиль-Ханом-Шейда, поэтом принца Хозрева Мирзы, для поднесения государю императору. 1829 года // Подснежник на 1830 год. СПб., 1830. С. 49—53).

Лит.: *Вейденбаум Е. Г.* Примечания и объяснения к «Путешествию в Арзрум» и хронологическая канва к путешествию А. С. Пушкина на Кавказ в 1829 году // Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899. С. 50—51; *Попов А. В.* Из кавказских встреч А. С. Пушкина: 1. Фазиль-хан Шейда // Пушкинский сборник. Ставрополь, 1949. С. 5—8 (Тр. Ставропольского гос. пед. ин-та. Вып. 4); *Розенфельд А. З.* 1) А. С. Пушкин в персидских переводах // Вестн. ЛГУ. 1949. № 6. С. 81—83; 2) Персидский поэт XIX в. Фазил-хан Шайда: (К встрече Пушкина с миссией Хосров-мирзы и к русско-иранским культурным отношениям) // Средневековый Восток: История, культура, источниковедение. М., 1980. С. 226—230, 313—318; *Рафили М. М.* Ф. Ахундов: Жизнь и творчество. Баку, 1957. С. 58—62; *Белкин Д. И.* 1) Встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазыл-ханом Шайда // Литературные связи и традиции: Межвуз. сб. Горький, 1974. Вып. 4. С. 179—186; 2) Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного

Востока: Сб. ст. М., 1979. С. 184—185; *Кусов Г. И.* Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. 2-е изд., доп. Орджоникидзе, 1987. С. 149—156; *Шейман Л. А., Соронкулов Г. У.* «...В горах Кавказа судьба соединила нас»: (Пушкин и персидский поэт Фазиль-хан) // Шейман Л. А., Соронкулов Г. У. Пушкин и его современники: Восток—Запад: Очерки. Бишкек, 2000. С. 174—191 (Предыдущий вар.: «Благословен твой подвиг новый...»: (Пушкин и Фазиль-хан) // Рус. яз. и лит. в школах Кыргызстана. 1998. № 1 (231). С. 115—129).

В. Д. Рак

ФЕНЕЛОН (Fénelon) Франсуа де Салиньяк де Ла Моге– (Salignac de La Mothe–) (1651—1715), фр. писатель и религ. деятель, наставник дофина, с 1695 архиепископ Камбрэ (Cambrai). Соч. Ф., как светские, так и религиозные, были признаны совершенным образцом фр. классической прозы; его «Трактат о воспитании девиц» («*Traité de l'éducation des filles*», 1687, рус. пер. 1763) стал на многие десятилетия основополагающим руководством, а филос.-полит. и воспитательный роман «Приключения Телемака» («*Les aventures de Télémaque*», 1699; рус. пер. 1734, изд. 1747) пользовался огромной популярностью на протяжении всего XVIII в. как содержащий критич. анализ разных форм гос. устройства и глубокое изложение принципов просвещенной монархии, а также представлявший собою живое, занимательное худож. повествование о разных странах античности и людях того времени. Произв., написанные Ф. для своего воспитанника, герцога Бургундского: «Похождения Аристоноя» («*Les aventures d'Aristonoüs*», 1699; рус. пер. 1766), «Диалоги мертвых» («*Dialogues des morts*», изд. 1712; рус. пер. 1768), «Басни» («*Fables*», изд. 1718; рус. пер. 1768) и «Похождения Телемака» — входили в круг обычного детского и юношеского чтения, и П. читал их еще, м. б., до Лицея и, несомненно, в Лицее. Сохранился экз. «*Fables*» (Paris, 1809) с его владельческой надписью и пометами-крестиками, указывающими, видимо, отрывки, к-рые он должен был в нач. 1810-х заучивать наизусть (позднее Н. Н. Пушкина подарила эту книгу своей сестре Е. Н. Гончаровой) (Библиотека П. Прилож. к репринт. изд. С. 112).

К.-л. отзвуки, реминисценции, цитаты и т. п. из соч. Ф. в произв. П. отсутствуют; лишь в гл. III «(Арапа Петра Великого)» упоминается персонаж «Приключений Телемака» Ментор для создания ист. колорита: употребляя его имя в нарицательном смысле, Корсаков рисуется своей осведомленностью в новейшей фр. словесности (Акад. VIII, 15). Вместе с тем П. держался очень высокого мнения о творчестве и личности Ф. В статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) он назвал Ф. в числе «созвездия гениев», явившихся во Франции в конце XVII в. (Акад. XI, 270; ср. отзыв в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836) — Акад. XII, 69), а в рец. «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» (1836) писал, что Ф. «в высшей степени» принадлежит «к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения*» (Акад. XII, 99). В контексте своих размышлений об отношениях писателя и власть имущих, а в связи с этим о сервиллизме великих фр. писателей эпохи Людовика XIV (*П. Корнеля, Ж. Расина, Мольера, Н. Буало*) П. выделил из них Ф., подвергнувшего в «Похождениях Телемака» критике установления абсолютной монархии и за это впавшего в немилость у «короля-солнца»: «...сладкозвучный епископ в книге, исполненной смелой философии, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование» (Акад. XII, 271).

8 ноября 1835 П. приобрел три тома собр. соч. Ф. (Paris, 1835) (Акад. XVI, 96), к-рые остались неразрезанными (Библиотека П. № 914).

Лит.: *Модзалевский Л. Б.* Неизвестный автограф Пушкина // Лит. архив. Т. 1. С. 157; *Домбровский Ю.* «И я бы мог...»: Заметки и размышления писателя // НМ. 1975. № 12. С. 206.

В. Д. Рак

ФИЛЬДИНГ, **ФИЛДИНГ** (Fielding) Генри (1707—1754), англ. писатель, сатирик, один из основоположников реалистического романа эпохи Просвещения. Впитавшие традиции «Дон Кихота» *Сервантеса* и плутовского романа, в частности «Жиль Бласа» *А.-Р. Лесажа*, представлявшие широкую панораму нравов и жизни всех слоев англ. об-ва, романы Ф. «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга мистера Абраама Адамса» («The History of the Adventures of Joseph Andrews and his Friend Mr Abraham Adams», 1742), «История Тома Джонса, найденныша» («The History of Tom Jones, a Foundling», 1749), к-рым автор дал жанровое определение «комедийной эпической поэмы в прозе» («comic epic poem in prose»), «героико-историко-прозаической поэмы» («heroic, historical prosaic poem»), пользовались огромной популярностью в XVIII в., переводились на многие европ. яз. и служили образцом для целого потока подобных произв. в разных лит-рах. В б-ке П. имелось однотомное собр. романов Ф. (London, 1821 — см.: Библиотека П. № 567. Vol. 1), приобретенное, видимо, после 1825. Характерная ошибка, допущенная в письме к Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля (после 19) 1825, свидетельствует о том, что в то время представление П. о творчестве англ. писателя было несомненно, т. к. основывалось на знакомстве с фр. (менее вероятно — рус.) переводами. Упомянутая «педантов и моряков в старых романах Фильдинга» как пример «замашки», выражающейся в том, что «когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, все носит отпечаток данного характера» (Акад. XIII, 197; подлинник по-фр.), П. имел в виду роман англ. писателя Тобайаса Смоллетта (Smollett, 1721—1771) «Приключения Родерика Рэндома» («The Adventures of Roderick Random», 1748), к-рый во фр. (1761), а вслед за ним и в рус. (1788) пер. был приписан Ф. Отмеченная П. особенность ярко проявляется, например, в гл. 10 этого произв., где содержатель придорожной таверны, бывший школьный учитель («педант»), пересыпает свою речь латинскими фразами. Др. конкретных оценок творчества Ф. у П. не существует, но в последующие годы он четырежды назвал его в ряду знаменитых писателей. В белой рукописи гл. V «Евгения Онегина» (1826) ст. 9 строфы 22 читался: «Ни Скотт, ни Филдинг, ни Сенека» (Акад. VI, 605). В статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831) Ф. сопоставлен с *Ж. де Лабрюйером* (Акад. XI, 213—214), в письме к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (1831) о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя — с *Мольером* как сатирик (Акад. XI, 216), а в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) упомянут как писатель, поддерживавший в XVIII в. вместе с *С. Ричардсоном* и *Л. Стерном* в Англии «славу прозаич. (еского) романа», развивая в этом жанре традиции фр. лит-ры (Акад. XI, 272).

Лит.: *Елистратова А. А.* Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966. С. 242; *Соколянский М. Г.* Литература английского Просвещения в оценках Пушкина // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 1 (10). С. 56—57 (То же под загл.: Литература английского Просвещения в критическом обиходе Пушкина // Соколянский М. Г. И несть ему конца: Ст. о Пушкине. Одесса, 1999. С. 23—25).

В. Д. Рак

ФЛОРИАН (Florian) Жан-Пьер Кларис (Clariss) де (1755—1794), фр. писатель. Соч. Ф. (пасторали, басни, комедии, новеллы, романы) были хорошо известны в России и прочно входили в лит. обиход конца XVIII—нач. XIX в. Большинство произв. Ф. были переведены на рус. яз., нек-рые неоднократно; басни Ф. переводили И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, А. Д. Илличевский. Для П. уже в нач. 1820-х Ф. — явление архаическое, к-рому вместе с «французской поэзией робкой и жеманной» суждено быть вытесненным англ. словесностью и уронить вместе с собою лит. репутацию И. И. Дмитриева, взявшего у него свои «чувства и мысли» (письмо к

Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 — Акад. XIII, 40). П. отмечает, что в свое время читатели, «воспитанные на Флориане», не смогли оценить и принять новаторство П. А. Катенина в балладе «Убийца» (1815) («Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», 1833 — Акад. XI, 221). В плане статьи «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) Ф. назван среди «бездарных пигмеев» фр. лит-ры, к-рые в XVIII в. «овладевают русск.<ой> сл.<овесностью>» (Акад. XI, 495).

Басня Ф. «Путешествие» («Le Voyage»), хорошо, без сомнения, известная П. как в подлиннике, так и в пер. И. И. Дмитриева, могла входить в лит. фон ст-ния «Телега жизни» (1823), наряду с др. произв. мировой лит-ры, в к-рых развивалась та же тема и использовались сходные образы.

Лит.: *Донская С. Л.* К истории стихотворения «Телега жизни» // ПИМ. Т. 7. С. 215—220; *Keil R.-D.* Puškin et Florian // RdES. 1987. Т. 59. № 1/2. P. 45—49.

Л. И. Вольперт

ФОНТЕНЕЛЬ (Fontenelle) Бернар Ле Бовье (Le Bovier) де (1657—1757), фр. писатель, философ, популяризатор науки, предшественник просветителей. Богатое и разнообразное в содержательном и жанровом отношении творческое наследие Ф. включало худож. произв. (идиллии, трагедии и пр.), лит.-критич. труды и науч.-популярные соч.; из числа последних, отличавшихся простым, общедоступным изложением сложных науч. предметов изящным языком салонной беседы, самым известным, принесшим Ф. славу, были «Беседы о множественности миров» («Entretiens sur la pluralité des mondes», 1686). П. видел в Ф. прежде всего и гл. обр. философа, что явствует из окружения, в к-ром Ф. упомянут в первом черн. вар. строфы 22 гл. VII «Евгения Онегина» (Акад. VI, 438), где перечисляются любимые авторы Онегина (Д. Юм (Hume, 1711—1776), У. Робертсон (Robertson, 1721—1793), Ж.-Ж. Руссо, Г. Мабли (Mably, G. Bonnot de, 1709—1785), П.-А. Гольбах (Holbach, P.-H. Thiry, baron d', 1723—1789) и др.). В «(Арапе Петра Великого)» (гл. I) для создания ист. колорита Ф. называется в паре с «Монтескье» (*Монтескьё*) (Акад. VIII, 4) в числе знаменитостей, чьими разговорами «одушевлялись» ужины, на к-рых присутствовал герой романа. В то же время Ф. должен был, по-видимому, привлекать внимание П. и как участник «спора древних и новых» на стороне последних, противник *Ж. Расина* и одновременно апологет своего дяди *П. Корнеля*, о чем свидетельствует знакомство П. с «Жизнью Корнеля» («*Vie de P. Corneille*», публ. 1785) Ф. и упоминание в указанном выше перечне другого участника «спора древних и новых», друга Ф. поэта А. Удара де Ла Мота (Houdar de La Motte, 1672—1731). Поэзию Ф. вслед за *Ж.-Ф. де Лагарпом* П. ставил невысоко: чтение Онегина «без разбора» в ожидании ответа Татьяны (гл. VIII, 35) включало первонач., согласно беловой рукописи, «идиллии Фонтенеля» (Акад. VI, 633), однако сочтя, вероятно, обращение к ним слишком сильным проявлением равнодушия и безразличия героя, П. несколько смягчил его настроение, заменив «идиллии» на «творенья» (Акад. VI, 183), к-рые читатели безусловно ассоциировали с науч.-популярными трактатами этого автора.

В письме к П. А. Вяземскому от 1 сент. 1822 П. цитировал Ф. (Акад. XIII, 44), а в редакционном примеч. к статье А. И. Тургенева «Париж. (Хроника русского)» (Совр. 1836. Т. 1) указал на принадлежность ему приведенной из «Жизни Корнеля» цитаты, автора к-рой Тургенев не помнил (Акад. XII, 185). Замечание П. в наброске «(О прозе)» (1822) о насмешке Вольтера над «изысканностью тонких выражений» Ф. (Акад. XI, 18) восходит к «Лицею» Лагарпа. В б-ке П. имелось собр. соч. Ф. (Библиотека П. № 921—923).

Лит.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 39, 45—46 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 126, 140—141).

Л. И. Вольперт

Фосс (Voß) Иоганн Генрих (1751—1826), нем. поэт, входивший в круг молодых геттингенских литераторов, объединившихся в 1772 в «Союз роши» (см. с. 71). Автор многочисленных идиллий, из к-рых самая знаменитая — «Луиза» («Luise», 1783—1784), стихов и песен в нар. духе, издатель известного в те годы «Геттингенского альманаха муз» («Göttingener Musenalmanach»), Ф. прославился прежде всего как переводчик антич. лит-ры: ему принадлежат пер. на нем. яз. произведений *Гесиода*, *Эхила*, *Аристофана*, *Горация*, *Вергилия*, *Овидия*, *Проперция* и др. Особо ценился современниками его полный гекзаметрический пер. «Одиссеи» (1781) и «Илиады» (1793). Пушкин знал о Ф. как о переводчике, равным к-рому в России был, по его мнению, только В. А. Жуковский, названный им в письме к П. А. Вяземскому от 25 мая и ок. сер. июня 1825 «гением перевода» (Акад. XIII, 183).

Лит.: И. Г. Фосс: [Некролог] // МТ. 1826. Ч. 10. № 14. [Отд.] IV. Современные летописи. С. 180—181.

М. Ю. Коренева

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Место французской культуры в жизни и творчестве Пушкина. Роль фр. культуры в жизни и творчестве П. несоизмерима с ролью какой бы то ни было другой иностр. культуры. Различие здесь не только количественное, но гл. обр. — качественное. Фр. лит-ра для П. не была, подобно, напр., ит. или англ., только совокупностью произв., в той или иной мере достойных внимания, изучения и подражания. Фр. лит-ра являлась той культурной средой, в к-рой воспитывалось пушк. поколение. Франция была, кроме того, посредницей между рус. читателями и всей мировой лит-рой. Для П. фр. яз. был вторым родным языком. Именно во фр. пер. П. читал ит. авторов, хотя мог читать их в подлиннике; по-фр. П. читал *Байрона*, *В. Скотта* и *Шекспира* в период своего увлечения ими и лишь позднее изучил англ. яз. настолько, что мог свободно читать на нем; по-немецки П. читать не любил и тоже во фр. пер. читал *А. В. Шлегеля*, а позднее *Э. Т. А. Гофмана*, *Г. Гейне*, *Жан-Поля* и даже сказки братьев Гримм. Антич. и вост. авторы были известны П. преимущ. во фр. пер. Даже славян. поэзию П. считал возможным брать во фр. интерпретации *П. Мериме*. Франция была передатчицей иных культур, иных нац. ценностей. Но эта передача не была механической. Дело не в том, что П. лучше понимал по-фр., чем на иных языках, и потому принужден был обращаться к фр. пер. Дело в том, что самое обращение его к тому или иному факту иноязычной лит-ры подсказано было интересом к этому факту, возникшему во фр. среде. Франция не просто передавала П. те или иные ценности — она его заражала интересом к этим ценностям, возбуждала внимание к ним.

Культурная и общественная среда, в к-рой рос и воспитывался, жил и творил П., неизбежно вела его к ближайшему знакомству с фр. интеллектуальной жизнью. Здесь влияло и предшествующее развитие рус. лит-ры, носившее на себе глубокие следы воздействия фр. традиций, к-рым подвергались, впрочем, и другие нац. лит-ры XVIII в. Здесь сказался быт рус. дворянства, к-рый с екатерининских времен испытывал сильное влияние Франции, в результате чего для многих представителей рус. дворянского об-ва родным языком наравне с русским был французский. Со времени революции Франция привлекала к себе обостренное, особо пристальное внимание. Исключительна осведомленность П. и его современников в фактах фр. жизни, начиная с быта и явлений, казалось бы, местного фр. значения и кончая лит-рой, политикой и всеми проявлениями интеллектуальной жизни. Фр. газ. и ж-лы являлись для русских предметом такого же повседневного чтения, как и русские. Во Франции возникали и созревали в обстановке напряженной борьбы те идеологические системы, к-рые указывали пути развития для других европ. государств.

Необходимо учитывать впечатления П. от полит. событий, к-рые возбуждали его внимание ко всему происходившему во Франции. Его детство протекало в обстановке воен. и полит. событий империи Наполеона, и они должны были стать его первыми детскими впечатлениями от полит. разговоров старших. Почти все годы, проведенные в Лицее, прошли в обстановке войны 1812 и последующих воен. и дипломат. событий. Лицейисты были свидетелями отправления войск в поход; они находились под угрозой фр. оккупации и готовились к эвакуации из Царского Села, они были свидетелями возвращения гвардии из заграничного похода; их ближайшими друзьями вне Лицея были гусары, вернувшиеся из-за границы, своими рассказами пробудившие в них полит. мысль. На них действовали обстановка ликвидации режима Наполеона и последних следов революции, переход европ. гегемонии от Франции к союзу монархов с Александром I во главе. Во всех этих впечатлениях Франция играла первую роль. Естественно было внимание к фр. мысли и фр. лит-ре. В эти годы интересы политики и лит-ры были нераздельны. Многие полит. деятели той эпохи (*Ж. де Сталь*, *Б. Констан* и *Ф.-Р. де Шатобриан*) были одновременно и крупными писателями в области худож. лит-ры; явлений полит. нейтралитета почти не наблюдалось, и всякое лит. течение связывало себя с той или иной формой полит. и филос. мышления. Полит. борьба и столкновения лит. направлений протекали в одном русле. Поэтому полит. интересы не притупляли восприятия фактов худож. лит-ры; кстати сказать, и границы худож. лит-ры и публицистики в эти годы были неск. иные, чем впоследствии, и во всяком случае менее четкие.

По выходе П. из Лицея стимулы, возбуждавшие его внимание к полит. и лит. событиям фр. жизни, не ослаблялись, а, наоборот, возрастали. Перестав быть учеником, П. сам выступает активно и в лит-ре, и в области политики. Завязывается тесная связь с деятелями тайного об-ва. Роль фр. публицист. мысли в формировании полит. убеждений будущих декабристов была велика. Они изучали как классиков, вроде *Монтескьё*, так и современных мыслителей и деятелей: имена *Ж. де Сталь*, *Б. Констан* и др. пользовались почетом и авторитетом. Небесследно для П. прошло увлечение экономическими системами *Ж.-Б. Сея* (*Say*, 1767—1832) и *Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди* (*Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de*, 1773—1842). Но П. был не только автором полит. ст-ний, вызвавших его высылку на юг. Он был также творцом «*Руслана и Людмилы*», а после 1820 становится признанным вождем рус. романтизма.

Тем самым П. делается участником романтической полемики, как прежде он был участником полемики арзамасской. Рус. полемика находилась в зависимости от полемики французской. Новые лит. группировки Франции, полемика, развивавшаяся в 1820-е в ж-лах, газетах, лит. манифестах, на театр. подмостках, завлекают П. все больше и больше. Не только в обстановке европ. порто-франко Одессы, но и в ссылке на севере он внимательно следит за событиями фр. жизни. В черновике и в белой рукописи гл. I «*Евгения Онегина*» (строфа 5) содержится отзвук по свежим следам разговоров об исключении в 1823 из палаты депутатов члена оппозиции *Ж.-А. Манюэля* (*Manuel*, 1775—1827) (Акад. VI, 217, 545). В белой рукописи «*Графа Нулина*», черновике «*Евгения Онегина*» (гл. IV, 43), письмах к П. А. Вяземскому (1 сент. 1822) и к брату (конец янв.—1-я пол. февр. 1825) упоминаются публицист. соч. другого деятеля оппозиции аббата *Прадта* (*Pradt*, *D. Dufoing de*, 1759—1837), с к-рыми П. был, видимо, хорошо знаком (Акад. V, 167; VI, 91; XIII, 44, 143). В «*Письме к издателю „Московского вестника“*» (1828) говорится об отзывах во фр. лит-ре о главе фр. пр-ва в 1822—1827 *Виллеле* (*Villèle*, *J.-B.-S.-J., comte de*, 1773—1854) (Акад. XI, 68). В 1825 П. с нетерпением ожидал присылки ему мемуаров бывшего министра полиции *Ж. Фуше* (*Fouché*, 1763—1820) (письма к брату от конца янв.—1-й пол. февр., 14 марта, 22 и 23 апр.; письмо к П. от П. А. Плетнева, 26 сент. — Акад. XI, 142—143, 151, 163, 235). П. был в курсе не только крупных полит.

событий, но и мелочей фр. быта, в т. ч. театр. новостей. Никогда не выезжавший из России, он тем не менее отлично знал, что происходило во Франции. Газет, рассказов приезжавших из Франции было достаточно для него, чтобы интенсивно жить интересами Парижа.

Интерес П. к Франции, достаточно интенсивный в годы романтической полемики, еще более усиливается после 1830, когда события Июльской революции и ее последствия привлекают его особенное внимание. В письмах П. этих лет неоднократно упоминаются по разным поводам ведущие фр. полит. деятели того времени, как-то: Лафайет (La Fayette M.-J.-P.-R.-Y.-G. Motier, marquis de, 1757—1834), Полиньяк (Polignac J.-A.-A.-M., prince de, 1780—1847), Ф.-Р. де Ламенне (Lamennais, 1782—1854; П. имел сб. его публицист. статей, изд. 1835 — Библиотека П. № 1069), Мартиньяк (Martignac J.-B.-S. Gaye, vicomte de, 1776—1832), Мортемар (Mortemart C.-L.-V. de Rochechouart, duc de, 1787—1875) и др. В переписке П. 1830—1831 с П. А. Вяземским присутствуют отзвуки обсуждения событий Июльской революции и споров на эти темы. Одна из бесед состоялась 8 дек. 1831 в присутствии А. И. Тургенева, к-рый записал в своем дневнике, что речь шла «об Англии, Франции, их интеллектуальной жизни и пр. (...) Спор Вяземского с Пушкиным: оба правы» (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 167). Последняя фраза имеет в виду несогласие собеседников относительно событий в Польше, при обсуждении к-рых неизбежно затрагивался вопрос о реакции на них фр. об-ва. Парижские письма А. И. Тургенева в ж-ле П. «Современник», содержавшие в себе европ. полит. хронику, свидетельствуют о том, что интересовало П. и его круг в жизни Франции. Показателен интерес П. к книге англ. писательницы Ф. Троллоп (Trollope, 1780—1863) «Париж и парижане в 1835 году» («Paris and the Parisians in 1835», 1836), к-рую он читал во фр. пер. (Библиотека П. № 1449) и из к-рой заимствовал новомодное в парижском свете слово «гососо» (Акад. XII, 79).

Книги на фр. яз. составляли больше половины б-ки П., превышая по количеству не только число книг на каком-нибудь отдельном другом яз. (в том числе и рус.), но и все инояз. книги в сумме. Но книги его собственной б-ки не исчерпывают всего им прочитанного. П. постоянно искал книги, брал их у знакомых, рылся в б-ках и т. д. Так, в Петербурге Е. М. Хитрово постоянно поставляла ему фр. газеты, ж-лы и новые романы, получавшиеся через ее зятя — Ш.-Л. Фикельмона (Fiquelmont, 1777—1857), австр. посланника (в т. ч. запрещенное полит. цензурой собр. соч. Г. Гейне во фр. пер.). По-видимому, П. пользовался услугами своих друзей, в частности С. А. Соболевского и А. И. Тургенева, для получения книг, к-рых не мог ему доставить книжный магазин Беллизара. Вообще же непосредственных связей с Францией у П. не было, хотя в числе его друзей и знакомых были люди, непосредственно близкие к лит. кругам Франции и служившие посредниками между ним и фр. писателями. Таковым был Соболевский, через к-рого П. сносился с Мериме, к числу таких же посредников, по-видимому, принадлежал атташе рус. посольства в Париже кн. Э. П. Мещерский, пропагандировавший во Франции рус. лит-ру. В б-ке П. находится одна книга фр. поэта Антони Дешана (Deschamps, 1800—1869), подаренная автором Мещерскому, а им переданная Пушкину (Библиотека П. № 867). Что касается непосредственных встреч П. с фр. писателями, то следует назвать историка Баранта (Barante, A.-G.-P. Brugière, baron de, 1782—1866), находившегося в Петербурге в качестве фр. посла, и Ф.-А. Лёве-Веймара (Loeve-Veimars, 1801—1854), с к-рым П. встречался незадолго до дуэли.

Близко к сердцу принимал П. фр. информацию о рус. лит-ре, о чем свидетельствуют, напр., его статья «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825) и письмо к П. А. Вяземскому (от 27 мая 1826) по поводу приезда в Россию Ж.-А. Ансело.

Из критич. статей П., увидевших свет при его жизни, вопросов фр. лит-ры касаются (кроме упомянутой выше «О предисловии г-на Лемонте...»): «О г-же Сталь и о г. А. М-ве» (1825), рец. (1831) на сб. Ш.-О. Сент-Бёва «Жизнь, поэ-

зия и мысли Жозефа Делорма» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme», 1829) и «Утешения» («Les Consolations», 1830), где дана оценка романтической школе в лирике. Неск. мелких заметок об отд. фр. писателях и лит. произв. П. напечатал в ЛГ (1830): «(О переводе романа Б. Констана „Адольф“»)», «(О записках Самсона)», «(О записках Видока)». Ряд начатых и намеченных статей остались неосуществленными: «О французской словесности» (1822?), «(Об Андре Шенье)» (1825), «(Об Альфреде Мюссе)» (1830), «(Начало статьи о В. Гюго)» (1832), «О новейших романах» (1832), «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»)» (1836).

Особое значение имеет напечатанная в ж-ле «Современник» статья «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836). Здесь содержится защита фр. романистов новой школы от полит. нападков Лобанова. Но наибольшее значение для суждения о критич. и историко-лит. взглядах П. применительно к фр. лит-ре имеет оставшаяся в рукописи его статья «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834), для к-рой он отчасти воспользовался отрывками из др., не оконченной им статьи «О поэзии классической и романтической» (1825). Критич. замечания П. о фр. лит-ре в несистематизированном виде встречаются в его переписке, в частности в его письмах к Е. М. Хитрово, снабжавшей его фр. книгами. Эти замечания носят беглый характер и формулируют первые впечатления от прочитанного. Так как до нас не дошли письма Хитрово к П., то мы не всегда можем определить полное значение отзывов П., к-рые часто являются лишь реакцией на высказывания Хитрово. Вообще же их следует расценивать иначе, нежели печатные отзывы, принимая во внимание их случайность (напр., отзывы при возвращении книг) и интимность. По большей части — это результат первого, еще не проверенного впечатления.

Главные этапы восприятия Пушкиным французской литературы. С т. зр. восприятия П. фр. лит-ры необходимо различать три основных периода. Первый период — ученичества, начинающийся в Лицее и продолжающийся почти до 1820. Второй период — романтический, когда и в России и во Франции борьба классиков и романтиков достигает особенной остроты. Этот период, сам по себе неоднородный на всем своем протяжении, заканчивается около 1830. Наконец — последний период, характерной особенностью к-рого является господство прозы в худож. лит-ре.

Первый период. Воспитателями П. были французы. По воспоминаниям сестры П., «им, как водилось тогда, дана была полная воля над детьми. Разумеется, что дети и говорили и учились только по-французски» (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 45). Ближайшие родственники П., отец и дядя, были галломаны. Оба брата считались хорошими декламаторами фр. стихов. Василий Львович любил декламировать *Ж. Расина*, Сергей Львович — *Мольера*. Самые посетители дома Пушкиных, составлявшие «общество образованное, к которому принадлежало и множество французских эмигрантов» (Там же. С. 45), способствовали укреплению в сознании мальчика культа Франции.

В детстве П. знакомился с фр. лит-рой в домашних б-ках, где чтение было безразборно. Правда, есть сведения, что Сергей Львович прививал детям вкус к нек-рым классическим авторам. Именно к долицейскому периоду, ко времени жизни П. в семье, относится его первое знакомство и первое увлечение Мольером и *Ж. де Лафонтеном*. П. наивно воспринимал комедии Мольера и подражал им. В семейную обстановку переносит и его упоминания о Лафонтене, к-рого он читал у бабушки, в селе Захарове. К первому безразборному чтению в отцовской б-ке следует отнести и знакомство со сказками Лафонтена и его подражателями, там же, очевидно, он зачитывался *Вольтером*, к-рый быстро занял первенствующее место среди его любимых писателей. Судя по упоминаниям имени Вольтера, в первую очередь П. привлекали его сказки, иронические поэмы и романы. Очевидно, в это раннее время детских чтений П. нравилась сюжетная литература — сказоч-

ное и комедийное сплетение сюжетных мотивов. Свои первые стихи П. писал по-фр., подражая в них Мольеру, Лафонтену и Вольтеру: фр. классики были первыми лит. впечатлениями П., и следы этих первых впечатлений чувствуются на протяжении всей его творческой жизни. Не является преувеличением сообщение, что в Лицей П. поступил уже основательно знакомый с классической фр. лит-рой.

В Лицее П. продолжал читать классиков по учебной программе, а также, по-видимому, и без всякого педагогического надзора. В первых его произв. 1813 отразилось знакомство с лит-рой, отнюдь не предназначенной для детского чтения. В ст-нии «Монах» видно неприкрытое подражание «Девственнице» («La Pucelle») Вольтера и след хорошего знакомства с поэзией конца XVIII в., с эротическими и мифологическими поэмами типа «Искусство любви» («L'art d'aimer», 1775) П.-Ж.-Ж. Бернара (Bernard, 1708—1775), произв. кардинала Ф.-Ж. Берниса (Bernis, 1715—1794) и т. п. Эпиграфом послания «К Наталье» является стих из «Послания к Марго» («Épître à Margot», 1774) П.-А.-Ф. Шодерло де Лакло, являющегося сатирой на фаворитку фр. короля Людовика XV — графиню Дюбарри (Du Barry, 1743—1793). Эти произв. не случайно попали в руки юному П.: они входили в его систематическое чтение, и перечень любимых писателей в ст-нии «Городок» (1815) подтверждает это.

В Лицее, на уроках и вне уроков, П. изучил в достаточной степени фр. лит-ру XVII и XVIII вв. Лицейское воспитание поддерживало в нем преклонение перед фр. классиками. Настольными книгами в преподавании были курс истории лит-ры ригористического приверженца классицизма Ж.-Ф. де Лагарпа и пособия по поэтике вроде «Французской поэтики» («Poétique française», 1804) Л. Домерона (Domayron, 1745—1807). Школа лицейского проф. Н. Ф. Кошанского привлекала внимание П. к основным поэтич. формам классической традиции, в круг поэтов, изучаемых П., вовлекаются классики: трагики, эпики и лирики XVII и XVIII вв. На уроках фр. словесности, к-рые вел Д. И. Будри, цитировались, разбирались и заучивались наизусть исполненные гражд. пафоса отрывки из произв. Вольтера и трагедий Расина; любимым поэтом Будри был Ж.-Б. Руссо, признанный великим одописцем фр. классицизма XVIII в. Уважение к фр. лит-ре века Людовика XIV воспитывал у П. и «Арзамас», под влияние к-рого он попадает в Лицее. Простая и ясная поэтика здравого разума, культивируемая фр. классицизмом, становится для «Арзамаса» и соответственно для П. мерилом окружающих лит. явлений, к-рые оцениваются в сравнении с памятниками XVII в. Сближение имен современников с именами классической плеяды XVII в. проникает в лит. обычаи. Достоинство рус. писателей определяется сопоставлением их с французскими. В «Городке» содержится длинный параллельный перечень рус. и фр. имен. Д. И. Фонвизин и Я. Б. Княжнин оказываются русскими параллелями Мольеру, В. А. Озеров — Расину, И. А. Крылов и И. И. Дмитриев — Лафонтену и т. д. Лит. врагов карамзинизма П. клеймит сравнениями с врагами Буало и Расина — Ж. Шапленом и др.

Т. о., первый период восприятия П. фр. лит-ры в основном характеризуется влиянием классической лит-ры, в частности безусловным преклонением перед авторитетом великих писателей XVII в. и, может быть в еще большей степени, перед авторитетом Вольтера, к-рый, кроме того, является и непосредственным предметом подражания. Параллельно с тем в лирике П. сказываются черты подражательности, причем для раннего периода характерно влияние Ж.-Б.-Л. Грессе, особенно его послания «Обитель», вызвавшего уже ряд подражаний на рус. почве (К. Н. Батюшкова, В. Л. Пушкина). Одновременно П. подражает и фр. мифол. лирике сер. XVIII в., в частности Ж.-Б. Руссо (перевод одной его эпиграммы и подражание его кантатам в ст-нии «Леда»). Однако в остальном П. отдал XVIII в. слабую дань — и то лишь в пределах рус. подражаний своих современников. К господствовав-

шей во Франции в сер. XVIII в. мелкой лирической поэзии (поэзии рококо), к-рую уже в первые лицейские годы он хорошо знал и темы к-рой, вплоть до галантных мадригалов, нашли отражение в его лирике тех лет, он рано стал относиться скептически. Иронически перечисляя «докучные» поэтич. жанры, к-рыми занимались лицеисты, он называет «...послания, куплеты, Баллады, басенки, сонеты» («К Г{алич}у») («Пускай угрюмый рифмотор...») (1815), ст. 39—40), что соответствует пестрому содержанию альманашной поэзии XVIII в. Оттенок иронии, пренебрежительности к подобным жанрам ощущается и в др. «Послании к Г{алич}у» («Где ты, ленивец мой?...») (1815), где их перечень (ст. 125—128) лишь перефразирует характеристику дружеских стихотв. безделок как поэтич. пустяков: «Наш Д{ельвиг}, наш поэт, Несет свою балладу, И стансы винограду, И к лилии куплет». Чуждается П. и слащаво-идиллических тем фр. мадригальной поэзии («К Д{ельвигу}») («Послушай, муз невинных...») (1815), ст. 39—45). Т. о., П. отгораживает себя от фр. традиции XVIII в. в ее массовой подавляющей форме, определившей направление большинства подражателей из его старших современников вроде В. Л. Пушкина, И. И. Дмитриева и др. В то время как здесь же, в Лицее, А. Д. Илличевский усиленно пишет именно эти эпиграммы, идиллии, мадригалы, куплетцы и пр., П. решительно и определенно поворачивает к большим дорогам фр. классицизма XVII в. Тем не менее определенное влияние рокайльной идеологии и эстетики ощущается у П. и в дальнейшем.

Уже в ранний период наряду с анакреонтич. и эпикурейскими мотивами, свойственными эпигонской лирике XVIII в. и популяризированными рус. подражателями, замечается у П. нек-рое увлечение оссианизмом, и в частности оссианистическими поэмами Э.-Д. де Парни. Примерно с 1816 на первое место в его лирике выступают элегические мотивы, в к-рых совершенно отчетливо видно увлечение элегиями Парни и можно угадывать влияние элегий А. Бертена (Vertin, 1752—1790) и особенно унылых мотивов Ш.-Ю. Мильвуа.

Внимание П. к предромантическим явлениям в поэзии — к Оссиану и элегиям Парни — привлекли К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский. Батюшков для П. — это «Парни Российской» («К Батюшкову») (1814), ст. 17). В этом определении сказывается не только оценка Батюшкова, но вскрывается и тот лит. фон, на к-ром воспринимался Парни. Он жив для П. потому, что на рус. почве жива аналогичная лит. традиция, близкая пушк. поэтич. симпатиям. Восприятие французов преломляется сквозь лит. идеологию рус. поэтич. группы, к к-рой примыкает П. Внимание, уделяемое им элегии, подготавливает почву и к приятию А. Шенье, с чьим творчеством он познакомился позже — в 1820-х.

Период после 1820 является для П. временем гораздо большей самостоятельности в выборе образцов. Вопрос о непогрешимости классиков пересматривается им не без влияния книги Ж. де Сталь «О Германии». Этот пересмотр происходит одновременно с пересмотром вопроса о рус. авторитетах. Он уже не верит в непогрешимость карамзинской школы. Имена Озерова, Дмитриева и особенно В. Л. Пушкина теряют прежнее обаяние. В эти годы П. увлекается лирикой А. Шенье. Затем, параллельно с байроновским «Чайльд-Гарольдом», П. зачитывается романом Констана «Адольф», произв. Шатобриана и Ж. де Сталь. Эти чтения отражаются в создании «Евгения Онегина». Вместе с тем под влиянием полит. споров, возбуждаемых революц. обстановкой на Западе, П. перечитывает Ж.-Ж. Руссо. В 1825, в связи с работой над «Борисом Годуновым», П. обращается к проблемам драматургии, что заставляет его с особенным вниманием следить за полемикой между фр. классиками и романтиками. Мимо его внимания не проходят, по-видимому, ни статьи на стр. органа фр. либералов и романтиков ж-ла «Le Globe» («Глобус»), ни манифесты романтиков вроде предисл. к драме В. Гюго «Кромвель», ни предшествовавшая им полемика вокруг тра-

гедии *А. Мандзони*, ни книга *Стендаля* «Расин и Шекспир». Особый интерес к проблемам драматургии, выдвигавшимся в период романтич. полемики, П. проявляет в 1828—1829, когда готовит предисл. к «Борису Годунову». Этот интерес не падает и к 1830, когда П. излагает свои взгляды на драму в разборе «Марфы-Посадницы» М. П. Погодина. Связь этих взглядов с тем, что писалось по данному вопросу во Франции, несомненна. К этому же времени происходит у П. и нек-рое примирение с романтическими поэтами Франции, к к-рым он вначале относился с предубеждением. Здесь сказалось отчасти и то, что наиболее яркие представители романтизма, покинув феодально-клерикальные позиции, заключили союз с либерализмом. Несомненно также и влияние, оказанное на П. группой «*Le Globe*», с одной стороны, и группой П. Мериме и Стендаля, с другой. П. признает дарование Гюго, а в особенности Ш.-О. Сент-Бёва как автора сб. «Жизнь и стихотворения Жозефа Делорма». Эта книга дает ему повод написать рец., в к-рой уже нет ноток резкого отрицания молодой романтической школы Франции.

В 1820-х горизонт П. расширяется, и он выходит за пределы фр. традиции. До сих пор иноземные поэтич. явления усваивались им сквозь фр. традицию. *Ариосто* был ему знаком по Вольтеру, *Д. Мильтон* — по Ж. Деллию, *Оссиан* — по Парни, *Гете* — по Ж. де Сталь. В 1820-х иностр. лит-ра наконец доходит до него в своей подлинной форме. Даже читая эту лит-ру во фр. пер., он узнает в ней оригинальные, нац. черты, лежащие вне фр. традиции.

Характерно отношение П. к Шекспиру. Везде, где он говорит о нем, он противопоставляет его французам. Все его характеристики Шекспира создаются на фоне фр. классицизма. Шекспир или Расин, Шекспир или Мольер — вот проблемы. Даже отд. произв. Шекспира понимаются им лишь при условии противопоставления фр. драматич. образцам. «Венецианский купец» и «Скупой» Мольера, «Мера за меру» и «Тартюф» — таковы привычные антиязы; «Отелло» понимается им на фоне вольтеровского подражания. Мерой в лит. оценке остается фр. классическая школа. Тем не менее П. свободно порывает с внешними формами фр. трагедии, отказывается от трех единств (хотя письмо к Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля 1825, где идет речь об этих единствах, характеризует длительную внутреннюю борьбу). Он явно предпочитает шекспировский театр французскому и под влиянием Ж. де Сталь и А. В. Шлегеля отчетливо формулирует недостатки фр. придворного устава трагического театра: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как фр. <анцузские> трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» (письмо к А. А. Дельвигу от нач. февр. 1826 — Акад. XI, 259).

В этот период у П. появляются резко критич., неодобрительные оценки фр. лит-ры, вытекающие из ее сопоставления с англ. и нем. лит-рами. Он пишет: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» (письмо к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 — Акад. XIII, 40); «...французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность» (письмо к П. А. Вяземскому от 6 февр. 1823 — Акад. XIII, 57); «...стань за немцев и англичан, уничтожь этих маркизов классической поэзии» (письмо к нему же от 19 авг. 1823 — Акад. XIII, 66). В плане-наброске статьи «О французской словесности» (1822?) П. отмечает «вредные последствия» влияния фр. лит-ры на И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, И. Ф. Богдановича. Представив эскизно панораму развития фр. лит-ры от трубадуров до Вольтера и Ж.-Б. Руссо, он заключает: «...как можно ей подражать: ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык, — вечно на помочах ... Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.» (Акад. XII, 191—192). Эти же мысли П. предполагал развить в статье «О поэзии классической и романтической» (1825) и еще подробнее и с более глубоким обоснованием в статье

«О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834), где, в частности, должна была идти речь о «бесплодной ничтожности (...) мнимого изобилия» фр. лит-ры до начала (вкл.) XVII в., ее придворном сервиллизме и проистекающем из него «жеманстве» в век Людовика XIV и ее вырождении в XVIII в., когда «следы великого века (...) исчезают», «истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною [проповедью] или галереей собл.(азнительных) картин» (Акад. XI, 268—272).

Если бы с определенной, предвзятой точки зрения подобрать все подобные цитаты из высказываний П. о фр. лит-ре, то нетрудно было бы создать ложное по существу впечатление, что он был врагом всего французского, так часто в его словах звучит досадливое недовольство по отношению к тому или иному явлению фр. лит-ры. При несомненном преобладании фр. интересов в его интеллектуальной жизни именно ко всему французскому он особенно требователен и придирчив. Но на самом деле эта досадливость отзывает свидетелствует лишь о крайней заинтересованности П. Чтобы понять эту, иной раз чрезмерную, раздраженность, необходимо учитывать два момента. Первый — это то, что обращение к фр. культуре никогда, кроме разве ученических лет, не было у П. пассивным, не было подражательным. В основе запросов, на к-рые П. отвечали уроки фр. культурной жизни, лежали интересы нац. развития рус. мысли. Именно в процессе создания рус. нац. лит-ры П. был европейцем в лучшем смысле слова и учитывал не только опыт своих рус. предшественников, но и опыт всей мировой лит-ры. Только это позволило П. наметить такие пути в развитии рус. лит-ры, идя по к-рым она вскоре стала передовой в семье европ. литератур, оставаясь национальной. Второй момент, объясняющий резкость суждений П., — это обстановка времени, обстановка интенсивной лит. борьбы в годы его лит. становления. Принимая непосредственное участие в этой борьбе, он был заражен страстью противостоящих партий. В его отрицательных отзывах звучит не пристрастность отрицания, а страстность борьбы.

След. период, начиная с 1830, характеризуется тем, что П. чувствует себя окончательно освободившимся от всякой подражательности иностр. образцам; с прямым ученичеством он покончил значительно раньше — еще около 1820.

К этому периоду относится его особый интерес к новой ист. школе во Франции. Знакомство с трудами Ф.-П.-Г. Гизо (Guizot, 1787—1874), Л.-А. Тьера (Thiers, 1797—1877), Ж.-Н.-О. Тьерри (Thierry, 1795—1856) и его брата А.-С.-Д. Тьерри (1797—1873), Баранта и др. обогащает его ист. и социально-полит. концепции. Он чувствует настоятельную необходимость приступить к самостоятельной разработке ист. вопросов. Первой попыткой в этой области является относящийся к 1831 план истории Французской революции, набросок ее начала и выписки по теме из фр. прессы (Акад. XI, 202—203, 435—449). Изложению истории революции должен был предшествовать очерк феодального средневековья. В этом П. следовал схеме Ж. де Сталь, к-рая начинает свою историю революции очерком истории Франции. Вовлекая в изучение средние века, П. расширял хронологические рамки своих интересов. Оставив эту тему, П. обращается к истории рус. крест. движения и пишет историю Пугачева, после чего переходит к теме Петра.

Характерным является интерес П. к фр. прессе. До 1830 почти не имеет прямых свидетельств, какие газ. и ж-лы он мог читать, но несомненно, что он знал основные полит. органы монархистов и либералов. Почти с полной уверенностью можно говорить, что он читал «Journal des Débats» и «Le Globe». Можно думать, что ему были знакомы ж-лы романтиков, например «Conservateur littéraire»; знал он и «Revue encyclopédique», где упоминалось его имя; но обо всем этом можно скорее догадываться, чем утверждать. Форма ЛГ показывает, что ее основателям, в числе к-рых первое место при-

надлежало П., были известны лит. газ. типа «Corsaire», «Voleur» и т. п., занимавшиеся перепечатками наиболее интересного лит. материала. Эти ныне забытые издания пользовались большим распространением в свое время и едва ли не содействовали популярности новеллистического жанра во Франции.

Начиная с 1830 имеются совершенно конкретные следы того, как часто обращался П. к фр. прессе. В его бумагах находятся выписки из министерского «Journal des Débats» и из монархической «Gazette de France». В переписке упоминаются «Temps», «National», «Le Globe» (до того, как этот ж-л стал сен-симонистским органом). Читал П. «Revue de Paris» (см. письмо к П. В. Нащокину от 8 янв. 1832 — Акад. XV, 3). В б-ке П. сохранились номера парижских журналов «Revue britannique» и «Revue rétrospective» (Библиотека П. № 1514—1516, 1519—1522).

Параллельно с этим он не оставляет изучения ист. романа, что приводит его к внимательному знакомству с новой прозой во Франции. Это изучение прозы происходит в те же годы, когда он сам осуществляет ряд прозаич. замыслов, начиная от «Повестей Белкина» и кончая «Капитанской дочкой».

1830-е — расцвет фр. прозы. На сцену выходят *O. de Balzac*, *Стендаль*, *Ж. Санд* и др., менее крупные их современники, оставившие, однако, свой след в истории фр. прозы: *Ж. Жанен*, *А. Карр* (Karr, 1808—1890; см.: Библиотека П. № 1043—1045), *М.-Ф. Сулье* (Soulié, 1800—1847), *Э. Сю* и целая плеяда достаточно забытых писателей, вроде таких как П.-Л. Жакоб (P.-L. Jacob Bibliophile — псевд.; наст. имя и фамилия — Paul Lacroix, 1806—1884), *Г. Друино* (Drouineau, 1800—1860), *О.-М.-Б. Массон* (Gaudichot-Masson, 1800—1883), *Мишель Ремон* (Michel Raymond, коллективный псевд. трех романистов) и пр. Споры о театре сменились спорами о новых романах, и в письмах и заметках П. отразился его живой интерес к фр. прозе.

Восприятие Пушкиным отдельных периодов (эпох) французской литературы. Знакомство П. с фр. лит-рой до «великого века» незначительно. Оно не выходит за пределы школьного курса и носит на себе следы той классической интерпретации этого периода фр. лит-ры, к-рая дана в «Поэтическом искусстве» *Н. Буало* и в «Лицее» Лагарпа. В основе сведений о начальном периоде фр. поэзии, к-рые П. изложил в статье «О поэзии классической и романтической» (1825) лежат едва ли не соответствующие стихи из поэмы Буало и поверхностное знакомство с книгой Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди «О литературе южной Европы» («De la littérature du Midi de l'Europe», 1813). Оценки Буало и Лагарпа прослеживаются в отзывах и упоминаниях П. о *Ф. Вийоне*, *К. Маро*, поэтах Плеяды (*П. Ронсар*, *И. Дюбелле*, *Э. Жоделе*), *Ф. Малербе*. Учителя П. не были достаточно компетентны в истории лит-ры средних веков и Возрождения, и фр. поэзия до классиков XVII в. ему была чужда. Показательны пункты плана-наброска «О французской словесности» (1822?), касающиеся поэтов, предшествовавших Буало: «Малерб держится 4 стр. (оками) оды к Дюперье и стихами Буало. Менар, чистый, но слабый, Ракан, Воатюр — дрянь» (Акад. XII, 191). Мнение П. не изменила и пропаганда фр. романтиков, видевших в доклассической поэзии, в частности в Ронсаре и Дюбелле, живительный источник обновления отеч. лит-ры в противопоставлении мертвящей, с их точки зрения, поэзии классицизма.

Вместе с тем нек-рое внимание, м. б. эпизодическое, П. проявил по отношению к старофр. поэзии. Сохранилась запись, сделанная его собственной рукой и содержащая 162 стиха из «Романа о Ренаре» («Roman du Renard»). Однако это не простая копия, а попытка модернизации языка, очевидно для собственных нужд, потому что он оставлял без пер. нек-рые, более известные, слова, знакомые ему в качестве архаизмов по новой лит-ре (Рукою П. С. 65—82). По-видимому, эта запись свидетельствует лишь о том, что П. собирался заниматься старофр. яз., и этот учебный пер. был его первым опытом. Можно предположить, что этой попыткой и исчерпывают-

ся занятия П. старофр. языком. Тем не менее обращение именно к «Роману о Ренаре» показывает, что П. интересовался произв., имеющими нар. происхождение. В частности, любопытно, что в б-ке П. было два изд. этого романа (Библиотека П. № 1310, 1324), и 21 ноября 1835 он приобрел, но не разрезал еще издание Ф.-А.-П. Шабеля (Chabaille, 1796—1863), содержащее дополнения, варианты и поправки (Там же. № 1325; Акад. XVI, 96). Вообще интерес П. к фавлю и романам засвидетельствован наличием в его б-ке сборников «Сказки веселого савояра» («Les contes du gay Sçavoir», 1823 — Библиотека П. № 817), собранные Ж.-А.-Ф. Лангле (Langlé, 1798—1867), «Фавлю» («Fabliaux ou contes, fables et romans du XII-e et du XIII-e siècle», 1829, 5 t. — Там же. № 911, 1085; счет от 10 дек. 1832 — Лит. архив. Т. 1. С. 36), собранные П.-Ж.-Б. Леграном д'Осси (Legrand D'Aussy, 1737—1800), и одного издания «Романа большенойой Берты» («Li Romans de Berte aus grans pies», 1832 — Библиотека П. № 1323).

Если поэзия до XVII в. была П. чужда, то нельзя сказать того же про фр. прозу. В статье «О поэзии классической и романтической», а позднее в статье «О ничтожестве литературы русской» отмечалось, что в то время «проза уже имела сильный перевес» и назывались *Ф. Рабле* и *М. Монтень* (Акад. XI, 38, 270). Противопоставление этих двух писателей их современникам не было оригинальным мнением П., а восходило к Лагарпу. Из других прозаиков XVI в. П. упоминает Брантома (Brantôme, P. de Bourdeille, abbé de, между 1527 и 1540—1614), в чьем соч. «Жизнеописания галантных дам» («Vies de dames galantes», изд. 1666) он, кажется, искал ответ на волновавшие его вопросы семейной жизни (письмо к жене от 6 ноября 1833 — Акад. XV, 93); у него имелось собр. соч. этого писателя (Библиотека П. № 672). О нек-ром интересе к прозе XVI в. свидетельствует и наличие у П. соч. Бонавентуры Десперье (Despériers, ок. 1500—1543 или 1544) «Кимвал мира» («Cymbalum mundi», 1537; Библиотека П. № 1254), сб. новелл «Гептамерон» («Heptaméron», полн. изд. 1559), составленного королевой Наваррской (Marguerite de Navarre, 1492—1549).

В общем, знакомство П. с фр. писателями XVI в. не выходило за пределы классических традиций, и пропаганда романтиков никак не отразилась на его вкусах. Настоящая лит-ра во Франции с точки зрения П. начиналась только с сер. XVII в.

Классики XVII в.: Н. Буало, Ж. Расин, П. Корнель, Ж. де Лафонтен, Мольер — были той школой лит-ры, на к-рой вырос П., и это отражалось на его творчестве во все периоды его жизни, даже когда он был далее всего от позиций классицизма. Конечно, перечисленные имена не исчерпывают всего круга интересов П. во фр. лит-ре этой эпохи. В его произв. и письмах упоминаются и цитируются «Письма» *М. де Севинье*, «Характеры, или нравы нынешнего века» *Ж. де Лабрюйера*, «Приключения Телемака» *Фенелона* и др., но удельный вес этих писателей для П. значительно меньше.

Теорет. положения фр. классицизма в формулировках его вождя Буало оставили большой след в лит. сознании П. Первое же напечатанное ст-ние П. «К другу стихотворцу» (1814) представляет собой дидактическое послание в духе Буало. В нем поучения начинающему поэту перемежаются с сатир. выпадами против неудачников-поэтов. Автор пользуется случаем, чтобы заявить приверженность карамзинизму, поставив имя И. И. Дмитриева в ряд с Г. Р. Державиным и М. В. Ломоносовым, и одновременно сделать выпад против «славян» «Беседы любителей русского слова» под прозрачными именами Рифматова, Графова и Бибруса. К сатирич. форме Буало вел П. дух лит. борьбы, лит. самоутверждение с наступлением на враждебную партию. П. сопоставлял борьбу Буало со всеми хранителями традиций вчерашнего: Ш. Котеном (Cotin, 1604—1682), *Н. Прадоном*, Ж. Шапленом и др. — с борьбой карамзинистов с шишковистами-«славянами». Откровенное перенесение характеристик борьбы Буало с противниками на рус. борьбу карамзинизма с шишковизмом присутствует в творчестве П. (равно как и в творче-

стве его учителей и единомышленников) на протяжении всего периода его карамзинизма и арзамасства, т. е. почти до 1820. Эта аналогия прочно утвердилась в сознании П., и много позже была опять им сформулирована в статье «О ничтожестве литературы русской», где Плеяда охарактеризована в следующих словах: «Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими были также люди с дарованиями» (Акад. XI, 270).

Классицизм лег в основу лит. мышления П., когда он вступил на широкую лит. арену в качестве вождя молодой школы. Однако после 1820 ситуация изменилась. П. оказался вождем рус. романтизма, а его поэма «Бахчисарайский фонтан», напечатанная в марте 1824, явилась поводом к схватке классиков с романтиками, т. к. поэме был предпослан романтический манифест, написанный П. А. Вяземским в резко полемической форме. Хотя П. старался держаться в стороне от споров, ему пришлось солидаризироваться со своими сторонниками романтиками против классиков, на него нападавших.

П. создал свою концепцию романтизма, сложившуюся у него не без влияния Ж. де Сталь и ее книги «О Германии». В фр. романтиках 1820-х он еще не видел тех, кто осуществлял его собственный идеал романтизма, и ждал чего-то другого, более смелого. Можно думать, что феодально-клерикальные симпатии группы В. Гюго и *A. де Ламартина* отпугивали П. от новой школы. Но, критически относясь к романтикам, П. уже не сохранял прежнего пиетета к классикам. Вряд ли ему могли быть близки взгляды Л.-С. Оже (Auger, 1772—1829), Ш.-М.-Д. де Фелеца (Feletz, 1767—1850), Ф.-Б. Оффмана (Hoffman, 1760—1828), Ш.-Ж.-М. де Кольне (Colnet du Ravel, 1768—1832) и прочих ревностных приверженцев классицизма. О классиках из «*Journal des Débats*» и «*Gazette de France*» П. иронически отзывался в статье «〈Об Альфреде Мюссе〉», 1830 (Акад. XI, 175).

Уже постановка вопроса о романтизме и классицизме в книге Ж. де Сталь должна была привести П. к пересмотру его взглядов на классицизм. Это совпало с пересмотром его отношения к старшему поколению карамзинистов. П. уже перестал преклоняться перед именами В. А. Озерова и И. И. Дмитриева; естественно, он уже не мог остаться на школьной позиции слепого преклонения перед именами писателей века Людовика XIV. Но упреки П. направлены преимущ. по адресу классической практики и очень мало касаются теории. Основной упрек по адресу классиков XVII в. — это их зависимость от двора Людовика XIV: «Писатели (во Франции класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как дворяне. (...) Вскоре словесность сосредоточилась около (...) трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания. Боссюэт и Флешье проповедовали слово божие в его придворной капелле, камердинер Молиер при дворе смеялся над придворными» («О ничтожестве литературы русской» — Акад. XI, 271). Ранее это же обвинение содержится в примеч. к гл. I «Евгения Онегина»: «Так, Буало, под видом укоризны, хвалит Людовика XIV» (Акад. VI, 191); в статье «О предисловии г. Лемонте...»: «Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV» (Акад. XI, 33). В 1830-е этот упрек приобретает у П. и субъективный оттенок в свете подказанных и обостренных личными обстоятельствами раздумий над отношениями поэта и власти.

Что касается собственно теорет. взглядов, то естественно, что П. очень быстро освободился от строгих «правил» классицизма, хотя и считал, что борьбе романтиков против классических «пут» придается слишком большое значение. Так, на спор о трех единствах он отозвался указанием, что вопрос о трагедии гораздо глубже вопроса о единствах и о «правдоподобии», которым пытались обосновать эти единства. «На мой взгляд, ничего не может

быть бесполезнее мелких поправок к установленным правилам», — писал он по поводу «единств» в письме к Н. Н. Раевскому-сыну во 2-й пол. июля 1825 (Акад. XIII, 197; подлинник по-фр.), но это не мешало ему решительно не соблюдать единств в своей трагедии. Точно так же скептически в рец. на сб. Сент-Бёва отозвался П. о романтической полемике вокруг правил стихосложения, установленных поэтикой Буало. В ироническом тоне о романтич. борьбе с цезурой говорится в строфах VIII и IX белогого автографа «Домика в Коломне» (Акад. V, 375—376), где характеризуется александрийский стих, «вынянченный» «степенным Буало». Но эта позиция П., осуждавшего романтиков за слишком шумливую борьбу с «правилами» Буало, не была позицией классика. Сам он отвергал эти правила для себя и в тех же строфах «Домика в Коломне» именовал учение Буало «пудреной пиитикой». А ведь именно слово «reguicque» было самым язвительным ругательством романтиков по адресу классиков (правда, пущено оно было еще в книге Ж. де Сталь «О Германии»).

Из двух великих фр. трагических авторов XVII в. П. отдавал предпочтение Расину. Корнеля он знал меньше и ценил одного его «Сида». В этом сказались и его воспитание в традициях XVIII в., когда имена Расина и Корнеля казались несоизмеримыми, и коммент. Вольтера, принижавшего лит. достоинства Корнеля, и, вероятно, оппозиция фр. романтикам, превозносившим корнелевскую трагедию. До 1820 П. держался представления о Расине как о вершине трагического в иск-ве, но критика трагической системы Расина у Ж. де Сталь и у А. В. Шлегеля должна была отразиться на его убеждениях. Образу трагика Расина противопоставляется образ Шекспира, у которого П. находит то, что перестал уже находить в классическом театре Франции: драматич. план и драматич. характеры. Это, однако, не означало умаления в глазах П. трагической системы Расина.

Именами Расина и Корнеля ограничивалось для П. действительное знакомство с фр. трагиками XVII в., именами Мольера, которого он едва ли не считал крупнейшим писателем этого столетия, и Ж.-Ф. Реньяра (Regnard, 1655—1709), чья комедия «Игрок» («Le Joueur», 1696) отразилась в замысле комедии о вдове Вальберховой и ее брате-игроке («Скажи, какой судьбой...», 1821 — Акад. VII, 246—247, 368—369), — с комедиографами, именами Буало и Лафонтена — с поэтами. Др. поэтов и драматургов он знал, видимо, из вторых рук и если читал, то, наверное, в хрестоматийных, образцовых выдержках и подборках.

XVIII в. играл особую роль в творчестве П. Его традициями определялись основные течения лит-ры, современной годам воспитания и формирования П. Лит-ру XVIII в. П. знал в еще большей степени, чем предшествующую. В его произв. встречаются упоминания о давно забытых писателях этого века, к-рые ему были хорошо известны.

Роль XVIII в. характеризуется преимущ. влияниями идеологического порядка. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо и энциклопедисты — вот центральные фигуры. Эти два имени определяют два основных течения филос. мысли, отразившиеся и на идеологах Французской революции, и на полит. учениях начала XIX в. Вольтер, вождь «вольнодумцев», подвергший окружавший его мир разрушительной критике, сильный своей иронией и скептицизмом, оказал решительное влияние на П. с юных лет, сохранившееся до конца жизни. К Руссо и «руссоизму» наиболее сильный интерес проявился у П. в период южной ссылки, будучи стимулирован полит. дискуссиями в кругу декабристов, а также байроническими настроениями П. тех лет. Но знакомство П. с прозаиками и мыслителями XVIII в. не сводилось только к Вольтеру и Руссо. Про него можно было бы сказать то же, что он сказал про свою героиню («Рославлев», 1831 — Акад. VIII, 150): он знал фр. лит-ру от Монтескье до романов *К.-П.-Ж. Кребийона-сына*. Об этом свидетельствуют и состав его б-ки, и упоминания писателей в его произв., и цитаты. Публицистов и мыслителей этого века П. перечитал основательно. Подобно своему герою, он

«Прочел скептического Беля, Прочел творенья Фонтенеля» («Евгений Онегин», гл. VIII, 35. 5—6), всех авторов, к-рых, согласно черн. вар. гл. VII, строфы 22 (Акад. VI, 438), возил с собой Онегин, в т. ч. кроме Вольтера, Руссо и Фонтенеля — Г. Мабли (Mably, G. Bonnot de, 1709—1785), П.-А. Гольбаха (Holbach, P.-H. Thiry, baron d', 1723—1789), Д. Дидро, А. Удар де Ла Мота (Houdar de La Motte, 1672—1731). Упоминаются П. в разных контекстах: «важный Гримм» (Grimm, F.-M., baron de, 1723—1807; «Евгений Онегин», гл. I, 15. 10), «странствующий агент французской философии» («Александр Радищев», 1836 — Акад. XII, 31; ср. письмо к жене от 17 апр. 1834: «Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма...») — Акад. XV, 128); «дем. (ократические) писатели XVIII ст. (олетия)»: «добродетельный Томас» (Thomas, A.-L., 1732—1785), «прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830 — Акад. XI, 170, 171); Бюффон (Buffon, G.-L. Leclerc, comte de, 1707—1788). Прекрасно знал П. беллетристику XVIII в., начиная с А.-Р. Лесажа и «резвого» А. Гамильтона и кончая Л.-С. Мерсье (Mercier, 1740—1814) и эротическими романами «Опасные связи» Шодерло де Лакло (с этим произв. было связано его игровое поведение 1820-х), «Любовные похождения кавалера де Фобласа» («Les amours et les galanteries du chevalier de Faublas», 1787—1790) Ж.-Б. Луве де Кувре (Louvet de Couvray, 1760—1797), повестями Кребийона-сына и пр. Хорошо начитан был П. и в мемуарной лит-ре XVIII в.

С театром XVIII в. П. был знаком шире, чем с театром XVII в. Он упоминает и цитирует не только Вольтера-трагика и *Бомарше*, уделяя последнему более всего внимания из всех комических авторов XVIII в., но и А. Пирона (Piron, 1689—1773; комедия «Метромания» («La Metromanie», 1738), Ж.-Б.-Л. Грессе (комедия «Сплетни» («Le Méchant», 1747), Б.-Ж. Сорена (Saurin, 1706—1781; трагедия «Бeverлей» («Beverley», 1768), М.-Ж. Седена (Sedaine, 1719—1797; комедия «Нечаянный заклад» («La Gageur imprévue», 1768). Комедия Лесажа «Криспен — соперник своего господина» («Crispin, rival de son maître», 1707) подсказала П. сюжет, к-рый он отдал Н. В. Гоголю, создавшему на его основе «Ревизора». Комедии «Игра любви и случая» *Мариво* и «Ложная антипатия» («La fausse antipathie», 1733) Лашоссе (Nivel de La Chaussée, P.-C., 1692—1754) имеют сюжетные параллели в «Повестях Белкина». С традицией фр. комедии XVIII в. связаны и нек-рые пушкинские комедийные наброски и фрагменты. Так, замысел «Насилу выехать решились из Москвы...», 1827(?) (Акад. VII, 248—249) связан предположит. с комедией Н.-Ж. Форжо (Forgeot, 1758—1798) «Испытания» («Les Épreuves», 1785). Все это лишь малая часть того из фр. драматургии XVIII в., что П. читал, видел на сцене, знал из вторых рук, в т. ч. по рус. переделкам. В частности, 80 комедий XVIII в. разобраны в «Лицее» Лагарпа.

Ближе всего П. была фр. поэзия XVIII в., потому что она непосредственно определила его начальные шаги. Он был воспитан на преклонении перед именами, к-рые казались в XVIII в. великими, а вскоре были совершенно забыты. П. был свидетелем глубокого поворота в лит. сознании. В Лицее ему проповедовали, что величайшие поэты Франции — Ж.-Б. Руссо, одописец, и Ж. Делиль, создатель описательных поэм. К 1830 репутация обоих этих поэтов резко пошатнулась, и о них уже никто, кроме законсервировавшихся классиков, не говорил серьезно.

Преодолевая в Лицее безразличную подражательность, П. обращается к образцам, более созвучным требованиям времени. Он уже испытывает на себе влияние карамзинизма, и от лирики риторической и описательной обращается к лирике индивидуалистической, передающей радости и горести поэта. Сперва он направляется по пути анакреонтизма и эпикурейства, если не считать не слишком глубоко захвативших его мотивов оссианизма. Об-

разцом для ряда его произведений («К сестре», «Городок») является Грессе. Почти к тому же времени, что и увлечение шутливыми стихами Грессе, относится и более сильное увлечение П. элегиями Парни.

В лицейский период П. сравнительно часто упоминает имя Шолье (Chaulieu, Guillaume Amfrye, abbé de, 1639—1720) — типичного представителя эпикурейской поэзии эпохи Регентства. Его имя названо и позднее в «(Арапе Петра Великого)» (гл. I) среди имен, характеризующих общество времен Регентства. Встречается и имя друга Шолье — Лафара (La Fare, Ch.-A., marquis de, 1644—1712). Но эти имена, подобно имени Шапелья (Chapelle, С.-Е. Luillier, 1626—1686), принадлежащего еще XVII в., свидетельствуют лишь о знакомстве П. с их стихами и определяют лишь общую зависимость молодого П. от эпикурейской поэзии.

Хорошо знал П. стихотв. сказки последователей Лафонтена, начиная от Ж. Вержье (Vergier, 1655—1720) и *Грекура* и кончая Б. Эмбером (Imbert, 1747—1790) и П.-Ф. Гюденом (Gudin de La Brenellerie, 1738—1812). Произв. этих поэтов имелись в его б-ке (Библиотека П. № 954, 956, 1015, 1478). Одну из таких сказок — «Каймак» («La Confiance perdue, ou le Serpent mangeur de Kaimack et le Turc son pourvoyeur») А. Сенесе (Bauderon de Sénéce, 1643—1737) — он начал переводить в 1821. Но из всех сказок XVIII в. П. ценил в конце концов только сказки Вольтера. К 1825 относится попытка перевода шутливой поэмы Вольтера «То, что нравится дамам» («Ce qui plaît aux dames»).

Без значительного влияния прошла для П. поэзия мадригалов и героид, предшествующая элегии Парни и известная по именам К.-Ж. Дора (Dorat, 1734—1780), Ш.-П. де Колардо (Colardeau, 1732—1776) и др. Дора вместе с *Флорианом*, *Мармонтелем*, Ж.-Ф. Гишаром (Guichard, 1731—1811), *Жанлис*, Л. де Жокуром (Jaucourt, 1704—1779) П. относит к числу «бездарных пигмеев, грибов, выросших у корня дубов» («О ничтожестве литературы русской», план — Акад. XI, 495—496). На слова П. А. Вяземского о В. А. Озерове: «Чтение стихов Колардо родит в нем вдохновение» — П. иронически заметил: «Это дает мне мерку дарования Озерова» («Заметки на полях статьи П. А. Вяземского „О жизни и сочинениях В. А. Озерова”»), 1826 — Акад. XII, 222). В этих резких отзывах, м. б., сказался поклонник Парни, к-рого превозносили именно за то, что он преодолел традиции Дора и Колардо, противопоставив их деланной поэзии лирику искренности и непосредственности. С меньшим отрицанием говорил П. о сентиментальных поэтах конца века — Флориане и Г.-М.-Ж.-Б. Легуве (Legouvé, 1764—1812) (письмо к Н. И. Гнедичу от 27 июня 1822 — Акад. XIII, 40). Иначе относился он к поэту конца века — П.-Д. Экушар-Леброну, известному своими революц. одами и язвительными эпиграммами. Предположит. ему посвящены стихи оды «Вольность» (1817), обращенные к «гордой певице Свободы» с просьбой открыть «...благородный след Того возвышенного галла, Кому сама среди славных бед Ты гимны смелые внушала». Соч. Леброна были среди книг, выписанных П. в Михайловское (письмо к брату от 1—10 ноября 1824 — Акад. XIII, 118). Эпиграммы Леброна он помнил наизусть. Вообще эпиграмма конца века сыграла свою роль в творчестве П., а школа Леброна играет большую роль в развитии этого жанра. Проблема эпиграмматического рода поэзии занимала П., что видно в его замечаниях об эпиграммах П. А. Вяземского и Е. А. Баратынского. У самого П. имеются образцы коротких и язвительных эпиграмм в духе Леброна.

Совершенно отрицательно отношении П. к кумиру века — описательному поэту Делило, к-рый был особенно превознесен в период Реставрации как певец Александра I и Бурбонов. Знаком был П. и с описательными произв. др. поэтов, в т. ч. предположит. с поэмой А.-М. Лемьера (Lemierre, 1723—1793) «Картина» («La Peinture», 1769), в к-рой ему могли запомниться слова: «Я не могу поверить, чтобы злодейство и гений были бы совместимы» («Je ne puis croire que le crime et le génie soient compatibles»).

С большим сочувствием относился П. к пародической описательной поэме, в частности к «Гастрономии» («La Gastronomie», 1801) Ж. Бершу (Berchoix, 1765—1839), на к-рую он ссылается в ст-нии «Сон» (1816).

Лит-ра XIX в. была для П. уже не наследием прошлого, а явлением его современности. Ее он воспринимал в процессе развития собственных сил. Из нее он брал уже не то, что далее развивало и продолжало традицию, а то, что помогало эту традицию преодолеть, что обогащало его опыт.

Первые сильные впечатления от лит-ры XIX в. П. получил вскоре по выходе из Лицея. Одним из них в петерб. период 1817—1819 было ознакомление с произведениями фр. либералов. В это время только что появилась книга Ж. де Сталь «Взгляд на главнейшие события Французской революции», к-рая произвела огромное впечатление на рус. либералов, в частности на Тургеневых, сыгравших большую роль в деле формирования полит. убеждений П. По-видимому, с нее началось знакомство П. с творчеством Ж. де Сталь. Вскоре он знал все главные ее произв., и они глубоко отразились на его полит. и худож. мышлении. Не учитывая концепции Ж. де Сталь, невозможно оценить надлежащим образом ни отношение П. к Французской революции, ни смысл его социально-ист. замечаний (об аристократии и др.). Книга «О Германии» явилась первой систематической критикой классической традиции, с к-рой познакомился П. Уже по следам де Сталь он позднее обратился к изучению А. В. Шлегеля. Голос де Сталь был тем убедительнее для П., что он приходил из Франции.

Др. очень сильным впечатлением П. по выходе из Лицея было знакомство с поэзией А. Шенье, приверженность к к-рой осталась у него на всю жизнь. Воспринятые им мотивы Шенье перекрещивались с впечатлениями от поэзии Байрона. Вскоре, точно так же на фоне общего увлечения Байроном, П. обратился к др. произв. новой фр. лит-ры. В эти годы проблема романтического героя стояла перед ним на очереди. Чайльд-Гарольд оказал несомненное влияние на его концепцию этого героя. Но Чайльд-Гарольд был не одинок в галерее типов разочарованного представителя европ. современности. Три фр. романа рисовали тот же тип: «Адольф» Б. Констана, «Рене» Ф.-Р. де Шатобриана и «Оберман» («Oberman», 1804) Э. де Сенанкура (Pivert de Sépancour, 1770—1846). Первые два были определенно прочитаны П. и оказали на него каждый свое воздействие. По отношению к «Оберману» возможны сомнения, но все же велика вероятность знакомства П. и с этим романом, хотя в имевшемся у него первом изд. разрезаны лишь неск. стр., как, впрочем, и в др. произв. того же автора (Библиотека П. № 1384—1386).

Поэзия фр. романтиков не нашла у П. ни сочувствия, ни заинтересованности. Первое определение романтизма как направления, к-рое должно обновить лит-ру, он прочитал в книге Ж. де Сталь «О Германии». Вскоре он прочел и первые произв. романтиков. Они не отвечали его ожиданиям. Монархические, религ. и феодальные мотивы, ознаменовавшие начальные шаги романтиков, были ему чужды, особенно в годы его ссылки на юг, когда усиление революц. деятельности на Западе и в России отражалось в усилении чаяний близкой победы идей свободы. Романтизм Ж. де Сталь был связан с либерализмом. Романтизм новой школы был монархическим. Первые отзывы о поэтах-романтиках содержатся в черновике письма к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823. Познакомившись к тому времени с поэзией А. де Ламартина и *К. Делавиня*, П. составил о них неблагоприятное мнение и вынес общее суждение: «...романтизма нет еще во Франции, а он-то и вырождает умершую поэзию. {...} Покамест во Франции поэтов менее, чем у нас» (Акад. XIII, 381; ср. набросок письма к нему же (?) от 5 июля 1824 — Акад. XIII, 102). В письме к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 говорится: «Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я ни читал о романтизме, все не то» (Акад. XIII, 245). По-видимому, до П. доходят уже прямым или косвенным путем споры о романтизме, поднятые в «Le Globe», и он уже

знает о попытках найти новые формы романтической лит-ры на путях союза романтизма с либерализмом. И чем больше растет популярность Ламартина, тем меньше ценит его П. Сквозной темой его оценок соврем. фр. лит-ры становится «сбивчивое» представление фр. критиков о романтизме, полагающих его в том, «что им кажется озаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных» («О поэзии классической и романтической» — Акад. XI, 36), «иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические» (заметка «Фр. (анцузские) критики имеют свое понятие об романтизме...» (1830) — «Заметки и афоризмы разных годов» — Акад. XII, 179). Следя за становлением во Франции романтизма, П. с самого начала замечает развитие в нем явлений, к к-рым относится с неодобрением. По его предчувствию, романтизм примет у французов крайние формы и «первый гений в отечестве Расина и Буало — ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм — что что твои немцы» (письмо к П. А. Вяземскому (?) от 5 июля 1824 — Акад. XIII, 102; ср. черновик письма к нему же от 4 ноября 1823 — Там же. С. 381). В рец. на поэтич. сб-ки Ш.-О. Сент-Бёва (1831) П. высказал скептическое мнение о «нововведениях» «так называемой романтической школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п.»; по мнению П., «все это хорошо, но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества» (Акад. XI, 200). Пафос отрицания соврем. фр. поэзии нашел яркое выражение в замысле критич. статьи, к-рым П. делился с М. П. Погодиным в письме от 1-й пол. сент. 1832: «...хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine (Ламартин. — *Ред.*) скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Véganger (Беранже. — *Ред.*) не поэт, что V. Hugo (В. Гюго. — *Ред.*) не имеет жизни, т. е. истины; что романы A. Vigny (А. де Виньи. — *Ред.*) хуже романов Загоскина; что их журналы невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских. Я в душе уверен, что 19 век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией» (Акад. XV, 29). Чувствуя себя в области лирики наиболее чуждым соврем. фр. практике, П. даже назвал фр. народ «антипоэтическим» («(Начало статьи о В. Гюго)» — Акад. XI, 219). В эти годы лишь один фр. поэт привлек безусловное внимание П. — это А. Мюссе, в чьих стихах П. нашел «живость необыкновенную» («(Об Альфреде Мюссе)» — Акад. XI, 176) и чьей «откровенной шалости» отдал и творческую дань, написав своего «Пажа» (1830) «на мотив» его романа «Андалузка» («L'Andalouse»). С сочувствием отнесся П. к Ш.-О. Сент-Бёву, признав у него «необыкновенный талант» (Акад. XI, 195).

Если в общем соврем. фр. поэзия не встретила открытого признания со стороны П., то иначе обстояло дело с прозой, расцвет к-рой наметился во Франции незадолго до 1830. Современник «больших дебютов» фр. романистов, сам находясь в творческих поисках путей к социальному и бытовому роману, П. внимательно следил за появлением новых фр. романов. Однако до нас дошли лишь отрывочные высказывания, по большей части в письмах, имеющих интимный и случайный характер. Обычно это мнения, высказанные под непосредственным впечатлением от прочитанного. Таковы, в частности, отзывы в письмах к Е. М. Хитрово (1831), к-рая снабжала П. новинками фр. беллетристики. Читательская и творческая реакции П. на соврем. фр. прозу могли быть различными. Напр., как читатель он увлекался романами Ж. Жанена, но в его творчестве они почти никак не отразились, а в черн. ред. статьи «(Путешествие из Москвы в Петербург)» (дек. 1833—март 1834) дан резкий отзыв о «сословии» соврем. фр. писателей и в качестве их представителя назван Жанен (Акад. XI, 229). Фр. романы настолько интересовали П., что в 1832 он собирался писать о них и составил план кри-

тич. статьи «О новейших романах» (Акад. XII, 204), содержащий перечень романов, намеченных к разбору. Тремя романами представлен в нем Ж. Жанен, любимый романист П. Характерно преобладание произв. О. де Бальзака, выдвигавшегося уже на первое место среди фр. прозаиков и ставшего явно центральной фигурой в отношении П. к фр. прозе. Предполагался разбор произв. Э. Сю, чей роман «Плик и Плок» П. назвал «нагромождением нелепостей и чепухи» (письмо к Е. М. Хитрово от 2-й пол. мая 1831 — Акад. XIV, 166), романа А. де Виньи «Сен-Мар», имевшего огромный успех как во Франции, так и в России, но П. принятого отрицательно, романов В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» и «Собор Парижской Богоматери», о к-рых суждение, судя по цитированному выше письму к М. П. Погодину и письму к Е. М. Хитрово от 9 (?) июня 1831 (Акад. XIV, 172), было бы суровым, «Ночного столика» («Table de nuit», 1832) П.-Э. де Мюссе (Musset, 1804—1880). План включает далеко не всех фр. романистов, чьи произв. читал П. в те годы. Не фигурирует в нем, напр., П. Мериме, к-рого П. считал «острым и оригинальным писателем», выделяющимся «в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы» (предисл. к «Песням западных славян», 1835 — Акад. III, 334). «Хорошим романом» нашел П. «Красное и черное» Стендаля (письмо к Е. М. Хитрово от 9 (?) июня 1831 — Акад. XIV, 172). Имена др. писателей той же эпохи у П. встречаются случайно. Старший представитель эпохи, Ш. Нодье упоминается еще в «Евгении Онегине» (гл. III, 12. 11), где его «Жан Сбогар» включен в состав книг, к-рыми увлекалась Татьяна. Александра Дюма (Dumas, 1802—1870) П. знал только как драматурга: упоминаются его пьесы «Христина» («Christine», 1830), «Антони» («Antony», 1831) и «Анжела» («Angèle», 1833). Отзывы о Ж. Санд скорее отражают светские разговоры, чем собственное мнение П. В романе А. Карра «Под липами» («Sous les tilleuls», 1832) П. увидел «дарование» (письмо к Е. М. Хитрово, авг.—дек. 1832 — Акад. XV, 38), а за внешне благосклонным отзывом о романе Э. Бюра де Гюржи (Burat de Gurgy, 1809—1840) «Примадонна и подручный мясника» («La Prima donna et le Garçon boucher», 1831) скрывалось, вероятнее всего, равнодушие (письмо к Е. М. Хитрово от 2-й пол. окт.—ноября 1831 — Акад. XIV, 244). Читал П. изданный анонимно роман А. Руайе (Royer, 1803—1875) и О. Барбье (Barbier, 1805—1882) «Сброд» («Les mauvais garçons», 1830) и роман А. Гиро (Guiraud, 1788—1847) «Сезэр» («Césaire: Révélation», 1830), последний, проникнутый религиозной елейностью, вряд ли мог вызвать у него сочувствие, хотя он и срисовал его виньетку. Не прошел, вероятно, мимо внимания П. роман Ш.-О. Сент-Бёва «Сладострастие» («Volupté», 1832) и рец. на него критика Г. Планша (Planche, 1808—1857).

Расцветшая во Франции с конца 1820-х школа «неистойвой словесности» вызывала у П. в массе своей резкое неприятие. Однако в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (1836) он выступил в защиту соврем. фр. романа, что было вызвано тактическими соображениями в условиях сложившейся в России идеологической обстановки. Следует принять во внимание, что на фр. роман было объявлено гонение, как на «развратительный» и отражающий «вредный» дух полит. направлений, восторжествовавших после Июльской революции. Это гонение велось административно-цензурными мерами, а идеологическое оправдание его взяли на себя руководители Российской Академии. Особенно громким было выступление Лобанова 18 янв. 1836. Речь эта была издана особой брошюрой. П. (состоявший членом Российской Академии) счел необходимым ответить на выпады Лобанова. Следует учитывать особую подцензурную трудность полемики на страницах «Современника» с отражавшей офиц. источники т. зр. Лобанова, к-рый обвинял фр. лит-ру в безнравственности, в революц. и антирелиг. направлении и т. п. Этим объясняются риторические уступки П. обвинителю, несмотря на к-рые П. пункт за пунк-

том разбивает все положения речи Лобанова. П. отклоняет его обвинения по адресу всего народа Франции, фактической справкой разбивая его аргументы. Он вступает за право романиста свободно избирать свою тему, резко возражая против требований морального дидактизма. «Зачем же (...) в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведение просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя?» (Акад. XII, 69). П. оспаривает мнение, согласно к-рому фр. проза явилась следствием Июльской революции: «Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовал своим уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударились в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собой уничтожилась» (Акад. XII, 70). «Торжество порока» в соврем. романах П. объясняет реакцией на «жеманную напыщенность» дидактических романов, кончавшуюся наградой добродетели. Отмечая влияние новой фр. школы на рус. лит-ру, П. констатирует, что влияние это слабо, а в поэзии и совсем незаметно. Статья заканчивается протестом против морализма и особенно против мер, какими этот морализм насаждался: «Некоторые моралисты утверждают, что и восемнадцатилетней девушке нельзя позволить чтение романов; из того еще не следует, чтоб цензура должна была запрещать все романы» (Акад. XII, 74). Если в данной статье нет открытых положительных оценок фр. прозы, то не следует забывать, что появление таких оценок в печати и не было возможно. Важно то, что П. отбил атаку на фр. роман и заодно и на фр. народ. Несомненно, фр. проза представлялась для П. столь значительным явлением, независимым от достоинств и недостатков отд. фактов, что он совершенно не мог сохранить равнодушия при наступлении, исходившем из офиц. кругов С. С. Уварова, А. С. Шишкова и пр. И он возвысил свой голос, к сожалению приглушенный ценз. условиями времени.

Проза Франции — это последние сильные впечатления П.

Лит.: Заграничные исторические новости: Пушкин о французской литературе // ИВ. 1893. Т. 54. № 12. С. 946 (Рец. на ст. А.-Н. Рамбо (Rimbaud, 1842—1905) «Les opinions de Pouchkine sur la littérature française» в ж-ле «Revue bleu», написанную на материале апокрифических воспоминаний А. О. Смирновой-Поссет); *Leger L. Pouchkine et la poésie française* // Bibliothèque universelle et Revue Suisse. 1900. Т. 19. № 57. Sept. P. 449—464; *Mansuy A. Ce que doit Pouchkine aux écrivains françaises* // Revue bleu. 1904. 13 août; *Сакулин П. Н.* Взгляд Пушкина на современную ему французскую литературу // Венг. Т. 5. С. 372—388; *Полов А. А.* Пушкин и французская юмористическая поэзия XVIII века // Пушкинист, II. С. 204—257; *Томашевский Б. В.* 1) Пушкин — читатель французских поэтов // Пушкинист, IV. С. 210—228; 2) Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма к Хитрово. С. 205—256; 3) Пушкин и романы французских романистов: (К рисункам Пушкина) // ЛН. Т. 16/18. С. 947—960; 4) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 1—76; 5) Пушкин и Франция: [Сб. ст.] Л., 1960 (включает из ранее указанных № 2—4); *Савченко С. В.* Элегия Ленского и французская элегия // П. в мировой лит-ре. С. 64—98; *Струве П. Б.* Пушкин и французские романтики: К юбилею французского романтизма // Россия. (Париж). 1927. № 4 (То же // Струве. Дух и Слово. С. 72—79); *Lozinski G.* La littérature française et Pouchkine // RLC. Ann. 17. № 1. P. 37—63; *Neubert F.* Puschkin und die französische Kultur // Neubert F. Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte. Berlin, 1952. S. 94—114; *Maguire R. A. A. S.* Pushkin: Notes on French literature // Amer. Slavic and East Europ. Rev. 1958. Vol. 17. № 1. P. 101—109; *Stenbock-Fermor E.* French Medieval Poetry as a Source of Inspiration for Puškin // Alexander Puškin: A Symposium on the 175th Anniversary of His Birth / Ed. A. Kodjak, K. Taranovsky. New York, 1976. P. 56—70; *Вольперт Л. И.* 1) Пушкин и французская комедия XVIII в. // ПИМ. Т. 9. С. 168—187; 2) Вольперт. П. и психол. традиция; 3) Вольперт. П. в роли Пушкина; 4) Пушкин и французская литература: (История изучения проблемы) // П. и мировая культура. С. 173—175; *Миличина В. А.* 1) Французская литература в произведениях Пушкина 1830-х годов // Изв. ОЛЯ. 1987. Т. 46.

№ 3. С. 244—254; 2) *Miltchina V. Pouchkine et Barante // Universalité de P. P.* 110—127; *Bush R. L. Pushkin and the Gotho-freneticist Tradition // Canad. Slavonic Papers.* 1987. Vol. 29. № 2/3. P. 165—183; *Backès J.-L. Pouchkine dans le sillage des Grimm // Europe.* 1994. Т. 72. № 787/788. P. 119—125; *Баевский В. С. Русский и французский языки в поэтическом сознании Пушкина // Arion.* Bd 3. S. 38—51 (То же // ФН. 1997. № 2. С. 13—23); *Краснов Г. В. Пушкин и Ф. Гизо // Пушкинская конф., междунар., 1—4 окт. 1996 г. Материалы. Псков, 1996. С. 45—49; Сашина Е. В. К проблеме «чистой» поэзии: (Пушкин и французские романтики) // Там же. С. 41—45; Гречаная Е. П. Пушкин и французская аристократическая литература XVII—XVIII вв. // Университ. Пушк. сб. С. 389—395; Михайлов А. Д. Пушкин и Альфонс Карр // П. и мировая культура. С. 183—184; Пахсарьян Н. Т. Пушкин как читатель французского романа рококо // Там же. С. 178; Эткинд Е. Г. Французская поэзия в творчестве Пушкина : Поэзия XVIII века // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 107—122; Дмитриева Е. Е. Высокое искусство вуалировать, или О некоторых проявлениях рокайльной эстетики в поэзии Пушкина // Моск. пушкинист. Вып. 8. С. 181—191; *Davidenkoff A. L'hédonisme de Pouchkine dans sa poésie lyrique de jeunesse: La figure d'Amfrye de Chaulieu (1639—1720) // Universalité de Pouchkine.* P. 34—43; *Lann J.-C. Pouchkine et l'esthétique du classicisme français // После юбилея = After Jubilee / Под ред. Р. Тименчика и С. Шварцбанда. Jerusalem, 2000. С. 113—122.**

Библиогр.: *Фризман Л. Г. Семинарий по Пушкину. Харьков, 1995. С. 271—274.*

*Статья составлена по работам
Б. В. Томашевского, с доп. — Ред.*

Х

ХАФИЗ, Гафиз (псевд.; пер.: хранитель, блюститель; обладающий хорошей памятью, знающий наизусть много стихов, знающий наизусть Коран) Шамседдин Мохаммед (ок. 1325—1389 или 1390), перс. поэт. О знакомстве П. с его творчеством по существовавшим пер. на европ. яз. или по отзывам о нем (в частности, в связи с «Западно-восточным диваном» (1819) *Гете*), сведений не имеется. Немногочисленные при жизни П. рус. пер. появились с 1826 (см.: *Тартаковский П. И.* Русская поэзия и Восток, 1800—1950: Опыт библиографии. М., 1975. По указ.). Упоминание и оценка поэзии Х. в письме П. к П. А. Вяземскому от конца марта—нач. апр. 1825, высказанная в форме упрека *Т. Муру* по поводу того, что он «подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета» (Акад. XIII, 160), могла отражать общее представление о вост. поэзии, сложившееся на основе прочитанных о ней суждений и каких-то переложений ее образцов. Оно же проявилось и в незавершенном черн. наброске «〈Фазиль-Хану〉» («Благословен твой подвиг новый...») (1829), где имя Х. фигурирует опять в сочетании с *Саади* и говорится о «цветах поэзии восточной».

Загл. «Из Гафиза» носит пушк. ст-ние «Не пленяйся бранной славой...» (1829), написанное по впечатлениям, полученным во время нахождения в действующей армии в Закавказье. В творческом наследии Х. не найдено ст-ния, к-рое могло бы служить П. источником или образцом. Предлагались разные объяснения выбора П. мистифицирующего названия: ссылка на Х. должна была «скрыть, что проникнутая восточным духом пьеса посвящена живому лицу» — офицеру конного мусульманского полка рус. армии Фаргат-беку (*Лернер Н. О.* Примеч. // Венг. Т. 5. С. XXIX); она «подчеркивает восточный колорит» пушк. «вполне самостоятельного» произв. (Слонимский. С. 91), будучи обычным приемом П., к-рый, «свободно владея разнообразными стилистическими формами мировой литературы, 〈...〉 нередко обозначал свои самостоятельные художественные вариации в разных стилях условными именами высших или наиболее авторитетных представителей той или иной стилистической области» (Виноградов. С. 502; 2-е изд. М., 1999. С. 568—569); мнимый заголовок, придающий ст-нию «персидскую окраску», преследовал цели «не столько восточной стилизации, 〈...〉 сколько политической осторожности», к-рой требовали такие стихи, как «Не пленяйся бранной славой» и «Не бросайся в бой кровавый», полемические по отношению к офиц. ожиданию от поэта прославления побед рус. армии (*Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзрум» // П. Врем. Т. 2. С. 59—60; Тынянов. С. 194—195). Разделились мнения и по вопросу о том, соответствует ли «восточный колорит» ст-ния поэзии указанного в загл. автора. Утверждению, что оно написано «в духе Гафиза» (*Томашевский Б. В.* Примеч. // Акад. в 10 т. (2). Т. 3. С. 499), противопоставлена, также без обо-

снования, т. зр., согласно к-рой «стихи эти как по форме, так и по содержанию ничего общего с творчеством Гафиза не имеют» (Рафили. С. 67; Курбанов. С. 102). Не имеет убедительных доказательств выдвинутое положение о том, что в пушк. ст-нии воспроизведены интонации самого Х. (И. С. Брагинский) и оно «интерпретирует нек-рые существенные стороны лирики Х.» («всечеловеческое чувство симпатии отроческой чистоте», «эстетическое созерцание красоты»), а потому «вполне возможен» его вост. источник, к-рым «в первую очередь могли быть строки Х.» (Белкин 1974. С. 186; Белкин 1979. С. 193—194): цитируемое в подтверждение двустипшие принадлежит ст-нию Х., с к-рым пушкинское никак не соотносится.

Не получило достаточного обоснования предположение (М. Л. Нольман), согласно к-рому имевшийся в черновике ст-ния «В прохладе сладостной фонтанов...» (1828) стих «Но ни поэт Ш(ираза) (?) милый» (Акад. III, 677) подразумевал Х.

Лит.: Брагинский И. С. Раскрепощенные строки: Несколько штрихов к портрету подлинного Хафиза // Хафиз. Пятьдесят газелей. Сталинабад, 1949. С. 17—19; 1955. С. 9—11 (То же // Брагинский И. С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956. С. 208—210); Рафили М. М. Ф. Ахундов: Жизнь и творчество. Баку, 1957. С. 67; Курбанов Ш. Этапы развития азербайджано-русских литературных связей в XIX в. Баку, 1964. С. 101—102; Белкин Д. И. 1) Встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазыл-ханом Шаида // Литературные связи и традиции: Межвуз. сб. Горький, 1974. Вып. 4. С. 185—186; 2) Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока: Сб. ст. М., 1979. С. 191—196; Нольман М. Л. Гипотеза Лахути: Современные выводы из давней дискуссии // Памир. 1974. № 4. С. 54—55; Хаджибаева Б., Мирзоюнус М. Пушкин и Восток. Худжанд, 1999. С. 123—128; Шейнман Л. А., Соронкулов Г. У. Пушкин, Гафиз...и Алишер Навои? : (О стихотворении «Не пленяйся бранной славой...») // Шейнман Л. А., Соронкулов Г. У. Пушкин и его современники: Восток—Запад: Очерки. Бишкек, 2000. С. 192—210 (Др. варианты под тем же загл. в изд.: Пушкин и мир Востока / Сост. и общая ред. Е. П. Чельшева. М., 1999. С. 199—211; Рус. яз. и лит. в школах Кыргызстана. 1997. № 5/6. С. 83—98).

В. Д. Рак

Ц

ЦИЦЕРОН Марк Туллий (Marcus Tullius Cicero, 106—43 до н. э.), рим. оратор, гос. деятель, философ, теоретик риторики.

Чтение речей Ц. в качестве совершенных образцов ораторского искусства и классической лат. прозы входило в лицейский курс лат. яз. на 5-м году обучения. Знакомство с произв. Ц. не произвело сильного впечатления на юного П., к-рый много лет спустя вспоминал, что «в садах Лицея» «Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал» («Евгений Онегин», гл. VIII, строфа I; первонач. вар.: «Читал охотно Елисея (поэму В. И. Майкова „Елисей или Раздраженный Вах“, 1771), А Цицерона проклинал» — Акад. VI, 165, 619). Вероятно, в этом заявлении присутствует некая мера бравады и ретроспективного преувеличения, но в общем нет весомых оснований подвергать сомнению его искренность. Следы чтения Ц. в лицейских стихах П. единичны и неглубоки. В сатире «К Лицинию» (1815) наличествуют скрытые перефразированные цитаты из хрестоматийной, знаменитой первой речи против Катилины (Cat. I, 2—3; пер.: Цицерон. Речи: В 2 т. / Изд. подгот. В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962. Т. 1. С. 292) и стилистические к ней параллели (наблюдение Т. Г. Мальчуковой). Этические взгляды близкого к стоицизму Ц., сторонника умеренности, были чуждыми П.-лицейству, отдававшемуся всецело гедонистическим эмоциям и настроениям. В «Послании Лиде» (1816) философии стоиков и киников (в этом ряду назван и Ц.), исповедовавших, что «мученье — / Прямое смертных наслажденье», противопоставлена «мудрая вера / Анакреонов и Нинон», апостолом к-рой объявляет себя юный поэт. Это концептуальное упоминание Ц. опиралось, вполне вероятно, не столько на прямое знакомство с произв. рим. автора, сколько на общее о них представление, составившееся, по всей видимости, по разного рода их изложениям и характеристикам. За все последующие годы П. лишь единожды вспомнит Ц. — философа, включив его первонач. в круг чтения Евгения Онегина (гл. VII, строфа 22, первый черн. вар. — Акад. VI, 438). В остальном имя Ц. всплывало у П. от случая к случаю, дважды при ходячих цитатах и один раз при изречении, ему не принадлежащем. В черновике предисл. ко 2-му изд. «Руслана и Людмилы» (1828) приведена «крылатая» фраза из XII Филиппики (Акад. IV, 282) в составе цитаты из рец. Д. П. Зыкова «Письмо к сочинителю критики на поэму „Руслан и Людмила“» (СО. 1820. Ч. 64. № 38. С. 229; Прижизн. критика, 1820—1827. С. 81). Пересказанные Ц. (в трактатах «О природе богов» и «О гадании») слова Катона Старшего, удивлявшегося, что «один гаруспик (лат. *agurpex, haruspex* — гадатель по внутренностям животных) может без смеха глядеть на другого» («De natura deorum», I, XXVI, 71 и «De divinatione», II, XXIV, 51; пер.: Цицерон. Философские трактаты / Пер. с лат. М. И. Рижского. М., 1985. С. 82, 261), отразились, через посредство фр. «крылатого» выражения «*deux augures ne peuvent se regarder sans rire*» (пер.: два

авгура не могут смотреть друг на друга без смеха; *лат.* *augur* — жрец-птицегадатель), в черн. стихах «Евгения Онегина»: «Святая дружба глас натуры [Взглянув] друг на друга потом Как Цицероновы Авгуры Мы засмеялися тишком» (Акад. VI, 491, 504). Ц. приписан лат. эпитаф к полемической статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831), представляющий собою «мистификацию, вполне соответствующую характеру всей статьи и прежде всего подписи „Феофилакт Косичкин“»; лит. источником этой фразы, в к-рой худож. образ «*In arenam descendit*» (пер.: Я вышел на арену) принадлежит, возможно, самому П., назван предположит. «Диалог об ораторах» (гл. XXII) *Тацита* (Я. М. Боровский).

В пушкиноведении не получила поддержки гипотеза, согласно к-рой эпитаф к «Бахчисарайскому фонтану» и стих «Иных уж нет, а те далече» («Евгений Онегин», гл. VIII, 51. 3), поданные как изречение *Саади*, восходят на самом деле к письмам Ц., а мистификация П. преследовала в разные годы разл. цели.

У П. имелось полн. собр. соч. Ц. на фр. и лат. яз. в 35 т. (1729—1735; частично разрезаны т. 5, 10, 14 и 30) и фундаментальное 4-томное жизнеописание Ц. англ. священника К. Мидлтона (Middleton, 1683—1750) во фр. пер. А.-Ф. Прево д'Экзиля (Prévost d'Exiles, 1697—1763) (Библиотека П. № 615, 986).

Лит.: Селезнев. С. 87; *Гербстман А. И.* «Цицероновы Авгуры» // Проблемы поэтики. Ташкент, 1968. С. 20—23 (Тр. Самарканд. ун-та. Нов. сер. Вып. 361); *Боровский Я. М.* Необъясненные латинские тексты у Пушкина // Врем. ПК. 1972. С. 117; *Ветловская В. Е.* «Иных уж нет, а те далече...» // ПИМ. Т. 12. С. 104—123; *Нольман М. Л.* 1) Неоправданная замена: Саади или Цицерон // Памир. 1989. № 1. С. 160—167; 2) Саади или Цицерон? : Об одной необоснованной замене // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991. С. 219—228; *Мальчукова Т. Г.* Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1997. Кн. 1. С. 47.

С. Б. Федотова

Ч

ЧАТТЕРТОН (Chatterton) Томас (1752—1770), англ. поэт, автор лит. мистификаций (ст-ний, поэм, драматич. произв., ист. трудов) на ср.-век. англ. яз., выданных им за соч. бристольского монаха XV в. Томаса Роули (Rowley). Подделка была разоблачена друзьями *Г. Уолпола*, к-рому Ч. послал в 1769 трактат Роули «Возникновение живописи в Англии», подтвердивший предположение Уолпола о том, что станковая живопись была изобретена неизвестным англ. художником. В надежде на лит. заработок Ч. отправился в апр. 1770 в Лондон, но не добился успеха, впал в крайнюю бедность и, страшась нищеты, покончил в авг. жизнь самоубийством, не достигнув еще 18 лет. В конце XVIII—первые десятилетия XIX в. сложился романтический миф о Ч. как молодом, талантливом поэте — жертве бездушного и глухого к возвышенным творческим порывам бурж. об-ва, нашедший наиболее полное худож. воплощение в романе *А. де Виньи* «Стелло, или голубые бесы» («Stello, ou les diables bleus», 1832; рус. пер. 1832 без эпизода о Ч., полн. 1835) и его же драме «Чаттертон» (1835; рус. пер. 1836). П. был знаком с элементами этого мифа еще до появления произв. Виньи по сопоставлению Ч. с *А. Шенье* во вступ. статье *А. де Латуша* (Latouche, 1785—1851) к полн. собр. соч. последнего в сочетании с цитируемым там же замечанием *Ф.-Р. де Шатобриана* о трагич. судьбе трех фр. поэтов — *Л. Мальфилатра* (Malfilâtre, 1733—1767), *Н.-Ж. Жильбера* (Gilbert, 1750—1780) и *Шенье*, из к-рых первые двое умерли в нищете (*Chenier A. de. Œuvres complètes. Paris, 1819. P. IX, XXI*). Овладев англ. яз., П., возможно, читал какие-то из посвященных Ч. ст-ний англ. поэтов-романтиков *С. Т. Кольриджа* («Monody on the Death of Chatterton»), *У. Вордсворта* («Resolution and Independence») и др. (никаких свидетельств на этот счет не имеется). В биографиях Уолпола, имевшихся в б-ке П., подробно излагался эпизод с Ч., а в иностр. периодике П. мог сталкиваться с откликами на дискуссию об ответственности Уолпола за судьбу безвременно ушедшего из жизни талантливого молодого поэта. Однако не сам Ч., а Уолпол как авторитетный знаток и ценитель древностей, распознавший искусную подделку, интересовал в этой истории П., вспомнившего ее в связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве» как ист. прецедент быстрого разоблачения пастыша («Песнь о полку Игореве»), 1836 — *Акад. XII, 147*). Допущенная П. ошибка в фамилии монаха (Cowley вместо Rowley; зачеркнутый первонач. вариант: «монаха Куле» — *Акад. XII, 388*) может интерпретироваться как свидетельство нечетких сведений о собственно Ч.

На миф о Жильбере и Ч., почерпнутый, очевидно, из романа Виньи, ссылался молодой литератор *Никанор Иванов*, обратившийся к П. с письмом от 2 ноября 1835, содержавшим просьбу о денежной помощи (*Акад. XVI, 61*).

Лит.: *Вацуру В. Э. Уолпол и Пушкин // Врем. ПК. 1967/1968. С. 52—53* (То же // *Вацуру В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 49—50*).

В. Д. Рак

ЧАУСЕР см. ЧОСЕР

ЧЕЛАКОВСКИЙ (Čelakovský) Франтишек Ладислав (1799—1852), чеш. поэт, фольклорист. Приверженец идеи слав. взаимности и единства, убежденный в том, что нар. поэзия представляет собою мощный источник самобытного нац. иск-ва, Ч. издавал сб-ки слав. нар. песен с параллельными чеш. поэтич. пер. («Slovanské národní písně», 1822—1827, 3 т.; «Litevské národní písně», 1827), а также собственных ст-ний по мотивам нар. поэзии, и в этом роде первым его сб. был «Отзвук русских песен» («Ohlas písní ruských», 1829). П. мог быть знаком с выборкой из сб. «Славянские народные песни» (*Цертелев Н. А.* Славянские песни различных наречий // СА. 1824. Ч. 9. № 2. С. 103—112).

Первое упоминание Ч. о П. относится к нач. 1825. В письме к своему другу поэту Й. В. Камариту (Kamarýt, 1797—1833) от 23 февр. он со ссылкой на новейшие газ. сообщал, что «А. Пушкин, автор „Руслана и Людмилы“, продал в Москве свое новейшее стихотворение, состоящее только из 600 стихов, за 3000 рублей». Имя рус. поэта и название его первой поэмы было, как можно понять из этой фразы, приятелям, кажется, уже известно, хотя само произв. они еще не читали, а «новейшим стихотворением» был «Бахчисарайский фонтан», гонорар за к-рый, полученный П., впечатлил европ. лит. круги и обсуждался в те годы в прессе (см. с. 257). Делясь с Камаритом своей радостью по поводу успехов рус. лит-ры, Ч. писал ему 30 авг. того же года об услышанных от двух проезжих докторов из Петербурга «утешительных известиях о молодом Пушкине, который обращает на себя внимание новейшим произведением „Бахчисарайский фонтан“, 5000 экземпляров разошлось в один год». Его сильным желанием было получить эту новую поэму, а вскоре из «Библиографических листов», издававшихся в Петербурге (1825—1826) П. И. Кепшеном (1793—1864), рус. ученым, познакомившимся с ним во время своей европ. поездки (1821—1824), он узнал и о выходе гл. I «Евгения Онегина» (письмо к Камариту от 25 сент. 1825). Когда же пришли вести о декабрьском восстании на Сенатской площади, Ч., не осведомленный о ссылке П., тревожился, как бы «лучший стихотворец» не «оплатился головой» за «проклятый заговор» (письмо Камариту от 15 февр. 1826). Через неск. дней, в последнюю десятидневку месяца, Ч. послал Камариту «Руслана и Людмилу» и просил написать ему свое мнение о поэме. Ожидая летом того же года рус. книги из Риги, в числе к-рых должен был наконец прийти и «Бахчисарайский фонтан», он писал 21 июля Камариту: «Если он будет столь же прекрасен, как „Руслан и Людмила“, то я переведу его, тебе оставлю „Людмилу“»; намерение исполнено не было. Через два года от находившегося в Праге проездом статс-секретаря М. А. Балугьянского (1769—1847) Ч. узнает и сообщает Камариту (письмо от 14 авг. 1828), что П. «живет в Петербурге, оставив все должности, занимаясь одним писательством, но, к сожалению, пишет à la Виланд, что дает ему, конечно, больше денег, но дает ли славу — сомнительно». Балугьянский ничего, кажется, не сказал Ч. о шестилетней ссылке П., а рассказал ему, конечно, содержание недавно увидевшего свет «Графа Нулина», которое и вызвало у Ч. сравнение П. с *К. М. Виландом*.

Лит. деятельность Ч. протекала в рамках нац. чеш. романтизма. В соответствии со своей эстетич. программой он воспринимал и ценил у П. «романтические слагаемые его творчества и особенно отзвук народных произведений» (*Dolanský J.* Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1960. S. 59; пер. Л. С. Кишкина), оставаясь равнодушным к его реализму. Этими пристрастиями определялся и его выбор ст-ний для пер.; познакомить своих соотечественников на их родном яз. он считал необходимым в первую очередь с теми, в к-рых увидел наиболее яркое проявление народности, нац. своеобразия, романтичности.

В 1830-х Ч. перевел и напечатал в «Журнале Чешского музея» пять пушк. ст-ний: «Delibaš» («Делибаш»), «Dva havtani» («Ворон к ворону ле-

тит...»), «Zimní večer» («Зимний вечер») (все три: *Časopis Musea království Českého*. 1833. Rok. 7. S. 360, 363—365); «Utopenec» («Утопленник»), «Husar» («Гусар») (оба: *Ibid.* 1837. Rok. 11. S. 393—395, 401—405). Найдя способы передачи чеш. долгих гласных в силлабо-тонической системе, Ч. сумел максимально приблизить звучание некоторых своих пер. к оригиналам при сохранении смысловой верности («Два ворона», «Зимний вечер»). В первом изд. «Чешская пчела» («Česká včela». 1835. Rok. 2. S. 192), выходявшем приложением к «Пражской газете» («Pražské noviny»), он поместил в рубрике «Цветы, сорванные на разных дорогах», двустипшие, источник к-рого у П. не найден (по осторожному предположению Л. С. Кишкина, из «Разговора книгопродавца с поэтом»): «Což na tom? verte mi, že hana hlupčova Jest básníkův venec, chvala umělcova» (дословный обратный пер.: Что в том, Поверьте мне, что порицание глупца — это венец поэта, художника хвала). Позднее там же он напечатал переведенную им выдержку из «Отрывка из литературных летописей» («Jestliže pan NN...» // *Ibid.* S. 350; см.: Акад. XI, 78).

Лит.: *Čelakovský F. L. Korrespondence a zápisky*. Praha, 1907. Sv. 1. S. 250, 260, 264, 278, 279, 289, 377; 1910. Sv. 2. S. 268, 274.

Флоринский Т. Д. Пушкин и Челяковский // Киевлянин. 1899. 18 мая. № 136 (То же // Университет. изв. 1899. № 5. Май. С. 288—296; Памяти П. С. 288—296); *Лавров П. А.* Пушкин и славяне // Пушкинские дни в Одессе 26—27-го мая 1899 г. Одесса, 1900. С. 116—117 (отд. изд.: Одесса, 1900. С. 26—27); *Procházková H.* Po stopách puškinových do let šedesátých // *Puškin u nás, 1799—1949*. Praha, 1949. S. 153—160; *Доланский Ю.* Пушкин в истории чешской культуры // ПИМ. Т. 2. С. 422; *Кишкин Л. С.* Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 140—142, 164—166; *Жакова Н. К.* Челаковский и Пушкин: (К 200-летию со дня рождения двух великих представителей славянской культуры) // Санкт-Петербург—Прага, 1999—2000: Ежегодник Общества братьев Чапек в Санкт-Петербурге. СПб., 2000. С. 42—45; *Никольский С. В.* Пушкин — источник оптимизма для славянских писателей: (А. С. Пушкин и Ф. Л. Челаковский) // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рожд. поэта). М., 2000. С. 7—16.

В. Д. Рак

ЧЕНСТОН, фамилия, упомянутая в подзаголовке к «Скупому рыцарю» в печатном тексте («Сцены из Ченстоновой траги-комедии: *The caveteous (!) Knighth(!)*»), но отсутствующая в рукописи (Акад. VII, 303). Ни писателя Ченстона, ни пьесы «*The Covetous Knight*» в англ. лит-ре не существовало; для своей мистификации П. воспользовался, по-видимому, искаженной в рус. передаче формой фамилии англ. поэта *У. Шенстона* (см. с. 383—384). По свидетельству П. В. Анненкова, опиравшегося на еще живую в его время устную традицию, «причину, понудившую Пушкина отстранить от себя честь первой идеи, должно искать (...) в боязни применений и неосновательных толков» (имелось в виду отношения П. с отцом, отличавшимся скупостью). Эта биогр. интерпретация не признается бесспорной; работа П. над подзаголовком отражала длительный, в несколько стадий, творческий поиск формулы мистификации.

Лит.: *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // *Анн.* Т. 1. С. 287 (То же // *Анненков*. Материалы. С. 278); *Поливанов Л. И.* «Скупой рыцарь»: [Комментарий] // *Пол.* Т. 3. С. 8—13; *Кирпичников А. И.* К «Скупому рыцарю» // *РС.* 1899. № 2. С. 441; *Сумцов Н. Ф.* «Скупой рыцарь» // *РС.* 1899. № 5. С. 334—335 (То же // Харьковский университет. сб. в память А. С. Пушкина. Харьков, 1900. С. 254—256); *Якушкин В. Е.* Пушкин и Ченстон // *Рус. вед.* 1899. 9 мая. № 126. С. 4 (ср.: *Новое время.* 1899. 11 мая. № 8333. С. 3); *Чебышев А. А.* Заметка о «Скупом рыцаре» // *Сб. памяти Л. Н. Майкова.* СПб., 1902. С. 490—491; *Лапчинский А.* Заметка о «Скупом рыцаре» Пушкина. М., 1924. С. 12; *Ходасевич В. Ф.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 106—113 (То же с измен. и сокр. // *Ходасевич В. Ф.* О Пушкине. [Берлин, 1937]. С. 116—123; *Собр. соч.:* В 4 т. М., 1997. С. 463—468 и коммент.: с. 576—577); *Якубович Д. П.* Скупой рыцарь: [Комментарий] // *Пушкин.* 1935. Т. 7. С. 519; *Городецкий.*

Драматургия П. С. 270—271; *Аринштейн Л. М.* Пушкин и Шенстон: (К интерпретации подзаголовка «Скупого рыцаря») // Болд. чтения, [1979]. 1980. С. 81—95.

В. Д. Рак

ЧЕШСКАЯ и СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА. О знакомстве П. с чеш. и словац. лит-рой, а также с обществ. жизнью чехов и словаков, в частности с движением за нац. возрождение, никаких определенных сведений не имеется. Ему должны были быть известны по крайней мере нек-рые из материалов о чеш. лит-ре, появившихся в рус. ж-лах (ВЕ, МТ, МВ и др.), напр. (предположит.) обстоятельная переводная статья «Обозрение новейшей богемской литературы» (СО. 1822. Ч. 77. № 19. С. 219—226; № 20. С. 269—277; Ч. 78. № 21. С. 12—22; пер. с нем. из «Gesellschafter; oder Blätter für Geist und Herz») и (определенно) также переводная заметка «Некоторые мысли Гете о богемской литературе» (ЛГ. 1830. Т. 2. 8 окт. № 57. С. 168—169; пер. с польского из «Tygodnik Petersburski»). «Богемская литература, — говорилось в статье, — (...) несмотря на все гонения и утеснения, несмотря на неоднократные предприятия вовсе истребить язык богемский, (...) воспрянула из двухвекового своего усыпления, подъяла главу и находится теперь в цвете, который обещает зрелые и обильные плоды. Хотя неоспоримо, что особенное богатство и гибкость языка славян — и преимущественно языка богемцев, ранее прочих образованного, — наиболее к тому способствовали, но не надобно упускать из виду и того, что богемские писатели, не пользуясь тем ободрением и покровительством, какое имеют сродные им писатели русские, трудятся из одного патриотизма, ибо с сохранением языка их тесно связано сохранение существования их нации» (№ 19. С. 219—220). Обе публ. содержали представительный перечень чеш. и словац. писателей и ученых с краткими характеристиками их гл. произв. и трудов, в т. ч. были названы: Йосеф Добровский (Dobrovský, 1753—1829), Антонин Ярослав Пухмайер (Puchmajer, 1769—1820), Йосеф Юнгман (Jungmann, 1773—1847), Антонин Марек (Marek, 1785—1877), Франтишек Палацкий (Palacký, 1798—1876), *П. Й. Шафарик*, *В. Ганка*, *Ф. Л. Челаковский*, Ян Коллар (Kollár, 1793—1852) и мн. др. В беседах П. с друзьями и знакомыми, бывавшими в Чехии или переписывавшимися с чеш. и словац. писателями и учеными, звучали, вероятно, какие-то имена, могли высказываться суждения и оценки, заходила, по-видимому, речь о лит., культурных и обществ. событиях в Богемии и Моравии. Насколько все это могло интересовать П., неизвестно. Он знал о В. Ганке, к-рый в 1836 передал с кем-то ему в подарок две чеш. книги с целью привлечь его внимание к «смутному и угнетенному состоянию чешского языка», как говорилось в надписи на одной из них (Библиотека П. № 659), и познакомиться с этим яз. в его подлинном виде (Там же. № 970). В своей работе со «Словом о полку Игореве» П. пользовался изд. Ганки (Там же. № 969), а при установлении чеш. языковых параллелей обращался, наверное, также к чешско-немецко-латинскому словарю Иржи Палковича (Palkovič, 1769—1850; нем. форма: Georg Palkowitsch). Известен П. был и П. Й. Шафарик, тоже якобы переславший ему с оказией свою «Историю славянского языка и литературы во всех наречиях» («Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», 1826), где ему было посвящено неск. строк, явившихся первым в Чехии о нем печатном сообщением. Однако никаких признаков целенаправленного внимания к этим двум выдающимся деятелям чеш. нац. возрождения со стороны П. не наблюдается. Находившиеся в его б-ке в составе «Сочинений и переводов адмирала [А. С.] Шишкова» (Библиотека П. № 430) «Краледворская рукопись» (подделка Ганки и Й. Линды (Linda, 1789—1834), выданная за памятник старочеш. поэзии) в подлиннике и рус. пер. и «Повествование о богемском языке и словесности» Шафарика не были разрезаны.

В трех пушк. произв.: ст-нии «Яныш королевич» (пятнадцатом в «Песнях западных славян», 1833—1835), драме «(Русалка)» (1829—1830) и

«Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» (1833) — усматривается с разной степенью уверенности и согласия между исследователями генетическая связь с чеш. и словац. фольклором.

Переводом неустановленного чеш. сказания считал песню «Яныш королевич» П. В. Анненков, опиравшийся на примеч. П. к этому ст-нию (Анн. Т. 1. С. 363, 376, 378; Анненков. Материалы. С. 355, 369, 371; переизд.: *Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина*. М., 1984. С. 327, 338, 341). В пользу этого предположения говорят чеш. имена «Яныш» (Japuř и др. варианты) и «Любуся» (Libuša, старое написание: Libussa), к-рая названа «чешской королевной» (ст. 5), упоминание реки Моравы, на берегу к-рой развертывается действие. Хотя в пушкиноведении утвердилась др. точка зрения на происхождение ст-ния, согласно к-рой оно является оригинальным произв. П., представляющим собой изложение фабулы («Русалки»), указанные реалии позволяют ставить вопрос о знакомстве П. с каким-то чеш. произв., ставшим ему известным, возможно, через зап.-европ. источники (см.: *Францев В. А. Две заметки. I. К вопросу об источнике песни «Яныш королевич» // Slavica. 1936/1937. Roč. 14. S. 441—445*). Б. В. Томашевский считал чеш. источником «Яныша королевича» «Краледворскую рукопись» (Томашевский. Пушкин, П. С. 278).

В «Русалке» предполагается связь между сценой расставания князя с дочерью мельника и словац. нар. песней «Долина, долина, К}мена долина...» («Долина, долина, каменистая долина...»), включенной И. И. Срезневским в изданный им сб. «Словацкие песни» (Харьков, 1832. С. 10—11, 46—47; ценз. разреш. 2 февр. 1832), имевшийся у П. (Библиотека П. № 356). Эта гипотеза сопряжена с более точной, чем принята ныне, датировкой соответствующей части первой сцены драмы между временем получения П. сборника, к-рое должно было быть скорым после выхода книги, и 27 апр. 1832 (дата в беловом автографе), что вряд ли доказуемо, хотя и не невозможно.

«Сказку о мертвой царевне», по свидетельству П. А. Плетнева, напечатанному в виде примеч. к повести Е. П. Гребенки «Мачиха и панночка», П. «заимствовал из чешских преданий» (Совр. 1838. № 4. Отд. VIII. Повести и рассказы. С. 1 третьей нум.). Не получившее признания в пушкиноведении, установившем иной генезис «Сказки», это замечание близкого знакомого П., тесно с ним общавшегося по творческим делам, остается важным подтверждением того, что в поле зрения поэта действительно могли находиться какие-то произв. чеш. фольклора.

Пушк. стихи: «Славянские ль ручьи сольются в Русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос» («Клеветникам России», 1831) — восходят к двадцатому сонету поэмы Я. Коллара «Дочь Славы» («Slávy dcera») через посредство заметки «Национальное направление богемской словесности» (Телескоп. 1831. Ч. 3. № 11. С. 400—401; подпись: R. B.), представлявшей собою резюме фр. пер. (Revue Britannique. 1828. Т. 17) статьи англ. литератора Джона Бауринга (1792—1872) о чеш. лит-ре ([Bowring J.]. Bohemian Literature // The Foreign Quarterly Review. 1828. Vol. 2. № 3. Febr. P. 145—174).

Лит.: *Bogatyrev P. G. Byly slovenské písně pramenem Puškinovým? // Slovo a slovesnost. 1937. Sv. 1. S. 53—56; Кишкин Л. С. 1) К вопросу о знакомстве А. С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1951. Т. 4. С. 357—363; 2) Пушкин и чешская культура (1820—1850 гг.) // Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983. С. 129—140; Stanislav J. Zájem A. S. Puškina o slovenskú l'udovú pieseň // Stanislav J. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a L'udovíta Štúra. Bratislava, 1957. S. 51—52; Кауцис Л. Ф., Одесский М. П. 1) Пушкин—Коллар—Мицкевич // Изв. РАН. 1999. Т. 58. № 3. С. 53—59; 2) А. С. Пушкин и Я. Коллар: Из комментария к стихотворению «Клеветникам России» // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рожд. поэта). М., 2000. С. 192—201.*

В. Д. Рак

ЧОСЕР, Чаусер (Chaucer) Джеффри (1340?—1400), англ. поэт, автор «Кентерберийских рассказов» («*Canterbury Tales*») — собр. стихотв. повестей, к-рые рассказывают по очереди паломники, коротая время в пути к гробнице св. Томаса Бекета в Кентербери. В России был известен в XVIII в. и в пушкинскую эпоху лишь по имени, упоминавшемся в ж-лах время от времени в разных формах с очень краткими характеристиками, почерпнутыми из разл. вторичных источников. Вместе с тем популярностью пользовалась стихотв. новелла *Вольтера* «То, что нравится дамам» («*Ce qui plaît aux dames*», 1763, из серии «*Les contes de Guillaume Vade*», 1764), представляющая собою вольный пересказ чосеровского «Рассказа горожанки из Бата» («*The Tale of the Wyf of Bath*»), к-рый был известен Вольтеру по модернизированной парафразе англ. поэта Джона Драйдена (*Dryden*, 1631—1700). С эпизодом из этой «сказки» Вольтера, где безобразная старуха требует от рыцаря за оказанную ему помощь жениться на ней, связано, видимо, карикатурное изображение в «*Руслане и Людмиле*» влюбленной дряхлой Наины. В 1825 П. начал переводить это произв. («*Короче дни, а ночи доле...*»), но далее первых строк не продвинулся. Через пять лет, отвечая на обвинения в непристойности «*Графа Нулина*» («*Опровержение на критики*»), 1830), П. уличал своих критиков в том, что не «по одним лишь именам» были известны им «творцы путливых повестей» (Акад. XI, 156), в числе к-рых, в одном ряду с *Дж. Боккаччо*, *Ж. де Лафонтеном* и др., назвал Ч., обнаружив, т. о., четкое представление о месте англ. поэта в истории жанра, составленное на основании переделки Вольтера и, вероятно, по каким-то источникам, где раскрывалось ее происхождение. Ч. был упомянут вместе с *Э. Спенсером* и *Шекспиром* (Акад. XI, 515, зачеркнутый вар.) в статье «О ничтожестве литературы русской» (дек. 1833—март 1834) для иллюстрации мысли о пышном расцвете в Европе к нач. XVII в. «романтической поэзии», в то время как Франция была наводнена поэтич. безделушками (Акад. XI, 269).

Не получила признания гипотеза Е. Е. Аничковой, согласно к-рой одним из источников «Сказки о царе Салтане» был «Рассказ юриста» («*The Tale of the Man of Lawe*») о добродетельной Констанции.

Лит.: *Аничкова Е. Е.* Опыт критического разбора происхождения пушкинской «Сказки о царе Салтане» // *Язык и литература*. Л., 1927. Т. 2. Вып. 2. С. 92—138 (То же под загл.: Происхождение «Сказки о царе Салтане» // *Slavia*. 1927. Roč. 6. Seš. 1. S. 99—118; Seš. 2/3. S. 335—351); *Алексеев М. П.* Пушкин и Чосер // *Алексеев. П.* Сравн.-ист. исслед. С. 378—392; 2-е изд. С. 388—402 (ранее на англ. яз.: *Pushkin and Chaucer* // *Науч. бюл. ЛГУ*. 1945. № 3. С. 43—46).

В. Д. Рак

Ш

ШАМФОР (Chamfort) Себастьян-Рок (Roch)-Никола (1741—1794), фр. писатель. Прижизненная известность Ш. как автора многочисленных разнообразных, достаточно традиционных худож. и др. соч. (трагедия, комедии, ст-ния, похвальные слова и пр.) уступила место пришедшей к нему после посмертной публикации его собр. афоризмов, мыслей, анекдотов, остроот («*Maximes et pensées. Caractères et anecdotes*», 1795) популярности «острослова», мастера афористических жанров. На рус. яз. избранные изречения Ш. переводились с конца XVIII в., их часто цитировали П. А. Вяземский, А. И. Тургенев.

П. упомянул Ш. в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830), охарактеризовав его как человека «столь же умного, как честного», «не бессмертного гения, но литератора с отличным талантом» (Акад. XI, 171). Называя там же Ш. «твердым», П. имел, вероятно, в виду обстоятельства его самоубийства: подвергнутый аресту во время революции, но освобожденный из тюрьмы, он поклялся никогда более в нее не попадать и, когда за ним пришли вторично, выстрелил себе в голову. П. цитировал Ш. в письме к П. А. Вяземскому от конца марта—нач. апреля 1825 (Акад. XIII, 160) и во второй черн. ред. статьи «О ничтожестве литературы русской», дек. 1833—март 1834 (Акад. XI, 504); Ш. входит в круг чтения Онегина «без разбора» в ожидании ответа Татьяны (гл. VIII, 35. 3). В про-изв. П. выявлены (не во всех случаях вполне убедительно) разл. скрытые цитаты, реминисценции и т. п. изречений Ш.

Лит.: *Козмин Н. К.* Пушкин и французские острословы XVIII в.: (Шамфор, Ривароль, Рюльер) // Изв. АН по рус. яз. и словесности. 1928. Т. 1. С. 548—551; *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. VII. Пушкин и Шамфор // Звенья. Т. 5. С. 119—121; *Лотман Ю. М.* Несколько заметок к проблеме «Пушкин и французская литература»: 2. Еще о «славной шутке» мадам де Сталь // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 380—381 (То же // Лотман. Избр. ст. Т. 3. С. 414—415; Лотман. Пушкин. С. 364—366); *Мошинская Р. П.* Пушкин и исторический анекдот Шамфора // Учебный материал по теории литературы: Жанры словесного текста: Анекдот / Сост. А. Ф. Белюсов. Таллин, 1989. С. 47—52.

Л. И. Вольперт

ШАПЛЕН, Шапелен (Chapelain) Жан (1595—1674), фр. поэт, теоретик лит-ры, предшественник *Н. Буало* в разработке свода правил классицизма, один из организаторов и первых членов Французской академии. Ш. долго пользовался репутацией преемника *Ф. Малерба* и лучшего поэта своего времени, однако его слава померкла с выходом первых двенадцати песен его эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция» («*La Pucelle, ou la France délivrée*», 1656; песни 13—24 опубл. в 1882), героиней к-рой является Жанна д'Арк. Лит. противники Ш. — *Н. Буало*, *Ж. Расин*, *Мольер*,

Ж. де Лафонтен и др. — осыпали его творение непрерывными насмешками и постановили за правило, что допустивший в их кругу погрешность в языке должен был прочесть нек-рое число стихов из этого произв. Буало сделал Ш. мишенью постоянных выпадов в своих сатирах, выводя его в качестве педанта и старомодного автора неблагозвучных стихов. Под влиянием сатир Буало память о Ш. сохранилась лишь как о смешном и бездарном поэте. *Вольтер*, написавший сатир. поэму на ту же тему («*La Pucelle*»), начал ее с иронического обращения к Ш. Эти стихи, с пропуском имени Ш., были переведены П. в 1825 («Начало I песни „Девственницы“»). П., вероятно, не читал самого Ш., а знал его по упоминаниям у Буало и Вольтера, а также по «Лицею» *Ж.-Ф. де Лагарпа*. Тем самым предопределилось употребление П. имени Ш. в нарицательном смысле в значении плохого поэта (поэма «*Бова*», 1814, ст. 4; послание «*К Жуковскому*», 1816, ст. 68, где имя Ш. использовано в борьбе с «Беседой любителей русского слова»).

Б. В. Томашевский, Л. И. Вольперт

ШАТОБРИАН, Шатобриан (Chateaubriand) Франсуа Рене де (1768—1848), фр. писатель. Трактат Ш. «Гений христианства» («*Le Génie du Christianisme*», 1802), повести «Атала, или Любовь двух дикарей» («*Atala, ou les Amours des deux sauvages dans le désert*», 1801) и «Рене, или Следствия страстей» («*René, ou les Effets de la passion*», 1802; рус. пер. 1806), христианская эпопея в прозе «Мученики» («*Les martyrs*», 1809; рус. пер. 1816) сыграли важнейшую роль в становлении фр. и европ. романтизма. В России Ш. пользовался широкой известностью, его произв. читались как в подлиннике, так и в пер.; много отрывков из его соч. и посвященных ему заметок печаталось в рус. периодике. В пушк. окружении Ш. высоко ценил К. Н. Батюшков.

П. рано познакомился с произв. Ш. На первом этапе его привлекали, видимо, повести тонким и глубоким психологическим анализом, изображением всепоглощающей любви, картинами девственной природы Америки. Стихи в беловой рукописи «Евгения Онегина» (гл. I, 9. 3—4): «Любови нас не природа учит А Сталь или Шатобриан» (Акад. VI, 546) — несли, по-видимому, автобиогр. содержание. Религ. сторона произв. Ш., его апология христианской (католической) веры, к-рой «современный мир обязан всем — от сельского хозяйства до абстрактных наук», «самой поэтической, самой благоприятствующей свободе, искусству и словесности», врачующей смятенные, обуреваемые страстями души, осталась П. чуждой, равно как и его полит. взгляды как легитимиста, приверженца династии Бурбонов. Хотя знакомство П. с соч. Ш. еще в 1810-х не вызывает сомнения, в его произв., написанных до южной ссылки, отсутствуют упоминания фр. писателя, цитаты из его соч., реминисценции и т. п. Они появляются с 1821, и относительная их частота говорит о том, что в изгнании П. или перечитывал Ш., или очень хорошо помнил его соч. и неоднократно к ним возвращался своими мыслями. В примеч. к ст-нию «К Овидию» (1821) П. исправил ошибку Ш. в «Мучениках» относительно числа лет, проведенных рим. поэтом в ссылке (Акад. II, 728), а в примеч. к элегии «Андрей Шень» (1825) вспомнил «несколько слов», сказанных о Шень в «Гении христианства» (кн. III, гл. VI) (Акад. II, 953; XI, 35). Именем героини повести «Атала» названа Э.-К. А. Ганская в письме к А. Н. Раевскому (?) от 15—22 окт. 1823 (Акад. XIII, 71). В том же году, несколько позже, П. перефразировал в «Евгении Онегине» (гл. II, 31. 13—14) цитату из «Рене»: «Привычка слыше нам дана: Замена счастию она» (источник указан в авторском примеч. — Акад. VI, 192; по свидетельству А. О. Смирновой-Россет, П. ей говорил, что «из всего», написанного Ш., ему понравились только эти слова Рене. — П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 151; Смирнова. С. 25). В беловой рукописи «Евгения Онегина» (гл. II, 29. 3—4) о Татьяне говорилось, что «Она влюблялася в обманы Шатобриана и Руссо» (Акад. VI, 568), однако в печатном тексте Ш.

был заменен *С. Ричардсоном* (Акад. VI, 44), как более, видимо, соответствовавшим лит. вкусам провинц. барышни. В гл. IV (строфа 26. 1—4) Ш. противопоставляется иронически автор нравоучительного романа, к-рый «иногда» Ленский читает Ольге (ср. черн. вар. — Акад. VI, 362). Повесть «Рене», где Ш. вывел тип романтич. героя в лице разочарованного, объятаго меланхолией и поглощенного рефлексией, бегущего от цивилизации молодого человека, названа в черновике гл. VII (строфа 22, второй вар.) в числе «любимых творений» Онегина, в к-рых «современный человек Изображен довольно верно С своей безнравственной душой, [Често]любивой и [сухой], Мечтанью преданной безмерно, С мятежным сумрачным умом — Люющий (?) хладный яд кругом» (Акад. VI, 438—439). То обстоятельство, что в южной ссылке произв. Ш. находились так или иначе непрерывно в активном поле зрения П., ставит вопрос об их возможном влиянии на поэмы «Кавказский пленник» и «Цыганы». Для П. в это время были, несомненно, интересны и актуальны преломление Ш. руссоистской антитезы «природа—цивилизация» и романтич. тип молодого человека, отмеченного печатью «болезни века». Однако степень непосредственного воздействия Ш. на П. стала в пушкиноведении предметом дискуссии, в к-рой т. зр. разделились от признания сильной зависимости этих поэм от «Аталы» и «Рене» (В. В. Сиповский, В. Л. Комарович, С. Карлинский и др.) до почти категорического ее отрицания (А. Л. Бем, В. М. Жирмунский и др.).

Полит. позиция Ш. в должности посла (1821—1822) и представителя Франции на Веронском конгрессе (окт.—дек. 1822) Священного союза, а затем министра иностр. дел (дек. 1822—1824), активно осуществлявшего принятое на конгрессе решение об интервенции в Испанию, была враждебна взглядам П., к-рый с исключительным сочувствием следил за развитием исп. революции. Но неприятие Ш. Июльской революции 1830, его отказ присягать новому пр-ву, его выступление в палате пэров в пользу свергнутой династии с последовавшим демонстративным выходом из состава палаты вызвали интерес и положительный отзыв П., к-рый 21 авг. 1830 писал Е. М. Хитрово: «Мне до смерти хочется прочесть речь Шатобриана в защиту прав герцога Бордоского. Он еще раз блеснул. Во всяком случае теперь он снова попал в оппозицию» (Акад. XIV, 108; подлинник по-фр.). Феномен Ш., трижды уходившего в оппозицию (Наполеону в 1804, Людовику XVIII и ему наследовавшему Карлу X в 1824, Филиппу Орлеанскому в 1830), приобретал актуальность для П. в контексте волновавшей его проблемы отношений поэта и власть имущих; в поступке Ш. ему импонировало твердое проявление независимости. Как противник Наполеона и союзник в этом *Ж. де Сталь* упомянут Ш. в «Рославлеве» (1831) (Акад. VIII, 152).

В 1826 начало выходить имевшееся у П. (Библиотека П. № 731) полн. собр. соч. Ш. в 27 т. (Bruxelles, 1826—1831). Неизвестно, приобретал ли П. том за томом по мере их поступления в продажу, сразу знакомясь с каждым очередным (предположение В. Л. Комаровича), или купил комплект и сам ли разрезал все те тома, к-рые дошли до нас в этом состоянии (разрезаны худож. произв. и лит.-критич. ст., оставлены без внимания полит. и нек-рые ист. труды). Как бы то ни было, но в 1830-е П., как и ранее, часто вспоминал Ш. В разгар борьбы с Ф. В. Булгариным он дважды («Опровержение на критики»), «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830) цитирует ядовитую фразу: «они comme un homme de noble gace outraged et ne se battent pas» (пер.: они, как человек благородного происхождения, оскорбляют и не дерутся — Акад. XI, 152, 168). В письме Н. И. Кривцову от 10 февр. 1831 (Акад. XIV, 151) и через неск. месяцев в «Рославлеве» (Акад. VIII, 154) приводится сентенция из заключительного монолога Шакстаса («Рене»). В «Обозрении обозрений» (1831) Ш. упомянут как один из зап.-европ. журналистов, к-рые, «собираясь овладеть общим мнением, (...) страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью» (Акад. XI, 194). В наброске

рец. на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие к святым местам» (1832) она сопоставляется с «Путевыми записками от Парижа до Иерусалима» («L'Itinéraire de Paris à Jerusalem», 1811; рус. пер. 1815—1816), в к-рых В. Л. Комарович, чьи наблюдения не получили в пушкиноведении признания, но и не были опровергнуты, усмотрел жанровый прототип «Путешествия в Арзум», где он находил и пародирование нек-рых приемов этого соч. фр. писателя. Полемизируя с М. Е. Лобановым, обличавшим французов, «отуманенных гибельною для человечества новейшею философию, огрубелых в кровавых явлениях революций и упавших в омут душевного и умственного разврата», П. возражает, что «народ {...}, который и ныне гордится Шатобрианом», не отвечает за эксцессы молодых писателей «неистовой» школы («Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», 1836 — Акад. XII, 68—69). Достоверность «Записок Джона Теннера» противопоставляется изображению североамериканских индейцев у Ф. Купера и Ш., к-рые «оба представили {...} индийцев с их поэтической стороны и покрасили истину красками своего воображения» («Джон Теннер», 1836 — Акад. XII, 105). По мнению В. Л. Комаровича, поэма П. «Тазит» (конец 1829—нач. 1830) нек-рыми мотивами перекликается с поэмой Ш. в прозе «Начезы» («Les Natches», 1825) (оспарено Г. Турчаниновым), а изображение и символика памятника Петру I в «Медном всаднике» — с описанием в этом же произв. Ш. (кн. I, гл. 7) конной статуи на Азорских островах.

В 1836, сразу по поступлении в Петербург изданных тогда же в Париже Шатобрианова пер. «Потерянного рая» Д. Мильтона и сопутствующего ему 2-томного «Опыта об английской литературе» («Essai sur la littérature anglaise») П. приобрел их 29 июля (Арх. опеки. С. 55) и, оставив сам пер. неразрезанным (Библиотека П. № 1174), внимательно прочел «Опыт» (Там же. № 732), после чего начал писать о них статью («О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»), 1836), оставшуюся незавершенной. Его интерес вызвали не суждения Ш. об англ. лит-ре, представившиеся ему слабыми, поверхностными и несамостоятельными, а «вдохновенные страницы», где автор «на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель» (Акад. XII, 145). В этих «отрывках», к-рые, по мнению П., «и составляют истинное достоинство „Опыта“», он нашел «много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного)» (Акад. XII, 145). Ш. вызывал уважение П. и как писатель, утвердивший свое независимое от пр-ва положение, что составляло цель и рус. поэта: «...Шатобриан на старости лет перевел Мильтона для куска хлеба. {...} Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно воспользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. {...} Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью» (Акад. XII, 144—145).

21 янв. 1837 своими впечатлениями об этом труде Ш. с П. делился А. И. Тургенев, записавший их кратко через два дня в своем дневнике: «Кончил чтение Шатобриана. Англ. литер. Сколько прекрасных страниц, гармонических и трогательных; но где англ. литература? Везде он, а Милтон резко выглядывает из-под Шатобриана?..» (Щеголев. Дуэль и смерть П. С. 246—247).

В нач. 1839 П. А. Вяземский, находясь в Париже, перевел статью П. на фр. яз. и послал ее Ш., к-рый ее прочел.

Лит.: Сиповский В. В. Пушкин, Байрон и Шатобриан: (Из литературной жизни Пушкина на юге России). СПб., 1899. С. 27—32 (То же // Сиповский В. В. Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 511—518); Бем А. Л. К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина // ПиС. Вып. 15. С. 146—163 (То же // Пушкинист, I. С. 1—17); Жирмунский В. М. 1) Вокруг «Кавказского пленника»: (К столетней годовщине — августа

1822) // Лит. мысль. Пг., 1923. Кн. 2. С. 111—112; 2) Пушкин и западные литературы // П. Врем. Т. 3. С. 89 (То же // Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С. 382); Комарович В. Л. 1) К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // П. Врем. Т. 3. С. 326—338; 2) О «Медном всаднике»: (К вопросу о творческом замысле) // Лит. современник. 1937. № 2. С. 205—220; 3) Вторая кавказская поэма Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 225—230; Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 59—61 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 159—161); Грушкин А. Пушкин 30-х годов о творческой независимости писателя: (Вольтер, Мильтон, Шатобриан) // Звезда. 1939. № 9. С. 156—159; Нечаева В. С. П. А. Вяземский как пропагандист творчества Пушкина во Франции // ЛН. Т. 58. С. 314—316; Турчанинов Г. К изучению поэмы Пушкина «Тазит» // РЛ. 1962. № 1. С. 40, 42—43; Karlinsky S. Two Pushkin Studies: 1. Pushkin, Chateaubriand and the Romantic Pose // California Slavic Studies. 1963. № 2; Barrat G. R. Chateaubriand in Russia, 1800—1830 // Comparative Literature Studies. Urbana, 1972. Vol. 9. № 2. P. 161—168; Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“») // ПИМ. Т. 9. С. 231—240; Ugrinsky A. Chateaubriand and Pushkin: French und Russian variations upon a theme by Guillaume Thomas Raynal // Comparative Literature Studies. 1980. Vol. 17. № 4. P. 469—476; Мильчина В. А. Пушкин и «Опыт об английской литературе» Шатобриана // ПИМ. Т. 15. С. 143—154; Вольперт Л. И. Пушкин и Шатобриан // Пушкинская конф. междунар., 4-я. [Доклады. СПб., 1997]. С. 261—266.

Л. И. Вольперт

ШАФАРИК (Šafařík) Павел Йосеф (1795—1861), словац. и чеш. сла- вист, деятель нац. возрождения. Ш. сыграл важную роль в развитии славя- новедения в др. странах, включая Россию; под его руководством овладевали основами этой науки И. И. Срезневский (1812—1880), О. М. Бодянский (1808—1877) и др.

Автор поэтич. сб. «Татранская муза со славянской лирой» («Tatranská Musa s lýrou slovanskou», 1814), работ «Основы чешского стихосложения» («Počátkové českého básnictví», 1818, совместно с Ф. Палацким (Palacký, 1798—1876)) и «История славянского языка и литературы во всех наречиях» («Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», 1826), имевший связи с рус. учеными, писателями и пр., Ш. был известен П., вероятно, по упоминаниям и отзывам в печати, а также по рассказам о нем их общих знакомых. Находившийся у П. в «Собрании сочинений и пе- реводов адмирала [А. С.] Шишкова» (ч. 13) пер. «Повествование о богем- ском языке и словесности: Из соч. Иосифа Шафарика» остался неразрезан- ным (Библиотека П. № 430). Равным образом и Ш. располагал сведениями о рус. поэте. В «Истории славянского языка и литературы» он уделил ему неск. строк, указав его год рождения, чин в гос. службе и сообщив, что он «сочинил несколько принятых с всеобщим одобрением романтических по-эм», в числе к-рых наряду с «Русланом и Людмилой», «Кавказским пленни- ком» и «Бахчисарайским фонтаном» назвал также «Евгения Онегина», т. е. гл. I, известную ему в это время еще только по назв., как, впрочем, и др. упомянутые им произв. рус. поэта. Прочтя их в нач. 1830-х, он вынес впе- чатление, что «сад», в к-ром произросли эти «роскошные плоды», вместе с творениями К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского, был «не народом славян- ским». Этим своим мнением Ш. поделился с поэтом Яном Колларом (Kollár, 1793—1852) в письме от 18 янв. 1831.

По записанным П. И. Бартевым воспоминаниям А. О. и К. О. Россе- тов, Ш. передал через побывавшего у него Н. Д. Крюковского «какую-то книгу для Пушкина» (предположит. «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur...») «с поручением просить у него „Современника“», но П. якобы ответил, что «Шафарика совестно посылать „Современник“, а если удастся издать что-нибудь поважнее, тогда пошлет» (РА. 1882. № 3. С. 246; П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 314), имея в виду, м. б., задуманное им издание «Слова о полку Игореве». В письме к П. от 1 мая 1836 М. П. Погодин, отве- чая на приглашение сотрудничать в «Современнике», предлагал статью «об источниках для Слав. (янской) истории (вовсе неизвестных у нас) Шафари-

ка» (Акад. XVI, 110). Предпринимая с Погодиным сбор в России средств для науч. деятельности Ш., А. А. Краевский намеревался привлечь к этому и П.

Лит.: Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С. 166, 205; Stanislav J. Zúuem P. J. Šafárika o A. S. Puškina // Stanislav J. Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a L'udovíta Štúra. Bratislava, 1957. S. 48—50; Кишкин Л. С. Пушкин и чешская литература // Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 133, 135—136, 150—151.

В. Д. Рак

ШВЕЙЦАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Для П. и его современников не существовало понятия «швейцарская литература», т. к. процессы формирования нации, государственности и нац. культуры в Швейцарии затянулись — с конца XIII до 2-й пол. XIX в. В пределах швейц. кантонов лит-ра создавалась на четырех яз. — нем., фр., ит., ретороманском — и традиционно рассматривалась в зависимости от яз. как часть лит-ры Германии или Австрии, Франции, Италии, причем вклад швейцарцев в лит-ры др. стран бывал подчас весьма существенным. В лит. процессе Франции и всей Европы участвовали швейц. философы и литераторы: женеццы Ж.-Ж. Руссо, Ш. Бонне (Bonnet, 1720—1793), Ш.-В. де Боншметтен, Ж. де Сталь, выходец из кантона Невшатель философ-моралист Ф.-Р. де Вейсс. Значительную роль в общенем. Просвещении сыграли поэт, прозаик и ученый-естествоиспытатель А. фон Галлер (Haller, 1708—1777) из Берна и др. уроженцы немецкоязычной части Швейцарии, напр.: публицисты и эстетика из Цюриха И. Я. Бодмер (Bodmer, 1698—1783) и И. Я. Брейтингер (Breitinger, 1701—1776), их земляки поэт и художник С. Геснер и литератор, создатель «физиогномики» пастор И. К. Лафатер (Lavater, 1741—1801), бернский публицист и философ И. Г. Циммерман (Zimmermann, 1728—1795), основоположник швейц. педагогики И. Г. Песталотти (Pestalozzi, 1746—1827) из кантона Ааргау. Спор о том, существует ли швейц. нац. лит-ра, продолжался и в XX в. (см.: Jost F. Essais de littérature comparée: I. Helvetica. Fribourg / Suisse, 1964; Литература Швейцарии: Очерки. М., 1969; Wehrli M. Kleinstaat—Muttersprachen—Weltliteratur // Prinzipien der Literaturgeschichte. Wiesbaden, 1988. S. 87—96). Тем не менее можно выделить признаки, характерные в целом для швейц. лит-ры XVIII—XIX вв.: подчеркнутый патриотизм и интерес к нар. (крестьянской) жизни, стремление реалистически изображать человека и природу, сильная этическая, воспитательная тенденция.

Детали истории и быта (упоминания швейц. гвардии в статье «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“)», 1830 — Акад. XI, 177; и «величавых» швейц. коро в вар. текста «Дубровского», 1832—1833 — Акад. VIII, 812), швейц. реалии, к-рые встречаются у П., были взяты им не только из лит-ры. П. близко общался с теми, кто отлично знал как очевидец жизнь и культуру этой страны (Н. М. Карамзин, А. И. Тургенев, В. А. Жуковский). Но, разумеется, нельзя недооценивать печатных источников, среди к-рых на первом месте стояла, возможно, книга Ж. де Сталь «О Германии» («De l'Allemagne», 1810), где ряд страниц посвящен жизни швейц. кантонов («...в Швейцарии больше гражданского духа, чем в Германии, больше патриотизма, больше энергии, больше согласия между мыслью и чувством, но вместе с тем малые размеры государства и бедность страны отнюдь не способствуют появлению гениев...» — ч. I, гл. XX). Рец. П. на переписку Вольтера с Ш. де Броссом по поводу покупки имения в Женевском кантоне («Вольтер», 1836) отражает скептическое мнение П. о «маленькой мещанской республике» (Акад. XII, 76) Женеве. Умиление идеализированными «счастливыми швейцарами» (Карамзин), ставшее в России традиционным, чуждо П. Не образ правления в кантонах и даже не «Швейцарии ландшафт пирамидальный» (в черновиках ст-ния «Осень», 1833 — Акад. III, 917, 934) занимают

его внимание, а две области, в к-рых швейц. культура действительно обогатила эпоху Просвещения, — это, во-первых, жанр прозаич. идиллии (и связанные с ним темы природы и сельской жизни) и, во-вторых, педагогика в ее теории и практическом применении.

Заменяя традиционное изображение идиллического существования условных «поселян» правдивыми картинами жизни рус. крепостной деревни — в ст-нии «Деревня» (1819), в «сельских» строфах «Евгения Онегина» (1823—1830), в повести «Дубровский» (1832—1833) и романе «Капитанская дочка» (1836), — П. полемически отталкивался от идиллий *С. Геснера* и от «геснеровщины» многочисленных рус. и зап. подражателей этого поэта. Только в тех случаях, когда сельский пейзаж передается через восприятие начитанной и мечтательной Татьяны (гл. III, 32; гл. VII, 53) или при описании могилы Ленского (гл. VI, 22), сохраняется поэтичность идиллического ландшафта, образцы к-рого были созданы в лит-ре Геснером. Тема Альп, нередкая в рус. лит-ре пушк. времени (у В. А. Жуковского, у молодого Ф. И. Тютчева), отсутствует у П. даже тогда, когда он обращается к типологически родственной ей теме Кавказских гор (анalogии со швейц. Альпами возникали, напр., у А. А. Бестужева-Марлинского на Кавказе в 1831).

Швейцарская новаторская педагогика, демокр. в своей основе, ориентированная на естественное гармоническое развитие физических и духовных сил ребенка, на воспитание трудолюбия и качеств гражданина, привлекла внимание П., так же как многих рус. педагогов, писателей и мыслителей XIX в. (А. А. Прокопович-Антонский, В. А. Жуковский, Н. И. Тургенев, В. Г. Белинский и др.). В пушк. кругу был известен И. Г. Тоблер, представитель большого швейц. семейства педагогов; он воспитывал братьев Тургеневых (см.: *Ganz W. Die Tobler aus Zürich, 1626—1926. Zürich, 1928*). С 1810 преподавал в Петербурге 40 лет соратник Г. Песталоцци пастор и педагог И. фон Муральт (Мюральт, 1780—1850), с ним были знакомы П., А. И. Тургенев, Жуковский (см.: *Dalton H. J. Von Muralt: Eine Pädagogen- und Pastoren-Gestalt der Schweiz und Rußland aus der ersten Hälfte des XIX. Jhs. Wiesbaden, 1876*). Нек-рые (упрощенные) черты системы Песталоцци проглядывают в слегка ироничном описании воспитания юного Евгения в черн. вар. 3-й строфы гл. I «Евгения Онегина» (1823): «Monsieur швейцарец очень [умный] Учил его всему шутя, Что(б) не измучился дитя Не докучая бранью [шумной]...» (Акад. VI, 215). Позже эта же тема швейц. воспитания была намечена П. в планах «Русского Пелама», 1834—1835 (Акад. VIII, 975). Прототипами такого воспитателя-швейцарца могли П. служить и Тоблер, и Муральт. Др. последователь Песталоцци — педагог и писатель Г. Цшокке (*Zschokke, 1771—1848*), немец, натурализовавшийся в кантоне Ааргау, был в первой трети XIX в. популярен как новеллист, и его много переводили в России. Нек-рые педагогические принципы, восходящие к практике швейцарцев, П. отметил в записке «О народном воспитании» (1826) («ланкастерская» система взаимного обучения, недопущение телесных наказаний).

Лит.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 7—14, 50—129, 151—155.

Р. Ю. Данилевский

ШЕКСПИР, Шекеспир (Shakespeare) Уильям (1564—1616), англ. драматург и поэт. На рубеже XVIII и XIX вв. творческое наследие Ш. стало в европ. лит-рах знаменем иск-ва, свободного от канонов и ограничений классицизма. В России время наиболее активного усвоения Ш. — 1820—1840-е. Однако на рус. сцене до сер. 1830-х трагедии Ш. ставились в вольных переложениях фр. классицистских переделок Ж.-Ф. Дюсиса (*Ducis, 1733—1816*).

Знакомство П. с Ш. в основном началось во время южной ссылки, когда он осознал необходимость освоения англ. лит-ры, хотя он мог знать о нем и

до этого из отзывов фр. писателей (напр., *Вольтера*). В апр.—1-й пол. мая (?) 1824 П. писал П. А. Вяземскому: «...читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» (Акад. XIII, 92), а в письме Н. Н. Раевскому-сыну от 2-й пол. июля (после 19) 1825 он признавался: «...до чего изумителен Шекспир! не могу прийти в себя»; «Читайте Шекспира [это мой постоянный припев]» (Акад. XIII, 197, 408; подлинник по-фр.). Не владея в молодости достаточно англ. яз., П. первонач. ознакомился с Ш. гл. обр. по пер. П. Летурнера (1736—1788), испр. и переизд. Ф. Гизо (1787—1874) и А. Пишо (1796—1877): *Ceuvres complètes de Shakspeare, trad. de l'anglais par Letourneur / Nouv. éd., rev. et corr., par F. Guizot et A. P[ichot], traducteur de Lord Byron* (Paris, 1821. 13 t.; в 6-ке П. сохранилось тит. изд. 1827: Библиотека П. № 1389). Впоследствии П. признал этот пер. несовершенным и писал: «Стали подозревать, что г. Летурнер мог ошибочно судить о Шекспире и не совсем благоразумно поступил, переправляя на свой лад Гамлета, Ромео и Лира» («(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“»», 1836 — Акад. XII, 137). Впрочем, нек-рое знакомство с детскими лет с англ. яз. позволяло П. просматривать и подлинник Ш.; в гл. II, 37. 6 «Евгения Онегина» (1823) он вложил в уста Ленского цитату из «Гамлета»: «„Poor Yorick!“ — молвил он уныло...». Овладев англ. яз., П. приобрел изд. пьес Ш. в подлиннике: *The dramatic works of Shakspeare printed from the text of S. Johnson, G. Steevens and J. Reed* (Leipsic, 1824 — Библиотека П. № 1390). Весьма важной для П. была вступ. статья Гизо «Жизнь Шекспира» («*Vie de Shakspeare*») к изд. пер. Летурнера, представлявшая своего рода манифест романтизма, в к-ром отстаивалось драматич. иск-во широкого охвата действительности и обществ. звучания. Позднее П. заинтересовался «Лекциями о драматическом искусстве и литературе» («*Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur*», 1809—1811) А. В. Шлегеля, нем. переводчика Ш., и приобрел их фр. пер.: «*Cours de littérature dramatique, par A. W. Schlegel: Trad. de l'Allemand* (Paris, 1814; см. письма к Л. С. Пушкину 14 марта и 22—23 апр. 1825 — Акад. XIII, 151, 163; Библиотека П. № 1356); в лекциях содержались обстоятельные толкования пьес Ш.

Интерес П. к Ш. был связан с основной проблемой лит. развития 1820-х — созданием нац. самобытной рус. лит-ры. Размышляя над судьбами родной лит-ры и сущностью «истинного романтизма», к-рый он толковал как целостное и непосредственное постижение жизни, П. считал Ш. романтиком и противопоставлял его фр. классицистам. Признавая драму нар. иск-вом, П. видел в Ш. истинно нар. драматурга. «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и (ли) менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Это, считал П., воплотилось в творчестве Ш.: «...мудрено отъять у Шекспира в его Отелло, Гамлете, Мера за меру и проч. достоинства великой народности» («(О народности в литературе)», 1825—1826 — Акад. XI, 40), — писал он о пьесах, где действие происходит вне Англии. Изучение творчества Ш. привело П. к осмыслению задач, стоящих перед истинным драматургом: «Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная»; «Что нужно драмм(атическому) писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода*». При этом П. не идеализировал Ш., находил в его пьесах «неравенство, небрежность, уродливость отделки» (планы статьи «(О народной драме и драме „Марфа Посадница“»», 1830 — Акад. XI, 419). Шекспиризм П. не ограничивался лит.-эстетич. проблемами, но способствовал формированию представлений о ходе истории и человеческих судьбах. Размышляя о трагическом исходе восстания декабристов, П. писал Дельвигу в нач. февр. 1826: «Не будем ни суеверны, ни односторонни — как фр. (анцузские) трагики; но взглянем на

трагедию взглядом Шекспира» (Акад. XIII, 259). «Взгляд Шекспира» для П. — это объективно-историческое понимание эпох, людей и событий, отказ от фатализма, всестороннее непредубежденное рассмотрение явлений и их причинно-следственных связей.

Точный объем знакомства П. с творчеством Ш. не установлен. Реминисценции в его произв. и письмах и воспоминания о нем относятся к 16 пьесам (в хронологической последовательности): «Гамлет» («Hamlet, Prince of Denmark», 1601), «Отелло» («Othello, the Moore of Venice», 1604), «Мера за меру» («Measure for Measure», 1604), «Король Генрих V» («King Henry V», 1598), «Буря» («The Tempest», 1612), «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet», 1595), «Макбет» («Macbeth», 1606), «Как вам это понравится» («As You Like it», 1599), «Кориолан» («Coriolanus», 1607), «Юлий Цезарь» («Julius Caesar», 1599), «Король Лир» («King Lear», 1605), «Король Ричард III» («The Tragedy of King Richard III», 1593), «Венецианский купец» («The Merchant of Venice», 1596), «Король Генрих IV» («King Henry IV», 1598), «Виндзорские проказницы» («The Merry Wives of Windsor», 1595) и «Сон в летнюю ночь» («A Midsummer-Night's Dream», 1596), а также к поэме «Изнасилование Лукреции» («The Rape of Lucrece», 1593) и сонетам («Sonnets», 1592—1598). Несомненно, однако, что этим известные П. произв. Ш. не черпываются.

Задумав «романтическую трагедию», какой должен был явиться «Борис Годунов» (письмо к П. А. Вяземскому 13 июля 1825 — Акад. XIII, 188), П. ориентировался на драматич. хроники Ш., воссоздававшие «смутное время» англ. истории, кровавую борьбу за трон, междоусобные войны и мятежи. Но при этом П. создавал подлинно рус. трагедию, действующие лица к-рой не имеют прямых соответствий у Ш. (единственное исключение Варлаам, несколько сходный с Фальстафом). Следование Ш. он видел в создании жизненно правдивых характеров и ист. времени. «По примеру Шекспира я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим эффектам, к романтическому пафосу и т. п.» (письмо к Н. Н. Раевскому-сыну, 30 янв. или 30 июня 1829 — Акад. XIV, 46, 395; подлинник по-фр.). Особенно существенной для П. была многосторонность человеческого образа у Ш.: «...Шексп. (иру) я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов» («Наброски предисловия к „Борису Годунову“»), 1830 — Акад. XI, 140). Итоговым было рассуждение П., также ориентированное на Ш.: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от др. (аматического) писателя» («О народной драме и драме „Марфа Посадница“»), 1830 — Акад. XI, 178). Создавая «Бориса Годунова», П. использовал материалы «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и старинных летописей, подобно Ш., к-рый обращался к ист. «Хроникам Англии, Шотландии и Ирландии» («Chronicles of England, Scotlande and Irelande», 1577) Р. Холиншеда (Holinshed, ум. ок. 1580). Как свидетельствовал С. П. Шевырев, «Пушкин сам говорил, что намерен писать еще „Лжедмитрия” и „Василия Шуйского”, как продолжение „Годунова”, и еще нечто взять из междуцарствия: это было бы в роде Шекспировских хроник» (П. в восп. совр. (1974). Т. 2. С. 40). Однако это намерение не было осуществлено. Прямых заимствований из Ш. в «Борисе Годунове» нет. Имеются нек-рые соответствия между сценой предсмертного прощания царя Бориса с царевичем Федором («Москва, царские палаты») и короля Генриха IV с принцем Генрихом («King Henry IV», Pt II, act II, sc. 5), а также между финалом трагедии П., где в последней сцене после призыва Мосальского: «...кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!» следует ремарка: «Народ безмолвствует» (сц. «Кремль. Дом Борисов. Стража у крыльца» — Акад. VII, 98), и рассказом герцога Бекингема Ричарду Глостеру о том, что после его призыва лондонским горожанам кричать: «Да здравствует король наш Ричард!» они молчали («The Tragedy of King Richard III»,

act III, sc. 7). П. по примеру Ш. писал трагедию гл. обр. 5-стопным белым ямбом с нек-рыми рифмованными вставками и включением прозаич. реплик и сцен. Д. Т. Шоу, обнаружив в сцене «Замок воеводы Мнишка в Самборе» в заключительной реплике Мнишка 14 рифмованных строк, истолковал их как сонет и выявил соответствия между этой сценой и бальной сценой в «Ромео и Джульетте» (д. I, сц. 5), к-рая завершается сонетом в исполнении хора.

Основная проблема в «Борисе Годунове» — отношение гос. власти и народа — ставилась в ист. хрониках Ш. Но там она не главная: тема и сюжет пьесы определяется характером короля, а народ составляет лишь активный фон сценического действия. П., восприняв от Ш. введение в пьесу народа (в планах статьи «〈О народной драме и драме „Марфа Посадница“〉»): «Шекспир. *Народ*. [Посадские] Женщины» — Акад. XI, 419), уравнивал его по значению с государем и представил как движущую силу истории. П. ориентировался на Ш. и в построении трагедий; он писал: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранив последнее» («〈Письмо к издателю „Московского вестника“〉», 1828 — Акад. XI, 66), т. е. отказался от единства времени и места и не вполне соблюдал единство действия, т. к. в трагедии два гл. героя — Борис и Самозванец. Но, «расположив» соответственно свою трагедию, П. не уловил присущее пьесам Ш. расхождение между временем событий, показанных в пьесе, и временем, к-рое подразумевает развитие сюжета, тесно связывающего сцены. В таком «двойном времени» (см.: *Аникст А. А.* Шекспир: Ремесло драматурга. М., 1974. С. 99—107) проявлялось некое внутреннее несовершенство драматургии эпохи Ш., однако непрерывность сюжета обеспечивала занимательность спектакля. П. не осознал этой особенности пьес Ш., и сцены «Бориса Годунова» лишены непосредственной сюжетной связи; к тому же он ошибался, полагая, что «сценические эффекты» чужды Ш. (см. с. 378). И это неблагоприятно сказалось на сценической занимательности его трагедии. Связь «Бориса Годунова» с драматургией Ш. была замечена после опубликования трагедии в 1831 и по-разному оценивалась в зависимости от позиции критика. Актер В. А. Каратыгин, в то время поборник классицизма, считал, что «это галиматья в шекспировском роде» (письмо П. А. Катенину 5 марта 1831 — РА. 1871. № 6. Стб. 0243). Поборник и переводчик Ш. ссыльный В. К. Кюхельбекер видел недостаток трагедии П. в том, что она «слишком отзывается подражанием Шекспиру», что лишает ее «того самозабвения, без которого нет истинной поэзии» (запись 16 апр. 1835 — Кюхельбекер. Путешествие. С. 361). Н. А. Полевой в статье, посвященной «Борису Годунову», указывал, «что Пушкин решился создать *Драму северную, Историческую*; что образцом его была *Шекспирова Историческая Драма*», но в отличие от Ш., у к-рого драма «основывается на строгом единстве действия», П. вопреки своим намерениям сумел «нанизать только *исторических сцен*» (МТ. 1833. Ч. 49. № 2. С. 292, 316). Сценичность «Бориса Годунова» сравнительно с пьесами Ш. отрицал и Н. Н. Надеждин: «Шекспировы *хроники* писаны были для театра и посему более или менее подчинены условиям сценики. Но *Годунов* совершенно чужд подобных претензий (...) Это ряд *исторических сцен*... эпизод *истории в лицах!*...» (Телескоп. 1831. Ч. 1. № 4. С. 557). Хотя «Борис Годунов» не сыграл той реформаторской роли в рус. театре, на к-рую рассчитывал П., его ориентация на поэтику Ш. была воспринята последующей рус. драматургией, в особенности исторической. А разработанный П.-драматургом 5-стопный белый ямб был освоен многими рус. переводчиками пьес Ш.

Через месяц после окончания «Бориса Годунова» П. создал в сер. дек. 1825 поэму «Граф Нулин», о чем писал впоследствии, объясняя ее происхождение: «Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я

подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить?» («Заметка „О графе Нулине”», 1830 — Акад. XI, 188). Поэма Ш. «Изнасилование Лукреции» основана на антич. ист. легенде о том, что Лукреция, жена знатного римлянина, была обесчещена Секстом (у Ш. — Tarquin — Тарквиний), сыном римского царя Тарквиния Гордого, а затем, рассказав отцу и мужу о своем позоре и заставив их поклясться, что они отомстят за нее, закололась; в результате царская власть в Риме была свергнута. Поэма Ш. бедна действием, полна риторическими медитациями, сложными метафорами, мифол. и др. аллюзиями, что было чуждо худож. стилю П. К тому же, читая поэму во фр. прозаич. пер., он не мог оценить достоинства стиха и строфики оригинала, и у него возникла «мысль пародировать историю и Шекспира» (Акад. XI, 188). Слово «пародировать» имело здесь значение «перелицевать», «вывернуть наизнанку»; П. решил осуществить это в своей поэме, названной первонач. «Новый Тарквиний», т. е. как бы «Лукреция наизнанку». Однако поэма Ш. и соответствующая антич. легенда послужили лишь первичным стимулом к созданию «Графа Нулина», и хотя в поэме П. содержатся две прямые реминисценции («К Лукреции Тарквиний новый Отправился на все готовый» — ст. 248—249; «Она Тарквинию с размаха Дает — пощечину» — ст. 287—288), П. снял первонач. травестийное заглавие, и реалистическая картина провинц. помещицкой жизни с бытовой стихией избранного сюжета приобрела самодовлеющее значение. Параллелей между поэмами Ш. и П. немного: обе героини, прощаясь с героями, подают им руку, что те толкуют как намек (строфа XXVII, XXVIII); ночью Тарквиний, встав, перебрасывает через плечо плащ (строфа XXV), Нулин накидывает халат; с котом, кидающимся намышь, сравниваются и Тарквиний (строфа LXXX), и Нулин (это сравнение П. встречал также у *Вольтера* — см. с. 87).

В основном П. проявлял интерес к Ш.-драматургу. Особо привлек его образ Отелло, вызывавший нек-рые ассоциации с прадедом А. П. Ганнибалом. Еще в 1825 в черн. набросках к гл. IV «Евгения Онегина», вспоминая своего одесского знакомого Морали (т. е. мавра Али), П. написал: «И ты Отелло-Морали» (Акад. VI, 465). Коллизия трагедии Ш. присутствовала в сознании П., когда, создавая «Полтаву», он повествовал о любви юной Марии к старому гетману Мазепе. Впоследствии, возражая критикам, утверждавшим, что такая любовь невозможна, П. заявил, что «любовь есть самая своенравная страсть», и в подтверждение ссылался, в частности, на Ш.: «А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?..» («Возражение критикам „Полтавы”», 1830 — Акад. XI, 164). Еще ближе образ Отелло ассоциируется с Ибрагимом, героем повести «Арап Петра Великого», особенно в любовном ее эпизоде, в к-ром светская белая женщина воспламеняется страстью к «негру, жалкому творению, едва удостоенному названия человека», хотя в ее кругу он воспринимается как «род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего» (Акад. VIII, 9, 5). Итоговое суждение П., к-рое он сформулировал: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив» («Table-talk» — Акад. XII, 157) — опиралось на характеристику венецианского мавра в предисл. Гизо к фр. пер. трагедии (*Œuvres complètes de Shakspeare*. Т. 5. P. 11—13).

В дек. 1829 в СЦ 1830 появилась заметка П. при пер. П. А. Плетнева «Сцена из трагедии Шекспира „Ромео и Юлия”», где говорилось, что трагедия «явно входит» в драматич. систему Ш. «и носит на себе (...) много следов вольной и широкой его кисти». «В ней отражалась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и *soncetti*. Так понял Шекспир драматическую местность». Из действующих лиц после заглавных героев П. выделил «Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный,

привязчивый благородный (...) замечательнейшее лицо из всей трагедии» (Акад. XI, 83). В заметке отразилось внимание П. в эти годы к воссозданию местного колорита в драматургии, связанное с его творческими исканиями при написании «маленьких трагедий», в к-рых он стремился представить нац. и ист. обстановку европ. стран, где происходит действие. При этом П. отошел от внешних особенностей драматич. системы Ш. с присущими ей охватом многих лиц и событий и стилистической многоплановостью, но сохранил интерес к сложности образов у Ш., что позднее отразила заметка в его «Table-talk»: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолобив, остроумен» (Акад. XII, 159—160). Подобную многосторонность П. стремился воплотить в своих героях, напр., в Дон Гуане («Каменный гость») или Бароне («Скупой рыцарь»), у к-рого догматические понятия о рыцарской чести переплетены с ростовщической скупостью и жадностью. Несомненно, что Шейлок послужил прообразом Жида в «Скупом рыцаре». Обобщение Донны Анны Дон Гуаном имеет параллель у Ш.: обольщение леди Анны Ричардом Глостером («The Tragedy of King Richard III», act I, sc. 2). Но П., разделив действия искусителя на две сцены, усилил их психол. достоверность. Выдавая «Скупого рыцаря» за пер. сцен из несуществующей «Ченстоновой трагедии „The Covetous Knight”», П. стремился стилизовать пьесу в англ. манере, образцом к-рой считал Ш. Это особенно проявилось в монологе Барона (сц. 2), где олицетворяется «окровавленное Злодейство» (Акад. VII, 111), нагнетаются образные метафоры в рассуждении об угрызениях совести (Акад. VII, 113) и т. п., что чуждо собственному стилю П. Об этом монологе писал И. С. Тургенев: «Чистая английская, шекспировская манера!» (письмо к П. В. Анненкову 2 февр. 1853 — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. 2-е изд. М., 1987. Письма. Т. 2. С. 199).

В 1833 П. начал переводить пьесу Ш. «Мера за меру», формально считающуюся комедией, т. к. она завершается счастливым концом, хотя в сюжете ее много драматических и трагических ситуаций. Пьеса, возможно, привлекла П. своей обществ.-полит. проблематикой; в ней обличается лицемерие представителя гос. власти, подчеркнута противоречие между формальным соблюдением карающего закона и человечностью. Сохранившийся пер. начала «Меры за меру» («Вам объяснять правления начала...») — Акад. III, 324—325, 937—938) показывает, как П. упорно добивался точной передачи смысла текста, проявляя при этом присущее ему стремление к предельной сжатости: 26 1/2 англ. строк (д. I, сц. 1, строки 3—29) — реплики Герцога (у П. — Дук), Эскала и Анджело — переданы 22 строками рус. стиха с соблюдением размера оригинала — 5-стопного ямба. Однако, привлеченный содержанием пьесы, П. отказался от пер., т. к., видимо, нашел, что она плохо построена: сюжет излишне запутан, прерывается побочными эпизодами и т. д. Также ему была чужда циническая грубость уличных и тюремных сцен. В результате П., опираясь на пьесу Ш., создал поэму «Анджело», придав ей стройность и логическую ясность. Начиная с П. В. Анненкова, по мнению к-рого П. при создании «Анджело» «хотел (...) видеть, как одна из самых живых драм нового искусства отразится в повествовании» (Анненков. Материалы. С. 381), нек-рые исследователи полагали, что рус. поэт гл. обр. преследовал худож. цель преобразования драматич. формы в эпическую. Однако П. знал и повествовательные произв., связанные с «Мерой за меру». Изложение новеллы ит. писателя Джиральди Чинтио (Cinthio, 1504—1573), к к-рой восходит сюжет пьесы Ш., содержится в предисл. к фр. пер. «Меры за меру» в изд. Летурнера—Гизо (см. с. 377), а полный нем. пер. приведен в труде Карла Зимрока (1802—1876) «Источники Шекспира...» (*Simrock K.* Die Quellen des Shakespeare in Novellen, Märchen und Sa-

gen. Berlin, 1831. Т. 1—3), две части к-рого находились в б-ке П. (см.: Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 574; неизвестно, находилась ли среди них та часть, где помещена новелла Чинтио). Была у П. и содержащая пересказ «Меры за меру» книга англ. писателя Чарльза Лэма (Lamb, 1775—1834) «Рассказы из Шекспира» («Tales from Shakespeare: Designed for the use of young persons. 5th ed. London, 1831. P. 233—252 — Библиотека П. № 1068). Лэм, отбросив второстепенные эпизоды, сделал то извлечение из «Меры за меру», к-рого близко придерживался П. В пересказе Лэма и в «Анджело» представлены те же персонажи, и их действия в основном совпадают. При этом П. обращался с Лэмом так же свободно, как и с Ш., брал то, что ему было нужно, отбрасывал лишнее, добавлял необходимое для психол. достоверности действий героев и развития основной проблемы своей поэмы.

«Борис Годунов» и «Анджело» — наиболее «шекспировские» произв. П. — показывают, что рус. поэт обращался к англ. драматургу не только в поисках худож. средств, но и в раздумьях над соврем. ему полит. проблемами. Ш. помогал П. раскрыть трагизм отношений между деспотической властью и народом и человеческой личностью. В то же время во многих прозв. и письмах П. встречаются разл. реминисценции из Ш., напр.: «Слегка Шекспира не ценишь...» («Калмычке», 1829); «Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутивыми» («Гробовщик», 1830 — Акад. VIII, 89); «творец Макбета» («Сонет», 1830) «Гамлет-Боратынский» («Послание Дельвигу», 1827); цитата из «Гамлета»: «...слова, слова, слова» («Из Пиндемонта», 1836); «Зачем арапа своего Младая любит Дездемона...» («Езерский»), 1832, ст. 176—177); цитата из «The Tragedy of King Richard III, act V, sc. 4, l. 7: «A horse, a horse! My kingdom for a horse!» (письмо к П. А. Вяземскому 11 июня 1831 — Акад. XIV, 175; пер.: «Коня, коня! Мое королевство за коня»); С. А. Соболевского П. прозвал именем персонажа из «Бури» Калибан (письма к С. А. Соболевскому от ноября 1827, февр. 1828 и к М. П. Погодину 1 июля 1828 — Акад. XIII, 348; XIV, 5, 21) и т. д.

Лит.: Анненков. Пушкин. С. 293—300; *Стороженко Н. И.* Отношение Пушкина к иностранной словесности // Рус. курьер. 1880. 8 июня. № 154 (То же // Венок на памятник Пушкину / [Сост.] Ф. Б. [Ф. И. Булгаков]. СПб., 1880. С. 223—227; *Стороженко Н. И.* Из области литературы. М., 1902. С. 334—338); *Чуйко В. В.* Шекспир и Пушкин // Отклик: Лит. сб. СПб., 1881. С. 194—233; *Покровский М. М.* Шекспиризм Пушкина // Венг. Т. 4. С. 1—20; *Herford C. N.* A Russian Shakespearian // Bul. of the John Rylands Library. Manchester, 1925. Vol. 9. № 2. P. 453—480; *Винокур Г. О.* «Борис Годунов»: [Комментарии] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 481—496 (То же // Винокур Г. О. Собр. тр.: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999. С. 313—336); *Якубович Д. П.* Перевод Пушкина из Шекспира // Звенья. Т. 6. С. 144—148; *Верховский Н. П.* Западноевропейская историческая драма и «Борис Годунов» Пушкина // Западный сб. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 187—226; *Эйхенбаум Б. М.* О замысле «Графа Нулина» // П. Врем. Т. 3. С. 349—357; *Боброва М. Н.* К вопросу о влиянии Шекспира в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // Лит. в школе. 1939. № 2. С. 69—80; *Бонди С. М.* Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX в. // Пушкин — родоначальник. С. 377—391 (То же: Драматургия Пушкина // Бонди. О Пушкине. С. 186—208; 2-е изд. С. 183—205); *Нусинов И. М.* «Антоний и Клеопатра» Шекспира и «Египетские ночи» Пушкина; «Анджело» // Нусинов И. М. Пушкин и мировая литература. М., 1941. С. 285—378 (То же // Нусинов И. М. История литературного героя. М., 1958. С. 231—324); *Gifford H.* Shakespearean elements in «Boris Godunov» // SEER. 1947. Vol. 26. № 66. P. 152—160; *Lavrin J.* Puškin and Shakespeare // Puškin and Russian Literature. New York, 1948. P. 140—160; *Gibian G. 1)* Pushkin's parody on *The Rape of Lucrece* // Shakespeare Quarterly. 1950. Vol. 1. № 4. P. 264—266; *2)* *Measure for Measure* and Pushkin's *Angelo* // Publications of the Modern Language Association of America. 1951. Vol. 66. № 4. P. 426—431; *Kreft B.* Puškin in Shakespeare. Ljubljana, 1952; *Wolf T. A.* Shakespeare's influence on Pushkin's dramatic work // Shakespeare Survey. 1952. Vol. 5. P. 93—105; *Алексеев М. П.* А. С. Пушкин // Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 162—200 (То же: Пушкин и Шекспир // Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. С. 240—280; 2-е изд. С. 253—292); *Урнов Д. М.* 1) Пушкин и Шекспир: (1830-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966; 2) Споры о Шекспире: Пушкин и Шекспир // Урнов М. В.,

Урнов Д. М. Шекспир: Движение во времени. М., 1968. С. 116—148; *Левин Ю. Д.* 1) Об источниках поэмы Пушкина «Анджело» // Изв. ОЛЯ. 1968. Т. 27. Вып. 3. С. 255—258; 2) Метафора в «Скупом рыцаре» // РР. 1969. № 3. С. 17—20; 3) Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина // ПИМ. Т. 7. С. 58—85; 4) Шекспир и русская литература XIX в. Л., 1988. С. 32—63; *Лотман Ю. М.* Идеиная структура поэмы Пушкина «Анджело» // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 3—23 (Учен. зап. ЛГПИ) (То же // Лотман. Пушкин. С. 237—252); *Мейлах Б. С.* Загадочная поэма // Мейлах Б. С. Талисман: Кн. о Пушкине. М., 1975. С. 141—153; *Clayton J. D.* Emblematic and iconographic patterns in Pushkin's «Eugene Onegin»: A Shakespearean Ghost // Germano-Slavica. Waterloo, Ont., 1975. Vol. 6. P. 53—66; *Штейн А.* Пушкин и Шекспир // Шекспировские чтения, 1976. М., 1977. С. 148—175; *Dudek G.* Die Bedeutung von Puschkins Shakespeare—Rezeption für die Entwicklung der russischen Nationalliteratur // Shakespeare-Jahrbuch. Weimar, 1980. Bd 116. S. 26—35; *Вольперт Л. И.* «Шекспиризм» Пушкина и Стендала: («Арап Петра Великого» и «Арманс») // Болд. чтения, [1982]. 1983. С. 56—66 (То же // Вольперт. П. в роли Пушкина. С. 231—236); *Eyink H.-P.* Zum Einfluß von Shakespears Tragödien und Historien auf Puškins Drama «Boris Godunov»: Einteilungsprobleme des Dramas in Puškins Gesamtwerk: Dis. phil. Münster (Westf.): Univ., 1987; *Seehase G.* Puškins Parodie auf Shakespeare in «Graf Nulin» // Alexander Puschkin in unserer Zeit: Beiträge der Wissenschaftlichen Arbeitstagung «Puschkin und wir» anlässlich des 150. Todestages des russischen Nationaldichters am 12. Mai 1987 in Leipzig / Wissenschaftliche Redaktion: G. Dudek. Leipzig, 1988. S. 47—53; *Shaw J. T.* Romeo and Juliet, local colour, and «Mniszek's sonnet» in Boris Godunov // SEEJ. 1991. Vol. 35. № 1. P. 1—35 (То же под загл.: Romeo and Juliet and «Mniszek's sonnet» // Shaw J. T. Pushkin's Poetics of the Unexpected: The nonrhymed lines in the rhymed poetry and the rhymed lines in the nonrhymed poetry. Columbus (Oh.), 1993. P. 191—219; рус. пер.: *Шоу Т.* Местный колорит в «Ромео и Джульетте» и сонет Мнишка в «Борисе Годунове» // Проблемы современного пушкиноведения: Сб. ст. Псков, 1994. С. 5—43; *Шоу Дж. Т.* Поэтика неожиданного у Пушкина: Нерифмованные строки в рифмованной поэзии и рифмованные строки в нерифмованной поэзии. М., 2002. С. 293—335); *Долгин А. А.* 1) Заметки к проблеме: «Пушкин и Шекспир»: (О подзаголовке «Скупого рыцаря») // Сб. ст. к 70-летию Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 183—189; 2) Пушкин и Англия. Прилож.: Параллельные места из поэмы Пушкина «Анджело» и комедии Шекспира «Мера за меру» («Measure for Measure») // Эткиндовские чтения I: Сб. ст. по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27—29 июня 2000). СПб., 2003. С. 87—107; *Рак В. Д.* Пушкин и французский перевод *Отелло* // The Pushkin Journal. 1993. Vol. 1. № 1. P. 36—44 (То же // Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. СПб., 2003. С. 265—275); *Маранцман В. Г.* Традиции Шекспира в творчестве Пушкина // Историко-литературный сборник: К 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 145—153; *Medzibovskaya I.* Hamlet's Jokes: Pushkin on «Vulgar Eloquence» // SEEJ. 1997. Vol. 41. № 4. P. 551—579; *Etkind E.* Shakespeare in der russischen Dichtung des Goldenen Zeitalters (1808—1840) // Das Shakespeare-Bild in Europa zwischen Aufklärung und Romantik / Hrsg. R. Bauer u. a. Bern [u. a.], 1988. S. 241—261 (Jahrb. für intern. Germanistik. Reihe A. Kongressberichte. Bd 22); *Жутовская Н. М.* Трагедии В. Шекспира «Генрих IV» и «Ричард III» и драма А. С. Пушкина «Борис Годунов»: (К вопросу о творческом воздействии // Символизм и русская литература XIX века: (Памяти А. С. Пушкина и А. Блока) : [Междунар. науч. конф.], 06. 02—10. 02. 2001, [Пушкинские Горы]; Пушкин и Шекспир : [Междунар. науч. конф.], 24. 09—30. 09. 2001, [Пушкинские Горы] : Материалы / Отв. ред. В. М. Маркович. СПб., 2002. С. 215—224; *Старк В. П.* Поэма Пушкина «Граф Нулин» и шекспировская «Лукреция» // Там же. С. 245—261; *Телетова Н. К.* Категория времени в трагедиях Пушкина и Шекспира // Там же. С. 225—236; *Захаров Н. В.* Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Jyväskylä, 2003 (Jyväskylä Studies in the Arts. 83).

Ю. Д. Левин

ШЕНСТОН (Shenstone) Уильям (1714—1763), англ. поэт. П. имел о нем представление с лицейских лет. В рукописных лекциях Н. Ф. Кошанского и в книге А. Ф. Мерзлякова «Краткое начертание теории изящной словесности» (М., 1822) Ш. фигурировал как «Ченстон». Позже П. встречал упоминания о нем у *Байрона* и *В. Скотта*. По всей вероятности, искаженная форма «Ченстон» (фр. написание Chenstone, читаемое по-англ.?) была взята П. для мистификации в подзаголовке «Скупого рыцаря»: «Сцены из ченстоновой траги-комедии: The covetous Knight» (см. с. 366). В поэме Ш. «Бережливость» («Oeconomy, a Rhapsody, addressed to young poets», 1744)

развивается тема скупости, но в рассуждениях и замечаниях общего характера, к-рые несопоставимы с текстом пьесы П. и не могли быть источником даже отдельных ее строк. Нет никаких свидетельств того, что П. читал эту поэму; возможно, уже после того, как был написан «Скупой рыцарь», он познакомился с извлечениями из нее в книге И. Дизразли (1766—1848) «Литературные редкости» (*D'Israeli I. The Curiosities of Literature*. Paris, 1835. Vol. 3. P. 101—112 — Библиотека П. № 585. Vol. 73—75). Статья о Ш., где приводились эти выдержки и где он характеризовался как талантливый поэт, не оцененный по достоинству и забытый, могла подсказать П. мысль приписать этому реальному англ. писателю несуществующую пьесу, назв. к-рой было поставлено в подзаголовок «Скупого рыцаря» еще в 1830.

Лит.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: Письма. 2-е изд., испр. и доп. М., 1987. Т. 2. С. 182, 198—199, 241; Анн. Т. 1. С. 286—287 (То же // Анненков. Материалы. С. 277—279); *Дионео [Шкловский И. В.]*. О разных разностях // Одесский листок. 1899. 29 мая (10 июня). № 136. С. 1; *Якушкин В. Е.* Пушкин и Ченстон // Рус. вед. 1899. 9 мая. № 126. С. 4 (ср.: Новое время. 1899. 11 мая. № 8333. С. 3); *Веселовский А. Н.* Этюды и характеристики. СПб., 1907. С. 644; *Simmons E. J.* Pushkin and Shenstone // *Modern Language Notes*. 1930. Vol. 45. № 7. Nov. P. 454—457; *Якубович Д. П.* Скупой рыцарь: [Комментарий] // Пушкин. 1935. Т. 7. С. 517—519; *Gregg R. A.* Pushkin and Shenstone: The case reopened // *CL*. 1965. Vol. 17. № 2. P. 109—116; *Алексеев М. П.* [Примеч. по поводу статьи Р. А. Грегга] // Врем. ПК. 1969. С. 115—116; *Аринштейн Л. М.* 1) Пушкин и Шенстон: (К интерпретации подзаголовка «Скупого рыцаря») // Болд. чтения, [1979]. 1980. С. 81—95; 2) Две интерпретации «Скупого рыцаря» американскими славистами // РЛ. 1980. № 3. С. 238—241.

В. Д. Рак

ШЕНЬЕ (Chénier) Андре-Мари де (1762—1794), фр. поэт. Сын фр. консула в Константинополе и гречанки, владевшей др.-греч. и лат. яз., Ш. получил классическое образование, определившее его увлечение античностью, в особенности греч. поэзией. В своих ст-ниях, из к-рых многие остались незавершенными, в виде фрагментов, следовал древним образцам, отличаясь от соврем. ему фр. поэтов верностью духу антич. поэзии. Сочувственно встретив революцию и приветствовав неповиновение королевской власти в оде «Клятва в Зале для игры в мяч» («Ode sur le serment du Jeu de paume», 1791), Ш. быстро в ней разочаровался, не приняв разгула плебейства, перешел в лагерь монархистов, резко обличал якобинцев в печати и воспел Шарлотту Корде, убийцу их вождя Ж.-П. Марата («Ode à Marie-Anne Charlotte Corday», 1793, опубл. 1819). Арестованный 7 марта 1794, он провел неск. месяцев в тюрьме Сен-Лазар, где писал стихи, в т. ч. одну из лучших своих од «Юная узница» («Ode pour une jeune captive», опубл. 1795); он был казнен 25 июля, за два дня до падения якобинской диктатуры.

При жизни Ш. и в первые два десятилетия после его смерти были напечатаны лишь неск. его ст-ний; в 1819 Анри де Латуш (псевд.; наст. имя и фамилия — Н.-Ж.-А. Thabaud, 1785—1851) издал по рукописям однотомное собр. его соч., включив в него и фрагменты. Сб. имел большой резонанс. На фоне пережитого фр. об-вом в последние годы XVIII—нач. XIX в. увлечения античностью и развития молодой поэзии XIX в. преимущ. в жанре элегии, обильно представленном у Ш., его ст-ния были восприняты как очень современные и вызвали оживленное обсуждение в прессе.

В России Ш. стал известен еще до 1819 по посмертным публикациям его ст-ний в ж-лах и в примеч. ко второму тому «Гения христианства» *Ф.-Р. де Шатобриана*, по небольшим биогр. заметкам о нем и упоминаниям его фамилии во фр. печати, в частности в связи с обвинениями его брата М.-Ж. Шенье (1764—1811) в том, что он его предал, ничего не сделав для его спасения. Какие-то из этих публикаций попадали в поле зрения П., определенно — заметка о нем и его ст-ния, напечатанные в «Гении христианства». Согласно длительной пушкиноведческой традиции (Н. В. Гербель,

П. А. Ефремов, Ю. А. Веселовский, А. Л. Слонимский и др.), уже в оде «Вольность» (1817) под «возвышенным галлом» (ст. 9—10) имелся в виду Ш. Эта гипотеза была достаточно убедительно оспорена Б. В. Томашевским, считавшим, что П. подразумевал *П.-Д. Экушара-Лебрена*. Аргументы сторон представляются исчерпанными, однако вопрос не закрыт. П. познакомился со сб. Ш. еще в 1819 в Петербурге, о чем свидетельствует заключительная строка ст-ния «Дориде» (январь 1820), являющаяся пер. 9-го стиха XXVI элегии Ш. В Гурзуфе (19 авг.—4 сент. 1820) он читал Ш. по экз., имевшемуся у Н. Н. Раевского-младшего, и отсюда началось стойкое, продолжавшееся едва ли не до последних лет жизни его увлечение творчеством и личностью фр. поэта. Впоследствии П. приобрел себе этот сб. (Библиотека П. № 736); когда это произошло, установить нет возможности, но в михайловской ссылке он этой книгой располагал и к ней обращался.

В Крыму, на фоне волнующих ярких впечатлений от виденных антич. развалин и от южной природы, близкой к природе Греции и Италии, П. остро воспринимал новаторский характер поэзии Ш., к-рый, считая себя по праву рождения от гречанки потомком и наследником антич. поэтов, провозгласил тезис «На новые думы сложим античные стихи» («*Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques*») и, преодолев условный мифологизм классицизма XVIII в., создал «формы новые по образцам древних» (П. А. Вяземский), отличавшиеся верностью их воспроизведения, подобной же пластичностью, конкретностью живых, чувственно осязаемых образов, разнообразием тонов, недосказанностью и незавершенностью, что открывало простор для воображения читателя. П. сознательно избрал Ш. себе в учителя, сделав его стихи объектом глубокого изучения и примером для собственных экспериментов того же рода. В первый период (1820—1821) влияние Ш. проявилось в элегиях и ст-ниях, составивших в Ст 1826 отдел «Подражания древним», как-то: «Нереида» (ср. фрагмент VI идиллий «*Je sais quand le midi leur fait désirer l'ombre...*»), «Редеет облаков летучая гряда...», «Муза» (ср. фрагмент III идиллий «*Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche...*»), «Дионея» (ср. элегия V «*Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire...*»), «Приметы» и др. Эти и им подобные ст-ния, даже те из них, к-рые соотносимы с определенными ст-ниями Ш., не были ни пер., ни даже «подражаниями»; П. вдохновлялся общей мыслью и духом фр. оригинала, создавая на этой основе, при сходстве отдельных образов и стихов, самостоятельные ст-ния. По образцу Ш. с этих пор П. стал разрабатывать жанр «отрывка» как своеобразную худож. форму, открывающую перед поэтом новые возможности. Также опыт Ш. помог П. преодолеть монотонность alexandрийского стиха и придать ему ритмико-интонационное разнообразие и гибкость.

Переводить Ш. подстегнула П., вероятно, публикация в ПЗ 1823 пер. Н. И. Гнедича «Тарентинская дева» (элегия XX «*La jeune tarentine*»), что П. воспринял как вторжение в «свои» владения на Парнасе (см. письмо к Л. С. Пушкину от 30 января 1823 — Акад. XIII, 56). В 1823—1835 были вольно, с разной степенью творческой переработки, переведены: начальная сцена идиллии III «Слепец» («*L'aveugle*») — «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (1823); элегия V (ранее получившая отражение в «Дионее») — «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...» (1824); ст. 45—56 элегии X («*Quand la feuille en festons a couronné les bois...*») — «О боги мирные полей, дубров и гор...» (1824); фрагмент I идиллий («*Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente...*») — «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...», нач. 1825, завершено 1835); ст-ние «*Près des bords où Venise est reine de la mer...*» (опубл. 1826) — «Близ мест, где царствует Венеция златая...» (1827). В то же время поэзия Ш. продолжала служить П. стимулом к созданию своих оригинальных ст-ний, к числу к-рых принадлежат: «Каков я прежде был, таков и ныне я...» (1828), где в эпиграфе и первом стихе воспроизведена начальная строка фрагмента I элегий («*Tel j'étais aut-*

refois et tel je suis encore...») и где контаминированы мотивы этого фрагмента и элегии XL; «Поедем, я готов; куда бы вы друзья...» (1829), где развиваются мотивы фрагмента V элегий («Partons, la voile est prête, et Byzance m'appelle...»); элегия «Безумных лет угасшее веселье...» (1830), связанная, возможно, генетически с элегией XXXVI («O nécessité dure! ô pesant esclavage...»).

В отличие от фр. романтиков (в частности, Ш. Нодье), признавших Ш. своим предшественником, П. видел в нем «истинного грека», «из классиков классика», в к-ром «романтизма (...) нет еще ни капли». Эту мысль он развивал в черновике письма к П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 (Акад. XIII, 380—381), повторил в наброске письма к нему же (?) 5 июля 1824 (Там же. С. 102) и вернулся к ней в 1830, оспаривая неправильное с его точки зрения понятие фр. критиков о романтизме («(Заметки и афоризмы разных годов)» — Акад. XII, 179). Важнейшим и своего рода кульминационным моментом его восприятия Ш. явилась элегия «Андрей Шенье» (май—июнь 1825). В этом ст-нии, полном цитат и реминисценций из Ш., нашли выражение, в сложном сплаве, раздумия П. о Французской революции, отношениях поэзии и политики, оценка творчества и гражд. позиции Ш., нарек на собственное заключение в Михайловском (вложенное в уста Ш. пророчество «Падешь тиран!...», относящееся к М. Робеспьеру, П. задним числом истолковал как предсказание близкой смерти Александра I — письмо к П. А. Плетневу от 4—6 дек. 1825 — Акад. XIII, 249). В примеч. к элегии П. намеревался сообщить сведения о Ш. и дать оценку его поэзии; замысел не был осуществлен, а сделанный черн. набросок неск. начальных предложений включается в собр. соч. П. в виде отдельной заметки («(Об Андре Шенье)», 1825).

В произв. и письмах П. 1820—1830-х рассыпаны упоминания Ш., цитаты из его ст-ний и реминисценции. Неполные два стиха «Ainsi, triste et sardonif, ma lyre toutefois S'éveillait» (пер.: Так, когда я был в печали и в заключении, лира моя все же пробуждалась) из оды XI «Юная узница», записанные на обороте переплета третьей кишиневской тетради П. (ПД 833), предполагались в качестве эпиграфа к Ст 1826 (письмо к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 — Акад. XIII, 153) и затем были поставлены эпиграфом к элегии «Андрей Шенье». Та же ода цитируется в письме к А. А. Бестужеву от 8 февр. 1824 (Акад. XIII, 88). В «Евгении Онегине» (гл. IV, 38—39. 3—4 «Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй») дословно переведен стих («Le baiser jeune et frais d'une blanche aux yeux noirs») из ст-ния «Кавалеру де Панжу старшему» («Au Chevalier de Range aîné»). В ст-нии «Отцы пустынные и жены непорочные...» (1836) стих «Любоначалия, змеи сокрытой сей» восходит к стихам «Tout mortel dans son coeur cache, même à ses yeux, L'ambition, serpent insidieux...» (Всякий смертный в сердце скрывает, даже от своих глаз, Властолюбие, коварного змия) из оды «Игра в мяч». Упоминания Ш. по разным поводам содержатся в письмах к П. А. Вяземскому от 2-й пол. ноября 1825 (Акад. XIII, 243) и 2-й пол. (не позднее 24) мая 1826 (Акад. XIII, 278), в рец. на альм. «Северная лира» (1827) в связи с публ. там пер. Д. П. Ознобишина «Неера: (Из Шенье)» (Акад. XI, 48), в зачеркнутом вар. черновика статьи «(О записках Самсона)» (1830) как о жертве палача (Акад. XI, 367) и в рец. (1831) на поэт. сб. Ш.-О. Сент-Бёва как образцового поэта (Акад. XI, 198).

Наряду с этими бесспорными обращениями П. к Ш. указано с неодинаковой, в ряде случаев невеликой мерой убедительности большое число различных сопоставлений и сближений (см.: Ранние пушкинские штудии А. Ахматовой; Гречаная 2, указ. на с. 549), в т. ч. со ст-ниями Ш., опубликованными после смерти П. В обоснование гипотезы о знакомстве П. с последними выдвинуто предположение, согласно к-рому его познакомил с ними В. И. Туманский по приезду в 1823 в Одессу из Франции, где он якобы мог их читать в рукописи и сделать копии. Напр., А. А. Ахматова отметила

близость стиха П. «Голодный лев следит оленя бег пахучий» («Напрасно я бегу к сионским высотам...», 1836) и стиха Ш. «D'un agile chevreuil suit les pas odorants» (пер.: Преследует по пахучим следам проворную косулю) из фрагмента поэмы «Гермес» («Hermès», опубл. 1839). Из всех обнаруженных поэтессой параллелей между Ш. и П. эта самая убедительная.

Лит.: Любомудров С. И. Античные мотивы в поэзии Пушкина. М., 1899. С. 16—26 (2-е изд. СПб., 1901. С. 20—30; первонач. в кн.: Календарь Лицея в память цесаревича Николая на 1899/1900 учеб. год. Серия II. Год 6. М., 1899); Веселовский Ю. А. Пушкин и Шенье // Венг. Т. 3. С. 581—584; Томашевский Б. В. 1) Заметки о Пушкине. IV. О «Возвышенном галле» // ПиС. Вып. 28. С. 70—72; 2) Пушкин и французская литература // ЛН. Т. 31/32. С. 11—12, 56—58 (То же, доп. // Томашевский. П. и Франция. С. 76—79, 87, 89, 154—156); 3) Пушкин и французская революционная ода: (Экушар Лебрен) // Изв. ОЛЯ. 1940. № 2. С. 50—53 (То же // Томашевский. П. и Франция. С. 351—356); 4) Пушкин и история французской революции // Томашевский. П. и Франция. С. 185—189; 5) Томашевский. Пушкин, II. С. 65—73; Гроссман Л. П. Пушкин и Андре Шенье // Свиток: Альманах литературного общества «Никитинские субботники». М.; Л., 1924. [Кн.] 3. С. 85—122 (То же // Гроссман Л. П. От Пушкина до Блока. М., 1926. С. 15—52; Гроссман Л. П. Собр. соч. М., 1928. Т. 1. С. 81—120); Козмин Н. К. Пушкин и Виктор Гюго об Андрее Шенье // Язык и литература. 1926. Т. 1. Вып. 1/2. С. 351—360; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // П. Врем. Т. 6. С. 129—133; Stretooukhoff D. André Chénier en Russie // RLC. 1957. Т. 31. № 4. P. 529—542; Слонимский А. Л. О каком «возвышенном галле» говорится в оде Пушкина «Вольность»? // ПИМ. Т. 4. С. 327—335; Гернштейн Э. Г., Вацууро В. Э. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Врем. ПК. 1970. С. 40—41 (То же // Ахматова. О Пушкине. С. 242); Нольман М. Л. 1) «След возвышенного галла»: (Пушкин и Андре Шенье) // Герценовские чтения, 23-и. Филол. науки. Л., 1970. С. 44—46; 2) Парадокс о «возвышенном галле» // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 104—105; Koehler L. The Identity of Pushkin's «Sublime Gaul» // SEER. 1971. Vol. 49. № 117. Oct. P. 487—489; Реизов Б. Г. Воспоминание из Андре Шенье у Пушкина // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 127—133 (То же под загл.: Пушкин и Андре Шенье : (Элегия «Безумных лет угасшее веселье...») // Реизов Б. Г. История и теория литературы: Сб. ст. Л., 1986. С. 187—193); Фризман Л. Г. 1) Три элегии // Искусство слова: Сб. ст. к 80-летию Д. Д. Благого. М., 1973. С. 72—81; 2) К заметке Пушкина «Об Андрее Шенье» // Врем. ПК. 1976. С. 144—146; Сандомирская В. Б. 1) «Андрей Шенье» // Ст-ния. П. 1820—1830 гг. С. 8—34; 2) Первый перевод Пушкина из Андре Шенье // ПИМ. Т. 7. С. 167—184; 3) Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Врем. ПК. 1975. С. 20—22; 4) Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // ПИМ. Т. 8. С. 90—106; 5) «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцати годов // ПИМ. Т. 9. С. 69—82; Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой: (По материалам архива П. Лукницкого) / Публ., сост. и вступ. заметка В. Лукницкой; Комментар. В. Непомнящего, С. Великовского; Послесл. В. Непомнящего // ВЛ. 1978. № 1. С. 185—228 (То же сокращ.: Лукницкий П. Н. О гении // Лукницкая В. К. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 352—357; Послесл.: Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М., 1983. С. 46—52); Громбах С. К истории стихотворения «Поедем, я готов...» // ВЛ. 1983. № 4. С. 204—210; Эткинд Е. Г. 1) «Союз ума и фурий»: (Пушкинские мятежники) // Россия=Russia. Venezia, 1987. № 5. С. 72—76; 2) Французская поэзия в творчестве Пушкина : Андре Шенье // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 157—164; 3) Метопереводы Пушкина : (Андре Шенье в пушкинской поэзии) // Res tradutorica : Перевод и сравнительное изучение литератур. СПб., 2000. С. 119—128; Гречаная Е. П. 1) Пушкин и А. Шенье : (Две заметки к теме) // Врем. ПК. Вып. 22. С. 98—108; 2) Андре Шенье в России // Шенье А. Соч., 1819 / Изд. подгот. Е. П. Гречаная. М., 1995. С. 448—458, 549; Вацууро В. Э. 1) Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацууро. М., 1989. С. 37—41; 2) Две заметки к пушкинским текстам. 2. Пророчество Андрея Шенье // The Pushkin Journal. (Salt Lake City, Utah). 1993. Vol. 1. № 1. P. 28—35 (То же // Вацууро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 84—91); Кузнецов И. С. А. С. Пушкин и А. Шенье: (Опыт характеристики поэтического своеобразия стихотворения «Покров, упитанный язвительной кровью...») // Болд. чтения, [19-е. 1989]. 1991. С. 116—124; Рамзанова Г. Г. К возможному источнику элегии Н. М. Языкова «Ты восхитительна! Ты пышно расцветашь...»: (А. С. Пушкин или А. Шенье?) // Поэзия А. С. Пушкина и ее традиции в русской литературе: XIX—начало XX века. М., 1989. С. 81—86; Strada V. L'André Chénier di Ale-

xandr Puškin // *Filologia e letteratura nei paesi slavi: Studi in onore di S. Graciotti*. Roma, 1990. P. 467—475; *Driver S. Chénier and Puškin: The Problem of the «Lofty-Spirited Gaul»* // For Henry Kučera: *Studies in Slavic Philology and Computational Linguistics* / Ed. by A. W. Mackie a. o. Ann Arbor, 1992. P. 163—178 (*Papers in Slavic Philology*. 6); *Телетова Н. К.* След возвышенного галла: Андре Шенье и Александр Пушкин // Вышгород. Таллин, 1995. № 1/2. С. 100—113 (То же, доп., под загл.: Андре Шенье и Александр Пушкин // РЛ. 1996. № 1. С. 6—18); *Ермоленко С. И.* У истоков жанра отрывка в русской поэзии: (Пушкин и А. Шенье) // П. и мировая культура. С. 181—182.

См. также библиогр. к статье «*Андрей Шенье*» в т. «Творчество».

В. Д. Рак

ШИЛЛЕР (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих фон (1759—1805), нем. поэт, драматург, прозаик, мыслитель. В России известен с сер. 1780-х; его соч. в рус. переводах широко публиковались на стр. период. печати, выпускались отд. изданиями, а его пьесы еще при жизни автора прочно вошли в репертуар петерб. и моск. театров. К нач. 1810-х Ш. воспринимался в России в первую очередь как поэт «сердца и чувства», поэт-романтик; в романтическом ключе интерпретировалось драматическое творчество Ш., утвердившее за писателем в России славу ученика *Шекспира* и продолжателя его традиций. Существенную роль в формировании этого образа сыграли Н. М. Карамзин и в особенности В. А. Жуковский, благодаря переводам к-рого в рус. лит. вошел целый круг шиллеровских мотивов.

С интересом относились к Ш. литераторы пушк. круга, увидев в нем не только чувствительного поэта, но и певца «вольности» и «свободы», к-рый, как писал П. А. Вяземский, «гремел в пользу притесненных» (ОА. Т. 2. С. 170). Особой популярностью в этой среде пользовалась ода «К радости» («An die Freude», 1785), отзвук к-рой, слившийся с мотивами шиллеровской «Пуншевой песни» («Punschlied», 1803), обнаруживается, напр., у Вяземского (эпистола «К друзьям» («Кинем печали!...») (1815)), у К. Н. Батюшкова («Мои пенаты», 1812, и др.), у В. К. Кюхельбекера («К радости», между 1815—1817, напеч. 1825). Последний, открыв для себя Ш. еще в лицейские годы, на протяжении всей своей жизни относился к творчеству нем. поэта с пристальным вниманием. Именно Кюхельбекер стал пропагандистом Ш. в лицейской среде, его «живым лексиконом и вдохновенным комментарием», как назвал своего друга (не упоминая по имени) П. в биогр. наброске «Дельвиг», 1834 (Акад. XI, 273). Не случайно сопряжение этих двух имен в пушк. ст-нии «19 октября» (1825): «Поговорим о бурных днях Кавказа, О Шиллере, о славе, о любви» (ст. 111—112), — обращался П. к «Вильгельму», «брату родному по музе, по судьбам» (ст. 103—104). Сам П., познакомившийся с творчеством Ш. в лицейские годы (прежде всего благодаря усилиям Кюхельбекера) и получивший самое общее представление о его эстетич. взглядах на лекциях П. Е. Георгиевского, читавшего курс истории поэзии (Лицейские лекции. С. 120), несомненно, знал основные произв. Ш. по многочисленным рус. и фр. пер., по откликам в европ. и рус. печати; при этом, однако, он не проявлял в целом особого, направленного интереса к автору «Идеалов» («Die Ideale», 1795) и «Резиньяций» («Resignation», 1786) — произв. нем. филос. лирики, оставивших глубокий след в рус. поэзии первой четверти XIX в. Лишь на уровне отд. мотивов и созвучий можно говорить о связи между двумя поэтами, к-рая в большинстве случаев носит опосредованный характер. Так, «Заздравный кубок» (1816) П. соотносится с «Пуншевой песней» Ш., с к-рой пушк. ст-ние оказывается связанным лишь на уровне общих мотивов и строфики (Томашевский. Строрфика П. С. 108; *Томашевский Б. В.* Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 357). Типологическое сходство обнаруживается между «Вакхической песней» П. (1826) и одой «К радости»; в отраженном виде мотив из той же оды Ш. возникает в пушк. послании декабристам в Сибирь (1827), где два первых стиха: «Во глубине сибирских руд Храните гордое терпенье...» — представляют собою парафраз строк из ст-ния А. А. Дельвига «Прощальная песнь воспитанников

Царскосельского лицея» (1817): «Храните, о друзья, храните (...) В несчастье гордое терпенье...», к-рые в свою очередь восходят к пятой строфе оды Ш. (Danilevskij 1998. S. 166—167). Исследователи склонны видеть в противопоставлении «молодости» и «зрелости» в пушк. ст-нии «Отрок» (1830) развитие образа, данного в эпиграмме Кюхельбекера «Возраст счастья» (1820), представляющей собою подражание шиллеровскому «Играющему мальчику» («Der spielende Knabe», 1795) (Кибальник 1987. С. 65—69), хотя у П. смысловая нагрузка этого противопоставления весьма отличается как от Кюхельбекера, так и от Ш. Очевидны тематические и сюжетные параллели (при отсутствии прямой зависимости) между ст-нием П. «Романс» (1814, 1826) и балладой Ш. «Детоубийца» («Kindermörderin», 1782; рус. пер. М. В. Милонова — ВЕ. 1813. Ч. 70. № 13. С. 3—7). К Ш. возводят строфику «Песни о вешем Олеге» (Danilevskij 1998. S. 167—168), образцы к-рой были даны в пер. баллад Ш., выполненных Жуковским, в частности — в «Кубке» (1822—1831) (оригинал: «Der Taucher» («Нырлящик»), 1797) и в нек-рой степени в «Графе Габсбургском» (1818) (оригинал: «Der Graf von Habsburg», 1803); последняя баллада обнаруживает типологическое сходство также с «Песнью о вешем Олеге» (R.-D. Keil). Шиллеровская фразеология входит и в ранние пушк. элегии, навеянные ст-нием Жуковского «Мечты» (1812), к-рое являлось переработкой шиллеровских «Идеалов». Впоследствии у П. вырабатывается несколько ироническое отношение к «элегизму» Ш. в интерпретации Жуковского и его эпигонов, о чем свидетельствует, напр., его замечание в письме ок. (не позднее) 21 апр. 1820 к Вяземскому по поводу «Голоса с того света» (1817) Жуковского, представляющего собою переложение из Ш. (Акад. XII, 15). Но независимо от отношения П. к «унылому элегизму», примечательно, что это лит. явление связывается в его восприятии именно с Ш., чей «элегический» образ возникает в «Евгении Онегине» в связи с Ленским, в частности — в сцене накануне дуэли: «При свечке, Шиллера открыл...» (гл. VI, 20. 4). Юный поэт, герой пушк. романа в стихах, задремывает в той же главе (строфа 23.7) «на модном слове *идеал*», к-рое выделено курсивом и скорее означает противопоставление земного и возвышенного в лит-ре рус. романтизма, чем указывает на прямую связь с «Идеалами» Ш. Тем не менее имя нем. поэта становится в этом контексте символом определенного умонастроения и лит. стиля. В предсмертной элегии Ленского «Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни...» (гл. VI, 21. 3—4) возможно тонкое пародирование 4-й строки все тех же шиллеровских «Идеалов» в переложении Жуковского («Мечты», ст. 5: «О дней моих весна златая...»). Появление именно в VI гл. «Евгения Онегина» мотивов, связанных с «Идеалами» Ш., могло быть вызвано тем, что как раз в период работы над ней (1826) соч. Ш. во фр. пер. находились в поле зрения поэта (Розова. С. 377). То, что П. подчеркивает увлеченность Ленского шиллеровской поэзией, дало основание нек-рым исследователям (Ю. Н. Тынянов) поставить под сомнение возможность соотнесения фигуры Ленского и Кюхельбекера, поскольку именно в сер. 1820-х последний резко изменил свое отношение к Ш. и выступил с резкой критикой его «чувствительной» поэзии (как определил теперь Кюхельбекер поэзию своего прежнего кумира) в своем «Разговоре с Ф. В. Булгаринным» (1824). Отношение П. к Ш. было несколько иным — оно исключало как поклонение, так и отрицание. Пушк. рисунок 1829, передающий романтический облик нем. поэта, лишен иронии (ПД 1723, л. 10 об.; воспроизведено: Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой: Факс. воспроизведение. СПб., 1999. Л. 10 об.). И переводы Жуковского из Ш. ценил П. высоко (см. его письмо к П. А. Вяземскому от 1 июня 1831 — Акад. XIV, 170). В «Евгении Онегине» имеются и др. шиллеровские мотивы, чуждые полемичности. С трагедией Ш. «Орлеанская дева» («Die Jungfrau von Orleans», 1801) в пер. Жуковского (полн. изд. 1821) связывают сцену прощания Татьяны с родными местами («Простите, мирные долины, И вы, знакомых гор вершины, И вы, знакомые леса...» —

«Евгений Онегин», гл. VII, 28. 5—7), очень напоминающую сцену прощания Иоанны с родиной («Простите вы, холмы, поля родные; Приятно-милый, ясный дол, прости...») в явл. 4 «Пролога» трагедии (Ю. А. Веселовский).

Помимо романа в стихах, близость П. к Ш. отмечается в ст-нии «Мне бой знаком...» (1820), сходном по содержанию с песней ландскнехтов из ч. I «Лагерь Валленштейна» («Wallensteins Lager», 1798) драматич. трилогии Ш. о Валленштейне.

Если в поэзии связь между П. и Ш. прослеживается достаточно отчетливо, хотя, как правило, речь идет лишь об опосредованном восприятии отд. мотивов, то параллели между драматургией Ш. и произв. П. имеют преимущ. характер типологических сходжений. Так, традиционно тему «разбойничества» у П. («Братья разбойники», 1821—1822; «Дубровский»), 1832—1833) связывают с хорошо известной П. в чтении и по театру драмой Ш. «Разбойники» («Die Räuber», 1781), к-рой европ. предромантическая и романтич. лит-ра обязана появлением типа «благородного разбойника»; при этом отмечается отсутствие прямой зависимости образа Дубровского от шиллеровского Карла Моора (*Манн Ю. С. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 57—59*). Определенное типологическое сходство персонажей и психол. ситуаций обнаруживается между драмой Ш. «Коварство и любовь» («Kabale und Liebe», 1784) и повестью П. «Станционный смотритель» (1830), между «Разбойниками» и пушк. «Сценами из рыцарских времен» (1835), между драматич. поэмой Ш. «Дон Карлос» («Don Carlos», 1787) и пушк. пер. из трагедии *В. Альфьери* на тот же сюжет («Из Alfieri», 1827). Наиболее отчетливы параллели между «Борисом Годуновым» (1824—1825) и неоконченной трагедией Ш. «Димитрий» («Demetrius», 1805). Известно, что именно в период создания трагедии о царе Борисе П. обратился к чтению драм Ш., и в списке необходимых книг, к-рый он послал брату из Михайловского в Петербург 22 и 23 апр. 1825 (Акад. XIII, 163), были указаны и «Драматические сочинения» Ш. на фр. яз. Сведения о шиллеровском «Димитрии» П. мог получить и от Жуковского. И хотя нет прямых свидетельств того, что П. знал об этом произв. Ш., обращение к одному и тому же ист. материалу, общая проблематика (властитель и народ, суд истории, проблема совести и др.), сходные черты в образах Лжедмитрия и Бориса у Ш. и П. позволяют сделать вывод если не о прямой связи, то о несомненных общих лит. и ист. источниках обоих произв. (к таким источникам принадлежат трагедии и «хроники» Шекспира). Косвенно соотносится с Ш. и знаменитая ремарка «Народ безмолвствует», к-рая восходит к Шекспиру и Плутарху, но вместе с тем имеет аналог и в шиллеровской новелле «Игра судьбы» («Spiel des Schicksals», 1789), переведенной Карамзиным в ВЕ (1802. Ч. 4. № 15. С. 177—193).

Помимо совпадения отд. мотивов, образов, лит. типов, наличия общего интереса к сходным темам и проблемам, обращает на себя внимание и определенная близость эстетических взглядов обоих поэтов, выразившаяся, в частности, в схожем взгляде на роль поэта, на проблему «поэт и толпа»; ср. у П. высказывание героя «Египетских ночей» (1835) о том, что «толпа не имеет права управлять {...} вдохновением» (Акад. VIII, 268) и такие ст-ния Ш., как «Художники» («Die Künstler», 1789), «Идеал и жизнь» («Das Ideal und das Leben», 1795), «Власть песни» («Die Macht des Gesanges», 1795).

Лит.: *Веселовский Ю. А. Шиллер как вдохновитель русских поэтов // Веселовский Ю. А. Литературные очерки. М., 1910. Т. 2. С. 7; Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // П. в мировой лит-ре. С. 283—286 (То же // Тынянов. С. 118—121; Тынянов Ю. Н. История литературы; Критика. СПб., 2001. С. 129—132); Алексеев М. П. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме // «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Сб. ст. Л., 1936. С. 104—110 (То же // Алексеев. П. и мировая лит-ра. С. 384—389); *Розова З. Г. Пушкин и «Идеаль» Шиллера // Slavica. 1937. Roč. 14. Seš. 3. S. 376—404; Fischer R. Schiller und Puschkin // Weimarer Beiträge. 1960. № 3. S. 603—611; Kostka E.**

Pushkin's debt to Schiller // Rivista di letteratura moderne e comparate. Firenze, 1967. Vol. 20. № 2. P. 85—100; *Keil R.-D.* Der Fürst und der Sänger : Variationen eines Balladenmotivs von Goethe bis Puskin // Studien zur Literatur und Aufklärung in Osteuropa. Gießen, 1978. S. 240—249; *Danilevskij R. Ju.* 1) Schiller und Puschkín // Schiller und die Folgen. Weimar, 1979. S. 33—40; 2) Schiller in der russischen Literatur: 18. Jahrhundert—erste Hälfte 19. Jahrhundert. Dresden, 1998. S. 153—224; *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 329; *Кибальник С. А.* 1) К вопросу об источниках пушкинского стихотворения «Отрок»: Пушкин и Шиллер // *ZfS*. 1987. Bd 32. Hf. 1. S. 65—69; 2) Художественная философия Пушкина. СПб., 1998. С. 106; *Brody E. C.* Schiller's idealism and Pushkin's realism: Two aspects of early nineteenth-century historical drama // Friedrich von Schiller and the drama of human existence / Ed. by A. Ugrinsky. New York a. o., 1988. P. 21—27; *Жуйкова.* № 848, 849; *Мурьянов М. Ф.* Портрет Ленского // ВЛ. 1997. № 6. С. 102—122; *Wedel E.* Puschkin und die westeuropäische Literatur // «Von Pol zu Pol Gesänge sich erneun...»: Das Europa Goethes bis seine Nationalliteraturen / Hrsg. J. Golz, W. Müller. Weimar, 2001. S. 177.

Р. Ю. Данилевский, М. Ю. Коренева

ШЛЕГЕЛЬ (Schlegel) Август Вильгельм (1767—1845), нем. писатель, ученый, переводчик, критик, теоретик романтизма. Берлинские лекции Ш. «О художественной литературе и искусстве» («Vorlesungen über schöne Literatur und Kunst», 1801—1804, изд. 1884) и гл. обр. прочитанный им в Вене курс драматич. лит-ры («Über dramatische Kunst und Literatur», 1808, изд. 1809—1811) принесли ему европ. известность. В России знали Ш. с 1810-х; существенную роль в распространении его идей сыграл В. А. Жуковский, к-рый собирался, в частности, включить в планируемую им антологию «образцовых» нем. писателей пер. из шлегелевского курса драматич. лит-ры (письмо к Д. В. Дашкову от 1817 — РА. 1868. № 4/5. С. 842).

В 6-ке П. имелось фр. издание венских лекций Ш. (Cours de littérature dramatique. Paris, 1814. Т. 1—3) (Библиотека П. № 1356). Имя Ш. встречается у П. впервые в черн. наброске «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов“)» (1825). Автор статьи утверждал, что в России уже появилась лит. критика; но П. счел это явление поспешным: по его мнению, рус. критика пребывала еще «во младенчестве» в отличие, напр., от немцев, из к-рых он называет Ш., ставя его в один ряд с англичанином *Д. Аддисоном*, французом *Ж.-Ф. де Лагарпом* и женевским историком культуры *Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди* (Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de, 1773—1842) (Акад. XI, 26). В письме к А. А. Бестужеву от конца мая—нач. июня 1825 П., возражая на его статью, противопоставил рус. лит-ре немецкую с ее сильной критикой (Акад. XIII, 177—178). Появление имени Ш. в пушк. наброске не случайно: именно в это время поэт просит брата прислать ему в Михайловское лекции Ш. о драматургии (письма к Л. С. Пушкину от 14 марта и 22—23 апр. 1825 — Акад. XIII, 151, 163), с к-рыми собирается внимательно ознакомиться. Интерес к этому труду, в к-ром давался систематический обзор драматургии разных стран (как древней, так и новой), был связан с работой поэта над «Борисом Годуновым» и вызванными ею размышлениями о сущности драмы, трагедии, об общих законах драматич. иск-ва. Нек-рые идеи Ш. нашли прямое отражение в пушк. рассуждениях о театре. Так, трагедия понятия романтич. трагедии у П. явно восходит к Ш. Именно Ш., резко критикуя фр. классическую трагедию за ее схематизм, слепое подражание древним, отсутствие подлинного историзма и правдивости, противопоставлял ей трагедию романтическую, гл. признаками к-рой считал свободное «смешение противоположностей» — трагического и комического, земного и божественного, разума и страсти и т. д., свободное обращение с временем и местом во имя достижения правдоподобия характеров и положений, чередование диалогических и лирических элементов как средство достижения естественности драматич. речи, использование образов нац. поэзии, «преданий родной земли» в качестве источников творчества.

Ш. долго оставался для П. образцом ученого лит. критика (памфлет «Детская книжка», 1830 — Акад. XI, 101), для России, впрочем, образцом, пока недостижимым. «Мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах», — не без горечи заметил П. в 1830 («Опровержение на критику») — Акад. XI, 143). При этом и в Ш. поэт нашел нек-рый догматизм в понимании нац. иск-ва и недостаточное чувство истории. «Ученый немец, — пишет П. в заметке «О народности в литературе» (1825), имея в виду Ш., — негодует на учтивость героев Расина (...). Всё это носит однако печать народности» (Акад. XI, 40). Через несколько лет это же наблюдение появилось в пушк. «Современнике» (1836. Кн. 2), в пер. речи академического секретаря *А.-Ф. Вильмена*, включенном в пушк. статью «Французская академия». Фр. академик напомнил слушателям об «одном знаменитом немецком критике, слишком строгом к нашим классическим поэтам» (Акад. XII, 62). Мнения Ш. сыграли немалую роль в том образе нем. лит-ры и философии, к-рый был создан в книге *Ж. де Сталь* «О Германии» («De l'Allemagne», 1810) — соч., оказавшем большое влияние на восприятие нем. культуры в России Пушк. эпохи.

Лит.: *Козмин Н. К.* Взгляд Пушкина на драму // Памяти Пушкина: Сб. ст. СПб., 1900. С. 207—214; *Багно В. Е.* К литературным источникам «Дубровского»: (Драма Кальдерона «Поклонение кресту») // Врем. ПК. 1979. С. 124—131; *Сорокин Ю. С.* «Магический кристалл» в «Евгении Онегине» // ПИМ. Т. 12. С. 335—340; *Безродный М. В.* Еще раз о пушкинском «магическом кристалле» // Врем. ПК. Вып. 22. С. 166.

М. Ю. Коренева

ШЛЕГЕЛЬ (Schlegel) Фридрих (1772—1829), нем. эстетик, поэт, лингвист, создатель теории романтизма, мл. брат и соратник *А. В. Шлегеля*. Такие его труды, как «Фрагменты» («Fragmenten», 1798—1800), неоконченный роман об эмансипации женщины «Люцинда» («Lucinde», 1799), курс лекций «История древней и новой литературы» («Geschichte der alten und neuen Literatur», 1815; рус. пер.: СПб., 1829—1830. Ч. 1—2) и др., оказали влияние на эстетич. и лит. мысль Европы. Разработанные Ш. принципы смешения жанров, творческой свободы гения открыли новые пути для развития лит-ры. Менее известный в России, чем его брат, Ф. Ш. тем не менее способствовал усилению внимания литераторов Пушк. эпохи, включая и самого П., к исп. лит-ре, особенно к драматургии *Кальдерона*. Жанровый эксперимент П. — создание романа в стихах — также мог опираться, в частности, на одну из идей Ш.

Лит.: *Багно В. Е.* К литературным источникам «Дубровского»: (Драма Кальдерона «Поклонение кресту») // Врем. ПК. 1979. С. 126—127; *Shrayer M. D.* Rethinking romantic irony: Puškin, Byron, Schlegel and «The Queen of Spades» // SEEJ. 1992. Vol. 36. P. 397—414; *Peters J.-U.* Puškin und die romantische Universalpoesie // Schweizerische Beiträge zum XI. Intern. Slavistenkongreß in Bratislava, Sept. 1993 / Hrsg. J. P. Locher. Bern u. a., 1994. S. 321—367; *Петерс И.-У.* Пушкин, Байрон и Фридрих Шлегель: К вопросу о жанровой традиции и поэтической структуре «Евгения Онегина» // Ars philologiae: Проф. А. Б. Муратову ко дню 60-летия. СПб., 1997. С. 48—70.

Р. Ю. Данилевский

Э

ЭСХИЛ (Αἰσχύλος, 525—456 до н. э.), греч. драматург, основатель антич. трагедии, первый древний трагик, получивший мировую славу; из 90 написанных им драматич. произв. сохранились полностью лишь 7 трагедий, остальное дошло в отрывках.

Представление П. о творчестве Э. сложилось, видимо, не столько от чтения его трагедий, как должно предположить, во фр. пер., сколько из отзывов о нем и разборов его пьес в разного рода лит-ре. В черн. наброске «(Возражение на статью А. Бестужева „Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов”)» (1825) П. использовал традиционное, восходящее к глубокой древности клише «отец трагедии», назвав Э. «гениальным творцом трагедии», но притом обнаружил нечеткое ориентирование в хронологии, указав, что историк Геродот (ок. 484—ок. 425 до н. э.) жил прежде драматурга. В первой ред. начала статьи «(О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая”)» (1836) Э. был причислен наряду с Гомером, Данте, Шекспиром и Сервантесом к писателям, чьи произв. не соответствовали эстетич. нормам классицизма и подправлялись фр. переводчиками в угоду вкусам воспитанных на этих критериях соотечественников (Акад. XII, 380; Гомер и Э. вычеркнуты как, видимо, не относящиеся к романтическим. — Там же. С. 137). Остальные упоминания Э. у П. связаны с оценкой творчества П. А. Катенина. Выражая ожидание или даже, м. б., уверенность в том, что «Младой Катенин воскресит Эсхила [призрак] Гений величавый» (черн. набросок «Всё так же <ль> осеняют своды...»), 1821 — Акад. II, 175, 649) и заканчивая свое письмо к «поэту и другу» от 19 июля 1822 словами: «Прощай, Эсхил» (Акад. XIII, 41), П., вероятно, имел в виду, что худож.-стилевые поиски и принципы Катенина ориентированы на достижение эмоциональной силы и торжественной патетики, родственных тем, к-рые отличали трагедии Э. (Ср. отзыв об оригинальной трагедии Катенина «Андромаха»: «...может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены, по силе чувств, по духу истинно трагическому» — «(О народной драме и драме „Марфа Посадница”)», 1830 — Акад. XI, 180). Перенеся эти два стиха с изменением глагола («Там наш Катенин возвратил Эсхила Гений величавый» — Акад. VI, 259, 547) в черновик строфы 18 гл. I «Евгения Онегина», П., видимо, почувствовал их неуместность в приложении к катенинским пер. трагедий фр. классиков, единственным в то время известным опытом Катенина в трагедийном жанре («Андромаха», сочинявшаяся в 1809—1812, 1815—1818, не была еще ни представлена, ни напечатана); вычеркнув Э., П. вставил сначала *Расина*, к к-рому не подходил, однако, эпипет «величавый», и остановился на *Корнеле* (Акад. VI, 259, 12).

Лит.: Балашов Н. И. «Борис Годунов» Пушкина: Основы драматической структуры // Изв. ОЛЯ. 1980. Т. 39. № 3. С. 211—212.

С. Б. Федотова

Ю

ЮВЕНАЛ Децим Юний (Decimus Iunius Iuvenalis, 67?—после 127), рим. сатирич. поэт. За примерно 30 лет творчества, начавшегося после смерти имп. Домициана (96) и пришедшегося на годы правления первых имп. из династии Антонинов (Нервы, Траяна, Адриана), Ю. создал 16 сатир, в к-рых описано рим. об-во времен Домициана. Обличая пороки как бы ушедшей в прошлое эпохи, глядя на нее из др. эры — эры Антонинов, Ю. на самом деле изображал явления и процессы, характерные в целом для ранней империи, когда уходил из жизни не столько сам республ. обществ. строй, сколько стоявшие за ним общинный уклад и традиционная, коренная для Рима система ценностей, уступая место космополитической империи.

Ю. не входил в число антич. авторов, близких П. В соч. П. имя рим. поэта упоминается 10 раз, гл. обр. как обобщенное, почти нарицательное обозначение поэта-моралиста, обличителя пороков и классика «суровой», «резкой» сатиры в обычном для европ. лит.-культ. традиции и воспринятом от нее в России противопоставлении «мягкой», «добродушной» сатире *Горация*: «новый Ювенал» («К другу стихотворцу», 1814, ст. 63); «...вдохновенный Ювеналом, Вооружись сатиры жалом» («К Б(атюшк)ову», 1814, ст. 60); «Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом» («К Лицинию», поздняя ред., 1826, ст. 58); «...с гневной Музой Ювенала» (письмо к В. Л. Пушкину 22 дек. 1816 — Акад. I, 385; XIII, 5); «Ювеналов бич» («О муза пламенной сатиры!», 1823—1825, ст. 4); «Ювенальное негодование» («Путешествие В. Л. П.», 1836 — Акад. XII, 93); «...духом своим (...) отличается (...) сатира Ювенала от сатиры Горация» («О поэзии классической и романтической», 1825 — Акад. XI, 36). П. отталкивали грубая откровенность и натурализм Ю.; в черновике предисл. к гл. I «Евгения Онегина» Ю. назван в числе писателей-сатириков, к-рые «далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу» в отношении «наблюдения строгой благопристойности в шуточном описании нравов» (Акад. VI, 528).

Как существенные могут рассматриваться два обращения П. к Ю.

Первое связано со ст-нием «К Лицинию» (1815), завершающие строки к-рого (ст. 65—73 лицейской ред.) воссоздают романтический, «штаббриановский» образ Рима, раздавленного тяжестью собственных преступлений и обреченного на заслуженную гибель. Предшествующий текст, как бы подводящий читателя к этому заключению, навеян во многом Ю. Открывающий ст-ние образ наглого вельможи, попирающего лживую толпу, имеет параллели у Ю. в сатирах I (ст. 64—66), III (ст. 239—240) и VII (ст. 130—133), упоминание о развратном фаворите императора, помыкающем сенатом (ст. 20—22), — в IV сатире, приглашение к дружеской встрече, сопровождаемой чтением стихов, — в заключительной части XI сатиры. Если эти темы в ст-нии П. могут в известной мере быть объяснены распространенностью подобных мотивов во фр. и рус. поэзии конца XVIII—нач. XIX в. (ср.,

напр., описание «временщика, вельмож любимца» в ст-нии К. Н. Батюшкова «Счастливец: (Подражание Касты)», 1810) и не обязательно предполагают реальное знакомство П. с Ю., то знание III сатиры свидетельствуется непосредственно. Совпадает сама сюжетная ситуация: разговор автора со знакомым, к-рый уезжает из Рима к простой деревенской жизни от порочной и преступной атмосферы столицы, служит обрамлением, а основное содержание произв. образует гневное описание самой этой атмосферы. Совпадения обнаруживаются также на уровне текста: в строках 3—6 развернуто выражение Ю. «turba cedente» (ст. 239), «изорванный плащ» Дамета (строка 26) точно передает «scissa lacerna» подлинника (ст. 148), а «тишь уединения» «на берегу морском» (строки 58, 55) — «secessus» и «gratum litus» (ст. 5). Вряд ли П. пятнадцатилетним лицеистом мог освоить с такими подробностями очень трудный лат. текст Ю. без посредства фр. пер.; в ст-нии «К Лицинию» проявилось, вероятнее, уже «подсознательное знание» античности и «чувство древности», к-рое в дальнейшем было присуще П. на протяжении всей жизни и давало ему возможность интуитивного проникновения в реалии антич. жизни и в словесную ткань описаний, ей посвященных (см. с. 28—29).

Второе обращение П. к текстам Ю. относится к авг. 1836, когда по настоятельным советам и просьбам П. Б. Козловского он начал было переводить X сатиру. По свидетельству П. А. Вяземского, П. серьезно готовился к этой работе, и в частности перечитал «Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве» (1803; пер. VIII сатиры) И. И. Дмитриева (П. в восп. совр. (1974). Т. 1. С. 131, 136). Перевел он лишь ст. 1—4 и 188—193 («От западных морей до самых врат восточных...» и «Пошли мне долгу жизнь и многие года!...» — Акад. III, 429). Переводы в общем точные. Обращают на себя внимание в первой строке отсутствующие в оригинале слова «до самых врат восточных», к-рые подтверждают существование у П. отмеченного выше «чувства древности»: в глазах римлян их империя была миром полисной цивилизации, окруженным варварами, неведомыми или сказочными народами, и границы ее становились особенно важны в тех местах, где сама природа как бы раскрывала внешним враждебным силам доступ в пределы Римской державы; именно такие места и обозначались словом «claustra» — «ворота», «охраняемые проходы», «запоры». Это словоупотребление зафиксировано письменно в немногочисленных текстах, вряд ли П. известных. П. ввел слово «врата», уловив римскую манеру видения как бы поверх текстов, непосредственно и изнутри. Всплыло ли в его сознании, кроме того, то место в «Анналах» Тацита (II, 61), где это слово употреблено, как и в пушк. пер., для обозначения именно восточных пределов империи, — вопрос остается открытым. Пер. записан на оборотной стороне листка (ПД 239), содержащего черновик трех последних строф ст-ния «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Мысль, выраженная в этих строфах (Акад. III, 1034), связана с отказом от поисков прижизненного признания и славы; она имеет соответствие в X сатире (ст. 103—125). Внимание П., однако, привлекли не эти строки, а те, где высказана, по словам акад. М. П. Алексева, «полная горечи насмешка над долголетием» (Алексеев. С. 157), над упованиями продлить жизнь и избежать старости и смерти. В контексте творчества П. последних лет жизни такой выбор должен быть признан неслучайным, как не случайно и обращение его в связи со своим поэтич. завещанием к рим. античности: отказавшись от Ю., П. предпочел ему Горация, воспринятого через Г. Р. Державина. Отказ от продолжения пер. X сатиры может быть объяснен указанным настроением, хотя, очевидно, сыграли свою роль причины, изложенные в стихотв. обращении к П. Б. Козловскому («Ценитель умственных творений исполинских...», 1836): «...развернув его суровые творенья Не мог я одолеть пугливого смущенья... Стихи бесстыдные припами торчат, В них звуки странною гармонией трещат»; равно, по-видимому, сказалась и характерная для П. в эти годы манера не доводить до окон-

чания многие начатые стихотв. произв., связанные с антич. темой в частности.

Не получила окончательного объяснения фраза «потолковать о Ювенале» («Евгений Онегин», гл. I, б. 5). По мнению А. И. Малеина, разделявшего в более даже резкой, категорической форме Н. Л. Бродским, она значила «излить», подобно римлянину, свое негодование на тогдашнее положение государства» (Путеводитель. С. 391; ср.: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. 3-е изд., перераб. М., 1950. С. 48). Ю. М. Лотман указал, что «соединение имени Ювенала с небрежным „потолковать” и общий контекст рассуждения о слабом знании Онегиным латыни придают онегинским разговорам о Ювенале ироническую окраску, отделяя их от аналогичных бесед декабристов» (Лотман. Комментарий. С. 132).

У П. имелись сатиры Ю. в двух лат.-фр. изд. (Paris, 1825. Т. 1—3; Paris, 1825—1826. Т. 1—2) (Библиотека П. № 609, 1040—1041). Оба изд. разрезаны не полностью, причем в 3-томном (№ 1040), приобретенном 15 авг. 1836 (Арх. опеки. С. 55), лишь частично IV и VI сатиры, конец IX и начало X сатиры.

Лит.: *Степанов Л. А.* Пушкин, Гораций, Ювенал // ПИМ. Т. 8. С. 70—89.

Г. С. Кнабе

ЮГО см. ГЮГО

ЮНГ (Young) Эдуард (1683—1765), англ. поэт, священник. Автор мн. поэтич. и драматич. соч., Ю. обрел европ. лит. славу религ.-дидактической поэмой «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night-Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742—1745), написанной белым стихом и отличающейся страстной взволнованностью нравственно-философской проповеди, напряженным драматизмом поэтич. монологов, меланхолическим тоном медитаций. Обращенная преимущ. к чувству, а не к разуму, поэма стала одним из гл. произв. сентиментализма, положив начало «поэзии ночей», «кладбищенской поэзии». В России произв. Ю., в т. ч. «Жалоба», получили известность с нач. 1770-х гл. обр. через фр. и нем. пер.; глубокий отклик они находили у масонов и в сентименталистских лит. кругах, связанных с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским. Первонач. Ю. воспринимался в России лишь как моралист, и переводили его прозой; представление о нем как о сладостном поэте для чувствительных сердец сформировалось к концу 1780-х, а первые стихотв. пер. появились лишь в 1803 и были немногочисленны. П. упомянул Ю. только один раз и лишь как сравнение для отрицательной характеристики *А. де Ламартина*; из контекста явствует, что он считал Ю. поэтом глубоким, но скучным (письмо к М. П. Погодину от 1-й пол. сент. 1832 — Акад. XV, 29). В имевшемся у него позднем (1818) 2-томном переизд. «Ночей» во фр. пер. Пьера Летурнера (Letourneur, 1736—1788) разрезаны лишь 108 стр. (из 357) первого тома.

Лит.: *Заборов П. Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 269—279 (XVIII век. Сб. 6); *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 143—160, 221—226.

В. Д. Рак

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

І. Печатные источники

- Акад. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16; [Т. 17]. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. 1959.
- Акад.₂ — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999—2004. Т. 1—2 (Ч. 1).
- Акад. в 10 т. (2) — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1958. Т. 1—10.
- Алексеев — *Алексеев М. П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967.
- Алексеев. П. и мировая лит-ра — *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987.
- Алексеев. П. Сравн.-ист. исслед. — *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972; [2-е изд.]. Л., 1984.
- АН 1899 — *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. Имп. Академии наук; Приготовил и примеч. снабдил Л. Майков. СПб., 1899. Т. 1.
- АН 1900—1929 — *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. Имп. Академии наук. СПб.; Пг.; Л., 1900—1929. Т. 1. 2-е изд.; Т. 2, 3, 4, 9, 11.
- Ани. — *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857. Т. 1—7.
- Анненков. Материалы — *Анненков П. В.* А. С. Пушкин: Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., [1873].
- Анненков. Пушкин — *Анненков П. В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху: 1799—1826. СПб., 1874.
- Арх. опеки — Летописи Гос. Литературного музея. Кн. 5: Архив опеки Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова. М.; Л., 1939.
- Ахматова. О Пушкине — *Ахматова А. А.* О Пушкине: Ст. и заметки / Сост., послесл., примеч. Э. Г. Герштейн. 3-е изд., испр. и доп. М., 1989.
- Балашова. Источники — *Балашова И. А.* Источники пленительных образов: Традиции в русской романтической литературе. Ростов н/Д., 1996.
- Бартенев. О Пушкине — *Бартенев П. И.* О Пушкине: Страницы жизни поэта; Воспоминания современников. М., 1992.
- Бартенев. П. в южной России — *Бартенев П. И.* Пушкин в южной России. М., 1914.
- БдЧ — Библиотека для чтения.
- Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959. Т. 1—13.
- Библиотека П. — Библиотека А. С. Пушкина: (Библиогр. описание) / Б. Л. Модзалевский. СПб., 1910 (Отд. отт.

- из изд. «Пушкин и его современники», вып. IX—X). Репринт. изд. М., 1988.
- Благой. II — *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967.
- Болд. чтения — Болдинские чтения : Материалы. Горький; Н. Новгород, 1976—2001. (В квадратных скобках после запятой указывается год, когда происходили чтения, опубликованные в данном выпуске).
- Бонди. О Пушкине — *Бонди С. М.* О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978; 2-е изд. М., 1983.
- Брюсов. Мой Пушкин — *Брюсов В. Я.* Мой Пушкин: Ст., исслед., наблюдения / Ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1929.
- ВЕ — Вестник Европы.
- Венг. — *Пушкин А. С.* [Соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., Пг.: Брокгауз—Ефрон, 1907—1915. Т. 1—6. (Б-ка великих писателей).
- Виноградов. Стиль П. — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941; [2-е изд.]. М., 1999.
- Виноградов. Язык П. — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л., 1935; 2-е изд. доп. М., 2000.
- ВЛ — Вопросы литературы.
- Вольперт. П. в роли Пушкина — *Вольперт Л. И.* Пушкин в роли Пушкина: Творческая игра по моделям французской литературы; Пушкин и Стендаль. М., 1998.
- Вольперт. П. и психол. традиция — *Вольперт Л. И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе: (К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII—начала XIX в.). Таллин, 1980.
- Врем. ПК. 1962—1981 — Временник Пушкинской комиссии, 1962—1981. М.; Л., 1963—1966; Л., 1967—1985. (В ссылках указывается год, к которому относится данный выпуск «Временника»).
- Врем. ПК. Вып. 20—28 — Временник Пушкинской комиссии. Л.; СПб., 1986—2003. Вып. 20—28.
- Вульф — *Вульф А. Н.* Дневники: (Любовный быт пушкинской эпохи). Со ст. М. И. Семевского «Проголка в Тригорское». М., 1929.
- Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.
- Гаевский. П. в Лицее — *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. Т. 97. № 7. Отд. I. С. 9—177; № 8. Отд. I. С. 349—399.
- Герб. — Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Доп. к 6 томам петерб. изд. / Под ред. Русского [Н. В. Гербеля]. Berlin, 1861.
- Гиллельсон. I — *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
- Гиллельсон. III — *Гиллельсон М. И.* От «арзамасского братства» к пушкинскому кругу писателей. Л., 1976.
- Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1952. Т. 1—14.
- Городецкий. Драматургия П. — *Городецкий Б. П.* Драматургия Пушкина. М.; Л., 1953.
- Городецкий. Лирика П. — *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962.
- Грот — *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы. 2-е изд. СПб., 1899.
- Дельвиг А. И. — *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания, 1820—1870 / Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха; Предисл. Д. О. Заславского. М.; Л., 1930. Т. 1—2.
- ДЖ — Дамский журнал.

- Дн. Модз. — *Пушкин А. С.* Дневник, 1833—1835 / Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского и со ст. П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923; фототип. переизд. в кн.: Дневник А. С. Пушкина, 1833—1835 / С коммент. Б. Л. Модзалевского, В. Ф. Саводника, М. Н. Сперанского; Сост., предисл., подгот. текста С. А. Никитина. М., 1997.
- Дн. Сав. — *Пушкин А. С.* Дневник (1833—1835) / Под ред. В. Ф. Саводника. М.; Пг., 1923.
- ЖМНП
Жуйкова — Журнал Министерства народного просвещения,
— *Жуйкова Р. Г.* Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996 (Studiogum slavicozum monumenta. Т. 7).
- Заборов — *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978.
- Звенья — Звенья: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М., 1932—1951. Т. 1—6, 8—9.
- Изв. ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отд-ние литературы и языка (1940—1995. С 1996: Известия Российской Академии наук. Сер. литературы и языка).
- Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (1896—1927).
- Изв. РАН
Измайлов
КА
Керн — Продолжение Изв. ОЛЯ с измененным загл. (с 1996).
— *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975.
— Красный архив.
— *Керн А. П.* Воспоминания; Дневники; Переписка / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М., 1989 (Сер. «Лит. воспоминания»).
- КиС
Кюхельбекер. Путешествие — Каторга и ссылка.
— *Кюхельбекер В. К.* Путешествие; Дневник; Статьи / Изд. подгот. [М. Г. Альтшуллер], Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979.
- ЛГ
Лицейские лекции — Литературная газета.
— Лицейские лекции: (По записям А. М. Горчакова) / Публ. и предисл. Б. Мейлаха // КА. 1937. № 1 (80). С. 75—206.
- Лернер. Рассказы
Лет. ГЛМ — *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. Л., 1929.
— Летописи Гос. Литературного музея. М.; Л., 1936. Кн. 1. Пушкин / Ред. М. А. Цявловского.
- Летопись — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский (1799—сент. 1826), Н. А. Тархова (сент. 1826—1837); Науч. ред. Я. Л. Левкович. М., 1999. Т. 1—4.
- Лит. архив — Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1; 1951. Т. 3.
- Лит. совр.
ЛН
ЛО — Литературный современник.
— Литературное наследство.
— Литературное обозрение.
- Лотман. Избр. ст. — *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1—3.
- Лотман. Комментарий — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. 2-е изд. Л., 1983.
- Лотман. Пушкин — *Лотман Ю. М.* Пушкин: [Сб. тр.]: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
- Майков. Пушкин — *Майков Л. Н.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.
- МВ
Мицкевич — Московский вестник.
— *Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5 т. / Под ред. Д. Д. Благого, М. Ф. Рыльского. М., 1948—1954. Т. 1—5.
- МН
Моск. пушкинист — Московский наблюдатель.
— Московский пушкинист: Ст. и материалы. М., 1927—1930. Т. 1—2; Московский пушкинист: Ежегод-

- ный сб. / Сост., науч. ред. В. С. Непомнящий. М., 1995—2002. [Вып.] 1—10.
- МТ — Московский телеграф.
- Набоков — *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. СПб., 1998.
- Недзельский — *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929.
- НЛ — Новости литературы.
- НМ — Новый мир.
- Новонайденный автограф — Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подгот. текста, ст., коммент. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968.
- ОА — Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899—1909. Т. 1—5.
- ОЗ — Отечественные записки.
- Оленина — *Оленина А. А.* Дневник (1828—1829) / Предисл., ред. О. Н. Оом. Париж, 1936.
- П. в восп. совр. (1974) — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацура; Сост., примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., 1974 (Сер. лит. мемуаров). Т. 1—2.
- П. в восп. совр. (1985) — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацура; Сост., примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. [2-е изд.]. М., 1985 (Сер. лит. мемуаров). Т. 1—2.
- П. в мировой лит-ре — Пушкин в мировой литературе: Сб. ст. / Науч. иссл. ин-т сравнит. изучения литературы и языков Запада и Востока при Ленингр. ун-те. Л., 1926.
- П. Врем. — Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936—1941. [Т.] 1—6.
- П. и его время — Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1.
- П. и мировая культура — А. С. Пушкин и мировая культура: Междунар. науч. конф.: Материалы: Москва, 2—4 февр. 1999 г. [М., 1999].
- П. и слав. мир — Пушкин и славянский мир: Пятые Крымские Пушкинские междунар. чтения (Алупка, 11—15 сент. 1995 г.): Материалы / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 1995.
- Памяти П. — Памяти Пушкина: Научно-лит. сб., составленный профессорами и преподавателями Ун-та св. Владимира. Киев, 1899.
- Петрунина — *Петрунина Н. Н.* Проза Пушкина: (Пути эволюции). Л., 1987.
- ПЗ — Полярная звезда.
- ПИМ — Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.; СПб., 1956—2003. Т. 1—16/17.
- ПиС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; Л., 1903—1930. Вып. 1—39; [Н. С.]. СПб., 1999—2002. Вып. 1 (40)—3 (42).
- Письма — *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1926—1935. Т. 1. 1815—1825 / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского; Т. 2. 1826—1830; Т. 3. 1831—1833 / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского; Репринт. изд. М., 1989—1990. Т. 1—3.
- Письма к Хитрово — Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово, 1827—1832. Л., 1927 (Труды Пушкинского Дома. Вып. 48).
- Письма посл. лет — *Пушкин А. С.* Письма последних лет, 1834—1837 / Под ред. Н. В. Измайлова. Л., 1969.
- Плетнев — *Плетнев П. А.* Соч. и переписка / Изд. Я. Грота. СПб., 1885. Т. 1—3.
- Пол. — *Пушкин А. С.* Соч.: С объяснениями их и сводом отзывов критики / Изд. Л. Поливанова для семьи и школы. М., 1887. Т. 1—5.

- Посм. — *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1838—1841. Т. 1—11.
- Прижизн. критика, 1820—1827 — Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827 / Под общ. ред. В. Э. Вауру, С. А. Фомичева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. (1-е изд.: СПб., 1996).
- Прижизн. критика, 1828—1830 — Пушкин в прижизненной критике, 1828—1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001.
- Прижизн. критика, 1831—1833 — Пушкин в прижизненной критике, 1831—1833 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2003.
- Прометей — Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1966—1974. Вып. 1—10.
- Путеводитель — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 6. Путеводитель по Пушкину (Прилож. к журн. «Красная Нива» на 1931 г.).
- Пушкин. 1935. Т. 7 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 7: Драматические произведения.
- Пушкин. Одесса — Пушкин: Ст. и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1925—1926. Вып. 1—3.
- Пушкин — родоначальник — Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. науч.-исслед. работ / Под ред. Д. Д. Благого, В. Я. Кирпотина. М.; Л., 1941.
- Пушкинист, I—II — Пушкинист: Историко-литературный сб. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг., 1914—1916. Т. 1—2.
- Пушкинист, IV — Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова: Пушкинист, IV / Под ред. Н. В. Яковлева. М.; Л., 1922 (обл. 1923).
- Р. Музеум — Русский Музеум, или Журнал европейских новостей, издаваемый В. Измайловым.
- РА — Русский архив.
- Раб. тетр. — *Пушкин А. С.* Рабочие тетради: [Фототип. изд.]. СПб.; Лондон, 1995—1997. Т. 1—8.
- Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг. / Вступ. ст., примеч. М. Цявловского. М., 1925.
- РБ — Русский библиофил.
- РВ — Русский вестник.
- РИ — Русский инвалид.
- РЛ — Русская литература.
- РР — Русская речь.
- РС — Русская старина.
- Рук. ПД, 1937 — Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937.
- Рукою П. — Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997 (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17 (доп.)).
- Рукою П. (1935) — Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати, коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935.
- Ручная книга — Ручная книга древней классической словесности, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. СПб., 1816. Т. 1.
- СА — Северный архив.
- Селезнев — *Селезнев И.* Исторический очерк Имп., бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие, 1811—1861 год. СПб., 1861.
- Слонимский — *Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. 2-е изд. М., 1963.
- Смирнова — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник; Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989.
- СО — Сын отечества.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СО и СА	— Сын отечества и Северный архив, журнал словесности, политики и истории.
Совр.	— Современник.
Соревн.	— Соревнователь просвещения и благотворения.
СП	— Северная пчела.
Ст 1826	— <i>Пушкин А. С.</i> Стихотворения. СПб., 1826.
Ст. и нов.	— Старина и новизна.
Ст-ния П. 1820—1830 гг.	— Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика: [Сб. ст.] / Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л., 1974.
Струве. Дух и Слово	— <i>Струве П. Б.</i> Дух и Слово: Ст. о русской и западно-европейской литературе. Париж, 1981.
СЦ	— Северные цветы.
Томашевский. П. и Франция	— <i>Томашевский Б. В.</i> Пушкин и Франция. Л., 1960.
Томашевский. Пушкин, I	— <i>Томашевский Б. В.</i> Пушкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Кн. 1. 1813—1824.
Томашевский. Пушкин, II	— <i>Томашевский Б. В.</i> Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии: (1824—1837).
Томашевский. Строрфика П.	— <i>Томашевский Б. В.</i> Строрфика Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 49—213.
Тынянов	— <i>Тынянов Ю. Н.</i> Пушкин и его современники. М., 1969.
Университ. Пушк. сб.	— Университетский Пушкинский сб. / Отв. ред. В. Б. Катаев; МГУ. Филол. фак. М., 1999.
Февчук. Портреты	— <i>Февчук Л. П.</i> Портреты и судьбы. Л., 1984.
Фейнберг	— <i>Фейнберг И. Л.</i> Незавершенные работы Пушкина. 5-е изд. М., 1969.
ФН	— Филологические науки.
Фомичев	— <i>Фомичев С. А.</i> Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986.
Цявловская. Рисунки П.	— <i>Цявловская Т. Г.</i> Рисунки Пушкина. 4-е изд. М., 1987.
Цявловский	— <i>Цявловский М. А.</i> Статьи о Пушкине. М., 1962.
Цявловский. Кн. восп.	— <i>Цявловский М. А.</i> Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.
Чаадаев	— <i>Чаадаев П. Я.</i> Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М., 1991. Т. 1—2.
Черейский	— <i>Черейский Л. А.</i> Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.
Щеголев. Дуэль и смерть П.	— <i>Щеголев П. Е.</i> Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы / Вступ. ст., примеч. Я. Л. Левкович. 4-е изд. М., 1987.
Щеголев. Исследования	— <i>Щеголев П. Е.</i> Пушкин: Исследования, статьи и материалы. М.; Л., 1931. Т. 2: Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп.
Щеголев. П. Очерки	— <i>Щеголев П. Е.</i> Пушкин: Очерки. СПб., 1912; 2-е изд. СПб., 1913.
Язык. архив	— Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913 (Языковский архив. Вып. 1).
Agion	— Agion: Jahrbuch der Deutschen Puschkin-Gesellschaft. Bonn, 1989—1999. Bd 1—4.
CL	— Comparative Literature.
P. europeo	— Puškin europeo / A cura di Sante Graciotti. Venezia, 2001.
RdES	— Revue des études slaves.
RE	— Revue encyclopédique.
RL	— Russian Literature.
RLC	— Revue de littérature comparée.
SEEJ	— Slavic and East European Journal.
SEER	— Slavonic and East European Review.
Universalité de P.	— L'Universalité de Pouchkine / Publ. sous la dir. de M. Aucouturier et J. Bonamour. Paris, 2000 (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Т. 104).
ZfS	— Zeitschrift für Slawistik.

II. Сокращения слов

В список не включены общепринятые, а также стандартные сокращения, применяемые в библиографических описаниях (кроме случаев, когда эти же сокращения использованы в тексте статей). В цитатах употребляются только авторские сокращения, раскрываемые в угловых скобках. Сокращения не применяются в тех случаях, когда они затруднили бы точное понимание текста (в частности, при образовании неудобочитаемых их скоплений).

авг.	— август	к.-н.	— какой-нибудь
австр.	— австрийский	кн.	— князь, княгиня
альм.	— альманах	коммент.	— комментарий
амер.	— американский	критич.	— критический
англ.	— английский	к-рый	— который
аноним.	— анонимный	культ.	— культурный
антич.	— античный	лат.	— латинский
апр.	— апрель	лит.	— литературный
араб.	— арабский	лит-ра	— литература
библ.	— библейский	м. б.	— может быть
библиогр.	— библиографический	мат-лы	— материалы
биогр.	— биографический	междунар.	— международный
б-ка	— библиотека	мес.	— месяц
в т. ч.	— в том числе	мифол.	— мифологический
вар.	— вариант	мн.	— многие
вел.	— великий	молд.	— молдавский
венг.	— венгерский	моск.	— московский
воен.	— военный	муз.	— музыкальный
восп.	— воспоминания	назв.	— название
вост.	— восточный	напеч.	— напечатано
вступ.	— вступительный	напр.	— например
газ.	— газета	нар.	— народный
ген.	— генерал	наст.	— настоящий
герм.	— германский	науч.	— научный
гл.	— глава, главный	нац.	— национальный
гл. обр.	— главным образом	нач.	— начало
гол.	— голландский	нек-рый	— некоторый
гос.	— государственный	нем.	— немецкий
гр.	— граф, графиня	неск.	— несколько
гражд.	— гражданский	об-во	— общество
греч.	— греческий	обществ.	— общественный
дек.	— декабрь	огл.	— оглавление
демокр.	— демократический	ок.	— около
дипл.	— дипломатический	окт.	— октябрь
доп.	— дополненный, дополни- тельный	опубл.	— опубликован
драматич.	— драматический	освобод.	— освободительный
европ.	— европейский	отд.	— отдельный
ж-л	— журнал	отеч.	— отечественный
журн.	— журнальный	офиц.	— официальный
загл.	— заглавие	П.	— Пушкин
зап.-европ.	— западноевропейский	пер.	— перевод
зарубеж.	— зарубежный	первонач.	— первоначально, первоначаль- ный
избр.	— избранный	переизд.	— переиздание
изд.	— издание, издано, издан- ный	перепеч.	— перепечатано
имп.	— император, император- ский	период.	— периодический
иностр.	— иностранный	перс.	— персидский
ирл.	— ирландский	петерб.	— петербургский
иск-во	— искусство	печ.	— печатный
исп.	— испанский	пол.	— половина
исслед.	— исследование	полит.	— политический
ист.	— исторический	полн.	— полный
ит.	— итальянский	португ.	— португальский
к.-л.	— какой-либо	пост.	— поставлен (представлен), постановка
		поэт.ч.	— поэтический
		пр.	— прочий

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

пр-во	— правительство	сокр.	— сокращенный
предисл.	— предисловие	соч.	— сочинение, сочинен
предположит.	— предположительно	ср.-век.	— средневековый
преимущ.	— преимущественно	ст.	— стих
провинц.	— провинциальный	стихотв.	— стихотворный
прозаич.	— прозаический	ст-ние	— стихотворение
произв.	— произведение	сц.	— сцена
просветит.	— просветительский	т. зр.	— точка зрения
проф.	— профессор	т. к.	— так как
псевд.	— псевдоним	т. н.	— так называемый
психол.	— психологический	т. о.	— таким образом
публ.	— публикация	театр.	— театральный
публицист.	— публицистический	теорет.	— теоретический
пушк.	— пушкинский	тит. л.	— титульный лист
разл.	— различный	указ.	— указанный, указатель
революц.	— революционный	ун-т	— университет
ред.	— редактор, редакция	уч-ще	— училище
религ.	— религиозный	февр.	— февраль
респ.	— республиканский	филол.	— филологический
рец.	— рецензия	филос.	— философский
рим.	— римский	фр.	— французский
романтич.	— романтический	ф-т	— факультет
рос.	— российский	хорв.	— хорватский
рус.	— русский	худож.	— художественный
с.	— село	ценз.	— цензурный
сатирич.	— сатирический	цит.	— цитируемый
сб.	— сборник	черн.	— черновой
сб-ки	— сборники	чеш.	— чешский
сент.	— сентябрь	швейц.	— швейцарский
сер.	— середина	шотл.	— шотландский
серб.	— сербский	экз.	— экземпляр
славян.	— славянский	эмоц.	— эмоциональный
след.	— следующий	эстетич.	— эстетический
словац.	— словацкий	этич.	— этический
соавт.	— соавтор, соавторство	яз.	— язык
сов.	— советский	январ.	— январь
соврем.	— современный		

III. Сокращения названий учреждений

ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ПД	— Пушкинский Дом
РАН	— Российская Академия наук
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы

УКАЗАТЕЛИ¹

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН²

- А. Б. см. Богданович А. И.
А. К. 52
Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 26, 111, 113—115, 227, 228, 329, 330
Аверинцев С. С. 105
Аветисян В. А. 104
Аврелий Виктор 27, 297, 331
Агранович С. З. 140
Агриппа Неттесгеймский К. Г. 101
Агриппа Постум 330
Аддисон Д. 7, 16, 391
Адриан, Публий Элий 394
Азадовский К. М. 96
Азадовский М. К. 224, 323
Азбелев С. Н. 161
Айхенвальд Ю. А. 311
Аксаков С. Т. 181
Аксенова Г. В. 182
Аладьин Е. В. 276
Александр Д. Э. 249, 250
Александр I, имп. 65, 75, 99, 100, 166, 201, 218, 227, 244, 284, 286, 329, 331, 342, 354, 386
Александр II, имп. 224
Алексеев М. П. 10, 22, 24, 28, 30, 58, 64, 66, 71, 73—75, 77, 79, 84, 89, 97, 104, 111, 115, 119, 123, 138, 148—151, 155, 159, 161, 163, 168, 170, 184, 188, 197, 200, 201, 205, 214, 215, 224, 235, 243, 254, 262, 267, 275, 278, 287, 297, 315, 316, 318, 320, 328, 333, 334, 369, 382, 384, 390, 395, 397, 401
Алексеев Н. С. 238
Алексеев-Попов В. С. 297
Алексеева М. Н. 138
Алексеева (урожд. Цейтц) Н. В. 162
Алексеевко М. А. 266
Алексей Петрович, царевич 167
Али см. Морали
Алиев Р. М. 298, 299
Алкей 115
Альберт (Алберт) Великий 146
Альбрехт М. Г. 116
Альгаротти Ф. 154, 156
Альтман М. С. 215, 311
Альтшуллер М. Г. 162, 254, 316, 399
Альфьери (Альфиери) В. 7—10, 15, 49, 128, 153, 193, 221, 390
Альфонс I д'Эсте 32
Альфонс II д'Эсте 325
Алябьев А. А. 213
Амусин И. Д. 331
Амфри де Шолье Г. см. Шолье Г. Амфри де
Анакреонт (Анакреон) 10—11, 26, 53, 76, 99, 115, 120, 166, 234, 302, 346, 353, 362
Андреев В. Н. 111, 162
Андреев М. Л. 35
Андреева Е. 171
Андрес А. Л. 196
Аникин А. В. 320
Аникст А. А. 22, 379
Аничкова Е. Е. 369
Анна Амалия, герцогиня 80
Анненков П. В. 9, 10, 13, 34, 42, 51, 56, 63, 70, 71, 144, 174, 194, 210, 211, 216, 366, 368, 381, 382, 384, 397
Ансело Ж.-А.-Ф.-П. 23—24, 249, 251, 271, 343
Антонины, династия 394
Антоновский М. И. 306
Апулей 31, 362
Аракчеев А. А. 21, 25, 176
Аретино П. 57, 155, 328
Аринштейн Л. М. 175, 254, 315, 367, 384
Арион 31—32
Аристотель Л. 32—35, 53, 64, 74, 80, 81, 85, 93, 126, 151—155, 159, 160, 162, 163, 186, 198, 247, 248, 252, 262, 271, 272, 317, 318, 326, 327, 347
Аристотель 35—36, 86, 129, 133, 325
Аристофан 36, 341
Арно А.-В. 36—37
Арно Л.-Э. 37
Артамонов С. Д. 212
Арто де Монтор А.-Ф. 127
Аруз (Аруэт) Ф.-М. см. Вольтер
Архилох 115
Арьост см. Ариосто
Асоян А. А. 129, 224
Астафьева О. В. 143, 168

¹ Составлены Л. А. Тимофеевой.

² Курсивом выделены фамилии писателей, которым посвящены энциклопедические статьи, и страницы, на которых находятся соответствующие статьи.

- Аттик, Тит Помпоний 299
 Афиней (Афеней) 27, 29, 30
 Ахингер Г. 123, 306
 Ахматова А. А. 73, 137, 148, 149, 172, 188, 216, 297, 301, 302, 306, 386, 387, 397
 Ахундов М. Ф. 337, 361
- Бабанов И. Е. 137, 191
 Багно В. Е. 74, 137, 138, 151, 161, 311, 392
 Багратион Е. П. 272
 Бадалич Й. 287
 Баевский В. С. 22, 58, 59, 199, 300, 359
 Базанкур О. Г. 264
 Базиле Д. 81
Байрон Д. Г. 8, 10, 13—16, 18—20, 22, 31, 33, 38—59, 64, 67, 68, 72, 81, 83, 89, 100, 102, 105, 108, 113, 118, 123, 126—128, 136, 137, 152, 163, 168, 171, 174, 183, 184, 186, 200, 206, 213, 214, 216, 220, 228, 243, 247—252, 254, 258, 260, 262, 270, 271, 273, 275, 284—286, 290, 296, 299, 300, 302—304, 311, 312, 315, 317, 318, 320—323, 328, 341, 346, 352, 355, 373, 374, 383, 392
 Байрон Августа см. Ли А.
 Байрон Анна Изабелла 51
 Бакунин М. А. 262
 Бакунина Е. П. 234
 Балашов Н. И. 74, 393
 Балашова И. А. 59, 149, 179, 316, 397
 Балобанова Е. В. 232
 Балугьянский М. А. 280, 365
Бальзак О. де 60—61, 5, 71, 123, 143, 197, 279, 321, 349, 357
 Бантыш-Каменский Д. Н. 306, 309
 Барант А.-Г.-П. Брюжьер де 319, 343, 348, 359
 Баратынский Е. А. 26, 33, 35, 50, 64, 69, 101, 164, 198, 202, 206, 229, 234, 295, 299, 354, 382
 Барбье О. 357
 Баретти Д. 150
 Барков Д. Н. 197
 Барков И. С. 80, 183
 Бароти Т. 104
 Барри Корнуолл см. Корнуолл Барри
 Барский О. В. 23
 Бартелеми О.-М. 225
 Бартенева П. И. 12, 13, 42, 397, 401
 Бартенева Ю. Н. 141
 Батлер С. 17
 Батюшков К. Н. 10, 13, 32, 34, 35, 39, 41, 43, 44, 59, 76, 77, 81, 91, 97, 109, 120, 125, 127, 151, 162, 187, 190, 202, 203, 212, 213, 227, 231—234, 236, 238—240, 271, 272, 276, 326—328, 331—333, 345, 346, 371, 374, 387, 388, 394, 395
 Батюшков Ф. Д. 291, 293
 Бауринг Д. 246, 368, 275
 Бахтин Н. И. 247, 270, 271, 274
- Башкирцев П. В. 23
 Безродный М. В. 392
 Бейл Д. 18
 Бейли (?), гувернантка см. Бели (Бейли?), мадам
 Бейли Д. 12
 Бейль А. см. Стендаль
 Бейль П. 353
 Бейрон см. Байрон
 Бекет Т. 369
 Беккер И. И. 208
 Белецкий А. И. 91, 93, 123
 Бели (Бейли?), мадам (гувернантка) 12
 Беликова А. В. 58
 Белинский В. Г. 54, 56, 82, 99, 262, 299, 308, 376, 397
 Белкин Д. И. 212, 337, 361
 Беллизар Ф. М. 19, 90, 157, 177, 303, 343
 Беллок А.-Л. 321
 Белосельская-Белозерская А. Г. 201
 Белоусов А. Ф. 370
 Бель П. см. Бейль П.
 Бельский А. В. 175
 Бельчиков Н. Ф. 215, 311
 Беляк Н. В. 66
 Бем А. Л. 104, 372, 373
 Бенкендорф А. Х. 20, 89, 113, 130, 209, 210, 212, 276, 299
Беньян Д. 20, 61—62, 303
Беранже (Беранжер) П.-Ж. 62—63, 356
Бёрк Э. 17, 63—64
 Берков П. Н. 104, 155, 224
 Берковский Н. Я. 72, 123, 149
 Беркопец О. 309
 Бернар П.-Ж.-Ж. 345
 Бернгарди С. 333
 Бернис Ф.-Ж. 345
 Бернс Р. 18
 Бертен А. 346
 Бершу Ж. 355
 Бестужев А. А. (Марлинский) 7, 8, 13, 15, 16, 25, 27, 33, 39, 43, 47, 48, 68, 75, 78, 86, 90, 109, 114, 121, 126, 128, 144, 149, 153, 159, 162, 164, 168, 176, 183, 185, 190, 191, 198, 205, 206, 210, 211, 213, 219, 239, 246, 255, 264, 272, 282, 294, 299, 302, 310, 311, 322, 326, 327, 331, 355, 386, 391, 376, 391, 393
 Бестужев Н. А. 322
 Бетеа Д. М. 31
 Беттинелли С. 125
 Бетховен Л. ван 334
 Бине Р. 114
 Биргер Г. А. см. Бюргер Г. А.
 Битобе П.-Ж. 106, 110
 Благой Д. Д. 57, 61, 62, 84, 91, 104, 128, 172, 174, 175, 203, 208, 309, 387, 398, 399, 401
 Блок А. А. 91, 383, 387
 Блосвиль Э. 148
 Блудов Д. Н. 13, 39, 187
 Бобович А. С. 240
 Бобринский А. А. 312
 Бобров Е. А. 123
 Боброва Е. И. 200, 382

- Бовль У. Л. см. Боулз У. Л.
 Богач Г. Ф. 230
 Богданович А. И. 55
 Богданович И. Ф. 31, 81, 106, 186, 347
 Богданович М. 300
 Богеницкий Ф. 93
 Богинская А. Д. 200
 Боголюбова В. Г. 61
 Бодерон де Сенесе А. см. Сенесе А. Бодерон де
 Бодлер Ш. 137
 Бодмер И. Я. 97, 375
 Бодье Ш. 278
 Бодянский О. М. 374
 Бойко К. А. 149
 Бокадорова Н. Ю. 320
Боккаччо (Бокачио, Бокаччио) Д. 64, 81, 163, 186, 318, 369
 Болгова В. М. 59
 Бологовский Д. Н. 182
Бомарше П.-О. Карон де 65—66, 88, 166, 216, 353
 Бонди С. М. 30, 91, 149, 175, 200, 300, 382, 398
Бонжур К. 66
 Бонне Ш. 67, 375
Бонштеттен (Бонстеттен) Ш.(К.)-В. де 66—67, 375
 Боратынский Е. А. см. Баратынский Е. А.
 Борг К. Ф. фон дер 246, 256, 257, 269
 Бордосский, герцог см. Шамбор Г.-К.-Ф.-М.-Д. де
 Борев Ю. Б. 201
 Борецкий И. П. 172
 Бориневич-Бабайцева З. А. 230
 Борисов Ю. Н. 59
 Боровой С. Л. 208
 Боровский Я. М. 230, 240, 331, 363
 Борро Д. 253, 254
 Борсукевич Ю. 231
 Борхардт Н. И. 101, 258, 262
 Босвелл Д. 131
 Боссюэ Ж.-Б. 351
 Ботвинник Н. М. 110
 Боткин В. П. 54, 56
 Ботникова А. Б. 118
Боулз (Боульс) У. Л. 18, 47, 67—68, 83, 147
 Бочаров И. Н. 156, 264
 Бочаров С. Г. 104
 Боярская Т. Ю. 200
 Брагинский И. С. 104, 300, 361
 Брандейс Г. 262
 Брандес Г. 56
 Брантом П. де 350
 Брейтингер И. Я. 375
 Бриан П.-С. 150
 Бродзинский К. 93, 307
 Бродский Н. Л. 57, 175, 212, 396
 Бройтман С. Н. 110
 Брокгауз Г. 259
 Брокгауз Ф. А. 157
 Брокес Б. Г. 97
 Броневский С. М. 78
 Бросс Ш. де 88, 154, 375
 Брут, Марк Юний 27, 28, 113—115, 299
 Брюсов В. Я. 155, 205, 216, 235, 398
Буало-Депрео Н. 5, 24, 68—70, 80, 111, 113, 138, 164, 182, 185, 195, 198, 245, 293—295, 301, 306, 338, 345, 349—352, 356, 370, 371
 Буасси Л. де 160
 Будберг Л. фон 258
 Будри Д. И. 345
 Букалов А. М. 156
Булвер-Литтон Э. Д. 5, 20, 61, 70—71
 Булгаков Ф. И. 56, 382
 Булгарин Ф. В. 15, 23, 40, 52, 53, 105, 139, 144, 158, 180, 189, 249, 266, 276, 282, 339, 372, 276, 389
 Бульвер-Литтон Э. Д. см. Булвер-Литтон Э. Д.
 Бунин И. А. 136, 138
 Бурбоны, династия 62, 144, 354, 371
 Бурсов Б. И. 237
 Буруковская Т. Г. 224
 Бутакова В. И. 212
 Бутервек Ф. 218
 Буточкина Д. М. 23
 Буттура А. 35, 155, 239
 Бутурлин М. Д. 15, 152
 Бутурлины 156
 Бычков С. П. 315
 Бэлза И. Ф. 129, 208, 244, 245, 266, 310
 Бюниан И. см. Беньян Д.
 Бюра де Гюржи Э. 357
Бюргер Г. А. 71—72, 222, 303
 Бюффон Ж.-Л. Леклер де 188, 353
 В. Л. П. см. Пушкин В. Л.
Вак(к)енродер В. Г. 73, 224, 332, 333
 Валерио Ф. 152
 Вальбе Б. 315
 Вальберх И. И. 136
 Вальберхова М. И. 209
 Вальполь Г. см. Уолпол Г.
 Ванслов Вл. В. 30, 35, 79, 115, 165, 230
 Вар см. Помпей Вар
 Варнеке Б. В. 115
 Васильчикова Т. Н. 263
 Вацуро В. Э. 5, 11, 59, 66, 73, 75, 88, 96, 129, 132, 145, 161, 163, 166, 181, 188, 203, 208, 235, 306, 320, 336, 364, 387, 400, 401
 Вебер К. М. 220
 Вебер М. 224
Вега Картио Л. Ф. де 33, 34, 73—74, 126, 150, 159, 160, 162
 Вейденбаум Е. Г. 337
 Вейнберг А. Л. 104
Вейсс Ф.-Р. де 74—75, 375
 Векслер С. 22, 304
 Великовский С. 387
 Великопольский И. Е. 113, 202, 237
 Вельтман А. Ф. 146
 Венгероу С. А. 43, 55; 137, 232, 382, 398, 401
 Венгерова З. А. 92, 93

- Веневитинов Д. В. 40, 53, 99, 206, 262
 Веневитинов М. А. 61, 123, 277
 Венелин Ю. И. 308
Вергилий Марон, Публий 27, 31, 76—79, 98, 106, 110—112, 130, 161, 163, 191, 206, 219, 230, 326, 351
 Вержье Ж. 186, 233, 354
 Верстовский А. Н. 158
 Верховский Н. П. 382
 Верховский Ю. Н. 155
 Вершинина Н. Л. 88
 Веселовский Александр Н. 166, 167, 333, 384
 Веселовский Алексей Н. 55, 57
 Веселовский Ю. А. 385, 387, 390
 Вест В. Э. 51
 Ветловская В. Е. 300, 363
 Видок Э.-Ф. 122, 344
 Виельгорский М. Ю. 99, 256
Вийон Ф. 33, 79—80, 349
 Викери У. (В.) Н. 58, 91, 97, 116, 235, 306
 Вико Д. 155
Виланд К. М. 80—82, 168, 217—219, 221, 256, 262, 280, 365
 Виллель Ж.-Б.-С.-Ж. де 342
 Вилье К. Дешан де 134, 136
Вильмен А.-Ф. 20, 37, 82—83, 131, 204, 392
 Вильон Ф. см. Вийон Ф.
Вильсон Д. 17, 18, 21, 68, 83—84, 174
 Винкельман И. И. 189, 190, 217, 219, 225
 Виноградов В. В. 21, 125, 128, 143, 203, 205, 311, 360, 398
 Виноградов Н. Н. 171
 Винокур Г. О. 57, 297, 315, 382
Виньи А.-В. де 84—85, 204, 313, 356, 357, 364
Виргилий см. Вергилий
 Виротайнен М. Н. 66
 Висковатов С. И. 178
 Витковский А. 266
 Владимир, кн. 267
 Владимиров В. В. 111
 Владимирский Г. Д. 111, 151, 165, 332
 Воатюр В. см. Вуатюр В.
 Воейков А. Ф. 77, 81, 110, 130, 131, 258
 Волков Р. М. 149
 Волков-Нахшин А. В. 266
 Волконская З. А. 11, 34, 53, 99, 153, 206, 221, 224, 256, 263, 264, 320
 Волконский С. Г. 215
 Волович Н. М. 24
 Вольперт Л. И. 24, 61, 63, 66, 70, 80, 85, 89, 92, 121, 124, 132, 143, 158, 172, 173, 178, 180—184, 187—189, 195, 197—201, 203, 211, 212, 216, 226, 235, 245, 288, 291, 294, 295, 297, 301, 304, 306, 320—322, 324, 340, 358, 370, 371, 374, 383, 398
Вольтер 12, 31, 33, 42, 65, 67, 75—77, 80, 81, 85—89, 93, 106, 112, 114, 125, 129, 132, 136, 140, 141, 151, 154, 161, 162, 167, 172, 180, 181, 185, 186, 190, 192, 197, 202, 203, 205, 210, 228, 229, 290, 293, 297, 304, 326, 336, 340—344, 345, 347, 352—354, 369, 371, 374, 375, 377, 380, 399
 Вольф Д. О. Л. Б. 20, 83, 184
Вордсворт У. 15, 18, 20, 21, 67, 83, 89—91, 162, 168, 169, 177, 238, 302, 305, 364
 Воробьев Д. Т. см. Ленский Д. Т.
 Воронцов М. С. 53, 114, 152, 155, 329, 336
 Воронцова Е. К. 244
 Воскресенский М. И. 273
 Востоков А. Х. 98, 163, 307, 308
 Враз С. 286
 Вревский П. А. 277
 Вронченко М. П. 213
 Всеволожский Н. В. 120
Вуазенон К.-А. де Фюзез 91
 Вуатюр В. 349
 Вулих Н. В. 230
 Вульф Алексей Н. 9, 43, 51, 182, 212, 223, 398
 Вульф Анна Н. 43, 51, 91, 169, 176
 Вульф Ч. 19
 Вульфферт А. 99, 257—259, 268
 Вульфы 153
 Вьёссё Д. П. 263
 Вяземская В. Ф. 47, 49, 51, 121, 122, 142, 210, 211
 Вяземские 400
 Вяземский П. А. 13—16, 20, 23, 25, 33, 35—37, 39—44, 46—49, 51—53, 62, 65, 69, 79, 86, 87, 92, 94, 95, 101, 106, 107, 109, 112, 114, 120—122, 125, 129, 131, 132, 151, 157, 158, 166, 170, 171, 179, 181—183, 185—188, 191, 201, 202, 208, 210, 213—215, 218, 219, 221, 232, 234, 236, 237, 244, 251, 257, 258, 268, 274, 295, 296, 299, 303, 310, 312, 319, 322, 329, 336, 340—343, 347, 351, 354—356, 360, 370, 373, 374, 377, 378, 385, 386, 389, 395, 398, 400
 Габричевский А. 62
 Гаврилович А. 309
 Гаевский В. П. 176, 232, 235, 398
 Гай Л. 286
 Галахов А. Д. 314
 Галеви Ж.-Ф. 316
 Галич А. И. 112, 120, 176, 346
 Галлер А. фон 67, 375
 Гальяни П. Д. 87
Гальяни Ф. 92, 155
Гамильтон А. 92—93, 353
Ганка В. 93—94, 279, 280, 367
 Ганнибал А. П. 217, 380
 Гансгирг А. 281
 Ганская Э.-К. А. 371
 Гардзонио С. 129, 156, 163, 242, 264, 301, 302
 Гаррард Дж. 14, 59
 Гаспаров Б. М. 128, 129
 Гаспаров М. Л. 35
 Гасфелд Д. (И.-П.) 253

- Гаттель К.-М. 150
 Гафиз см. Хафиз
 Гдалин А. Д. 264
Гебель И. П. 94—95
 Гегель Г. В. Ф. 217, 261
 Гедил 29
 Гезиод см. Гесиод
 Гейман Б. Я. 104
Гейне Г. 95—96, 217, 222, 259, 286, 341, 343
 Гельвеций Ж.-К.-А. 192
 Гельд Г. Г. 11, 30, 302
 Гельти Л. К. Г. 166, 217
 Генслер К. Ф. 220
 Георгиевский П. Е. 125, 163, 193, 203, 331, 388
 Георгий Петрович (Георгий Черный) см. Карагеоргий
 Герасименко Л. 59
 Гербель Н. В. 63, 384, 398
 Гербстман А. И. 363
Гердер И. Г. 96—97, 217, 219, 221
 Геринг Э. 259
 Герль Ш. см. Эген де Герль Ш.
 Герман В. М. 168
 Геро Э. см. Эро Э.
 Геродот 31, 32, 393
 Герцен А. И. 56, 98, 117
 Герштейн Э. Г. 73, 137, 172, 188, 216, 302, 306, 387, 397
Гесиод 76, 97, 109, 202, 341
Геснер С. 97—98, 375, 376
Гете И. В. фон 49, 55, 80, 94, 96, 99—105, 119, 129, 141, 160, 166, 167, 181, 213, 217, 219—223, 226, 257, 261, 262, 285, 286, 299, 313, 332, 334, 335, 347, 360, 367, 377, 391
 Гете О. 99, 256
 Гетц П. П. фон 308
 Гиголов Г. 91
 Гизо Ф.-П.-Г. 15, 210, 348, 359, 377, 381
 Гиллельсон М. И. 21, 47, 132, 205, 374, 398, 400
 Гиляровский Р. С. 4
 Гиппиус В. В. 331
 Гиривенко А. Н. 23, 304
 Гиро А. 357
Гиффорд У. 105, 131
 Гишар Ж.-Ф. 354
 Глаголев А. Г. 110, 162
 Глебов Г. С. 32
 Глебов Д. П. 202
 Глинка А. Г. 117
 Глинка Н. А. 314
 Глинка Н. Г. 117
 Глинка С. Н. 53
 Глинка С. Ф. 249, 254
 Глинка Ф. Н. 25
 Глинка Ю. Г. 117, 314
 Глушакова Ю. П. 156, 264
 Глюк К. В. 136
 Гляссе А. 320
 Гнедич Н. И. 13, 15, 24, 26, 33, 44, 45, 47, 79, 107—110, 144, 203, 213, 218, 228, 231, 290, 296, 302, 307, 311, 326, 340, 347, 354, 385
 Гоголь Н. В. 75, 79, 94, 142, 143, 149, 189, 210, 211, 310, 312, 323, 333, 339, 353, 398
 Годвин У. 19
 Годунов Б. 74, 390
 Гозенпуд А. А. 75
 Гозун Л. А. 297
 Голдсмит О. 12, 19, 22, 59
 Голенищев-Кутузов И. Н. 128
 Голенищев-Кутузов П. И. 119
 Голицын В. С. 60
 Голицын Н. Б. 277
 Голицына П. А. 276
 Головин В. В. 97
 Голт Д. 52
 Гольбах П.-А. де 192, 340, 353
 Гольдони К. 135, 154, 155
Гомер 33, 76, 77, 97, 101, 105—110, 126, 202, 219, 242, 247, 317, 325, 326, 332, 393
Гонзага Т. А. 110—111
 Гончар Н. И. 216
 Гончаров И. А. 299
 Гончарова Е. Н. 210, 338
Гораций Флакк, Квинт 25, 26, 28—30, 50, 69, 78, 86, 111—116, 163, 164, 185, 187, 191, 192, 343, 394—396
 Горбов Д. А. 139
 Гордин А. М. 399
 Гордин М. А. 208
 Горенштейн В. О. 362
 Горлин М. 118, 143, 207
 Городецкий Б. П. 57, 232, 366, 367, 398
 Городецкий И. Д. 56
 Горохова Р. М. 35, 163, 197, 202, 237, 243, 328
 Горчаков А. М. 234, 245, 399
 Горчаков В. П. 45
 Горький М. 299
Готшед (Готшгед) И. К. 116, 189
 Гофман М. Л. 277, 315
Гофман Э. Т. А. 116—119, 135, 156, 217, 222, 341
 Гофман фон Фаллерслебен А. Г. 262
 Грабарь-Пассек М. Е. 362
 Граббе Х. Д. 135
 Грабовская В. Н. 59
 Грамон Ф. де 92
 Грановский Т. Н. 262
 Грасиан Б. 150
 Гребенка Е. П. 368
 Грегг Р. А. 61, 123, 384
Грей Т. 12, 67, 119, 250, 335
 Грекова Е. В. 215
Грекур Ж.-Б.-Ж. Вилар де 119—120, 186, 233, 354
 Гренвилл (Гренвилль) О. Б. 22, 249
Грессе (Гресет) Ж.-Б.-Л. 11, 120—121, 229, 345, 353, 354
 Греч Н. И. 141, 247, 248, 261, 264, 267, 280, 282, 284, 307
 Гречаная Е. П. 359, 386, 387
 Гречанинова В. С. 12

- Грешных В. И. 119
 Грибоедов А. С. 58, 81, 121, 259, 322, 337
 Григорович В. И. 190
 Григорьев А. А. 54
 Григорьев В. Н. 202
 Григорьева А. Д. 155
 Гримм В. 221, 341
 Гримм Ф.-М. де 132, 353, 359
 Гримм Я. 221, 341
 Громбах С. М. 63, 387
 Гроссман Л. П. 35, 387
 Грот Я. К. 13, 398, 400
 Грушкин А. И. 205, 374
 Губер П. К. 182
 Губер Э. И. 102
 Гудон Ж.-А. 89
 Гукасова А. Г. 149
 Гуковский Г. А. 60, 61
 Гуляев Н. А. 58
 Гумбольдт А. фон 67
 Гусев В. Е. 308—310
 Густова Л. И. 156
 Гутчинсон У. см. Хатчинсон У.
 Гъязич Н. 263
Гюго В.-М. 51, 62, 84, 86, 108, 121—123, 172, 181, 183, 204, 211, 212, 215, 225, 226, 286, 290, 294, 313, 344, 346, 347, 351, 356, 357, 387
 Гюден П.-Ф. 354
- Д. Ф. Г. (Дж.?) тосканец 264
 Давыдов А. Л. 27, 77, 112, 114
 Давыдов В. Л. 49, 126
 Давыдов Д. В. 36, 37, 234, 312
 Дайчик А. Б. 315
 Даламбер (д'Аламбер) Ж.-Л. 67, 197, 336
Данжо Ф. де Курсильон де 124, 188
 Данилевский Р. Ю. 67, 73, 75, 82, 95, 97, 98, 105, 116, 168, 184, 191, 224, 225, 263, 334, 376, 389, 391, 392
 Данилин Ю. И. 63
Данте (Дант) *Алигьери* 5, 10, 33, 79, 90, 101, 108, 124—129, 151—155, 159, 162, 183, 202, 208, 210, 240, 243, 305, 317, 326, 328, 393
 Дантес-Геккерн Ж.-Ш. 282
 Данченко В. Т. 61, 200, 240
 Да Понте Л. 135, 136, 153
 Д'Арк Ж. 88, 142, 303, 370
 Дашкевич Н. П. 55, 57, 171, 294
 Дашков Д. В. 36, 49, 391
 Дашкова Е. Р. 132
 Двойченко-Маркова Е. М. 230, 309
 Дворский А. 208, 231, 244, 245
 Дебрецени П. 322
 Дебро П.-Э. 62
 Дегтеревский И. М. 57
 Де Квинси Т. 215
Делавинь К. Ж.-Ф. 86, 129—130, 355
 Деларю М. Д. 122, 123
Дельи Ж. 76, 106, 130—131, 203, 247, 347, 353, 354
- Делорм Ж. см. Сент-Бёв Ш.-О.
 Дельвиг А. А. 8, 25, 26, 44, 45, 50, 62, 71, 93, 98, 101, 102, 109, 111, 112, 120, 130, 140, 164, 166, 168, 186, 206, 217, 222, 223, 238, 245, 307, 329, 330, 346, 347, 377, 382, 388
 Дельвиг А. И. 117, 208, 398
 Де ля Винь К. см. Делавинь К. Ж.-Ф.
 Делярю М. Д. см. Деларю М. Д.
 Деметер Д. 286
 Демидов Н. 200
 Дёмин А. О. 10, 35, 64, 129, 156, 158, 195, 240, 264, 328
 Делерье Б. 350
 Депрео Н. см. Буало-Депрео Н.
 Дератани Н. Ф. 30, 110, 229, 242, 332
 Державин В. В. 298
 Державин Г. Р. 10, 11, 96, 98, 111, 112, 151, 241—243, 246, 252, 260, 276, 297, 294, 350, 395
 Державин К. Н. 74, 151, 161, 311
 Десницкий В. А. 63, 262, 279
 Дефо Д. 19
 Дешан А. 127, 184, 306, 343
 Джанни Ф. 154
Джеффри Ф. 105, 131
 Джилберто О. 134
 Джонсон Б. 105
Джонсон С. 18, 19, 131, 231, 232, 237
Дидро Д. 92, 102, 132, 155, 158, 166, 192, 197, 353
 Дизраэли И. 384
 Дион Хризостом 133
 Дионео см. Шкловский И. В.
 Дитрих А. 256, 333
 Дмитриев А. И. 161
 Дмитриев И. И. 15, 37, 50, 51, 86, 87, 92, 185, 187, 206, 209, 210, 233, 246, 272, 339, 340, 345—347, 350, 351, 394
 Дмитриева Е. Е. 143, 359
 Дмитриева Н. Л. 66, 216, 279, 320
 Дмитрий Самозванец 74, 244, 391
 Добровский Й. 367
 Добролюбов Н. А. 54
 Довгий О. Л. 175
 Додолев М. А. 151
 Доланский Ю. 283, 366
 Долгоруков П. И. 307
 Долинин А. А. 14, 17, 23, 62, 129, 170, 204, 205, 304, 313, 316, 383
 Д'Ольбах П.-А. см. Гольбах П.-А. де
 Домбровский Ю. 338
 Домерон Л. 345
 Домциан, Тит Флавий 394
 Донская С. Л. 340
 Дора К.-Ж. 354
 Доримон, актер 134
 Достоевский Ф. М. 54, 55, 59, 123, 143, 149, 173, 187, 198, 383
 Драгомирецкая Н. В. 59
 Драйден Д. 369
 Дружинин А. В. 22
 Дружинина Н. М. 30
 Друино Г. 349
 Дубровский П. П. 93

- Дурова Н. А. 176, 228
 Дурылин С. Д. 104, 320
 Дьяконова Н. Я. 39, 168
 Дюбарри М.-Ж. 345
Дю Белле Ж. (И.) 138, 293, 349
 Дюдеван А. см. Санд Ж.
Дюкло Ш. Пино 138—139, 353
 Дюма А. 357
 Дюмениль Л.-А. 150
 Дюмон П.-Э.-Л. 143
 Дюперье Ф. 195, 349
 Дюпре де Сен-Мор Н.-Ф. 203
 Дюпре де Сен-Мор Э. 247, 268, 270, 274
 Дюсис Ж.-Ф. 376
- Еврипид* 36, 85, 140
 Егунов А. Н. 106, 110
 Ежовский Ю. 264
 Екатерина II, имп. 80, 87, 89, 132, 162, 163, 197, 210, 341
 Елистратова А. А. 149, 339
 Ермак Тимофеевич 162
 Ермоленко Г. Н. 199, 294
 Ермоленко С. И. 388
 Ершофф Г. 58, 262
 Есипов В. М. 179
 Ефремов П. А. 385
- Жаба Н. Ф. 265
 Жакоб П.-Л. 349
 Жакова Н. К. 366
Жан Поль 141—142, 219, 341
Жанен Ж.-Г. 142—143, 177, 349, 356, 357
Жанлис С.-Ф. Дюкре де Сент-Обен 143—144, 354
 Жанна д'Арк см. Д'Арк Ж.
 Женгене П.-Л. 33, 125—127, 152, 153, 194, 238
 Живановић Ђ. 287
 Жильбер Н.-Ж. 364
 Жилиякова Э. М. 315
 Жирицкий Л. В. 229
 Жирмунская Н. А. 131
 Жирмунский В. М. 3, 22, 46, 55—58, 104, 118, 123, 128, 184, 200, 372, 315, 373, 374
 Житомирская С. В. 401
 Жихарев С. П. 178
 Жобар А.-Ж.-Б. 277, 278
 Жодель Э. 138, 349
 Жокур Л. де 354
 Жосс А.-Л. 150
Жуи 144—145
 Жуйкова Р. Г. 51, 128, 176, 207, 221, 297, 328, 391, 399
 Жуковский В. А. 10, 12, 22, 24, 33, 37—41, 44, 51, 59, 67, 71, 72, 78, 81, 94, 95, 98, 99, 101, 102, 104, 109, 119, 128, 141, 149, 166, 167, 185, 202, 203, 207, 213, 217, 220—222, 231, 233, 250, 256, 259, 264, 268, 271—273, 275, 276, 285, 299, 302—304, 312, 326, 333, 335, 339, 341, 346, 374—376, 388—391, 396
- Жутовская Н. М. 383
 Жюльвекур П. де 277
 Жюльен де Пари М.-А. 268
- Заболотский П. А. 287
 Заборов П. Р. 88, 203, 224, 269, 279, 306, 396, 399
 Забудская Я. Л. 140
 Завьялова В. П. 165
 Загорский М. Б. 123, 167, 200
 Загоскин М. Н. 16, 84, 102, 175, 178, 196, 303, 304, 316, 319, 356
Задек (Задека) М. 78, 146, 175, 198
 Залеский Ю. Б. 93
 Занд Ж. см. Санд Ж.
 Занд К. 41, 176, 218
 Заславский Д. О. 398
 Захаров В. В. 119
 Захаров Н. В. 383
 Захарова Н. Н. 316
 Зборовец И. В. 315
 Зелинский В. А. 56
Зелинский Г. 147
 Зельхейи Ж. Д. 57
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зенович И. Д. 265
 Зимрок К. 381
 Зонтаг Г. 223
 Зубков Н. Н. 300
 Зульцер И. Г. 97
 Зусман В. Г. 334
 Зыков Д. П. 77, 78, 110, 362
- Иванов Вяч. Вс. 161, 230, 236
 Иванов Н. 364
 Иванова Н. Н. 155
 Ивинский Д. П. 206, 209
 Ивинский П. 231
 Игорь, кн. 93, 98, 108, 131, 195, 309, 336, 364, 367, 374,
 Иезуитова Р. В. 95, 156, 232, 297, 400
 Измайлов А. Е. 144, 187
 Измайлов В. В. 202, 233, 239, 327, 401
 Измайлов Н. В. 71, 208, 300, 315, 399, 400, 402
 Илличевский А. Д. 163, 166, 187, 339, 346
 Ильин И. П. 156
 Ильинский И. И. 298
 Ильин-Томич А. А. 58
 Илюшин А. А. 316
 Инзов И. Н. 282
 Ион Хиосский 27
 Ипатова С. А. 62
Ирвинг В. 72, 148—149, 150, 167, 314
 Искандер см. Герцен А. И.
 Искрин М. Г. 146
 Истомина Е. И. 107
 Ишимова А. О. 22, 174, 175
 Йыэсте М. 230

- К...в Д. см. Кафтырев Д. Я.
 Кадлубовский А. П. 88
Казанова Д. Д. 154, 157—158
 Казанович Е. П. 320
 Казанский Б. В. 250, 252, 254, 267, 270, 278
 Казарин В. П. 400
Казот Ж. 158
 Кайль Р.-Д. 104, 116, 235, 263, 340, 389, 391
 Кайсарова-Ланская В. 263
 Калашникова Н. 188
 Калдерон П. см. Кальдерон де ла Барка П.
 Калигула, Гай Цезарь 27
 Калининкова Н. Г. 172
 Каллаш В. В. 22
 Калло Ж. 119, 156
Кальдерон де ла Барка П. 33, 74, 126, 150, 158—161, 162, 172, 290, 392
 Камарит Й. В. 279, 281, 365
 Каменев Г. П. 98
Камозис Л. де 33, 126, 161—162, 198, 222, 317
 Каннинг Д. 19
 Каноббио К. 136
 Кант И. 116, 217, 219, 224, 225
 Кантемир А. Д. 10, 62, 91, 111, 180, 208, 212, 213
 Кантемир Д. К. 229
 Канциани Д. 136
 Капнист В. В. 10, 111, 114, 231
 Каподистрия И. А. 67
 Карабанов П. М. 130
 Карагеоргий (Георгий Петрович, Георгий Черный) 285, 306, 308, 309
 Караджич В. С. 306—310
 Карамзин Н. М. 32, 81, 92, 96—98, 130, 131, 165, 166, 175, 180, 185, 186, 190, 193, 201, 217, 221, 231, 272, 274, 276, 279, 286, 295, 318, 319, 322, 323, 335, 345—347, 350, 353, 375, 388, 390, 396
 Карамзины 117, 158
 Каратыгин В. А. 159, 379
 Каратыгин П. А. 62
 Карданова Н. Б. 264
 Карл I Великий 33
 Карл IX, фр. король 199
 Карл X, фр. король 372
 Карл XII, швед. король 87, 88
 Карлейль Т. 103
 Карлинский С. 372
 Карломан (Charlemagne) см. Карл I Великий
 Карниолин-Пинский М. М. 53
 Карр А.-Ж. 349, 357
 Карра Ж.-Л. 229
 Карташова И. В. 224
 Кассий, Гай Лонгин 28, 113
Касты Д. 81, 155, 162—163, 395
 Катаев В. Б. 402
 Катакази Т. А. 143
 Катенин П. А. 34, 36, 49, 71—73, 87, 88, 98, 102, 112, 113, 120, 125, 127, 151, 152, 158, 159, 172, 173, 178, 181, 190, 197, 222, 238, 301, 303, 328, 340, 379, 393
 Катилина, Сергей Луций 362
 Катков М. Н. 56, 82, 260
 Катон Старший 362
Катулл, Гай Валерий 26, 163—165, 302, 332
 Кафтырев Д. Я. 270
 Кац Б. А. 156
 Кацис Л. Ф. 368
 Каченовский М. Т. 86, 144, 158, 307, 329
 Квасов Д. Д. 175
 Квинтилиан, Марк Фабий 27, 331
 Кедров К. А. 110
 Кёниг Г. 261, 262
 Кенигк А. фон 259
 Кеппен П. Й. 365
 Керн А. П. 43, 51, 70, 91, 196, 208, 300, 399
 Кибальник С. А. 59, 116, 165, 224, 230, 243, 302, 306, 315, 320, 389, 391
 Кизеветтер К. (?) 224, 334
 Кикерон см. Цицерон
 Кимбер Э. 292
 Кине Э. 182
 Кипренский О. А. 99
 Киреевский И. В. 53, 81, 206, 213, 214
 Киреевский П. В. 158, 206
 Кирнозе З. И. 200
 Кирога А. 149
 Кирпичников А. И. 366
 Кирпотин В. Я. 175, 401
 Киртон Т. 180
 Китс Д. 18, 169
 Кичатов Ф. З. 119, 224
 Кишкин Л. С. 94, 279, 283, 365, 366, 368
 Клебаская Е. 203
 Клейман Н. 179
Клейст Э. К. фон 97, 165—166, 218
 Клеопатра 296, 297, 300
 Клименко Е. И. 89
Клинггер Ф. М. 149, 166—168, 224
Клопшток Ф. Г. 71, 80, 168, 217, 218
 Клуге Р. Д. 105
 Ключевский В. О. 331
 Кнабе Г. С. 30, 31, 331, 396
 Кнорринг К. 260
 Княжнин Я. Б. 98, 209, 345
 Коваленко С. А. 300
 Ковальский Ф. 266
 Ковальчук Л. В. 36
 Коган Л. Е. 200
 Козлов И. И. 19, 39—41, 65, 168, 183, 196, 213, 247, 250
 Козлов С. Л. 230
 Козлова Е. 200
 Козловский П. Б. 95, 99, 119, 395
 Козмин Н. К. 22, 37, 57, 123, 226, 370, 387, 392,
 Кокерель Ш. 162
 Кокрин Д. Д. 247
 Колардо Ш.-П. де 354
 Коллар Я. 93, 279, 281, 367, 368, 374
 Колонна Д. 239

- Колосова А. М. 290
 Колосова Н. А. 200
 Кольридж С. Т. см. Кольридж С. Т.
 Кольне Ш.-Ж.-М. де 351
Кольридж С. Т. 5, 15, 18—21, 67, 89,
 168—170, 177, 302, 312, 364
 Кольридж Х. 19
 Комарович В. Л. 372—374
 Комисаров С. И. 146
 Конанский Н. Ф. 231
 Коновалов В. Н. 119
 Конрад Н. И. 104, 128
 Конрад С. 276
Констан де Ребек Б. 47, 50, 170—172,
 342, 344, 346, 355
 Константинова С. Л. 156
 Конштантиневич Г. см. Якшич Г.
 Корде М.-А.-Ш. 384
 Кордоба-и-Мальдонадо А. де 133
 Коренева М. Ю. 72, 82, 95—97, 119, 142,
 166, 168, 176, 191, 334, 341, 391, 392
 Корзенски М. Р. 254, 256
 Кормон Б. 150
 Корнелий Непот 27
Корнель П. 137, 172—174, 181, 190, 289,
 290, 338, 340, 350—352, 393
 Корнель Т. 134
Корнуолл Барри 18, 21, 22, 68, 83,
 174—175
 Коровин В. И. 119, 328
 Королева Н. В. 399
 Корсаков П. А. 197
 Корф Ф. Ф. 141
 Корш Ф. Е. 155
 Косачевская Е. М. 151
 Космократов Т. см. Титов В. П.
 Коссаковская А. И. 84
 Костин В. М. 22, 232, 304
 Костров Е. И. 12, 31, 107, 231, 232
 Котельницкий А. 77
 Котен М.-С. см. Коттен М.-С.
 Котен Ш. 350
 Котляревский Н. А. 137
Коттен М.-С. 175, 198
 Коубек Я. П. 279
Коцебу А. фон 176, 218
 Кочеткова Т. В. см. Мюллер-Кочетко-
 ва Т. В.
 Кошанский Н. Ф. 12, 111, 163, 240, 245,
 331, 345, 383, 401
 Кошиенко И. В. 240
Крабб Д. 19, 176—177
 Краевский А. А. 375
 Крамер В. В. 279
 Крамер К. Ф. 331, 401
 Красиньский З. 317
 Краснобородько Т. И. 37
 Краснов А. П. 58
 Краснов Г. В. 58, 142, 359
 Краснов П. Н. 235
 Красухин Г. Г. 149
 Кребб Д. см. Крабб Д.
Кребийон (мл.) К.-П. Жоллио де 177—178,
 182, 352, 353
Кребийон (ст.) П. Жоллио де 178
 Крестова Л. В. 124, 188
 Кржевский Б. А. 138, 151
 Кривцов Н. И. 13, 21, 372
 Кромвель О. 82, 204
 Кронеберг И. Я. 190
 Крылов А. А. 202
 Крылов И. А. 9, 173, 185, 188, 195, 204,
 242, 246, 274, 276, 290, 343, 345, 351
 Крюденер Б. Ю. 219
 Крюковский Н. Д. 374
 Ксенофан Колофонский 26
 Кузина Н. В. 199
 Кузнецов И. С. 387
 Кузнецова О. В. 59
 Куклевич Л. М. 72
 Кукольник Н. В. 327
 Кулагин А. В. 22, 58, 175
 Кулагина О. Л. см. Довгий О. Л.
 Кулаковский П. А. 307, 309
 Кулешов В. И. 59, 315
 Куницын А. П. 295
Купер Д. Ф. 178—179, 196, 313, 373
 Купрягина Е. Н. 58, 75, 321
 Куракин А. Б. 270
 Курбанов Ш. 361
 Курочкин В. С. 146
 Кусов Г. И. 338
 Кутепов К. А. 56
 Кушаков А. В. 208, 231, 244
 Кушниренко В. Ф. 59
 Кьеркегор С.-О. 137
 Кэмпбелл Г. Э. 312
 Кэмпбелл Т. 19, 67, 68
 Кюн Б. 260
 Кюхельбекер В. К. 10, 40, 51, 71, 73, 75,
 81, 96, 99, 107, 108, 117, 126, 141, 144,
 145, 158, 159, 166, 168, 177—179, 203,
 217, 221—223, 242, 256, 257, 267, 314,
 326, 333, 379, 388, 389, 399
Лабрюйер Ж. де 180, 339, 350
 Лавинь К. см. Делавинь К. Ж.-Ф.
 Лаво Ж. де 273
 Лавров П. А. 309, 366
Лагарп Ж.-Ф. де 12, 65, 70, 76, 80, 102,
 106, 125, 136, 139, 140, 158, 161, 163,
 172, 180—182, 187, 198, 205, 240, 288,
 294, 306, 328, 340, 345, 349, 350, 353,
 371, 391, 392
 Лагутина И. Н. 224
Лакло П.-А.-Ф. Шодерло де 182—183,
 345, 353
 Лалич Р. 287
Ламартин А.-М.-Л. де 43, 59, 119, 183—
 184, 215, 225, 226, 351, 355, 356, 396
 Ламенне Ф.-Р. де 343
 Ламот А. см. Удар де Ла Мот А.
 Лангле Ж.-А.-Ф. 350
 Ланда С. С. 208, 231, 245, 317
 Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 189, 225
 Лаптев А. 202
 Лапчинский А. 315, 366
 Ларионова Е. О. 116, 201, 401

- Ларионова М. Ч. 203
Ласорса К. 264
Латуш А. де 364, 384
Лафайет М.-Ж. де 343
Лафар Ш.-О. де 354
Лафатер И. К. 375
Лафонтен А. Г. Ю. 184
Лафонтен Ж. де 31, 64, 78, 81, 120, 163, 184—187, 218, 220, 318, 344, 345, 350, 352, 354, 369, 371
Лафорг Ж. 157
Лахути А. 299, 300, 361
Лашкевич А. В. 59
Лашоссе П.-К. де 181, 353
Лебедева О. Б. 58, 225
Лебрен П.-Д. Экушар 130, 187—188, 212, 354, 385, 387
Левашов Е. А. 198
Лёве-Веймар Ф.-А. 117, 261, 277, 343
Левик В. В. 38
Левин Ю. Д. 119, 127, 128, 177, 232, 315, 335, 383, 396
Левинсон А. Я. 316
Левинтон А. Г. 95
Левинтон Г. А. 91, 120, 132
Левкович Я. Л. 124, 144, 208, 399—402
Левшин В. А. 98
Легран д'Осси П.-Ж.-Б. 350
Легуве Г.-М.-Ж.-Б. 15, 354
Леец Г. 217
Лежнев А. З. 118
Лейбниц Г. В. 217
Лейтон Л. Г. 116
Лелевель И. 260, 266
Лемонте П.-Э. 9, 124, 173, 185, 188, 195, 204, 242, 274, 290, 343, 351
Лемьер А.-М. 354
Ленау Н. 137
Ленский Д. Т. 62
Леонова Я. см. Левкович Я. Л.
Леритье Л.-Ф. 60
Лермонтов М. Ю. 54, 55, 57, 61, 75, 100, 200
Лернер Н. О. 57, 88, 111, 118, 123, 130, 155, 165, 171, 174, 226, 229, 266, 289, 300, 305, 316, 360, 370, 399
Лесаж А.-Р. 188—189, 339, 353
Лесков Н. С. 299
Лессинг Г. Э. 80, 116, 168, 189—191, 219
Лестрелен А. 327
Летурнер П. 15, 231, 377, 381, 396
Ли А. 38
Ливийский Б. 300
Лившиц М. А. 172
Лигдам 332
Лидс У. Г. 249, 251—253, 260
Лилеева И. А. 61
Лилич Г. А. 287
Линда Й. 367
Линде С. Б. 243, 264
Липперт Р. 262
Липранди И. П. 143, 152, 228, 229, 255, 290, 306
Листов В. С. 224
Листрова Ю. Т. 224
Литта М.-Л. 196
Лихонин М. Н. 60, 97, 102, 122, 175, 189, 222, 228, 235, 290, 303, 313, 316, 324, 338, 344, 357, 358, 373
Лодж Т. 18
Локк Д. 192
Ломоносов М. В. 10, 78, 111, 116, 177, 181, 218, 223, 239, 241, 242, 246, 252, 260, 272, 279, 350
Ломоносов Н. Г. 234
Ломоносова Е. А. 223
Лонг 98
Лонгин Кассий 301
Лопе де Вега (Лоп де Вега, Лопец di Vega) см. Вега Карпио Л. Ф. де
Лосев А. Ф. 31, 110, 116, 140, 165, 230
Лотман Л. М. 72, 315
Лотман Ю. М. 58, 70, 88, 92, 96, 110, 127—129, 131, 146, 175, 195, 241, 293, 297, 300, 320, 323, 370, 383, 396, 399
Луве де Кувре Ж.-Б. 182, 293, 353
Лувель П.-Л. 41
Лузянина Л. Н. 297
Луи-Филипп, фр. король 95, 143, 144, 372
Лукач, Марк Анней 27
Лукач Г. 315
Лукиан из Самосаты 133
Лукницкая В. К. 387
Лукницкий П. Н. 387
Луков В. А. 123, 175
Луков Вл. А. 175
Лукреций Кар, Тит 76, 78, 191—192
Лукреция 380
Лукьянец И. В. 93
Лукьянова Л. М. 116
Лунин М. С. 201
Лунина Е. П. 263
Лурье С. Я. 230
Львов Л. И. 278
Львов Н. А. 10
Львов П. Ю. 233, 292
Льюис М. Г. 19, 289
Лэм Ч. 19, 382
Любомудров С. И. 11, 30, 165, 241, 387
Людвик Великий см. Людовик XIV
Людвик XIV, фр. король 69, 124, 139, 173, 186, 188, 204, 211, 272, 290, 338, 348, 351
Людвик XV, фр. король 139, 188, 345
Людвик XVIII, фр. король 372
Люценко Е. П. 82
Мабли Г. Бонно де 192, 330, 340, 353
Магарашевий Б. 287
Магарашевич Д. (Магарашевий Ъ.) 283—285, 287
Мадачи П. 256
Майков Л. Н. 10, 43, 170, 216, 397, 399
Макаров М. Н. 307
Макиавелли (Макиявель) Н. 186, 193—195, 329
Макогоненко Г. П. 58, 104, 211, 315, 321

- Маколей Т. Б. 193
 Макрей Д. 248, 253
Макферсон Д. 7, 82, 109, 131, 195, 231, 232
 Малгерб Ф. см. Малерб Ф.
 Малеин А. И. 30, 165, 229, 331, 396
Малерб (Мальгерб) Ф. 195, 242, 293, 349, 370
 Мальфилатр Л. 364
 Мальчукова Т. Г. 30, 58, 110, 116, 129, 192, 362, 363
 Малярчик Я. 195
 Мамаев С. Г. 59
 Мандельштам О. Э. см. Mandel'stam O.
Мандзони (Манзони) А. 153, 154, 195—197, 313, 347
 Манн Ю. В. 390
 Мансуров П. Б. 41
 Манцони А. см. Мандзони А.
 Манюэль Ж.-А. 342
 Маранцман В. Г. 383
 Марат Ж.-П. 384
 Маргарита Наваррская 186, 350
 Марек А. 279, 367
Мариво П. де 197, 353
 Мария Павловна, герцогиня Веймарская 99
 Мария Федоровна, имп. 166
 Мария-Антуанетта, фр. королева 327
 Маркевич Н. А. 151
 Маркова Т. В. 119
 Маркович А. см. Markowicz A.
 Маркович В. М. 104, 123, 383
 Марлинский А. см. Бестужев А. А.
Мармонтель Ж.-Ф. 187, 197—198, 320, 354
 Мармье Кс. 102
Маро (Марот) К. 33, 198—199, 211, 349
 Марстон Д. 18
 Мартинелли Д. 152
 Мартиньяк Ж.-Б. де 343
 Мартын Задека см. Задек М.
 Мартынов И. И. 10, 11, 242, 302
 Мартынов И. Ф. 64, 96
 Марченко Н. Л. 96
 Марьянов Б. М. 149
 Масальский К. П. 310
 Масанов И. Ф. 146
 Маслов В. И. 57, 323
 Массон О.-М.-Б. 349
 Маттисон Ф. 33, 67, 326
 Матюрин Ч. Р. см. Мэтьюрин Ч. Р.
 Маха К. Г. 279, 280, 282
 Махивавель Н. см. Макиавелли Н.
 М-в А. см. Муханов А. А.
 Мевий 24, 78
 Медведев М. 136
 Медвин Т. 19
 Медор 34
 Медриш Д. Н. 308—310
 Мей Л. А. 165
 Мейлах Б. С. 383, 399
 Мейстер (Мейстр) Ж.-М. де см. Местр Ж.-М. де
 Мелецкий Ю. А. см. Нелединский-Мелецкий Ю. А.
 Мельгунов Н. А. 73, 260—262, 267, 333
 Менар Ф. 349
 Мендельсон (Мендельзон) М. 190
 Менендес Пидаль Р. 133
 Менцель В. 257
 Менье А. 99, 104
 Мережковский Д. С. 55
 Мерзляков А. Ф. 190, 233, 328, 383
 Мерзляков Н. М. 203
Мериме П. 92, 93, 137, 199—200, 207, 226, 285, 288, 307, 308, 312, 341, 343, 347, 357
 Мерлин В. В. 184
 Меррей Д. 68, 243
 Мерсье Л.-С. 353
Местр Ж.-М. де 200—201
Метастазιο П. 201—202
 Метьюрин Ч. Р. см. Мэтьюрин Ч. Р.
 Мещенат, Гай Цильний 28, 111, 113—115
 Мещерская С. С. 90
 Мещерский Э. П. 99, 256, 275, 343
 Мидлтон К. 363
 Микеланджело Буонарроти 153
 Милонов М. В. 202, 237, 389
 Милутинович С. 281, 307
Мильва Ш.-Ю. 119, 202—203, 226, 234, 346
 Мильман Г. Г. 18, 68, 83, 174
Мильтон Д. 7, 12, 16—18, 22, 33, 34, 84, 101, 108, 121, 122, 126, 130, 162, 181, 203—205, 225, 247, 304, 313, 316, 317, 344, 347, 373, 374, 377, 393
 Мильчина В. А. 61, 84, 143, 235, 306, 320, 359
 Милоков А. П. 54, 56
 Миндалев П. П. 57
 Минский Н. М. 55
 Мирабо Ж.-Б. 32
 Мирабо О.-Г. Рикети де 143, 297, 319
 Мирзоюнус М. 300, 361
 Митридат VI Эвпатор 28
 Митропан П. 287, 309
 Митрохина М. И. 30
 Михайлов А. Д. 321, 359
 Михайлов М. Л. 174
 Михайлова Н. И. 59, 203
 Михайловский-Данилевский А. И. 23
 Михед П. В. 237
Мицкевич А. 28, 42, 51, 57, 93, 201, 205—209, 213, 222, 231, 238, 243, 244, 264, 265, 278, 281, 285, 299, 300, 315, 317, 368, 399
 М-н А. см. Малеин А. И.
 Мнишек М. 244
 Могилевская И. М. 315
 Модзалевский Б. Л. 51, 61, 82, 123, 124, 142, 184, 208, 261, 266, 323, 327, 397, 399, 400
 Модзалевский Л. Б. 60, 71, 76, 338, 400, 401
 Молчанов П. С. 32
Мольер 101, 134, 136—138, 172, 174, 209—211, 235, 338, 339, 344, 345, 347, 350—352, 370, 381

- Монтань М. де см. Монтень М. де
 Монтгомери Д. 19
Монтень М. де 75, 141, 211—212, 288, 326, 350
Монтескьё Ш.-Л. де 67, 75, 106, 108, 187, 212—213, 340, 342, 352
 Морали (мавр Али) 152, 380
 Морган С. 154
 Моро-де-Бразе Ж. 92, 157, 312
 Морозов П. О. 43, 234, 235, 305
 Мортемар К.-Л.-В. де 343
 Мортон Э. 249
 Моцарт В. А. 65, 118, 135, 136, 138, 153
 Мошинская Р. П. 370
 Музеус И. К. А. 224
 Мультагули В. М. 279, 291
Мур Т. 15, 18, 33, 39, 51, 52, 213—214, 222, 250, 270, 298, 299, 302, 322, 323, 326, 332, 360
 Муравьев А. Н. 108, 373
 Муравьев М. Н. 98, 114
 Муравьев-Апостол М. И. 322
 Муравьева М. Г. 96
 Муравьева О. С. 306
 Муральт И. фон 376
 Муратов А. Б. 14, 59, 158
 Мурьянов М. Ф. 224, 391
 Муханов А. А. 319, 343
 Мушицкий Л. 285
Мэтьюрин Ч. Р. 19, 214—215
 Мюллер И. 67
 Мюллер Ф. фон 99
 Мюллер-Кочеткова Т. В. 58, 321
 Мюллнер А. 247, 255, 258
 Мюральт И. фон см. Муральт И. фон
Мюссе А. де 50, 66, 113, 122, 136, 137, 150, 183, 210, 215—216, 234, 305, 344, 351, 356
 Мюссе П.-Э. де 124, 357
 Мясоедова Н. Е. 58, 214
- Набоков В. В. 63, 130, 146, 300, 400
 Навои А. 361
 Нагорная Н. М. 89
 Надеждин Н. И. 64, 53, 113, 141, 158, 379
 Надълаки-Якшич Г. см. Якшич Г.
 Назон, Публий Овидий см. Овидий
 Найдич Э. Э. 96, 188
 Налимов А. П. 35, 155, 239
 Наполеон I Бонапарт 62, 144, 149, 183, 196, 252, 259, 275, 318, 320, 322, 330, 342, 372
 Нарезный В. Т. 189, 276
 Наумов С. П. 51
 Нащокин П. В. 60, 219, 349
 Неведомский Н. В. 77
 Неверов Я. М. см. Neverov J. M.
 Негош П. П. 285
 Недзвецкий В. А. 226
 Недзельский Б. Л. 13, 400
 Нежон Ж.-А. 132
 Незеленов А. И. 55, 56
 Нейман Б. В. 315
- Неклюдова М. С. 156
 Некрасов Н. А. 54, 100, 123, 155, 177
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 272, 332
 Нельсон Г. 303
 Немировский И. В. 32, 63, 297
 Немировский М. Я. 30, 165
 Непомнящий В. С. 89, 387, 400
 Нерва, Марк Кокшей 394
 Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь 25, 240
 Нечаева В. С. 237, 374
Низар Ж.-М. 205, 225, 304
 Никитин С. А. 399
 Никифорова А. П. 232
 Николаев С. И. 147, 209, 231, 244, 245, 266, 317, 328
 Николаева Т. М. 61
 Николай I, имп. 23, 88, 89, 95, 99, 113, 173, 206, 259, 271, 274, 275, 277, 280, 284, 286, 337
 Никольский А. Д. 84
 Никольский В. В. 278
 Никольский С. В. 366
 Николюкин А. Н. 149, 179
 Нодо Ф. 241
Нодье Ш. 155, 225—226, 307, 308, 357, 386
 Нольман М. Л. 201, 299, 361, 363
 Нордин Г. 95, 96
 Норов А. С. 126, 127, 241
 Норт К. см. Вильсон Д.
 Нозль Ф. 165
 Нусинов И. М. 57, 118, 135, 137, 382
- Обрадович Д. 285
Овидий Назон, Публий 9, 10, 25, 26, 29, 87, 121, 164, 191, 227—230, 243, 272, 341, 371
 Овчаренко О. А. 162
 Овчинников Р. В. 224
 Одесский М. П. 368
 Одоевский А. И. 213
 Одоевский В. Ф. 75, 95, 117, 142, 143, 310, 333
 Одровонж-Пенёнджек Я. 147
 Одынец А. Э. 206, 265
 Оже Л.-С. 351
 Озеров В. А. 191, 231, 232, 295, 319, 345, 346, 351, 354
 Ознобишин Д. П. 213, 386
 Оксман Ю. Г. 37, 97, 118, 121, 130, 264, 323
 Октавиан см. Август
 Оленин А. Н. 107, 255
 Оленина А. А. 179, 400
 Олешкевич Ю. 205, 207
Олизар Г. 230—231, 243, 264
 Олин В. Н. 44, 45, 49, 113, 176, 268
 Ольберг Э. фон 262
 Ольдекоп Е. И. 257, 268
 Омер (Омир) см. Гомер
 Оом О. Н. 400
 Органишева Ц. 309
 Орион см. Арион

- Орлеанский (Луи-Филипп-Жозеф), герцог 143
 Орлов А. А. 23, 310, 329, 363
 Орлов А. С. 195, 315
 Орлов Г. В. 188
 Орлов Г. Г. 132
 Орлов М. Ф. 88, 125, 201, 296
 Орлов С. А. 315
 Орловский А. 205
 Ороховацкий Ю. И. 294
 Осипов Н. П. 77
 Осипова П. А. 102, 288
 Осиповы 153
 Осповат А. Л. 96, 156, 224
 Осповат Л. С. 138, 158, 241
Оссиан 7, 12, 18, 82, 109, 131, 195, 231—232, 233, 346, 347, 353 (см. также Макферсон Д.)
 Остин С. 102
 Отто Ф. 258
 Оффман Ф.-Б. 351
 Охотин Н. Г. 91, 120, 132
 Ошеров С. 29
- Павел I, имп. 80, 166
 Павић М. 309
 Павлищев Н. И. 196
 Павлищева О. С. 12, 92, 106, 119, 143, 185, 186, 196, 209, 295, 335, 354
 Павлов Н. 60
 Павлова К. К. 260
 Павловић М. Б. 308
 Павлович (Павловић) Т. 285, 286
 Паевская А. В. 61, 200
 Палацкий Ф. 367, 374
 Палицын А. А. 130
 Палкович И. 367
 Панаев В. И. 98, 276
 Панаев И. И. 299
 Панасенко Ю. А. 230
 Панова Э. 283
 Парини Д. 153
Парни Э.-Д. де 10, 12, 24, 106, 161, 202, 203, 214, 232, 233—235, 331, 332, 346, 347, 354,
 Парсамов В. С. 195
Паскаль Б. 75, 235—236
 Паскевич И. Ф. 276
 Пахсарьян Н. Т. 359
Пеллико С. 154, 155, 236—237, 338
 Пелчинский В. 264
 Пельский П. А. 233
 Пенчић С. 309
 Переверзев В. Ф. 71, 189
 Перес де Ита Х. 150
 Пермяков Е. В. 156
 Перовский А. А. (Погорельский А.) 117, 222, 276, 333
 Перовский В. А. 221
 Перпер М. И. 180
Персий Флакк, Авл 237
 Перьес Ж.-В. 194
 Песков А. М. 70
 Песталоцци И. Г. 375, 376
- Пестель П. И. 297
 Петар М. 287
 Петерс Й.-У. 14, 59, 392
 Петр I, имп. 87, 88, 89, 99, 167, 188, 201, 207, 223, 276, 277, 282, 348, 373
Петрарка Ф. 27, 127, 153—156, 237—240, 327
 Петров В. П. 79
 Петров Д. К. 196
 Петров С. М. 61, 315
 Петровский Ф. А. 165
Петроний, Гай 31, 137, 240—241
 Петрунина Н. Н. 37, 58, 61, 71, 181, 199, 226, 297, 301, 315, 316, 400
 Петряев Е. Д. 51
 Пиккьо Р. 10, 128
 Пиксанов Н. К. 232, 243
 Пил Д. 18
 Пильщиков И. А. 240, 328
Пиндар 33, 107, 108, 241—242, 264, 302
 Пиндар П. 18
Пиндемонте И. 29, 114, 116, 142, 152, 154, 216, 242—243, 382
 Пиотровский А. И. 165
 Пирог Д. 91
 Пирон А. 353
 Пирх О. 309
 Писарев А. И. 202
 Пискунова С. И. 311
 Пишо А. 15, 21, 39, 43, 83, 89, 168, 169, 176, 177, 213, 299, 377
 Плавский З. И. 311
 Планш Г. 130, 171, 184, 200, 226, 300, 305, 316, 357
 Платек Я. 234, 235
 Платон 90
 Племянников Н. 57
 Плетнев П. А. 18, 26, 32, 50, 90, 101, 109, 130, 150, 151, 177, 244, 247, 255, 258, 284, 303, 312, 330, 342, 368, 380, 386
 Плиний Старший 240, 241
 Плутарх 133, 390
 Поварнин С. И. 71
 Погодин М. П. 45, 62, 84, 96, 101, 122, 144, 183, 190, 206, 222, 236, 276, 281, 316, 328, 334, 347, 356, 357, 374, 375, 382, 396
 Погорельский А. см. Перовский А. А.
 Поддубная Р. Н. 158
 Подолинский А. И. 239
 Подшивалов В. С. 190
 Поклен Ж.-Б. см. Мольер
 Покровский М. М. 10, 30, 77, 79, 109, 115, 165, 230, 331, 332, 382
 Полевой К. А. 52, 206, 258, 283
 Полевой Н. А. 52, 53, 96, 103, 104, 138, 141, 145, 148, 153, 206, 261, 269, 281, 294, 299, 307, 308, 310, 312, 333, 379
 Полежаев А. И. 11, 317
 Полетика П. И. 13
 Поливанов Л. И. 92, 93, 366, 400
 Полиньяк Ж.-О.-А.-М. де 343
 Полторацкий С. Д. 267, 268, 270—272, 279

- Полуяхтова И. К. 10, 239
 Помпей Вар 113—116
 Пономарев Н. С. 257
 Пономарева Л. В. 232
 Понятовский Ю. 244
 Поп А. 7, 16, 18, 67, 68
 Попелюхер И. Л. 254, 264
 Попов А. А. 121, 295, 358
 Попов А. В. 337
 Попов П. С. 397
 Погугаев В. В. 187
 Поссевино А. 194
 Потапова Г. Е. 104, 119
 Потемина Е. И. 59
Потоцкий А. 244
Потоцкий Я. (И. О.) 150, 244—245
Прадон Н. (Ж.?) 245, 350
 Прадт Д. Дюфур де 342
 Пракситель 133
 Прево д'Экзиль А.-Ф. 292, 363
 Преображенский Н. Ф. 149
 Привалова М. И. 37
 Прийма Ф. Я. 267, 279, 306
 Прожогин Н. П. 197
 Прокопович-Антонский А. А. 376
 Проктер Б. У. см. Корнуолл Барри
 Проперций 332, 341
 Прохоров Л. 146
 Пугачев Е. И. 88, 132, 223, 262, 279, 314, 348
 Пумпянский Л. В. 230
 Пухмайер А. Я. 367
 Пушкин В. Л. 8, 11—13, 16, 27, 36, 37, 43, 44, 48, 50, 51, 61, 62, 69, 78, 85, 87, 101, 102, 112, 120, 125, 130, 143, 150, 151, 164, 183, 196, 209, 212, 222, 231, 233, 234, 238, 242, 243, 261, 268, 273, 289, 290, 311, 329, 339, 342, 344—346, 366, 377, 385, 386, 390, 391, 394
 Пушкина Н. Н. 51, 60, 92, 124, 210, 211, 217, 223, 300, 311, 312, 338, 350, 353
 Пушкины 217, 344
 Пущин И. И. 112, 115, 116, 181, 319
 Пшечлавский Ю. Э. 266
- Рабинович Е. Г. 116
Рабле Ф. 120, 186, 211, 288, 326, 350
 Радецкая М. М. 209
 Радищев А. Н. 65, 84, 96, 100, 108, 132, 203, 227, 296, 301, 310, 322, 326, 353
Радклиф А. 19, 288—289
 Радо Г. 256
 Радциг С. И. 115
 Раевская Ек. Н. 13, 42
 Раевская М. Н. 230
 Раевский А. Н. 46, 51, 167, 215, 371
 Раевский А. Ф. 203
 Раевский В. Ф. 296
 Раевский Н. Н. (мл.) 8, 13, 17, 42, 43, 45, 48, 49, 74, 102, 129, 136, 153, 160, 168, 173, 181, 184, 185, 347, 377, 339, 352, 378, 385
 Раевский Н. Н. (ст.) 230
- Раич С. Е. 34, 35, 193, 240, 241, 328
 Рак В. Д. 19, 23, 37, 59, 62, 64, 68, 83, 84, 91, 93, 94, 105, 119, 120, 123, 130, 131, 138, 139, 144, 145, 146, 149, 170, 175, 179, 188, 195, 198, 205, 213—216, 225, 236, 241, 254, 283, 287, 289, 293, 300, 304, 310, 316, 318, 323, 335, 336, 338, 339, 361, 364, 366—369, 375, 383, 384, 388, 396, 399
- Ракан О. 349
 Рамазанова Г. Г. 387
 Рамбо А.-Н. 358
Расин Ж.-Б. 33, 44, 86, 159, 172, 173, 184, 202, 235, 245, 289—291, 295, 320, 336, 338, 340, 344, 345, 347, 350—352, 356, 370, 392, 393
 Раскольников Ф. 30
 Рассовская Л. П. 140
 Рафаэль Санги 73, 222, 333
 Рафили М. 337, 361
 Резанов В. И. 98, 166
 Реизов Б. Г. 61, 188, 331, 387
 Рейкс Т. 22, 249
 Рейсер С. А. 158
 Рейтблат А. И. 15
 Ремнёва М. Л. 306
 Ремон М. 349
 Реморова Н. Б. 239
 Реньяр Ж.-Ф. 352
 Репе Л. 273
 Реслер Г. 75
 Ржига В. Ф. 320
 Ривароль А. 370
 Ривердиева М. А. 30
 Риго Р. 149, 150
 Рижский М. И. 362
 Ризнич А. 152
 Ризнич И. С. 152
 Римский-Корсаков Г. А. 93, 279
 Рихтер И. П. Ф. см. Жан Поль
Ричардсон С. 17, 19, 171, 291—293, 323, 339, 372
 Риччи С. 10, 128, 153, 263, 264, 327
 Робертсон У. 150, 188, 192, 340
 Робеспьер М. 84, 297, 386
 Ровинский В. И. 149
 Рогальский А. 265
 Роговер Е. С. 151, 263
 Роджерс С. 19
 Роза С. 154
 Розанов В. В. 155
 Розанов М. Н. 10, 34, 35, 57, 93, 128, 163, 194, 195, 202, 216, 236, 239, 243, 328
 Розберг М. П. 65
 Розен Е. Ф. 51, 239, 259
 Розенфельд А. З. 298—300, 337
 Розов В. А. 104
 Розова З. Г. 297, 301, 389, 390
 Роккиджани А. 263
 Романов Н. М. 95, 96
 Романова А. Н. 105
 Романович В. 308
Ронсар П. де 70, 138, 182, 293—294, 305, 306, 349

- Россет Александра О. см. Смирнова-Россет А. О.
 Россет Аркадий О. 374
 Россет К. О. 374
 Россини Д. А. 65, 152, 153
 Роули Т. 336, 364
 Руайе А. 357
 Рубинова Е. 96
 Ругье А. де 272, 278
 Рукавичникова В. В. 77, 79
 Рунич Д. П. 41
 Русский см. Гербель Н. В.
Руссо Ж.-Б. 294—295
Руссо Ж.-Ж. 67, 74, 75, 86, 92, 138, 139, 164, 167, 192, 292, 295—297, 301, 336, 340, 345—347, 352, 353, 371, 375
 Рылеев К. Ф. 17, 34, 40, 52, 53, 68, 114, 120, 128, 158, 183, 205, 207, 231, 237, 251, 253, 271, 272, 297
 Рыльский М. Ф. 399
 Рыпинский А. 265
 Рюльер К.-К. 370
- С. И. С. см. Соллогуб С. И.
Саади 213, 214, 298—300, 360, 363
 Сабинин С. К. 262
 Сабо Э. 57
 Сабуров Я. И. 93, 280
 Саводник В. Ф. 399
 Савченко С. В. 203, 235, 358
 Сад Д.-А.-Ф. де 182
 Сади см. Саади
 Сайтанов В. А. 22, 88, 91, 165, 170, 304
 Саккетти Ф. 127, 153
 Сакулин П. Н. 75, 243, 315, 358
 Сальери А. 65
 Самарин Р. И. 205
 Самора А. де 134
 Самсон А. см. Сансон А.
Санд Ж. 182, 226, 300—301, 349, 357
 Сандлер С. 170, 230
 Сандомирская В. Б. 58, 97, 110, 297, 327
 Сансон А. 60, 122, 157, 201, 296, 344, 386
 Санчо И. 323
 Сапожков С. В. 334
Сапфо 11, 70, 242, 264, 301—302
Саути (Сауве(й)) Р. 5, 13, 15, 18, 20, 21, 67, 89, 94, 101, 169, 177, 209, 213, 302—304
 Сафо см. Сапфо
 Сахаров В. И. 59
 Сашина Е. В. 359
 Свечин Н. 120
 Свиньин П. П. 23, 229, 306
 Свирин Н. Г. 57
 Свифт Д. 19
 Свиясов Е. В. 241, 301, 302, 331
 Севастьянов А. 88
 Северин Д. П. 13
Севиные М. де Ражютен-Шанталь 235, 304, 350
 Седен М.-Ж. 353
 Сей Ж.-Б. 342
- Сейшас М. Д. де 111
 Секст 380
 Селезнев И. Я. 76, 363, 401
 Сельвинский И. Л. 165
 Семевский В. И. 75
 Семевский М. И. 51, 398
 Семенов Ю. 63
 Семенова Е. С. 290
 Сенанкур Э. де 355
 Сен-Виктор Ж.-Б.-М. Бен де 161, 294
 Сенека 212, 339
 Сенесе А. Бодерон де 186, 354
 Сен-Жермен 157, 158
 Сенковский О. И. 82, 225, 243
 Сен-Ламбер Ж.-Ф. де 86, 298
 Сен-Пьер Ш.-И. Кастел де 296
 Сен-Симон Л. де 124, 349
Сент-Бёв Ш.-О. 60, 63, 82, 84, 90, 121, 162, 184, 215, 238, 293, 304—306, 343, 344, 347, 352, 356, 357, 386
 Сентин Ж.-К. 24
Сервантес Сааведра М. де 108, 126, 150, 162, 222, 310—311, 393
 Сергеенко М. Е. 240
 Серман И. З. 205, 304
 Сеян, Луций Элий 329
 Сидорова О. Г. 23
 Сидяков Л. С. 315
 Симмонс Д.-С.-Г. 131
 Сиповский В. В. 55, 57, 167, 372, 373
 Сиркур А.-М. де 278
 Сиркур А. С. де 67, 255, 274, 275, 280
 Сироткин М. С. 30
 Сисмонди Ж.-Ш.-Л. де Симонд де 8, 33, 67, 74, 126, 150, 152, 159, 161, 162, 194, 238, 242, 243, 349, 391
 Скакун А. А. 187
 Скальковский А. А. 206, 208
 Скаррон П. 77, 79
 Скачкова О. Н. 22
Скотт В. 5, 15, 16, 18, 19, 39, 52, 84, 101, 123, 179, 182, 190, 196, 205, 213, 219, 248, 289, 302, 304, 311—316, 336, 339, 341, 382, 383
Скриб О.-Э. 37, 82, 316
 Скрижинская М. В. 140
 Слоан 14
Словацкий Ю. 93, 244, 317
 Словиковский А. 265
 Слонимский А. Л. 82, 188, 360, 385, 387, 401
 Смирдин А. Ф. 176
 Смирин В. М. 115
 Смирнов И. Я. 247
 Смирнов М. П. 57
 Смирнова Л. А. 22
 Смирнова-Россет А. О. 95, 321, 323, 358, 371, 401
 Смирнов-Сокольский Н. П. 82
 Смит А. 332
 Смит Г. 205
 Смоллет Т. Д. 17, 19, 315, 339
 Снисаренко А. 149
 Собаньская К. А. 170
 Соболевский А. И. 128, 315

- Соболевский С. А. 87, 196, 199, 206, 207, 288, 307, 343, 382
 Сове Р. см. Саути Р.
 Соколова Т. В. 235
 Соколянский М. Г. 22, 58, 205, 293, 323, 339
 Сократ 36
 Соллогуб С. И. 247, 255, 258, 284
 Соловьев А. В. 306, 309
 Соловьев В. 175
 Соловьева Н. А. 23
 Соломирский В. Д. 51
 Солонович Е. М. 239
 Сомов О. М. 21, 144, 148, 152, 226, 310
 Сонцов М. М. 51
 Сорен Б.-Ж. 353
 Сорокин М. П. 178
 Сорокин Ю. С. 392
 Соронкулов Г. У. 300, 338, 361
 Соррилья-и-Мораль Х. 137
 Соувей Р. см. Саути Р.
 Софокл 140, 190
 Спасович В. Д. 55, 57
Спенсер Э. 16, 17, 33, 317—318, 369
 Сперанская Н. М. 24, 196
 Сперанский М. М. 75
 Сперанский М. Н. 399
 Срезневский В. И. 323
 Срезневский И. И. 368, 374
Сталь А.-Л.-Ж. де 9, 67, 81, 100, 102, 116, 141, 151, 154, 181, 190, 220, 221, 224, 243, 290, 292, 318—320, 333, 342, 343, 346—348, 351, 352, 355, 370—372, 375, 392
 Станевич М. 265
 Станкевич Н. В. 262
 Старицына З. А. 63
 Старк В. П. 383
 Старостин А. 298
 Старостин Б. А. 4
Стендаль 24, 58, 59, 61, 200, 290, 320—322, 347, 349, 357, 383, 398
 Стеник Ю. В. 297
 Степанов В. Г. 165, 302
 Степанов Л. А. 116, 138, 208, 396
 Степанов М. см. Шебунин А. Н.
 Степанов Н. Л. 61, 315, 321
 Степанов С. 202
Стерн Л. 16, 19, 58, 80, 213, 292, 322—323
 Стефанович В. Н. 266
 Стиль Р. 7
 Стойкович А. И. 307
 Стороженко Н. И. 55—57, 382
 Стратоновский Г. А. 32
 Страхов Н. Н. 9, 10, 314
 Строганов Г. А. 266
 Строганов М. В. 88, 224, 225
 Струве М. 335
 Струве Н. 335
 Струве П. Б. 61, 104, 226, 321, 358, 402
 Струговщиков А. С. 75
 Стурдза А. С. 176, 218
 Суздальский Ю. П. 11, 30, 32, 110, 115
 Сулье М.-Ф. 349
 Сумароков А. П. 10, 82, 111, 242, 246
 Сумцов Н. Ф. 91, 366
 Сурат И. З. 90, 104, 116
 Сурина Н. 184
 Сутей Р. см. Саути Р.
Сю Э. 324, 349, 357
 Талалай М. Г. 156
 Тамарченко Н. Д. 31, 61, 110, 123, 143
 Тарди Л. 256
 Тардиф де Мелло А. 122
 Тарквиний Гордый 380
 Тартаковский П. И. 360
 Тархова Н. А. 399
Tasso T. 33, 34, 50, 57, 76, 81, 85, 106, 126, 151, 152, 154, 155, 162, 239, 317, 325—328
 Татаринов А. В. 11
 Тахо-Годи А. А. 30
Тацит, Публий Корнелий 24—27, 194, 229, 240, 241, 328—331, 363, 395
 Телетова Н. К. 383, 388
 Тельес Г. см. Тирсо де Молина
 Теннер Д. 148, 149, 179, 373
 Теперик Т. Ф. 116
 Теплова Н. Е. 279
 Тепляков В. Г. 26, 51, 62, 121, 227, 229, 299
 Теребенина Р. Е. 224, 320
 Тери О.-Ф. 102, 190
 Тиберий Клавдий Нерон 26, 329, 330
Тибулл, Альбий 24, 76, 111, 191, 214, 234, 331—332
 Тиверий см. Тиберий
 Тидге К. А. 166, 256
Тик Л. 73, 217, 222, 332—334
 Тимант 190
 Тиме Г. А. 105
 Тименчик Р. 359
 Тимковский И. Ф. 98
 Тимофеев Л. В. 107
 Тимофеева Н. А. 30
 Тимофеева О. В. 200
 Тирсо де Молина 133—138
 Тит Ливий 194
 Титов В. П. 73, 117, 141, 158, 222, 333
 Тихомиров В. Н. 57, 58, 211, 316
 Тиц Ф. 259
 Тоблер И. Г. 376
 Тойбин И. М. 143, 315
 Толстой А. К. 137
 Толстой И. И. 30, 200, 230, 241
 Толстой Л. Н. 62, 75, 200, 293, 314
 Толстой Я. Н. 42, 112, 269, 271, 275, 280
 Тольди Ф. 255
 Том фон, консул 255
 Тома (Томас) А.-Л. 353
 Томашевский Б. В. 3, 4, 20, 23, 24, 31, 35, 37, 43, 48, 61, 63, 70, 80, 85, 88, 89, 91, 119—121, 123, 124, 130—132, 137, 138, 140, 143, 155, 171—174, 178, 181, 182, 184, 187—189, 195,

- 199—201, 203, 205, 211, 212, 216, 226, 232, 235, 237, 245, 288, 291, 294, 295, 297, 298, 300—302, 305, 309, 320, 321, 324, 340, 358—360, 368, 371, 385, 387, 388, 401, 402
- Томичек Я. С. 281, 282
- Томмазо Н. 263
- Томсон Д. 12, 18, 97, 119, 165, 166, 334—335
- Томсон Ч. Э. П. 15, 63
- Топоров В. Н. 22, 59, 70, 182, 294, 306
- Торвальдсен А. Б. 270
- Траян, Марк Ульпий 394
- Требст Х. Г. 262
- Тредиаковский В. К. 111, 203
- Троллоп Ф. 343
- Троцкая [Тронская] М. Л. 142
- Трубе Л. 68
- Трубецкой Б. А. 309
- Трубицын Н. Н. 309
- Труханенко А. 266
- Туманский В. И. 62, 88, 144, 166, 202, 203, 238, 386
- Туманский Ф. О. 190
- Тургенев А. И. 21, 22, 39—41, 48, 49, 51, 62, 65, 67, 90, 92, 93, 96, 98, 99, 102, 113, 125, 166, 167, 184, 201, 207, 215, 236, 255, 256, 312, 319, 332, 333, 340, 343, 370, 373, 375, 376
- Тургенев И. С. 123, 262, 299, 381, 384
- Тургенев Н. И. 12, 67, 93, 98, 319, 376
- Тургенев С. И. 13, 333
- Тургеневы 355, 376
- Турнер Ч. 51
- Турчанинов Г. 373, 374
- Турьян М. А. 143
- Тучков С. А. 114, 115
- Тынянов Ю. Н. 57, 75, 145, 184, 245, 360, 389, 390, 402
- Тынянова И. Ю. 111
- Тьер Л.-А. 348
- Тьерри А.-С.-Д. 348
- Тьерри Ж.-Н.-О. 348
- Тютчев Ф. И. 376
- Уайт Г. К. 19
- Уваров С. С. 38, 39, 102, 276, 277, 358
- Удар де Ла Мот А. 192, 295, 340, 353
- Уиллок Э. 22
- Умикян А. Д. 311
- Уолпол Г. 19, 336, 364
- Урнов Д. М. 382, 383
- Урнов М. В. 382
- Успенский Б. А. 96
- Утренев А. (псевд.) 164
- Ушакова Елизавета Н. 389
- Ф. Б. см. Булгаков Ф. И.
- Фазил-хан Шайда 337—338, 361
- Файбисович В. М. 116, 165
- Фальконе Э.-М. 99, 127, 128
- Фаргат-бек 360
- Фарнгаген фон Энзе К. А. 53, 56, 82, 261, 263
- Фатеев С. П. 297
- Февчук Л. П. 51, 402
- Федоров А. В. 235
- Федоров Б. М. 11, 276
- Федоров Ф. П. 105
- Федоровская Л. А. 105
- Федотов О. И. 129
- Федотова С. Б. 11, 31, 32, 36, 79, 97, 110, 140, 192, 237, 241, 242, 302, 332, 363, 393
- Фейнберг И. Л. 89, 402
- Фелец Ш.-М.-Д. де 351
- Фенелон Ф. де 338, 350
- Феокрит 76, 77, 97, 98, 106, 332
- Фернандес Санчес Х. 151
- Фесенко Э. Я. 316
- Фет А. А. 165
- Фиески Д. 95
- Фикельмон Д. Ф. де 153
- Фикельмон Ш.-Л. де 95, 153, 343
- Филдинг Г. см. Фильдинг Г.
- Филикая В. да 155
- Филимонов В. С. 299
- Филин М. Д. 175, 211
- Филипп Орлеанский см. Луи-Филипп
- Филиппсон Г. И. 42
- Фильдинг Г. 17, 19, 292, 323, 339
- Филюшкина С. Н. 316
- Фингал 231, 232
- Финкельштейн И. Л. 291
- Флери А.-Э. де 188
- Флешье В.-Э. 351
- Флориан Ж.-П. Клари де 15, 100, 339—340, 354
- Флоринский Т. Д. 366
- Фогт Н. 135
- Фок М. Я. фон 207
- Фомичев С. А. 32, 59, 237, 328, 401, 402
- Фонвизин (Фон-Визин) Д. И. 10, 77, 98, 131, 157, 166, 180, 209, 218, 233, 242, 304, 319, 336, 345, 400
- Фонтанье В. 276
- Фонтенель Б. Ле Бовье де 192, 340, 353
- Форжо Н.-Ж. 353
- Формозов А. А. 230
- Фортегүэрри Н. 152
- Фортис Д. Б. 308
- Фосколо У. 193
- Фосс И. Г. 219, 341
- Францев В. А. 94, 244, 283, 368, 375
- Франциск I, фр. король 198
- Фридкин В. М. 24, 104
- Фридлиндер Г. М. 58, 104, 191, 200, 315, 316
- Фридман Н. В. 84
- Фридрих II Великий, прус. король 88, 166
- Фризман Л. Г. 23, 359, 383, 387
- Фриско Д. С. 155
- Фролов Г. А. 263
- Фрэнкленд (Френкленд) Ч. К. 21, 22, 250
- Фукс А. А. 223
- Фукс К. Ф. 223
- Фуше Ж. 342

- Хагедорн Ф. фон 97
 Хаджибаева Б. 300, 361
 Хализев В. Е. 195
 Хатчинсон У. 14, 63
 Хаупт Г. 255
Хафиз 213, 360—361
 Хвостов Д. И. 50, 187
 Хемницер И. И. 272
 Херасков М. М. 78, 98
 Хитрово Е. М. 60, 61, 64, 65, 79, 121—
 123, 125, 130, 142, 143, 153, 171, 186,
 187, 196, 197, 207, 304, 305, 321, 324,
 343, 344, 356—358, 372, 400
 Хлодовский Р. И. 155, 239, 243
 Хлюстин С. С. 82
 Хлюстина А. С. см. Сиркур А. С. де
 Ходасевич В. Ф. 366
 Ходзько А. 265
 Холиншед Р. 378
 Хомяков А. С. 272, 273
 Хомякова О. Р. 224
 Хорват-Габорне М. 256
 Хосров-мирза 337
 Хохлова И. А. 162
 Храповицкий А. В. 187
 Хуан Мануэль 150
 Хэзлитт У. 12, 20, 23
- Цезарь, Гай Юлий 27, 28
 Цейтлин А. Г. 145
 Цейтц Н. В. см. Алексеева Н. В.
 Цертелев Н. А. 307, 365
 Циммерман И. Г. 375
 Цинна, поэт 164
 Цицерон, Квинт Туллий 299
Цицерон, Марк Туллий 78, 192, 299, 300,
 362—363
 Цоффка В. В. 23
 Цшокке Г. 67, 376
 Цявловская Т. Г. 128, 158, 167, 170, 179,
 208, 211, 279, 391, 401, 402
 Цявловский М. А. 12, 22, 93, 96, 111,
 150, 162, 175, 208, 243, 399, 401, 402
- Чаадаев П. Я. 12, 25, 26, 95, 99, 100, 108,
 128, 140, 144, 166, 201, 217, 228, 299,
 312, 402
 Чавчанидзе Д. Л. 225
 Чайкин К. И. 298, 300
 Чайковский П. И. 316
 Чапек К. 137
 Чапек, братья 366
Чаттертон Т. 336, 364
 Чаусер Д. см. Чосер Д.
 Чебышев А. А. 200, 366
 Чедаев П. Я. см. Чаадаев П. Я.
Челаковский (Челяковский) Ф. Л. 279—
 281, 365—366, 367
 Челлини Б. 154
 Чельшев Е. П. 361
 Чемьер Ф. 251
Ченстон 366—367, 381, 383, 384 (см.
 также Шенстон У.)
- Черейский Л. А. 5, 143, 279, 402
 Чернецкая Т. С. 156
 Чернобаев В. Г. 208, 231, 245
 Чернышев В. И. 309
 Чернышев З. Г. 17
 Чернышева Л. В. 11
 Чернышевский Н. Г. 314
 Чернявский И. И. 114
 Черняев Н. И. 81, 82, 314
 Черняев П. 30
 Черфас Л. М. 230
 Чиконьини Д. А. 134
 Чинтио Д. 381, 382
 Чистяков В. 137
 Чичерин А. В. 200, 321
Чосер Д. 81, 86, 163, 318, 369
 Чубукова Е. В. 165
 Чуйко В. В. 382
 Чуковский К. И. 235
 Чумаков Ю. Н. 138
- Шабель Ф.-А.-П. 350
 Шадрин А. М. 215
 Шаликов П. И. 36
 Шальгин А. 55, 56
 Шамбор Г.-К.-Ф.-М.-Д. де («герцог Бор-
 доский») 372
 Шамиссо А. фон 262
Шамфор С.-Р.-Н. 139, 353, 370
 Шапель К.-Э. 354
 Шапир М. И. 230
Шаплен (Шапелен) Ж. 69, 345, 350,
 370—371
 Шарыпкин Д. М. 198, 235, 320
Шатобриан Ф.-Р. де 20, 22, 34, 57, 84,
 108, 119, 121, 122, 126, 130, 203—
 205, 225, 304, 313, 316, 318, 342, 344,
 346, 355, 364, 371—374, 377, 384, 393
Шафарик П. Й. 280, 281, 284, 367,
 374—375
 Шаховской А. А. 36, 322
 Шванвич М. А. 223
 Шванвичи 223, 224
 Шваневитц М. И. 223
 Шварцбанд С. 208, 359
 Шеберх Х. Р. фон 217
 Шебунин А. Н. 201
 Шевырев С. П. 59, 73, 90, 96, 101, 127,
 141, 156, 216, 219, 236, 256, 260, 263,
 328, 333, 378
 Шевяков С. П. 58
 Шейман Л. А. 59, 300, 338, 361
 Шекара Л. 309
Шекспир У. 7—9, 13—19, 33, 35, 49, 53,
 57, 74, 80, 82, 87, 91, 101, 102, 105, 108,
 126, 127, 131, 154, 159, 162, 169, 172,
 181, 190, 206, 210, 212, 213, 219—222,
 225, 247, 262, 285, 289, 290, 313, 317,
 320—323, 334, 336, 341, 346, 347, 352,
 369, 376—383, 388, 390, 393
 Шелли П. Б. 18, 19, 160, 169
 Шеллинг Ф. В. Й. 102, 217
Шенстон У. 175, 366, 367, 383—384 (см.
 также Ченстон)

- Шенье А.-М.* де 25, 42, 50, 107, 110, 119, 123, 126, 220, 226, 234, 243, 271, 296, 327, 344, 346, 355, 364, 371, 384—388
Шенье М.-Ж. де 119, 330, 384
Шервинский С. В. 165
Шефтсбери, А. Э. Купер, граф 80
Шиллер И. К. Ф. фон 75, 80, 99, 102, 103, 135, 141, 168, 213, 217—223, 225, 250, 260, 262, 286, 388—391
Шимановская М. 99, 205
Ширинский-Шихматов (Шихматов) С. А. 69
Шишков А. А. 102, 222, 234, 331, 332, 334
Шишков А. С. 9, 94, 98, 151, 306, 308, 328, 350, 358, 367, 374
Шишкова Е. Д. 102
Шкловский В. Б. 315, 321, 323
Шкловский И. В. 384
Шлегель А. В. 67, 74, 136, 150, 159, 160, 162, 181, 202, 219, 221, 341, 347, 352, 355, 377, 391—392
Шлегель Ф. 14, 59, 221, 392
Шмид В. 149, 158, 225, 297
Шнайдер Л. 259
Шове Ж.-Ж.-В. 153, 196
Шодерло де Лакло П.-А.-Ф. см. Лакло П.-А.-Ф. Шодерло де
Шолье Г. Амфри де 234, 332, 354, 359
Шопен Ж.-М. 270, 272, 273
Шоу Д. Б. 137
Шоу Д. Т. 379, 383
Шпиндлер К. 117
Шрейдер Н. С. 200
Штейн А. 383
Штейн (Штејн) С. В. 118, 123, 170, 309
Штейнман А. 259
Штильман Л. Н. 57
Штрайх С. Я. 398
Штульц В. С. 282, 283
Штур Л. 283, 368, 375
Шувалов И. И. 89
Шульц В. К. 278
Шульц Р. 133, 138, 158
Шютц В. фон 157
- Щеголев П. Е.* 12, 37, 93, 102, 104, 188, 210, 235, 239, 253, 264, 277, 323, 373, 399, 402
Щербина Н. Ф. 146
- Эврипид* см. Еврипид
Эген де Герль Ш. 272
Эдельштейн Б. 320
Эйгес И. Р. 155
Эйдельман Н. Я. 194, 195, 208, 331
Эйхгоф Ф.-Г. 93
Эйхенбаум Б. М. 184, 382
Эйхфельдт М. Е. 238
Экушар Лебрен П.-Д. см. Лебрен П.-Д. Экушар
Эльсберг Я. Е. 61
Эмбер Б. 354
Энгельгардт Е. А. 245, 257, 258, 262, 265, 269, 284
- Энний, Квинт* 78
Эпикур 346, 353, 354
Эппине Л.-Ф.-П. де 92
Эпштейн М. Н. 104
Эро Э. 268—270, 272—274, 267, 276
Эсте А. де см. Альфонс I д'Эсте
Эсте И. де 32
Эсте Э. де 325
Эсхил 106, 140, 341, 393
Эткинд Е. Г. 23, 59, 62, 63, 103—105, 184, 213, 235, 279, 359, 383, 387
Этьен В.-Ж. см. Жуи
Эшенбург И. И. 331, 401
- Ювенал, Децим Юний* 26, 31, 113, 116, 240, 394—396
Юго В.-М. см. Гюго В.-М.
Юдин П. М. 12, 81, 112, 120, 185
Юзефович М. В. 17, 51, 182
Юлиан Отступник, Флавий Клавдий 133
Юлия, внучка имп. Августа Октавиана 228
Юм Д. 188, 192, 336, 340
Юнг Э. 165, 183, 356, 396
Юнгман Й. (ст.) 279, 367
Юнгман Й. Й. (мл.) 279, 280
Юркевич Я. 266
Юрьев Ф. Ф. 41, 42
Юсим М. А. 195
Юстин 28
Юсупов Н. Б. 65, 163
Юсупова Л. А. 263
Юцевич Л. А. 266
- Языков А. М.* 47
Языков Н. М. 26, 47, 73, 88, 159, 223, 229, 256, 274, 333, 387, 402
Языковы 402
Якоби П. 57
Якобсон Р. 138
Яков II Стюарт, англ. король 92
Яковлев Н. В. 22, 68, 84, 91, 169, 170, 174, 239, 304, 305, 401
Яковлев П. Л. 88, 144
Яковлева Г. В. 168
Якубец М. см. Ясцбес М.
Якубович Д. П. 30, 66, 79, 89, 91, 97, 107, 110, 123, 124, 148, 149, 170, 174, 229, 235, 237, 241, 242, 301, 302, 304, 315, 316, 332, 366, 382, 384, 387
Якушкин В. Е. 366, 384
Якшич Г. 254
Яниш К. К. см. Павлова К. К.
Янушкевич А. С. 94, 225
Ясинский Я. И. 88, 212
Яцимирский А. И. 229
Яшин М. 172
Яшовский С. 265
- Achinger G.* см. Ахингер Г.
Addison J. см. Аддисон Д.
Aladine E. см. Аладьин Е. В.

- Albrecht M. von 30, 230
 Alexander J. E. см. Александер Д. Э.
 Alfieri V. см. Альфьери В.
 Algarotti F. см. Альгаротти Ф.
 Altshuller M. см. Альтшуллер М. Г.
 Ancelot J.-A.-F.-P. см. Ансело Ж.-А.-Ф.-П.
 Andrieux F.-G.-J.-S. 119
 Anikst A. см. Аникст А. А.
 Apuleius см. Апулей
 Ariosto L. см. Ариосто Л.
 Arnault (Amauld) A.-V. см. Арно А.-В.
 Arnault L.-E. см. Арно Л.-Э.
 Arouet F.-M. см. Вольтер
 Artaud de Monthor A.-F. см. Арто де Монфор А.-Ф.
 Aucouturier M. 402
 Auger L.-S. см. Оже Л.-С.
 Avetisjan V. A. см. Аветисян В. А.

 Backès J.-L. 216, 359
 Bacon R. 20
 Badalić J. см. Бадалич Й.
 Bagno V. см. Багно В. Е.
 Bailey J. см. Бейли Д.
 Balbi A. 270
 Baldensperger F. 278
 Bale J. см. Бейл Д.
 Balzac H. de см. Бальзак О. де
 Barante A.-G.-P. Brugière de см. Барант А.-Г.-П. Брюжьер де
 Barbier A. см. Барбье О.
 Baretti J. см. Баретти Д.
 Barrat G. R. 264, 374
 Barry Cornwall см. Корнуолл Барри
 Barsch K.-N. 200
 Barthélemy A.-M. см. Бартеlemi О.-М.
 Basile G. см. Базила Д.
 Batiouchkof K. см. Батюшков К. Н.
 Batowski H. 208
 Bauderon de Sénécé A. см. Сенесе А. Бодерон де
 Baudier C. см. Бодье Ш.
 Baudelaire C. см. Бодлер Ш.
 Bauer R. 383
 Bayley J. 58
 Beaumarchais P.-A. Cacon de см. Бомарше П.-О. Карон де
 Bečka J. 283
 Belza I. см. Бэлза И. Ф.
 Béranger P.-J. см. Беранже П.-Ж.
 Berchoux J. см. Бершу Ж.
 Berkov P. N. см. Берков П. Н.
 Bernard P.-J.-J. см. Бернар П.-Ж.-Ж.
 Bernis F.-J. см. Бернис Ф.-Ж.
 Bertin A. см. Бертен А.
 Bestoujef A. A. см. Бестужев А. А.
 Bettinelli S. см. Беттинелли С.
 Beyle H. см. Стендаль
 Bieghler E. W. 151
 Binet R. см. Бине Р.
 Biolato Mioni A. 128, 155, 163
 Bitaubé P.-J. см. Битобе П.-Ж.
 Bizilli P. 88, 155
 Bloch-Gorlina R. 118, 143, 208
 Blossville E. 148
 Boccaccio G. см. Боккаччо Д.
 Bodmer J. J. см. Бодмери И. Я.
 Bogatyrev P. G. 368
 Bogenicki F. см. Богеницкий Ф.
 Böhming M. 264
 Boileau-Despréaux N. см. Буало-Депрео Н.
 Boissy L. de см. Буасси Л. де
 Bonamour J. 402
 Boniface J.-X. см. Сентин Ж.-К.
 Bonjour C. см. Бонжур К.
 Bonnet C. см. Бонне Ш.
 Bonstetten C.-V. см. Бонштеттен Ш. (К.)-В.
 Bor K. 255
 Borg K. F. von der см. Борг К. Ф. фон дер
 Borravelli E. 35
 Borri V. F. 35
 Borrow G. см. Борро Д.
 Boswell J. см. Босвелл Д.
 Boulgarine F. см. Булгарин Ф. В.
 Bouterwek F. см. Бутервек Ф.
 Bowles W. L. см. Боулз У. Л.
 Bowring J. см. Бауринг Д.
 Brandeis H. см. Брандейс Г.
 Brang P. 235
 Brantôme P. Bourdeille de см. Брантом П. де
 Breitinger J. J. см. Брейтингер И. Я.
 Brewster D. 249
 Briand P.-C. см. Бриан П.-С.
 Brockes B. H. см. Брокес Б. Г.
 Brockhaus F. A. см. Брокгауз Ф. А.
 Brodwin S. 149
 Brody E. C. 391
 Brodziński K. см. Бродзинский К. 93
 Broses C. de см. Бросс Ш. де
 Brtáň R. 283
 Buch R. L. 22
 Budberg L. von см. Будберг Л. фон
 Buffon G.-L. Leclerc de см. Бюффон Ж.-Л. Леклер де
 Bukalov A. M. см. Букалов А. М.
 Buketoff-Turkevich L. 151, 161, 311
 Bulgarin F. см. Булгарин Ф. В.
 Bulwer-Lytton E. G. см. Булвер-Литтон Э. Д.
 Bunyan J. см. Беньян Д.
 Buoncristiano P. 156
 Burat de Gurgy E. см. Бюра де Гюржи Э.
 Bürger G. A. см. Бюргер Г. А.
 Burgi R. 30
 Burke E. см. Бёрк Э.
 Burns R. см. Бернс Р.
 Busch W. 30, 115, 230, 331
 Bush R. L. 359
 Butler S. см. Батлер С.
 Buttura A. см. Буттура А.
 Byron G. G. см. Байрон Д. Г.

 Cadot M. 208
 Caesar см. Цезарь, Гай Юлий
 Calderón de la Barca P. см. Кальдерон де ла Барка П.
 Callot J. см. Калло Ж.
 Camões L. de см. Камознс Л. де
 Campbell T. см. Кэмпбелл Т.

- Canning J. см. Каннинг Д.
 Canziani G. см. Канциани Д.
 Capek K. см. Чапек К.
 Carli G. 263
 Carra J.-L. см. Карра Ж.-Л.
 Casanova G. G. см. Казанова Д. Д.
 Casti G. см. Касти Д.
 Catullus см. Катулл, Гай Валерий
 Cazotte J. см. Казот Ж.
 Celakovský F. L. см. Челаковский Ф. Л.
 Cellini B. см. Челлини Б.
 Certo V. 155
 Cervantes Saavedra M. de см. Сервантес
 Сааведра М. де
 Červeňák A. 287
 Chabaille F.-A.-P. см. Шабель Ф.-А.-П.
 Chalas P. 111
 Chamfort S.-R.-N. см. Шамфор С.-Р.-Н.
 Chamier F. см. Чемьер Ф.
 Chamisso A. von см. Шамиссо А. фон
 Chapelain J. см. Шаплен Ж.
 Chapelle C.-E. Luillier см. Шпель К.-Э.
 Charles IX см. Карл IX
 Charles XII см. Карл XII
 Chateaubriand F.-R. de см. Шатобриан
 Ф.-Р. де
 Chastopalli A.-E. (псевд.) см. Salle E. de;
 Pichot A.
 Chatterton T. см. Чаттертон Т.
 Chaucer G. см. Чосер Д.
 Chauvieu G. Amfrye de см. Шолье Г. Ам-
 фри де
 Chauvet J.-J.-V. см. Шове Ж.-Ж.-В.
 Chénier A.-M. de см. Шенье А.-М. де
 Chénier M.-J. de см. Шенье М.-Ж. де
 Chlodowski R. см. Хлодовский Р. И.
 Chodźko A. см. Ходзько А.
 Chomijakow A. см. Хомяков А. С.
 Chopin J.-M. см. Шопен Ж.-М.
 Chopin, m-me 270
 Cicero, Marcus Tullius см. Цицерон,
 Марк Туллий
 Cicognini G. A. см. Чиконьини Д. А.
 Cinthio G. см. Чинтио Д.
 Circourt A.-M. de см. Сиркур А.-М. де
 Clayton J. D. 119, 156, 383
 Cochrane J. G. см. Кокрин Д. Д.
 Colardeau C.-P. см. Колардо Ш.-П.
 Coleridge H. см. Кольридж Х.
 Coleridge S. T. см. Кольридж С. Т.
 Colnet du Ravel C.-J.-M. de см. Кольне
 Ш.-Ж.-М. де
 Constant de Rebeque B. см. Констан де
 Ребек Б.
 Cooper B. 11
 Cooper J. F. см. Купер Д. Ф.
 Corbet C. 118, 137, 279
 Corday M.-A.-C. см. Корде М.-А.-Ш.
 Córdoba y Maldonado A. см. Кордо-
 ба-и-Мальдонадо А.
 Cormon B. см. Кормон Б.
 Corneille P. см. Корнель П.
 Corneille T. см. Корнель Т.
 Cornwall B. см. Корнуолл Барри
 Costello D. P. 30, 115, 230
 Cotin C. см. Котен Ш.
 Cottin M. S. см. Коттен М. С.
 Crabbe G. см. Крабб Д.
 Crébillon C.-P. Jolyot de см. Кребийон
 К.-П. Жолио де (мл.)
 Crébillon P. Jolyot de см. Кребий-
 он П. Жолио де (ст.)
 Cromwell O. см. Кромвель О.
 Cronia A. 264
 Cross A. 91, 120
 Cross S. H. 254
 Curran E. M. 254
 Campbell T. см. Кэмпбелл Т.
 D. F. G. Toscano см. Д. Ф. Г. (Дж.) тос-
 канец
 D'Alambert J.-L. см. Даламбер Ж.-Л.
 Dalton H. J. 376
 Damiani E. 264
 Dangeau F. de см. Данжо Ф. де
 Danilevskij R. J. см. Данилевский Р. Ю.
 Dante Alighieri см. Данте Алигьери
 Da Ponte L. см. Да Понте Л.
 Davidenkoff A. 359
 Davie D. 315
 Dawe G. 17
 Debraux P.-E. см. Дебро П.-Э.
 Debreczeny P. см. Дебрецени П.
 Defoe D. см. Дефо Д.
 Delâtre L. 242, 264, 302
 Delavigne C. J.-F. см. Делавинь К. Ж.-Ф.
 Delharpe J.-F. см. Лагарп Ж.-Ф. де
 Delille J. см. Делиль Ж.
 Delorme J. см. Сент-Бёв Ш.-О.
 Demeter D. см. Деметер Д.
 De Michelis C. G. 156
 De Quincey T. см. Де Квинси Т.
 Deschamps de Saint-Amand A. см. Де-
 шан А.
 Deschanel E. 137
 Despérès V. см. Десперье Б.
 De Vega см. Вера Карпио Л. Ф. де
 Diderot D. см. Дидро Д.
 Didot F. 76
 Didot P. 76
 Dietrich A. см. Дитрих А.
 D'Israeli I. см. Дизразли И.
 Dobrovský J. см. Добровский Й.
 Dolanský J. 365
 Dolin A. см. Долинин А. А.
 Domaugon L. см. Домерон Л.
 Dorat C.-J. см. Дора К.-Ж.
 Dorimond см. Доримон
 Drews P. G. A. 72
 Driver S. 388
 Drouin N. см. Доримон
 Drouineau G. см. Друино Г.
 Dryden J. см. Драйден Д.
 Du Barry M.-J. см. Дюбарри М.-Ж.
 Ducis J.-F. см. Дюсис Ж.-Ф.
 Duclous C. Pîno см. Дюкло Ш. Пино
 Dudek G. 104, 224, 263, 383
 Dudevant A. см. Санд Ж.
 Dumas A. см. Дюма А.

- Dumesnil L.-A. см. Дюмениль Л.-А.
 Dumont P.-E.-L. см. Дюмон П.-Э.-Л.
 Du Périer F. см. Дюперье Ф.
 Dupin A. см. Санд Ж.
 Dupré de Saint-Maur E. см. Дюпре де Сен-Мор Э.
 Dupré de Saint-Maur N.-F. см. Дюпре де Сен-Мор Н.-Ф.
 Dvoichenko E. см. Двойченко-Маркова Е. М.
 Dworski A. см. Дворский А.
 Dyck J. W. 119
- Edgerton W. B. 208
 Eichhoff F.-G. см. Эйхгоф Ф.-Г.
 Engelhard M. 104
 Engelhardt G. см. Энгельгардт Е. А.
 Enikel J. 224
 Ennius см. Энний, Квинт
 Epinay L.-F.-P. d' см. Эпине Л.-Ф.-П. д'
 Etienne V.-J. см. Жуи
 Etkind E. см. Эткинд Е. Г.
 Eyink H.-P. 383
 Fedorof B. см. Федоров Б. М.
 Feletz C.-M.-D. de см. Фелец Ш.-М.-Д.
 Fénelon F. de см. Фенелон Ф. де
 Ferry de Pigny 276
 Ficquelmont C.-L. de см. Фикельмон Ш.-Л. де
 Fielding H. см. Фильдинг Г.
 Fieschi G. см. Фиески Д.
 Filicaja V. da см. Филикая В. да
 Fingal см. Фингал
 Fischer R. 390
 Fiske J. 149
 Fiszman S. 208, 317
 Flaubert G. 321
 Fleury A.-H. de см. Флери А.-Э. де
 Florian J.-P. Claris de см. Флориан Ж.-П. Кларис де
 Fontanier V. см. Фонтанье В.
 Fontenelle B. Le Bovier de см. Фонтенель Б. Ле Бовье де
 Forgeot N.-J. см. Форжо Н.-Ж.
 Forgues E. D. 304
 Forteguerrri N. см. Фортегуэрри Н.
 Fortis G. B. см. Фортис Д. Б.
 Foscolo U. см. Фосколо У.
 Fouché J. см. Фуше Ж.
 Francew W. см. Францев В. А.
 Frankland C. C. см. Фрэнкленд Ч. К.
 Frank J. G. 104
 Friedländer G. M. см. Фридлиндер Г. М.
 Frisco S. см. Фриско Д. С.
- Gaj L. см. Гай Л.
 Galiani F. см. Гальяни Ф.
 Galignani A. 174
 Galignani W. 174
 Galster B. 208
 Galt J. см. Голт Д.
 Ganz W. 376
 Garber E. 269, 271, 279
- Garzonio S. см. Гардзонио С.
 Gattel C.-M. см. Гаттель К.-М.
 Gaudichot-Masson A.-M.-B. см. Массон О.-М.-Б.
 Gelder A. 59
 Gendarme de Bévoite G. 137
 Genlis S.-F. Ducrest de Saint-Aubin см. Жанлис С.-Ф. Дюкре де Сент-Обен
 Gerhardt D. 104, 262
 Gessner (Geßner) S. см. Геснер С.
 Gianni F. см. Джанни Ф.
 Giachich N. см. Гьязич Н.
 Gibelli V. 118
 Gibian G. 321, 382
 Gieselmann G. 176
 Gifford H. 84, 382
 Gifford W. см. Гиффорд У.
 Gilbert N.-J. см. Жильбер Н.-Ж.
 Giliberto O. см. Джильберто О.
 Giuliani R. 156
 Glasberg V. 170
 Gluck C. W. см. Глюк К. В.
 Godowicz-Liszkowa A. 266
 Godwin W. см. Годвин У.
 Goethe J. W. von см. Гете И. В. фон
 Goetze P. O. von см. Гетц П. П. фон
 Gogol N. см. Гоголь Н. В.
 Goldoni C. см. Гольдони К.
 Goldsmith O. см. Голдсмит О.
 Golz J. 225, 391
 Gómez Crespo F. 138, 151
 Gomolicki L. 208
 Gonzaga T. A. см. Гонзага Т. А.
 Göring E. см. Геринг Э.
 Gorlin M. см. Горлин М.
 Gottsched J. C. см. Готшед И. К.
 Grabbe C. D. см. Граббе Х. Д.
 Gracián y Morales B. см. Грасиан Б.
 Graciotti S. 388, 402
 Gramont P. de см. Грамон Ф. де
 Granville A. B. см. Гренвил О. Б.
 Grasshoff H. 224
 Gray T. см. Грей Т.
 Greč N. I. см. Греч Н. И.
 Grécourt J.-B.-J. см. Грекур Ж.-Б.-Ж.
 Grecz M. см. Греч Н. И.
 Greene M. 315
 Greenleaf M. 59
 Gregg R. A. см. Грегг Р. А.
 Grégoire H. 115
 Gresset J.-B.-L. см. Грессе Ж.-Б.-Л.
 Gretch N. см. Греч Н. И.
 Grillparzer F. 230
 Grimm F.-M. de см. Гримм Ф.-М. де
 Grimm J. см. Гримм Я.
 Grimm W. см. Гримм В.
 Gronicka A. von 104
 Gudin de la Brenellerie P.-P. см. Гюден П.-Ф.
 Guichard J.-F. см. Гишар Ж.-Ф.
 Guillemin H. 184
 Guinguené P.-L. см. Женгене П.-Л.
 Guiraud A. см. Гиро А.
 Guizot F.-P.-G. см. Гизо Ф.-П.-Г.
 Günther K. 82

- Hacker G. 74, 151, 161
 Hagedorn F. von см. Хагедорн Ф. фон
 Halévy J.-F. см. Галеви Ж.-Ф.
 Haller A. von см. Галлер А. фон
 Hamilton A. см. Гамильтон А.
 Hanka V. см. Ганка В.
 Hansgirt A. см. Гансгирт А.
 Haquin J. 276
 Harnack O. 57
 Hasfeldt J. (I.-P.) см. Гасфелд Д. (И.-П.)
 Haumant E. 278
 Hazlitt W. см. Хэзлитт У.
 Hebel J. P. см. Гебель И. П.
 Hegel G. W. F. см. Гегель Г. В. Ф.
 Héguin de Guerle C. см. Эген де Герль Ш.
 Heine H. см. Гейне Г.
 Henry H. 200, 268, 279
 Hensler K. F. см. Генслер К. Ф.
 Herder J. G. см. Гердер И. Г.
 Herdmann U. 58
 Héreau E. см. Эро Э.
 Herford C. N. 382
 Herking M.-L. 67
 Herrmann D. 224
 Hésiode см. Гесиод
 Hesse E. W. 137
 Hielscher K. 58, 323
 H-n A. von 259
 Hoffman F.-B. см. Оффман Ф.-Б.
 Hoffmann E. T. A. см. Гофман Э. Т. А.
 Hoffmann von Fallersleben A. H. см. Гофман фон Фаллерслебен А. Г.
 Hoisington S. S. 58, 172, 315
 Holbach P.-H. d' см. Гольбах П.-А. де
 Holinshed R. см. Холиншед Р.
 Hollého J. 368, 375
 Holthusen J. 11, 121
 Hölty L. C. H. см. Гельти Л. К. Г.
 Homère см. Гомер
 Horatius (Horaz) см. Гораций
 Horoszkiewicz J. 266
 Houdar de La Motte A. см. Удар де Ла Мот А.
 Houdon J.-A. см. Гудон Ж.-А.
 Hugo V.-M. см. Гюго В.-М.
 Humboldt A. von см. Гумбольдт А. фон
 Hume D. см. Юм Д.
 Hunt J. H. L. 20
 Hutchinson W. см. Хатчинсон У.

 Imbert V. см. Эмбер В.
 Ingman N. V. 119
 Ingram F. L. 140
 Irving W. см. Ирвинг В.
 Iuvenalis, Decimus Iunius см. Ювенал, Децим Юний

 Jackson R. L. 205
 Jacob P.-L. см. Жакоб П.-Л.
 Jakóbiес M. 208, 266, 317
 Jakobson R. см. Якобсон Р.
 Jaksics G. см. Якшич Г.
 James H. 315
 Janin J.-G. см. Жанен Ж.-Г.

 Jänisch K. см. Павлова К. К.
 Jarmolinsky A. 254
 Jaszowski S. см. Яшовский С.
 Jaucourt L. de см. Жокур Л. де
 Jean Paul см. Жан Поль
 Jeffrey F. см. Джеффри Ф.
 Jeżowski J. см. Ежовский Ю.
 Jodelle E. см. Жодель Э.
 Johnson D. S. L. 309
 Johnson S. см. Джонсон С.
 Jonson B. см. Джонсон Б.
 Josse A.-L. см. Жосс А.-Л.
 Jost F. 375
 Jouy см. Жуи
 Juan Manuel см. Хуан Мануэль
 Jucewicz L. A. см. Юцевич Л. А.
 Juillen de Paris M.-A. см. Жюльен де Пари М.-А.
 Julvécourt P. de см. Жюльвекур П. де
 Jungmann J. см. Юнгман Й.
 Jungmann J. J. см. Юнгман Й.Й.
 Jurkiewicz J. см. Юркевич Я.
 Justinus см. Юстин

 Kallimach 30
 Kamarýt J. V. см. Камарит Й.В.
 Kandel B. L. 162
 Kanobbio C. см. Каноббио К.
 Kant I. см. Кант И.
 Kappler R. G. 172
 Karamzine N. M. см. Карамзин Н. М.
 Karlinsky S. 374
 Karpiak R. 119
 Karr A. см. Карр А.
 Katz M. R. 149
 Kauchtschischwili N. 237
 Keats J. см. Китс Д.
 Keefer L. B. 104
 Keil R.-D. см. Кайль Р.-Д.
 Keller M. 263
 Khokhlova I. A. см. Хохлова И. А.
 Kierkegaard S.-A. см. Кьеркегор С.-О.
 Kieseewetter C. см. Кизеветтер К(?).
 Kiparsky V. 224
 Kissel W. 59, 71, 322
 Kleist E. C. см. Клейст Э. К.
 Klinger F. M. см. Клиндер Ф. М.
 Klopstock F. G. см. Клопшток Ф. Г.
 Kluge R.-D. см. Клуге Р. Д.
 Knorring K. см. Кнорринг К.
 Kodjak A. 84, 116, 128, 358
 Koehler L. 188, 387
 Koenig H. см. Кёниг Г.
 Kollár J. см. Коллар Я.
 König A. von см. Кенигк А. фон
 Konstantinowics G. см. Якшич Г.
 Kopelew L. 263
 Korn K.-H. 263
 Körner R. 166
 Korovin V. I. 225
 Kosterka H. 283
 Kostka E. 390
 Kotzebue A. von см. Коцебу А. фон
 Koubek J. P. см. Коубек Я. П.

- Kowalski F. см. Ковальский Ф.
 Krasinski Z. см. Красинский З.
 Krest B. 382
 Kridl M. 208
 Krilov I. A. см. Крылов И. А.
 Kraevskij A. A. см. Краевский А. А.
 Krüdener V. J. см. Крюденер Б. Ю.
 Krzyzanowski J. 208, 245
 Kučera H. 388
 Kühn B. см. Кюн Б.
 Kyukhel'beker W. см. Кюхельбекер В. К.
- L. C. D. L. см. Конрад С.
 La Bryère (Labryère) J. de см. Лабрюйер Ж. де
 Laclos P.-A.-F. Choderlos de см. Лакло П.-А.-Ф. Шодерло де
 Lasroix P. см. Жакоб П.-Л.
 La Fare C.-A. de см. Лафар Ш.-О. де
 La Fayette M.-J.-P.-R.-Y.-G. Motier de см. Лафайет М.-Ж. де
 Lafontaine A. H. J. см. Лафонтен А. Г. Ю.
 La Fontaine J. de см. Лафонтен Ж. де
 Laforgue J. см. Лафорг Ж.
 Laharpe (La Harpe) J.-F. de см. Лагарп Ж.-Ф. де
 Lam... G. 278
 Lamartine A.-M.-L. de см. Ламартин А.-М.-Л. де
 Lamb C. см. Лэм Ч.
 Lamennais F.-R. de см. Ламенне Ф.-Р. де
 Lancelot J. см. Ансело Ж.-А.-Ф.-П.
 Lange-Brachmann U. 104, 105
 Langlé J.-A.-F. см. Лангле Ж.-А.-Ф.
 Lann J.-C. 359
 Lannes F. 93
 Lappo-Danilevskij K. см. Лаппо-Данилевский К. Ю.
 Latouche A. см. Латуш А.
 Lauer R. 191
 Lavater J. K. см. Лафатер И. К.
 La Vigne C. J.-F. de см. Делавинь К. Ж.-Ф.
 Lavrin J. 382
 Lebrun P.-D. Escouchard см. Лебрэн П.-Д. Экушар
 Le Cointe de Laveau G. см. Лаво Ж. де
 Lednicki W. 208
 Leeds W. H. см. Лидс У. Г.
 Leger L. 358
 Legouvé G.-M.-J.-B. см. Легуве Г.-М.-Ж.-Б.
 Legrand D'Aussy P.-J.-B. см. Легран д'Осси П.-Ж.-Б.
 Legras J. 104, 149, 169
 Leibniz G. W. см. Лейбниц Г. В.
 Lelewel J. см. Лелевель И.
 Lemierre A.-M. см. Лемьер А.-М.
 Lemontey P.-E. см. Лемонте П.-Э.
 Lenau N. см. Ленау Н.
 Lermontof M. см. Лермонтов М. Ю.
 Le Sage (Lesage) A.-R. см. Лесаж А.-Р.
 Lessing G. E. см. Лессинг Г. Э.
 Letourneur (Le Tourneur) P. см. Летурнер П.
 Levin V. 304
- Levin Yu. D. см. Левин Ю. Д.
 Lewis M. G. см. Льюис М. Г.
 L'Héritier L.-F. см. Леритье Л.-Ф.
 Liapunov V. 91
 Linda J. см. Линда Й.
 Linde S. B. см. Линде С. Б.
 Lipatov A. W. 209
 Lippert R. см. Липперт Р.
 Locher J. P. 392
 Lodge T. см. Лодж Т.
 Loeve-Weimars F.-A. см. Лёве-Веймар Ф.-А.
 Loewen H. 119
 Lo Gatto E. 35, 128, 155, 226, 264
 Longinus см. Лонгин Кассий
 Lopez de Vega см. Вега Карпио Л. Ф. де
 Louis XV см. Людовик XV
 Louvet de Couvray J.-B. см. Луве де Кувре Ж.-Б.
 Lozinski G. 66, 358
 Lucretius см. Лукреций Кар, Тит
 Luporini M. B. 155, 226
 Luther A. 224, 262
 Łuzny R. 266
- М*** 9**
 Mably G. Bonnot de см. Мабли Г. Бонно де
 Macaulay T. B. см. Маколей Т. Б.
 Mâcha K. H. см. Маха К. Г.
 Machiavelli N. см. Макиавелли Н.
 Mackie A. W. 388
 Macpherson J. см. Макферсон Д.
 Macrey J. см. Макрей Д.
 Madariaga S. de 135, 137
 Mævius см. Мевий
 Maguire R. A. 240, 358
 Maistre J.-M. de см. Местр Ж.-М. де
 Malfilâtre L. см. Мальфилатр Л.
 Malherbe F. см. Малерб Ф.
 Malkiel Y. 311
 Mandel'stam O. 35, 156
 Mann J. 224
 Mansuy A. 358
 Manuel J.-A. см. Манюэль Ж.-А.
 Manzoni A. см. Мандзони А.
 Marañón G. 137
 Marek A. см. Марек А.
 Marguerite de Navarre см. Маргарита Наваррская
 Marivaux P. de см. Мариво П. де
 Markowicz A. 184, 305, 306
 Marlinsky A. см. Бестужев А. А.
 Marmontel J.-F. см. Мармонтель Ж.-Ф.
 Marot C. см. Маро К.
 Marston J. см. Марстон Д.
 Martignac J.-B. de см. Мартиньяк Ж.-Б. де
 Martinelli G. см. Мартинелли Д.
 Masson A.-M.-B. см. Массон О.-М.-Б.
 Matlak-Piwowska D. 244, 266
 Mattisson F. см. Маттисон Ф.
 Maturin C. R. см. Мэтьюрин Ч. Р.
 Maver G. 155, 226

- Mazon A. 149, 167
 Medwin T. см. Медвин Т.
 Medzhibovskaya I. 170, 383
 Mel'gunov N. A. см. Мельгунов Н. А.
 Mendelsson M. см. Мендельсон М.
 Menzel W. см. Менцель В.
 Mercier L.-S. см. Мерсье Л.-С.
 Merimée P. см. Мериме П.
 Metastasio P. см. Метастазιο П.
 Meyerson E. F. 311
 Meunieux A. см. Менье А.
 Mézières L. 20
 Michelangelo Buonarroti см. Микеланджело Буонарроти
 Mickiewicz A. см. Мицкевич А.
 Middleton C. см. Миддлтон К.
 Milman H. H. см. Мильман Г. Г.
 Millevoye C.-H. см. Мильвуа Ш.-Ю.
 Miltchina V. см. Мильчина В. А.
 Milton J. см. Мильтон Д.
 Mintz S. I. 315
 Mirabaud J.-В. см. Мирабо Ж.-Б.
 Molière см. Мольер
 Mongault H. 199, 200, 278
 Monglave E. de 111
 Montagu-Nathan M. 22
 Montaigne M. de см. Монтень М. де
 Montesquieu C.-L. de см. Монтескьё Ш.-Л. де
 Montgomery J. см. Монтгомери Д.
 Moore T. см. Мур Т.
 Morgan S. см. Морган С.
 Morgulis G. 91, 306
 Mortemart C.-L.-V. de см. Мортемар К.-Л.-В. де
 Morton E. см. Мортон Э.
 Mozart W. A. см. Моцарт В. А.
 Mucha B. 231
 Müller J. см. Мюллер И.
 Müller W. 225, 391
 Müllner A. см. Мюллнер А.
 Murray J. см. Меррей Д.
 Musset A. de см. Мюссе А. де
 Musset P.-E. см. Мюссе П.-Э.
- Nabokov V. см. Набоков В. В.
 Naigeon J.-A. см. Нежон Ж.-А.
 Namysłowska M. 231
 Narejni V. T. см. Нарезный В. Т.
 Nepomniachtchi V. см. Непомнящий В. С.
 Nepomnyashchy C. T. 149
 Neubert F. 358
 Neverov J. M. 262
 Nilson N. A. 61
 Nivel de La Chaussée P.-C. см. Лашоссе П.-К. де
 Nizard J.-M. см. Низар Ж.-М.
 Nodier C. см. Нодье Ш.
 Nodot F. см. Нодо Ф.
 Noel F. см. Нозль Ф.
 North C. см. Вильсон Д.
- Odyniec A. E. см. Одынец А. Э.
 Olberg E. von см. Ольберг Э. фон
- Oleskewicz C. 276
 Oleszkiewicz J. см. Олешкевич Ю.
 Olizar G. см. Олизар Г.
 Orłowski A. см. Орловский А.
 Ossian см. Оссиан
 Otto F. см. Отто Ф.
 Ovidius (Ovid, Ovide) см. Овидий Назон, Публий
- Palacký F. см. Палацкий Ф.
 Pálfi A. 58
 Palkovič J. см. Палкович И.
 Palkowitsch G. см. Палкович И.
 Panaef V. см. Панаев В. И.
 Panovova E. см. Панова Э.
 Parini G. см. Парини Д.
 Parny E.-D. de см. Парни Э.-Д. де
 Pascal B. см. Паскаль Б.
 Patouillet J. 211
 Peele G. см. Пил Д.
 Peer L. H. 104
 Pełczyński W. см. Пелчинский В.
 Pellico S. см. Пеллико С.
 Peregrinus Thyss см. Левинсон А. Я.
 Pérez de Hita см. Перес де Ита Х.
 Persius см. Персий Флакк, Авл
 Pestalozzi J. H. см. Песталоцци И. Г.
 Peters J.-U. см. Петерс Й.-У.
 Petrarca F. см. Петрарка Ф.
 Petronius см. Петроний, Гай
 Pfeifer C. 59
 Picchio R. см. Пиккьо Р.
 Pichot A. см. Пишо А.
 Pierre le Grand см. Петр I
 Pierrot J. 79
 Pindar P. см. Пиндар П.
 Pindare см. Пиндар
 Pindemonte I. см. Пиндемонте И.
 Piron A. см. Пирон А.
 Pivert de Sénancour E. см. Сенанкур Э. де
 Pizzigalli A. V. 155
 Planche G. см. Планш Г.
 Pogodine M. P. см. Погодин М. П.
 Pogorelski A. см. Погорельский А.
 Polignac J.-A.-A.-M. de см. Польиньяк Ж.-О.-А.-М. де
 Pore A. см. Поп А.
 Roquelin J.-В. см. Мольер
 Possevino A. см. Поссевино А.
 Potocki A. см. Потоцкий А.
 Potocki J. см. Потоцкий Я.
 Pradon N. (J. ?) см. Прадон Н. (Ж. ?)
 Pradt D. Dufour de см. Прадт Д. Дюфур де
 Prévost d'Exiles A.-F. см. Прево д'Экзиль А.-Ф.
 Procházková H. 94, 283, 366
 Procter B. W. см. Корнуолл Барри
 Proffer C. R. 149
 Propper M. von 104
 Prothero R. E. 68
 Przeclawski J. E. см. Пшецлавский Ю. Э.
 Puchmajer A. J. см. Пухмайер А. Я.
 P-y S. см. Полторацкий С. Д.

Quiroga A. см. Кирога А.

Raab H. 262

Rabelais F. см. Рабле Ф.

Racine J.-B. см. Расин Ж.-Б.

Radcliffe A. см. Радклиф А.

Radó G. см. Радо Г.

Raikes T. см. Рейкс Т.

Raleigh J. H. 315

Rambaud A.-N. см. Рамбо А.-Н.

Rammelmeyer A. 166

Raymond M. см. Ремон М.

Raynal G. T. 374

Reed J. 377

Reeder R. F. 30, 119

Regnard J.-F. см. Реньяр Ж.-Ф.

Reissner E. 224, 262

Reitelmann A. 61, 105

Rennes J. J. van 68

Renton B. 264

Repey L. см. Репе Л.

Ricci M. см. Риччи М.

Richardson S. см. Ричардсон С.

Richter J. P. F. см. Жан Поль

Riego y Nuñez R. см. Риего Р.

Rilacev K. см. Рылеев К. Ф.

Robertson W. см. Робертсон У.

Rocchigiani A. см. Роккиджани А.

Roehling H. 104

Rogalski A. см. Рогальский А.

Rogers S. см. Роджерс С.

Ronsard P. de см. Ронсар П. де

Rosa S. см. Роза С.

Rossini G. см. Россини Д. А.

Rotrou J. de 137

Rouguier A. de см. Ругье А. де

Rousseau J.-B. см. Руссо Ж.-Б.

Rousseau J.-J. см. Руссо Ж.-Ж.

Rowley T. см. Роули Т.

Royer A. см. Руаье А.

Ryland J. 382

Rymkiewicz J. M. 209

Rypiński A. см. Рыпинский А.

Sacchetti F. см. Саккетти Ф.

Sade D.-A.-F. de см. Сад Д.-А.-Ф. де

Šafařík P. J. см. Шафарик П. Й.

Sainte-Beuve C.-A. см. Сент-Бёв Ш.-О.

Saint-Julien Ch. 56

Saint-Lambert J.-F. de см. Сен-Ламбер Ж.-Ф. де

Saint-Pierre C.-I. Castel de см. Сен-Пьер Ш.-И. Кастел де

Saint-Simon L. de см. Сен-Симон Л. де

Saint-Victor J.-B.-M. Bins de см. Сен-Виктор Ж.-Б.-М. Бен де

Salle E. de 39, 89, 168

Sanchez-Ruig M. 151

Sand G. см. Санд Ж.

Sand K. см. Занд К.

Sandler S. см. Сандлер С.

Sanson H. см. Сансон А.

Sappho см. Сапфо

Say J.-B. см. Сей Ж.-Б.

Scarron P. см. Скаррон П.

Schamschula W. 315

Schedel F. см. Тольди Ф.

Schelling F. W. J. см. Шеллинг Ф. В. Й.

Schiller J. C. F. von см. Шиллер И. К. Ф. фон

Schlegel A. W. см. Шлегель А. В.

Schlegel F. см. Шлегель Ф.

Schneider L. см. Шнайдер Л.

Schneidermann B. 111

Schütz W. von см. Шютц В. фон

Scott W. см. Скотт В.

Scribe A.-E. см. Скриб О.-Э.

Sedaine M.-J. см. Седен М.-Ж.

Seehase G. 383

Seixas M. D. см Сейшас М. Д.

Sénancour E. Pivert de см. Сенанкур Э. де

Serman I. см. Серман И. 3.

Sévigné M. de Rabutin-Chantal см. Севинье М. де Рабютен-Шанталь

Ševyřev S. см. Шевырев С. П.

Shadwell T. 135

Shaftesbury A. A. Cooper earl of см. Шефтсбери А. Э. Купер, граф

Shakespeare W. см. Шекспир У.

Shapiro Marianne 240

Shapiro Michael 240

Shaw J. B. см. Шоу Д. В.

Shaw J. T. см. Шоу Д. Т.

Shelley P. B. см. Шелли П. Б.

Shengold D. 123

Shenstone W. см. Шенстон У.

Shlapentokh D. 88

Shrayer M. D. 59, 392

Shukowski W. см. Жуковский В. А.

Simmons E. J. 22, 384

Simrock K. см. Зимрок К.

Singer A. E. 137

Sismondi J.-Ch.-L. de Simonde de см. Сисмонди Ж.-Ш.-Л. де Симонд де

Sloan см. Слоан

Słowacki J. см. Словацкий Ю.

Słowikowski A. см. Словиковский А.

Smeed J. W. 137

Smith H. см. Смит Г.

Smollet T. J. см. Смоллет Т. Д.

Solmar H. 262

Solonovič E. 35

Sontag H. см. Зонтаг Г.

Soulié M.-F. см. Сулье М.-Ф.

Southey R. см. Саути Р.

Spendel G. 264

Spenser E. см. Спенсер Э.

Spindler K. см. Шпиндлер К.

S-г см. Полторацкий С. Д.

Šrepol M. 309

Staël A.-L.-G. de см. Сталь А.-Л.-Ж. де

Staniewicz M. см. Станевич М.

Stanislav J. 368, 375

Steele R. см. Стиль Р.

Steevens G. 377

Steinmann A. см. Штейнман А.

Stenbock-Fermor E. 358

Stendhal см. Стендаль

- Stephenson R. C. 22, 151
 Sterne L. см. Стерн Л.
 Strada V. 387
 Stremooukhoff D. 387
 Striedter J. 224
 Stroh W. 230
 Struve G. 208, 254
 Štůlc V. S. см. Штульц В. С.
 Štůr L. см. Штър Л.
 Suchanek L. 232
 Sue E. см. Сю Э.
 Sulzer J. G. см. Зульцер И. Г.
 Swicka D. 209
 Świdziński J. 208
 Swift J. см. Свифт Д.
 Szabó E. см. Сабо Э.
 Szymanowska M. см. Шимановская М.
- Tacitus, Publius Cornelius см. Тацит, Публий Корнелий
 Taranovsky K. 84, 116, 128, 358
 Tardif de Mello A. см. Тардиф де Мелло А.
 Tasso T. см. Тассо Т.
 Téllez G. см. Тирсо де Молина
 Terras V. 84, 205
 Thabaud H.-J.-A. de см. Латуш А. де
 Théry A.-F. см. Тери О.-Ф.
 Thierry A.-S.-D. см. Тьерри А.-С.-Д.
 Thierry J.-N.-A. см. Тьерри Ж.-Н.-О.
 Thiers L.-A. см. Тьер Л.-А.
 Thomas A.-L. см. Тома А.-Л.
 Thomson C. E. P. см. Томсон Ч. Э. П.
 Thomson J. см. Томсон Д.
 Tibullus см. Тибулл, Альбий
 Tieck L. см. Тик Л.
 Tiedge C. A. см. Тидге К. А.
 Tietz F. см. Тиц Ф.
 Timberlake A. 240
 Tirso de Molina см. Тирсо де Молина
 Toldy F. см. Тольди Ф.
 Tolstoy J. см. Толстой Я. Н.
 Tomaševskij B. см. Томашевский Б. В.
 Tomiček J. S. см. Томичек Я. С.
 Tommaseo N. см. Томмазео Н.
 Tororowski M. 209, 231, 266, 317
 Trapassi P. см. Метастазιο П.
 Tretiak J. 57, 208
 Tröbst C. G. см. Требст Х. Г.
 Trollope F. см. Троллоп Ф.
 Tschizewskij D. 30
- Udolf L. 156
 Ugrinsky A. 374, 391
 Ungurianu D. 85
- Valerio F. см. Валерио Ф.
 Varnhagen von Ense K. A. см. Фарнгаген фон Энзе К. А.
 Vatsouro V. см. Вацуро В. Э.
 Vega Carpio L. F. de см. Вега Карпио Л. Ф. де
- Vergier J. см. Вержье Ж.
 Vergilius Maro, Publius см. Вергилий Марон, Публий
 Viazemskij P. см. Вяземский П. А.
 Vickery W. N. см. Викери У.(В.) Н.
 Vico G. см. Вико Д.
 Vieusseux G. P. см. Вьёссё Д. П.
 Vigny A.-V. de см. Виньи А.-В. де
 Villèle J.-B.-S.-J. de см. Виллель Ж.-Б.-С.-Ж. де
 Villemain A.-F. см. Вильмен А.-Ф.
 Villiers C. Deschamps de см. Вилье К. Дешан де
 Villon F. см. Вийон Ф.
 Vinogradoff A. 321
 Virgile (Virgilius) см. Вергилий Марон, Публий
 Virgilius Maro, Publius см. Вергилий Марон, Публий
 Vogt N. см. Фогт Н.
 Voisenon C.-H. см. Вуазенон К.-А.
 Volpert L. см. Вольперт Л. И.
 Voltaire см. Вольтер
 Voß J. H. см. Фосс И. Г.
 Voulikh N. см. Вулих Н. В.
 Vraz S. см. Враз С.
- Wackenroder W. H. см. Вак(к)енродер В. Г.
 Walpole H. см. Уолпол Г.
 Warning G. 82
 Weber K. M. см. Вебер К. М.
 Wedel E. 225, 391
 Wegner M. 104
 Wehrli M. 375
 Weiner J. 151, 161, 311
 Weinstein L. 137
 Weiss F.-R. см. Вейсс Ф.-Р.
 Wes M. 30
 Wesling M. 209
 White H. K. см. Уайт Г. К.
 Wieland C. M. см. Виланд К. М.
 Wiggzell F. 146
 Williams G. 143
 Wilson J. см. Вильсон Д.
 Winckelmann J. J. см. Винкельман И. И.
 Witkowska A. 209
 Witkowski A. см. Витковский А.
 Wolcott J. см. Пиндар П.
 Wolf T. A. 382
 Wolfe Ch. см. Вульф Ч.
 Wolff T. 22
 Woltner M. 235
 Wordsworth W. см. Вордсворт У.
 Wulfert A. см. Вульферт А.
- Young E. см. Юнг Э.
- Žaba N. F. см. Жаба Н. Ф.
 Zadeck M. см. Задек М.
 Zaleski J. B. см. Залесский Ю. Б.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Zamora A. de см. Самора А. де
Zbyrowski Z. 266
Zedechas 146
Zenowicz I. G. D. см. Зенович И. Д.
Zhukovsky W. см. Жуковский В. А.
Ziegengeist G. 262
Zielińska M. 209
- Zieliński G. см. Зелинский Г.
Zimmermann J. G. см. Циммерман И. Г.
Zirmunskij V. см. Жирмунский В. М.
Zissermann N. 96
Zorrilla y Moral H. см. Соррилья-и-Мораль Х.
Zschokke H. см. Цшокке Г.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫХ СТАТЕЙ

- Английская литература 11—23
- Античная литература 24—31
- Вольтера библиотека 89
- Дон Жуан 132—138
- Испанская литература 149—151
- Итальянская литература 151—156
- Немецкая литература 217—225
- Польская литература 243—244
- Прижизненная известность Пушкина за рубежом 245—287
 - Англия 245—254
 - Венгрия 254—256
 - Германия 256—263
 - Италия 263—264
 - Польша 264—266
 - Франция 267—279
 - Чехия и Словакия 279—283
 - Южные славяне 283—287
- Сербская литература 306—310
- Словацкая литература см. Чешская и словацкая литература
- Французская литература 341—359
- Чешская и словацкая литература 367—368
- Швейцарская литература 375—376

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Адская поэма см. (Наброски к замыслу о Фаусте)
- Актеон 227
- Александр Радищев 65, 84, 132, 227, 296, 310, 353
- Александрю см. На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году (Альманашник) 295
- «Альфонс садится на коня...» 150, 245
- Амур и Гименей (Сказка) («Сегодня, добрые мужья...») 11, 185
- Ангел («В дверях Эдема ангел нежный...») 93, 280
- «Англия есть отечество карикатуры...» 312
- Анджело 16, 127, 128, 154, 194, 195, 381—383
- Андрей Шенье 50, 126, 220, 243, 271, 296, 371, 386, 387
- Анчар 61, 169, 170, 200, 203
- (Арап Петра Великого) 16, 87, 171, 212, 213, 223, 226, 276, 313—315, 321, 322, 338, 340, 354, 380, 383
- Арион 26, 31, 32, 112, 115, 116
- (Байрон) 214
- («Бал» Баратынского) 33, 50
- (Баратынский) 69, 164, 198, 295
- Баратынскому. Из Бессарабии («Сия пустынная страна...») 26, 229
- Барышня-крестьянка 40, 50, 118, 141, 142, 147, 197, 219, 226, 314
- Батюшкову («В пещерах Геликона...») 10, 11, 76, 331
- Бахчисарайский фонтан 43, 45, 46, 52, 53, 57, 206, 214, 238, 246, 248, 250, 251, 253, 255, 257, 258, 265, 266, 268—270, 272—277, 280—282, 284, 285, 286, 298—300, 351, 363, 365, 374
- «Безумных лет угасшее веселье...» см. Элегия («Безумных лет угасшее веселье...»)
- «Бессмертную рукой раздавленный Зол...» см. (На Каченовского)
- Бесы 72, 221, 224, 277
- «Благословен твой подвиг новый...» см. (Фазиль-Хану)
- «Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени...» см. К Жуковскому («Благо-
- слови, поэт!.. В тиши Парнасской сени...»)
- «Блажен, кто в отдаленной сени...» см. Уединение
- «Близ мест, где царствует Венеция златая...» 327, 385
- Бова 27, 76, 85, 87, 106, 162, 168, 203, 204, 217, 218, 371
- «Бог весть, за что философы, пииты...» см. Твой и мой
- Борис Годунов 8, 15, 16, 24, 26, 35, 49, 52, 74, 90, 136, 140, 144, 150, 153, 160, 191, 194—196, 206, 212, 218, 219, 221, 222, 224, 248, 254, 259, 260, 265, 266, 273, 275, 278, 281, 282, 284, 286, 290, 291, 312, 313, 315, 320, 329—331, 346, 347, 378, 379, 382, 383, 390, 391
- Бородинская годовщина 207, 259
- «Брадатый староста Авдей...» 121
- Братья разбойники 45, 215, 247, 248, 265, 273—275, 390
- «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 212, 281
- Будрыс и его сыновья 200, 207
- Буря 258, 259
- «Была пора: наш праздник молодой...» 218
- «В 179* году возвращался я...» 223
- «[В голубом] небесном поле...» («Ночь светла, в небесном поле...») 50, 59, 117, 118
- «В дверях Эдема ангел нежный...» см. Ангел
- «В Дориде нравятся и локоны золотые...» см. Дорида
- «В еврейской хижине лампада...» 245
- «В надежде славы и добра...» см. Стансы («В надежде славы и добра...»)
- «В начале жизни школу помню я...» 128, 154
- «В печальной праздности я лиру забывал...» см. К ней
- «В пещерах Геликона...» см. Батюшкову
- «В прохладе сладостной фонтанов...» 206, 208, 299, 300, 361
- «В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера...» 227, 229

- «В столице он — капрал, в Чугуеве —
Нерон...» см. На Аракчеева
«В стране, где Юлией венчаный...» см.
(Из письма к Гнедичу)
«В стране, где я забыл тревоги преж-
них лет...» см. Чедаеву
(Вадим) (драма) 290
(Вадим) (Отрывок из неоконченной по-
эмы) 45, 46, 77, 248
Вакхическая песня 221, 388
«Вам объяснять правления начала...»
381
«Венец желаниям! Итак я вижу вас...»
94
«Вечерня отошла давно...» 46
Вино (Ион Хиосский) («Злое дитя, ста-
рик молодой, властелин добронрав-
ный...») 27
Виноград 300
Влах в Венеции 207
(Влюбленный бес) 117, 158, 167, 222,
245
«Внемли, о Гелиос, серебряным луком
звенящий...» 26, 107, 202, 385
«...Вновь я посетил...» 90
«Во глубине Сибирских руд...» 388
Воевода 207
Воевода Милош 309
Военная грузинская дорога 179
(Возражение критикам «Полтавы») 9,
44, 50, 227, 380
(Возражение на статьи Кюхельбекера
в «Мнемозине») 108, 126, 242,
326
(Возражение на статью А. Бестужева
«Взгляд на русскую словесность в те-
чение 1824 и начала 1825 годов») 7,
8, 15, 16, 25, 27, 33, 154, 159, 164,
198, 213, 302, 391, 393
Вольность. Ода 11, 25, 27, 187, 212, 250,
259, 267, 271, 280, 286, 354, 357, 385,
387
Вольтер 85, 87, 88, 114, 164, 210, 293,
375
«Ворон к ворону летит...» см. Два воро-
на
Воспоминание («Когда для смертного
умолкнет шумный день...») 207, 265,
281, 305
Воспоминания в Царском Селе («Воспо-
минаньями смущенный...») 305
Воспоминания в Царском Селе («Навис
покров утрюмой ноши...») 130, 232,
242, 246, 250, 257, 269, 284
«Восстань, о Греция, восстань...» 50
«Вот Виля — он любовью дышет...» 70
«Вот зеркало мое — прими его, Кипри-
да!...» см. Лаиса Венере, посвящая
ей свое зеркало
«„Все мое“ — сказало злато...» см. Зо-
лото и булат
«Все пленяет нас в Эсфири...» см. (На
Колосову)
«Все так же (ль) осеняют своды...» 393
Всеволожскому 120
«Встречаюсь я с осмнадцатой вес-
ной...» см. Князю А. М. Горчакову
«Вы избалованы природой...» см.
Е. Н. Ушаковой
Выздоровление 326
Выстрел 122, 123, 200, 260, 276
Гавриилиада 85, 88, 107, 163, 167, 203,
205, 234, 235
«Где ты, ленивец мой...» см. Послание к
Галичу
Герой 84, 85
Ф. Н. Глинке («Когда средь оргий жиз-
ни шумной...») 25
«Глухой глухого звал к суду судьи глу-
хого...» 37
(Гнедичу) («С Гомером долго ты бесе-
довал один...») 109
«Горишь ли ты, лампада наша...» см.
(Из письма к Я. Н. Толстому)
«Город пышный, город бедный...» 259
Городок 12, 33, 76, 85—87, 106, 112,
119, 120, 125, 140, 151, 172, 181, 185,
209, 233, 289, 295, 326, 345, 354
«Гости съезжались на дачу...» 23, 24,
47, 50, 182, 201
Граф Нулин 16, 34, 50, 59, 63, 64, 78, 81,
87, 88, 107, 163, 183, 186, 210, 216,
217, 219, 273, 280, 297, 317, 342, 365,
369, 379, 380, 382, 383
Графу Олизару 230, 231
Гречанке 44, 285
Гроб Анакреона 10, 11, 99, 120
Гробовщик 21, 117, 127, 222, 223, 314,
316, 382
Гусар 21, 200, 366
В. Л. Давыдову («Меж тем, как генерал
Орлов...») 126
Давыдову («Нельзя, мой толстый Ари-
стип...») 27, 77, 112, 114
Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе ге-
рою...») 37
«Дар напрасный, дар случайный...» 104,
236, 281
Два ворона («Ворон к ворону летит...»)
16, 23, 259, 262, 313, 365, 366
«Два чувства дивно близки нам...» 102,
113
Движение 295
19 октября («Роняет лес багряный свой
убор...») 75, 116, 281, 299, 388
(19 октября 1828) («Усердно помолив-
шись Богу...») 59
Делибаш 287, 365
Делия («Ты ль предо мною...») 332
Дельвиг («Дельвиг родился в Моск-
ве...») 112, 168, 217, 388
Демон 100, 215, 220, 263, 318, 320
Денища Альманах на 1830 год 109, 213, 333
Деревня («Приветствую тебя, пустын-
ный уголок...») 12, 86, 98, 234, 267,
271, 376

- Детская книжка 392
 Джон Теннер 148, 149, 179, 373
 Дмитрий и Марина (замысел) 244
 Дионея 26, 385
 Дневник 124, 129, 312, 316, 327, 399
 Добрый совет 234
 Домик в Коломне 21, 50, 69, 117, 122, 130, 142, 154, 158, 163, 174, 186, 187, 216, 228, 253, 290, 304, 328, 352
 Домовому 277
 Дорида («В Дориде нравятся и локоны златые...») 26
 Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...») 26, 385
 Дочери Карагеоргия 285, 306, 307, 309
 Драматические сцены см. Маленькие трагедии
 Дружба 295
 «Дубравы, где в тиши свободы...» 81
 Дубровский 101, 118, 121, 160, 161, 179, 207, 226, 234, 235, 245, 289, 297, 300, 301, 314—316, 322, 375, 376, 390, 392
 Евгений Онегин 6, 13, 14, 17, 21—23, 28, 31, 34, 40, 44, 46—50, 53—55, 57—59, 63—65, 68, 72, 75, 77, 78, 87, 97, 98, 100, 103, 104, 106, 107, 110, 113, 115, 120, 125, 128, 130, 146, 152, 153, 155, 163, 164, 167, 170—172, 175, 179, 182, 184, 187, 196—198, 201—203, 207, 214—217, 219, 220, 222—227, 229, 234, 235, 238—242, 248, 250—255, 258, 262, 265, 266, 269, 271—273, 275, 280, 283, 286, 289, 292, 296, 297, 299—302, 311, 318—323, 327—329, 332, 339, 340, 342, 346, 351, 353, 357, 358, 362, 363, 365, 370—372, 374, 376, 377, 380, 383, 386, 389—394, 396, 399, 400
 Египетские ночи 23, 26, 70, 73, 103, 114, 142, 143, 154, 169, 207, 208, 224, 236, 318, 320, 327, 333, 382, 390
 «Его стихов пленительная сладость...» см. К портрету Жуковского
 Ее глаза 222, 334
 Езерский 52, 103, 122, 382
 «Если жизнь тебя обманет...» 273, 274
 «Еще в ребячестве, бессмысленный и злой...» 85
 «Еще одной высокой, важной песни...» 303
 Жених 72, 221, 224
 Жизнь, поэзия и мысли Жозефа Делорма см. Vie, poésie et pensées de Joseph Delorme
 «Жил на свете рыцарь бедный...» 16, 73, 151, 222, 313, 315
 Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...») 220
 «Журналами обиженный жестоко...» 187
 «Завидую тебе, питомец моря смелый...» 218
 Здравный кубок 218, 388
 Заклинание 174
 (Заметка «О графе Нулине») 323, 380
 (Заметка о холере) 169, 223
 (Заметки и афоризмы разных годов) 226, 356, 386
 (Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова) 97, 109, 187, 190, 203, 234, 327, 332
 (Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова») 191, 232, 354
 (Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине») 157, 319, 336, 400
 (Заметки по русской истории XVIII в.) 87, 210, 319
 Замечания на «Анналы» Тацита 27, 194, 229, 329—331
 Замечания о бунте 223
 (Записка к Жуковскому) («Штабс-капитану, Гете, Грею...») 119, 335
 Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до Турецкого похода 1711 года) 92, 157, 312
 «Зачем безвременную скуку...» см. К*** («Зачем безвременную скуку...») см.
 «Зачем твой дивный карандаш...» см. То Dawe, Esq^f
 «Здорово, Юрьев, имянинник...» см. (Юрьеву)
 Земля и море 26
 «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» 21, 277
 Зимний вечер 366
 «Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный...» см. Вино (Ион Хиосский)
 Золото и булат («„Все мое“ — сказало золото...») 37, 258
 «Зорю бьют... из рук моих...» 127
 «И дале мы пошли — и страх обнял меня...» 77, 79, 128, 154
 «И ты тут был?...» 223
 (Из автобиографических записок) 87
 (Из Анакреона. Отрывок («Узнают копейные ретивых...») 11, 26
 (Из Ариостова «Orlando Furioso») («Пред рыцарем блестит водами...») 153
 (Из Афедея) («Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров...») 27, 29
 (Из Байрона) («Нет ветра — синяя волна...») 13, 42
 (Из Вольтера) («Короче дни, а ночи долее...») 86, 369
 Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...») 360, 361

- (Из Ксенофана Колофонского) («Чистый лоснится пол...») 26
 (Из лицейского дневника) 322
 Из Пиндемонти («Не дорого цену я громкие права...») 29, 114, 116, 142, 154, 216, 243, 382
 (Из письма к Гнедичу) («В стране, где Юлией венчаный...») 24, 26, 109, 228
 (Из письма к В. Л. Пушкину) («Христос воскрес, питомец Феба...») 69
 (Из письма к Я. Н. Толстому) («Горишь ли ты, лампада наша...») 209
 Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...») 378, 385
 Из Wagny Cornwall («Пью за здравие Мери...») 174, 175
 «Издавна мудрые искали...» см. Истина
 «Издrevле сладостный союз...» см. К Языкову
 Измены 234
 Исповедь бедного стихотворца 176
 Истина («Издавна мудрые искали...») 187
 История Петра 88, 89, 188, 223, 282, 348
 («История поэзии» С. П. Шевырева) 219
 История Пугачева 50, 88, 223, 262, 279, 348
 История русского народа, сочинение Николая Полевого 101, 103, 295, 312
 История села Горюхина 78, 79, 81, 98, 148, 149, 177, 314
 История стихотворца 256
- К** («Ты богоматерь, нет сомненья...») 214, 234, 332
 К*** («Зачем безвременную скуку...») 120
 К*** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...») 70, 301
 К*** (Керн) («Я помню чудное мгновенье...») 91, 222, 260, 334
 К А. Б*** («Что можем наскоро стихами молвить ей...») 259
 К Баратынскому («Стих каждый в повести твоей...») 50
 К Батюшкову («Философ резвый и пит...») 10, 41, 120, 227, 233, 346, 394
 К вельможе 21, 43, 50, 65, 85, 87, 88, 92, 100, 112, 132, 145, 163, 327
 К Галичу («Пускай угрюмый рифмотор...») 120, 346
 К Делии («О Делия драгая!...») 332
 К Дельвигу («Послушай, муз невинных...») 120, 245, 346
 К другу стихотворцу 69, 85, 161, 294, 350, 394
 К живописцу 10, 234
 К Жуковскому («Благослови, поэт!...В тиши Парнасской сени...») 24, 69, 78, 371
 К Лицинию (С латинского) 25, 237, 240, 271, 362, 394, 395 (см. также Лицинию)
 К Н. Г. Ломоносову 234
 К молодой вдове 234
 К морю 38, 49, 296
 К Наталье 65, 182, 217, 345
 К ней («В печальной праздности я лиру забывал...») 187
 К Овидию 26, 87, 228, 230, 243, 371
 [К переводу Илиады] 109
 (К портрету Дельвига) («Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил...») 25
 К портрету Жуковского («Его стихов пленительная сладость...») 264
 (К портрету Чедаева) («Он вышней волею небес...») 25
 К Пушкину (4 мая) 112
 К сестре («Ты хочешь, друг бесценный...») 12, 92, 119, 143, 295, 335, 354
 К сну 234
 «К чему холодные сомненья...» см. Чедаеву
 К Шишкову 234
 К Языкову («Издrevле сладостный союз...») 26, 229
 Кавказ (поэма) см. Кавказский пленник
 Кавказский дневник см. Путешествие в Арзрум
 Кавказский пленник 42, 45—47, 52, 57, 58, 79, 93, 99, 130, 152, 243, 246—248, 250, 254—258, 260, 263—265, 268—270, 272—275, 279, 280, 282, 283, 286, 296, 297, 311, 372—374
 «Как редко плату получает...» 169
 «Как с древа сорвался предатель ученик...» см. Подражание италийскому
 «Какая ночь! Мороз трескучий...» 200
 «Каков я прежде был, таков и ныне я...» 385
 Калмычке 84, 183, 202, 382
 Каменный гость 100, 113, 117, 118, 123, 133, 136—138, 148—151, 153, 171, 210, 211, 216, 241, 245, 305, 381
 Капитанская дочка 16, 50, 92, 93, 103, 121, 123, 132, 179, 200, 223, 286, 310, 311, 314—316, 349, 376
 Кинжал 23—25, 77, 176, 218, 249, 251, 271, 286
 Кирджали 260, 266
 Клевветникам России 128, 207, 218, 230, 259, 265, 276, 277, 368
 Клеопатра 77, 296
 Князю А. М. Горчакову («Встречаюсь я с осьмнадцатой весной...») 234
 (Кн. Козловскому) («Ценитель умственных творений исполнских...») 395
 «Кобылица молодая...» 11
 «Когда для смертного умолкнет шумный день...» см. Воспоминание
 «Когда за городом, задумчив, я брожу...» 119, 243
 «Когда Макферсон издал „Стихотворения Оссиана“...» 7, 82, 109, 131, 195, 232

- «Когда порой воспоминанье...» 100, 328
 «Когда сожмешь ты снова руку...» 85
 «Когда среди оргий жизни шумной...» см. Ф. Н. Глинке
 Кокетке 209
 Кольна (Подражание Оссиану) 232, 326
 «Короче дни, а ночи доле...» см. (Из Вольтера)
 Красавице, которая нюхала табак 217, 233
 «[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера...]» см. [К переводу Илиады]
 «Криспин приезжает в губернию...» 189
 «Кто видел край, где роскошью природы...» 26, 100, 152, 222, 228
 «Кто знает край, где небо блещет...» 44, 50, 100, 127, 222, 239, 327, 328
 «Кто из богов мне возвратил...» 113—116
 «Кто, волны, вас остановил...» 218
- Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало («Вот зеркало мое — прими его, Киприда!...») 85, 86, 181
 Легенда см. «Жил на свете рыцарь бедный...»
 Леда (Кантата) («Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...») 294, 345
 Лицинию 27 (см. также К Лицинию)
 «Лук звенит, стрела трепещет...» см. Эпиграмма (Из Антологии)
 «Любимец ветреных Лаис...» см. Юрьеву
 «Любовь одна — веселье жизни холодной...» 24, 234, 331
- Мёдок 94, 303, 304
 Мадона 73, 154, 222, 239, 334
 Маленькие трагедии 21, 172—175, 211, 293
 Мальчику (Из Катутла) 25, 26, 164, 165
 «Мальчишка Фебу гимн поднес...» см. Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес...»)
 (Марья Шонинг) 170, 223
 (Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям») 44, 75, 101, 130, 154, 160, 198, 204, 210, 289
 Медный всадник 29, 60, 61, 71, 98, 127, 129, 149, 154, 156, 201, 207, 208, 228, 230, 330, 373, 374
 «Меж тем, как генерал Орлов...» см. (В. Л. Давыдову)
 «Менко Вуич грамоту пишет...» 309
 Метель 37, 72, 118, 148, 149, 179, 181, 223, 226, 239, 260, 297, 314
 Мечтатель («По небу крадется луна...») 332
 Мечтателю («Ты в страсти горестной находишь наслажденье...») 234
 «Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...» см. Рассудок и любовь
- «Мне бой знаком — люблю я звук мечей...» 221, 390
 Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной 60, 97, 122, 175, 189, 222, 228, 235, 303, 313, 324, 338, 344, 357, 358, 373
 Мое завещание. Друзьям 10
 Моему Аристарху 10—12, 120, 234
 Мои замечания об русском театре 112, 172, 209, 290
 Мои мысли о Шаховском см. (Из лицейского дневника)
 «Мой друг, уже три дня...» 87
 Монах 80, 85, 151, 345
 Моцарт и Сальери 65, 66, 73, 88, 102, 127, 143, 217, 224, 333, 334
 Моя родословная 52, 62, 209
 (Мстислав) 326
 Муза 285
 «Мы добрых граждан позабавим...» 158
 «Мы проводили вечер на даче...» 26, 27, 60, 65, 100, 143, 300, 320, 329
- На Аракчеева («В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...») 25, 176, 218
 (На Булгарина) («Не то беда, что ты поляк...») 207
 На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году 227
 (На Воронцова) («Полу-милорд, полу-купец...») 207
 На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому 237, 277
 «На Испанию родную...» 159, 303, 304
 (На Каченовского) («Бессмертной рукой раздавленный Зоил...») 86, 329
 (На Колосову) («Все пленяет нас в Эсфири...») 290
 На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...») 109
 На статую играющего в бабки 26
 На статую играющего в свайку 26
 (На Стурдзу) («Холоп венчанного солдата...») 176, 218
 «На углу маленькой площади...» 171
 «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 214, 299
 (Наброски к замыслу о Фаусте) 100, 167, 222
 (Наброски предисловия к «Борису Годунову») 15, 52, 212, 290, 347, 378
 «Навис покров утрюмой ночи...» см. Воспоминания в Царском Селе («Навис покров утрюмой ночи...»)
 «Над лесистыми берегами...» см. Цыганы («Над лесистыми берегами...»)
 Наполеон 196, 252, 259
 «Напрасно я бегу к сионским высотам...» 129, 387
 «Напрасно, пламенный поэт...» см. Ответ Катенину

- «Насилу выехать решились из Моск-
вы...» 353
- Начало I песни «Девственницы» 371
(Начало автобиографии) 217
(Начало статьи о В. Гюго) 51, 62, 84,
86, 108, 121, 172, 181, 183, 211, 212,
294, 313, 344, 356
- «Не видала ль, девица...» 308
- «Не дай мне бог сойти с ума...» 20, 175,
327
- «Не дорого ценю я громкие права...»
см. Из Пиндемонти
- «Не пленяйся бранной славой...» см. Из
Гафиза
- «Не притворяйся, милый друг...» см.
Прячителю
- «Не смотря на великие преимущест-
ва...» см. Отрывок
- «Не то беда, что ты поляк...» см. (На
Булгарина)
- «Не хочешь ли узнать, моя драгая...»
см. Сравнение
- «Невод рыбак расстилал по берегу студе-
ного моря...» см. Отрок
- «Недавно, обольщен прелестным снови-
дением...» см. Сновидение
- «Нельзя, мой толстый Аристип...» см.
Давыдову
- Нереида 26, 265, 385
- Несколько слов о мизинце г. Булгарина
и о прочем 180, 339
- «Нет ветра — синяя волна...» см. (Из
Байрона)
- «Нет, я не дорожу мятежным насла-
ждением...» 305, 323
- «Ночной зефир...» 150
- «Ночь светла, в небесном поле...» см.
«[В голубом] небесном поле...»
- «Ну, послушайте, дети: жил-был в ста-
рые годы...» 95, 222
- «О бедность! затвердил я наконец...»
174
- «О боги мирные полей, дубрав и гор...»
385
- О вечном мире 296
- О г-же де Сталь и о г. А. М-ве 319, 343
- «О Делия драгая...» см. К Делии
(О драмах Байрона) 8, 44, 49, 101, 108, 220
(О журнальной критике) 242
(О записках Видока) 344
(О записках Самсона) 122, 157, 201,
296, 344, 386
(О критике) 219
(О Мильтоне и Шатобриановом перево-
де «Потерянного рая») 22, 34, 84,
108, 121, 122, 126, 130, 203—205,
225, 304, 313, 316, 344, 373, 374, 377,
393
- «О муза пламенной сатиры...» 394
- (О народной драме и драме «Марфа Пос-
адница») 15, 36, 67, 101, 103, 116,
159, 172, 173, 189, 209, 219, 290, 291,
347, 375, 377—379, 393
- О народном воспитании 26, 27, 33, 92,
319, 329, 330, 376
- (О народности в литературе) 15, 74,
159, 212, 291, 377, 392
- О ничтожестве литературы русской 18,
33, 34, 36, 65, 69, 70, 74, 80, 85, 87,
114, 116, 126, 132, 138, 141, 143, 154,
160, 162, 173, 186, 195, 197, 198,
202—204, 210—212, 222, 234, 235,
288, 290, 292, 294, 296, 310, 317, 319,
323, 326, 336, 338, 339, 340, 344, 348,
350, 351, 354, 369, 370
- (О новейших блюстителях нравственно-
сти) 21, 64, 163
- О новейших романах 51, 84, 122, 142,
324, 344, 357
- (О переводе романа Б. Констан
«Адольф») 50, 170, 171, 344
- О поэзии классической и романтической
16, 33, 36, 69, 78, 86, 113, 126, 127,
153, 159, 186, 191, 198, 203, 211, 218,
219, 242, 288, 317, 318, 326, 344, 347,
349, 350, 356, 394
- (О поэтическом слоге) 18, 20, 72, 90, 94,
169, 302
- О предисловии г-на Лемонте к переводу
басен И. А. Крылова 9, 173, 185, 188,
195, 204, 242, 274, 290, 343, 351
- (О прозе) 85, 218, 340
- О романах Вальтера Скотта 16, 101, 190,
312
- (О «Ромео и Джульете» Шекспира)
154, 380, 381
- (О стихотворении «Демон») 220
(О трагедии) 220
(О трагедии Олина «Корсер») 8, 44, 45,
49, 113, 176
- (О французской революции) 88, 212,
348
- О французской словесности 116, 195,
218, 234, 294, 344, 347, 349
- (Об альманахе «Северная лира») 127,
239—241
- (Об Альфреде Мюссе) 50, 113, 122, 183,
210, 215, 305, 344, 351, 356
(Об Андре Шенье) 344, 386, 387
- Об «Истории Пугачевского бунта» (раз-
бор статьи, напечатанной в «Сыне
Отечества» в январе 1835 г.) 50
- Об обязанностях человека. Сочинение
Сильвио Пеллико 155, 236, 338
- Обвал 20, 174
- [Обозрение обозрений] 105, 131, 372
- Ода его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову
50
- Ода на Свободу (Ода свободе) см. Воль-
ность. Ода
- Ода LVI (Из Анакреона) («Поредели,
побелели...») 11, 26
- Ода LVII (Из Анакреона) («Что же сухо
в чаше дно?...») 11
- «Одни стихи ему читала...» 142, 143
- «Он вышней волею небес...» см.
(К портрету Чедаява)
- «Он между нами жил...» 207, 317

- «Она меня зовет: поеду или нет?...» см. (Перевод из К. Бонжура)
- Опровержение на критике 9, 21, 34, 43—46, 48, 50, 52, 64, 66, 78, 81, 113, 144, 163, 181, 186, 210, 216, 227, 313, 317, 369, 372, 392
- Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений 52, 66, 109, 139, 181, 210, 303, 353, 370, 372
- Опытность 10
- «Опять я ваш, о юные друзья...» см. Элегия («Опять я ваш, о юные друзья...»)
- «Освобождение Европы придет из России...» см. «La libération de l'Europe...»
- Оскар 232, 233
- Осеннее утро («Поднялся шум; свирелью полевой...») 187
- Осень (Отрывок) 222, 305, 327, 375
- «Оставь, о Лезбия, лампаду...» 164
- «От западных морей до самых врат восточных...» 395
- «От меня вечер Леила...» 26
- Ответ Катенину («Напрасно, пламенный поэт...») 328
- Отрок («Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря...») 389, 391
- «Отрок милый, отрок нежный...» см. Подражание арабскому
- Отрывки из писем, мысли и замечания 23, 69, 184, 185, 212, 236, 313, 323
- Отрывок («Не смотря на великие преимущества...») 52, 183
- Отрывок из литературных летописей 27, 79, 281, 366
- Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год) см. Рославлев
- «Отцы пустынники и жены непорочны...» 386
- Паж или пятнадцатый год 65, 66, 216, 356
- Памятник см. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»
- ⟨Папесса Иоанна⟩ 100, 156, 169
- Певец («Слыхали ли вы за рошей глас ночной...») 259
- ⟨Перевод из К. Бонжура⟩ («Она меня зовет: поеду или нет?...») 66
- Песни западных славян 199, 200, 207, 226, 288, 306—310, 312, 357, 367
- Песнь о вешем Олеге 221, 277, 389
- ⟨«Песнь о полку Игореве»⟩ 108, 131, 195, 309, 336, 364
- Песня о Георгии Черном 309, 310
- Пиковая дама 59—61, 94, 117—119, 122, 123, 126, 142, 143, 157, 158, 198, 200, 217, 222, 266, 316, 321, 322, 392
- Пир во время чумы 21, 83, 84, 131, 194
- Пир Петра Первого 277
- Пирующие студенты 217, 329
- ⟨Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду»⟩ 210, 339
- ⟨Письмо к издателю «Московского вестника»⟩ 10, 15, 33, 35, 37, 74, 128, 144, 173, 183, 186, 291, 310, 336, 342, 379
- Письмо к Лиде 234
- ⟨План истории русской литературы⟩ 160
- Платонизм 234
- Повести Белкина 72, 98, 103, 117, 119, 123, 148, 149, 156, 248, 293, 297, 314, 349, 353
- ⟨Повесть из римской жизни⟩ 11, 26, 112—114, 241, 329
- «Погасло дневное светило...» 41—43, 52, 58, 285
- «Поднялся шум; свирелью полевой...» см. Осеннее утро
- Подражание Анакреону см. «Кобылица молодая...»
- Подражание арабскому («Отрок милый, отрок нежный...») 299
- Подражание итальянскому («Как с древа сорвался предатель ученик...») 154, 155
- Подражания древним 25—26, 30, 301, 385, 387
- Подражания Корану 103
- «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...» 50, 327, 386, 387
- «Пока не требует поэта...» см. Поэту
- «Покров, упитанный язвительною кровью...» см. Из А. Шенье
- Полтава 16, 17, 21, 40, 44, 50, 58, 127, 206, 221, 227, 248, 251, 253, 259, 273, 275, 277, 280, 283, 285, 286, 330, 380
- «Полу-милорд, полу-купец...» см. ⟨На Воронцова⟩
- «Пора, мой друг, пора! [покою] сердце просит...» 335
- «Поредели, побелели...» см. Ода LVI (Из Анакреона)
- Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг, он...») 50, 186, 382
- ⟨Послание к «Зеленой лампе»⟩ см. ⟨Из письма к Я. Н. Толстому⟩
- Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» 237
- Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой...») 112, 120, 346
- Послание к Л. Пушкину 85
- Послание к Юдину 12, 81, 112, 120, 185
- Послание Лиде («Тебе, наперсница Венеры...») 10, 24, 294, 362
- Послание цензору 171
- Последний из свойственников Иоанны д'Арк 88, 142, 303
- «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» 94
- «Послушай, муз невинных...» см. К Дельвигу («Послушай, муз невинных...»)
- «Пошли мне долгу жизнь...» см. «От западных морей до самых врат восточных...»

- Поэт («Пока не требует поэта...») 83, 89, 169, 305
- Поэт и толпа 79, 102
- Поэту («Поэт! не дорожи любовью народною...») 90, 102, 154, 189, 305
- «Пред испанкой благородной...» 150
- «Пред рыцарем блещит водами...» см. «Из Ариостова «Orlando Furioso»
- «Предисловие к запискам Н. А. Дуровой» 228
- «Приветствую тебя, пустынный уголок...» см. «Деревня»
- Приметы («Старайся наблюдать различные приметы...») 385
- Приметы («Я ехал к вам: живые сны...») 100, 277
- «Прими сей череп, Дельвиг, он...» см. Послание Дельвигу
- «Примите новую тетрадь...» 242
- «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» 186, 239
- Прителю («Не притворяйся, милый друг...») 238
- Прозерпина 25, 26, 110, 234
- Пророк 200, 259, 260, 263, 286
- «Простишь ли мне ревнивые мечты...» 172, 202, 203
- Прощание с Царским Селом см. Воспоминания в Царском Селе («Навис покров угрюмой ночи...»)
- Птичка 268, 271
- «Пуškai поэт с кадьницей наемной...» см. Сон
- «Пуškai угрюмый рифмотор...» см. К Галичу
- Путевые записки 1829 г. см. Путешествие в Арзрум
- Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года 50, 107, 112, 210, 214, 223, 244, 245, 276, 305, 337, 373, 374 (см. также Военная грузинская дорога)
- Путешествие В. Л. П. 50, 102, 112, 120, 164, 394
- «Путешествие из Москвы в Петербург» 20, 21, 78, 79, 87, 100, 108, 114, 142, 171, 177, 180, 198, 203, 204, 223, 242, 293, 301, 304, 319, 326, 356
- «Путешествие к св. местам» А. Н. Муравьева 108, 373
- «Пью за здравие Мери...» см. Из Ваггу Cornwall
- Разговор книгопродавца с поэтом 48, 100, 104, 227, 366
- «Раззевавшись от обеды...» 143
- «Г. Раич счел за нужное...» 241
- Рассудок и любовь («Младой Дафнис, гоняясь за Доридой...») 187
- «Расходились по поганскому граду...» 308, 310
- «Редет облаков летучая гряда...» 26, 385
- Рефутация г-на Беранжера 62, 63
- «Рифма, звучная подруга...» 97, 108, 305
- Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней...») 26
- Родриг («Чудный сон мне бог послал...») 150, 151, 303, 304
- Роза 96, 97, 235, 262
- «Роман в письмах» 19, 70, 143, 171, 175, 180, 182, 183, 292, 293, 313, 322
- «Роман на Кавказских водах» 70, 71, 189, 314, 315
- Романс 99, 389
- «Роняет лес багряный свой убор...» см. 19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)
- Рославлев 177, 219, 297, 316, 319, 320, 352, 372
- Руссийская академия 82
- «Румяный критик мой, насмешник толстопозый...» 21
- Русалка (баллада) 99, 253, 265, 277
- «Русалка» (драма) 367, 368
- Руслан и Людмила 14, 15, 31, 34, 35, 47, 48, 77—79, 81, 82, 85, 86, 88, 92, 93, 106, 110, 152, 162, 186, 189, 216, 218, 221, 232—235, 247, 248, 250, 252, 254—257, 259, 267—272, 274, 275, 279—286, 323, 326, 342, 362, 365, 369, 374
- «Русский Пелам» 71, 189, 210, 223, 376
- Русскому Геснеру 98, 218
- «С Гомером долго ты беседовал один...» см. «Гнедичу»
- С португальского («Там звезда зари взошла...») 111
- Сафо («Счастливыи юноша, ты всем меня пленил...») 301
- Свобода см. Вольность. Ода
- «Свободы сеятель пустынный...» 218, 266, 297
- «Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил...» см. «К портрету Дельвига»
- «Сегодня, добрые мужья...» см. Амур и Гименей (Сказка)
- Сестра и братья 308
- «Сия пустынная страна...» см. Баратынскому. Из Бессарабии
- «Скажи, какой судьбой друг другу мы попались...» 352
- Сказка о золотом петушке 148—150, 167
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 221, 368
- Сказка о попе и о работнике его Балде 221
- Сказка о рыбаке и рыбке 167, 221, 309
- Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 89, 118, 221, 224, 369
- Скупой рыцарь 60, 113, 128, 153, 169, 173, 175, 210, 211, 215, 313, 315, 366, 381, 383, 384

- «Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров...» см. (Из Афедея)
- «Слыхали ль вы за рошей глас ночной...» см. Певец
- «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...» см. На перевод Илиады
- Сновидение («Недавно, оболщен прелестным сновиденьем...») 86
- Совет 295
- Сожженное письмо 182, 198
- Соловей («Соловей мой, соловейка...») 308
- Соловей и кукушка 218, 220, 295
- Сон («Пускай поэт с кадилницей наемной...») 81, 187, 227, 355
- Сонет («Суровый Дант не презирал сонета...») 90, 91, 127, 154, 162, 207, 239, 305, 382
- Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина) 49, 72, 98, 127, 181, 222, 340
- Сравнение («Не хочешь ли узнать, моя драгая...») 70
- Сраженный рыцарь 221
- «Средь темной рощицы, под тенью лип душистых...» см. Леда
- Стансы («В надежде славы и добра...») 330
- Стансы (Из Вольтера) («Ты мне велишь пылать душою...») 86
- Стансы Толстому («Философ ранний, ты бежишь...») 42, 112
- Станционный смотритель 21, 60, 198, 221, 223, 321, 390
- Старик 198
- «Стих каждый в повести твоей...» см. К Баратынскому
- Стихи в альбом см. «Если жизнь тебя обманет...»
- Стихи, сочиненные во время путешествия (1829) 59
- Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы 103
- (Стихотворения Евгения Баратынского) 1827 г. 101
- «Сто лет минуло, как тевтон...» 206, 208, 222
- «Стою печален на кладбище...» 119
- Странник 61, 62, 104, 129, 304
- «Супругою твоей я так пленился...» см. Эпиграмма (Подражание французскому)
- «Суровый Дант не презирал сонета...» см. Сонет
- Сцена из Фауста 77, 99, 100, 104, 160, 215, 220
- Сцены из рыцарских времен 199, 200, 223, 390
- «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...» см. К*** («Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный...»)
- «Счастлив, кто в страсти сам себе...» см. Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...»)
- «Счастливый юноша, ты всем меня пленил...» см. Сафо
- Таврида 100, 130
- (Тазит) 313, 316, 373, 374
- Талисман 253, 257, 277
- «Там звезда зари возшла...» см. С португальского
- Твой и мой («Бог весть, за что философы, пииты...») 185, 236, 295
- «Тебе певцу, тебе герою...» см. Д. В. Давыдову
- «Тебе, наперсница Венеры...» см. Послание Лиде
- Телега жизни 100, 259, 340
- Тень Фон-Визина 10, 77, 166, 218, 233, 242
- «Тогда я демонов увидел черный рой...» 128
- «Тому [одно, одно] мгновенье...» 174, 175
- Торжество Вакха 164, 227, 234
- Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов 23, 329, 363
- «Три повести» Н. Павлова) 60
- Труд 164
- «Ты богат, я очень беден...» см. Ты и я
- «Ты богоматерь, нет сомненья...» см. К** («Ты богоматерь, нет сомненья...»)
- «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...» 277, 385
- Ты и вы («Пустое вы сердечным ты...») 260
- Ты и я («Ты богат, я очень беден...») 86
- «Ты ль предо мною...» см. Делия
- «Ты мне велишь пылать душою...» см. Стансы (Из Вольтера)
- «Ты хочешь, друг бесценный...» см. К сестре
- «Увы! Зачем она блистает...» 268
- «Угрюмых тройка есть певцов...» 65, 86
- Уединение («Блажен, кто в отдаленной сени...») 37
- «Узнают коней ретивых...» см. (Из Анакреона). Отрывок
- «Усердно помолвишься Богу...» см. (19 октября 1828)
- Утопленник 21, 277, 366
- «Участь моя решена. Я женюсь...» 50, 51, 178, 223, 312
- Е. Н. Ушаковой («Вы избалованы природой...») 326
- (Фазиль-Хану) («Благословен твой подвиг новый...») 337, 338, 360
- «Фатам, или Разум человеческий» 85
- Фиал Анакреона 10
- Философ (уничтоженная комедия) 85

- «Философ ранний, ты бежишь...» см. Стансы Толстому
 «Философ резвый и пиит...» см. К Батюшкову
 Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Телякова, 1836 26, 51, 121, 227, 229
 Французская академия 37, 62, 82, 197, 316, 392
- «Холоп венчанного солдата...» см. ⟨На Стурдзу⟩
 «Христос воскрес, питомец Феба!...» см. ⟨Из письма к В. Л. Пушкину⟩
- «Царей потомок Меценат...» 113, 114
 Царь Никита и сорок его дочерей 91, 120, 132, 177
 «Царь увидел пред собой...» 148, 149
 Цветок 202
 «Ценитель умственных творений исполненных...» см. ⟨Кн. Козловскому⟩
 Цыганы («Над лесистыми брегами...») 68, 90, 91
 Цыганы (поэма) 45, 46, 52, 53, 57, 99, 126, 153, 200, 215, 229, 248, 253, 258, 260, 265, 269, 272—276, 279, 281, 282, 286, 296, 297, 311, 372
- Чедаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 26, 228
 Чедаеву («К чему холодные сомненья?...») 26, 100, 140
 Черкесская песня см. Кавказский пленник
 Черная шаль 253, 256, 259, 260, 265, 273, 277, 317
 «Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают...» см. Из Ксенофана Колофонского
 «Что белеется на горе зеленой...» 308
 «Что в имени тебе моем...» 50
 «Что же сухо в чаше дно?...» см. Ода LVII (Из Анакреона)
 «Что можем наскоро стихами молвить ей...» см. К А. Б*** («Что можем наскоро стихами молвить ей...»)
 «Чудный сон мне Бог послал...» см. Родриг
- Шишкову («Шалун, увенчанный Эратом и Венерой...») 331, 332
 «Штабс-капитану, Гете, Грею...» см. ⟨Записка к Жуковскому⟩
 «Шумит кустарник... На утес...» 16, 313
- Эвлега 232, 233
 Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») 281, 386, 387
 Элегия («Опять я ваш, о юные друзья...») 221, 234
- Элегия («Счастлив, кто в страсти сам себе...») 332
 Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села...») 234
 Эпиграмма (Из Антологии) («Лук звенит, стрела трепещет...») 26
 Эпиграмма («Мальчишка Фебу гимн поднес...») 113, 116
 Эпиграмма (Подражание французскому) («Супругою твоей я так пленился...») 294
 Эхо 20, 174, 260
 «Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеняея...» см. Рифма
- «Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу...» 27
 Юноша. Сафо см. Сафо («Счастливым юноша, ты всем меня пленил...»)
 Юрий Милославский, или Русские в 1612 году 21, 84, 101, 178, 196, 303, 304, 312, 319
 Юрьеву («Любимец ветреных Лаис...») 42
 ⟨Юрьеву⟩ («Здорово, Юрьев, имянинник...») 41
- «Я вас любил: любовь еще, быть может...» 305, 306
 «Я верю: я любим; для сердца нужно верить...» см. Дориде
 «Я видел смерть; она в молчаньи села...» см. Элегия («Я видел смерть; она в молчаньи села...»)
 «Я возмужал [среди] печальных бурь...» 184
 «Я думал, сердце позабыло...» 305
 «Я здесь, Инезилья...» 150, 174
 «Я не люблю твоей Кори(ны)...» 318
 «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» 30, 104, 115, 187, 243, 285, 300, 395, 397
 «Я пережил свои желанья...» 259, 266
 «Я помню чудное мгновенье...» см. К*** ⟨Керн⟩ («Я помню чудное мгновенье...»)
 Яныш королевич 309, 367, 368
- «Avez-vous vu la tendre rose...» см. Stances
 «Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur...» 209
 «L'Homme du monde...» (план) см. ⟨Гости съезжались на дачу...⟩
 «La libération de l'Europe...» 95
 Stances («Avez-vous vu la tendre rose...») 294
 Table-talk 49, 102, 169, 170, 194, 210, 220, 330, 380, 381
 «Tien et mien, — dit Lafontaine...» 185
 To Dawe, Esq' («Зачем твой дивный карандаш...») 17
 Vie, poésie et pensées de Joseph Delorme 69, 343, 344, 347, 352, 386

Рукою Пушкина

- Выписки из каталога библиотеки *Вольтера* 89
- Выписка из «Божественной комедии» *Данте* («Ад») «Ed ella a me...» 125
- Выписка из сочинения *А. Мандзони* «Замечания о католической морали» 196
- Выписка из «Revue encyclopédique» 1821 г. 267
- Выписки из «Новой Элоизы» *Ж.-Ж. Руссо* 297
- Заглавие «Драматические Сцены» на обложке от рукописи (рукописей) с драматическими произведениями 1830 г. 174
- Запись о смерти *Байрона* 49
- Запись даты «12 мая 1835» на обороте портрета *Байрона* 51
- Запись стихотворения *К. Н. Батюшкова* «Элегия» («Есть наслаждение и в дикости лесов...») 43
- Запись отрывка из перевода *И. И. Дмитриева* из комедии Мольера «Ученые женщины» 210
- Запись в альбоме Анны Н. Вульф стиха из эпиграммы *Кольриджа* «Жалоба» (How seldom, friend...) 169
- Запись цитаты из элегии *Мильвуа* «Падение листьев» 202
- Запись элегии *Мильвуа* «Беспокойство» 202
- Запись трех стихотворений *Мицкевича* 207, 244
- Запись заглавия и начальных стихов «Одиссеи» 110
- Запись переводов двух од *Сапфо* 301
- Запись шотландской поговорки из романа *В. Скотта* «Вудсток» 312
- Запись фрагмента из «Roman du Renart» 349
- Запись «14 Juillet 1826...» 111
- Копия «Abrégé chronologique des événements les plus remarquables du règne de Pierre I» 89
- Перевод из поэмы *Байрона* «Гяур» 13, 42
- Перевод посвящения «Ианте» к поэме *Байрона* «Паломничество Чайльд-Гарольда» 51
- Перевод начала поэмы *Вордсворта* «Прогулка» 90
- Перевод из поэмы *Барри Корнуолла* «Марциан Колонна» 174
- Запись в альбом А. М. Горчакова (перевод стихотворения *Прадона*) 245
- Перевод отрывка из новеллы *Сервантеса* «Цыганочка» 150, 311
- Черновик письма, составленного для *Е. Д. Шишковой* 102

Рисунки и портреты

- Адские рисунки 162
- Конь памятника «Медный всадник» 127, 128
- Могила *А. Лаптева* (шуточный рис.) 202
- Перерисовки иллюстраций и виньеток из французских книг 358
- Портреты:
- Автопортрет в виде скульптурного бюста, в лавровом венке 10, 128
 - Байрон* Д. Г. 51, 59
 - Гримм*, братья 221
 - Данте* 128
 - Занд* К. 176
 - Мицкевич* А. 207, 208
 - Руссо* Ж.-Ж. 297
 - Тассо* Т. 328
 - Шиллер* Ф. 389, 391
- Статуя *Вольтера* работы *Ж.-А. Гудона* 89

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Энциклопедические статьи	7
Условные сокращения	397
I. Печатные источники	397
II. Сокращения слов	403
III. Сокращения названий учреждений	404
Указатели	405
Указатель имен	405
Указатель предметных статей	433
Указатель произведений А. С. Пушкина	434

Научное издание

ПУШКИН. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Том XVIII—XIX

Пушкин и мировая литература

Материалы к «Пушкинской энциклопедии»

Утверждено к печати

*Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Редактор издательства *А. И. Строева*

Технический редактор *Е. И. Егорова*

Корректоры *Ю. Б. Григорьева, Л. Д. Колосова,*

И. А. Тимофеева и Е. В. Шестакова

Компьютерная верстка *И. Ю. Илюхиной*

Лицензия ИД № 02980 от 6 октября 2000 г. Сдано в набор 10.03.04.
Подписано к печати 1.09.04. Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39.2. Уч.-изд. л. 44.3.
Тираж 800 экз. Тип. зак. № 3360. С 198

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-026977-8

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
(код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52,
232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
142292 Пушино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85